

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

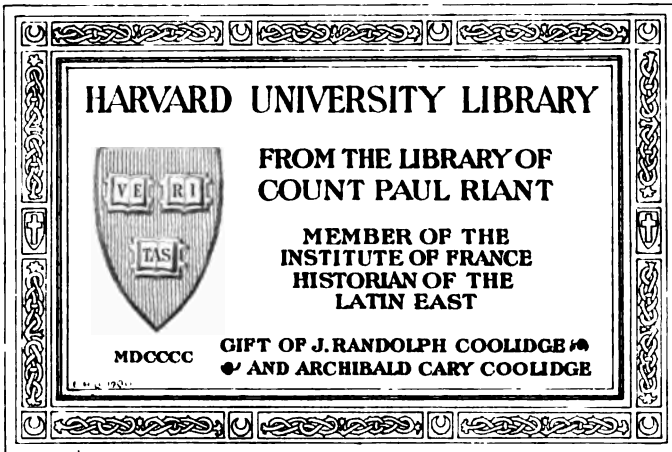
We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Slav 728.1.9

26 Feb., 1900.

ИСТОРИЯ РОССИИ
СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ

СОЧИНЕНІЕ

СЕРГѢЯ СОЛОВЬЕВА.

—
ТОМЪ ПЯТЫЙ.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

—
МОСКВА.

1858.

ИСТОРІЯ РОССІИ.

ИСТОРИЯ РОССИИ

В ДРЕВНИЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

СОЧИНЕНІЕ

СЕРГѢЯ СОЛОВЬЕВА.

ТОМЪ ПЯТЫЙ.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ КАТРОВА И К^о.

1858.

Slav 728.1.9

Harvard College Library
Rang Collection
Gift of J. Randolph Coolidge
and Archibald Cary Coolidge
Feb. 26, 1900.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ
узаконенное число экземпляровъ. Москва, Ноября 26-го, 1857 года.

Ценсоръ *И. Безсомыкинъ.*

I.

КНЯЖЕНІЕ ІОАННА ІІІ ВАСИЛЪЕВИЧА.

ГЛАВА I.

НОВГОРОДЪ ВЛИКІЙ.

Иногда видимъ мы, какъ цѣлыя поколѣнія, въ продолженіе многихъ и многихъ лѣтъ, тяжелыми трудами накаплиють большія богатства: сынъ прибавляетъ къ тому, что было накоплено отцемъ, внукъ увеличиваетъ собранное отцемъ и дѣдомъ; тихо, медленно, незамѣтно дѣйствуютъ они, подвергаются лишеніямъ, живутъ бѣдно; и вотъ наконецъ накопленныя средства достигаютъ обширныхъ размѣровъ, и вотъ наконецъ счастливый наследникъ трудолюбивыхъ и бережливыхъ предковъ начинаетъ пользоваться доставшимся ему богатствомъ. Онъ не расточаетъ его, напротивъ увеличиваетъ; но при этомъ способъ его дѣйствія, по самой обширности средствъ, отличается уже большими размѣрами, становится громокъ, видѣнъ, обращаетъ на себя всеобщее вниманіе, ибо имѣетъ вліяніе на судьбу, на благосостояніе многихъ. Честь и слава человѣку, который такъ благоразумно умѣлъ воспользоваться доставшимся ему средствами; но при этомъ должны ли быть забыты скромные предки, которые своими трудами, бережливостію, лишеніями, доставили ему эти средства?

Счастливый потомокъ цѣлаго ряда умныхъ, трудолюбивыхъ,

бережливыхъ предковъ, Іоаннъ III вступилъ на Московскій престолъ, когда дѣло собиранія сѣверовосточной Руси могло почитаться уже оконченнымъ; старое зданіе было совершенно расшатано въ своихъ основаніяхъ, и нужень былъ послѣдній, уже легкій ударъ, чтобъ дорунуть его. Отношенія всѣхъ частей пародонаселенія ко власти княжеской издавна уже опредѣлялись въ пользу послѣдней: надлежало только воспользоваться обстоятельствами, воспользоваться преданіями, доставшимися въ наслѣдство отъ Византійской Имперіи, чтобъ выказать яснѣе эти отношенія, дать имъ точнѣйшее опредѣленіе. Новгородъ, Тверь, удѣлы княжества Московскаго ждали не послѣдняго удара, но, можно сказать, только перваго движенія со стороны Москвы, чтобъ присоединиться, приравняться къ ней. Орда падала сама собою отъ раздѣленія, усобиць, и стоило только воспользоваться этимъ раздѣленіемъ и усобицами, чтобъ такъ называемое Татарское иго исчезло безъ большихъ усилій со стороны Москвы. На западѣ король Польскій и великій князь Литовскій заняты внутри раздѣленіемъ между Польшею и Литвою, раздѣленіемъ, господствующимъ подъ видомъ соединенія; сильно заняты извнѣ отношеніями къ Пруссіи, Богеміи, Венгріи, не можетъ мѣшать Москвѣ въ ея усиленіи, не можетъ бороться съ нею и уступаетъ ей цѣлыя области. Спокойный, единовластный внутри, Московскій князь пользуется своими средствами, пользуется собраніемъ сѣверовосточной Руси, совершеннымъ его предками, пользуется счастливыми внѣшними обстоятельствами, затруднительнымъ положеніемъ сосѣдей, чтобъ начать наступательное движеніе на востокъ, на племена Финскія, на царства Татарскія, относительно же югозапада припоминаетъ, что Кіевъ, Смоленскъ, Витебскъ и Полоцкъ издавна его предковъ отчины. Съ прекращеніемъ внутренняго движенія для собранія земли, съ утвержденіемъ единовластія и съ началомъ внѣшнихъ движеній, замкнутость, отчужденность сѣверовосточной Руси необходимо начинаетъ прекращаться: державы западной Европы узнаютъ, что на сѣверовостокѣ существуетъ обширное, самостоятельное Русское государство, кромѣ той

Руси, которая подчинена Польскимъ королямъ, и начинаютъ отправлять въ Москву пословъ, чтобъ ознакомиться съ новымъ государствомъ и попытаться, нельзя ли употребить его средства для общихъ Европейскихъ цѣлей. Первымъ необходимымъ слѣдствіемъ начавшихся сношеній съ западными государствами было появленіе западныхъ художниковъ въ Москвѣ, которая такимъ образомъ начинаетъ пользоваться плодами Европейской цивилизаціи. Понятно, что все это были только начатки, начатки слабые: сношенія съ западными державами не шли далѣе Италіи, Даніи, Германской Имперіи; сношенія съ послѣднею скоро должны были прекратиться по недостатку общихъ интересовъ; какъ и прежде — Татарскія Орды на востокъ и югъ, Литва и Швеція на западъ ограничивали политическій горизонтъ Московскаго государства.

Таковы были слѣдствія собранія Русской земли около Москвы, слѣдствія необходимо обнаружившіяся во второй половинѣ XV вѣка, въ княженіе Іоанна III, который, пользуясь полученными отъ предковъ средствами, пользуясь счастливымъ положеніемъ своимъ относительно сосѣднихъ государствъ, доканчиваетъ старое и вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо начинаетъ новое. Это новое не есть слѣдствіе его одной дѣятельности; но Іоанну III-му принадлежитъ почетное мѣсто среди собирателей Русской земли, среди образователей Московскаго государства; Іоанну III-му принадлежитъ честь за то, что онъ умѣлъ пользоваться своими средствами и счастливыми обстоятельствами, въ которыхъ находился во все продолженіе жизни. При пользованіи своими средствами и своимъ положеніемъ Іоаннъ явился истымъ потомкомъ Всеволода III и Калиты, истымъ княземъ сѣверной Руси: расчетливость, медленность, осторожность, сильное отвращеніе отъ мѣръ рѣшительныхъ, которыми было можно много выиграть, но и много потерять, и при этомъ стойкость въ доведеніи до конца разъ начатаго, хладнокровіе — вотъ отличительныя черты дѣятельности Іоанна III. — Благодаря извѣстіямъ Венеціанца Контарини, мы можемъ имѣть нѣкоторое понятіе и о физическихъ свойствахъ Іоанна: онъ былъ высокій,

худощавый, красивый мужчина; изъ прозвища Горбатый, которое встрѣчается въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ, должно заключать, что онъ, при высокому росту, былъ сутуловатъ.

Мы видѣли, что только увѣщаніе Новгородскаго архіепископа Іоны, пользовавшагося особеннымъ уваженіемъ въ Москвѣ, и послѣдовавшая вскорѣ смерть великаго князя отвратили отъ Новгорода послѣдній ударъ, который хотѣлъ нанести ему Василій Темный, жаловавшійся, что Новгородцы не чтутъ его, какъ слѣдуетъ. Дѣйствительно, особый бытъ Новгорода давно уже поддерживался только усобицами княжескими, и необходимыми слѣдствіемъ ихъ прекращенія было приравненіе Новгорода къ другимъ городамъ сѣверной Руси, полное подчиненіе его князьямъ Московскимъ; Василій Темный, какъ скоро избавился отъ опасныхъ или безпокойныхъ князей, такъ началъ тяготиться, что Новгородъ не воздастъ ему достойной чести, ему, который держитъ въ рукахъ всѣхъ князей: понятно, что если самъ Василій не успѣлъ освободить себя отъ такихъ неприятныхъ для него отношеній, то сынъ его долженъ былъ объ этомъ позаботиться. Новгородцы не могли не понимать всей опасности своего положенія, не могли не видѣть, что противъ сына Василіева не будетъ имъ помощи ни отъ кого изъ князей сѣверной Руси, и потому должны были искать помощи въ другой сторонѣ. Кромѣ великаго князя Московскаго, теперъ сильнаго, спокойнаго, замышлявшаго нанести послѣдній ударъ Новгороду, былъ еще великій князь Литовскій, который назывался также и Русскимъ; къ этому князю отъѣзжали изъ сѣверовосточной Руси всѣ князья недовольные, лишенные отчинъ, угрожаемые княземъ Московскимъ; къ нему обратились и Новгородцы въ послѣдній, рѣшительный часъ. Но великій князь Литовскій и вмѣстѣ король Польскій былъ католикъ; отложиться отъ Московскаго князя и поддаться Литовскому, отложиться отъ Мо-

сковскаго митрополита и признать свою зависимость отъ митрополита Кіевскаго, митрополита подозрительнаго по своему поставленію, ученика Исидорова, — въ глазахъ многихъ, въ глазахъ большинства въ Новгородѣ, въ глазахъ всего сѣвернаго Рускаго народонаселенія, значило измѣнить православію, приложиться къ латинству, или, по крайней мѣрѣ, подвергнуть древнее благочестіе сильной опасности. Такимъ образомъ мысль о подданствѣ великому князю Литовскому встрѣчала сопротивленіе въ господствующемъ чувствѣ большинства въ Новгородѣ, въ привязанности къ вѣрѣ предковъ; такимъ образомъ Москва, въ окончательной борьбѣ своей съ Новгородомъ, имѣла могущественнаго нравственнаго союзника, общавшаго вѣрную побѣду; этотъ союзникъ былъ — православіе.

Давно уже не разъ великіе князья Литовскіе предлагали свое покровительство Новгороду; ихъ предложенія были отвергаемы; и нельзя не замѣтить, что главнымъ побужденіемъ къ тому было иновѣрство Гедиминовичей, хотя, съ другой стороны, и отъ Москвы не было еще тогда такой опасности, которая бы заставила Новгородцевъ быть внимательнѣе къ предложеніямъ изъ Литвы. Но мысль, что рано или поздно придется просить помощи у Литвы, эта мысль не могла уже быть чуждою въ Новгородѣ, и здѣсь нашлись люди, которые не раздѣляли мнѣнія большинства относительно препятствій къ соединенію съ Литвою. Замѣтно было уже и прежде раздвоеніе между гражданами Новгородскими, между лучшими и меньшими людьми; теперь, въ рѣшительную минуту, это раздѣленіе повело къ разномыслию, относительно самаго важнаго шага, а это разномысліе, въ свою очередь, усиливало вражду между сторонами. Есть извѣстіе, что будто бы еще въ тридцатыхъ годахъ столѣтія была въ Новгородѣ смута отъ желанія знатныхъ людей присоединиться къ Литвѣ¹. Въ рѣшительную минуту борьбы Новгородъ былъ раздѣленъ; въ Москвѣ не могли не знать о существованіи Литовской стороны, которая, разумѣется, должна была утверждать, что соединеніе съ Литвою вовсе не опасно для православія, что въ старомъ Кіевѣ такой же православный

митрополитъ, какъ и въ Москвѣ. Для ослабленія Литовской стороны надобно было возражать на это, надобно было удержать прежде всего Владыку Новгородскаго отъ признанія Кіевскаго митрополита Григорія православнымъ, законнымъ, — и вотъ Іоаннъ III посылаетъ къ владыкѣ Іонѣ съ такими рѣчами: «Тебѣ извѣстно, откуда пришелъ этотъ Григорій и отъ кого поставленъ: пришелъ онъ изъ Рима, отъ папы, и поставленъ въ Римѣ же бывшимъ цареградскимъ патриархомъ Григоріемъ, который повиновался папѣ съ осьмага собора. Ты знаешь также, за сколько лѣтъ отдѣлилась Греческая церковь отъ Латинской, и святыми отцами утверждено, чтобъ не соединяться съ Латинствомъ. Ты долженъ хорошо помнить, какой обѣтъ далъ ты Іонѣ митрополиту, когда прїѣзжалъ къ намъ въ Москву: ты обѣщаль не приступать къ Григорію, не отступать отъ Іоны митрополита всея Руси и отъ его преемниковъ; такой же обѣтъ повторилъ и митрополиту Θεодосію, и нынѣшнему Филиппу... Такъ если тотъ Григорій начнетъ подсылать къ тебѣ или къ Новгородцамъ съ какими-нибудь рѣчами или письмами, то ты, богомолецъ нашъ, поберегись, и своимъ дѣтямъ внуши, чтобъ Григорьеву посланію не вѣрили, рѣчей его не слушали и даровъ не принимали; да помни, отецъ, свой обѣтъ, который ты далъ на своемъ поставленьи отцу нашему Іонѣ митрополиту и всѣмъ его преемникамъ»².

Въ челѣ стороны Литовской стояли Борецкіе, дѣти умершаго посадника Исака Борецкаго. Мы видѣли, какое важное значеніе въ семействахъ княжескихъ получали матери по смерти отцевъ; такъ было и въ семьяхъ частныхъ: вдова Исака Борецкаго, Марѳа, имѣла сильную власть надъ дѣтьми по обычаю и по личному характеру, и посредствомъ этой власти пользовалась могущественнымъ вліяніемъ на дѣла роднаго города. Существованіе сильной стороны, Москвѣ враждебной, ожесточеніе, такъ рѣзко обнаружившееся въ нѣкоторыхъ Новгородцахъ послѣ похода Василя Темнаго, не могли не повести къ враждебнымъ столкновеніямъ Новгорода съ Москвою въ княженіе преемника Василюева: въ Новгородѣ стали утаивать великокняжескія пош-

лины; стали заводить опять за себя земли и воды, уступленныя прежде по суду Москвитъ; съ большаго вѣча шумная толпа людей являлась на великокняжескій дворъ, на Городище, бранила, безчестила намѣстниковъ, посла Іоаннова; по одному изъ условій договора Василіева, Московскіе подданные, тажущіеся съ Новгородцами, судились Новгородскимъ бояриномъ вмѣстѣ съ Московскимъ на Городищѣ; Новгородцы, забывъ объ этомъ условіи, схватили на Городищѣ какихъ-то двухъ князей, за отказомъ, въ имени великаго князя, людей ихъ взяли, били, свели въ городъ и мучили²; наконецъ, Новгородскіе порубежники нападали на волости Московскія. Великій князь во все это время былъ занятъ войною Казанскою; съ другой стороны, по природной осторожности своей, онъ могъ бояться рѣшительными, строгими требованіями усилить, увеличить число приверженцевъ Литовскихъ, и заставить Новгородъ поддаться Казмиру. Нѣсколько разъ отправлялъ онъ въ Новгородъ пословъ съ требованіемъ, чтобъ отчина его исправилась, жила по старинѣ. Теперь это слово: старина въ устахъ великокняжескихъ получала особое значеніе: до сихъ поръ, въ отношеніи къ великимъ князьямъ, Новгородцы имѣли важное преимущество дѣйствовать во имя старины; теперь, замышляя подданство Литовское, они теряли это преимущество, переходившее на сторону великаго князя; сперва Новгородцы не требовали отъ князей ничего болѣе, кромѣ исполненія старинныхъ условій; теперь великій князь требуетъ отъ Новгородцевъ сохраненія старины.

И митрополитъ Московскій держался также старины: мы видѣли, что Псковичи постоянно тяготились зависимостію своею отъ владыки Новгородскаго, который, въ ихъ глазахъ, не исполнялъ своихъ обязанностей въ отношеніи къ нимъ, какъ слѣдуетъ, отъ чего происходили сильныя неурядица въ Псковской церкви. Въ концѣ 1463 года Псковичи отправили къ великому князю гонца съ двумя грамотами: въ одной написана была благодарность отъ всего Пскова за то, что Іоаннъ прислалъ воеводу своего оборонять Псковъ отъ Нѣмцевъ, при чемъ

прибавлено: «хотѣли мы слать къ тебѣ, своему Государю, людей честныхъ, посадниковъ и бояръ, да за тѣмъ не послали, что не пропуститъ Великій Новгородъ». Великій князь съ удивленіемъ сказалъ гонцу: «Какъ это вы побоялись моей отчины, Великаго Новгорода? какъ Новгородцамъ не пропуститъ вашихъ пословъ ко мнѣ, когда они у меня въ крестномъ цѣлованіи?» Другая грамота объясняла дѣло: въ ней Псковичи просили, чтобъ великій князь велѣлъ митрополиту поставить особаго владыку во Псковѣ, ихъ же брата, Псковитина. Іоаннъ отвѣчалъ: «это дѣло великое: хотимъ о немъ съ отцомъ своимъ, митрополитомъ, крѣпко подумать; отецъ нашъ пошлетъ за архіепископами и епископами, и если они всѣ согласятся, то мы вамъ дадимъ знать». Въ началѣ слѣдующаго года Псковичи возобновили просьбу чрезъ знатныхъ пословъ, которые привезли великому князю въ подарокъ 50 рублей; но успѣха не было: Іоаннъ, подумавши съ митрополитомъ, объявилъ, что нельзя быть во Псковѣ особому владыкѣ, потому что съ самаго начала не бывалъ, и нѣтъ стола во Псковѣ. Псковичи принуждены были возвратитъ Новгородскому владыкѣ воды, земли и всѣ оброки, которые было захватили въ надеждѣ, что Москва исполнитъ ихъ желаніе. Въ концѣ 1468 года они попытались было опять ввести новизну въ своемъ церковномъ управленіи, и опять неудачно: всѣ монахи и священники Псковскіе, всѣ пять соборовъ, благословивши посадниковъ и весь Псковъ на вѣчѣ, сказали: «хотимъ, дѣти, между собою, по правиламъ Св. Апостолъ и Св. Отецъ, во всемъ священствѣ крѣпость положить какъ намъ управляться и жить по Номоканону; а вы намъ, дѣти, будьте поборники, потому что здѣсь правителя надъ нами нѣтъ, и намъ самимъ между собою крѣпости удержать нельзя, да и вы иногда вступаетесь миромъ въ церковныя дѣла не по правиламъ: такъ мы хотимъ и на васъ такую же крѣпость положить». Псковъ имъ отвѣчалъ: То вѣдаете вы, все Божіе священство; и мы вамъ поборники на всякій добрый совѣтъ». Тогда всѣ пять соборовъ и все священство написали грамоту изъ Номоканона о своихъ священ-

ническихъ крѣпостяхъ и о церковныхъ дѣлахъ, и положили грамоту въ ларь, а для исполненія грамоты правителями надъ собою на вѣчъ предъ всѣмъ Псковомъ посадили двоихъ священниковъ. Но скоро клеветники встали на одного изъ этихъ правителей, и онъ убѣжалъ въ Новгородъ къ Владыкѣ. Владыка, узнавши о новизнѣ, прїѣхалъ въ началѣ 1469 года во Псковъ и спросилъ: «Кто это такъ сдѣлалъ безъ моего вѣдома? я самъ хочу здѣсь судить, и вы бы грамоту вынули и подрали». Все Божіе священство, посадники и весь Псковъ, подумавши, отвѣчали: «Самъ, господинъ, знаешь, что тебѣ здѣсь не долго быть и нашего дѣла тебѣ скоро нельзя управить, потому что въ это последнее время въ церквахъ между священниками смущеніе сильное, такъ что всего и сказать нельзя, сами они хорошо объ этомъ знаютъ; такъ вотъ грамоту изъ Номоканона выписали и въ ларь положили по вашему же слову; самъ ты, господинъ, и прежніе владыки благословляли пять соборовъ управлять всякими дѣлами священническими по Номоканону, вмѣстѣ съ своимъ намѣстникомъ». Тогда владыка сказалъ: «доложу объ этомъ митрополиту, и дамъ вамъ знать, какъ онъ прикажетъ». Митрополитъ благословилъ, а великій князь приказалъ, чтобъ Псковичи все управленіе священническое положили на архіепископѣ Новгородскомъ, потому что такъ искони предано, — и весь Псковъ митрополичье благословеніе, и Государя своего, великаго князя слово принялъ, вынулъ грамоту изъ ларя и подралъ.

Между тѣмъ въ Москву прїѣхалъ изъ Новгорода посолъ, посадникъ Василій Ананьинъ, правилъ посольство о своихъ дѣлахъ земскихъ Новгородскихъ, относительно же великокняжескихъ жалобъ не сказалъ ни слова, и когда бояре напомнили ему о нихъ, отвѣчалъ: «Великій Новгородъ объ этомъ не мнѣ приказалъ». Великаго князя раздосадовала такая грубость, что Новгородцы о своихъ земскихъ дѣлахъ къ нему посылаютъ и челомъ бьютъ, а въ чемъ ему грубятъ, то забываютъ; онъ велѣлъ Ананьину сказать Новгородцамъ: «исправьтесь, отчина моя, сознайтесь, въ земли и воды мои не вступайтесь, имя

мое держите честно и грозно по старинѣ, ко мнѣ посылайте бить челомъ по докопчанію, а я васъ, свою отчину, жаловать хочу и въ старинѣ держу». Отправивши такое умѣренное требованіе, безъ всякихъ угрозъ, Іоаннъ однако не очень надѣялся на удовлетворительный для себя отвѣтъ со стороны Новгородца, и сталъ думать о походѣ, послалъ сказать Псковичамъ: «если Великій Новгородъ не добьетъ мнѣ челомъ о моихъ старинахъ, то отчина моя Псковъ послужилъ бы мнѣ, великому князю, на Великіи Новгородъ за мои старины».

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда въ Ноябрь 1470 года умеръ Новгородскій владыка Іона, а чрезъ два дня послѣ его смерти пріѣхалъ въ Новгородъ братъ Кіевскаго князя-намістника Семена, Михайла Александровичъ или Омельковичъ, выпрошенный Новгородомъ у короля Казимира, пріѣхалъ въ сопровожденіи многочисленной толпы и былъ принятъ съ честію. Принимать съ честію князей Литовскихъ и давать имъ кормленіе на пригородахъ не было новостію для Новгородца, и подобныя приемы прежде не вели къ разрыву съ Московскими князьями, которые продолжали держать въ Новгородѣ своихъ намістниковъ. Такъ и теперь Новгородцы, принявши Омельковича, не показали пути намістникамъ Іоанновымъ; но теперь обстоятельства были уже другія: теперь пробилъ рѣшительный часъ, теперь громко и ясно былъ высказанъ вопросъ: оставаться ли за Москвою, или просить покровительства у короля Литовскаго? и при рѣшеніи этого вопроса городъ раздѣлился на двѣ стороны. Омельковича выпросили у Казимира не для защиты отъ Шведовъ или Нѣмцевъ, выпросила его сторона Литовская для усиленія себя, для угрозы Москвѣ.

Чрезъ десять дней послѣ смерти Іоны, посадники, тысяцкіе и весь Великій Новгородъ, поставя вѣче у Св. Софій, положили три жребія на престолѣ: жребій Варсонофія, духовника, Пимена, ключника и Теофила, ризничьяго архіепископскихъ; выпулся жребій Теофиловъ; избраннаго, по старинѣ, ввели честно во владычній дворъ, на сѣни, и, по старинѣ, отправили посла въ Москву, бить челомъ великому князю, просить опасной гра-

ноты для прїѣзда Теофила и посвященїя его въ архїепископы у гроба Чудотворца Петра. Но сторона Литовская, Борецкіе съ Омельковичемъ дѣйствовали: говорятъ, что князь Михаилъ указывалъ Марѣѣ жениха въ одномъ изъ пановъ Литовскихъ, въ будущемъ намѣстникѣ Новгородскомъ, съ которымъ она станетъ правительницею роднаго города. Ключникъ владычній Пименъ, потерявши надежду стать архїепископомъ по жребїю, думалъ получить свое желанїе при новомъ порядкѣ вещей, тѣмъ болѣе, что Теофилъ стоялъ за старину, требовалъ, чтобъ его отправляли непременно на поставленїе въ Москву; Пименъ, напротивъ, сталъ объявлять: «хотя на Кїевъ меня пошлите, я и туда на свое поставленїе поѣду»; хозяинъ богатой казны архїепископской, Пименъ передалъ много денегъ Марѣѣ для подкупа людей на свою сторону. Но такое поведенїе Пимена, разграбленїе казны владычней и желанїе идти наперекоръ священному древнему обычаю, по которому былъ избранъ Теофилъ, возбудили сильное негодованїе въ Новгородѣ: Пимена схватили, мучили, казну его разграбили, и кромѣ того взыскали 1000 рублей. Пришелъ и отвѣтъ изъ Москвы на просьбу о возволенїи прїѣхать Теофилу; великій князь велѣлъ сказать: «Отчина моя, великій Новгородъ прислалъ ко мнѣ бить челомъ, и я его жалую, нареченному владыкѣ Теофилу велю быть у себя и у митрополита для поставленья безъ всякихъ зацѣпокъ, по прежнему обычаю, какъ было при отцѣ моемъ, дѣдѣ и пра-дѣдахъ».

Люди, не хотѣвшїе разрывать съ Москвою, и въ томъ числѣ Теофилъ, обрадовались такому отвѣту; но въ это самое время явились послы Псковскїе съ такою рѣчью: «Насъ великій князь, а нашъ государь поднимаетъ на васъ; отъ васъ же, свой отчины, челобитья хочетъ. Если вамъ будетъ надобно, то мы за васъ, свою братью, ради отправить посла къ великому князю, бить челомъ о миродокончальной съ вами грамотѣ: такъ вы бы посламъ нашимъ дали путь по своей вотчинѣ къ великому князю». Это посольство доставило приверженцамъ Литовскимъ предлогъ къ возстанїю; на вѣчѣ раздались голоса: «Не

хотимъ за великаго князя Московскаго, не хотимъ называться его отчиною, мы люди вольные; не хотимъ терпѣть обиды отъ Москвы, хотимъ за короля Казимира! Московскій князь присылаетъ опасную грамоту нареченному владыкѣ, а между тѣмъ поднимаетъ на насъ Псковичей, и самъ хочетъ идти!» Въ отвѣтъ слышались крики стороны противной: «Хотимъ, по старинѣ, къ Москвѣ! нельзя намъ отдаться за короля и поставить владыку у себя отъ митрополита Латинца». Вѣчевая усобица должна была рѣшить вопросъ о томъ, за кѣмъ быть Новгороду — за Литовскимъ или Московскимъ княземъ? какъ прежде она рѣшала — какого князя принять — Кіевскаго, Черниговскаго или Суздальскаго? Природа вѣча давала сторонѣ богатѣйшей возможность осилить противниковъ менѣе богатыхъ наймомъ людей, которые продавали не только свои голоса на вѣчѣ, но и свои руки, когда дѣло доходило до схватки: по словамъ лѣтописца, приверженцы Литвы стали нанимать худыхъ мужиковъ вѣчниковъ, которые готовы стать за всякаго, по своему обычаю; вѣчники начали звонить въ колокола, кричать: «хотимъ за короля!» и бросать камнями въ тѣхъ, которые хотѣли оставаться за Московскимъ княземъ. Наконецъ Литовская сторона осилила: отправили посла съ поминками и съ челобитьемъ къ королю, и король заключилъ договоръ со всѣмъ Великимъ Новгородомъ, мужами вольными: обязался держать на Городищѣ намѣстника вѣры Греческой, православнаго христіанства; намѣстникъ, дворецкій и тиуны королевскіе, живя на Городищѣ, не могли имѣть при себѣ болѣе пятидесяти человекъ. Пойдетъ великій князь Московскій на Великій Новгородъ, или сынъ его, или братъ или которую землю подниметъ на великій Новгородъ, то королю садиться на коня за Новгородъ со всею радю Литовскою; если же король, не помиливъ Новгорода съ Московскимъ княземъ, поѣдетъ въ Польскую землю или Нѣмецкую, и безъ него поѣдетъ Москва на Новгородъ, то рада Литовская садится на коня и обороняетъ Новгородъ. Король не отнимаетъ у Новгородцевъ ихъ вѣры греческой православной, и гдѣ будетъ любо Великому Новгороду, тутъ и поставитъ себѣ владыку;

Рижскихъ церквей король не ставитъ ни въ Новгородѣ, ни въ пригородахъ, ни по всей землѣ Новгородской. Что въ Псковѣ судъ, печать и земли Великаго Новгорода, то къ Великому Новгороду по старинѣ. Если король помирить Новгородъ съ Московскимъ княземъ, то возьметъ черный боръ по Новгородскимъ волостямъ, одинъ разъ, по старымъ грамотамъ, а въ иные годы чернаго бору ему не надобно. Король держитъ Новгородъ въ волѣ мужей вольныхъ, по ихъ старинѣ и по крестной грамотѣ; цѣлуетъ крестъ ко всему Великому Новгороду за все свое княжество и за всю раду Литовскую. — Между этими условіями съ Казимиромъ не встрѣчаемъ условія держать княженіе честно и грозно; не встрѣчаемъ условія о правѣ короля раздавать волости, грамоты вѣстѣ съ посадникомъ, не лишать волостей безъ вины; нѣтъ условія о правѣ короля брать даръ со всѣхъ волостей Новгородскихъ, о правѣ охотиться въ извѣстныхъ мѣстахъ, посылать своего осетреника и медовара; о правѣ посылать своего мужа за Волокъ; замѣчательно въ договорѣ съ Казимиромъ выраженіе «вольные люди», которое повторяютъ Новгородцы, говоря о себѣ, чего не находимъ въ прежнихъ договорахъ съ князьями Рюриковичами; наконецъ должно замѣтить, что Новгородцы требуютъ отъ Казимира присяги за раду Литовскую, о Польшѣ не упоминается ни слова⁴.

Отправивши пословъ въ Литву, послали сказать Псковичамъ: «Вашего посла къ великому князю не хотимъ поднимать⁵, и сами ему челомъ бить не хотимъ; а вы бы за насъ противъ великаго князя на коня сѣли, по своему съ нами миродокончанію». Псковъ далъ на это такой отвѣтъ: «Какъ вамъ князь великій отошлетъ складную грамоту, то объявите намъ. мы тогда подумавши, отвѣтимъ». Но Псковичи не долго думали, и объявили Московскому послу, что будутъ помогать великому князю.

Послѣдній, узнавъ о побѣдѣ Литовской стороны, хотѣлъ испытать еще мирныя средства, и отправилъ въ Новгородъ посла съ жалованіемъ и добрыми рѣчами, «чтобы отчина его,

Новгородцы, отъ православія не отступали, лихую мысль изъ сердца выкинули, къ Латинству не приставали, и ему бы, великому князю, челомъ били, да исправились, а онъ великій государь жалуеть ихъ и въ старинѣ держитъ»⁶. Митрополитъ Филиппъ также послалъ увѣщательныя грамоты: «Сами знаете, дѣти, съ какого времени господари православные, великіе князья Русскіе начались; начались они съ великаго князя Владишѣра, продолжаются до нынѣшняго Іоанна Васильевича; они господари христіанскіе Русскіе и ваши господа, отчичи и дѣдичи, а вы ихъ отчина изъ старины, мужи вольные. Господинъ и сынъ мой князь великій сказываетъ, что жаловалъ васъ и въ старинѣ держалъ, и впередъ жаловать хочеть, а вы, сказываетъ, своихъ обѣщаній ему не исполняете...⁷. Ваши лиходѣи наговариваютъ вамъ на великаго князя: «Опасную-то грамоту онъ владыкъ нареченному далъ, а тебѣду тѣмъ Псковичей на насъ поднимаетъ, и самъ хочеть на насъ идти». Дѣти! такія мысли врагъ дьяволъ вкладываетъ людямъ: князь великій еще до смерти владыки и до вашего челобитья объ опасной грамотѣ послалъ сказать Псковичамъ, чтобы они были готовы идти на васъ, если вы не исправитесь; а когда вы прислали челобитье, такъ и его жалованье къ вамъ тотчасъ пошло. И о томъ, дѣти, подумайте: царствующій градъ Константинополь до тѣхъ поръ непоколебимо стоялъ, пока соблюдалъ православіе; а когда оставилъ истину, то и впалъ въ руки поганыхъ. Сколько лѣтъ ваши прады своей старины держались неотступно; а вы, при концѣ послѣдняго времени, когда человѣку нужно душу свою спасти въ православіи, вы теперь, оставя старину, хотите за Латинскаго господара закладываться! Много у васъ людей молодыхъ, которые еще не навыкли доброй старинѣ, какъ стоять и поборать по благочестію, а иные, оставшись по смерти отцевъ ненаказанными, какъ жить въ благочестіи⁸, собираются въ сонны и поощряютъ на земское неустроеніе. А вы, сыны православные, старые⁹ посадники Новгородскіе и тысяцкіе, и бояре, и купцы и весь Великій Новгородъ, сами остерегитесь, старые молодыхъ понаучите, лихихъ удержите

отъ злаго начинанія, чтобъ не было у васъ Латинскій похва-
лы на вѣру православныхъ людей»¹⁰.

Всѣ эти увѣщанія не помогли, надобно было садиться на
коны. Въ Маѣ 1471 года великій князь созываетъ на думу
братьевъ своихъ, митрополита, архіереевъ, бояръ и воеводъ,
объявляетъ, что необходимо выступить въ походъ на Новго-
родцевъ за ихъ отступленіе, но спрашиваетъ, выступать ли
немедленно, или ждать зимы? потому что земля Новгородская
наполнена большими озерами, рѣками, болотами непроходи-
мыми; прежніе великіе князья лѣтомъ на Новгородъ не хажі-
вали, а кто ходилъ, тотъ много людей терялъ. Рѣшили вы-
ступить немедленно, и великій князь занялся распоряженіями
къ походу: беречь Москву и управлять Русскою землею во
время отсутствія своего оставилъ сына Іоанна, при которомъ
приказалъ быть брату Андрею Васильевичу старшему вѣстѣ
съ служилымъ татарскимъ царевичемъ Муртозою. Съ собою
въ походъ бралъ великій князь братьевъ — Юрія, Андрея
меньшого и Бориса, князя Михаила Андреевича Верейскаго съ
сыномъ и другаго татарскаго служилаго царевича Даньяра;
выпросилъ съ собою въ походъ у матери дьяка ея, Степана
Бородатаго, знавшаго хорошо лѣтописи, уиѣвшаго пріискать
въ нихъ, что нужно къ дѣлу: на случай, если придутъ Нов-
городскіе послы, то Степанъ напомнитъ ему, что говорить о
ихъ старыхъ измѣнахъ, какъ они измѣняли въ давнія времена
отцамъ его, дѣдамъ и прадѣдамъ. Въ Новгородъ отправленъ
былъ посолъ съ разметными грамотами, въ Тверь съ про-
събою о помощи, во Псковъ и Вятку съ приказомъ идти
на Новгородскія владѣнія. И прежде въ лѣтописяхъ отражается
нерасположеніе сѣверовосточнаго народонаселенія къ Новгороду;
но теперь, при описаніи похода 1471 года, замѣчаемъ силь-
ное ожесточеніе: «Нѣвѣрныя, говоритъ лѣтописецъ, изначала
не знаютъ Бога; а эти Новгородцы столько лѣтъ были въ
христіанствѣ, и подъ конецъ начали отступать къ Латинству;
великій князь пошелъ на нихъ не какъ на христіанъ, но какъ
на инопозычниковъ и на отступниковъ отъ православія; отсту-

нили они не только отъ своего государя, но и отъ самаго Господа Бога; какъ прежде прадѣдъ его, великій князь Дмитрій, вооружился на безбожнаго Мамаю, такъ и благовѣрный великій князь Іоаннъ пошелъ на этихъ отступниковъ».

Первый отрядъ подъ начальствомъ князя Данила Дмитріевича Холмскаго и боярина Федора Давыдовича, въ числѣ 10,000, выступилъ въ началѣ Іюня къ Русь; за нимъ пошелъ отрядъ подъ начальствомъ князя Оболенскаго — Стриги, вмѣстѣ съ Даньяровыми Татарями, къ Вышнему Волочку и потомъ по Мсть; трое братьевъ великокняжескихъ и князь Верейскій двинулись съ полками каждый изъ своей отчины. Всѣ эти войска вступили разными дорогами въ Новгородскую землю и начали страшно опустошать ее: воеводамъ велѣно было распуścić ратниковъ по многимъ мѣстамъ — жечь, пѣнить и казнить безъ милости жителей за ихъ неисправленіе къ своему государю, великому князю. Самъ Іоаннъ выступилъ 20 Іюня съ главными силами и царевичемъ Даньяромъ, 23-го пришелъ въ Волокъ, 29 остановился въ Торжкѣ, куда явились къ нему воеводы Тверскіе со многими людьми, явились и послы Псковскіе съ объявленіемъ, что Псковъ сложилъ крестное цѣлованіе къ Новгороду.

Къ Московскому князю приходила помощь съ разныхъ сторонъ; Великому Новгороду не было помощи ни откуда; король Казимиръ не трогался; даже князь Михаилъ Олельковичъ, услыхавъ о смерти брата своего Семена въ Кіевѣ, еще 15 Марта уѣхалъ изъ Новгорода, да на дорогѣ пограбилъ Русу и отъ нея всѣ мѣста до самой границы; другаго служилаго князя своего, Рюриковича, князя Василя Шуйскаго-Гребенку Новгородцы отправили на защиту Заволочья; они послали просить помощи у Ордена, и магистръ Ливонскій писалъ къ великому, что Орденъ долженъ помочь Новгороду, ибо, если Московскій князь овладѣетъ послѣднимъ, то Нѣмцамъ будетъ грозить большая опасность¹¹. Но пока магистры пересылались, Московскій князь уже успѣлъ совершить опасное для нихъ дѣло; передовые полки его, подъ начальствомъ князя Холмскаго, сожгли Русу

23 Іюня, и на берегу Ильменя, у Коростыни побили отрядъ Новгородцевъ, которые, приплывъ озеромъ, хотѣли нечаянно напасть на Москвичей; но сзади, на рѣкѣ Полѣ, явилась другая Новгородская рать; Московскіе воеводы побили и эту, возвратясь отъ Русы¹². Легко повѣрить Новгородскому лѣтописцу, что причиною неуспѣха его земляковъ было раздвоеніе, господствовавшее въ ихъ городѣ: конная рать не пошла къ пѣшей въ срокъ на помощь, потому что полкъ владычній не хотѣлъ ударить на великокняжескую рать, говоря: «владыка нашъ не велѣлъ на великаго князя рукъ поднимать, онъ послалъ насъ только на Псковичей».

Къ Псковичамъ въ половинѣ Іюня пріѣхалъ Московскій посолъ понуждать ихъ къ немедленному походу. Они отослали складныя грамоты въ Новгородъ, а послу сказали: «Какъ только услышимъ великаго князя въ Новгородской землѣ, такъ и сядемъ на коней за своего государя». Въ Петровъ день пріѣхалъ изъ Русы Московскій бояринъ Зиновьевъ, и началъ каждый день твердить Псковичамъ: «Садитесь сейчасъ же со мною на коней, я къ вамъ отпущенъ отъ великаго князя, воеводою пріѣхалъ.» Зиновьевъ привелъ съ собою сто чело-вѣкъ дружины, и Пскову былъ большой убытокъ, много вышло корму на людей и на лошадей. И вотъ Псковичи, 10 Іюля, тронулись въ походъ всѣмъ городомъ и пригородами, подъ начальствомъ сына своего князя-намѣстника, Василя Федоровича Шуйскаго и четырнадцати посадниковъ. Новгородцы, услыхавъ объ этомъ, и бозопасные со стороны Холмскаго, отвлеченнаго къ рѣкѣ Полѣ, рѣшили выступить противъ Псковичей, и стали собирать огромное войско. Но уже изъ самаго способа, какимъ набиралось это войско, можно было предвидѣть неудачу: приверженцы Литвы, затѣявшіе войну, силою выгнали въ походъ плотниковъ, гончаровъ и другихъ ремесленниковъ, которые отроду и на лошадь не саживались; кто не хотѣлъ идти, тѣхъ грабили, били, бросали въ Волховъ. Такимъ образомъ набралось тысячъ сорокъ войска, и пошло подъ начальствомъ степеннаго посадника Дмитрія Борецкаго

по лѣвому берегу Шелони на встрѣчу Псковичамъ; но не съ ними оно встрѣтилось. Великій князь 9-го Іюля стоялъ у озера Коломны, недалеко отъ Вышняго Волочка, когда Холмской далъ ему знать о битвѣ на Полѣ и о своемъ движеніи къ Демону; Іоаннъ немедленно же велѣлъ ему идти назадъ къ Шелонѣ для соединенія съ Псковичами, а у Демона приказалъ стоять князю Вереискому. Холмской двинулся назадъ и 14 Іюля завидѣлъ полки Новгородскіе, шедшіе по той сторонѣ Шелони; Московскіе воеводы, не смотря на огромную разницу въ числѣ войска (у нихъ было немного болѣе 4000, а у Новгородцевъ до 40,000), рѣшились вступить въ битву: ратники ихъ переправились черезъ рѣку и ударили на Новгородцевъ, которые не выдержали натиска и побѣжали; по Новгородскимъ же извѣстіямъ, Новгородцы прогнали Москвичей за Шелонь, но западнѣя рать Татарская внезапно ударила на нихъ и рѣшила дѣло въ пользу войскъ великокняжескихъ ¹⁴. Какъ бы то ни было, Новгородцы потерпѣли страшное пораженіе, потеряли, по ихъ счету, двѣнадцать тысячъ убитыми и тысячу семь сотъ взятыхъ въ плѣнъ; въ числѣ послѣднихъ находился степенный посадникъ Борецкій, вмѣстѣ съ другими воеводами; въ обозѣ побѣдителя нашли и договорную грамоту Новгородцевъ съ Казимиромъ, и отослали ее къ великому князю.

Съ другой стороны Псковичи, узнавши, что Новгородцы жгутъ ихъ пограничныя волости, выѣзжая изъ Вышгорода, осадили это мѣсто, начали бить пушками, стрѣлами стрѣлять, приметъ приметывать. Первый день Новгородцы крѣпко оборонялись, но на другой день, видя, что у нихъ нѣтъ ни запасовъ, ни воды, вышли со крестами на заборало, и начали говорить осаждающимъ: «Въ чемъ вы изобижены, то вѣдаетъ государь нашъ и вашъ, князь великій и Великій Новгородъ; а вы бы надъ нами свое милосердіе показали, мы же вамъ животворящій крестъ цѣлуемъ», — и отдали весь Псковской полонъ, даже стрѣлы, собравши ихъ на городѣ или кругомъ забораль. Псковичи челобитье ихъ приняли, кровь ихъ пощадили, отступили отъ городка и занялись опустошеніемъ погра-

ничныхъ мѣсть версть на 50 и больше. Не такъ былъ счастливъ другой полуторатысячный отрядъ Псковичей, собранный изъ охочихъ людей, которые отправились на сѣверъ: за рѣкою Лютою, притокомъ Плюсы, ударили на нихъ врасплохъ Новгородцы и разбили на голову; но скоро вѣсть о Шелонскомъ вораженіи заставила побѣдителей бѣжать съ мѣста побѣды.

Великій князь получилъ вѣсть о побѣдѣ, когда стоялъ въ Язолбницахъ, въ 120 верстахъ отъ Новгорода; отсюда онъ двинулся къ югу и сталъ противъ Демона, который сдался князю Верейскому, заплативши сто рублей окупа; отъ Демона Юаннъ пошелъ къ Русь, и вступилъ въ нее 24 Іюля; онъ ждалъ пословъ Новгородскихъ съ челобитьемъ, потому что еще изъ-подъ Демона отпустилъ въ Новгородъ гонца, пріѣзжавшаго за опасною грамотою, но вмѣсто того получилъ вѣсть, что Новгородъ волнуется по прежнему. Не смотря на Шелонское вораженіе, не смотря на то, что здѣсь Литовская сторона лишилась предводителей своихъ, взятыхъ въ плѣнъ, не смотря на то, что гонецъ, посланный къ Казимиру для понужденія его садиться поскорѣе на коня за Новгородъ, возвратился съ печальною вѣстію, что магистръ Ливонскій не пропустилъ его черезъ свою землю (если магистру не нравилось господство Московскаго князя надъ Новгородомъ, то еще болѣе должно было не нравиться господство Литовскаго князя по тогдашнимъ отношеніямъ обоихъ орденовъ къ Казимиру), — не смотря на все это, когда въ Новгородѣ узнали, что Юаннъ въ Русь, то всталъ сильный мятежъ, сторожа заняли стѣны и башни, перемѣняясь день и ночь, а люди по прежнему раздѣлялись: одни хотѣли за Москву, а другіе за Литву. Узнавъ объ этомъ, Юаннъ сильно разсердился, и велѣлъ казнить Борейскаго съ тремя другими знатнѣйшими плѣнниками: «вы за короля задаваться хотѣли», сказалъ онъ имъ. Новгородцы приготавливались защищаться, пожегши всѣ посады около города, казнили перевѣтника Упадыша, который съ своими единомышленниками пять пушекъ желѣзомъ заколачивалъ; но скоро увидели, что сопротивленіе не можетъ быть продолжительно:

хлѣбъ вздорожалъ, рожь исчезла на торгу, можа было найти пшеничный хлѣбъ, да и того мало. Тогда потребители ржаного хлѣба поднялись на потребителей пшеничного, укоряя ихъ за то, что они привели великаго князя на «Новгородъ»; это значило, что Московская сторона взяла верхъ, и вотъ нареченный владыка Теофилъ съ старыми посадниками и житыми людьми поѣхалъ бить челомъ великому князю, который стоялъ уже при устьѣ Шелони, на Коростынѣ. Теофилъ сначала обратился съ челобитьемъ къ князьямъ, боярамъ и воеводамъ, чтобъ просили за Новгородъ братьевъ великокняжескихъ, а чтобъ эти уже просили самого великаго князя; Митрополитъ изъ Москвы также писалъ, что если Новгородцы придутъ съ челобитьемъ, то чтобъ великій князь утолилъ свой гнѣвъ¹³. Иоаннъ принялъ Новгородское челобитье, велѣлъ перестать жечь и палить, и далъ миръ Новгороду по старинѣ; но за Новгородскую проступку взялъ 15,500 рублей, деньгами въ отчетъ, а серебромъ въ отвѣсъ¹⁴, кромѣ того, что передано было братьямъ великокняжескимъ, князьямъ, боярамъ, воеводамъ Московскимъ за ходатайство. Въ договоръ, заключенномъ по старинѣ, Новгородцы обязались: «за короля и за великаго князя Литовскаго, кто на Литвѣ ни будетъ, отъ васъ великихъ князей (Иоанна и сына его) намъ, вашей отчинѣ Великому Новгороду, мужаи вольнымъ, не отдаться никакою хитростію; и быть намъ отъ васъ неотступными ни къ кому; князей намъ у великаго князя Литовскаго на пригороды не просить, и не принимать князей изъ Литвы въ Великій Новгородъ. А на владычество намъ выбирать по своей старинѣ; ставиться же нашему владыкѣ у гроба св. Петра чудотворца въ Москвѣ у васъ, великихъ князей и у вашего отца митрополита, какой митрополитъ у васъ въ Москвѣ ни будетъ; а въ другомъ мѣстѣ, кромѣ Москвы, намъ владыки нигдѣ не ставить¹⁵».

Новгородцы начали переговоры съ великимъ княземъ, еще не зная о другомъ своемъ несчастіи: въ Двинской области воевода ихъ, князь Василій Шуйскій, имѣя двѣнадцати-тысяч-

ный отрядъ войска, встрѣтился на берегахъ Двины съ Устюжскимъ великокняжескимъ воеводою Образцомъ и Вятчанами, у которыхъ было менѣе 4000 войска: жаркая битва продолжалась цѣлый день, сѣклись, схватывая другъ друга за руки; Двинской знаменникъ былъ убитъ, знамя подхватилъ другой, убитъ былъ и этотъ, подхватилъ третій, наконецъ убили и третiego, знамя перешло въ руки Москвичей и Двиняне дрогнули; князь Шуйскій спасся бѣгствомъ, раненый; Новгородскій лѣтописецъ складываетъ вину пораженія на Двинянь, говоритъ, что они не таяли по князь Шуйскомъ. Съ другой стороны Вологодскій воевода князя Андрея Васильевича меньшаго повоевалъ Кокшенгу. Заключая договоръ по старинѣ, Юванъ возвратилъ Новгороду его Заволоцкія владѣнія, но при этомъ былъ сдѣланъ строгій переборъ, и Новгородцы должны были отдать всѣ волости великокняжескія и Ростовскихъ князей, захваченныя ими прежде и въ послѣднюю войну¹⁶. Такимъ образомъ многія волости раздѣлились пополамъ между Москвою и Новгородомъ, наприм. Емецъ, Матигоры, Куръ-островъ, Чухчелема, Ухть-островъ, Лисичь-островъ; другія, которыя прежде мы видѣли за Новгородомъ, отошли всѣ къ Москвѣ безъ раздѣла, наприм. Колмогоры, Ненокса, Уна и проч. — Вся земля Новгородская, говоритъ лѣтописецъ, до самого моря, была пожжена и поплѣнена, потому что опустошали ее не одни тѣ войска, которыя были съ великимъ княземъ или его братьями, но изо всѣхъ земель Московскихъ ходили толпы за добычею въ Новгородскія волости. Бѣды не прекратились и во отходѣ великокняжескихъ войскъ: жители Русы, бѣжавшіе въ Новгородъ во время войны, теперь отправились домой по Ильмену; но поднялась страшная буря и потопила ихъ: погибло 90 учановъ и 60 малыхъ судовъ, въ одномъ мѣстѣ нашли 120 труповъ. И не тутъ только природа объявила себя противъ Новгорода за Москву; опасенія, что трудно будетъ идти водъ Новгородъ лѣтомъ, по причинѣ многихъ водъ и болотъ, на этотъ разъ не оправдались; какъ нарочно, лѣто было знойное, отъ Мая до Сентября не упало ни капли дождя, не было

нигдѣ преграды Московскимъ ратникамъ, которые гнали скоть по болотамъ и мѣстамъ, прежде непроходимымъ¹⁹.

1-го Сентября возвратился Іоаннъ въ Москву; того же 1471 года въ Декабрѣ пріѣхалъ туда нареченный владыка Новгородскій Θεофилъ и былъ посвященъ; Θεофилъ просилъ свободы Новгородскимъ плѣнникамъ, и великій князь исполнилъ его просьбу; отправилъ и намѣстниковъ своихъ въ Новгородъ по прежнему. Казалось, что все уладилось; но такъ могло казаться только: долговременное отсутствіе великихъ князей, долговременная невозможность для нихъ заниматься внутренними дѣлами Новгорода, ослабили, привели въ забвеніе, но не уничтожили правъ ихъ здѣсь; теперь же великій князь Московскій получилъ возможность дать силу этимъ правамъ. При ослабленіи власти княжеской, въ слѣдствіе постоянной борьбы многихъ князей соперниковъ, образовались стороны, также постоянно боровшіяся между собою; богатый бояринъ, имѣвшій средства платить многочисленнымъ вѣчникамъ, могъ отважиться на все, могъ отважиться вооруженною рукою мстить за свои оскорбленія; иногда цѣлыя улицы, цѣлые концы враждовали другъ съ другомъ, стоя за то или другое лице, за того или другаго чиновника гражданскаго; сила рѣшала споръ; предводитель восторжествовавшей стороны достигалъ должности посадика, и въ этомъ званіи позволялъ себѣ мстить тѣмъ гражданамъ, тѣмъ улицамъ, тѣмъ концамъ, которые были противъ него. Что оставалось побѣжденнымъ и слабымъ? Молчать и ждать благопріятныхъ обстоятельствъ, ждать усиленія своей стороны, которое подастъ имъ возможность собраться на вѣче, низложить соперниковъ и поступить съ ними по ихъ же приѣру. Въ такомъ состояніи находились дѣла, когда великій князь былъ далеко, а намѣстниковъ мало слушались. Но теперь, когда великій князь хотѣлъ и могъ возстановить свое старинное значеніе верховнаго судьи, теперь сторонѣ угнетенной не нужно было долго дожидаться удобнаго случая къ низложенію враговъ своихъ: она могла отдать свое дѣло на рѣшеніе великаго князя. Посадникъ степенный Василій

Аваньянъ съ 18-ю другихъ бояръ своей стороны, наѣхавши съ многочисленнымъ отрядомъ на двѣ улицы, Славкову и Никитину, людей переграбилъ и перебилъ, многихъ даже до смерти, итѣнія взялъ на тысячу рублей. Въ то же время староста Федоровской улицы, Памфилъ, виѣсть съ двумя боярами, которые участвовали и въ нападеніи на двѣ упомянутыя улицы, ударилъ на дворъ двухъ братьевъ, бояръ Полинарѣиныхъ, людей у нихъ перебилъ, итѣнія пограбилъ на 500 рублей. Любопытно, что между виновниками этихъ насилій встрѣчаемъ нева известныхъ враговъ Москвы; это обстоятельство можетъ ввести на мысль, что здѣсь дѣйствовали также и причины политическія, что на эту борьбу должно смотрѣть, какъ на продолженіе борьбы двухъ сторонъ — Литовской и Московской. Въ нападеніи на Славкову и Никитину улицы участвовали: Селезевы — Матвѣй и Яковъ, которыхъ братъ Василій былъ казненъ виѣсть съ Дмитріемъ Борецкимъ; Андрей Телятевъ и Моисей Федоровъ: Павелъ Телятевъ и Яковъ Федоровъ были также схвачены въ Шелонской битвѣ, и отосланы въ Коложну; Аванасьевы, которыхъ Іоаннъ, какъ увидимъ въ послѣдствіи, считалъ самыми жаркими приверженцами Литвы; наконецъ въ числѣ вельможъ, на которыхъ были поданы жалобы и которые были обвинены Іоанномъ, видимъ Федора Исакова Борецкаго. Но если сообщники степеннаго посадника Аваньяна были приверженцами Литвы, то можно заключить, что и самъ посадникъ не былъ доброжелателемъ Москвы. Какъ бы то ни было, обиженные посадникомъ и его товарищи послали жаловаться на нихъ въ Москву. Псковской лѣтописецъ говоритъ, что житые и младшіе люди сами призвали великаго князя, потому что обижали ихъ посадникъ и великіе бояре, не знавшіе надъ собою суда; но мы не можемъ принять этого извѣстія безъ ограниченія: кромѣ борьбы сословій тутъ мы видимъ и борьбу сторонъ, ибо между врагами Аваньяна и товарищей его встрѣчаемъ не однихъ житыхъ и младшихъ гражданъ, но также бояръ Полинарѣиныхъ.

22 Октября 1475 года, Іоаннъ выѣхалъ изъ Москвы въ

Новгородъ, и промъ, но со многими людьми; въ Вышнемъ Волочкѣ встрѣтилъ его посоль отъ владыки Теофила съ дарами, но тутъ же встрѣтили его и жалобщики, какой-то Кузьма Яковлевъ съ товарищами; отсюда до самаго Новгорода по всѣмъ станціямъ всрѣчали его Новгородскіе чиновники съ подарками, начиная отъ подвойскаго до посадниковъ, и между ними опять жалобники многіе. За 90 верстъ до города встрѣтилъ князя владыка Теофилъ, воевода Новгородскій, князь Василій Васильевичъ Шуйскій и посадникъ степенный Ананьинъ, со многими другими духовными, боярами и житыми людьми: владыка поднесъ двѣ бочки вина, всѣ остальные по мѣху вина, и всѣ были угощены обѣдомъ. Проведя мѣсяцъ въ дорогѣ, 21 ноября, Іоаннъ въѣхалъ въ Новгородъ, встрѣченный посадниками, житыми людьми, множествомъ народа, и сталъ на Городищѣ; владыка прислалъ двухъ чиновниковъ своихъ распоряжаться доставкою съѣстныхъ припасовъ ко двору великокняжескому; но великій князь не велѣлъ брать отъ нихъ кормовъ и осердился на владыку, за чѣмъ прислалъ людей непригожихъ къ дѣлу, незначительныхъ; владыка просилъ прощенья чрезъ бояръ, велѣлъ отпускать припасы намѣстнику своему, и тогда великій князь нелюбе отложилъ и пожаловалъ, велѣлъ брать кормы; владыка въ день пріѣзда билъ челомъ Іоанну, звалъ его къ себѣ обѣдать; но великій князь не пожаловалъ, не поѣхалъ, и на другой день позвалъ къ себѣ на обѣдъ владыку, посадника степеннаго, старыхъ посадниковъ, тысяцкихъ и многихъ знатныхъ людей; въ тотъ же день нашло къ нему множество жалобниковъ, Новгородцевъ и уѣздныхъ людей; одни пришли просить приставовъ, чтобъ не быть ограбленными отъ ратниковъ, пришедшихъ съ великимъ княземъ, другіе пришли съ жалобами на свою же братію, Новгородцевъ: потому что, говоритъ лѣтописецъ, земля эта давно уже въ своей волѣ жила, о великихъ князьяхъ небрегла и не слушалась ихъ, и много зла было въ ней: убійства, грабежи, домамъ раззореніе напрасное; кто кого могъ, тотъ того и обижалъ.

23 Ноября въѣхалъ Іоаннъ въ городъ (крѣпость), гдѣ былъ

встрѣчепъ владыкою со всѣмъ духовенствомъ, какъ приказалъ самъ великій князь. Въ этотъ день онъ слушалъ обѣдню у Св. Софiи, и обѣдалъ у владыки, при чемъ получилъ дары: три поставы сукоцъ, 100 корабельниковъ (червонцевъ), зубъ рыбій, да на проводахъ двѣ бочки вина. На другой день пошли къ великому князю съ челобитьемъ, дарами и жалобами разные люди, а на третiй явились главные жалобщики — двѣ улицы, Славкова и Никитина, да братья Полинарыны, и жаловались въ присутствiи владыки, старыхъ посадниковъ, другихъ бояръ и житыхъ людей. Иоаннъ сказалъ владыкѣ и посадникамъ: «ты, богомолецъ нашъ, и вы, посадники, объявите отчинѣ нашей, Великому Новгороду, чтобы дали на этихъ обидчиковъ своихъ приставовъ, какъ я далъ на нихъ своихъ, вотому что я хочу дѣло разсмотрѣть; и ты бы, богомолецъ мой, и вы, посадники, тогда у меня были: хочется мнѣ обиженнымъ управу дать». Повгородцы дали своихъ приставовъ, и въ воскресенье 26 Ноября, обидчики и обиженные все стали предъ великимъ княземъ на Городищѣ, въ присутствiи Теофила и старыхъ посадниковъ; начался судъ, и было рѣшено, что жалобы справедливы. Тогда великій князь велѣлъ взять обвиненныхъ, главныхъ посадить за приставами, товарищей ихъ отдать на поруку крѣпкую, въ 1500 рубляхъ: архіепископъ взялъ ихъ на поруку. Въ то же время Иоаннъ выслалъ отъ себя вонъ и велѣлъ схватить Ивана Леонасьева съ сыномъ за то, что совѣтовали Новгороду отдаться за короля.

Прошелъ день, другой; на третiй явился на Городище владыка и посадники бить великому князю челомъ отъ Великаго Новгорода, чтобъ пожаловалъ, смиловался, велѣлъ освободить посаженныхъ бояръ и отдать ихъ на поруку. Великій князь челобитья не принялъ и сказалъ: «извѣстно тебѣ, богомольцу нашему, и всему Новгороду, отчинѣ нашей, сколько отъ этихъ бояръ и прежде зла было, а нынче что ни есть дурнаго въ нашей отчинѣ, все отъ нихъ: такъ какъ же мнѣ ихъ за это дурное жаловать?» Въ тотъ же день посадникъ Ананьицъ, съ тремя главными товарищами, скованные, были отправлены въ

Москву. Спустя нѣсколько времени, пришелъ опять Теофилъ, съ посадниками и многими другими людьми, битъ челомъ о помилованіи тѣхъ товарищей Ананьина, которые даны были на поруку; это челобитіе великій князь принялъ, велѣлъ только взыскать съ виноватыхъ 1500 рублей истцовыхъ убытковъ, да свои судныя пошлины (свою вину). По окончаніи этихъ дѣлъ, съ 4 Декабря, начались пиры у знатнѣйшихъ Новгородцевъ для великаго князя, и продолжались до 19 Января: каждый хозяинъ дарилъ гостя ковшами, золотыми, деньгами, мѣхами, рыбьими зубьями, сукнами, ловчими птицами, виномъ, лошадьми. Тѣ посадники и тысяцкіе, которые не успѣли дать пировъ для великаго князя, подносили ему дары, какими хотѣли дарить на пирахъ; изъ купцовъ и житыхъ людей не остался ни одинъ, который бы не пришелъ съ дарами, даже и молодые (пезначительные) люди многіе были у него съ дарами и челобитьемъ; новоизбранный степенный посадникъ Оома Андреевичъ Курятникъ вмѣстѣ съ тысяцкимъ поднесли ему 1000 рублей отъ всего Великаго Новгорода. Во время пировъ пріѣхалъ Шведскій посолъ съ просьбою о продолженіи перемирія: великій князь пожаловалъ, велѣлъ владыкѣ и Новгороду заключить съ Шведами перемиріе по старинѣ, и съ честію отпустилъ посла. При всѣхъ этихъ распоряженіяхъ Іоанновыхъ ни одинъ изъ старыхъ обычаевъ, ни одно изъ старыхъ условій не были нарушены: перемиріе съ сосѣднимъ государствомъ было заключено владыкою и Новгородомъ, но съ вѣдома и по приказанію князя; по жалобѣ Новгородцевъ Іоаннъ судилъ, смѣнилъ и наказалъ посадника, ибо имѣлъ право верховнаго суда надъ всѣми, имѣлъ право смѣнять чиновниковъ, объявивъ только ихъ вину; при этомъ Іоаннъ выполнилъ въ точности старицный обычай: давши на обличенныхъ своихъ приставовъ, требовалъ, чтобъ Новгородъ далъ также и своихъ; онъ заточилъ осужденнаго посадника и его товарищей въ Москву, но и это была старина: Владиміръ Мономахъ, Святославъ Ольговичъ заточали на югъ бояръ Новгородскихъ, и послѣ въ договорахъ это право не было

стиго у князей. Иоаннъ не нарушилъ ни въ чемъ старшны, но давно уже Новгородцы отвыкли отъ нея, ибо въ продолженіе многихъ вѣковъ великіе князья не пользовались своими правами, а Новгородцы, пользуясь настоящимъ, забыли и о прошедшемъ и о будущемъ.

Мѣсяць вѣхалъ великій князь изъ Москвы въ Новгородъ; гораздо скорѣе возвратился изъ Новгорода въ Москву, ибо не былъ задерживаемъ на пути: 26 Генваря выѣхалъ онъ изъ Новгорода, 8 Февраля былъ уже въ Москвѣ. И здѣсь соблюдено было условіе старинныхъ договоровъ: «Когда, князь, поѣдешь въ Новгородъ, тогда тебѣ дары брать по постояніямъ (станціямъ); когда же поѣдешь изъ Новгорода, тогда дара тебѣ не надобно». Въ Мартѣ пріѣхалъ въ Москву владыка бесовилъ съ боярами просить объ освобожденіи заточенныхъ Новгородцевъ: Иоаннъ угостилъ владыку, но изъ заточенныхъ не отпустилъ ни одного. Между тѣмъ многимъ понравилось искать защиты отъ обидъ на судѣ великокняжескомъ; ждаты Юинна, когда онъ опять пріѣдетъ въ Новгородъ, было долго, и вотъ забыли старинное условіе: «На низу Новгородца не судить»; стали брать приставовъ, и являться въ назначенный срокъ въ Москву на судъ. Въ началѣ 1477 года пріѣхалъ посадникъ Захаръ Овиновъ, за приставомъ великокняжескимъ, со многими Новгородцами, однимъ отвѣчать, на другихъ искать. Въ слѣдъ за Овинымъ пріѣхали другіе бояре и многіе житые люди, также поселяне, монахины, вдовы и всѣ обиженные, многое множество, искать удовлетворенія въ обидахъ и отвѣчать на жалобы другихъ. «Этого не бывало отъ начала, говорить лѣтописецъ, какъ земля ихъ стала, и какъ великіе князья пошли отъ Рюрика на Кіевъ и на Владиміръ; одинъ только великій князь Иванъ Васильевичъ довелъ ихъ до этого.»

Два шага было сдѣлано; оставалось сдѣлать третій, послѣдній. Все было приготовлено: Литовская сторона, пораженная бездѣйствіемъ Казимира, безмолвствовала безъ главъ своихъ; народъ началъ смотрѣть на Московскаго князя какъ на верховнаго судью; мало того, были въ Новгородѣ люди, которыхъ

лѣтописецъ называетъ пріятелями великаго князя Московскаго; вѣче молчало. Но оно могло заговорить при первомъ удобномъ случаѣ, при первой побѣдѣ хана Золотой или Казанской орды, и посадникъ все еще сидѣлъ въ судѣ подлѣ Московскаго намѣстника: надобно было освободиться и отъ вѣча, и отъ посадника. Пріѣхали двое пословъ Новгородскихъ, Назаръ Подвойскій и Захаръ вѣчевой дьякъ, которые въ челобитьи назвали Іоанна государемъ, тогда какъ прежде, съ тѣхъ поръ какъ земля ихъ стала, говоритъ лѣтописецъ, того не бывало, ни одного великаго князя государемъ не называли, а только господиномъ. Лѣтописи не сообщаютъ ясныхъ подробностей, кѣмъ собственно и какъ устроено было это дѣло. Въ слѣдующемъ же мѣсяцѣ (Апрѣля 24) отправились послы изъ Москвы спросить владыку и весь Великій Новгородъ: «Какого они хотятъ государства? хотятъ ли, чтобъ въ Новгородѣ былъ одинъ судъ государя, чтобъ тиуны его сидѣли по всѣмъ улицамъ, хотятъ ли дворъ Ярославовъ очистить для великаго князя?» Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ говорится, что послы называли Іоанна государемъ по рѣшенію владыки, бояръ, посадниковъ, но безъ вѣдома Великаго Новгорода; въ другихъ говорится, что Новгородцы, услыхавъ запросъ посла Московскаго, пограбили этихъ посадниковъ и бояръ, дворы, доспѣхи и всю ратную приправу у нихъ отняли; извѣстный намъ Захаръ Овинъ оговорилъ другаго боярина Василья Никифорова, будто бы тотъ, во время поѣздки своей въ Москву, присягнулъ тамъ служить великому князю противъ Новгорода. 31 Мая всталъ мятежъ, собралось вѣче, пришли на Василья Никифорова, взяли его и привели предъ народъ, который закричалъ ему: «перевѣтникъ! былъ ты у великаго князя и цѣловалъ ему крестъ на насъ!» Василій отвѣчалъ: «цѣловалъ я крестъ великому князю въ томъ, что буду служить ему правдою и добра ему хотѣть, а не цѣловалъ я креста на государя своего Великій Новгородъ и на васъ, своихъ господъ и братій». Его убили безъ милости, изсѣкли топорами на части; но потомъ убили и Захара Овина виѣсть съ братомъ у

младши на дворѣ, сына Кузьмина за мертво оставили, схватили и двоихъ другихъ бояръ, Луку Феодорова и Феодилакта Захарьина, но приведши на вѣче, пожаловали, взявши съ нихъ присягу, что будутъ хотѣть добра Новгороду. Съ этого времени Новгородцы възбсновались какъ пьяные, по выраженію летописца, посредничество Псковитянъ отвергли, всякій началъ толковать свое и къ королю опять захотѣли; но пословъ Московскихъ держали шесть недѣль съ честію, съ честію и отпустили, давши такой отвѣтъ великимъ князьямъ: «Вамъ, своимъ господамъ, челомъ бьемъ, но государями васъ не зовемъ; судъ вашимъ намѣстникамъ на Городищѣ по старинѣ, а тиунамъ вашимъ у насъ не быть, и двора Ярославова не даемъ; хотимъ съ вами жить какъ договорились въ послѣдній разъ на Коростыни; кто же взялся безъ нашего вѣдома иначе сдѣлать, тѣхъ казните какъ сами знаете, и мы здѣсь будемъ ихъ также казнить, кого поймемъ; а вамъ, своимъ господамъ, челомъ бьемъ, чтобъ держали насъ въ старинѣ, по крестному цѣлованію». Послы и преданные великому князю посадники отправились въ Москву и объявили здѣсь о Новгородскихъ событіяхъ. Иоаннъ пришелъ къ митрополиту съ вѣстію о клятвенномъ преступленіи Новгородцевъ: «я не хотѣлъ у нихъ государства, сами присылали, а теперь запираются, и на насъ ложь положили». Тоже объявилъ матери, братьямъ, боярамъ, воеводамъ, и по общему благословенію и совѣту, вооружился на отступниковъ и крестнаго цѣлованія преступниковъ Новгородцевъ.

Услыхавъ объ этихъ вооруженіяхъ, Новгородцы послали старосту одной изъ своихъ улицъ въ Москву бить челомъ объ опасной грамотѣ для своихъ пословъ; но великій князь велѣлъ *опасчика* задержать въ Торжкѣ, и, не смотря на осеннее время, спѣшилъ двинуть отсюда многочисленныя полки къ Новгороду: 30 Сентября послалъ онъ туда складную грамоту, а 9 Октября выѣхалъ самъ изъ Москвы, оставя здѣсь по прежнему сына. Черезъ десять дней великій князь стоялъ въ Торжкѣ: здѣсь ждали его два посланца Новгородскихъ съ

челобитьемъ объ опасныхъ грамотахъ, ждали его и два боярина Новгородскихъ, братья Клементьевы, съ челобитьемъ — о принятіи въ службу — вѣрное предвѣщаніе для успѣха! Пробывъ четыре дня въ Торжкѣ, Іоаннъ выступилъ далѣе на Вышній Волочекъ, а отсюда пошелъ между Мстою и Яжелбицкою дорогою, и въ тоже время по разнымъ другимъ дорогамъ двигались сильныя полки Московскіе, Тверскіе, Татарскіе. Прежде, когда Іоаннъ ходилъ въ Новгородъ миромъ, на станціяхъ являлись къ нему знатныя Новгородцы съ подарками; теперъ они являлись къ нему съ челобитьемъ о принятіи въ службу: такъ пріѣхали къ нему посадникъ Тучинъ, житый человекъ Савельевъ. Опасчиковъ, найденныхъ въ Торжкѣ, великій князь велѣлъ вести съ собою, и только будучи уже во 125 верстахъ отъ Новгорода, у Спаса на Еглинѣ, велѣлъ имъ явиться предъ себя и далъ опасную грамоту. Но если великій князь спѣшилъ походомъ, то Новгородцы спѣшили миромъ, и, не дожидаясь прежнихъ двухъ опасниковъ, послали третьяго; Іоаннъ объявилъ ему, что опасъ уже данъ, а самъ между тѣмъ, на Полинахъ, въ 120 верстахъ отъ Новгорода, урядилъ полки какъ быть въ большомъ полку или великокняжескомъ, какъ въ передовомъ, какъ въ правой и лѣвой рукѣ, и отпустилъ войска къ Новгороду, съ приказаніемъ занять Городище и монастыри, чтобъ Новгородцы не сожгли ихъ. Находясь въ 50 верстахъ отъ Новгорода, у Николы въ Тухолѣ, Іоаннъ послалъ приказъ Псковичамъ идти на Новгородъ ратью съ пушками, пищалями, самострѣлами, со всею приправою, съ чѣмъ къ городу приступить, стать на устьѣ Шелони и дожидаться дальнѣйшихъ приказаній. Въ 30 верстахъ отъ Новгорода, на Сытинѣ, 23 Нодбря явились къ Іоанну владыка Теофилъ съ посадниками и житыми людьми, и сталъ бить челомъ: «Господинъ государь князь великій Иванъ Васильевичъ всея Россіи! положилъ ты гнѣвъ свой на отчину свою, на Великій Новгородъ, мечъ твой и огонь ходитъ по Новгородской землѣ, кровь христіанская льется, смилуйся надъ отчиною своею, мечъ уйми, огонь утоли, чтобъ кровь хри-

спіаская не дилась: господиць государь, пожалуй! Да положи ты опалу на боярь Новгородскихъ и свель ихъ на Москву въ свой первый прївадь: силуйся, отпусти ихъ въ свою отчину, въ Новгородъ Великій». Великій князьне отвѣчалъ посламъ ни слова, но позвалъ ихъ обѣдать. На другой день ходили они къ брату великокняжескому Андрею Меньшему съ подарками, чтобъ просилъ брата за Новгородъ, и потомъ пришли къ великому князю съ просьбою, чтобъ пожаловалъ, велѣлъ съ боярами поговорить: великій князь выслалъ къ нимъ тронхъ боярь на говорку. Послы предложили имъ такіа условія: чтобъ великій князь ѳздилъ въ Новгородъ на четвертый годъ и бралъ по 1000 рублей; велѣлъ бы судъ судить наместнику своему и посаднику въ городѣ, а чего они не управять, тому бы самъ князь великій управу чинилъ, когда прїѣдетъ на четвертый годъ, а чтобы позвовъ на Москву не было; чтобъ князь великій не велѣлъ своимъ наместникамъ владычнихъ судовъ судить и посадничихъ; чтобъ великокняжескіе подданные въ тяжбахъ своихъ съ Новгородцами судились предъ наместникомъ и посадникомъ въ городѣ, а не на городищѣ²⁰.

Вмѣсто отвѣта великій князь велѣлъ воеводамъ своимъ придвинуться къ Новгороду, занять городище и подгородные монастыри, и получивъ вѣсть, что приказаніе его исполнено, велѣлъ сказать посламъ: «Самы вы знаете, что посылали къ намъ Назара Подвойскаго и Захара вѣчеваго дьяка, и назвали насъ великихъ князей себѣ государями; мы великіе князья, по вашей присылкѣ и челобитью, послали боярь спросить васъ: какого нашего государства хотите? И вы заперлись, что по словъ съ тѣмъ не посылавали, и говорили, что мы васъ притѣсняемъ. Но кромѣ того, что вы объявили насъ лжецами, много и другихъ вашихъ къ намъ неисправленій и нечести. Мы сперва поудержались, ожидая вашего обращенія, посылали къ вамъ съ увѣщаніями; но вы не послушались, и потому стали намъ какъ чужіе. Вы теперь поставили рѣчь о боярахъ Новгородскихъ, на которыхъ я положилъ опалу, просили, чтобъ

я ихъ пожаловалъ, отпустилъ; но вы хорошо знаете, что на нихъ билъ мнѣ челомъ весь Великій Новгородъ, какъ на грабителей, проливавшихъ кровь христіанскую. Я, обыскавши владыкою, посадниками и всѣмъ Новгородомъ, нашелъ, что много зла дѣлается отъ нихъ нашей отчины, и хотѣлъ ихъ казнить; но ты же, владыка и вы, наша отчина, просили меня за нихъ, и я ихъ помиловалъ, казнить не велѣлъ; а теперь вы о тѣхъ же виноватыхъ рѣчь вставляете, чего вамъ дѣлать не годилось, и послѣ того какъ намъ васъ жаловать? князь великій вамъ говоритъ: захочетъ Великій Новгородъ бить намъ челомъ, и онъ знаетъ, какъ ему намъ, великимъ князьямъ, челомъ бить».

Послы отправились назадъ въ Новгородъ, а слѣдомъ за ними двинулся туда и великій князь Ильменемъ по льду; 27 Ноября сталъ онъ подъ городомъ; въ тотъ же и слѣдующіе дни подошли и всѣ другіе полки; 30 Ноября Іоаннъ велѣлъ воеводамъ отпустить половину войска за кормами съ тѣмъ, чтобъ черезъ десять дней всѣ были въ сборѣ подъ Новгородомъ, послалъ торопить и Псковскую рать. Новгородцамъ стало очень тяжело, потому что непріятель расположился въ ихъ же посадахъ и монастыряхъ, обхвативши городъ съ обѣихъ сторонъ. Не смотря на то, они сначала сѣли всѣ въ осаду, устроивши себѣ по обѣ стороны Волхова и чрезъ самую рѣку на судахъ стѣну деревянную. Іоаннъ видѣлъ, что они укрѣпились хорошо, что если пойти подъ стѣну, то съ обѣихъ сторонъ головы стануть падать, и потому не хотѣлъ брать города приступомъ, а рѣшился стоять подъ нимъ до тѣхъ поръ, пока голодъ и тѣснота заставятъ осажденныхъ покориться. Чтобъ въ собственныхъ полкахъ при этомъ не было ни въ чемъ недостатка, онъ приказалъ Псковичамъ прислать муки пшеничной, рыбы, меду, выслать и купцовъ своихъ со всякимъ другимъ товаромъ, что и было исполнено. Въ Новгородъ между тѣмъ народъ сталъ волноваться: одни хотѣли биться съ великимъ княземъ, а другіе покориться ему, и послѣднихъ оказалось больше, чѣмъ первыхъ. Въ слѣдствіе этого, 4 Декабря явился

въ Московскомъ станѣ опять владыка Θεофила съ посадниками и жителями; послы били челомъ, чтобъ Государь пожаловалъ, указалъ своей отчинѣ, какъ Богъ положить ему на сердце свою отчину жаловать? Отвѣтъ былъ прежній: «Захочетъ наша отчина бить намъ челомъ, и она знаетъ, какъ бить челомъ». Послы отправились назадъ въ городъ и на другой день возвратились съ повинною, что дѣйствительно Новгородъ посылалъ въ Москву Назара да Захара называть великаго князя государемъ, и потому заперся. — «Если такъ, велѣлъ отвѣчать имъ Иоаннъ: если ты, владыка, и вся наша отчина Великій Новгородъ сказались передъ нами виноватыми, и спрашиваете, какъ нашему государству быть въ нашей отчинѣ, Новгородѣ: то объявляемъ, что хотимъ такого же государства нашего и въ Новгородѣ, какое въ Москвѣ». Послы просили, чтобъ великій князь отпустилъ ихъ въ городъ подумать, и дано имъ два дня на размышленіе. 7 Декабря послы возвратились съ новыми просьбами, съ новыми уступками: чтобъ великій князь велѣлъ своему намѣстнику судить съ посадникомъ; чтобъ бралъ каждый годъ дань со всѣхъ волостей Новгородскихъ по полугривнѣ съ сохи; чтобъ держалъ пригороды Новгородскіе своими намѣстниками, а судъ былъ бы по старинѣ, чтобъ не было вывода и позвовъ изъ Новгородской земли; чтобъ государь не вступался въ боярскія земли; чтобъ Новгородцамъ не было службы въ Низовую землю, чтобъ защищали они только свои рубежи. Великій князь велѣлъ отвѣчать имъ: «Сказано вамъ, что хотимъ государства въ Великому Новгородъ такого же, какое у насъ государство въ Низовой землѣ на Москвѣ; а вы теперь сами мнѣ указываете, какъ нашему государству у васъ быть: какое же послѣ этого будетъ мое государство?» Послы отвѣчали: «мы не указываемъ, и государству великихъ князей урока не кладемъ: но пожаловали бы государи свою отчину, объявили Великому Новгороду, какъ ихъ государству въ немъ быть, потому что Великій Новгородъ Низоваго обычая не знаетъ, не знаетъ какъ наши государи великіе князья держать свое государство въ Низовой землѣ». — «Госу-

дарство наше таково, былъ отвѣтъ: вѣчевому колоколу въ Новгородѣ не быть, посаднику не быть, а государство все намъ держать; волостями, селами намъ владѣть какъ владѣнъ въ Низовой землѣ, чтобъ было на чемъ намъ быть въ нашей отчинѣ, а которыя земли наши за вами, и вы ихъ намъ отдайте; вывода не бойтесь, въ боярскія вотчины не вступаемся, а суду быть по старинѣ, какъ въ землѣ судъ стоять».

Шесть дней думали Новгородцы объ этомъ государствѣ; наконецъ 14 Декабря владыка съ посадниками явился и объявилъ, что вѣчевой колоколъ и посадника Новгородцы отложили, только бы государь не выводилъ ихъ, въ вотчины ихъ, земли, воды и въ имущества не вступался, позвы отложилъ и службы имъ въ Низовую землю не наряжалъ; великій князь всѣмъ этимъ ихъ пожаловалъ. Тогда они стали бить челомъ, чтобъ государь далъ крѣпость своей отчинѣ Великому Новгороду, крестъ бы цѣловалъ, и получили въ отвѣтъ: «Не быть моему цѣлованію»; просили, чтобъ бояре цѣловали крестъ, — и въ томъ получили отказъ; просили, чтобъ, по крайней мѣрѣ, будущій намѣстникъ присягнулъ, — отказано и въ этомъ; наконецъ просили, чтобъ великій князь позволилъ имъ возвратиться въ городъ и опять подумать — и этого позволенія не дано. Прошло тринадцать дней, прошелъ праздникъ Рождества Христова — владыка съ посадниками все жилъ въ станѣ Московскомъ; а между тѣмъ послѣдній служивый князь Новгородскій, Василій Васильевичъ Шуйскій сложилъ къ Новгородцамъ крестное цѣлованіе на имя великаго князя: и Новгородцы, изъ страха предъ послѣднимъ, не смѣли ни слова молвить Шуйскому, который безопасно оставался у нихъ послѣ того два дня. Наконецъ 29 Декабря владыка и другіе послы сказали боярамъ Московскимъ: «Если государь не жалуетъ, креста не цѣлуешь и опасной грамоты намъ не даетъ, то пусть самъ объявитъ намъ свое жалованье, безъ боярскихъ высылкъ». Иоаннъ велѣлъ имъ войти къ себѣ и сказалъ: «Просили вы, чтобъ вывода, позва на судъ и службы въ

Низовую землю не было, чтобъ я въ имѣнія и отчины люд-
 самъ не вступался, и чтобъ судъ былъ по старинѣ; всѣмъ
 зингъ я васъ, свою отчину жалую.» Послы поклонились и
 вышли. Но скоро нагнали ихъ бояре и начали говорить: «ве-
 ликій князь велѣлъ вамъ сказать: Великій Новгородъ долженъ
 дати намъ волости и села, безъ того намъ нельзя держать
 государства своего въ Великомъ Новгородѣ». Послы отвѣчали:
 «Скажемъ объ этомъ Новгороду». Новгородъ предложилъ двѣ
 волости: Луки Великія и Ржеву Пустую: великій князь не
 взялъ; предложилъ десять волостей: не взялъ и ихъ; тогда
 послы сказали, чтобъ самъ великій князь назначалъ сколько
 ему надобно волостей: Іоаннъ назначилъ половину волостей
 владичиныхъ и монастырскихъ, и всѣ Новоторжскія, чьи бы ни
 были²¹. Новгородцы согласились, но просили, чтобъ половина
 монастырскихъ волостей была взята только у шести богатыхъ
 монастырей, у остальныхъ же бѣдныхъ, малоземельныхъ не
 брать: великій князь исполнилъ ихъ просьбу; пожаловалъ и
 владыку: вмѣсто половины волостей взялъ у него только десять.
 За тѣмъ начались переговоры о дани: сначала великій князь
 хотѣлъ брать по полугривнѣ съ обжи: Новгородскую обжу
 составлялъ одинъ человекъ, пашущій на одной лошади, три
 обжи составляли соху, пашущій на трехъ лошадяхъ и
 самъ-третьей составлялъ также соху. Но владыка отъ всего го-
 рода сталъ бить челомъ, чтобъ великій князь смиловался, бралъ
 бы по семи денегъ съ трехъ обжей одинъ разъ въ годъ; Іоаннъ
 согласился брать однажды въ годъ по полугривнѣ съ сохи со
 всѣхъ волостей Новгородскихъ, на Двинѣ и въ Заволочѣ, на
 всякомъ, кто пашетъ землю, на ключникахъ, старостахъ и
 холопахъ одерноватыхъ. Владыка просилъ также, чтобъ ве-
 ликій князь не посылалъ по Новгородскимъ волостямъ своихъ
 цисцовъ и данщиковъ, потому что это тяжело будетъ хри-
 стианству, положилъ бы Государь это дѣло на Новгородскую
 душу, Новгородцы сами скажутъ, сколько у кого будетъ сохъ,
 сами соберутъ дань и отдадутъ по крестному цѣлованію, безъ
 хитрости тому, кому великіе князья прикажутъ; а кто утаитъ

хотя одну обжу и будетъ уличень, того приплюютъ къ государямъ на казнь. Иоаннъ исполнилъ и эту просьбу, послѣ чего велѣлъ очистить для себя дворъ Ярославовъ и объявить Новгородцамъ присяжную запись, на которой они должны были цѣловать ему крестъ. 13 Января 1478 года пришелъ къ великому князю владыка со многими боярами, житыми, купцами, и принесъ присяжную запись: писалъ ее дьякъ владычній, подписалъ владыка собственною рукою и печать свою приложилъ, приложили по печати и со всѣхъ пяти концовъ. Въ тотъ же день въ станѣ цѣловали крестъ на этой записи многіе бояре, житые и купцы передъ боярами великокняжескими, которые заставили ихъ также обѣщаться на словахъ — не истить Псковичамъ за помощь ихъ Москвѣ, не истить тѣмъ боярамъ, женамъ ихъ и дѣтямъ, которые служатъ великому князю, отъезжаться отъ пригородовъ, Двинской области и Заволочья. Присягнувши, Новгородцы просили бояръ, чтобъ Иоаннъ сказалъ имъ всѣмъ въ слухъ свое милостивое слово, и слово это было имъ сказано: «Дастъ Богъ, впередъ тебя, своего богомольца, и отчину нашу, великій Новгородъ хотимъ жаловать». 15 Января пріѣхалъ въ Новгородъ князь Иванъ Юрьевичъ Патрикѣевъ съ четырьмя другими Московскими боярами и созвалъ весь Новгородъ въ палату, а не на площадь, потому что съ этого дня вѣча уже не было болѣе въ Новгородѣ; Патрикѣевъ началъ говорить: «князь великій Иванъ Васильевичъ всея Руси, государь нашъ, тебѣ своему богомольцу владыкѣ и своей отчинѣ Великому Новгороду говоритъ такъ: ты, нашъ богомольецъ, и вся наша отчина, Великій Новгородъ били челомъ нашимъ братьямъ, чтобъ я пожаловалъ, смиловался, нелюбе съ сердца сложилъ; и я, князь великій, для братьевъ своихъ, пожаловалъ васъ, нелюбе отложилъ. И ты бы, богомольецъ нашъ, и отчина наша, на чемъ добились намъ челомъ, и грамоту записали, и крестъ цѣловали, — то бы все исполняли; а мы васъ впередъ хотимъ жаловать по вашему исправленію къ намъ». Послѣ этой рѣчи Московскіе бояре стали приводить лучшихъ Новгородцевъ къ присягѣ на владычнемъ дворѣ, а по концамъ посланы были

для этого дѣти боярскіе и дѣяки; цѣловали крестъ всѣ, не исключая женъ и людей боярскихъ; тутъ, при крестномъ цѣлованіи, взята была и грамота, которую Новгородцы написали и укрѣпили между собою за 58-ю печатями. 18 Января били челомъ великому князю въ службу бояре Новгородскіе и всѣ дѣти боярскіе и житые люди. 20 Января отправлена была въ Москву грамота, что великій князь отчину свою Великій Новгородъ привелъ во всю свою волю и учинился на немъ государемъ, какъ и на Москвѣ. Намѣстниками въ Новгородѣ были назначены князь Иванъ Васильевичъ Стрига да братъ его Ярославъ Оболенскіе, а чрезъ нѣсколько дней приданы были къ нимъ еще двое намѣстниковъ. Оболенскіе поивѣстились на дворъ Ярославовъ, самъ же великій князь продолжалъ жить въ станѣ, и два раза только въѣзжалъ въ Новгородъ для слушанія обѣдн у Св. Софій, потому что въ городѣ былъ моръ. Передъ отъѣздомъ Іоаннъ велѣлъ схватить старосту купеческаго, Марка Панильева, боярыню Марю Борецкую со внукомъ ея Васиіемъ Федоровымъ, еще пятерыхъ Новгородцевъ, и отвезти ихъ въ Москву, ивѣнне отписалъ на себя; забраны были и всѣ договоры, когда либо заключенные Новгородцами съ князьями Литовскими. 17 Февраля тронулся Іоаннъ изъ стана, 5 Марта пріѣхалъ въ Москву; за нимъ привезли изъ Новгорода вѣчевой колоколъ и подняли на колокольню на площади кремлевской звонить вмѣстѣ съ другими колоколами.

Но не вдругъ могъ забыть Новгородъ свой прежній бытъ, и противная Москвѣ сторона ждала только перваго удобнаго случая, чтобъ снова подняться. Этотъ удобный случай не задержалъ представиться, когда въ 1477 году Ханъ Золотой Орды, въ союзѣ съ Казимиромъ Литовскимъ, началъ грозить Москвѣ нашествіемъ, и когда братья великаго князя хотѣли также воспользоваться этимъ случаемъ для возвращенія себѣ старыхъ удѣльныхъ правъ. Іоанну дали тайно знать, что многіе Новгородцы пересылаются съ Казимиромъ, зовутъ его къ себѣ, пересылаются и съ Нѣмцами. Король обѣщаль явиться съ полками, и послалъ, съ одной стороны, къ хану

Золотой Орды, звать его на Москву, а съ другой къ Папѣ съ просьбою о денежномъ вспоможеніи для успѣха въ дѣлѣ, которое неминуемо повлечетъ за собою присоединеніе важной области къ Римской церкви. Папа назначилъ на военныя издержки сборъ со всѣхъ церковей Польскихъ и Литовскихъ. Иоаннъ хотѣлъ предупредить Казимира и заставить въ расплохъ Новгородцевъ: взявъ съ собою только тысячу челоувѣкъ, онъ отправился 26 Октября къ Новгороду миромъ, а между тѣмъ, подъ предлогомъ войны съ Нѣмцами, велѣлъ сыну набирать войска и слѣшить за собою слѣдомъ; заставы были разставлены повсюду, дабы въ Новгородѣ не узнали о наборѣ и приближеніи многочисленной рати. Не смотря на то въ Бронницахъ онъ получилъ вѣсть, что Новгородцы затворились и не намѣрены пускать его миромъ. Тогда Иоаннъ дождался полковъ своихъ и приступилъ къ городу, въ которомъ по прежнему имѣлъ многочисленныхъ приверженцевъ: они не хотѣли биться и перебѣгали къ Москвичамъ: Архіепископъ послалъ за опасною грамотою, но Иоаннъ отвѣчалъ: «Я самъ опасъ для невинныхъ и государь вашъ; отворите ворота: когда войду въ городъ, невинныхъ ни чѣмъ не оскорблю». А между тѣмъ разрушительная стрѣльба изъ пушекъ не прекращалась. Наконецъ ворота отворились, и владыка, посадникъ, тысяцкій (ибо Новгородцы успѣшили возстановить свои древнія формы правленія), старосты пяти копцевъ, бояре и народъ вышли на встрѣчу къ великому князю, пали ницъ и просили прощенія. Иоаннъ благословился у архіепископа и сказалъ во всеуслышаніе: «Я, государь вашъ, даю миръ всѣмъ невиннымъ, не бойтесь ничего!» и отправился, по обычаю, къ Св. Софїи, потомъ въ домъ Ефіма Медвѣдева, новаго посадника, гдѣ и остановился. Въ тотъ же день 50 челоувѣкъ главныхъ враговъ Москвы были захвачены и пытаны. Тутъ только великій князь узналъ объ участіи владыки въ заговоръ и о сношеніяхъ братьевъ своихъ съ Новгородцами. Теофилъ былъ взятъ и отосланъ въ Московскій Чудовъ монастырь подъ стражу, богатство его отобрано въ казну; 100 главныхъ заговорщиковъ подвергнулись

смертной казни, 100 семей дѣтей боярскихъ и купцовъ разосланы по низовымъ городамъ. Но и этимъ дѣло не кончилось: въ 1481 году схвачены были четверо Новгородскихъ бояръ; вражда сторонъ продолжалась, и слѣдствіемъ было то, что въ 1484 году сами же Новгородцы прислали доносъ въ Москву, что нѣкоторые изъ ихъ согражданъ пересылались съ королемъ: по этому доносу человекъ тридцать большихъ и житыхъ людей было схвачено, дома ихъ разграблены, сами подвергнуты пыткѣ; когда ихъ приговорили къ смертной казни, то передъ висѣлицею стали они прощаться другъ съ другомъ и каяться, что напрасно клепали другъ друга на пыткѣ. Услыхавъ объ этомъ, великій князь не велѣлъ ихъ вѣшать, но велѣлъ сковать и посадить въ тюрьму, а женъ и дѣтей ихъ послать въ заточеніе. Въ то же время была схвачена и разграблена Настасья, славная и богатая, по выраженію лѣтописца, взятъ и пограбленъ былъ также Иванъ Кузминъ, который во время Новгородскаго взятія съ тридцатью слугами убѣжалъ въ Литву; но король не оказалъ ему ни какой милости, слуги отстали отъ него, и онъ самъ третьей прибѣжалъ назадъ въ Новгородъ, гдѣ и былъ схваченъ. Въ томъ же 1484 году принужденъ былъ по болѣзни оставить архіепископію владыка Сергій, посвященный въ Новгородъ на мѣсто Θεофила изъ старцевъ Троицкаго Сергіева монастыря. Московскіе лѣтописцы говорятъ, что Новгородцы не хотѣли покориться Сергію, ибо онъ не по ихъ мысли ходилъ: не могли ничего сдѣлать надъ нимъ явно, они волшебствомъ отняли у него умъ, говоря, что Іоаннъ чудотворецъ наказалъ его. Новгородскіе же и Псковскіе лѣтописцы разказываютъ, будто бы Сергій сталъ притѣснять игуменовъ и священниковъ, ввелъ новыя пошлины, будто бы заѣхавъ на дорогѣ въ Сковородскій Михайловскій монастырь, отъ гордости, потому что пріѣхалъ изъ Москвы къ гражданамъ плѣннымъ, не захотѣлъ вскрыть гробъ похороненнаго тутъ Новгородскаго владыки Моисея, и будто бы съ этихъ поръ нашло на него изумленіе: иногда видали, какъ онъ сидѣлъ на Евфимьевской паперти въ одной ряскѣ, безъ мантии, а иногда видали его въ полдень

сидящимъ въ томъ же видѣ у Св. Софїи. По другому разсказу Новгородскіе владыки начали являться Сергію то во снѣ, то на яву, съ укоромъ, какъ онъ смѣлъ принять святительское поставленіе при жизни своего предшественника, не уличеннаго въ ереси, но изгнаннаго неправдою; когда же онъ презрѣлъ этими укорами, то невидимая сила поразила его и на нѣкоторое время лишила употребленія языка. Въ 1487 году переведено изъ Новгорода въ Владиміръ 50 семей лучшихъ купцовъ. Тогда же выѣхала изъ Новгорода и Московская ратная сила, стоявшая здѣсь 17 недѣль. Въ 1488 году привели изъ Новгорода въ Москву больше семи тысячъ житыхъ людей за то, что хотѣли убить намѣстника великокняжескаго Якова Захарыча; нѣкоторыхъ Яковъ казнилъ еще въ Новгородѣ, другихъ казнили въ Москвѣ, остальныхъ отправили на житье въ Нижній, Владиміръ, Муромъ, Переяславль, Юрьевъ, Ростовъ, Кострому и другіе города; на ихъ мѣсто посланы зъ Новгородъ изъ Москвы и другихъ городовъ низовыхъ дѣти боярскіе и купцы²².

Въ одно время съ окончательнымъ прекращеніемъ Новгородскихъ смуть чрезъ выводъ лучшихъ гражданъ, окончательно усмирена и древняя колонія Новгородская, Вятка, и тѣмъ же самымъ средствомъ. Еще въ 1466 году Вятчане ратью прошли мимо Устюга на Кокшенгу, утаившись отъ городскихъ сторожей; шли по Сухонѣ рѣкѣ вверхъ, воевали Кокшенгу, а назадъ шли Вагою внизъ. Намѣстникъ Устюжскій Сабуровъ послалъ гонца въ Москву съ вѣстію объ этомъ, и великій князь велѣлъ перехватить Вятчанъ; Сабуровъ дѣйствительно перенялъ ихъ подъ Гледеномъ; но Вятчане дали ему хорошіе подарки и, простоявши три дня, спокойно отправились домой. Въ 1469 году, во время похода на Казань, Московскіе воеводы требовали отъ Вятчанъ, чтобъ шли съ ними вмѣстѣ, и получили отвѣтъ: «Казанскій ханъ неволею заставилъ насъ поклониться что не будемъ помогать ни ему на великаго князя, ни великому князю на него»; на второе же требованіе воеводъ, Вятчане отвѣчали, что когда пойдутъ въ походъ братья великаго князя, тогда пойдутъ и они. Не знаешь, какое слѣдствіе имѣло для

Вятчанъ такое поведеніе ихъ: знаемъ только, что не помогли противъ Казани, они помогли Москвѣ противъ Новгорода. Въ 1485 году повторилось прежнее явленіе: во время похода на Казань, Вятчане, по словамъ лѣтописца, отступили отъ великаго князя, который послалъ на нихъ воеводу Юрія Кутузова съ большою силою; тотъ помирился съ ними, и они опять возвратились въ Московское подданство; но подъ слѣдующимъ годомъ другой лѣтописецъ разказываетъ, что Вятчане приходили на Устюгъ, и стояли подъ городомъ Осиновцемъ, но что воевода ихъ Костя начальствовалъ ими по неволѣ, и, воспользовавшись случаемъ, ушелъ въ Осиновецъ, а оттуда въ Москву. Митрополитъ два раза писалъ къ Вятчанамъ увѣщательныя грамоты: «называетесь вы именемъ христіанскимъ, писалъ онъ, а живете хуже нечестивыхъ: святую церковь обижаете, законы церковные старые раззоряете, господарю великому князю грубите и пристаєте къ его недругамъ издавна, съ поганствомъ соединяетесь, да и одни, сами собою, отчину великаго князя воюете безпрестанно, христіанство губите, церкви раззоряете, а челомъ господарю за свою грубость не бьете. Великій князь васъ жаловалъ, слушаясь нашего смиренія, потому что я молилъ его о васъ со многими слезами: но отъ васъ нѣтъ никакого исправленія. И я теперь уже въ послѣдній разъ послалъ къ вамъ: бейте челомъ великому князю за свою грубость, пограбленное все отдайте, плѣнныхъ отпустите. Если же не послушаете насъ, то кровь христіанская вамъ отольется; священники ваши церкви Божіи затворятъ и пойдутъ вонъ изъ земли; если же такъ не сдѣлаютъ, то будутъ и сами отъ насъ прокляты». — Увѣщанія митрополита не помогли, и въ 1489 году, подчинивши себѣ Казань, великій князь послалъ на Вятчанъ шестидесятичетырехтысячную рать подъ начальствомъ двухъ главныхъ воеводъ: князя Данила Щени и Григорья Морозова. 16 Августа воеводы подступили подъ Хлыновъ, а на другой день Вятчане, большіе люди, вышли бить имъ челомъ, чтобъ рать земли Вятской не воевала, «а мы великому князю челомъ бьемъ, покоряемся на всей его волѣ, дань даемъ и службу

служимъ». Воеводы отвѣчали: «цѣлуйте же крестъ великому князю отъ мала до велика, а измѣнниковъ и крамольниковъ выдайте головами: Ивана Аникіева, Пахомья Лазарева, Палку Богодайщикова». Вятчане сказали на это: «Дайте намъ, господя, сроку до завтра, мы это ваше слово скажемъ всей землѣ Вятской». Сроку имъ дали, Вятчане думали два дня, но на третій отказали воеводамъ, что не выдадутъ тѣхъ трехъ чело-вѣкъ. Тогда воеводы велѣли всей силѣ своей готовиться къ приступу: ставить по городу плетень, запастись смолою и берестою; но Вятчане, видя свою погибель, добились челомъ на всей волѣ великаго князя, и выдали измѣнниковъ. Воеводы развели всю Вятку, взяли лучшихъ людей, купцовъ и отправили ихъ съ женами и дѣтьми въ Москву. Великій князь велѣлъ Аникіева, Лазарева и Богодайщикова бить кнутомъ и повѣсить, а другихъ Вятчанъ пожаловалъ, далъ имъ помѣстья въ Боровскѣ, Алексинѣ и Кременцѣ, и написались они въ слуги великому князю, купцовъ же поселили въ Дмитровѣ. Вмѣстѣ съ Вятчанами привезены были въ Москву и туземные Вотякскіе или Арскіе князья; но великій князь отпустилъ ихъ на родину²³.

Псковъ удержалъ на время свою старину, благодаря постоянному старанію угодить великому князю, покорностью утишать гнѣвъ его. Еще Василій Темный незадолго до кончины своей прислалъ во Псковъ намѣстникомъ князя Владиміра Андреевича не по Псковскому прошенію, не по старинѣ; Псковичи однако приняли его съ честію и посадили на княженіе. Но въ слѣдующій годъ, годъ вступленія на престолъ Іоанна Ш, они выгнали князя Владиміра, потому что пріѣхалъ не по старинѣ, Псковичами не позванъ, и на народъ не благъ. Столкнутый со ступени на вѣчъ, съ безчестіемъ поѣхалъ Владиміръ въ Москву жаловаться великому князю, поѣхали за нимъ и Псковскіе послы оправдываться. Три дня Іоаннъ не пускалъ ихъ къ себѣ на глаза, наконецъ принялъ ихъ челобитье и велѣлъ сказать Пскову: «Какого князя Псковичи захотятъ, и я имъ его дамъ, пусть пришлютъ ко мнѣ грамоту съ бояриномъ». Псковичи выпросили себѣ князя Ивана Александровича Звенигородскаго,

потомъ князя Федора Юрьевича, которому дали держать намѣстниковъ на двѣнадцати пригородахъ, тогда какъ прежде князе намѣстники бывали только на семи пригородахъ. Мы видали, какъ безпрекословно принимали Псковичи рѣшенія великаго князя и вятровича касательно отношеній своихъ къ Новгородскому владыкѣ; какъ потомъ безпрекословно ходили на Новгородъ вмѣстѣ съ полками Московскими. Иоаннъ твердилъ Псковскимъ послать: «какой мой князь будетъ вамъ надобенъ къ намѣстники, того я къ вамъ отпущу, только не безчестите тѣхъ намѣстниковъ, которые будутъ дурно съ вами поступать: все дѣло ихъ наказывать, а я васъ свою отчину жалую». Взявъ этотъ наказъ, Псковичи въ 1472 году послали къ великому князю просить къ себѣ въ намѣстники князя Ивана Стригу-Оболенскаго, потому что князь Федоръ Юрьевичъ началъ дурно вести себя во Псковѣ и самъ сталъ засылать грамоты къ великому князю. Узнавши, что Псковичи послали въ Москву жаловаться на него и просить себѣ другаго князя, Федоръ на другой же день вышелъ на вѣче, сложилъ съ себя крестное цѣлованіе и выѣхалъ изъ города. Псковичи, чтобъ оправдать себя вполнѣ въ глазахъ Иоанна, послали посадника, дѣтей боярскихъ и соцкихъ провожать съ честію князя Федора до рубежа, съ хлѣбомъ, виномъ, медомъ; но какъ скоро Федоръ подѣхалъ къ границѣ, то силою завелъ за нее Псковскихъ провожатыхъ, отнял лошадей, саней ограбилъ и чуть чуть не нагихъ отпустилъ во Псковъ. Иоаннъ далъ Псковичамъ брата Стригина, князя Ярослава Васильевича Оболенскаго, потому что Стрига ему самому былъ нуженъ²⁴. Въ 1474 году, оказавъ Пскову дѣятельную помощь противъ Нѣмцевъ, Иоаннъ далъ большихъ пословъ съ благодарностію; но вмѣсто нихъ пріѣхалъ гонецъ. Гонецъ этотъ возвратился во Псковъ съ вѣстію, что великій князь сильно сердитъ; тогда Псковичи послали къ своему государю въ Москву князя намѣстника Ярослава Васильевича, троихъ посадниковъ, бояръ изо всѣхъ коней, повинку 100 рублей; но Иоаннъ сослалъ ихъ съ подворья, на глаза къ себѣ не пустилъ, дара не принялъ, и послы, про-

стоявши пять дней шатровъ на полѣ, безъ отвѣта пріѣхали назадъ во Псковъ. Въ слѣдъ за ними пріѣхалъ посолъ великокняжескій съ приказомъ Пскову сей часъ же отправлять новыхъ пословъ въ Москву, и поѣхали трое другихъ посадниковъ, повезли 150 рублей въ подарокъ; этихъ пословъ Іоаннъ принялъ и далъ такой отвѣтъ: «радъ свою отчину по старинѣ²⁵ держать, если мнѣ положите прежнихъ великихъ князей грамоты пошлинныя».

Это было въ концѣ лѣта; а въ концѣ осени пріѣхалъ во Псковъ изъ Москвы намѣстникъ князь Ярославъ и началъ просить у Пскова судъ держать не по Псковской старинѣ²⁶; Псковичи отправили въ Москву пословъ со старыми грамотами, но великій князь, посмотрѣвши въ грамоты, сказалъ: «это грамоты не самихъ князей великихъ, и вы бы исполнили все то, чего князь Ярославъ просить». Псковичи отвѣчали: «намъ нельзя такъ жить, какъ теперь просить князь Ярославъ не по нашимъ старинамъ». Іоаннъ обѣщалъ прислать во Псковъ своего посла для рѣшенія дѣла, которое тянулось уже цѣлый годъ. Въ концѣ 1475 года великій князь пріѣхалъ въ Новгородъ на судъ и на управу; въ то время какъ онъ судилъ Новгородскихъ посадниковъ и бояръ, явились къ нему четверо посадниковъ Псковскихъ съ 50-ю рублями дара и съ чело-битьемъ, чтобъ держалъ Псковъ по старинѣ. Іоаннъ велѣлъ послать дожидаться ихъ князя Ярослава, которому Псковичи дали 20 рублей, чтобъ просилъ за нихъ великаго князя; но Ярославъ, пріѣхавши въ Новгородъ, сталъ жаловаться Іоанну на посадниковъ и на Псковъ; въ слѣдствіе чего вмѣстѣ съ нимъ пріѣхали во Псковъ послы великокняжескіе и объявили вѣчу: «просите прощенія у князя Ярослава, въ чемъ предъ нимъ провинились, и дайте ему всѣ суды и пошлины, которыхъ онъ просить²⁷; если же не сдѣлаете такъ, то будете вѣдаться съ государемъ вашимъ, великимъ княземъ, онъ далъ намъ только пять дней срока пріѣхать и отъѣхать». Псковичи исполнили требованіе великаго князя и дали на вѣчѣ Ярославу 130 рублей, за все сподна.

Ярославъ началъ пользоваться Псковскими уступками, и въ половинѣ 1476 года бояре изъ всѣхъ концовъ повѣхали въ Моску съ грамотою жалобною, бить челомъ съ плачемъ великому князю, чтобъ сослалъ съ своей отчины князя Ярослава, а даль бы ей князя Ивана Александровича Звенигородскаго, потому что князь Ярославъ притѣсняетъ весь Псковъ, а намѣстники его тоже дѣлаютъ по пригородамъ и волостямъ. Великій князь обѣщалъ прислать своего посла разобрать дѣло; но Псковичи боялись, что на этомъ судѣ будетъ больше обращать вниманія на донесенія князя Ярослава, чѣмъ на ихъ старины. Между тѣмъ во Псковъ, въ слѣдствіе всеобщаго озлобленія на князя Ярослава, вспыхнуло волненіе, какого, по словамъ лѣтописца, никогда не бывало, ни при одномъ князѣ: везъ какой-то Псковичъ съ огорода капусту черезъ торгъ, мимо княжескаго двора; одинъ изъ княжескихъ слугъ схватилъ кочанъ и далъ княжому барану, и за это началась ссора у Псковичей съ княжескими; отъ ссоры дѣло дошло до драки: слуги ²⁸ намѣстничьи начали колотья ножами, Псковичи отбиваться камнями; княжескіе пошли на весь міръ съ ножами на торгъ, а иные съ луками, и начали сгрѣбать, другіе ножами колотья, Псковичи оборонялись кто камнемъ, кто деревомъ и убили княжескаго новара; самъ князь Ярославъ пьяный въ панцырѣ выскочилъ и началъ стрѣлять. Вѣсть о побоищѣ пронеслась по всему городу, и вотъ пошли на торгъ посадники, бояре, житые люди съ оружіемъ; но уже время было къ вечеру, и князь съ своими слугами пошелъ на сѣни, укрошенный добрыми людьми, разошлись и Псковичи, изъ которыхъ многіе умерли отъ ранъ. Ночью однако вооруженные посадники и житые люди всѣмъ Псковомъ держали стражу на торгу, слыша отъ княжихъ слугъ угрозу, чтъ зажгутъ городъ, и во время пожара будутъ бить Псковичей. На другое утро Псковичи поставили вѣче, и отреклись князю Ярославу, стали провожать его изъ Пскова, а къ великому князю послали грамоту, прописатьъ въ ней все, что случилось; но Ярославъ изъ Пскова не ѣдетъ, дожидается посла отъ великаго князя и Псковичи ждутъ тогоже, Ярославу ниче-

го не дѣлають, не мстятъ ему за его насилія. Наконецъ явились изъ Москвы два боярина съ такими рѣчами: «Псковичи на князя Ярослава жаловались: а прежде, какъ великій князь былъ въ Новгородѣ, они на него не жаловались; тогда какъ князь Ярославъ и тогда на Псковъ жаловался, и прежде, и теперь опять жалуется; если Псковичи не выдадутъ людей, осужденныхъ по пригородамъ, то великій князь, моля Бога и Пречистую его Матерь, самъ все исправить; а Ярослава князь великій оставляетъ на столѣ во Псковѣ». Двѣ недѣли бояре толковали со Псковомъ, выпрашивали тѣхъ людей, которыхъ намѣстники Ярославовы безъ суда поковали, а Псковъ расковалъ, и тѣхъ которые князю какое слово молвили; Псковичи не выдали ихъ и дали такой отвѣтъ: «которыхъ людей вы у насъ головами выпрашиваете, тѣхъ не можемъ выдать по старинѣ и пошлинѣ, какъ бывало при прежнихъ государяхъ, то люди правые; а что вы князя Ярослава у насъ на столѣ сажаете, то вѣдаетъ государь нашъ князь великій, а мы съ Ярославомъ быть не можемъ, если онъ также будетъ насильничать какъ и прежде; шлемъ еще пословъ бить челомъ нашимъ государямъ о старинахъ». Старшему послу Ивану Товаркову Псковичи дали 15 рублей, дьяку 5 рублей, младшему послу Юрью Шестяку 10 рублей; но Юрій десяти рублей не принялъ. И все это Псковское добро ихъ не тронуло, говоритъ лѣтописецъ: прѣхавши на рубежъ, всѣхъ провожатыхъ ограбили, лошадей и платье отняли, самихъ прибыли, да и деньги отняли; давно во Псковѣ не бывало такихъ пословъ: ничѣмъ ихъ нельзя было удобрить, въ двѣ недѣли стоили они 60 рублей, кромѣ даровъ. Мы видѣли, что Псковичи обѣщали отправить новыхъ пословъ къ Ювану бить челомъ о сохраненіи старины: великій князь заставилъ этихъ пословъ дожидаться четыре недѣли, и наконецъ далъ такой отвѣтъ: «Если Псковичи на дворъ нашего намѣстника, а своего князя нападали, то сами изъ старины выступили, а не я князь великій». Въ Февралѣ 1477 года князь Ярославъ получилъ изъ Москвы грамоту, въ которой приказывалось ему ѣхать туда со воимъ дворомъ, а въ Псковѣ не оставлять ни-

кого. Псковичи со страхомъ ожидали, чѣмъ изъ этого будетъ? и хотя такого злосердаго князя еще у нихъ не было, однако она высылала ему на всякій станъ корнѣ изъ города, съ честью; а онъ парочно на сорока верстахъ ночевалъ пять ночей, чтобъ побольше изубытчить Псковскую волость, на послѣднемъ же станѣ схватилъ и отвелъ 18 человекъ приставовъ, которые возили къ нему съестные припасы и чествовали его. Псковичи впрочемъ боялись напрасно: Иоаннъ собирался въ это время поковать съ Новгородомъ, потому принялъ милостиво Псковскихъ пословъ, привезшихъ ему въ даръ 100 рублей, и сказалъ имъ, что пришлетъ во Псковъ своихъ бояръ, которые устроятъ всѣ дѣла; захваченныхъ Ярославомъ людей всѣхъ отпустилъ, а самаго Ярослава не пустилъ къ себѣ на глаза во все то время, какъ Псковскіе послы были въ Москвѣ. Намѣстникомъ во Псковъ назначенъ былъ князь Василій Васильевичъ Шуйскій.

Въ награду за помощь противъ Новгорода великій князь прислалъ во Псковъ поклонъ и позолоченный кубокъ; посолъ его, Василій Китай объявилъ отъ его имени на вѣчѣ: «Я, князь великій, хочу держать васъ, свою отчину въ старинѣ; а вы бы также слово наше и жалованье держали честно; знайте это и помните». Псковичи отправили къ нему своихъ пословъ бить челомъ за жалованье и за подарокъ, и вмѣстѣ жаловаться на пословъ, что по дорогѣ, по станамъ и по подворью въ городѣ обижаютъ жителей, подарковъ просятъ не по Псковской силѣ, съ гнѣвомъ и со враждою, а что имъ Псковъ съ челобитьемъ начнетъ на вѣчѣ давать, того не принимаютъ, съ вѣча бѣгутъ изъ сердцахъ много причиняютъ христіанамъ убытковъ и истощ. Но великій князь за эту жалобу только разсердился на Псковъ, потому что бояре сказали ему совсѣмъ другое. Псковичи немного выиграли отъ перемѣны намѣстника: Василій Шуйскій, по словамъ летописца, былъ князь невинственный и грубый, только и зналъ, что пилъ да грабилъ, и много всѣмъ жалъ грубости надѣлалъ. Неизвѣстно, какииъ образомъ смѣшалъ былъ Шуйскій и на его мѣсто присланъ вторично князь

Ярославъ Васильевичъ Оболенскій, при которомъ съ 1483 года начались опять сильныя волненія; Псковичи посѣкли дворы у шести посадниковъ и у многихъ другихъ; въ слѣдующемъ году сельскіе жители, смерды, отказались исполнять свои обычныя работы для города: Псковичи посадили троихъ изъ нихъ въ тюрьму, и тогда же закликали посадниковъ и написали на нихъ мертвую грамоту, т. е. объявили ихъ осужденными на смертную казнь, за то что они вмѣстѣ съ княземъ Ярославомъ написали новую грамоту и положили ее въ ларь, безъ Псковскаго вѣдома; одного изъ посадниковъ, Гаврилу, убили на вѣчь всѣмъ Псковомъ. Опять слѣловательно Псковичи накликали на себя гнѣвъ великокняжескій, и когда въ концѣ 1484 года послы ихъ пріѣхали въ Москву съ челобитьемъ, чтобъ ихъ держали въ старинѣ, то Іоаннъ съ сердцемъ приказалъ смердовъ отпустить, посадниковъ откликать, имѣніе ихъ отпечатать, а у князя Ярослава просить прощенія: «Тогда только можете мнѣ бить челомъ, тогда я о вашемъ добрѣ стану думать», сказалъ великій князь. Послы возвратились и объявили на вѣчь приказъ Іоанновъ; но черные люди не повѣрили, и отправили въ Москву новыхъ пословъ, которые пріѣхала съ прежнимъ отвѣтомъ. Черные люди и этимъ не повѣрили, говоря, что послы согласились объявлять все одно и то же по челобитью посадниковъ, сбѣжавшихъ въ Москву, потворствуютъ имъ: видно, что и во Псковѣ, какъ въ Новгородѣ, было раздѣленіе на двѣ стороны: сторону лучшихъ и сторону меньшихъ людей. Всталъ сильный мятежь: началась брань между лучшими людьми — посадниками, боярами, жителями и чернью: первые хотѣли исполнить требованіе великаго князя, отпустить смердовъ, откликать посадниковъ, выкинуть изъ ларя мертвую грамоту, и бить челомъ князю Ярославу, чтобъ ходатайствовалъ за нихъ въ Москвѣ: боялись они отъ великаго князя казни, потому что безъ его повелѣнія, передъ его посломъ смерда казнили, и посадника Гаврилу убили. Но черные люди молодые говорили имъ: «мы во всемъ правы, и не погубить насъ за это князь великій, а вамъ не вѣримъ, и князю Ярославу не за что намъ челомъ»

бить». Послѣ долгихъ споровъ, отправили въ Москву двоихъ гонцовъ изъ молодыхъ (незначительныхъ) людей, съ такими рѣчами: «Какъ намъ, господарь, укажешь, и мы все по твоей волѣ сдѣлаемъ съ смердами и посадниками; а потомъ наши большіе послы будутъ съ челобитьемъ». Все это черные люди сдѣлали наперекоръ посадникамъ и жителямъ, послали, не исполнивши ничего, что приказывалъ великій князь. Но двое гонцовъ ихъ были убиты въ Тверской землѣ разбойниками; тогда весной 1485 года Псковичи послали въ Москву посадниковъ и бояръ, на челобитье которыхъ великій князь отвѣчалъ съ большимъ гнѣвомъ: «Если моя вотчина приказъ мой исполнить, и потомъ станетъ просить прощенія, то я буду васъ жаловать какъ должно». На этотъ разъ Псковичи послушались, отпустили смердовъ, жертвую грамоту изъ ларя выкинули, и въ двѣ двѣры посадничьи отпечатали. Осенью отправились опять въ Москву посадники и бояре вмѣстѣ съ княземъ Ярославомъ, и повезли 150 рублей; великій князь пожаловалъ, объявилъ имъ, что отчину свою будетъ держать въ старинѣ. Это уже четвертые послы, говоритъ лѣтописецъ, да пятыхъ разбойники Тверскіе убили; а все это слали Псковичи по дѣлу о смердахъ, и много убытка потерпѣли, рублей 1000 издержали, да вся земля имъ была два года. Но и этимъ дѣло не кончилось; спустя немного времени, случилось одному священнику разбирать грамоты у Наровскихъ смердовъ, и нашелъ онъ ту грамоту, въ которой говорилось, какъ смердамъ изъ вѣковъ вѣчныхъ князю и Пскову дань давать и всякія работы урочныя отправлять; отъ этой-то грамоты и произошла вся бѣда, потому что смерды, утаивши ее, не пошли на работу; Псковичи не знали, какъ бывало, въ старину, а смерды обманули великаго князя, рассказали ему все не такъ. Смердъ, увидавши грамоту въ рукахъ священника, вырвалъ ее у него; священникъ объявилъ объ этомъ, и Псковичи посадили смерда подъ стражу; съ тѣхъ поръ начали являться къ посадникамъ и ко всему Пскову изъ города, пригородовъ и волостей челобитчики на самого князя Ярослава и на его намѣстниковъ. Посадники и весь Псковъ

набрали безчисленное множество жалобъ, написали грамоты, и отправили лѣтомъ 1486 года пословъ въ Москву, посадниковъ, бояръ, да обиженныхъ по два человека съ пригорода. Послы прѣхали, били челомъ великому князю и объявили о смердѣ, что грамоту утайлъ: «Мы теперь его подъ стражею держимъ, и какъ намъ, государь, укажешь»? Великій князь, взглянувъ на нихъ ярымъ окомъ, сказалъ: «Давно ли я вамъ простилъ за дѣло о смердахъ, а теперь вы опять начинаете»? и не принялъ ни одной жалобы на Ярослава. Это было послѣднее, занесенное въ лѣтопись посольство изъ Пскова въ Москву по дѣламъ внутренняго управленія ²⁹.

И Рязань сохранила свою самостоятельность по имени только потому, что на самомъ дѣлѣ безпрекословно подчинялась распоряженіямъ великаго князя Московскаго. Мы видѣли, что это подчиненіе началось еще при Василии Темномъ, который взялъ къ себѣ на воспитаніе малолѣтнаго Рязанскаго князя Василія, а для управленія Рязанью назначилъ своихъ намѣстниковъ. Въ 1464 году Іоаннъ III отпустилъ молодаго князя въ Рязань; но Василій скоро возвратился въ Москву для того, чтобы жениться здѣсь на сестрѣ великокняжеской, Аннѣ. Въ 1483 году онъ умеръ, оставя двоихъ сыновей, Ивана и Федора, и въ томъ же году первый, какъ великій князь Рязанскій, заключилъ договоръ съ Іоанномъ Московскимъ и его родственниками ³⁰: великій князь Рязанскій обязывается считать себя младшимъ братомъ Іоанна III и сына его, и приравнивается къ удѣльному Московскому князю, Андрею Васильевичу; обязывается быть за одно на всѣхъ враговъ Москвы и не сноситься съ лиходѣями ея князя; съ великими князьями Литовскими не заключать договоровъ, не ссылаться на лихо Москвѣ, не отдаваться съ землею къ нимъ въ зависимость. Теперь въ договорахъ нашихъ князей мѣсто Ордынскихъ отношеній заступаютъ отношенія къ служебнымъ Татарскимъ царевичамъ, появившимся, какъ мы видѣли, со временъ Темнаго. Великій князь Рязанскій обязывается, по примѣру дѣда и отца, давать извѣстное количество денегъ на содержаніе царевичей, но не долженъ заключать съ ними

договоръ, ссылатся съ ними ко вреду Московскаго князя, долженъ жить съ ними по договору послѣдняго. Слѣдовательно Татарскіе царевичи находятся въ службѣ одного Московскаго великаго князя, какъ князя всея Руси; его одного знаютъ, съ нимъ одни заключаютъ договоры. Относительно князей Мещерскихъ Рязанскій князь обязывается не только не принимать ихъ къ себѣ, но даже отыскивать ихъ безъ хитрости, если они побѣгутъ отъ Іоанна, и отыскавши, выдать ему. Въ этомъ договорѣ встрѣчаемъ новое опредѣленіе границъ Московскаго и Рязанскаго княжествъ; какъ трудно было съ точностію опредѣлить границы въ Придонскихъ странахъ, видно изъ того, что Елецъ объявленъ за Москвою, а мѣста по рѣкѣ Мечѣ въ общель владѣнія ³¹.

Мы видѣли, что у великаго князя Рязанскаго, Ивана, былъ младшій братъ, удѣльный князь Федоръ: старшій братъ, по благословенію отцовскому, получилъ Переяславль Рязанскій, Ростиславль и Пронскъ; младшій Перевитскъ и Старую Рязань. Въ 1496 году оба брата заключили между собою договоръ, изъ котораго мы видимъ, что въ одно и тоже время во всѣхъ Русскихъ княжествахъ отношенія между князьями опредѣлялись точно также, какъ и въ Московскомъ княжествѣ. Великій князь Рязанскій, который въ договорѣ съ Іоанномъ Ш, приравненъ къ удѣльному Московскому, въ договорѣ съ своимъ удѣльнымъ, съ своимъ младшимъ братомъ, требуетъ, чтобъ тотъ «его великое княженіе держалъ честно и грозно безъ обиды», а самъ общается: «мнѣ, великому князю, тебя жаловать и заботиться мнѣ (печадоваться) о тебѣ и о твоей отчинѣ. И тебѣ подо мною великаго княженія не хотѣть, ни твоимъ дѣтямъ подѣ мною дѣтями». Доказательствомъ, какъ ослабли родовыя понятія, и какъ наоборотъ, усилились понятія объ отдельной собственности, о произволѣ владѣльца распоряжаться своею собственностію, служитъ то, что Рязанскіе князья считаютъ необходимымъ ввести въ свой договоръ слѣдующее условіе: «Не будетъ у меня дѣтей, и мнѣ, великому князю великимъ княженіемъ благословить тебя своего брата; а не будетъ у тебя дѣтей, и тебѣ,

моему брату своей отчины не отдать никакою хитростью мимо меня, великаго князя»³². Въ условіи не было сказано, чтобъ Федору не отдавать своей отчины мимо дѣтей старшаго брата, и Федоръ, переживши послѣдняго, и умирая бездѣтнымъ, счелъ себя въ правѣ отказать свой удѣлъ, мимо племянника, великому князю Московскому³³. Старшій братъ, великій князь Иванъ, умеръ въ 1500 году, оставя пятилѣтняго сына, именовъ также Ивана, подъ опекою матери и бабки. Каковы были отношенія Рязани къ Москвѣ въ это время, видно изъ слѣдующаго наказа, даннаго Іоанномъ III Якову Телешову, который провожалъ чрезъ Рязанскія владѣнія Каеинскаго посла. Телешовъ долженъ былъ поклониться великой княгинѣ Рязанской Агриппинѣ и сказать ей отъ великаго князя Московскаго: «Твоимъ людямъ служивымъ, боярамъ и дѣтямъ боярскимъ и сельскимъ быть всѣмъ на моей службѣ; а торговымъ людямъ, лучшимъ, среднимъ и чернымъ быть у тебя въ городѣ; если же кто ослушается и пойдетъ на Донъ, такихъ ты велѣла бы казнить, а не станешь казнить, такъ я велю ихъ казнить и продавать»³⁴.

Рязань, т. е. волости Переяславская, Ростиславльская и Пронская, благодаря родственнымъ связямъ, налогѣтству князей и опекѣ княгинь, безпрекословно исполнявшихъ приказы изъ Москвы, не были еще присоединены къ Московскому княжеству при Іоаннѣ III, который удовольствовался только присоединеніемъ Перевитска и Старой Рязани. Но въ другомъ положеніи находилась Тверь: здѣсь былъ князь взрослый, привыкшій къ самостоятельности, ибо послѣ Димитрія Донскаго Тверскіе князья постоянно сохраняли равенство положенія съ Московскимъ; мы видѣли, въ какихъ тѣсныхъ родственныхъ связяхъ находился Іоаннъ III съ Тверскими князьями. Въ началѣ своего правленія онъ заключилъ договоръ съ шуриномъ своимъ, княземъ Михаиломъ Борисовичемъ Тверскимъ, и въ этомъ договорѣ нѣтъ ничего особеннаго противъ прежнихъ³⁵; подобно отцу своему, Михаилъ обязался быть на Орду, Нѣмцевъ, Поляковъ и Латву за одно съ Московскимъ княземъ; мы видѣли, что онъ ревностно помогалъ ему даже и противъ Новгорода, не смотря на то, что

еще подь 1476 годомъ встречаемъ извѣстіе объ отъѣздѣ изъ Твери въ Москву цѣлой толпы бояръ и дѣтей боярскихъ³⁶: конечно, по договору они имѣли право отъѣхать, но все же этого явленія, занесеннаго по своей важности въ лѣтопись, мы не должны оставлять безъ вниманія. Какъ бы то ни было, разрыва между Москвою и Тверью не видимъ до конца 1484 года; въ это время въ Москвѣ узнали, что Тверской князь началъ держать дружбу съ Казимиромъ Литовскимъ и женился на внукѣ послѣдняго³⁷. Договоръ, заключенный между Михаиломъ и Казимиромъ, дошелъ до насъ³⁸: въ немъ говорится, что Казимиръ будетъ помогать Михаилу вездѣ, гдѣ тому понадобится, а Михаилъ обязывается, гдѣ будетъ близко, самъ идти со всею силою на помощь королю, и стоять съ нимъ за одно противъ всѣхъ сторонъ, не исключая ни одной. Эти обязательства были явнымъ нарушеніемъ обязательствъ, заключенныхъ съ Московскимъ княземъ и потому послѣдній объявилъ Михаилу войну. Москвичи поплѣнили Тверскую область, взяли и сожгли города; Тверь не могла воевать одна съ Москвою и при Дмитріи Донскомъ; понятно, почему она не могла выставить ей сопротивленія при Іоаннѣ III-мъ; Литовская помощь не являлась, и Михаилъ принужденъ былъ отправить въ Москву епископа съ боярами бить челомъ о мирѣ; Іоаннъ далъ миръ, потому что не любилъ ничего дѣлать съ одного раза, а приготовлялъ вѣрный успѣхъ исподоволь. Новый договоръ, заключенный между двумя великими князьями, сильно разнился отъ прежняго³⁹: въ немъ Михаилъ, подобно Рязанскому князю, обязался имѣть Московскаго князя и сына его старшими братьями, и приравнивался къ удѣльному Андрею Васильевичу, обязался сложить крестное цѣлованіе къ Казимиру торжественно передъ посломъ Московскимъ, впередъ ни съ Казимиромъ и ни съ кѣмъ изъ его преемниковъ не заключать мира и союза, не отправлять къ нимъ пословъ безъ вѣдома и думы князей Московскихъ; если великій князь Литовскій пришлетъ съ чѣмъ-нибудь къ Тверскому, то послѣдній обязанъ дать знать объ этомъ въ Москву, обязанъ быть всегда на Литовскаго князя за одно съ Москов-

скимъ; наконецъ Іоаннъ вытребовалъ у Михаила слѣдующее обязательство: «Если тебѣ надобно будетъ отправить пословъ въ Орду, то послать тебѣ туда по думѣ съ нами, великими князьями; а безъ нашей думы тебѣ въ Орду не посылать».

Нарушеніе перваго договора и обнаруженіе безпомощной слабости при заключеніи втораго не могли заставить побѣдителя уважать права побѣжденнаго, если мы даже и не предположимъ въ Іоаннѣ обдуманнаго намѣренія мало по малу обезсилить Тверь и привести ее къ необходимости покориться. Въ тотъ же годъ (1475), говоритъ лѣтописецъ ⁴⁰, пріѣхали изъ Твери служить великому князю Московскому князь Андрей Микулинскій и князь Осипъ Дорогобужскій: Микулинскому Іоаннъ далъ Дмитровъ, а Дорогобужскому Ярославль. Тогда же пріѣхали и бояре Тверскіе служить къ великому князю на Москву, не могли сносить обидъ отъ него, потому что много было обидъ имъ отъ великаго князя, отъ бояръ его и дѣтей боярскихъ при спорахъ о земляхъ: если тамъ, гдѣ межи сошлись съ межами, обидятъ Московскіе дѣти боярскіе, то пропало; а если Тверичи обидятъ, то князь великій съ бранью и съ угрозами посылаетъ къ Тверскому, отвѣтанъ его вѣры не даетъ, суду быть не позволяетъ. Въ такихъ обстоятельствахъ Михаилъ опять завелъ сношенія съ Литвою; но гонецъ его былъ перехваченъ, грамота доставлена въ Москву, откуда скоро пришли въ Тверь грозныя, укорительныя рѣчи. Испуганный Михаилъ отправилъ владыку бить челомъ Іоанну, но тотъ не принялъ челобитья; пріѣхалъ князь Михаилъ Холмской съ челобитьемъ: этого Іоаннъ не пустилъ и на глаза, и сталъ собирать войско. Въ Августѣ выступилъ онъ на Тверь съ сыномъ Іоанномъ, съ братьями Андреемъ и Борисомъ, съ княземъ Ѳедоромъ Бѣльскимъ, съ Итальянскимъ мастеромъ Аристотелемъ, съ пушками, тюфяками и пищальми. 8 Сентября Московское войско обступило Тверь, 10 зажжены посады, 11-го пріѣхали изъ Твери къ великому князю въ станъ князья и бояре Тверскіе, крамольники, какъ выражается лѣтописецъ, и били челомъ въ службу; Михаилъ Борисовичъ ночью убѣжалъ въ Литву, видя свое изнеможеніе, а Тверь присагнула

Юаншу, который посадилъ въ ней сына своего. Въ нѣкоторыхъ летописяхъ прямо сказано, что Юаннь взялъ Тверь извѣною боярскою ⁴¹; въ другихъ же находимъ извѣстiе, что главнымъ крамольникомъ былъ князь Михаилъ Холмской, котораго послѣ Юаннь сослалъ въ заточенiе въ Вологду за то, что, поцѣловавши крестъ своему князю Михаилу, Холмской отступилъ онъ него: «Не хорошо вѣрить тому, кто Богу жеть», сказалъ Юаннь при этомъ случаѣ. Изъ семейства великокняжескаго взята была въ Твери мать Михайлова, у которой Юаннь допытывался, гдѣ казна сына ея; старая княгиня отвѣчала, что Михаилъ увезъ все съ собою въ Литву, но послѣ служившiя у нея женщины донесли, что она хочетъ отослать казну къ сыну, и дѣйствительно нашли у нея много дорогихъ вещей, золота и серебра; за это великiй князь заточилъ ее въ Переяславль ⁴². О дальнѣйшей судьбѣ Князя Михаила мы знаемъ, что онъ сначала оставался въ Литвѣ не болѣе года, и куда-то уѣзжалъ: въ Сентябрь 1486 года посолъ Казимировъ говорилъ Юанну: «Тебѣ хорошо извѣстно, что союзникъ нашъ великiй князь Михаилъ Борисовичъ Тверской прiѣхалъ къ намъ, и мы его приняли. Билъ онъ челомъ, чтобъ мы ему помогли; мы хотѣли, чтобъ онъ возвратилъ себѣ отчину безъ кровопролитiя, для чего и отправляли къ тебѣ посла, какъ самъ знаешь; но посмотрѣвши въ договоръ, заключенный нами съ отцомъ твоимъ, мы ему на васъ помощи не дали, въ хлѣбѣ же и соли не отказали: жилъ онъ у насъ до тѣхъ поръ, пока самъ хотѣлъ, и какъ въ нашу землю добровольно прiѣхалъ, такъ добровольно же мы его и отпустили». Но потомъ чрезъ нѣсколько лѣтъ видимъ опять Михаила въ Краковѣ ⁴³; къ 1505 году, при пожалованiи князю Василию Львовичу Глинскому имѣнiя Лососиной въ Слонимскомъ повѣтѣ, говорится, что это имѣнiе вмѣстѣ съ двумя другими селами — Бѣлавичами и Гоцовымъ находилось прежде во владѣнiи князя Михаила Борисовича Тверскаго; знаемъ также, что Михаилъ владѣлъ еще имѣнiемъ Печи-Хвосты на Волынѣ, въ Луцкомъ повѣтѣ ⁴⁴. Въ песвижскомъ замкѣ показываютъ портретъ молодой женщины въ Русскомъ платьѣ; преданiе го-

ворить, что это дочь изгнанника князя Тверскаго, вышедшая за мужъ за одного изъ Радзивиловъ ⁴⁵.

Кромѣ Твери, при Іоаннѣ III окончательно были присоединены княжества Ярославское и Ростовское: въ 1463 году Ярославскіе князья, сохранявшіе до сихъ поръ права владѣтельныхъ, уступили свою отчину великому князю Московскому: это дѣло уладилъ Московскій дьякъ Алексѣй Полуехтовичъ; въ 1474 году два Ростовскіе князя продали Іоанну III и остальную половину своего города ⁴⁶.

ГЛАВА II.

СОФІЯ И КАЗНОУГЪ.

Мы видѣли, что одинъ только Михаилъ Андреевичъ Верейскій успѣлъ сохранить свой удѣлъ при Василіи Темномъ. Въ началѣ княженія своего, Іоаннъ III возобновилъ съ нимъ договоръ на прежнихъ основаніяхъ⁴⁷; но въ 1465 году виднѣтъ уже другой договоръ, по которому Михаилъ долженъ былъ возвратитъ великому князю нѣсколько волостей, пожалованіе Темнаго⁴⁸. И этииъ не удовольствовались: въ томъ же году встрѣчаемъ еще договоръ, въ которомъ Верейскій князь обязывается считать себя моложе всѣхъ братьевъ великокняжескихъ, даже самыхъ младшихъ. Въ 1482 году новый договоръ: Верейскій князь уступаетъ по смерти своей великому князю свою отчину Бѣлоозеро. На всѣ эти требованія Михаилъ соглашался, и не давалъ никакого предлога къ присоединенію Верейскаго удѣла. Скоро однако предлогъ отыскался, не со стороны самого Михаила, но со стороны сына его Василія. Этотъ Василій былъ женатъ на Греческой княжнѣ, племянницѣ великой княгини Софіи. Софья дала въ приданное за нею вещи, принадлежавшія первой женѣ Іоанна III, Маріи Тверской; великій князь, по случаю рожденія внука Димитрія,

хотѣлъ подарить этии вещами невѣстку Елену, и узнавъ, что онѣ переданы Верейскому князю, послалъ забрать у него все женнино приданое, при чемъ грозился посадить его въ заключеніе вмѣстѣ съ женою: Василій, оскорбленный и напуганный, уѣхалъ въ Литву. Тогда Іоаннъ отобралъ у старика Михаила отчину его Верею за вину сына, и въ видѣ уже пожалованія отдалъ ее опять, обязавъ Михаила слѣдующимъ договоромъ: «съ сыномъ своимъ, княземъ Василюемъ не ссылаться тебѣ ни какою хитростію; если пришлетъ къ тебѣ онъ съ какими рѣчами, объявить ихъ мнѣ въ правду по крестному цѣлованію, да выдать мнѣ и того человѣка, кого пришлетъ. Что я, князь великій пожаловалъ тебя своею отчиною Верею, которую взялъ за вину у сына твоего, то держать тебѣ ее за собою до самой смерти; а послѣ твоей смерти эта отчина отходить ко мнѣ; мнѣ же, великому князю и моему сыну, которому дамъ эту отчину, — поминать намъ твою душу».

Въ 1485 году умеръ несчастный старикъ Михаилъ Верейскій; въ своей духовной онъ говоритъ: «что моя отчина, чѣмъ меня благословилъ отецъ мой, и я благословилъ, далъ эту свою отчину Господину и Государю великому князю Ивану Васильевичу всея Руси». Здѣсь въ первый разъ удѣльный князь называетъ великаго Государемъ. Не смѣя думать о сынѣ, не смѣя отказать волостей замужней дочери, несчастный Михаилъ умоляетъ въ духовной: «Чтобы Господинъ мой князь великій пожаловалъ, послѣ моей смерти судовъ моихъ не посудилъ. А что мои люди, кого я пожаловалъ жалованьемъ и деревнями: и Государь бы мой князь великій послѣ моей смерти жалованья моего не порушилъ, чтобы мои люди послѣ меня не заплакали, и меня бы Государь мой князь великій во всемъ томъ не положилъ, потому что тебѣ Государю моему великому князю приказано душу поминать и долги платить».

Когда дѣло было кончено, Верейскій удѣлъ присоединенъ къ Москвѣ, великій князь позволилъ себѣ склониться на просьбы жены и сына, и согласился принять бѣжавшаго Василія Михайловича опять въ Московское государство, но только на службу,

въ качествѣ служебнаго князя не болѣе; сынъ великаго князя, Василій писалъ къ изгнаннику въ 1493 году, что «Отецъ нашъ князь великій тебя жалуетъ, хочеть твоей службы; и ты бы къ отцу нашему поѣхалъ.» Василій не поѣхалъ на такой зовъ, но, какъ видно, послалъ новую просьбу, выговаривая себѣ какое-то пожалованіе и обѣщаясь отдать все, что было дано его женѣ изъ казны великокняжеской; въ 1495 году отправился въ Литву Грекъ Петръ, который долженъ былъ сказать Василю отъ имени великаго князя: «Прислалъ ты и твоя княгиня къ моей великой княгинѣ, къ моимъ дѣтямъ и къ моимъ боярамъ битъ челомъ, чтобъ мнѣ тебя пожаловать, нелюбье съ сердца сложить, и къ себѣ тебя принять, а вы хотите отдать намъ нашу казну, что у твоей княгини: такъ ты бы прислалъ ко мнѣ списокъ вещей, которыя намъ теперъ хочешь отдать, и мы, посмотря на вашему исправленію, и жаловать васъ хотимъ». Чѣмъ дѣло кончилось, неизвѣстно⁴⁹.

Но извѣстна намъ судьба родныхъ братьевъ Іоанна III. Онъ жилъ съ ними въ мирѣ до 1472 года, когда умеръ старшій изъ нихъ, Юрій князь Дмитровскій, бездѣтнымъ; въ духовной онъ приказываетъ душу Господарю и ѣ матери своей великой княгинѣ, да Господу своему великому князю; онъ дѣлитъ по родственникамъ, церквамъ, монастырямъ села, движимое имущество, совершенно какъ частный человекъ, не говоря ничего объ удѣлѣ своемъ — Дмитровѣ, Можайскѣ, Серпуховѣ⁵⁰. Причина такого молчанія понятна: благословить поровну всѣхъ братьевъ значило разгнѣвать великаго князя; отказать все великому князю значило обидѣть остальныхъ братьевъ, — и Юрій промолчалъ; великій князь взялъ удѣлъ себѣ; братья разсердились⁵¹; на этотъ разъ дѣло кончилось однако перемиріемъ: Іоаннъ отдалъ Борису Вышгородъ, взятый передъ тѣмъ у Михаила Верейскаго, и Шопкову слободу, Андрею меньшому Вологодскому далъ Торусу; одному Андрею большому не далъ ничего самъ: уже мать его, Марія, очень любившая Андрея, дала ему свою купю, Романовъ городокъ на Волгѣ. Послѣ этого съ двумя братьями — Андреемъ Углицкимъ и

Исторія Россіи Т. V. 5

Борисомъ Волоцкимъ заключены были договоры⁵², въ которыхъ они обязались имѣть не только самого Іоанна III, но и сына его Іоанна Молодаго старшими братьями, держать Іоанна Молодаго также какъ и отца его, по смерти послѣдняго; не искать великаго княженія ни подъ кѣмъ изъ дѣтей Іоанна III; Татарскаго царевича Даниара или какой другой царевичъ будетъ на его мѣстѣ, удѣльные князья обязываются содержать за одно съ Великимъ, и если послѣдній захочетъ принять другаго царевича въ свою землю для своего и христіанскаго дѣла, то удѣльные обязаны содержать и этого царевича; наконецъ оба младшіе брата обязались не думать о выморочноиъ удѣлѣ Юрія. Повятно, что эта сдѣлка была не въ пользу удѣльныхъ; выморочная волость осталась за великимъ княземъ; они лишились своего права, подтвердивъ клятвою обязательство не вступаться въ нее, и такимъ образомъ давали старшему брату право на всѣ выморочныя области, какія будутъ впередъ, ибо въ договорахъ не сказано, что младшіе братья получили извѣстныя волости вмѣсто волостей Юріевыхъ, да и сами они послѣ, какъ увидимъ, объявляли, что обижены великимъ княземъ, который не подѣлился съ ними удѣломъ Юрія.

Такъ нарушено было одно право, которое считали за собоиъ удѣльные; скоро нарушено было и другое. Право бояръ, дѣтей боярскихъ и слугъ вольныхъ отъѣзжать отъ одного князя къ другому подтверждалось еще во всѣхъ договорахъ между князьями; но оно могло оставаться ненарушимымъ только тогда, когда существовало нѣсколько болѣе или менѣе независимыхъ княжествъ; когда же всѣ княжества поникли предъ Московскимъ, то переходъ бояръ могъ продолжаться только изъ первыхъ въ послѣднее. Какимъ образомъ младшій братъ, удѣльный, подчиненный князь могъ принять къ себѣ боярина, навлекшаго гнѣвъ великаго князя, сохраняя по прежнему свои родственныя отношенія, не возбуждая опасной вражды могущественнаго старшаго брата? Опираясь на это-то несвоевременное уже теперь право, Андрей Углицкій и Борисъ Волоцкій снова вооружились противъ Іоанна III. Въ 1479 году великій

князь отнялъ Великолуцкое наместничество у князя Ивана Оболенскаго-Лыка по жалобѣ жителей, обвинявшихъ его въ притѣсненіяхъ: когда Іоаннъ привелъ окончательно Новгородъ въ свою волю, то Лыко наѣхалъ на Луки и Ржеву, началъ судить и рядить, брать пошлины и грабить, что хотѣлъ, то дѣлалъ, владыкѣ Новгородскому и боярамъ не далъ брать пошлинъ, все бралъ на себя, слуги его дѣлали тоже самое, и жители отъ такихъ грабежей разбѣжались по заграничью⁵³. Іоаннъ нарядилъ судъ, и Оболенскій долженъ былъ выплатить гражданамъ все, что взялъ у нихъ неправдою, а иное что великій князь и безъ суда велѣлъ ему платить; Лучане обрадовались, види, что великій князь взялъ ихъ сторону, и стали уже прилыгать: гдѣ Оболенскій взялъ мало, тамъ они показывали много⁵⁴; Лыко вышелъ изъ терѣвня, и отѣхалъ отъ великаго князя къ брату его, Борису Волоцкому. Тогда Іоаннъ рѣшился впервые торжественно нарушить старинное право отѣзда: онъ послалъ на Волокъ одного изъ своихъ слугъ съ приказомъ схватить Оболенскаго среди двора княжескаго; но Борисъ не допустилъ до этого; Іоаннъ вторично послалъ къ брату съ требованіемъ выдачи отѣзжика головою; Борисъ отвѣчалъ, что не выдастъ, а кому до Оболенскаго дѣло, тому на него судъ да исправа. Между тѣмъ Іоаннъ услыхалъ о смутѣ въ Новгородѣ и поспѣшилъ туда; по нѣкоторымъ извѣстіямъ, изъ Новгорода уже онъ прислалъ приказъ Боровскому наместнику своему Образцу схатить тайно князя Ивана Лыка, гдѣ его ни отыщеть, потому что село у него было въ Боровской волости; дѣйствительно Образецъ нашелъ его въ этомъ селѣ, нечаянно попалъ на него, схватилъ, и въ оковахъ отвезъ въ Москву. Князь Борисъ Васильевичъ, услыхавъ объ этомъ, послалъ къ брату Андрею Углицкому съ жалобою на старшаго брата: «Вотъ какъ онъ съ нами поступаетъ: нельзя уже никому отѣхать къ намъ! мы ему все молчали: братъ Юрій умеръ — князю великому вся отчина его досталась, а намъ подѣла не далъ изъ нея; Новгородъ великій съ нами взялъ — ему все досталось, а намъ жребія

не далъ изъ него; теперь, кто отъѣдетъ отъ него къ намъ, беретъ безъ суда, считаетъ братью свою ниже бояръ, а духовную отца своего забылъ, какъ въ ней приказано намъ жить; забылъ и договоры, заключенные съ нами послѣ смерти отцовской». Братья посовѣтовались, и рѣшили защищать свои права вооруженною рукою.

Но мы видѣли по другимъ извѣстіямъ, что Андрей и Борисъ находились въ тайныхъ сношеніяхъ съ Новгородцами, замышлявшими возстаніе, а это не могло быть послѣ выступленія Іоанна въ Новгородъ; слѣдовательно, принимая это извѣстіе, мы не можемъ согласиться, чтобъ Іоаннъ послалъ уже изъ Новгорода грамоту къ Образцу съ приказомъ схватить Оболенскаго, и что въ слѣдствіе этого ноступка оба брата переслались и вооружились противъ великаго князя. Или сношенія удѣльныхъ князей, вообще недовольныхъ старшинъ братомъ и преимущественно раздраженныхъ попыткою Іоанна схватить Оболенскаго среди двора Борисова и потомъ требованіемъ его выдачи, — или эти сношенія происходили гораздо прежде и были въ связи съ приготовленіемъ всеобщаго движенія противъ Москвы и со стороны Литвы, и со стороны Татаръ, и захваченіе Оболенскаго Образцомъ по приказу отъ великаго князя изъ Новгорода служило для удѣльныхъ только окончательнымъ побужденіемъ и предлогомъ къ началю непріязненныхъ движеній, при чемъ очень можетъ быть, что приказъ объ этомъ захваченіи былъ присланъ Іоанномъ изъ Новгорода уже тогда, когда онъ узналъ о сношеніяхъ братьевъ съ возставшими Новгородцами; — или, если мы примемъ, что окончательное захваченіе Оболенскаго только заставило впервые удѣльныхъ князей вооружиться противъ старшаго брата, и если при этомъ мы захотимъ держаться также извѣстія о сношеніяхъ ихъ съ Новгородцами, то должны будемъ предположить, что приказъ о захваченіи Оболенскаго былъ данъ не изъ Новгорода, но предъ отправленіемъ великаго князя туда⁵⁵. Какъ бы то ни было, великій князь, узнавши въ началѣ 1480 года о непріязненныхъ движеніяхъ братьевъ,

посыпавъ изъ Новгорода въ Москву. Прїездъ его очень обрадовалъ жителей, потому что сильный страхъ напалъ на всѣхъ, когда узнали о приготовленіи удѣльныхъ къ усобицѣ; всѣ города были въ осадахъ, и многіе люди, бѣгая по лѣсамъ, черзали отъ стужи. Между тѣмъ князь Борисъ Васильевичъ выѣхалъ изъ Волока къ брату Андрею въ Угличъ, и отсюда вѣсть двинулись ко Ржеву черезъ Тверскую область. Великій князь послалъ къ нимъ туда боярина уговаривать ихъ не начинать усобицы; но братья не послушались, и вышли изъ Ржева съ княгинями, дѣтьми, боярами, лучшими дѣтьми боярскими, съ семействами ихъ и людьми, направляя путь вверхъ по Волгѣ къ Новгородскимъ волостямъ; всего народу около нихъ было тысячъ двадцать. Великій князь опять послалъ уговаривать ихъ, на этотъ разъ уже духовное лице, вѣстнаго своею начитанностію, красворѣчіемъ и энергіею владыку, Вассіана Ростовскаго; Вассіанъ уже нашелъ князей въ Новгородскихъ волостяхъ, въ Молвятицкомъ погостѣ, на рѣкѣ Полѣ, въ 180 верстахъ отъ Новгорода. Владыкѣ удалось уговорить ихъ послать къ великому князю бояръ своихъ для переговоровъ, и они отправили въ Москву двоихъ князей Оболенскихъ, послѣ чего, неизвѣстно по какой причинѣ, перемѣнили путь, пошли къ Литовскому рубежу, и остановились въ Лукахъ; тяжело было жителямъ тѣхъ областей, по которымъ двигались ихъ толпы; многіе плакали и рыдали, потому что всѣ волости лежали пусты, ратники княжескіе вездѣ грабили и пѣвнили, только мечани не сѣкли. Ставши на Лукахъ, Андрей и Борисъ послали къ королю бить челомъ, чтобъ ихъ управилъ въ обидахъ съ великимъ княземъ и помогалъ, но Казимиръ отказалъ въ помощи, только женамъ ихъ далъ Витебскъ на прожитіе. Между тѣмъ въ Москвѣ шли переговоры: великій князь очень досадовалъ на мать, думая, что она за одно съ младшими сыновьями по сильной привязанности своей къ князю Андрею Васильевичу; нужно было прежде всего отвлечь отъ возстанія этого любимца старой великой княгини, и вотъ Іоаннъ опять отправилъ къ братьямъ Вассіана съ двумя боярами сказать

инь: «Ступайте назадъ въ свою отчину, а я васъ во всеиъ хочу жаловать»; но Андрею послы должны были предложить отдельно Калугу и Алексинъ; Андрей не согласился. Скоро однако бездѣйствіе Казимира и возвращеніе Татарскаго отряда отъ Русскихъ границъ безъ важныхъ дѣйствій побудили князей снова начать переговоры съ старшимъ братомъ; они послали къ нему дьяковъ своихъ, мать также стала просить за нихъ Іоанна, но теперь уже онъ отвергъ ихъ просьбы.

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда Псковичи, притѣсненные Нѣвцами, и не видя помощи съ востока, гдѣ великій князь былъ занятъ ближайшими дѣлами, послали въ Луки къ князьямъ Андрею и Борису, чтобъ оборонили городъ Псковъ. Третьяго Сентября пріѣхали князья въ Псковъ и пробыли здѣсь десять дней. Долго упрашивали ихъ Псковичи, чтобъ отомстили поганымъ Нѣвцамъ за кровь христіанскую, но князья отвѣчали: «какъ намъ пойти съ вами въ землю иноувѣрную, когда у насъ самихъ жены, дѣти, имѣніе покинуты въ чужой землѣ? Если согласитесь, чтобъ наши жены жили здѣсь у васъ, то мы ради оборонять вашъ городъ». Псковичи были въ большой печали, не зная, что дѣлать: боялись они великаго князя, потому что кто хранитъ царскаго врага, тотъ врагъ царю; такъ и эти, хотя братья ему, но супостаты. Долго думавши такимъ образомъ, Псковичи наконецъ отказались принять женъ Андрея и Бориса: «Сами господа великіе князья знаете, сказали они имъ: не можетъ одинъ рабъ двумъ господамъ работать, по Евангельскому слову: такъ и мы не хотимъ двоимъ работать; но хотимъ одного господари держаться, великаго князя Ивана Васильевича, старшаго брата вашего; а вамъ челомъ бьемъ: сами о своемъ добрѣ и о нашемъ думайте, какъ бы нашему городу до конца не погибнуть». Князья разсердились, выѣхали изъ Пскова, и, ставши на Мелетовѣ, распустили людей своихъ воевать по всѣмъ Псковскимъ волостямъ, и тѣ повоевали все какъ невѣрные, дома Божіи пограбили, женъ и дѣвицъ посквернили и поплѣнили, въ дворахъ не оставили ни дышленка, только огнемъ

не жгли, да оружіемъ не сѣкли, потому что никто имъ не противился. Псковичи, послѣ долгихъ просьбъ, дали имъ 200 рублей, да съ околицъ 15, чтобъ только вышли отъ нихъ въ Новгородскую землю.

Между тѣмъ въ Москвѣ обстоятельства перемѣнились; нашествіе хана Золотой Орды Ахмата навело большой страхъ на великаго князя, и младшіе братья, воспользовавшись случаемъ, прислали сказать ему: «Если исправишься къ намъ, притѣснять насъ больше не будешь, а станешь держать насъ, какъ братьевъ, то мы придемъ къ тебѣ на помощь». Іоаннъ обѣщаль исполнить всѣ ихъ требованія, и братья явились къ нему съ войсками на Угру, гдѣ онъ стоялъ противъ Татаръ: Андрей получилъ Можайскъ, т. е. значительную часть выморочнаго удѣла Юріева, Борису даны были села, бывшія прежде за Василіемъ Ярославичемъ Серпуховскимъ. Великой княгинѣ — матери, митрополиту Геронтію, владыкамъ — Вассіану Ростовскому и Филоею Пермскому, Троицкому игумену Пансію и князю Михаилу Андреевичу Верейскому приписывается прииревіе братьевъ⁵⁶.

Въ Ноябрѣ 1480 ушелъ Ахматъ; въ Февралѣ 1481 Іоаннъ заключилъ договоръ съ братомъ Андреемъ Большимъ на прежнихъ условіяхъ; о Можайскѣ говорится, что великій князь пожаловалъ его Андрею съ волостями и селами, въ отчину и удѣлъ, кромѣ тѣхъ селъ и деревень, которыя уже розданы боярамъ и дѣтямъ боярскимъ; впрочемъ Андрей удерживаетъ право суда и дани на этихъ селахъ по землѣ. Любопытна также новая форма стараго условія объ отношеніяхъ Татарскихъ: «Орды вѣдать и знать намъ, великимъ князьямъ, а тебѣ Орды не знать; а если я въ Орды не дамъ, и мнѣ у тебя не взять». Вмѣсто единственнаго: Орда, теперь уже является множественное: Орды. Тогда же заключенъ договоръ и съ Борисомъ Волоцкимъ на тѣхъ же условіяхъ; только въ этомъ договорѣ не упоминается ни слова ни о какихъ новыхъ пожалованіяхъ великаго князя, даже и о селахъ, о которыхъ говоритъ летопись⁵⁷: прежде, слыша о негодованіи братьевъ,

Іоаннъ далъ волости Борису и Андрею Меньшому, не давши ничего Андрею Большому, теперь же даетъ Можайскъ последнему, не давая ничего Борису: братья были опасны въ союзѣ другъ съ другомъ; когда же одинъ, удовольствованный, отставалъ отъ союза, то другой одинъ переставалъ быть опаснымъ, и потому не нужно было тратить для него волостей. Но легко понять также, былъ ли Іоаннъ благодаренъ Андрею за то, что послѣдній, воспользовавшись тяжелыми обстоятельствами, успѣлъ получить отъ него часть удѣла Юріева?

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ умеръ бездѣтнымъ четвертый братъ, Андрей Меньшой, остававшійся на сторонѣ старшаго брата, во время возстанія среднихъ; задолжавъ великому князю 30,000 рублей за ордынскіе выходы, Андрей отказалъ ему весь свой удѣлъ, остальнымъ же двумъ братьямъ далъ только по селу⁵⁹. На этотъ разъ Андрей Большой и Борисъ не могли выставить никакихъ требованій: завѣщаніе собственника должно было имѣть полную силу.

Гораздо больше вліянія на отношенія между старшимъ и младшими братьями имѣла смерть матери ихъ, послѣдовавшая въ 1484 году, ибо этимъ событіемъ разрывался самый крѣпкій узелъ между князьями: мы знаемъ, какую сильную защитницу имѣлъ Андрей Большой въ матери, горячо его любившей. Въ 1486 году великій князь уже счелъ нужнымъ заключить съ братьями новые договоры, въ которыхъ они обязались не вступаться въ принадлежавшія великому князю волости умершихъ братьевъ — Юрія и Андрея Меньшаго, ни въ удѣлъ Верейскій, ни въ область Новгородскую и Псковскую, ни въ примыслъ великаго князя — Тверь и Кашинь; также не сносятся ни съ Казимиромъ, ни съ изгнаннымъ великимъ княземъ Тверскимъ, ни съ князьями или панами Литовскими, ни съ Новгородомъ, ни съ Псковомъ⁶⁰. Обстоятельства заставляли предугадывать печальную развязку; Андрей боялся и видѣлъ въ бѣгствѣ единственное средство спасенія. Въ 1488 году бояринъ Андреевъ Образецъ объявилъ своему князю, бывшему тогда въ Москвѣ, что старшій братъ хочетъ схватить

его. Андрей испугался, хотѣлъ уже тайно бѣжать изъ Москвы; но потомъ одумался и послалъ къ могущественному тогда вельможѣ, князю Ивану Юрьевичу Патрикѣеву, съ просьбою, чтобъ тотъ доведѣлся у великаго князя, за что онъ хочетъ схватить его. Но Патрикѣевъ отказался отъ этого опаснаго порученія; тогда Андрей самъ пошелъ къ старшему брату и разказалъ ему все; Іоаннъ поклялся ему небомъ и землею и Богомъ сильнымъ, творцемъ всея твари, что у него и въ мысляхъ не бывало ничего подобнаго. Начали искать, откуда пошелъ слухъ; оказалось, что великокняжескій сынъ боярскій, Мунтъ Татищевъ въ шутку сказалъ объ этомъ Образцу, а тотъ повѣрилъ и сказалъ князю Андрею, желая прислужиться, потому что прежде князь держалъ его въ нещлности. Татищеву Іоаннъ велѣлъ дать торговую казнь, хотѣлъ велѣть даже отрѣзать ему языкъ, но митрополитъ упросилъ не дѣлать этого ⁶⁰. Для насъ любопытно впрочемъ здѣсь то, что подобное извѣстіе уже могло быть тогда содержаніемъ шутки, и шутку могли принимать за правду. Года черезъ два послѣ этого (1491) Іоаннъ, узнавъ, что на союзника его, Крымскаго хана Менглигирея идутъ Татары съ востока, выслалъ свои полки къ нему на помощь, велѣлъ и братьямъ отправить также своихъ воеводъ, на что имѣлъ полное право по договорнымъ грамотамъ. Борисъ послалъ свои полки вѣсть съ великокняжескими, но Андрей не послалъ ⁶¹. Это было въ Маѣ; въ Сентябрѣ Андрей пріѣхалъ въ Москву, и былъ принять вечеромъ очень почетно и ласково старшимъ братомъ. На другой день явился къ нему посолъ съ приглашеніемъ на обѣдъ къ великому князю; Андрей поѣхалъ немедленно, чтобъ ударить челомъ за честь; Іоаннъ принялъ его въ комнатѣ, называвшейся западною, посидѣлъ съ нимъ, поговорилъ немного, и вышелъ въ другую комнату, повалушу, приказавши Андрею подождать, а боярамъ его идти въ столовую грядню; но какъ скоро они вошли туда, такъ были схвачены и разведены по разнымъ мѣстамъ. Въ то же время въ западную къ Андрею вошелъ князь Семенъ Ряполовскій,

съ многими другими князьями и боярами и, обливаясь слезами, едва могъ промолвить Андрею: «Государь князь Андрей Васильевич! пойманъ ты Богомъ, да государемъ великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ всея Руси, братомъ твоимъ старшимъ». Андрей всталъ и отвѣчалъ: «Воленъ Богъ, да Государь, братъ мой старшій, князь великій, Иванъ Васильевичъ; а судъ мнѣ съ нимъ передъ Богомъ, что беретъ меня неповинно». Съ перваго часу дня до вечера сидѣлъ Андрей во дворцѣ; потомъ свели его на казенный дворъ, и приставили стражу изъ многихъ князей и бояръ. Въ то же время послали въ Угличъ схватить сыновей Андреевыхъ, Ивана и Дмитрія, которыхъ посадили въ желѣзахъ въ Переяславль, дочерей не тронули ⁶².

Есть извѣстіе, что Іоаннъ такъ отвѣчалъ митрополиту, когда тотъ просилъ его объ освобожденіи Андрея: «жалъ мнѣ очень брата, и я не хочу погубить его, а на себя положить упрекъ; но освободить его не могу, потому что не разъ замышлялъ онъ на меня зло, потомъ каялся, а теперь опять началъ зло замышлять и людей моихъ къ себѣ притягивать. Да это бы еще ничего; но когда я умру, то онъ будетъ искать великаго княженія подо внукомъ моимъ, и если самъ не добудетъ, то смутитъ дѣтей моихъ, и станутъ они воевать другъ съ другомъ, а Татары будутъ Русскую землю губить, жечь и плѣнить, и дань опять наложить, и кровь христіанская опять будетъ литься, какъ прежде, и всѣ мои труды останутся напрасны, и вы будете рабами Татаръ ⁶³». Андрей умеръ въ концѣ 1494 года; есть извѣстіе, что Іоаннъ, узнавъ о смерти брата, приносилъ слезное покаянiе духовенству, которое не скоро простило его ⁶⁴; но это извѣстіе заподозривается тѣмъ, что сыновья Андреевы оставались въ заключеніи, слѣдовательно Іоаннъ не раскаявался въ своей мѣрѣ.

Бориса Волоцкаго не тронули; онъ также скоро умеръ, оставя удѣлъ двоимъ сыновьямъ — Федору и Ивану. Въ 1497 году они били челомъ великому князю чрезъ митрополита Симона

о выѣздѣ ихъ сель, разсѣянныхъ въ областяхъ великокняжескихъ и доставшихся ихъ отцу отъ прабабушки Маріи Голтиевой, на Тверскія волости, ближайшія къ ихъ удѣлу, именно Буйгородъ и Колпь ⁶⁵. Въ концѣ 1503 года меньшой изъ Волоцкихъ князей, Иванъ умеръ; въ духовной своей онъ завѣщаетъ брату нѣсколько сель, а удѣлъ свой — Рузу и половину Ржева, равно какъ служивую ружадь, доспѣхи и коней передаетъ великому князю, котораго называетъ Государенъ ⁶⁶.

Такъ возстанія удѣльныхъ князей, нѣвѣнія слѣдствіемъ кровавыя явленія въ правленіе Темнаго, при сынѣ его, благодаря окончательнымъ распоряженіямъ отца, кончились однимъ страхомъ для Московскаго народонаселенія и грабежемъ нѣкоторыхъ пограничныхъ волостей. Истощенная Орда, не могшій справиться съ собственными или ближайшими, по его мнѣнію, дѣлами на западъ Казимиръ, трепетавшій въ предсмертныхъ движеніяхъ Новгородъ, не могли дать удѣльнымъ князьямъ продолжительной опоры; страхъ, и то страхъ мнимый предъ могуществомъ Ахмата, заставилъ Іоанна уступить Андрею Можайскъ, но эта уступка была послѣдняя и не надолго. Не знаемъ, во сколько мы должны вѣрить приведенному выше извѣстію, будто Іоаннъ оправдывалъ заключеніе брата опасеніемъ, что Андрей, по смерти его, станетъ ссорить внука его и сыновей: дѣйствительно отношенія въ самой семьѣ великокняжеской, какъ они были одно время, могли подать удѣльнымъ князьямъ надежду болѣе крѣпкую, чѣмъ подавали имъ прежде Орда, Литва и Новгородъ.

Мы видѣли, что Іоаннъ еще въ очень молодыхъ лѣтахъ, при жизни отцовской, по обстоятельствамъ политическимъ, женился на Маріи Борисовнѣ, дочери великаго князя Тверскаго. Іоаннъ не долго жилъ съ нею: въ 1467 году Марія скончалась; гдѣ ея такъ распухло, что покровъ, который прежде былъ великъ, висѣлъ по краямъ, теперь уже не могъ прикрывать покойницы; начали толковать, что княгиня была отравлена, дошлись, что одна изъ женщинъ ея, Наталья, жена Алексѣя

Полухтова, послала поясъ къ ворожеѣ; великій князь разсердился и на мужа и на жену, и шесть лѣтъ потомъ не пускалъ Полухтова къ себѣ на глаза. Отъ этой первой жены Іоаннъ имѣлъ сына, именованъ также Іоанна, для отличія называемаго Молодымъ, котораго, по примѣру отцовскому, называлъ великимъ княземъ, чтобъ отнять у братьевъ предлогъ къ предъявленію старыхъ правъ старшинства предъ племянникомъ, и въ слѣдствіе этого мы видѣли, что грамоты писались отъ имени двоихъ великихъ князей, посольства отправлялись также къ двоимъ, и отвѣтъ на нихъ давали отъ двоихъ. Но не прошло еще двухъ лѣтъ по смерти Маріи, какъ началось знаменитое сватовство великаго князя на царевнѣ Греческой. Послѣ паденія Византіи, братъ павшаго на ея стѣнахъ Императора Константина, Тома Палеологъ нашелъ съ семействомъ убѣжище въ Римѣ; послѣ него осталось здѣсь двое сыновей и дочь Софія; эту дочь папа Павелъ II, чрезъ извѣстнаго кардинала Виссаріона, одного изъ Греческихъ митрополитовъ, подписавшихъ Флорентійское соединеніе, и предложилъ въ супружество Московскому великому князю, безъ сомнѣнія желая воспользоваться случаемъ завязать сношенія съ Москвою и утвердить здѣсь свою власть посредствомъ Софіи, которую, по самому воспитанію ея, не могъ подозрѣвать въ отчужденіи отъ католицизма. Въ Февралѣ 1469 года Грекъ Юрій пріѣхалъ къ великому князю съ письмомъ отъ Виссаріона, въ которомъ кардиналъ предлагалъ Іоанну руку Греческой царевны, отказавшей будто бы изъ преданности къ отцовской вѣрѣ двумъ женихамъ, королю Французскому и герцогу Медиоланскому. Великій князь взялъ эти слова въ мысль, говорить лѣтописецъ, и подумавши съ митрополитомъ, матерью, боярами, въ слѣдующемъ же мѣсяцѣ отправилъ въ Римъ своего посла, выѣзжаго италіянца, монетнаго мастера Ивана Фрязина. Фрязинъ возвратился съ портретомъ царевны и съ пропускными (опасными) грамотами отъ папы для проѣзда пословъ Московскихъ съ Софьею по всѣмъ землямъ католическимъ. Тотъ же Фрязинъ отправился опять въ Римъ представлять лице жениха при обрученіи. Папѣ хотѣлось выдать Софью за Московскаго

князя, возстановить Флорентійское соединеніе, приобрести могущественнаго союзника противъ страшныхъ Турокъ, и потому ему легко и пріятно было вѣрить всему, что ни говорилъ посолъ Московскій; а Фрязинъ, отказавшійся отъ латинства въ Москвѣ, но равнодушный къ различію исповѣданій, разказывалъ то, чего не было, обѣщавъ то, чего быть не могло, лишь бы только уладить поскорѣе дѣло, желанное и въ Москвѣ не менѣе, чѣмъ въ Римѣ.

Дѣло уладилось: въ Іюнь 1482 года Софья выѣхала изъ Рима въ сопровожденіи кардинала Антонія и многихъ Грековъ, а 1-го Октября пригнавъ во Псковъ гонцемъ Николай Ляхъ отъ моря изъ Ревеля, и объявилъ на вѣчѣ: «царевна перѣехала море, ѣдетъ въ Москву, дочь Оомы, князя Морейскаго, племянница Константина, царя Цареградскаго, внука Іоанна Палолога, зятя великаго князя Василія Дмитріевича, зовутъ ее Софья, она будетъ вамъ государыня, а великому князю Ивану Васильевичу жена, и вы бы ее встрѣтили да приняли чество». Объявивъ это Псковичамъ, гонецъ въ тотъ же день поскакалъ къ Новгороду Великому, а оттуда въ Москву. Псковичи тотчасъ начали медъ сытить и кормъ собирать; посадники и бояре изъ концовъ отправились на встрѣчу къ царевнѣ въ Изборскъ, жили уже здѣсь цѣлую недѣлю, какъ пріѣхалъ изъ Дерпта гонецъ съ приказомъ, чтобы ѣхали встрѣчать ее на Нѣмецкій берегъ; въ шести насадахъ и со множествомъ лодокъ поѣхали посадники и бояре, и встрѣтили Софью на устьѣ Эмбаха, вышли изъ судовъ, и, наливши кубки и позолоченные рога виномъ и медомъ, били ей челомъ; она приняла это отъ нихъ въ честь и любовь великую, и объявила, что сейчасъ же хочетъ ѣхать съ ними дальше, чтобъ поскорѣе покинуть Нѣмцевъ; посадникъ принималъ ее, всѣхъ пріятелей ея и казну въ свои васады, и поплыли къ Русскому берегу. Передъ Псковомъ была ей также честь большая: вышли къ ней на встрѣчу священники съ крестами и посадники; принявши благословеніе отъ священниковъ, челобитье отъ посадниковъ и всего Пскова, Софья юшла въ Троицкій соборъ съ пріятелями своими; былъ съ нею,

говорить лѣтописецъ, и владыка свой (кардиналъ), не по нашему обычаю одѣтый весь въ красное въ перчаткахъ, которыхъ ни когда не снимаетъ, и благословляетъ въ нихъ, и несутъ передъ нимъ распятіе литое, высоко взоткнутое на дровѣ, къ иконамъ не подходитъ и не крестится, въ Троицкомъ соборѣ приложился только къ Пречистой, и то по приказанію царевны. Изъ Троицкаго собора царевна пошла на княжій дворъ, гдѣ опять посадники, бояре и весь Псковъ подчивали ее виномъ, медомъ, всякими кушаньями, и всѣхъ пріятелей ея и слугъ, кормили и коней; потомъ всѣ посадники, бояре и купцы дарили ее, чѣмъ кто могъ, а отъ всего Пскова поднесли 50 рублей деньгами, да Ивану Фрязину дали 10 рублей. Царевна, видя такую почесть, сказала посадникамъ, боярамъ и всему Пскову: «теперь хочу ѣхать въ дорогу къ моему и вашему государю въ Москву, и на вашемъ почетномъ пріемѣ, на вашемъ хлѣбѣ, винѣ и меду кланяюсь: когда, Богъ дастъ, буду въ Москвѣ, и когда вамъ будетъ тамъ какая нужда, то буду усердно стараться за васъ». Сказавши это, поклонилась посадникамъ и всему Пскову, сѣла въ повозку, и выѣхала изъ города; посадники и бояре, съ виномъ, медомъ и хлѣбомъ провожали ее до Новгородскаго рубежа. Въ Новгородѣ была ей оказана такая же честь въ пріемѣ и въ дарахъ.

Софья подъезжала къ Москвѣ, а здѣсь между тѣмъ шло совѣщаніе: думалъ князь великій съ матерью, боярами и братьями — какъ сдѣлать? вездѣ, гдѣ ни останавливалась до сихъ поръ Софья, папскій посолъ, кардиналъ Антоній шелъ передъ нею, а впереди несли крестъ латинскій. Одни на совѣтѣ говорили, что ничего, можно позволить это и въ Москвѣ; другіе же возражали, что никогда этого не бывало въ нашей землѣ, чтобъ латинской вѣрѣ почесть оказывали; сдѣлалъ это одинъ разъ Исидоръ, но за то онъ и погибъ. Великій князь послалъ спросить митрополита Филиппа; тотъ велѣлъ отвѣчать: «нельзя послу нетолько войти въ городъ съ крестомъ, но и подъѣхать близко; если же ты позволишь ему это сдѣлать, желая по-

чтить его, то онъ въ одни ворота въ городъ, а я, отецъ твой, другими воротами изъ города; неприлично намъ и слышать объ этомъ, не только что видѣть, потому что кто возлюбитъ и похвалять вѣру чужую, тотъ своей поругался». Тогда великій князь послалъ боярина отобрать у легата крестъ и спрятать его въ савяхъ; Антоній сначала было воспротивился, но потомъ скоро уступилъ; больше противился Московскій посолъ, Иванъ Фрязинъ денежникъ: хотѣлось ему оказать честь папѣ, послу его и всей землѣ ихъ, потому что ему самому оказали тамъ большую почесть; будучи въ Римѣ, онъ исполнялъ всѣ латинскіе обычаи, скрывши, что принялъ въ Москвѣ православную вѣру. 12 Ноября 1472 года вѣхала Софья въ Москву, и въ тотъ же день обѣнчана была съ Иоанномъ, а на другой день легать правилъ посольство и поднесъ дары отъ папы. Разумѣется, кардиналъ долженъ былъ немедленно же обратиться къ дѣлу, за которымъ собственно пріѣхалъ, къ дѣлу о соединеніи церквей; но скоро онъ испугался, говорить лѣтописецъ, потому что митрополитъ выставилъ противъ него на споръ книжника Никиту Поповича: иное спросивши у Никиты, самъ митрополитъ говорилъ легату, о другомъ заставлялъ спорить Никиту; кардиналъ не нашелъ, что отвѣчать, и кончилъ споръ, сказавши: «нѣтъ книгъ со мною!» Такъ неудачно кончилась попытка Римскаго двора возстановить Флорентійское соединеніе посредствомъ брака князя Московскаго на Софїи Палеологъ. Но бракъ этотъ имѣлъ другія важныя слѣдствія.

До сихъ поръ главною заботою Московскихъ князей было собираніе Русской земли, примыслы, прибитки; вмѣсто вождей дружины, какими князья являлись на югѣ, мы видимъ на сѣверѣ князей — собственниковъ, хозяевъ. Мы видѣли⁶⁸, какъ всѣ отношенія, отношенія духовенства, дружины, остальнаго народонаселенія клонились къ утвержденію въ Москвѣ грѣскаго самодержавія: въ половинѣ XV вѣка все уже было приготовлено къ тому, чтобъ новое государство приняло именно эту форму; но отъ стараго порядка вещей оставались еще нѣкоторыя предація, обычаи, приемы, отъ которыхъ нуж-

но было освободиться. Великій князь Московскій на дѣлѣ былъ сильнѣйшимъ изъ князей сѣверной Руси, которому никто не могъ противиться; но онъ продолжалъ еще носить названіе великаго князя, что означало только старшаго въ родѣ княжескомъ; онъ еще недавно кланялся въ Ордѣ не только хану, но и вельможамъ его; князья родичи еще не переставали требовать родственнаго, равнаго обхожденія; члены дружины еще сохраняли старое право отъѣзда, а это отсутствіе прочности въ служебныхъ отношеніяхъ, хотя на дѣлѣ и пришедшее къ концу, давало имъ поводъ думать о старинѣ, когда дружинникъ, при первомъ неудовольствіи, отъѣзжалъ отъ одного князя къ другому, и считалъ себя въ правѣ знать всѣ души княжескія; при дворѣ Московскомъ явилась толпа служилыхъ князей, которые не забыли о своемъ происхожденіи отъ одного родоначальника съ Московскимъ великимъ княземъ, и выдѣлялись изъ дружины Московской, становясь выше ея, слѣдовательно имѣя еще болѣе притязаній; церковь, содѣйствуя Московскимъ князьямъ въ утвержденіи единовластія, давно уже старалась дать имъ высшее значеніе относительно другихъ князей; но для успѣшнѣйшаго достиженія цѣли нужна была помощь преданій Имперіи: эти-то преданія и были принесены въ Москву Софією Палэологъ. Современники замѣтили, что Іоаннъ, послѣ брака на племянницѣ Императора Византійскаго, явился грознымъ государемъ на Московскомъ Великокняжескомъ столѣ; онъ первый получилъ названіе Грознаго⁶⁹, потому что явился для князей и дружины монархомъ, требующимъ безпрекословнаго повиновенія и строго карающимъ за ослушаніе, возвысился до царственной недосягаемой высоты, передъ которою бояринъ, князь, потомокъ Рюрика и Гедиянина должны были благоговѣнно преклониться наравнѣ съ послѣднимъ изъ подданныхъ; по первому мановенію Грознаго Іоанна головы крамольныхъ князей и бояръ лежали на плахѣ. Современники и ближайшіе потомки приписали эту перемѣну внушеніямъ Софіи; и мы не имѣемъ никакого права отвергать ихъ свидѣтельство. Князь Курбскій, защитникъ стари-

ны, старыхъ правъ княжескихъ и боярскихъ, говорить, что переѣзна въ поведеніи князей Московскихъ произошла отъ внушенія женъ иноплеменныхъ⁷⁰, и сильно вооружается противъ Софьи⁷¹, хотя, съ другой стороны, указываетъ начало вражды въ поведеніи предковъ Иоанновыхъ относительно другихъ слабѣйшихъ князей⁷².

Но кромѣ Курбскаго, до насъ дошелъ еще другой боярскій отзывъ о новомъ порядкѣ вещей, принесенномъ Софьею. Уже въ княженіе сына ея Василія опальный Берсень такъ говорилъ Максиму Греку: «какъ пришли сюда Греки, такъ наша земля и замѣнилась; а до тѣхъ поръ земля наша Русская жила въ тишинѣ и въ миру. Какъ пришла сюда мать великаго князя, великая княгиня Софья съ вашими Греками, такъ наша земля и замѣнилась, и пришли нестроенія великія, какъ и у васъ въ Царѣградѣ при вашихъ царяхъ». Максимъ замѣтилъ на это: «Господинъ! мать великаго князя, великая княгиня Софья, съ обѣихъ сторонъ была рода великаго: по отцѣ царскаго рода Константинопольскаго, а по матери происходила отъ великаго герцога Феррарскаго Италійской страны». Берсень отвѣчалъ: «Господинъ! какова бы она ни была, да къ нашему нестроенью пришла. Которая земля переставляетъ обычаи свои, та земля недолго стоитъ; а здѣсь у насъ старые обычаи великій князь переѣнилъ; такъ какого добра отъ насъ ждать?» Въ чель же, по мнѣнію Берсеня, состояла эта перестановка обычаевъ? «Лучше, говоритъ онъ, старыхъ обычаевъ держаться, и людей жаловать, и старыхъ почитать; а теперь государь нашъ, запершись самъ третьей у постели, всякія дѣла дѣлаетъ»⁷³. И такъ перестановка обычаевъ состояла въ томъ, что великій князь, отстранивъ прежнее вліяніе дружины, началъ думать особо свою думу, съ кѣмъ хотѣлъ, и теперь уже дружина не могла сказать ему по прежнему: «ты, князь, самъ собою это замыслилъ, такъ не ѣдешь за тобой, мы объ этомъ ничего не знали»; — не смѣла она сказать теперь этого, потому что Московскіе князья уничтожили отдѣльныя волости, и бояръ некуда уже стало болѣе отъѣзжать. — Но не одни

недовольные князья и бояре оставили намъ свидѣтельства о важномъ вліяніи Софіи на перестановку обычаевъ въ Русской землѣ; есть свидѣтельства болѣе безпристрастныя: Герберштейнъ, бывший въ Москвѣ въ княженіе сына Софіи, говоритъ объ ней: «это была женщина необыкновенно хитрая; по ея внушенію, великій князь сдѣлалъ многое». Наконецъ, лѣтописцы подтверждаютъ это, говоря напримѣръ, что, по внушеніямъ Софіи, Іоаннъ окончательно разорвалъ съ Ордою.

26 Марта 1470 года родился у Софіи первый сынъ Василій-Гавріилъ; въ 1490 году старшій сынъ Іоанновъ, молодой великій князь Іоаннъ, разболѣлся ломотою въ ногахъ (камчюгомъ); въ это время былъ въ Москвѣ лекарь, мистръ Леонъ, жидъ, вызванный Русскими послами изъ Венеціи; Леонъ объявилъ отцу больнаго: «я вылечу сына твоего; а не вылечу, вели меня казнить смертною казною». Великій князь велѣлъ лечить; Леонъ сталъ давать больному лекарства внутрь, а къ тѣлу прикладывать стеклянки съ горячею водою; но отъ этого леченія Іоанну стало хуже, и онъ умеръ, 32-хъ лѣтъ. Старый великій князь велѣлъ схватить лекаря, и, какъ минуло покойнику сорокъ дней, Леона казнили смертію⁷⁴. Эти подробности важны для насъ, потому что люди, недовольные Іоанномъ III и Софьею, упрекали ихъ въ отравѣ Іоанна Молодаго. Но послѣдній оставилъ малолѣтнаго сына Дмитрія отъ брака своего на Еленѣ, дочери Стефана, господара Молдавскаго, и потому теперь рождался вопросъ: кому наследовать великое княженіе — сыну или внуку? Еслибы Іоаннъ III захотѣлъ обратить вниманіе на старый обычай, еслибы справился съ лѣтописями, то нашелъ бы, что внукъ не могъ получить великаго княженія не по отчиму. Но мы видѣли, что отецъ Дмитрія, Іоаннъ былъ при жизни своего отца уже великимъ княземъ, равнымъ отцу, и потому, даже по прежнимъ родовымъ счетамъ, преждевременная смерть Іоанна Молодаго не лишала сына его правъ на старшинство; притомъ же Московскому государю не было теперь нужды до старшихъ

родовыхъ счетовъ; всѣ предки его шли наперекоръ имъ, отдавая преимущество племяннику передъ дядею; Иоаннъ III, вѣрный преданію, долженъ былъ также отдать преимущество внуку Дмитрію передъ сыномъ Василюемъ. Но послѣдній шлъ за собою также важныя преимущества: онъ былъ сынъ Софїи Палеологъ, отъ царскаго корня: ему, разумеется, а уже никакъ не Дмитрію, принадлежалъ гербъ Римской Имперїи, и Софїя была способна внушить мужу и сыну высокое мнѣніе о своемъ происхожденїи, своихъ правахъ, была способна поддержать эти права. Начались происки, дворъ раздѣлся на двѣ стороны.

Если князья, бояре и по смерти Софїи дурно отзывались о ней, представляли ее виновницею переменъ, переменъ къ худшему по ихъ мнѣнію, то ясно, что они не могли быть расположены къ ней при жизни ея, и потому поддерживали Елену, вдову Іоанна Молодаго и сына ея Дмитрія; на сторону же Софїи и сына ея Василя мы видимъ только дѣтей боярскихъ и дьяковъ. Дьякъ Ѳеодоръ Стромилловъ извѣстилъ Василя, что отецъ хочетъ пожаловать великимъ княженіемъ внука Дмитрія, и, вмѣстѣ съ Анастасіемъ Яропкинѣмъ, Попркомъ, Руновѣмъ братомъ, и другими дѣтьми боярскими началъ совѣтовать молодому князю выѣхать изъ Москвы, захватить казну въ Вологдѣ и на Бѣльозерѣ, и погубить Дмитрія; главные заговорщики набрали себѣ и другихъ соумышленниковъ, привели ихъ тайно къ крестному цѣлованію. Но заговоръ былъ открытъ въ Декабрѣ 1497 года: Іоаннъ велѣлъ держать сына на его же дворѣ подъ стражею, а праверженцевъ его велѣлъ казнить; шестерыхъ казнили на Москвѣ рѣкѣ: Яропкину отсѣкли руки, ноги и голову, Попрку руки и голову; двумъ дьякамъ — Стромиллову и Гусеву, да двумъ дѣтямъ боярскимъ — князю Палецкому-Хрулю и Шевью-Стравину отсѣкли головы, многихъ другихъ дѣтей боярскихъ повесели въ тюрьмы. Въ то же время разсердился великій князь и на жену свою, великую княгиню Софью за то, что къ ней приходили ворожеи съ зельемъ: этихъ лихихъ бабъ обыскали

и утопили въ Москвѣ рѣкъ почью, послѣ чего Іоаннъ сталъ остерегаться жены⁷⁵.

Желаніе бояръ исполнилось. Но, удалившись отъ Софіи, Іоаннъ не удалился отъ мыслей, внушенныхъ ею; отстранявъ сына ея отъ великаго княженія, онъ спѣшилъ совершить царское вѣнчаніе надъ соперникомъ его, внукомъ Димитріемъ, и бояре, нелюбившіе Софію за принесеніе новыхъ понятій, пользуются однако ими и называютъ Димитрія царемъ Боговѣнчаннымъ въ укоръ Василю и сыну его. 4 Февраля 1498 года въ Успенскомъ Соборѣ среди церкви приготовили мѣсто большое, тамъ, гдѣ святителей ставятъ; на этомъ мѣстѣ поставили три стула: великому князю, внуку его Димитрію и митрополиту; на палокъ лежала шапка Мономаха и бармы. Когда великій князь съ внукомъ вошли въ церковь, митрополитъ со всѣмъ соборомъ началъ служить молебень Богородицѣ и Петру Чудотворцу, послѣ чего митрополитъ и великій князь сѣли на своихъ мѣстахъ, а князь Димитрій сталъ у мѣста передъ ними, у верхней ступени. Іоаннъ обратясь къ митрополиту, началъ говорить: «Отецъ митрополитъ! Божиимъ изволеніемъ, отъ нашихъ прародителей великихъ князей старина наша оттолѣ и до сихъ мѣстъ: отцы наши великіе князья сыновьямъ своимъ старшимъ давали великое княженіе; и я было сына своего перваго Ивана при себѣ благословилъ великимъ княженіемъ; но Божію волею сынъ мой Иванъ умеръ, у него остался сынъ первый Димитрій, и я его теперь благословляю при себѣ и послѣ себя великимъ княженіемъ Владимірскимъ, Московскимъ и Новгородскимъ; и ты бы его, отецъ, на великое княженіе благословилъ». Послѣ этой рѣчи митрополитъ велѣлъ Димитрію стать на его мѣсто, и вставши, благословилъ его крестомъ; потомъ Димитрій преклонилъ голову, и митрополитъ, положивши на нее руку, прочелъ громко молитву, чтобъ Господь Богъ далъ поставляемому скипетръ царства, посадилъ его на престолъ правды и проч. Два архимандрита поднесли сперва бармы, потомъ шапку; митрополитъ бралъ ихъ, передавалъ великому князю, а тотъ возлагалъ на

внука. За этимъ обрядомъ слѣдовала ектеня, молитва Богородицѣ и многолѣтіе, послѣ котораго духовенство поздравило обоихъ великихъ князей; митрополитъ сказалъ Іоанну: «Божією милостію радуйся и здравствуй преславный Царь Иванъ, великій князь всея Руси, Самодержецъ, и съ внукомъ своимъ великимъ княземъ Димитріемъ Ивановичемъ всея Руси, на многая лѣта»; Димитрію сказалъ: «Божією милостію здравствуй, господинъ сынъ мой князь великій Дмитрій Ивановичъ всея Руси съ государемъ своимъ дѣдомъ великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ всея Руси, на многая лѣта». Потомъ поздравляли обоихъ великихъ князей дѣти Іоанновы, бояре и всѣ люди. Митрополитъ произнесъ Димитрію слѣдующее поученіе: «Господинъ сынъ князь великій Дмитрій Ивановичъ! Божіимъ изволеніемъ дѣдъ твой князь великій пожаловалъ тебя, благословилъ великимъ княжествомъ; и ты, господинъ сынъ, имѣй страхъ Божій въ сердцѣ, люби правду и милость и судъ праведный, будь послушенъ своему Государю и дѣду великому князю, и попеченіе имѣй отъ всего сердца о всемъ православномъ христіанствѣ; а мы тебя, своего господина и сына, благословляемъ, и Бога молимъ о вашемъ здоровьѣ». Послѣ митрополита Іоаннъ повторилъ тоже наставленіе: «Внукъ князь Дмитрій! пожаловалъ я тебя и благословилъ великимъ княженіемъ; и ты имѣй страхъ въ сердцѣ, люби правду и милость и судъ праведный, и попеченіе отъ всего сердца о всемъ православномъ христіанствѣ». Такъ кончился обрядъ; великіе князья отслушали послѣ литургію, и Дмитрій вышелъ изъ церкви въ шапкѣ и бармахъ: въ дверяхъ осыпалъ его трижды деньгами золотыми и серебряными дядя Юрій Ивановичъ (Василій содержался подъ стражею); тоже повторено было передъ Архангельскимъ и Благовѣщенскимъ соборами⁷⁶.

Но торжество бояръ не было продолжительно. Не прошло еще году послѣ царскаго вѣнчанія Димитріева, какъ въ Генварѣ 1499, страшная опала постигла два знатнѣйшихъ боярскихъ семейства — князей Патрикѣевыхъ и князей Ра-

половскихъ. Мы видѣли, что при дѣдѣ и отцѣ Іоанна первое мѣсто между служилыми князьями и боярами принадлежало Литовскимъ выходцамъ, князьямъ Гедиминова рода, Патрикѣевымъ, которые породнились и съ великими князьями Московскими. Сынъ Юрія, Иванъ, первый бояринъ при Василии Темномъ, продолжалъ первенствовать и при Іоаннѣ III-мъ: къ нему послы иностранные обращались съ важными предложеніями; къ нему, какъ мы видѣли, обратился и братъ великокняжескій Андрей съ просьбою о посредничествѣ. Князь Иванъ породнился съ другимъ знаменитымъ семействомъ боярскимъ, ведшимъ свой родъ отъ Ивана, сына Всеволода III, и возвысившимся въ Москвѣ при Василии Темномъ чрезъ важныя услуги, оказанныя семейству послѣдняго: Патрикѣевъ выдалъ дочь за князя Семена Ряполовскаго-Стародубскаго. И вотъ, не смотря на важное значеніе, родство, заслуги отцовскія, Іоаннъ велѣлъ схватить князя Ивана Юрьевича съ двумя сыновьями, зятя его, князя Семена Ряполовскаго, испыталъ подробно всѣ крамолы⁷⁷; нашелъ измѣну бояръ⁷⁸, и приговорилъ ихъ къ смертной казни: 5 Февраля Семену Ряполовскому отрубили голову на Москвѣ рѣкѣ; просьбы духовенства спасли жизнь Патрикѣевымъ: отецъ со старшимъ сыномъ должны были постричься въ монахи — первый у Троицы, другой въ Кирилловъ-Бѣлозерскомъ монастырѣ; младшій сынъ остался подъ стражею въ домѣ⁷⁹. Неизвѣстно, отобрано ли было имѣніе у Патрикѣевыхъ; изъ духовной князя Ивана Юрьевича, написанной прежде опалы, знаемъ, что у него было около пятидесяти вотчинъ, сельъ, селець и деревень, поименованныхъ въ духовной, кромя такихъ селець и деревень, которыя не названы по имени, а причислены къ селамъ⁸⁰.

Лѣтописцы говорятъ глухо, не объявляють, въ чемъ состояли крамолы, измѣна Патрикѣевыхъ и Ряполовскаго; но нѣтъ сомнѣнія, что эта измѣна и крамолы состояли въ дѣйствіяхъ ихъ противъ Софьи и ея сына въ пользу Елены и Димитрія внука: это ясно видно изъ приведенныхъ выше словъ Курб-

сваго и Берсени; ясно и изъ того, что за опалою Патрикѣевыхъ и Ряполовскаго немедленно послѣдовала опала Елены и Дмитрія, торжество Софьи и Василя. Здѣсь мы не можемъ привести одного любопытнаго извѣстія, изъ котораго видно, что поведеніе Патрикѣевыхъ и Ряполовскаго, поступавшихъ еще по старой княжеской и боярской привычкѣ, не нравилось Іоанну, требовавшему новыхъ отношеній князей великихъ и бояръ къ великому князю, государю: давая наставленіе посланцѣ, отправлявшимся къ Польскому королю, Іоаннъ говоритъ: «Чтобъ во всемъ между васъ было гладко, или бы бережно, не допыана, чтобы вашихъ небреженьемъ нашему имени безчестья не было; вѣдь что сдѣлаете не по приговору, такъ намъ безчестье и вамъ тоже; и вы бы во всемъ себя берегли, а не такъ бы дѣлали, какъ князь Семень Ряполовскій высокоумничалъ съ княземъ Васильемъ, сыномъ Ивана Юрьевича»⁸¹.

Послѣ опалы боярской Іоаннъ началъ нерадѣть о внуцѣ, по выраженію лѣтописцевъ⁸², и объявилъ сына Василя великимъ княземъ Новгородъ и Пскова. Въ Новгородѣ, послѣ выводовъ старыхъ жителей, было тихо, оттуда не раздалось никакого возраженія; но Псковичи еще жили по старинѣ: узнавши объ этой новости, и не зная, въ чемъ дѣло, они отправили въ Москву троихъ посадниковъ и по три боярина съ юнца бить челомъ великимъ князьямъ Іоанну Васильевичу и внуку его Дмитрію Іоанновичу, чтобъ держали отчину свою въ старинѣ, и который великій князь будетъ на Москвѣ, тотъ былъ бы и во Псковѣ. Услыхавъ отъ пословъ такую просьбу, великій князь разсердился: «равнѣ я не воленъ въ своемъ внуцѣ и въ своихъ дѣтихъ? сказалъ онъ: кому хочу, тому и дати княжество». Одинъ посадникъ съ боярами были отпущены, двое другихъ задержаны и посажены въ тюрьму. Въ это время пріѣхалъ во Псковъ изъ Новгорода владыка Геннадій, и хотѣлъ соборовать; но посадники и Псковичи, подумавъ, соборовать владыкѣ не дали: «Ты хочешь молить Бога за великаго князя Василя, а наши посадники за тѣмъ поѣхали

къ великому князю, что мы не вѣримъ, будто князь Василій будетъ великимъ княземъ Новгородскимъ и Псковскимъ; пожди: когда прѣдутъ наши посадники и бояре, тогда и служи». Послы прѣхали, но не всё, прѣхали съ опалю безъ поклона, съ однимъ отвѣтомъ: «Развѣ не воленъ я князь великій въ своихъ дѣтяхъ и въ своемъ княженіи?» Псковичи поспѣшили послать другихъ бояръ бить челомъ великимъ князьямъ — Іоанну Васильевичу и Василію Іоанновичу Новгородскому и Псковскому, «чтобъ государи наши держали отчину свою въ старинѣ, а посадниковъ бы отпустили». Посадники были отпущены и вслѣдъ за ними прѣхалъ бояринъ изъ Москвы съ объявленіемъ, что великій князь отчину свою держитъ въ старинѣ⁸³.

Псковичи напрасно беспокоились: Іоаннъ не хотѣлъ дѣлить великаго княженія, не хотѣлъ раздирать его усобицами, которыя могли кончиться только гибелью одного изъ соперниковъ, и предупредилъ борьбу, пожертвовавъ сыну внукомъ. 11 Апрѣля 1502 года великій князь положилъ опалу на внука своего, великаго князя Дмитрія и на мать его Елену, посадилъ ихъ подъ стражу, и съ того дня не велѣлъ помянуть ихъ на ектеняхъ и литіяхъ, не велѣлъ называть Дмитрія великимъ княземъ; а 14 Апрѣля пожаловалъ сына своего Василія, благословилъ и посадилъ на великое княженіе Владимирское и Московское и всея Руси самодержцемъ, по благословенію Симона митрополита⁸¹. Съ этихъ поръ имя великаго князя Василія является въ грамотахъ подлѣ отцовскаго, при чемъ Іоаннъ называется въ отличіе великимъ княземъ большимъ⁸⁵. Отпуская пословъ въ Литву, Іоаннъ далъ имъ такой наказъ: Если дочь великаго князя (Елена) или кто другой спроситъ: какъ великій князь пожаловалъ сына своего Василія великимъ княжествомъ? то посламъ отвѣчать: «пожаловалъ государь нашъ сына своего, учинилъ государемъ такъ: какъ самъ онъ государь на государствахъ своихъ, такъ и сынъ его съ нимъ на всѣхъ тѣхъ государствахъ государь». Если же спросятъ: А вѣдъ прежде государь пожаловалъ вели-

ить княжествомъ внука своего: и онъ взялъ ли у внука великое княжество? — то на это послы должны были отвѣчать: «который сынъ отцу служить и норовить, того отецъ больше и жалуетъ; а который сынъ родителямъ не служить и не норовить, того за что жаловать?» Если же дочь великаго князя Елена спросить: гдѣ теперь внукъ и сноха? — то послы должны отвѣчать: «внукъ и сноха живутъ теперь у великаго князя, также какъ и прежде жили»⁸⁶. Посоль, отправленный въ Крымъ долженъ былъ на тѣже вопросы отвѣчать такъ: «внука своего государь нашъ было пожаловалъ, а онъ сталъ государю нашему грубить; но вѣдь жалуетъ всякій того, кто служить и норовить, а который грубить, того за что жаловать»⁸⁷.

ГЛАВА Ш.

ВОСТОКЪ.

Последній походъ Василія Темнаго былъ на Казань; первый походъ Московской рати въ княженіе сына его былъ также на Казань. Въ 1467 году служилый Московскій царевичъ Касимъ получилъ изъ Казани вѣсть, что тамъ хотятъ видѣть его ханомъ и чтобъ онъ спѣшилъ туда съ войскомъ; Касимъ обрадовался, далъ знать объ этомъ великому князю, и тотъ послалъ къ нему сильную рать подъ начальствомъ князя Ивана Васильевича Оболенскаго-Стриги. Но когда Касимъ подошелъ къ Волгѣ, то на другомъ берегу уже стоялъ Казанскій ханъ Ибрагимъ со всѣми князьями, и не допустилъ его до переезда. Обманутый Касимъ въ холодную и дождливую осень долженъ былъ возвращаться назадъ; оказался недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, такъ что многіе изъ ратниковъ Оболенскаго въ постные дни принуждены были ѣсть мясо, а лошади мерли съ голоду; много доспѣховъ было побросано на дорогѣ, но люди всѣ возвратились домой благополучно. Казанцы спѣшили отомстить, и немедленно явились подъ Галичемъ, но получили скудную добычу, потому что всѣ окружные жители сидѣли запершись въ городѣ; городовъ же брать не могли, потому что ве-

ликий князь успѣлъ разослать заставы въ Муромъ, Нижній, Кострому и Галичъ. Счастливые были Московскіе дѣти боярскіе, которые зимою, 6 Декабря, выступили изъ Галича въ землю Черемисскую. Цѣлый мѣсяцъ, въ сильную стужу, безъ дороги шли они лѣсами. 6 Января 1468 года вошли къ Черемисамъ и выжгли всю землю ихъ до тла, людей перебили, другихъ взяли въ плѣнъ, иныхъ сожгли, имѣніе все побрали, скотъ, котораго нельзя было съ собою увести, перебили; за одинъ день пути только не дошли до Казани, и возвратились къ великому князю всё поздорову; въ то же время Муромцы и Нижегородцы воевали по Волгѣ⁸⁸. Казанцы отомстили нападеніемъ на верховья рѣки Юга, гдѣ сожгли городокъ Качменгу; потомъ воевали двѣ Костромскія волости; князь Оболенскій Стрига не могъ догнать ихъ; счастливѣе былъ князь Данило Холиской, которому удалось разбить Татаръ, разорвавшихъ Муромскую волость.

Весною новый походъ: воеводы собрались на Вяткѣ, подъ Котельничемъ, повоевали по Вяткѣ Черемисъ, выплыли въ Каму, воевали до Тамлуга и Перевоза Татарскаго, побили многихъ купцовъ и товару у нихъ отняли много; входили воевать и въ Бѣлую-Воложку⁸⁹; на берегахъ Камы разбили отрядъ Татаръ изъ двухъ сотъ человекъ, потерявши на бою двухъ человекъ убитыми; наконецъ черезъ великую Пермь и Устюгъ возвратились въ Москву. Съ другой стороны князь Хрипунъ-Рябовловскій съ Нижегородскою заставою разбилъ Татарскій отрядъ, состоявшій изъ дворянъ ханскихъ. Но въ то время, какъ Русскіе воевали по Камѣ, Казанцы съ большою силою пришли къ Вяткѣ и заставили ея жителей передаться хану Ибрагиму.

Въ 1469 году, весною же, великій князь задумалъ походъ въ болѣе обширныхъ размѣрахъ: пошла подъ Казань судовая рать, въ которой были дѣти боярскіе изъ всѣхъ городовъ, подъ начальствомъ воеводы Константина Александровича Беззубцова; пошла и Московская городовая рать, сурожане, суконники, купцы и прочіе Москвичи, которыми было можно, по ихъ силѣ,

съ воеводоу княземъ Петромъ Васильевичемъ Оболенскимъ-Нагичемъ; суда шли къ Нижнему, изъ Москвы Московоу рѣкою и Окою, Коломничи и Муромцы Окою, Владиміръцы и Суздальцы Клязьмоу, Дмитровцы, Можайцы, Угличане, Ярославцы, Ростовцы, Костромичи и всѣ другіе поволжане прямо Волгою, и всѣ сошлись къ Нижнему въ одинъ срокъ. Другая рать подѣ начальствомъ князя Даниила Ярославскаго изъ Вологды и Устюга пришла къ Вяткѣ, и повѣстила Вятчанамъ, чтобъ шли вмѣстѣ на Казанскаго царя; но мы видѣли уже, что Вятчане отказались воевать противъ Ибрагима. Въ это время въ Вяткѣ былъ Казанскій посолъ, который и далъ знать своимъ, что идетъ отъ Вятки рать Московская судовая, но не большая. Между тѣмъ Беззубцевъ съ главною ратью стоялъ въ Нижнемъ, куда пришла къ нему великокняжеская грамота съ приказомъ — самому стоять въ Нижнемъ, на Казанскія же мѣста отпустить охотниковъ. Беззубцевъ созвалъ всѣхъ князей и воеводъ, и объявилъ имъ: «Прислалъ великій князь грамоту, и велѣлъ всѣмъ вамъ сказать: кто изъ васъ хочетъ идти воевать Казанскія мѣста по обѣ стороны Волги, тотъ ступай, только къ городу Казани не ходите.» Рать отвѣчала: «Всѣ хотимъ на окайныхъ Татаръ, за святыя церкви, за своего государя великаго князя Ивана и за православное христіанство!» — и пошли всѣ, а Беззубцевъ одинъ остался въ Нижнемъ. Ратники выплыли изъ Оки подѣ Нижній Новгородъ Старый, вышли изъ судовъ къ церкви, велѣли священникамъ служить молебенъ за великаго князя и за войновъ его, и милостыню роздали каждый по силѣ ⁹⁰; потомъ собрались, и стали думать — кого поставить воеводоу, чтобъ одного всѣмъ слушать; долго думавши, выбрали себѣ по своей волѣ Ивана Руна. Въ тотъ же день отплыли они отъ Нижняго, два раза ночевали на дорогѣ ⁹¹, и на третьи сутки, на ранней зарѣ, 21 Мая пришли подѣ Казань, забрались въ посады, велѣли трубить въ трубы и бросились съчъ сонныхъ Татаръ, грабить, брать въ плѣнъ, освободили христіанскихъ плѣнниковъ, Московскихъ, Рязанскихъ, Литовскихъ, Вятскихъ, Устюжскихъ, Перскихъ, и зажгли посады со всѣхъ сторонъ;

Татары, не хотя отдаться въ руки христіанамъ, и больше жалба о богатствѣ своемъ, запирались со всемія добромъ, съ женами и дѣтьми въ мечетяхъ, и тамъ сгорали. Когда посады погорѣли, русская рать, истомившись, отступила отъ города ⁹², съѣла на суда, и отплыла на островъ Коровничъ, гдѣ стояла семь дней. На осьмой прибѣжалъ изъ Казани плѣнный Коловничъ и объявилъ: «Собрался на васъ царь Казанскій Ибрагимъ со всею землею, Камскою, Сыплинскою, Костацкою, Бѣловоложскою, Вотяцкою, Башкирскою, и быть ему на васъ на ранней зарѣ, съ судовою ратью и конною.» Услыхавши эту вѣсть, воеводы и ратники начали отсылать отъ себя молодыхъ людей съ большими судами, а сами остались назади на берегу оборонять ихъ. Они приказали молодымъ стать на Ирыховъ островъ, а на узкое мѣсто не ходить; но тѣ не послушались, пошли въ узкое мѣсто на большихъ судахъ, и тутъ пришли на нихъ конные Татары, начали стрѣлять, стараясь ихъ выбить; но Русскіе отстрѣливались удачно и отбились отъ непріятеля. Между тѣмъ судовая рать Татарская, лучшіе князья и люди, пошли на главный отрядъ, собираясь пожрать его, потому что былъ не великъ; но Русскіе не испугались, пошла противъ Татаръ, и прогнали ихъ до самаго города. Возвратившись съ погони, вся рать стала на Ирыховъ островъ, и тутъ пришелъ къ ней большой воевода Беззубцевъ, который, простоявши еще семь недѣль въ ожиданіи Вятчанъ и отряда князя Ярославскаго, и видя, что въ войскѣ оказывается недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, двинулся со всею ратью назадъ къ Нижнему; на другой день встрѣтили они ханшу, мать Ибрагимову, плывшую изъ Москвы, которая объявила имъ, что войны больше не будетъ: «князь великій, говорила она, отпустилъ меня къ сыну со всемія добромъ и съ честію; больше уже не будетъ никакого лиха между нами, но все только добро будетъ.» Вѣроятно прибытіе этой ханши въ Москву и заставило великаго князя отложить походъ Беззубцева изъ Нижняго. Воевода продолжалъ путь Волгою вверхъ, и остановившись въ воскресенье на Звеничѣ островъ, велѣлъ священникамъ служить

обѣдню; отслушавъ обѣдню, хотѣли уже садиться обѣдать, а въ нѣкоторыхъ церквахъ не успѣли еще и обѣденъ отслужить, какъ вдругъ показались Татары въ судахъ на рѣкѣ и на коняхъ по берегу. Русскіе бросились на суда, схватились съ непріателемъ и прогнали его; но стрѣльба конницы заставила ихъ отплыть къ своему берегу; тогда судовые Татары погнались опять за ними, Русскіе снова оборотились и прогнали Татаръ: такъ бились цѣлый день и разошлись ночевать — Татары на своемъ берегу, Русскіе на своемъ. Какъ на другой день они разошлись, лѣтописи не говорятъ.

Но есть извѣстіе о судьбѣ другаго отряда, находившагося подъ начальствомъ князя Ярославскаго, который, какъ мы видѣли, шелъ Вяткою и Камюю. Получивши вѣсть отъ одного Татарина, что войско Беззубцева было подъ Казанью и ушло, заключивши миръ съ ханомъ, князь Ярославскій рѣшился выйти изъ Камы въ Волгу, и мимо Казани плыть къ Нижнему; но когда онъ поровнялся съ Казанью, то нашелъ, что Волга загорожена Татарскими судами; не смотря на неравенство силъ, Русскіе должны были вступить въ битву, чтобъ проложить себѣ дорогу; битва была ожесточенная, сѣклись схватываясь руками; нѣсколько воеводъ полегло на мѣстѣ; особенное мужество оказалъ князь Василій Ухтомскій, который скакалъ по связаннымъ судамъ Татарскимъ, и билъ ослопомъ непріателя; Русскіе потеряли 430 человекъ убитыми и взятыми въ плѣнъ, много было побито, потоплено и Татаръ; наконецъ князю Ухтомскому и Устюжанамъ удалось пробиться и приплыть къ Нижнему⁹³, откуда послали къ великому князю бить челомъ о жалованьи: Іоаннъ дважды посылалъ къ нимъ по золотой деньгъ; но они объ эти деньга отдали священнику, который былъ съ ними подъ Казанью, пусть Бога молитъ о государѣ и о всемъ его воинствѣ; въ третій разъ Іоаннъ послалъ имъ запасъ: 700 четвертей муки, 300 пудовъ масла, 300 луковъ, 6000 стрѣлъ, 300 шубъ бараньихъ, 300 однорядокъ изъ иностраннаго сукна и 300 сермягъ, съ приказомъ идти въ новый походъ на Казань.

Въ четыре описанные похода ничего не было сдѣлано: весь успѣхъ ограничивался опустошеніемъ непріятельскихъ областей, за что Казанцы также не оставались въ долгу; сожженіе Казанскихъ посадовъ Руноѣ не могло вознаградить за уронъ, понесенный отрядомъ князя Ярославскаго; мало того: выгода была явно на сторонѣ Казанцевъ, потому что имъ удалось подчинить себѣ Вятку. Лѣтописи не говорятъ намъ о числѣ войскъ, отправлявшихся до сихъ поръ на Казань; но изъ ихъ разказа ясно, что неуспѣхъ главнымъ образомъ зависѣлъ отъ недостатка единства въ движеніяхъ, отъ недостатка подчиненности; одинъ воевода не могъ ничего сдѣлать, потому что не могъ дожидаться другаго; приказъ великокняжескій и воеводскій не былъ исполненъ: Руно пошелъ на Казань, когда ему прямо сказано было не ходить; подъ Казанью молодые не слушались старшихъ. И вотъ для полученія чего-нибудь рѣшительнаго лѣтомъ же 1469 года Іоаннъ послалъ подъ Казань двоихъ братьевъ своихъ, Юрія и Андрея Большаго вмѣстѣ съ молодымъ Верейскимъ княземъ, Василиемъ Михайловичемъ, со всею силою Московскою и Устюжскою, конною и судовою. 1-го Сентября князь Юрій подошелъ къ Казани; Татары выѣхали на встрѣчу, но побившись немного, побѣжали въ городъ и затворились; а Русскіе обвели острогъ и отняли воду. Тогда Ибрагимъ, видя себя въ большой бѣдѣ, началъ посылать съ просьбою о мирѣ, и добилъ челомъ на всей волѣ великаго князя и воеводской. Мы не знаемъ, въ чемъ состояла эта воля; знаемъ только, что ханъ выдалъ всѣхъ плѣнниковъ, взятыхъ за 40 лѣтъ.

Очень быть можетъ, что никакихъ другихъ условій и не было; могли желать покончить скорѣе съ Казанью, потому что вниманіе отвлекалось другими важнѣйшими отношеніями: съ Новгородцами дѣла не ладились, Казимиръ Литовскій пересылался съ Ахматомъ, ханомъ Золотой Орды. Въ продолженіе слѣдующихъ осьми лѣтъ, когда Іоаннъ былъ занятъ дѣлами Новгородскими, о Казани не было слышно; и какъ нарочно ханъ Казанскій нарушилъ миръ въ то самое время, когда Іоаннъ привелъ Новгородъ окончательно въ свою волю, и могъ

обратить оружіе на востокъ. Въ началѣ 1478 года, когда еще великій князь былъ въ Новгородѣ, пришла въ Казань вѣсть, что онъ потерпѣлъ пораженіе отъ Новгородцевъ, и самъ-четвертъ убѣжалъ раненый. Ханъ поспѣшилъ воспользоваться благоприятнымъ случаемъ, и вооружился; но относительно похода Казанцевъ въ лѣтописяхъ встрѣчаемъ разныя показанія: въ нѣкоторыхъ говорится, что самъ Ибрагимъ напалъ на Вятку, взялъ много плѣнныхъ по селамъ; но города не взялъ ни одного и подъ Вяткою потерялъ много своихъ Татаръ, стоявши подъ городомъ съ масляницы до четвертой недѣли поста⁹⁴; въ иныхъ прибавлено, что и нѣкоторые города передались хану⁹⁵; въ другихъ сказано, что ханъ пошелъ было и на Устюгъ, но задержанъ былъ разлившееся рѣкою⁹⁶. Но въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ говорится, что Ибрагимъ не пошелъ самъ, а послалъ на Вятку войско, и когда пришла къ нему справедливая вѣсть, что великій князь покорилъ Новгородъ, то онъ отдалъ войску приказъ возвратиться немедленно; войско повиновалось такъ ревностно, что побѣжало, бросивши даже кушанье, которое варилось въ котлахъ⁹⁷. Мы не можемъ видѣть несогласнаго противорѣчія въ томъ, что ханъ самъ пошелъ въ походъ или только отправилъ войско съ воеводами: народная молва и самые лѣтописцы легко могли приписать походъ самому хану, хотя бы его и не было при войскѣ; легко могло явиться выраженіе: «приходилъ царь Казанскій» вмѣсто: «приходили Татары Казанскіе» или: «приходилъ царевичъ Казанскій». Что же касается до извѣстія о быстромъ отступленіи въ слѣдствіе приказа изъ Казани, то оно не противорѣчитъ извѣстію объ опустошеніи Вятской области и четырехъ-недѣльномъ стояніи подъ городомъ, ибо приказъ возвратиться именно могъ придти послѣ этого четырехъ-недѣльнаго стоянія; наконецъ относительно извѣстія о походѣ къ Устюгу легко можно допустить здѣсь отдѣльный отрядъ Татарскій.

Какъ бы то ни было, великій князь не хотѣлъ оставлять безъ вниманія нарушеніе мира со стороны Ибрагимовой, и

всюю Московскіе воеводы, Образецъ и другіе, поплыли Волгою изъ Нижняго къ Казани, опустошили волости и подышли къ городу; но сильная буря и дождь, прѣмьшала приступу и заставили Московское войско отступить; съ другой стороны Вичане и Устюжане вошли Камою въ Казанскія владѣнія и также опустошили ихъ; Ибрагимъ послалъ съ челобитьемъ къ великому князю и заключилъ миръ на всей его волѣ⁹⁸; воля эта опять остается неизвѣстною.

До сихъ поръ война съ Казанью ограничивалась жестью, опустошеніями за опустошеніи; изъ мирныхъ договоровъ, заключавшихся на волѣ великаго князя Московскаго, знаемъ только объ обязательствѣ хана отпустить плѣнниковъ; но скоро смерть Ибрагима и внутреннія смуты, послѣдовавшія за нею въ Казани, дали Московскому князю возможность утвердить здѣсь рѣшительно свое вліаніе, впервые привести въ зависимость Татарское царство. Послѣ Ибрагима осталась двое сыновей отъ разныхъ женъ — старшій Алегашъ (Али-Ханъ) и младшій Магметъ-Аминъ; около каждаго изъ нихъ образовалась своя сторона; Алегашъ, съ помощію Ногаевъ, осмѣлѣлъ, и сѣлъ на отцовскомъ столѣ; но волненія не прекратились, и подавали поводъ Московскому князю вооруженною рукою вѣшпваться въ Казанскія дѣла⁹⁹; наконецъ молодой Магметъ-Аминъ явился въ Москву, бить челомъ великому князю, назвалъ его себѣ отцемъ и просилъ у него силы на брата Алегама. Иоаннъ общалъ: ему тѣмъ болѣе выгодно было видѣть ханомъ въ Казани Магметъ-Аминя, что мать послѣдняго, Нурсалтанъ вышла за мужъ за Крымскаго хана Менгли-Гирея, вѣрнаго союзника Москвы, и скоро пришла въсть изъ Казани, обѣщавшая удачу въ предпріятіи; Казанскіе вельможи прислали сказать великому князю: «Мы отпустили къ тебѣ Магметъ-Аминя для того, что если въ случаѣ Алегашъ станеть съ нами поступать дурно, то ты опять отпустишь къ намъ Магметъ-Аминя: узнавши объ этомъ, Алегашъ зазвалъ насъ къ себѣ на пиръ и хотѣлъ перерѣзать; мы убѣжали въ степь; а онъ, укрѣпивши городъ, выступилъ за нами».

Юаннъ не сталъ болѣ медлить, и въ Апрель 1487 года послалъ на Казань большую рать подѣ начальствомъ князей — Данилы Холмскаго, Александра Оболенскаго, Семена Рязоловскаго и Семена Ярославскаго, въ слѣдъ за которыми отправилъ и Магмета-Аминя; войска, по обычаю, плыли на судахъ, лошадей гнали берегомъ. Алегамъ выѣхалъ противъ нихъ со всею силою, но, побившись немного, убѣжалъ въ городъ и заперся здѣсь. Казань была осаждена, обведена острогомъ; осада продолжалась три недѣли и каждый день Алегамъ дѣлалъ вылазки; съ другой стороны много вреда Русскому войску причинялъ князь Алгазый, оставшійся внѣ города; наконецъ воеводамъ удалось прогнать Алгазья за Каму въ степь; послѣ этого изнемогъ и Алегамъ, самъ выѣхалъ изъ города и отдался въ руки воеводамъ 9 Юля. На его мѣсто посланъ былъ Магметъ-Аминъ, какъ подручникъ великаго князя Московскаго; крамольные князья и уланы казнены смертію; Алегамъ съ женою сосланы въ заточеніе въ Вологду, мать его, братья и сестры на Бѣлоозеро въ Карголомъ¹⁰⁰. Подручническія отношенія Магметъ-Аминя къ Московскому великому князю не выражаются нисколько въ формахъ ихъ грамотъ; письма ханскія начинаются такъ: «великому князю Ивану Васильевичу всея Руси, брату моему, Магметъ-Аминъ царь челомъ бьетъ»; письма Юанновы начинаются также: «Магметъ-Аминю царю, брату моему, князь великій Иванъ челомъ бьетъ». Но не смотря на равенство въ формахъ, письма Юанновы къ Магметъ-Аминю заключаютъ въ себѣ приказанія; такъ напримѣръ, Муромскіе намѣстники поймали однажды Казанскаго Татарина, который вѣхалъ съ товарами черезъ Мордву, а Новгородъ-Нижній и Муромъ объѣхалъ, избывая пошлинъ. Узнавъ объ этомъ, Юаннъ писалъ Магметъ-Аминю: «Ты бы въ Казани и во всей своей землѣ заповѣдалъ всѣмъ своимъ людямъ, чтобъ изъ Казани чрезъ Мордву и Черемису на Муромъ и Мещеру не ѣздилъ никто; а ѣздили бы изъ Казани всѣ Волгою на Новгородъ-Нижній». Желая жениться на дочери Погайскаго хана, Магметъ-Аминъ испрашивалъ на

то согласія великаго князя; наконецъ виднеть, что на Казанскія волости наложена была извѣстная подать, шедшая въ Московскую казну и собираемая Московскими чиповниками: такъ Магметъ-Аминъ жаловался великому князю, что какойто Федоръ Киселевъ притѣсняетъ Цивильскихъ жителей, беретъ лишнія пошліны¹⁰¹.

Но самъ Магметъ-Аминъ возбудилъ противъ себя негодованіе вельможъ Казанскихъ разнаго рода насиліями. Въ Мѣѣ 1496 года онъ извѣстилъ великаго князя, что идетъ на него Шибанскій царь Мамукъ съ большою силою, а внутри Казани измѣна: сносятся съ непріятелемъ князя Калиметъ, Уракъ, Садыръ и Агишъ. Іоаннъ велѣлъ идти къ нему на помощь воеводѣ своему, Князю Семену Ряполовскому съ дѣтьми боярскими Московскаго двора и понизовыхъ городовъ; когда Калиметъ съ товарищами узнали о приближеніи Московскаго войска, то выбѣжали изъ Казани къ Мамуку; который также испугался и ушелъ домой. Но только что Московское войско успѣло возвратиться, какъ недовольные Казанцы дали объ этомъ знать Мамуку, и тотъ явился подъ Казанью съ большею силою Ногайскою и князьми Казанскими; Магметъ-Аминъ, боясь измѣны, выбѣжалъ изъ Казани съ женою и вѣрными князьми, и пріѣхалъ въ Москву, гдѣ великій князь держалъ его въ чести. Мамукъ вошелъ въ Казань безъ сопротивленія, но началъ царствованіе тѣмъ, что схватилъ своихъ старыхъ доброжелателей, Калимета съ товарищами, ограбилъ купцовъ и всѣхъ земскихъ людей. Князей онъ скоро выпустилъ и пошелъ съ ними осаждать Арскій городъ; но Арскіе князья города своего ему не сдали и бились крѣпко; въ то же время и князья Казанскіе убѣжали изъ его стана въ Казань, укрѣпили городъ, не пустили въ него Мамука, и послали въ Москву бить челомъ великому князю, чтобъ простилъ ихъ за измѣну и пожаловалъ, не присылалъ бы къ нимъ прежняго хана Магметъ-Амина, потому что отъ него большое насиліе и безчестіе женамъ ихъ. Великій князь исполнилъ ихъ просьбу, и вмѣсто Магметъ-Амина послалъ въ Казань

владимиро брата его, также сына Ибрагимова отъ Нурсалтанъ, Абдыль-Летиѣа, недавно прѣхавшаго служить ему изъ Крыма, и получившаго въ кормленіе Звенигородъ со всѣми пошлинами. Князья Семенъ Холмской и Ѳеодоръ Палецкій посадили Летиѣа на царство и привели къ присягѣ (шерти) за великаго князя всѣхъ князей Казанскихъ, улановъ и земскихъ людей, по ихъ вѣрѣ. Магметъ-Аминю, вмѣсто Казани, дали Каширу, Серпуховъ, Хотунъ со всѣми пошлинами; но онъ и здѣсь своего права не перемѣнилъ, жилъ съ насильствомъ и аично ко многимъ, по словамъ лѣтописца¹⁰².

Летиѣъ не долго царствовалъ. Какъ видно, тотъ же самый князь Калиметъ, который былъ въ главѣ недовольныхъ Магметъ-Аминемъ, потомъ оказался опасенъ Мануку и былъ имъ схваченъ, теперь не могъ ужиться и съ Летиѣомъ, и дѣйствовалъ противъ него обвиненіями въ Москвѣ: въ Гелварѣ 1502 года великій князь отправилъ въ Казань князя Василья Ноздроватаго и Ивана Телешова съ приказомъ схватить Летиѣа за его неправду; Летиѣъ былъ схваченъ, привезенъ въ Москву и сосланъ въ заточенье на Бѣлоозеро¹⁰³. По другимъ же извѣстіямъ¹⁰⁴ Летиѣъ былъ схваченъ Калиметомъ, прѣхавшимъ для того изъ Москвы. Московскій посолъ въ Крыму объявилъ Менглигирею о винахъ Летиѣа въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ: «Великій князь его пожаловалъ, посадилъ на Казани, а онъ ему началъ лгать, ни въ какихъ дѣлахъ управы не чинилъ, да и до земли Казанской сталъ быть лихъ¹⁰⁵». На мѣсто Летиѣа посаженъ былъ опять Магметъ-Аминъ, который не забылъ, что Калиметъ былъ главнымъ виновникомъ его прежняго изгнанія изъ Казани, а можетъ быть, Калиметъ своимъ поведеніемъ и своими отношеніями къ Москвѣ убѣдилъ хана, что имъ двоимъ нельзя быть вмѣстѣ въ Казани. Магметъ-Аминъ убилъ Калимета, держа гнѣвъ на великаго князя, по словамъ лѣтописца¹⁰⁶. По другимъ извѣстіямъ, этотъ гнѣвъ еще болѣе былъ воспламененъ новою женою Магметъ-Аминя, вдовою прежняго цря Казанскаго Алегана, на которой великій князь позволилъ ему жениться: будучи научена велью-

дши, она день и ночь шептала хану, чтобъ отложился отъ Москвы¹⁰⁷. Весною 1505 года Магметъ-Аминь прислалъ въ Москву одного изъ своихъ князей съ грамотою о какихъ-то дѣлахъ; какъ видно, грамота заключала въ себѣ жалобы, потому что великій князь отправилъ въ Казань своего посла сказать хану, чтобъ онъ всѣмъ тѣмъ рѣчамъ не потакалъ. Этотъ отказъ въ удовлетвореніи жалобъ послужилъ Магметъ-Аминю поводомъ къ отложенію отъ Москвы: посолъ великокняжескій былъ схваченъ вѣстѣ съ Русскими купцами, пріѣхавшими на ярмарку 24 Іюня; нѣкоторые изъ нихъ были убиты, другіе ограблены и отосланы къ Ногаямъ; послѣ чего Магметъ-Аминь подходилъ къ Нижнему Новгороду, который былъ спасенъ искусствомъ и храбростію плѣнныхъ стрѣльцовъ Литовскихъ, взятыхъ на Ведрошѣ и сосланныхъ въ Нижний. Скоро послѣдовавшая за тѣмъ смерть великаго князя дала хану возможность наслаждаться своимъ торжествомъ безнаказанно.

Прочіе, чѣмъ на Низовьяхъ Камы, утвердилось Русское владычество въ верхнихъ ея частяхъ. Мы видимъ, что еще въ княженіе Дмитрія Донскаго св. Стефанъ крестилъ часть народонаселенія Пермской земли, именно Зырянъ; изъ описаній этого событія видно, что послѣдніе еще прежде были подчинены великимъ князьямъ Московскимъ: св. Стефанъ является ходящимъ за новообращенныхъ предъ правительствомъ; дѣло Стефана въ Пермь довершено было однимъ изъ преемниковъ его: подъ 1462 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе, что Епископъ Пермскій Іона крестилъ великую Пермь и князи ея, поставилъ церкви, игуменовъ и священниковъ¹⁰⁸. Въ какомъ отношеніи находилась эта Великая Пермь и князь ея къ Москвѣ, мы не знаемъ; Новгородцы даже въ Шеловскомъ договорѣ включили Пермь въ число своихъ владѣній; но тотчасъ по заключеніи этого договора, въ 1472 году великій князь послалъ воеводу, князя Федора Пестраго, на Пермь за ихъ катерваніе; 26 Іюня пришла въ Москву вѣсть, что Пестрый завоевалъ Пермскую землю: съ устья Черной рѣки воевода

плыль на плотахъ съ лошадыи до городка Анфаловскаго; здѣсь сошелъ съ плотовъ и отправился на лошадяхъ въ верхнюю землю къ городку Искору, отпустивши отрядъ подъ начальствомъ Нелидова въ нижнюю землю, на Урось, Чердынь и Почку, гдѣ владѣлъ князь Михаилъ. Не доходя до Искора, на рѣкѣ Колвѣ, Пестрый встрѣтилъ Пермскую рать, разбилъ ее, взялъ въ плѣнъ воеводу Качаина. Отсюда Русскіе пошли къ Искору, взяли его, взяли и другіе городки и пожгли; Нелидовъ дѣлалъ тоже въ нижней землѣ. Пришедши на мѣсто, гдѣ рѣка Почка впадаетъ въ Колву, Пестрый сождался со всѣми своими отрядами, срубилъ городокъ, сѣлъ въ немъ и привелъ всю землю за великаго князя, къ которому отправилъ плѣннаго князя Михаила съ воеводами его и добычу — шестнадцать сороковъ соболей, шубу соболью, двадцать девять съ половиною поставовъ сукна, три панцыря, шлемъ и двѣ сабли булатныя¹⁰⁹. Послѣ впрочемъ во все продолженіе княженія Іоаннова, въ Перми оставались туземные князья; послѣднимъ изъ нихъ былъ Матвѣй Михайловичъ, вѣроятно сынъ упомянутаго выше Михаила; этого Матвѣя великій князь свелъ съ Великой Перми въ 1505 году, и послалъ туда перваго русскаго намѣстника, князя Василья Ковра¹¹⁰.

Новгородцы и Югру причисляли къ своимъ волостямъ; но мы видѣли, какъ непрочно было тамъ ихъ владычество. Въ 1465 году Іоаннъ велѣлъ Устюжанину, Василью Скрыбѣ воевать Югорскую землю; съ нимъ пошли охочіе люди, пошелъ также князь Василій Ермолаичъ Вымскій съ Вымичами и Вычегжанами. Выведши много полона, они привели Югорскую землю за великаго князя, двоихъ князей доставили въ Москву, гдѣ великій князь пожаловалъ ихъ опять Югорскимъ княженіемъ, и отпустилъ домой, наложивши дань. Давно уже Вогуличи нападали на Русскія владѣнія въ Перми: мы видѣли, что епископъ Питиримъ, одинъ изъ преемниковъ св. Стефана, палъ ихъ жертвою. Въ 1467 году 120 человекъ Вятчанъ вѣсть съ Пермьями воевали Вогуличей и взяли въ плѣнъ князя ихъ Асыку. Въ 1481 году Вогуличи нанали на Вели-

кую Пермь, проникли до Чердыни, но здѣсь настигли ихъ Устюжане, подъ начальствомъ Андрея Мишнева и побѣди. Асыка какинъ-то образомъ успѣлъ освободиться изъ плѣна, и въ 1483 году великій князь послалъ на него воеводу, князя Ѳедора Курбскаго Чернаго и Салтыка Травина съ Устюжанами, Вологжанами, Вычегжанами, Вышичами, Сысолчичами, Пермяками. На устьѣ Пелыни встрѣтили они Вогуличей и разбили съ потерей только семи челоувѣкъ своихъ; отсюда пошли внизъ по Тавдѣ, мимо Тюмени въ Сибирскую землю, дорогою воевали, добра и плѣнныхъ взяли много; отъ Сибири пошли внизъ по Иртышу, съ Иртыша на Обь, въ Югорскую землю, гдѣ взяли въ плѣнъ большаго ея князя Молдана и другихъ, и возвратились въ Устюгъ 1 Октября, вышедши отсюда 9 Мая. Въ 1485 году, по старанію Пермскаго епископа Филоея, князья Югорскіе, Кодскіе, Молданъ, отпущенный изъ плѣна съ дѣтьми да трое другихъ, заключили миръ подъ владычнымъ городомъ Устьвымскимъ съ князьями Выжскими, Петромъ и Ѳедоромъ, съ Вычегодскимъ сотникомъ и съ владычнымъ слугою, клялись лиха не мыслить и не нападать на Пермскихъ людей, а предъ великимъ княземъ вести себя исправно; для подкрѣпленія клятвы пили воду съ золота, по своему обычаю. Въ послѣдній годъ XV вѣка былъ послѣдній походъ на Югорскую землю, на Вогуличей: ходили воеводы, князь Сеиень Курбскій, Петръ Ушатый и Заболоцкій-Бражникъ, съ 5000 Устюжанъ, Двинянъ, Вятчанъ; разными рѣками и волоками достигли Печоры, построили на берегу крѣпость и отсюда отправились за Уральскія горы, которыя перешли съ большимъ трудомъ¹¹¹.

Такъ утвержденіе Русскаго владычества на Камѣ, въ Перми имѣло необходимымъ слѣдствіемъ подчиненіе и отдаленнѣйшихъ странъ сѣверовосточныхъ, переходъ черезъ Уральскія горы, потому что дикіе жители этихъ странъ нападали на Пермь и тѣмъ самымъ вызвали на себя Русское оружіе. Но вдаваясь все болѣе и болѣе на сѣверовостокъ, по искони принятому направленію; распространяясь легко на счетъ дикихъ Финскихъ

племень, рѣдко разбросанныхъ по огромнымъ пространствамъ, Русскія владѣнія не могли съ такою же легкостію распространяться на юговостокъ, ибо тамъ еще стояли своими вежами Татары, ослабленные раздѣленіемъ на нѣсколько ордъ, потерявшіе для Руси прежнее значеніе безусловныхъ повелителей, но въ первую половину княженія Іоаннова еще не отказывавшіеся отъ притязаній на дань, и долго послѣ опасные, какъ разбойники неукротимые. Казань, благодаря усобицѣ между дѣтьми Ибрагимовыми, была приведена въ волю великаго князя Московскаго, но отложила передъ смертію Іоанна, и послѣ долгихъ усилій окончательно была покорена только при внуцѣ его. Золотая орда разсыпалась окончательно при Іоаннѣ III, но передъ паденіемъ своимъ привела въ сильный страхъ Московское государство, не оставляя своихъ притязаній на господство надъ нимъ.

Увлекаемый Новгородцами въ борьбу съ Московскимъ княземъ и не имѣя досуга и средствъ къ этой борьбѣ, Казимиръ Литовскій хотѣлъ остановить Іоанна посредствомъ Татаръ: въ 1471 году онъ послалъ въ Золотую орду къ хану Ахмату татарина Кирѣя Криваго, холопа Іоаннова, бѣжавшаго отъ своего господина въ Литву. Приѣхавши къ Ахмату, Кирѣя началъ говорить ему отъ короля на Московскаго князя много рѣчи лживыя и обговоры, поднесъ богатые дары хану и всѣмъ вельможамъ его, и бѣдъ челомъ, чтобъ вольный царь пожаловалъ, пошелъ на Московскаго князя со всею ордою, а король съ другой стороны пойдетъ на Москву со всею своею землею; вельможи были за короля, но хану въ это время былъ недосугъ: цѣлый годъ продержалъ онъ у себя Кирѣя, не имѣя съ чѣмъ отнустить его¹¹², а между тѣмъ Вятчане, приплывши Волгою, овладѣли Сараемъ, во время отсутствія хана, разграбили городъ, взяли плѣнныхъ множество¹¹³.

Не успѣвши во время отвлечь Іоанна отъ Новгорода, Ахматъ пришелъ къ Московскимъ границамъ только лѣтомъ 1474 года, когда Новгородскій походъ былъ уже конченъ и великій князь могъ направить всѣ свои силы въ одну сторону. Узнав-

ши, что ханъ подѣ Алексиницѣ, Іоаннъ велѣлъ идти къ Оку братьяиъ своимъ и воеводаиъ, и самъ немедленно поѣхалъ въ Коломну, а оттуда въ Ростовславль, куда велѣлъ слѣдовать за собою и смну Іоанну ¹¹⁴. Въ Алексинѣ было мало ратныхъ людей, не было ни пушекъ, ни пищалей, ни самострѣловъ, никакого городнаго пристрою, и потому великій князь велѣлъ воеводѣ Алексинскому Беклемишеву оставить городъ по невозможности держаться въ немъ ¹⁷⁵; но воевода не хотѣлъ выйти изъ города, не взявши посула съ жителей; тѣ давали ему нать рублей; но онъ требовалъ шестаго для жены, и въ то время какъ происходила эта торговля, Татары повели приступъ; воевода бросился съ женою и слугами на другой берегъ; Татары пунулись также въ Оку догонять его, но поймать не могли, потому что въ это время приспѣлъ на берегъ князь Василій Михайловичъ Верейскій, и не далъ имъ переправиться; въ тотъ же день пришли къ Оку двое братьевъ Іоанновыхъ, Юрій изъ Серпухова и Борисъ съ Козлова броду, да воевода Петръ Челядиницъ съ дворомъ великаго князя. Ханъ велѣлъ своимъ взять Алексинцъ; но граждане храбро оборонялись и убили много Татаръ. Скоро однако нечѣмъ стало болѣе оборониться, не осталось ни стрѣлы, ни коня, Татары зажгли городъ, и онъ сгорѣлъ съ людьми и добромъ ихъ; кто же выбѣжалъ отъ огня, тѣ попались въ руки Татарамъ; князь Юрій Васильевичъ и воеводы стояли на другомъ берегу и плакали; но помочь не могли, по глубинѣ Оки въ этомъ мѣстѣ; послѣ ханъ спросилъ одного плѣнника: куда дѣвались Алексинцы? сгорѣло ихъ мало, и въ плѣнъ попалось также мало? плѣнникъ, которому посулили свободу за открытіе, объявилъ, что болѣе тысячи человекъ со всемъ добромъ забѣжали въ тайникъ, выведенный къ рѣкѣ; Татары взяли тайникъ и тутъ уже ни одинъ Алексинецъ не ушелъ отъ нихъ. Истребленіемъ Алексина впрочемъ и ограничились всѣ успѣхи Ахмата: слыша, что самъ великій князь стоитъ въ Ростовславлѣ, царевичъ Даньяръ Касимовичъ, съ Татарами и Русскими въ Коломнѣ, братъ великаго князя Андрей Васильевичъ въ Серпуховѣ, видя передъ собою многочисленныя полки

князя Юрія, какъ море колеблющіеся въ свѣтломъ вооруженіи, ханъ двинулся назадъ въ свои улусы; по нѣкоторымъ же извѣстіямъ Ахмать принужденъ былъ отступить въ слѣдствіе моровой язвы, открывшейся въ его войскѣ ¹¹⁶; впрочемъ страхъ Ахматовъ будетъ понятенъ и безъ моровой язвы, если справедливо извѣстіе одного лѣтописца, что у Рускихъ было 180,000 войска, стоявшаго въ разныхъ мѣстахъ на пространствахъ 150 верстъ ¹¹⁷.

Послѣ этого, какъ видно, заключенъ былъ миръ между Ахматомъ и великимъ княземъ: подъ 1474 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе о приходѣ изъ Орды Никифора Басенка съ Ахматовымъ посломъ Каракучкомъ, который привелъ съ собою 600 Татаръ, принадлежавшихъ къ посольству, получавшихъ поэтому пищу отъ великаго князя, кромѣ 3200 купцовъ, приведшихъ на продажу болѣе 40,000 лошадей. Въ 1476 году пріѣхалъ въ Москву новый посолъ отъ Ахмата звать великаго князя въ орду; Іоаннъ отправилъ съ нимъ къ хану своего посла Бестужева, неизвѣстно съ какими рѣчами; извѣстно только то, что эти рѣчи не понравились; есть извѣстіе, впрочемъ сильно подозрительное, что когда ханъ отправилъ въ Москву новыхъ пословъ съ требованіемъ дани, то Іоаннъ взялъ басму (или ханское изображеніе), изломалъ ее, бросилъ на землю, растопталъ ногами, велѣлъ умертвить пословъ, кромѣ одного, и сказалъ ему: «Ступай, объяви хану: что случилось съ его басмою и послами, то будетъ и съ нимъ, если онъ не оставитъ меня въ покоѣ ¹¹⁸». Гораздо вѣроятнѣе другое извѣстіе, что великую княгиню Софію оскорбляла зависимость ея мужа отъ степныхъ варваровъ, зависимость, выражавшаяся платежемъ дани, и что племянница Визавтійскаго императора такъ уговаривала Іоанна прервать эту зависимость: «отецъ мой и я захотѣли лучше отчины лишиться, чѣмъ дань давать; я отказала въ рукѣ своей богатымъ, сильнымъ князьямъ и королямъ для вѣры, вышла за тебя, а ты теперъ хочешь меня и дѣтей моихъ сдѣлать даниками; развѣ у тебя мало войска? за чѣмъ слушаешься рабовъ своихъ, и не хочешь стоять за честь свою и за

вѣру святую ¹¹⁹. Къ этому извѣстію прибавляютъ, будто по старанію Софіи у пословъ и купцовъ Татарскихъ взято было кремлевское подворье, будто Софья уговорила Іоанна не выходить пѣшкомъ на встрѣчу къ посланцѣмъ ордынскимъ, привозившимъ басму; будто древніе князья кланялись при этомъ посланцѣмъ, подносили кубокъ съ кумысомъ и выслушивали ханскую грамоту стоя на колѣнахъ; будто Іоаннъ, для избѣжанія этихъ унижительныхъ обрядовъ, сказывался больнымъ при вѣздѣ пословъ ханскихъ; но можно ли допустить, чтобъ отецъ и дѣдъ Іоанновъ подвергались этимъ обрядамъ, если даже допустить, что иностранцы, свидѣтельствующіе о нихъ ¹²⁰, и сказали полную правду?

Какъ бы то ни было, вѣроятно, что Ахматъ не былъ доволенъ поведеніемъ Іоанна, и въ 1480 году, заслышавъ о возстаніи братьевъ великаго князя, и согласившись опять дѣйствовать за одно съ Казимиромъ Литовскимъ, выступилъ на Москву; лѣтописцы говорятъ, что и на этотъ разъ король былъ главнымъ подстрекателемъ. Получивши вѣсть о движеніи Ахмата, великій князь началъ отпускать воеводъ на берега Оки: брата, Андрея Меньшаго отправилъ въ Торусу, сына Іоанна въ Серпуховъ и, получивши вѣсть, что ханъ приближается къ Дону, отправился самъ въ Коломну, 23 Іюля. Но ханъ, видя что по Окѣ разставлены сильныя полки, взялъ направленіе къ западу, къ Литовской землѣ, чтобъ проникнуть въ Московскія владѣнія чрезъ Угру; тогда Іоаннъ велѣлъ сыну и брату спѣшить туда; князья исполнили приказъ, пришли къ Угрѣ прежде Татаръ, отняли броды и перевозки.

Въ Москвѣ сѣли въ осаду: мать великаго князя, инокиня Марѳа, князь Михайлъ Андреевичъ Верейскій, митрополитъ Геронтій, Ростовскій владыка Вассіанъ, намѣстникъ Московскій, князь Иванъ Юрьевичъ Патрикѣевъ съ дьякомъ Васильемъ Маныревымъ; а жену свою, великую княгиню Софію (Римлянку, какъ выражаются лѣтописцы), Іоаннъ послалъ вмѣстѣ съ казною на Белоозеро, давши наказъ ѣхать далѣе къ морю и океану, если ханъ перейдетъ Оку и Москва будетъ взята. Касательно

самого великаго князя, мнѣнія раздѣлились: одни, приводя непостоянство военнаго счастья, указывая на примѣръ великаго князя Василія Васильевича, взятаго въ плѣнъ Казанскими Татарами въ Суздальскомъ бою, указывая на бѣдствія, бывшія слѣдствіемъ этого плѣна, думали, что Іоаннъ не долженъ выводить войска противъ Татаръ, но долженъ удалиться на сѣверъ, въ мѣста безопасныя; другіе же, особенно духовенство, и изъ духовныхъ преимущественно Вассіанъ, архіепископъ Ростовскій, по талантамъ, грамотности и энергіи выдававшійся на первый планъ, думали, что великій князь долженъ оставаться съ войскомъ на границахъ; лѣтописецъ, оставившій намъ подробнѣйшій разказъ о событіи, держался того же мнѣнія, и сильно вооружается противъ людей, настаивавшихъ на удаленіе великаго князя отъ границъ, именно противъ двомъ приближенныхъ боярѣ, Ивана Васильевича Ощеры и Григорія Андреевича Мамонова. По его словамъ, эти богатые люди думали только о богатствѣ своемъ, о женахъ, о дѣтвхъ, хотѣли укрыть ихъ и самихъ себя въ безопасныхъ мѣстахъ, и припоминали Іоанну Суздальскій бой, какъ отца его взяли Татары въ плѣнъ и били; припоминали, что когда Тохтамышъ приходилъ, то великій князь Димитрій бѣжалъ въ Кострому, а не бился съ ханомъ. Но должно замѣтить, что лѣтописецъ, равно какъ и Вассіанъ, въ посланіи своемъ, удивительнымъ для насъ образомъ смѣшиваютъ двѣ вещи: удаленіе великаго князя отъ войска и бѣгство малаго войска, покинутіе государства на жертву Татарамъ, что, по ихъ словамъ, Ощера и Мамоновъ именно совѣтовали. Великій князь, оставя войска на берегу Оки, и приказавши съечь городокъ Каширу, поѣхалъ въ Москву, чтобъ посовѣтоваться съ матерью, митрополитомъ и боярами, а князю Даниилу Холмскому далъ приказъ — по первой присылкѣ отъ него изъ Москвы, ѣхать туда же вмѣстѣ съ молодымъ великимъ княземъ Іоанномъ.

30 Сентября, когда Москвичи перебирались изъ посадовъ въ Кремль на осадное сидѣнье, вдругъ увидали они великаго князя, который въѣзжалъ въ городъ вмѣстѣ съ княземъ Феодоромъ Палецкимъ; народъ подумалъ, что все кончено, что Татары идутъ

но слѣдѣтъ Іоанна; въ толпахъ слышались жалобы: «Когда ты, государь великій князь! надъ нами княжишь въ кротости и тихости, тогда насъ много въ бездѣлицѣ продаешь; а теперь самъ разгнѣвалъ царя, не платя ему выхода, да насъ выдаешь царю и Татарамъ.» Въ кремль встрѣтили Іоанна митрополитъ и Вассіанъ; Ростовскій владыка, называя его бѣгуношъ, сказалъ ему: «Вся кровь христіанская падетъ на тебя за то, что выдавши христіанство, бѣжишь прочь, бою съ Татарами не поставивши и не бившись съ ними; за чѣмъ боишься смерти? не безсмертный ты человекъ, смертный; а безъ року смерти нѣтъ ни человеку, ни птицѣ, ни звѣрю; дай нѣ старикау войско въ руки, увидишь, уклоню ли я лице свое передъ Татарами!» Великій князь, опасаясь гражданъ, не поѣхалъ на свой кремлевскій дворъ, а жилъ въ Красномъ сельцѣ ¹²²; къ сыну послалъ грамоту, чтобъ немедленно ѣхалъ въ Москву; но тотъ рѣшился лучше навлечь на себя гнѣвъ отцовскій, чѣмъ отъѣхать отъ берега. Видя, что грамоты сынъ не слушаетъ, Іоаннъ послалъ приказаніе Холмскому — схвативши силою молодаго великаго князя, привезти въ Москву; но Холмской не рѣшился употребить силы, а сталъ уговаривать Іоанна, чтобъ ѣхалъ къ отцу; тотъ отвѣчалъ ему: «Умру здѣсь, а къ отцу не пойду.» Онъ устерегъ движеніе Татаръ, хотѣвшихъ тайномъ переправиться черезъ Угру и внезапно броситься на Москву: ихъ отбили отъ Русскаго берега съ большимъ урономъ.

Въ Москвѣ внѣшніе Вассіана превозмогло: проживши двѣ недѣли въ Красномъ сельцѣ, приказавши Патрикееву съезъ Московскій посадъ и распорядившись переводомъ Дмитровцевъ въ Переяславль для осады, а Москвичей въ Дмитровъ, великій князь отправился къ войску. Передъ отъѣздомъ митрополитъ со всѣмъ духовенствомъ благословилъ его крестомъ и сказалъ: «Богъ да сохранить царство твое силою честнаго креста и дастъ тебѣ побѣду на враговъ; только мужайся и крѣпись, сынъ духовный! не какъ наемникъ, но какъ пастырь добрый, полагающій душу свою за овцы, потщись избавить врученное тебѣ словесное стадо Христовыхъ овецъ отъ грядущаго нивѣ

волка; и Господь Богъ укрѣпить тебя, и поможетъ тебѣ и всему твоему Христолюбивому воинству». Все духовенство въ одинъ голосъ сказало: «аминь, буди тако, Господу ти помогающу!» Иоаннъ отправился, но сталъ не на Угрѣ, въ виду Татаръ, а въ Кременецъ, на рѣкѣ Лужѣ, въ тридцати верстахъ отъ Медыни, гдѣ теперь село Кременецкое. Здѣсь опять Ощера и Мамонъ начали совѣтовать ему удалиться: на этотъ разъ впрочемъ Иоаннъ не поѣхалъ въ Москву, но попытался, нельзя ли кончить дѣло миромъ, и отправилъ къ хану Ивана Товаркова съ челобитьемъ и дарами, прося жалованья, чтобъ отступилъ прочь, а улусу своего не велѣлъ воевать. Ханъ отвѣчалъ: «Жалую Ивана; пусть самъ прїѣдетъ бить челомъ, какъ отцу его къ нашимъ отцамъ ѣздили въ орду». Но великій князь не поѣхалъ; слыша, что Иоаннъ самъ ѣхать не хочетъ, ханъ прислалъ сказать ему: «Самъ нехочешь ѣхать, такъ сына прїшли или брата». Не получивши отвѣта, Ахматъ послалъ въ третій разъ: «Сынаи брата не прїшлешь, такъ прїшли Никифора Басенкова:» — Никифоръ этотъ былъ уже разъ въ ордѣ, и много даровъ давалъ отъ себя Татарамъ, за что и любили его ханъ и всѣ князья. Но Иоаннъ не послалъ и Басенкова; говорятъ, что къ этому рѣшенію побудило его посланіе Вассіана, который, узнавши о переговорахъ, писалъ такъ великому князю:

«Благовѣрному и христолюбивому, благородному и Богомъ вънчанному, и Богомъ утвержденному, въ благочестія всей вселенной въ концы возсіявшему, въ царяхъ пресвѣтлѣйшему, преславному государю великому князю Ивану Васильевичу всея Руси богомолецъ твой, архіепископъ Вассіанъ Ростовскій благословляю и челомъ бью. Молю величество твое, благолюбивый государь! не прогнѣвайся на мое смиреніе, что прежде дерзнулъ устами къ устами говорить твоему величеству твоего ради спасенія: потому что наше дѣло напоминать вамъ, а ваше слушать насъ; теперь же дерзнулъ я написать къ твоему благородству, хочу напомнить тебѣ не много отъ Св. Писанія, сколько Богъ вразумитъ меня, на крепость и утвержденіе твоей державѣ». Напомнивъ Иоанну, какъ

онъ прїѣзжалъ въ Москву, какъ, повинувась общему моленію и доброй думѣ, обѣщаль бороться съ Ахматомъ и не слушать людей, отвлекающихъ его отъ этой борьбы, Вассіанъ продолжаетъ: «Нынѣ слышимъ, что бусурманинъ Ахматъ уже приближается и христіанство губить; ты предъ нимъ смиряешься, молишь о мирѣ, посылаешь къ нему, а онъ гнѣвомъ дышетъ, твоего моленія не слушаетъ, хочетъ до конца раззорить христіанство. Не унывай, но возверзи на Господа печаль твою, и той ты препитаешь. Дошелъ до насъ слухъ, что прежніе твои развратники не перестаютъ шептать тебѣ въ ухо льстивыя слова, совѣтуютъ не противиться супостатамъ, но отступить и предать на расхищеніе волкамъ словесное стадо Христовыхъ овецъ. Молюсь твоей державѣ, не слушай ихъ совѣтовъ! Что они совѣтуютъ тебѣ, эти льстецы лжеиенитые, которые думаютъ, будто они христіане? совѣтуютъ бросить щиты, и, не сопротивляясь нисколько океаннымъ этимъ сыродцамъ, предать христіанство, свое отечество, и подобно бѣглецамъ скитаться по чужимъ странамъ. Помысли великомудрый Государь! отъ какой славы въ какое безчестіе сведутъ они твое величество, когда народъ тьмами погибнетъ, а церкви Божіи раззорятся и осквернятся. Кто каменно-сердечный не всплachtetся объ этой гибели? Убойся же и ты, пастырь! Не отъ твоихъ ли рукъ выщеть Богъ эту кровь? Не слушай, государь, этихъ людей, хотящихъ честь твою предложить въ безчестіе, и славу твою въ безславіе, хотящихъ, чтобъ ты сдѣлался бѣглецомъ и назывался предателемъ христіанскимъ; выйди на встрѣчу безбожному языку Агарянскому, поревнуй прародителямъ твоимъ великимъ князьямъ, которые не только Русскую землю обороняли отъ поганыхъ, но и чужія страны брали подъ себя, говорю объ Игорѣ, Святославѣ, Владимірѣ, бравшихъ дань на царяхъ греческихъ, о Владимірѣ Мономахѣ, который бился съ океанными Половцами за Русскую землю, и о другихъ многихъ, о которыхъ ты лучше моего знаешь. А достохвальный великій князь Давидъ, твой прародитель, какое мужество и храбрость показалъ за Дономъ надъ тьми же сыродцами океанными! самъ

напереди бился, не пощадилъ живота своего для избавленія христіанскаго, не испугался множества Татаръ, не сказалъ самъ себѣ: «У меня жена и дѣти и богатства много, если и землю мою возьмутъ, то въ другомъ мѣстѣ поселюсь; но, не сомнѣваясь ни мало, воспрянулъ на подвигъ, напередъ выѣхалъ, и въ лице сталъ противъ окаяннаго разумнаго волка Мамайя, желая исхитить изъ устъ его словесное стадо Христовыхъ овецъ. За это и Богъ послалъ ему на помощь ангеловъ и мучениковъ святыхъ; за это и до сихъ поръ восхваляется Димитрій и славится не только людьми, но и Богомъ. Такъ и ты поревнуй своему прародителю, и Богъ сохранитъ тебя; если же, видѣвъ съ воинствомъ своимъ, и до смерти пострадаешь за православную вѣру и святая церкви, то блаженны будете въ вѣчномъ наслѣдіи. Но, быть можетъ, ты опять скажешь, что мы находимся подъ клятвою прародительскою не поднимать рукъ на хана, то послушай: если клятва дана по нуждѣ, то намъ повелѣно разрѣшать отъ нея, и мы прощаемъ, разрѣшаемъ, благословляемъ тебя идти на Ахмата, не какъ на царя, но какъ на разбойника, хищника, богоборца; лучше солгавши получить жизнь, чѣмъ соблюдая клятву погибнуть, т. е. пустить Татаръ въ землю на разрушеніе и истребленіе всему христіанству, на запустѣніе и оскверненіе святыхъ церквей, и уподобиться окаянному Ироду, который погибъ, не желая преступить клятвы. Какой пророкъ, какой апостолъ или святитель научилъ тебя, великаго Русскихъ странъ христіанскаго царя, повиноваться этому богостудному, оскверненному, самозванному царю? Не столько за грѣхи и несправленіе къ Богу, сколько за недостатокъ упованія на Бога, Богъ попустилъ на прародителей твоихъ и на всю землю нашу окаяннаго Батюя, который разбойнически поплѣвилъ всю землю нашу, и поработилъ, и воцарился надъ нами, не будучи царемъ и не отъ царскаго рода. Тогда мы прогнѣвали Бога, и Онъ на насъ разгнѣвался какъ чадолюбивый отецъ; а теперь, государь, если каешься отъ всего сердца, и прибѣгаешь подъ крѣпкую руку Его, то помилуетъ насъ милосердный Господь».

Ахмать, не пускаемый за Угру полками Московскими, все гто хвалился: «дасть Богъ зину на васъ: когда всѣ рѣки станутъ, то много дорогъ будетъ на Русь.» Опасаясь исполненія этой угрозы, Іоаннь, какъ только стала Угра, 29 Октября, велѣлъ сыну, брату Андрею Меньшому и воеводамъ со всѣми полками отступить къ себѣ на Кременецъ, чтобъ биться соединенными силами; этотъ приказъ нагналъ ужасъ на ратныхъ людей, которые бросились бѣжать къ Кременцу, думая, что Татары перешли уже рѣку и гонятся за ними; но Іоаннь не довольствовался отступленіемъ къ Кременцу: онъ далъ приказъ отступить еще отъ Кременца къ Боровску, обѣщая дать битву Татарамъ въ окрестностяхъ этого города. Лѣтописцы опять говорятъ, что онъ продолжалъ слушаться злыхъ людей сребролюбцевъ, богатыхъ и тучныхъ предателей христіанскихъ, потаковниковъ бусурманскихъ. Но Ахмать не думалъ пользоваться отступленіемъ Русскихъ войскъ: простоявши на Угрѣ до 11-го Ноября, онъ пошелъ назадъ черезъ Литовскія волости, Серенскую и Мценскую, опустошая земли союзника своего Казимира, который, будучи занятъ домашними дѣлами и отвлеченъ набѣгомъ Крымскаго хана на Подолю, опять не исполнилъ своего обѣщанія. Одинъ изъ сыновей Ахматовыхъ вошелъ было въ Московскія волости, но былъ прогнанъ вѣстію о близости великаго князя, хотя за нимъ въ погоню пошли только братья великокняжескіе. О причинахъ отступленія Ахматова въ лѣтописяхъ говорится разно: говорится, что когда Рускіе начали отступать отъ Угры, то непріятель подумавъ, что они уступаютъ ему берегъ и хотятъ биться, въ страхъ побѣжали въ противную сторону. Но положишь, что Татары подумали, будто Рускіе отступаютъ для завлеченія ихъ въ битву; все же они отступали, а не нападали; слѣд. Татарамъ не для чего было бѣжать; потомъ, великій князь далъ приказаніе своимъ войскамъ отступить отъ Угры, когда эта рѣка стала; она стала 26 Октября; положимъ, что между установленіемъ ея и приказаніемъ великаго князя протекло нѣсколько дней, но все же не пятнадцать, ибо ханъ

пошелъ отъ Угры только 11-го Ноября; слѣдовательно, если мы даже и допустимъ, что Татары побѣжали, видя отступленіе Русскихъ, то должны будемъ допустить, что они потомъ остановились, и, дожидаясь еще до 11 Ноября, тогда уже выступили окончательно въ обратный походъ. Другіе лѣтописцы говорятъ правдоподобнѣе, что съ Дмитріева дня (26 Октября) стала зима и рѣки всё стали, начались лютые морозы, такъ что нельзя было смотрѣть; Татары были наги, босы, ободрались; тогда Ахмать испугался и побѣжалъ прочь 11 Ноября. Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ находимъ извѣстіе, что Ахмать бѣжалъ, испугавшись примиренія великаго князя съ братьями. Всѣ эти причины можно принять вмѣстѣ: Казимиръ не приходитъ на помощь, лютые морозы мѣшаютъ даже смотрѣть, и въ такое-то время года надобно идти впередъ на сѣверъ съ нагимъ и босымъ войскомъ, и прежде всего выдержатъ битву съ многочисленнымъ врагомъ, съ которымъ послѣ Мамая Татары не осмѣливались вступать въ открытыя битвы; наконецъ обстоятельство, главнымъ образомъ побудившее Ахмата напасть на Іоанна, именно усобица послѣдняго съ братьями, теперь болѣе не существовало¹²³.

Ахмать возвращался въ степь съ добычею, награбленною имъ въ областяхъ Литовскихъ. На отнимку этой добычи отправился ханъ Шибанской или Тюменской Орды, Ивакъ, соединившись съ Ногаями. Ахмать, не подозрѣвая опасности, раздѣлился съ своими султанами, и съ малымъ числомъ войска, безъ всякой осторожности, сталъ зимовать на устьяхъ Донца. Здѣсь, 6 Января 1481 года напалъ на него Ивакъ и собственноручно убилъ соннаго, послѣ чего отправилъ къ великому князю посла объявить, что супостата его уже нѣтъ больше; Іоаннъ принялъ посла съ честію, дарилъ и отпустилъ съ дарами для Ивака¹²⁴. Такимъ образомъ послѣдній грозный для Москвы ханъ Золотой Орды погибъ отъ одного изъ потомковъ Чингисъ-Хановыхъ; у него остались сыновья, которымъ также суждено было погибнуть отъ татарскаго оружія. Еще въ княженіе Василя Темнаго стала извѣстною Крымская

Орда, составленная Едигеемъ изъ улусовъ Черноморскихъ; но сыновья Едигеевы погибли въ усобицахъ, и родоначальникомъ знаменитыхъ въ нашей исторіи Гиреевъ Крымскихъ былъ Ази-Гирей, сохранявшій во все продолженіе своей жизни дружбу съ Казимиромъ Литовскимъ. Но сынъ Ази-Гиреевъ, Менгли-Гирей, въ слѣдствіе жестокой наслѣдственной вражды съ ханами Золотой Орды, почелъ за лучшее сблизиться съ великимъ княземъ Московскимъ, чтобъ вѣстѣ дѣйствовать противъ общихъ враговъ; еще въ 1474 году началось это сближеніе. Какъ дорожилъ Іоаннъ союзомъ Менгли-Гиреевымъ, нѣтъ въ виду не одного Ахмата, но также и Литву, и какъ еще не отвыкли въ описываемое время отъ уваженія къ ханамъ или царямъ Татарскимъ, видно изъ тона посольствъ и грамотъ Іоанна къ Менгли-Гирею: посолъ Московскій, бояринъ Никита Беклемишевъ, долженъ былъ говорить хану отъ имени своего государя: «князь великій Иванъ челомъ бьетъ: посолъ твой Ази-Баба говорилъ мнѣ, что хочешь меня жаловать, въ братствѣ, дружбѣ и любви держать, точно такъ, какъ ты съ королемъ Казимиромъ въ братствѣ, дружбѣ и любви. И я, слышавъ твое жалованье, и видѣвъ твой ярлыкъ, послалъ къ тебѣ бить челомъ боярина своего Никиту, чтобъ ты пожаловалъ, какъ началъ меня жаловать, такъ бы и до конца жаловалъ.» Но, соблюдая такія учтивости въ рѣчахъ посольскихъ, Іоаннъ не хотѣлъ однако, чтобъ ханъ, на этомъ основаніи, позволилъ себѣ слишкомъ повелительный тонъ въ своихъ грамотахъ; по великокняжескому наказу, Беклемишевъ долженъ былъ отговаривать, чтобъ въ договорной грамотѣ не было словъ: «Я Менгли-Гирей царь пожаловалъ, заключилъ съ своимъ братомъ и проч.» Но если такова будетъ форма договорныхъ грамотъ между Менгли-Гиреемъ и королемъ, то посолъ могъ допустить выраженіе пожаловалъ; если Беклемишевъ успеетъ отговориться отъ этого пожалованія, то очень будетъ хорошо; если же не успеетъ, то дѣлать нечего, пусть впишутъ въ ярлыкъ. Заключая союзъ съ врагомъ Ахмата, чтобъ удобнѣе, при случаѣ, бороться съ послѣднимъ,

Іоаннъ однако не хотѣлъ первый начинать этой борьбы, и потому наказалъ своему послу — отговаривать, чтобъ въ ярлыкѣ не было сказано: быть за одно именно на Ахмата, но чтобъ было сказано вообще: быть на всѣхъ недруговъ за одно; если же посолъ не успѣетъ отговорить, то долженъ требовать внесенія въ ярлыкъ слѣдующаго условія: если Ахматъ или Казиниръ пойдутъ на Москву, то Менгли-Гирей самъ доженъ идти на нихъ или брата послать; Беклемишевъ никакъ не долженъ былъ соглашаться на условіе — прервать сношенія съ Ахматомъ, не отправлять къ нему пословъ; на требованіе этого условія Беклемишевъ долженъ былъ отвѣчать: «Послы между Москвою и Ордою не могутъ не ходить, потому что господаря отчина съ Ахматомъ на одномъ полѣ». Если царь станеть требовать поминковъ, какіе шлетъ ему король, то носолъ долженъ былъ отговаривать и ярлыка не брать; если же царь захочетъ написать въ ярлыкѣ: «поминки ко мнѣ слать и ихъ не умаливать», то посолъ долженъ былъ отговаривать и это условіе, но, въ случаѣ нужды, могъ согласиться на него ¹³⁵.

Беклемишеву удалось отговориться отъ поминковъ, но онъ долженъ былъ согласиться вписать въ ярлыкъ пожалованіе; грамота была написана такъ: «Вышняго Бога волею, я Менгли-Гирей царь пожаловалъ, съ братомъ своимъ, великимъ княземъ Иваномъ, взялъ любовь, братство и вѣчный миръ отъ дѣтей на внучать. Быть намъ вездѣ за одно, другу другомъ быть, а недругу недругомъ. Мнѣ Менгли-Гирею царю твоей земли, и тѣхъ князей, которые на тебя смотрять, не воевать, ни моимъ уланамъ, ни князьямъ, ни козакамъ; если же безъ нашего вѣдома люди наши твоихъ людей повоюють, и придутъ къ намъ, то намъ ихъ казнить, и взятое отдать, и головы людскія безъ окупа выдать. Если мой посолъ отъ меня пойдетъ къ тебѣ, то мнѣ его къ тебѣ послать безъ пошлинъ и безъ пошлинныхъ людей; когда же твой посолъ ко мнѣ придетъ, то онъ идетъ прямо ко мнѣ. Пошлинамъ даражскимъ (дарага или дорога — сборщикъ податей) и никакимъ

другимъ пошлинамъ не быть. На всемъ на этомъ, какъ писано въ ярлыкѣ, я Менгли-Гирей царь съ своими уланами и князьми, тебѣ брату своему великому князю Ивану, молвя крѣпкое слово, шерть (клятву) далъ: жить намъ съ тобою по этому ярлыку»¹²⁸. Послѣ форма грамотъ Іоанновыхъ къ Менгли-Гирею была такая: «Государь еси великой, справедливой и премудрой жежи бесерменскими государя прехвальной государь, братъ мой Менгли-Гирей Царь. Богъ бы государство твое свыше учинилъ. Іоаннъ Божіею милостіею, единъ правой государь всея Руси, отчичъ и дѣдичъ, и инымъ многимъ землямъ, отъ сѣвера и до востока государь. Величеству твоему, брата твоего, слово наше то. Приказывалъ еси къ намъ»¹²⁷ и проч.

Послами въ Крымъ обыкновенно отправлялись люди знатные, болре; однажды случилось послать челоуѣка незначительнаго (паробка), и великій князь спѣшилъ извиниться, писалъ къ хану: «на Литву проѣзду нѣтъ, а полемъ пути истонны»¹²⁹. Важность, которую великій князь придавалъ Крымскимъ отношеніямъ по поводу дѣлъ ордынскихъ и Литовскихъ, заставляла его распоряжаться такъ, что въ Крыму былъ постоянно Русскій посолъ; такъ Іоаннъ наказывалъ послу своему Шенну не уѣзжать изъ Крыма ни весною, ни лѣтомъ, и хлопотать, чтобъ царь шелъ или на орду или на короля, а великаго князя обсылать обо всемъ¹³⁰; послыполучали также наказъ не уѣзжать до пріѣзда другихъ¹³⁰. Князь Семенъ Ромодановскій, отправляясь посломъ въ Крымъ, получилъ такой наказъ: «Если отъ какихъ-нибудь другихъ государей будутъ послы у царя Менгли-Гирея, отъ Турецкаго или отъ иныхъ, то ему Ромодановскому ни подъ которымъ посломъ у царя не садиться, и остатковъ у него послѣ нихъ не брать»¹³¹.

Не смотря на то, что въ договорѣ именно было внесено условіе не требовать пошлинъ, алчность Татаръ заставляла великаго князя постоянно наказывать посламъ своимъ: «Станетъ царь посла своего отправлять къ великому князю, то говорить: какъ пожаловалъ царь великаго князя, братомъ и другомъ себѣ учинилъ и правду (клятву) на томъ далъ, потому бы и жало-

валъ, посла своего послалъ бы безъ пошлинъ¹³². Татары любили также отправлять съ послами множество лишнихъ людей, которые въ Москвѣ кормились на счетъ великаго князя и брали у него подарки, что было отяготительно, особенно для бережливаго Іоанна; поэтому онъ наказывалъ посламъ своимъ говорить царю, чтобъ съ Крымскими послами лишнихъ людей не было¹³³. Въ договорѣ не упомянуто было о поминкахъ; не смотря на то ханъ постоянно ихъ требовалъ, писалъ: «Нынѣ братству примѣта то, нынѣ тотъ запросъ: кречеты, соболи, рыбій зубъ»¹³⁴. Вельможи Менгли-Гиреевы подражали своему хану, привязывались ко всякому случаю, чтобъ выманить подарки; такъ царевичъ Янгурей прислалъ сказать: «я нынче женился и сына женилъ: такъ бы князь великій пожаловалъ, прислалъ шубу соболью, да шубу горностаевую, да шубу рысью. Да великій князь пожаловалъ, прислалъ мнѣ третьяго года панцырь; я ходилъ на недруговъ, и панцырь истерялъ: такъ великій князь пожаловалъ бы, новый панцырь прислалъ»¹³⁵. Менгли-Гирей объявилъ требованіе на дань съ Одоевскихъ князей, писалъ великому князю: «изстаринны Одоевскихъ городовъ князья давали намъ ежегодно тысячу алтынъ ясаку, а дарагамъ другую тысячу давали; по тому обычаю я и послалъ дарагу ихъ Бахшеиша». Іоаннъ отвѣчалъ: «Одоевскихъ князей большихъ не стало, отчина ихъ пуста, а другіе князья Одоевскіе намъ служатъ, мы ихъ кормимъ и жалуемъ своимъ жалованьемъ. а иныхъ князей Одоевскихъ жребій за нами. Чтò они тебѣ давали и твоему челобѣку, тѣмъ я ихъ жаловалъ, и имъ нечего давать, отчина ихъ пуста; и теперь твоего челобѣка я же пожаловалъ, а имъ нечего давать. Такъ ты бы Одоевскихъ князьямъ впередъ свою пошлину отложилъ, да и дарагъ ихъ къ нимъ не посылай за своею пошлиною, для меня»¹³⁶.

Менгли-Гирей, его царевичей, улановъ и князей еще удерживало отъ требованій то обстоятельство, что они имѣли нужду въ великомъ князѣ Московскомъ: между царевичами происходили усобицы, одинъ изгонялъ другаго; изгнанники находили убѣжище и кормленіе въ Московскихъ владѣніяхъ: въ 1476 году

Менгли-Гирей былъ изгнанъ Ахматомъ и мѣсто его получилъ Зенебекъ; но послѣдній не считалъ себя прочнымъ въ Крыму, и потому просилъ Іоанна, чтобъ, въ случаѣ изгнанія, далъ ему у себя убѣжище; великій князь отвѣчалъ: «Прислалъ ты ко мнѣ своего человѣка, который говорилъ, что если, по грѣхамъ, придетъ на тебя истома, то мнѣ бы дать тебѣ опочивъ въ своей землѣ. Я и прежде твоего добра смотрѣлъ, когда еще ты былъ козакомъ; ты и тогда ко мнѣ также приказывалъ, что если конь твой будетъ потенъ, то мнѣ бы тебѣ въ своей землѣ опочивъ дать. Я и тогда тебѣ опочивъ въ своей землѣ давалъ, и нынче добру твоему радъ вездѣ; каковы твои дѣла будутъ послѣ, и захочешь у меня опочива, то я тебѣ опочивъ въ своей землѣ дамъ, и истому твою подниму»¹²⁷. Предчувствію Зенебека сбылось: онъ былъ изгнанъ Менгли-Гиреемъ; Іоаннъ принялъ его, и еще двоихъ братьевъ Менгли-Гиреевыхъ: Нордоулата и Айдара. Извѣщая хана о принятіи этихъ царевичей, великій князь писалъ: «Держу ихъ у себя, истому своей землѣ и своимъ людямъ чиню для тебя».

Но и самъ Менгли-Гирей просилъ Іоанна, чтобъ тотъ принялъ его въ случаѣ бѣды; великій князь велѣлъ ему отвѣчать, что подниметъ его истому на своей головѣ, и далъ ему крѣпкую грамоту съ золотою печатью: «Дай Господи, чтобъ тебѣ лиха не было, брату моему Менгли-Гирею царю; а если что станется, какое дѣло о юртѣ отца твоего, и прійдешь ко мнѣ: то отъ меня, отъ сына моего, братьевъ, отъ великихъ князей и отъ добрыхъ бояръ тебѣ царю, братьямъ и дѣтямъ твоимъ, великимъ князьямъ и добрымъ слугамъ лиха никакого не будетъ: добровольно прійдешь, добровольно прочь пойдешь, намъ тебя не держать. А сколько силы моей станеть, буду стараться достать тебѣ отцовское мѣсто»¹²⁸. Въ 1475 году Крымъ былъ завоеванъ Турками; Менгли-Гирей остался ханомъ въ качествѣ подручника султана; сначала Менгли-Гирей не жаловался на Турокъ, но подъ конецъ писалъ къ Іоанну: «Султанъ посадилъ въ Кафѣ сына своего: онъ теперъ молодъ и моего слова слушается, а какъ выростетъ, то слушаться перестанетъ, я

также не стану слушаться, и пойдетъ между нами лихо: двѣ бараньихъ головы въ одинъ котелъ не дѣзутъ»¹³⁹. Иоаннъ отвѣчалъ, что будетъ стоять на той крѣпкой своей грамотѣ, которую уже разъ далъ ему.

Кромѣ того, какъ было уже сказано, союзъ Крыма съ Москвою скрѣплялся враждою Менгли-Гирея къ Ахмату, а потомъ къ его сыновьямъ. Мы видѣли, что Иоаннъ и Менгли-Гирей обязались въ договорной грамотѣ имѣть однихъ враговъ и друзей, не означая именно кого; но въ грамотѣ своей 1475 года Менгли-Гирей говорить, что, присягая исполнить договоръ, онъ выговорилъ Иоаннова недруга, короля, великій же князь, присягая передъ послѣмъ Крымскимъ, выговорилъ Менгли-Гиреева недруга, Ахмата, и потому онъ, Менгли-Гирей, готовъ на всякаго недруга Иоаннова, даже и на короля; за то и великій князь обязанъ выслать своихъ служилыхъ Татарскихъ царевичей противъ Ахмата, если послѣдній пойдетъ на Крымъ¹⁴⁰. По смерти Ахмата, въ слѣдствіе требованія султана Турецкаго, который не могъ съ удовольствіемъ смотрѣть на усобицы магометанскихъ владѣльцевъ, сыновья Ахматовы помирились съ Менгли-Гиреемъ; но когда въ 1485 году одинъ изъ нихъ, Муртоза, выгнанный голодомъ изъ своихъ обычныхъ кочевьевъ, пришелъ зимовать въ Крымъ, то Менгли-Гирей схватилъ его и отослалъ въ Кафу; потомъ отправилъ на Темировъ улусъ брата своего, который разогналъ и остатокъ орды; но другой Ахматовъ сынъ, Махмудъ, соединившись съ княземъ Темиромъ, напалъ на Крымъ, освободилъ Муртозу, а Менгли-Гирей едва успѣлъ спастись тайнымъ бѣгствомъ съ бою. Великій князь отрядилъ войско на улусы Ахматовыхъ сыновей, и оно успѣло освободить многихъ Крымскихъ плѣнниковъ, которыхъ отослали къ Менгли-Гирею. Муртоза послѣ этого вздумалъ посадить въ Крыму вѣсто Менгли-Гирея брата его Нордоулата; но такъ какъ послѣдній находился на службѣ у Иоанна, то сынъ Ахматовъ прислалъ Московскому князю такую грамоту: «Муртозино слово Ивану: вѣдомо тебѣ будъ, что Нордоулатъ царь съ отцемъ моимъ и со мною былъ въ любви; помирились мы съ Менгли-Гиреемъ,

но онъ своей клятвы не сдержалъ, за что и былъ наказанъ. Теперь Менгли-Гирей намъ недругъ, и на его мѣсто надѣмся посадить царемъ Нордоулата: отпусти его къ намъ, а женъ и дѣтей его оставь у себя. Когда Богъ поинируетъ, дасть ему тотъ юртъ, тогда онъ возметъ ихъ у тебя добромъ. Менгли-Гирей царь тебѣ другомъ былъ; но вѣдь и Нордоулатъ царь тебѣ другъ же; намъ онъ пригожъ и ты его къ намъ отпусти» ¹⁴¹. Понятно, что Иоаннъ не отпустилъ Нордоулата къ Ахматовымъ сыновьямъ; не отпустилъ его и къ самому Менгли-Гирею, когда тотъ, обезпеченный сношеніями Нордоулата съ врагами, просилъ прислать его въ Крымъ, общая подѣляться съ нимъ властію ¹⁴². Вражда Ахматовыхъ сыновей съ Менгли-Гиреемъ продолжалась: Иоаннъ помогалъ Менгли-Гирею; отсюда естественно сынъ Ахматовъ, Шигъ-Ахметъ, смѣнившій Муртозу, помогалъ Литвѣ въ войнѣ ея съ Москвою. Но Литва не могла помочь ни самой себѣ, ни союзникамъ своимъ: видя это, Шигъ-Ахметъ завелъ было мирные переговоры съ великимъ княземъ, который соглашался на союзъ съ нимъ подъ условіемъ союза его съ Менгли-Гиреемъ, что было невозможно для Ахматова сына. Менгли-Гирей въ 1502 году рѣшилъ дѣло, напавши на Шигъ-Ахмета и нанеши орду его тяжелый окончательный ударъ. Шигъ-Ахметъ убѣжалъ къ Ногаямъ. Но Иоаннъ не хотѣлъ его окончательной гибели; онъ хотѣлъ доставить ему Астрахань подъ условіемъ воевать съ Литвою и быть въ мирѣ съ Менгли-Гиреемъ. Но Шигъ-Ахметъ отправился въ Турцію; султанъ не принялъ его, какъ врага Менгли-Гиреева; тогда онъ обратился къ старому союзнику своему, королю Польскому; но тотъ заключилъ его въ неволю, желая имѣть въ рукахъ узника, освобожденіемъ котораго могъ постоянно стращать Менгли-Гирея ¹⁴³. Такъ прекратилось существованіе знаменитой Золотой Орды!

Крымъ избавилъ Москву окончательно отъ потомковъ Батыевыхъ; чрезъ его посредство завелись первыя сношенія у насъ съ Турціею. Русскій посоль, дьякъ Федоръ Курицынъ, ѣздившій къ Венгерскому королю Матвею Корвину, былъ задер-

жанъ на возвратномъ пути Туркамъ въ Бѣлгородъ, освобо-
дился по стараніямъ Матвея и Менгли-Гирея, и, пріѣхавши въ
Москву, извѣстилъ великаго князя, что Турецкіе паши въ Бѣл-
городѣ намекали ему, почему бы его государю не вступить въ
дружественныя сношенія съ ихъ падишахомъ. Іоаннъ, на этомъ
основаніи, написалъ Менгли-Гирею: «Какъ мой человекъ Фе-
доръ былъ въ рукахъ у Салтана Турскаго, то ему говорили
паши большіе, господаря своего словомъ, что салтанъ Турскій
хочетъ со мною дружбы, и ты бы для меня поотвѣдалъ, какой
дружбы со мною хочетъ Турскій?» Менгли-Гирей спра-
вился въ Константинополь и переслалъ къ Іоанну отвѣтъ
султановъ: «Если государь Московскій тебѣ Менгли-Гирею
братъ, то будетъ и мнѣ братъ» ¹⁴⁴. Такой отвѣтъ еще
не могъ повести къ сношеніямъ; повели къ нимъ притѣсненія,
которымъ Русскіе купцы стали подвергаться отъ Турокъ въ
Азовъ и Кафѣ, и въ слѣдствіе которыхъ должна была пре-
рваться торговля, издавна столь дѣятельная и выгодная для Рус-
скихъ областей. Въ 1492 году Менгли-Гирей получилъ отъ
Іоанна грамоту для отсылки ея къ Султану Баязету II-му;
грамота была написана такъ: Султану великому Царю: между
бусурманскими государями ты великій государь, надъ Турскими
и Азаяскими государями ты воленъ, ты польскій (сухопутный)
и морской государь, Султанъ Баязеть! Іоаннъ, Божіею милостію
единный правый Господарь всея Росіи, отчичъ и дѣдичъ и инымъ
многимъ землямъ отъ сѣвера и до востока государь, величеству
твоему слово наше таково: между нами наши люди не ѣзжали
нашего здоровья видѣть, только наши гости изъ нашихъ зе-
мель въ твои земли ѣзжать. Нашимъ и вашимъ людямъ отъ
этого большія выгоды были; но гости наши были намъ челомъ
и сказывали, что они въ твоихъ земляхъ отъ твоихъ людей
великія насилія терпятъ. Мы ихъ рѣчей не слушали, въ Азовъ
и Кафу ежегодно гостей отпускали. Но теперь эти гости были
намъ челомъ и сказывали, что въ нынѣшнемъ году въ Азовъ
твой паша велѣлъ имъ ровъ копать и камень возить на город-
ское строеніе; также въ Азовъ, Кафѣ и другихъ твоихъ го-

родахъ, оцѣнивъ ихъ товары, вознутъ, а потомъ отдадутъ только половину цѣны. Если между нашими гостями, живущими по пяти и по шести человекъ вѣсть, при одномъ хозяйствѣ (въ одномъ котлѣ), одинъ разболится, то еще при жизни его отсылаютъ отъ него всѣхъ товарищей, товаръ ихъ печатаютъ, и когда больной умретъ, то этотъ товаръ у всѣхъ у нихъ берутъ, называя его товаромъ одного умершаго человека; если же больной выздоровѣетъ, то отдадутъ только половину товара. Разболится Русскій купецъ и станетъ товаръ отдавать брату, или племяннику, или съ товарищемъ станетъ отсылать его къ жонѣ и дѣтямъ, то у него еще у живаго товаръ отнимаютъ, и товарищей къ нему не пускаютъ. Да и другихъ много насилій терять наши кунцы: почему нынѣшнею весною мы ихъ и не отпустили ни въ Азовъ, ни въ Кафу, и ни въ какіе другіе твои города. Прежде наши гости платили одну тамгу, и насилій никакихъ надъ ними не было; а теперь при тебѣ недавно начались насилія: извѣстно ли это твоему величеству или неизвѣстно? Если твои люди поступали такъ съ нашими людьми по твоему приказу, то мы впередъ своихъ гостей въ твои земли отпускать не будемъ. Еще одно слово: отецъ твой славный и великій былъ государь; сказываютъ, хотѣлъ онъ, чтобъ наши люди между нами ѣздили здоровье наше видѣть, и послалъ было къ намъ своихъ людей, но, по Божіей волѣ, дѣло не сбѣдилось; почему же теперь между нами наши люди не ѣздить здоровье наше видѣть? Обо всѣхъ этихъ дѣлахъ, написавши грамоту, прислалъ бы ты ее къ намъ, чтобъ намъ вѣдомо было»¹⁴⁵.

Султанъ, получивши грамоту, отправилъ посла въ Москву; но въ Литовскихъ владѣніяхъ посолъ этотъ былъ остановленъ и возвращенъ назадъ. Тогда Іоаннъ въ 1497 году отправилъ въ Турцію своего посла, Михайлу Плещеева, которому данъ былъ наказъ править поклонъ Султану и сыну его, Кафинскому намѣстнику, стоя, а не на колѣнахъ, не уступать мѣста никакому другому послу и сказать посольскія рѣчи только Султану, а не пашамъ. Плещеевъ на основаніи этого наказа, не захотѣлъ имѣть съ нашими никакого дѣла, не поѣхалъ къ нимъ

объдать, не взявъ ихъ подарковъ. Султанъ въ письмѣ къ Менгли-Гирею жаловался на Плещеева, какъ на невѣжду, и объявлялъ, что не отправитъ своего посла въ Москву, боясь, чтобъ онъ не потерпѣлъ тамъ оскорбленія¹⁴²; но съ Плещеевымъ отправилъ грамоту, въ которой называя себя государемъ Анатолійской и Румской земли, Бѣлаго (ираморнаго) и Чернаго морей, Караманской земли, меньшаго Рима и иныхъ многихъ земель, а Іоанна Княземъ всея Руси, восточной, польской и иныхъ многихъ земель, писалъ, что приложилъ его грамоту къ своему сердцу, изъявлялъ желаніе, чтобъ послы между ними ходили часто, чтобъ великій князь отпускалъ въ Турцію своихъ гостей, которые увидятъ его правду къ себѣ; относительно же обидъ прежнимъ купцамъ прислана была другая грамота, въ которой Баязетъ писалъ, что приказалъ сыну своему Магомету, Кафинскому намѣстнику, и дядькѣ его, чтобъ съ этихъ поръ давали Русскимъ купцамъ за ихъ товары настоящую цѣну, не оставляли ничего за собою, не брали бы купцовъ, не заставляли ихъ камень носить и землю копать; писалъ, что съ этихъ поръ наследникамъ умершихъ въ Турціи Русскихъ купцовъ стоитъ только придти къ кадю, поставить свидѣтелей и присягнуть, что они дѣйствительно наследники, — и товары будутъ имъ отданы. Если же кто изъ Русскихъ умретъ, а наследниковъ у него при немъ не будетъ, то кадій положить его имущество на годъ у добраго человѣка въ крѣпкомъ мѣстѣ, и когда наследникъ явится, то получить имѣніе вышеозначеннымъ порядкомъ. Русскій человѣкъ, заболѣвши, пусть пишетъ духовную передъ добрыми людьми, и когда наследникъ пріѣдетъ, получить имѣніе по обыску и присягѣ. Если кто изъ Русскихъ будетъ долго боленъ, то зауморщики вмѣстѣ съ кадюемъ оплугутъ его имѣніе, чтобъ не истерялось. Лгутъ тѣ, которые говорятъ, будто въ Турціи больныхъ Русскихъ изъ комнатъ выкидываютъ, и имѣніе ихъ берутъ на султана; кто изъ Русскихъ умретъ, и не будетъ у него родныхъ, то начальство города беретъ имѣніе его на сохраненіе, а самого хоронитъ и поминки правитъ, какъ будетъ приказано въ духовной; если

же умершій будетъ кому-нибудь долженъ, то заимодавецъ приходитъ къ кадю и присягаетъ въ справедливости своего требованія, и кадій по обыску отдастъ ему долгъ изъ имущества покойнаго. «Гостей своихъ въ мою землю на ихъ промыслъ отпуская, заключаетъ Султанъ свою грамоту; изъ нашей заповѣди никто не смѣетъ выступить. Какъ свои двери отворены видныи передъ собою, такъ и мои двери передъ тобою отворены всегда. О чемъ какое дѣло будетъ, что тебѣ на мысль придетъ, съ любовію безъ зазрѣнія напиши ко мнѣ: все передъ тобою готово. Тебѣ великій поклонъ, и кто тебя любитъ, и меня любитъ, и тому великій поклонъ» ¹⁴⁷.

Торговля возобновилась; продолжались сношенія съ Константинополемъ, но преимущественно съ Кафмискииъ султаномъ наместникомъ; отправляя къ послѣдному посла Андрея Кутузова въ 1501 году, Іоаннъ далъ ему такой наказъ: «Если кто-нибудь ему въ Кафъ скажетъ: почему государь твой къ отцу нашего государя пишетъ въ грамотѣ свое имя напередъ? — то онъ долженъ отвѣчать: когда государь нашъ писалъ первую грамоту къ султану Баязету, то почтилъ его, написалъ его имя прежде своего; но Баязетъ султанъ виѣсто того, чтобъ точно также почтить его, написалъ свое имя прежде имени государя нашего; послѣ этого государю нашему для чего писать его имя прежде своего?» ¹⁴⁸ Жалобы Русскихъ купцовъ на турецкое правосудіе и разнаго рода притѣсненія возобновились: когда въ 1501 году пріѣхалъ въ Москву Кафмискій посолъ Алакозь, то великій князь велѣлъ сказать ему: «Били мнѣ челоиъ наши гости, говорятъ, что имъ сила чинится въ судѣ и въ иныхъ дѣлахъ въ Кафѣ: чего станеть искать Русинъ на бусурманинѣ, или кто изъ Русскихъ умреть, и если при этомъ у Русскихъ не будетъ свидѣтеля бусурманина, то сколько бы ни было свидѣтелей Русскихъ, судья имъ не вѣрятъ и Русиновъ обвиняють въ судѣ и въ зауоркахъ (въ искѣ имущества, оставшагося послѣ умершихъ). Если же чего станеть искать бусурманинѣ на Русинѣ, и пошлется на Русина, то тутъ и Русакъ свидѣтель. Потомъ новыи притѣсненія: берутъ пошлину съ оружія,

которое Русские купцы на себя привозятъ, съ платя, съ пестелей, съ корму: заставляютъ Русскихъ купцовъ на султановомъ дворѣ дрова носить изъ корабля». Алакозь отвѣчалъ, что относительно пошлинъ съ оружія и прочаго купцы обманываютъ: въ таможи скажутъ, что оружіе привезли для собственного употребленія, но только что выйдутъ изъ таможи. то начнутъ продавать; дрова же заставили ихъ возить безъ султанова вѣдоша и впередъ того не будетъ ¹⁴⁹. — Иоаннъ посылалъ также къ султану жаловаться на разбои Азовскихъ козаковъ, отъ которыхъ сильно страдали наши послы и купцы.

Этимъ ограничивались сношенія съ Турціею. Изъ другихъ восточныхъ народовъ Московское правительство при Иоаннѣ сносилось съ ордою Тюменскою и союзными ей Ногаями. Предметомъ сношеній были дѣла Казанскія, ордннскія, торговыя. Такъ Тюменскій владѣлецъ, извѣстный уже намъ Ибрагимъ-Ивакъ просилъ великаго князя выпустить изъ неволи родственника его, бывшаго царя Казанскаго Алегамы; но Иоаннъ не исполнилъ этой просьбы; одинъ изъ Ногайскихъ владѣльцевъ просилъ согласія Иоаннова на бракъ своей дочери съ другимъ царемъ Казанскимъ Магметъ-Аминемъ. Московское правительство имѣло въ виду возбуждать Ногаевъ противъ сыновей Ахматовыхъ; Ногайскіе послы приводили лошадей для продажи: въ слѣдствіе этого имъ вѣльно было ѣздить въ Московское государство всегда черезъ Казань и Нижній, а не Мордовскою землею, чтобъ Нижегородскаго мыта не объѣзжали ¹⁵⁰. Есть извѣстіе о посольствѣ Марка Руѣа изъ Москвы въ Персію, къ царю Узунъ-Гассану, но цѣль этого посольства и подробности неизвѣстны ¹⁵¹. Подъ 1490 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе о посольствѣ отъ Хорасанскаго или Чагатайскаго владѣльца Гуссейна, праправнука Тамерлана ¹⁵²; а подъ 1492 годомъ извѣстіе о посольствѣ отъ Грузинскаго князя Александра, который въ грамотѣ называетъ себя меньшимъ холономъ Иоанна и посылаетъ ему низкое челобитіе ¹⁵³.

ГЛАВА IV.

ЛИТВА.

Въ 1470 году Казимиръ, король Польскій и великій князь Литовскій, пріѣхалъ на сеймъ, созванный въ Пётрковъ, гдѣ требовалъ денежнаго вспоможенія. Малополяне сказали ему на это, что Великополянъ на сеймъ нѣтъ, а безъ нихъ они не могутъ ни на что согласиться, и прибавили: «Ты намъ о денежномъ вспоможеніи и не говори до тѣхъ поръ, пока не выдашь намъ подтвержденія правъ, и не означишь вѣрно въ грамотѣ, какія области принадлежатъ Польшѣ и какія Литвѣ». Король подписалъ подтвержденіе всѣхъ правъ, и тогда только получилъ деньги ¹⁵⁴. Могъ ли король, зависѣвшій во всемъ отъ сеймовъ, успѣшно бороться съ великимъ княземъ Московскимъ, который по произволу располагалъ силами своего государства? Но кромя внутренняго безсилія, Казимиръ не имѣлъ возможности остановить уснѣховъ Іоанна еще и потому, что все вниманіе его было обращено на отношенія къ западнымъ сосѣдямъ. Мы видѣли, что Казимиръ, принявши Новгородъ въ свое покровительство, не защитилъ его отъ Іоанна, ибо въ томъ самомъ 1471 году умеръ Чешскій Король Юрій Подебрадъ; избирательный сеймъ раздѣлился: одинъ, державшіеся гуссонизма, хо-

тѣмъ видѣть преемникомъ Юрія сына его, другіе Владислава, сына короля Польскаго Казимира, третьи Матвея короля Венгерскаго, четвертые Императора Фридриха, иные короля Французскаго. Владиславъ Польскій былъ наконецъ избранъ: но Матвей Венгерскій не хотѣлъ отстать отъ своихъ притязаній; съ другой стороны маркграфъ Мейсенскій пустошилъ Чешскія владѣнія, и Владиславъ, отправляясь въ Прагу, долженъ былъ взять у отца значительный отрядъ войска. Мало этого: въ то время, какъ король Матвей старался добыть Чешскій престоль, часть его собственныхъ подданныхъ Венгровъ возстала противъ него и прислала къ Казимиру Польскому просить у него себѣ въ королѣ другаго сына, Казимира, угрожая, въ случаѣ отказа, передаться Туркамъ. Казимиръ отправилъ сына въ Венгрію съ значительнымъ войскомъ; это предпріятіе не удалось; но тѣмъ не менѣе вниманіе и силы Казимира были отвлечены на западъ, а на востокъ между тѣмъ Новгородцы потерпѣли пораженіе отъ Іоанна и пренуждены были отдаться въ его волю. Не имѣя возможности бороться самъ съ Москвою, Казимиръ возбуждалъ противъ нея орду обѣщаніемъ дѣйствовать вмѣстѣ: въ 1472 году Ахматъ явился въ Московскихъ предѣлахъ; но Казимиръ не могъ оказать ему никакой помощи, потому что долженъ былъ опять посылать помощь сыну, Владиславу Чешскому противъ Венгерскаго короля Матвея, долженъ былъ самъ готовиться въ походъ въ Пруссію. Въ 1477 году Іоаннъ окончательно подчинилъ себѣ Новгородъ, а Казимиръ не могъ оказать послѣднему никакой помощи, потому что Матвей Венгерскій не давалъ ему покоя, возбуждалъ противъ него Пруссію, Стефана, воеводу Молдавскаго, самихъ Поляковъ, а шляхта не хотѣла давать денегъ на сеймъ; наконецъ въ 1480 году, когда надобно было дѣйствовать опять вмѣстѣ съ Ахматомъ, Менгли-Гирей Крымскій напалъ на Подолю, а морь опустошалъ Польшу¹⁵⁵.

Не имѣя средствъ вести открытой войны съ Москвою, Казимиръ однако въ сношеніяхъ съ Новгородомъ, ордой обнаруживалъ явную вражду къ Іоанну, и тѣмъ заставлялъ послѣдняго

принимать свои иѣры, искать вездѣ союзниковъ противъ Литвы. Въ сношеніяхъ своихъ съ Крымскимъ ханомъ Менгли-Гиреемъ Іоаннъ постоянно называетъ Казимира своимъ недругомъ. Посылая въ 1482 году въ Крымъ Михайлу Кутузова, великій князь далъ ему наказъ: «Говорить царю накрѣпко, чтобъ пожаловалъ, правилъ великому князю по своему крѣпкому слову и по ярлыкамъ, королю шертъ сложилъ, да и рать свою на него послалъ бы; а какъ станетъ царь посылать рать свою на Литовскую землю, то Михайла долженъ говорить царю о томъ, чтобъ пожаловалъ царь, послалъ рать свою на Подольскую землю или на Кіевскія мѣста» ¹⁵⁶. Менгли-Гирей послушался, овладѣлъ Кіевомъ, увелъ въ плѣнъ жителей, другіе задохнулись въ пещерахъ, Печерскую церковь и монастырь разграбилъ, и изъ добычи прислалъ въ Москву великому князю золотой дискось и потиръ изъ Софійскаго собора ¹⁵⁷. Князь Ноздроватый, отправляясь въ Крымъ въ 1484 году получилъ наказъ: «беречь на крѣпко, чтобъ царь съ королею не канчивалъ (не заключалъ мирнаго договора)». Тотъ же наказъ получилъ и бояринъ Семень Борисовичъ въ 1486 году, съ слѣдующею прибавкою: «Если царь скажетъ: князь великій съ королею пересылается? — то отвѣчать ему такъ: послы между ними ѣздятъ о мелкихъ дѣлахъ, порубежныхъ, а глядкости никакой и мира господарю нашему, великому князю, съ королею нѣтъ. За тѣмъ бояринъ долженъ былъ говорить хану: «Пожаловалъ бы ты, послалъ своихъ людей на королеву землю, потому что король тебѣ недругъ и господарю моему недругъ, такъ недругъ вашъ чѣмъ бы больше истомился, тѣмъ бы лучше, а великаго князя люди безпрестанно берутъ королеву землю». Если Менгли-Гирей спроситъ: «Я иду на короля; великій князь идетъ ли?» — то отвѣчать: «Захочешь свое дѣло дѣлать, пойдешь на короля, сдѣлаешь доброе дѣло; когда дашь объ этомъ знать господарю моему, то онъ съ тобой одинъ человекъ на короля; и твое дѣло и свое дѣлаетъ, какъ ему Богъ поможетъ». Изъ этого уклончиваго отвѣта видно, что Іоаннъ, возбуждая хана на Казимира, самъ не хотѣлъ вступать съ послѣд-

нигъ въ открытую войну, не хотѣлъ первый начинать ее; это видно также изъ слѣдующаго наказа боярину Семену: «Захочетъ царь самъ итти на Литовскую землю, и Семена захочетъ съ собою взять, то Семену отговариваться; но если царь отложить походъ потому только, что Семенъ отговорился съ нимъ итти, то Семену больше не отговариваться, итти съ царемъ; если же король пойдетъ на великаго князя, то Семену говорить царю, чтобъ царь самъ сѣлъ на коня и шелъ воевать Литовскую землю, и самому Семену тогда не отговариваться итти видѣсть съ царемъ въ походъ. Если захочетъ царь послать воевать Литовскую землю, или самъ пойти, и захочетъ итти къ Путивлю, или на Сѣверскую землю, то Семену говорить, чтобъ царь послалъ воевать или самъ пошелъ бы не туда, но на Подолье, или на Кіевскія мѣста»¹⁵⁸. Такіе же наказы давались и слѣдующимъ посламъ¹⁵⁹. Менгли-Гирей заключилъ Казимира посла; по этому случаю Іоаннъ далъ своему послу, Шенну, такой наказъ: «Если царь скажетъ: королевскій посолъ сидитъ у меня въ неволѣ, и князь великій что мнѣ о немъ приказалъ? — то Шенну отвѣчать: король какъ тебѣ недругъ, такъ и моему господарю недругъ; но чѣмъ недругу досаднѣе, тѣмъ лучше».

Казимиръ возбуждалъ противъ Москвы Ахмата, Іоаннъ возбуждалъ противъ Польши Менгли-Гирея; но открытой войны не было; Казимиръ не имѣлъ для этого средствъ и времени, Іоаннъ не любилъ предпріятій, войнъ, не обѣщавшихъ вѣрнаго успѣха. Понятно однако, что при враждѣ, хотя и не превратившейся въ явную войну между двумя сосѣдними государствами, дѣло не могло обойтись безъ непріязненныхъ столкновеній. Этыхъ столкновеній было много между Москвою и Литвою, и они подавали поводъ къ частымъ пересылкамъ между Іоанномъ и Казимиромъ. Мы видѣли, какъ Московскій государь опредѣлялъ характеръ этихъ сношеній, приказывая объявить Менгли-Гирею, что Литовскіе послы ѣздятъ въ Москву по поводу дѣлъ мелкихъ, порубежныхъ; въ другой разъ онъ велѣлъ сказать тому же хану: «послы ѣздятъ за тѣмъ, что господаря нашего люди берутъ королевскую землю со всѣхъ сторонъ»¹⁶⁰. Поводъ къ непріязнен-

нынѣ столкновѣніемъ подавали во-первыхъ мелкіе пограничные князья, большею частію потомки Черниговскихъ, изъ которыхъ одни находились въ зависимости отъ Москвы, другіе отъ Литвы; продолжая старыя родовыя усобицы, они безпрестанно ссорились между собою, переходили изъ Литовскаго подданства въ Московское. Такъ посолъ Казимировъ жаловался, что князья Одоевскіе, находившіеся въ подданствѣ Московскомъ нападаютъ на князей Мезецкихъ (Мещовскихъ), Глинскихъ, Крошенскихъ, Мосальскихъ; что князь Иванъ Михайловичъ Воротынскій служитъ королю, который его изъ присяги и записи не выпустилъ, а между тѣмъ его люди нападаютъ на Литовскія владѣнія. Послу отвѣчали, что князья Мезецкіе первые начали, Одоевскіе только истязали ихъ за нападеніе, что вражда началась съ тѣхъ поръ, какъ Литовскіе пограничные князья убили князя Семена Одоевского. Что же касается до князя Ивана Михайловича Воротынскаго, то онъ билъ челомъ въ службу къ великому князю, который посылалъ къ королю отъ него съ отказомъ, и самъ князь Иванъ посылалъ къ королю своего человѣка и присягу съ себя сложилъ: «и потому не вѣдаемъ (велѣлъ сказать Іоаннъ Казимиръ), какія обычаемъ король къ намъ такъ приказываетъ, что нашего слугу своимъ зоветъ; а вѣдомо королю, что и прежде нашему отцу и нашимъ предкамъ тѣ князья служили и съ своими отчинами».

Подобно Ивану Воротынскому поступили князья — Иванъ Васильевичъ Бѣлевскій и Дмитрій Ѳедоровичъ Воротынскій. Іоаннъ извѣстилъ Казимира о переходѣ Воротынскаго такъ: «что служилъ тебѣ князь Дмитрій Ѳедоровичъ Воротынскій, и онъ нынче намъ билъ челомъ служить, и тебѣ бы то вѣдомо было». Послу, Григорью Путятину, отправлявшемуся съ этимъ извѣстіемъ великій князь наказалъ: «Какъ будешь близко того мѣста, гдѣ король, то напередъ отпусти человѣка князя Воротынскаго, который повѣхалъ для того, чтобъ за своего господина сложить присягу королю». Казимиръ отвѣчалъ, что не выпускаетъ изъ подданства ни князя Дмитрія Воротынскаго, ни князя Ивана, ни князя Ивана Бѣлевскаго, которые перешли

къ Москвѣ съ отчинами и пожалованіями; что князь Дмитрій Воротынскій перешелъ съ дольницею (удѣломъ) брата своего, князя Семена, всю казну послѣдняго себѣ взялъ, бояръ всѣхъ и слугъ захватилъ и насильно привелъ къ присягѣ служить себѣ. Іоаннъ отвѣчалъ на это: «Вѣдомо королю самому, что нашимъ предкамъ великимъ князьямъ, да и Литовскимъ великимъ князьямъ князья Одоевскіе и Воротынскіе на обѣ стороны служили съ отчинами, а теперь эти наши слуги старые къ намъ пріѣхали служить съ своими отчинами: такъ они наши слуги». Потомъ король прислалъ новую жалобу: билъ ему челомъ князь Ѳедоръ Ивановичъ Одоевскій, что во время отсутствія его изъ Одоева, другіе Одоевскіе князья, Семеновичи, служащіе Москвѣ, схватили его мать и засѣли отчину его, половину города Одоева. Жаловался также князь Андрей Васильевичъ Бѣлевскій, что въ его отсутствіе, братъ его Иванъ Васильевичъ, перешедшій отъ Литвы къ Москвѣ, напалъ на третьяго брата, князя Василя, схватилъ и заставилъ его насильно цѣловать крестъ, что не будетъ служить королю, князя же Андрея вотчину за себя взялъ. Іоаннъ отвѣчалъ: «князь Иванъ съ братьею Одоевскіе сказываютъ, что они брату своему Ѳедору не дѣлали ничего такого, на что онъ жалуется; идетъ у нихъ съ нимъ споръ о вотчинѣ, о большомъ княженіи по роду, по старѣйшинству; говорятъ, что пригоже быть на большомъ княженіи нашему слугѣ, князю Ивану Семеновичу; они и посылали, сказываютъ, къ брату своему, князю Ѳедору, чтобъ съ ними о большемъ княженіи урядился, а онъ съ ними не рядится. Такъ король бы велѣлъ князю Ѳедору урядиться (молву учинить), кому пригоже быть на большомъ княженіи и кому на удѣлѣ; согласатся — хорошо, а несогласятся, то великій князь пошлетъ разобратъ ихъ своего боярина, а король пусть пошлетъ своего пана». Неизвѣстно, чѣмъ дѣло кончилось¹⁰¹. Менѣе хлопоталъ Казимиръ о князѣ Бѣльскомъ, который безъ отчины перебѣжалъ изъ Литвы въ Москву: въ 1482 годъ, говоритъ лѣтописецъ, былъ мятежъ въ Литовской землѣ, захотѣли отчичи — Олшанскій, Олельковичъ и князь Ѳедоръ Бѣльскій передаться великому

князю Московскому, отъѣздъ отъ Литвы по рѣкѣ Березыню; наѣбрение ихъ было открыто; король казнилъ Олшанскаго и Омельковича; Бѣльскій успѣлъ бѣжать въ Москву, покинувши молодую жену на другой день послѣ свадьбы, великій князь много разъ посылалъ къ королю съ требованіемъ выдачи жены Бѣльскаго, но тотъ не согласился ¹⁶².

Кромѣ смутъ между пограничными князьями, предметомъ сношеній между Москвою и Литвою при Іоаннѣ Ш были жалобы съ обѣихъ сторонъ на пограничные разбои, опустошенія, забраніе волостей. Въ 1473 году, неизвѣстно по какому поводу, великій князь послалъ рать свою къ Любутску; рать возвратилась, повоевавши волости и ничего не сдѣлавши городу; жители Любутской области немедленно отомстили: напали нечаянно на князя Семена Одоевскаго и убили его на бою ¹⁶³, о чемъ Іоаннъ упоминалъ, какъ о причинѣ вражды между Одоевскими и пограничными Литовскими князьями. Казимиръ жаловался, что Русскіе люди заняли нѣкоторыя Литовскія волости, Тѣшиново, и другія ¹⁶⁴, что братъ великаго князя, Андрей Васильевичъ Можайскій взялъ у Вяземскаго князя волость Орѣховскую. Въ Москвѣ отвѣчали, что князь Андрей никакихъ Вяземскихъ волостей не бралъ, что Тѣшиново и другія упоминаемыя королемъ волости издавна тянутъ къ Можайску, что напротивъ князь Андрей жалуется на королевскихъ людей, которые наносятъ много вреда его владѣніямъ. Казимиръ жаловался, что изъ Тверской области, гдѣ княжилъ Іоаннъ Молодой, приходилъ князь Оболенскій и разграбилъ Вяземскій городъ Хлепень ¹⁶⁵ и другія волости; ему отвѣчали жалобой, что изъ Любутска пріѣхали Литовскіе люди на Серпуховскую дорогу къ Лопастнѣ; разбойники жили на Дугнѣ и были люди князя Трубецкаго; одинъ изъ нихъ былъ пойманъ и представленъ послу, который его и допрашивалъ. Король жаловался на опустошеніе Русскими Торопецкихъ, Дмитровскихъ и другихъ волостей: ему отвѣчали жалобами на опустошеніе Литовскими людьми Кадужскихъ, Медынскихъ и Новгородскихъ волостей ¹⁶⁶. Король жаловался, что князь Димитрій Воротыньскій, отъѣзжая въ Москву, захватилъ

городъ Серенскъ и три другія Литовскія волости ¹⁶⁷; требовалъ, чтобъ Іоаннъ не вступался въ Козельскъ, на который есть особая грамота. Іоаннъ велѣлъ отвѣчать, что Козельскъ во всѣхъ грамотахъ записанъ за Москвою, велѣлъ показать послу и ту особую грамоту, о которой говорилъ король: «Свои убытки (шкody) поминаешь (велѣлъ сказать Іоаннъ королю), а о нашихъ забывъ, сколько нашихъ именитыхъ людей твои люди побили. Вѣдали наши люди на поле оберегать христіанство отъ бусурманства, а твои люди на нихъ напали изъ Мценска, Брянска и другихъ мѣстъ; изъ Мценска же наѣзжикъ перебили сторожей нашихъ на Донцѣ, ограбили сторожей Алексинскихъ, сторожей на Шати, изъ Любутска нападали на Алексинъ».

Мы видѣли ¹⁶⁸, что на южныхъ границахъ своей области Новгородцы имѣли смѣсныя владѣнія съ великими князьями Литовскими, какъ наприм. Великія Луки, Ржеву и нѣкоторые другія; дань съ нихъ шла въ казну великаго князя Литовскаго; въ нѣкоторыхъ Ржевскихъ волостяхъ послѣдній имѣлъ также право суда; съ нѣкоторыхъ Ржевскихъ волостей дань шла и въ Новгородъ, и въ Литву, и въ Москву. Когда Новгородъ окончательно подчинился Іоанну со всѣми своими владѣніями, то Московскіе намѣстники не стали обращать вниманія на прежнія отношенія Ржева и другихъ волостей къ Литвѣ и выгнали чиновниковъ Казимировыхъ. Король, лишившись доходовъ, началъ посылать съ жалобами въ Москву; Іоаннъ отвѣчалъ: «Луки Великія и Ржева вотчина паша, Новгородская земля, и мы того не вѣдаемъ, какимъ обычаемъ король наши волости, вотчину нашу зоветъ своими волостями; король въ наши волости, въ Луки Великія и Ржеву и въ иныя мѣста Новгородскія, въ нашу отчину не вступался бы». — Кромѣ того со стороны великаго князя были постоянныя жалобы на притѣсненія и грабежи, претерпѣваемыя Московскими купцами въ Литовскихъ областяхъ; Казимиръ также жаловался, что не далеко отъ Москвы побиты купцы Смоленскіе и товары ихъ пограблены; на это дьякъ великокняжескій отвѣчалъ Литовскому послу, что разбойники сысканы и казнены; пограбленные товары ими истеряны,

но великій князь не хочетъ, чтобъ эти вещи пропали: пусть жены, дѣти или кто-нибудь изъ роду убитыхъ прїедетъ въ Москву, и получить вознагражденіе. «Недавно, продолжалъ дьякъ, взяли Русскіе люди у Татаръ плѣнниковъ—христіанскія головы; оказалось, что эти плѣнники изъ Литовской земли, великій князь ихъ отпускаетъ въ Литву; вотъ они предъ тобою, возьми ихъ, какъ и прежде дѣлывалось».

Казимиру вздумалось вовлечь Іоанна въ войну съ Турками и тѣмъ порвать необходимый для Москвы союзъ съ Менгли-Гиреемъ; въ 1486 году онъ прислалъ объявить Московскому великому князю, что Султанъ грозитъ землю Стефана, воеводы молдавскаго, взялъ у него Килию и Бѣлгородъ; приводя обязательство договора заключеннаго между нихъ, Казимиромъ, и отцомъ Іоанновымъ, обязательство стоять за одно противъ всякаго недруга, король требовалъ, чтобъ великій князь вооружился съ нимъ за одно противъ непріятеля всего христіанства; Іоаннъ отвѣчалъ: «Еслибъ намъ было не такъ далеко и было бы можно, то мы бы сердечно хотѣли то дѣло дѣлать и стоять за христіанство. Стефанъ воевода и къ намъ прислалъ съ просьбою, чтобъ мы уговаривали тебя помогать ему: которымъ христіанскимъ государямъ близко и можно то дѣло дѣлать, то всякому господарю христіанскому должно того дѣла оберегать и за христіанство стоять¹⁶⁹».

Псковъ, сохраняя особый бытъ, долженъ былъ отдѣльно сноситься съ Литовскимъ великимъ княземъ. Казимиръ ласкалъ Псковичей, отпускалъ пословъ ихъ съ честію и съ великими дарами¹⁷⁰; но въ 1470 году Псковскіе послы на съѣздѣ съ Литовскими панами толковали четыре дня и разъѣхались, ни на чемъ не согласившись. Весною слѣдующаго года Казимиръ объявилъ Псковскимъ посламъ, что такъ какъ паны не могли съ ними уладиться, то онъ самъ прїедетъ на границы и своими глазами осмотритъ спорныя мѣста. Когда послы сказали объ этомъ на вѣчь, то Псковичамъ стало нелюбо, потому что ни одинъ великій князь, ни король, сколько ихъ ни бывало въ Литвѣ, самъ не прїѣзжалъ на границы улаживаться, а всѣ обыкно-

венно присылали пановъ. Псковичи безпокоились, какъ видно, понапрасну, потому что до 1480 года не встрѣчаемъ болѣе извѣстій о сношеніяхъ ихъ съ Казимиромъ; въ этомъ году король прислалъ къ нимъ съ жалобой на обиды, которыя терпятъ въ Псковѣ купцы Виленскіе и Полоцкіе, также на обиды, претерпѣваемыя отъ Псковичей пограничными Литовскими жителями. Псковичи отвѣчали жалобой на Луцкаго воеводу, пограбившаго ихъ купцовъ, на воеводу и мѣщанъ другихъ городовъ, которые ихъ купцамъ съ Нѣмцами торговать не даютъ; послы должны были сказать также королю: «И о томъ тебѣ своему господину, честному великому королю челомъ бьемъ и жалуемся, что Нѣмцы, князь Местеръ, пришедши на миру и на крестномъ цѣлованьи, на землю св. Троицы, на отчину великихъ князей, два пригорода взяли, волости пожгли, христіанство пересѣкли и въ полонъ свели. А теперь слышали мы, что князь Местеръ тебѣ бьетъ челомъ на насъ, проситъ у тебя силы въ помощь на Псковъ, самъ будучи виноватъ передъ Псковомъ; и ты бы силы князю Местеру въ помощь не давалъ на Псковъ. Да и о томъ челомъ бьемъ: что князь Местеръ нашихъ Псковичей полонилъ, и они черезъ твою Литовскую землю бѣгаютъ къ Пскову изъ Нѣмецкой земли, а Литва ихъ ко Пскову не пускаетъ: и ты бы пожаловалъ не велѣлъ своимъ ихъ задерживать». При этомъ послы поднесли королю въ даръ отъ Пскова пять рублей, да отъ себя полтора рубля, королевичамъ по полтиннѣ, королевѣ отъ Пскова рубль, старшій посолъ отъ себя полтину, младшій золотой Венгерскій. Король обѣщалъ во всемъ дать управу ¹⁷¹. Въ 1492 году Казимиръ прислалъ во Псковъ съ требованіемъ выдачи бѣглыхъ Литовцевъ и боярскихъ людей, ушедшихъ изъ Полоцкой области ¹⁷².

Въ томъ же году умеръ Казимиръ; Польша и Литва раздѣлились между его сыновьями: Яну Албрехту досталась Польша, Александру Литва. Посылая въ Крымъ Константина Заболотскаго, Іоаннъ велѣлъ ему сказать Менглигирею, что король умеръ, остались у него дѣти, такіе же Москвѣ и Крыму не други, какъ и отецъ; чтобъ ханъ съ ними не мирился, чтобъ

шелъ на Литву, а великій князь также хочетъ самъ съѣсть на коня. При Казимирѣ Іоаннъ не хотѣлъ начинать явной войны, позволялъ посламъ своимъ соглашаться провожать хана въ походъ на Литву только въ крайности; теперь же даетъ такой наказъ Заболоцкому: пойдетъ ханъ на Литву, и велитъ ему идти съ собою, то ему идти, не отговариваться; говорить царю накрѣпко, чтобъ непременно пошелъ на Литовскую землю; если царь пойдетъ, то чтобъ шелъ на Кіевъ. Заболоцкій отвѣчалъ, что, по его настоянію, ханъ велѣлъ схватить Литовскаго посла, князя Ивана Глинскаго, и хочетъ идти самъ на Литву. Крымцы воевали между Кіевомъ и Черниговомъ, но это были ничтожныя отряды; Іоаннъ былъ недоволенъ и писалъ Заболоцкому: «Ишетъ мнѣ царь, что безпрестанно его люди Литовскую землю воюютъ; а мы здѣсь слышали, что мало ихъ приходило на Литовскую землю и не брали ничего; нынче онъ сына послалъ, и съ нимъ пятьсотъ человекъ: но пятьюстами человекъ какая война Литовской землѣ?» При этомъ посланъ былъ наказъ послу «Если ханъ спроситъ: а за чѣмъ князь великій самъ не съѣлъ на коня? — то отвѣчать: не знаю; будутъ другіе послы, тѣ скажутъ за чѣмъ». Поѣхалъ другой посолъ; ему данъ былъ наказъ: «Если спроситъ ханъ, за чѣмъ князь великій самъ не съѣлъ на коня? — отвѣчать: за нарядомъ тяжелымъ ¹⁷³.»

Іоаннъ самъ не хотѣлъ садиться на коня; но воевода его, князь Ѳедоръ Оболенскій напалъ на Мценскъ и Любутскъ, сжегъ ихъ, вывелъ въ плѣнъ намѣстниковъ, бояръ и многихъ другихъ людей; другой Московскій отрядъ захватилъ два города—Хлѣпень и Рогачевъ ¹⁷⁴. Литвъ было трудно отбиваться отъ Іоанна и отъ Менглигеря вмѣстѣ; начали думать о мирѣ съ Москвою, и, чтобъ склонить Іоанна къ уступкамъ, рѣшили предложить ему брачный союзъ одной изъ дочерей его съ Великимъ Княземъ Александромъ. Панъ Янъ Заберезскій, намѣстникъ Полоцкій, прислалъ въ Новгородъ къ тамошнему воеводѣ, Якову Захарычу, писаря своего Лаврина подъ предлогомъ покупки разныхъ вещей въ Новгородъ, а въ самомъ дѣлѣ съ предложеніемъ о сва-

товствѣ. Яковъ Захарычъ, услыхавъ это предложеніе, самъ поѣхалъ въ Москву объявить объ немъ великому князю. Іоаннъ сначала приговорилъ было съ боярами, что Якову не слѣдуетъ посылать къ Заберезскому своего человѣка съ отвѣтомъ на его предложеніе; но потомъ, когда Яковъ уѣхалъ уже въ Новгородъ, великій князь передумалъ, и послалъ ему приказъ отправить своего человѣка къ Заберезскому, не прекращая впрочемъ военныхъ дѣйствій, «потому что и между государями пересылка бываетъ, хотя бы и полки сходились:» велѣлъ писать вѣжливо, потому что Заберезскій писалъ вѣжливо; посланный долженъ былъ извѣдать всѣ тамошнія дѣла: какъ Александръ живетъ съ панами, какъ у нихъ дѣла въ землѣ, какіе слухи про Александровыхъ братьевъ? Въ Москвѣ поняли, зачѣмъ въ Литвѣ хотятъ прежде начать дѣло о сватовствѣ, и потому посланецъ Якова Захарыча долженъ былъ сказать Заберезскому, что до мира нельзя толковать о бракѣ.

Но Литовскіе паны продолжали настаивать на сватовство; тотъ же Заберезскій писалъ въ Москву къ тамошнему первому боярину, Князю Ивану Юрьевичу Патрикѣеву: «Дознайся у своего государя, великаго князя, захочетъ ли онъ отдать дочку свою за нашего господаря, великаго князя Александра? а мы здѣсь съ дядьями и братьями нашими (т. е. съ старшими и ровными панами) хотимъ въ томъ дѣлѣ постоять». Наконецъ въ Ноябрь 1492 года явился въ Москву посолъ отъ Александра, панъ Станиславъ Глѣбовичъ, который началъ дѣло жалобами на прежнія обиды Литвѣ отъ Москвы при Казимирѣ и новыя при Александрѣ, на сожженіе Мценска и Любутска, взятіе Хлѣпена и Рогачева, сожженіе Мосальска, взятіе Негомири и Бывалицы, волостей князя Бывалецкаго — Вяземскаго, Тѣшинова, волости князей Крошинскихъ. Отправивши посольство, Станиславъ обѣдалъ у великаго князя, который, по обычаю, отпустилъ послѣ обѣда на посольское подворье князя Ноздроватаго съ медомъ поить Глѣбовича. Во время угощенія уже въ нетрезвомъ видѣ Станиславъ началъ гово-

ить Ноадроватому о сватовствѣ и заключеніи мира, объявляя, что долженъ говорить объ этомъ съ княземъ Патрикевѣвичъ, и дѣйствительно на пиру у послѣдняго началъ рѣчь о сватовствѣ; но Патрикевѣвъ на этотъ разъ ничего не отвѣчалъ, потому что время и положеніе Глѣбовича было неприличное; на другой день уже, по приказу великаго князя, онъ спросилъ у посла о дѣлѣ, и тотъ отвѣчалъ, что говорилъ отъ себя, а не по приказу своего великаго князя, и просилъ, чтобъ Патрикевѣвъ вывѣдалъ у Іоанна, хочетъ ли онъ выдать дочь свою за Александра? Князь Иванъ Юрьевичъ отвѣчалъ вопросомъ: «По вашему, какому дѣлу надобно быть прежде: миру или сватовству?» Посолъ отвѣчалъ, что когда великіе Литовскіе люди пріѣдутъ, то они объ этомъ поговорятъ съ великими Московскими людьми. Этими пока кончились рѣчи о сватовствѣ; на жалобы же посла великій князь отвѣчалъ чрезъ казначея своего Дмитрія Владиміровича, что Литва обижаетъ Москву, а не наоборотъ, что жители Мценска и Любутска безпрестанно нападали на Московскія области и на сторожей, что наши, не могли болѣе терпѣть этого, ходили на Мценскъ и Любутскъ за своими женами, дѣтьми и нивнѣемъ, что Хлѣвень въ старыхъ договорахъ приписанъ къ Московскому князеству, а Рогачевъ изстари принадлежитъ къ Твери; что о сожженіи Мосальска въ Москвѣ еще не получено извѣстія. Князь Патрикевѣвъ сказалъ отъ себя послу, что когда будетъ миръ, для заключенія котораго Литовскіе послы должны пріѣхать въ Москву, тогда и дѣло о сватовствѣ начнетъ дѣлаться, чего Московскіе бояре желаютъ. А потомъ князь Иванъ Юрьевичъ говорилъ между прочимъ, въ разговорѣ, чтобъ при дѣлѣ мирныхъ рѣчей не было: какъ прежде пріѣзжалъ отъ короля Казнира посолъ для заключенія мира, то много было мирныхъ рѣчей, отъ чего дѣло и не состоялось. Къ Заберезскому Патрикевѣвъ отправилъ своего человѣка съ грамотою, гдѣ писалъ тоже самое, т. е. что прежде надобно миръ заключить, и чтобъ наны этими дѣломъ не медили; что же касается до условія, чтобъ оба государства держали тѣ земли, которыя издавна имѣ-

принадлежали, то великій князь Іоаннъ земель Литовскаго государства не держитъ, держитъ свои земли ¹⁷⁵.

Такиѣмъ образомъ въ Москвѣ прямо объявили, что не хотятъ слышать о сватовствѣ до заключенія мира, который потому Литва должна заключить на всей волѣ Московскаго князя, т. е. уступить ему всѣ его недавніе примыслы, ибо онъ прямо объявилъ, что все, чѣмъ онъ владѣтъ,—его собственность. И эта собственность увеличивалась безпрестанно на счетъ Литвы: въ началѣ 1493 года пріѣхали служить къ великому князю Московскому князь Семенъ Ѳеодоровичъ Воротынский съ племянникомъ княземъ Иваномъ Михайловичемъ, оба съ отчинами; мало того: дорогою князь Семенъ овладѣлъ двумя Литовскими городами—Серпейскомъ и Мещовскомъ. За Воротынскими погнались воевода Смоленскій, панъ Юрій Глѣбовичъ, да сынъ извѣстнаго Московскаго бѣглеца, князь Семенъ Ивановичъ Можайскій, и взяли назадъ Серпейскъ и Мещовскъ. Но Іоаннъ не хотѣлъ отдавать разъ взятое: онъ послалъ противъ нихъ племянника своего, князя Ѳедора Васильевича Рязанскаго да еще нѣсколько воеводъ съ большимъ войскомъ, которому Глѣбовичъ и Можайскій не осмѣлились противиться, укрѣпили города заставами (гарнизонами), а сами побѣжали къ Смоленску. Сила Московская пришла подъ Мещовскъ и взяла городъ безъ сопротивленія, заставу Литовскую отослали въ Москву, земскихъ и черныхъ людей привели къ присягѣ Іоанну; Серпейскъ сопротивлялся, былъ взятъ съ бою, разграбленъ и сожженъ; сожженъ былъ также Опаковъ; повсюду земскіе и черные люди приведены къ присягѣ за Москву, ратные люди, сидѣвшіе въ осадѣ по городамъ и большіе городскіе люди числомъ 530, разсланы въ заточеніе по Московскимъ городамъ. Въ то же время двое другихъ воеводъ, князь Данило Щеня и князь Василій Ивановичъ Патрикѣвъ, сынъ Ивана Юрьевича, взяли Вязьму, князей Вяземскихъ и пановъ привели въ Москву: Великій Князь пожаловалъ ихъ прежнею отчиною Вязьмою и приказалъ имъ себѣ служить. Тогда же пріѣхалъ служить въ Москву

князь Михайла Романовичъ Мезецкій, и привелъ плѣнными двухъ родныхъ братьевъ, которыхъ сослалъ въ Ярославль. Изъ Литвы въ Москву прїѣзжали князья съ отчинами; изъ Москвы въ Литву перебѣжалъ какой-то Юшка Елизаровъ, и скоро потомъ гнѣздо Литовскихъ доброжелателей было окончательно истреблено въ Москвѣ: въ Генварѣ 1493 года на Москвѣ рѣкѣ въ клѣткѣ были сожжены князь Иванъ Лукомскій, да Матвѣй Полякъ, толмачъ Латинскій: послалъ князь Лукомскаго въ Москву еще король Казимиръ, взявши съ него клятву, что или убьетъ великаго князя Іоанна или ядомъ окоритъ, и ядъ свой къ нему прислалъ, который былъ вынутъ и послужилъ уликою; Лукомскій оговорилъ и князя Федора Бѣльскаго, что хотѣлъ бѣжать въ Литву; Бѣльскаго схватили и сослалъ въ заточеніе въ Галичь; схвачены были и двое братьевъ Селевинныхъ, родомъ изъ Смоленска, которые посылали человѣка своего съ грамотами и вѣстами къ Литовскому великому князю Александру; одного брата засѣкли кнутомъ до смерти, другому отрубили голову¹⁷⁶. Такъ говоритъ лѣтописецъ; по всѣмъ вѣроятностямъ, упомянутые люди, живя въ Москвѣ, служили князю Литовскому, но, какъ видно, не было ясныхъ доказательствъ относительно участія Казимира въ намѣреніи погубить Іоанна, потому что послѣдній въ сношеніяхъ съ Литвою ни разу не упоминаетъ объ этомъ; послѣ, уже въ княженіе Василя Іоанновича, Московскіе бояре, вычисляя предъ Литовскими послами всѣ непріязненные поступки Казимира и Александра, ни слова не упомянули о дѣлѣ Лукомскаго.

Между тѣмъ пересылки не прекращались: посланецъ Патриксѣва, ѣздившій отъ него съ письмомъ къ Заберезскому, привезъ отъ послѣдняго новое письмо; Заберезскій увѣдомилъ, что онъ говорилъ съ княземъ епископомъ и панами радю, которые всѣ желаютъ мира и родственнаго союза между государями, хочетъ этого и самъ великій князь Александръ и отправляетъ пословъ въ Москву; но до нихъ отъѣзда хотѣлось бы получить ручательство въ успѣхъ посоль-

ства, пойдетъ ли дѣло впередъ къ доброму концу? «Какъ вы своего государя чести стережете (писалъ Заберезскій), такъ и мы: если великіе послы вернутся безъ добраго конца, то къ чему доброму то дѣло пойдетъ впередъ?»

Съ отвѣтомъ отправился въ Литву къ Александру дворянинъ Загряжскій, который прежде всего удивилъ новою формою: до сихъ поръ въ вѣрющихъ грамотахъ Казимиру Іоаннъ писалъ такъ: «отъ великаго князя Ивана Васильевича Казимиру королю Польскому и великому князю Литовскому поддали есмо» и проч. Теперь же грамота начиналась: «Іоаннъ, Божіею милостію государь всея Руси и великій князь Владимірскій и Московскій и Новгородскій и Псковской и Тверской и Югорскій и Болгарскій и иныхъ—великому князю Александру Литовскому». Первая рѣчь посольская была: «Служилъ тебѣ князь Семень Ѳедоровичъ Воротынскій, и онъ нынче намъ билъ челомъ служить. Служили тебѣ князь Андрей да князь Василій Васильевичи Бѣлевскіе, да князь Михайла Романовичъ Мезецкій, да князь Андрей Юрьевичъ Вяземскій, и они нынче намъ били челомъ служить и съ вотчинами, и тебѣ бы то было вѣдомо». Потомъ посолъ требовалъ, чтобъ всѣмъ этимъ князьямъ не было никакихъ обидъ отъ Литовскихъ подданныхъ ⁷⁷. Относительно титула Загряжскому былъ данъ такой наказъ: «Если спросятъ его: для чего князь великій назвался государемъ всея Руси; прежде ни отецъ его, ни онъ самъ къ отцу государя нашего такъ не приказывалъ? то послу отвѣчать: «Государь мой со мною такъ приказалъ, а кто хочетъ знать за чѣмъ, тотъ пусть ѣдетъ въ Москву, тамъ ему про то скажутъ». Князь Патрикѣвъ послалъ Заберезскому письмо въ отвѣтъ на опасенія его относительно невѣрнаго успѣха великихъ Литовскихъ пословъ: «Самъ поразумѣвъ, писалъ Патрикѣвъ: когда между государями великіе люди ѣздятъ, тогда Божіею волею между ними и доброе дѣло дѣлается». Между тѣмъ Заберезскій опять прислалъ въ Новгородъ къ Якову Захарьичу просить позволенія купить двухъ кречетовъ; Яковъ послалъ сказать объ этомъ великому князю,

и тотъ отвѣчалъ, что дѣло не въ кречетахъ, а вѣрно при-
славо за тѣмъ, чтобъ высмотрѣть, или задираючи для
прежняго дѣла; что надобно Якову послать къ Заберезскому
своего человѣка съ кречетами и съ грамотою о прежнемъ дѣлѣ:
«возьмутся за то дѣло, то дай Богъ: а не возьмутся, то намъ
низости въ этомъ нѣтъ никакой». Іоаннъ приказывалъ, чтобъ
Яковъ послалъ въ Полоцкъ съ кречетами и грамотою человѣка
унаго, который бы могъ смотрѣть тамошнее дѣло и разспра-
шивать вѣжливо; а съ человѣкомъ Заберезскаго послать до
рубежа пристава, который бы смотрѣлъ, чтобъ съ нимъ никто
не говорилъ, и впередъ такъ поступать, если кто снова при-
детъ изъ Литвы.

Заберезскій отвѣчалъ, что поруха доброму дѣлу отъ Мо-
сквы, которая забираетъ города и причиняетъ вредъ Литвѣ;
если этотъ вредъ загладится, то и дѣло пойдетъ впередъ.
Посолъ отъ Александра пріѣхалъ съ объявленіемъ, что Ли-
товскій великій князь не освобождаетъ отъ присяги отѣхав-
шихъ князей, съ требованіемъ, чтобъ Іоаннъ не принимадъ
ихъ, и съ жалобами на взятіе и сожженіе городовъ. Посолъ
долженъ былъ повторить эти жалобы и предъ княземъ Патри-
кѣевымъ отъ имени епископа Виленскаго и всѣхъ пановъ рад-
ныхъ, съ прибавкою о титулѣ: «Господарь вашъ къ его
илости нашему господарю имя себѣ высоко написалъ, не по
старинѣ, не такъ какъ издавна обычай бывалъ. Самъ того,
князь, посмотри, хорошо ли это дѣлается? старину оставляетъ,
и въ новыя дѣла вступае»¹⁷⁸. Великій князь велѣлъ отвѣ-
чать, что князья Воротынскіе и Белевскіе старые слуги Мо-
сковскихъ князей, и только въ невзгуду отца его, великаго
князя Василія, были у Казимира короля; что взятіе и сож-
женіе городовъ было слѣдствіемъ нападенія князя Можайскаго
на отѣхавшихъ князей. Князь Патрикѣевъ отвѣчалъ на
счетъ титула, что государь его высокаго ничего не писалъ,
и новизны никакой не вставлялъ; писалъ онъ то, что ему
Богъ даровалъ отъ дѣдовъ и прадѣдовъ, отъ начала, ибо онъ

правый, урожденный государь всея Руси, и которая земля ему Богъ даровалъ, тѣ онъ и писалъ.

Видя, что подобными пересылками нельзя ничего достигнуть, Александръ прислалъ просить опасной грамоты для большихъ пословъ, которые и явились въ Москву въ Генварь 1494 года. То были: Петръ Бѣлый Яновичъ, воевода Троицкій, и Станиславъ Гаштольдъ Яновичъ, староста Жомойтскій. Послы объявили, что государь ихъ хочетъ мира съ Московскимъ государемъ на тѣхъ самыхъ условіяхъ, на какихъ онъ былъ заключенъ между отцомъ Александровымъ, Казимиромъ, и отцомъ Іоанновымъ, Василиемъ, и для укрѣпленія вѣчной пріязни хочетъ, чтобъ Іоаннъ выдалъ за него дочь свою, дабы жить съ нимъ въ такомъ же союзѣ, въ какомъ находился дѣдъ его Витовтъ съ дѣдомъ Іоанновымъ, Василиемъ. Іоаннъ велѣлъ имъ отвѣчать, что теперь нельзя уже заключить такого договора, какой былъ заключенъ между Казимиромъ и Василиемъ, и если Александръ вспоминаетъ предковъ, то онъ, Іоаннъ, хочетъ, чтобъ все было такъ, какъ было при великихъ князьяхъ Симеонѣ Іоанновичѣ, Іоаннѣ Іоанновичѣ, и Олгердѣ. Когда Литовскіе послы спросили, почему Іоаннъ не хочетъ заключить мира на условіяхъ Казимирава договора, то бояре отвѣчали, что этотъ договоръ заключенъ былъ въ слѣдствіе невзгоды Московскихъ государей, дѣда и отца Іоанновыхъ; тогда послы начали отговариваться отъ договора Симеонова старинною и невзгодою Литовскихъ князей, Олгерда и Кейстута. Начались переговоры о волостяхъ: послы представили списокъ Смоленскихъ пригородовъ съ волостями; бояре возразили, что въ этомъ спискѣ писаны волости Боровскія, Медынскія и Можайскія, и указали именно какія: тогда послы уступили эти волости въ Московскую сторону ¹⁷⁹. Въ договорѣ Казимира съ Василиемъ Темнымъ Козельскъ былъ написанъ на обыскъ, т. е. послѣ заключенія мира должно было обыскать, кому онъ прежде принадлежалъ, тому и отдать; Литовскіе послы точно также хотѣли написать и о Вязьмѣ, или вовсе о ней не упоминать, оставя ее на дѣлѣ за Москвою; но бояре не согла-

смились, и послы уступили, уступили весь Серенскъ, котораго одна половина, по Ольгердову договору, принадлежала Литвѣ, а другая Москвѣ; князья Новосильскіе всё, Одоевскіе, Воронинскіе и Бѣлевскіе отошли къ Москвѣ съ отчинами и податью, которую давали великимъ князьямъ Литовскимъ; о Мезецкѣ рѣшили такъ: которые князья Мезецкіе служатъ Литвѣ, тѣ вѣдаютъ свои дольницы, а которые служатъ Москвѣ, тѣ вѣдаютъ свои дольницы; которые князья въ плѣну въ Москвѣ, тѣхъ выпустить, и пусть служатъ, кому хотять ¹⁸⁰. Въ договорной грамотѣ ¹⁸¹ Юаннъ былъ написанъ государемъ всея Руси, великимъ княземъ Владимирскимъ, Московскимъ, Новгородскимъ, Псковскимъ, Тверскимъ, Югорскимъ, Пермскимъ, Болгарскимъ и иныхъ. Оба государя обязались, по обычаю, быть вездѣ за одно, имѣть однихъ друзей и враговъ; обязались князей служебныхъ съ отчинами не принимать; Александръ обязался не отпускать никуда ко вреду Юанна дѣтей его извѣнниковъ, Шемячича, Можайскаго, Ярославича, Верейскаго, также Тверскаго князя; если выйдутъ они изъ Литовской земли, опять ихъ не принимать, но быть на нихъ за одно съ Юанномъ. Въ договорѣ Казинира съ Василиемъ Тенинымъ было условлено, что если великій князь Рязанскій сгубить королю, то послѣдній долженъ дать объ этомъ знать Василию; тотъ долженъ удержать Рязанскаго князя отъ грубости, но если послѣдній не исправится, то Казиниръ можетъ его показнть, и Московскій великій князь уже не долженъ вступаться; также было условлено, что Рязанскій князь можетъ вступить въ службу къ королю, и Василій не долженъ сердиться и хотить ему за это. Но въ настоящемъ договорѣ между Юанномъ и Александромъ о Рязанскихъ князьяхъ сказано: великій князь Рязанскій Иванъ Васильевичъ съ братомъ, дѣтими и землею въ твоей сторонѣ великаго князя Ивана; а имѣть великому князю Александру ихъ не обижать и въ земли ихъ не вступаться; если же они имѣ сгубить, то я долженъ дать объ этомъ знать тебѣ, великому князю Ивану, и ты имѣ

долженъ дать удовлетвореніе». Такимъ образомъ и Рязань признана въ полной зависимости отъ Москвы.

Еще прежде начала переговоровъ о волостяхъ, послы были у великой княгини Софіи, и передъ тѣмъ спрашивали: будутъ ли при ней дочери? имъ отвѣчали, что дочерей не будетъ. По окончаніи переговоровъ, Іоаннъ объявилъ, что соглашается выдать дочь за Александра, если только, какъ говорили послы и ручались головою, неволи ей въ вѣрѣ не будетъ. На другой день послы отправились ко великой княгинѣ, и увидѣли тутъ невесту, старшую княжну Елену, послѣ чего въ тотъ же день было и обрученье: кресты съ цѣпями и перстни мѣняли; мѣсто жениха занималъ панъ Станиславъ, а старшаго пана Петра отстранили потому, что онъ былъ женатъ на другой женѣ. Іоаннъ требовалъ, чтобъ Александръ далъ ему относительно вѣры Елениной утвержденную грамоту въ такой формѣ: «Намъ его дочери не нудить къ Римскому закону; держитъ она свой Греческій законъ». Для полученія этой грамоты и для взятія съ Александра клятвы въ соблюденіи мирнаго договора отправились въ Литву послами князя Ряполовскіе—Василій и Семенъ Ивановичи. Любопытно, что Ряполовскіе должны были править поклоны Александру отъ всѣхъ сыновей Іоанновыхъ, начиная съ Василя, и потомъ уже отъ внука Димитрія, знакъ, что въ 1494 году послѣдній считался ниже всѣхъ своихъ дядей, и Василій являлся наследникомъ великаго княженія. Ряполовскіе получили такой наказъ: «Говорить накрѣпко, чтобъ Александръ далъ грамоту о вѣрѣ Елениной по списку слово въ слово; если же онъ не захочетъ никакъ дать грамоты, то укрѣпить его на словахъ, пусть крѣпкое свое слово молвить, что не будетъ ей принужденія въ Греческомъ законѣ». Александръ не отказался дать грамоты, но велѣлъ написать ее по другой формѣ, а именно вставлено было новое обстоятельство: «Александръ не станетъ принуждать жены къ перемѣнѣ закона; но если она сама захочетъ принять Римскій законъ, то ея воля.» Ряполовскіе отказались принять эту грамоту, и когда пріѣхалъ въ Москву

посолъ отъ Александра, Лютаворъ Хребтовичъ, то Иоаннъ спросилъ у него, за чѣмъ измѣнена форма грамоты? Хребтовичъ отвѣчалъ, что онъ не можетъ отвѣчать на этотъ вопросъ, не имѣя наказа; тогда Иоаннъ объявилъ, что если Александръ не дастъ грамоты по прежней формѣ, то онъ не выдастъ за него дочери. Александръ уступилъ, прислалъ грамоту, какой требовалъ Иоаннъ, и тотъ назначилъ срокъ прїѣзжать за Еленою—Рождество Христово, «чтобъ нашей дочери быть у великаго князя Александра за недѣлю до нашего великаго заговѣнья мяснаго».

Въ Генварь 1495 года прїѣхали въ Москву за Еленою Литовскіе послы: воевода Виленскій, князь Александръ Юрьевичъ, извѣстный уже намъ намѣстникъ Полоцкій, Янъ Заберезскій, и намѣстникъ Браславскій, панъ Юрій. Иоаннъ сказалъ имъ: «Скажите отъ насъ брату и зятю нашему, великому князю Александру: на чемъ онъ намъ молвилъ и листъ свой далъ, на томъ бы и стоялъ, чтобъ нашей дочери никакимъ образомъ къ Римскому закону не нудилъ; еслибы даже наша дочь и захотѣла сама приступить къ Римскому закону, то мы ей на то воли не даемъ, и князь бы великій Александръ на то ей воли не давалъ же, чтобъ между нами про то любовь и прочная дружба не порушилась. Да скажите великому князю Александру: какъ дастъ Богъ, наша дочь будетъ за нимъ, то онъ бы нашу дочь, а свою великую княгиню жаловалъ, держалъ бы ее такъ, какъ Богъ указалъ мужьямъ женъ держать, а мы, слыша его къ нашей дочери жалованье, радовались бы тому. Да что бъ сдѣлалъ для насъ, велѣлъ бы нашей дочери поставить цорковь нашего Греческаго закона на переходахъ у своего двора, у ея хоромъ, чтобъ ей близко было къ церкви ходить, а намъ бы его жалованье къ нашей дочери прїятно было слышать. Да скажите отъ насъ епископу и панагъ вашей братьѣ, всей радъ, да и сами поберегите, чтобъ братъ нашъ и зять нашу дочь жаловалъ, и между нами братство и любовь и прочная дружба не порушились бы.

13 Генваря Иоаннъ, отслушавъ обѣдню въ Успенскомъ со-

борѣ со всѣмъ семействомъ и боярами, подозвалъ Литовскихъ: пословъ къ дверямъ и передалъ имъ дочь. Елена остановилась въ Дорогомиловѣ и жила два дня: братъ ея Василій угощалъ здѣсь пословъ обѣдомъ, мать ночевала съ нею, самъ великій князь прїѣзжалъ два раза; онъ наказалъ дочери, чтобъ она во всѣхъ городахъ, черезъ которые будетъ проѣзжать, была въ соборныхъ церквахъ и служила молебны; въ Витебскѣ мостъ городской худъ, и если можно будетъ ей проѣхать къ соборной церкви, то она поѣхала бы, а будетъ нельзя, то она бы не ѣдила; наказалъ какъ поступать, когда какія-нибудь паньи встрѣтятъ ее; если кто нибудь изъ пановъ дастъ обѣдъ Еленѣ, то женѣ его быть на обѣдѣ, а самому ему не быть; князей отѣхавшихъ изъ Москвы, Шемяича и другихъ, не допускать къ себѣ; еслибы даже и потомъ въ Вильнѣ они захотѣли ударить ей челомъ, то чтобъ Александръ не велѣлъ имъ и княгинямъ ихъ къ ней ходить. Если встрѣтитъ Елену самъ великій князь Александръ, то ей изъ тапканы (экипажа) выйти и челомъ ударить, и быть ей въ это время въ нарядѣ; если позоветъ ее къ рукѣ, то ей къ рукѣ идти и руку дать; если велитъ ей идти въ свою повозку, но тамъ не будетъ его матери, то ей въ его повозку не ходить, ѣхать ей въ своей тапканѣ. Въ латинскую божицу не ходить, а ходить въ свою царковь; захочетъ посмотреть латинскую божицу или монастырь латинскій, то можетъ посмотреть одинъ разъ или дважды. Если будетъ въ Вильнѣ королева, мать Александра, ея свекровь, и если пойдетъ въ свою божицу, а ей велитъ идти съ собою, то Еленѣ провожать королеву до божицы, и потомъ вѣжливо отиростя въ свою церковь, а въ божицу не ходить.

Александръ, какъ доносили наши послы, встрѣтилъ великую княжну за три версты отъ Вильны: онъ сядѣлъ верхомъ на лошади; отъ его коня до тапканы Елениной послали красное сукно, а у тапканы послали по сукну камку съ золотомъ; Елена вышла изъ тапканы на камку, за нею вышли и боярыни; Александръ въ то же время сошелъ съ лошади, подо-

велъ къ Еленѣ, далъ ей руку; принявъ ее къ себѣ¹²¹, спросилъ о здоровьѣ и велѣлъ ейтѣ пойти въ тапкану; по- томъ, давъ также руку боярынямъ, сѣлъ на коня, и всѣ вѣстѣ вѣхали въ городъ. Въ тотъ же день происходило вѣчаніе: мѣтинскій епископъ и самъ Александръ крѣпко наставляли, чтобъ Русскій священникъ Ѳома, вѣрившій съ Еленою, не говорилъ молитвъ, и книгиня Марья Рязоловская не держала вѣнца; но князь Семенъ Рязоловскій, главный изъ бояръ, провожавшихъ Елену, настоялъ на томъ, чтобъ былъ исполненъ приказъ Іоанновъ: священникъ Ѳома говорилъ молитвы, и книгиня Марья держала вѣнецъ¹²².

Отпуская бояръ, провожавшихъ Елену, князя Семена Рязоловскаго и Михайла Русалку, Александръ сказалъ: «Вы говорили отъ великаго князя Ивана Васильевича, чтобы мы дочери его, а нашей великой княгинѣ, поставили церковь Греческаго закона на переходахъ; подлѣ ея хоронъ: но князья наши и папы, вся земля являютъ право и записи отъ предковъ нашихъ, отца нашего и насъ самихъ, а въ правахъ написано, что церковей Греческаго закона больше не прибавлять: такъ новыя эти правы рушить не годится. А княгинѣ нашей црковъ Греческаго закона въ городѣ есть близко; если ей ижесть захочетъ въ церковь, то мы ей не ижеваемъ. Братъ и тестъ нашъ хочетъ также, чтобъ мы дали ему грамоту на пергаментѣ относительно Греческаго закона его дочери; но мы дали ему грамоту точно такую, какой онъ самъ отъ насъ хотѣлъ: эта грамота теперь у него съ нашею печатью». Въ Мѣтѣ вѣрившій отъ Александра посоль Станиславъ Петрашиновичъ изъяснить Іоанну благодарность за присылку Елены, и объявить, что воевода Молдавскій Стефанъ напалъ на Литовскія владѣнія; относительно Елены Александръ велѣлъ Петрашиновичу сказать слѣдующее тѣстю: «Ты хотѣлъ, чтобъ мы оставили нѣсколько твоихъ бояръ и дѣтей боярскихъ при твоей дочери, пока привеземъ къ чужой сторонѣ; и мы для тебя желали ижеъ остаться при ней нѣкоторое время; но теперь пора уже ижеъ выѣхать отъ насъ: вѣдь у насъ, славу Богу, слугъ

много, есть кому служить нашей великой княгини: какая будет ея воля, кому что прикажетъ, и они будутъ, по ея приказу. дѣлать все, что только ни захочетъ». Наконецъ Петряшковиъ жаловался на Московскихъ пословъ, князя Рапововскаго и Михайла Русалку, которые будто бы на возвратномъ пути изъ Вильны грабили жителей на двѣ мили по обѣ стороны дороги, грабили купцовъ ииъ встрѣчавшихся ¹⁰⁴.—
 Иоанну сильно не нравилось и то, что зять пересталъ называть его государемъ всея Руси, и то, что не хотѣлъ построить церкви для Елены, когда онъ именно просилъ его сдѣлать это для него, и то, что Александръ отсылалъ изъ Вильны бояръ Московскихъ, которыхъ Иоанну хотѣлось непременно удержать при дочери. Онъ отвѣчалъ Петряшковиу на счетъ церкви: «Нашъ братъ, князь великій, самъ знаетъ, съ кѣмъ тамъ его предки и онъ самъ утвердилъ тѣ права, что новыхъ церквей Греческаго закона не строить: намъ до тѣхъ его правъ дѣла нѣтъ никакого; а съ нами братъ нашъ князь великій да в его рада договаривались на томъ, чтобъ нашей дочери держать свой Греческій законъ, и что намъ братъ нашъ и его рада обѣщали, все теперь дѣлается не такъ». Относительно пословъ былъ отвѣтъ, что они не грабили, а напротивъ терпѣли дорогою во всемъ недостатокъ; съ Стефаномъ Молдавскимъ Иоаннъ обѣщалъ поверить зятя.

Въ Вильну отправился изъ Москвы гонецъ, Михайла Погожевъ съ грамотою, въ которой отецъ писалъ Еленѣ: «Сказывали мнѣ здѣсь, что ты нездорова, и я послалъ навѣстить тебя Михайлу Погожаго; ты бы ко мнѣ съ нимъ отписала, чѣмъ не можешь, и какъ тебя нынче Богъ милуетъ». Но наединѣ гонецъ долженъ былъ сказать Еленѣ отъ Иоанна: «Эту грамоту о твоей болѣзни я нарочно прислалъ къ тебѣ для того, чтобъ не догадались, зачѣмъ я отправилъ Погожаго». Погожій былъ присланъ съ приказомъ, чтобъ Елена не держала при себѣ людей латинской вѣры и не отпускала бояръ Московскихъ. Главному изъ нихъ князю Ромодановскому Иоаннъ велѣлъ сказать чрезъ Погожаго: «Что ко мнѣ дочь моя пишетъ, и что вы пишете, и что

съ вашъ дочь моя говорить, все это и робята у васъ знаютъ: пригоже ли такъ дѣлаете?»

Въ Литвѣ разнеслась вѣсть о движеніяхъ Менглигирея Крымскаго; Александръ и Елена увѣдомили объ этомъ Иоанна и просили помощи, по договору; Иоаннъ отвѣчалъ Александру: «Ты бы насъ увѣдомилъ, Менглигирей царь изъ Перекопи вышелъ ли, и къ какимъ украинцамъ твоимъ идетъ? объяви, какъ намъ тебѣ помощь подать?» Александръ увѣдомилъ, что еще ханъ до Днѣпра не дошелъ, а какіе слухи будутъ, то онъ дастъ объ нихъ знать въ Москву. Но ханъ не двигался, помощи подавать было не нужно, а между тѣмъ неудовольствія между тестемъ и зятемъ росли все болѣе и болѣе: Иоаннъ не переставалъ требовать, чтобъ Александръ построилъ женѣ церковь Греческаго закона, не давалъ ей слугъ латинской вѣры, не принуждалъ ее носить польское платье, писалъ титулъ Московскаго государя, какъ онъ написанъ въ послѣднемъ договорѣ, не запрещалъ вывозить серебра изъ Литвы въ Московскія владѣнія, отпустилъ жену князя Бѣльскаго. Иоаннъ отозвалъ изъ Вильны князя Ромодановскаго съ товарищами, оставивъ при Еленѣ только священника Фому съ двумя крестовыми дяканами или пѣвчими и нѣсколько поваровъ; но Александръ не хотѣлъ исполнить ни одного его требованія, отговариваясь по прежнему, что законы запрещаютъ увеличивать число православныхъ церквей въ Литвѣ; относительно прислуги Елениной изъ католиковъ отвѣчалъ: «кого изъ пановъ, паней и другихъ служебныхъ людей мы заблагоразсудили приставить къ нашей великой книгнѣ, кто годился, тѣхъ и приставили: вѣдь въ этомъ греческому закону ея помѣхи нѣтъ никакой». Иоаннъ требовалъ также, чтобъ князьямъ Ваземскимъ и Мезецкимъ отдано было ихъ имущество, оставшееся въ Смоленскѣ и въ разныхъ другихъ мѣстахъ; Александръ отвѣчалъ, и въ этомъ отвѣтѣ высказалась досада, которая не могла также не досадить и Московскому великому князю: «князья Ваземскіе и Мезецкіе были нашими слугами, велѣлъ сказать Александръ тестю: измѣнивши намъ, они убѣжали въ твою землю какъ лихіе люди; а если

бы не убѣжали отъ насъ, то не того бы и заслужили, чего измѣнники заслуживаютъ». На границахъ начались опять непріязненные столкновенія между подданными обоихъ государствъ; Александръ постоянно жаловался, что Московскіе люди захватываютъ земли у Литовскихъ, и причиняютъ имъ разныя другія обиды.

У Іоанна также не было недостатка въ жалобахъ: Александръ не пропустилъ Турецкаго посла, ѣхавшаго въ Москву чрезъ его владѣнія, отговариваясь тѣмъ, что посолъ этотъ будетъ высматривать его государство. Іоаннъ велѣлъ ему сказать: «И къ Казимиру королю отъ Турскаго многіе послы бывали, и гости многіе ходили въ вашу и нашу землю безъ зацѣпки, и теперь изъ Турціи въ Литву, и изъ Литвы въ Турцію гости ходятъ; мы съ тобой въ любви, въ мирномъ докончаніи, въ крестномъ цѣлованіи и въ свойствѣ, а ты ко мнѣ пословъ и гостей не пропускаешь». Надѣясь имѣть чрезъ Елену и дѣтей ея вліяніе на Литовскую Русь, не желая, чтобъ Кіевъ находился подъ непосредственнымъ управленіемъ католика, Іоаннъ съ неудовольствіемъ услышалъ отъ пословъ своихъ, что Александръ и наны думаютъ, хотятъ брату Александрову, Сигизмунду дать въ Литовскомъ княжествѣ Кіевъ и другіе города; по этому случаю онъ велѣлъ сказать Еленѣ: «Слыхалъ я, дочь, какво было нестроеніе въ Литовской землѣ, когда было тамъ государей много: да и въ нашей землѣ, слышала ты, какое было нестроеніе при моемъ отцѣ, слышала, какія и послѣ были дѣла между мною и братьями, а иное и сама помнишь. Такъ если Сигизмундъ будетъ въ Литовской землѣ, то вашему какому добру быть? Я объ этомъ приказываю къ тебѣ для того, что ты наше дитя, что если ваше дѣло пойдетъ не хорошо, то мнѣ жаль. А захочешь объ этомъ поговорить съ великимъ княземъ, то говори съ нимъ отъ себя, а не моею рѣчью, да и мнѣ обо всемъ дай знать, какъ ваши дѣла». Александру Іоаннъ далъ знать, что Стефанъ Молдавскій и Менглигерей Крымскій не прочь отъ мира съ Литвою; тотъ отвѣчалъ, что тестъ все говоритъ только о своихъ дѣлахъ, а молчитъ о томъ,

какія обиды Литовскіе люди терпятъ отъ Московскихъ; что если тѣсть хочетъ, чтобъ онъ былъ въ мирѣ съ Крымомъ и Молдавіею, то пусть Стефанъ и Менглигирей вознаградятъ его за всѣ прежнія обиды.

Іоаннъ послалъ уговаривать Александра, чтобъ не выступалъ въ походъ противъ Молдавскаго государя; Александръ отвѣчалъ: «Мы надѣмся, что братъ нашъ великій князь больше жаждетъ добра намъ, зятю своему, чѣмъ Стефану воеводу». Но родство было только на словахъ: и зять и тѣсть въ сношеніяхъ своихъ съ иностранными владѣтелями дѣйствовали явно другъ противъ друга. Посылая къ Еленѣ съ жалобами, что мужъ ея возбуждаетъ противъ него Швецію и Татаръ, Іоаннъ наказалъ послу: если Елена скажетъ, что Александръ посылалъ въ Орду и въ Швецію по своимъ дѣламъ, а не для того, чтобъ возбуждать ихъ противъ Москвы, то отвѣчать ей, что онъ именно посылалъ въ Орду наводить Ахматовыхъ сыновей на Іоанна и Менглигирея; съ чѣмъ посылалъ въ Швецію, и то въ Москвѣ извѣстно; если она хочетъ, то отецъ пришлетъ ей грамоты ордынскія, да и о томъ объявитъ, съ чѣмъ мужъ ея посылалъ къ Шведскому правителю Стену Стуру. Александръ, съ своей стороны, упрекалъ Іоанна за сношенія еъ Менглигиремъ, клонившіяся ко вреду Литвѣ. Помирившись съ Александромъ и выдавши за него дочь, Іоаннъ объявилъ объ этомъ Менглигирею, прибавивъ: «А я въ чемъ тебѣ далъ слово, что въ нашихъ грамотахъ записано, на томъ и теперь стою, другу твоему я другъ, а недругу недругъ.» Менглигирей сначала подивился такой перемѣнѣ въ отношеніяхъ Москвы къ Литвѣ, перемѣнѣ, происшедшей безъ его вѣдома; но кончилъ просьбою: «Прошенье мое такое: Мисюрскій султанъ прислалъ шатеръ писанный и шитый, узорчатый; дастъ Богъ въ вешніе дни буду въ немъ ѣсть и пить, такъ надобны серебряныя чары въ два ведра хорошей работы, да наливки серебряныя: прошу ихъ у тебя. Чтобъ наливка не мала была, смотря по чарѣ, доброй бы работы наливка была; твоя, брата моего, любовь ночью и днемъ съ сердца не сойдетъ; серебряную чару меду

за твою, брата моего, любовь всегда полную пьемъ; у насъ такой чары сдѣлать мастера добраго не добудешь, а у тебя мастеръ есть.» Иоаннъ послалъ сказать хану: «мы говорили Литовскимъ посламъ, чтобъ и съ тобою князь ихъ былъ въ мирѣ; а не извѣстили тебя о нашемъ союзѣ съ Литвою, потому что была зима. Если помиришься съ Литовскимъ, то очень хорошо; а если онъ съ тобою не помирится, или помирившись съ нами и съ тобою, вдругъ станетъ опять намъ недругомъ, тогда мы съ тобою перешлемся и будемъ дѣлать по совѣту, какъ намъ будетъ пригоже.» Съ другимъ послонъ Иоаннъ велѣлъ сказать хану еще яснѣе: «если теперь Александръ съ тобою помирится, то ты дай намъ знать; если и не помирится, то ты также дай намъ знать, а мы съ тобою, своихъ братьевъ, и теперь на него за одно ¹⁸⁵».

Между тѣмъ частыя сношенія между Москвою и Литвою не прерывались: Александръ все требовалъ, чтобъ отданы были земли, захваченныя Иоанновыми подданными у Литвы по заключеніи уже мира; требовалъ высылки общихъ судей для рѣшенія споровъ между пограничниками; требовалъ, чтобъ тестъ, по договору, помирилъ его съ Менглигиреемъ и Стефаномъ, которые, толкуя о мирѣ, опустошаютъ его волости. Иоаннъ отвѣчалъ: «мы посылали къ зятю говорить о томъ, что онъ ния наше пишетъ не такъ, какъ слѣдуетъ по мирному договору, о церкви, которой онъ не строитъ для жены своей, о панахъ и паньяхъ греческаго закона, которыхъ онъ къ ней не представляетъ; а онъ въ отвѣтахъ своихъ обо всѣхъ этихъ начальныхъ, большихъ дѣлахъ ничего намъ не говоритъ; онъ требуетъ, чтобъ мы, по договору, помирили его съ Менглигиреемъ и Стефаномъ Молдавскимъ, а самъ договора не соблюдаетъ. Но мы, памятуя наше свойство, что наша дочь за нимъ, посылаемъ къ Менглигирею и Стефану, чтобъ помирились съ Литвою, хотя бы намъ и не пригоже было посылать, когда онъ изъ крестнаго цѣлованія выступаетъ. Александръ проситъ о сѣздѣ бояръ на границахъ и срокъ назначаетъ: мы этого сами давно хотимъ, чтобъ нашими боярамъ съ его панами сѣхавшись,

обиднымъ дѣламъ на обѣ стороны управу учинить и грамоты написать; но боярамъ нашимъ какъ въ грамотахъ писать наше имя, когда братъ нашъ и зять не хочетъ писать его, какъ слѣдуетъ по мирному договору? Когда онъ начальныя дѣла нашъ по докончанію исправить, тогда мы и пошлемъ бояръ на създъ».

Такимъ образомъ для Іоанна большини, начальными дѣлами были титулъ государя всея Руси и построеніе для Елены церкви Греческаго закона. Въ Ноябрь 1497 года Іоаннъ послалъ въ Ливу Микулу Ангелова, который долженъ былъ сказать отъ него Еленѣ: «Я тебѣ приказывалъ, чтобъ просила мужа о церкви, о панахъ и паняхъ Греческаго зокона, и ты просила ли его объ этомъ? Приказывалъ я къ тебѣ о попѣ, да о боярынь старой, и ты мнѣ отвѣчала ни то, ни сѣ. Тамошнихъ пановъ и паней греческаго закона тебѣ не даютъ, а нашихъ у тебя нѣтъ: хорошо ли это?» Ангелову данъ былъ наказъ — дознаться: когда идетъ у великой княгини Елены служба, то она на службѣ стоитъ ли? Елена отвѣчала Ангелову: «О церкви я была челомъ великому князю, но онъ и мнѣ отвѣчаетъ тоже, что Московскииъ посламъ; попъ Фома не по мнѣ, а другой попъ со мною есть изъ Вильны очень хорошій. А боярыню какъ ко мнѣ изъ Москвы прислать, какъ ее держать, какъ ей съ здѣшними сидѣть? Вѣдь мнѣ не далъ князь великій еще ничего, чѣмъ кого жаловать; друхъ, трехъ пожаловалъ, а иныхъ я сама жалую. Еслибы батюшка хотѣлъ, то тогда же боярыню со мною послалъ; а поповъ мнѣ кого знать? самъ знаешь, что я на Москвѣ не видала никого. А что батюшка приказываетъ, будто я наказъ его забываю, такъ бы онъ себѣ и на сердцѣ не держалъ, что мнѣ наказъ его забыть: когда меня въ животѣ не будетъ, тогда отцовскій наказъ забуду. А князь великій меня жалуетъ, о чемъ ему бью челомъ, и онъ жалуетъ, о комъ помяну. А вотъ которая у меня посажена панья, и теперь она уже типнаетъ ¹⁸⁶». Въ грамотѣ къ отцу Елена писала, что мужъ не даетъ слѣдующихъ ей волостей

потому, что тесть побралъ у него много земель послѣ заключенія мира.

Понятно, что Александръ не хотѣлъ построить для жены православной церкви, не хотѣлъ окружать ее людьми православнаго исповѣданія, ибо понятно, какъ духовенство католическое и паны Литовскіе латинскаго исповѣданія должны были смотрѣть на то, что ихъ великая княгиня была греческой вѣры. Александръ, давая знать Римскому двору о бракѣ своемъ съ Еленою, обманулъ его на счетъ грамоты о вѣрѣ данной Іоанну, писалъ, что онъ общалъ тестю не принуждать жены къ принятію католицизма, если она сама не захочетъ принять его, слѣдовательно указывалъ на свою прежнюю грамоту, которая была отвергнута Іоанномъ. Но что значила для папы присяга, данная не католику? и Александръ VI отвѣчалъ Литовскому князю, что совѣсть его останется совершенно чиста, если онъ употребитъ всѣ возможныя средства для склоненія Елены къ католицизму; только въ 1505 году папа Юлій II позволилъ Александру жить съ иновѣрною женою въ ожиданіи смерти отца ея, который уже очень старъ, или въ ожиданіи какого-нибудь другаго обстоятельства¹⁸⁷. Поэтому неудивительно, что въ 1498 году подъячій Шестаковъ прислалъ къ Вяземскому намѣстнику, князю Оболенскому, письмо слѣдующаго содержания: «Здѣсь у насъ произошла смута большая между Латинами и нашимъ христіанствомъ: въ нашего владыку Смоленскаго дьяволъ вселился, да въ Сапѣгу еще, встали на православную вѣру. Князь великій неволилъ государыню нашу, великую княгиню Елену въ латинскую проклятую вѣру; но государыню нашу Богъ научилъ, да помнила науку государя отца своего, и она отказала мужу такъ: вспомни, что ты общалъ государю отцу моему; а я безъ воли государя отца моего не могу этого сдѣлать, обошлюсь, какъ меня научить? Да и все наше православное христіанство хотятъ окрестить: отъ этого наша Русь съ Литвою въ большой враждѣ. Этотъ списочекъ послалъ бы ты къ государю, а государю самому не узнать. Больше не

сѣю писать; еслабъ можно было съ кѣмъ на словахъ пере-
сказать?»

Іоаннъ, получивъ записку Шестакова, послалъ въ Литву
Ивана Мамонова съ приказомъ отъ себя и отъ жены къ Еле-
нѣ, чтобъ пострадала до крови и до смерти, а вѣры Грече-
скаго закона не оставляла. Рѣшившись начать войну, Іоаннъ
хотѣлъ узнать средства противника, и потому наказалъ Ма-
монову: «спытать, былъ ли у Александра Стефановъ посолъ, и
заключенъ ли миръ между Молдавіею и Литвою? Польскій и
Венгерскій короли въ миръ ли съ Стефаномъ? Турскій и Перс-
конскій мирны ли съ Польскимъ, Литовскимъ и Молдавскимъ?»
Объ отношеніяхъ Литвы къ Молдавіи самъ Александръ увѣдо-
нилъ теста чрезъ посла своего Станислава Глѣбовича, который
объявилъ о мирѣ между Стефаномъ и Александромъ, и отъ
имени послѣдняго приглашалъ Іоанна помочь Молдавіи противъ
Турокъ: «Самъ можешь разумѣть, велѣлъ сказать Александръ,
что Стефана воеводы панство есть ворота всѣхъ христіанскихъ
земель нашего острова: не дай Богъ, если Турки имъ овла-
дѣютъ!» Глѣбовичъ жаловался, что намѣстникъ Козельскій зах-
ватилъ села Карачевскія и Хотимльскія, что бояре, живущіе
на Новгородскихъ границахъ, отняли Торопецкія земли; относи-
тельно титула Іоаннова Александръ велѣлъ объявить слѣдую-
щее: «въ докончальной записи вписаны были всѣ земли и мѣста
и волости Литовскія, кромѣ замка Кіева и пригородовъ: теперъ
впиши Кіевъ, либо особый листъ намъ дай на него, тогда и
будемъ тебя писать, какъ написано въ договорѣ». Іоаннъ ве-
лѣлъ отвѣчать, что подастъ помощь Стефану, когда тотъ самъ
пришлетъ просить ее; что земли, отнятыя намѣстникомъ Козель-
скимъ, изстари принадлежатъ къ его городу; что Александръ
выступилъ изъ договора, принуждая Елену принять Латинство;
относительно Кіева и титула отвѣтъ былъ такой: «князь бы
великій самъ положилъ на своемъ разумѣ, гораздо ли такъ къ
намъ приказываетъ? мимо нашего съ нимъ договора и крест-
наго цѣлованія не хочетъ намъ править по докончанію, да такіа
велѣнныя къ намъ и приказываетъ, мимо дѣла».

Скоро послѣ этого Менглигирей прислалъ въ Москву условія, на которыхъ хотѣлъ помириться съ Литвою: онъ требовалъ ежегодной дани съ 13 Литовскихъ городовъ, между которыми были Кіевъ, Каневъ, Черкасы, Путивль: ¹⁸⁸ «По тѣмъ городкамъ, писалъ ханъ, дараги были и ясаки брали». Съ этими условіями Іоаннъ отправилъ въ Литву опять Мамонова, который долженъ былъ требовать, чтобъ Александръ далъ отвѣтъ, пока Менглигиреевы послы въ Москвѣ; Еленѣ Мамоновъ долженъ былъ сказать упрекъ, за чѣмъ она таится отъ отца касательно принужденій къ перемѣнѣ вѣры и новое увѣщаніе быть твердою въ православіи. Александръ отвѣчалъ съ Мамоновымъ: «Пусть Великій Князь самъ посмотритъ и совѣтъ намъ свой дастъ о Кіевѣ и другихъ городахъ нашихъ — пристойныя ли то рѣчи? Менглигерей хочетъ отъ насъ того, чего его предки отъ нашихъ предковъ никогда не хотѣли. Поговоримъ съ панами радюю, и пришлемъ съ отвѣтомъ своего посла, а Великій Князь до тѣхъ поръ пусть Менглигиреева посла позадержитъ». Іоаннъ послалъ сказать Менглигирею: «мы по твоему слову посла своего посылали къ Великому Князю Александру, и то ему сказали, какого ты съ нимъ мира хочешь. Онъ намъ велѣлъ сказать съ нашимъ посломъ, что его люди при отцѣ его и дѣдѣ къ вашей ордѣ даньщиками никогда не бывали, и обѣщалъ намъ для этихъ дѣлъ выслать своихъ пословъ, приказавши, чтобъ мы отъ себя твоихъ пословъ не отпускали до тѣхъ поръ, пока будутъ у насъ его послы; и мы затѣмъ твоихъ пословъ у себя и держали, ждали къ себѣ отъ него пословъ; но онъ къ намъ пословъ не присылывалъ. И если Князь Великій Александръ пословъ своихъ къ намъ не прислалъ, такъ онъ съ тобою мира не хочетъ; съ нашими недругами, съ Ахматовыми дѣтьми ссылается, наводитъ ихъ на насъ, а которые послы Ахматовыхъ дѣтей теперь у него, и онъ тѣхъ пословъ въ орду отпускаетъ, да и своихъ пословъ туда шлетъ, и въ своемъ словѣ не стоитъ, что приказывалъ намъ, будто мира съ тобою хочетъ. И если онъ съ тобою, нашимъ братомъ, мира не хочетъ, то и я съ нимъ мира не хочу для тебя, хочу съ тобою, сво-

имъ братомъ, по своей правдѣ на него быть за одно; и если прищлетъ къ тебѣ Князь Великій Александръ за миромъ, то ты бы съ нимъ не мирился безъ нашего вѣдома; какъ дастъ Богъ намъ съ Литовскимъ свое дѣло дѣлать и на него наступить, то мы съ тобою сошлемся». Послу было наказано: «Беречь накрѣпко, чтобъ Менглигирей съ Великимъ Княземъ Литовскимъ не мирился, не канчивалъ. Если Менглигирей спросить, въ мирѣ ли Великій Князь съ Литовскимъ, или нѣтъ? то послу отвѣчать: «Александръ хотѣлъ прислать пословъ съ отвѣтомъ на счетъ мира съ тобою, и не прислалъ: съ тѣхъ поръ Государь нашъ для тебя съ нимъ въ размирьи.» Если ханъ спросить: «Въ чемъ у нихъ размирье?» — ствѣчать: Пріѣхалъ Князь Бѣльскій съ вотчиною, и Великій Князь его принялъ» 189.

Еще въ 1499 году прислалъ въ Москву Князь Семень Ивановичъ Бѣльскій битъ челомъ Великому Князю, чтобъ пожаловалъ, принялъ его въ службу и съ отчиною: терпятъ они въ Литвѣ большую нужду за Греческій законъ; Великій Князь Александръ посылалъ къ своей Великой Княгинѣ Еленѣ отметника православной вѣры, Іосифа владыку Смоленскаго, да епископа своего Виленскаго и монаховъ Бернардинскихъ, чтобъ приступила къ Римскому закону; посылалъ и къ князьямъ Русскимъ, и къ Виленскимъ иѣщанамъ, и ко всей Руси, которая держитъ Греческій законъ, принуждаетъ ее приступить къ Римскому закону; а Смоленскому владыкѣ Великій Князь обѣщалъ за то Кіевскую Митрополию. Іоаннъ принялъ Бѣльскаго, и послалъ сказать Александру: «Князь Бѣльскій билъ челомъ въ службу; и хотя въ мирномъ договорѣ написано, что князей съ вотчинами не принимать, но такъ какъ отъ тебя имъ такого притѣсненія въ вѣрѣ, и прежде отъ твоихъ предковъ такой нужды не бывало, то мы теперь Князя Семѣна приняли въ службу съ отчиною». Бѣльскій также послалъ Александру грамоту, въ которой слагалъ съ себя присягу по причинѣ принужденія къ перемѣнѣ вѣры. За Бѣльскимъ перешли съ богатыми волостями князья, до сихъ поръ бывшіе заклятыми вра-

гами Великаго Князя Московскаго, князь Василій Ивановичъ ввукъ Шемяки, и сынъ пріятеля Шемякина, Ивана Андреевича Можайскаго, князь Семенъ Ивановичъ; князь Семенъ поддался съ Черниговымъ, Стародубомъ, Гомелемъ, Любичемъ; Шемячичъ съ Рыльскомъ и Новгородомъ Стверскимъ; поддались и другіе князья, менѣе значительные, Мосальскіе, Хотетовскій— все по причинѣ гоненія за вѣру. Іоаннъ послалъ объявить Александру, что принялъ въ службу Можайскаго съ Шемячичемъ, и въ то же время послалъ складную грамоту или объявленіе войны.

Но война уже началась прежде: Московскія войска выступили въ поле подъ начальствомъ хана Магметъ-Аминя и воеводы Якова Захаревича Кошкина, заняли города: Мценскъ, Серпейскъ, Мосальскъ, Брянскъ, Путивль; князья Стверскіе— Можайскій и Шемячичъ были приведены къ присягѣ; другая рать подъ начальствомъ боярина Юрія Захаревича Кошкина взяла Дорогобужъ. Въ слѣдъ за нимъ Великій Князь отправилъ Тверскую рать подъ начальствомъ князя Данила Щени, который долженъ былъ начальствовать большимъ полкомъ, а бояринъ Юрій сторожевымъ; Юрій обидился и писалъ въ Москву, что ему въ сторожевомъ полку быть нельзя: «то мнѣ стеречь князя Данила!» Великій князь велѣлъ отвѣчать ему: «Гораздоль такъ дѣлаешь? Говоришь, что тебѣ не пригоже стеречь князя Данила: ты будешь стеречь не его, но меня и моего дѣла; каковы воеводы въ большомъ полку, таковы и въ сторожевомъ: такъ не позоръ это для тебя.» Юрій успокоился. Между тѣмъ Литовское войско подъ начальствомъ гетмана, князя Константина Острожскаго, приближалось къ Дорогобужу, и 14 Іюля, въ годовщину Шелонской битвы, встрѣтилось съ Московскимъ на Митьковѣ полѣ, на рѣчкѣ Ведрошѣ. Благодаря тайной засадѣ, рѣшившей дѣло, Московскіе воеводы одержали совершенную побѣду: гетманъ князь Острожскій и другіе Литовскіе воеводы попались въ плѣнъ; 17 Іюля получилъ Великій Князь вѣсть о побѣдѣ, и была радость большая въ Москвѣ, говорятъ лѣтописцы. Побѣдителей Великій Князь по-

слагъ спросить о здоровьѣ; плѣнники привезены въ Москву и отсюда разосланы по городамъ: князь Константинъ Острожскій отправленъ въ Вологду въ оковахъ; держали его крѣпко, но поили и кормили довольно; прочимъ князьямъ и панамъ давали по полуденьгѣ на день, а Константину по четыре алтына; скоро впрочемъ онъ присягнулъ служить Великому Князю Московскому, получилъ свободу и земли ¹⁹⁰.

Войска Новгородскія, Псковскія и Великолуцкія подъ начальствомъ племянниковъ великокняжескихъ, Ивана и Федора Борисовичей и боярина Андрея Челядина, взяли Торопецъ; новые подданные Московскіе, князья Сѣверскіе—Можайскій и Шемачичъ, вмѣстѣ съ боярами—княземъ Ростовскимъ и Семеновъ Воронцовымъ, одержали побѣду надъ Литовцами подъ Мстиславлемъ, положивъ тысячъ семь неприятелей на мѣстѣ ¹⁹¹. Этимъ окончилась значительная дѣйствія Московскихъ войскъ въ областяхъ Литовскихъ; сынъ Великаго Князя, Дмитрій Іоанновичъ, посланный подъ Смоленскъ, не могъ взять этого города и ограничился взятіемъ Орши и опустошеніемъ Литовскихъ областей, которое было потомъ повторено князьями Сѣверскими. Война продолжалась четыре года; по военныя дѣйствія шли медленно: иногда по цѣлому году не было движенія ни съ той, ни съ другой стороны. Дѣятельнѣе шли сношенія обонхъ государей, Московскаго и Литовскаго съ сосѣдними владѣльцами, у которыхъ они искали помощи другъ противъ друга. Мы видѣли, какъ Іоаннъ, съ самаго начала, хотѣлъ вооружить противъ Литвы Менгли-Гирея, стараясь увѣрить его, что миръ съ Александромъ разорванъ въ слѣдствіе нежеланія послѣдняго помириться съ Крымомъ. Это увѣреніе повторено было съ новымъ посломъ, который долженъ былъ уговаривать хана, чтобъ шелъ на Литовскія владѣнія, именпо къ Слуцку, Турову, Пинску, Минску ¹⁹². Менгли-Гирей остался вѣренъ союзу съ Москвою, и сыновья его не разъ принимались опустошать Литовскія и Польскія владѣнія ¹⁹³, хотя Александръ и старался склонить хана на свою сторону; черезъ Кіевскаго воеводу, Князя Дмитрія Путятича онъ велѣлъ напомнить Менгли-

Гирею о давней пріязни, бывшей между ихъ отцами—Ази-Гиреемъ и Казимиромъ: «Когда же ты, по смерти отцовской, нарушилъ пріязнь съ Литвою, то самъ посмотри, что изъ этого вышло: честь твоя царская не по прежнему стоитъ, понизилась, пошлины всѣ отъ твоего царства отошли, и столу твоему никто не кланяется, какъ прежде кланявались; кто передъ твоимъ отцемъ холопомъ писывался, тотъ теперь тебѣ уже братомъ называется. Самъ можешь знать, какую высокую мысль держать Князь Московскій; если онъ зятю своему клятвы не сдержалъ, то сдержать ли онъ ее тебѣ? а что онъ роднымъ братьямъ своимъ подблалъ, также нарушивши клятву? Если ему удастся захватить украинскіе города Литовскіе и стать тебѣ близкимъ сосѣдомъ, можешь ли сидѣть спокойно на своемъ царствѣ? Если же будешь за одно съ Великимъ Княземъ Литовскимъ, то онъ велитъ съ каждаго человѣка въ землѣ Кіевской, Волинской и Подольской давать тебѣ ежегодно по три деньги»¹⁹⁴. Но крымцы не соблазнились этимъ предложеніемъ: они предпочитали брать деньги вмѣстѣ и съ людьми въ областяхъ Литовскихъ.

Легче было Александру убѣдить Стефана Молдавскаго разорвать союзъ съ Іоанномъ, потому что послѣдній въ это время положилъ опалу на дочь Стефанову, Елену, лишилъ наследства сына ея, Димитрія. Александръ далъ знать объ этомъ Стефану¹⁹⁵; Московскій посолъ въ Крыму, Заболоцкій, писалъ къ своему Князю: «Менгли-Гиреевъ человѣкъ, посланный съ твоими грамотами къ Стефану воеводѣ, нашелъ его въ Польской землѣ подъ Галичемъ; Стефанъ, прочтя грамоты, хотѣлъ отпустить твоихъ пословъ, какъ пришла ему грамота отъ Александра, который пишетъ: ты меня воюешь въ одно время съ недругомъ моимъ Великимъ Княземъ Московскимъ; но онъ и тебѣ теперь недругъ же: дочь твою и внука посадилъ въ темницу, и великое княженіе у внука твоего отнялъ, да отдалъ сыну». И Стефанъ воевода сей часъ же прислалъ къ царю Менгли-Гирею своего человѣка добраго съ грамотою и рѣчами, пишетъ: «разыщи мнѣ подробно, правду ли мнѣ Александръ

исагъ; и если онъ солгалъ, то я Московскихъ пословъ къ тебѣ отпущу сей часъ же». И царь меня пыталъ вакрѣпко вединѣ, да и къ присягѣ меня хотѣлъ привести; но я царю говорилъ: все это, государь, ложь, неправда, все это Александръ отъ себя затѣялъ, недругъ на недруга чего не взведеть, что хочеть, то затѣеть. И царь Стефану о томъ отписалъ». Но правда не могла утаиться отъ воеводы: впрочемъ кроиѣ кратковременной задержки пословъ и художниковъ, ѣхавшихъ въ Москву черезъ Молдавію, неудовольствіе Стефана не имѣло другихъ важнѣйшихъ слѣдствій. Союзъ Александра съ Ахиятевыми сыновьями причинилъ немного болѣе вреда Московскому государству; гораздо важнѣе былъ союзъ его съ Магистромъ Ливонскимъ, отвлекшимъ Московскія силы къ Псковскимъ граппцамъ.

На престолахъ Польскомъ, Чешскомъ и Венгерскомъ сидѣли естественные союзники Александра, родные братья. До насъ дошли посольскія рѣчи Александра къ брату его, Владиславу, королю Венгерскому, въ которыхъ всего любопытнѣе указаніе на религіозныя движенія въ Литвѣ: «Вы должны (говорилъ Литовскій посолъ Владиславу) подать помощь нашему государю не только по родству кровному, но и для святой вѣры христіанской, которая утверждена въ Литовской землѣ трудами дѣда вашего, Короля Владислава (Ягайла). Съ тѣхъ поръ до послѣдняго времени Русь покушается ее уничтожить, не только Москва, но и подданные князата Литовскіе; на отца вашего короля Казимира они вставали по причинѣ вѣры; по той же причинѣ встанутъ теперь и на васъ, сыновей его. Братъ вашъ Александръ нѣкоторыхъ изъ нихъ за это казилъ, а другіе убѣжали къ Московскому Князю, который вмѣстѣ съ ними и поднялъ войну, ибо до него дошли слухи, что нѣкоторые князья и подданные нашего государя, будучи Русской вѣры, принуждены были принять Римскую»¹⁹⁶.

Братья могли только обѣщать Александру ходатайствовать за него предъ тестемъ. Но еще не дожидаясь этого ходатайства, самъ Александръ, въ началѣ 1500 года, прислалъ въ Москву

Смоленскаго намѣстника Стапислава Кпшку жаловаться на начатіе непріятельскихъ дѣйствій со стороны Іоанна, и оправдаться въ обвиненіяхъ, которыя послѣдній взводилъ на него: «Мы поудержались писать тебя Великимъ Княземъ всея Руси (велѣлъ сказать Александръ), потому что по заключеніи мира тотчасъ же начались намъ отъ тебя обиды большія; ты намъ объявилъ, что обиды прекратятся, когда мы напишемъ твое имя какъ слѣдуетъ, и вотъ мы его теперь написали сполна. Ты велѣлъ намъ сказать, что принялъ князя Бѣльскаго съ отчипою, потому что мы посылали къ нему епископа Велепскаго и митрополита приводить его къ Римскому закону; но онъ не могъ тебѣ правды сказать, какъ лихой человекъ и нашъ измѣнникъ: мы его уже третій годъ и въ глаза не видали. Слава Богу, въ нашей отчипѣ, Великомъ княжествѣ Литовскомъ, князятъ и папъ Греческаго закона много, и получше его, этого нашего измѣнника, да никогда силою и пуждою предки наши и мы къ Римскому закону ихъ не приводили и не приводимъ. Въ орду Заволжскую мы посылали по нашимъ дѣламъ украинскимъ, а не на твое лихо. Великую Княгиню нашу къ Римскому закону не принуждаемъ, и дивился тому, что ты вѣршишь больше лихимъ людямъ, которые, забывши честь и души свои и наше жалованье, измѣнили намъ и убѣжали къ тебѣ, чѣмъ намъ, брату своему. Что же касается до церкви, которую надобно постропить на сѣняхъ, да паповъ и папъ Греческаго закона: то объ этомъ между нами и рѣчи не было, мы объ этомъ ничего не знаемъ; папы наши, которые былъ у тебя, намъ объ этомъ ничего не сказали».

Іоаннъ велѣлъ отвѣчать: «мы къ брату своему Александру не объ одномъ нашемъ плени приказывали; а теперь онъ только одно наше имя въ своей грамотѣ какъ слѣдуетъ по докончанію написалъ. Говорить, что никого не принуждаетъ къ Римскому закону: — такъ ли это онъ не принуждаетъ? Къ дочерямъ нашимъ, къ Русскимъ князьямъ, папамъ и ко всей Руси посылаетъ, чтобъ приступили къ Римскому закону! Сколько велѣлъ поставить Римскихъ божищъ въ Русскихъ городахъ,

въ Полодѣ и въ другихъ мѣстахъ? Женъ отъ мужей и дѣтей отъ оцовъ съ имѣніемъ отнимаютъ, да сами крестятъ въ Римскій законъ: такъ-то зять нашъ не принуждаетъ Русь къ Римскому закону? О князѣ же Семенѣ Бѣльскомъ извѣстно, что онъ приѣхалъ къ намъ служить, не желая быть отступникомъ отъ Греческаго закона, и не хотя своей головы потерять: такъ князя же его тутъ измѣна ¹⁹⁷?

Въ Генварѣ 1501 года приѣхалъ въ Москву посолье отъ Владислава, короля Венгерскаго и Богемскаго. Это было первое посолье Венгерскій въ Москвѣ при Иоаннѣ III-мъ, сношенія съ Венгерією начались еще съ 1482 года, когда король Матвѣй Корвинъ, имѣя нужду въ союзникахъ противъ Казимира Польскаго, прислалъ къ Московскому Великому Князю съ предложеніемъ дѣйствовать вмѣстѣ противъ общаго врага. Разумѣется, предложеніе было принято, и начались пересылки между двумя дворами, при чемъ Иоаннъ старался побуждать Матвѣя къ рѣшительной войнѣ съ Польшею, увѣряя, что онъ, съ своей стороны, дѣйствуетъ противъ Казимира, взявъ Тверь, гдѣ княжилъ другъ и свойственникъ Польскаго Короля, кромѣ того взявъ города и волости Литовскія; что хотя онъ и пересылается съ Казимиромъ, но единственно о порубежныхъ обидныхъ дѣлахъ, мира же между ними нѣтъ ¹⁹⁸. Отношенія перемѣнились, когда вмѣсто Матвѣя, врага Казимира, король Венгерскій сталъ сынъ Казимировъ, Владиславъ, который теперь прислалъ въ Москву ходатайствовать за брата своего Александра, вмѣстѣ съ третьимъ Казимировичемъ, Яномъ Албрехтомъ, королемъ Польскимъ. Короли уговаривали Иоанна примириться съ зятемъ, ибо война ихъ причиняетъ большой вредъ всему христіанству, развлекая силы христіанскихъ государствъ, которые должны быть все за одно противъ Турокъ; въ случаѣ, если Иоаннъ не приметъ ихъ ходатайства, Казимировичи грозились помогать брату и княжеству Литовскому, въ котораго все они вышли; просили также отпустить на свободу пѣнниковъ, взятыхъ въ Литвѣ. Иоаннъ отвѣчалъ изложеніемъ извѣстныхъ уже причинъ, заставившихъ его начать

войну съ зятемъ: «Мы зятю своему ни въ чемъ не выступили, онъ намъ ни въ чемъ не испрадалъ: такъ если король Владиславъ хочетъ брату своему неправому помогать, то мы, уповад на Бога, по своей правдѣ, противъ своего недруга хотимъ стоять, сколько намъ Богъ поможетъ: у насъ Богъ помощникъ и наша правда». Относительно плѣнныхъ бояре отвѣчали: «Въ земляхъ нашего государя нѣтъ такого обычая, чтобы плѣнниковъ отпускать на присягѣ или порукѣ; а нужды ихъ нѣтъ никакой, всего довольно—и ѣды, и питья, и платья». Наконецъ Иоаннъ велѣлъ объявить, что если зять пришлетъ за миромъ, то онъ съ нимъ миру хочетъ, какъ будетъ пригоже ¹⁹⁹.

Александръ прислалъ пана Станислава Нарбутовича съ тѣми же рѣчами, съ какими пріѣзжалъ и прежній посолъ, Станиславъ Кищка, и получилъ тотъ же отвѣтъ съ нѣкоторыми новыми жалобами: «Какъ наша дочь къ нему пріѣхала, и онъ въ то время ни одному владыкѣ не велѣлъ у себя въ Вильнѣ быть, а нареченному митрополиту Макарію не велѣлъ вѣнчать нашей дочери; которую дочь княжескую или боярскую Греческаго закона она возметъ къ себѣ, и онъ ту силою велитъ окрестить въ Латинство. Онъ говоритъ, что не припуждалъ Русскихъ къ Латинству; но это дѣлалось не тайно, а явно, вѣдомо это и въ нашихъ земляхъ, и вашей всей Руси и Латынѣ; которые его люди у насъ въ плѣну, и тѣ тоже сказываютъ. Онъ хочетъ, чтобы мы въ его отчину не вступались, отдали ему тѣ города и волости, которые люди наши взяли: но всѣ эти города и волости, также земли князей и бояръ, которые пріѣхали намъ служить — все это изстари наша отчина». Иоаннъ повторилъ, что если Александръ пришлетъ великихъ пословъ, пановъ радныхъ, то онъ охотно заключитъ миръ на условіяхъ, какія сочтетъ приличными; тоже писали и бояре Московскіе раднымъ навамъ Литовскимъ, которые просили ихъ стараться о мирѣ. Паны отвѣчали, что отправленіе великихъ пословъ задержано было смертію Польскаго короля Яна Альбрехта, наследникомъ котораго провозглашенъ былъ Александръ. Опять Литва соеди-

милась съ Польшею, но чрезъ это соединеніе, какъ и прежде, силъ ея не увеличались. Александръ по прежнему желалъ прекращенія войны съ Москвою; явился новый ходатай: папа Александръ VI-й писалъ къ Іоанну, что немилостивый родъ Турецкій не перестаетъ наступать на христіанство и вводитъ его въ крайнюю пагубу, что Турки взяли уже два Венеціанскіе города Модонъ и Коронъ въ Моревъ, а теперь покушаются напасть и на Итадію, что въ такихъ обстоятельствахъ всѣмъ христіанскимъ правителямъ надобно быть въ согласныхъ мысляхъ.

Эту грамоту привезъ новый Венгерскій посолъ, который отъ имени своего короля говорилъ, что общій походъ христіанскихъ государей противъ Турокъ задерживается единственно войною Іоанна съ Александромъ. Іоаннъ отвѣчалъ: «Мы съ Божіею волею, какъ напередъ того за христіанство противъ поганства стояли, такъ и теперь стоимъ, и впередъ, если дастъ Богъ, хотимъ, уповавъ на Бога, за христіанство противъ поганства стоять, какъ памъ Богъ поможетъ: и просимъ у Бога того, чтобъ христіанская рука высока была надъ поганствомъ. А что у насъ съ зятемъ война случилась, тому мы неради, началась война не отъ насъ, а отъ него. Короли Владиславъ и Александръ объявляютъ, что хотятъ противъ насъ за свою отчину стоять: но короли что называютъ своею отчиною? не тѣ ли города и волости, съ которыми князь русскіе и бояре пріѣхали къ намъ служить и которые наши люди взяли у Литвы? Памъ, надѣемся, хорошо извѣстно, что короли Владиславъ и Александръ — отчичи Польскаго королевства да Литовской земли отъ своихъ предковъ; а Русская земля отъ нашихъ предковъ, изъ старины, наша отчина. Когда мы заключили договоръ съ великимъ княземъ Александромъ, то, для свойства уступили ему эти свои вотчины; но когда зять нашъ не сталъ соблюдать договора, то намъ зачѣмъ свою отчину покидать и за нее не стоять? Папа положилъ бы то на своемъ разумѣ, гораздо ли то короли дѣлаютъ, что не за свою отчину хотятъ съ нами воевать?»

Венгерскій посолъ просилъ опасной грамоты для большихъ,

Польскихъ и Литовскихъ пословъ, которые должны прѣхать для мирныхъ переговоровъ; грамота была дана и послы явились; то были: воевода Лапчицкій, Петръ Мѣшковскій, и намѣстникъ Полоцкій, Станиславъ Глѣбовичъ; Елена прислала отъ себя канцлера своего, Ивана Софѣжича, который привезъ Иоанну такое письмо отъ дочери: «Господицъ и государь батюшка! вспомни, что я служебница и дѣвка твоя, а отдалъ ты меня за такого же брата своего, каковъ ты самъ; знаешь, что ты ему за мною далъ, и что я ему съ собою принесла: но государь мужъ мой, нисколько на это не жалуясь, взялъ меня отъ тебя съ доброю волею, и держалъ меня во все это время въ чести и въ жалованіи и въ той любви, какую добрый мужъ обязанъ оказывать подружію, половинѣ своей. Свободно держу я вѣру христіанскую греческаго обычая; по церквамъ святымъ хожу, священниковъ, дьяконовъ, пѣвцовъ, на своемъ дворѣ имѣю; литургію и всякую иную службу Божию совершаютъ передо мною вездѣ, и въ Литовской землѣ, и въ коронѣ Польской. Государь мой король, его мать, братья короли, зятья и сестры и паны радные и вся земля, всѣ надѣялись, что со мною изъ Москвы въ Литву пришло все доброе, вѣчный миръ, любовь кровная, дружба, помощь на поганство; а теперь видать всѣ, что со мною одно лихо къ нимъ вышло: война, рать, взятіе и сожженіе городовъ и волостей, разлитіе крови христіанской, жены вдовами, дѣти сиротами, полонъ, крикъ, плачь, вопль! Таково жалованіе и любовь твоя ко мнѣ! По всему свѣту поганство радуется, а христіанскіе государи не могутъ удивиться и тяжко жалуются: отъ вѣка, говорятъ, не слыхано, чтобы отецъ своимъ дѣтямъ бѣды причинялъ. Если, государь батюшка, Богъ тебѣ не положилъ на сердцѣ меня, дочь свою жаловать, то за чѣмъ меня изъ земли своей выпустилъ и за такого брата своего выдавалъ? тогда и люди бы изъ за-меня не гибли, и кровь христіанская не лилась. Лучше бы мнѣ подъ ногами твоими въ твоей землѣ умереть, нежели такую славу о себѣ слышать; всѣ одно только и говорятъ: для того онъ отдалъ дочь свою въ Литву, чтобъ тѣмъ удобнѣе землю и людей

изсмотрѣть. Писала бы къ тебѣ и больше, да съ великой кру-
 шны ума не приложу; только съ горькими и великими слезами
 и плачемъ, тебѣ госудзрю и отцу своему низко челомъ бью:
 помани, Бога ради, меня, служебницу свою, и кровь свою,
 оставь гнѣвъ невраведный и нежитье съ сыномъ и братомъ сво-
 имъ, и первую любовь и дружбу свою къ нему соблюди, чтобъ
 кровь христіанская больше не лилась, поганство бы не смѣ-
 лось, а изиѣвники ваши не радовались бы, которыхъ отцы
 предкамъ нашимъ изиѣвили тамъ на Москвѣ, а дѣти ихъ тутъ
 въ Литвѣ. А другаго чего мнѣ нельзя къ тебѣ и писать. Дай
 миъ Богъ изиѣвникамъ того, что родителю нашему отъ ихъ
 отцевъ было. Они между вами, государями, замутили, да другой
 еще Семенъ Бѣльскій Іуда съ ними, который, будучи здѣсь
 въ Литвѣ, братію свою, князя Михайла и князя Ивана переѣлъ,
 а князя Федора на чужую сторону прогналъ: такъ, государь,
 самъ посмотри, можно ли такимъ людямъ вѣрить, которые госу-
 дарямъ своимъ изиѣвили, и братію свою перерѣзали и теперь
 по шею въ крови ходятъ, вторые Канны, да между вами го-
 сударии мутятъ? Смилуйся, возьми по старому любовь и дружбу
 съ братомъ и зятемъ своимъ! Если же надо мною не смилуешься,
 и прочною дружбою съ моимъ государемъ не свяжешься, тогда
 уже сама уразумѣю, что держишь гнѣвъ не на него, а на меня,
 не хочешь, чтобъ я была въ любви у мужа, въ чести у братьевъ
 его, въ милости у свекрови, и чтобъ подданные наши мнѣ слу-
 жили. Вся вселенная ни на кого другаго, только на меня вопіеть,
 что кровопролитіе сталося отъ моего въ Литву прихода, будто
 я къ тебѣ пишу, привожу тебя на войну: еслбы, говорятъ,
 она хотѣла, то никогда бы такого лиха не было; мило отцу
 дитя; какой па свѣтъ отецъ врагъ дѣтямъ своимъ? И сама
 разумѣю и по віру вижу, что всякій заботится о дѣткахъ своихъ
 и о добрѣ ихъ промышляетъ: только одну меня, по грѣхамъ,
 Богъ забылъ. Слуги наши не по силѣ и трудно повѣрить,
 какую казну за дочерями своими даютъ, и не только что тогда
 даютъ, но и потомъ каждый мѣсяцъ обсылаютъ, дарятъ, и
 тѣшатъ; и не одиш паны, но и всѣ дѣтокъ своихъ тѣшатъ:

только на одну меня Господь. Богъ разгнѣвался, что пришло твое нежалованье; а я вередъ тобою ни въ чемъ не выступила. Съ плачемъ тебѣ челомъ бью: смилуйся надо мною, убогою дѣвкою своею, не дай недругамъ кониъ радоваться обидѣ моеѣ и веселиться о плачѣ моемъ. Если увидать твое жалованье на мнѣ, служебницѣ твоей, то всѣмъ буду честна, всѣмъ грозна; если же не будетъ на мнѣ твоей ласки, то самъ можешь разумѣть, что покинуть меня всѣ родные государя моего и всѣ подданные его». Въ томъ же смыслѣ Елена писала къ матери и двоимъ братьямъ — Василию и Юрию¹⁰⁰.

Отпуская пословъ договариваться о мирѣ, Александръ наказалъ имъ не соглашаться на то, чтобъ Иоаннъ писался государемъ всея Руси; если не будутъ въ состояніи этого вытребовать, то должны по крайней мѣрѣ настоять, чтобъ Иоаннъ не писался государемъ всея Руси, посылая грамоты къ Александру въ королевство Польское. Если Московскій скажетъ, что прежде писали его государемъ всея Руси, то отвѣчать, что тогда былъ миръ, и Александръ еще не былъ выбранъ королемъ Польскимъ, былъ только великимъ княземъ Литовскимъ; а теперь, когда онъ уже королемъ, то нельзя Иоанну писаться государемъ всея Руси, потому что подъ королевствомъ Польскимъ большая часть Руси. На построение греческой церкви для Елены и на выборъ слугъ для нея только изъ православныхъ послы не должны были соглашаться. Если великій князь Московскій скажетъ о принужденіи Елены къ Римскому закону, то отвѣчать, что принужденія нѣтъ; но папа требуетъ, чтобъ Елена была послушна Римской церкви, при чемъ вовсе неупусти, чтобъ она и остальные Русскіе снова крестились, пусть только находятся въ послушаніи престолу апостольскому, по приговору Флорентійскаго собора, а жить могутъ по прежнему своему греческому обычаю. Но если миръ за этия одианъ остановится, то объявить, что дѣло будетъ отложено до новыхъ переговоровъ съ папою. Если скажутъ, что король принуждастъ Русь къ Римскому закону, и строить церкви Римскія по мѣстамъ Русскимъ, то отвѣчать, что король держитъ своихъ

земельныхъ, какъ держалъ ихъ отецъ его, Казимиръ; кто въ какомъ заповѣдѣ хочетъ жить, тотъ въ томъ и живетъ, кто какия церкви хочетъ строить, тотъ такія и строитъ. Прежде нельзя было строить Русскихъ церквей, а теперь позволено. Королю вѣтъ дѣла, какъ Московскій держитъ своихъ подданныхъ относительно вѣры: такъ пусть и Московскій не виѣшивается, какъ держитъ король своихъ подданныхъ. Если Московскій умреть, то приступитъ къ старымъ записямъ Витовтовымъ, либо Казимировымъ, чтобъ тѣхъ земель поступились, которыя забранны. Если же стануть говорить о записяхъ, которыя были прежде Витовта, о записи Олгердовой, въ которой тотъ записалъ земли великому князю Московскому, то отвѣчать, что Олгердъ былъ вѣтъ въ вѣнѣ, и потому принужденъ былъ на все согласиться на тѣхъ самыхъ условіяхъ, на какихъ былъ заключенъ вѣдландскій миръ; если же въ Москвѣ не захотятъ отдать всѣхъ земель, вѣдтыхъ послѣ того, то заключить перемиріе на три года²⁰².

Но какъ скоро вѣсли объявили, что имъ велѣно заключить миръ на условіяхъ прежняго, то бояре сказали рѣшительно: ятому нельзя стать, какъ вы говорите, чтобъ по старому докончанію быть любви и братству; то ужъ мимошло. Если государь вашъ хочетъ съ нашимъ государемъ любви и братства, то онъ бы государю нашему отчины его, Русской земли поступилъ. Венгерскій посолъ виѣшался въ дѣло, и при его посредствѣ заключено было перемиріе на шесть лѣтъ, отъ 25 Марта 1503 до 25 Марта 1509 года. Перемирная грамота записана отъ имени великаго князя Юаппа, Государя всея Руси, сына его, Великаго Князя Василя и остальныхъ дѣтей. Александръ обязался не трогать земель Московскихъ, Новгородскихъ, Псковскихъ, Рязанскихъ, Пронскихъ, уступилъ землю князя Сехопа Стародубскаго (Можайскаго), Василья Шемячича, князя Семена Бѣльскаго, князей Трубецкихъ и Мосальскихъ, города: Черниговъ, Стародубъ, Путивль, Рильскъ, Новгородъ Сѣверскій, Гомель, Любечъ, Почепъ, Трубъ-

чевскъ, Радогось, Брянскъ, Мценскъ, Любутскъ, Серпейскъ, Мосальскъ, Дорогобужъ, Бѣлую, Торопецъ, Острей, всего 19 городовъ, 70 волостей, 22 городища, 13 селъ²⁰³.

Послѣ скрѣпленія договора крестнымъ цѣлованіемъ Іоаннъ снова потребовалъ у пословъ, чтобъ Александръ не принуждалъ Елены къ Римскому закону, поставилъ у нея на сѣняхъ Греческую церковь, приставилъ слугъ и служанокъ православныхъ: «А начнетъ братъ нашъ дочь нашу принуждать къ Римскому закону, то пусть знаетъ: мы этого ему не спустимъ, будемъ за это стоять, сколько намъ Богъ пособитъ». Послы, поговоривъ между собою, отвѣчали, что папа два раза присылалъ къ Александру, требуетъ, чтобъ Елена была послушна апостольскому престолу и ходила въ латинскую церковь; онъ хочетъ не того, чтобъ Елена вторично крестилась и свой греческій законъ оставила, онъ хочетъ только, чтобъ она и всѣ Русскіе были въ соединеніи съ Римомъ по рѣшенію Флорентійскаго собора. Такъ какъ теперь папскій посолъ въ Москвѣ, то неужгодно ли будетъ великому князю приказать что нибудь къ папѣ объ этомъ дѣлѣ, или отправить въ Римъ своего посла, съ которымъ бы виѣсть великій князь Александръ отправилъ и своего. Іоаннъ сказалъ на это: «Намъ о своей дочери, о томъ дѣлѣ, за чѣмъ къ папѣ посылать своего посла о томъ дѣлѣ, о своей дочери намъ къ папѣ не посылать, а скажите брату и зятю, чтобъ какъ намъ обѣщалъ, на томъ бы и стоялъ, чтобъ за то между нами нежитья небыло». Елена посла Ивана Сопѣгу Іоаннъ отправилъ съ такими словами: «Ивашка! привезъ ты къ намъ грамоту отъ нашей дочери, да и словами намъ отъ нея говорилъ: но въ грамотѣ явное не дѣло написано, и не пригоже ей было о томъ къ намъ писать. Пишетъ, будто ей о вѣрѣ отъ мужа ни какой присылки не было: но мы на вѣрное знаемъ, что мужъ ся Александръ король посылалъ къ пей, чтобъ приступила къ Римскому закону, и ни къ одной къ пей, а ко всей Руси. Скажи отъ насъ нашей дочери: «Дочка! поматуй Бога, да наше родство, да нашъ наказъ, держи свой Греческій законъ во всемъ крѣ-

нко, а къ Римскому закону не приступай некоторымъ дѣломъ: церкви Римской и папѣ ни въ чемъ послушна не будь, въ церковь Римскую не ходи, душою никому не норови, мнѣ и всему нашему роду безчестья не учини; а только по грѣхамъ что станется, то намъ, и тебѣ, и всему нашему роду будетъ великое безчестье, и закону нашему Греческому укоризна. И хотя бы тебѣ пришлось за вѣру и до крови пострадать, и тыбъ пострадала. А только дочка поползнешься, приступишь къ Римскому закону, волею или неволею: то ты отъ Бога душою погибнешь, а отъ насъ будешь въ неблагословенъ; я тебя за это не благословлю, и мать не благословить; а зятю своему мы того не спустимъ: будетъ у насъ съ нимъ за то безпреступно рать».

Для взятія присяги съ Александра въ соблюденіи договора отправились въ Литву послы Петръ Плещеевъ и Константій Заболоцкій; эти послы должны были сказать Елецъ отъ отца: Писала ты къ намъ, что люди въ Литвѣ подѣялись всякаго добра отъ твоего приходу, а виѣсто того къ намъ съ тобою пришло всякое зло. Но это дѣло, дочка, сталося не тобою: сталося оно неисправленіемъ брата нашего и зятя, а твоего мужа. Я надѣялся, что какъ ты къ нему придеши, такъ тобою всей Руси, Греческому закону окрѣпленіе будетъ; а виѣсто того, какъ ты къ нему пришла, такъ опъ началъ тебя принуждать къ Римскому закону, а изъ-за тебя и всю Русь началъ принуждать къ тому же. Ты ко мнѣ пишешь, что къ тебѣ отъ мужа о перемѣнѣ вѣры никакой присылки не было; а послы твоего мужа намъ отъ него говорили, что папа къ нему не разъ присылалъ, чтобъ опъ привелъ тебя въ послушаніе Римской церкви: но если къ твоему мужу папа за этия не разъ присылалъ, то это все равно, что и къ тебѣ приказываетъ. Я думалъ, дочка, что ты, для своей души, для нашего имени и родства, и для своего имени, будешь къ намъ объ всемъ писать правду: и ты, дочка, гораздо ли такъ дѣлаешь, что къ намъ не правду приказываешь, будто къ тебѣ о вѣрѣ никакой послышки не было?»

: Это были явныя рѣчи, въ отвѣтъ на явныя же рѣчи в писемъ
 Елены; но послы получили отъ Юанпа наказъ: «Если спросить
 ихъ канцлеръ королевинъ Ивашка Сопѣга: есть ли къ коро-
 левѣ отвѣтъ отъ отца на тѣ рѣчи, что я отъ нея говорилъ? то
 скажите Сопѣгѣ тихо, что отвѣтъ есть и къ нему есть
 грамота отъ великаго князя. Этотъ отвѣтъ послы должны были
 сказать Еленѣ наединѣ; онъ состоялъ въ слѣдующемъ: «Гово-
 рилъ мнѣ отъ тебя канцлеръ твой Ивашка Сопѣга, что ты еще
 по нашему наказу въ законѣ греческомъ непоколебима и отъ
 мужа въ томъ тебѣ принужденія мало, а много за Греческій
 законъ укоризны отъ архіепископа Краковскаго, отъ епископа
 Виленскаго и отъ пановъ Литовскихъ; говорятъ они тебѣ,
 будто ты не крещена, и иныя рѣчи недобрыя, на укоръ на-
 шего закона Греческаго, тебѣ говорятъ; да и къ папѣ они жъ
 приказывали, чтобъ папа къ мужу твоему послалъ, и велѣлъ
 тебя привести въ послушаніе Римской церкви; говорилъ онъ
 отъ тебя, что пока твой мужъ здоровъ, до тѣхъ поръ ты не
 ждешь никакого притѣсненія въ Греческомъ законѣ; опасаясь
 одного, что если мужъ твой умретъ, тогда архіепископъ, епи-
 скопы и паны станутъ тебя притѣснять за Греческій законъ,
 и потому просишь, чтобъ мы взяли у твоего мужа новую
 утвержденную грамоту о Греческомъ законѣ, къ которой бы
 архіепископъ Краковскій и епископъ Виленскій печати свои
 приложили, и руку бъ епископъ Виленскій на той грамотѣ
 далъ нашимъ боярамъ, что тебѣ держать свой Греческій законъ.
 Это ты, дочка, дѣлаешь гораздо, что душу и имя свое бере-
 жешь, нашъ наказъ помнишь и наше имя бережешь, а я къ
 твоему мужу теперь съ своими боярами о грамотѣ приказалъ.
 Да говорилъ мнѣ отъ тебя Сопѣга, что свекровь твоя уже
 стара, а которые города за нею въ Польшѣ, тѣ города всегда
 бывають за королевами: такъ чтобъ я приказалъ къ твоему мужу,
 если свекрови не станетъ, то онъ эти города отдалъ бы тебѣ.
 Дай Богъ, дочка, чтобъ я здоровъ былъ, да мой сынъ, князь
 великій Василій и мои дѣти, твои братья, да твой мужъ и твои

нѣтъ будетъ намъ пригоже о томъ приказать къ твоему мужу, или ему о томъ прикажемъ».

Послы должны были также передать Еленѣ отъ отца порученіе: «Сынъ мой Василій, и дѣти мои Юрій и Дмитрій, твои братья уже до того доросли, что ихъ слѣдуетъ женить, и я тому ихъ женить, гдѣ будетъ пригоже: такъ ты бы, дочка, разузнала, у какихъ государей Греческаго закона или Римскаго закона будутъ дочери, на которыхъ бы было пригоже имъ сына Василія женить?» Послы получили наказъ на счетъ того же дѣла: «Были у Венгерскаго короля Матвѣя дѣти Степана Сербскаго деспота, Юрій да Иванъ; Иванъ постригся еще во время Матвѣя короля, а Георгій женился и дѣтей прижилъ; такъ послами развѣдывать накрѣпко: Юрій деспотъ въ Венгрію живъ ли еще, и есть ли у него дѣти, сыновья или дочери, сыновья женаты ли, а дочери замужемъ ли? Если королева Елена укажетъ государей, у которыхъ дочери есть, то спросить, какихъ лѣтъ дочери? да о матеряхъ ихъ и о нихъ самихъ не было ли какой дурной молвы? Елена отвѣчала: «развѣдывала я про дѣтей деспота Сербскаго, но ничего не могла допытаться. У Маркграфа Бранденбургскаго, говорятъ, пять дочерей: большая осмнадцати лѣтъ, хрома, нехороша; подъ большею четырнадцати лѣтъ, изъ себя хороша (парсуною ее похваляютъ хорошу). Есть дочери у Баварскаго князя, какихъ лѣтъ—не знаютъ, матери у нихъ имѣтъ; у Стетинскаго князя есть дочери, слава про мать и про нихъ добрая. У Французскаго короля сестра, обручена была за Альбрехта короля Польскаго, собою хороша, да хрома, и теперь на себя чепецъ положила, пошла въ монастырь. У Датскаго короля его милость батюшка лучше меня знаетъ, что дочь есть». Когда посоль сказалъ Еленѣ, чтобъ она послала въ Венгрію развѣдать о деспотовыхъ дочеряхъ, и къ Маркграфу Бранденбургскому и къ другимъ государямъ, то она отвѣчала: «Что ты мнѣ говоришь, какъ мнѣ послать? если бы отецъ мой былъ съ королемъ въ мирѣ, то я послала бы. Отецъ мой лучше меня самъ можетъ развѣдать. За такого великаго государя кто бы

не захотѣлъ выдать дочь? да у нихъ въ латыни такъ крѣпко, что безъ папины вѣдома никакъ не отдадутъ въ Греческій законъ; насъ укоряютъ безпрестанно, зовутъ насъ нехристями. Ты государю отцу моему скажи: если пошлетъ къ Мариграфу, то велѣлъ бы отъ старой королевы таяться, потому что она больше всѣхъ Греческій законъ укоряетъ». Елена давала отцу также своего рода порученія; однажды Московскій посолъ долженъ былъ сказать ей отъ отца: «Приказывала ты ко мнѣ о горностаехъ и о бѣлкахъ, и я къ тебѣ послалъ 500 горностаевъ, да 1500 подпалей; приказывала ты еще, чтобы прислать тебѣ соболя чернаго съ ногами передними и задними и съ когтями: но смерды, которые соболей ловятъ, ноги у нихъ отрѣзываютъ; мы имъ приказали соболей черныхъ добывать, и какъ намъ ихъ привезутъ, мы къ тебѣ пошлемъ сейчасъ же. А что ты приказывала о кречетахъ, то теперь ихъ нельзя было къ тебѣ послать: еще путь не установился; а какъ путь устанется, то я къ тебѣ кречетовъ пришлю сейчасъ же».

Съ мужемъ Еленинимъ у Иоанна происходили непрерывныя сношенія, предметомъ которыхъ по прежнему были ссоры между пограничными жителями, не перестававшими нападать другъ на друга. Однажды Александръ прислалъ сказать тестю, что уже пора ему возвратить Литвъ взятыя у нея по перемирному договору волости, что ему, Александру жаль своей отчины. Иоаннъ велѣлъ отвѣчать, что и ему также жаль своей отчины, Русской земли, которая за Литвою, Кіева, Смоленска и другихъ городовъ. Въ другой разъ Александръ прислалъ жаловаться, что его намѣстникъ Кричевскій, Евстаѳій Дашковичъ, изымалъ ему, убѣжалъ вмѣстѣ съ другими Кричевскими дворянами въ Москву, пограбивши пограничныхъ Литовскихъ жителей. Иоаннъ отвѣчалъ: «Въ нашихъ перемирныхъ грамотахъ написано такъ: вора, бѣглеца, холопа, рабу, должника по исправъ выдать: Евстаѳій же Дашковичъ у короля человекъ былъ знатный, воеводою бывалъ во многихъ мѣстахъ на Украинѣ, а длахаго вѣнни про него мы не слышали никакого; держалъ онъ отъ короля большіе города, а къ намъ пріѣхалъ служить

добровольно, и сказываетъ, что никому никакого вреда не сдѣлалъ. И прежде, при насъ и при нашихъ предкахъ и при королевыхъ предкахъ на обѣ стороны люди ѣздили безъ отказовъ: такъ и Дашковичъ къ намъ пріѣхалъ теперь, и потому онъ нашъ слуга».

Какъ Іоаннъ смотрѣлъ на перемиріе съ Литвою, видно изъ наказовъ посламъ, отправлявшимся въ Крымъ: «Если Менгли-гирей захочетъ идти на Литовскую землю, то не отговаривать, только нейти самому съ Татарскимъ войскомъ. Если пріѣдутъ Литовскіе послы въ Крымъ за перемиріемъ, то говорить Менглигирею, чтобъ онъ не мирился, а если онъ скажетъ, что великій князь перемирие взялъ, то отвѣчать: «великому князю съ Литовскимъ прочнаго миру нѣтъ; Литовскій хочетъ у великаго князя тѣхъ городовъ и земель, что у него взяты, а князь великій хочетъ у него своей отчины, всей Русской, земли; взялъ же съ нимъ теперь перемирие для того, чтобъ люди поотдохнули, да чтобъ взятые города за собою укрѣпить: которые были пожжены, тѣ онъ снова оградилъ, иные дѣтямъ своимъ отдалъ, въ другихъ воеводъ посажалъ, а которые люди были недобры, тѣхъ онъ вывелъ, да всѣ города насадилъ своими людьми.... Съ кѣмъ Александру стоять? вѣдома намъ Литовская сила!» Дѣтей ханскихъ посолъ долженъ былъ уговаривать, чтобъ не давали отцу мириться съ Литвою: «вѣдь вамъ тогда не воевать: такъ у васъ весь прибытокъ отойдетъ» ²⁰⁵.

Іоаннъ имѣлъ право говорить: «Съ кѣмъ Александру стоять?» ибо королю было мало надежды и на помощь самаго дѣятельнаго союзника своего, Магистра Ливонскаго. Мы видѣли ²⁰⁶, что въ 1460 году съ Нѣмцами Ливонскими было заключено перемирие на пять лѣтъ; но еще не дошло двухъ лѣтъ до перемирнаго срока, какъ начались опять ссоры у Псковичей съ Нѣмцами: въ Дерптѣ посадили въ тюрьму посла и гостя Псковскаго; Псковичи посадили въ тюрьму Нѣмецкаго гостя, и въ слѣдъ за тѣмъ зимою явилась Нѣмецкая рать къ Новому городку, и начала бить пушками въ его стѣны. Получивши вѣсть, что Нѣмцы подѣ Новымъ городкомъ, Псковичи собрались на спѣхъ съ двумя посадниками, въ небольшомъ

числѣ, и поѣхали туда, а Нѣмцы, услыхавъ, что идетъ Псковская сила, отбѣжали отъ городка и запасъ свой кинули. Но скоро опять пришла вѣсть, что Нѣмцы воюють Псковскія села; тогда Псковичи, собравшись съ пригорожанами, пошли къ Городку, но Нѣмцевъ уже не нашли: тѣ убѣжали въ свою землю. Посадники, и Псковичи стали думать: куда бы пойти за ними? и рѣшили идти къ Воронью камню. Когда вся Псковская сила была уже на озерѣ, пришелъ доброхотъ изъ-за рубежа, Чудинъ, и сказалъ, что сила Нѣмецкая собралась и хочетъ въ ночь ударить на Колпино; Псковичи возвративсь, пошли къ Колпину, и, подошедши къ нему на разсвѣтъ, увидали, что Нѣмцы жгутъ и воюють по волости, церковь Колпинскую зажгли и добычи много набрали. Псковичи, не медля ни мало, ударили на Нѣмцевъ, обратили ихъ въ бѣгство и гнали 15 верстъ по двухъ дорогамъ: не дивно ли и не достойно ли памяти, говоритъ лѣтописецъ, что въ такой страшной сѣчѣ изъ Псковской рати не былъ убитъ ни одинъ чловѣкъ, тогда какъ Нѣмецкіе трупы лежали мостомъ? Въ то же время другая Псковская рать, охочіе люди, ходила также воевать Нѣмецкую волость и возвратилась съ большимъ полономъ, а воеводою у нея былъ Ивашко дьякъ; Изборяне, съ своей стороны, пожгли и поплѣнили около Новаго Городка Нѣмецкаго. Въ старину этимъ и кончилось бы дѣло, опять до новаго набѣга Нѣмцевъ; но теперь Нѣмцы начали войну уже не съ однимъ Псковомъ; Псковъ находится теперь подъ властію великаго князя Московскаго, бралъ намѣстника отъ его руки, — и вотъ, по челобитію Псковичей, явился къ нимъ Московскій воевода Федоръ Юрьевичъ съ полками, и пошелъ съ нимъ за Великую рѣку, къ Новому Городку Нѣмецкому. До сихъ поръ Нѣмцы приходили осаждать Псковъ и его пригороды, Псковичи довольствовались обыкновенно опустошеніемъ селъ; но теперь Псковичи съ Московскимъ войскомъ осадили Нѣмецкій городъ, стали бить его стѣны пушками. Осада была неудачна: простоявши четверо сутокъ, Псковичи выстрѣлили изъ большой пушки въ стѣну, — и

пушку разорвало; послѣ этого приключенія отошла вся сила отъ Городка, потому что былъ онъ крѣпокъ, замѣчаетъ лѣтописецъ.

Но въ то время, какъ главная Псковская рать была съ Московскимъ воеводою подъ Городкомъ, въ Псковѣ вспомнили старыя обычаи и отпустили охочихъ людей съ посадникомъ, Дороеемъ Елеверычемъ, въ лодкахъ, воевать Нѣмецкую землю; кромѣ своихъ охочихъ людей набралось много пришлыхъ: въ то время удалцы, почуявъ рать, возможность добычи, собирались изъ разныхъ мѣстъ. Соединившись съ Псковскими охочими людьми, эти прихожіе люди много воевали Нѣмецкую землю и, узнавъ, что главная сила отступила отъ Городка, возвратились назадъ съ большою добычею. Потомъ, услыжавъ, что Нѣмцы напали на берега Наровы, Псковичи собрались было ѣхать туда, какъ явился гонецъ отъ ордена съ просьбою, чтобъ Нѣмецкимъ послать вольно было пріѣхать въ Псковъ на поговорку (переговоры о мирѣ) и опять отъѣхать; Псковичи дали ему на томъ руку, что вольно будетъ послать пріѣхать и отъѣхать. И по той рукѣ прислалъ Магистръ пословъ своихъ, честныхъ людей и Нѣмецъ добрыхъ битъ челомъ воеводѣ великаго князя, и намѣстнику, и всему Пскову, чтобъ не воевать болѣе съ Юрьевцами (жителями Дерпта), и не гибли бы головы съ обѣихъ сторонъ. Перемиріе было заключено на 9 лѣтъ: епископъ Дерптскій обязался давать дань великому князю по старинѣ, Русскій конецъ въ своемъ городѣ и Русскія церкви также держать по старымъ грамотамъ, а не обижать. Воевода Московскій, князь Федоръ Юрьевичъ сказалъ Псковичамъ на вѣчѣ: «Мужи Псковичи, отчина великаго князя, добровольные люди! Богъ жаловалъ и Святая Живоначальная Троица, князя великаго здорьевемъ съ Нѣмцами управу взяли вы по своей волѣ, а теперь на вашей чести вамъ челомъ бью» — и поѣхалъ въ Москву; Псковичи проводили его съ большею честью и на прощаньи дали тридцать рублей, да боярамъ, которые при немъ были, дали всѣмъ пятьдесятъ рублей.

Еще не вышелъ срокъ перемирія, какъ Нѣмцы, въ 1469 году, пришли ратью на Псковскую землю, побили у Псковичей 26 человекъ, и хоромы пожгли; привели ихъ свои переѣтники — какой-то Иванъ Подкурскій, да Иванъ Торгоша; Псковичи сначала никакъ не могли подозрѣвать этихъ людей въ измѣнѣ, потому что самъ Торгоша и вѣсть привезъ въ городъ о нападеніи Нѣмцевъ, за что получилъ деньги; только черезъ полтора года открылось, что эти люди, живя на рубежѣ, передавали Нѣмцамъ обо всемъ, что дѣлается въ Псковской области; когда измѣна ихъ открылась, то Подкурскаго замучили ни бревнѣ, а Торгошу за лытки на льду повѣсили. Набѣгъ Нѣмцевъ не имѣлъ впрочемъ никакихъ слѣдствій; въ 1471 году пріѣхалъ въ Псковъ посолъ отъ Магистра и объявилъ на вѣчѣ, что князь мекстеръ хочетъ устроить себѣ столъ въ Вельдѣ (Феллинѣ), переѣхать туда изъ Риги; хочетъ держать съ Псковичами миръ крѣпкій, но требуетъ, чтобъ они уступили ему нѣкоторыя земли и воды²⁰⁷). Псковичи дали отвѣтъ: «Воленъ князь мекстеръ — гдѣ хочетъ, тамъ и живетъ, и княженіе держитъ, городъ ему свой; а что онъ намъ о землѣ и водѣ говорить, то земля и вода Святой Троицы, Псковская вотчина, добыта трудомъ великихъ князей всея Руси, тамъ у насъ теперь и города стоятъ; а миръ мы хотимъ держать до срока». Въ 1473 году былъ съѣздъ посламъ Ливонскимъ и Псковскимъ въ Нарвѣ, но не могли ни въ чемъ согласиться и разѣхались безъ мира. Тогда Псковичи отрядили пословъ въ Москву бить челомъ великому князю, чтобъ оборонилъ ихъ и на коня съѣлъ за домъ Святыя Троицы, какъ и прежде его прародители стояли противъ Нѣмцевъ; въ слѣдствіе этого челобитья, въ концѣ того же года знаменитый воевода Московскій, князь Данило Дмитриевичъ Холмской, явился въ Псковъ съ большимъ войскомъ, какого никогда еще не видывали Псковичи. Сначала было отъ него Пскову тяжело, ратники начали было дѣлать разныя насилія, грабить, потому что съ Москвичами пріѣхало много Татаръ; но потомъ воеводы и ратные люди стали брать у посадниковъ всѣ кормы

во уговору. Убытки Псковичей были вознаграждены тѣмъ, что Нѣмцы испугались Московской силы и прислали просить мира на всей волѣ Псковичей: князь мещеръ велѣлъ объявить, что отступается отъ земли и воды Св. Троицы и Псковичей, своихъ соудей, обязывается изъ своей волости тайно пива и меда не пускать, путь Псковский посланъ и гостяшъ давать честный, колоду (заставу) отложить по всей своей державѣ. Заключили договоръ на тридцать лѣтъ; договоръ этотъ дошелъ до насъ ²⁰⁰): «Государя наши (говорится въ грамотѣ) благовѣрные великіе князья Русскіе и Цари, Иванъ Васильевичъ и сынъ его Иванъ Ивановичъ прислали воеводу своего, князя Даниила Дмитріевича, со многими князьями и боярами въ домъ Св. Троицы, въ свою отчину, Великій Новгородъ и Псковъ, оборонять свою отчину, обидъ своихъ поискать на Нѣмцахъ на Юрьевцахъ, своихъ даней и старыхъ даней, своихъ залоговъ (недонмокъ), и Новгородскихъ старинъ, и Псковскихъ обидъ и старинъ. И прислали честной бискупъ Юрьевскій и посадники и всѣ Юрьевцы пословъ своихъ и прикончали миръ на тридцать лѣтъ таковъ: Святыя Божія церкви въ Юрьевѣ, въ Русскомъ концѣ и Русскій конецъ держать имъ честно по старинѣ и по крестному цѣлованью, а не обижать. Дани благовѣрныхъ великихъ князей, Русскихъ Царей, старые залогн честному бискупу Юрьевскому за восемь лѣтъ отдать тотчасъ же, по крестному цѣлованью, а отъ этого времени благовѣрнымъ великимъ князьямъ, Русскимъ Царямъ, на честномъ бискупѣ Юрьевскимъ дань свою брать по старинѣ, по тому крестному цѣлованью. А Новгородскому послу и гостю во Юрьевской землѣ путь чистъ на Юрьевъ, со всякимъ товаромъ, водою и горою (сухимъ путемъ); между Псковомъ и Юрьевымъ земли и воды по старый рубежъ и проч.

Тридцатилѣтнее перемиріе не продержалось и шести лѣтъ; начались скоро несогласія: въ Нѣмецкихъ городахъ задерживали Псковскихъ купцовъ, отнимали у нихъ товары, но открытаго разрыва еще не было, какъ вдругъ 1-го Генваря 1480 года Нѣмцы явились нечаянно передъ Вышгородкомъ, взяли

его, сожгли, жителей перебили. Ночью прїѣхалъ гонецъ къ Псковъ: «Господа Псковичи! городоу Нѣмцы взяли!»—и въ ту же ночь посадники дважды собрали вѣче, гдѣ рѣшили выступить немедленно; но, какъ часто и прежде бывало, Псковичи уже не нашли Нѣмцевъ въ Вышгородкѣ. Въ ту же зиму Нѣмецкая рать явилась подѣ Гдовомъ, остушила городокъ, начала бить пушками, пожгла посадъ. Псковичи послали гонца къ великому князю въ Новгородъ просить силы на Нѣмцевъ; Иоаннъ прислалъ воеводу, который соединился съ Псковскою ратью, пошелъ на Юрьевскую волость и взялъ приступомъ замокъ Нѣмецкій: много добра вывезли изъ него Псковичи, и пушекъ, и зелья пушечнаго, а Нѣмцы сами дались руками, увидавши свое изнеможеніе. Сожегши замокъ, Русскіе пошли подѣ Юрьевъ; города не взяли, но страшно опустошили окрестности: воевода Московскій и его сила много добра повезла въ Москву съ собою, Чуди и Чудокъ и ребятъ головани повели многое множество безъ числа, говоритъ лѣтописецъ ²⁰⁹, Псковичи также возвратились съ большою добычею. Но нѣмцы ждали только ухода Московской рати, чтобъ отплатить Псковичамъ: магистръ Бернгардъ фонъ-деръ-Борхъ пришелъ подѣ Изборскъ; не могли взять города, Нѣмцы пошли пахать окрестности; Псковичи, увидавъ дымъ и огонь, выступили изъ города, встрѣтились съ Нѣмцами у озера, и послѣ стычки сторожевыхъ полковъ, главная рать, и Нѣмецкая, и Псковская разошлись по домамъ безъ боя. Лѣтомъ Нѣмцы пришли опять и начали жечь Псковскіе городки: въ городкѣ Кобыльенъ погибло въ пламени безъ малаго 4000 душъ; въ Августѣ мѣсяцѣ пришелъ магистръ со всею землею подѣ Изборскъ, но, простоявъ внапрасну два дня у города, осадилъ Псковъ. Нѣмцы били въ стѣны пушками, подѣзжали къ нимъ въ лодкахъ, но также ни въ чемъ не успѣли; Псковичи обратили ихъ въ бѣгство и отняли лодки; по свидѣтельству Нѣмецкаго лѣтописца, магистръ приводилъ подѣ Псковъ сто тысячь войска ²¹⁰). На этотъ разъ мстили не одни Псковичи ничтожнымъ пограничнымъ набѣгомъ: въ предѣлахъ Ливоніи явилась двад-

двипятисотная Московская рать, которая, вмѣстѣ съ Новгородцами и Псковичами, гостила четыре недѣли въ Нѣмецкой землѣ, безъ встрѣчи съ неприятелемъ въ полѣ, взяли два города—Фалингъ и Тарвасть, и много золота и серебра вынесли изъ этихъ городовъ, а другаго добра — и счесть нельзя; въ пятнадцать мѣсяцевъ также безчисленное множество Нѣмцевъ и Нѣмокъ, Чуди и Чудокъ и дѣтей малыхъ. Нѣмецкій летописецъ въ тѣхъ же чертахъ описываетъ это впаденіе Русскихъ войскъ въ Ливонію; онъ говоритъ: «сбылось на магистръ фонъ-дербъ-Борхъ слово Соломоново: человекъ и конь готовятся къ битвѣ, но побѣда исходитъ отъ Господа; собралъ магистръ противъ Русскихъ силу, какой прежде него никто не собиралъ—и что же онъ съ нею сдѣлалъ?» ²¹¹

Нѣмцы заключили десятилѣтнее перемиріе въ 1482 году; когда срокъ приблизился къ концу, въ 1492 году Іоаннъ велѣлъ заложить на границѣ противъ Нарвы каменную крѣпость съ высокими башнями и назвалъ ее по своему имени, Иванъ-городомъ. Нѣмцы однако предложили возобновить перемиріе еще на десять лѣтъ, и договоръ былъ заключенъ въ 1493 году; грамота дошла до насъ: въ ней говорится, что по Божіей волѣ и повелѣнію великаго государя, царя русскаго, пріѣхали въ Великій Новгородъ къ великому князю, намѣстникамъ, боярамъ, жителямъ, купцамъ и ко всему великому Новгороду (старинная форма еще сохранилась!), послы нѣмецкіе, добились челоуъ великокняжескимъ намѣстникамъ и заключили съ ними перемиріе за всю Новгородскую державу. Землѣ и водѣ великаго Новгорода съ княземъ мистромъ старый рубежъ: изъ Чудскаго озера стержнемъ Наровы рѣки въ Соленое море; земли русскія въ мистровѣ державѣ, въ архіепископской державѣ и въ бискупскихъ державахъ, повсюду держать по старинѣ, а не обижать; если Нѣмчинъ у Новгородца бороду выдереть, и по суду, по исправѣ Нѣмчинъ окажется виноватымъ, то отсѣчь ему руку за бороду, и проч. ²¹²). Но въ томъ же году начались непріятности: по нѣмецкимъ извѣстіямъ въ Ревелѣ сожгли одного русскаго, уличеннаго въ гнусномъ

преступленіи, а когда другіе русскіе жаловались на это, то Ревельцы отвѣчали имъ: «Мы сожгли бы и вашего князя, еслибъ онъ у насъ сдѣлалъ тоже.» Эти слова были перенесены Іоанну и сильно раздражили его противъ Нѣмцевъ. Русскій лѣтописецъ говоритъ, что Ревельцы купцамъ Новгородскимъ многія обиды чинили и поруганія, нѣкоторыхъ живыхъ въ котлахъ варили безъ обсылки съ великимъ княземъ и безъ обыску; также было поруганіе и посланъ великокняжескимъ, которые ходили въ Римъ и Нѣмецкую землю; да и старымъ купцамъ Новгородскимъ много было обидъ и разбоевъ на морѣ ²¹⁵). Іоаннъ требовалъ, чтобы Ливонское правительство выдало ему Ревельскій магистратъ, и получилъ отказъ; въ тоже время Іоаннъ заключилъ союзъ съ королемъ Датскимъ, врагомъ Ганзы, который, предлагая помощь въ войнѣ противъ Швеція, уступая Москвѣ важную часть Финляндіи, требовалъ, чтобъ Іоаннъ за это дѣйствовалъ противъ ганзейскихъ купцовъ въ Новгородѣ ²¹⁶). Въ слѣдъ за извѣстіемъ о возвращеніи Русскихъ пословъ изъ Копенгагена виѣсть съ Датскимъ посломъ и о привезеніи ими окончательныхъ грамотъ, встрѣчаемъ извѣстіе, что великій князь, въ 1495 году, подъ предлогомъ неисправленія Ревельцевъ, велѣлъ схватить въ Новгородѣ всѣхъ нѣмецкихъ купцовъ, которыхъ было тамъ 49 человекъ изъ 13 городовъ, посадить ихъ въ тюрьмы, гостиные дворы и божицу отнять, товары переписать и отвезти въ Москву.

Московскій великій князь только что заключилъ тогда выгодный миръ и союзъ, политическій и родственныи, съ великимъ княземъ Литовскимъ, съ Данією былъ также въ союзѣ, и потому Орденъ не осмѣлился вооруженною рукою мстить ему за купцовъ своихъ; онъ только чрезъ пословъ своихъ упрощивалъ о ихъ освобожденіи виѣсть съ послани городовъ ганзейскихъ и великаго князя Литовскаго: Іоаннъ велѣлъ освободить купцовъ, но товаровъ имъ не отдали. Орденъ молчалъ, хотя видѣлъ страшную опасность, которою грозила ему Москва; Кёнигсбергскій командоръ писалъ къ своему магистру: «Старый государь Русскій виѣсть со внукомъ своимъ управляетъ

однѣмъ воѣни землями, а сыновей своихъ не допускаеть до правленія, не даетъ имъ удѣловъ; это для магистра Ливонскаго и ордена очень вредно: они не могутъ устоять предъ такою силою, сосредоточенною въ однѣхъ рукахъ.» Въ слѣдствіе этого сознанія своей слабости Орденъ не могъ ничего предпринять до самаго того времени, когда новый разрывъ между Литвою и Москвою далъ ему надежду на возможность успѣха въ войнѣ съ послѣдней. Въ 1501 году магистръ Вальтеръ фонъ-Плеттенбергъ заключилъ союзъ съ Александромъ Литовскимъ и объявилъ Московскому государю войну тѣмъ, что задержалъ въ своихъ владѣніяхъ Псковскихъ купцовъ; Псковичи послали гонца въ Москву съ этимъ извѣстіемъ, и великій князь выслалъ къ нимъ на помощь воеводъ — князей Василія Шуйскаго и Данила Пенко. Въ 10 верстахъ за Изборскомъ встрѣтились Русскіе воеводы съ Плеттенбергомъ: Псковичи первые схватились съ непріятелемъ, и первые побѣжали, потерявши посадника; Нѣмцы, говорятъ лѣтописецъ, напустили вѣтеръ на Русскую силу и пылъ изъ пушекъ и пищалей; когда, послѣ бѣгства Псковичей, Нѣмцы обратили пушки и пищали на Московскую силу, то была туча велика, грозна и страшна отъ стуку пушечнаго и пищальнаго, что заставило и Москвичей обратиться также въ бѣгство. Изъ этого разказа ясно видно, что дѣло было рѣшено Нѣмецкою артиллерією, съ которою тогдашній Русскій нарядъ не могъ соперничать.

На другой день Нѣмцы пошли къ Изборску; но Изборяне сами сожгли свой посадъ и отбылись; счастливецъ былъ Плеттенбергъ подъ Островомъ: ему удалось взять и сжечь городъ, при чемъ погибло 4000 Русскихъ. Отъ Острова Нѣмцы возвратились къ Изборску, ночевали подъ нимъ одну ночь и отступили, оставивъ засаду. Когда на другой день Изборяне пришли въ непріятельскій станъ и разсѣялись по немъ, Нѣмцы выскочили изъ засады и перебили ихъ или перехватили. Но Плеттенбергъ не могъ воспользоваться этою удачею: онъ слѣшилъ назадъ, потому что въ подкахъ его открылся кровавый воносъ, отъ котораго занемогъ и самъ магистръ. Сильно за-

герою Ливонцы, когда узнали о возвращеніи бѣльскаго магистра съ больною ратью: они боялись нести отъ Москвы, и не напрасно. Великій князь выслалъ новую рать съ княземъ Александромъ Оболенскимъ и отрядъ Татарскій; подъ городомъ Гелмедомъ встрѣтилось Московское войско съ Нѣмецкимъ, и, не смотря на то, что въ первой схваткѣ убитъ былъ воевода Оболенскій, Русскіе остались побѣдителями и десять верстъ гнади Нѣмцевъ: по словамъ Псковскаго лѣтописца, изъ непріятельской рати не осталось даже и вѣстоноши (вѣстника), который бы далъ знать магистру объ этомъ несчастіи; ожесточенный Псковичъ пишетъ, что Москвичи и Татары съѣли враговъ не саблями свѣтлыми, но били какъ свиней шестоперами ²¹⁵). По словамъ Нѣмецкаго лѣтописца, потеря Русскихъ въ этомъ сраженіи простиралась до 1500 человекъ; но онъ же говоритъ, что тогда Ливонія лишилась 40,000 жителей, убитыхъ и взятыхъ въ плѣнъ Русскими ²¹⁶).

Между тѣмъ Плеттенбергъ оправился, и въ томъ же году явился съ пятнадцатитысячнымъ войскомъ подъ Изборскомъ: Нѣмцы приступили къ городу усердно, но, простоявъ подъ нимъ только одну ночь, отошли и осадили Псковъ; Псковичи сами зажгли предмѣстія и отбивались до тѣхъ поръ, пока Плеттенбергъ, слышавъ о приближеніи Московскихъ воеводъ, князей Даниила Щени и Василя Шуйскаго, отступилъ отъ города. На берегахъ озера Смолина настигли его эти воеводы и принудили къ битвѣ; битва была одна изъ самыхъ кровопролитныхъ и ожесточенныхъ: небольшой, въ сравненіи съ Русскими войсками, отрядъ Нѣмцевъ бился отчаянно и устоялъ на мѣстѣ.

Со славою отступилъ Плеттенбергъ къ своимъ границамъ, но со славою бесполезною: орденъ, могшій бороться со Псковомъ, не могъ теперь бороться съ Московскимъ государствомъ, даже и въ союзъ съ Польшею и Литвою, который оказался бесполезнымъ. Великій магистръ Прусскій писалъ къ Папѣ, что Русскіе хотятъ или покорить всю Ливонію, или, если не смогутъ этого по причинѣ крѣпостей, то хотятъ въ концѣ

существовать ее, перебранив или отведши въ пашнѣ войнъ, фольскихъ жителей; что они уже проникли до половины страны, что магистръ Ливонскій не въ состояніи противиться такимъ сластямъ, отъ сосѣдей же плохая помощь; что христіанство въ опасности, и потому святой отецъ долженъ провозгласить или крестовый походъ, или юбилей. — Александръ Литовскій долженъ былъ просить мира у тестя, но, по договору, онъ не могъ вѣрнуться безъ Ливоніи, и въ Генварь 1503 года Юаннъ далъ опасный листъ Нѣмецкимъ посланъ въ такой формѣ: «Юаннъ Божією милостію Царь и Государь всея Руси и Великій князь (слѣдуетъ обычный титулъ), и сынъ его, князь великій Василій Ивановичъ Царь всея Руси, магистру Ливонской земли, архіепископу и епископу Юрьевскому и инымъ епископамъ и всей землѣ Ливонской. Прислали вы битъ челомъ къ брату нашему и зятю, Александру, королю Польскому и великому князю Литовскому о томъ, что хотите къ намъ слать битъ челомъ своихъ пословъ. И мы вамъ на то листъ свой опасный дали.» Послы Нѣмецкіе пріѣхали вмѣстѣ съ Литовскими и ждали до тѣхъ поръ, пока кончились переговоры съ послѣдними на счетъ шестилѣтняго перемирія. Когда грамоты были написаны, канцлеръ Сапѣга сказалъ дьякамъ, чтобъ князь великій велѣлъ теперь говорить съ Нѣмцами, потому что до тѣхъ поръ Литовскимъ посланъ нельзя будетъ запечатать грамотъ, пока не будетъ разговора съ Нѣмцами о перемирѣ. На другой день великій князь велѣлъ Нѣмецкимъ посланъ быть у себя на дворѣ и высылалъ къ нимъ бояръ и дьяковъ для переговоровъ; на третій день послѣ этихъ переговоровъ посолъ Венгерскій подалъ Юанну слѣдующую записку: «послы князя мистра Ливонскаго были вчера у меня и объявили, что бояре вашей милости, разговаривая съ ними, господаря ихъ и ихъ самихъ позорили и многія неприличныя слова говорили: я, государь, очень удивляюсь, если это случилось съ позволенія твоей милости? Прошу, пресвѣтлый великій князь! положить конецъ всѣмъ этимъ дѣламъ, которыя мѣшаютъ дѣйствіямъ христіанскихъ государей противъ невѣр-

ныхъ, потому что посламъ королевскимъ нельзя ни на что рѣшиться безъ Ливонскихъ.»

Іоаннъ велѣлъ отвѣчать посламъ Венгерскому и Польскому: «Вы говорили, чтобъ мы велѣли съ Ливонскими Нѣмцами взять перемирье на шесть лѣтъ; мы у Нѣмецкихъ пословъ рѣчи выслушали, и для свойства съ зятемъ своимъ Александромъ королемъ, велѣли наѣстникамъ своимъ, Новгородскому и Псковскому и отчинамъ своимъ, великому Новгороду и Пскову взять съ Ливонскою землею перемирие на шесть лѣтъ по старинѣ, какъ было прежде. А Нѣмцы говорили, что этого прежде не было, да и теперь нельзя быть; вы послушайте ихъ рѣчи, что они говорили! они говорили, что пріѣхали не бить челомъ намъ о перемирьи, но будто просилъ магистръ Александръ король, чтобъ онъ съ нами перемирие взялъ; и они хотятъ съ нами перемирие взять, а не съ нашими наѣстниками и отчинами. А вотъ вамъ грамоты перемирныя, какъ прежде магистръ и вся Ливонская земля присылали къ нашимъ наѣстникамъ и нашимъ отчинамъ бить челомъ о перемирьи; и вы сами посмотрите, гораздо ли они такъ говорили?» Грамоты были принесены, послы прочли ихъ и объявили, что Нѣмцы вчера говорили не гораздо: грамотамъ пригоже быть такимъ, какія въ старину бывали, и заключать имъ перемирье въ Новгородѣ; при этомъ послы Венгерскій и Польскіе сказали, чтобъ дали имъ списокъ, какимъ быть перемирнымъ грамотамъ; желаніе ихъ было исполнено, и тогда они объявили, что дѣло Нѣмецкое кончено ²¹⁷).

Мы упоминали уже о союзѣ Іоанна Московскаго съ Іоанномъ королемъ Датскимъ, цѣлью котораго было общее дѣйствіе противъ Шведскихъ правителей Стуровъ. Датскій король искалъ Шведскаго престола; неизвѣстно, чѣмъ возбуждена была неприязнь къ Швеціи Московскаго государя: только въ 1496 году, по заключеніи союза съ Данією, онъ отправилъ трохъ воеводъ осаждать Выборгъ; Русскіе опустошили окрестную страну, но не могли взять города, который осаждали три нѣсаца, употребляя при этомъ огромныя пушки, въ 24 фута

днью. Въ слѣдующемъ году новое Русское войско вторгнулось въ Финляндію, опустошило ее до Тавастгуса, и поразило Шведское войско, истребивъ въ немъ 7000 человекъ вѣсть съ начальникомъ; тогда какъ полки, составленные изъ Устюжскъ, Двинянъ, Оубжанъ и Важанъ отправились изъ устьевъ Двины моремъ въ Каянію, на десять рѣкъ, повоевали берега всѣхъ рѣкъ, а жителей береговъ Лименги привели въ Русское подданство. Шведы отомстили въ томъ же году: Свантъ Стуръ явился на семидесяти бусахъ въ устьѣ Наровы и осадилъ нововостроенный Иванъ-городъ, гдѣ начальствовалъ князь Юрій Бабичъ; этотъ воевода, видя, что домъ начинаютъ горѣть отъ дѣйствія Шведскихъ пушекъ, испугался и бѣжалъ изъ города, который былъ занятъ и разграбленъ неприятелемъ; двое другихъ Русскихъ воеводъ стояли близко, но не оказали никакой помощи. Шведы впрочемъ скоро сами покинули свое завоеваніе²¹⁰). Война кончилась, когда король Датскій достигъ своей дѣли, сдѣлался королемъ Шведскимъ; что выигралъ отъ этого союзникъ его, неизвѣстно.

Извѣстнѣе намъ подробности сношеній Московскаго двора съ Австрійскимъ, начавшихся въ княженіе Іоанна III. Можно сказать, что сѣверовосточная Россія, или Московское государство для западныхъ Европейскихъ державъ было открыто въ это время съ Америкю. При императорскомъ дворѣ знали, что Русь подвластна королю Польскому и великому князю Литовскому, но не знали, что на сѣверовостокѣ есть еще самостоятельное Русское государство до тѣхъ поръ, пока въ 1486 году не пріѣхалъ въ Москву рыцарь Николай Поппель, являвшійся изъ любопытства отдаленныя страны и имѣвшій при себѣ свидѣтельство отъ Императора Фридриха III. Этому свидѣтельству въ Москвѣ дурно вѣрили, подозрѣвали, не посланъ ли Поппель отъ Польскаго короля съ какими-нибудь дурными умыслами противъ великаго князя, однако отпустили его безъ задержки. Возвратясь въ Германію, Поппель объявилъ Императору, что Московскій великій князь вовсе не подвластенъ Польскому королю, что владѣнія его гораздо про-

страшнѣ владѣній послѣдняго, что онъ сильнѣе и богаче его. Эти рассказы имѣли слѣдствіемъ то, что въ 1489 году Поппель явился въ Москву уже въ видѣ посла императорскаго, и требовалъ, чтобъ великій князь говорилъ съ нимъ наединѣ безъ бояръ: Іоаннъ отказалъ, и Поппель говорилъ великому князю передъ боярами такія рѣчи: «Хочетъ ли твоя милость выдать дочь свою за князя Маркграфа Баденскаго, племянника императорскаго? Если хочеть, то царь Римскій беретъся устроить дѣло; если же не хочеть, то не говори объ этомъ ни одному человѣку: многіе государи не будутъ рады, когда узнаютъ, что твоя милость въ знакомствѣ и въ пріятельствѣ съ царемъ Римскимъ.» Іоаннъ велѣлъ отвѣчать, что хочеть съ Цесаремъ любви и дружбы, и посылаетъ къ нему своего человѣка. Но Поппель продолжалъ прежнюю рѣчь: «Если тебѣ любо отдать дочь за того князя, о которомъ я тебѣ говорилъ, то ты вели намъ свою дочь показать.» На это ему былъ отвѣтъ: «У насъ въ землѣ нѣтъ обычая, чтобъ прежде дѣла показывать дочерей.» Тогда Поппель началъ опять просить, чтобъ позволено ему было поговорить съ великимъ княземъ наединѣ. Іоаннъ велѣлъ ему быть у себя и говорилъ съ нимъ въ набережной горницѣ, поотступивъ отъ бояръ, а дьякъ Федоръ Курцицикъ записывалъ посольскія рѣчи. Поппель началъ: «Просишь твою милость, чтобъ никто не зналъ о томъ, что я буду говорить: если непріатели твои, Ляхи, Чехи и другіе узнаютъ, то будетъ мнѣ дурно, придется и головою поплатиться. Дѣло вотъ въ чемъ: мы слышали, что ты посылаешь къ Римскому папѣ просить у него королевскаго титула, и что королю Польскому это очень не понравилось, посылалъ онъ къ папѣ съ большими дарами, чтобъ папа не соглашался. Скажу твоей милости, что папа въ этомъ дѣлѣ никакой власти не имѣетъ; папа имѣетъ власть въ духовенствѣ; а въ свѣтскихъ дѣлахъ, возводитъ въ короли, въ князья, въ рыцари имѣетъ власть только нашъ государь, царь Римскій. Такъ если твоей милости угодно быть королемъ въ своей землѣ и передать этотъ титулъ своимъ дѣтямъ, то я буду вѣрнымъ слугою твоей ми-

лсти у цара Римскаго, буду хлопотать, чтобъ твое желаніе исполнилось; только ради Бога просимъ твое Величество, чтобы ты ни одному человеку объ этомъ не объявлялъ. Если король Польскій узнаетъ, то днемъ и ночью будетъ посылать къ Цесарю съ великими дарами, чтобъ помѣшать дѣлу. Лахи сильно боятся, что когда ты будешь королею, то вся Русская земля, которая теперь подъ королею Польскимъ, отступитъ отъ него и подчинится тебѣ.» Великій князь велѣлъ отъзвать: «Сказываешь, что намъ служилъ, что и впередъ служить хочешь: за это мы тебя здѣсь жалуемъ, да и тамъ въ твоей землѣ тебя жаловать хотимъ. А что ты намъ говорил о королевствѣ, то мы, Божіею милостію, государи на своей землѣ изначала, отъ первыхъ своихъ прародителей, а поставленіе имѣемъ отъ Бога, какъ наши прародители, такъ и мы; просимъ Бога, чтобъ намъ и дѣтямъ нашимъ всегда далъ такъ быть, какъ мы теперь государи на своей землѣ, а постановленія какъ прежде мы не хотѣли ни отъ кого, такъ и теперь не хотимъ.» Этотъ отвѣтъ, какъ видно, смутилъ Поппеля, и онъ, не говоря ни слова о королевскомъ титулѣ, сталъ предлагать выгоднѣйшихъ жениховъ для дочерей великокняжескихъ: «у великаго князя двѣ дочери, говорилъ онъ: если не захочетъ онъ выдать одной изъ нихъ за Маркграфа Баденскаго, то не захочетъ ли выдать за князя Курфюрста Саксонскаго Іоанна, а другую за Маркграфа Бранденбургскаго?»

Устнаго отвѣта не было; но въ томъ же 1489 году великій князь отправилъ своего посла, грека Юрія Траханіота, къ Императору Фридриху и сыну его, Максимилиану, съ обзвѣщеніемъ, что хочетъ быть съ ними въ дружбѣ. Въ грамотахъ Іоаннъ называетъ себя великимъ государемъ всея Россіи, Фридриха свѣтлѣйшимъ и наисвѣйшимъ Римскимъ Цесаремъ и королемъ Австрійскимъ, Максимилиана благороднымъ и наисвѣйшимъ Римскимъ королемъ и княземъ Бургундскимъ (Бергонскимъ). Траханіоту былъ данъ наказъ: «Если спросятъ его: Цесарь спрашивалъ у вашего государя, хочетъ ли онъ отдать дочь за племянника Императорскаго, Маркграфа Баденскаго:

есть ли съ тобою объ этомъ какой-нибудь приказъ? — то отвѣчать: за этого Маркграфа государю нашему отдать дочь неприлично, потому что государь нашъ многимъ землямъ государь великій, но гдѣ будетъ прилично, то государь нашъ съ Божию волею хочеть это дѣло дѣлать. Если начнутъ выставлять Маркграфа владѣтелемъ сильнымъ, скажутъ: отъ чего неприлично вашему государю выдать за него дочь? — то отвѣчать: во всѣхъ земляхъ извѣстно, надѣемся и вамъ вѣдомо, что государь нашъ великій государь, урожденный изначала, отъ своихъ прародителей; отъ давнихъ лѣтъ прародители его были въ пріятельствѣ и любви съ прежними Римскими Царями, которые Римъ отдали папѣ, а сами царствовали въ Византіи; отецъ нашего государя до конца былъ съ ними въ братствѣ и пріятельствѣ до зятя своего Іоанна Палѣолога; такъ какъ же такому великому государю выдать дочь свою за Маркграфа? Если же стануть говорить, чтобъ великому князю выдать дочь за Императорова сына Максимилиана, то послу не отговаривать, а сказать такъ: захочеть этого цесарь, то послалъ бы къ нашему государю своего человѣка. Если же стануть говорить объ этомъ дѣлѣ накрѣпко: что цесарь пошлетъ своего человѣка, и посоль возьметъ ли его съ собою? — то отвѣчать: со мною объ этомъ приказа нѣтъ, потому что цесарскій посоль говорилъ, что Максимилианъ уже женатъ; но государь нашъ ищетъ выдать дочь свою за кого прилично: Цесарь и сынъ его Максимилианъ—государя великіе, нашъ Государь также великій государь; такъ если Цесарь пошлетъ къ нашему государю за этимъ своего человѣка, то я надѣюсь, что государь нашъ не откажетъ».

Въ Іюль 1490 года Траханиотъ возвратился виѣсть съ посломъ Максимилиановымъ Юріемъ Делаторомъ, и сказалъ, что отъ Цесаря и отъ Максимилиана честь ему была большая. Іоаннъ велѣлъ оказывать такую же честь Делатору, который объявилъ, что Максимилианъ хочеть союза съ Іоанномъ противъ короля Польскаго, мѣшающаго ему овладѣть Венгерскимъ королевскомъ, и спрашивалъ, пошлетъ ли Іоаннъ войско въ Германію и на какое время, также въ Фландрію и въ другія западныя

иде противъ изгнанныхъ Максимилиановыхъ и повоинного
 къ король Французскаго и другихъ? Исполнь Делаторъ началъ
 рчь о сватовствѣ, говорилъ, чтобъ ему позволено видѣть дочь
 великаго князя и сиранивалъ, сколько за нею приданаго? Ему
 сказали, что великій князь согласенъ выдать дочь за Макси-
 милиана; но если дѣло сдѣлается, то Максимилианъ дастъ ли
 утвержденную грамоту, что жена его останется въ греческомъ
 законѣ, будетъ имѣть греческую церковь и священниковъ по-
 словино до самой смерти своей? — Посоль отвѣчалъ, что объ
 этомъ ему не дано наказа, что доложить своему государю, и
 чтобъ дать отвѣтъ съ особыми послани. Относительно позво-
 лена видѣть великую князю и относительно ея приданаго
 Делатору сказали: «У государя нашего нѣтъ такого обычая;
 однакоже тебѣ прежде дѣла дочь его видѣть. Государь нашъ—
 государь великій; а мы не слыживали, чтобъ между великими
 государями были рады о приданомъ. Если дочь нашего государя
 выйдетъ за твоемъ государемъ, королемъ Максимилианомъ, то
 государь нашъ для своего имени и для своей дочери дастъ съ
 собою князю, какъ прилично великимъ государямъ».

Съ Делаторомъ Іоаннъ отправилъ къ Максимилиану своего
 посла, того же Траханіота съ докончальною союзною гра-
 мотой, въ которой говорилось: «Быть намъ въ братствѣ, любви
 и единствѣ: когда будетъ намъ надобна помощь на недруговъ,
 другъ другу помогать, гдѣ будетъ можно. Станетъ Максимилианъ
 доставать своей отчины Венгерскаго королевства, а Казимиръ
 царь Польскій, или сынъ его, Чешскій король, или его меньшіе
 дѣти станутъ Венгерское королевство себѣ доставать, то Мак-
 симилианъ долженъ дать знать объ этомъ Іоанну, и тотъ помо-
 гаетъ ему вправду, безъ хитрости. Если же Іоаннъ начнетъ
 доставать своей отчины, великаго княжества Кіевскаго, и дру-
 гихъ Русскихъ земель, которыя держитъ за собою Казимиръ,
 то долженъ дать знать Максимилиану, и тотъ ему помогаетъ».

Въ наказѣ Траханіоту было написано: «Если король велитъ
 говорить о сватовствѣ до заключенія союзнаго договора; то
 не смей настаивать, чтобы прежде рѣшено было дѣло о союзѣ;

если же нельзя будетъ настоять на этомъ, то начать дѣло о сватовствѣ, требовать, чтобъ дочь великокняжеская сохранила греческій законъ. Если скажутъ, зачѣмъ великій князь не прислалъ поклона и ни одного слова не велѣлъ сказать цесарю Фридриху? то отвѣчать: прислалъ цесарь къ нашему государю посла, Николая Поппеля, и нашъ государь, желая съ нимъ любви, посылалъ къ нему своего посла; но потомъ цесарь къ нашему государю своего посла не послалъ, и рѣчей къ нему никакихъ ни наказалъ: такъ зачѣмъ было нашему государю къ нему посылать?»

Траханіотъ возвратился съ докончальною грамотой, утвержденною Максимиліаномъ; но о сватовствѣ рѣчи не было, потому что король обручился уже на княжнѣ Бретанской. Въ 1494 году вторично пріѣхалъ въ Москву Максимиліановъ посолъ Юрій Делаторъ съ объясненіемъ по этому дѣлу: «Какъ пошли мы впервые съ Траханіотомъ изъ Любека, говорилъ онъ, тошло насъ двадцать четыре корабля вмѣстѣ, и изъ этихъ кораблей пятнадцать утонуло; нашъ корабль носился шесть недѣль безвѣстно, каждый часъ ждали мы смерти. Въ Любекъ пришла вѣсть, что корабль нашъ потонулъ, и объ этомъ дали знать Максимиліану, который былъ въ больномъ раздумьѣ: рѣчь о сватовствѣ отъ него сюда не дошла, послать въ другой, третій разъ — путь далекій и опасный, да хотя бы рѣчь и дошла, то неизвѣстно, захочетъ ли великій князь дѣло дѣлать, или не захочетъ, а время все идетъ да идетъ. Послѣ этого пришла рѣчь отъ княгини Бретанской о сватовствѣ, и начальные князья Нѣмецкіе, подумавъ, сказали Максимиліану: дѣло русское иновало, а у тебя сынъ одинъ, да и тотъ, что есть, что нѣтъ — все равно, а вотъ дѣло Бретанской княгини передъ тобою: она посылаетъ къ тебѣ съ большою любовью о сватовствѣ; этого нельзя тебѣ упустить; на томъ и порѣшили. Послѣ, когда Максимиліанъ узналъ, что всѣ мы живы и здоровы, то сильно гужилъ, и теперь молятъ великаго князя, чтобъ онъ на него не сердился». Послѣ этого Делаторъ, по смыслу договора, требовалъ помощи противъ Польскаго короля, просилъ Іоанна при-

ить въ свое покровительство два Ордена, Тевтонскій и Ливонскій, притѣсняемые Казимиромъ, просилъ продлить срокъ перемирія съ Ливонією и послать знающихъ и справедливыхъ людей для прекращенія пограничныхъ споровъ между Псковичами и подданными Ордена. Юванъ отвѣчалъ: «мы, по своей правдѣ, какъ между нами въ грамотахъ записано, хотѣли своему брату, Максимилиану королю помогать противъ его и своихъ недруговъ, противъ Казимира короля польскаго и его дѣтей, всѣми своими силами, да и сами хотѣли на коней сѣсть и дѣло дѣлать, сколько бы намъ Богъ пособилъ; но къ намъ пришли вѣсти, что на Венгерскомъ королевствѣ Владиславъ, Чешскій король, сынъ Казимировъ, а твой государь Максимилианъ съ нимъ помирился и вернулся отъ Венгерской земли на инья свои дѣла; за этия мы теперь и остановились. А что мы обѣщали, что въ грамотахъ записано, на томъ стоимъ, хотимъ Максимилиану помогать противъ короля Польскаго; и если Максимилианъ захочетъ доставать Венгерское королевство, то онъ бы другія-то свои дѣла пооставилъ, а присталъ бы къ этому своему дѣлу накрѣпко. Что ты намъ говорилъ о Прусскомъ магистрѣ и Ливонскомъ магистрѣ, то если они придуть къ намъ своихъ людей бить челомъ, мы, посмотря по ихъ челобитью, для своего брата, Максимилиана короля, хотимъ ихъ жаловать, принять въ свое соблюденье, за нихъ стоять, и грамоту свою на то имъ дадимъ, какъ будетъ пригоже. Захочетъ Ливонскій магистръ, архіепископъ и епископы съ Великимъ Новгородомъ и Псковомъ перемирья, то пусть посылаютъ туда бить челомъ нашимъ намѣстникамъ и нашимъ отчинамъ; Новгородъ держать отъ насъ великіе люди и на сѣздъ посылаютъ честныхъ же людей, такъ можно магистру съ ними своситься.

Тоже долженъ былъ сказать Максимилиану и Русскій посолъ Траханіотъ, снова отправившійся въ 1492 году. Въ наказѣ ему говорится: «Узнавать, для чего Максимилианъ помирился съ Владиславомъ, Казимировымъ сыномъ, для Бретанскаго ли дѣла или для чего другаго, прочно ли помирился, или только заключилъ перемиріе, и хочетъ ли добывать Венгрію? Какъ

его дѣла съ Французскимъ королемъ на счетъ Бретани, и какъ его дѣла съ другими государями? Вотчина его, Австрійское княжество все ли теперь за нимъ? можно ли ему добыть Венгрію, хотятъ ли его Венгерскіе паны, которые-нибудь изъ нихъ живутъ ли у него, и какъ живутъ, съ вотчинами, или просто одни, города Венгерскіе есть ли за нимъ? написать въ спискѣ имена пановъ Венгерскихъ, которые живутъ у Максимилиана съ вотчинами и безъ вотчинъ, также имена городовъ Венгерскихъ, которые за нимъ. Если Бретанское дѣло не состоялось, и стануть опять говорить о сватовствѣ, то отвѣчать: прежде самъ Цесарь и Максимилианъ начали было дѣло, и потомъ отъ нихъ же оно не состоялось: такъ — какъ теперь этому дѣлу быть? — и говорить о дѣлѣ какъ пригоже и накрѣпко. Если же Бретанское дѣло состоялось, а стануть говорить о Максимилиановѣ сынѣ Филиппѣ, то послу говорить какъ пригоже, также говорить о Саксонскомъ большомъ князѣ Фридрихѣ, заговаривать и о дочеряхъ королевскихъ и княжескихъ для князя Василя и Юрія». Траханиотъ прислалъ о дѣлахъ Максимилиановыхъ такія извѣстія, изъ которыхъ Іоаннъ могъ заключить, что союзъ съ Австрійскимъ домоу совершенно безплоденъ для Москвы. Максимилианъ, помирившись съ Владиславомъ Казимировичемъ, королемъ Чешскимъ, уступивъ ему Венгрію, и занятый дѣлами запада, не отправилъ своего посла съ Траханиотомъ по той причинѣ, что ему нечего было сказать Московскому Государю; вмѣсто посла пріѣхалъ отъ Максимилиана и дяди его Сигизмунда какой-то Снупсъ за тѣмъ, чтобъ узнать Московское государство и выучиться по-русски. Іоаннъ отвѣчалъ Максимилиану учтивымъ отказомъ: «Іоаннъ, Божіею милостію Государь всея Руси (слѣдуетъ титулъ) наискрѣпчайшему и величайшему другу и брату нашему возлюбленному здравіе, радость и честнѣйшее животование! Твое Величество прислалъ къ намъ Михаила Снупса, и мы, для дружбы и братства съ тобою, приняли его ласково и держали въ своемъ жалованьи. Онъ просилъ насъ, чтобъ мы отпустили его въ дальнія земли нашего государства, которыя:

идеть на востокъ, на великой рѣкѣ Оби; но мы его туда не отпустили, по причинѣ большого разстоянія, дальнаго пути: и наши люди, которые отправляются за данью, проходятъ туда съ большимъ трудомъ. Потомъ онъ просилъ, чтобъ мы отпустили его въ Турцію или Польшу; но мы и туда его не отпустили изъ страха, чтобъ не сбѣлалось съ нимъ тамъ бѣды, а отпустили его къ вамъ, въ Нѣмецкую землю тѣмъ же путемъ, какимъ пришелъ».

Послѣ этого одиннадцать лѣтъ не было сношеній съ Австрійскимъ дворомъ. Казимиръ умеръ; Иоаннъ безъ Австрійской помощи успѣлъ заключить съ наследникомъ его Александромъ выгодный миръ, потомъ вести удачную войну, заключить выгодное перемиріе. Только въ 1504 году явился въ Москву человекъ Максимиліановъ Гартингеръ съ двумя грамотами: въ одной король Римскій писалъ, что если Иоаннъ нуждается въ его помощи или совѣтѣ, то пусть объявитъ ему; во дѣль послышки высказана была въ другой грамотѣ: «Наилучшій и вельможный начальникъ и братъ любезнѣйшій! писалъ Максимиліанъ: такъ какъ у насъ нѣтъ бѣлыхъ кречетовъ, то очень желаемъ имѣть нѣсколько такихъ птицъ, и посылаемъ къ тебѣ кречетника нашего Гартингера съ просьбою позволить ему привезти изъ вашихъ странъ нѣсколько бѣлыхъ кречетовъ». На первую грамоту Иоаннъ отвѣчалъ, что была у него война съ Александромъ Литовскимъ и съ Ливонскими Нанциани, и кончилась перемиріемъ; если начнется опять, то пусть Максимиліанъ, по договору, помогаетъ ему, а онъ, съ своей стороны, готовъ помогать Максимиліану, если тотъ самъ станетъ добывать Венгерское королевство; на вторую грамоту отвѣчалъ, что посылаетъ бѣлаго кречета и четырехъ красныхъ; кречетнику Гартингеру дали плохую шубу, на что онъ послѣ жаловался великому князю; своего посла Иоаннъ не отправлялъ, отговорившись тѣмъ, что ему нельзя будетъ проходить ни чрезъ Литовскую землю, ни чрезъ Ливонію, хотя въ перемирной грамотѣ съ Александромъ былъ выговоренъ путь честныи иностраннымъ посламъ въ Москву и Московскимъ въ

иностранныя государства. Въ 1505 году тотъ же Гартингеръ прислалъ изъ Ревеля двѣ грамоты отъ Максимилиана и сына его Филиппа съ просьбою объ освобожденіи Ливонскихъ плѣнниковъ, взятыхъ въ послѣднюю войну; на подписи Филипповой грамоты Іоаннъ и сынъ его Василій были названы царями. Іоаннъ отвѣчалъ: «Если магистръ, архіепископъ и епископы и вся земля Ливонская отъ нашего недруга Литовскаго отстануть, пришлютъ бить челомъ въ Великій Новгородъ и Псковъ къ нашимъ наѣстникамъ, и во всемъ нашимъ отчинамъ, Новгороду и Пскову исправятся, то мы тогда, для вашей братской любви, посмотря по ихъ челобитью и исправленію, дадимъ плѣннымъ свободу²¹⁹»).

Это было послѣднее сношеніе съ Австрійскимъ дворомъ въ княженіе Іоанново. Въ его же княженіе начались сношенія съ Венецію: Московскій посолъ Иванъ Фрязинъ, ведшій переговоры съ папою относительно брака Іоаннова на Софін Пальвологъ, на дорогѣ въ Римъ былъ въ Венеціи, гдѣ сказался большимъ бояриномъ великокняжескимъ; вниманіе Венеціанскаго правительства было тогда занято опасною борьбою съ Турками, противъ которыхъ ему хотѣлось возбудить Татаръ; но не знади, какимъ путемъ отправить посла въ Орду. Прибытіе Московскаго посла въ Венецію рѣшило недоумѣніе, и вотъ Дождь осыпалъ Фрязина почестями и дарами съ тѣмъ, чтобы тотъ взялъ съ собою въ Москву Венеціанскаго посла и доставилъ ему средства проѣхать безопасно къ хану. Фрязинъ обѣщался устроить дѣло, взялъ съ собою посла именовъ Тревизана, но, пріѣхавъ въ Москву, не сказалъ великому князю ни слова о цѣли его пріѣзда, назвалъ его своимъ племянникомъ съ тѣмъ, чтобъ тайно отправить его въ орду. Дѣло однако открылось: Іоаннъ велѣлъ заключить въ тюрьму и Фрязина и Тревизана, а въ Венецію отправилъ брата Ивана, Антона Фрязина, сказать Дождю: «За чѣмъ это ты такъ сдѣлалъ, съ меня честь снялъ? Тайно черезъ мою землю плешь посла, мнѣ не сказавши?» Антонъ Фрязинъ возвратился съ извиненіями отъ Дожа и съ просьбою выпустить Тревизана,

и отправить его въ орду, снабдивъ всеиъ нужнымъ, за что будетъ заплачено Венеціанскимъ правительствомъ. Іоаннъ исполнилъ просьбу и отправилъ въ Венецію посла Толбузина для вызова мастеровъ²²⁰); съ тою же цѣлю были отправлены и послѣ посольства въ Венецію въ 1493 и 1499 годахъ.

ГЛАВА V.

ВНУТРЕННЕ СОСТОЯНІЕ РУССКАГО ОБЩЕСТВА ВО ВРЕМЯ ІОАННА III-ГО.

27 Октября 1505 года умеръ Іоаннъ III, на 67 году отъ рожденія, на 44-мъ княженія, переживъ вторую супругу, знаменитую Софью только двумя годами и нѣсколькими мѣсяцами ²²¹. Въ завѣщаніи своемъ Іоаннъ, подобно предшественникамъ, подѣлилъ волости между пятью сыновьями: Василіемъ, Юріемъ, Димитріемъ, Семеномъ и Андреемъ; но старшему Василію дано 66 городовъ и въ томъ числѣ самыя значительныя: Москва, Новгородъ, Псковъ, Тверь, Владиміръ, Коломна, Переяславль, Ростовъ, Ярославль, Нижній, Суздаль, Муромъ, кромѣ того волости князя Мезецкаго, Новосильскихъ, Одоевскихъ, Бѣлевскихъ, Щетинина, Заозерье, Заволочье, Югра, Печера, Пермь великая, князья Мордовскіе, вся Вятская земля съ Арскими князьями, жалованная вотчина князя Бѣльскаго (Лухъ и проч.), Корельская земля съ Лопью, дѣшею (дѣсною) и дикою, Поножье и Двинская земля; тогда какъ всѣмъ остальнымъ четверымъ сыновьямъ вмѣстѣ дано менѣе половины городовъ, именно только 30 ²²². Касательно отношеній старшаго брата къ младшимъ повторяется обычное выраженіе: «Приказываю дѣтей своихъ меньшихъ, Юрія съ братьею, сыну своему Василью, а

ихъ брату старшему: вы, дѣти мои — Юрій, Дмитрій, Семенъ и Андрей, держите моего сына Василья, а своего брата старшаго вѣсто меня, своего отца, и слушайте его во всеи; а ты сынъ мой Василій держи своихъ братьевъ младшихъ въ чести, безъ обиды». Но касательно опредѣленія отношеній по владѣннѣмъ находимъ переиъны противъ распоряженій прежнихъ князей. Василій Темный благословилъ старшаго сына только третью въ Москвѣ; Иоаннъ благословляетъ старшаго сына двумя третями: «Сынъ мой Василій держитъ на Москвѣ большаго своего намѣстника по старинѣ и какъ было при мнѣ, а другаго своего намѣстника держитъ на Москвѣ на трети князя Владимира Андреевича, которая была за братьями моими, Юриемъ и Андреемъ; но и въ остальной трети, которою прежние удѣльные князья вѣдали по годамъ, теперь старшій братъ получилъ такъ же часть: «Благословляю сына своего Василія и дѣтей своихъ меньшихъ—Юрія, Дмитрія, Семена, Андрея въ Москвѣ годомъ князя Константина Дмитриевича, что былъ данъ брату моему Юрию, да годомъ князя Петра Дмитриевича, что былъ данъ брату моему Андрею Меньшому, да годомъ князя Михаила Андреевича: держитъ сынъ мой Василій и мои дѣти меньшие на тѣхъ годахъ своихъ намѣстниковъ, переиънная пять лѣтъ, по годамъ; а что данъ былъ брату моему Борису въ Москвѣ годъ князя Ивана Андреевича, и тотъ годъ приходилось брата моего Бориса дѣтямъ держать на шестой годъ вѣствѣ; но племянникъ мой Иванъ Борисовичъ отдалъ свои полгода мнѣ, а я отдаю ихъ сыну своему Василю, пусть онъ держитъ шестой годъ вѣствѣ съ племянникомъ моимъ Федоромъ Борисовичемъ». Такъ распорядился завѣщатель относительно судебныхъ пошлинъ Московскихъ; относительно же тамги и другихъ пошлинъ старшій братъ обязанъ былъ изъ нихъ давать младшимъ только по сту рублей каждому. Потомъ видимъ ограниченіе правъ удѣльныхъ князей въ ихъ собственныхъ владѣннѣхъ: «Сынъ мой Юрій съ братьями по своимъ удѣламъ въ Московской землѣ и въ Тверской денегъ дѣлать не велеть; деньги велеть дѣлать сынъ мой Василій въ Москвѣ и Твери, какъ было при мнѣ.

Откупъ знаетъ сынъ мой Василій, въ откупъ у него мои дѣти Юрій съ братьями не вступаются²²³. Что я далъ дѣтямъ своимъ сельца у Москвы съ дворами городскими на посадахъ: и дѣти мои на тѣхъ дворахъ торговъ не держать, житомъ не велятъ торговать, лавокъ не ставятъ, купцовъ съ товаромъ иноземныхъ, изъ Московской земли и изъ своихъ удѣловъ на этихъ дворахъ не велятъ ставить: ставятся купцы съ товаромъ на гостинныхъ дворахъ, какъ было при мнѣ, и меньшіе дѣти мои въ тѣ дворы гостинные и въ тѣ пошлинны не вступаются. Если въ сельцахъ дѣтей моихъ меньшихъ и на ихъ дворахъ городскихъ кто станетъ торговать съѣснымъ товаромъ: то сынъ мой Василій этихъ торговъ не велятъ сводить, но прикащикъ его беретъ съ нихъ полавочную пошлину. Если случится душегубство въ сельцахъ и городскихъ дворахъ меньшихъ сыновей моихъ, то судятъ большой намѣстникъ сына моего Василя; судъ и дань надъ селами въ станахъ Московскихъ принадлежатъ меньшимъ сыновьямъ моимъ, которые ими владѣютъ, но душегубствомъ и поличнымъ эти села тянутъ къ Москвѣ, кромѣ поличнаго, которое случится между ихъ крестьянами; въ такомъ случаѣ судятъ ихъ прикащики, но докладываютъ большаго намѣстника Московскаго. Граноты полныя и докладныя пишетъ только яской дьякъ сына моего Василя. Города и волости, доставшіеся въ удѣлы меньшимъ сыновьямъ моимъ, но прежде тянувшіе душегубствомъ къ городу Москвѣ, и теперь тянутъ туда же по старинѣ». Въ орданскіе выходы: въ Крымъ, Казань, Астрахань, царевичевъ городокъ (Касимовъ), для другихъ царей и царевичей, которые будутъ въ Московской землѣ, на пословъ Татарскихъ назначена тысяча рублей въ годъ: изъ этой суммы 717 рублей платитъ великій князь, остальное доплачиваютъ удѣльные. Іоаннъ III въ своей духовной окончательно рѣшаетъ вопросъ о выморочныхъ удѣлахъ: «Если кто-нибудь изъ сыновей моихъ умретъ, не оставивъ ни сына, ни внука, то удѣлъ его весь къ Московской землѣ и Тверской сыну моему Василю: меньшіе братья у него въ этотъ удѣлъ не вступаются; если же останутся у покойнаго дочери, то сынъ мой Василій,

наданъ, выдаетъ ихъ замужъ, а что покойный дастъ своей женѣ — волости, села и казну, въ это сынъ мой Василій не вступается до ея смерти».

Новый порядокъ престолонаслѣдія, по которому дядя должны были отказываться отъ правъ на старшинство въ пользу племянниковъ отъ старшаго брата, былъ подтвержденъ тѣмъ, что Іоаннъ, еще при жизни своей, велѣлъ старшему сыну Василю заключить договоръ съ слѣдующимъ за нимъ братомъ, Юріемъ²²⁶; во этому договору послѣдній обязался держать великаго князя Господиномъ и братомъ старшимъ, держать честно и грозно безъ обиды; здѣсь выраженіе: держать господиномъ употреблено въ первый разъ; въ первый разъ въ договорѣ между родными братьями младшій обязывается, держать княженіе старшаго честно и грозно. Относительно главнаго условія Василій говоритъ Юрію: «Придетъ воля Божія, возьметъ Богъ меня великаго князя, и останутся послѣ меня дѣти, то сына моего, котораго я благословлю великими княжествами, тебѣ держать въ мое мѣсто своего господина и брата старшаго, великихъ княжествъ подъ нимъ, подъ моею великою княгинею и подъ нашими дѣтьми бшости и не обидѣть, ни вступаться, ни подыскиваться никакимъ способомъ». Любопытно, что здѣсь отецъ выговариваетъ себѣ право благословлять великими княжествами сына, котораго хочетъ, не упоминая ни слова о старшинствѣ; это право, какъ мы видѣли, было ясно высказано Іоанномъ III-мъ въ отвѣтъ его Псковичамъ: «Развѣ я не воденъ въ своемъ внукѣ и въ своихъ дѣтяхъ? кому хочу, тому и дамъ княжество». Хотя въ княженіе Іоанна III-го нѣкоторые слабые удѣльные князья, какъ наприѣръ Михаилъ Андреевичъ Верейскій и сынъ Бориса Васильевича Волоцкаго и рѣшились въ духовныхъ грамотахъ своихъ назвать великаго князя Государемъ, однако самъ Іоаннъ не рѣшился еще заставить младшаго сына Юрія назвать государемъ старшаго брата Василя: такъ еще сильны были понятія о родовомъ равенствѣ между князьями! и хотя на дѣлѣ это равенство уже исчезло, но на словахъ трудно было еще выразить это исчезновеніе; отца своего князь Юрій называетъ

государемъ, но старшаго брата назвать такъ не хочетъ, хотя и повторяетъ старинное родовое выраженіе, что старшій братъ ему вѣсто отца.

Въ грамотахъ Іоанна Калиты, сколько намъ извѣстно, впервые встрѣчаемъ названіе великаго князя всея Руси. Но это названіе не употреблялось въ сношеніяхъ съ Литовскимиъ дворами до времени Іоанна III, который послѣ смерти Казимира впервые употребилъ въ сношеніяхъ съ Александромъ Литовскимъ выраженіе: «Іоаннъ (вѣсто прежняго Иванъ), Божіею милостию Государь всея Руси и великій князь Владимирскій и Московскій и Новгородскій и Псковской и Тверской и Югорскій и Перискій и Болгарскій и иныхъ.» Противъ титула отца своего Іоаннъ прибавилъ названіе великаго князя Владимирскаго, Псковскаго, Тверскаго, Вятскаго и Болгарскаго, включивъ названіе Ростовскаго. Въ сношеніяхъ съ Ливоніею и великими владѣніями Нѣмецкими Іоаннъ принимаетъ названіе царя всея Руси²²⁵); потомъ на подписи грамоты эрцгерцога Филиппа, сына Максимилианова Іоаннъ и сынъ его Василій названы царями Владимира, Москвы и проч.²²⁶); то же названіе видимъ и въ спискѣ рѣчей посла Гартингера; въ грамотѣ Датскаго короля Іоаннъ названъ императоромъ; въ грамотахъ къ Крымскому жиду Захаріи Іоаннъ называетъ себя царемъ всея Руси, также великимъ государемъ Русской земли²²⁷). Митрополитъ въ рѣчи своей во время вѣнчанія внука Дмитрія, называетъ Іоанна царемъ и самодержцемъ; лѣтописецъ говоритъ, что Іоаннъ благословилъ сына своего Василя самодержцемъ всея Руси. Царемъ и самодержцемъ называетъ Іоанна митрополитъ Симонъ въ посланіи къ Перичанъ. Бояре и другіе служилые люди въ отпискахъ своихъ къ великому князю употребляли такое обращеніе: «Государю великому князю Ивану Васильевичу всея Руси холопъ твой такой-то челомъ бьетъ.» Знатнѣйшіе люди называются въ этихъ отпискахъ обыкновенными именами, другіе уменьшительными; встрѣчаемъ — Алексѣецъ, Феодорецъ, Васюкъ, но не Алешка, Федеяка, Васька, чкакъ послѣ. Любопытно, что служилые люди изъ Грековъ упо-

требляютъ болѣе распространенныя обращенія въ отпискахъ къ великому князю; такъ Дмитрій Ларевъ Палологъ пишетъ: «Наяснѣйшему и вышнѣйшему господу, господу Ивану Васильевичу, царю всея Руси и великому князю» (слѣдуетъ титулъ) ²²⁰).

Къ договорной грамотѣ Тверскаго князя Михаила Борисовича съ Иоанномъ III, заключенной въ началѣ княженія послѣдняго, привѣшены печати: на печати великаго князя Московскаго на одной сторонѣ изображеніе льва, раздирающаго змѣю, на другой изображеніе двухъ людей: одинъ съ крыльями держитъ вѣнокъ, другой, безъ крыльевъ, держитъ поднятый къверху мечъ; на печати же Тверскаго князя изображенъ всадникъ скачущій съ поднятымъ къверху мечемъ и попирающій дракона, что является здѣсь впервые. Къ другимъ грамотамъ Иоанна III до 1497 года привѣшены печати съ разными изображеніями, между которыми нѣтъ изображенія всадника, попирающаго дракона; къ мѣновой грамотѣ Иоанна съ племянниками, сыновьями Бориса Васильевича Волоцкаго, написанной въ 1497 году, привѣшена большая печать, на которой съ одной стороны впервые видимъ изображеніе двуглаваго коронованнаго орла съ распростертыми крыльями и когтями, а на другой изображеніе всадника, попирающаго дракона и копьемъ прободающаго ему горло; подпись вокругъ: «Іоаннъ, Божіею милостію господарь всея Руси и великій князь Владимирскій и Московскій и Новгородскій и Псковской и Тверской и Угорскій и Вятскій и Пермскій и Болгарскій.» — Мы видимъ, что Іоаннъ первый ввелъ обрядъ царскаго вѣнчанія, совершеннаго имъ надъ внукомъ Дмитріемъ.

Если выходы въ большую орду начали уменьшаться и даже совсѣмъ прекращаться еще въ княженіе Василія Дмитріевича и Василія Темнаго, то усобицы въ княженіе послѣдняго и тяжкій окупъ Казанскій должны были истощать казну великокняжескую. Въ другихъ обстоятельствахъ находился Іоаннъ III. Нельзя думать, чтобы во время мирныхъ сношеній съ Ахматомъ онъ посылалъ ему значительные выходы, ибо въ против-

номъ случаѣ хану не для чего было бы находиться въ почти постоянно враждебныхъ отношеніяхъ къ Москвѣ; расходы на Крымъ, Казань, Астрахань, на содержаніе служилыхъ царевичей Татарскихъ, оцѣненные въ 1000 рублей, не могли равняться съ прежними выходами въ пять и семь тысячъ; при этомъ сомнительно, чтобъ вся эта тысяча выходила на Татарскія издержки, и еслибъ даже выходила, то не должно забывать, какія обширныя земельныя пріобрѣтенія сдѣланы были при Іоаннѣ III. Такимъ образомъ въ княженіе послѣдняго главные расходы прежняго времени, расходы ордынскіе уменьшились, а доходы, вслѣдствіе пріобрѣтенія обширныхъ и богатыхъ областей, увеличились не въ мѣру противъ прежняго. Отсюда понятно, что Іоаннъ располагалъ большими денежными средствами, что казна его была велика, особенно при угнѣвъ взять семьсотъ вмѣсто семидесяти, при расчетливости, которая заставляла при выдачѣ барановъ послать требовать отъ нихъ шкуры назадъ ²²⁹). Іоаннъ въ духовной своей отказываетъ каждому изъ четырехъ младшихъ сыновей ларцы съ казною, съ какою — неизвѣстно, при чемъ говоритъ: «А кромѣ того, что ни есть моей казны у казначея моего и дьяковъ, далоу, яхонтовъ, другихъ каменьевъ, жемчугу, саженья всякаго, поясовъ, цѣпей золотыхъ, сосудовъ золотыхъ, серебряныхъ и каменныхъ, золота, серебра, соболей и шелковой рухляди; также что ни есть въ моей казнѣ постельной, иконъ, крестовъ золотыхъ, золота и серебра, платья и другой рухляди, что ни есть у моего дворецкаго и у дьяковъ дворцовыхъ моихъ сосудовъ серебряныхъ, денегъ и иной рухляди; что ни есть у моего конюшаго, ясельничихъ, дьяковъ, приказчиковъ моихъ денегъ и рухляди; что ни есть у моего дворецкаго Тверскаго и дьяковъ Тверскихъ и приказчиковъ, въ Новгородѣ Великому, у дворецкаго, казначеевъ, у дьяковъ и приказчиковъ моихъ денегъ и рухляди; да на Бѣлгозерѣ и на Вологдѣ моя казна и гдѣ ни есть моихъ казенъ: то все сыну моему Василю». Дорогіе каменья, жемчугъ, золото, серебро и вещи, изъ этихъ металловъ сдѣланныя, считались предметами

преимущественно и почти исключительно заслуживающими приобрѣтенія. Узнавши, что жена Менгли-Гиреева достала дорогую тохтамышеву жемчужину, Іоаннъ не успокоился до тѣхъ поръ, пока не получилъ ее отъ ханши; отправляя посломъ въ Крымъ боярина Семена Борисовича, великій князь наказалъ ему: «Никакъ не забудь сказать отъ меня Хозѣ-Асану, что если будутъ у него дала, яхонты дороге и жемчугъ добрый, то чтобъ непременно пріѣхалъ ко мнѣ самъ и привезъ ихъ съ собою». Знаемъ также, что для Іоанна покупались ковры на востокъ ²²⁰).

Изъ духовныхъ грамотъ удѣльныхъ князей узнаемъ также, въ чемъ состояло княжеское богатство: оно состояло въ вѣндахъ царскихъ, челкахъ, ожерельяхъ—украшенныхъ дорогими камнями и жемчугомъ, сорочкахъ изукрашенныхъ, перстняхъ, жиковинахъ ²²¹), крестахъ, иконахъ, постеляхъ шитыхъ шелками по камкѣ, взголовьяхъ, подушкахъ, шитыхъ золотомъ, ларцахъ — красныхъ, желтыхъ, дубовыхъ, золотыхъ, украшенныхъ костью работою, колпакахъ, пугвицахъ, серьгахъ, монистахъ, обручахъ, напалкахъ (наперсткахъ), мускусницахъ (гдѣ хранился мускусъ), шубахъ, кожухахъ, опашняхъ, лѣтникахъ, кортеляхъ, каптурахъ, накапкахъ, вошвахъ, поясахъ, кружевахъ, одѣялахъ, гривахъ, споркахъ съ разнаго платья, подкладкахъ (подволокахъ) изъ-подъ него же, сосудахъ разнаго рода — нисахъ, уксусницахъ, перешницахъ, солонкахъ, чаркахъ, ложкахъ, ковшахъ, кубкахъ, рогахъ, достоканахъ, сковородахъ серебряныхъ ²²²). Но если богатство великаго князя сильно увеличивалось по извѣстнымъ причинамъ, то не было причинъ, по которымъ должно было увеличиваться богатство князей удѣльныхъ; изъ ихъ духовныхъ видимъ, что всѣ они оставили послѣ себя долги: князь Юрій Васильевичъ оставилъ 752 рубля долгу, самая значительная часть котораго была занята подъ залогъ разныхъ движимыхъ вещей; занималъ онъ у частныхъ лицъ и у монастырей. Гораздо больше долгу оставилъ князь Андрей Васильевичъ меньшей, задолжавшій одному великому князю 30000 рублей за ордынскіе выходы,

кроме долгов частнымъ людямъ; князь Михаилъ Верейскій оставилъ долгу 267 рублей ²²³). Впрочемъ должно замѣтить, что князь Юрій и князь Андрей меньшей Васильевичи были бездѣтны, у Михаила Верейскаго сынъ былъ въ изгнаніи, а дочери мимо великаго князя не смѣлъ онъ отказать своей отчины: вотъ почему у нихъ не было побужденій жить бережно; князь Андрей напряжѣнъ проживалъ всѣ свои доходы и не платилъ старшему брату выходовъ въ зачетъ своего удѣла, который долженъ былъ достаться последнему; князь Борисъ Васильевичъ, оставляя отчину сыновьямъ, долгу не оставилъ; но сынъ его, умирая бездѣтнымъ и завѣщая вотчину великому князю, оставилъ долгу болѣе 600 рублей ²²⁴).

Относительно взиманія дани мы знаемъ, что Іоаннъ бралъ со всѣхъ волостей Новгородскихъ по полугривнѣ съ сохи со всякаго, кто пашеть землю, и съ ключниковъ, и со старость, и съ одерноватыхъ ²²⁵: въ 1491 году Тверская земля была описана по-московски въ сохи. Отъ времени Іоанна III дошла до насъ древнѣйшая переписная окладная книга, именно Вотской пятины Новгородской области, имѣющая такое заглавіе: «Книги Воцкіе пятины писма Дмитрея Васильевича Китаева да Никиты Губы Семенова сына Моклокова лѣта семь тысячъ оснаго (1499—1500). А въ нихъ писаны пригороды и волости и ряды и погосты и села и деревни Великаго Князя и за бояры и за детии боярскими и за служилыми людьми за помѣстцыки и своеземцовы и купецкіе деревни и владыччи и монастырскіе деревни и сохи по Новгородскому. А въ сохѣ по три обжи. А на пригороды, на посады и на Великаго Князя волости и на села и на деревни кладено Великаго Князя оброка рубли и полтинами и гривнами и денгами Новгородскими въ Новгородское число». — За этимъ заглавіемъ слѣдуетъ названіе уѣзда, и потомъ начинается описаніе погостовъ. Въ каждомъ погостѣ описывается прежде всего церковь погоста, вмѣстѣ со дворами священно- и церковно-служителей ея и съ ея землею, или замѣчается, въ какой мѣстности находится церковь погоста и гдѣ описана. Потомъ

описываются оброчныя волости, села и деревни Великаго Князя, которыя во время составленія писцовой книги не были ни за кѣмъ въ помѣстьѣ. Въ началѣ описанія каждого селенія или каждой группы селеній замѣчается, чьи были прежде эти селенія; если прежде онѣ были уже за кѣмъ въ помѣстьѣ, то объ этомъ также замѣчается. Далѣе описываются волости, села и деревни Великаго Князя, бывшія во время составленія описанія за разными лицами въ помѣстьѣ, при чемъ замѣчается, чьи онѣ были прежде. Земли каждого помѣщика составляютъ въ описаніи особую группу. Если у какого-нибудь помѣщика есть земли еще въ другомъ погостѣ, то объ этомъ замѣчается. За тѣмъ описываются земли: 1) своеземцевъ и купцовъ; 2) Владыки Новгородскаго; 3) монастырскія и церковныя; 4) къ описанію земель церковныхъ присоединяется и описаніе земель, составляющихъ непосредственную собственность священно- и церковно-служителей. Замѣчается, въ какихъ другихъ погостахъ Воцкой пятины есть еще земли владычны, или земли того же монастыря и церкви. При описаніи каждого селенія означаются родъ его (погостъ, село, сельцо, деревня), собственное его имя, дворы въ немъ находящіеся, съ поименованіемъ хозяевъ, количество коробей выстѣваемаго жителями хлѣба и количество скашиваемыхъ копенъ сѣна, а за тѣмъ число обжъ, въ которое положена пахатная земля, доходъ въ пользу землевладѣльца, старый и новый, а равно въ пользу посельскаго или ключника, иногда кормъ. слѣдующій намѣстнику, наконецъ угодыя, существующія при селеніи. Если жители селенія занимаются не хлѣбопашествомъ, а другимъ промысломъ, то описаніе сообразно этому измѣняется. По описаніи известной группы селеній, образующихъ одно цѣлое, приводится итогъ, въ которомъ показывается: сколько во всей этой группѣ по старому письму было селеній, дворовъ, людей, обжъ, сохъ, и какой по старому письму шелъ доходъ въ пользу землевладѣльца, а равно посельскаго или ключника; сколько въ сравненіи съ старымъ письмомъ прибыло или убыло по новому письму деревень, дворовъ, людей;

обжъ; сколько именно по новому письму значится селеній различнаго наименованія, дворовъ, людей, обжъ и сохъ; какой будетъ идти новый доходъ, и по какимъ статьямъ и въ какомъ количествѣ онъ увеличился или уменьшился, въ сравненіи съ прежнимъ временемъ; какія наконецъ есть угодья. Подобный итогъ приводится и по описаніи одного селенія, если оно само по себѣ составляетъ особенное цѣлое. Но по описаніи всѣхъ земель известнаго отдѣла, т. е. великокняжескихъ, или монастырскихъ и церковныхъ, не приводится общаго итога за каждый такой отдѣлъ; равно не приводится общаго итога по цѣлому погосту и по цѣлому уѣзду²⁶⁶.

Соха измѣнялась по соображенію съ различными условіями: въ краяхъ, гдѣ земледѣліе составляло главный промыселъ жителей, объемъ сохъ расширялся; въ краяхъ ремесленныхъ или торговыхъ сокращался; потѣмъ соха боразмѣрялась съ качествомъ почвы: въ этомъ отношеніи земли обыкновенно дѣлились на добрыя, среднія и худыя; если въ соху доброй земли полагалось 800 четвертей, то средней 1000, а худой 1200 четвертей. Относительно посадскихъ и слободскихъ тяглыхъ земель сохи измѣрялись не четвертями, а дворами; и здѣсь въ одномъ мѣстѣ въ соху шло столько то дворовъ, а въ другомъ болѣе или менѣе; здѣсь принималось также въ расчетъ различіе средствъ владѣльцевъ дворовъ, почему сохи раздѣлялись на сохи лучшихъ торговыхъ людей, на сохи среднихъ людей (гдѣ число дворовъ увеличивалось вдвое противъ торговыхъ), и на сохи младшихъ людей (гдѣ число дворовъ было вчетверо больше противъ числа дворовъ въ сохѣ лучшихъ людей). Изъ пошлинъ въ Юанново время встрѣчаются названія: поштрное, роговос, искунное, вѣнцы новоженные, скатертная пошлина, розвинское, ваганное, караульное, дѣтиное, дѣлярное²⁶⁷. Отъ тогоже времени дошелъ до насъ уставъ откупщикамъ тамги и пятна на Бѣлозерѣ. Если городской человекъ Бѣлозерецъ, или житель подгородныхъ мѣстъ (окологородецъ), или житель какой-нибудь изъ волостей Бѣлозерскихъ привезетъ товаръ свой, то таможенники берутъ со всякаго товара по полуценгъ

съ рубля, да по полуденьгъ съ саней за церковную пошлину, что берутъ въ Москвѣ. Если Бѣлозерецъ, городской человекъ, купить себѣ въ лавку медь, икру, рыбу, то брать у него съ рубля по полуденьгъ поряднаго; если же онъ купить себѣ въ лавку мѣхъ или рогозину или пошевѣ соли, или бочку, кадъ рыбы, или бочку сельдей, то со всего этого поодиначкѣ (съ одного) брать по полуденьгъ. Съ мяса брать по полуденьгъ съ стига; по столько же брать съ живой коровы, съ десяти полостей, съ двадцати гусей, съ тридцати поросятъ, съ тридцати утятъ, съ десяти барановъ, съ тридцати сыровъ, съ двадцати зайцевъ. Здѣсь любопытно, что двадцать гусей приравнены къ тридцати поросятъ; любопытно также, что упоминаются зайцы, которыхъ слѣдовательно употребляли въ пищу въ XV-мъ вѣкѣ. Со льну, луку, чесноку, орѣховъ, яблокъ, маку, зола, дегтю брать по деньгъ съ воза. Съ вывозной изъ Бѣлоозера бочки или кади рыбы, мѣха или рогожи или пошева соли—брать со всякой по полуденьгъ. Съ служилаго человекъ, идущаго безъ товара, пошлины не брать; если же служилый человекъ станетъ торговать, то брать съ него тамгу и всѣ пошлины какъ и съ торговаго человекъ. Кто покупаетъ человекъ въ полное холопство (въ полницу), тотъ даетъ по алтыну съ головы намѣстнику, да по два съ головы дяку, который пишетъ полня грамоты, да постольку же таможенникамъ. Кто купить лошадь въ рубль или меньше рубля, у того брать отъ пятна по деньгъ съ лошади, столько же брать и у того, кто продастъ. Всѣ торговцы, какъ Бѣлозерцы, такъ и Москвичи, Тверичи и Новгородцы должны показывать свой товаръ таможенникамъ, не складывая съ воза или съ судна; если же кто сложитъ товаръ прежде явки таможенникамъ, тотъ протамжилъ, товаръ ему назадъ, и если этотъ товаръ будетъ стоять два рубля или больше, то взять съ него протамги два рубля—рубль намѣстнику, да рубль таможенникамъ; если товаръ стоять рубль, то брать тридцать алтынъ безъ гривны; если товаръ стоять больше одного рубля, но меньше двухъ, или меньше одного рубля, то брать

по расчету. Если кто купит лошадь безъ явки, то брать съ него пропятеня два рубля—рубль наѣстнику, и рубль пятенщикамъ. Если Бѣлозерецъ городской человекъ купитъ что, или продастъ въ своемъ городѣ, то съ того тамги не брать; если же продастъ или купитъ судно, то брать по полуденьгъ съ рубля. Съ Москвича, Тверича, Новгородца, жителя удѣловъ Московскихъ брать тамгу по старинѣ, съ рубля по алтыну, да съ саней по полуденьгъ за церковную пошлину и за гостинное. Придетъ кто съ товаромъ на суднѣ изъ Московской, Тверской или Новгородской земли, то сколько у нихъ будетъ людей на суднѣ, брать со всѣхъ по деньгъ съ головы. Кто придетъ изъ Московской, Тверской или Новгородской земли, также изъ монастырей этихъ земель, равно какъ изъ Бѣлозерскихъ монастырей, — всѣмъ имъ торговать всякимъ товаромъ и житомъ въ городѣ на Бѣлозерѣ, а за озеро не ѣздить, по монастырямъ и по волостямъ не торговать, кромѣ одной Бѣлозерской волости—Углы: здѣсь быть торгу по старинѣ, а тамгу брать, какъ берутъ на Бѣлозерѣ. Кто ослушается этого запрета, съ тѣхъ брать — съ купца два рубля, да съ продавца два рубля, товаръ описывать на Великаго Князя, самихъ виновныхъ отдавать на поруки и ставить передъ Великимъ Княземъ; городскимъ же людямъ Бѣлозерцамъ и посадскимъ за озеро ѣздить торговать по старинѣ.— По свидѣтельству Юсафата Барбаро при Иоаннѣ III-мъ право варить медъ и пиво, употреблять хмѣль сдѣлалось исключительною собственностію казны²²⁸.

Въ образѣ жизни Иоанна мы не видимъ большихъ переменъ противъ образа жизни его предшественниковъ. Мы видѣли, что самъ онъ имѣлъ два имени, оба взятыя изъ греческихъ святцевъ — Иоаннъ Тимофей: Тимофеемъ онъ названъ былъ въ честь Апостола Тимофея, котораго память празднуется 22 Января, день рожденія Иоанна, послѣднее же имя онъ получилъ на шестой день, когда празднуется перенесеніе мощей св. Иоанна Златоустаго²²⁹. Сынъ его, родившійся 25 Марта, въ день Благовѣщенія, получилъ имя Гавріила, котораго память

враднуется на другой день; но потомъ получилъ имя Василя, вѣдъ которымъ и извѣстенъ въ исторіи; онъ былъ крещенъ черезъ 10 дней архіепископомъ Ростовскимъ Вассіаномъ и Троицкимъ игуменомъ Павсіемъ въ Троицкомъ монастырѣ; потомъ Пасій крестилъ и втораго сына Іоаннова, Георгія. Въ княженіе Іоанна III при утверженіи единовластія, должно было оказаться большое затрудненіе относительно княжескихъ браковъ; самъ Іоаннъ въ первый разъ былъ женатъ на князѣ Тверской, но при немъ же Тверь пала и князья ея пошли въ изгнаніе; оставались князья Рязанскіе, зависимые на дѣлѣ, равные по праву князьямъ Московскимъ, но они находились уже въ такомъ близкомъ родствѣ съ послѣдними, которое не допускало новыхъ браковъ. Такимъ образомъ великій князь долженъ былъ заботиться о пріисканіи невѣстъ сыновьямъ и жениховъ дочерямъ среди иностранныхъ владѣтельныхъ домовъ; но здѣсь, какъ справедливо замѣтила отцу королева Елена, главное затрудненіе состояло въ иновѣрїи. Относительно своего втораго брака и брака старшаго сына Іоанна великій князь успѣлъ избѣжать этого затрудненія, женившись самъ на царицѣ греческой, и женивъ сына на дочери православнаго воеводы Молдавскаго; но мы знаемъ, какія слѣдствія имѣлъ бракъ старшей дочери Іоанновой Елены, долженствовавшей оставаться православною въ Литвѣ и Польшѣ; понятно, почему Іоаннъ старался отыскать въ Венгріи семейство владѣтельныхъ князей Сербскихъ, православныхъ; старанія его на этотъ счетъ остались безуспѣшны, равно какъ исканіе жениховъ и невѣстъ въ Даніи, въ Германіи; онъ принужденъ былъ уже въ послѣдній годъ жизни женить старшаго двадцатипятилѣтняго сына Василя на Соломонидѣ Сабуровой, выбранной изъ 1500 дѣвицъ, представленныхъ для этого ко двору ²⁴⁰; отецъ Соломониды, Юрій, потомокъ Ордынскаго выходца Мурзы Чета, не былъ даже бояриномъ; но еще прежде великій князь выдалъ вторую дочь свою Θεодосію за боярина, князя Василя Даниловича Холмскаго ²⁴¹; понятно, какъ непріятно было Іоанну выдавать дочь за одного изъ служилыхъ князей — бояръ, которые уже

назывались холопами великокняжескими. Неудача Иоанна в исканіи невѣсты для сына среди князей иностранных имѣла важное слѣдствіе: иностранная княжна на престолѣ Московскомъ необходимо сближала бы и мужа и подданныхъ съ прежнимъ отечествомъ своимъ и вообще съ западною Европою, содѣйствовала бы сильнѣйшему усвоенію плодовъ цивилизаціи, введенію новыхъ обычаевъ, и какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ отношеніяхъ, имѣла бы болѣе значенія, болѣе вліянія, по самому высокому происхожденію своему. Значеніе Софіи Витовтовны и Софіи Палеологъ, кромѣ личнаго характера ихъ, много объясняется ихъ происхожденіемъ; Софія Палеологъ принимала иностранныхъ пословъ; послѣ нея, при великихъ княгиняхъ и царицахъ изъ подданныхъ, этого обычая не видимъ. Воспитанная въ теремѣ дочь Московскаго боярина или менѣе значительнаго служилаго челоуѣка переносила и во дворецъ свою теремную жизнь: великій князь, какъ великій князь, оставался одинокъ на своемъ престолѣ.

Въ отвѣтъ посламъ императорскимъ Іоаннъ объявлялъ, что въ Русской землѣ нѣтъ обычая показывать дочерей женихамъ или сватамъ прежде окончательнаго рѣшенія дѣла. Тѣмъ же посламъ онъ отказался объявить о приданомъ своихъ дочерей, отозвавшись, что неприлично великимъ государямъ вести объ этомъ переговоры; но прежде приказывалъ своему послу развѣдать, на сколько тысячъ золотыхъ Манкупскій князь давалъ приданаго за дочерью, которую предлагалъ въ невѣсты князю Іоанну Іоанновичу²¹². При описаніи свадьбы дочери великокняжеской Феодосіи, выходившей за князя Холмскаго, говорится о тысяцкомъ, дружкѣ, дружкѣ поддатномъ, о двухъ лицахъ, державшихъ коверъ княжой, о конюшемъ, при которомъ находилось 15 челоуѣкъ дѣтей боярскихъ, о побѣжанахъ жепиховыхъ, о священникѣ со крестомъ при постели, о лицахъ находившихся у саней великой княгини Софіи, съ которою вмѣстѣ ѣхала и невѣстка, великая княгиня Елена, о свѣщникахъ, коровайникѣхъ, фонарникахъ и проч.

Изъ иностранныхъ источниковъ узнаемъ, что въ слѣдствіе

известныхъ измѣненій въ отношеніяхъ великаго князя къ дружинѣ и вообще къ подданнымъ, измѣнилось и обращеніе его съ ними. — Венеціанскій посолъ Контарини говоритъ, что Іоаннъ имѣлъ обыкновеніе ежегодно объѣзжать разныя области своихъ владѣній и въ особенности посѣщать одного Татарина, котораго содержалъ на жалованьи на Татарской границѣ для ея охраненія ¹⁴³.

Въ то время какъ Русь сѣверовосточная, государство Московское увеличивалось областями, соединеніе которыхъ было прочно по единоплеменности и единовѣрью народонаселенія на западъ, но недостатку нравственныхъ и физическихъ силъ къ сопротивленію на востокъ, — въ то время владѣтели Руси югозападной, великіе князья Литовскіе и короли Польскіе, ослабленные внутреннею борьбою между составными частями своихъ владѣній, не пріятствовали образованію на востокъ могущественнаго и враждебнаго владѣнія, котораго государь уже принялъ титулъ государя всея Руси и прямо объявлялъ, что Русская земля, находящаяся за Литвою и Польшею, искони его отчина, и что онъ хочетъ ее добывать. Въ это рѣшительное для всей восточной Европы время, когда Московскій князь, освобождаясь окончательно отъ страха передъ Азією, начиналъ на нее наступательное движеніе и усиливался пріобрѣтеніемъ обширныхъ владѣній, вырванныхъ изъ-подъ руку великаго князя Литовскаго, все вниманіе послѣдняго было обращено не на усиленіе своего государства прочными пріобрѣтеніями, но на пріобрѣтеніе сосѣднихъ престоловъ для своихъ сыновей. Іоаннъ пріобрѣталъ Новгородъ, Тверь, Вятку, Пермь, часть Рязани, подчинялъ себѣ Казань, — Казимиръ также пріобрѣталъ орденскія земли для Польши, и цѣлыя королевства для сыновей своихъ — Богемію, Венгрію; но Іоаннъ отдалъ всѣ свои пріобрѣтенія одному сыну, который чрезъ это получилъ средства къ новымъ пріобрѣтеніямъ, тогда какъ занятіе престоловъ Польши, Литвы, Богеміи и Венгрии внуками Ягайла покрыло только мгновеннымъ величіемъ династію князей Литовскихъ, не принеся никакой пользы родной.

странъ ихъ, историческое движеніе которой прекратилось со времени соединенія ея съ Польшою.

Въ то время, какъ великій князь Московскій, становясь единовластителемъ обширной страны, становился вмѣстѣ съ тѣмъ и самовластителемъ ея, власть великаго князя Литовскаго и короля Польскаго никла все болѣе и болѣе; въ то время какъ Московскій государь самовластно располагалъ средствами своей страны, соперникъ его при исполненіи своихъ намѣренныхъ нуждался въ помощи и согласіи сеймовъ, у которыхъ долженъ былъ покупать эту помощь и согласіе уступками, долженъ былъ постоянно опасаться и гордаго прелата, который не преминетъ въ торжественномъ собраніи укорить короля за какую нибудь мѣру, невыгодную для матеріальнаго благосостоянія духовенства, и могущественнаго вельможи, который не преминетъ поднять знамя возстанія при первомъ неудовольствіи, и наконецъ собственнаго войска, которое своевольствомъ своимъ не преминетъ испортить походъ.

Іоаннъ Московскій объявилъ, что онъ воленъ въ своихъ великихъ княжествахъ, кому захочетъ, тому ихъ и отдать; по смерти Казимира Литовскаго сынъ его Александръ писалъ князьямъ и панамъ Волинской земли, что паны-рада великаго княжества Литовскаго заблагоразсудили оставить его, Александра въ Литвѣ и на Руси для защиты отъ непріятеля на то время, пока не выберутъ великаго князя. Приглашая Волинцевъ на это избраніе, Александръ пишетъ имъ: «Вспомните, что вы поклялись отцу моему — въ случаѣ его смерти признать господаремъ того изъ сыновей его, котораго ваша милость изберете вмѣстѣ съ панами-радою великаго княжества Литовскаго»²⁴⁴. Объ отношеніяхъ Литовскаго великаго князя къ панамъ своимъ раднымъ всего лучше можетъ свидѣтельствовать письмо его къ нимъ отъ 21 Октября 1503 года касательно отпуски Нагайскихъ пословъ: «Намъ кажется, пишетъ Александръ, что пословъ должно отпустить: но мы отдаемъ дѣло на разсужденіе и рѣшеніе вашей милости; какъ признаете за лучшее — отпустить ихъ или задержать, такъ и сдѣлаете:

потому что мы безъ совѣта вашей милости ничего въ земскихъ дѣлахъ не дѣлаемъ» ²⁴⁵.

Мы говорили уже о томъ, какая перемѣна въ отношеніяхъ великаго князя къ дружинѣ произошла въ Московскомъ государствѣ въ княженіе Іоанна III. Замѣчено было также, что въ два предшествовавшія княженія, Василія Дмитріевича и Василія Темнаго, вступили въ службу великихъ князей Московскихъ многіе князья, Рюриковичи и Гедиминовичи, которые сохраняли на службѣ первенствующее положеніе, именуясь прежде бояръ; такимъ образомъ старые Московскіе боярскіе роды были оттѣснены отъ первыхъ мѣстъ княжескими родами. При Василіи Темномъ три изъ послѣднихъ занимали самое видное мѣсто: Патрикѣевы, Ряполовскіе и Оболенскіе; то же значеніе сохраняютъ двѣ первыя фамиліи и въ княженіе Іоанна III; къ нимъ съ самаго начала присоединяется еще княжеская фамилія—Холмскихъ, Тверскихъ удѣльныхъ, вступившихъ въ службу Московскую. Князь Иванъ Юрьевичъ Патрикѣевъ, большой намістникъ, наивысшій воевода Московскій, и зять его, князь Ряполовскій, пали въ борьбѣ съ Софією; но племянникъ Ивана Юрьевича, знаменитый Ведрошскій побѣдитель, князь Данилъ Васильевичъ Щена не подвергся опалѣ вмѣстѣ съ дядею. Послѣ паденія князя Ивана Юрьевича его мѣсто, мѣсто воеводы Московскаго, занялъ князь Василій Даниловичъ Холмской, сынъ знаменитаго воеводы Данила и зять великаго князя; а второе по немъ мѣсто занималъ князь Данилъ Васильевичъ Щена. Такимъ образомъ, князья продолжаютъ первенствовать, и только третье мѣсто занимаетъ потомокъ старой знаменитой боярской фамиліи, Яковъ Захаровичъ Кошкинъ, воевода Коломенскій ²⁴⁶, котораго брата, Юрія Захаровича, намістника Новгородскаго, мы уже видѣли въ сношеніяхъ съ Яномъ Заберезскимъ, и въ мѣстническомъ спорѣ съ княземъ Щенею-Патрикѣевымъ предъ Ведрошскою битвою. Этотъ споръ и его рѣшеніе важны для насъ опять какъ доказательство первенствующаго положенія княжескихъ фамилій предъ боярскими: великій князь, рѣшая споръ въ пользу князя Щени, велѣлъ на-

помянуть Кошкину, что прежде бояринъ Федоръ Давыдовичъ уступалъ также первое мѣсто князьимъ ²⁴⁷). Какое множество служилыхъ князей было во время Іоанна III, видно изъ того, что между воеводами, участвовавшими въ Ведрошской битвѣ, упоминается одиннадцать князей и только пять именъ безъ княжескаго титула. Князья, вступивши въ службу къ великому князю Московскому или его удѣльнымъ, вошли въ составъ старшей дружины, боярства, и потому называются боярами: «пожаловаль я своего боярина, князя Василія Ромодановскаго», говоритъ удѣльный князь Михаилъ Верейскій въ своей духовной ²⁴⁸); подъ духовною Іоанна III читаемъ: «Тутъ были бояре мои: князь Василій Даниловичъ, да князь Данило Васильевичъ». Не смотря на то однако, князья стоятъ выше бояръ; грамота бояръ Московскихъ къ панамъ Литовскимъ начинается такъ: «Отъ князя Василія Даниловича, воеводы Московскаго, и отъ князя Данила Васильевича, воеводы Великаго Новгорода, и отъ Якова Захарыча, воеводы Коломенскаго, и отъ всѣхъ князей и отъ бояръ и отъ окольничихъ, рады (думы, совѣта) Іоанна, Божіею милостію Государя всея Руси, братія и пріятелямъ нашимъ, Войтѣху, бискупу Виленскому, и Николаю Радивилевичу, воеводѣ Виленскому» и проч. ²⁴⁹). Изъ членовъ древнихъ боярскихъ родовъ Московскихъ, кромѣ Кобылинныхъ-Кошкиныхъ, въ княженіе Іоанна III находились въ виду: изъ рода Акинеовыхъ упомянутый выше бояринъ Федоръ Давыдовичъ; потомъ бояринъ Петръ Федоровичъ Челядникъ, оба двоюродные внуки знаменитаго Федора Свибла отъ двоихъ братьевъ — Ивана Хромага и Михаила Челядни; линия же самого Свибла прекратилась по смерти бездѣтнаго сына его Семена. Изъ фамилій, особенно выдавшихся при Василіи Темномъ, продолжаютъ имѣть значеніе — Басенокъ и Ощера, преимущественно послѣдній, пользовавшійся большою довѣренностію великаго князя и употреблявшій, по свидѣтельству летописца, во зло эту довѣренность; одинакому нареканію подвергается Григорій Андреевичъ Мамонъ, котораго отецъ былъ Можайскимъ бояриномъ; наконецъ съ важнымъ значеніемъ яв-

лился Ховрицы, потомки Греческаго князя Степана, выѣхавшаго изъ Тавриды, бояринъ Владиміръ Григорьевичъ и сыновья его—Иванъ Голова и Дмитрій Владиміровичъ, казначей великокняжескій. Мы видѣли, что паны Литовскіе, предполагая или жала предполагать въ Москвѣ такія же отношенія, какія существовали у нихъ, стали пересылаться о государственныхъ дѣлахъ съ боярами Московскими; Іоаннъ допустилъ эту переписку, ибо видѣлъ, что иногда она можетъ быть полезна, когда, напротивъ, нужно было, по его выраженію, задрать Литовское правительство на счетъ какого-нибудь дѣла; но какъ онъ смотрѣлъ на эту форму, видно изъ рѣчи посла, отправленнаго имъ въ станъ къ сыну Дмитрію: «отецъ твой, государь, велѣлъ тебѣ сказать: прислала рада Литовская къ нашимъ боярамъ грамоту, и я, противъ той грамоты, отъ своихъ бояръ написалъ къ Литовской радѣ грамоту; а какову я грамоту къ нимъ писалъ, и я съ нея послалъ къ тебѣ списокъ, чтобъ тебѣ та грамота была вѣдома ²⁵⁰)».

Мы видѣли, какъ Іоаннъ III обошелся съ княземъ-бояриномъ, который рѣшился оставить его службу и перейти къ брату его, удѣльному князю; не смотря на то, въ договорѣ, заключенномъ по его приказанію между сыновьями его, старшимъ Василюмъ и вторымъ Юріемъ, внесено обычное условіе: «А боярамъ и дѣтямъ боярскимъ и слугамъ между насъ вольныи воеи». Но еще въ 1474 году употреблено было средство заставить бояръ отказываться отъ своего права отъѣзда; это средство испытано было впервые, сколько намъ известно, на одномъ изъ самыхъ знаменитыхъ бояръ-князей, Данилѣ Дмитріевичѣ Холмскомъ, который уличенъ былъ въ какой-то намъ неизвестной винѣ (быть можетъ въ покушеніи отъѣхать), отъ него водъ стражу, потомъ прощенъ и принужденъ дать на себя крестоцѣльвальную запись, въ родѣ проклятыхъ грамотъ, которыя давались князьями во времена Темнаго: «Я, Данилю Дмитріевичу Холмской (говорится въ записи), билъ челомъ своему господину и государю, великому князю Ивану Василювичу за свою вину чрезъ своего господина Геронтія митропо-

дѣта всея Руся и его дѣтей и сослужебниковъ епископовъ (слѣдуютъ имена). Господарь мой меня, своего слугу, пожаловалъ, нелюбье свое отдалъ. А мнѣ, князю Данилу, своему господарю и его дѣтямъ служить до смерти, не отъѣхать ни къ кому другому. Добра мнѣ ему и его дѣтямъ хотѣтъ вездѣ во всемъ, а лиха не мыслить, ни хотѣтъ никакого. А гдѣ отъ кого услышу о добрѣ или о лихѣ государя своего и его дѣтей, и мнѣ то сказать въ правду, по этой укрѣпленной грамотѣ, безхитростно. А въ томъ во всемъ взялся (поручился) по мнѣ господинъ мой Геронтій митрополитъ съ своими дѣтьми и сослужебниками. А стану я что думать и начинать вопреки этой моей грамотѣ, или явится какое мое лихо передъ монимъ господаремъ великимъ княземъ и передъ его дѣтьми: то не будь на мнѣ милости Божіей, Пречистой Его Матери, и св. чудотворцевъ Петра митрополита и Леонтія епископа Ростовскаго и всѣхъ святыхъ, также господина моего Геронтія митрополита и его дѣтей, владыкъ и архимандритовъ тѣхъ, которые за меня били челомъ, не будь на мнѣ ихъ благословенія ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій, а господарь мой и его дѣти надомною по моей винѣ въ казни вольны. А для крѣпости я цѣловалъ крестъ и далъ на себя эту грамоту за подписью и печатью господина своего Геронтія митрополита всея Руся». — Но однихъ духовныхъ обязательствъ и ручательствъ было недостаточна; Иванъ Никитичъ Воронцовъ обязался: если князь Данило отъѣдетъ или сбѣжитъ за его порукою, то онъ платитъ 250 рублей; пять свидѣтелей стояли при этомъ поручительствѣ; когда поручная кабала была написана и запечатана печатью Ивана Никитича, то послѣдній, ставши передъ княземъ Иваномъ Юрьевичемъ Патрикѣвымъ, объявилъ ему объ этомъ, и Патрикѣвъ приложилъ къ кабалѣ свою печать ²²¹).

Названіе бояръ введенныхъ и путныхъ сохраняется. Отъ времени Іоанна III дошла до насъ любопытная жалованная грамота: «Се язъ великій князь Иванъ Васильевичъ пожаловалъ есмь Василья Остаебевича Ознобишу санничимъ въ путь, и вы бояре, и слуги, и всѣ люди того пути чтите его и слу-

найте». Кромѣ названій придворныхъ чиновъ, извѣстныхъ въ прежнее время, встрѣчаемъ названія: постельничаго, сокольничаго, ясельничаго, дьяка постельнаго. Послѣ присоединенія княжествъ и удѣловъ дворы прежнихъ князей ихъ не сливались съ дворомъ великаго князя Московскаго, и потому видимъ раздѣленіе служилыхъ людей на дворъ великаго князя и на дѣтей боярскихъ городовыхъ. Великая княгиня, мать Іоанна III, имѣла свой дворъ, который во время похода присоединился къ двору великокняжескому подъ особымъ своимъ воеводою ²⁵²).

О богатствѣ князей - бояръ во время Іоанна III можемъ судить только по завѣщанію главнаго изъ нихъ, князя Івана Юрьевича Патрикѣева: завѣщатель дѣлитъ между женою и двумя сыновьями недвижимое имущество, состоявшее изъ двухъ слободъ, 29 селъ и 13 селець главныхъ, кромѣ селець и деревень, приписанныхъ къ селамъ; кромѣ того луга и мѣста городскія; нѣкоторыхъ крѣпостныхъ людей отпускаетъ на волю, другихъ дѣлитъ между женою и сыновьями; между этими людьми находимъ названія: стрѣлка, трубника, дьяка, поваровъ, хлѣбниковъ, портныхъ мастеровъ, бронниковъ, садовниковъ, псарей, рыболововъ, мельниковъ, утятника, сокольника, огородника, плотника, серебрянаго мастера, истопника, страдниковъ. Завѣщатель упоминаетъ о своихъ купляхъ и объ отцовскомъ благословеніи. Относительно кориленій до насъ дошли любопытныя жалованныя грамоты, данныя Іоанномъ Литовскому выходцу, пану Ивану Судимонту Кондратьевичу, получившему въ Москвѣ званіе боярина введеннаго; въ первой грамотѣ говорится: «Билъ мнѣ челомъ Яковъ Захаревичъ, что вамъ обилии на Костромѣ сытымъ быть не съ чего: и я князь великій Якова пожаловалъ городомъ Владимромъ, а тебѣ придалъ другую половину Костромы, съ правдою (съ судомъ)». Потомъ Судимонтъ былъ пожалованъ городомъ Владимромъ подъ княземъ Даниломъ Дмитріевичемъ Холмскимъ ²⁵³. О дачѣ помѣстій упоминается подъ 1500 годомъ въ лѣтописи, гдѣ сказано, что великій князь, по благословенію Симона митрополита, взялъ за себя въ Новгородѣ Великомъ церковныя земли вла-

дичини и монастырскія и роздалъ дѣтямъ боярскимъ въ помѣстья²⁵⁴; но въ одной разрядной книгѣ находимъ любопытное извѣстіе, что по взятіи Новгорода, по государеву изволенію, распущены были изъ княжескихъ и боярскихъ дворовъ служилые люди, послужилцы, и помѣщены въ Вотской пятинѣ; здѣсь насчитывается такихъ новыхъ помѣщиковъ 47 родовъ. Въ извѣстіи объ окончательномъ покореніи Вятки говорится, что великій князь земскихъ людей Вятчанъ посадилъ въ Боровскъ и Кременецъ и помѣстья имъ далъ²⁵⁵.

Таково было средство, употребленное для увеличенія числа ратныхъ людей. Кромѣ такъ называемыхъ служилыхъ людей или старой дружины, бояръ, дѣтей боярскихъ и дворянъ, Іоаннъ III послалъ въ Казанскій походъ 1470 года Московскихъ сурожанъ, суконниковъ, купчихъ людей и прочихъ всѣхъ Москвичей, которыхъ пригоже, по ихъ силѣ, и поставилъ надъ ними особаго воеводу, князя Оболенскаго. При осадѣ Смоленска сыномъ великокняжескимъ, Димитріемъ, видимъ въ Московской рати посошныхъ людей, собранныхъ съ сохъ. Псковской лѣтописецъ сообщаетъ намъ извѣстіе о наборѣ войска въ его родной области; въ 1480 году, по случаю войны съ Ливонскими Нѣмцами, выставлено было съ четырехъ сохъ по коню и человѣку: въ 1495 году, по требованію великимъ княземъ вспомогательнаго войска для Шведской войны, Псковичи собрали (срубили) съ десяти сохъ по конному человѣку; въ 1500 году, для войны Литовской, они брали съ 10 сохъ коня, съ сорока рублей коня и человѣка въ доспѣхѣ, а бобыли составляли пѣшій отрядъ; какъ видно, ратные люди въ полномъ вооруженіи назывались во Псковѣ кованою ратью²⁵⁶. Но кромѣ такимъ образомъ набранныхъ полковъ, мы видѣли, что въ войнахъ Псковитянъ съ Нѣмцами участвовали также охочіе люди (нерубленые люди, охочій человѣкъ) изъ Псковской волости, и потомъ прихожіе люди, приходяцы изъ другихъ областей. Въ Московской рати упоминаются казаки²⁵⁷; наконецъ въ составъ Русской рати обыкновенно входятъ полки Татарскіе: кромѣ полковъ, приводимыхъ слу-

злыми царевичами, Татары были, какъ видно, поселены въ разныхъ Московскихъ волостахъ; такъ въ распоряженіяхъ объ отправкѣ посла въ Крымъ читаемъ: «Взять съ Дмитріемъ Шеннымъ Татарамъ, провожать имъ Дмитрія въ Перекопъ въ орду изъ Ростунова, Щитова, Коломны, Левачина, Сурожика, Берендѣева, Ижва». Однихъ изъ этихъ Татаръ посолъ долженъ былъ отпустить, дать имъ волю, другихъ оставить съ собою «въ Перекопи на лежанье» для вѣстей²⁵⁸.

По свидѣтельству Псковскаго лѣтописца, число Московскаго войска, загородившаго дорогу Ахмату въ первое его вшествіе, простиралось до 180,000, растянутаго на полутора верстахъ; число войска, посланнаго на защиту Пскова отъ Нямцевъ въ 1481 году, простиралось до 20,000; Новгородской силы во время Шелонскаго боя было 40,000; столько же было Московскаго войска на Ведронской битвѣ, если вѣрить Стрыйковскому²⁵⁹. Войска ходили по прежнему суханинъ путю и по рѣкамъ: такъ въ 1470 году войска, назначенныя въ походъ на Казань, плыли изъ разныхъ мѣстъ къ Нижнему рѣками — Москвою, Клязьмою, Окою и Волгою; въ 1467 годонъ встрѣчаемъ извѣстіе, что войска отправились на Черемисъ изъ Галича 6 Декабря и поили лѣсами безъ пути въ жестокіе морозы. Относительно продовольствія войска во время похода встрѣчаемъ слѣдующія извѣстія: при описаніи похода на Казань князя Стриги-Оболенскаго въ 1467 году говорится, что войска возвратились безъ успѣха, истощенныя, потому что осень была холодная и дождливая, корму начало недоставать, такъ что многіе ратные люди въ постные дни ѣли мясо, лошади жерли съ голоду; во время втораго похода Юанна III на Новгородъ великій князь Тверской приказалъ сына боярскаго отдавать кормы по отчинѣ своей; потомъ, уже находясь подъ Новгородомъ, Юаннъ велѣлъ всѣмъ воеводамъ посылать за кормомъ половину людей, а другую воеводу оставлять у себя; наконецъ до насъ дошли грамоты Юанна III, по которымъ запрещалось подкамъ, идущимъ въ походъ, останавливаться брать кормы, подводы и проводниковъ

по волостямъ, принадлежавшимъ Троицкому Сергіеву монастырю²⁰⁰. Изъ всего этого видимъ, что войска брали съѣстные припасы по мѣстамъ, по которымъ проходили. Изъ оружія упоминается огнестрѣльное: пушки, тюфяки и пищали²⁰¹). При описаніи войнъ Псковичей съ Нѣвцами мы уже видѣли, что Нѣвцы брали верхъ своимъ нарядомъ или артиллерією; при осадѣ городовъ Псковскія пушки дѣйствовали не очень удачно: такъ при осадѣ Нейгаузена Псковичи били городокъ пушками, пустили въ него большою пушкою, но колода у нея вся изломалась и желѣза около разорвались, что заставило снять осаду²⁰². Войска по прежнему состояли изъ пяти частей: большаго полка, правой и лѣвой руки, передоваго и сторожеваго полковъ. Еще сохранялся старый обычай браниться передъ битвою: предъ началомъ Шелонскаго сраженія «Новгородци по оной странѣ рѣки Шелони ѣздяще, и гордящися, и словеса хульные износяще на воеводъ великаго князя, еще же окаяннии и на самаго государя великаго князя словеса нѣкая хульная глаголаху, яко пси лаяху»²⁰³. Мы видѣли, что Казанскій походъ 1469 года не удался отъ недостатка единства въ движеніяхъ, отъ недостатка подчиненности. Для введенія послѣдней великій князь долженъ былъ прибѣгнуть къ строгимъ мѣрамъ: когда сынъ его, князь Димитрій, возвратясь изъ Смоленскаго похода, пожаловался отцу, что многіе дѣти боярскіе безъ его вѣдома отъѣзжали въ волости на грабежъ, его не слушались, то Іоаннъ велѣлъ этимъ ослушниковъ схватить, бить кнутомъ на торгу, и многихъ велѣлъ въ тюрьму бросить. Уже встрѣчаемъ извѣстіе и о мѣстничествѣ, какъ явленіи, препятствовавшемъ успѣху военныхъ дѣйствій; при описаніи Казанскаго похода Архангельская лѣтопись говоритъ: «А воеводы судовой рати нелюбье держали между собою, другъ подъ другомъ идти не хотѣли». Привыкнувъ защищаться отъ Нѣвцевъ въ крѣпкихъ стѣнахъ своего города, и потомъ послѣ ухода непріятеля, истить ему вторженіемъ въ его землю многочисленными отрядами для опустошенія, Псковичи, какъ видно, не любили или не умѣли

срѣжиться правильнымъ строемъ; объ этомъ можно заключить изъ слѣдующаго лѣтописнаго разсказа: «Погнались воеводы великаго князя и Псковичи, и нагнали Нѣвцевъ въ Озеровахъ и Могильникѣ; Нѣвцы обозъ (кошъ) свой поставили поодаль отъ себя и сказали: «когда Русь ударится на кошъ, то мы воспользуемся этимъ и выйдемъ изъ Псковской земли; если же ударится на насъ, то тутъ намъ сложить свои головы». Псковичи первые ударились на кошъ, за ними Москвичи, и начали между собою драться за нѣмецкое добро, Чудь, находящуюся при обозѣ, всю перебили; Нѣвцы въ это время напали на Москвичей и Псковичей, и была съ ними сѣча, но не большая. Князь Псковской, Иванъ Горбатый, началъ загощать Псковичей, чтобъ не ѣхали поодиначкѣ, а они всё по закустовью, и начали ему Псковичи прозвища давать — опредолъ и коряихнонь»²⁶⁴). При осадѣ городовъ били пушками, стрѣляли стрѣлами, приметывали приметь; первымъ дѣломъ осажденныхъ было сжечь этотъ приметь²⁶⁵).

Ахвать въ оба нашествія свои не засталъ Юанна въ расказахъ, что вероятно было слѣдствіемъ бдительности Русскихъ сторожевыхъ отрядовъ, высылаемыхъ въ степи; Юаннъ жаловался Казиміру, что Рускіе люди вѣдѣли на поле, оберегать христіанство отъ бусурманства, а Литовскіе люди напали на нихъ изъ Мѣнска, Брянска и другихъ мѣстъ; потомъ жаловался, что Литовцы перебили Московскихъ сторожей на Доницѣ, сторожей Алексинцевъ, сторожей на Шатѣ.

Относительно состоянія дружины, или военнаго, служиваго сословія въ Руси юговаравдой мы узнаемъ, что здѣсь въ описываемое время названіе дворянинъ уже получаетъ важное значеніе, какового въ Московской Руси не имѣетъ: такъ въ жалованной грамотѣ великаго князя Александра 1496 года дворянинномъ называется знаменитый князь Василій Глинскій²⁶⁶. Отъ описываемаго времени до насъ большой рядъ жалованныхъ великокняжескихъ грамотъ князьямъ, панагъ, боярамъ на временныя владѣнія или на хлѣбкормленія, и на вѣчныя владѣнія городскими мѣстами и селеніями; въ грамо-

такъ обыкновенно говорится, что имѣнія эти даются самому пожалованному, его женѣ, дѣтямъ, будущимъ потомкамъ, вѣчно и непорушно, съ пашными землями, бортными, подлазными, съ сѣножатями, съ озерами и рѣками, съ бобровыми гонами, бѣсами, перевѣсьями, болоньями, ловами, съ данями грошовыми и медовыми, со всякими входами, приходами и платами (уплатами), съ землями пустовскими, съ млынами (мельницами), съ ихъ вымелками, ставами и ставищами, съ рыбниками, съ рѣчками и потоками ихъ, съ колодезями, съ борами, лѣсами, гаями (рощами), дубровами и хворостниками, съ ядами и дищами, съ данями куничными и лисичными, со всякимъ правомъ и панствомъ, съ мытами, явками, капщинами, со всякими боярами и ихъ имѣніями, съ слугами путными и даньниками, съ слободичами, что на волѣ сидятъ ²⁶⁷, съ людьми тяглыми, съ куничниками, лейтами, конокорицами. Въ Кіевской области княжата и панята, хотѣвшіе ѣхать въ чужіе края, должны были сказаться королю или его намѣстнику, и когда устроивъ въ своемъ имѣніи службу такъ, какъ бы она была при нихъ самихъ, тогда могутъ ѣхать, если только земской службы не будетъ; но въ непріятельскую землю ѣхать не могутъ. Кіевлянинъ, по королевскихъ грамотахъ, пользовался такою же честію, какъ Литвинъ, ничѣмъ передъ послѣднимъ не пожимался; волости Кіевскія держали только Кіевляне, но Кіевлянамъ король раздавалъ городки, кому хотѣлъ; князья, паны и бояре Литовскіе, владѣвшіе имѣніями въ Кіевской землѣ, обязаны были служить съ этихъ имѣній вмѣстѣ съ Кіевлянами сами, своими головами. Урядники коронные не имѣли права судить слугъ и людей княжескихъ, панскихъ и боярскихъ. Въ уставной Волинской грамотѣ говорится, что староста не смѣетъ срамить злыми словами князей, пановъ и землянъ, не смѣетъ казнить ихъ и сажать въ башню; но если кто изъ нихъ провинится, то староста извѣщаетъ короля и поступаетъ съ преступникомъ по королевскому наказу; если обвиненный потребуетъ суда королевскаго, то староста отпускаетъ его къ королю, назначивши срокъ, когда онъ обязанъ стать передъ

последнимъ; князя, пана и земнина староста или намѣстникъ одинъ не судить, но имѣть при себѣ князей, пановъ и земянъ ²⁶⁸.

Думаютъ, что относительно управленія при Іоаннѣ III послѣдовалъ переходъ отъ прежняго управленія посредствомъ только извѣстныхъ лицъ къ управленію посредствомъ извѣстныхъ присутственныхъ мѣстъ, или приказовъ; думаютъ, что при Іоаннѣ III несомнѣнно должны были существовать приказы: разрядный, холопій, житный, Новгородскій ²⁶⁹. Но ни въ одномъ памятникѣ, дошедшемъ до насъ отъ княженія Іоанна III-го, не упоминается о приказахъ; и если нѣкоторые приказы должны были явиться непременно при Іоаннѣ III, то не понимаемъ, почему нѣкоторые изъ нихъ не могли явиться ранѣе, если уже не хотимъ обращать вниманія на молчаніе источниковъ; не знаемъ, почему, наприм. Разрядный, Холопій приказы не могли явиться ранѣе? По нѣкоторымъ извѣстіямъ, Іоанну приписывается раздѣленіе Россіи на три части — Владимирскую, Новгородскую и Рязанскую, и образованіе для каждой изъ нихъ отдѣльнаго приказа подъ названіемъ трети. Но съ этимъ извѣстіемъ мы не можемъ согласиться, ибо Рязанское Великое княжество не было присоединено еще при Іоаннѣ.

Въ городскомъ бытѣ сѣверовосточной Руси произошло важное явленіе: главный представитель быта старыхъ русскихъ городовъ, Новгородъ Великій приравнялся своимъ бытомъ къ городамъ Низовой земли. Мы видѣли, какъ скудны были наши извѣстія о бытѣ Великаго Новгорода, какъ трудно было по этимъ извѣстіямъ составить о немъ ясное, опредѣленное понятіе; посмотримъ, нельзя ли будетъ теперь, при последнемъ столкновеніи Новгорода съ великимъ княземъ, дополнить нѣсколько наши свѣдѣнія о различіи между бытомъ Новгорода и бытомъ городовъ низовыхъ. Іоаннъ III потребовалъ отъ Новгородцевъ, чтобъ государство его было такое же въ Великомъ Новгородѣ, какое оно въ Низовой землѣ, на Москвѣ; тогда Новгородцы просили, чтобъ Великій князь объявилъ, какъ его

государству быть въ Великомъ Новгородѣ, потому что Великій Новгородъ Низовскаго обычая незнаетъ, какъ государь держитъ свое государство въ Низовой землѣ. На это Іоаннъ отвѣчалъ: «Наше государство таково: вѣчевой колоколу въ Новгородѣ не быть, посаднику не быть, а государство все намъ держать». И такъ быть Новгороду рознился отъ быта Низовыхъ городовъ тѣмъ, что въ Новгородѣ былъ вѣчевой колоколъ, было вѣче, чего въ Низовыхъ городахъ не было; следовательно, если мы встрѣтимъ въ источникахъ, что въ томъ или другомъ Низовомъ городѣ, даже въ самой Москвѣ, было вѣче, то это слово, означающее неопредѣленно всякое совѣщаніе, хотя бы даже между немногими лицами, потомъ означающее исключительно на сѣверовостокѣ народное востаніе, мятежъ, — это слово не должно вводить насъ въ заблужденіе, заставлятъ предполагать, что въ низовыхъ городахъ могло быть что-нибудь похожее на быть старыхъ городовъ, уцѣлвннй и, вѣроятно, сильнѣе разившійся въ Новгородѣ. Требованіе Іоанна, чтобъ въ Новгородѣ вѣчеваго колокола не было, и потомъ извѣстіе, что вѣчевой колоколъ дѣйствительно былъ взятъ изъ Новгорода и отвезенъ въ Москву, очень важны; существованіе одного вѣчеваго колокола предполагаетъ существованіе одного правильнаго, обычнаго вѣча, созывавшагося по звону этого колокола лицами правительственными, княземъ, посадникомъ, следовательно другія вѣча, созываемыя противниками князя или посадника по звону другихъ колоколовъ, не на обычномъ мѣстѣ, не были собственно вѣчами, хотя по неопредѣленности, обширности значенія слова, и называются такъ; въ нѣкоторыхъ смскахъ сказанія о Тохтамышевомъ ишествіи говорится, что и въ Москвѣ, по отъѣздѣ великаго князя «сотвориша вѣче, по звониша во все колоколы, и сташа суймомъ народы мятежницы, крамольницы.» Ясно следовательно, что вѣчей или возстаній въ Москвѣ на людей, хотѣвшихъ бѣжать отъ Татаръ, въ Ростовѣ на Татаръ, къ Костромѣ, Нижнему, Торжкѣ на бояръ, вѣчей созываемыхъ всѣми колоколами, не должно, по одному тождеству названія,

сѣшивать съ вѣчами Новгорода и другихъ старыхъ городовъ: Смоленска, Кіева, Полоцка, Ростова, гдѣ жители, по словамъ лѣтописца, какъ на думу на вѣча сходились, и что старшіе рѣшали, на то пригороды соглашались²⁷⁰. Въ извѣстіяхъ о послѣднихъ минутахъ вѣчеваго быта въ Новгородѣ мы встрѣчаемъ другое, еще болѣе важное извѣстіе о большомъ вѣчѣ; при исчисленіи неисправленій Новгородскихъ къ великому князю, лѣтописецъ говоритъ: «А на дворѣ на великаго князя, на Городище, съ большаго вѣча присылали многихъ людей, а намѣстникамъ его да и послу великаго князя ладали и безчествовали»²⁷¹. Если было большое вѣче, то было и малое, совѣтъ, засѣданіе правительственныхъ лицъ, въ противоположность большому военародному вѣчу.

Въ Новгородѣ вѣчевой бытъ исчезъ; но онъ остался еще до времени во Псковѣ. И въ Псковской лѣтописи, въ слѣдствіе частыхъ столкновеній вѣча съ усилившеюся властію великокняжескою, находимъ въ описываемое время большее число извѣстій о вѣчевомъ бытѣ, чѣмъ прежде. Мы видимъ распоряженіе вѣча въ 1463 году во время отсутствія князя — намѣстника; пришла вѣсть о нападеніи Нѣмцевъ, и вотъ Зиновій посадникъ и Псковичи, услыхавши эту вѣсть, поставили вѣче, и дали на вѣчѣ воеводство Максиму посаднику и двумъ другимъ лицамъ; Нѣмцы ушли; тогда посадники Псковскіе и Псковичи начали думать, куда идти за ними? Пріѣхалъ князь-намѣстникъ, и опять встрѣчаемъ извѣстіе, что Псковичи дали на вѣчѣ воеводство посаднику Дороею; но, какъ видно, князь-намѣстникъ въ это время находился въ походѣ, ибо прежде было сказано, что онъ и посадники Псковскіе начали собирать пригорожанъ и волостныхъ людей, и, собравшись Псковичи съ пригорожанами и со всѣми людьми, выступили въ походъ. Нѣмцы прислали бить челомъ о мирѣ — воеводѣ великаго князя (который приходилъ на помощь Псковичамъ), князю-намѣстнику Псковскому, и всему Пскову; воевода, князь-намѣстникъ, посадники и весь Псковъ, подумавши, заключили миръ, послѣ чего нѣмецкіе послы цѣловали крестъ на вѣчѣ

предъ воеводою Великаго князя и предъ всѣмъ Псковомъ. Послы, отправленные Псковомъ въ Москву къ великому князю, по возвращеніи отдавали отчетъ въ своемъ посольствѣ на вѣчѣ; такъ посадникъ Максимъ, возвратясь въ 1464 году изъ Москвы, началъ править на вѣчѣ посольство такъ: «князь великій Иванъ Васильевичъ всея Руси, тебѣ, своему намѣстнику Псковскому князю Ивану Александровичу, посаднику стеновому старому Юрію Тимоѣевичу и старымъ посадникамъ, всему Пскову, отчинѣ своей повѣствуетъ» и проч. Также и вѣчѣ отдавали отчетъ въ своемъ посольствѣ и послы, возвращавшіеся изъ Литвы ²⁷². Мы видѣли, что еще Василій Темный отнялъ у Новгородскаго вѣча право давать грамоты безъ участія князя, т. е. его намѣстника; во Псковѣ при Іоаннѣ мы видимъ, что вѣче распоряжается землями въ пользу той и другой церкви или монастыря, при чемъ о князѣ-намѣстникѣ не говорится, хотя онъ находился въ это время въ городѣ: подъ 1471 годомъ читаемъ: «Посадники и весь Псковъ дали имъ на вѣчѣ тую землю и воду, и въ тѣя часы бысть всеи Пскову, еще и вѣче не успѣло разойтиса, скорбь и туя велика». Но въ 1476 году слобожане Кокшинской волости били челомъ князю-намѣстнику Ярославу, посадникамъ Псковскимъ и всему Пскову, чтобъ позволили имъ поставить городъ и Псковъ на вѣчѣ позволилъ и грамоту далъ. Когда въ 1500 году явились во Псковъ Московскіе воеводы, но не хотѣли идти въ Нѣмецкую землю безъ государева приказанія, князь-намѣстникъ, посовѣтовавшись съ посадниками, боярами и Псковичами на вѣчѣ, послали трехъ гонцовъ въ Москву.

Такимъ образомъ князь-намѣстникъ, посадники и вѣче являлись во Псковѣ тремя нераздѣльными властями, къ которымъ обращались въ дѣлахъ внѣшнихъ и внутреннихъ, и которыми рѣшали эти дѣла по общему совѣту. Если вѣче избирало воеводу, то князь-намѣстникъ вмѣстѣ съ посадниками собиралъ войска изъ пригородовъ и волостей. Новаго князя-намѣстника принимали честно: духовенство со крестами, посадники и весь Псковъ выходили къ нему на встрѣчу, и сажали на княженіе

въ Троицкомъ соборѣ, послѣ чего онъ цѣловалъ на вѣчъ крестъ ко Пскову на суду, на пошлинныхъ грамотахъ и на всѣхъ старинахъ Псковскихъ; не желая болѣе оставаться во Псковѣ, князь-наѣстникъ выходилъ на вѣче и слагалъ съ себя крестное цѣлованіе. Касательно посадниковъ во Псковѣ, иногда встрѣчаемъ извѣстія объ одномъ степенномъ посадникѣ, иногда о многихъ: такъ подъ 1462 годомъ говорится, что заложили Псковичи новый Городецъ при князѣ Псковскомъ Владиславѣ Андреевичѣ и при посадникѣ степенномъ Максимѣ Ларионовичѣ; потомъ читаемъ, что въ 1463 году пріѣхалъ во Псковъ на княженіе князь Иванъ Александровичъ Звенигородскій при посадникѣ степенномъ Зиновіи Михайловичѣ; подъ слѣдующимъ годомъ говорится, что посолъ, возвратившись изъ Москвы, правилъ посольство такъ: «Князь великій Иванъ Васильевичъ всея Руси тебѣ своему наѣстнику князю Ивану Александровичу, посаднику степенному старому Юрію Тимоѣевичу и старымъ посадникамъ, и всему Пскову отчинѣ своей повѣствуетъ». Здѣсь, не предполагая ошибки переписчика, выраженіе: степенному старому можно понимать такъ, что Юрій не въ первый уже разъ отправлялъ должность степеннаго посадника. Но подъ 1465 годомъ говорится, что князь-наѣстникъ и посадники степенные Леонтіи Макаровичъ и Тимоѣей Васильевичъ заложили деревянную стѣну, послѣ чего постоянно говорится о посадникахъ степенныхъ, обыкновенно о двоихъ, и говорится такъ, что не оставляетъ никакого сомнѣнія, напримѣръ: «и посадники Псковскіе и со Псковичи, а въ степени тогда былъ посадникъ Яковъ Аванасевичъ Брюхатый да Василій Епимаховичъ, и учили сильно дѣяти надъ священники». Также ясно говорится о двоихъ посадникахъ степенныхъ въ правой грамотѣ Свѣтогорскому монастырю, и въ нѣкоторыхъ другихъ актахъ ²⁷³. О тысяцкомъ во Псковѣ не упоминается, но упоминается о соцкихъ послѣ посадниковъ, напримѣръ подъ 1464 годомъ: «И цѣловалъ крестъ посадникъ Максимъ Ларионовичъ, посадникъ Игнатій Логиновичъ и соцкіе»; или подъ 1472 годомъ, гдѣ говорится

о мирѣ Пскова съ Новгородомъ: «А во Псковѣ посадникъ Псковскій Аванасій Юрьевичъ, и бояре Псковскіе, и соцкіе, и судьи тогда же и льбяную грамоту подрали, вынувши изъ ларя, и была всѣмъ христіанамъ радость большая». Здѣсь между посадниками и соцками видимъ бояръ; кто могъ достигать во Псковѣ боярскаго званія, видно изъ извѣстія подѣ 1477 годомъ: «Псковъ послалъ къ великому князю двухъ посадниковъ, а съ ними два боярина Опишаха Гладкаго да Андрея Иванова, сына Попова, раздьякона (т. е. разстриженнаго дьякона)». Встрѣчаемъ извѣстіе о губскихъ старостахъ, которые упоминаются послѣ соцкихъ ²⁷⁴. Относительно правительственнаго значенія городскихъ концовъ, отношенія ихъ къ пригородамъ, находимъ важное извѣстіе подѣ 1468 годомъ: «Тойже веснѣ весь Псковъ подѣлиша на два пригорода на всѣ концы, коему же концу къ старымъ пригородамъ новые жеребемъ дѣлили, а ималъ жеребей князь Василій князя Федора Юрьевича сынъ съ престола».

Объ устройствѣ Низовыхъ городовъ въ княженіе Іоанна III мы имѣемъ очень мало извѣстій; упоминается о городовомъ сотникѣ, какъ чиновникѣ, распоряжающемъ городскими постройками, имѣющемъ право тянуть окружныхъ крестьянъ во всѣ пошлыны ²⁷⁵; въ Судебникѣ упоминается староста, глава посадскихъ людей, который вмѣстѣ съ лучшими горожанами присутствовалъ въ судѣ. Но довольно много извѣстій дошло до насъ отъ описываемаго времени о бытѣ городовъ югозападной Литовской Руси. Въ Маѣ 1494 года великій князь Александръ подтвердилъ Кіевскимъ мѣщанамъ уставную грамоту отца своего Казимира ²⁷⁶; по этой грамотѣ мѣщане не поднимали ничѣмъ пословъ Польскихъ, Московскихъ, Валахскихъ, Молдавскихъ, но поднимали только пословъ Литовскихъ и Орданскихъ; не стерегли казны великокняжеской и воеводской, только въ случаѣ прибытія самого великаго князя въ Кіевъ, обязаны были содержать при немъ стражу; не топили бани, не возили дровъ; коней, животины, овецъ и свиней по Кіевскимъ дворамъ не сгоняли ²⁷⁷; сѣна за рѣкою не косили,

всели только одинъ день подъ борюжъ, скошенное должны были убрать, но въ городъ сѣна не возили ни откуда; плотовъ не сгояли, на берегъ не волочили: плотинъ не сыпали, кромѣ одной плотинки подъ городомъ; въ облаву не ходили, города не рубили, не мостили городского моста, не платя однако слугамъ воеводинимъ посѣжирщины; плѣнниковъ не стерегли, не вѣдали на сторожѣ въ поле; вольно имъ было ѣздить въ боръ по дрова во все стороны, также на болоньи и на островахъ за Днѣпроу сѣно косить, чѣмъ мѣсто кормилось; если воевода поѣдетъ за двѣ мили отъ замка или на охоту, то подводу ему не давали, давали только по снопу сѣна сокольничимъ воеводинимъ; мѣщане и слуги городовые съ послани въ орду не ходили, Вышегородскаго, Чернобыльскаго, Бѣлогородскаго и Глевацкаго мыта не платили по всей землѣ Кіевской²¹. Кто изъ мѣщанъ захочетъ выселиться въ другой городъ или мѣсто, тотъ долженъ продать недвижимое имущество, а съ движимымъ можетъ выѣхать въ какія хочетъ области великаго княжества Литовскаго, только не за границу. Для торговли вольно имъ ѣздить, кромѣ служилыхъ неданныхъ (несвѣдѣныхъ) людей; если придетъ вѣсть о приближеніи Татаръ, то имъ съ мѣста не ѣхать, если же поѣдутъ, то должны оставлять на свое мѣсто людей добрыхъ, которые могутъ за нихъ отправитъ великокняжескую службу. Кто возьметъ за себя мѣщанину съ домомъ, тотъ обязанъ отправлять такую же службу, которая прежде отправлялась съ того дому. Кто изъ мѣщанъ отдаетъ, тому вольно продать свой домъ для уплаты долга, но кто купитъ домъ, тотъ обязанъ отправлять съ него такую же службу, какая отправлялась и прежде. На войну данные (свѣдѣные) люди не ходили. Прежде воевода бралъ пени съ тѣхъ, кто по ночамъ съ огнемъ оживалъ; но теперь эти дѣла были отданы въ вѣдѣніе войта, который долженъ отвѣчать, если, по его несмотрѣнію, сдѣлается въ городѣ пожаръ. — Въ 1497 году Кіевскій войтъ, бурмистры, радцы и все мѣщане были челомъ великому князю Александру, чтобъ освободилъ ихъ на всегда отъ мыта во всей вотчинѣ своей, Литвѣ,

Руси и Жиуди, потому что они раззорены отъ ежегодныхъ нападеній Татарскихъ; великій князь исполнилъ ихъ просьбу²⁷⁹. Въ 1499 году Кіевскій воевода Димитрій Путятичъ жаловался великому князю, что мѣщане Кіевскіе, какъ скоро получили Нѣмецкое право, то отняли у воеводъ всѣ уряды и пошлины городскія. Въ слѣдствіе этой жалобы дана была Кіевскому войту и мѣщанамъ уставная грамота о воеводскихъ доходахъ, въ которой говорится: если купцы или казаки пріѣдутъ въ Кіевъ и станутъ на подворьѣ у какого-нибудь мѣщанина, то послѣдній обязанъ объявить о нихъ воеводѣ или намѣстнику, по старому обычаю; если же не объявить, то платить воеводѣ пеню. Если осмникъ, выбираемый воеводою изъ слугъ своихъ, застанетъ христіанина, мѣщанина или казака въ безнравственномъ дѣлѣ съ женщиною, то намѣстнику митрополичьему идетъ съ виновнаго урочная пеня, а воеводѣ копа грошей; если же осмникъ застанетъ въ такомъ дѣлѣ Турка, Татарина, или Армянина, то воеводѣ съ виноватаго идетъ двѣнадцать копъ грошей. Казаки, ходящіе внизъ по Днѣпру до Черкасъ и дальше, должны со всякой своей добычи давать воеводѣ десятину. Если привезутъ въ Кіевъ рыбу, просольную и вялую, то осмникъ воеводинъ осматриваетъ ее и обмычиваетъ, и беретъ на городъ отъ бочки рыбы по шести грошей, а отъ вялыхъ и свѣжихъ рыбъ десятину; если же привезутъ осетровъ, то не смѣютъ ихъ продавать цѣликомъ, пока осмникъ не возьметъ отъ каждаго осетра по хребтинѣ, или отъ десяти осетровъ десятаго. Перекушчики, которые сидятъ въ рядахъ и торгуютъ хлѣбомъ и другими припасами, обязаны давать осмнику каждую субботу отъ товара по деньгѣ; а который человекъ новый захочетъ сѣсть въ рядахъ и торговать сѣстными припасами, такой долженъ дать осмнику куницу, двѣнадцать грошей. Если случится покража на берегу на рѣкѣ на такомъ разстояніи, что можно отъ берега палкой докинуть, то эту покражу судить осмникъ; также если кто украдетъ бѣлье, или женщина съ женщиною подерется, то такія дѣла судить осмникъ вмѣстѣ съ намѣстникомъ

митрополичьимъ. Если купеческій возъ, выѣзжающій изъ Кіева и нагруженный товаромъ, обломится, съ одной стороны по Золотые ворота, а съ другой по рѣку Почайну, то брать его на воеводу, потому что купцы нарочно нагружаютъ тяжело возы свои, чтобъ было ихъ меньше, и слѣдовательно чтобъ меньше платить пошлнны. Лучники, кузнецы и сапожники должны давать воеводѣ луки, топоры и сапоги на Свѣтлое Воскресенье и на Рождество Христово. — Изъ этой грамоты объясняется для насъ должность осмника, которая, по всѣмъ вѣроятностямъ, была таже самая и въ старину, ибо осмникъ упоминается и въ Русской Правдѣ и въ лѣтописи между событіями XII вѣка; объясняется и пошлина осмничее, которую уже мы встрѣчали въ сѣверовосточной Руси ²⁸⁰. — Не смотря на то, что еще въ уставной грамотѣ 1494 года Кіевскіе мѣщане были освобождены отъ подъема пословъ Московскихъ и Волошскихъ, въ 1503 году они подали великому князю Александру жалобу, что пословъ и гонцовъ Московскихъ, Волошскихъ, Турецкихъ, Перекопскихъ, Заволожскихъ и другихъ ордынскихъ поднимаютъ, подводы подъ нихъ даютъ, коней и казну посольскую стерегутъ, въ Орду съ великокняжескими послами ходятъ, подъ воеводскихъ гонцовъ подводы даютъ; также отъ тиуновъ Кіевскихъ терпятъ великія притѣсненія; жаловались, что въ Кіевѣ живутъ епископскіе, митрополничьи, воеводскіе, архимандричьи, княжескіе, панскіе, землянскіе, милославчане и другіе прихожіе люди, также разные ремесленники, перекупщики, рыболовы, въ Кіевѣ и поселяне торгуютъ, а службъ городскихъ съ мѣщанами не служатъ и податей не платятъ. Въ слѣдствіе этой жалобы великій князь писалъ къ Кіевскому воеводѣ, чтобъ мѣщане были освобождены отъ посольскаго подъема и вынуты изъ тиунскихъ рукъ; также чтобъ пришлые люди участвовали во всѣхъ городскихъ повинностяхъ: въ противномъ случаѣ мѣщане могутъ ихъ грабить ²⁸¹.

Въ 1498 году Полоцкъ получилъ Магдебургское право съ опредѣленіемъ войтовскихъ доходовъ, а именно третьяго пе-

нязя отъ всѣхъ судныхъ пошлинъ, половины мясныхъ лавокъ, отдачи въ вѣдомство войта винныхъ промышленниковъ и торговцевъ; съ освобожденіемъ мѣщанъ отъ подводъ, сторожъ, отъ мыта по всему княжеству Литовскому; съ правомъ построить всенародныя бани и ратушу; въ городѣ должно быть всегда двадцать радцевъ, которыхъ избираетъ войтъ, половину закона римскаго и половину греческаго; эти радцы вмѣстѣ съ войтомъ ежегодно выбираютъ двухъ бурмистровъ, одного закону римскаго, а другаго греческаго; бурмистры вмѣстѣ съ войтомъ управляютъ общиною; переносъ дѣлъ отъ бурмистровъ и радцевъ допускается къ войту, но отъ войта переносъ дѣла можетъ быть только къ Великому Князю; войтъ можетъ рѣшить дѣло безъ бурмистровъ и радцевъ, но бурмистры и радцы безъ войта или лентъ-войта не могутъ ничего рѣшить. Полоцкъ обязанъ платить ежегодно 400 копъ грошей въ казну великокняжескую²²². И въ Полоцкѣ, какъ въ Кіевѣ, послѣ полученія Магдебургскаго права, не обошлось безъ столкновенія между властію войта и властію намѣстника королевскаго, такъ что въ 1499 году Великій Князь Александръ долженъ былъ особою грамотою точнѣе опредѣлить отношенія этихъ властей: по этой грамотѣ тяжбы о землѣ между бояриномъ, мѣщаниномъ или путникомъ, судить намѣстникъ съ старшими боярами Полоцкими, по старому обычаю; въ случаѣ спора о границахъ земельныхъ, долженъ ѣхать намѣстникъ или бояръ послать; если пріѣдутъ послы изъ Новгорода, Пскова, изъ Лукъ Великихъ или отъ Нѣмцевъ Ливонскихъ для рѣшенія обидныхъ дѣлъ земскихъ, то намѣстникъ съ старшими боярами, призвавши къ себѣ войта и старшихъ мѣщанъ (если дѣло будетъ касаться города), пословъ принимаетъ и отправляетъ, какъ было въ старину. Бояре имѣютъ право спускать въ Ригу по Двинѣ собственное жито, крупу, золу и смолу, не перекупая ни у кого; золу и смолу они должны добывать въ своихъ пущахъ, а не въ великокняжескихъ и не въ городскихъ. Если мѣщанину или путнику будетъ дѣло до боярина или до его человѣка, то судить намѣстникъ

въ городѣ съ боярами, городскимъ правомъ, а войтъ и мѣщане должны быть при судѣ; если же боярину или великокняжескому челоуѣку или боярскому челоуѣку будетъ дѣло до мѣщанина или до путниковъ, кромѣ споровъ о землѣ, то судить войтъ въ ратушѣ правомъ Нѣмецкимъ, а намѣстникъ съ великокняжескимъ челоуѣкомъ посылаетъ судью: если великокняжескій или боярскій челоуѣкъ будетъ виновать, то пеня съ него идетъ его господарю. Люди боярскіе, живущіе въ городѣ и на посадѣ (на мѣстѣ) на своихъ земляхъ и занимающіеся торговлею, должны вмѣстѣ съ мѣщанами платить всѣ подати, но войтъ и мѣщане не должны ихъ судить и въ право Нѣмецкое писать; также войтъ и мѣщане не должны принимать къ себѣ крѣпостныхъ людей боярскихъ и судить ихъ Нѣмецкимъ правомъ: судить ихъ намѣстникъ городскимъ правомъ. — Въ слѣдующемъ году Александръ почелъ за нужное исключить изъ Магдебургскаго права сельскихъ путниковъ и отдать ихъ въ вѣдѣніе намѣстника, потому что уменьшеніе числа пригонныхъ людей оказалось вреднымъ для Полоцкаго замка; но тутъ же было подтверждено, что люди, принадлежавшіе духовенству и боярамъ, также ремесленники, и люди заложившіеся за намѣстника, духовныхъ лицъ и бояръ, принадлежать къ Магдебургскому праву.

Въ 1499 году получилъ и Минскъ Магдебургское право съ обязанностію платить ежегодно въ казну великокняжескую по шестидесяти копѣ грошей; сравнивъ эту сумму съ суммою, платимою Полоцкомъ (400 копѣ), увидимъ всю разницу въ богатствѣ двухъ городовъ. — Въ 1503 году князя, бояре и слуги, войтъ и мѣщане и земля Витепская били челоуѣ великому князю Александру и объявили ему, что приходили злодѣи изъ Великаго Новгорода, покрали у нихъ церковь Богородицы, и вмѣстѣ съ другими вещами украли и жалованную грамоту (привилей), полученную ими отъ короля Казимира. Александръ далъ имъ новую жалованную грамоту, подобную прежней: по ней Александръ обязался не вступаться въ домы церковные, купли, безадцины и отмиръцины Витепскія; жень

силою за мужъ не выдавать; въ духовныя завѣщанія не вступаться; на подводы коней у городскихъ людей и у сельскихъ путниковъ не брать; холопу и рабѣ не вѣрять; судовъ предковъ своихъ не посуживать; безъ изслѣдованія дѣла Видблянина не казнить; своихъ судныхъ приговоровъ не перемѣнять; казнить по винѣ; челобитья у Видблянъ принимать, не сажая ихъ черезъ поруку въ желѣза и не подвергая ихъ никакой мукѣ; отчипъ у нихъ не отнимать, въ села купленные и поля не вступаться; заочному обвиненію не вѣрять; кто станетъ на нихъ доносить, того имя объявить, а въ заставу нигдѣ Видблянъ не сажать; на войну быть всѣмъ Видблянамъ готовыми; по волости Витепской воеводѣ великокняжескому не ѣздить; поѣдетъ на охоту, то его по станамъ не дарить; сябровъ городскихъ въ пригонъ великокняжескій не гнать, ни въ подводы, ни на охоту; въ вѣсы Витепскіе и локоть великому князю не вступаться, а кто провинится на вѣсахъ или на локтѣ, того Видблянамъ самимъ казнить по своему праву; у кого изъ Видблянъ забракують (загудятъ) воскъ въ Ригѣ, и пріѣдетъ онъ въ Витепскъ, то Видблянамъ самимъ казнить виноватаго; великому князю Видблянъ не дарить никому; они освобождаются отъ мыта по всѣмъ владѣніямъ Литовскимъ; воеводу давать имъ по старинѣ, по ихъ волѣ: который воевода будетъ имъ нелюбъ, и обвинять они его передъ великимъ княземъ, то послѣдній даетъ имъ другаго воеводу по ихъ волѣ; въ первый день пріѣзда своего въ Витепскъ, воевода цѣлуетъ крестъ Видблянамъ, что безъ суда не будетъ казнить ихъ ни за что по наговорамъ. Видбляне живутъ въ Витепскѣ добровольно, пока хотятъ, а кто не захочетъ, того силою не удерживать, путь ему чистъ куда хочетъ; поѣдетъ прочь въ великокняжескую отчину, въ Литву не тайно, св. Благовѣщенью челомъ ударивши, объявившись воеводѣ и своимъ братьямъ, мужамъ Видблянамъ, будучи воленъ во всемъ своемъ имуществѣ: можетъ продать его или отказать; если Видблянинъ, пріѣхавши въ Литву къ великому князю, пожалуется на Видблянина, то великій князь безъ истца дѣцкаго изъ Литвы на обвиненнаго

не шлетъ, хотя бы дѣло шло о смертномъ убійствѣ, но даетъ жалобщику листъ къ воеводѣ, который судить по крестному цѣлованію, разсмотрѣвши дѣло съ князьями, боярами и мѣщанами, а осудивши, казнить въ Витепскѣ, по тамошнему праву. Великій князь не отнимаетъ выслуженнаго имущества у князей, бояръ, слугъ и мѣщанъ; мѣстичей Витепскихъ изъ города не выводитъ вонъ. Кто изъ Литовцевъ или Поляковъ былъ крещенъ въ Витепскѣ въ Русскую вѣру, и оставилъ потомковъ, тѣхъ не трогать, права ихъ христіанскаго ни въ чемъ не нарушать. — Сравнивши эту грамоту съ грамотами Новгородскими, увидимъ общія черты быта городовъ старой Руси. — При Александрѣ же получили Магдебургское право Волковыжскъ, Высокій, Бѣльскъ въ землѣ Дрогичинской; войтовство въ послѣднемъ городѣ отдано было въ потомственное владѣніе Данцигскому мѣщанину Гоппену.

Въ 1500 году по просьбѣ старосты Смоленскаго и всѣхъ мѣщанъ, Александръ освободилъ ихъ отъ мыта на пятнадцать лѣтъ; а въ 1502 освободилъ ихъ на шесть лѣтъ отъ серебряницы, ордынщины и другихъ податей въ слѣдствіе раззоренія мѣщанъ отъ гарнизона; встрѣчаемъ разныя льготныя грамоты, данныя и другимъ городамъ. Мы видѣли, какъ Псковичи рѣдко уживались съ намѣстниками великаго князя Московскаго; видимъ и жалобы западныхъ Русскихъ городовъ, имѣвшихъ формы быта подобныя Псковскимъ, на намѣстниковъ и другихъ урядниковъ великаго князя Литовскаго: такъ жители Витепска жаловались на своего намѣстника, что когда кто-нибудь изъ нихъ, купивши медь пресный, жито и рыбу, привезетъ въ Витепскъ въ свой домъ, то слуги намѣстничьи, отбивая замки, силою берутъ эти товары на намѣстника, и денегъ за нихъ не даютъ, а которые хозяева брать не позволяютъ, тѣмъ намѣстникъ запрещаетъ продавать эти товары на мѣстѣ и такимъ образомъ раззоряетъ ихъ; отъ каждаго струга, отправляющагося въ Ригу, беретъ по десяти грошей; когда шлетъ свою золу въ Ригу и велитъ тамъ мѣнять ее на соль, то на каждый мѣщанскій стругъ накладываетъ по мѣху своей соли, а

кто изъ мѣщанъ не захочетъ брать этой соли; съ того беретъ по десяти рублей грошей. Издавна мостили мостовую — каждый человекъ передъ своимъ дворомъ съ пяти топорницъ: такъ хотя бы мостовая была и нова, слуги намѣстничьи, ходя ночью, вздираютъ мостницы, и за то съ каждого двора берутъ по грощу. Колоду новую намѣстникъ устроилъ, и слуги его за малыя вины сажаютъ жителей въ эту колоду, а на поруки не отпускаютъ. Мѣщане содержатъ стражу въ городѣ: слуги намѣстничьи заставляютъ этихъ сторожей вмѣсто крѣпости сторожить свои дома. Намѣстникъ Полоцкій, Станиславъ Глѣбовичъ сталъ нарушать Магдебургское право, данное Полочанамъ на томъ основаніи, что при этомъ правѣ ему нечѣмъ поживиться: присуды съ мѣщанъ всѣ отошли; великій князь запретилъ ему нарушать Магдебургское право, но далъ ему, для поживы, сельскихъ путниковъ въ городской присудѣ²⁸².

Относительно внѣшняго вида Русскіе города вообще (кромя столицы Москвы) не измѣнились; встрѣчаемъ извѣстія о постройкѣ деревянныхъ и каменныхъ укрѣпленій; деревянные города или крѣпости получили Владимиръ, Великія Луки; мы упоминали уже о построеніи каменной крѣпости Иванъ-города на Ливонской границѣ; Новгородъ послѣ паденія своего стараго быта не потерялъ важнаго значенія для Московскаго правительства, оставался вторымъ городомъ въ государствѣ, и въ 1491 году былъ построенъ въ немъ каменный дѣтищецъ. Для Псковичей опасность со стороны Ливонскихъ Нѣмцевъ не прекратилась, потому не прекратились и старанія ихъ укрѣплять границы постройкою новыхъ городковъ и укрѣплять самый Псковъ постройкою новыхъ стѣнъ, возобновленіемъ, расширеніемъ старыхъ. Въ 1462 году они заложили на спорномъ мѣстѣ надъ Великимъ озеромъ Новый Городецъ, въ томъ же году и окончили его; строили мастера Псковскіе съ волостными людьми (волошанами) и взяли за труды 90 рублей; въ томъ же году заложили другой городъ Володимерецъ. Значительнѣе была постройка укрѣпленій въ самомъ Псковѣ: такъ въ 1465 году 80 человекъ наймитовъ начали строить укрѣпленія въ Кромномъ

городѣ и строили три года за 175 рублей; подъ 1473 годомъ встрѣчаемъ извѣстiе, что Псковичи «около буя св. Николы, въ Опочковскомъ концѣ, камнемъ одѣлавъ и врата каменные изрядить, садомъ яблонями посадили». Благодаря дошедшей до насъ Переписной окладной книгѣ, мы можемъ имѣть довольно ясное понятiе о состоянiи двухъ городовъ—Орѣшка и Корелы, и по нимъ судить о другихъ. Въ Орѣшкѣ видимъ двory на посадѣ лучшихъ людей своеземцевъ, гдѣ они живутъ сами; двory городскихъ людей лучшихъ; двory молодыхъ людей городчанъ: всѣхъ дворовъ внутри города и на посадѣ своеземцевыхъ и городчанъ лучшихъ людей и молодыхъ, тяглыхъ — 139, людей въ нихъ 189 тяглыхъ; великокняжескаго оброка положено на нихъ 8 рублей денегъ; потомъ перечисляются на посадѣ и внутри города двory своеземцевы, въ которыхъ живутъ дворники: такихъ дворовъ 17, а дворниковъ въ нихъ 18 человекъ, живутъ дворники съ горожанами; далѣе перечисляются двory великокняжескіе поземные; двory не тяглые, гдѣ живутъ священники, дьяки и сторожа церковные; двory, гдѣ живутъ великаго князя холопы — пищальники и воротники; наконецъ двory пустыя. Въ Корелѣ на посадѣ дворовъ своеземцевыхъ, и рядовыхъ людей, и рыболовныхъ лучшихъ и молодыхъ тяглыхъ — 188 дворовъ, а людей въ нихъ 232 человекъ; оброка на нихъ положено 10½, рублей; потомъ перечисляются двory людей боярскихъ и служилыхъ людей помѣщиковъ, духовенства, пищальниковъ, воротниковъ. Относительно мѣръ общественной безопасности встрѣчаемъ подъ 1494 годомъ извѣстiе объ усуровленіи въ Москвѣ по улицамъ рѣшетокъ. Въ Псковской летописи подъ 1487 годомъ встрѣчаемъ слѣдующее любопытное извѣстiе: «Бысть въ Псковѣ градъ великъ надъ градомъ, какъ ядовое яблоко, изъ тучи молніи блистанія, а взялись тучи съ озера; да на Крому костеръ загорѣлся, противъ Лубанскаго выхода, что снѣдъ блюли собакамъ на ядъ». Можно подумать, что собаки содержались отъ города для общественной безопасности?»

Сохраненіе Русскихъ городами прежняго вида должно было
Исторія Россіи Т. V.

вести по прежнему къ частымъ и опустошительнымъ пожарамъ. Въ 1468 году погорѣли въ Москвѣ на посадь восемь улицъ, Кремль уцѣлѣлъ, хотя и тяжко было внутри его; но черезъ годъ погорѣлъ весь Кремль, остались цѣлы только четыре двора. Черезъ годъ послѣ этого погорѣлъ посадь, пожаръ начался въ третей часу ночи, и длился на другой день до обѣда, однихъ церквей сгорѣло 25; самъ великій князь ѣздилъ съ дѣтьми боярскими, гася и разметывая. Въ слѣдующемъ году погорѣлъ весь Кремль, едва отстояли большой дворъ великокняжескій, но митрополичій дворъ сгорѣлъ; въ Сентябрь 1475 года погорѣлъ въ Москвѣ посадь, въ Октябрь Кремль: загорѣлось въ четвертый часъ дня; великій князь самъ прѣѣхалъ со множествомъ людей, погасилъ пожаръ и потѣхалъ къ себѣ на дворъ обѣдать, какъ вдругъ въ половину стола пожаръ вспыхнулъ снова и сгорѣлъ чуть не весь городъ: едва уняли огонь въ третей часу ночи; самъ великій князь являлся всюду, гдѣ было нужно со многими людьми; въ 1488 году сгорѣло 42 церкви на посадь; въ 1493 весною погорѣлъ весь Кремль, а лѣтомъ 28 Юля былъ страшный пожаръ и въ Кремль и на посадь, сгорѣло болѣе 200 чело-вѣкъ: «лѣтописецъ и старые люди сказываютъ, какъ Москва стала, такого пожара въ ней не бывало», записано въ дошедшей до насъ лѣтописи; потомъ упоминается о большомъ пожарѣ въ 1500 году. Мы не упоминаемъ о иже значительныхъ пожарахъ въ Москвѣ. Въ 1472 1482 и годахъ были большіе пожары въ Новгородѣ; въ 1491 году погорѣлъ Владимиръ весь, и крѣпость и посады, а въ томъ же году сгорѣло въ Угличѣ болѣе 500 дворовъ съ 15-ю церквями; въ 1493 погорѣли Кострома и Рязань²⁰⁵. Псковской лѣтописецъ упоминаетъ объ осьми большихъ пожарахъ въ своемъ городѣ, и одинъ только разъ говоритъ о причинѣ пожара: поджогъ Чухонецъ, подосланный Нѣмцами. Въ 1471 году былъ сильный пожаръ въ Вильнѣ: сгорѣло 400 дворовъ, король Казимиръ со всѣми дворами и казною выбѣжалъ въ поле, но Русскій конецъ и Русскія церкви остались цѣлы²⁰⁶.

Относительно сельскаго народонаселенія видимъ, что прави-

таестве заботится о строгомъ соблюденіи срока для перехода сельчанъ, именно Юрьева дня осенняго: крестьянъ, оставившихъ земли ранѣе этого срока, переселяютъ назадъ на прежнія жилища²⁸⁷. Въ договорной грамотѣ между Рязанскими князьями переходъ сельчанъ подтверждается вѣстѣ съ переходомъ дружины, чего не встрѣчаемъ въ другихъ грамотахъ²⁸⁸. Въ статьѣ Судебника Иоаннова: «О крестьянскомъ отказѣ» говорится: «Крестьянамъ отказываться изъ волости, изъ села въ село, одинъ срокъ въ году, за недѣлю до Юрьева дня осенняго и недѣлю послѣ Юрьева дня осенняго. За пожилые дворы платить — въ поляхъ за дворъ рубль, въ лѣсахъ полтина. Если крестьянинъ поживетъ за кѣмъ годъ и пойдетъ прочь, то платить четверть двора; за два года платить полдвора; за три года три четверти; за четыре — весь дворъ. По прежнему даются льготы земледѣльцамъ, населявшимъ пустыя земли; земледѣльцамъ, населившимъ свои пустыя земли, дается право суда надъ поселившимися у нихъ людьми, включая обыкновенно суда уголовнаго, сами же земледѣльцы подчиняются только суду князя или боярина введеннаго²⁸⁹. Изъ Переписной окладной книги Воеской патины можно получить понятіе о размѣщеніи сельского народонаселенія и его отношеній къ земледѣльцамъ. Село и селенъ съ народонаселеніемъ отъ 15 до 120 душъ встрѣчается очень мало; деревень съ народонаселеніемъ отъ 7 до 15 и свыше душъ также очень мало; обыкновенно деревни состоятъ изъ 1, 2, 3, 4 дворовъ съ 1, 2, 3, 4-мя душами. Какъ мы видѣли уже, при каждомъ селеніи послѣ перечисленія крестьянъ въ Переписной книгѣ показывается, что съ нихъ идетъ земледѣльцу и его ключнику, напр. деревня Вахоницы, Микужа Семеновъ, сынъ его Иванко, ездютъ ржи четыре коробы, а сѣна косятъ двадцать копень; обжа; доходу гривна и десять денегъ, а хлѣба треть, а ключнику двѣ лопатки бараній; четверка ржи, четверка овса, четверка ячменя, денга, овчина; сарь, горсть льну». Сельское народонаселеніе раздѣлялось на крестьянъ и поземщиковъ: крестьянами назывались занимавшиеся земледѣліемъ, а поземщиками занимавшіеся другими про-

мыслими — рыболовствомъ, звѣроловствомъ и т. д. Селенія, состоявшія изъ людей незанимавшихся хлѣбопашествомъ, назывались рядками. Отноительно происхожденія холопей находимъ статью въ Судебникѣ Іоанновомъ, которая повторяетъ положеніе Русской Правды съ нѣкоторыми впрочемъ распространеніями: «По полной грамотѣ холопъ, по тиунству и по ключу сельскому холопъ, съ докладомъ и безъ доклада, съ женою и дѣтьми, которые у одного господина; которые же дѣти живутъ за другимъ господиномъ или живутъ сами по себѣ, тѣ не холопы; по городскому ключу не холопъ; по рабѣ холопъ, по холопѣ раба, по приданой записи холопъ, по духовной холопъ. Если холопа полонить рать татарская, и онъ выбѣжитъ изъ плѣна, то свободенъ, и старому господину не холопъ».

Отноительно быта сельскаго народонаселенія въ областяхъ Литовскихъ видимъ, что нѣкоторыя волости освобождались отъ зависимости городского начальства: такъ въ 1497 году великій князь Александръ писалъ въ Торопецъ, чтобъ дань и тиунщина въ Старцевой волости собирались волостнымъ старцемъ, чтобъ намѣстникъ Торопецкій за данью и тиунщиною въ эту волость не вѣзжалъ, не судилъ тамъ и не радилъ: судить и рядить волощанъ старецъ ихъ или вѣзжій великокняжескій, который выѣдетъ къ нимъ за данью или за какииъ-нибудь другимъ дѣломъ. Въ Литовскихъ владѣніяхъ встрѣчаешь пожалованія людьми: такъ великій князь Казимиръ пожаловалъ князя Ивана Глинскаго въ Стародубскомъ повѣтѣ четырьмя человекими съ ихъ землями пашенными и бортными, сѣнокосами, рѣками, бобровыми гонами: воленъ князь Иванъ этихъ людей съ ихъ землями продать, подарить, промѣнять и вообще распорядиться, какъ почтетъ для себя полезнѣе. Видимъ и переходъ вольныхъ сельчанъ: въ грамотѣ Александра тому же князю Глинскому на владѣніе сельцомъ Смолинымъ сказано: на этомъ сельцѣ князь Александръ посадилъ людей вольныхъ прихожихъ; такъ если они не захотятъ служить ему, князю Ивану, то онъ обязанъ отпустить ихъ добровольно со всѣмъ ихъ имѣніемъ. Отноительно перехода крестьянъ въ

Бѣльзской области грамотою великаго князя Александра была узаконена важная мѣра: было опредѣлено, сколько дней крестьянинъ обязанъ былъ работать за извѣстный участокъ земли; опредѣлено, сколько отходящій крестьянинъ обязанъ заплатить землевладѣльцу, и прибавлено: «Если бы кто-нибудь изъ землевладѣльцевъ (землянъ), съ цѣлю посадить на своей землѣ большее число крестьянъ (кметей), захотѣлъ установить въ своей землѣ легчайшія работы и дани, къ общему вреду землевладѣльцевъ, таковой за нарушеніе великокняжескаго устава, платитъ сто копъ грошей». Видимъ, что къ дворамъ великокняжескимъ принадлежала невольная челядь, и великіе князья отдають эти дворы въ хлѣбокормленіе вмѣстѣ съ челядью невольною, житою, конями, животиною, людьми путными и тяглыми, съ конюхами, рыболовами, землями пашенными и проч. ²⁸⁰).

Если мѣры, предпринимавшіяся правительствомъ для умноженія народонаселенія сѣверовосточной Руси и въ княженіе Іоанна III-го были тѣ же самыя, что и прежде, то относительно препятствій къ этому умноженію, относительно бѣдствій политическихъ и физическихъ должно замѣтить, что для областей, доставшихся Іоанну въ наслѣдство отъ отца, его правленіе было самымъ спокойнымъ, самымъ счастливымъ временемъ: татарскія нападенія касались только границъ; но этихъ нападеній было очень немного, вредъ, ими причиненный, очень незначителенъ; возстаніе братьевъ великокняжескихъ только напугало народъ; остальные войны были наступательныя со стороны Москвы: врагъ не показывался въ предѣлахъ постоянно торжествующаго государства. Новгородъ и его область потерпѣли много отъ двукратныхъ походовъ Іоанновыхъ, отъ мора, бывшаго слѣдствіемъ осады, отъ страшнаго мора въ 1467 году, когда въ одномъ Новгородѣ умерло болѣе 48,000 человекъ, а во всѣхъ пятинахъ слишкомъ 250,000 человекъ. Тверская область до присоединенія страдала нѣкоторое время отъ обидъ Московскихъ, Рязанская была спокойна; Пскову по прежнему вредили опустошительныя войны съ Нѣмцами.

О физических бѣдствіяхъ — голодѣ и морѣ, въ собственно Московскихъ областяхъ, лѣтописцы упоминаютъ два раза — подѣ 1463 и 1464 годовъ; въ Псковѣ свирѣпствовала желѣза въ продолженіе двухъ лѣтъ, 1465 и 1466, и потомъ въ 1487 году; здѣсь же видимъ и дурной урожай въ 1485 году.

Отъ временъ Іоанна III дошли до насъ новыя извѣстія, новыя подробности о торговлѣ Русской; узнаемъ, что изъ Москвы, по рѣкамъ Москвѣ, Окѣ и Волгѣ ежегодно отправлялись суда въ Астрахань за солью; что купцы изъ Московскихъ областей, именно изъ Москвы, Новгорода, Коломны, Можайска, Твери, торговали въ Кафѣ и Царьградѣ, въ Азовѣ, Тобѣтѣ, и ѣздили оттуда за товарами чрезъ Литовскія владѣнія, потому что прямой путь степью былъ опасенъ и труденъ²⁹¹); товары, вывозимые Русскими купцами изъ Кафы, были: шелкъ, шелковыя и шерстяныя матеріи, шелковая тесьма, цѣпиринки кисейныя, бумага хлончатая, кушаки, сафьянъ, сабди, сагадаки, гребни, ожерелья, дорогіе камни, губки, ковры, жемчугъ, лапашъ, мыло, грецкіе орѣхи чиненые, вибирь, перецъ, миндаль, ревенъ, шафранъ, мускусъ, канфора, праски. Потомъ купцы изъ Московскихъ областей ѣздили въ Литовскія, торговали въ Кіевѣ, Полоцкѣ, Вильнѣ, Путивлѣ и другихъ мѣстахъ, привозили сюда мѣха бѣличья, лисья, бобръвые, горностаевыя, рысьи, выдровыя, воскъ, медъ, шелковыя матеріи, шубы, однорядки, кожухи, шапки, колпаки, шапки, однорядки новгородскія, свиты новгородскія, овчины, шалыя овчинки, щиты, бубны сокольи, москательные товары. Русскіе купцы ѣздили въ Казань, Казанскіе въ Москву; изъ Кафы пріѣзжали въ Москву Армяне; изъ Орды Волжской по прежнему приходили купцы вѣсть съ послани: однажды пріѣхало 3200 купцовъ, которые привели на продажу 40000 лошадей. По свидѣтельству Контарини, въ Москву, во время зимы, съѣзжалось множество купцовъ изъ Германіи и Польши, для покупки разныхъ мѣховъ, собомей, волковъ, гарностаевъ, бѣлокъ и рысей. И Русскіе купцы ѣздили въ Крымъ человѣкъ по 120 омѣрк прислуги, возили товару иногда

тысячъ на шестнадцать, иногда двое купцовъ торговали въ складчину, у обоихъ товаръ за одинъ былъ, и потому назывались складняками; видимъ, что слово гость вовсе не означало именно купца, торгующаго съ иностранными государствами, но просто значительнѣйшаго, богатѣйшаго купца, ибо въ числѣ заграничныхъ торговцевъ находимъ и купцовъ: такъ Іоаннъ III-й, запрещая торговцамъ ходить въ Азовъ однимъ безъ посла, пишетъ: «Гостямъ и купцамъ нашимъ». Относительно торговли Псковской съ Нѣвцами узнаемъ, что послѣдніе въ мирныхъ договорахъ обязывались не пускать въ Псковъ пива и меду.

Для развитія внѣшней восточной торговли въ княженіе Іоанна III важно было то, что Казань долгое время находилась въ подчиненіи Москвѣ; это обстоятельство было тѣмъ болѣе важно, что съ остатками Волжской Орды, съ сыновьями Ахматовыми была постоянная вражда; окончательное подчиненіе Перми, разумѣется, облегчило Московскимъ купцамъ торговлю съ странами приуральскими. Дружба съ Крымскимъ ханомъ и начавшіяся при его посредствѣ сношенія съ Турціею освобождали, хотя не всегда, Московскихъ купцовъ отъ притѣсненій во владѣніяхъ Султана; но мы видѣли, что удобный доступъ въ эти владѣнія зависѣлъ отъ того, въ какихъ отношеніяхъ находилась Москва къ Литвѣ, ибо прямая дорога изъ Московскихъ владѣній въ Азовъ и Кафу, черезъ степь, была крайне опасна по причинѣ разбоевъ, производившихся такъ называемыми Азовскими казаками, которые разбивали пословъ и шедшихъ съ ними купцовъ. Безопаснѣе былъ путь чрезъ Литовскія владѣнія; но и здѣсь, какъ мы видѣли уже, Московскіе купцы подвергались частымъ притѣсненіямъ въ княженіе Казимира: мытники, которые были обыкновенно жиды, увеличивали мыты вопреки договорамъ; мыты брались въ Кіевѣ, Чернобылѣ, Черниговѣ, Смоленскѣ, Дорогобужѣ, Вязьмѣ, Гомѣ, Колодничихѣ, Вильнѣ, Новгородѣ Сѣверскомъ, Радогощѣ, Трубчевскѣ, Брянскѣ, Минскѣ, Полоцкѣ, Люблинѣ. Іоаннъ посылалъ жаловаться Казимиру, что прежде брали въ

Вязьмѣ по грошу съ воза, а потомъ стали брать по деньгѣ; въ Волочкѣ Вяземскомъ прежде брали съ судна товарнаго по два гроша, а потомъ стали брать по три; въ Смоленскѣ прежде брали одинъ разъ тридцатое съ гостей, которые ѣхали въ въ Кіевъ и возвращались назадъ въ Москву, а потомъ стали брать два раза; прежде въ Смоленскѣ давали радничему съ товарнаго человѣка по грошу, да старостѣ по грошу, а потомъ прибавили, и съ прислуги (робятъ людскихъ) стали брать по грошу, притомъ одинъ ли кто прїѣдетъ, самъ ли десять прїѣдетъ, берутъ на радничаго по гривенкѣ перцу и столько же на старосту; въ Колодничихъ и Вильнѣ не брали прежде ничего, а потомъ стали брать. Прїѣхавши въ городъ, купцы обязаны были относить подарки воеводѣ и женѣ его. Кроме того мытники и владѣльцы, чрезъ земли которыхъ купцы проѣзжали, грабили у нихъ товары²⁹³). Наконецъ купцы терпѣли отъ разбоевъ. При наследникѣ Казимира, Александрѣ, въ то время, какъ онъ не находился въ войнѣ съ тестемъ, встрѣчаемъ мало жалобъ на притѣсненія Московскихъ купцовъ въ Литвѣ; узнаемъ, что въ это время изъ Литвы запрещено было тамошнимъ правительствомъ вывозить серебро, а великій князь Московской запретилъ ввозить въ свои владѣнія соль изъ Литвы; отъ Нѣмцевъ же въ Новгородъ шла не только соль, но и медъ.

При отсутствіи усобиць, при кратковременной распрѣ Москвы съ Тверью и Новгородомъ, послѣ чего оба эти города съ ихъ областями присоединены были къ Москвѣ, внутренняя торговля при Іоаннѣ III должна была развиваться сильнѣе, чѣмъ когда-либо прежде; встрѣчаемъ извѣстія о торгахъ или ярмаркахъ; такъ въ 1491 году великій князь перевелъ торгъ отъ Троицкаго монастыря въ городокъ Радонежъ; въ духовномъ завѣщаніи своемъ Іоаннъ III говоритъ: «Что я свелъ торгъ съ Холопья городка на Мологу, на тотъ торгъ пусть съвзжаются торговать, какъ было при мнѣ; сынъ мой Димитрій беретъ пошлины, какъ было при мнѣ, а лишнихъ пошлинъ не прибавляетъ; сынъ же мой Василій и другіе дѣти этого торгова

свои земли не сводять, и не запрещаютъ въ своихъ земляхъ на него ѣздить». О внутренней торговлѣ встрѣчаемъ любопытное извѣстіе въ житіи св. Данила Переяславскаго, гдѣ говорится, что однажды Святому случилось увидать на рѣкѣ Трубежѣ большое судно, привязанное волосяннымъ канатомъ къ берегу съ товарами Тверскихъ купцовъ. По свидѣтельству Юсафата Барбаро, въ Москвѣ было такое изобиліе въ хлѣбѣ и мясѣ, что говядину продавали не на вѣсъ, а по глазомѣру. За одинъ маркъ (marchetto) можно было получить четыре фунта мяса, семьдесятъ куръ стояли червонецъ, гусь не болѣе трехъ марокъ. Зимой привозили въ Москву такое множество быковъ, свиней и другихъ животныхъ, совсѣмъ уже ободранныхъ и замороженныхъ, что за одинъ разъ можно было купить до двухъ сотъ штукъ. Жители, для поѣздокъ своихъ, особенно продолжительныхъ, избирали преимущественно зимнее время; лѣтомъ же никто не отваживался въ дальній путь, по причинѣ большой грязи и множества мошекъ, порождаемыхъ окрестными лѣсами, почти вовсе необитаемыми.

По грамотѣ великаго князя Александра Литовскаго въ Полоцкѣ были учреждены три двухдневныя ярмарки въ году, во время которыхъ Рижскіе и другіе иностранные купцы могли покупать товары, какъ хотѣли; но въ обыкновенное время, кромѣ ярмарочнаго, иностранные купцы могли покупать товары только въ большомъ количествѣ, наприм. воскъ штуками не менѣе полуберковца, мѣха сороками; не имѣли права покупать эти товары ни въ лѣсахъ, ни въ борахъ, ни въ селахъ, а только въ Полоцкѣ; продавать свои товары иностранные купцы опять могли только въ большомъ количествѣ. Изъ этой грамоты Александровой мы узнаемъ, что отпускная торговля Полоцка, состояла въ воскѣ, мѣхахъ, золѣ и смолѣ, а привозная въ сукнахъ, соли, пряныхъ кореньяхъ, миндаля, топорахъ, пилахъ, желѣзѣ, оловѣ, мѣди, цынкѣ, винѣ и пивѣ; по тойже грамотѣ Рижскіе купцы могли торговать только въ Полоцкѣ, и не смѣли ѣздить ни въ Витепскъ, ни въ Смоленскъ; изъ другой грамоты Александровой узнаемъ, что бояре По-

лоцкіе отпускали въ Ригу хлѣбъ, крупу, золу и смолу. — Въ 1503 году великій князь Александръ по челобитью войта, бурмистровъ, радцевъ и всѣхъ мѣщанъ Виленскихъ, позволилъ имъ построить у себя гостинный домъ, въ которомъ должны останавливаться гости — Москвичи, Новгородцы, Псковичи, Тверичи и другіе иноземные купцы, объявивъ о себѣ намѣстнику воеводу, потому что прежде гости останавливались въ мѣщанскихъ домахъ, безъ вѣсти пріѣзжали, безъ вѣсти и уѣзжали, такъ что между ними легко могли быть лазутчики и другіе лихіе люди. Въ Кіевъ, по свидѣтельству Контарини, съѣзжалось множество купцовъ изъ Великой Россіи съ различными мѣхами, которые они отправляли въ Кафу съ караванами ²⁹³.

Благодаря торговлѣ, Новгородъ Великій былъ самымъ богатымъ, самымъ обширнымъ и самымъ великолѣпнымъ городомъ въ сѣверовосточной Руси; Владимиръ, украшенный Боголюбскимъ и Всеволодомъ III-мъ, былъ разоренъ Татарами и послѣ не поднимался, переставъ быть мѣстопребываніемъ великокняжескимъ; Москва начала усиливаться не въ такое время, когда можно было думать объ ея украшеніи, и потому до временъ Іоанна III-го представляла очепь бѣдный видъ. Но теперь обстоятельства переменялись: Москва сдѣлалась столицей обширнаго государства, средства великаго князя увеличились, и главное — онъ получилъ возможность въ тишинѣ, безпрепятственно употреблять эти средства для украшенія своего столярнаго города. При вступленіи на престолъ Іоанна въ кремль, въ Вознесенскомъ монастырѣ, гдѣ хоронились великія княгини, видѣлась недостроенная церковь: два раза двѣ великія княгини принимались ея строить — жена Донскаго, Евдокія, и жена сына его, Василія, Софья Витовтовна, но верхъ еще не былъ сведенъ; послѣ многихъ пожаровъ каменъ обгорѣлъ, своды повредились; мать Іоанна, великая княгиня Марія захотѣла окончить начатое предшественницами своими зданіе, долженствовавшее служить для нея также мѣстомъ погребенія, и поручила дѣло мастеру Василью Дмитріеву Ермолипу. Ермолинъ.

не сталъ разбирать всего стараго зданія, разобралъ только то, что было повреждено, обложилъ всю церковь снаружн новымъ камнемъ, да обожженнымъ кирпичемъ, свелъ своды и окончилъ строеніе: всѣ дивились этому необыкновенному дѣлу, говорить летописецъ.

Но главнымъ украшеніемъ города считался соборный храмъ, и Москва неже всего могла похвалиться этимъ украшеніемъ. Соборная церковь Успенія, построенная при Калитѣ, уже успѣла такъ обветшать, что своды тронулись, и потому признаны были подвереть зданіе толстыми деревянными столпами; надобно было думать о постройкѣ другой церкви, и вотъ въ 1472 году митрополитъ Филиппъ призвалъ двухъ мастеровъ—Кривога да Мышкина, и спросилъ ихъ, возьмутся ли они построить церковь такую же, какъ Владимирскій соборъ Богородицы? Мастера взялись, и митрополитъ назначилъ большой сборъ серебра со всѣхъ священниковъ и монастырей на церковное строеніе, а бояре и гости добровольно давали деньги; когда серебро было собрано, приступили къ дѣлу, разрушили старую церковь и начали строить новую; но когда на третій годъ стали сводить своды, зданіе рухнуло. Великій князь послалъ въ Псковъ за тамошними мастерами, пришедшими изъ Псковской земли; мастера пріѣхали, осмотрѣли рухнувшее зданіе, похвалили гладкость работы; но похулили извѣсть, которая растворилась жидко, не влечито, что и было главною причиною непрочности дѣла. Псковскіи мастераи однако не дали поправить ошибку Кривога и Мышкина; по вѣснмъ вѣроятности Софія Фоминична, пріѣхавшая не задолго передъ тѣмъ въ Москву, уговорила мужа вызвать изъ Италіи болѣе надежнаго художника, и великій князь, отправляя въ Венецію Семена Толбузина, велѣлъ ему искать тамъ церковнаго мастера. Толбузинъ нашелъ въ Венеціи много мастеровъ, но только одинъ изъ нихъ согласился ѣхать въ Москву за десять рублей въ мѣсяцъ жалованья; то былъ Болонскій уроженецъ Аристотель Фіоравенти, и его даже насилью отпустили съ Толбузинымъ. Аристотель привезъ сына Андрея и ученика Петра;

осмотрѣвши старыя церковныя работы, и онъ похвалилъ гладкость ихъ, но сказалъ, что известъ не клеевита и камень не твердъ, почему и объявилъ, что начнетъ все дѣлать снова; остатки прежняго строенія разбилъ стѣнобитною машиною—бараномъ: удивительное дѣло! говоритъ лѣтописецъ: три года дѣлали, а онъ меньше чѣмъ въ недѣлю развалилъ, не успѣвали выносить камни! Аристотель съѣздилъ и во Владимиръ: осмотрѣвши тамошнюю церковь, онъ похвалилъ ее и сказалъ; «это работа какихъ-нибудь нашихъ мастеровъ!» Печь для обжиганія кирпича онъ устроилъ за Андроньевымъ монастыремъ, дѣлалъ кирпичи уже прежнихъ, но продолговатѣе и тверже; чтобъ разломить ихъ, нужно было прежде въ водѣ размачивать; известъ также велѣлъ мѣшать густо, такъ что когда засохнетъ, то и ножомъ нельзя расколушить; для поднятія камней вверхъ Аристотель сдѣлалъ колесо: чудно было смотрѣть, какъ поднимали колесомъ камни, прицѣпивъ ихъ за веревку! Въ 1475 году началъ Аристотель свои работы, въ 1479 кончилъ. Освященіе соборной церкви Іоаннъ праздновалъ великолѣпно: велѣлъ раздать милостыню на весь городъ, угостилъ обѣдомъ митрополита, епископовъ, архимандритовъ и всѣхъ бояръ; на слѣдующій день митрополитъ и всѣ соборы (бѣлое духовенство) обѣдали у Государя въ средней горницѣ, а самъ великій князь стоялъ передъ ними и съ сыномъ своимъ. Всѣ соборы ѣли и пили на дворѣ великокняжескомъ семь дней. Но построеніемъ Успенскаго собора не ограничилась дѣятельность Аристотеля; ибо онъ былъ не только искусный муроль (архитекторъ), но умѣлъ также лить пушки и стрѣлять изъ нихъ, лить колокола, чеканить монету. Во время осады Новгорода, Аристотель построилъ подъ городищемъ мостъ на судахъ; во время похода подъ Тверь Аристотель шелъ съ пушками; на монетахъ Іоаннова времени видна подпись: Aristoteles.

Но дѣятельности одного Аристотеля было недостаточно для удовлетворенія всѣмъ потребностямъ, которыя начинало чувствовать новорожденное государство Московское; посылая къ

двору Императорскому Юрія Трахоніота, Іоаннъ далъ ему наказъ: «Добывать великому князю мастеровъ: рудника, который руду знаетъ золотую и серебряную, да другаго мастера, который умѣетъ отъ земли отдѣлать золото и серебро; если Юрій сыщеть такихъ мастеровъ, то ему ихъ выпросить, а родить ихъ, чтобъ ѣхали къ великому князю на наемъ, по сколько имъ въ мѣсяцъ давать за все про все; добывать также мастера хитраго, который бы умѣлъ къ городамъ приступать, да другаго мастера, которой бы умѣлъ изъ пушекъ стрѣлять, да каменьщика добывать хитраго, который бы умѣлъ палаты ставить, да серебряннаго мастера хитраго, который бы умѣлъ большіе сосуды дѣлать и кубки, да чеканить бы умѣлъ и писать на сосудахъ». Короля Максимилиана Юрій долженъ былъ просить, чтобъ послалъ къ великому князю лекаря добраго, который бы умѣлъ лечить внутреннія болѣзни и раны. У Венгерскаго короля Матвѣя Іоаннъ также просилъ рудокопцевъ, архитекторовъ, серебрянныхъ мастеровъ, пушечныхъ литейщиковъ. Въ 1490 году великокняжескіе послы привезли въ Москву лѣкаря, мастеровъ стѣнныхъ, палатныхъ, пушечныхъ, серебряныхъ, и даже арганнаго игреца; въ 1484 году послы, ѣздившіе въ Венецію и Медіоланъ, привезли въ Москву Алевиза, стѣннаго мастера и палатнаго, и Петра пушечника; наконецъ подъ 1504 годомъ встрѣчаемъ еще извѣстія о привозѣ послами новыхъ многихъ мастеровъ изъ Италіи. Одинъ изъ Венеціанскихъ мастеровъ, Антонъ Фрязинъ, поставилъ на Москвѣ рѣкѣ стрѣльницу, а подъ нею вывелъ тайникъ; Марко Фрязинъ поставилъ стрѣльницу на углу Беклеишевскую; Петръ Антонъ Фрязинъ поставилъ двѣ стрѣльницы: одну у Боровицкихъ воротъ, другую у Константиноелевскихъ, и построилъ часть стѣны отъ Свибловской стрѣльницы до Боровицкихъ воротъ, и провелъ стѣну до Неглинной; въ 1495 году великій князь велѣлъ сносить дворы и церкви за Москвою противъ города, и заложилъ стѣну каменную не по старой стѣнѣ, возлѣ Неглинной; между стѣною и дворами велѣно было оставить 109 сажень пустаго пространства. Въ по-

слѣдній годъ жизни Иоанновой разобрали старый соборъ Архангельскій и заложили новый, неизвѣстно по плану какого архитектора. Мастера, выписанные было изъ Покова для строенія Успенскаго собора, не остались безъ дѣла и послѣ прѣзда Аристотелева: они построили Троицкій соборъ въ Сергиевѣ монастырѣ, соборныя церкви въ монастыряхъ Московскихъ — Златоустовомъ и Срѣтенскомъ, Благовѣщенскій соборъ на дворѣ великокняжескомъ, церковь Ризъ положенія на Митрополичьемъ. — Въ 1495 году поставлена была церковь Успенія въ Кирилловѣ Бѣлозерскомъ монастырѣ, ставили пять мѣсяцевъ, издержали 250 рублей; каменщиковъ и стѣнщиковъ было 20 мастеровъ, изъ нихъ старшій — Прохоръ Ростовскій.

Черезъ семь лѣтъ послѣ построенія Успенскаго собора, въ 1487 году великій князь велѣлъ Венеціанскому архитектору Марку заложить большую палату на своемъ дворѣ, гдѣ стоялъ теремъ; въ 1491 году она была готова: это была такъ называемая Грановитая полата, которая назначалась для торжественныхъ пріемовъ и собраній, а жилъ великій князь въ старомъ деревянномъ дворцѣ. Только въ слѣдующемъ 1492 году онъ велѣлъ разобрать этотъ деревянный дворецъ и поставить каменный за Архангельскимъ соборомъ, а самъ во время его постройки жилъ въ домѣ князя Патрикѣева; но въ слѣдующемъ же 1493 году этотъ новый дворецъ сгорѣлъ, такъ что великій князь принужденъ былъ на нѣкоторое время перебраться въ дома простыхъ людей къ Яузѣ, къ церкви Николы въ Подкопаевомъ; наконецъ, въ 1499 году онъ велѣлъ заложить дворецъ каменный, а подъ нимъ погреба и лѣтники на старомъ своемъ дворѣ у Благовѣщенія, и вести стѣну каменную отъ двора своего до Боровицкой стрѣльницы; строителемъ былъ мастеръ Алевизъ изъ Медиолана. Митрополитъ Геронтій въ 1473 году поставилъ у двора своего ворота изъ обожженнаго кирпича, а въ 1477 году поставилъ палату кирпичную на четырехъ подклѣткахъ каменныхъ; въ 1493 году митрополитъ Зосима поставилъ три кельи каменныя съ подклѣтками. — Въ 1471 году купецъ Тараканъ заложилъ себѣ кир-

пичныя палаты у Фроловскихъ воротъ; въ 1485 году трое вельможъ построили себѣ кирпичныя палаты. Церкви и палаты строили художники иностранныя; церковная живопись оставалась въ рукахъ Русскихъ мастеровъ; въ 1482 году Ростовскій владыка Вассіанъ далъ сто рублей мастерамъ иконникамъ—Діонисію, попу Тимоѳею, Ярцу и Конѣ, которые написали Деисусъ въ новую церковь Богородицы, и написали чудно вельми съ праздниками; тотъ же Діонисій написалъ икону Одигитріи въ Вознесенскій монастырь; упоминается также иконникъ Далматъ.

Изъ пушечныхъ мастеровъ кромѣ Аристотеля извѣстенъ былъ Итальянецъ Павлипъ Дебосисъ, который въ 1488 году слылъ пушку большую. Мы видѣли, что великій князь вызывалъ изъ-за границы мастеровъ, умѣвшихъ находить руду и отдѣлять ее отъ земли: въ 1491 году Нѣмцы Иванъ да Викторъ нашли руду серебрянную да мѣдную на рѣкѣ Цымнѣ, за полдница отъ рѣки Космы и за семь дницъ отъ рѣки Печоры. — Мы видѣли также, что Іоаннъ вызывалъ и лѣкарей; судьба послѣднихъ, сколько намъ извѣстно, была печальна въ Москвѣ. Лѣкаръ Леонъ, родомъ Нѣмецъ, пріѣхавшій изъ Венеціи, общалъ вылѣчить сына великокняжескаго, Іоанна молодого, обрекая себя въ противномъ случаѣ смертной казни; больной умеръ, и великій князь исполнилъ условіе: послѣ сыновнихъ сорочинъ велѣлъ отсѣчь голову лѣкарю; другой лѣкаръ, Нѣмецъ Антонъ, котораго великій князь держалъ въ большой чести, лѣчилъ Татарскаго князя Каракучу, принадлежавшаго къ дружинѣ царевича Даньяра, и уморилъ его смертнымъ зельемъ на смѣхъ, какъ говоритъ лѣтописецъ; великій князь выдалъ лѣкаря сыну Каракучеву, который, получивъ его, хотѣлъ отпустить за деньги; но великій князь не согласился и велѣлъ его убить; тогда Татары свели Антопа на Москву рѣку подъ мостъ зимою и зарѣзали ножами какъ овцу; Аристотель вида, какой участи подвергаются иностранныя мастера въ Москвѣ, испугался и началъ проситься домой; но великій князь велѣлъ его за это схватить и, ограбивъ, посадить на

дворѣ Антоновомъ ¹⁹⁴. Вызывая лѣкарей изъ-за границы, великій князь заботился о недопущеніи заразителныхъ болѣзней изъ-за границы: отправляя посломъ въ Литву Мамонова, Іоаннъ велѣлъ ему справиться: не пріѣзжалъ ли въ Вязьму изъ Смоленска кто-нибудь больной тою болестью, что болячки мечутся и слыветь Французскою, и говорятъ, будто бы въ винѣ ее привезли?

Наконецъ, говоря о матеріальныхъ средствахъ Московскаго государства при Іоаннѣ III-мъ, мы должны упомянуть о ямахъ, или почтахъ. Учрежденіе ихъ мы не можемъ приписать Іоанну: они существовали прежде, и, безъ сомнѣнія, возникли сначала въ слѣдствіе Татарскихъ отношеній; въ завѣщаніи своемъ Іоаннъ говорилъ: «Сынъ мой Василій въ своемъ великомъ княженіи держитъ ямы и подводы на дорогахъ по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ они были при мнѣ». Изъ грамоты Новгородскаго владыки Геннадія къ митрополиту узнаемъ, что гонцы изъ Москвы въ Новгородъ пріѣзжали въ три дня.

Въ нравственномъ состояніи Русскаго общества, и во-первыхъ въ сферѣ церковной, въ правленіе Іоанна III-го, видимъ любопытныя явленія, относящіяся къ опредѣленію отношеній между властію церковною и гражданскою и къ стремленію улучшить нравственное состояніе духовенства и мірянъ. Въ 1464 году митрополитъ Феодосій оставилъ митрополию и удалился въ Чудовъ монастырь; тогда великій князь послалъ за братьями своими, князьями удѣльными, за всѣми епископами, архимандритами и игуменами, и когда они собрались, то изволеніемъ великаго князя, братьевъ его и всѣхъ епископовъ, избранъ былъ въ митрополиты Суздальскій епископъ Филиппъ; которые же епископы лично не присутствовали, тѣ прислали соизволительныя грамоты; такимъ же образомъ избраны были и преемники Филипповы—Геронтій и Симонъ; на поставленіи послѣдняго, когда совершилась божественная служба и пришло время возвести новопоставленнаго на митрополичье мѣсто, великій князь обратился къ нему съ такою рѣчью: «Всемогущая и Животворящая Святая Троица, дарующая намъ

государство всея Руси, подаетъ тебѣ сей святой, великій престолъ архіерейства, митрополи всея Руси, рукоположеніемъ и священіемъ святыхъ отцевъ архіепископовъ и епископовъ нашего Русскаго царства. Отче! прими жезлъ пастырства и въздь на сѣдалище старѣйшинства святительскаго во имя Господа Иисуса Христа и Пречистыя Его Матери; моли Бога и Пречистую Его Матерь о насъ, о нашихъ дѣтяхъ, о всемъ православіи, и да подастъ тебѣ Господь Богъ здравіе и долголетствіе на многія лѣта!» Дьяки запѣли: вс полла эти деспота митрополиту, который отвѣчалъ Іоанну: «Самодержавный владыко государь! Всемогущая и вседержащая десница Вышняго да сохранить богопоставленное твое царство мирно, да будетъ твое государство многолѣтно и побѣдительно со всѣми повиновающимися тебѣ христолюбивыми воинствами и прочими народами; во вся дни живота твоего здоровъ буди, добро твоя на многа лѣта». Дьяки пропѣли многолѣтіе великому князю.

Въ 1478 году великій князь вступился въ споръ, начавшійся между митрополитомъ Геронтіемъ и Ростовскимъ архіепископомъ Вассіаномъ по поводу Кириллова Бѣлозерскаго монастыря. Монахи этого монастыря, не желая быть подъ управленіемъ Ростовскихъ архіепископовъ, просили своего удѣльнаго князя, Михайла Андреевича Верейскаго, взять ихъ подъ свое вѣдѣніе; князь обратился съ просьбою къ митрополиту, и тотъ далъ грамоту, по которой монастырь поступилъ въ вѣдѣніе князя Михайла, а Ростовскій архіепископъ лишился надъ нимъ всякой власти. Вассіанъ обратился сначала къ митрополиту съ просьбою, чтобъ не вступался въ его предѣлъ; когда же Геронтій его не послушалъ, то онъ обратился къ великому князю, прося суда съ митрополитомъ по правиламъ. Іоаннъ принялъ сторону архіепископа, но митрополитъ не послушалъ и его. Тогда великій князь послалъ взять у князя Михайла митрополитчью грамоту и велѣлъ съѣзжаться въ Москву на соборъ всѣмъ епископамъ и архимандритамъ. Митрополитъ испугался соборнаго суда и упросилъ Іоанна потушить дѣло: великій князь помирилъ его съ Вассіаномъ, грамоту

изодрали и Кирилловъ монастырь перешелъ по прежнему въ вѣдѣніе Ростовскаго архіепископа. — Иначе кончился споръ, возникшій у великаго князя съ тѣмъ же митрополитомъ Геронтіемъ по поводу чисто церковнаго дѣла. Нашлись люди, которые наговорили Іоанну, что митрополитъ во время освященія Успенскаго собора поступилъ не по правиламъ, ходилъ съ крестами около церкви не по солнечному восходу. Великій князь разсердился, началъ говорить, что за это Богъ пошлетъ гнѣвъ свой; начались толки, розыски; въ книгахъ не нашлось какъ ходить во время освященія церкви, по солнцу или противъ солнца; но рѣчей было много: одни говорили за митрополита, а другой говорилъ: «Я самъ видѣлъ, какъ на святой горѣ освящали церковь; тамъ съ крестами противъ солнца ходили», — и былъ споръ большой, котораго не рѣшили Ростовскій владыка Вассіанъ и Чудовскій архимандритъ Геннадій, призванные великимъ княземъ. Митрополитъ въ доказательство своего мнѣнія приводилъ, что когда діаконъ кадитъ престолъ въ алтарь, то на правую руку ходитъ съ кадиломъ, а они говорили: «Солнце праведное Христосъ на адъ наступилъ, смерть связалъ и души свободилъ, для этого на пасху исходятъ противъ солнца». Нашествіе Ахмата и смерть Вассіана Ростовскаго прекратили на время споръ; но когда все утихло, онъ опять возобновился; митрополитъ, негодуя, что великій князь все держится мнѣнія его противниковъ, выѣхалъ изъ Кремля въ Симоновъ монастырь, оставивъ посохъ свой въ Успенскомъ соборѣ, и взявши съ собою только ризницю; онъ говорилъ, что если великій князь не пріѣдетъ къ нему, не добьетъ челоуѣкъ и спора не прекратитъ, то онъ окончательно оставитъ митрополию и будетъ жить въ кельи, какъ простой монахъ. Много между тѣмъ было выстроено новыхъ церквей, которыя оставались безъ освященія вслѣдствіе нерѣшеннаго дѣла о томъ, какъ ходить съ крестами; всѣ священники и книжники, иноки и міряне держали сторону митрополита, за великаго князя стояли только преемникъ Вассіана, Ростовскій владыка Іоасафъ, родомъ изъ князей Оболенскихъ;

да Чудовскій архимандритъ Геннадій. Видя на своей сторонѣ такое меньшинство, великій князь послалъ къ митрополиту въ Симоновъ сына своего съ просьбою возвратиться; но митрополитъ не послушалъ; тогда великій князь поѣхалъ самъ бить челомъ, объявилъ себя виноватымъ, обѣщался впередъ во всемъ слушаться митрополита, и тотъ возвратился въ Москву на свой столъ. Случай скоро далъ ему и другое горжество надъ противникомъ его, Геннадіемъ архимандритомъ Чудовскимъ: въ 1482 году Крещенскій сочельникъ пришелся въ Воскресенье, и Геннадій позволилъ братіи пить богоявленскую воду поѣвши. Митрополитъ, узнавши объ этомъ, послалъ схватить Геннадія и привести къ себѣ, тотъ убѣжалъ къ великому князю; тогда митрополитъ самъ пошелъ къ великому князю съ жалобами: обвинялъ Геннадія во-первыхъ въ томъ, что поступаетъ самовольно, разрѣшаетъ такія важныя вещи, не спросясь митрополита; во-вторыхъ обезчестилъ такую священную воду. Великій князь выдалъ его митрополиту, и тотъ велѣлъ сковать Геннадія и посадить въ ледникъ подъ палату; великій князь съ боярами упросилъ однако митрополита смиловаться надъ преступникомъ, приводя въ примѣръ милосердіе митрополита Юны, уже теперь прославленнаго чудссами, надъ Ростовскимъ владыкою Θεодосіемъ, дерзнувшимъ разрѣшить мясо въ Богоявленскій сочельникъ. Черезъ два года послѣ этого происшествія Геронтій заболѣлъ, рѣшился оставить митрополию, и опять уѣхалъ въ Симоновъ монастырь; великій князь, какъ видно, былъ доволенъ этимъ, и уже назначилъ ему въ преемники — Паисія, благочестиваго игумена Троицкаго; но Геронтій, выздоровѣвши, захотѣлъ опять на митрополию; тщетно великій князь посылалъ къ нему Паисія уговаривать остаться при прежнемъ намѣреніи; Геронтій не соглашался и нѣсколько разъ убѣгалъ изъ монастыря въ Москву, но его перехватывали на дорогѣ. Соблазнъ былъ большой; великій князь началъ совѣтоваться съ Паисіемъ, можно ли взять Геронтія опять на митрополию? Паисій объявилъ, что можно, и объявилъ также, что самъ никогда не согласится быть митро-

политомъ: онъ, по принужденію великаго же князя, согласился быть и Троицкимъ игуменомъ, и скоро потомъ оставилъ игуменство, потому что не могъ превратить чернецовъ на Божій путь, на молитву, постъ, воздержаніе; они хотѣли даже убить его, потому что между тамошними монахами были боаре и князья, которые не хотѣли повиноваться ему. Великій князь, лишившись надежды видѣть Паисія на митрополіи, согласился на вступленіе Геронтія опять въ должность; а въ слѣдующемъ 1485 году Геннадій Чудовскій посвященъ былъ въ архіепископы Новгороду Великому.

Здѣсь Геннадій нашелъ явленіе, которое грозило Русской церкви большою опасностію. Въ половинѣ XV вѣка, а можетъ быть и ранѣе, въ Кіевѣ явилась ересь, какъ видно, смѣсь іудейства съ христіанскимъ раціонализмомъ, отвергавшая Таинство Св. Троицы, Божество Иисуса Христа, необходимость воплощенія, почитаніе угодниковъ Божіихъ, иконъ, монашество и т. д. Глава или членъ общества Кіевскихъ еретиковъ, жидъ Схарія пріѣхалъ изъ Кіева въ Новгородъ вмѣстѣ съ княземъ Михаиломъ Олельковичемъ. Неизвѣстно, зачѣмъ собственно пріѣхалъ онъ въ Новгородъ, для распространенія ли ереси или по дѣламъ торговымъ, неизвѣстно, долго ли оставался; извѣстно только то, что онъ съ помощію пятерыхъ сообщниковъ, также жидовъ, насадилъ въ Новгородъ свою ересь. Первыми учениками Схарія здѣсь были два священника, Діонисій и Алексій; какъ во время стригольничества, наружное благочестіе первыхъ еретиковъ обратило на нихъ вниманіе народа и содѣйствовало быстрому распространенію ереси; еретики старались получить священническія мѣста, чтобы успѣшнѣе дѣйствовать на своихъ духовныхъ дѣтей: если видѣли человѣка твердаго въ православіи, передъ такимъ и сами являлись православными; передъ человѣкомъ обличающимъ ересь, они и сами являлись строгими ея обличителями, проклинали еретиковъ; но гдѣ видѣли человѣка слабаго въ вѣрѣ, тутъ были готовы па ловлю. Еретики отличались ученостію, имѣли книги, какихъ не было у православнаго духовенства, которое

потому и не могло бороться съ еретиками; Геннадій писалъ къ Ростовскому архіепископу Іоасафу: «Есть ли у васъ въ Кирилловѣ монастырѣ, или въ Оерапонтовѣ, или на Каменномъ книгѣ: Сильвестръ папа Римскій, слово Козьмы Пресвитера на ересь Богомиловъ, посланіе Фотія патриарха къ Болгарскому царю Борису, Пророчества, Бытія, Царствъ, Притчи, Менаандръ, Исусъ Сираховъ, Логика, Діонисій Ареопагитъ; потому что эти книги у еретиковъ всѣ есть». Положеніе Новгорода во время окончательной борьбы съ Москвою и непосредственно послѣ нея не давало его церковному правительству возможности обратить надлежащее вниманіе на ересь. Слава благочестивой жизни и мудрости двухъ главныхъ еретиковъ Новгородскихъ, Діонисія и Алексѣя, достигла до того, что обратила на нихъ вниманіе великаго князя, когда онъ прѣехалъ въ Новгородъ въ 1480 году, и оба они взяты были въ Москву: одинъ былъ сдѣланъ протопопомъ въ Успенскій, другой священникомъ въ Архангельскій соборы; здѣсь они скоро распространили свое ученіе и между людьми извѣстными, могущественными по своему вліянію; въ числѣ принявшихъ это ученіе были: Сямоновскій архимандритъ, Зосима, славный своею грамотностію и способностями дякъ Фодоръ Курицынъ съ братомъ Иваномъ Волкомъ, невѣстка великаго князя, Елена, мать наследника престола; Іоаннъ зналъ, что эти люди держатъ новое ученіе, но по характеру своему, не спѣшилъ принять рѣшительныхъ мѣръ, ждалъ, пока дѣло объяснится, особенно видя приверженность къ новому ученію людей, которыхъ не могъ не уважать въ томъ или другомъ отношеніи.

Новгородскій владыка Теофилъ, по извѣстному намъ уже положенію его, не могъ обратить должнаго вниманія на еретиковъ въ своей паствѣ; еще менѣе могъ сдѣлать это преемникъ Теофила Сергій; но Геннадію скоро случай открылъ глаза; съ распространеніемъ ереси въ числѣ ея приверженцевъ, разумѣется, нашлись люди, которые уже не отличались такою чистотою поведенія, какъ первые еретики, или уже не считали болѣе важнымъ притворствоваться. Геннадію донесли, что нѣ-

сколько священниковъ, въ пьяномъ видѣ, наругались надъ иконами; архіепископъ немедленно далъ знать объ этомъ великому князю и митрополиту, нарядилъ слѣдствіе, обыскалъ еретиковъ, и отдалъ ихъ на поруки, но они убѣжали въ Москву; Геннадій отправилъ туда слѣдственное дѣло. 13 Февраля 1488 года онъ получилъ отъ великаго князя такую грамоту: «Писалъ ты ко мнѣ и къ митрополиту грамоту о ересяхъ, о хулѣ на Христа Сына Божія и на Пречистую Его Богоматерь, и о поруганіи св. иконъ, что въ Новгородѣ нѣкоторые священники, дьяконы, дьяки и простые люди жидовскую вѣру величаютъ, а нашу вѣру православную Христову хулятъ. и списокъ этихъ ересей прислалъ ты къ намъ: я, съ своимъ отцемъ митрополитомъ, епископами и со всѣмъ соборомъ, по твоему списку разсудили, что попъ Григорій Семеновскій, да попъ Герасимъ Никольскій, да Григорья попа сынъ, дьякъ Самсонка, по правиламъ царскимъ, заслужили гражданскую казнь, потому что на нихъ есть свидѣтельства въ твоемъ списокѣ, а на Гридю дьяка Борисоглѣбскаго въ твоемъ списокѣ свидѣтельства нѣтъ, кромѣ свидѣтельства попа Наума. Поповъ — Григорья, Герасима и дьяка Самсонка я велѣлъ здѣсь казнить гражданскою казнью (ихъ били по торгу кнутомъ) и послалъ ихъ къ тебѣ: ты созови соборъ, обличи ихъ ересь и дай имъ наставленіе: если не покаются, то отошли ихъ къ моимъ намѣстникамъ, которые казнятъ ихъ гражданскою же казнью; Гридя дьякъ къ тебѣ же посланъ — обыскивай его тамъ, обыскивай виѣстѣ съ моими намѣстниками и другихъ, которые написаны въ твоемъ списокѣ; если найдешь ихъ достойными вашей казни церковной, то распорядись самъ, какъ знаешь; если же будутъ заслуживать гражданской казни, то отошли ихъ къ моимъ намѣстникамъ; да велите, виѣстѣ съ намѣстниками, переписать ииѣніе Григорьево, Герасимово и Самсоново». Митрополитъ писалъ къ Геннадію отъ себя въ томъ же смыслѣ.

Геннадій исполнилъ предписаніе, началъ обыскивать еретиковъ, и которые изъ нихъ покаались, на тѣхъ положилъ епи-

темью, велѣлъ во время службы стоять передъ церковью, а въ церковь не входить; тѣхъ же, которые не покаались и продолжали хвалить жидовскую вѣру, отослалъ къ намѣстникамъ великокняжескимъ для гражданской казни, и обо всемъ дѣлъ послалъ подробныя извѣстія великому князю и митрополиту. Но на эти извѣстія онъ не получилъ никакого отвѣта изъ Москвы; митрополитъ Геронтій, по словамъ Геннадія, не хотѣлъ докучать ими великому князю. Узнавши объ этомъ, узнавши, что въ Москвѣ еретики живутъ въ ослабѣ, а Новгородскіе еретики, покааяшіеся было и находившіеся подъ епитимьею, убѣжали въ Москву, начали здѣсь ходить безпрепятственно въ церковь и алтарь, а нѣкоторые даже служили Литургію, — вида такое послабленіе еретикамъ въ Москвѣ, Геннадій обратился къ человѣку, который по своему характеру и нравственному значенію стоилъ многихъ могущественныхъ помощниковъ: то былъ знаменитый Іосифъ Волоколамскій.

Мы уже видѣли, что нравственные недуги вызывали въ свѣжѣмъ и крѣпкомъ тѣлѣ древней Россіи сильное противодѣйствіе, и что это противодѣйствіе преимущественно обнаруживалось въ рядѣ христіанскихъ подвижниковъ, иноковъ, которыхъ дивная, строгая жизнь для людей съ лучшими потребностями служила щитомъ противъ нравственной порчи. Строгое правило иноческой жизни, правило Сергія и Кирилла на югѣ отъ Москвы поддерживалось въ Боровскомъ монастырѣ египушеномъ и основателемъ, Пафнутіемъ, страшнымъ старцемъ, который имѣлъ даръ по лицу приближающагося къ нему человѣка угадывать дурную страсть, дурное дѣло. Къ такому-то наставнику не усумнился придти молодой Иванъ Санинъ, сынъ Московскаго служилаго человѣка, потомокъ выходца изъ западной Руси. Еще не достигнувъ двадцатилѣтняго возраста, Иванъ уже успѣлъ испытать свои силы въ безмолвной иноческой жизни, но не былъ доволенъ своимъ опытомъ, искалъ высшаго образца, опытнѣйшаго подвижника: ему указали Пафнутія. Пришедши въ Боровскій монастырь, Иванъ засталъ игумена и братію за тяжелою работою: они носили и обтесы-

вали бревна, и потомъ безъ отдыха шли въ церковь на вечернюю службу. Такова была жизнь, ожидавшаго молодого чело-вѣка въ монастырѣ; но такая-то именно жизнь уже давно и прельщала его; онъ упалъ къ ногамъ Пафнутія и просилъ принять его въ число братій; Пафнутій узналъ, съ кѣмъ имѣлъ дѣло, и въ тотъ же день постригъ пришлеца, который получилъ имя Іосифа. Строгъ былъ искусь, которому подвергся Іосифъ въ Пафнутіевомъ монастырѣ; но это былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые не утомляются никакими трудами, никакими лишениями, не останавливаются никакими препятствіями при достиженіи разъ предназначенной цѣли. Когда по смерти Пафнутія, Іосифа избрали игуменомъ Боровскаго монастыря, то онъ уже недовольствовался уставомъ, который былъ въ силѣ во времена Пафнутія, но хотѣлъ ввести уставъ строжай-шій; когда же большинство братіи не согласилось на это, Іо-сифъ оставилъ Пафнутіевъ монастырь, посѣтилъ другія обите-ли, присматриваясь къ уставамъ, и выбирая, какой бы былъ построже, наконецъ рѣшился основать собственный монастырь въ дѣсахъ Волоколамскихъ съ самымъ строгимъ общежитель-нымъ уставомъ; какъ Іосифъ не любилъ останавливаться, до-казываетъ то, что запретивъ женщинамъ входъ въ монастырь и всякое сношеніе съ братією, онъ самъ себя не позволилъ видѣться съ престарѣлою матерью.

Такого-то неутомимаго борца вызвалъ Геннадій на помощь противъ ереси; и такой помощникъ былъ необходимъ, потому что ересь усиливалась все болѣе и болѣе. Митрополитъ Ге-ронтіій умеръ въ 1489 году, и при избраніи ему преемника, сторона еретиковъ получила верхъ: митрополитомъ назначенъ былъ тайный соумышленникъ ихъ, Симоновскій архимандритъ Зосима; Геннадія Новгородскаго отвели отъ присутствія при избраніи митрополита, и Зосима немедленно же оказалъ не-расположеніе свое къ Новгородскому владыкѣ, потребовавъ отъ него новаго архіерейскаго исповѣданія. Оскорбленный Геннадій отвѣчалъ ему любопытнымъ письмомъ, въ которомъ жаловался, что его постоянно отводятъ отъ присутствія на-

соборахъ Московскихъ: «Когда архіепископъ Ростовскій Іоасафъ оставилъ владычество, то вмѣсто того, чтобъ за нами за всѣми послать и соборомъ обыскъ сдѣлать, обо мнѣ и не упомянулъ; а говцы ежедневно ѣздятъ съ пустыни дѣлами изъ Москвы въ Новгородъ въ три дни. Хотѣлось мнѣ очень быть на твоёмъ поставленіи: но вотъ пришелъ наказъ отъ государя великаго князя о его великихъ дѣлахъ, велѣлъ мнѣ объ нихъ хлопотать, а въ Москву не велѣлъ ѣхать. Велишь мнѣ писать исповѣданіе: но я уже положилъ разъ исповѣданіе предъ отцемъ моимъ Геронтіемъ митрополитомъ и предъ всѣми соборомъ; это исповѣданіе у васъ въ казнѣ; а какъ я исповѣдался предъ Богомъ, такъ и стою неподвижно: въ Литву грамотъ не посылаю, оттуда мнѣ также не присылають грамотъ, и Литовскіе ставленники не служатъ въ моей архіепископін. Если же Литовскія окаяныя дѣла прозябли въ Русской землѣ, въ Великомъ Новгородѣ, когда былъ въ немъ князь Михайла Олельковичъ, и съ нимъ жидовишь еретикъ, и отъ этого жидовина распространилась ересь въ Новгородской землѣ, сперва держали ее тайно, а потомъ съ пьяну начали проговариваться: — то я тотчасъ же объ этомъ далъ знать великому князю и митрополиту Геронтію». Описавши свои дѣйствія противъ еретиковъ, и послабленіе, которое встрѣтили они въ Москвѣ, Геннадій требуетъ отъ митрополита, чтобъ онъ, вмѣстѣ съ соборомъ, предалъ еретиковъ проклятію, послѣ чего продолжаетъ: «Стала бѣда съ тѣхъ поръ, какъ пріѣхалъ Курицынъ изъ Венгріи, и еретики изъ Новгорода перебѣжали въ Москву: Курицынъ у еретиковъ главный заступникъ, а о государевой чести попеченія не имѣетъ. Теперь же еще бѣда стала земская и нечестъ государская большая; церкви старыя извѣчныя вынесены изъ города вонъ (по случаю строенія новыхъ стѣнъ), да и монастыри старые извѣчныя съ мѣста переставлены; но этого мало: кости мертвыхъ вынесены въ Дорогомилово, да на тѣхъ мѣстахъ садъ развели. Если же государь нашъ князь великій еретиковъ не обѣщеть и не казнить, то какъ ему съ своей земли позоръ свести? Смотри, Франки по своей

вѣрѣ какую крѣпость держать: сказывалъ мнѣ цесарскій посолъ про Испанскаго короля, какъ онъ свою землю очистилъ, и я съ его рѣчи послалъ тебѣ списокъ. Да поговори великому князю накрѣпко, чтобъ велѣлъ мнѣ быть въ Москвѣ и у тебя благословиться; потому что здѣсь какія бы великія дѣла ни были, но больше того дѣла нѣтъ: если это дѣло управится, то и здѣшнимъ великимъ дѣламъ укрѣпленіе будетъ. Да жалуюсь теперь тебѣ на чернеца Захара, Стригольника; бранить меня безпрестанно уже четвертый годъ, посылаетъ грамоты въ мою архіепископію, къ чернецамъ и священникамъ, а что по Московской землѣ разослалъ, тому и числа нѣтъ».

Дѣло объ еретикахъ получило такую гласность по всему государству, что не лзя было не заняться имъ: Зосима долженъ былъ созвать соборъ, на который представили еретиковъ, бѣжавшихъ изъ Новгорода въ Москву; собственноручныя показанія ихъ, данныя ими прежде Геннадію, служили такимъ очевиднымъ доказательствомъ, что Зосимъ не было никакихъ средствъ защищать своихъ: еретиковъ проклинали, нѣкоторыхъ изъ нихъ сослали въ заточеніе, другихъ въ Новгородъ къ Геннадію. Послѣдній велѣлъ ихъ посадить на лошадей, лицомъ къ хвосту, въ вывороченномъ платьѣ, въ берестовыхъ остроконечныхъ шлемахъ, въ какикъ изображаются бѣсы, съ начальными кистями, въ вѣнцахъ изъ сѣна и соломы, съ надписью: «се есть сатанино воинство!» Въ такомъ нарядѣ возили ихъ по улицамъ Новгородскимъ; встрѣчающіеся плевали имъ въ глаза, и кричали: «Вотъ враги Божіи, хулители Христа!» Въ заключеніе на еретикахъ зажжены были шлемы.

Но этотъ позоръ въ Новгородѣ не обезсилилъ ереси въ Москвѣ. Дерзость еретиковъ особенно усилилась, когда 1492-й годъ прошелъ, а чаямаго съ концемъ седьмаго тысячелѣтія конца міру не было: «Если Христосъ былъ Мессія, говорили еретики православнымъ, то почему же не является онъ въ славу, по вашимъ ожиданіямъ?» и проч. Іосифъ писалъ противъ нихъ обличительныя слова, собраніе которыхъ извѣстно подъ именемъ Просвѣтителя; въ какомъ состояніи находи-

лись умы въ это время, видно изъ посланія его къ Нифонту, епископу Суздальскому: «Съ того времени, писалъ онъ, какъ солнце православія возсіяло въ землѣ нашей, у насъ никогда не бывало такой ереси: въ домахъ, на дорогахъ, на рынкѣ, всѣ — иноки и міряне съ сомнѣніемъ разсуждаютъ о вѣрѣ, основываясь не на ученіи Пророковъ, Апостоловъ и св. Отцевъ, а на словахъ еретиковъ, отступниковъ христіанства; съ ними дружатся, учатся отъ нихъ жидовству, а отъ Митрополита еретики не выходятъ изъ дому, даже спятъ у него». Іосифъ требовалъ, чтобъ владыки, вѣрные православію, отказались отъ всякаго сообщенія съ Зосимомъ, внушали бы и другимъ, чтобъ никто не приходилъ къ нему, не принималъ отъ него благословенія; вооружался противъ мнѣнія, которое особенно защищалъ Зосима, что еретиковъ осуждать не должно. Зосима въ 1494 году дѣйствительно отрекся отъ митрополіи: оставя въ челѣ церкви челоуѣка, громко обвиненнаго въ ереси и не хотѣвшаго торжественно оправдываться, было уже слишкомъ соблазнительно; сами еретики могли желать удаленія Зосимы, какъ скоро онъ своимъ неблагоразумнымъ поведеніемъ уже обличилъ себя и могъ быть теперь болѣе вреденъ, чѣмъ полезенъ ихъ обществу. Въ повольной грамотѣ Геннадія на избраніе преемника Зосимъ, Троицкаго игумена Симона, читаемъ: «Что ми есте (епископы) прислали грамоту, возвѣщая нашему смиренію, что отецъ Зосима Митрополитъ, своея ради немощи, оставилъ столъ Русскія Митрополіи, и пришелъ въ святую великую соборную церковь, предъ всѣми омофоръ свой на престолъ положилъ, и свидѣтеля на то Господа Бога нарицаая, яко невозможно ему къ тому святительская дѣйствовать, ни Митрополитомъ нарицатися, и отойде въ монастырь въ смиренноиноческое жительство». Въ лѣтописяхъ же говорится, что Зосима оставилъ митрополію не своею волею, но былъ удаленъ за страсть къ вину и за нерадѣніе о церкви. Если въ Зосимъ дѣйствительно открылся означенный порокъ, то это было достаточною причиною къ его удаленію, какъ въ

глазахъ православныхъ, такъ и еретиковъ, которыя онъ могъ сильно вредить своимъ поведеніемъ.

Удаленіе Зосимы несколько не ослабило значенія еретиковъ въ Москвѣ; но имъ нужно было поднять его въ Новгородѣ, гдѣ, благодаря дѣятельности Геннадія, ересь ослабѣла значительно, и вотъ, по старанію Феодора Курицына, въ Новгородскій Юрьевъ монастырь назначенъ былъ Архимандритомъ монахъ Кассіанъ, державшійся ереси. Въ Кассіанѣ Новгородскіе еретики должны были найти и дѣйствительно нашли могущественную опору: въ его кельяхъ держали они свои тайныя собранія. Геннадій однако нашелъ ихъ и тутъ, и заставилъ бѣжать въ Литву и къ Нѣмцамъ. Но въ Москвѣ могла ли ересь ослабѣть, когда невѣстка великаго князя, Елена, была на ея сторонѣ, а на сторонѣ Елены были самыя могущественныя вельможи, которые достигли наконецъ того, что Іоаннъ торжественно объявилъ сына Еленина, Димитрія, наследникомъ престола великокняжескаго? Мы видѣли однако, что это торжество Елены и ея приверженцевъ было непродолжительно, что скоро Софія восторжествовала въ свою очередь, казнь и постриженіе были участію Рюполовскихъ и Патрикѣевыхъ, удаленіе и наконецъ тѣсное заключеніе участіемъ Елены и ея сына. Мы не знаемъ, какое было значеніе Іосифа въ этихъ переворотахъ; но видя тѣсную связь Волоколамскаго игумена и его учениковъ съ великимъ княземъ Василиемъ, сыномъ Софіи, видя въ то же время сильную ненависть Курбскаго къ этимъ Осифлянамъ, «подобнымъ великому князю Василию, скорымъ помощникамъ его и во всемъ потаковникамъ и подражателемъ», какъ говорить Курбскій, — видя такія отношенія, мы необходимо должны заключить, что связь Іосифа съ Василиемъ и его матерью началась и укрѣпилась во время борьбы съ ересью дѣйствуя противъ еретиковъ, слѣдовательно противъ Елены, Іосифъ естественно долженъ былъ стать на сторону Софіи и ея сына. Понятно, какъ торжество послѣднихъ облегчило Іосифу борьбу съ ересью: онъ нашелъ доступъ къ великому князю, началъ упрашивать его о принятіи строгихъ мѣръ противъ еретиковъ;

тотъ обѣщаль исполнить его желаніе, открылъ, что зналъ объ ереси, которую держалъ протопопъ Алексѣй и Ѳеодоръ Курицынъ, что и Елена была вовлечена въ ересь, рассказывалъ, что прежде слабо поступалъ съ еретиками; Іосифъ требовалъ раскаянія на дѣлѣ: «Государь, говорилъ онъ Іоанну: подвинься только на нынѣшнихъ еретиковъ, и за прежнихъ тебя Богъ проститъ». Но строгія рѣшительныя мѣры, которыя должно было употребить противъ еретиковъ, по требованію Іосифа, могли заставить задуматься великаго князя, слышавшаго съ другой стороны сильный ропотъ на ревность Волоколамскаго игумена; Геннадій Новгородскій былъ лишень архіепископомъ по причинамъ, о которыхъ будетъ рѣчь ниже; наконецъ въ это время лѣтописцы говорятъ, что здоровье Іоанна начало разстроиваться послѣ смерти Софій: все это могло содѣйствовать замедленію собора на еретиковъ. Іосифъ между тѣмъ не успокоивался: онъ обратился къ духовнику великокняжескому, Андрониковскому архимандриту Митрофану съ просьбою дѣйствовать на Іоанна; наконецъ его желаніе исполнилось: въ концѣ 1504 года созванъ былъ соборъ на еретиковъ; они защищали свое ученіе, Іосифъ былъ облечителемъ; слѣдствіемъ собора было то, что Волкъ Курицынъ, Дмитрій Коноплевъ, Иванъ Максимовъ, архимандритъ Юрьевскій Кассіанъ съ братомъ и многіе другіе еретики были сожжены; Некрасу Рукатову сперва отрѣзали языкъ, и потомъ сожгли въ Новгородѣ; иныхъ расослали въ заточеніе, другихъ по монастырямъ. Нѣкоторые изъ еретиковъ, приговоренныхъ къ смертной казни, объявляли, что рассказываются; но ихъ раскаяніе не было принято, ибо Іосифъ представилъ, что раскаяніе, вынужденное страхомъ, не есть искреннее. Ударъ, нанесенный ереси соборомъ 1504 года, былъ силенъ, но не былъ окончательнымъ: мы еще должны будемъ обратиться къ этому предмету въ разсказъ о дѣлахъ преемника Іоаннова.

Кромѣ важнаго дѣла о ереси Жидовской, церковныя соборы Іоаннова времени занимались не менѣе важнымъ дѣломъ. улучшенія нравственности духовенства. Въ 1468 году Псковичи

отлучили отъ службы вдовыхъ священниковъ и дьяконовъ по всей Псковской волости, не спросившись ни Митрополита, ни епископовъ; архіепископъ Новгородскій Іона хотѣлъ наложить на нихъ за это неблагословеніе, но Митрополитъ Θεодосій запретилъ ему это дѣлать. Θεодосій знаменитъ въ исторіи Русской церкви, какъ жертва святой ревности къ улучшенію нравовъ духовенства: онъ, говоритъ лѣтописецъ, хотѣлъ священниковъ и дьяконовъ силою навести на Божій путь: началъ ихъ каждое воскресенье созывать и учить по святымъ правиламъ, вдовымъ дьяконамъ и священникамъ приказывалъ постригаться въ монахи; у кого изъ нихъ были наложницы, тѣхъ наказывалъ безъ милости, снималъ съ нихъ священство, налагалъ пени; церковей наставилъ много, и вотъ всякій, кому не хотѣлось работать, шелъ въ священники, не оставляя плотскихъ страстей, потому что шелъ не Богу служить, а тѣло свое льготить. Когда, въ слѣдствіе мѣръ Θεодосія, недостойные священнослужители были удалены, то многіе церкви остались безъ священниковъ; люди началъ тужить объ этомъ и порицать Митрополита. Это такъ огорчило Θεодосія, что онъ заболѣлъ, и когда выздоровѣлъ, то уже не хотѣлъ болѣе оставаться митрополитомъ, удалился въ Чудовъ монастырь, взялъ къ себѣ въ келью разслабленнаго старца, сталъ служить ему, омывая струпы.

Вопросъ, поднятый Псковичами и Θεодосіемъ въ началѣ княженія Іоаннова, былъ потомъ возобновленъ извѣстнымъ уже намъ своею дѣятельностію, Геннадіемъ Новгородскимъ, который обезсмертилъ свое имя въ исторіи Русскаго просвѣщенія тѣмъ, что первый началъ говорить о необходимости училищъ для духовныхъ: «Билъ я челомъ (пишетъ Геннадій къ Митрополиту Симону) государю великому князю, чтобъ велѣлъ училища устроить: вѣдь я своему государю напоминаю объ этомъ для его же чести и спасенія, а намъ бы просторъ былъ, когда приведутъ ко мнѣ ставленника грамотнаго, то я велю ему ектенію выучить, да и ставлю его и отпускаю тотъ часъ же, научивъ, какъ божественную службу совершать; и такіе на

меня не ропшутъ. Но вотъ приведутъ ко мнѣ мужика: я велю ему апостоль дасть читать, а онъ и ступить не умѣетъ; велю дать псалтырь — онъ и по тому едва бредетъ; я ему откажу — а они кричатъ: земля, господинъ, такая, не можемъ добыть человѣка, кто бы грамотъ умѣлъ; но вѣдь это всей землѣ позоръ, будто нѣтъ въ землѣ человѣка, кого бы можно въ попы поставить! Бьютъ мнѣ челомъ: пожалуй, господинъ, вели учить! Вотъ я и прикажу учить его ектеніямъ, а онъ и къ слову не можетъ пристать: ты говоришь ему то, а онъ совсѣмъ другое; велю учить азбукъ: а онъ, поучившись немного, да просится прочь, не хочетъ учиться; а иной и учится, но не усердно, и потому живетъ долго. Вотъ такіе-то меня и бранять; а мнѣ что же дѣлать? не могу, не учивши, ихъ поставить. Для того-то я и бью челомъ государю, чтобъ велѣлъ училища устроить: его разумомъ и грозою, а твоимъ благословеніемъ это дѣло исправится; ты бы, господинъ отецъ нашъ, государей нашихъ великихъ князей просилъ, чтобъ велѣли училища устроить; а мой совѣтъ таковъ, что учить въ училищѣ сперва азбукъ, а потомъ псалтири съ слѣдованіемъ накрѣпко; когда это выучатъ, то могутъ читать всякія книги. А вотъ мужики невѣжды учатъ ребятъ, только рѣчь имъ портятъ: прежде выучить вечерню, и за это мастеру принесетъ кашу да гривну денегъ, за заутреню тоже, или еще и больше, за часы особенно, да подарки еще несетъ кромѣ условной платы; а отъ мастера отойдетъ — ничего не умѣетъ, только бредеть по книгѣ, о церковномъ же порядкѣ понятія не имѣетъ. Если государь прикажетъ учить и цѣну назначить, что брать за ученье, то учащимся будетъ легко, а противиться никто не посмѣетъ; да чтобъ и поповъ ставленныхъ велѣлъ учить, потому что нерадѣніе въ землю вошло. Вотъ теперь у меня побѣжали четверо ставленниковъ — Максимка, да Куземка, да Аванасья, да Емельянка мясникъ: этотъ и съ недѣлю не поучился — побѣжалъ; православны ли такіе будутъ! по мнѣ такихъ нельзя ставить въ попы; о нихъ Богъ сказалъ чрезъ пророка:

ты разумъ мой отверже, азъ же отрину тебя, да не будешь ниѣ служителъ».

Въ 1503 году митрополитъ Симонъ вмѣстѣ съ Геннадіемъ и съ шестью другими епископами на соборѣ опредѣлили: такъ какъ найдено, что многіе вдовы священники и дьяконы послѣ женъ держали у себя наложницъ, не переставая священнодѣлствовать, то впередъ вдовымъ попомъ и дьяконамъ не служить; которые изъ нихъ уличены въ держаніи наложницъ, тѣмъ наложницъ отпустить, жить въ міру, волосъ своихъ не растить, платье носить мірское и дань давать вмѣстѣ съ мірскими людьми, и никакихъ священническихъ службъ не отправлять; а кто изъ нихъ съ наложницею уйдетъ въ дальнія мѣста и начнетъ служить: тѣхъ предавать гражданскимъ судьямъ; на которыхъ же вдовыхъ поповъ и дьяконовъ дурной молвы нѣтъ и сами говорятъ, что живутъ послѣ женъ чисто, тѣмъ стоять въ церкви на клиросахъ, держать дома епитрахили и приобщаться св. Таинъ въ епитрахляхъ, а дьяконамъ въ стихаряхъ и ораряхъ, но не служить, и пользоваться четвертою частію всѣхъ церковныхъ доходовъ. Чернецамъ и черницамъ въ одномъ монастырѣ вмѣстѣ не жить; въ мужскомъ монастырѣ служить игумену, а въ женскомъ бѣлому священнику. Если попъ или дьяконъ въ который день напьется пьянъ, то на другой день ему обѣдни не служить. На томъ же соборѣ было постановлено: митрополиту, архіепископамъ и епископамъ отъ постановленія духовныхъ лицъ всякихъ степеней не брать ничего; также отъ ставленныхъ грамотъ, печатнику отъ печати и дьяку отъ подписи не брать ничего; ставить въ священники не раньше тридцати лѣтъ, въ дьяконы не раньше 25, поддьяконы не раньше 20. За нарушеніе этихъ правилъ соборъ опредѣлилъ лишеніе сана; и кто же первый былъ обвиненъ въ нарушеніи этихъ правилъ, и кто первый подвергся наказанію, опредѣленному соборомъ? Геннадій Новгородскій. Подъ слѣдующимъ же 1504 годомъ читаемъ въ лѣтописяхъ: Геннадій, архіепископъ великаго Новгорода и Пскова оставилъ престолъ своей неволею: прѣхавши изъ Москвы послѣ собо-

ра, началъ изду брать съ священниковъ за ставленіе и еще больше прежняго, вопроки обѣщанію, данному на соборѣ, по совѣту любимца своего, дьяка Михайлы Гостенкова; великій князь и Митрополитъ, обыскавши, свели его съ престола въ Москву, гдѣ онъ былъ помѣщенъ въ Чудовъ монастырь. Догадываются, что сверженіе Геннадія было дѣломъ еретиковъ.

Въ монастыри старались вводить общежительные уставы; общее житіе въ митрополичьихъ уставныхъ грамотахъ называется богораднымъ; по этимъ грамотамъ, архимандритъ долженъ былъ имѣть одну трапезу съ братією, могъ имѣть особую трапезу только въ случаѣ прихода великихъ гостей; всякій приходъ монастырскій архимандритъ вѣдаетъ по слову и по совѣту со всею братією; нужно будетъ избрать кого-нибудь изъ братій для вѣданія монастырскаго прихода и церковнаго строенія, келаря, купчину, нужно будетъ послать кого на монастырскую службу — архимандритъ избираетъ и поставляетъ съ вѣдома всей братіи, кого братья изберутъ и по его благословенію; также иноковъ приходящихъ архимандритъ принимаетъ съ согласія всей братіи; безъ благословенія архимандрита иноки не выходятъ изъ монастыря; доходы съ земель монастырскихъ дѣлятся такъ: архимандриту половина, священникамъ, дьяконамъ и чернецамъ другая; послѣдняя дѣлится опять на двѣ части: одна священникамъ и дьяконамъ, другая чернецамъ; такимъ же образомъ поднимаются дань митрополичья и проѣзды; что же касается до годовыхъ дачъ или сорокоустовъ, вписовъ, молебновъ, то этими доходами архимандритъ дѣлится пополамъ съ священниками и дьяконами: одна половина архимандриту, другая священникамъ и дьяконамъ съ просвирникомъ и пономаремъ; а чернецы въ эти доходы не вступаются. По завѣщанію преподобнаго Евфросина Псковскаго, чернецы въ его монастырь не должны были ѣсть по келіямъ, кромѣ праздника или пиршества какого-нибудь, не должны были носить нѣмецкаго платья, также шубъ съ пухомъ, держать баню, позволять женщинамъ входить въ монастырь. Іосифъ Волоцкій запрещаетъ иноку разговаривать во время службы церковной и на трапезѣ;

на трапезѣ брать у брата кушанье и ставить передъ нимъ свое; ѣсть и пить больше другихъ; ходить въ деревню за какииъ либо дѣломъ; изъ церкви и изъ трапезы брать книги безъ благословенія пономаря; если инокъ увидитъ въ книгѣ какую-нибудь погрѣшность, то не смѣетъ переписывать или вырѣзывать, а долженъ сказать настоятелю и по другой книгѣ исправить, а не по своему домышленію; если случится согрѣшить словомъ, или дѣломъ, или помышленіемъ, то просить прощенія у настоятеля въ тотъ же день, а не откладывать до утра. Тотъ же Іосифъ запретилъ инокамъ своего монастыря, подъ страхомъ безчестнаго изгнанія, принимать въ келлію медъ, вино, пиво, квасъ медвяный, брагу. Мы видѣли уже, что Іосифъ прежде всего старался воскресить преданіе о строгости монастырской жизни. Въ этомъ отношеніи очень важно для насъ сочиненіе его: «Сказаніе о святыхъ Отцахъ монастырей Русскихъ», гдѣ сочинитель представляетъ намъ борьбу хранителей древняго преданія съ его нарушителями, и постоянно высказывать свою любимую мысль о необходимости строгихъ жръ для поддержанія строгости иноческой жизни: «Святый Сергій и другіе святые, говоритъ Іосифъ, такое стараніе имѣли о паствѣ, что не пропускали ни малѣйшаго небреженія или преслушанія; они были милостивы, гдѣ слѣдовало, и были строги, гдѣ настояла потребность, согрѣшавшихъ обличали и понуждали къ добру, ослушникамъ же не позволяли своевольничать, но отлучали ихъ отъ церкви и отъ трапезы. Между ними господствовала такая нищета, такое отсутствіе любостыжанія, что въ обители св. Сергія и самыя книги писали не на пергаменѣ, а на берестахъ; самъ же св. Сергій носилъ такое бѣдное платье, что приходящіе часто не узнавали его, и думали, что это одинъ изъ просителей. О святомъ же Кириллѣ что имѣть писать? По мнѣнію его и учениковъ его, въ наше время былъ въ его монастырѣ настоятель изъ другаго монастыря, и началъ нарушать нѣкоторыя преданія и постановленія св. Кирилла; но въ то же время былъ въ монастырѣ старецъ святой, именовъ Досвѣей Невѣдомицкыиъ и другіе старцы, любившіе преданія св. Кирилла;

они не стали молчать, видя нарушеніе древняго устава, и за это страдали отъ новаго настоятеля, блаженный же Досифей много разъ бывалъ бить отъ него. Однажды игумень, разсердившись на Досифея за увѣщанія не развращать преданія, столкнулъ блаженнаго старца съ трапезнаго мѣста, такъ что тотъ упалъ какъ мертвый на землю; выздоровѣвши Досифей пришелъ въ игумену и сказалъ: «хоть убей меня до смерти, а я не перестану говорить тебѣ объ уставѣ». Этотъ игумень ушелъ; выбрали новаго также изъ другаго монастыря, и этотъ опять началъ нарушать нѣкоторыя преданія, въ церкви, во время соборнаго пѣнія и въ трапезѣ за обѣдомъ любилъ разговаривать о бесполезныхъ вещахъ. Благочистивые старцы по прежнему стали его удерживать отъ этого, а онъ бросался на нихъ съ силой и билъ; наконецъ стыдно ему стало, и онъ ушелъ изъ монастыря. Выбрали третьяго, постриженника Кириллова монастыря, но и этотъ оказался такимъ же разрушителемъ преданій; когда всѣ лучшіе старцы убѣжали изъ монастыря; на этотъ разъ опять вступился въ дѣло, велѣлъ выгнать игумена, и старцы возвратились».

Въ поученіяхъ священнослужителямъ, дошедшихъ до насъ отъ описываемаго времени, находятся, между прочимъ, слѣдующія наставленія: «Въ церкви разговаривать не давай, приноса не приноси на Божій жертвенникъ отъ невѣрныхъ еретиковъ, развратниковъ, воровъ, разбойниковъ, грабителей и влстелей немилосердыхъ, корчемниковъ, рѣзоимцевъ (рѣзь — процентъ), ротниковъ (рота — клятва), клеветниковъ, поклеветниковъ, лжеслуховъ, волхвовъ, потворниковъ, игрецовъ, злобниковъ, или кто томитъ челядь свою голодомъ, и ранами и наготою. Къ убогимъ сиротамъ, болѣетъ ли кто нибудь изъ нихъ, или умереть, или родить, приходи прежде чѣмъ позовутъ: стой на стражѣ день и ночь съ крещеніемъ, покаяніемъ, причастіемъ, твори достойное правило съ любовію, тихо, не спѣша: младенецъ не разумѣетъ, мертвецъ не чувствуетъ; младенца крести и всякому чловѣку причастіе давай, кромѣ мертвеца; кто изгубилъ дѣлностію или нерадѣніемъ, мука ихъ на тебѣ

взыщется; къ троеженцу не входи въ дождь, развѣ только будетъ на одръ смертнѡмъ».

Нравственное состояніе недавно обращенныхъ въ Христіанство Пермичей, какъ духовныхъ, такъ и мірянъ, требовало особенной заботливости со стороны митрополита, требовало особеннаго поученія. Въ 1501 году митрополитъ писалъ къ Пермскому духовенству: «Слышу о васъ, что о церковномъ исправленіи и своемъ спасеніи нерадите, о духовныхъ дѣлахъ небрежете и душевной пользы не ищите: сами ядите и пьете не въ приличное время, до обѣда, а этимъ и новокрещеннымъ людямъ послабленіе даете; многіе повокрещенные люди, смотря на васъ, соблазняются, тоже дѣлаютъ; да и вступаютъ въ незаконные браки, въ родствѣ, и другія богомерзкія дѣла творять». Къ мірянамъ тотъ же митрополитъ писалъ: «Кумирамъ не служите, требъ ихъ не принимайте, Воппелю болвану не молитесь, древнему обычаю, и всякихъ тризнищъ не творите идоламъ, браки незаконные не вступайте, какъ слышно о васъ, что вы вась женятся въ родствѣ по ветхому и татарскому обычаю, кто у васъ умретъ, то второй его братъ беретъ за себя его вдову, и третій братъ также дѣлаетъ; а жены ваши ходятъ простоволосыя. Все это вы дѣлаете не по закону христіанскому».

Что касается до матеріальнаго благосостоянія духовенства, то митрополитъ пользовался тѣми же доходами, какіе имѣлъ и прежде: Нерехтскія соляныя варницы, митрополичьи и живущіе въ нихъ люди, были освобождены отъ дани, пошлинъ, податности волостелямъ и тиунамъ великой княгини Маріи; въ 1504 году великій князь освободилъ митрополичьи села и монастыри въ Московскомъ и Владимирскомъ уѣздахъ отъ податности своимъ намѣстникамъ и волостелямъ; обозы съ Шешинскою рыбою, шедшіе въ Москву для митрополита, освобождены были отъ пошлинъ; митрополитъ отправлялъ слугу своего съ товарами для торговли, «чтобъ прибыло церкви Божіей въ подможеніе»; въ подорожной этому купчанинъ митрополитъ просилъ, чтобъ пошлинъ ни гдѣ съ него не брали и въ тѣ-

ныхъ мѣстахъ провожали. Относительно архіерейскихъ доходовъ съ подчиненнаго духовенства, въ описываемое время мы узнаемъ нѣкоторыя новыя подробности противъ прежняго; пошлины перечисляются такъ: «Дань Петровская и Рождественская, десятина, данская пошлина, десятиничьи пошлины, доводчичьи, заѣздничьи, зазвничьи, благословенная куница, явленная куница съ грамотою, полоть, казенные алтыны, писчее, людское. Мы видѣли, что и прежде возникало сомнѣніе, слѣдуетъ ли монастырямъ владѣть селами? и митрополитъ Кипріанъ рѣшительно склонялся къ отрицательному отвѣту; при Іоаннѣ III-мъ вопросъ возобновился: онъ былъ поднятъ на соборѣ знаменитымъ отшельникомъ, основателемъ скитскаго житія, Ниломъ Майковымъ, болѣе извѣстнымъ подъ именемъ Сорскаго (по обители его на рѣкѣ Сорѣ, въ 15 верстахъ отъ Кириллова Бѣлозерскаго монастыря); Нилъ требовалъ, чтобъ у монастырей селъ не было, а жили бы чернецы по пустынямъ и кормились рукодѣліемъ; это требованіе поддерживали пустытники Бѣлозерскіе. Но противъ него возсталъ знаменитый же подвигами иноческой жизни старецъ, Іосифъ Волоцкій. Нилъ смотрѣлъ на монастырь какъ на общество людей, отказавшихся отъ міра; это общество, въ глазахъ его, было тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ менѣе имѣло столкновеній съ міромъ; Іосифъ же, кромѣ этого значенія монастыря, предполагалъ еще другое: онъ смотрѣлъ на монастырь также какъ на разсадникъ властей церковныхъ; Нилъ имѣлъ въ виду отшельника, желающаго укрыться отъ міра, отъ всѣхъ его отношеній, въ болотахъ и лѣсахъ Бѣлозерскихъ; Іосифъ имѣлъ въ виду также и владыку, епископа, который будетъ взятъ изъ монастыря: «Если у монастырей селъ не будетъ, говорилъ Іосифъ, то какъ честному и благородному человѣку постричься? Если не будетъ честныхъ старцевъ, то откуда взять на митрополию или архіепископа, или епископа? Если не будетъ честныхъ старцевъ и благородныхъ, то вѣра поколеблется». Вспомнишь, что въ описываемое время обезпеченное содержаніе могло представляться не иначе, какъ въ видѣ владѣнія земельною собствен-

ностию; служилые люди получали содержание въ видѣ помѣстій; слѣдовательно вопросъ о содержаніи монашествующихъ могъ представиться только въ такой формѣ: или владѣть имъ селами, или кормиться подаваніемъ и работою рукъ своихъ? — Мнѣніе Іосифа Волоцкаго превозмогло на соборѣ, и митрополитъ Симонъ отвѣчалъ великому князю, что духовенство не дерзаетъ и не благоволитъ отдавать церковныхъ земель, при чемъ ссылался на давній обычай Греческой и Русской церкви, на уставы Владиміра и Ярослава, наконецъ даже на примѣръ хановъ Татарскихъ, которые никогда не трогали имущества церковныхъ. Великій князь оставилъ дѣло; но вопросъ, какъ увидимъ послѣ, не переставалъ раздѣлять Русское духовенство.

Встрѣчаемъ извѣстіе, что въ описываемое время священники и въ Москвѣ распределялись по соборамъ. Касательно правъ духовенства мы видимъ, что оно не было освобождено отъ тѣлеснаго наказанія. Кромѣ извѣстій о наказаніяхъ еретиковъ, подъ 1488 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе, что Чудовскаго архимандрита, князя Ухтомекаго и еще какого-то Хомутова били на торгу кнутомъ за то, что они составили подложную жалованную грамоту Спасо-Каменному монастырю отъ имени князя Андрея Вологодскаго, послѣ уже его смерти. Отъ торговой казни духовенство не было освобождено и во Псковѣ, что видимъ изъ слѣдующаго извѣстія подъ 1495 годомъ: по случаю Шведской войны Псковичи назначили наборъ ратныхъ людей: съ десяти сохъ коннаго человѣка; назначили сборъ со священниковъ и дьяконовъ; но священники нашли въ правахъ, что не слѣдуетъ брать ратниковъ съ церковныхъ земель: тогда посадники хотѣли силою заставить ихъ давать ратныхъ людей, при чемъ хотѣли двохъ священниковъ кнутомъ обезчестить, и тѣ въ однѣхъ сорочкахъ стояли на вѣчѣ.

Въ заключеніе мы должны упомянуть о связи Русской церкви съ восточною при Іоаннѣ III. Въ 1464 году митрополитъ Феодосій писалъ въ Новгородъ и Псковъ, прося жертвовать

на искупленіе св. Гроба отъ Египетскаго Султана; для сбора пожертвованій хотѣлъ ѣхать въ Москву самъ Іерусалимскій Патріархъ Іоакимъ; но на дорогѣ заболѣлъ и умеръ въ Кафѣ, завѣщавъ свое дѣло Іосифу, нареченному митрополиту Кесаріи Филипповой, который былъ поставленъ на свою митрополию въ Москвѣ здѣшнимъ Митрополитомъ Θεодосіемъ, по благословенію и по грамотамъ Патріарха Іоакима. Въ 1480 году Іерусалимскій Патріархъ Іоакимъ писалъ къ митрополиту Геронтію, что одинъ Рускій, именемъ Григорій, подъ видомъ купца, надемъ его въ Египтъ и просилъ дать благословеніе и писаніе къ Московскому митрополиту, въ порадованіе и пріятельство. Приходилъ также за милостынею изъ Аѳонской горы, изъ монастыря Ксиропотамона инокъ Герасимъ; великій князь надѣлалъ его и отпустилъ; но на дорогѣ старецъ былъ взятъ въ плѣнъ и ограбленъ Татарами, которые продали его въ Астрахань, изъ Астрахани въ Казань, гдѣ онъ былъ выкупленъ и препровожденъ въ Москву; митрополитъ Симонъ писалъ окружное посланіе, прося пожертвованій для этого Герасима. Видя съ одной стороны въ Русской церкви желаніе не прерывать связи съ Греческою церковію и сочувствіе къ бѣдствіямъ послѣдней, съ другой мы видимъ сильное отвращеніе отъ сближенія съ церковію Латинскою: въ этомъ отношеніи любопытно писмо изъ Пскова отъ какого то Филиппа Петрова (вѣроятно намѣстника владычняго) къ Новгородскому архіепископу Геннадію о спорѣ Псковскихъ священниковъ съ Латинскими монахами: «Пришли сѣрые чернецы отъ Нѣмцевъ въ Псковъ, да стали говорить о вѣрѣ; были у священниковъ, а въ тебѣ не захотѣли идти; рѣчь ихъ такова: соединилъ вѣру нашъ папа вмѣстѣ съ вашими на осьмомъ соборѣ, и мы и мы христіане, вѣруемъ въ Сына Божія. Наши священники отвѣчали имъ: не у всѣхъ вѣра правая; если вѣруете въ Сына Божія, то зачѣмъ богоубійцамъ жидамъ послѣдуете, поститесь въ субботу и опреснокъ въ жертву приносите? Зачѣмъ два Духа незаконно вводите, говоря: и въ Духа Святаго животворяща, отъ Отца и Сына исходящаго? А что говорите намъ

объ осьмомъ соннищѣ, объ италіанскомъ скверномъ соборѣ Латинскомъ, то намъ хорошо извѣстно: это сборище окаянное на нашей памяти было, и едва убѣжалъ кардиналъ Исидоръ отъ нашего государя великаго князя Василія Васильевича, Царя всея Руси; объ этомъ соборѣ мы и слышать не хотимъ, потому что отринуть онъ Богомъ и четырьмя Патріархами; будемъ держать семь соборовъ Вселенскихъ и помѣстные; они угодны Богу, потому что сказано: «Премудрость созда себѣ домъ и утверди столповъ семь ²⁹⁵».

Что касается состоянія православнаго духовенства въ Литовской Руси, то здѣсь при избраніи митрополита на Кіевъ, каждый разъ посылали за благословіемъ къ патріарху Константинопольскому; избраніе же и поставленіе совершалось въ Руси. Въ 1494 году великій князь Александръ подтвердилъ жалованную грамоту отца своего Казимира Смоленскому владыкѣ, по которой люди послѣдняго освобождались отъ суда намѣстника великокняжескаго; также владыка получилъ право перезывать изъ-за границы людей и селить ихъ на своихъ церковныхъ земляхъ; въ 1499 году тотъ же великій князь далъ митрополиту и епископамъ грамоту о неприкосновенности святительскаго суда и церковнаго имущества на основаніи церковнаго устава Ярославова (свитка Ярослава). Относительно нѣкоторыхъ монастырей великіе князья Литовскіе имѣли право подаванья; такъ напримѣръ въ 1496 году какой-то Григорій Поповичъ билъ челомъ великому князю Александру, просилъ у него Кіевскаго Михайловскаго монастыря, объявляя, что этотъ монастырь издавна великокняжеское подаванье; справившись, что объявленіе Григорія справедливо, Александръ велѣлъ отдать монастырь просителю съ тѣмъ, чтобъ онъ немедленно постригся въ монахи ²⁹⁶.

Если относительно суда церковнаго основывались еще на уставѣ или Свиткѣ Ярослава, то относительно суда гражданскаго мы видѣли, что уже въ уставной грамотѣ Василія Дмитріевича находятся новизны противъ Русской правды, приписываемой тому же Ярославу. Судный уставъ или Судебникъ,

собранный при Иоаннѣ III, въ 1497 году, дьякомъ Владиміромъ Гусевымъ, представляетъ оиать новое движеніе юридическихъ понятій сравнительно съ уставною грамотою дѣда Юлинова. Судебникъ этотъ прежде всего опредѣляетъ, кто долженъ судить? «Судить судъ боярамъ, окольниковымъ, или дѣтямъ боярскимъ, за которыми кормленія съ судомъ боярскимъ, а на судѣ быть у бояръ и окольниковыхъ дьякомъ. Котораго жалобника управить будетъ нельзя, о такомъ говорить великому князю, или отослать его къ толу, кому приказано вѣдать такихъ людей». Думаютъ, что здѣсь выраженіе: «кому приказано вѣдать такихъ людей» указываетъ на Приказы; но это выраженіе вполне объясняется древними жалованными грамотами, наприм. жалованною грамотою Дмитрія Донскаго Новоторжцу Евсевку: «А приказалъ есмь его блюсти дядѣ своему Василью Тысяцкому». Намѣстники и волостелями, которые держатъ кормленія безъ боярскаго суда, также тиунамъ великокняжескимъ и боярскимъ, за которыми кормленія съ судомъ боярскимъ, холопа и рабы безъ боярскаго доклада не выдавать, и отпускныхъ не давать; татя и душегубца не отпускать, всякаго лихаго челоуѣка безъ доклада не продать, ни казнить, ни отпустить.—Опредѣляется, какъ судьи должны судить: боярамъ или дѣтямъ боярскимъ судить, а на судѣ у нихъ быть дворскому, старостѣ и лучшимъ людемъ; посула имъ отъ суда не брать, ихъ тиунамъ и людемъ посула отъ суда не брать же, ни на господина своего, ни на тиуна, и пошлинникамъ отъ суда посуловъ не просить; велѣтъ прокликать по торгамъ въ Москвѣ и во всѣхъ городахъ Московской и Новгородской земли, и заповѣдать по всѣмъ волостямъ, чтобы истецъ (ищца) и отвѣтчикъ судьямъ и приставамъ посула не сулили въ судѣ. Всякому судѣ судомъ не мстити, не дружить никому, жалобниковъ отъ себя не отсылать, а давать всѣмъ жалобникамъ управу во всемъ. Кого обвинить бояринъ не по суду, и грамоту правую на него съ дьякомъ дать, то эта грамота ни въ грамоту, взятое отдать назадъ, а боярину и дьяку въ томъ пени нѣтъ, исцать

же судъ съ головы. — Уголовныя преступленія и наказанія за нихъ обозначаются такъ: если доведуть на кого воровство, разбой, душегубство, ябедничество, или другое какое-нибудь лихое дѣло, и будетъ онъ вѣдомый лихой человекъ, то бояринъ велѣтъ его казнить смертною казнью, а истца вознаграждать изъ его имѣнія; если за этимъ вознагражденіемъ что останется, то идетъ на боярина и дьяка; если же у преступника не будетъ имѣнія, чѣмъ заплатить истцу, то бояринъ не долженъ выдавать послѣднему преступника, но долженъ велѣтъ казнить его. Убійцу своего господина, крамольника, церковнаго тата и головнаго (похитителя людей), подметчика, закладальщика, вѣдомаго лихаго человека казнить смертною казнью. Если когонибудь поймутъ на воровствѣ въ первый разъ (кроме церковнаго воровства и головнаго), то казнить его головою казнью, бить кнутомъ, потомъ доправить на немъ вознагражденіе истцу и судѣ продать; если же не будетъ у него имѣнія, то, бивши кнутомъ, выдать истцу головою и продать, а судѣ не брать ничего; поймутъ его въ другой разъ на воровствѣ, то казнить смертію, а съ имѣніемъ поступать, какъ прежде показано. Кто съоретъ между или границею въ земляхъ великокняжескихъ, боярскихъ и монастырскихъ, того бить кнутомъ, да истцу взять на немъ рубль, а въ черныхъ волостяхъ волостель или посельскій беретъ виноватомъ два алтына, да за рану что присудятъ, посмотрѣть по человеку и по ранѣ. Между селами и деревнями должны быть загородья по половинамъ: въ случаѣ погравы взыскаю убытокъ съ того, въ чью загородъ прошелъ скотъ. — О земляхъ судѣ: взыщеть бояринъ на бояринѣ, или монастырь на монастырѣ, или бояринъ на монастырѣ, или монастырь на бояринѣ; взыщеть черный на черномъ или помѣщикъ на помѣщикѣ, или черный или сельскій на помѣщикѣ и на оборотъ, то судить за три года, а дальше трехъ лѣтъ не судить; взыщуть на бояринѣ или на монастырѣ великокняжеской земли то судить за шесть лѣтъ.

Изъ судебныхъ доказательствъ въ Судебникѣ означены

молчание, послушество или свидѣтельство, поже или оудобный поединокъ, клятва. Велѣно проклинать по торгамъ въ Москвѣ и во всѣхъ городахъ Московской и Новгородской земли, и по всѣмъ волостямъ заповѣдать, чтобъ свидѣтели, не выдавши, не свидѣтельствовать, а видѣвши сказать правду. Если свидѣтель засвидѣтельствуесть лживо, не выдавши, то на немъ взыщется вознагражденіе истцу и всѣ убытки. На кого скажутъ человекъ пять или шесть дѣтей боярскихъ добрыхъ по великаго князя крестному цѣлованію, или черныхъ человекъ пять, шесть добрыхъ христіанъ цѣловальниковъ, что онъ воръ, а доказательства не будетъ, что онъ прежде воровалъ, то взятъ на немъ вознагражденіе истцу безъ суда. Если приведутъ вора съ молчаниемъ впервые, и скажутъ на него человекъ пять или шесть, по великаго князя крестному цѣлованію, что онъ воръ вѣдомый и прежде того не одинъ разъ красть, то казнить его смертною казнію, а истцу дать вознагражденіе изъ оставшагося имѣнія. Если воръ скажетъ на кого нибудь, то этого человека обыскивать: если онъ запозоренъ уже въ какомъ нибудь прѣмѣнѣ дѣлѣ, то его вытатъ; если же нѣтъ, то рѣчь вора не вѣрять, а дать его на поруку до обыску. Если кто купитъ на торгу что нибудь новое, кромѣ лошади, не зная у кого купилъ, при двухъ или трехъ свидѣтеляхъ, людяхъ добрыхъ, и если послѣ смыщется, что купленная вещь краденая, то купившій правъ и присяги ему нѣтъ, когда свидѣтели скажутъ, что при нихъ купилъ; если же свидѣтелей не будетъ, то купившій долженъ идти изъ присягѣ. Если свидѣтель будетъ уличать кого нибудь въ дракъ, грабежъ или займъ; то уличаемоу отдается на волю: или идти битися съ свидѣтелемъ или, ставши у поля, положить у креста то, чего на немъ ищутъ: тогда истецъ безъ присяги возьметъ свое, отвѣтчикъ же займатитъ полевья пошлинны; если же отвѣтчикъ, не стоявъ у поля; положить у креста, то заплатитъ судьямъ пошлинну по списку, а полевыхъ пошлинъ платитъ не обязанъ. Если отвѣтчикъ противъ свидѣтеля будетъ старъ или малъ, или члнъ увѣчалъ, или попъ, или червецъ, или монахия,

или женщина, то вольно имъ выставить противъ свидѣтеля наемнаго бойца, свидѣтелю же нельзя нанять вмѣсто себя другаго для битвы; какіе правый или его свидѣтель потерпѣть убытки, то всѣ они взыщутся на виноватомъ. Если послухъ не пойдетъ передъ судью, есть ли за нимъ рѣчи, нѣтъ ли, во всякомъ случаѣ взять на немъ искъ, всѣ убытки и всѣ пошлины, а съ праветчикомъ ему судъ. Если свидѣтель не показываетъ одинаково съ истцомъ, то послѣдній этимъ обвиняется. Если исцемъ или свидѣтелемъ будетъ женщина, или ребенокъ, или старикъ, или больной, или увѣчный, или попъ, или чернецъ, или монахиня, то вольно имъ нанять за себя бойца: они присягнуть, а наемники будутъ биты; противъ этихъ наемниковъ отвѣтчикъ можетъ также выставить наемнаго бойца, если самъ не захочетъ биться. Если чужеземецъ ищетъ на чужеземцѣ, то полагается на волю отвѣтчика: хочетъ, отцѣлуется (дасть присягу), что невиноватъ, или у креста положить то, чего на немъ ищутъ, а истецъ, поцѣловавши крестъ, возьметъ.

О займахъ опредѣлено: если купецъ, идучи на торговлю, возьметъ у кого-нибудь деньги или товаръ, и на дорогѣ этотъ товаръ или деньги изгнубить безъ его вины, потонуть, сгорѣть, или рать возьметъ, то, послѣ обыска, должникъ платитъ займодавцу только то, что взято безъ росту. Если же взявши для торговли, онъ пропьетъ или какъ нибудь иначе погубитъ взятое по своей волѣ, то выдается истцу головою на продажу.— Относительно наслѣдства положено: если человекъ умретъ безъ духовной грамоты, и не будетъ у него сына, то все имущество и земля идутъ дочери, а не будетъ у него дочери, то взять ближнему отъ его рода. Наконецъ въ Судебникѣ нѣсколько статей посвящено опредѣленію судебныхъ пошлинъ: Брать боярину и дьяку въ судѣ, отъ рублеваго дѣла на виноватомъ,—боярину два алтына, а дьяку восемь денегъ; а будетъ дѣло выше рубля или ниже, то боярину брать по тому же разсчету и проч.

Что касается формы Судебника, то онъ составленъ, безъ

всякаго порядка, изъ статей, въ разныя времена писанныхъ; некоторыя статьи встрѣчаются по два раза, при чемъ одна пространнѣе другой; въ статьѣ о посулахъ и послушствѣ говорится: «велѣть прокликать по торгамъ, въ Москвѣ и во всѣхъ городахъ Московской и Новгородской земли»;—не прибавлено: «Тверской», и это можетъ вести къ заключенію, что статья издана до покоренія Твери. Если сравнимъ Судебникъ съ Русскою Правдою, то найдемъ важное различіе: мечь, самоуправство не допускается; истецъ вознаграждается изъ имущества преступника, но когда этого имущества не окажется, то правительство не отказывается отъ своего права казнить преступника. Важно въ Судебникѣ опредѣленіе, кому и какъ судить; важно постановленіе о наследствѣ, признаніе права на наследство дочерей и рода, безъ различія состояній.

Кромѣ Судебника, отъ временъ Юяанна III дошелъ до насъ еще любопытный юридическій памятникъ—Уставная Бѣлозерская грамота; здѣсь между прочимъ встрѣчаемъ слѣдующія опредѣленія: «Поличное то, что вынуть изъ клѣти, изъ-за замка; а найдуть гдѣ на дворѣ, или въ пустой хороминѣ, а не за замкомъ, то не поличное. У кого что-нибудь признаеть воровское, и тотъ сведеть съ себя сводъ, хотя бы до десятаго свода и до бѣглаго вора, — намѣстники не берутъ ничего. Самосудъ то, кто поймаеть вора съ поличнымъ, да спустить его прочь, не объява намѣстникамъ и тиунамъ ихъ, и будетъ въ томъ уличень. Случится гдѣ душегубство, въ городѣ, или въ стану, или въ волости, и душегубецъ не същется, то жители города, стана или волости платять вины четыре рубля. Намѣстникамъ и тиунамъ безъ соцкихъ и безъ добрыхъ людей не судить суда. Тиунамъ и намѣстничьимъ людямъ на пиръ и на братчину незванымъ не ходить, а кто придетъ незванный, того можно выслать вонъ; а кто станеть ить силою, и приключится какойнибудь вредъ, тотъ долженъ платять безъ суда, а отъ великаго князя будетъ въ наказаніи.

Судебникъ короля Казимира, данный Литвѣ въ 1468 году, доставляетъ намъ возможность сравнить юридическія понятія

въ Западной и Восточной Руси. По Судебнику Казимирову, если приведутъ вора съ поличнымъ, и онъ будетъ въ состояніи заплатить истцу, то пусть платитъ; если же не будетъ въ состояніи заплатить, а жена его со взрослыми дѣтьми знала о воровствѣ, то платитъ женою и дѣтьми, самого же вора на висѣлицу; если же дѣти его будутъ малолѣтныя, ниже семилѣтъ, то они не отвѣчаютъ; если жена и взрослые дѣти вора захотятъ выкупиться, или господинъ захочетъ ихъ выкупить, то могутъ выкупаться. Если воръ не приносилъ покражи доволъ, и жена съ дѣтьми ею не пользовались, то одинъ злодѣй теритъ, а жена, дѣти и домъ ихъ невиноваты, вознагражденіе истцу платится изъ имущества вора, а жинино имѣніе остается неприкосновеннымъ. Если преступленіе будетъ совершенно преступнымъ человѣкомъ, а господинъ зналъ о немъ; или принималъ участіе, то и господинъ отвѣчаетъ наравнѣ съ преступникомъ. Кто будетъ держать у себя постояльца тайно, и объявивши сосѣдямъ, и случится у кого нибудь изъ нихъ пронажа, то онъ обязанъ поставить своего постояльца къ тремъ срокамъ, если же къ послѣднему сроку не поставитъ, то долженъ заплатить за покраденное, а постояльца пусть ищетъ и нашедши, пусть приводитъ на судъ: то ужъ заплачено. Кто украдетъ выше полкопы денегъ или корову, того повѣсятъ. Кто украдетъ въ первый разъ меньше полтины, пусть отпущивается, если же больше полтины, то повѣсятъ. Если кто найдетъ лошадь блудящую или какія нибудь другія вещи потерянныя, долженъ объявить околницѣ; не найдется хозяинъ въ три дня, то нашедшій беретъ себѣ найденное; если нашедшій утаитъ найденное, то считается воромъ; если кто будетъ людей выводить или челядь невольную, и пойманъ съ поличнымъ, то на висѣлицу. Если вора стануть пытать, а онъ знаетъ средство противъ боли (а земіе зная), то повѣсятъ чародѣя, хоть бы и не признался съ пытки, если будутъ добрыя на него свидѣтели, если будетъ доказано, что онъ прежде кралъ и бывалъ на пыткѣ. Если тотъ, кому выдадутъ вора, не захочетъ его казнить, а захочетъ взять се

его деньги и отпустить, либо къ себѣ въ неволю взять, то лишается своего права: правительство казнить преступника, потому что злодѣю нельзя оказывать милости. — Не смотря на сходство постановленій въ обѣихъ Судебникахъ, видимъ и различіе; особенно важно постановленіе Литовскаго Судебника о семействѣ преступника, если оно не участвовало въ преступленіи: этой статьи нѣтъ въ Московскомъ Судебникѣ. Въ уставной грамотѣ великаго князя Александра Кіевскимъ изданаго встрѣчаемъ положеніе, которое, съ разными ограниченіями, мы видѣли уже въ Русской Правдѣ: «холопу и рабъ не вѣрять и въ свидѣтели ихъ не принимать; съ невольнымъ человекомъ суда нѣтъ». Дошло до насъ отъ описываемаго времени также нѣсколько распоряженій великаго князя Литовскаго относительно наслѣдства: въ 1495 г. дочери Мстиславскаго князя Ивана Юрьевича били челомъ великому князю Александру объ отчинѣ своей, и получили такой отвѣтъ: пусть ѣдутъ въ Мстиславль и владѣютъ всею отчиною своею, всѣми землями, которыми владѣлъ дѣдъ и отецъ ихъ, исключая тѣхъ имуществъ и людей, которыхъ король Казимиръ придалъ имъ: эту придачу Александръ беретъ себѣ; княжны пусть живутъ на отчинѣ своей до тѣхъ поръ, пока Богъ дастъ имъ жениховъ, княжатъ, которые были бы имъ равны; тогда великій князь объ нихъ позаботится; въ другомъ актѣ относительно Мстиславля говорится, что эта волость, по смерти жены послѣдняго князя Ивана, перешла къ великому князю, который отдалъ ее князю Жославскому (Ижеславскому, Изяславскому), женившемуся на дочери послѣдняго Мстиславскаго князя, княжнѣ Ульянѣ. Видимъ распоряженія, по которымъ дочь вводилась во владѣніе отцовскимъ имуществомъ, приобретеннымъ чрезъ пожалованіе великокняжеское. Относительно наслѣдства женъ послѣ мужа, встрѣчаемъ такое распоряженіе: князь Мосальскій просилъ у великаго князя Александра имѣнія въ Смоленскомъ повѣтѣ, говоря, что владѣлецъ этого имѣнія, Протасъевъ умеръ, наслѣдниковъ не оставилъ, оставилъ только жену; великій князь далъ просителю имѣніе отъ тѣхъ, чтобы

онъ держалъ въ немъ вдову Протасьева въ чести, не обижалъ ничѣмъ до самой ея смерти. По уставной грамотѣ, данной жителямъ Бельской области въ 1501 году, жена, по смерти мужа, оставляется въ покоѣ годъ и недѣлю; потомъ, взявши вѣно, которое получила она отъ мужа, а еслибъ этого вѣна не было, то взявши свое вѣно или приданое, съ которымиъ выдана была замужъ, вдова возвращается къ родичамъ своимъ, если имѣеть ихъ, братьевъ или сестеръ, и должна возвратитъ вѣно родичамъ, которымиъ была выдана замужъ; если же не захочетъ возвратитъ, то теряетъ право на слѣдующую ей долю отцовскаго имущества, но не материнскаго. Что касается наслѣдства послѣ измѣнниковъ, то по случаю спора между князьями Бельскими о наслѣдствѣ князя Федора, бѣжавшаго въ Москву, было утверждено: если кто нибудь побѣжитъ отъ господаря, челомъ не ударивши, то имущество его нейдетъ къ родственникамъ, но на господаря ²⁹⁷.

Относительно права народнаго княженіе Іоанна III очень важно для насъ, во-первыхъ потому, что при немъ начались дипломатическія сношенія съ такими государствами, съ которыми прежде сношеній не было; во-вторыхъ потому, что начиная съ его времени, дипломатическія сношенія дошли до насъ во всѣхъ подробностяхъ записанныя. Что касается образа веденія войны, то онъ при Іоаннѣ III нисколько не измѣнился противъ прежняго; видимъ ту же жестокость и во внѣшнихъ и въ междоусобныхъ войнахъ: при описаніи войны Новгородской читаемъ, что полки пошли къ Новгороду разными дорогами, плѣнили, жгли; взятымъ въ битвѣ плѣнникамъ рѣзали носы и губы; въ походѣ на землю Черемисскую Русскіе полки причинили ей много вреда, людей перебили, другихъ въ плѣнъ взяли, иныхъ сожгли, скотъ, котораго нельзя было взять съ собою перебили; обычай браниться передъ битвами продолжался, что видимъ изъ описанія Шелонскаго боя; одному религиозному требованію дѣлались уступки: такъ великій князь во время Новгородской войны не велѣлъ союзнымъ Татарамъ брать въ плѣнъ людей-христіанъ. Касательно мирныхъ сношеній съ

государствами, прежде всего замѣчаютъ въ нихъ различіе, происходившее отъ различныхъ степеней важности этихъ государствъ для Москвы. Самый большой почетъ въ формахъ дипломатическихъ сношеній, даже въ ущербъ двору Московскому, какъ мы видѣли, оказывался хану Крымскому; здѣсь дѣйствовало, кромѣ сознанія пользы Крымскаго союза, еще преданіе о прежнихъ недавнихъ отношеніяхъ къ Татарскихъ ханамъ; преданіе это было такъ сильно, что вело къ странности: не требуя равенства въ сношеніяхъ съ Менглигиреемъ, Московскій дворъ требовалъ полнаго равенства въ сношеніяхъ съ султаномъ Турецкимъ, котораго Менглигирей былъ подручникомъ. Большимъ почетомъ подъзывались въ Москвѣ послы императора Германскаго, но съ соблюденіемъ равенства; почетъ оказывался имъ на томъ основаніи, что и нашимъ посламъ при дворѣ Австрійскомъ оказывались большія почести. При жизни Казимира Литовскаго, въ сношеніяхъ его съ Іоанномъ видимъ равенство, которое нарушается послѣ его смерти и нарушается въ пользу Москвы: такъ для заключенія мира знатные послы Литовскіе пріѣзжаютъ въ Москву, что дѣлается уже примѣромъ для будущаго времени и правомъ Московскаго двора. Касательно же другихъ сосѣднихъ державъ, Швеции и Ливоніи, Іоаннъ не допускалъ даже непосредственныхъ сношеній, требовалъ, чтобы эти державы сносились съ его намѣстниками; въ сношеніяхъ съ Ливонскими Нѣвцами Іоаннъ писался Царемъ, а отъ нихъ писалось ему челобитье.

Іоаннъ III высказалъ такое понятіе о послѣ: «всякій посолъ рѣчи говорить и лице носить государя своего». Въ слѣдствіе этого требовалъ также, чтобы у пословъ и людей посольскихъ не смотрѣли ихъ вещей, не брали съ нихъ тамги и никакихъ другихъ пошлинъ. Но относительно обращенія другихъ государей съ послами державъ ему враждебныхъ, Іоаннъ обнаруживалъ иногда другаго рода желанія: въ случаѣ, еслибы Крымскій ханъ спросилъ Московскаго посла: «Посолъ королевскій сидитъ у меня въ заточеніи, и князь великій что мнѣ приказалъ объ немъ»? — то Московскій посолъ долженъ былъ отвѣ-

чать хану по наказу своего государя: «Король какъ тебѣ недругъ, такъ и моему государю недругъ: такъ чѣмъ недругу досадишь, тѣмъ лучше». Имѣя такое высокое понятіе о послѣ, какъ носящемъ лице государя своего, Іоаннъ долженъ былъ заботиться не только о томъ, чтобъ его послу оказывалась достойная честь, но также и о томъ, чтобъ самъ посолъ, поведеніемъ своимъ, не унижилъ достоинства государя своего; такъ въ наказѣ посламъ, отправленнымъ въ Литву, окольникову Петру Михайловичу, дворецкому Константину Григорьевичу, сокольничему Михаилу Степановичу и дьяку Губѣ, читаемъ: «Вы бы Константинъ, Михайло и Губа, Петра чтили во всемъ, а ты бы, Петръ, ихъ берегъ, да также чтилъ бы во всемъ, а розни между вами не было бы ни въ чемъ, чтобы вы своею рознью имѣ безчестья не нанесли, а дѣлу моему порухи не было бы. А какъ будете у короля за столомъ, и послѣ стола пришлетъ за вами король, чтобъ вы шли вмѣстѣ пить, то вы идите всѣ къ Петру, да чтобъ между вами все было гладко, и пили бы вы бережно, не допьяна; гдѣ ни случится вамъ пить, вы бы себя берегли, пили бы бережно, чтобъ вашимъ небреженіемъ нашему имени безчестія не было: вѣдь что сдѣлаете неприличное, то намъ безчестье, и вамъ безчестье же; такъ вы бы во всемъ себя берегли. Да что посланы съ вами дѣти боярскіе — Орловъ съ товарищами, то на лавкѣ отъ Губы садился бы Орловъ, а противъ его на скамьѣ Рахманинъ-Тилинъ, а другимъ дѣтямъ боярскихъ скажите, чтобъ между ними мѣстъ не было, садились бы, и къ рукѣ и къ чашѣ ходили всѣ попеременно, чтобъ между ними объ этомъ споровъ не было; а кто не послушается, на того вы прикрикните, да и ударьте».

Когда одна изъ воюющихъ державъ обнаруживала желаніе кончить войну, то требовала пропускныхъ или опасныхъ грамотъ для пословъ своихъ; выдачу этихъ грамотъ Іоаннъ не хотѣлъ однако считать знакомъ прекращенія военныхъ дѣйствій; такъ онъ писалъ сыну своему Димитрію, осаждавшему Смоленскъ: «посылаю тебѣ опасную грамоту на имя великаго

кнѣзи Александра, для его пословъ: отдай ее епископскому челоуѣку, за ней прѣхавшему; но постарайся, чтобъ онъ не затѣжалъ въ Смоленскъ и не объявлялъ бы городничему, что опасная грамота дана; и вы дѣла не откладывайте, Смоленскъ доставайте, наше и земское дѣло дѣлайте, какъ васъ Богъ вразумитъ и какъ вамъ поможетъ».

Услыхавъ о приближеніи посла, посылали пристава встрѣчать его на границѣ, и во все продолженіе пути давать ему корми съ медомъ и виномъ; Максимидіанову послу Снупсу велѣно было давать въ Новгородѣ на день по курицѣ, по двѣ части говядины, по двѣ части свинины, по два калача полу-денежныхъ, а соли, засны, сметаны, масла, меду и вина сколько понадобится. Потомъ другой приставъ встрѣчалъ посла въ нѣкоторомъ растояніи отъ Москвы; въ день представленія сановники встрѣчали его внизу лѣстницы и передъ на-латными дверями. Вошедши въ пріемную палату, посолъ прави-лъ поклонъ великому князю отъ своего государя; Великій Князь, вставши, спрашивалъ о здоровьѣ послѣдняго, давалъ руку послу и приказывалъ ему садиться на скамью противъ себя. Посидѣвши не много, посолъ вставалъ и подавалъ вѣ-рющую грамоту, а послѣ грамоты представлялъ поминки или дары. Пріемъ происходилъ въ присутствіи сыновей великок-няжескихъ и всѣхъ бояръ; первымъ посолъ также прави-лъ поклоны (хоть не всегда), они давали ему руки и спрашивали о здоровьѣ. Въ тотъ же день посолъ обѣдалъ у государя, а послѣ обѣда великій князь посылалъ къ нему на подворье потчивать виномъ и медомъ, или, какъ обыкновенно выража-лось, посылалъ пить посла. Мы видѣли, какъ Іоаннь III на-казывалъ своимъ посламъ, чтобъ они при этомъ потчиваньи не напивались допьяна; но послы, прѣзжавшіе въ Москву изъ другихъ государствъ, какъ видно, не получали подобныхъ на-казовъ: Литовскій посолъ Станиславъ Глѣбовичъ, напившись пьянъ, вздумалъ говорить присланному потчивать его Князю Ноздреватому о цѣли своего посольства, о сватовствѣ своего государя на дочери великаго князя и т. д.; о Венгерскомъ

послѣ говорится: «ѣлъ у великаго князя, а послѣ стола князь великій посылаѣлъ поить его; посолѣ въ ту ночь пьяный разшибся, и не могъ быть на другой день съ королевскими рѣчами». На отпускѣ посла великій князь послѣ отвѣта, касавшагося цѣли посольства, приказывалъ съ посломъ поклонъ къ его государю и благодарность за подарки. Желая оказать особенную благосклонность Максимилианову послу Юрію Делатору, великій князь на отпускѣ сдѣлалъ его золотоносцемъ, далъ ему цѣпь золотую съ крестомъ, шубу атласную съ золотомъ на горностаехъ, да остроги (шпоры) серебряныя вызолоченныя. При отправленіи Русскихъ пословъ въ чужія государства, до границы давались имъ подводы отъ яма до яма, на наемъ подводъ за границею выдавались деньги; въ подорожной грамотѣ Юрію Трахоніоту и Василю Кулешину, отправлявшимся въ послахъ къ Максимилиану, говорилось, чтобъ вездѣ давалось каждому изъ нихъ по тринадцати подводъ, корму давалось бы каждому на всякой станціи—туша баранья, а овчина назадъ, три курицы, хлѣбъ. Значительные люди, кромѣ Крыма, отправлялись послами только въ важныхъ случаяхъ, напримѣръ, для подтвержденія мирнаго договора; обыкновенный наказъ посламъ состоялъ въ томъ, чтобъ они какъ можно болѣе узнали о состояніи и объ отношеніяхъ государства, въ которое посылались, и какъ можно менѣе сказали о своемъ государствѣ.

Главнѣйшею цѣлю пріѣзда иностранныхъ пословъ было заключеніе мира, перемирія, союза. Обрядъ заключенія перемирія между Іоанномъ и Александромъ Литовскими описывается такъ: По написаніи двухъ грамотъ съ обѣихъ сторонъ и привѣщеніи къ нимъ печатей, бояре отнесли Литовскую грамоту къ великому князю, который, осмотрѣвши посольскія печати у нея, велѣлъ посламъ быть у себя; когда послы пришли, то онъ велѣлъ имъ сѣсть, и послалъ за крестомъ; крестъ принесли на блюдѣ съ пеленою. Тогда великій князь всталъ, велѣлъ одному изъ бояръ держать крестъ, и въ то же время приказалъ читать перемирныя грамоты. Когда грамоты прочли и положили подъ крестъ, Іоаннъ, обратясь къ

посланъ, сказалъ: «Паны! мы съ братомъ своимъ и зятенъ Александромъ, королемъ и великимъ княземъ, заключили перемирие на шесть лѣтъ, и грамоты перемирныя написали и печати свои къ своей грамотѣ привѣсили, а вы къ королевскому слову, къ той грамотѣ, которой у насъ быть, печати свои привѣсили. Мы на этихъ грамотахъ крестъ цѣлуемъ, что хотимъ править такъ, какъ въ грамотахъ писано. А вы на этихъ грамотахъ цѣлуйте крестъ, что какъ будутъ у нашего брата наши бояре, то братъ нашъ и зять къ своей грамотѣ печать свою привѣситъ, и крестъ поцѣлууетъ предъ нашими боярами, отдастъ имъ перемирную грамоту, и будетъ править по ней; а не станетъ намъ править, то Богъ насъ съ нимъ расудитъ». Великій князь и послы поцѣловали крестъ. — Въ перемирныхъ грамотахъ выговаривалось, что если по истеченіи урочныхъ лѣтъ начнется опять война, то во время разрыва не захватывать пословъ и купцовъ, которые случатся тогда въ начинающихся войну государствахъ; въ перемирныхъ же грамотахъ Новгородцевъ и Псковичей съ Ливонією по прежнему полагается условіе, чтобъ начинать военныя дѣйствія не ранѣе четырехъ недѣль послѣ объявленія войны. О плѣнныхъ высказывалось требованіе съ Литовской стороны, чтобъ послѣ заключенія мира освобождать ихъ со всеѣмъ взятымъ у нихъ имуществомъ; когда Венгерскій посолъ ходатайствовалъ, чтобъ Литовскимъ плѣнникамъ возвратили свободу, обязавши ихъ присягою или порукою, то Іоаннъ велѣлъ отвѣчать ему: «въ нашихъ земляхъ нѣтъ обычая отпускать плѣнниковъ на присягѣ или на поруки, а нужды имъ нѣтъ никакой, всего довольно, ѣды, питья, и платья».

Предметомъ дипломатическихъ сношеній между государствами, послѣ заключенія мира, были преимущественно, какъ мы видѣли, непріязненныя столкновенія порубежныхъ жителей и притѣсненія торговыхъ людей. Въ договорахъ Новгородцевъ и Псковичей съ Ливонскими Нѣмцами различается вольное и невольное нарушеніе границъ: «Между Псковомъ и Юрьевымъ земли и воды по старый рубежъ; въ великомъ озерѣ ловить

Псковичамъ къ своему берегу, а за озеро великое, на Юрьевскую сторону, имъ не ѣздить на рыболовство; если же вѣтрошь занесетъ Псковскаго ловца на Юрьевскую сторону, то въ этомъ пени нѣтъ; также если вѣтеръ занесетъ и Нѣмецкаго ловца на Псковскую сторону; а кто станетъ наступать на чужую землю или воду, того казнить смертію съ обѣихъ сторонъ». Въ тѣхъ же договорахъ постановлялось: если на порубежьѣ, съ которой нибудь стороны, случится воровство, уводъ людей, грабежъ, убійство, то обиженная сторона посылаетъ три раза требовать управы, и если послѣ этого управы не будетъ, то обиженная сторона можетъ сама управиться (взять за свое на рубежѣ), и это не служитъ поводомъ къ разрыву, посла и купца за это нельзя задержать.—Можно сказать, что заключеніе мира не имѣло никакого вліянія на порубежныхъ жителей, которые находились въ постоянной войнѣ съ сосѣдями; поэтому порубежныя обидныя дѣла, какъ тогда выражались, составляли предметъ постоянныхъ пересылокъ между государствами, пересылокъ, почти никогда однако не достигавшихъ цѣли; Псковичи, Новгородцы и Нѣмцы Ливонскіе, какъ мы видѣли, прямо допускали самоуправство въ этомъ случаѣ; между Литовскимъ и Московскимъ правительствами видимъ постоянныя жалобы на порубежныя обиды и постоянныя требованія съѣздовъ для учиненія исправы; въ 1496 году посолъ Александра Литовскаго говорилъ Іоанну: «Напоминаемъ тебѣ, чтобъ ты возвратилъ намъ и слугатъ нашихъ земли, воды и людей нашихъ, которые забраны; а для другихъ дѣлъ обидныхъ, для покражъ, разбоевъ, грабежей, наѣздовъ и для исправленія старыхъ границъ, вышли немедленно своихъ бояръ, а мы къ нимъ своихъ пановъ вышлемъ: пусть они всѣмъ обиднымъ дѣламъ управу учинятъ». Новгородскіе намѣстники, заключая перемиріе съ Ливонскимъ магистромъ въ 1481 году, выговорили съѣздъ для управы обидныхъ дѣлъ; на этомъ съѣздѣ съ обѣихъ сторонъ должны были быть честные люди; если не успѣютъ рѣшить всѣхъ дѣлъ на одномъ съѣздѣ, то назначить другой; если же успѣютъ на вто-

рошъ, то назначить третій, и всѣмъ тремъ създамъ быть въ продолженіи двухъ лѣтъ; а не управятся на третьемъ създѣ, то перемирье не въ перемирье.— Постоянно въ договоры вносилось условіе, что купцамъ путь чистый, могутъ торговать въ розницу и оптомъ, исключая нѣкоторыхъ запрещенныхъ товаровъ, обозначенныхъ въ договорѣ, и постоянно это условіе подвергалось нарушеніямъ; вносилось также въ договоры, что купцовъ не захватывать при началіи войны, но и это условіе не исполнялось; жалуясь на его неисполненіе съ Литовской стороны, Иоаннъ говоритъ: «Наши люди торговые Московской земли, Новгородской, Псковской, Тверской, зашли въ Литовскую землю, и тамъ ихъ схватили, товары отняли: но этого нигдѣ не водится, чтобъ купцовъ захватывать; хотя и полки ходятъ, а купцу путь не затворенъ, купецъ идетъ на обѣ стороны безъ всякихъ зацѣпокъ».

Предметомъ посольствъ бывало также извѣщеніе о вступленіи новаго государя на престолъ; видимъ также предметомъ посольствъ ходатайство государей за другія государства: такъ Литовскіе государя ходатайствовали у Московскаго за воеводу Молдавскаго, за Швецію, за Нѣмцевъ. Ходатайство за православныхъ единовѣрцевъ, покровительство православнымъ подданнымъ чуждыхъ государствъ Иоаннъ, какъ мы видѣли, считалъ постоянно своимъ правомъ: вторая Литовская война началась за притѣсненія православныхъ; Александръ Литовскій признаетъ это право, ибо оправдывается, увѣряетъ, что онъ и не думалъ притѣснять православныхъ своихъ подданныхъ. Выставляя собственное право покровительствовать единовѣрцамъ, Иоаннъ не допускаетъ папскаго вмѣшательства въ дѣла, касающіяся православія въ Литвѣ, не хочетъ слышать о сношеніяхъ съ папою по церковнымъ дѣламъ; въ договоры съ Ливонскимъ орденомъ вносилось условіе — не обижать Русскихъ церквей въ Ливоніи. Наконецъ, замѣчаемъ, что въ сношеніяхъ съ христіанскими державами защита христіанства отъ невѣрныхъ обыкновенно выставляется какъ общій, высшій интересъ.

Въ дипломатическихъ сношеніяхъ Московскаго двора съ Литовскимъ мы видѣли любопытное явленіе, именно сношенія пановъ Литовскихъ съ боярами Московскими. Касательно языка грамотъ должно замѣтить, что въ сношеніяхъ съ Литовскимъ дворомъ онѣ писались по русски, въ Москвѣ на Московскомъ нарѣчій, въ Литвѣ на Бѣлорусскомъ; въ сношеніяхъ съ другими Европейскими государствами грамоты писались по Латини: когда Венгерскому послу дали отвѣтные списки, то онъ просилъ перевести ихъ на Латинскій языкъ, и, по приказу великаго князя, Московскіе толмачи Латинскіе перевели ихъ вмѣстѣ съ писаремъ Венгерскаго посольства. Отправляя пословъ къ Максимилиану, великій князь далъ имъ такой наказъ: «Просить имъ грамоты окончальной по великокняжескому списку слово въ слово, и говорить королю, чтобъ велѣлъ писать грамоту Русскимъ письмомъ, нѣтъ ли у него писца Серба или Словенина; а не будетъ у него такого писца, который бы могъ писать по русски, то писать по латыни или по нѣмецки»²⁹⁸.

Относительно состоянія общественной нравственности ново-рожденное государство должно было еще много терпѣть отъ остатковъ прежняго безнарядья. Намѣстники и волостели продолжали смотрѣть на отправленіе своихъ должностей, на отправленіе правосудія, исключительно какъ на средство кормиться, быть сытыми, и не считали неприличнымъ высказывать такой взглядъ прямо въ просьбахъ своихъ великому князю: такъ бояринъ Яковъ Захарычъ, назначенный въ Кострому намѣстникомъ вмѣстѣ съ Литовскимъ выходцемъ, паномъ Иваномъ Судимонтомъ, билъ челомъ великому князю, что имъ обоимъ на Костромѣ сытымъ быть не съ чего. Послѣ этого не удивительно читать въ лѣтописи, что Беклемишевъ, Алексинскій воевода запросилъ у городскихъ жителей посула, и когда они дали ему пять рублей, то онъ запросилъ еще шестаго для жены своей. Видимъ жестокость казней — сожженіе, отрѣзаніе языка, кнутъ — для людей всѣхъ сословій; но видимъ въ то же время и преступленія, объясняющія подобныя

жизни: подложная грамота была составлена въ 1488 году архимандритомъ и княземъ; видишь, что и въ другихъ странахъ наказанія не были мягче: по Магдебурскому праву, данному западнорусскимъ городамъ, употреблялись отсѣченіе головы, посаженіе на колъ, потопленіе. Разбойники въ Тверской землѣ убили двоихъ Псковскихъ гонцовъ, ѣхавшихъ въ Москву, вмѣстѣ со всѣми провозатыми, и побросали въ рѣку; въ какихъ разбѣрахъ производились разбои и кѣмъ, видно также изъ слѣдующаго извѣстія Псковской лѣтописи подъ 1476 годомъ: собрались Новгородскіе боярскіе ключники и ударились ночью разбоемъ со всею ратною приправою на Псковскую волость Гостатино. Одно духовное завѣщаніе, дошедшее до насъ отъ описываемаго времени, начинается такъ: «Се язъ рабъ Божій Панкратъ Ченѣй пишу сію грамоту душевную въ концѣ живота; а билъ я Михайла Скобелцинъ большой, съ своими людьми съ Кузенкою да съ Ивашкомъ съ Щокотомъ, да брата его человекъ Михайловъ меньшево Дмитрокъ Зуѣ, а билъ я у своего села, а пойти ми съ ихъ рукъ». Въ житіи св. Антонія Сійскаго читаемъ, что однажды пришелъ на Двину изъ Новгорода сборщикъ архіепископской дани, и думая, что у Антонія много богатства, наслалъ на его монастырь разбойниковъ. Противъ остатковъ языческихъ обычаевъ и соединенной съ ними нравственной порчи вооружился Елеазарова монастыря игуменъ Панфилъ въ своемъ посланіи къ Псковскимъ властямъ: «Есть еще остатокъ неприязни въ этомъ городѣ, и не прекратилась еще здѣсь леть идольская, празднованіе кумирское: когда приходитъ великій праздникъ Рождества Предтечева, тогда въ эту святую ночь мало не весь городъ взматется и взбѣсятся: стучать бубны, голосать сопѣли, гудуть струны, жены и дѣвы плещуть, пляшуть и поють скверныя пѣсни; тутъ мужамъ и юношамъ великое прельщеніе и паденіе, женамъ оскверненіе, дѣвамъ растлѣніе. Тогда же выходятъ мужчины и женщины, чаровники и чаровницы, бродятъ по лугамъ, болотамъ и дубравамъ, ищутъ смертной травы, чревоотравнаго зелья на вагубу людямъ и скоту, копаютъ корни на безуміе мужамъ».

Мы видѣли, что бабы — чаровницы имѣли доступъ и ко двору великокняжескому. Страсть къ крѣпкимъ напиткамъ продолжала господствовать; обѣды сопровождались питьемъ, при чемъ не соблюдалось умеренности: въ лѣтописи находимъ выраженіе — обѣдать и пить, гдѣ эти два слова необходимо связаны ¹⁹⁹. Неумѣренность въ пирушкахъ не сдерживалась присутствіемъ женщинъ, съ которыми вообще обходились не очень благо-склонно ²⁰⁰. Въ житіи св. Александра Свирскаго встрѣчаемъ извѣстіе, что если женщина рождала однѣхъ только дочерей, то подвергалась поношенію и оскорбленію отъ постороннихъ людей. Одинъ изъ Костромскихъ намѣстниковъ, бояринъ Яковъ Захарьевичъ жаловался, что когда его жена Арина пришла напередъ въ церковь къ Пречистой, то другой намѣстникъ Судимонтъ взялъ ее за накапку, свелъ съ мѣста, и поставилъ свою жену Аксинью. Великій князь, выговаривая Судимонту за этотъ поступокъ, пишетъ: «это ты дѣлаешь по Литовскому обычаю». Изъ этого видно, что у народовъ, съ которыми жители Московскаго государства находились въ самыхъ частыхъ сношеніяхъ, нечего было перенимать хорошаго; мы уже имѣли случай замѣтить тоже самое, говоря о поведеніи Литовскаго и Венгерскаго пословъ въ Москвѣ. Венеціанскій посолъ Контарини пишетъ, что, отправившись изъ Житомира, онъ цѣлый день ѣхалъ большимъ лѣсомъ, крайне опаснымъ по причинѣ всякаго рода бродягъ его наполнявшихъ; по его же свидѣтельству, жители Кіева обыкновенно проводили утро, до трехъ часовъ, въ занятіяхъ, а потомъ отправлялись въ шипки, гдѣ оставались вплоть до самой ночи, и не рѣдко, напившись до пьяна, заводили между собою драки.

Но общество, не смотря на неблагоприятныя обстоятельства для нравственности, оставалась обществомъ христіанскимъ, и потому подлѣ извѣстій, свидѣтельствующихъ о неудовлетворительномъ нравственномъ состояніи общества, находилъ извѣстія о подвигахъ лицъ, которыя словомъ и дѣломъ боролись противоборствовали нравственной порчѣ; находимъ извѣстія объ обычаяхъ, коренившихся на религіозномъ чувствѣ, на чувствѣ

христіанскаго милосердія; такъ читаемъ въ лѣтописи: одинъ чловѣкъ въ городѣ Москвѣ ходилъ по обычаю къ селу Скудельничему, которое содержатъ граждане на погребеніе странныхъ; обычай они имѣють ходить туда въ четвергъ седьмой недѣли (въ Семикъ), покупать канонъ, свѣчу и молиться объ умершихъ; загребають старую яму, наполненную мертвецами и выкапываютъ новую, всѣ тутъ копають и засыпають землею Бога ради, всѣ граждане, мужчины и женщины. О св. Данилѣ Переяславскомъ говорится, что онъ, слышавъ о мертвомъ тѣлѣ, отправлялся немедленно на мѣсто, гдѣ оно лежало, и кель его въ Божій домъ на погребеніе: мѣстомъ этимъ Божедонскимъ владѣлъ тогда какой-то Изъядиновъ, который приставилъ къ скудельницамъ слугъ своихъ для сбора денегъ съ мертвыхъ тѣлъ; негодующіе Переяславцы прозвали этихъ приставовъ зацѣплянами. Любопытно, что жителямъ нѣкоторыхъ волостей въ описываемое время дается право не пускать скомороховъ играть у себя, наприм. «князья, воеводы, дѣти боярскіе и всякіе ѣздоки въ тѣхъ селахъ не ставятся, коровы не берутъ; также и скоморохи въ тѣхъ селахъ не играютъ». Слѣдовательно жители сель, не имѣвшіе этихъ льготъ, не могли запретить скоморохамъ играть у себя.

Литература Іоаннова времени, какъ и литература временъ предшествовавшихъ, состоитъ, во-первыхъ, изъ посланій духовныхъ лицъ къ великому князю, къ цѣлымъ городамъ, къ цѣлымъ сословіямъ; изъ этихъ посланій, разумѣется, первое мѣсто, по важности содержанія и по одушевленію, занимаетъ посланіе Вассіана на Угру. Ересь жидовская вызвала къ литературной дѣятельности Іосифа Волоцкаго, написавшаго противъ еретиковъ свой знаменитый Просвѣтитель. Это сочиненіе показываетъ въ авторѣ большую начитанность въ Св. Писаніи; въ прилрѣ искусства его, приведемъ доказательство таинству Св. Троицы изъ Вѣтхаго Завѣта, изъ книги Бытія: «Егда восхотѣ Богъ сотворити Адама, рече: сотворимъ чловѣка по образу Нашему и по подобію. Почто не рече: сотворю, но сотворимъ? Того ради рече, яко не едно лице Божества есть,

но трисоставно, а еже: по образу, а не по образамъ, единое существо являетъ Св. Троицы. Сотворишь, рече, человѣка. Кому глаголетъ? не явственно ли есть, яко ко единородному Сыну и Слову Своему рече, и Св. Духу? — Еретицы же отвѣщаютъ: ни, но Самъ Себѣ Богъ рекъъ есть, а иному никому же тогда сущу. Но что убо сихъ глаголь безумнѣйши? Кій убо зодчій, или древодѣль, или уснаръ надъ сосудомъ или надъ конемъ зданіемъ сѣдя единъ и никому же ему помогающу, глаголетъ самъ къ себѣ: сотворишь себѣ сосудъ, или сотворишь себѣ орало или утвердишь усмы, а не паче ли молча свое дѣло содѣлаетъ? Лжа бо есть сіе, а не истина; безумнаго бо человѣка се есть обычай, а не мудраго. И пакы безстудствуетъ Жидовинъ и глаголетъ: яко ангеломъ глаголетъ Богъ. Аще бы глаголалъ ко ангеламъ, то не бы писано было, яко сотвори Богъ человѣка по образу и по подобію Божию сотвори его; но былъ бы убо чловѣкъ по подобію и по образу ангельскому и проч. ».

Отъ Юсіа Волоцкаго дошли до насъ и другаго рода сочиненія, какъ напримѣръ, Посланіе къ одному вельможѣ о инованіи рабовъ: «Слухъ до меня, господишь, дошелъ про твое благородство, будто велико твое немилосердіе и нежалованіе къ рабамъ и сиротамъ домашнимъ, тѣснота, скудость въ тѣлесныхъ потребахъ, голодомъ тають, наготою страждутъ: поэтому я грѣшныи дерзнулъ тебѣ напомнить, помянувши твою вѣру къ Пречистой Богородицѣ, и къ намъ нищимъ великое жалованіе твое и любовь о Христв. Хотя мнѣ и не прилично было бы писать къ тебѣ объ этомъ, потому что я самъ грѣшнень, неприлично было бы мнѣ восхищать учительскій санъ, не имѣя ума и смысла очищеннаго: но да вѣдаетъ твое боголюбіе, что это мысли не мои, а взяты отъ Божественнаго Писанія. Писаніе повелѣваетъ рабовъ какъ братій иновать, нитать и одѣвать и о душахъ ихъ заботиться, научать на всякія добрыя дѣла; если же рабы и сироты у тебя въ такой тѣснотѣ, то не только имъ нельзя добрыхъ дѣлъ дѣлать, но, умирая съ голоду, они не могутъ удержаться отъ злыхъ обы-

чаевъ. Такъ ты, господинъ, Бога ради побереги себя, потому что и малое небреженіе къ великимъ бѣдамъ приводитъ. Богъ на тебѣ свою милость показалъ и государь тебя князь великій пожаловалъ: такъ и тебѣ слѣдуетъ своихъ слугъ пожаловать, милость къ нимъ показать: пищею и одеждою удовольствовать и на благія дѣла наставить. Прости меня, господинъ, что твое жалованье и любовь содѣлали меня безстыднымъ и дерзкимъ; а написалъ я къ тебѣ какъ по слухамъ, такъ и потому, что самъ ихъ нужду видѣлъ».

Отъ временъ Іоанна III-го дошли до насъ лѣтописи, принадлежащія разнымъ составителямъ, въ разныхъ мѣстахъ жившимъ. Въ разсказѣ о паденіи Новгорода слышатся голоса различныхъ лѣтописцевъ: одинъ говоритъ: «Такъ великій князь укрѣпилъ Великій Новгородъ подъ властію Московскою; написалъ бы я что нибудь и еще, но не могу отъ сильной кручины». А другой оканчиваетъ свой разсказъ съ чувствомъ полного довольства и съ чувствомъ нерасположенія къ Новгородцамъ: «Вездѣ пособилъ Богъ и Пречистая Богородица государю нашему великому князю Ивану Васильевичу надъ новыми отступниками и надъ своими измѣнниками и надъ вѣчниками, надъ Новгородцами». Современность лѣтописца ясно видна изъ такого напримѣръ извѣстія: «Тогоже лѣта, мѣсяца Іюня въ 5 день, съ субботы на недѣлю въ 3 часъ ноци, преставися великаго князя дьякъ Василій Момыревъ, и положенъ у Троицы въ Сергіевѣ монастырѣ, Іюня въ 7, за церковью противъ Никонова гроба; а жилъ лѣтъ 60 безъ дву и полшестидесять день, а въ діачествѣ былъ 20 лѣтъ безъ осми мѣсяцевъ, а мнянины его Апрѣля 12 Василя Парійскаго». Внутренній признакъ современности лѣтописца видѣнъ въ сильномъ негодованіи его на малодушные совѣты Ощеры и Мамона во время Ахматова нашествія, какъ мы уже замѣтили въ своемъ мѣстѣ; разсказъ объ этомъ событіи лѣтописецъ оканчиваетъ такъ: «О храбріи, мужественіи сынове Русьстив! потщитесь сохранить свое отечество, Русьскую землю отъ поганыхъ; не пощадите своихъ головъ, да не узрятъ очи ваши плѣненія и

грабленія св. церквей и домоѡъ вашинѡъ, и убиенія чадѡъ вашихъ, и поруганія женамѡъ и дщереиѡъ вашинѡъ. Якоже пострадала ини велициі славниі земли отѡъ Турковѡъ, еже Болгари глаголю и рекоиі Греци, и Трапизонѡъ, и Аморія, и Арбанасы, и Хорваты, и Босна, и Манкупѡъ и Кафа и ини мнозиі земли, иже не сташа мужествени, и погибоша и отечество свое изгубиша и землю и государьство, и скитаются по чужинѡъ странамѡъ бѡдни воиняиу и странни, и много плача и слезѡъ достойни, укоряеми и поношаеми и опеваеми, яко не мужествениі; иже избѡгоша которые со имѡниемѡъ многимѡъ, и съ женами и съ дѡтми, въ чюжіе страны, вкупѡъ со златомѡъ, души и тѡлеса свои изгубиша и ублажаютѡъ тѡхъ, иже тогда умершихъ, неже скитатися по чюжинѡъ странамѡъ, яко бездомкомѡъ. Тако ми Бога видѡхъ своима очима грѡшныма великихъ государѡъ, избѡгшихъ отѡъ Турковѡъ со имѡниемѡъ и скитающеса, яко странниі и смерти у Бога просящихъ, яко издвоздоянїи отѡъ таковыа бѡды; пощади Господи насѡъ православныхъ христіанѡъ, молитвами Богородици и всѡхъ святыхъ, аминѡъ». Последнїи слова замѡчательны: лѡтописецѡъ говоритѡъ, что онѡъ самѡъ видѡлъ изгнанныхъ Турками владѡтельныхъ лицѡъ; этого не могѡъ сказать Москвичѡъ, видѡвшїй въ своемѡъ городѡъ изѡъ Греческихъ изгнанниковѡъ одного Андрея Ѳомича Палѡолога, брата великой княгини Софїи, во-первыхъ потому, что Андрей въ Москвѡъ вовсе не находился въ такомѡъ положенїи, чтобѡъ просить смерти, какѡъ избавленїа отѡъ бѡды; во-вторыхъ потому, что въ этомѡъ случаѡъ лѡтописецѡъ не могѡъ придавать дѡлу такой важности: Андрея въ Москвѡъ всѡъ видѡли, а не одинѡъ лѡтописецѡъ, которому всего приличнѡе было бы обратиться ко всѡмѡъ и сказать: «вы всѡъ видѡли изгнанника». Слѡдовательно должно предположить, что лѡтописецѡъ былѡъ за границею и гдѡ-нибудь, напримѡръ въ Венгріи, видѡлъ изгнанныхъ Турками владѡтелей Славянскихъ. — Любопытпо, что сочинитель известной повѡсти о Дракулѡъ, воеводѡъ Волошскомѡъ, говоритѡъ, что, находившись въ Венгріи, въ городѡъ Будинѡъ, видѡлъ тамѡъ Дракулиныхъ сыновей, которыхъ король Матвѡй привезѡъ туда.

Сочинитель повѣсти о Дракулѣ не есть ли и составитель нашей лѣтописи? Такъ какъ въ Венгрію, къ королю Матвѣю былъ посланъ въ 1482 году знаменитый дьякъ Фѣдоръ Курицынъ, то Востоковъ думаетъ, что сочиненіе повѣсти о Дракулѣ можно приписать или самому Курицыну, или кому нибудь изъ его спутниковъ. Повѣсть о Дракулѣ могъ написать и самъ Курицынъ, извѣстный грамотѣй своего времени; но религиозное и православное обращеніе, встречаемое въ лѣтописи, конечно нельзя приписать этому ересіарху. У одного изъ лѣтописцевъ описываемаго времени встрѣчаемъ качество, какого прежде не замѣчали ни у кого изъ его собратій, именно насмѣшливость, иронію: такъ видимъ это въ извѣстіи о прощеніи князей Ярославскихъ въ связи съ предыдущимъ извѣстіемъ; въ извѣстіяхъ о двукратномъ походѣ на Казань въ 1468 — 1469 годахъ; въ извѣстіи объ Алексинскомъ воеводѣ Беклемишевѣ.

Самое видное и удачное событіе въ княженіе Іоанна III, — подчиненіе Новгорода послужило предметомъ особеннаго сказанія: «Словеса избранныя отъ св. Писанія, о правдѣ и о смиренномудріи, еже сотвори благочестія дѣлатель, благовѣрный великій князь Иванъ Васильевичъ всея Руси, емуже и похвала о благочестіи вѣры; даже и о гордости величавыхъ мужей Новгородскихъ, ихъ же смири Господь Богъ и покори ему подъ руку его, онъ же благочестивый смиловася о нихъ, Господа ради, и утѣши землю ихъ». Въ этомъ заглавіи указаны содержаніе и форма сказанія. Извѣстный уже намъ Сербъ Пахомій продолжалъ и при Іоаннѣ III-мъ служить Русской церковной литературѣ: такъ онъ написалъ два канона св. митрополиту Іонѣ и слово объ обрѣтеніи мощей его. Знаменитому архіепископу Вассіану, автору посланія на Угру, принадлежатъ сочиненіе житія учителя его, св. Пафнутія Боровскаго. Вопросъ о вдовыхъ священнослужителяхъ, такъ много занимавшій общество описываемаго времени, подалъ поводъ къ замѣчательному, по своей силѣ, сочиненію: «Написаніе вдоваго попа, Георгія Скрипицы, изъ Ростова града о вдовствующихъ

ношѣхъ»; для образца приведемъ нѣсколько мѣстъ, прямо относящихся къ дѣлу: «Не оскорбляйте и не осужайте священниковъ, кромѣ богословесныхъ винъ; тѣмъ писано осужати грѣси ихъ, а не собою и не своими разумомъ. Вы же, господа, осудили есте всѣхъ іереевъ и діаконѣвъ, настоящихъ и будущихъ, смертію женъ ихъ: Господь рече ко Іудеямъ: не на лица зря осужайте, но праведный судъ судите. А вы, господа, всѣхъ іереевъ и діаконѣвъ безъ испытанія, на лица зря, осудили: которой попъ имѣеть жену — чистъ, а не имѣеть жену — не чистъ. И вы, господа мои, которымъ прозрѣли духомъ чистыхъ и не чистыхъ? Чѣмъ испытали, попъ святъ съ женою или безъ жены, и чернецъ ли святъ или блудецъ? Почему вѣдати челоуѣка безъ свидѣтеля? Точію дѣла его объявять; единъ Богъ вѣдаетъ помышленія челоуѣческа. Вы неблагословною виною раздоръ въ церкви священникомъ учинили есте: чернецемъ-попомъ достойно служити во градѣхъ и селѣхъ, а вдовцомъ чистымъ попомъ — недостойно служити и въ пустыняхъ, ниже во градѣхъ, а у котораго пона жена есть, достоинъ служити, священъ убо женою. А что глаголете, господа мои: мы то сотворили, тѣхъ отлучили благочестія дѣла, очищая церковь; — ино, господа мои, рассудите, отъ кого то зло стало въ нашей землѣ? Не отъ вашего ли нерадѣнія и небреженія, что злыхъ не казнили, не отлучили отъ священства? Благословно ни сами, ни священники избранными не дозираете священникомъ, а во грады и въ села не посылаете опытовати, какъ кто пасеть церковь Божию; назираете священниковъ бояры и дворецкини, недѣльщики, тіуны и доводчики, своихъ дѣла прибытковъ». — Въ исторіи просвѣщенія древней Руси, разумѣется, не должно быть забыто имя книжника Никиты Поповича, который держалъ споръ съ легатомъ и заставилъ послѣдняго молчать, по извѣстію лѣтописца. Не должны быть забыты имена переводчиковъ: Федора, новокрещеннаго Еврея, переведшаго при митрополитѣ Филиппѣ Псалтирь и книгу Есѣиръ съ еврейскаго подлинника; Дмитрія Герасимова, переводившаго, по поводу ереса Жидов-

ствующихъ, сочиненіе Николая де Лиры — на Іудейское безвѣріе, обличеніе Самуила учителя Іудеевъ. Когда извѣстный Геннадій, архіепископъ Новгородскій занялся составленіемъ полнаго списка Библии, то Доминиканецъ Веніаминъ, Славянинъ по происхожденію, перевелъ для него съ Латинскаго языка книги Маккавейскія.

Наконецъ отъ описываемаго времени дошелъ до насъ любопытный памятникъ. — Путешествіе Тверскаго купца Аѳанасія Никитина за три моря — Каспійское, Индѣйское и Черное. Отправившись изъ Нижняго въ свѣтъ Ширванскаго посла, Никитинъ былъ ограбленъ Астраханскими Татарами въ устьяхъ Волги, не захотѣлъ съ пустыми руками возвращаться въ Русь, гдѣ у него были долги, и рѣшился пробраться въ Индію съ дорогимъ жеребцомъ, котораго онъ надѣялся выгодно продать тамъ и, накупивши надобныхъ на Руси товаровъ, возвратиться въ отечество. Но онъ ошибся въ расчетъ: «Нагали мнѣ пси бусурманы, наговорили, что всякаго нашего товара тамъ много, а вышло, что нѣтъ ничего на нашу землю, все товаръ бѣлый на бусурманскую землю, перецъ да краски — это дешево, но за то пошлины большія, да на морѣ разбойниковъ много». Кромѣ обманутыхъ надеждъ относительно торговыхъ выгодъ, Никитинъ подвергался большимъ опасностямъ: «Въ Чунерѣ ханъ взялъ у меня жеребца, и узнавши, что я не бусурманинъ, а Русскій, сталъ говорить: «и жеребца отдашь, и тысячу золотыхъ дамъ, стань только въ нашу вѣру Магометанскую; а не станешь въ нашу вѣру, то и жеребца возьму, и тысячу золотыхъ на головѣ твоей возьму», — и сроку далъ 4 дни, въ госпожинки на Спасовъ день. Но Господь Богъ силовался на Свой честной праздникъ, не отнял отъ меня грѣшнаго Своей милости, не повелѣлъ погибнуть въ Чунерѣ съ нечестивыми: наканунѣ Спасова дни пріѣхалъ Магметъ Хоросанецъ; я къ нему съ челобитьемъ, чтобъ похлопоталъ обо мнѣ, и онъ поѣхалъ къ хану и отпросилъ меня, чтобъ въ свою вѣру меня не обращали, и жеребца моего у хана взялъ. Таково Господне чудо на Спасовъ день! Братья

Русскіе христіане! кто хочеть идти въ Индѣйскую землю, тотъ оставь вѣру свою на Русь, закричи: Магометъ! — и ступай въ индостанскую землю». Никитинъ описываетъ роскошь южной природы, пышность владѣльцевъ и вельможъ, великолѣпіе дворцовъ ихъ, бѣдность сельскаго народонаселенія, легкую одежду жителей Индіи, ихъ легкіе нравы. «Познакомился я со многими Индѣйцами, говоритъ Никитинъ, и объявилъ имъ о своей вѣрѣ, что я не бусурманинъ, а христіанинъ, и они не стали отъ меня скрывать ни объ ѣдѣ своей, ни о торговлѣ, ни о молитвахъ, и женъ своихъ отъ меня не прятали; я распросилъ все объ ихъ вѣрѣ, и они говорятъ: вѣруешь въ Адама, а Будда — это Адамъ и родъ его весь. Вѣрѣ въ Индіи всѣхъ 84 вѣры, и всѣ вѣрують въ Будду, а вѣра съ вѣрою ни пьеть, ни ѣсть, ни женится». Тяжко стало наконецъ Никитину на чужой дальней сторонѣ, среди 84-хъ вѣръ: «О благовѣрные христіане! кто во многія земли часто плаваешь, тотъ во многіе грѣхи впадаетъ и вѣры лишается христіанскія. Мнѣ, рабу Божию Аванасію сгрустнулось по вѣрѣ: уже прошло четыре Великихъ поста, четыре Свѣтлыхъ Воскресенья, а я грѣшный не знаю, когда Свѣтлое Воскресенье, когда постъ, когда Рождество Христово и другіе праздники, не знаю ни среды ни пятницы; книгъ у меня нѣтъ: когда меня пограбили, то и книги у меня взяли; я съ горя пошелъ въ Индію, потому что на Русь мнѣ было не съ чѣмъ идти, не осталось товару ничего. Уже прошло четыре Свѣтлыхъ Воскресенья въ бусурманской землѣ, а христіанства я не оставилъ: дальше Богъ вѣдаетъ, что будетъ. Господи Боже мой! на Тя уповахъ, спаси мя! Пути не знаю, какъ выйти изъ Индостана; вездѣ война! А жить въ Индостанѣ — все истратить, потому что у нихъ все дорого: я одинъ человекъ, а по два съ половиною алтына въ день издерживаю, вина и сыты не пью». Наконецъ Никитинъ выбралъ путь — черезъ Персію и Азіатскую Турцію къ Черному морю, и послѣднимъ въ Кафу.

Средства къ просвѣщенію были довольно скудны, какъ это

можно видѣть изъ приведеннаго выше письма Геннадія Новгородскаго къ Ростовскому архіепископу Іоасаѳу. Есть также извѣстіе, сколько книгъ принесть съ собою въ монастырь Іосифъ Волоцкій: 4 Евангелія, апостолъ, два псалтыря, сочиненія Ефрема, Дороея, Петра Дамаскина, Василія Великаго, патерикъ азбучный, два ирмолога ⁸⁰¹.

II.

КНЯЖЕНІЕ ВАСИЛІЯ ІОАННОВИЧА.

ГЛАВА I.

1505.

Смерть повѣщала Іоанну отмстить подручнику своему, царю Казанскому, за его кровавый разрывъ съ Москвою. Василій, принявши правленіе, осенью 1505 года, дожидался весны слѣдующаго года, чтобъ отправить на Магмедъ-Ашину войско рѣчнымиъ путемъ. Въ Апрѣль 1506 поплыли съ пѣхотою на судахъ — братъ великокняжескій Дмитрій Ивановичъ и воевода, князь Федоръ Ивановичъ Бѣльскій; сухимиъ путемъ пошла конная рать подѣ начальствомъ князя Александра Владиміровича Ростовскаго. 22 Мая судовая рать пришла подѣ Казань, и князь Дмитрій немедленно велѣлъ ратнымъ людямъ высадиться изъ судовъ и идти пѣшкомъ къ городу, въ знойный день; Татары выступили къ нимъ на встрѣчу и завязали бой, тогда какъ другая часть Казанскаго войска на лошадяхъ тайно забѣгла имъ въ тылъ и отрѣзала отъ судовъ; Русскіе потерпѣли сильное пораженіе: много ихъ было побито, много взято въ плѣнъ, много потонуло въ Поганомъ озерѣ. Узнавъ объ этомъ несчастіи, великій князь въ тотъ же день велѣлъ выступить къ Казани князю Василью Даниловичу Холмскому съ другими воеводами, а брату послалъ сказать, чтобъ до прибытія Холмскаго

не приступалъ вторично къ городу. Но когда 22 Юля подошла конная рать съ княземъ Ростовскимъ, то Дмитрій не счелъ нужнымъ медлить долѣе, и повелъ оная войска къ городу; сначала онъ имѣлъ удачу, но потомъ потерпѣлъ новое поразеніе и принужденъ былъ бѣжать, бросивши пушки и осадныя машины. Говорятъ, что Казанцы, не надѣясь одолѣть Русскихъ силою, употребили хитрость: раскинули станъ и бросили его какъ будто пораженные страхомъ; Русскіе кинулись на добычу, начали грабить: этимъ воспользовались Казанцы и поразили ихъ на голову. Самъ князь Дмитрій ушелъ въ Нижній; другой отрядъ Московскаго войска подъ начальствомъ Татарскаго царевича Джаналѣя и воеводы Киселева, пошелъ къ Мурому, былъ настигнутъ на дорогѣ Казанцами, но побилъ ихъ, и достигъ благополучно Мурома ³⁰².

Уже начались приготовленія къ походу на слѣдующую весну; но Магмедъ-Аминъ не сталъ дожидаться этого новаго похода, и въ Мартъ 1507 года прислалъ въ Москву бить челомъ, чтобъ великій князь заключилъ съ нимъ миръ и дружбу по старинѣ, какъ было съ отцемъ его, великимъ княземъ Іоанномъ, при чемъ обязывался отпустить задержаннаго посла Яропкина и всѣхъ плѣнныхъ, взятыхъ на войнѣ. Василій, приговора съ братьями и боярами, согласился на этотъ миръ, для избавленія христіанскихъ душъ, попавшихъ въ бусурманскія руки и для христіанскаго устроенія.

Не однѣ только эти причины заставляли великаго князя спѣшить заключеніемъ мира съ Казанью, довольствоваться возобновленіемъ прежнихъ отношеній: важнѣйшія дѣла на западѣ требовали всего вниманія Василюва. 8 Сентября 1507 года отправленъ былъ посолъ въ Казань для окончательнаго устройства дѣлъ, а 14 уже въ другой разъ посланы были изъ Москвы воеводы воевать Литовскую землю. Мы видѣли уже, что Александръ полагалъ большія надежды на смерть Іоаннову, тѣмъ болѣе, что въ Литвѣ считали сторону Дмитрія внука довольно еще сильною, думали, что она будетъ противиться утвержденію Василія на столѣ отцовскомъ, и усобица между дядею и пле-

мшикомъ общала Александру удобный случай къ возвращенію земель, отпятихъ у Литвы Іоанномъ ²⁰². Узнавъ о смерти тестя, Александръ послалъ сказать Литовскому магистру Плеттенбергу, что теперь наступило удобное время соединенными силами ударить на непріятеля въры христіанской, который причинилъ одинаково большой вредъ и Литвѣ и Ливоніи; но магистръ отвѣчалъ, что хотя время дѣйствительно благоприятное, однако все же издочно дожидаться конца перемирія, утвержденнаго крестнымъ цѣлованіемъ, что нельзя такъ вдругъ начинать войны съ такимъ сильнымъ врагомъ, надобно прежде навѣрное узнать, какъ молодые князья будутъ управляться въ своемъ государствѣ, ибо магистръ ждетъ между ними несогласій, которыя и подадутъ удобный случай къ началю войны. Александръ и его рада признали справедливость этихъ представленій, поблагодарили магистра за добрый совѣтъ, проси его немедленно давать знать въ Литву о томъ, что онъ узнаеть о несогласіяхъ князей Московскихъ. Александръ велѣлъ объявить также Плеттенбергу, что онъ приказалъ собирать войска, дабы пограничные Московскіе князья и братья великаго князя, живущіе въ малыхъ удѣлахъ, узнавши объ этихъ приготовленияхъ, тѣмъ скорѣе могли обратиться къ Литвѣ; просилъ и магистра распорядиться такимъ же образомъ въ Ливоніи, чтобы испугать Московскаго князя и сдѣлать его уступчивѣе ²⁰³.

Александръ дѣйствительно началъ готовить полки для войны Московской: но изъ Москвы пришли вѣсти, что тамъ все спокойно, Василій княжить на столѣ отцовскомъ, а Димитрій внукъ по прежнему остается въ тѣсномъ заключеніи. Надежды на усобицы, на уступчивость Василія исчезли: когда послы Александровы, предлагая вѣчный миръ, требовали возвращенія всѣхъ взятыхъ у Литвы при Іоаннѣ земель, то бояре отвѣчали по прежнему, что великій князь владѣетъ только своими землями, чужихъ не держитъ и возвращать ему нечего; по прежнему отцовскому обычаю Василій напоминалъ Александру, чтобы онъ не принуждалъ Елены къ латинству. Александръ не могъ воспользоваться смертію Іоанна, скоро умеръ самъ (въ Августѣ

1506 года), и теперь Василий хотѣлъ воспользоваться смертію бездѣтнаго зятя, для мирнаго соединенія Литовской Руси съ Московскою: онъ послалъ сказать сестрѣ, чтобъ она «пожелала, и говорила бы епископу, панамъ, всей радѣ и земскимъ людямъ, чтобъ пожелали нигдѣ его, Василия, своимъ государемъ и служить бы ему пожелали; а стануть опасаться за вѣру, то государь ихъ въ этомъ ни въ чемъ не порушить, какъ было при королѣ, такъ все и останется, да еще хочеть жаловать свѣше того». Къ князю Войтеху, епископу Виленскому, къ пану Николаю Радзивилу и ко всей радѣ Василий приказывалъ о томъ же, «чтобъ пожелали его на государство Литовское»¹⁰⁵. Елена отвѣчала, что Александръ назначилъ преемникомъ себѣ брата своего Сигизмунда; но въ Литвѣ встала сильная смута и усобица, которою Василий Московскій хотѣлъ воспользоваться теперь въ свою очередь.

Любимцемъ покойнаго короля Александра былъ князь Михаилъ Глинскій, маршалокъ дворный, потомокъ Татарскаго князя, выѣхавшаго въ Литву при Витовтѣ. Глинскій провель долгое время за границу, въ Италиі, Испаніи, при дворѣ императора Максимилиана, вездѣ умѣлъ приобрести расположеніе, почетъ умомъ, образованностію, искусствомъ въ дѣлѣ военномъ; не удивительно, что онъ затиевалъ собою другихъ пановъ Литовскихъ и умѣлъ овладѣть полною довѣренностію Александра; владѣя обширными землями и замками, почти половиною всего государства Литовскаго, Глинскій приобрѣлъ многочисленную толпу приверженцевъ, преимущественно изъ Русскихъ. Такое могущество возбудило въ остальныхъ панахъ Литовскихъ сильную зависть и опасеніе, чтобъ Глинскій не овладѣлъ великимъ княжествомъ Литовскимъ и не перенесъ столицы въ Русь; отсюда явная вражда между Глинскимъ и другими членами Литовской рады. Озесточеніе достигло высшей степени, когда Александръ, по просьбамъ Глинскаго, отдалъ городъ Лиду кліенту послѣдняго, Андрею Дрожжи, отнявши ее у пана Ильинича. Ильиничъ обратился съ жалобою къ Литовскимъ вельможамъ, уже извѣстнымъ намъ по дѣламъ Мо-

своими — къ Войтеху Табару, епископу Виленскому, Николаю Радзивилу, воеводѣ Виленскому, Яну Заберезскому или Забржезинскому, воеводѣ Трокскому, къ Станиславу Яновичу, старостѣ Жигудскому, Станиславу Глыбовичу, воеводѣ Полецкому, и Станиславу Петровичу Кишкѣ, наместнику Смоленскому, которые, возводя Александра на престолъ Литовскій, взяли съ него обязательство — не отнимать волосъ ни у кого ни въ какомъ случаѣ, кромѣ преступленія, заслуживающаго лишенія чести и жизни. Основываясь на этомъ обязательствѣ, паны не допустили Андрея Дрожжи до старчества Лядскаго, и возвратили его Ильичу. Александръ сильно разсердился на пановъ; Глинскій, разувѣясь, постарался еще больше распалить гнѣвъ королевскій; говорить, будто онъ твердилъ Александру: «печа эти паны въ Литвѣ, до тѣхъ поръ не будетъ покою въ великомъ княжествѣ», и довелъ короля до того, что тотъ рѣшился вызвать пановъ на сеймъ въ Брестъ, схватить ихъ въ замкѣ и предать смерти; но паны, предувѣдомленные объ опасности канцлеромъ Польскимъ, Ласкимъ, не пошли въ замокъ, и такимъ образомъ намереніе короля не исполнилось; онъ могъ ослѣпить только тѣмъ, что у Яна Заберезскаго, главнаго врага Глинскому, отнял воеводство Трокское, Ильича велѣлъ схватить и посадить въ тюрьму, а другимъ панамъ не велѣлъ казаться себѣ на глаза, и только по просьбѣ пановъ Польскихъ послѣ простилъ.

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда Александръ заболѣлъ тяжкою, предсмертною болѣзнію. Въ это самое время толпы Крымскихъ Татаръ напали на Литву и страшно опустошили ее; Александръ поручилъ войска Глинскому, и тотъ одержалъ надъ Крымцами блистательную побѣду, которая была послѣднимъ дѣломъ Александрова правленія. Глинскій побѣдитель, избавитель страны отъ свирѣпыхъ Татаръ, сталъ еще страшнѣе панамъ Литовскимъ. Какъ только Александръ умеръ, начался споръ о мѣстѣ его погребенія: Польскій канцлеръ, Ласкій хотѣлъ везти тѣло въ Краковъ, исполняя желаніе самаго покойника, но паны Литовскіе требовали, чтобъ король

былъ погребенъ въ Вильнѣ, боясь того, что когда они будутъ провожать его тѣло въ Краковъ, Глинскій воспользуется ихъ отсутствіемъ и захватитъ Вильну съ своими Русскими. Опасенія ихъ были однако напрасны: братъ Александровъ Сигизмундъ прибылъ немедленно въ Вильну, и Глинскій первый выѣхалъ къ нему на встрѣчу. Зная, что новый великій князь уже предупрежденъ противъ него, Глинскій произнесъ предъ Сигизмундомъ прекрасную рѣчь, въ которой очищалъ себя отъ всякаго подозрѣнія въ посягательствѣ на престолъ великокняжескій, и обѣщалъ вѣрную службу; Сигизмундъ отвѣчалъ ласково, благодарилъ за изъявленіе вѣрности. Понятно, съ какою радостію Литовскіе паны успѣшили признать Сигизмунда великимъ княземъ и короновать его въ Вильнѣ; въ слѣдъ за этимъ и Польская рада провозгласила его королемъ.

Александръ отложилъ войну съ Москвою, сдержанный благоразумными совѣтами Плеттенберга, спокойнымъ утвержденіемъ Василя на столѣ отцовскомъ, нападеніями Татаръ и наконецъ болѣзнію; Сигизмундъ думалъ, что можетъ ознаменовать вступленіе свое на престолъ удачною войною съ Московскимъ княземъ, считая обстоятельства для себя благопріятными въ началѣ 1507 года: походъ Казанскій кончился неудачно, и Москва должна была снова употребить большія усилія для поправленія дѣлъ своихъ на Востокъ; прежнія отношенія Крыма къ Москвѣ поремѣнились: ханъ готовъ былъ помогать своему пасынку, царю Казанскому, и дѣйствовать за одно съ Литвою противъ Москвы; и вотъ 2-го Февраля 1507 года, Виленскій сеймъ опредѣлилъ сборъ войскъ къ Свѣтлому Воскресенью: «а для того такой короткій срокъ положенъ (говорить сеймовое опредѣленіе), чтобы непріятель господарскій, услышавши о желаніи нашего господара начать съ нимъ войну и своихъ земель доставать, не предупредилъ и не вторгнулся въ его государство»³⁰⁶. Сигизмундъ послалъ сказать Плеттенбергу, что Крымскій ханъ заключилъ съ нимъ союзъ противъ Москвы, что послы хана Казанскаго просятъ его не пропустить удобнаго времени и ударить вмѣстѣ съ Казанью

на Москву, потому что царь ихъ четыре раза уже разбилъ ея войска, поразилъ на голову брата великокняжескаго, приходившаго съ пятидесятью тысячами войска, и безпрестанно опустошаетъ Московскую землю; что онъ Сигизмундъ уже отправилъ своихъ большихъ пословъ въ Крымъ и Казань поднимать Татаръ на Василю и своимъ подданнымъ велѣлъ быть готовыми на войну къ Свѣтлому Воскресенью, ибо хочетъ идти на непріятеля со всѣми своими силами, видя, что такихъ благоприятныхъ обстоятельствъ для войны съ Москвою еще никогда не бывало.

Распорядившись такимъ образомъ, Сигизмундъ отправилъ пословъ въ Москву вывѣдать расположеніе тамошняго двора. Послы извѣстили Василю о смерти Александра, о восшествіи на престолъ Сигизмунда и объявили отъ имени послѣдняго, что у великаго князя Василю Васильевича и у короля Казимира заключенъ былъ вѣчный миръ, по которому они обязались не забирать другъ у друга земель и водъ, что Казимиръ не нарушилъ ни въ чемъ договора, который нарушенъ съ Московской стороны; такъ какъ правда Казимира и Александра королей извѣстна всему свѣту, то Сигизмундъ вызываетъ великаго князя Василю къ уступкѣ всѣхъ Литовскихъ городовъ, волостей, земель и водъ, доставшихся его отцу во время прежнихъ войнъ, также къ освобожденію всѣхъ плѣнниковъ Литовскихъ, дабы кровь христіанская не лилась, ибо король въ своей правдѣ уповаетъ на Бога: это была явная угроза, что въ случаѣ неисполненія требованія, будетъ объявлена война; наконецъ послы жаловались, что Московскіе подданные захватили четыре Смоленскія волости ²⁰⁷ и помѣщики Дорогобужскіе притѣсняютъ Литовскихъ пограничниковъ. — Но и Сигизмундъ, подобно Александру, обманулся въ надеждѣ на благоприятное время для войны съ Москвою: прежде его пословъ явились къ великому князю послы изъ Казани съ просьбою о мирѣ; ²⁰⁸ съ этой стороны слѣдовательно Василій могъ быть покоенъ, и потому далъ Сигизмундовымъ посланъ обычный отвѣтъ: «мы городовъ, волостей, земель и

воду Сигизмундовыхъ, его отчину никакихъ за собою не держишь; а держишь, съ Божіею волею, города и волости, земли и воды, свою отчину, чѣмъ насъ пожаловалъ и благословилъ отецъ нашъ, князь великій, и что намъ далъ Богъ, а отъ прародителей нашихъ и вся Русская земля наша отчина». Но этого мало: на гордый вызовъ Сигизмунда Василій отвѣчалъ также рѣшительнымъ вызовомъ на войну, если король не захочетъ мира, какой угоденъ Московскому Государю; онъ велѣлъ сказать посланцѣ: «Какъ отецъ нашъ и мы брату нашему и зятю Александру дали присягу на перемирныхъ грамотахъ, такъ и правили ему во всемъ до самой его смерти; а съ Сигизмундомъ королемъ намъ перемирья не было. Если же Сигизмундъ, какъ вы говорили, хочетъ съ нами мира и добраго согласія, то и мы хотимъ съ нимъ мира, какъ намъ будетъ пригоже». Потомъ, перечисливши обиды, нанесенныя Литовцами Русскимъ — взятіе въ Брянской области болѣе ста селъ и деревень, грабежъ купцовъ Козельскихъ, Алексинскихъ, Калужскихъ, Псковскихъ, занятіе волостей князя Бѣльскаго, — Василій велѣлъ сказать королю, чтобъ за все это было сдѣлано надлежаще удовлетвореніе, а въ противномъ случаѣ онъ найдетъ управу. Наконецъ, отпуская пословъ, самъ великій князь велѣлъ имъ напомнить Сигизмунду о сестрѣ своей королевы Еленѣ, чтобъ она вѣдала свой Греческій законъ, чтобъ онъ, Сигизмундъ, ее жаловалъ и берегъ и держалъ въ чести, а къ Римскому закону не принуждалъ²⁰⁰.

Въ Мартѣ 1507 года происходили эти переговоры, а 29 Апрѣля Московскіе полки уже пошли воевать Литовскую землю; ибо если Сигизмундъ надѣялся напасть на Москву при благопріятныхъ для себя обстоятельствахъ, то теперь эти обстоятельства перешли вдругъ на сторону Василія, который и спѣшилъ пользоваться ими. Мы видѣли, что князь Михаилъ Глинскій былъ принятъ, повидимому, благосклонно Сигизмундомъ; но если бы даже новый король и не раздѣлялъ всѣхъ подозрѣній пановъ Литовскихъ относительно Глинскаго, то, съ другой стороны, онъ не оказывалъ ему того довѣрія, какимъ

Глинскій пользовался при покойномъ Александрѣ. Этого уже было достаточно, чтобы враги Глинскаго подняли голову; этого было достаточно, чтобы самъ Глинскій, привыкшій къ первенствующему положенію при Александрѣ, чувствовалъ себя теперь въ опасѣ, въ униженіи. Но Глинскаго не хотѣли оставить въ удаленіи и въ покоѣ: въ началѣ 1507 года Сигизмундъ отнялъ у брата Михайлова, князя Ивана Львовича воеводство Кіевское и далъ вмѣсто него Новгородское (Новогрудекское); напрасно въ грамотѣ своей, данной Ивану по этому случаю, король говорилъ, что онъ этою перемѣною не уменьшилъ чести князя Ивана, который сохраняетъ прежній титулъ и получаетъ мѣсто въ радѣ подлѣ старосты Жиудскаго: обиды была явная, явно было, что Глинскихъ продолжали поддирать въ замыслахъ возстановить великое Княжество Русское, и потому не хотѣли оставить въ ихъ рукахъ Кіева ²¹⁰. Но этого мало: заклятой врагъ князя Михаила, Янъ Заберезскій, громко называлъ его измѣнникомъ; Глинскій требовалъ суда съ нимъ предъ королемъ; но Сигизмундъ, будучи занятъ важными дѣлами, откладывалъ этотъ соблазнительный судъ, тѣмъ болѣе, что, какъ видно, противъ Глинскаго достаточныхъ уликъ не было, и въ такомъ случаѣ король не хотѣлъ жертвовать Глинскому Заберезскинъ. Но понятно, что Глинскій не хотѣлъ ждать; онъ отправился въ Венгрію, къ королю Владиславу, брату Сигизмундову, съ просьбою вступить въ дѣло; но и ходатайство Владислава не помогло. Тогда Глинскій, сказавъ королю: «Ты заставишь меня покуситься на такое дѣло, о которомъ оба мы послѣ горько жалѣть будете», — уѣхалъ въ свои имѣнія и завелъ пересылку съ великимъ княземъ Московскимъ ²¹¹, который обещалъ ему помощь на всѣхъ его непріятелей.

Глинскій писалъ въ Москву, что для его дѣла и для дѣла великокняжескаго теперь самое благоприятное время, потому что въ Литвѣ войска не въ сборѣ, а отъ другихъ странъ помощи нѣтъ; Василій отвѣчалъ, что немедленно шлетъ въ Литву своихъ воеводъ, и чтобъ Глинскій тоже не медлялъ. Глинскій

началъ свое дѣло. Съ семьюстами конныхъ ратниковъ, онъ переправился черезъ Нѣманъ, явился въ Гродно, подлѣ котораго жилъ тогда Заберезскій, и ночью велѣлъ окружить дворъ послѣдняго; два иностранца, находившіеся въ службѣ Глинскаго, взялись быть орудіями кровавой мѣсти своего господина: одинъ, какой-то Нѣмецъ Шлейницъ, ворвался въ спальню къ Заберезскому, другой — Турокъ отсѣкъ ему голову, которую на саблѣ поднесли Глинскому: тотъ велѣлъ ее нести передъ собою на древкѣ четыре миль и потомъ утопить въ озерѣ. Покончивши съ главнымъ врагомъ, Глинскій разослалъ конницу свою искать и бить другихъ враждебныхъ ему пановъ Литовскихъ, а самъ, набирая все болѣе и болѣе войска, удалился въ Новгородъ.

Тогда Сигизмундъ заговорилъ другимъ языкомъ съ Москвою. Онъ вторично прислалъ сюда за миромъ, предлагая въ посредники Менглигеря Крымскаго, и въ то же время пытался возбудить противъ Василя брата его, Динтровскаго князя Юрія Ивановича: Литовскіе послы явились къ послѣднему съ просьбою, чтобы принялъ на себя ходатайство между Москвою и Литвою, но за этою просьбою слѣдовали тайныя рѣчи: «Узнали мы о тебѣ, братъ нашъ (велѣлъ сказать ему Сигизмундъ), что, милостью Божіею, въ дѣлахъ своихъ мудро поступаешь, великимъ разумомъ ихъ ведешь, какъ и прилично тебѣ, великаго государя сыну; не малые слухи до насъ дошли, что многіе князья и бояре, покинувши брата твоего, великаго князя Василя Ивановича, къ тебѣ прѣстали, и всякіе добрые слухи о тебѣ слышимъ, что намъ очень пріятно. Мы хотѣли съ братомъ твоимъ, великимъ княземъ Василемъ Ивановичемъ быть въ мирѣ и союзѣ на всякаго недруга: но онъ, обрадовавшись отчиннымъ нашимъ пограничнымъ городамъ и волостямъ, землямъ и водамъ, съ нами житья не захотѣлъ. Такъ мы, братъ милый, помня житіе предковъ нашихъ, ихъ братство вѣрное и неслестное, хотимъ съ тобою быть въ любви и въ крестномъ цѣлованьи, пріятелю твоему быть пріателемъ, а непріятелю непріателемъ, и во всякомъ твоёмъ дѣлѣ хотимъ быть готовы тебѣ на помощь,

готовы для тебя, брата нашего, сами своею головою на юми състь со всѣми землями и со всѣми людьми нашими, хотимъ стараться о твоёмъ дѣлѣ все равно какъ и о своемъ собственномъ. И если будетъ твоя добрая воля, захочешь быть съ нами въ братствѣ и приязни, то немедленно пришли къ намъ человека добраго, сына боярскаго: мы передъ нимъ дадимъ клятву, что будешь тебѣ вѣрнымъ братомъ и сердечнымъ пріителемъ до конца жизни» ¹¹².

Неизвѣстно, что отвѣчалъ на это князь Юрій; но извѣстенъ намъ отвѣтъ великаго князя Василія сестрѣ своей Еленѣ, которая прислала въ Москву съ ходатайствомъ о мирѣ: оправдавъ поведеніе отца своего относительно Короля Александра, Василій пишетъ: «Когда послѣ зятя нашего Александра на его государствахъ сѣлъ братъ его Сигизмундъ, то онъ прислалъ къ намъ своихъ пословъ: мы съ нимъ мира хотѣли, но онъ съ нами не захотѣлъ; а послѣ того Сигизмундъ Король поднималъ бусурманство на христіанство, да посылалъ воеводъ своихъ многихъ со многими людьми на нашихъ слугъ, на князей; а мы послали своихъ воеводъ со многими людьми, и наши воеводы отъ его людей отстоялись и пришли къ намъ благополучно. Ты пишешь, что прислалъ къ намъ бить челомъ князь Михайла Глинскій: но къ намъ прислалъ бить челомъ не одинъ князь Михайла Глинскій, а многіе князья Русскіе и многіе люди, которые держатъ Греческій законъ; сказываютъ, что теперь нужда на нихъ пришла большая за Греческій законъ, принуждаютъ ихъ приступать къ Римскому закону, и они били челомъ, чтобъ мы пожаловали ихъ, за нихъ стали и обороняли ихъ. Намъ кажется, что и тебѣ, сестрѣ нашей, теперь неволя большая, потому что, какъ зять нашъ Александръ умеръ, мы послали навѣстить тебя и приказывали, чтобъ ты насъ о своемъ здоровьѣ безъ вѣсти не держала; но съ тѣхъ поръ послы отъ Сигизмунда Короля у насъ не одинъ разъ были, а отъ тебя къ намъ вѣсти никакой нѣтъ. И если на Русь такая бѣда пришла, то мы за нее стали и обороняли ее, и впередъ, дастъ Богъ, будемъ стоять и

оборонять. А ты бы, сестра, и теперь помнила Бога и свою душу, отца нашего и матери наказъ, отъ Бога душею не отпала бы, отъ отца и матери въ неблагословенъ не была бы, и нашему православному закону укоризны не принесла. А что ты писала къ намъ, чтобъ мы съ Сигизмундомъ Кородемъ были въ любви и братствѣ: то, если Сигизмундъ Король захочетъ съ нами мира и добраго согласія, мы съ нимъ мира хотимъ, какъ намъ будетъ пригоже ²¹³» (Юня, 1507 г.).

Сигизмундъ обѣщалъ прислать новыхъ большихъ пословъ въ Москву; но почему-то не прислалъ. Мы видѣли, что въ письмѣ сестрѣ Василій говорилъ уже о возвращеніи своихъ воеводъ, ходившихъ на Литву; по Литовскимъ извѣстіямъ, воеводы его возвратились назадъ, слышавши о приближеніи Короля, который взялъ замокъ Гзыковъ, опустошилъ нѣсколько мѣстечекъ и волостей Московскихъ, но принужденъ былъ также возвратиться въ Вильну отъ недостатка продовольствія для войска и отъ сильныхъ жаровъ ²¹⁴. Справедливо или нѣтъ это извѣстіе, очевидно, что военныя дѣйствія 1507 года этииъ кончились. Весною слѣдующаго 1508 года они возобновились съ новою силою: Глинскій волновалъ Русь, пустошилъ волости Слуцкія и Копыльскія, овладѣлъ Туровымъ и Мозыремъ. Велвкій князь, увѣдомляя его, что посылаетъ къ нему на помощь полки подъ главнымъ начальствомъ князя Василя Ивановича Шемячича, писалъ, чтобъ онъ съ этою помощію добывалъ ближайшіе къ себѣ города, а далеко съ нею въ королевскую землю не ходилъ, дѣло дѣлалъ бы не спѣша, пока подойдетъ другое, боѣе многочисленное войско изъ Москвы. Глинскій хотѣлъ, чтобъ Шемячичъ помогъ ему овладѣть Слуцкомъ, который, какъ писалъ онъ къ Василю, находился близко отъ его городовъ; пишутъ, что Глинскому хотѣлось овладѣть Слуцкомъ для того, чтобъ жениться на его княгинѣ Анастасіи и тѣмъ получить право на Кіевъ, которымъ прежде владѣли предки князей Слуцкихъ ²¹⁵. Но князю Шемячичю хотѣлось быть поближе къ сѣверу, откуда должны были подойти полки Московскіе, и потому рѣшено было идти подъ Минскъ, пу-

отивши загоны въ глубь Литвы для того, чтобъ смутить землю и помѣшать сбору войска. Эти загоны были въ осьми миляхъ отъ Вильны, въ четырехъ отъ Новгородка, заходили подъ самый Слонимъ. Двѣ недѣли стоялъ Глинскій съ Шемячичемъ у Минска, дожидаясь вѣсти о Московскихъ воеводахъ; но вѣсти не было; это обстоятельство заставило ихъ отступить отъ Минска и двинуться къ Борисову. Отсюда Глинскій писалъ къ великому князю, чтобъ смиловался, не для его одного челобитья, но для собственной пользы и для пользы всего притѣсненнаго христіанства, которое всю надежду полагаетъ на Бога да на него, — велѣлъ бы своимъ воеводамъ спѣшить къ Минску, иначе братья и пріатели его, Глинскаго, и все христіанство придетъ въ отчаяніе, города и волости, занятые съ помощію великокняжескою, подвергнутся опасности и самое благопріятное время будетъ упущено, ибо ратное дѣло дѣлается лѣтомъ. Но великій князь, извѣщая о движеніи воеводъ своихъ — князей Щени изъ Новгорода, Якова Захарьевича изъ Москвы и Григорья Ѳедоровича изъ великихъ Лукъ, приказывалъ Шемячичу и Глинскому, чтобъ они шли для соединенія съ ними къ Оршѣ. Шемячичъ и Глинскій двинулись къ Оршѣ, овладѣли на догорѣ Друцкомъ; въ одно время съ ними пришелъ къ Оршѣ и князь Щеня съ силою Новгородскою, и начали вмѣстѣ осаждать эту крѣпость, но осада была неудачна; третій воевода, Яковъ Захарьичъ, стоялъ подъ Дубровною²¹⁶. Въ это время пришла вѣсть, что идетъ король къ Оршѣ (послѣ 11 Юня 1508 года). Тогда воеводы отошли отъ нея и стали на другомъ берегу Днѣпра; потомъ отступили далѣе въ Дубровину и стояли здѣсь семь дней; но Король за Днѣпръ ни самъ не пошелъ, ни людей не послалъ; по Литовскимъ же извѣстіямъ, Король переправился черезъ Днѣпръ послѣ того, какъ его отряды отбили Русскихъ отъ берега; ночь развела сражающихся; Глинскій упрашивалъ Московскихъ воеводъ, чтобъ дали на другой день битву Королю, но тѣ не согласились, и въ полночь отступили; Король побоялся ихъ преслѣдованія и возвратился въ Смоленскъ.

Изъ Дубровны Московскіе воеводы пошли на юговостокъ, къ Мстиславлю, гдѣ выжгли посады, потомъ къ Кричеву³¹⁷, и такимъ образомъ расходились съ Кородемъ въ противныя стороны. Сигизмундъ, остановившись въ Смоленскѣ, рѣшился принять съ своей стороны наступательное движеніе. Войсками долженъ былъ начальствовать Гетманъ Литовскій, князь Константинъ Острожскій, которому удалось передъ тѣмъ убѣжать изъ Москвы³¹⁸. Но смута встала въ Литвѣ, въ слѣдствіе ссоры между двумя вельможами, и походъ Острожскаго съ главнымъ войскомъ не могъ состояться; Литовскіе отряды успѣли только сжечь Бѣлую, овладѣть Торопцомъ и занять Дорогобужъ, который сожгли сами Русскіе, не надѣясь защитить его. Но эти успѣхи прекратились, когда великій князь велѣлъ подвинуться войскамъ своимъ къ угрожаемымъ границамъ: Смоленскій воевода, Станиславъ Кишка, засѣвшій было въ Дорогобужѣ, бѣжалъ оттуда, слышавъ о приближеніи Московскаго войска; Литовскіе работники, пришедшіе укрѣплять Дорогобужъ для Короля, были побиты; непріятель очистилъ также и Торопецъ, слышавъ приближеніе Щени.

Сигизмундъ видѣлъ невозможность успѣшной борьбы съ Москвою: Московскіе воеводы, уклоняясь отъ рѣшительной битвы, вышли изъ Литовскихъ владѣній, но должны были снова явиться въ нихъ при первомъ удобномъ случаѣ; король слѣдовательно долженъ былъ постоянно держать на готовѣ многочисленную рать, а это было ему трудно, невозможно, при внутреннемъ безнарядьи: мы видѣли, что походъ Острожскаго былъ остановленъ смутою между двумя вельможами, и въ то же время волненіе, поднятое Глинскими, не стихало, города имъ принадлежавшіе находились по прежнему въ ихъ рукахъ; по выходѣ Московскихъ воеводъ изъ Литвы, князь Михаилъ отправился въ Москву, гдѣ вступилъ въ службу къ великому князю, который одарилъ его платьемъ, конями, доспѣхами, далъ ему два города на пріѣздъ — малый Ярославецъ и Медынь, да села подъ Москвою, отпустилъ съ нимъ въ Литву полки свои для обереганія его вотчинныхъ городовъ. Сигизмунду, слѣдовательно,

нужно было кончить войну осенью, чтобъ не дать Глинскому возможности дѣйствовать зимою для подкрѣпленія своей стороны; и вотъ Король отправилъ изъ Смоленска гонца въ Москву за опасною грамотою для пословъ, которые пріѣхали сюда 19 сентября и заключили вѣчный миръ: чтобъ избавиться отъ Глинскихъ, возвратитъ ихъ владѣнія къ Литвѣ, Сигизмундъ долженъ былъ рѣшиться на важное пожертваніе: уступить Москвѣ въ вѣчное владѣніе пріобрѣтенія Іоанновы; тяжелыя для Литвы условія перемирія Александра съ Іоанномъ стали теперь условіями вѣчнаго мира между Сигизмундовъ и Василіемъ, который получилъ желаемое, заключилъ миръ, какъ ему было пригоже, доказалъ, что онъ чужимъ, временно ничѣмъ не владѣеть¹¹⁹. Оба государя обязались быть за одно на всѣхъ недруговъ, и на Татаръ, исключая Менглигирея, царя Перекопскаго. Глинскимъ и ихъ пріятелямъ выговоренъ былъ свободный выѣздъ изъ Литвы въ Москву. Предчувствіе князя Михаила сбылось: онъ затѣялъ такое дѣло, о которомъ и Король и онъ самъ сильно должны были жалѣть, потерявши много; но Глинскій не отчаявался заставить Короля жалѣть еще больше.

Мы видѣли, что Сигизмундъ въ началѣ надѣялся нанести Москвѣ сильный ударъ съ помощію Татаръ Крымскихъ, и дѣйствительно не жалѣлъ денегъ, чтобъ порвать союзъ Менглигирея съ Москвою. Въ это время Крымская орда начинала обнаруживать вполне свой разбойническій характеръ. Прежде Менглигирей сдерживался боязнію передъ Ахматомъ и сыновьями его, и потому дорожилъ союзомъ съ Москвою; дорожилъ онъ имъ и потому еще, что боялся Турокъ, и въ случаѣ изгнанія отъ послѣднихъ, надѣялся найти убѣжище у Московскаго князя; наконецъ слава могущества и счастья Іоаннова должны были внушать уваженіе варвару. Но теперь обстоятельства перемѣнились: Менглигирей не боялся болѣе остатковъ Золотой Орды, не видалъ безпокойства со стороны Турціи; въ Москвѣ вмѣсто Іоанна господствовалъ молодой сынъ его, окруженный опасностями внутри и извнѣ, ибо и въ

Крыму могли ожидать той же усобицы между сыновьями Иоанновыми, какой ожидали въ Литвѣ; притомъ Менглигирей устарѣлъ, ослабѣлъ, и былъ окруженъ толпою хищныхъ сыновей, родственниковъ и князей. Понятно, что эта хищная толпа съ жадностію бросилась на Сигизмундовы подарки, общая ему за нихъ опустошать Московскія владѣнія; но имъ еще выгоды было брать подарки съ обоихъ государствъ, Московскаго и Литовскаго, обѣщать свою помощь тому, кто больше дастъ, обѣщать помощь, а на самомъ дѣлѣ, взявъ деньги со обоихъ, опустошать владѣнія обоихъ, пользуясь ихъ взаимною враждою. Съ этихъ поръ сношенія обоихъ государствъ, и Московскаго и Литовскаго, съ Крымами принимаютъ характеръ задариванія разбойниковъ, которые не сдерживаются никакимъ договоромъ, никакими клятвами. Сюда присоединялись еще смѣшныя притязанія на прежнее могущество, прежнее значеніе, которое ханы старались возстановить хотя на бумагѣ: но унизительнѣе всего было то, что король Сигизмундъ рѣшился потворствовать этимъ притязаніямъ, рѣшился взять слѣдующій ярлыкъ отъ Менглигирея: «Великія Орды, великаго царя Менглигирея слово, правой и лѣвой руки великаго улуса темникамъ, тысячникамъ, сотникамъ, десятникамъ, уланамъ, князьямъ и всѣмъ Русскимъ людямъ, боярамъ, митрополитамъ, попамъ, чернецамъ и всѣмъ чернымъ людямъ. Даетъ вамъ вѣдать, что великіе цари, дѣды наши, и великій царь Ази-Гирей, отецъ нашъ, когда ихъ кони были потны, къ великому князю Витовту въ Литовскую землю пріѣзжали гостить, великую честь и ласку видали: за это пожаловали его Кіевоу и многія другія мѣста дали. Великій князь Казимиръ съ Литовскими князьями и панами просили насъ о томъ же, и мы имъ дали Кіевъ, Владимиръ, Луцкъ, Смоленскъ, Подолію, Каменецъ, Браславль, Сокальскъ, Звенигородъ, Черкасы, Хаджибеевъ маякъ (Одесса), пачиная отъ Кіева Днѣпромъ до устья.... Путивль, Черниговъ, Рильскъ, Курскъ, Осколъ, Стародубъ, Брянскъ, Мценскъ, Любутскъ, Тулу.... Козельскъ, Пронскъ; потомъ, повышая брата нашего Казимира, мы придали ему

къ Литовскому столу Псковъ, Великій Новгородъ, Рязань; а теперь мы пожаловали Сигизмунда брата нашего, столецъ въ Литовской землѣ дали ему со всѣми вышечисанными землями»³²⁰.

И вотъ, не смотря на то, что Василій, въ началѣ своего княженія, успѣшилъ взять съ Менглигерей клятвенную грамоту въ соблюденіи прежняго союза, какой былъ у Москвы съ Крымомъ при Іоаннѣ III, лѣтомъ 1507 года пришла вѣсть, что идетъ множество Татаръ по степи, и надобно ждать ихъ приходу на Бѣлевскія, Одоевскія и Козельскія мѣста. Великій князь немедленно выслалъ полки на Украину; Московскіе воеводы не успѣли помѣшать Татарамъ набрать въ ней большую добычу, но пустились за разбойниками въ степь, нагнали ихъ на Окъ, поразили и отвяли всю добычу³²¹ (9 Августа). Послѣ этого во все продолженіе войны съ Литвою нападеній не было; Глинскій, съ своей стороны, также обратился въ Крымъ, прося покровительства у хана, поднимая его на короля; Менглигерей не отказался отъ союза и съ Глинскимъ, обѣщалъ завоевать для него Кіевъ, не переставая въ то же время обѣщать королю, что хочетъ послать къ нему на помощь Татаръ своихъ къ Кіеву и даже къ Вильнѣ. Но король спѣшилъ отказать отъ такой помощи, писалъ къ Менглигерей отъ 11 Іюня 1508 года, что помощь Татарская уже болѣе не нужна въ Литвѣ, которая очищена отъ Глинскаго и Московскихъ воеводъ, и самъ король, Сигизмундъ, уже приблизился къ Московскимъ границамъ, а проситъ хана послать войско на Брянскъ, Стародубъ и Новгородъ Сѣверскій: «если не захочешь сыновей послать, то пошли хотя нѣсколько тысячъ людей своихъ, и тѣмъ покажи намъ искреннее братство и вѣрную пріязнь; а мы, какъ тебѣ присягнули и слово свое дали, такъ и будемъ все исполнять до смерти, тебя одного хотимъ во всемъ тѣшить, и мимо тебя другаго пріятели искать не будемъ». Король обѣщалъ выслать немедленно и деньги въ Крымъ³²².

Но разбойники еще помнили поражение на Окѣ, и ханъ не

послалъ войска въ другой разъ къ Московскимъ украинцамъ; ему казалось безопаснѣе посредствомъ клятвеннаго обещанія союза выманить у великаго князя Московскаго какъ можно больше подарковъ, выманить также и пасынка своего, бывшаго Казанскаго царя Абдыллетяфа, находившагося въ заточеніи, и вовлечь Василія въ войну съ Астраханью, съ которою у Москвы не было никакихъ враждебныхъ столкновеній. Требовавъ подарковъ не одинъ ханъ; обыкновенно послы привозили къ великому князю множество грамотъ отъ всѣхъ царевичей и царевенъ: все это сладо тяжелые поклоны съ легкимъ поминкомъ, а себѣ требовало тяжелыхъ поминковъ; но кромѣ царевичей и царевенъ нужно было дарить всѣхъ мурзъ и князей; Менглигерей писалъ великому князю: «Братъ мой, князь великій Иванъ Янгурчей-Салтану, кромѣ десяти (подарковъ), портище соболье да 2000 бѣлки, да 300 горностаевъ, не убавляя, посылывалъ, а нынче отъ тебя такъ не привезено. Изъ моихъ мурзъ и князей двадцати человекамъ поминка не досталось: такъ ты бы имъ прислалъ по сукну; а если имъ не пришлешь, то они скажутъ: шерсть (присягу) съ насъ долой! И сильно намъ стануть объ этомъ докучать: такъ бы намъ доуки не было». Ханъ требовалъ безошляинной торговли для своихъ купцовъ, и писалъ великому князю: «послалъ я своего торговца, и если товаръ, какой ему нужно купить, будетъ дорогъ, то я ему велѣлъ ѡ хорошею бѣлкою и въ Казань идти. Въ какомъ мѣстѣ онъ начнетъ товаръ мой продавать, или въ какой городъ пойдетъ, то ты своего добраго человека съ нимъ пошли, чтобъ на немъ тамги не брали, чтобъ силы и наступанія ему никакого не было, потому что мои деньги все равно что твои деньги: такъ вели постеречь и поберечь. Отъ нашихъ отцовъ и дѣдовъ наши ордобазарцы въ Москву и въ другіе ваши города хаживали, и нигдѣ съ нихъ тамги не брали, потому что ихъ деньги — наши деньги, и брать съ нихъ тамгу значить надо мною насмѣхаться. Изначала наши ордобазарцы въ кермосараяхъ (гостинныхъ дворахъ) не ставятся, ставятся гдѣ хотять, и никто имъ о

тоиъ слова не говорить». Ханъ требовалъ также присылки Одоевской дани, какъ она шла въ Крымъ при Іоаннѣ III:

Великій князь исполнилъ требованіе хана относительно ордобазардевъ: не велѣлъ брать съ нихъ тамги и ставить ихъ на гестинныхъ дворахъ; но отказался отправить войско на Астрахань: «судовъ на Волгѣ при отцѣ моемъ не дѣлывали, да и теперь не дѣлають, и народу служебнаго туда переслать нельзя». Великій князь не согласился также отпустить Абдылетиѣ въ Крымъ; но соглашался возвратить ему свободу и надѣлать городомъ; Менглигиреевъ посолъ настаивалъ, чтобъ Абдылетиѣ дали Коширу; но великій князь никакъ на это не согласился: помѣстить Абдылетиѣ такъ близко къ стени, значило предать украину въ жертву Крымцамъ, или, по крайней мѣрѣ, дать Летиѣ возможность уйти изъ Московскаго государства; ему дали Юрьевъ, при чемъ взяли съ него клятвенную грамоту, показывающую намъ тогдашнія отношенія такъ называемыхъ служилыхъ Татарскихъ царевичей къ государству. Летиѣ, называя себя царемъ и великаго князя братомъ, обязуется быть въ приязни съ его друзьями и въ враждѣ съ врагами, не мириться и не осылаться ни съ кѣмъ безъ его вѣдома, показывать ему всѣ грамоты, какія только будутъ присланы къ нему отъ другихъ владѣльцевъ; если великій князь пошлетъ его на свою службу, то ему и его войску, ходя по Московскимъ землямъ, не брать и не грабить своею рукою ничего, надъ христіанами насилья никакого не дѣлать, а кто это сдѣлаетъ или церковь поругаетъ, того выдать; убьютъ такого преступника на мѣстѣ преступленія — вина кѣтъ; послы Летиѣ, вѣдушіе въ Москву, берутъ кормъ по ланѣ; но торговцы его кормъ должны себѣ покупать; пословъ и купцовъ Московскихъ Летиѣ не хватать и не грабить, также Русскихъ плѣнныхъ которые побѣгутъ изъ Орды; Летиѣ обязуется не мыслить зла Янаю царевичу, живущему въ городкѣ Мещерскомъ и Шихъ-Авліару царевичу, помѣщенному въ Сурожикъ, и никакому другому царю или царевичу, которые будутъ въ Московскомъ государствѣ;

не принимать отъ нихъ удаковъ, князей и козаковъ, хотя бы они прежде ушли отъ нихъ въ Орду или Казань, и оттуда ихъ не принимать; также не принимать Татаръ великокняжескихъ кромѣ четырехъ родовъ: Широнова, Баарынова, Аргинова и Кипчакова; обязывается не воевать съ Казанью безъ вѣдома велико-княжескаго, не выѣзжать изъ Московскаго государства и быть во всемъ послушнымъ великому князю. Съ своей стороны великій князь далъ Летифу на словахъ клятву — держать его другомъ и братомъ, но въ грамоту этой строки писать не велѣлъ для прежняго своего дѣла.

Послы Московскіе начали подвергаться въ Крыму насиліямъ отъ хищныхъ царевичей и мурзъ; отпуская къ Менглигирею знатнаго посла своего, Василія Морозова, великій князь писалъ къ хану, что если и Морозовъ потерпитъ такое же насиліе и безчестіе, какое потерпѣлъ прежній посолъ Заболоцкій, то впередъ онъ будетъ посылать къ нему людей молодыхъ, а не бояръ; и Морозову былъ данъ наказъ: «если станутъ у него просить какой пощины, то ему въ пощину никому ничего не давать, кромѣ того, что съ нимъ послано отъ великаго князя въ поминкахъ». Морозовъ выполнилъ наказъ; но пусть онъ самъ расскажетъ намъ, чего стоило ему это выполнение: «Пріѣхалъ я къ воротамъ (доноситъ посолъ великому князю), сошелъ съ лошади, пошелъ пѣшкомъ въ городскіе ворота — и вижу, что въ воротахъ сидятъ всѣ лучшіе князья; они со мною карашевались (здоровались) по обычаю; но когда дошла очередь до Кудаяръ-мурзы, то онъ со мною не карашевался, а сказалъ толмачу: «скажи боярину, что онъ холопъ!» Толмачъ мнѣ тутъ не сказалъ, а онъ на толмача съ ножомъ, и толмачъ мнѣ сказалъ у царевыхъ дверей. Я пошелъ къ царю и девяти (подарки) понесли за мною; тутъ Кудаяръ-мурза отнял у подъячаго шубу бѣличью хребтовую; какъ подошелъ я къ царевымъ дверямъ — ясаулы посохи свои бросили передо мною и стали говорить толмачу: «давай пощины!» Я перешагнулъ черезъ посохи: ничего, говорю, не вѣдаю; а мурза Аппакъ мнѣ сказалъ: «не потакай, ступай прямо къ

царю». Царь спрашивалъ о твоёмъ (великаго князи) здоровьѣ, меня жаловалъ, и царевичи меня жаловали и карашеваться звали; я посольство правилъ, царь меня жаловалъ чашею, и остатокъ подалъ, и царевичи жаловали, остатки подавали; потомъ царь, немного посидѣвши, велѣлъ мнѣ чашу подать, а я чашу подалъ царю, царевичамъ и князьямъ, но когда дошелъ чередъ до Кудаяръ-мурзы, то я началъ бить челомъ царю на него, что холопомъ меня назвалъ и шубу отнялъ: «Кудаяръ-мурзѣ, говорилъ я, чашу не подамъ за это: холопъ я твой, да брата твоего, государя великаго князи Василія Ивановича». Царь началъ говорить за Кудаяра (по немъ по-крашивать): «мы его этимъ пожаловали», говорилъ царь. Я на это отвѣчалъ: «Въ томъ, государь, воленъ ты, вольный человекъ, хотя и все ему отдай». Царь послѣ этого меня отпустилъ, и прислалъ за мною съ медомъ, а Кудаяра, говорятъ, бранилъ и вонь выслалъ.... А царевичъ Ахмать-Гирей присылалъ ко мнѣ дувана своего; дуванъ ко мнѣ прѣхалъ, да сталъ браниться, говорить: «Царевичъ тебѣ приказалъ сказать: не додашь мнѣ тѣхъ поминковъ, что мнѣ Заболоцкій давалъ, и я тебя велю на цѣпи къ себѣ привести». Я ему отвѣчалъ: «Цѣпи твоей не боюсь, а поминковъ не дамъ, поминковъ у меня нѣтъ».

Мы видѣли, что и Александръ, и Сигизмундъ, желая войны съ Москвою, старались поднять на нее магистра Ливонскаго, но уже изъ отвѣта Плеттенбергова Александру можно было усмотрѣть, что старанія будутъ безуспѣшны. Ливонія и города Ганзейскіе хлопотали только о томъ, чтобы съ помощію короля Римскаго Максимилиана, возвратить своихъ плѣнниковъ и товары, захваченные при Іоаннѣ. Извѣстный намъ Гарднгеръ прѣхалъ осенью 1706 года въ Москву съ прежнею просьбой отъ Максимилиана объ освобожденіи Ливонскихъ плѣнниковъ; Василій велѣлъ отвѣчать: «Если Максимилианъ король Римскій будетъ съ нами въ союзѣ, братской любви и дружбѣ, какъ былъ съ отцомъ нашимъ, и если магистръ, архіепископъ и вся земля Ливонская отъ нашего недруга Литовскаго отста-

нутъ, пришлютъ бить челомъ въ Великій Новгородъ къ нашимъ намѣстникамъ, исправятся нашимъ отчинамъ, Великому Новгороду и Пскову во время, то мы, посмотри по ихъ челобитью, для Максимилиана, короля Римскаго, прикажемъ своимъ намѣстникамъ и своимъ отчинамъ, Новгороду и Пскову, съ Ливонцами миръ заключить, какъ будетъ пригоже, и тогда плѣнниковъ освободимъ». Ливонскіе послы не являлись въ продолженіе войны съ Литвою; но когда эта война кончилась, то магистръ въ Мартъ 1509 года прислалъ бить челомъ о перемиріи, которое и было заключено Новгородскимъ и Псковскимъ намѣстниками на четырнадцать лѣтъ; по договору Нѣвцы обязались не приставать къ Литовскому великому князю и его преемникамъ, получили право торговать въ Новгородской землѣ всякимъ товаромъ, кромѣ соли, съ обѣихъ сторонъ обязались давать посламъ проводниковъ и подворья безденежно. — Потому Максимилианъ прислалъ съ просьбою, чтобы позволено было Ганзейскимъ городамъ торговать по прежнему съ Новгородомъ и Псковомъ, и чтобъ отданы были товары, захваченные при Іоаннѣ: Василій отвѣчалъ, что относительно возобновленія торговли исполнить просьбу Максимилианову, если Ганзейскіе города пришлютъ къ Новгородскимъ и Псковскимъ намѣстникамъ бить о томъ челомъ по пригожу; но что товаровъ имъ не отдадутъ ²²⁴.

Обезопасивъ себя со стороны Казани, Крыма, Литвы и Ливоніи, Василій задумалъ порѣшить со Псковомъ, къ чему подавали поводъ постоянныя столкновенія власти народной съ властію намѣстника великокняжескаго. Съ 1508 или 1509 года во Псковѣ намѣстникомъ былъ князь Иванъ Махайловичъ Репня-Оболенскій, а Псковичи прозвали его Найденомъ, потому что, говорятъ ихъ лѣтописецъ, пріѣхалъ онъ въ Псковъ не по обычаю, не будучи прошенъ и объявленъ, нашли его Псковичи на загородномъ дворѣ, потому священника на встрѣчу къ нему со крестами не ходили; и былъ этотъ князь лють до людей, прибавляетъ лѣтописецъ. Осенью 1509 года великій князь отправился въ Новгородъ и получилъ здѣсь отъ Оболен-

скаго жалобу, что Псковичи держатъ его нечестиво, не такъ какъ держали прежнихъ намѣстниковъ, и дѣла государскія дѣлаютъ не по прежнему, въ суды и доходы великокняжескіе вступаются, и людьми намѣстничьими отъ нихъ безчестіе и насиліе большое. Въ слѣдъ за жалобой отъ намѣстника явились въ Новгородъ посадники и бояре Псковскіе, подвесили великому князю въ даръ полтораста рублей, и били челомъ; что обижены отъ намѣстника, отъ его людей, отъ его намѣстниковъ пригородскихъ и отъ ихъ людей. Великій князь отвѣчалъ: «Хочу отчину свою жаловать и оборонять, какъ отецъ нашъ и дѣды дѣлали; и если придетъ на моего намѣстника много жалобъ, то я его обвиню передъ вами». Отпустивъ посадниковъ и бояръ, Василій отправилъ въ Псковъ околыничаго князя Петра Васильевича Великаго и дьяка Далматова съ приказаніемъ выслушать князя Оболенскаго съ Псковичами порознь и помирить ихъ. Посланные возвратились и объявили, что Псковичи съ Намѣстникомъ не мирятся, пріѣхали опять посадники бить челомъ, чтобъ государь далъ имъ другаго намѣстника, а съ Репнею прожить имъ нельзя. Тогда великій князь велѣлъ ѣхать къ себѣ въ Новгородъ Репнѣ и всѣмъ Псковичамъ, у которыхъ есть жалобы на намѣстника. Поѣхалъ намѣстникъ, поѣхалъ посадникъ Леонтій, но поѣхалъ жаловаться не на Оболенскаго, а на товарища своего, другаго посадника Юрія Копыла; Юрій поѣхалъ отвѣчать и скоро прислалъ изъ Новгорода грамоту: «если не поѣдутъ посадники изъ Пскова говорить противъ князя Ивана Репни, то вся земля будетъ виновата.» Тогда сердце у Псковичей приуныло; поѣхали девять посадниковъ да купеческіе старосты всѣхъ рядовъ. Великій князь управы имъ не далъ, но объявилъ: «Сбирайтесь жалобщики на Крещеніе, тогда я вамъ всѣмъ управу дамъ, а теперь вамъ управы никакой нѣтъ». Жалобщики возвратились домой, и когда подошелъ срокъ, отправились опять въ Новгородъ. Въ самый праздникъ Крещенія Василій велѣлъ Псковичамъ собраться и идти на рѣку на водосвятіе, гдѣ былъ и самъ съ крестнымъ ходомъ; потомъ бояре объявили имъ: «По-

садники Псковскіе, бояре и жалобщики! государь велѣлъ вамъ всѣмъ собираться на государскій дворъ, а кто не пойдетъ, тотъ бы боялся государевой казни, потому что государь хочетъ дать вамъ всѣмъ управу». Псковичи отправились съ рѣки на владычній дворъ; посадники, бояре и купцы введены были въ палату, а младшіе люди стояли на дворѣ; и вотъ вошли въ палату Московскіе бояре и сказали Псковичамъ: «Пойманы вы Богомъ и великинъ княземъ Василиемъ Ивановичемъ всея Руси». Посадниковъ посадили тутъ же въ палатъ, а младшихъ переписали и отдали Новгородцамъ по улицамъ беречь и кормить до управы. Такъ говоритъ Псковской лѣтописецъ; по извѣстію же другихъ лѣтописцевъ, великій князь велѣлъ Псковскому намѣстнику, князю Репнѣ съ посадниками стать передъ собою, выслушалъ и обыскалъ, что посадники не слушались намѣстника, въ суды и пошлины его вступались, держали его не такъ какъ прежнихъ намѣстниковъ; также отъ нихъ и Псковичамъ было много обидъ и насильствъ, но что болѣе всего, государское ния презирали, нечестно держали. За это великій князь положилъ опалу на посадниковъ, велѣлъ ихъ схватить и раздать дѣтямъ боярскимъ по подворьямъ. Тогда посадники и другіе Псковичи, познавъ свою вину, били челомъ государю, чтобъ пожаловалъ отчину свою Псковъ, устроилъ какъ ему государю Богъ извѣстилъ. Великій князь велѣлъ имъ сказать чрезъ бояръ своихъ: вы достойны за свои вины казни и опалы; но государь вамъ готовъ оказать милость, если вы исполните его волю, вѣчевой колоколъ свѣсите, чтобъ впредь вѣчу не быть, а быть въ Псковѣ двумъ намѣстникамъ, и по пригородамъ быть также намѣстникамъ; государь самъ хочетъ быть въ Псковѣ, помолиться св. Троицѣ и всему указъ учинить, какъ судить намѣстникамъ въ Псковѣ и по пригородамъ; если волю государеву исполните, то государь васъ жалуетъ, въ имѣнія ваши и въ земли не вступается. Если же государева жалованья не признаете и воли его не исполните, то государь будетъ дѣлать свое дѣло, какъ ему Богъ поможетъ, а кровь христіанская възыщется на тѣхъ, кто государево жалованье презираетъ и воли

его не исполнить. — Посадники и всѣ Псковичи отвѣчали боярамъ: «за государево жалованье мы здѣсь челомъ бьемъ; но велѣлъ бы государь послать во Псковъ съ тѣми же рѣчани». Они цѣловали крестъ служить Василю, его дѣтямъ и наследникамъ до конца міра²²⁶).

Псковичи узнали объ участи посадниковъ отъ купца своего Филиппа Поповича, который услыхалъ вѣсть на дорогѣ въ Новгородъ, бросилъ товаръ и поскакалъ во Псковъ сообщить ее гражданамъ. На Псковичей напалъ страхъ, трепеть и тоска, гортани ихъ пересохла отъ печали, уста пересыхали; много разъ приходили на нихъ Нѣвцы, но такой скорби еще имъ не бывало, какъ теперь, говорить ихъ лѣтописецъ. Собрали вѣче, начали думать: ставить ли щитъ противъ государя, запираются ли въ городъ? Помянули крестное цѣлованіе, что нельзя поднять рукъ на государя, а посадники, и бояре и лучшіе люди всѣ у него. Порѣшивши, что сопротивляться нельзя, Псковичи послали къ великому князю гонца Евстаѣя Соцкаго, бить челомъ со слезами: «чтобъ ты, государь, жаловалъ свою отчину старинную; а мы, сироты твои прежде были и теперь неотступны отъ тебя и сопротивляться не хотимъ; Богъ воленъ да ты въ своей отчинѣ и въ насъ своихъ людишкахъ». Съ объявленіемъ воли великокняжеской пріѣхалъ во Псковъ дьякъ Третьякъ Далматовъ, который сказалъ на вѣчѣ отъ имени Василя: «Если отчина моя хочетъ прожить въ старинѣ, то должна исполнить двѣ мои воли: чтобъ у васъ вѣча не было и колоколъ вѣчевой былъ бы снятъ; быть у васъ двумъ намѣстникамъ, а по пригородамъ намѣстникамъ не быть: въ такомъ случаѣ вы въ старинѣ проживете; если же этихъ двухъ волей не исполните, то какъ государю Богъ на сердцѣ положить: много у него силы готовой, и кровопролитіе взмучится на тѣхъ, кто государевой воли не сотворить; да государь велѣлъ вамъ еще объявить, что хочетъ побывать на поклонъ къ св. Троицѣ во Псковъ». Отговоривши свою рѣчь, дьякъ сѣлъ на ступени. Псковичи ударили челомъ въ землю и не могли слова промолвить, потому что глаза у нихъ наполнились слезами, только

грудные младенцы не плакали; наконецъ, собравшись съ духомъ, отвѣчали дьяку: «Посолъ государевъ! подожди до завтра: мы подумаемъ и обо всемъ тебѣ скажемъ»; тутъ опять всѣ горько заплакали. «Какъ зѣнцы не выпали у нихъ вмѣстѣ со слезами? какъ сердце не оторвалось отъ корня своего?» говорить лѣтописецъ.

Думать Псковичамъ было нечего; день прошелъ въ плачъ, рыданіяхъ, стонахъ; бросались другъ къ другу на шею и обливались слезами. Задержанные въ Новгородѣ посадники и бояре писали къ нимъ, что дали Василю крѣпкое слово своими душами за себя и за всѣхъ Псковичей исполнить государево приказаніе; писали, что общая гибель будетъ слѣдствіемъ сопротивленія великому князю, у котораго многочисленное войско. На разсвѣтъ другаго дня позвонили къ вѣчу, Третьяковъ пріѣхалъ и Псковичи сказали ему: «въ лѣтописяхъ нашихъ написано, съ прадедами, дѣдами и съ отцемъ великаго князя крестное цѣлованіе положено, что намъ Псковичамъ отъ государя своего великаго князя, кто бы ни былъ на Москвѣ, не отойти ни въ Литву, ни къ Нѣмцамъ; отойдемъ въ Литву или къ Нѣмцамъ или станемъ жить сами собою безъ государя, то на насъ гнѣвъ Божій, голодъ, огонь, потопъ и нашествіе поганыхъ; на государя великомъ князѣ тотъ же обѣтъ, какой и на насъ, если не станеть насъ держать въ старинѣ; а теперъ Богъ воленъ да государь въ своей отчинѣ городѣ Псковѣ, и въ насъ, и въ колоколѣ нашемъ, а мы прежней присягѣ своей не хотимъ измѣнять и на себя кровопролитіе принимать, мы на государя рукъ поднять и въ городѣ запереться не хотимъ; а хочеть государь нашъ князь великій помолиться Живоначальной Троицѣ, и побывать въ своей отчинѣ во Псковѣ, то мы своему государю рады всѣмъ сердцемъ, что не погубилъ насъ до конца». 13 Января 1510 года сняли вѣчевой колоколъ у Св. Троицы, и начали Псковичи, смотря на колоколъ, плакать по своей старинѣ и по своей волѣ, и въ ту же ночь Третьякъ повезъ вѣчевой колоколъ къ великому князю въ Новгородъ.

За недѣлю до пріѣзда великаго князя пріѣхали воеводы его

съ силою и повели Псковичей къ крестному цѣлованію, а посадникамъ сказали, въ какой день великій князь будетъ во Псковъ; посадники, бояре, дѣти боярскіе и посадничьи и купцы поѣхали въ Дубровно встрѣчать государя, который пріѣхалъ во Псковъ 24 Января. Въ тотъ же день рано пріѣхалъ владыка Коломенскій и объявилъ духовенству, что великій князь не велѣлъ встрѣчать себя дадеко; духовенство осталось, а Псковичи встрѣтили его за три версты отъ города и ударили челомъ въ землю; государь спросилъ у нихъ о здоровьи, они отвѣчали: «Ты бы государь нашъ, князь великій, царь всея Руси, здравъ былъ». На торгу встрѣтилъ владыка Коломенскій съ Псковскимъ духовенствомъ; въ Троицкомъ соборѣ пѣли молебень и кликали многолѣтіе государю; благославляя его, епископъ сказалъ: «Богъ тебя, государь, благославляетъ взятіемъ Пскова»; которые Псковичи были тутъ въ церкви и слышали это, заплакали горько: «Богъ воленъ да государь, сказали они: мы были изстари отциною отцовъ его, дѣдовъ и пра-дѣдовъ». На четвертый день великій князь велѣлъ быть у себя посадникамъ, боярамъ, купцамъ и житымъ людямъ, чтобъ пожаловать ихъ своимъ жалованьемъ, какъ было имъ сказано. Когда они собрались, то князь Петръ Васильевичъ Великій перекликалъ нѣкоторыхъ изъ нихъ по списку и велѣлъ имъ идти въ грядню, гдѣ ихъ всѣхъ отдали подъ стражу; менѣе же значительнымъ Псковичамъ, остававшимся на дворѣ, князь Петръ сказалъ: «До васъ государю дѣла нѣтъ, а до кого государю дѣло, тѣхъ онъ къ себѣ беретъ; а васъ государь пожалуетъ своею жалованною грамотою, какъ вамъ впередъ жить». Лучшіе Псковичи вышли изъ грядни съ приставами, отправились по своимъ дворамъ, и въ ту же ночь стали собираться въ Москву съ женами и дѣтьми, взяли съ собою только что полегче, а прочее все бросили и поѣхали на спѣхъ съ большими плечемъ и рыданіемъ; поѣхало всего тогда 300 семей. Отнялась слава Псковская, говоритъ лѣтописецъ; по его словамъ, бѣда постигла Псковичей за самоволіе и непокореніе другъ другу, за злыя поклепы и лихія дѣла, за кричаще на вѣцахъ; де

ушли своихъ домовъ устроить, а хотѣли городомъ управлять,

Великій князь послалъ боярина Петра Яковлевича Захарьина (Кошкина) поздравить Москву со взятіемъ Пскова, а самъ жилъ во Псковѣ четыре недѣли, устраивалъ новый бытъ: деревни сведенныхъ бояръ Псковскихъ онъ роздалъ своимъ боярамъ; въ намѣстники назначилъ Григорья Морозова и Ивана Челяднина, дьякомъ Мисюря Мунехина, другимъ яскимъ дьякомъ Андрея Волосатаго, назначилъ 12 городничихъ, 12 старость Московскихъ и 12 Псковскихъ, далъ имъ деревни и велѣлъ сидѣть въ судѣ съ намѣстниками и тиунами, стеречь правды; далъ Псковичамъ уставную грамоту; послалъ своихъ намѣстниковъ по пригородамъ и велѣлъ привести пригорожанъ къ крестному цѣлованію; изъ Москвы присланы были во Псковъ добрые люди, гости числомъ 15, для установленія тамги, потому что во Псковѣ прежде тамги не было, торговали безпошлинно, и для дѣланія денегъ на новый чеканъ; присланы были изъ Москвы также пищальники казенные и воротники; а уѣзжая, великій князь оставилъ во Псковѣ 1000 человекъ дѣтей боярскихъ и 500 Новгородскихъ пищальниковъ. Къ Троицкую дню тогоже года пріѣхали купцы Москвичи на мѣсто сведенныхъ Псковскихъ, 300 же семей изъ десяти городовъ, и начали давать имъ дворы въ Среднемъ городѣ, а Псковичей всѣхъ выпроводили въ окольный городъ и на посадъ.

Лѣтописецъ жалуется на первыхъ намѣстниковъ: у намѣстниковъ, говоритъ онъ, у тиуновъ ихъ и дьяковъ правда, крестное цѣлованіе взлетѣли на небо, а кривда начала между ними ходить; были они не милостивы къ Псковичамъ, а Псковичи бѣдные не знали суда Московскаго; намѣстники пригородные торговали пригорожанами, продавали ихъ великимъ и злымъ умышленіемъ, подметомъ и клепомъ; приставы намѣстничьи начали брать отъ поруки по 10, 7 и 5 рублей, а кто изъ Псковичей сошлется на уставную грамоту великаго князя, какъ тамъ опредѣлено, почему брать съ поруки, того они убьютъ; отъ ихъ налоговъ и насильства многіе разбѣжались по

чужинъ городамъ, бросивши женъ и дѣтей; иностранцы жившіе во Псковѣ — и тѣ разошлись въ свои земли, одни Псковичи остались, потому что земля не разступится, а вверхъ не взлетѣтъ. — Слухъ о такомъ поведеніи намѣстниковъ дошелъ до великаго князя: въ слѣдующемъ же въ 1511 году онъ свелъ Морозова и Челяднина, и на ихъ мѣсто прислалъ двоихъ князей — Петра Великаго и Семена Курбскаго; Петръ былъ прежде княземъ во Псковѣ и зналъ всѣхъ Псковичей. Новые намѣстники были добры до Псковичей, говоритъ лѣтописецъ, и вотъ горожане, которые разошлись, начали опять собираться во Псковъ. Намѣстники эти жили четыре года. Намѣстники смѣнялись; не смѣнялся дьякъ Мисюръ Мунехинъ, имѣвшій важное значеніе, управлявшій, какъ видно, всѣмъ²¹⁶. Послѣ семнадцатилѣтняго пребыванія во Псковѣ, Мисюръ умеръ въ 1528 году. Дьяки начали часто перемѣняться послѣ него; по словамъ лѣтописца, были дьяки мудры, а земля пуста; казна великокняжеская начала увеличиваться во Псковѣ, но изъ дьяковъ ни одинъ не выѣхалъ по здорову изъ Пскова въ Москву, потому что другъ на друга воевали. Мы еще будемъ имѣть случай упомянуть о Мисюрѣ.

ГЛАВА II.

СМОЛЕНСКЪ.

Если великому князю Московскому выгодно было окончательно закрѣпить за собою отцовскія завоеванія въ Литвѣ; если Сигизмунду, съ другой стороны, важно было безъ новыхъ уступокъ освободиться отъ изнурительной и, вслѣдствіе движеній Глинскаго, опасной войны: — то конечно Глинскому, потерпѣвшему полную неудачу въ своихъ замыслахъ, принужденному покинуть родную страну, не было никакой выгоды отъ прекращенія войны между Москвою и Литвою. Понятно, что пребываніе Глинскаго при дворѣ Московскомъ не могло служить ручательствомъ въ сохраненіи мира; понятно, что этотъ даровитый, энергическій, знающій, бывалый человекъ долженъ былъ употреблять всѣ усилія къ возвращенію себѣ прежняго положенія, прежнихъ владѣній; понятно, что человеку привыкшему къ великокняжескому положенію въ Литвѣ, привыкшему управлять государствомъ при Александрѣ, нельзя было привыкнуть къ положенію дѣла въ Москвѣ, гдѣ великій князь, касательно ограниченія власти боярской, приводилъ къ концу иѣры отцовскія; понятно, что Глинскій постоянно обращалъ беспокойные взоры на западъ, прилѣжно слѣдилъ за

дѣлами Сигизмунда, съ радостію замѣчалъ, когда они для печинали становиться затруднительными, и употреблялъ все усилія, чтобъ склонить великаго князя Московскаго воспользоваться стѣпеннымъ положеніемъ короля для начатія новой выгодной войны. Сигизмундъ понималъ, что Глинскій не дастъ ему продолжительнаго мира съ Москвою, и потому въ началѣ 1509 года попытался склонить Василія выдать ему князя Миханна. «Сестра твоя королева Клева, велѣлъ сказать Сигизмундъ Василію, уже извѣщала тебя, что избѣнникъ нашъ Михайло Глинскій, забывши ласки и жалованье брата нашего, господара своего Александра, который изъ сердца сдѣлалъ его пановъ, посягнувъ на его здоровье, своими чарамъ свелъ его въ могилу; королева устно намъ объ этомъ говорила, подробно писала въ письмѣ и пословѣ къ намъ за этия дѣла отъправила; а злодѣй, чуя свою вину, убѣжалъ въ наше отсутствіе и теперь у тебя. Напоминаемъ тебѣ, брату нашему, чтобъ ты вмѣстѣ съ нами сочувствовалъ скорби, которую причинилъ этотъ злодѣй намъ и сестрѣ твоей, и выдалъ бы намъ избѣнника и убійцу зятя твоего вмѣстѣ съ братьями и помощниками, или бы у себя казнилъ его передъ нашими посланн. Если ты это сдѣлаешь, то мы будемъ покупать точно такль же образомъ съ твоими подданными, которые, нагрубивши тебя, уйдуть къ намъ»²²⁷. Василій отвѣчалъ: отказомъ. Конечно такія требованія не могли утишить въ Глинскомъ вражды къ Сигизмунду; онъ завелъ переписку съ Іоанномъ, королемъ Датскимъ, съ цѣлію вооружить его противъ Сигизмунда; послѣдній, получивши отъ Іоанна это письмо, переслалъ его къ Василію Московскому и велѣлъ сказать ему: «Самъ посмотри, гораздо ль это дѣлается? Ты съ нами въ мирѣ, а избѣнникъ нашъ, слуга твой, живя въ твоей землѣ, шлетъ къ братьямъ нашимъ, королямъ христіанскимъ, такія грамоты съ несправедливыми словами. Казни этого злодѣя, чтобъ онъ впередъ такъ не дѣлалъ». Отвѣта не было²²⁸. Сигизмундъ замолчалъ о Глинскомъ, и содержаніемъ сношеній между обонимъ дворами до 1512 года были взаимныя жалобы на пограничныя

обидны дѣла, взаимныя требованія высылки судей для рѣшенія ²²⁹. Лѣтомъ 1512 года Василій послалъ сказать Сигизмунду: «дошелъ до насъ слухъ, что твои паны — воеводы Виленскій и Троицкій сестру нашу, королеву Елену, схватили въ Вильнѣ, свели въ Троки, людей ея всѣхъ отослали, казну всю взяли; въ городахъ ея и волостяхъ, данныхъ ей мужемъ, паны твои ни въ чемъ не даютъ ей воли; державши ее три дня въ Трокахъ, свели въ Биршаны ²³⁰. Мы къ тебѣ не разъ приказывали, чтобъ нашей сестрѣ отъ тебя и отъ твоихъ пановъ никакого безчестья не было и къ Римскому закону ея не принуждали бы; и намъ неизвѣстно, за что нашей сестрѣ такое безчестье и принужденіе, и съ твоего ли вѣдома это сдѣлано или безъ твоего? Ты бы, братъ, поберегъ, чтобъ нашей сестрѣ отъ тебя и отъ твоихъ пановъ безчестья и небреженья никакого не было, казну ея велѣлъ бы всю ей отдать, людямъ ея велѣлъ бы быть при ней по прежнему, въ города ея и волости панамъ своимъ вступаться не велѣлъ, чтобъ у насъ за то съ тобою не житья не было; да дай намъ знать, за что нашей сестрѣ, а твоей снохѣ, такое безчестье и принужденіе учинено, съ твоего ли вѣдома, или нѣтъ, чтобъ намъ объ этомъ знать. Посылаемъ къ тебѣ въ твои пограничные города, къ твоимъ намѣстникамъ въ Смоленскъ, Полоцкъ и Витебскъ дѣтей боярскихъ для рѣшенія пограничныхъ обидныхъ дѣлъ; эти дѣти боярскіе пріѣдутъ въ твои города на Дмитровъ день 1512 года (26 Октября); а ты бы своихъ дворянъ для того же дѣла прислалъ въ наши пограничные города на Николинъ день осенній» (6 Декабря 1512 года). Сигизмундъ отвѣчалъ: «что касается до пановъ воеводъ Виленскихъ и Троицкаго, то намъ очень хорошо извѣстно, что они у невѣстки нашей казны, людей, городовъ и волостей не отнимали, въ Троки и Биршаны ее не увозили, и безчестья ей никакого не наносили; они только сказали сѣ, съ нашего вѣдома, чтобъ ей милость на тотъ разъ въ Бреславль не ѣздила, а жила бы во другихъ своимъ городамъ и дворянъ, потону что пришли слухи о небезопасности пограничныхъ мѣстъ. Давимся мы тому, что

братъ нашъ, по рѣчанъ лихихъ людей, не довѣдавшись навѣрное, къ намъ присылаетъ и говоритъ о томъ, чего у насъ и въ умѣ не было. Мы съ тѣхъ портъ, какъ стали господаремъ на отчинѣ нашей, невѣстку нашу держали въ большомъ почетѣ, къ Римскому закону ее не принуждали и не будемъ принуждать, и не только не отнимали у нея тѣхъ городовъ и волостей, которые далъ ей братъ нашъ Александръ, но еще нѣсколько городовъ, волостей и дворовъ ей нашихъ придали; и впередъ, если дастъ Богъ, хотимъ ее милость держать въ почетѣ. А чтобъ братъ нашъ могъ лучше увѣриться, поѣзжай ты, посолъ, къ невѣсткѣ нашей королевѣ и спроси ее самъ: что отъ нея услышишь, то и передай брату нашему; а впередъ братъ нашъ лихимъ людямъ не вѣрилъ бы, чтобъ между нами ссоры не было. Мы съ тобой пошлемъ къ королевѣ писаря нашего: пусть ея милость передъ тобою и передъ нашимъ писаремъ скажетъ, въ правду ли съ нею такъ было или нѣтъ? »²²¹

Слухъ о происшествіи съ Еленою, какъ видно изъ рѣчей Василя, не былъ еще, по его вѣдѣнію, рѣшительною причиною къ разрыву съ Литвою, ибо въ то же время великій князь назначалъ пріѣздъ Литовскимъ дворянамъ для рѣшенія пограничныхъ дѣлъ на 6-е Декабря. Не знаемъ, ѣздилъ ли Московскій посолъ съ королевскимъ писаремъ къ Еленѣ, и что она имъ сказала; знаемъ, что послѣ Московское правительство жаловалось, будто Сигизмундъ не далъ никакого отвѣта на вопросъ Василя о сестриномъ дѣлѣ; знаемъ также, что въ Ноябрь и Декабрь 1512 года Елена распорядилась въ своихъ Жмудскихъ водостяхъ, принимала жалобы отъ обиженныхъ, приказывала тиунамъ своимъ и наместникамъ объ удовлетвореніи²²². Но скоро пришло въ Москву другое извѣстіе. Въ Маѣ мѣсяцъ двое сыновей Менгли-Гиреевыхъ съ многочисленными толпами напали на украину, на Бѣлевъ, Одоевъ, Вортыньскъ, Алексинъ, повоевали, взяли плѣнныхъ. Великій князь выслалъ противъ нихъ воеводъ; но Татары отступили съ большою добычею, а воеводы за ними не пошли. Въ Юнѣ одинъ

изъ этихъ царевичей, Ахмать-Гирей, пошелъ было къ Рязани, но возвратился, узнавъ, что на рѣкахъ Осетръ и Упъ стоятъ Московскіе воеводы; въ Октябрѣ, братъ Ахматовъ, Бурнашъ-Гирей пришелъ опять къ Рязани и приступалъ къ городу; города взять не могъ, но землѣ Рязанской много надѣлалъ вреда и ушелъ съ добычею. Послѣ перваго нападенія великій князь положилъ опалу на Абдылетифа за его неправду, отдалъ его подъ стражу и отнялъ удѣлъ—по лѣтописямъ Каширу; но мы видѣли, что Абдылетифъ получилъ не Каширу, а Юрьевъ; перемѣненъ ли былъ послѣ удѣлъ, или ошиблись лѣтописцы—рѣшить не можемъ; не знаемъ также, въ чемъ состояла неправда Летифа: въ томъ ли, что онъ былъ дѣйствительно заодно съ Крымскими царевичами, и при вѣсти о ихъ приходѣ, обнаружилъ враждебныя намѣренія относительно Москвы, или неправда его состояла только въ томъ, что его освобожденіе условливалось соблюденіемъ союзнаго договора со стороны Крымцевъ, а этотъ договоръ былъ теперь нарушенъ. Осенью въ Москвѣ узнали, что непріятельскія дѣйствія Крымскихъ царевичей были слѣдствіемъ договора, заключеннаго Менгли-Гиремъ съ Сигизмундомъ. Это извѣстіе уже нашло достаточною причиною къ разрыву съ Литвою, и великій князь послалъ къ Сигизмунду складную грамоту, упрекая его за оскорбленіе Елены и за стараніе возбудить Менгли-Гирея противъ Москвы. Обстоятельства были самыя благопріятныя для начатія войны: Албрехтъ, Маркграфъ Бранденбургскій, родной племянникъ Сигизмунда отъ сестры, ставши великимъ магистромъ Тевтонскаго ордена, готовился къ войнѣ съ дядею, не желая уступить ему земли Похорской и Прусской и признавать себя его вассаломъ; Ливонія, по отношеніямъ своимъ къ великому магистру, должна была также объявить войну Польшѣ; императоръ и другіе Нѣмецкіе владѣльцы поддерживали Албрехта. Глинскій, какъ мы видѣли, заботливо слѣдилъ за отношеніями Сигизмунда къ его западнымъ сосѣдямъ; еще въ 1508 году, передъ заключеніемъ мира съ Литвою, онъ убѣдилъ Василія войти въ союзъ съ императоромъ Максимилианомъ, который,

по его словамъ, думаетъ доставать Венгерскаго королевства подѣ братомъ и племянникомъ Сигизмунда, слѣдовательно не обойдется безъ войны съ послѣднимъ; Глинскій взялся доставить къ Максимилиану грамоту Василюву, въ которой Московскій государь предлагалъ императору союзъ противъ короля Сигизмунда для доставанія своихъ отчизнъ — Максимилиану Венгерской, а Василю Русской земли. Какъ доставлена была грамота, какъ продолжались сношенія, намъ неизвѣстно, потому что имперскія посольскія дѣла съ 1510 по 1515 годъ утрачены^{***}; изъ лѣтописей узнаемъ о прѣздѣ въ Москву въ Февраль 1514 года императорскаго посла Сницень-Памера, и дошелъ до насъ союзный договоръ, заключенный при его посредствѣ между дворами Австрійскимъ и Московскимъ противъ Сигизмунда для отнятія у послѣдняго съ одной стороны земель Тевтонскаго ордена, съ другой Кіева и прочихъ Русскихъ городов^{***}.

Но Василій не дождался заключенія этого союза для началія военныхъ дѣйствій противъ Литвы. Уже въ Апрель 1511 года Глинскій обнадеживалъ Орденскихъ сановниковъ, что миръ между Литвою и Москвою не будетъ продолжителенъ. Онъ отправилъ служившаго у него Нѣмца Шлейница въ Силезію, Богемію и Германію, который нанялъ здѣсь многихъ ратныхъ людей и отослалъ черезъ Ливонію въ Москву; нашлись въ самой Польшѣ люди, которые тайно брали деньги отъ Глинскаго; одинъ изъ нихъ Лада Чехъ, житель Краковскій, схваченъ былъ на Московскихъ границахъ, отосланъ въ Краковъ и тамъ казненъ^{***}. 19 Декабря 1512 года самъ великій князь выступилъ въ походъ съ двумя братьями, Юріемъ и Дмитріемъ, затемъ, крещенымъ Татарскимъ царевичемъ Петрошъ, съ Михаиломъ Глицкимъ и съ двумя Московскими воеводами — князьями Даниломъ Щенею и Репнею Оболенскимъ; цѣлю похода былъ Смоленскъ. Шесть недѣль стояли подѣ городомъ, назначили приступъ: великій князь далъ Псковскимъ пшцальникамъ три бочки меду и три бочки пива; они напились и въ полночь ударили на крѣпость вмѣстѣ съ пшцальниками

другихъ городовъ, посохи несли приметь; остатокъ ночи и весь слѣдующій день бились они изъ-за Днѣпра и со всѣхъ сторонъ, много легло ихъ отъ городскаго наряда, наконецъ принуждены были отступить, и великій князь въ Мартѣ 1513 года возвратился въ Москву.

Лѣтомъ, 14 Іюня Василій вторично выступилъ въ походъ; самъ остановился въ Боровскѣ, а къ Смоленску послалъ воеводу—боярина князя Репню-Оболенскаго и окольникчаго Андрея Сабурова; Смоленскій намѣстникъ Юрій Сологубъ встрѣтилъ ихъ за городскимъ валомъ, далъ битву, по потерпѣлъ поражение и затворился въ крѣпости. Получивши вѣсть о побѣдѣ, Василій самъ отправился подъ Смоленскъ; но на этотъ разъ осада была неудачна; что пушки осаждающихъ разрушали днемъ, то осажденные задѣлывали ночью; тщетно великій князь посылалъ къ Смольяниамъ частыя грамоты съ обѣщаніями и угрозами: они не сдавались; удовольствовавшись опустошеніемъ окрестностей, Василій велѣлъ отступить, и возвратился въ Москву въ Ноябрь мѣсяцъ. 8 Іюня 1514 года великій князь выступилъ въ третій разъ къ Смоленску, съ братьями—Юрьемъ и Семепомъ, третій Дмитрій стоялъ въ Серпуховѣ для обороны южныхъ границъ отъ Крымцевъ, четвертый, Андрей оставался въ Москвѣ. 29 Іюля началась осада Смоленска; дѣйствіемъ наряда распорядился пушкарь Стефанъ. Когда онъ ударилъ изъ большой пушки по городу, то ядро попало въ крѣпостную пушку, ту разорвало, и много осажденныхъ было побито; черезъ нѣсколько часовъ Стефанъ ударилъ въ другой разъ ядрами мелкими, окованными свинцомъ, и еще больше народу побилъ; въ городѣ была печаль большая, видѣли, что биться нечѣмъ, а передаться—боялись короля. Великій князь велѣлъ ударить въ третій разъ—пали новыя толпы осажденныхъ; тогда владыка Варсонофій вышелъ на мостъ и началъ бить челомъ великому князю, просить срока до слѣдующаго дня; но Василій срока не далъ, а велѣлъ бить многими пушками отовсюду. Владыка со слезами возвратился въ городъ, собралъ весь причтъ церковный, надѣлъ ризы, взялъ крестъ,

иконы, и вѣсть съ намѣстникомъ Сологубомъ, панями и черными людьми вышелъ къ великому князю: «Государь князь великій! говорили Смольняне: много крови христіанской пролилось, земля пуста, твоя отчнина; не погуби города, но возьми его съ тихостію». Василій, подошедши къ владыкѣ подѣ благословеніе, велѣлъ ему, Сологубу и знаменитымъ людямъ идти къ себѣ въ шатеръ, а чернымъ людямъ и духовенству велѣлъ возвратиться въ городъ, къ которому приставлена была крѣпкая стража; владыка, Сологубъ и всѣ паны почевали въ шатрѣ подѣ стражею. На другой день, 30 числа, великій князь послалъ въ Смоленскъ воеводъ своихъ, князя Данила Щеню съ товарищами, дьяковъ и подъячихъ, велѣлъ имъ переписать всѣхъ жителей и привести къ присягѣ — быть за великимъ княземъ и добра ему хотѣть, за короля не думать и добра ему не хотѣть; перепись и приводъ къ присягѣ кончились 31 Юля. 1-го Августа послѣ водосвященія Василій вступилъ торжественно за крестами въ Смоленскъ вѣсть съ владыкою и былъ встрѣченъ всѣмъ народомъ; послѣ молебна и иногодѣтія въ соборной церкви, владыка сказалъ ему: «Божіею милостію радуйся и здравствуй православный царь Василій, великій князь всея Руси, самодержецъ, на своей отчинѣ, городѣ Смоленскѣ, на многія лѣта!» Принявши поздравленія отъ братьевъ, бояръ и воеводъ, Василій слушалъ литургію, послѣ чего отправился на княжескій дворъ и сѣлъ на своемъ мѣстѣ: тутъ снова бояре и воеводы Московскіе и знатные Смольняне подходили къ нему по чину съ обычными привѣтствіями; великій князь спросилъ ихъ о здоровьѣ и велѣлъ сѣсть. Князьмиъ, боярамиъ и мѣщанамиъ (горожанамъ) Смоленскимъ Василій объявилъ свое жалованье, уставную грамоту, назначилъ имъ въ намѣстники боярина князя Василя Васильевича Шуйскаго, и позвалъ ихъ обѣдать, послѣ чего каждый получилъ дары. Королевскому намѣстнику Сологубу и сыну его великій князь сказалъ: «Хочешь мнѣ служить, и я тебя жалую, а не хочешь, воленъ на всѣ стороны». Сологубъ просилъ позволенія отправиться къ королю и былъ отпущенъ; онъ поѣхалъ за тѣмъ, чтобъ сло-

жить въ Польшѣ голову на плахѣ какъ издѣльникъ. Всѣмъ служилымъ людямъ королевскимъ было сдѣлано такое же предложеніе: много изъ нихъ остались въ службѣ Московской и получили по два рубля денегъ да по сукну; которые же захотѣли служить, и тѣ получили по рублю денегъ и отпущены къ королю. Смоленцанамъ дано было также на волю: кто изъ нихъ хотѣлъ ѣхать жить въ Москву, тому давали денегъ на подъемъ; кто хотѣлъ остаться по прежнему въ Смоленскѣ, тотъ удерживалъ свой вотчинъ и помѣстья ***.

Устроивши такимъ образомъ въ Смоленскѣ, великій князь выступилъ въ обратный походъ, къ Дорогобужу, пославши воеводъ своихъ къ Мотиславу: здѣшній князь, Михаилъ Ниславскій присягнувъ государю Московскому, то же сдѣлали жители Кричева и Дубровны. Для обереганія Смоленска на случай прихода Сигизмундова отправился къ Оршѣ князь Михаилъ Глинскій; къ Борисову, Минску и Друцку двинулись воеводы: двое братьевъ князей Булгаковыхъ-Патрикѣевыхъ, Михаилъ Голица и Дмитрій Ивонючичи, да конюшій Иванъ Андреевичъ Челяднинъ. Но король выступилъ уже къ нимъ на встрѣчу изъ Минска къ Борисову: онъ надѣялся на усиліе своего дѣла, и эту надежду вселялъ въ него — Михаилъ Глинскій.

Иностранная извѣстія приписываютъ Глинскому большое участіе во взятіи Смоленска; говорятъ, что онъ завелъ сношенія съ Смольнянами, привлекъ многихъ изъ нихъ на свою сторону, и эти-то люди заставили большинство жителей сдаться, не дожидаясь прихода королевскаго, въ которомъ обнадеживалъ ихъ воевода Сологубъ. По извѣстіямъ о взятіи Смоленска, полученнымъ въ Ливоніи, Глинскій будто бы сказалъ великому князю: «Нынче я дарю тебѣ Смоленскъ, котораго ты такъ долго желалъ: чѣмъ ты меня отдаришь?» Великій князь отвѣчалъ: «я дарю тебѣ княжество въ Литвѣ»³³⁷. Это извѣстіе противорѣчитъ извѣстію Герберштейна, будто Василій въ Москвѣ обѣщалъ Глинскому отдать ему Смоленскъ. Какъ бы то ни было, видно одно, что Глинскій, хотя и не являлъ обща-

ни великаго князя относительно Смоленска, тѣмъ не менѣе надѣялся, что ему отдадутъ этотъ городъ, считая себя главнымъ виновникомъ его взятія и вообще успѣха войны, ибо по его старанію были вызваны изъ-за границы искусные ратные люди; отъсюда вѣроятно, что знаменитый пушкарь Стефанъ былъ изъ ихъ числа; вѣроятно также, что Глинскій интѣль сношенія съ Смольянами, дѣйствовалъ на ихъ рѣшимость къ сдачѣ, если могъ имѣть сношенія съ жителями Кракова, какъ мы видѣли. Но если Глинскій, при своемъ страстномъ желаніи получить независимое положеніе, особое княжество, думалъ, что интѣль право надѣяться Смоленскаго княжества, то со стороны Василя было бы большою неосторожностію выпустить изъ рукъ этотъ давножеланный, драгоценный Смоленскъ, ключъ къ Днѣпровской области, отдать его Глинскому, хотя бы и съ сохраненіемъ права верховнаго господства, отдать его Глинскому, котораго характеръ, способность къ обширнымъ замысламъ, энергія при ихъ выполненіи не могли дать Московскому государю достаточнаго ручательства въ сохраненіи этого важнаго приобрѣтенія.

Обманувшись въ своихъ надеждахъ относительно Смоленска, видя (если вѣрить приведенному извѣстію), что ему надобно дожидаться завоеванія другаго княжества въ Литвѣ, завоеванія сомнительнаго, ибо король уже приближался съ войскомъ, Глинскій завелъ переговоры съ Сигизмундомъ, обладаемый еще прежде въ милостивомъ приѣмѣ братомъ Сигизмундовичемъ, Владиславомъ, королемъ Венгерскимъ и Богемскимъ. Сигизмундъ дѣйствительно очень обрадовался предложенію Глинскаго, придавая совѣтамъ послѣднаго большое вліяніе на успѣхи Московскаго оружія¹¹⁸. Глинскій рѣшился покинуть тайно Московскій отрядъ, ему вѣренный п бѣжать въ Оршу; но одинъ изъ ближнихъ его слугъ въ ту же ночь прискакалъ къ князю Михайлу Голицѣ, объявилъ ему объ умыслѣ Глинскаго и указалъ дорогу, по которой поѣдетъ бѣглець. Голица, давши знать объ этомъ другому воеводѣ, Челяднику, нешѣденно сѣлъ на коня съ своимъ отрядомъ, переналъ дорогу у Глинскаго и

схватилъ его ночью, когда тотъ ѣхалъ за версту впереди отъ своихъ дворянъ; на разсвѣтѣ соединился съ Голицею Челяднинъ и повезли Глинскаго въ Дорогобужъ къ великому князю, который велѣлъ заковать его и отправить въ Москву; королевскія грамоты, вынутыя у Глинскаго, послужили противъ него явною уликою. Распорядившись на счетъ Глинскаго, великій князь велѣлъ своимъ воеводамъ двинуться противъ короля; тотъ, оставивъ при себѣ четыре тысячи войска въ Борисовѣ, остальное, подъ начальствомъ князя Константина Острожскаго, отправилъ на встрѣчу къ Московскимъ воеводамъ, у которыхъ, по иностраннымъ извѣстіямъ, было 80,000 войска, тогда какъ у Острожскаго не болѣе 30,000. Послѣ нѣсколькихъ небольшихъ стычекъ въ концѣ Августа, Челяднинъ перешелъ на лѣвый берегъ Днѣпра у Орши и здѣсь рѣшился дожидаться непріятеля, не препятствуя ему переправляться черезъ рѣку, чтобъ тѣмъ полнѣе была побѣда. 8 Сентября 1514 года произошелъ бой: Русскіе начали нападеніе, и долго съ обѣихъ сторонъ боролись съ переменнымъ счастіемъ, какъ наконецъ Литовцы намѣренно обратились въ бѣгство и подвели Русскихъ подъ свои пушки; страшный залпъ смялъ преслѣдующихъ, привелъ ихъ въ разстройство, которое скоро общилось и всему войску Московскому, потерпѣвшему страшное пораженіе: всѣ воеводы попались въ плѣнъ, не говоря уже объ огромномъ количествѣ убитыхъ ратниковъ; рѣка Кропивна (между Оршою и Дубровною) запрудилась тѣлами Москвитянъ, которые въ бѣгствѣ бросались въ нее съ крутыхъ береговъ³³⁹. Сигизмундъ, извѣщая Ливонскаго магистра объ Оршинской побѣдѣ, писалъ, что Москвичи изъ 80,000 потеряли 30,000 убитыми; взятыми въ плѣнъ: 8 верховныхъ воеводъ, 37 начальниковъ второстепенныхъ и 1500 дворянъ; но послѣ, изъ Литовскаго же обстоятельнаго перечисленія узнаемъ, что всѣхъ плѣнныхъ, какъ взятыхъ на Оршинской битвѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ, было 611 человекъ³⁴⁰. По Московскимъ извѣстіямъ, Острожскій сначала занималъ Челяднина мирными предложеніями, а потомъ внезапно напалъ на его войско; первый

вступилъ въ битву князь Михайла Голица, а Челяднинъ изъ зависти не помогъ ему; потомъ Литовцы напали на самого Челяднина, и тогда Голица не помогъ ему; наконецъ непріятель напалъ въ третій разъ на Голицу, и Челяднинъ опять выдалъ послѣдняго, побѣжалъ и тѣмъ рѣшилъ судьбу битвы; но Московскіе источники согласны съ Литовскими относительно страшныхъ слѣдствій Оршинскаго пораженія.

Дубровна, Мстиславль, Кричевъ немедленно сдались королю; Мстиславскій владѣлецъ, князь Михайла Ижеславскій, узнавши о приближеніи королевскаго войска, отправилъ къ Сигизмунду грамоту съ обѣщаніями вѣрности, съ извиненіемъ, что только по необходимости служилъ нѣкоторое время великому князю Московскому²⁴¹. То же самое успѣшилъ сдѣлать и Варсонофій, епископъ Смоленскій: отчаявшись вмѣстѣ съ знатнѣйшими Смольничанами, князьями и панами, въ дѣлѣ новаго своего государя, Василія, епископъ послалъ къ Сигизмунду племянника своего съ письмомъ такого содержанія: «если пойдешь теперь къ Смоленску самъ, или воеводъ приплешь со многими людьми, то можешь безъ труда взять городъ»²⁴². Но бояре Смоленскіе и вѣщане хотѣли остаться за Москвою и сказали объ умыслѣ владыки намѣстнику своему, князю Василю Шуйскому; Шуйскій велѣлъ схватить Варсонофія вмѣстѣ съ его соумышленниками, посадилъ ихъ подъ стражу, и далъ знать объ этомъ великому князю въ Дорогобужъ. Въ это время князь Константинъ Острожскій явился подъ Смоленскомъ только съ шеститысячнымъ отрядомъ войска, въ надеждѣ на владыку, князей и пановъ; но Шуйскій успѣшилъ убѣдить его, что на этихъ людей нечего больше надѣяться: не дожидаясь отвѣта отъ великаго князя, онъ велѣлъ повѣсить всѣхъ заговорщиковъ, кромѣ Варсонофія, на городскихъ стѣнахъ, въ виду Литовскаго войска: который изъ нихъ получалъ отъ великаго князя шубу, тотъ былъ повѣшанъ въ этой самой шубѣ; который получалъ ковчегъ серебряный или чару, тому на шею привязали эти подарки и такимъ образомъ повѣсили²⁴³. Тщетно послѣ того Острожскій посмалъ къ Смольничанамъ грамоты съ

увѣщаніями передаться Сигизмунду, тщетно дѣлалъ приступы къ городу: доброжелателей королевскихъ не существовало болѣе, и остальные граждане бились крѣпко; Острожскій долженъ былъ отступить отъ Смоленска, Московскіе ратные люди и горожане преслѣдовали его и взяли много возовъ. Великій князь одобрилъ поведеніе Шуйскаго, прибавилъ ему войска и выступилъ изъ Дорогобужа въ Москву.

Упомянувши о печальномъ нападеніи Псковскаго намѣстника Сабурова на Рославль, лѣтописцы надолго прекращаютъ рассказъ о военныхъ дѣйствіяхъ между Москвою и Литвою. Понятно, что первая должна была отдохнуть послѣ Оршинской битвы; но вредныя слѣдствія этой битвы для Москвы ограничились только потерей людей, потому что король не могъ извлечь изъ нея для себя никакой пользы, не могъ даже возвратитъ себѣ Смоленска, приобрѣтеніе и удержаніе котораго для Василя служили достаточнымъ вознагражденіемъ за всѣ потери. Письмо Кіевскаго воеводы Андрея Немировича Литовской радѣ объяснить намъ эту невозможность для Сигизмунда вести дѣятельную, успѣшную войну, пользоваться своими побѣдами: «Крымскій царевичъ Альп-Салтанъ, сынъ Магметъ-Гиреевъ, прислалъ ко мнѣ съ извѣстіемъ, пишетъ Немировичъ, что онъ со всѣми людьми своими уже на этой сторонѣ рѣки Тясина, и требовалъ, чтобъ я сядилъ на коня, и шелъ бы вѣстѣ съ нимъ на землю Московскую, въ противномъ случаѣ онъ одинъ не пойдетъ на нее. Я писалъ къ вашей милости не разъ, чтобъ вы меня научили, какъ мнѣ дѣлать; но до сихъ поръ вы мнѣ не отвѣчали; постарайтесь немедленно прислать мнѣ наказъ. Писалъ я къ старостамъ и ко всѣмъ боярамъ Кіевскимъ, чтобъ ѣхали со мною на службу господарскую; но никто изъ нихъ не хочетъ ѣхать: пожалуйте напистите имъ, чтобъ они поспѣшили за мною на службу господарскую»²⁴⁴.

Такимъ образомъ и помощь Крымскихъ разбойниковъ не приносила всей пользы королю, хотя послѣдній не жалѣлъ денегъ для того, чтобъ подучать ихъ противъ Москвы. Весною

1515 года умеръ старый Менгли-Гирей; сынъ его и наследникъ, Магметъ-Гирей, прислалъ въ Москву съ упресокомъ, что великій князь нарушилъ договоръ, не давши знать въ Крымъ о своемъ походѣ подь Смоленскъ: «Ты нашему другу Королю недружбу учинилъ: городъ, который мы ему пожаловали (Смоленскъ), ты взялъ отъ насъ тайкомъ; этотъ городъ Смоленскъ къ Литовскому юрту отецъ нашъ пожаловалъ, а другіе города, которые къ намъ тянутъ — Брянскъ, Стародубъ, Почапъ, Новгородъ Сѣверскій, Рыльскъ, Путивль, Карачевъ, Радогощь, отецъ нашъ, великій царь, твоему отцу далъ. Если хочешь быть съ нами въ дружбѣ и въ братствѣ, то ты эти города отдай намъ назадъ, потому что мы ихъ королю дали.... Если хочешь быть съ нами въ дружбѣ и въ братствѣ, то помоги намъ казною, пришли намъ казны побольше». Кромѣ казны, ханъ требовалъ кречетовъ и разныхъ дорогихъ вещей; требовалъ, чтобъ великій князь отпустилъ въ Крымъ Абдылметифа. Въ грамотахъ къ великому князю Московскому сохранялись еще приличныя формы; такъ ханъ писалъ: «Брату моему поклонъ»; или: «много, много поклонъ»; но вотъ какъ начиналась ханская грамота къ великому князю Рязанскому: «Великія Орды великаго царя Махмедъ-Гиреево царево слово другу моему и становитину, Рязанскому Ивану князю въдомо было.... Мы, великій царь и государь твой»....

Преданный Москвѣ вельможа Крымскій, Аппакъ мурза писалъ великому князю: «У тебя ханъ проситъ восемь городовъ, и если ты ему ихъ отдашь, то другомъ ему будешь, а не отдашь, то тебѣ другомъ ему не бывать; развѣ пришлешь ему столько же казны, сколько король присылаетъ: тогда онъ тебѣ города эти уступитъ. А съ королемъ имъ друзьями какъ не быть? и лѣтомъ, и зимою казна отъ короля, какъ рѣка, безпресташно такъ и течетъ, и малому, и великому всѣмъ упоровилъ». Послу великокняжескому, Мамонову, тотъ же Аппакъ говорилъ: «Ты пріѣхалъ нынче между великимъ княземъ и царемъ дѣло дѣлать, такъ ты дѣлай дѣло умѣючи: чего у тебя царь ни попроситъ, ты ни за что не стой, тѣшь его.

А не захочешь царю дать добромъ, такъ тебѣ безъ дѣла назадъ ѣхать; вѣдь царь у тебя силою возьметъ все, что захочетъ: такъ ты бы царю не стоялъ ни за что, чего у тебя ни попросить добромъ, а позору бы тебѣ не дожидаться.» Аппакъ жоловался Мамонову, что и ему великій князь мало прислалъ: «Абдыррахмановою службою, говорилъ онъ, Литовскій царю нашему посылаетъ пятнадцать тысячъ золотыхъ, кромѣ платья, суконъ и запросовъ; а царицамъ, царевичамъ, сентамъ, уланамъ, князьямъ, мурзамъ, особенно король посылаетъ, всѣмъ довольно; никто на короля царю за поминки не жалуется; Абдыррахману же отъ короля идетъ двѣ тысячи золотыхъ, кромѣ платья и суконъ; на людей Абдыррахману король присылаетъ на двѣсти человекъ платья, шубъ, однорядокъ, доспѣховъ; кромѣ того присылаетъ Абдыррахману еще казну, которую Абдыррахманъ раздаетъ отъ себя царевичамъ, уланамъ, князьямъ и мурзамъ добрымъ для королевскаго дѣла. Такъ королевскому дѣлу какъ не дѣлаться? А коинѣ сколько разъ король приказывалъ: отстань отъ Московскаго, служи мнѣ, и приказывай, чего отъ меня хочешь: все тебѣ дамъ. Но у всякаго человека словъ много, а душа одна; ты, король, познакомился съ Абдыррахманомъ, и живи съ нимъ».

Мамоновъ допросилъ, что когда онъ шелъ къ хану съ поминками, то сторожа загородили ему дорогу посохомъ; «и было мнѣ у посоха много истомы не на малый часъ; все требовали у меня посошной пошлыны; но я ихъ не послушалъ. Когда я назадъ хотѣлъ идти, то меня не пустили; Аппакъ же меня не выручалъ: дважды онъ къ царю вверхъ ходилъ; но туда идучи и оттуда все время бранилъ, что я не плачу посошной пошлыны; однако я не послушался, не заплатилъ. Потомъ пришелъ ко мнѣ Аппакъ князь, и сталъ царскимъ именемъ просить у меня тридцать шубъ бѣличьихъ, да тридцать однорядокъ для раздачи тѣмъ людямъ, которымъ великій князь мало поминковъ прислалъ, потому что они не хотятъ великокняжескаго дѣла дѣлать». Мамоновъ отказалъ; тогда у него схватили двоихъ людей; прѣехалъ въ нему Татаринъ, и

сталъ просить вошняка; Мамоновъ не далъ: тогда Татаринъ сталъ за нихъ на лошади съ плетью гоняться, лошадью его топтать, его топтать, потомъ съ ножомъ въ избу влохился; наконецъ силою взялъ у Мамонова-все то, чего требовалъ ханъ. Этотъ поступокъ Магметъ-Гирей такъ оправдывалъ въ письмѣ своемъ къ великому князю: «Ты многимъ людямъ не прислалъ подарковъ, и намъ много отъ нихъ доуки было, да и посолъ твой много доуки видѣлъ: и вотъ я, для того чтобъ между нами дружбы и братство прибывало, неволею взялъ у твоего посла да и роздалъ моимъ людямъ — иному шубу, другому однорядку». При этомъ ханъ приложилъ списокъ людей, которымъ великій князь долженъ былъ впередъ посылать поминки.

Въ Москвѣ довольствовались подобными объясненіями; въ отвѣтъ своемъ хану Василій не упоминалъ объ оскорбленіяхъ, нанесенныхъ послу, и требовалъ одного — шертной грамоты. Мамоновъ обратился съ тѣмъ же требованіемъ къ сыну Магметъ-Гирееву, царевичу Богатырю; тотъ отвѣчалъ: «Кто меня больше почтитъ, король или великій князь, о томъ я и буду больше хлопотать». Мамоновъ отправился къ брату ханскому. Ахматъ-Гирей; Ахматъ отвѣчалъ: «Видишь самъ, какой царь мой братъ: когда былъ отецъ нашъ царемъ, то мы его слушались; а нынче братъ нашъ царемъ, сынъ у него царь же, князья у него цари же, водятъ имъ, куда хотятъ». Посолъ обратился къ старшей ханшѣ; та смотрѣла на поведеніе Магметъ-Гирея съ своей точки зрѣнія и отвѣчала: «Великокняжескіе и королевы поминки ханъ пропиваетъ съ своими любимыми женами».

Богатырь царевичъ обѣщалъ хлопотать о томъ, кто его больше почтитъ; король, какъ видно, почтилъ его больше, и Богатырь, въ 1516 году, опустошилъ Рязанскую украину. Когда посолъ жаловался на это доброхоту Московскому, мурзѣ Аппаку, тотъ отвѣчалъ: «Все это дѣлается великому князю самому отъ себя, говоритъ я, чтобъ великій князь столько же прислалъ, сколько король присылаетъ». А самъ ханъ писалъ

Василію: «Что сынъ мой Богатырь безъ моего вѣдома на Рязань ходилъ, то князь бы Василій лихимъ людямъ не потакалъ, кто станетъ говорить, чтобъ ему за то со мною раздружиться». Ханъ обѣщаль идти на Литву; но требоваль, чтобъ великій князь помогъ ему взять Астрахань: «Какъ возьметъ Астрахань, то въ ней великаго же князя людямъ сидѣть, тысячахъ въ трехъ или четырехъ, съ пушками и пищалями; рыба, соль — все это пойдетъ брату же моему великому князю, а моя только бы слава была, что городъ мой. А что наши люди Мещеру воевали, то я не ручаюсь, что впередъ этого не будетъ, хотя я съ братомъ своимъ великимъ княземъ буду въ дружбѣ и братствѣ; людей своихъ мнѣ не унять: припшн на меня всею землею, говорятъ, что не будутъ меня въ этомъ слушаться; а Ширины мимо меня вздумали воевать Мещеру, потому что нынче на Мещерѣ нашъ не другъ, а изъ старины этотъ юртъ нашъ. Нынче братъ мой князь великій зачѣмъ не просить у меня на Мещеру брата или сына? Когда нашъ родъ былъ на Мещерѣ, то смѣлъ ли кто изъ нашихъ смотрѣть на нее.

Великій князь велѣлъ своему послу предложить Мещеру брату Магметову, Ахматъ-Гирею; обѣщаль хану помощь на Астрахань, все въ надеждѣ добиться шертпой грамоты и отвлечь Крымцевъ отъ союза Литовскаго; но король дѣйствовалъ деньгами, и лѣтомъ 1517 года, 20000 Татаръ явилось въ Тульскихъ окрестностяхъ. Князья Одоевскій и Воротынскій распорядились очень удачно; пѣшіе ратники обошли Татаръ и застѣкли имъ дороги въ лѣсахъ, гдѣ много ихъ побилп, а конные стали преслѣдовать разбойниковъ по дорогамъ, по бродамъ, потопили много ихъ въ рѣкахъ, много взяли въ плѣнъ, такъ что изъ 20000 очень мало ихъ возвратилось въ Крымъ, и тѣ пришли пѣши, босы и наги; съ другой стороны, князь Василій Шемячичъ поразилъ за Сулою Татарскій отрядъ, приходившій грабить Путивльскія мѣста. — Тогда великій князь созвалъ на думу братьевъ и бояръ, и спросилъ ихъ: нужно ли послѣ этого продолжать сношенія съ Крымомъ, посылать коза-

ковъ къ хану съ грамотами? Приговорили, что нужно продолжать сношенія, чтобъ ханъ прямо не отсталъ отъ Москвы ³¹⁵).

Сигизмундъ дѣйствовалъ въ Крыму; Василій, по единству выгодъ, долженъ былъ вступить въ союзъ съ Албрехтомъ Бранденбургскимъ, Великимъ магистромъ Тевтонскаго ордена. Мы видѣли, что Литовскіе Нѣмцы были ревностными союзниками Александра Литовскаго въ войнѣ его съ Іоанномъ Московскимъ; Сигизмунду хотѣлось поднять ихъ и на Василія; Литовскіе паны радные, извѣщая Магистра Плеттенберга о нападѣніи великаго князя Московскаго на ихъ землю, писали: «Если онъ успѣетъ завладѣть нашими крѣпостями — Смоленскомъ, Полоцкомъ, Витебскомъ, Мстиславлемъ и Оршею, то вы не можете быть безопасны, тѣмъ болѣе, что, по шибѣию Полочанъ, предѣлы страны ихъ простирались по Двинѣ вплоть до самаго моря, что вашъ городъ Рига построенъ на ихъ землѣ ³¹⁶». Плеттенбергу не нужно было напоминать объ опасности, которая грозила Ливоніи отъ Москвы, о правахъ Россіи на Ливонію: онъ самъ очень хорошо зналъ эти права, эту опасность, ненавидѣлъ Москву, готовъ былъ немедленно начать войну съ нею въ союзъ съ Литвою и Польшею; но сдерживался своимъ безсиліемъ и враждебными отношеніями къ Польшѣ великаго магистра Тевтонскаго. Послѣдній не только не раздѣлялъ вражды Плеттенберга къ Москвѣ, напротивъ, старался о союзѣ съ великимъ княземъ для общаго дѣйствія противъ Сигизмунда. Московскіе послы, возвращавшіеся отъ императора черезъ Пруссію, донесли великому князю о просьбѣ магистра: «Чтобъ великій государь меня жаловалъ и берегъ и учинилъ меня съ собою въ союзѣ, а я за этимъ хочу послать къ великому государю своего человѣка». Великій князь приказалъ сказать магистру, что жаловать и беречь его хочетъ; и вотъ въ 1517 году явился въ Москву посолъ Албрехтовъ, Шонбергъ для заключенія союза. Союзъ былъ заключенъ; договорная грамота любопытна для насъ по формамъ, показывающимъ отношенія, въ какихъ находились другъ къ другу оба договаривавшіеся государя: «По Божіей волѣ и по

нашему жалованью, мы, великій государь Божію милостію царь и государь всея Россіи и великій князь Владимирскій и проч. (слѣдуетъ титулъ); дали есьмы сію свою грамоту, Албрехту, Нѣмецкаго чина высокому магистру Прусскому, на то, что къ намъ прислалъ своихъ пословъ битъ челомъ о томъ, чтобы намъ его жаловать и беречь и на своего бы недруга, на короля Польскаго и великаго князя Литовскаго. И мы (титулъ) пожаловали, во единачествѣ есьмы его съ собою учинили, и за него и за его землю хотимъ стоять и оборонять его отъ своего недруга отъ короля Польскаго». Кромѣ обѣщанія дѣйствовать противъ короля за одно съ магистромъ, великій князь обѣщалъ послѣднему также денежную помощь; Албрехтъ просилъ ежемѣсячно по 40,000 золотыхъ Рейнскихъ на содержаніе 10,000 пѣхоты, по четыре золотыхъ каждому ратнику, и по 20,000 золотыхъ на содержаніе 2000 конницы, по 10 золотыхъ на каждаго всадника съ конемъ, кромѣ того, что понадобится еще на артиллерію (что пристойтъ къ хитрецамъ; и къ пушкамъ) великій князь обѣщалъ отправить эти деньги въ Пруссію тогда, когда Магистръ возьметъ свои города, находившіеся за Сигизмундомъ и двинется на Польшу, къ Кракову. Шонбергъ просилъ, чтобъ великій князь далъ это обѣщаніе письменно, ибо иначе среди важныхъ дѣлъ онъ могъ забыть о немъ, но получилъ отказъ; послу, отправленному изъ Москвы къ магистру, было предписано: если магистръ потребуетъ отъ него клятвы въ томъ, что великій князь дастъ обѣщанныя деньги, то отговариваться накрѣпко, если же нельзя будетъ отговориться, то дать требуемую клятву. Черезъ втораго посла Албрехтъ просилъ, чтобъ великій князь распорядился отправкою въ Псковъ 50,000 гривенокъ серебра чистаго, дабы, въ случаѣ если онъ, магистръ, захочетъ начать войну, серебро это привезено было въ Кенигсбергъ, и тамъ, при Русскихъ приставникахъ, выкована будетъ денга, двадцать которыхъ равнялось бы золотому Рейнскому. Василій отвѣчалъ, что серебро готово, но что Нѣмцы должны прежде начать войну ²⁴⁷).

Албрехтъ только еще собирался начать войну съ Сигизмундомъ; но другой союзникъ Василювъ, императоръ Максимилианъ, уже пересталъ собираться, а предлагалъ себя въ посредники мира между Москвою и Литвою. Василий былъ нисколько не прочь отъ мира: главная цѣль достигнута, Смоленскъ взятъ, на дальнѣйшія завоеванія безъ союзниковъ мало надежды, Оршинская битва заставляла болѣе чѣмъ когда-либо остерегаться рѣшительныхъ дѣйствій; родовое преданіе внушало дѣйствовать не вдругъ, но мало по малу, пользуясь удобными случаями. Вотъ почему и въ переговорахъ съ посломъ Албрехтовымъ Василий не хотѣлъ дать обязательства не мириться съ Сигизмундомъ до отнятія у него всѣхъ Прусскихъ и Русскихъ городовъ; вотъ почему Василий принялъ и посредничество императора. Для окончательнаго улаженія дѣла въ Апрѣль 1517 года пріѣхалъ въ Москву посолъ императорскій Сигизмундъ Герберштейнъ: «Всей вселенной извѣстно, говоритъ посолъ, что много лѣтъ христіанскіе правители междоусобными бранями и раздорами себя озлобляли и много христіанской крови проливали, а никакой отъ того христіанству пользы не произошло, потому что невѣрные и враги христіанскаго имени, т. е. Турки и Татары отъ того сильнѣе и выгоднѣе дѣла свои дѣлать могли, много людей въ плѣнъ побрали, много царствъ и городовъ завоевали: все это произошло единственно отъ несогласія правителей христіанскихъ. Правители христіанскіе должны всегда держать въ мысли, что правленіе вручено имъ отъ Бога для умноженія вѣры и чести Его, для обороны общихъ людей, овецъ Христовыхъ. Римскій цезарь Максимилианъ изначала это держитъ въ мысли; многія войны велъ онъ не изъ властолюбія, но для утвержденія общаго мира въ христіанствѣ. И Богъ его благословилъ: наивысшій Римскій архіерей со всею Италианскою землею теперь съ нимъ въ дружбѣ; внукъ его Карлъ, сынъ Филипповъ, спокойно правитъ Испанскими королевствами, которыхъ числомъ двадцать шесть; король Португальскій родня ему; король Англійскій и Ирландскій давно пріятель; король Датскій, Швед-

скій и Норвежскій женатъ на его внукъ, самъ тѣломъ своимъ и королевствами своими теперь въ рукахъ цесарскаго величества; король Польскій во всѣхъ несогласіяхъ своихъ положился на него же; о твоей наиясности нечего много говорить: самъ знаешь, что между вами братская любовь; наконецъ даже король Французскій и Венеція, которые всегда свое особое дѣло предпочитали общему христіанскому, и тѣ теперь миръ заключили. — Обозрѣть нынѣ челоуѣкъ вселенную, отъ востока до запада, отъ юга до сѣвера, и не пайдетъ ни одного правителя христіанскаго, который бы не былъ съ Цесарскимъ величествомъ въ родствѣ, братствѣ или мирномъ докопчаніи, и нѣтъ нигдѣ несогласія, только идетъ война между твоею наиясностію и Сигизмундомъ, королемъ Польскимъ: если эта война будетъ прекращена, то эго цесарское величество достигнетъ вполне своей цѣли. За этимъ-то императоръ и послалъ меня сюда, напомнить вашей наиясности, что миръ будетъ прежде всего служить къ чести Вседержителя Бога и Его непорочной Матери, къ пользамъ всего христіанства; напомнить, сколько выгодъ земля и люди твои получаютъ отъ мира, сколько зла отъ войны, напомнить, какъ сомнительны бранные случаи. Будучи въ Вильнѣ у короля Польскаго, видѣлъ я тамъ Турецкаго посла, который объявлялъ, что султанъ его побѣдилъ султана Египетскаго, Дамаскъ, Иерусалимъ и всѣ его государства завоевалъ: если Турки и безъ того были уже такъ сильны, то чего не задумаютъ они теперь, послѣ такихъ завосваній».

Великій князь велѣлъ боярамъ своимъ отвѣчать Герберштейну: «Брату нашему, цесарю Римскому, извѣстно что война между нами и Сигизмундомъ началась не съ нашей стороны, а съ королевской; а мы всегда просимъ Бога, чтобъ христіанство пребывало въ тишинѣ. И прежде братъ нашъ, цесарь Римскій, писалъ къ намъ, чтобъ мы съ королемъ помирлись, и мы отвѣчали: захочетъ нашъ недругъ Сигизмундъ король съ нами мира, и онъ бы прислалъ къ намъ своихъ пословъ, какъ прежде прислалъ; когда его послы прѣйдутъ, то мы, для брата нашего Мак-

симплиана, съ Сигизмундомъ королевъ миру хотимъ, какъ будетъ пригоже». Герберштейнъ объявилъ на это, что прежде императоръ предлагалъ великому князю отправить пословъ къ Датскому королю, куда съѣдутся также послы императорскіе и Польскіе для мирныхъ переговоровъ, но что великій князь на это не согласился; отправляя его, Герберштейна, императоръ далъ ему наказъ уговорить обѣ враждующія стороны къ польскому съѣзду на границахъ, но онъ своими глазами видѣлъ, что пограничныя города выжжены и раззорены, съѣзду быть негдѣ, и потому просить великаго князя отправить пословъ въ Ригу. — Великій князь велѣлъ отвѣчать: «И прежде мы брату своему приказывали не одинъ разъ, что намъ пословъ своихъ къ Датскому королю и никуда не посылать, а захочетъ Сигизмундъ король мира, то пусть идетъ своихъ пословъ къ намъ въ Москву. Разсуди ты самъ: хорошо ли король дѣлаетъ, что не хочетъ прислать пословъ въ Москву, и такимъ образомъ вводитъ новизны, а старины не помнитъ, какъ прежде бывало»? Герберштейнъ настаивалъ, чтобъ послы съѣхались на границѣ, но понапрасну. Тогда онъ просилъ позволенія отправить своего племянника къ королю съ тѣмъ, чтобъ тотъ прислалъ пословъ своихъ въ Москву. Племянникъ былъ отправленъ и возвратился съ отвѣтомъ, что король готовъ мириться, но не хочетъ признавать обычая, по которому послы всегда обязаны были ѣздить въ Москву для мирныхъ переговоровъ. Сообщая этотъ отвѣтъ боярамъ, словоохотливый Герберштейнъ опять говорилъ длинную рѣчь о томъ, что людамъ, какъ существамъ разумнымъ, должно жить въ добромъ согласіи другъ съ другомъ; превозносилъ умѣренность Филиппа Македонскаго, даровавшаго миръ Аѳинянамъ послѣ побѣды, ставилъ его гораздо выше сына Александра, завоевателя ненасытнаго; прославлялъ своего государя Максимилиана за умѣренность и великодушіе, за то, что возвратилъ Верону Венеціанамъ, указывалъ на Ксеркса, побѣжденнаго Өмистокломъ, на Пирра, въ одинъ часъ лишеннаго плодовъ всѣхъ своихъ побѣдъ. Вся эта рѣчь клонилась къ тому, чтобъ убѣднть ве-

ликаго князя отправить пословъ своихъ на границу; но ораторъ получилъ прежній отвѣтъ: «Намъ своихъ пословъ на границы и никуда въ другое мѣсто посылать не пригоже; а захочетъ Сигизмундъ король мира, и онъ бы послалъ къ намъ своихъ пословъ; а прежнихъ намъ своихъ обычаевъ не рушить, какъ повелось отъ прародителей нашихъ, какъ было при отцѣ нашемъ и при насъ; что намъ Богъ далъ, мы того не хотимъ умалять, а, съ Божіею волею, хотимъ повышать, сколько намъ милосердый Богъ поможетъ. И намъ своихъ пословъ на границы и никуда посылать не пригоже. А что Польскій король собрался съ своимъ войскомъ и стоитъ на готовѣ: то и мы противъ своего недруга стоимъ на готовѣ и дѣло свое съ нимъ хотимъ дѣлать, сколько намъ Богъ поможетъ».

Послѣ долгихъ бесполезныхъ переговоровъ Герберштейнъ объявилъ, что, какъ онъ понимаетъ отвѣтъ королевскій, Сигизмундъ не отказывается отправить своихъ пословъ въ Москву, но только не хочетъ признать правъ Московскаго государя на это; онъ объявилъ также, что хочетъ вторично отправить племянника своего къ королю съ требованіемъ отправленія пословъ въ Москву, и написать красную ложь, будто Максимилианъ прислалъ трехъ гонцовъ и наказалъ непременно привести дѣло къ окончанію. Герберштейнъ чувствовалъ неловкость своего положенія: государь его заключилъ съ Государемъ Московскимъ союзъ противъ Польскаго короля, клялся дѣйствовать за одно противъ общаго недруга; а теперь вмѣсто военной помощи, предлагаетъ только свое посредничество къ миру. Чтобъ оправдать какъ нибудь Максимилиана, Герберштейнъ объявилъ боярамъ, будто прежній посолъ императорскій, Спиценпамеръ переступилъ свой наказъ, поспѣшивши заключить союзъ между императоромъ и великимъ княземъ на короля, что такъ поступать неприлично христіанскимъ правителямъ, которые должны прежде начала войны испытать всѣ мирные пути къ соглашенію; что Максимилианъ поклялся выполнять статьи договора только изъ братской любви къ великому князю, прежде засви-

дѣтельствовавъ однако, что не хочетъ преступать обычая христіанскаго, тѣмъ болѣе, что онъ занимаетъ первое мѣсто между государями христіанскими. Но если король Польскій не согласится на миръ, то императоръ готовъ начать съ нимъ войну за одно съ великимъ княземъ. Если угодно будетъ вашему высочайшему Царю, заключилъ Герберштейнъ, то я назначу Польскому королю срокъ, когда онъ долженъ прислать своихъ пословъ; если не пришлетъ, то мнѣ здѣсь нечего больше дѣлать, ибо это будетъ знакомъ, что миру не быть. — Бояре отвѣчали, что Сняцкпамсръ уговорился и все дѣло сдѣлалъ такъ, какъ обыкновенно послы между государями дѣло дѣлаютъ, по приказу государей своихъ: заключенный такимъ образомъ договоръ великій князь исполнял и хочетъ всегда исполнять; если до сихъ поръ Максимилианъ на Сигизмунда короля войною еще не поднялся, а подвинулъ его миромъ на доброе согласіе, то это въ великомъ князѣ не произвело никакого сомнѣнія; если Максимилианъ хочетъ быть на всѣхъ недруговъ за одно съ великимъ княземъ, то онъ дѣлаетъ хорошо, что свою клятву и договоръ помнитъ. Великій князь, съ своей стороны, для просьбы императорской, съ Сигизмундомъ королемъ мира хочетъ, какъ будетъ пригоже. Если Сигизмундъ помирится, то пусть Максимилианъ будетъ на всѣхъ прочихъ недруговъ съ великимъ княземъ за одно; если же не помирится, то пусть, по договору, объявитъ и королю войну. — Послѣ этого объясненія Герберштейнъ отправилъ къ королю опасныя грамоты на его пословъ.

Послы явились — въ Сентябрь 1517 года — маршалки Янъ Щятъ и Богусъ; но, промедливши три года послѣ Оршинскаго дѣла, Сигизмундъ вздумалъ начать наступательныя непріятельскія дѣйствія противъ Москвы въ то самое время, когда отправилъ туда пословъ за миромъ. Остановившись въ Полоцкѣ, король отправилъ Гетмана, князя Костантина Острожскаго, съ большимъ войскомъ къ Псковскому пригороду Опочкѣ; по сильный приступъ былъ отбитъ намѣстникомъ великокняжескимъ Васильемъ Михайловичемъ Салтыковымъ-Морозовымъ съ

большимъ урономъ для осаждающихъ; не смотря на это, Острожскій все держался подъ Опочкою, отъ 6 Октября до 18-го, разославши отряды подъ другіе прагородки Псковскіе — Вороначь, Велье, Красный. Но Московскія войска съ разныхъ сторонъ спѣшили къ Опочкѣ, и въ трехъ мѣстахъ одержали верхъ надъ непріателемъ, а воевода Иванъ Ляцкій поразилъ на голову Литовскій отрядъ, шедшій къ Острожскому, отнялъ у него пушки и пищали. Гетманъ принужденъ былъ снять осаду Опочки и выйти изъ Московскихъ владѣній ²⁴⁸.

Когда въ одно время узнали въ Москвѣ и о приближеніи пословъ королевскихъ и о вторженіи Острожскаго, то великій князь не велѣлъ посламъ вѣзжать въ Москву, но ждалъ въ Дорогомиловѣ, пославъ сказать Герберштейну: «Сигизмундъ король къ намъ пословъ своихъ отсправилъ. Но какъ прежде умышлялъ неправыя дѣла, такъ и теперь умыслилъ неправое же дѣло: къ намъ отсправилъ своихъ пословъ, а воеводу своего большаго Константина Острожскаго послалъ на наши украины. Воеводы наши противъ непріятельскихъ людей пошли и хотятъ съ ними дѣло дѣлать, и пока воеводы наши съ непріателемъ не перевѣдаются, до тѣхъ поръ Сигизмундовымъ посламъ у насъ быть непригоже: но такъ какъ мы дали опасную грамоту на пословъ, то велимъ честь имъ оказывать и кормъ давать, безчестья имъ никакого не будетъ.» Герберштейнъ былъ сильно недоволецъ этимъ рѣшеніемъ, долго хлопоталъ, чтобъ послы были допущены немедленно къ переговорамъ, наконецъ 18 Октября объявилъ письменно, что долѣ конца этого мѣсяца ждать не станеть, выѣдетъ изъ Москвы; ему отвѣчали грешнее, что пока воеводы великокняжескіе не перевѣдаются съ королевскими, до тѣхъ поръ Литовскимъ посламъ у государя быть непригоже. Но въ тотъ самый день, когда Герберштейнъ подалъ послѣднюю записку, 18 Октября, Острожскій ушелъ отъ Опочки, и великій князь, получивши объ этомъ извѣстіе 25 числа, послалъ сказать Герберштейну: «Наши воеводы съ Литовскими людьми перевѣдались, какъ то милосердому Богу было угодно, праведный Владыка и нелицемерный Судья судилъ

праведно, и мы Литовскимъ посламя пазначили у себя быть 29 Октября, а ты — хочешь или не хочешь быть у насъ съ ними вѣстѣ — это въ твоей волѣ».

29 Октября послы были припаты великимъ княземъ; Герберштейнъ объявилъ, что хочетъ усердно быть у дѣла, и 1-го Ноября переговоры начались. Мы видѣли, что уже Иоаннъ III объявилъ Кіевъ и всѣ Русскіе города своею отчиною; теперь бояре сына его начинаютъ переговоры требованіемъ отъ Сигизмунда прародительской отчины ихъ государя — Кіева, Полоцка, Витебска и другихъ городовъ, которые король держитъ за собою неправдою; съ этихъ поръ это требованіе сдѣлалось обычнымъ, сдѣлалось необходимою формою при всѣхъ переговорахъ съ Литвою; форма эта имѣетъ важное историческое значеніе: она показываетъ характеръ борьбы между двумя государями, изъ которыхъ одинъ назывался великимъ княземъ Литовскимъ и Русскимъ, а другой великимъ княземъ всея Руси; чѣмъ бы ни кончились переговоры, на какихъ бы условіяхъ на этотъ разъ ни заключенъ былъ миръ или перемиріе, въ Москвѣ считали необходимымъ всякій разъ напередъ предъявить права великаго князя или Царя, потомка св. Владиміра на всѣ Русскія земли, принадлежавшія послѣднему, опасаясь умолчаніемъ объ этихъ правахъ дать поводъ думать, что Московскій государь позабылъ о нихъ, отказывается отъ нихъ; въ этомъ обычаѣ, введенномъ государями Московскими, ясно видѣнъ также характеръ послѣднихъ: разъ назначивши себя какую-нибудь цѣль, никогда не упускать ся изъ виду, постоянно напоминать о ней себѣ и другимъ, видна необыкновенная вѣрность преданію отцовскому и дѣдовскому, вѣрность, которая преимущественно помогла Московскому государству достигнуть своей цѣли — сдѣлаться Всероссійскою Имперією: что разъ усвоилъ себѣ отецъ, отъ того сынъ не отказывался; при Иоаннѣ Литовскіе послы вели переговоры въ Москвѣ, и Герберштейнъ напрасно старается склонить Василія къ тому, чтобъ онъ отправилъ своихъ пословъ на границы.

Кромѣ означенныхъ городовъ, Московскіе бояре требовали:

наказаніи панамъ, поступившимъ неочтительно съ великою княгинею Еленою, уступки всѣхъ городовъ и волостей, которыми владѣла Елена въ Литвѣ, уступки ея движимаго имущества, казны. Литовскіе послы, съ своей стороны, потребовали сначала половины Новгорода Великаго, Твери, Вязьмы, Дорогобужа, Путивля и всей Сѣверской страны. Послѣ этихъ объявленій Герберштейнъ былъ позванъ одинъ въ дворецъ, и бояре сказали ему: «Сниценъ-Памеръ заключилъ договоръ, чтобъ Императору и великому князю быть за одно на короля Сигизмунда, и великому князю доставать своей отчины, Русскихъ городовъ: Кіева, Полоцка, Витебска и другихъ, а Императору доставать Прусскихъ городовъ: такъ ты размысли, хорошо ли это королевскіе послы говорятъ, будто великій князь держитъ за собою королевскіе города, а король будто за собою государевой отчины не держитъ?» Герберштейнъ могъ отдѣлаться отъ этого труднаго для него вопроса только тѣмъ средствомъ, которое онъ заранѣе успѣшилъ выставить: онъ опять объявилъ боярамъ, что Сниценъ-Памеръ переступилъ наказъ императорскій: ему было приказано только говорить о союзѣ, а не заключать его; но что если уже союзъ заключенъ, то императоръ будетъ исполнять его условія. О своемъ посредничествѣ Герберштейнъ сказалъ: «Дѣлалъ бы я да не умѣю: средняго пути не знаю; вы говорите высоко, и королевскіе послы также высоко говорятъ, а средняго пути не знаю. Если бы я зналъ, что между государями дѣло сдѣлается, то я бы здѣсь еще пожилъ; а не будетъ между государями добраго дѣла, то государь отпустилъ бы меня прочь къ моему государю».

Литовскіе послы дали знать Герберштейну, что они говорили высоко, принаравливаясь къ требованіямъ боярскимъ: если бояре отстанутъ отъ своихъ требованій, то и они ограничатся настоящими условіями, на которыхъ имъ вѣрно заключить миръ. Когда въ слѣдствіе этого объявленія начались опять переговоры, то Литовскіе послы сказали, что король ихъ полагается во всемъ на Императора; тогда Герберштейнъ долженъ былъ принять роль посредника и началъ ходить между боярами и

послами, сообщая взаимныя требованія ихъ. Послы объявили, что король хочетъ мира на тѣхъ условіяхъ, на какихъ, былъ заключенъ миръ между Іоанномъ III и королемъ Александромъ. Бояре отвѣчали, что послѣ этого было уже новое перемиріе между Іоанномъ и Александромъ и миръ между Василенъ и Сигизмундомъ на новыхъ условіяхъ; они исчислили всѣ неправды Литовскаго правительства: когда Ахмать приходилъ къ Угрѣ, то проводниками у него были королевскіе люди — Савва Карповъ и другіе; Александръ навелъ на Москву хана Шихахната, въ проводникахъ у котораго былъ дворянинъ Литовскій, Халецкій; Сигизмундъ навелъ Магмедъ-Гирея, у котораго проводникомъ былъ королевскій дворянинъ Якубъ Ивашенцовъ; послѣ мира Сигизмундъ опять навелъ Крышцевъ, обѣщавшись давать имъ ежегодную подать по 30,000 золотыхъ; подробно изложили дѣло объ Еленѣ, какъ знали о немъ въ Москвѣ: послѣ отсылки Елены въ Бириштаны, паны: воевода Виленскій, Николай Радзивилъ, Григорій Остиковъ, Ключко, тиунъ Виленскій Бутринъ и казначей земскій Аврамъ умыслили надъ королевою такое дѣло, какихъ въ христіанскихъ государствахъ не бываетъ, послали къ ней королевскаго человѣка Волинца Гитовта, потомъ вызвали его къ себѣ въ Вильну, дали ему зелье и отпустили опять къ королевѣ, написавши ей слугамъ — Дмитрію Федорову и ключнику Дмитрію Иванову, чтобъ вѣрили во всемъ Гитовту, и дѣло панское дѣлали бы такъ, какъ онъ ихъ научить. И вотъ эти трое злодѣевъ — Гитовтъ, Дмитрій Федоровъ и Дмитрій Ивановъ, приготовивши лихое зелье, дали королевѣ испить въ меду — и въ тотъ же день ея не стало. Съ вѣстью объ этомъ поскакалъ въ Вильну къ панамъ Дмитрій Ивановъ, и получилъ въ награду нищеніе.

Послѣ долгихъ переговоровъ дѣло остановилось на Смоленскѣ: послы требовали его возвращенія, бояре никакъ на это не соглашались. Герберштейнъ принялъ сторону пословъ и въ длинной витіевой запискѣ убѣждалъ великаго князя уступить королю Смоленскъ, опять толковать о великодушіи Пирра, отославшаго Ривлианъ ихъ плѣнныхъ, и Максимилиана возвра-

тившаго Венеціанамъ Верону; но при этомъ оказались и слѣдствія продолжительнаго пребыванія Герберштейнова въ Москвѣ, гдѣ онъ изучалъ не только современное состояніе государства, но и его исторію, что видно изъ знаменитыхъ его Комментарій: къ Пирру и Максимилиану Герберштейнъ прибавилъ Іоанна III-го, который, завоевавши Казань, отдалъ ее туземнымъ ханамъ: «Если уступишь Смоленскъ королю, писалъ Герберштейнъ Василию, то превзойдешь щедростію и честію родителя своего, который Татарамъ невѣрнымъ царство Казанское отдалъ, ибо щедрость окажешь не невѣрнымъ, а христіанамъ, не королю, недругу твоему, но всему христіанству; всякій человекъ будетъ тебя провозглашать прибавителемъ дѣлу христіанскому, и щедрость твоя обнаружитъ ту любовь, которую питаешь къ Цесарскому Величеству.» Василий велѣлъ отвѣчать ему: «Говорилъ ты, что братъ нашъ Максимилианъ Верону городъ Венеціанамъ отдалъ: братъ нашъ самъ знаетъ, какимъ обычаемъ онъ Венеціанамъ Верону отдалъ, а мы того въ обычаѣ не имѣемъ и впередъ имѣть нехотимъ, чтобъ намъ свои отчины отдавать.» Переговоры прекратились; послы Литовскіе и Герберштейнъ уѣхали; послѣдній обѣщавъ уговорить Сигизмунта къ перемирію на годъ, на два, или на три, въ продолженіе которыхъ императоръ опять черезъ своихъ пословъ будетъ стараться о вѣчномъ мирѣ между Москвою и Литвою; на отпускъ Герберштейнъ, отъ имени Максимилианова, ходатайствовалъ объ освобожденіи князя Михаила Глинскаго, котораго императоръ воспиталъ при своемъ дворѣ и который служилъ вѣрную службу родственнику его, Алберту, курфирсту Саксонскому; Герберштейнъ представлялъ, что если Глинскій виноватъ, то уже довольно наказанъ заключеніемъ, и что если великій князь согласится отпустить его къ императору на службу, то Максимилианъ свяжетъ его тяжелою клятвою не замышлять ничего противъ Москвы. Великій князь велѣлъ отвѣчать: «Глинскій по своимъ дѣламъ заслуживалъ великаго наказанія, и мы велѣли уже его казнить; но онъ, вспомявши, что отецъ и мать его были Греческаго закона, а онъ, учась въ Италиі, по

молодости отсталъ отъ Греческаго закона, и присталъ къ Римскому, былъ челомъ митрополиту, чтобъ ему опять быть въ Греческомъ законѣ. Митрополитъ взялъ его у насъ отъ казни и допытывается, не поневоля ли онъ приступаетъ къ нашей вѣрѣ, уговариваетъ его, чтобъ подумалъ хорошенько. Ни въ чемъ другомъ мы брату нашему не отказали бы, но Глинскаго намъ къ нему отпустить нельзя.» Герберштейнъ сказалъ на это: «государь мой потому приказывалъ о Глинскомъ, что ему у великаго князя служить нельзя и у короля нельзяже: такъ государь мой просилъ его за тѣмъ, чтобъ отослать ко внуку своему Карлу. Но если государской воли на то нѣтъ, то государь освободилъ бы его теперь, чтобъ я видѣлъ его свободнымъ.» Отвѣта не послѣдовало.

Видѣвъ съ Герберштейномъ великій князь отправилъ къ императору посла своего, дьяка Племянникова, который привезъ съ собою новыхъ пословъ Максимилиановыхъ — Франциска да Колло и Антонія де Конти. И Францискъ да Колло, подобно Герберштейну, витиеватою рѣчью старался склонить великаго князя къ миру, преимущественно выставляя ему на видъ опасность со стороны Турокъ для всей Европы и особенно для Россіи по сосѣдству ея съ Татарами, имѣющими одинакую вѣру и одинакіе обычаи съ Турками. Но когда приступили къ дѣлу, то встрѣтили тѣже самыя затрудненія: опять императорскій посолъ настаивалъ на то, чтобъ великій князь уступилъ королю Смоленскъ, опять бояре объявили, что Василій никогда этого не сдѣлаетъ. Не успѣвши относительно вѣчнаго мира, послы объявили, что такъ какъ императоръ со всѣми королями и князьями установилъ между собою перемиріе на пять лѣтъ для общаго дѣла, противъ христіанскаго врага — Турокъ, то неугодною будетъ и великому князю заключить съ Польскимъ королемъ перемиріе на пять лѣтъ. Великій князь соглашался на это перемиріе съ тѣмъ, чтобъ каждый остался при томъ, чѣмъ владѣлъ до сихъ поръ, и чтобы плѣннымъ была свобода на обѣ стороны; но король никакъ не согласился на послѣнее условіе, имѣя въ ру-

кахъ своихъ много знатныхъ плѣнныхъ, взятыхъ на Оршинскомъ бою. Такимъ образомъ и вторые императорскіе послы увѣхали изъ Москвы ничего не сдѣлавъ; великій князь отправилъ къ Максимилиану посла, дьяка Борисова съ предложениемъ прекратить военныя дѣйствія отъ Рождества Христова 1518 до Рождества 1519 года, чтобы тѣмъ временемъ продолжать переговоры; но смерть Максимилиана прервала сношенія. И при Василии союзный договоръ съ Австрійскимъ домомъ остался также бесполезенъ, какъ и при Іоаннѣ III; Максимилианъ не только не исполнилъ главнаго условія договора — дѣйствовать противъ Сигизмунда за одно съ Василиемъ, но даже, принявши на себя роль посредника, явно держалъ сторону Сигизмунда. Причина такого поведенія онъ высказалъ въ письмѣ своемъ къ великому магистру Албрехту: «Не хорошо, если король будетъ низложенъ, а Царь Русскій усилится.»²⁴⁹.

Долго сдерживаемый императоромъ, который и его нанялъ все надеждою мирнаго рѣшенія распри, Албрехтъ рѣшился наконецъ приняться за оружіе, послалъ сказать Максимилиану, что не можетъ терпѣть дальнѣйшей отсрочки, а въ Москву отправилъ вторично Шонберга съ просьбою о безотлагательной высылкѣ денегъ, необходимыхъ для начатія войны. Великій князь вриговорилъ съ братьями и боярами, что нужно помочь магистру казною, и послалъ во Псковъ деньги на 1000 человекъ пѣхоты, распорядившись однако такъ, что деньги эти тогда только могли быть отправлены къ магистру, когда послѣдній дѣйствительно начнетъ войну съ Польшею. Магистръ просилъ также, чтобы великій князь извѣстилъ короля Французскаго о союзѣ своемъ съ Пруссіею; Василий согласился, и написана была такая грамота, первая изъ Москвы во Францію: «Наивнѣйшему и свѣтлѣйшему великому королю Галлійскому. Прислалъ къ намъ Албрехтъ, Марк-графъ Бранденбургскій, высокій магистръ, князь Прусскій, билъ челомъ о томъ, чтобы мы изъявили тебѣ, какъ мы его жалуемъ. И мы даемъ тебѣ знать объ этомъ нашею грамотою, что мы магистра жалуемъ,

за него и за его землю стоимъ, и впередъ его жаловать хотимъ, за него и за его землю хотимъ стоять и оборонять его отъ своего недруга, Сигизмунда, короля Польскаго; а который Прусскія земли, города нашъ недругъ Сигизмундъ король держитъ за собой неправдою, — мы хотимъ, чтобъ далъ Богъ нашимъ жалованьемъ и нашею помощію тѣ города были за Прусскимъ магистромъ по старинѣ. Объявилъ намъ также высокій магистръ Прусскій, что предки твои тотъ чинъ (орденъ) великимъ жалованьемъ жаловали: и тыбъ теперь, вспомнивъ своихъ предковъ жалованье, магистра жаловалъ, за него и за его землю противъ нашего недруга Сигизмунда короля стоялъ и оборонялъ съ нами за одно». Эти переговоры шли весною 1518 года. Съ извѣстіемъ о рѣшеніи великаго князя помочь ордену при самомъ началѣ войны, поѣхалъ въ Кёнигсбергъ Московскій посолъ Елизаръ Сергѣевъ, котораго Албрехтъ просилъ поклониться великому князю до земли, не головою только, но и всѣмъ тѣломъ. Однако этотъ Елизаръ, возвращаясь изъ Пруссіи, далъ знать во Псковѣ, чтобъ денегъ магистру не отправляли, потому что онъ войны еще не начиналъ. И дѣйствительно въ Ноябрь 1518 года магистръ прислалъ великому князю грамоту съ увѣдомленіемъ, что у государей христіанскихъ идутъ переговоры о мирѣ, объ общемъ союзѣ противъ невѣрныхъ, но что онъ не приступитъ ни къ какимъ соглашеніямъ безъ воли Государя Московскаго; а въ Мартѣ 1519 года пріѣхалъ въ Москву въ третій разъ Дидрихъ Шонбергъ съ объявленіемъ, что явился новый посредникъ, папа, котораго легатъ, Николай Шонбергъ старается склонить всѣхъ государей христіанскихъ къ союзу противъ Турокъ, что Албрехту папа предлагаетъ предводительство надъ союзнымъ христіанскимъ войскомъ, которое должно дѣйствовать противъ невѣрныхъ въ Венгріи, и что по этому ему было бы очень выгодно заключить миръ съ Польшею, но что онъ полагается во всемъ на волю великаго князя, и въ ожиданіи отвѣта изъ Москвы, не отмоливъ папѣ и не объявивъ своего согласія, но отвѣчалъ, что отправить въ Римъ своихъ пословъ. Албрехтъ пред-

лагалъ великому князю заключить съ королемъ перемиріе на пять лѣтъ; впрочемъ, если великій князь предпочтетъ продолжать войну, то онъ, магистръ останется его вѣрнымъ союзникомъ и начнетъ, съ своей стороны, войну съ Польшею, но въ такомъ случаѣ Шонбергъ долженъ взять у великаго князя обѣщанныя деньги и уговориться, какимъ образомъ вести войну. Шонбергъ выпросилъ новую грамоту къ Французскому королю, въ болѣе учтивыхъ выраженіяхъ и далъ образецъ, какъ написать ее ³⁵⁰; выпросилъ также грамоту къ курфюрстамъ и князьямъ имперіи съ изъявленіемъ желанія, чтобъ новый императоръ, котораго изберутъ они на мѣсто Максимилиана, соблюдалъ договоръ предшественника своего съ Московскимъ Государемъ и покровительствовалъ Ордену Тевтонскому, учрежденному для защиты Германскаго народа; наконецъ выпросилъ позволеніе послать одного изъ подданныхъ магистра въ Новгородъ или Псковъ, чтобъ у кого-нибудь изъ тамошнихъ священниковъ выучиться Русскому языку и грамотѣ.

Съ отвѣтомъ на третье Шонбергово посольство отправился къ магистру Московскій посолъ Замыцкій. Великій князь велѣлъ сказать Албрехту, что онъ готовъ заключить перемиріе на приличныхъ условіяхъ, но чтобъ магистръ во всякомъ случаѣ не забывалъ своей клятвы. Замыцкій такъ описывалъ свой пріемъ: «Магистръ принялъ меня съ великою честію, самъ ко мнѣ пришелъ и рѣчей слушалъ, самъ меня къ себѣ къ столу провожалъ, и шелъ отъ меня по лѣвую сторону, за столомъ посадилъ на своемъ мѣстѣ». Албрехтъ далъ знать великому князю, что общее вооруженіе противъ Турокъ не состоялось, слѣдовательно не зачѣмъ заключать перемирія съ Сигизмундомъ; что онъ магистръ, въ Іюль или Августъ непременно начнетъ войну и пойдетъ на Данцигъ, для чего просилъ о немедленной высылкѣ денегъ. Послѣ неоднократнаго повторенія этой просьбы, великій князь велѣлъ отправить деньги въ Сентябрь 1519 года. Когда великій магистръ далъ знать магистру Ливонскому, чтобъ онъ велѣлъ проводить Московскаго посла съ деньгами, то Плеттенбергъ отвѣчалъ: «Я къ Московскому Го-

сударю живу поближе Прусскаго магистра, и Русскій обычай знаю: на словахъ сулятъ, а на дѣлѣ не исполняютъ». Когда же ему сказали, что Московскій посольствитель дѣйствительно пріѣхалъ въ Ригу съ деньгами, то Плеттенбергъ всталъ съ мѣста, и поднявъ руки къ святымъ, сказалъ: «Слава тебѣ, Господи, что великій Государь Царь всея Руси такое жалованье великому магистру оказалъ: надобно намъ за его жалованье головами своими служить!»

Албрехтъ началъ войну съ Польшею; узнавши объ этомъ, великій князь послалъ ему денегъ еще для найма 1000 человекъ пѣхоты; но съ одною этою помощію, ослабѣвшій Орденъ не могъ противиться Сигизмунду. Стѣсненный послѣднимъ, Албрехтъ долженъ былъ войти съ нимъ въ мирныя соглашенія, въ слѣдствіе которыхъ получилъ Орденскія земли въ наследственное владѣніе, но съ вассальными обязанностями къ Польшѣ. Такъ рушился окончательно знаменитый Тевтовскій Орденъ, нивѣвшій, по отношеніямъ своимъ къ Литвѣ, такое важное значеніе въ нашей исторіи.

Союзъ съ Албрехтомъ былъ, по крайней мѣрѣ, полезенъ для Московскаго Государства, что развлекалъ силы непріятеля: послѣ нападенія на Опочку, Литовскія войска не явились болѣе въ Русскихъ предѣлахъ; но Московскія входили нѣсколько разъ въ Литву. Въ 1518 году князь Василій Шуйскій съ Новгородскою силою и большимъ нарядомъ, а братъ его Иванъ Шуйскій съ Псковскою силою выступили въ походъ къ Полоцку. Подошедши къ городу, начали ставить туры и бить пушками стѣны; на помощь къ нимъ пришелъ Московскій отрядъ подъ начальствомъ князя Михаила Кислицы; но Полочане изъ посада, изъ-за острожья сильно отбивались, и скоро въ станѣ осаждающихъ сдѣлался голодъ, колпакъ сахарей стоилъ алтынъ и больше, конскій кормъ также вздорожалъ; къ большому несчастію непріятель овладѣлъ стругами, на которыхъ отрядъ дѣтей боярскихъ переправился на другой берегъ Двины за добычею; преслѣдуемые Литовскимъ воеводою Волинцемъ, эти дѣти боярскіе бросились назадъ къ Двинѣ, но

перевестись было не на чемъ, и много ихъ потонуло въ рѣкѣ; Шуйскіе принуждены были отступить отъ Полоцка безъ всякаго успѣха. Въ слѣдующемъ году князь Михайло Кислица съ Новгородцами и Псковичами пошелъ опять въ Литву, подъ Молодечно и другіе городки, и вышли назадъ къ Смоленску всѣ сохранены Богомъ, по выраженію лѣтописца. Значительнѣе былъ въ томъ же году походъ князя Василя Васильевича Шуйскаго отъ Смоленска, князя Михайла Горбатаго отъ границъ Новгородскихъ и Псковскихъ, князя Семена Курбскаго изъ страны Сѣверской: воеводы эти ходили къ Оршѣ, Могилеву, Минску, воевали и плѣнили по самую Вильну. Пятеро знатнѣйшихъ пановъ Литовскихъ вышли было къ нимъ на встрѣчу, но, видя пораженіе своихъ передовыхъ полковъ, отступили въ глубь страны; Московскіе воеводы не преслѣдовали ихъ туда и возвратились къ своимъ границамъ, удовольствовавшись страшнымъ опустошеніемъ неприятельскихъ областей³⁵¹. Другіе воеводы ходили къ Витебску и Полоцку.

Эти походы были предприняты съ цѣлію побудить Сигизмунда къ миру, котораго сильно желали въ Москвѣ: шестилѣтняя война была очень тяжела для государства при тогдашнемъ положеніи его ратныхъ силъ и финансовъ; мы видѣли, что послѣ взятія Смоленска и Оршинской битвы въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ важныхъ дѣйствій не было, но сильныя рати должны были постоянно сторожить границы. Послѣ упомянутыхъ походовъ, въ концѣ 1519 года, великій князь созвалъ на думу братьевъ и бояръ и говорилъ имъ: «теперь мы Литовскому сильно недружбу свою оказали, землю его воевали чуть чуть не до самой Вильны, крови христіанской много льется, а король и не думаетъ придти на согласіе, помириться съ нами: такъ чѣмъ бы его позадрать, чтобъ онъ захотѣлъ съ нами мира.» И приговорилъ великій князь послать отъ какаго нибудь боярина къ какому нибудь пану, задрать ихъ. Въ слѣдствіе этого приговора, въ Генварь 1520 года, бояринъ Григорій Ѳеодоровичъ отправилъ своего слугу къ Виленскому воеводѣ, пану Николаю Радзивилу съ тѣмъ, что если король

хочетъ мира, то пусть присылаетъ своихъ пословъ; опасная грамота отправлена съ Радзивиловымъ же человѣкомъ, и въ Августъ прѣехали послы Литовскіе, Янушъ Костевичъ и Богушъ Боговитиновичъ. Начались переговоры; бояре требовали опять прежняго, требовали и вознагражденія за безчестье, нанесенное королевъ Елепъ; послы отвѣчали: «этого никогда не бывало; какіе-то лихіе люди государю вашему объ этомъ сказали; но государь вашъ вѣрилъ бы государю нашему, брату своему Сигизмунду королю, а не лихимъ людямъ.» Понятно, что подобные отвѣты не могли никого удовлетворить и считались на равнѣ съ молчаніемъ. На счетъ мирныхъ условий по прежнему не сошлись: Смоленскъ служилъ непреодолимымъ препятствіемъ. Послы предложили перемиріе съ тѣмъ, чтобъ Смоленскъ оставался за Москвою, но чтобъ плѣнныхъ не возвращать; великій князь настаивалъ на возвращеніе плѣнныхъ; послы не согласились, и порѣшили на томъ, что король пришлетъ великихъ пословъ на Великое заговѣнье 1521 года, т. е. черезъ шесть мѣсяцевъ, въ продолженіе которыхъ войнѣ не быть³⁵². Но Сигизмундъ на означенный срокъ пословъ не прислалъ: обстоятельства перемѣнились въ его пользу; онъ одолѣлъ великаго магистра, а между тѣмъ на востокъ исполнилось то, чего онъ съ такимъ нетерпѣніемъ дожидался въ началѣ своего царствованія: двѣ Татарскія орды, Казанская и Крымская, заключили союзъ противъ Москвы.

Мы оставили Казань въ 1506 году, когда ханъ ея, Магмедъ-Аминь, не смотря на неудачи великокняжескаго войска, просилъ мира и заключилъ его на прежнихъ условіяхъ, какъ было при Іоаниѣ. Въ 1512 году Магмедъ-Аминь возобновилъ клятву въ вѣрности; мало того, прислалъ просить великаго князя, чтобъ тотъ отпустилъ къ нему вѣрнаго человѣка, именно боярина Ивана Андреевича Челяднина, передъ которымъ онъ хочетъ исповѣдаться въ прежнемъ своемъ дурномъ поступкѣ. Челядинъ былъ отправленъ, и ханъ, по словамъ дѣтописца, тайну свою исповѣдалъ предъ нимъ чисто и снова поклялся быть въ вѣчномъ мирѣ, дружбѣ и любви съ великимъ

княземъ. Въ 1516 году явилось новое посольство изъ Казани съ извѣстіемъ, что Магметъ-Аминъ опасно боленъ и съ просьбою отъ имени больного хана и всѣхъ Казанцевъ, чтобъ великій князь простилъ Абдылметѣя, находившагося опять въ заточеніи за набѣги Крымцевъ, и назначилъ бы его ханомъ въ Казань въ случаѣ смерти Аминевои; Василій согласился исполнить ихъ просьбы, и отправилъ въ Казань окольничаго Тучкова, который взялъ съ хана и всей земли клятву, что они не возьмутъ въ Казань никакого царя и царевича безъ вѣдома великаго князя; въ слѣдствіе этихъ соглашеній, Летиѣ былъ выпущенъ на свободу и получилъ Коширу, гдѣ онъ теперь не могъ быть опасенъ, итѣя въ виду Казань.

Но Летиѣ умеръ еще за годъ до смерти Магмедъ-Аминевои, послѣдовавшей въ декабрь 1518 года, и снова рождался вопросъ — кому быть царемъ на Казани? вопросъ важный и трудный по отношеніямъ къ Крыму, ибо Магмедъ-Гирей сильно хлопоталъ о томъ, чтобъ всѣ Татарскія владѣнія находились въ рукахъ одного рода Гиреевъ, чему, разумѣется, Москва должна была препятствовать всѣми силами. Итѣя надобность въ помощи великаго князя относительно Астрахани и Казани, Магмедъ-Гирей прислалъ ему шертную грамоту, въ которой обязывался быть за одно на Литву съ тѣмъ, чтобъ великій князь былъ съ нимъ заодно на дѣтей Ахматовыхъ; обязывался прекратить всякаго рода грабежи, не требовать никакихъ пошлинъ, не затруднять Московскихъ пословъ, не безчестить ихъ. Эту грамоту привезъ извѣстный намъ Аппакъ-Мурза; онъ былъ еще въ Москвѣ, когда великій князь, по смерти Магмедъ-Аминя, назначилъ послѣднему въ преемники родоваго непріятеля Гиреевъ, Шигъ-Алея, внука Ахматова, который выѣхалъ въ Россію съ отцомъ своимъ изъ Астрахани, и владѣлъ до сихъ поръ Мещерскимъ городкомъ. Аппакъ возражалъ противъ этого назначенія; но ему отвѣчали, что оно сдѣлано по непремѣнному требованію самихъ Казанцевъ, которые въ случаѣ отказа, могли выбрать кого-нибудь еще болѣе враждебнаго для Гиреевъ. Ханъ молчалъ: силою вдругъ нельзя было ему отнять Казани у Мо-

сквы и Шигъ-Алея; надобно было дѣйствовать другимъ образомъ. Скоро Шигъ-Алей возбудилъ къ себѣ нерасположеніе Казанцевъ тѣмъ, что во всемъ предпочиталъ выгоды Московскаго князя ихъ собственнымъ, опираясь на воеводу Московскаго, при немъ находившагося. Въ слѣдствіе такого положенія дѣлъ внушенія изъ Крыма находили легкій доступъ, вельможи составили заговоръ, и когда, весною 1521 году, братъ Магмедъ-Гиреевъ, Саипъ, явился съ Крымскимъ войскомъ у Казани, то городъ сдался ему безъ сопротивленія; Шигъ-Алею и воеводѣ великокняжескому дана была свобода выѣхать въ Москву, но посолъ и куницы Русскіе были ограблены и задержаны. У великаго князя въ Азовѣ были доброжелатели, извѣщавшіе его о движеніяхъ Крымскаго хана и получавшіе, разувѣтся, за это хорошіе поминки; между ними былъ самъ кадій. 10 Мая великій князь получилъ отъ нихъ извѣстіе, что Магмедъ Гирей готовъ со всею силою идти къ Москвѣ, что мимо Азова прошли Казанскіе Татары къ царю просить на Казань царевича, и царь имъ царевича далъ, а съ нимъ пошло триста человекъ. Изъ Азова же получено было извѣстіе, что приходилъ посолъ изъ Крыма къ Астраханскому Хану и говорилъ ему такъ отъ имени Магмедъ-Гиреева: «Между собою мы братья; былъ я въ дружбѣ съ Московскимъ, онъ мнѣ извѣнилъ: Казань была юртъ нашъ, а теперь онъ посадилъ тамъ султана изъ своей руки; Казанская земля этого не хотѣла, кромѣ одного сента (главы духовенства), да и прислала ко мнѣ человека просить у меня султана; я имъ султана и отпустилъ на Казань, а самъ иду на Московскаго со всею своею силою. Хочешь со мною дружбы и братства, — такъ самъ пойдѣ на Московскаго, или султановъ пошли». Но Астраханскій царь и князья и земскіе люди съ Московскимъ государемъ недружбы не захотѣли. — Вѣсти эти пришли поздно: Магмедъ-Гирей уже стремился къ берегамъ Оки; Московскій отрядъ, высланный сюда подъ начальствомъ князя Димитрія Бѣльскаго и брата великокняжескаго, Андрея Іоанновича, былъ опрокинутъ превосходными силами непріятеля, который, не касаясь городовъ,

разсѣлся для грабежа на пространство отъ Коломны до самой Москвы; а съ другой стороны, новый Казанскій ханъ, Саипъ-Гирей, опустошивши области Нижегородскую и Владимирскую, соединился съ братомъ. Давно уже Москва отвыкла видѣть непріятеля подъ своими стѣнами; начавшіеся въ княженіе Василія набѣги Крымцевъ касались только Украины, да и здѣсь были отражаемы постоянно съ успѣхомъ; особенно теперь не ждали нападенія Магмедъ-Гиреева, послѣ заключенія съ нимъ клятвеннаго договора чрезъ посредство Аппака, не ждали и опасности со стороны Казани въ правленіе Шигъ-Алеево. Василій нашелся въ тѣхъ же самыхъ обстоятельствахъ, въ какихъ находился Димитрій Донской во время нападенія Тохтамышева, Василій Димитріевичъ во время нападенія Едигеева, и потому долженъ былъ употребить тѣже самыя мѣры: онъ оставилъ Москву и отправился на Волокъ собирать полки. Самъ ханъ остановился на рѣкѣ Сѣверкѣ; но отряды его подходили близко къ Москвѣ, опустошали села — Островъ, Воробьево, монастырь Угрѣпскій. Со всѣхъ сторонъ бѣглецы спѣшили въ Кремль, въ воротахъ давили другъ друга; отъ страшной тѣсноты заразился воздухъ, и еслибъ такое положеніе продолжилось еще три или четыре дня, то язва начала бы свирѣпствовать, тѣмъ болѣе, что это было въ жаркое время, въ послѣднихъ числахъ Іюля; когда начали думать о защитѣ, о пушкахъ, то нашли, что пороху было недостаточно. Въ такихъ обстоятельствахъ оставленный начальствовать въ Москвѣ крещенный Татарскій царевичъ Петръ и бояре рѣшились вступить въ переговоры съ ханомъ, который хотя и не думалъ брать Москву приступомъ, не имѣя для этого ни средствъ, ни охоты, и сбирался бѣжать при первомъ извѣстіи о приближеніи войскъ великокняжескихъ, — однако и Москва, какъ мы видѣли, не могла долго оставаться въ описанномъ положеніи. Магметъ-Гирей соглашался немедленно удалиться изъ Московской области, если ему пришлютъ письменное обязательство, что великій князь будетъ платить ему дань. Это обязательство было дано, и ханъ отступилъ къ Рязани, гдѣ начальствовалъ Окодь-

ничій Хабаръ Симскій. Съ Магмедъ Гиреемъ вмѣстѣ приходилъ въ Москву извѣстный уже намъ Евстаѳій Дашковичъ, который при Іоаннѣ III отбѣжалъ изъ Литвы въ Москву, при Василіи опять убѣжалъ въ Литву и теперь съ Днѣпровскими козаками находился въ станѣ Крымскомъ. Дашковичу хотѣлось взять Рязань хитростію: для этого онъ предложилъ ея жителямъ покупать плѣнныхъ, чтобы, уловивъ случай, вмѣстѣ съ покупателями пробраться въ городскіе ворота; съ своей стороны ханъ, для вѣрнѣйшаго успѣха въ предпріятіи, хотѣлъ заманить къ себѣ воеводу Хабаръ, и послалъ ему, какъ холопу своего данника, приказъ явиться къ себѣ въ станъ; но Хабаръ велѣлъ отвѣчать ему, что онъ еще не знаетъ, въ самомъ ли дѣлѣ великій князь обязался быть данникомъ и подручникомъ хана, просилъ, чтобы ему дали на это доказательство,—и ханъ, въ доказательство, послалъ ему грамоту, написанную въ Москвѣ. Въ это самое время Дашковичъ, не оставляя своего намѣренія, все болѣе и болѣе приближался къ Рязани; онъ далъ нарочно нѣкоторымъ плѣнникамъ возможность убѣжать изъ стана въ городъ; толпы Татаръ погнались за бѣглецами и требовали ихъ выдачи; Рязанцы выдали плѣнныхъ, но, не смотря на то, толпы Татаръ сгущались все болѣе и болѣе подъ стѣнами города, какъ вдругъ раздался залпъ изъ городскихъ пушекъ, которыми распорядился Нѣмецъ Іоганъ Іорданъ; Татары разсѣялись въ ужасѣ; ханъ послалъ требовать выдачи Іордана, но Хабаръ отвергнулъ это требованіе. Магмедъ-Гирей, какъ мы видѣли, пришелъ не за тѣмъ, чтобы брать города силою; не успѣвши взять Рязани хитростію, и побуждаемый извѣстіемъ о непріятельскихъ движеніяхъ Астраханцевъ, онъ ушелъ и оставилъ въ рукахъ Хабаръ грамоту, содержащую въ себѣ обязательство великаго князя платить ему дань.

Тѣмъ не менѣе, слѣдствія Магмедъ-Гиреева нашествія были страшныя: молва преувеличила число плѣнныхъ, выведенныхъ Крымцами и Казанцами изъ Московскаго государства, простирая это число до 800,000; но самое это преувеличеніе уже показываетъ сильное опустошеніе; Крымцы продавали своихъ

пльнниковъ въ Кафѣ, Казанцы въ Астрахани. Такая добыча разлакомила Магмедъ-Гирея: возвратившись домой, онъ велѣлъ три раза прокликать по торгоу въ Перекопи, Крымъ-городѣ и Кафѣ, чтобъ князья, мурзы и всѣ Татары были готовы сами и коней откармливали для осенняго похода въ Московскую землю. Этотъ осенній походъ не состоялся, а на весну 1522 года великій князь приготовился встрѣтить хана, выступилъ самъ къ Окѣ съ многочисленнымъ войскомъ и пушками³⁵³. Ханъ не пришелъ и весною; но его нужно было постоянно сторожить; со стороны Казани нужно было также ожидать безпрестанно нападеній и нельзя было долго оставлять въ ней царствовать брата Магмедъ-Гиреева. Это заставило спѣшить заключеніемъ перемирія съ Литвою. Въ Августѣ 1521 года, тотчасъ по уходѣ Магмедъ-Гирея, возобновилась пересылка съ Сигизмундомъ. Въ Мартѣ 1522 года пріѣхалъ изъ Литвы Станиславъ Долгирдовъ (Довкирдовичъ) и объявилъ, что король тогда только придетъ въ Москву своихъ великихъ пословъ, когда великій князь объявитъ, хочетъ ли онъ вѣчнаго мира или перемирія безъ отпуска плѣнныхъ. Съ отвѣтомъ былъ посланъ Василій Поликарповъ, который долженъ былъ сказать королю, чтобъ онъ присылалъ своихъ великихъ пословъ, пановъ радныхъ, что великій князь мира и перемирія хочетъ, какъ будетъ пригоже, а плѣннымъ свобода на обѣ стороны. Но Поликарпову данъ былъ еще наказъ, что если въ Литвѣ не согласятся на это и стануть его отпускать, то онъ долженъ сказать: «Государь нашъ съ Сигизмундомъ короленъ вѣчнаго мира хочетъ; но и перемирія хочетъ и безъ отпуска плѣнныхъ». Въ слѣдствіе этого послѣдняго объявленія въ Августѣ пріѣхали въ Москву великіе послы Литовскіе — Полоцкій воевода Петръ Станиславовичъ и подскарбій Богущъ Боговитиновичъ, и заключили перемиріе на пять лѣтъ безъ отпуска плѣнныхъ; Смоленскъ остался за Москвою; положено было въ эти пять лѣтъ сноситься для заключенія вѣчнаго мира³⁵⁴. Въ 1526 году переговоры дѣйствительно начались опять при посредничествѣ пословъ императора Карла V-го, и опять кончи-

лись ничѣмъ, продолжено было только перемиріе до 1533 года, потомъ продолжено еще на годъ. Смоленскъ служилъ постоянно препятствіемъ для заключенія вѣчнаго мира: король никакъ не хотѣлъ уступить его на вѣки Москвѣ, а великій князь также ни за что не соглашался отказаться отъ своей отчины, возвращеніе которой составляло славу его княженія; какія мѣры употреблялъ онъ для укрѣпленія Смоленска за Москвою, видно изъ слѣдующаго наказа послу Загрязскому, отправлявшемуся въ Литву: «Если спросятъ (въ Литвѣ): для чего великій князь Смольнянъ въ Москву перевелъ?—то отвѣчать: которые люди пригожи государю нашему на Москвѣ, тѣмъ государь велѣлъ на Москву ѣхать; а которые пригожи ему въ Смоленскѣ, тѣмъ велѣлъ оставаться въ Смоленскѣ. А которыми людямъ государь велѣлъ ѣхать въ Москву, тѣхъ пожаловалъ, далъ имъ въ Москвѣ дворы и лавки, также далъ имъ помѣстья» ²⁵⁵. Смоленскъ остался за Москвою; пѣвники великой битвы (такъ называли Оршинскую битву въ Литвѣ) остались у Сигизмунда; многіе изъ нихъ въ 1525 году не были уже въ живыхъ, живые терпѣли большую нужду; въ спискѣ ихъ, составленномъ для короля, читаемъ, что прежде давали имъ столько то сѣстныхъ припасовъ, а теперь не даютъ, и они жалуются, что помираютъ съ голоду; о нѣкоторыхъ сказано: «Оброку имъ ничего не даютъ, кормятся тѣмъ, что сами Христа-ради выпросятъ; всѣ сидятъ покованы, стража къ нимъ приставлена очень крѣпкая» ²⁵⁶.

Перемиріе съ Литвою давало великому князю возможность обратить все свое вниманіе на востокъ. Магмедъ-Гирей, доставивши брату Казань, наведши страхъ на Москву, спѣшилъ исполнить давнее свое желаніе, овладѣть Астраханью. И это ему удалось: соединившись съ Ногайскимъ княземъ Манасъ, онъ успѣлъ овладѣть Астраханью въ то время, когда ханъ ея Усейнъ, по единству выгодъ, велъ переговоры о тѣсномъ союзѣ съ княземъ Московскимъ. Но торжество Магмедъ-Гирей не было продолжительно: союзники его, Нагайскіе князья до-

гадались, что имъ грозитъ большая опасность отъ усиленія Гиреевъ, напали нечаянно на Крымскій станъ, убили хана, перерѣзали множество Крымцевъ, по слѣдамъ бѣгущихъ сыновей Магмедъ-Гиреевыхъ вторгнулись въ Крымъ и опустошили его, въ то время какъ съ другой стороны опустошалъ его также союзникъ Магмедъ-Гиреевъ, Евстафій Дашковичъ съ своими козаками. Мѣсто убитаго хана заступилъ братъ его Сайдакъ-Гирей, первымъ дѣломъ котораго было обратиться къ великому князю съ требованіемъ 60000 алтынъ и мира для Саипъ-Гирея Казанскаго: подъ этими двумя условіями онъ обѣщаль свой союзъ. Но великій князь не былъ намѣренъ ни посылать денегъ въ опустошенный и потому неопасный Крымъ, ни оставлять въ покоѣ Саипъ-Гирея Казанскаго, тѣмъ болѣе, что послѣдній, узнавъ о торжествѣ брата своего въ Астрахани, велѣлъ убить посла и купцовъ Московскихъ, попавшихся въ плѣнъ при изгнаніи Шигъ-Алея. Послу, отправленному въ Крымъ, былъ данъ наказъ: «въ пошлину никому ничего ни подъ какимъ видомъ не давать, кромѣ того, что послано къ хану въ подаркахъ, или что посолъ отъ себя кому дастъ за его добро, а не въ пошлину. Въ пошлину ни подъ какимъ видомъ ни царю, ни царевичамъ, ни князьямъ, ни царевымъ людямъ никакъ ничего не давать. Если бросятъ передъ посломъ батога, и станутъ просить пошлины у батога — не давать, а идти прямо къ царю черезъ батога; если у дверей царевыхъ станутъ просить пошлины — и тутъ ничего не давать; пусть посолъ всякій позоръ надъ собою вытерпитъ; а въ пошлину ничего не долженъ дать. Не напишется царь въ шертной грамотѣ братомъ великому князю, то грамоты не брать; не писать въ договорную грамоту, чтобъ быть за одно съ царемъ на Астрахань и Нагаевъ: вѣдь написано, что быть на всѣхъ недруговъ за одно — и довольно. Если царь потребуетъ, чтобъ великій князь помирился съ Казанскимъ царемъ Саипомъ, то говорить: помирился нельзя во-первыхъ потому, что Саипъ сталъ царемъ безъ вѣдома великаго князя; во-вторыхъ потому, что посла Московскаго и торговыхъ людей велѣлъ убить, чего ни въ од-

номъ государствѣ не ведется: и рати между государями ходить, а пословъ и гостей не убиваютъ»²⁵⁷.

Лѣтомъ 1523 года великій князь самъ отправился въ Нижній, откуда отпустилъ на Казань хана Шигъ-Алея съ судовой ратью по Волгѣ, а другихъ воеводъ съ конною ратью сухимъ путемъ, велѣвъ плѣнить Казанскія мѣста: воеводы возвратились благополучно, и привели съ собою много Черемисскихъ плѣнниковъ; но походъ этимъ не ограничился: на устьѣ Суры, въ землѣ Казанской, срубили городъ — Васильсурскъ; въ Москвѣ Митрополитъ Данилъ очень хвалилъ за это великаго князя, говорилъ, что новопостроеннымъ городомъ онъ всю землю Казанскую возьметъ; дѣйствительно въ этомъ дѣлѣ высказалось намѣреніе стать твердою ногою на землѣ Казанской, положить начало ея полному покоренію, ибо подручническія отношенія, клятвы царей Казанскихъ и народа уже два раза оказывались ручательствами недостаточными; Василий, построивъ Васильсурскъ, сдѣлалъ первый шагъ къ совершенному покоренію Казанскаго царства; сынъ его Іоаннъ, какъ увидимъ, построеніемъ Свѣжска сдѣлаетъ второй, третій будетъ взятіе самой Казани.

Лѣтомъ 1524 года отправилась опять подъ Казань многочисленная рать, которую полагаютъ во 150,000 и болѣе, подъ главнымъ начальствомъ князя Ивана Бѣльскаго. Сапъ-Гирей испугался, и, оставивъ въ Казани тринадцатилѣтняго племянника Сафа-Гирея, убѣжалъ въ Крымъ, обѣщая Казанцамъ возвратиться съ войскомъ Турецкимъ. Казанцы, провозгласивши царемъ молодого Сафа-Гирея, приготовились выдерживать осаду. Князь Бѣльскій отправился изъ Нижняго Волгою на судахъ; Хабаръ Симскій съ конницею шель сухимъ путемъ; князь Палецкій, нагруживши на суда нарядъ и съѣстные припасы, долженъ былъ плыть Волгою за главнымъ войскомъ. 7-го Іюля Бѣльскій вышелъ на берегъ, расположился ставомъ въ виду Казани у Гостиннаго острова, и двадцать дней дожидался конницы: она не приходила; а между тѣмъ загорѣлась стѣна въ деревянной Казанской крѣпости:

Московскіе полки не двинулись ни для того, чтобъ воспользоваться пожаромъ и овладѣть крѣпостью, ни для того, чтобы послѣ вѣнать Казанцамъ въ строеніи новой стѣны. 28 Іюля Бѣльскій перенесъ станъ на берегъ Казанки; недалеко отсюда стоялъ и Сафа-Гирей и нѣскольکو разъ покушался тревожить Русскій станъ вѣшею Черемисою, но понапрасну. Время шло; ни конница, ни судовая рать съ пушками и съѣстными припасами не приближались; началъ оказываться голодъ, потому что Черемисы опустошили все вокругъ, засѣли на всѣхъ дорогахъ, не позволяя Русскимъ отрядамъ добывать кормовъ, прервали всѣ сообщенія, такъ что нельзя было дать вѣсти въ Москву о состояніи войска. Въ это время, когда рать Бѣльскаго начала упадать духомъ отъ голода, разнесся слухъ, что конное войско потерпѣло пораженіе отъ Татаръ; ужасъ напалъ на воеводъ; стали думать объ отступленіи; скоро узнали однако, что слухъ былъ ложный: потерпѣлъ пораженіе одинъ только небольшой отрядъ конницы, главная же рать, шедшая подъ начальствомъ Симскаго, въ двухъ встрѣчахъ съ Татарами на Свіягъ одержала верхъ. Но если конница счастливо преодѣла всѣ опасности, то не могла преодолѣть ихъ судовая рать, шедшая съ Паленкинымъ: въ узкихъ мѣстахъ, между островами, Черемисы загородили дорогу камнями и деревьями, а съ берега осыпали Русскихъ стрѣлами и бросали бревна; только немногія суда могли спастись и съ воеводою достигли главной рати. Не смотря однако на это несчастіе, когда пришла конница, Бѣльскій 15 Августа обложилъ Казань. Подъ защитою конницы, сдерживавшей натиски Казанской конницы, осадныя машины были придвинуты къ стѣнамъ; Казанцы отстрѣливались, но скоро они потеряли своего пушечнаго мастера, который одинъ только и былъ въ городѣ. Это обстоятельство заставило ихъ просить мира съ обязательствомъ отправить въ Москву пословъ съ челобитьемъ. Бѣльскій обрадовался и снялъ осаду, потому что войско не могло долѣе выдерживать голодъ. Послы дѣйствительно явились въ Москву битъ челомъ отъ всей земли

Казанской за свою вину и просить, чтобъ великій князь утвердилъ царемъ Сафа-Гирея. Василій согласился на ихъ просьбу, но противъ воли; не для того посылалъ онъ такую многочисленную рать противъ Казанцевъ, чтобъ оставить у нихъ царемъ Гирея; походъ не удался, не оправдалъ ожиданій, и вотъ, какъ обыкновенно бываетъ, послышались обвиненія противъ главнаго воеводы, Бѣльскаго, обвиненія не только въ неискusstвѣ, робости, но даже въ измѣнѣ, въ томъ, что онъ отступилъ отъ Казани, будучи подкупленъ ея жителями. Самое основательное, по видимому, обвиненіе противъ Бѣльскаго состояло въ томъ, за чѣмъ онъ терялъ время у Гостиннаго острова, зачѣмъ не воспользовался пожаромъ въ крѣпости и позволилъ Казанцамъ безпрепятственно возобновить стѣну? Но послѣдующій разсказъ объ осадѣ объясняетъ удовлетворительно поведеніе Бѣльскаго: онъ не могъ ничего предпринять безъ конницы, которая должна была защищать главную рать отъ нападений Казанской конницы, отъ Черемисъ, разсѣявшихся всюду и не дававшихъ сдѣлать ни малѣйшаго движенія. Бѣльскаго оправдываетъ въ нашихъ глазахъ разсказъ о послѣдней Казанской осадѣ, когда Царь Іоанъ Васильевичъ находился точно въ такомъ же положеніи: войско его не имѣло времени отдохнуть и томилось голодомъ, потому что было постоянно обезпокоиваемо Татарскою конницею князя Япанчи, и наконецъ Царь нашелся принужденнымъ раздѣлить войско: одну часть оставить при себѣ, а другую назначить для дѣйствій противъ Япанчи.

Въ продолженіе четырехъ лѣтъ, послѣ описанныхъ событій, источники не упоминаютъ о дѣлахъ Казанскихъ. Въ 1529 году пріѣхали отъ Сафа-Гирея послы въ Москву и объявили, что царь ихъ хочетъ во всемъ исправиться передъ великимъ княземъ, дать клятву въ вѣрности, и отправляетъ въ Москву большихъ пословъ. Для взятія клятвы съ Сафа-Гирея великій князь послалъ въ Казань Андрея Пильмова, а для наблюденія за исполненіемъ присяги князя Ивана Палецкаго, въ слѣдъ за Пильмовымъ. Но пріѣхавши въ Нижній, Палецкій узналъ,

что Сафа-Гирей уже успѣлъ нарушить клятву, и нанесъ сильныя оскорбленія Пильмову. Опять слѣдовательно нужно было прибѣгнуть къ силѣ, и лѣтомъ 1530 года пошла подъ Казань большая рать судовая и конная: въ первой начальствовала по прежнему князь Иванъ Бѣльскій, во второй знаменитый князь Михайло Львовичъ Глинскій, освобожденный передъ тѣмъ изъ заточенія. Отразивши съ успѣхомъ нѣсколько нападеній непріятеля, Глинскій перевезся черезъ Волгу и соединился съ судовою ратью. 10 Юля произошелъ сильный бой, въ которомъ Русскіе полки одержали побѣду, послѣ чего взяли острогъ и начали добывать самую крѣпость. Тогда трое знатныхъ Казанцевъ выѣхали къ воеводамъ и били челомъ о прекращеніи осады, обѣщаясь исполнить волю великаго князя. Воеводы, взявши со всѣхъ Казанцевъ присягу не измѣнять великому князю, не брать себѣ царя иначе, какъ изъ его руки, отступили отъ города и вмѣстѣ съ послами Казанскими возвратились въ Москву. Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ прибавлено, что воеводы, взявши острогъ, едва было не взяли и самаго города (крѣпостей), который стоялъ часа три безъ людей: люди всѣ изъ города выбѣжали и ворота всѣ остались отворены; но въ это время воевода пѣшей рати — Бѣльскій и воевода конной рати — Глинскій завели споръ о мѣстахъ — кому первому въѣхать въ городъ; между тѣмъ зашла грозная туча, полился сильный дождь, посошныя и стрѣльцы, которые привезли на телѣгахъ нарядъ къ городу, испугавшись дождя, бросили этотъ нарядъ въ жертву Казанцамъ. Не отвергая этого извѣстія, мы однако думаемъ, что въ немъ недостаетъ нѣкоторыхъ объяснительныхъ подробностей³⁵⁸.

Послы Казанскіе приложили въ Москвѣ свои печати къ клятвеннымъ грамотамъ, на которыхъ потомъ Сафа-Гирей и всѣ Казанцы должны были присягнуть передъ великокняжескимъ сыномъ боярскимъ Иваномъ Полевымъ; Полевъ долженъ былъ взять въ Казани всѣхъ плѣнныхъ Русскихъ и пищали, захваченныя Казанцами въ послѣднюю войну; послы Казанскіе должны были ждать его возвращенія въ Москвѣ. Но скоро По-

левъ далъ знать великому князю, что Сафа-Гирей не присягаетъ и пищалей не отдаетъ; въ то же самое время ханъ прислалъ грамоту, въ которой требовалъ, чтобъ великій князь отпустилъ его пословъ и съ ними вмѣстѣ отправилъ бы въ Казань своего большаго посла, чтобъ прислалъ также пушки и пищали и плѣнниковъ Казанскихъ, взятыхъ Московскимъ войскомъ,—и когда все это будетъ прислано, тогда онъ, Сафа-Гирей, дастъ клятву въ соблюденіи договора и отпуститъ Ивана Полева. Великій князь, получивши эту грамоту, велѣлъ сказать посланъ казанскимъ: «вы клялись, что царь и вся земля Казанская будутъ намъ во всемъ послушны; а теперь вотъ какое ихъ послушаніе!» Послы отвѣчали: «гонецъ царскій сказывалъ намъ, что въ Казань пришла вѣсть о посылкѣ ратныхъ людей изъ Москвы подъ Казань, и отъ того дѣло не стало; но извѣстно, что теперь въ Казани людей добрыхъ мало, все люди мелкіе, землю укрѣпить не кѣмъ, всѣ люди врознь, въ страхѣ. Государь князь великій самъ промыслить о своей землѣ; воленъ Богъ да государь въ своей землѣ; земля Казанская Божіи да государева, какъ онъ хочетъ, такъ и сдѣлаетъ. А мы холопы Божіи да Государевы, посланы къ великому князю бить челомъ отъ царя и отъ всѣхъ людей съ правдою, а не съ лестію; на чемъ мы добились государю челомъ, на томъ царь не устоялъ; пристали къ нему Крымцы, да Нагаи, да тутошніе лихіе люди, а земля съ ними не вмѣстѣ, земля ждетъ государева жалованья, Сафа-Гирею ли быть царемъ на Казани, или другаго пришлетъ государь.» Великій князь велѣлъ имъ сказать на это: «только бы Сафа-Гирей былъ намъ послушенъ, да была бы въ немъ правда, то мнѣ отъ чего не хотѣть его на Казани? но видите сами, что онъ не прямъ.» Послы отвѣчали: «видимъ сами, что царь не прямъ, клятву преступилъ, дѣло свое презрѣлъ, насъ забылъ: какому въ немъ добру быть! А теперь вѣдаетъ Богъ да государь, какъ своею землею Казанскою промыслить; мы холопы государевы, а царя какого намъ государь пожалуетъ, тотъ намъ и любъ.» Послѣ этого они били челомъ, чтобъ государь далъ имъ опять Шигъ-

Алея; потому что Шигъ-Алей, говорили они, земли Казанской не грабилъ ничего, а не взлюбили его лихіе люди; пусть государь отпустить его на Казань и дать наказъ, какъ его дѣло беречь и тамошнихъ людей жаловать; послы просили, чтобъ государь отпустилъ Шигъ-Алея, ихъ и всѣхъ плѣнныхъ Казанцевъ къ Васильсурску; отсюда общались разослать грамоты въ Казань, къ Черемисѣ горной и луговой, къ Арскимъ князьямъ, что государь хочетъ ихъ жаловать и беречь. Великій князь велѣлъ спросить ихъ: «какъ вы поѣхали къ намъ, былъ ли вамъ наказъ отъ князей и отъ земли просить у насъ въ цари Шигъ-Алея?» Послы отвѣчали: «такого наказа намъ не было; за какими дѣломъ насъ послали, о томъ дѣлъ мы и били челомъ; а теперь бьемъ челомъ, чтобъ государь насъ пожаловалъ, велѣлъ намъ ему служить, а Сафа-Гирею служить не хотимъ: Сафа-Гиреемъ мы умерли, а государевымъ жалованьемъ ожили. Сафа-Гирей послалъ насъ за великими дѣлами; но что мы здѣсь ни сдѣлали, онъ все это презрѣлъ, отъ насъ отступился; а если мы ему не надобны, такъ и онъ намъ не надобенъ. А въ Казани у насъ родня есть, братья и друзья; а которые люди и Казанцы задержаны въ Нижнемъ, и которые попали въ руки людямъ великокняжескимъ, у тѣхъ у всѣхъ отцы и братья, родственники и друзья въ Казани. Какъ только мы придемъ къ Васильсурску и пошлемъ къ нимъ грамоты, такъ они за насъ стануть.»

Великій князь, поговоривъ съ боярами, послалъ въ Казань гонца Посника Головина, какъ будто съ отвѣтомъ къ Сафа-Гирею, а между тѣмъ наказалъ ему поговорить съ двумя Казанскими вельможами и разузнать, какъ они думаютъ? Гонецъ возвратился, какъ видно, съ благопріятнымъ отвѣтомъ, потому что великій князь, послѣ вторичнаго совѣта съ боярами, отпустилъ Шигъ-Алея и пословъ, но только не въ Василь-Сурскъ, а въ Нижній, что было безопаснѣе, ибо ближе къ Москвѣ. Сафа-Гирей, узнавши объ этихъ движеніяхъ, хотѣлъ убить Московскаго посла Полева и начать снова открытую войну съ великимъ княземъ; но какъ скоро пришли въ Казань грамоты

отъ пословъ изъ Нижняго, то вельможи и всѣ Казанцы выгнали Сафа-Гирея, совѣтниковъ его, Крымцевъ и Нагайцевъ перебили, жену его отослали къ отцу ея, Нагайскому князю Мамаю, а къ великому князю послали бить челомъ, чтобъ далъ имъ въ царя не Шигъ-Алея, котораго они боятся, но младшаго брата его Еналея, владѣвшаго городкомъ Мещерскимъ. Великій князь согласился на ихъ просьбу, отпустилъ Еналея въ Казань, а Шигъ-Алею далъ Коширу и Серпуховъ; но послѣдній не былъ доволенъ, сталъ пересылаться съ Казанью и другіи мѣстами безъ вѣдома великокняжескаго, чѣмъ нарушилъ свою присягу: за это его свели съ Коширы и Серпухова и послали въ заточеніе на Белоозеро. Еналеемъ были довольны въ Москвѣ: когда онъ и вся земля Казанская прислали бить челомъ, чтобъ великій князь пожаловалъ, не брагъ изъ Казани пищалей, потому что у Казанской земли друзей много, но и недруги есть, то Василій пожаловалъ брата и сына своего царя Еналея, исполнилъ его просьбу; вздумавши жениться на дочери одного Казанскаго мурзы, Еналей испросилъ прежде согласія великаго князя на этотъ бракъ; видно также, что какія-то и другія дѣла Казанскія земскія рѣшались въ Москвѣ ³⁵⁵ (1531 г.).

Казань была усмирена; но Крымъ не давалъ покою. Осенью 1527 года, когда послы Сайдеть-Гирея были въ Москвѣ, племянникъ его Исламъ-Гирей явился на берегахъ Оки; но здѣсь уже были Московскіе воеводы и не пустили Татаръ переправиться на другой берегъ; Исламъ долженъ былъ поспѣшно возвратиться, потерявъ много Татаръ, убитыхъ преслѣдовавшими его дѣтьми боярскими. Когда разнеслась вѣсть о нашествіи Ислама, то великій князь велѣлъ утопить Сайдеть-Гиреевыхъ пословъ ³⁶⁰. Сайдеть-Гирей былъ изгнанъ, его мѣсто занялъ Санпъ-Гирей, бывший прежде въ Казани. Въ Августѣ 1533 года великій князь получилъ вѣсть, что двое племянниковъ ханскихъ, Исламъ и Сафа-Гирей, идутъ къ Московскимъ украинамъ. Василій немедленно сталъ снаряжаться въ походъ, послалъ за братьями — Юріемъ и Андреемъ, от-

пустилъ воеводъ на Коломну къ Окъ, и самъ выступилъ 15 Августа въ село Коломенское, отслушавши объѣдню у праздника, въ Успенскомъ соборѣ; въ Кремлѣ безъ себя велѣлъ разставлять пушки и пищали, и посадскимъ людямъ перевозить ииѣнне въ городъ. Въ тотъ самый день Татары подошли къ Рязани, выжгли посады и разсѣялись по волостямъ — бить, грабить и брать въ плѣнъ. Великій князь велѣлъ воеводамъ отправить за Оку отряды для добыванія языковъ; начальникъ одного изъ этихъ отрядовъ, князь Дмитрій Палецкій, разбилъ толпу Татаръ въ 10 верстахъ отъ Никола Зараскаго; начальникъ другаго отряда, князь Иванъ Овчина-Телепневъ-Оболенскій, разбилъ другую толпу и, преслѣдуя ее, наткнулся на большое Татарское войско: враги разтолкнули Оболенскаго съ его ратниками, нѣкоторыхъ взяли въ плѣнъ, но ничего не предпринимали болѣе; и вышли изъ Московскихъ предѣловъ, боясь встрѣтиться съ главнымъ войскомъ великокняжескимъ; воеводы двинулись было за ними, но немогли догнать ²⁶¹.

А между тѣмъ съ Крымомъ происходили постоянныя сношенія; все толковалось о союзахъ, о шертныхъ грамотахъ; но разбойники больше всего толковали о поминкахъ, жаловались, что этихъ поминковъ мало присылается изъ Москвы, говорили, что имъ выгоднѣе быть въ войнѣ съ великимъ княземъ, чѣмъ въ мирѣ. Василій не хотѣлъ посылать ни денегъ даромъ, и приказывалъ отвѣчать хану на его жалобы. «Если ты покажешь намъ на дѣлѣ свою дружбу, то мы также покажемъ тебѣ свою дружбу: о чемъ къ намъ прикажешь, что у насъ будетъ, мы ни за что не стоимъ: но урокомъ поминковъ мы ни къ кому не посылавали. Хочешь быть съ нами въ дружбѣ, такъ вели написать грамоту шертную». Ханъ продолжалъ свое: «Мнѣ ты девять поминковъ прислалъ, а мы къ тебѣ прежде посылали дефтеръ, и въ немъ написано 120 человекъ, а ты только пятнадцати человекамъ поминки прислалъ: но вѣдь ты нашу землю хорошо знаешь, наша земля войною живетъ». Саипъ просилъ не однихъ кречетовъ и мѣховъ, онъ просилъ также, чтобъ великій князь прислалъ ему

хорошаго хлѣбника и повара. Василій не потакалъ его жадности; перемѣнилъ и прежнія слишкомъ учтивыя формы въ сношеніяхъ съ ханами: такъ вмѣсто челобитья въ грамотахъ начали писать переводное Татарское выраженіе: «много много поклонъ». Съ гонцами ханскими не стали обходиться такъ почтительно, какъ прежде, и ханъ по этому поводу писалъ великому князю: «Наши гонцы сказываютъ, что ихъ по старому обычаю не чтить, и ты бы ихъ чтилъ: кто господина захочетъ почтить, тотъ и собакъ его кость броситъ»³⁰³.

Но Сигизмундъ Литовскій продолжалъ обязываться платежами въ Крымъ ежегодно по 7500 червонныхъ и на такую же сумму суконъ, выговаривая, что эти деньги и сукна будутъ посылаться только въ тѣ года, когда Крымцы не будутъ нападать на Литовскія владѣнія. Ханъ Саипъ-Гирей былъ этимъ не доволенъ: «Значитъ, писалъ онъ королю, ты не хочешь со мною вѣчнаго мира; если бы ты хотѣлъ вѣчнаго мира, то прислалъ бы намъ 15000 червонныхъ, какъ прежде брату моему Магнетъ-Гирею посылывалъ». Ханъ жаловался также королю на козаковъ Малороссійскихъ, которые не упускали случая покорыствоваться на счетъ Татаръ, и вмѣстѣ съ Московскими, Путивльскими козаками, провѣдывали о движеніяхъ Крымцевъ на Москву. Для покрытія Крымскихъ издержекъ Литовскіе города продолжали платить подать, извѣстную подъ именемъ ордыщины³⁰⁴.

Таковы были важнѣйшія внѣшнія отношенія при Василіи, отношенія къ Литвѣ и къ ордамъ Татарскимъ; происходили сношенія и съ другими государствами европейскими и азіатскими, имѣющія меньшую важность. Съ Швеціею мирный договоръ на 60 лѣтъ, заключенный въ 1518 году, былъ подтвержденъ два раза въ 1513 и 1524 годахъ³⁰⁵. Съ Ливоніею заключены были перемирные договоры въ 1509, 1521 и 1531 годахъ³⁰⁶. Въ 1514 году заключено было десятилѣтнее перемиріе съ семидесятью городами Ганзейскими «съ сей стороны поморья и съ оной стороны заморья»; взаимная свободная торговля этихъ городовъ съ Новгородомъ возстановлялась по

прежнему, церковь и мѣста дворовыя старыя въ Новгородѣ возвращались Нѣмецкимъ купцамъ: Нѣмцы, съ своей стороны, сѣязались очистить и не обижать Русскіи церкви и концы въ своихъ городахъ, обязались также не приступать къ Литвѣ. Въ 1501 году былъ заключенъ союзный договоръ съ Датскимъ королемъ Іоанномъ, въ 1517 съ Христіаномъ; по просьбѣ послѣдняго позволено было Датскимъ купцамъ выстроить дворы и на дворахъ церкви въ Новгородѣ и въ Ивангородѣ^{***}. Папа Левъ X-й завязалъ сношенія съ Москвою чрезъ посредство великаго магистра Албрехта; посолъ Албрехтовъ, извѣстный намъ Шонбергъ, говорилъ великому князю слѣдующее отъ имени папы: «Папа хочетъ великаго князя и всѣхъ людей Русской земли принять въ единеніе съ Римскою церковью, не умалляя и не перемѣняя ихъ добрыхъ обычаевъ и законовъ, хочетъ только подкрѣпить эти обычаи и законы и грамотою апостольскою утвердить и благословить. Церковь Греческая не имѣетъ главы; патриархъ Константинопольскій въ Турецкихъ рукахъ; папа, зная, что на Москвѣ есть духовнѣйшій Митрополитъ, хочетъ его возвысить, сдѣлать Патриархомъ, какъ былъ прежде Константинопольскій; а наяснѣйшаго Царя всея Руси хочетъ короновать христіанскимъ царемъ. При этомъ папа не желаетъ себѣ никакого прибытка, хочетъ только хвалы Божіей и соединенія христіанъ. Извѣстно, что Литву не надобно оружіемъ воевать: время ее воюетъ, потому что король Сигизмундъ не имѣетъ наслѣдника, послѣ его смерти Литва никакъ не захочетъ имѣть надъ собою государя изъ Поляковъ, а Поляки не захотятъ Литвина, и отъ того оба государства раззорятся. А если великій князь захочетъ стоять за свою отчину Константинопольскую, то теперь ему для этого дорога и помощь готовы.» Папа разумѣлъ здѣсь союзъ всѣхъ христіанскихъ государей противъ Турокъ, къ которому приглашалъ и великаго князя, желая, чтобъ онъ помирился съ королемъ Сигизмундомъ. Посолъ Московскій отвѣчалъ на это Албрехту такъ: «государь нашъ съ папою хочетъ быть въ дружбѣ и согласіи; но какъ прежде государь нашъ съ Божією

волею отъ прародителей своихъ законъ Греческій держали твердо, такъ и теперь съ Божіею волею законъ свой держать крѣпко хотятъ». Послѣ этого послы папскіе бывали въ Москвѣ, великокняжескіе въ Ринѣ; но сношенія эти не имѣли никакихъ важныхъ слѣдствій; мы видѣли, какъ великій князь отвѣчалъ на предложеніе папы соединиться съ Римскою церковію; на предложеніе же союза противъ Турокъ отвѣтъ былъ такой: «Мы, съ Божіею волею, противъ невѣрныхъ за христіанство стоять будемъ. А съ вами и съ другими христіанскими государями хотимъ быть въ любви и докончанія, чтобъ послы наши ходили съ обѣихъ сторонъ ваше здоровье видѣть»²⁴⁷.

Болѣе важное значеніе придавали въ Москвѣ сношеніямъ съ Турціею, хотя, не смотря на всѣ старанія Московскаго правительства, и эти сношенія кончились ничѣмъ, какъ и при Іоаннѣ: непосредственнаго враждебнаго столкновенія между этими государствами еще быть не могло по самымъ географическимъ условіямъ: степи раздѣляли ихъ, и Турки не думали искать завоеваній въ холодныхъ странахъ сѣверной Европы; съ другой стороны между ними быть не могло и общихъ высшихъ интересовъ, которые повели бы къ тѣсному союзу: борьба Московскаго государства съ царствами Татарскими, мусульманскими оканчивалась видимо не въ пользу послѣднихъ, рано или поздно Султанъ долженъ былъ принять въ ней участіе; пока оставались общими интересы низшаго рода, выгоды торговли, и султанъ готовъ былъ поддерживать для ихъ соблюденія пріязнь съ Москвою. Но великій князь хотѣлъ большаго. Въ 1513 году отправился изъ Москвы въ Константинополь посолъ Алексѣевъ для возобновленія между Василюмъ и Селимомъ дружескихъ сношеній, какія существовали между отцами ихъ; Алексѣеву данъ былъ наказъ: «Поклониться Султану, руки пригнувъ къ себѣ выше пояса, по ихъ обычаю, а на колѣни ему не становиться, и въ землю челомъ не бить». Султанъ отвѣчалъ грамотою, написанною на Сербскомъ языкѣ, въ которой изъявлялъ желаніе, чтобъ между нимъ и великимъ княземъ люди благополучно ходили и торговцы торговали; въ дру-

гой грамотѣ просилъ объ отпускѣ въ Крымъ хана Летиса; въ третьей просилъ помогать послу его Камалу при покупкѣ рѣдкихъ товаровъ. Этотъ Камаль объявилъ: «Послалъ меня государь мой къ великому князю сказать ему, что онъ въ дружбѣ и въ братствѣ съ нимъ быть хочетъ, и спросить, хочетъ ли великій князь быть съ нашимъ государемъ въ дружбѣ и братствѣ? но грамотъ писать мнѣ государь мой не приказалъ». Въ 1515 году великій князь отправилъ снова въ Константинополь посла своего Коробова, который долженъ былъ стараться заключить съ султаномъ союзъ противъ Литвы и Крыма, также стараться, чтобъ не было зауморщинъ, т. е. чтобъ Турецкія начальства не забирали пожитки умиравшихъ у нихъ Русскихъ купцовъ. Но Коробовъ возвратился съ грамотою, въ которой султанъ давалъ удовлетворительный отвѣтъ только относительно зауморщинъ; онъ обещалъ также прислать новаго посла въ Москву, но обещаніе не было исполнено. Въ 1517 году великій князь говорилъ съ боярами, что у него послѣ возвращенія Коробова не бывало никакой вѣсти отъ Турецкаго султана, надобно бы послать къ нему спросить о здоровьѣ; отправленъ былъ дворянинъ Голохвостовъ, — и возвратился опять съ однимъ обещаніемъ безопасной торговли. Уклоняясь отъ заключенія союза съ Василиемъ, султанъ однако запрещалъ Крымскому хану тревожить Московскія владѣнія. Понятно, какъ это запрещеніе должно было не нравиться хану. Московскіе благопріятели писали изъ Азова, что султанъ прислалъ сказать хану: «Слышалъ я, что хочешь идти на Московскую землю: такъ береги свою голову, не смѣй ходить на Московскаго, потому что онъ мнѣ другъ великій; а пойдешь на Московскаго, такъ я пойду на твою землю». Ханъ сильно осердился, потому что рать его была уже собрана. Чтобъ не получать впередъ такихъ запрещеній, ханъ долженъ былъ возбуждать неудовольствіе султана на великаго князя; а послѣдній, чтобъ сдерживать Крымцевъ Турками, долженъ былъ стараться о продолженіи дружескихъ сношеній съ султаномъ. Вотъ почему, узнавши о смерти Селима, великій князь въ

1521 году отправилъ въ Константинополь посла Губина поздравить новаго султана Салимана съ восшествіемъ на престолъ и жаловаться на Магмедъ-Гирей Крымскаго. Губинъ также долженъ былъ хлопотать о заключеніи союза, и такъ какъ этому дѣлу прежде всего препятствовало неудобство сообщеній черезъ степи, то Губинъ долженъ былъ уговориться съ Турецкимъ правительствомъ на счетъ выбора мѣста въ придонскихъ степяхъ, гдѣ бы вооруженные проводники посольскіе съѣзжались съ обѣихъ сторонъ, съ Московской и Турецкой, и сдавали другъ другу пословъ. Надобно было назначить это мѣсто на Дону; справились у Рязанскихъ козаковъ, и тѣ объявили, что на подорогѣ отъ Азова къ Московскимъ границамъ находится переволока; на этой переволокѣ (между Дономъ и Волгою) приборъ людей Астраханскихъ, и тутъ посольскіи провожатые сходиться нельзя, надобно быть съѣзду на Медвѣдицѣ, которая ближе къ великому князю украинъ, но всего лучше назначить съѣздъ на Хопрѣ, или, по крайней мѣрѣ, на Медвѣдицѣ. Относительно наговоровъ ханскихъ Губинъ долженъ былъ говорить въ Константинополѣ: «Въ Москвѣ идетъ слухъ, что Магмедъ-Гирей писалъ къ султану, будто Казанская земля юртъ Крымскій, будто государь нашъ въмѣлъ тамъ мечети разорить и свои христіанскія церкви поставить и колокола повѣсить: но какъ прежде Крышцы неправни своими умышлениями вставляли неправни слова, такъ и теперь не отстаютъ отъ лживыхъ словъ». Губинъ долженъ былъ рассказать по порядку Казанскія дѣла, и увѣрить, что мечетей не разрушаютъ. Между тѣмъ Московскіе благопріятели или сорвники продолжали извѣщать великаго князя о наговорахъ ханскихъ: такъ, по ихъ извѣстіямъ, ханъ далъ знать султану, что Василій въ союзѣ съ Персидскимъ шахомъ, послалъ ему оружіе, 30,000 пищалей; когда султанъ опять послалъ въ Крымъ запрещеніе воевать съ Москвою, то ханъ отвѣчалъ ему: «Не велишь идти ни на Московскаго ни на Волошскаго, такъ чѣмъ же мнѣ быть сыту и одѣту? а Московскій князь стоитъ на тебя за одно съ Кизылбашемъ (Персидскимъ ханомъ)».

Губинъ привезъ съ собою Турецкаго посла, Скиндера, князя Манкупокаго, который объявилъ, что если великій князь хочетъ быть съ султаномъ въ дружбѣ и братствѣ, то прислалъ бы къ нему добраго человѣка для заключенія крѣпкой дружбы и братства. Въ слѣдствіе этого объявленія отправленъ былъ въ Турцію Иванъ Семеновичъ Морозовъ; но и этотъ добрый человѣкъ не успѣлъ въ своемъ порученіи, не привезъ союзной грамоты отъ султана, не привезъ и добраго человѣка для заключенія этого союза въ Москвѣ, но привезъ нѣкоторыя любопытныя извѣстія, напримѣръ: приходилъ къ нему Андрианъ Грекъ отъ казначея Султанова Аббисалома, и говорилъ: «Велѣлъ тебѣ Аббисаломъ говорить: наша пошпинка есть, и тыбъ, господинъ, насъ не забылъ, а прежніе послы намъ пошпину давали, такъ и ты бы, господинъ, насъ не покинулъ. Слѣдуетъ тебѣ оказать честь Аббисалому, потому что онъ у султана ближній человѣкъ, и дѣла государскія большія на немъ лежатъ; а не почтишь его, такъ и дѣлу не сдѣлаться». Посоль отвѣчалъ: «Я отъ своего государя посланъ не пошпины устанавливать; дѣлають государскія дѣла приказные люди не для посуловъ; будетъ намъ Аббисаломова дружба и радѣнье, то мы противъ нихъ за себя не стоимъ, а для государскаго дѣла мнѣ не зачѣмъ посулы давать». Андрианъ сказалъ на это: «Аббисаломъ говорить: если меня посоль почтитъ, то я ему отъ султана выберу поминки добрыя, а не почтитъ — такъ я ему выберу поминки худыя». Посоль отвѣчалъ: «Я присланъ для государскаго дѣла, а не для поминковъ, и за поминки посуловъ не дамъ». Послъ Андриана пришелъ приставъ и сказалъ: «Велѣлъ тебѣ султанъ говорить: Аббисаломъ у меня человѣкъ ближній, дякъ, казначей и зять, такъ ты для меня его почти, пошли ему что нибудь». Посоль отвѣчалъ: «Если государь говорить, то мы для государя пошлемъ, что у насъ случится», — и послалъ казначею горностаевую шубу. Сношенія продолжались, ограничиваясь, по прежнему дѣлами торговыми, хотя уже можно было предвидѣть, что недалеко враждебныя столкновения между обими

государствами: Скиндеръ, прїѣзжавшій въ другой разъ, объявилъ, что Саипъ-Гирей Казанскій заложился за султана, и потому Казань юртъ султановъ. Ему отвѣчали, что Казань означала юртъ Московской. Повхалъ Скиндеръ назадъ на Путивль и на Крымъ; просился Дономъ, но великій князь его не пустилъ: прозябло слово отъ Скиндеровыхъ людей и со стороны, что Скиндеръ посланъ высмотрѣть удобное мѣсто на Дону для построения Турецкаго города. Скиндеръ прїѣзжалъ въ третій разъ въ Москву для торговыхъ дѣлъ, не смотря на то, что показывалъ явную вражду и грозился поссорить султана съ великимъ княземъ. По смерти его, случившейся въ Москвѣ, между бумагами его нашли приготовленные донесенія султану, что когда пришелъ въ Москву плѣнный изъ Азова и объявилъ о побѣдѣ Венгерскаго короля надъ Турками, то будто великій князь очень обрадовался и велѣлъ звонить въ колокола. Въ сношеніяхъ съ этимъ Скиндеромъ обвинился известный Грекъ Максимъ ³⁰⁰. — Цѣлю сношеній съ князьями Нагайскими и съ Индѣйскимъ ханомъ Бабуромъ были дѣла торговыя; сношенія съ Молдавіею и Астраханью не имѣли никакихъ слѣдствій.

Упомянувъ объ этихъ сношеніяхъ, подробно рассказывая о войнахъ съ Литвою, съ Крымомъ, о взятіи Смоленска, Пскова, лѣтописцы едва мимоходомъ упоминаютъ о присоединеніи къ Москвѣ великаго княжества Рязанскаго и княжествъ Сѣверскихъ. Мы видѣли, что удѣльный Рязанскій князь Федоръ, умирая бездѣтнымъ, отказалъ свой удѣлъ Іоанну III; такимъ образомъ часть самаго города Рязани и мѣсто — старая Рязань принадлежали къ Москвѣ еще при Іоаннѣ III, и сынъ его Василій, еще прежде окончательнаго присоединенія великаго княжества Рязанскаго, уже назывался Рязанскимъ. Мы видѣли, какъ Іоанъ III распоряжался Рязанью во время малолѣтства великаго князя ея Ивана Ивановича; Василій продолжалъ распоряжаться такимъ же образомъ. Когда великій князь Рязанскій выросъ, то увидалъ себя не больше какъ наместникомъ великаго князя Московскаго; ему оставалось на вы-

боръ: или добровольно снизойти на степень служебнаго князя, или отчаянными средствами попытаться возвратитъ прежнее значеніе; онъ рѣшился на послѣднее. Василию Московскому дали знать, что великій князь Рязанскій вошелъ въ частыя сношенія съ Крымскимъ ханомъ Магмедъ-Гиреемъ и даже хочетъ жениться на его дочери. Василій послалъ звать Рязанскаго князя въ Москву; тотъ сначала не хотѣлъ ѣхать, предвидя участь, его ожидавшую; но что случилось съ князьями Нижегородскимъ и Тверскимъ, тоже самое случилось теперь и съ Рязанскимъ: приближенный бояринъ его Семень Крубинъ предался на сторону Василя, и уговорилъ своего князя отправиться въ Москву, гдѣ его схватили и посадили подъ стражу, а мать его заключили въ монастырь. Это было въ 1517 году; въ 1521, пользуясь нашествіемъ Магмедъ-Гирея, Рязанскій князь успѣлъ убѣжать изъ Москвы и скрыться въ Литву. Магмедъ-Гирей отправилъ къ Сигизмунду пословъ съ требованіемъ, чтобъ король отпустилъ съ ними Рязанскаго князя въ Крымъ. Сигизмундъ отвѣчалъ: «великій князь Рязанскій пріѣхалъ къ намъ по опасной нашей грамотѣ, по обѣщанію нашему, что онъ можетъ свободно къ намъ пріѣхать, свободно и уѣхать. Мы ему говорили и совѣтовали, чтобъ онъ ѣхалъ къ тебѣ и отъ твоего имени общали ему, что ты посадишь его на великомъ княжествѣ Рязанскомъ: но онъ никакъ не хотѣлъ къ тебѣ ѣхать. Потомъ мы призывали его къ себѣ въ другой разъ и говорили, что ты доведешь ему отчину по своему письменному обѣщанію, которое далъ намъ, а иначе безъ тебя онъ никакимъ образомъ не будетъ въ состояніи возвратитъ себѣ стола. Мы совѣтовали ему это въ той мысли, что если ты посадишь его на Рязани, то одинъ пріобрѣтешь добрую славу; если онъ будетъ въ твоихъ рукахъ, я узнаютъ о томъ его подданные Рязанцы, то они и безъ твоей сабли сами со всею землею тебѣ поддадутся; ты сдѣлаешь его своимъ слугою, а чрезъ его землю можешь и того общаго нашего непріятеля, Московскаго, привести къ себѣ въ такую же повинность, въ какой предка его

находились къ твоимъ предкамъ. Наконецъ мы Рязанскаго князя уговорили: онъ объявилъ согласіе свое ѣхать къ тебѣ, но только съ условіемъ, чтобъ ты далъ ему залогъ (заставу): если ты его на Рязани не посадишь, то долженъ отпустить, и когда отпустишь, тогда и залогъ твой къ тебѣ возвратится. Подумай объ этомъ и объяви намъ немедленно, на что рѣшишься». — Это послѣднее политическое извѣстіе о великомъ князѣ Рязанскомъ. Съ Рязанцами, которые отличались смѣлымъ, непреклоннымъ характеромъ, было поступлено такъ же, какъ съ Новгородцами и Псковичами: многочисленными толпами переселяли ихъ въ другія области ***.

Въ слѣдъ за Рязанью пала другая отчина Святославова рода, княжество Сѣверское. Но въ это время здѣсь уже не было Ольговичей: ихъ волости держали потомки Іоанна Калиты Московскаго, два Василія — одинъ Семеновичъ, внукъ Ивана Можайскаго, князь Стародубскій, другой Ивановичъ, внукъ Шемяки, князь Новгорода Сѣверскаго. Эти князья давно уже питали другъ къ другу непримиримую ненависть, и не смѣя затѣвать явныхъ усобицъ, обносили другъ друга предъ великимъ княземъ Московскимъ. Шемячичъ, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, уже сгубилъ нѣсколько князей своими наветами; съ другой стороны еще отецъ Стародубскаго князя, Семень, обговаривалъ Шемячича Іоанну III; Василій продолжалъ отцовскіе обговоры; ненависть его къ Шемячичу была такъ велика, что онъ говорилъ: «одному чему нибудь быть: или умору князя Василія Ивановича, или подпаду гнѣву государеву». Въѣсть съ княземъ Пронскимъ онъ прислалъ въ Москву обвиненіе противъ Шемячича; послѣдній, узнавъ объ этомъ, отправилъ въ Москву своего посланца умолять великаго князя, чтобъ позволилъ ему пріѣхать къ себѣ и оправдаться. Тотъ записи, по которой долженъ былъ говорить великому князю посланецъ Шемячича, очень любопытенъ: онъ показываетъ, на какую низкую степень сошли владѣтельные князья передъ Московскими господами всея Руси. «Тыбъ, государь, пишетъ Шемячичъ великому князю, смиловался, по-

жаловаль велѣлъ мнѣ своему холопу у себя быть, бить челомъ о томъ, чтобъ стать мнѣ передъ тобою, государемъ, очи на очи съ тѣми, кого брать мой, князь Василій Семеновичъ къ тебѣ, государю, на меня прислалъ съ недѣльщиками. Обищешь, государь, мою вину, то воленъ Богъ да ты, государь мой, голова моя готова передъ Богомъ да передъ тобою; а не обищешь, государь, моей вины, — и тыбъ смилвался, пожаловаль, отъ брата моего, князя Василя Семеновича, оборонилъ, какъ тебѣ государю Богъ положить по сердцу, потому что брать мой прежде этого сколько разъ меня обговаривалъ тебѣ, государю, такими же недѣльщиками, желая меня у тебя, государя, уморить, чтобъ я не былъ тебѣ слугою». Что были искушенія со стороны Литвы, заставлявшія Московское правительство обращать строгое вниманіе на поведеніе Сѣверскихъ князей, видно изъ слѣдующихъ словъ Шемячича: «Да и то тебѣ, государю, извѣстно же, сколько прежде ко мнѣ изъ Литвы присылокъ ни бывало, я отъ отца твоего великаго князя и отъ тебя, государя, ничего не утаивалъ». Вотъ почему, отправляя къ Шемячичу опасную грамоту для пріѣзда въ Москву, великій князь наказалъ посланнымъ: «затѣжайте къ князю Василю Семеновичу, скажите ему отъ насъ рѣчь о береженьѣ, да похвальную рѣчь ему скажите».

Шемячичъ оправдался въ Москвѣ; великій князь велѣлъ сказать ему: «Мы у слуги своего князя Василя на тебя рѣчей никакихъ не слушали. Мы какъ прежде недѣльнымъ рѣчамъ не потакали, такъ и теперь не потакаемъ, а тебя, слугу своего, какъ прежде жаловали, такъ и теперь жалуемъ, и впередъ жаловать хотимъ; обыскали мы, что рѣчи на тебя недѣльны, и мы имъ теперь не вѣримъ». Одинъ изъ обвинителей былъ выданъ обвиненному головою; когда же Шемячичъ просилъ выдачи и другаго обвинителя, человека князя Стародубскаго, то великій князь велѣлъ отвѣчать ему: «Этотъ человекъ былъ въ Литвѣ, въ плѣну и слышалъ о тебѣ рѣчи въ Литвѣ, такъ какъ же ему было намъ не сказать? Намъ этого человека выдать тебѣ нельзя».

Шемичичъ былъ отпущенъ съ честію изъ Москвы въ свое княжество: это было въ 1517 году. Но въ 1523 онъ былъ опять позванъ въ Москву и заключенъ въ темницу. Шель слухъ, что причиною заключенія было письмо его къ намѣстнику Кіевскому, гдѣ онъ предлагалъ службу свою королю Сигизмунду. Говорятъ, будто во время заключенія Шемичича какой-то юродивый ходилъ по Москвѣ съ метлою въ рукахъ и на вопросъ проходящихъ: зачѣмъ онъ взялъ метлу? отвѣчалъ: «Государство не совсѣмъ еще очищено: пришло удобное время вынести послѣдній соръ». Волость Стародубская присоединена была еще прежде къ Москвѣ, при посредствѣ Шемичича, который выгналъ своего врага изъ отчины. При Василии же присоединенъ и удѣлъ Волоцкій, ибо князь Федоръ Борисовичъ умеръ въ 1513 году бездѣтнымъ ³⁷⁰.

ГЛАВА III.

ДѢЛА ВЪНТРЕННІЯ.

Мы видѣли, съ какимъ нетерпѣніемъ враги Московскаго государства ждали смерти Іоанновой, думая, что слѣдствіемъ ея будутъ междоусобія между Василиемъ и племянникомъ Димитріемъ, котораго многочисленныя приверженцы успѣютъ освободить. Но они обманулись въ своей надеждѣ: сторона Димитрія не тронулась, и этотъ князь умеръ въ тѣсномъ заключеніи въ 1509 году. Мы видѣли также, что, обманувшись въ надеждѣ на Димитрія, Сигизмундъ Литовскій попытался было поднять противъ Василія роднаго брата его: и эта попытка осталась безъ успѣха. Неуспѣхъ здѣсь однако происходилъ отъ безсилія удѣльныхъ князей, а не отъ нежеланія ихъ высвободиться отъ тѣхъ отношеній, въ которыя новый порядокъ вещей ставилъ ихъ къ старшему брату, къ великому князю. Въ 1511 году великій князь узналъ, что братъ его, Семень Калужскій хочетъ бѣжать въ Литву. Василій велѣлъ ему явиться въ Москву; Семень, видя, что умыселъ его открытъ, предугадывая, что готовится ему въ Москвѣ, началъ просить старшаго брата о помилованіи посредствомъ митрополита, владыкъ и другихъ братьевъ. Великій Князь простилъ Семена, но

перешли у него всѣхъ бояръ и дѣтей боярскихъ. Семень умеръ въ 1518 году.

Касательно отношеній Василя къ другому его брату, князю Дмитрію Ивановичу, до насъ дошелъ любопытный памятникъ, наказныя рѣчи Ивану Шигонѣ, какъ тотъ долженъ былъ говорить Дмитрію отъ имени великаго князя наединѣ: «Братъ! самъ разсуди, хорошо ли ты дѣлаешь? Помнишь, какъ намъ отецъ нашъ приказалъ между собою жить? Я приказывалъ тебѣ, чтобъ ты удовлетворилъ насъ въ Козельскихъ дѣлахъ и въ дѣлѣ Ушатаго: а ты не только не исполнилъ нашего требованія, но еще опять посылалъ на землю Ушатаго, велѣлъ его деревни грабить, а намъ съ нашими дѣтими боярскими отвѣтъ прислалъ не такой, какой слѣдовало тебѣ прислать. А на ту грамоту, что мы послали къ тебѣ съ Федоромъ Борисовымъ, ты и вовсе намъ никакого отвѣта не далъ; теперь же еще хуже того съ нами поступилъ: прислалъ къ намъ такого паробка, какого тебѣ не слѣдовало къ намъ присылать, и прислалъ его съ грамотою, въ которой говорится о великихъ дѣлахъ. Незнаю, какое я тебѣ безчестіе, какую обиду нанесъ? а ты ко мнѣ такъ отвѣчалъ съ нашими дѣтими боярскими, и въ грамотѣ своей такъ къ намъ писалъ: развѣ такъ отцу отвѣчаютъ и въ грамотѣ пишутъ?» Здѣсь великій князь, вооружаясь противъ старинныхъ притязаній удѣльныхъ князей, хочетъ самъ опереться на старину, по которой младшіе братья должны были считать старшаго отцемъ. Дмитрій умеръ въ 1521 году.

Объ отношеніяхъ великаго князя Василя къ брату его Юрію Ивановичу мы получаемъ нѣкоторыя свѣдѣнія изъ челобитной Ивана Яганова, посланнаго въ Дмитровъ для наблюденія за поступками князя Юрія; изъ этой челобитной узнаемъ, что при дворѣ Юрія были дѣти боярскіе, которые чрезъ Яганова давали знать великому князю о замыслахъ его брата. Въ началѣ княженія Іоанна IV-го Ягановъ былъ заключенъ въ оковы за ложныя вѣсти, и по этому случаю писалъ свою челобитную: «Прежде, пишетъ Ягановъ, служилъ я, Государь, отцу твоему великому князю Василю: что слышалъ о лихѣ и о

добрѣ, то все Государю сказывалъ, а которые дѣти боярскіе князя Юрья Ивановича приказывали къ отцу твоему со мною великія, страшныя, смертоносныя дѣла, и я обо всѣхъ этихъ дѣлахъ Государю объявлялъ, и отецъ твой меня за то взялся жаловать своимъ жалованьемъ, а ковать меня и мучить за то не приказывалъ; велѣлъ онъ мнѣ своего дѣла вездѣ искать, и я, ищучи государева дѣла и земскаго съ Дмитровцами кой что изъ имѣньишка своего истерялъ. А что я слышалъ у тѣхъ же дѣтей боярскихъ на попойкѣ жестокою рѣчь вмѣстѣ съ Яковомъ и ту рѣчь я и Яковъ сказали твоимъ боярамъ; я не знаю, съ пьяну ли они говорили или по глупости; мнѣ было въ тѣ поры уши свои не смолоу забить, я что слышалъ, то и сказалъ, точно также какъ прежде отцу твоему служилъ и сказывалъ; а еслибъ я не сказалъ этихъ рѣчей, жестокихъ рѣчей, и кто бы другой ихъ мимо меня сказалъ, то меня бы казнили. Не сказали жестокихъ рѣчей на Якова Дмитріева отцу твоему Башмакъ Литоминъ да Губа Дѣдковъ, и отецъ твой хотѣлъ ихъ казнить. А въ записи твоей цѣловальной написано: слышавъ о лихѣ и о добрѣ, сказать тебѣ Государю и твоимъ боярамъ. Такъ тотъ ли добрый человекъ, кто что слышалъ да не скажетъ? А не хотѣлъ бы я тебѣ Государю служить, такъ я бы и у князя Юрья выслужилъ. Отецъ твой, какую рѣчь кто ему скажетъ, будетъ сойдется, и онъ ее ставилъ въ дѣло, а будетъ не сойдется на дѣло, и онъ пускалъ мимо ушей; а кто скажетъ, того не наказывалъ и суда ему не давалъ въ своемъ дѣлѣ. Я, Государь, тебя и твою мать, благовѣрную великую княгиню Елену отъ нѣсколькихъ смертоносныхъ напастей избавлялъ: я же нынче за тебя кончаю въ мукахъ животъ свой ³⁷¹.» Изъ житія св. Іосифа Волоцкаго узнаемъ, что однажды великому князю Василию донесли на брата Юрія, будто онъ собирается отѣхать въ Литву: по просьбѣ Юрія, Іосифъ вступился въ дѣло, отправилъ въ Москву двухъ иноковъ своего монастыря, Кассіана и Іону ходатайствовать предъ великимъ княземъ за Юрія, и ходатайство было успешно.

Этому-то брату Юрію великій князь долженъ былъ оставить

престолъ за неизвѣстнѣй собственннхъ дѣтей: великая княгиня Соломонія была безплодна. Тщетно несчастная княгиня употребляла всѣ средства, которыя ей предписывались знахарями и знахарками того времени ³⁷²: дѣтей не было, исчезала и любовь мужа. Однажды, говорить лѣтописецъ, великій князь ѣдучи за городомъ и увидавъ на деревѣ птичье гнѣздо, залился слезами и началъ горько жаловаться на свою судьбу: «Горе мнѣ! говорилъ онъ: на кого я похожъ? И на птицъ небесныхъ не похожъ, потому что и онѣ плодовиы; и на звѣрей земныхъ не похожъ, потому что и они плодовиы; и на воды не похожъ, потому что и воды плодовиы: волны ихъ утѣшаютъ, рыбы веселятъ.» Взглянувши на землю, сказалъ: «Господи! не похожъ я и на землю, потому что и земля приноситъ плоды свои во всякое время, и благословляютъ они тебя, Господи!» Вскорѣ послѣ этого онъ началъ думать съ боярами, со плачемъ говорить имъ: «Кому по мнѣ царствовать на Русской землѣ и во всѣхъ городахъ моихъ и предѣлахъ? братьямъ отдать? но они и своихъ удѣловъ строить не умѣютъ.» На этотъ вопросъ послышался отвѣтъ между боярами: «Государь князь великій! неплодную смоковницу посѣкаютъ и измѣщутъ изъ винограда ³⁷³.» Такъ думали бояре, которые дѣйствительно могли бояться за будущность государства, еслибъ оно досталось князю, не умѣвшему распорядиться и малымъ удѣломъ; такъ думали люди, приверженные къ Василию и къ установленному при немъ порядку вещей, люди сильные при Василии, надѣявшіеся сохранить свое положеніе при сынѣ его, и боявшіеся злой участи при братѣ, который нерасположеніе свое къ старшему брату долженъ былъ распространить и на всѣхъ вѣрныхъ слухъ послѣдняго. Разумѣется, первый голосъ въ этомъ дѣлѣ принадлежалъ митрополиту: преемникъ Симона, митрополитъ Варлаамъ въ слѣдствіе непріятностей съ великимъ княземъ оставилъ митрополію и былъ заточенъ въ одинъ изъ сѣверныхъ монастырей; на его мѣсто былъ избранъ Даниилъ, игумень Іосифова Волоцкаго монастыря, и вѣрный преданію этого монастыря, которое состояло въ безпредѣльной при-

верженности къ великому князю Василю, Данилъ одобрилъ разводъ. Но были люди, смотрѣвшіе иначе на дѣло: одни смотрѣли на него, какъ на дѣло чисто церковное, и, по религиозной совѣстливости, боялись — будетъ ли законна уступка интересу государственному; другіе, потомки князей Литовскихъ и Рускихъ, могли не одобрять развода по особымъ причинамъ: имъ не нравилось утвержденіе власти государей Московскихъ, которымъ они принуждены были служить наравнѣ съ другими, имъ не нравились внушенія Софіи Палеологъ, которой они приписывали новыя отношенія, для нихъ непріятныя; они боролись противъ Софіи, не хотѣли допустить къ престолу ея сына, но Софія восторжествовала, и сынъ ея Василій успѣлъ довершить дѣло отца своего, явился монархомъ, какимъ не былъ ни одинъ монархъ на всемъ земномъ шарѣ³⁷⁴; эти люди должны были съ удовольствіемъ видѣть, что престолъ твердаго, вѣрнаго родительскимъ преданіямъ и потому сильно недюбимаго ими Василя достается князю слабому, не умѣвшему распоряжаться и собственнымъ удѣломъ, при которомъ слѣдовательно будетъ больше простора стариннымъ притязаніямъ княжескимъ и дружиннымъ. Главнымъ противникомъ развода явилось лице уже намъ извѣстное: мы видѣли, что вслѣдствіе торжества Софіи и сына ея Василя надъ противною имъ партією, главы этой партіи, князя Патрикѣевы и Ряполовскіе подверглись опалѣ, Ряполовскіе были казнены, Патрикѣевы — отецъ Иванъ Юрьевичъ съ сыномъ Василюмъ Косымъ пострижены въ монахи; князь Василій Патрикѣевъ, въ монашествѣ Вассіанъ, въ княженіе Василя былъ переведенъ изъ Кириллова Бѣлозерскаго монастыря въ Московскій Симоновъ; великій князь оказывалъ ему большое уваженіе за умъ, образованосгь, позволилъ ему имѣть сильное вліяніе на дѣла церковныя; но теперь, когда возникъ важный вопросъ о разводѣ, Вассіанъ вооружился противъ него всѣмъ своимъ значеніемъ, какъ старецъ опытный въ дѣлахъ церковныхъ; вмѣстѣ съ Вассіаномъ Патрикѣевымъ вооружился противъ развода князь Семень Курбскій, котораго

кимъ жаркимъ защитникомъ старыхъ княжескихъ и дружинныхъ нравъ, такимъ злымъ порицателемъ Софьи и ея сына; ивѣнне Курбскаго и Патрикѣева поддерживалъ и знаменитый Максимъ Грекъ.

Не смотря однако на это сопротивление, въ Ноябрь 1525 года былъ объявленъ разводъ великаго князя съ Соломонію, которую постригли подъ именемъ Софьи въ Рождественскомъ дѣвичьемъ монастырѣ и потомъ отослали въ Суздальскій Покровскій монастырь. Такъ какъ на это дѣло смотрѣли съ разныхъ точекъ зрѣнія, то неудивительно, что до насъ дошли о немъ противорѣчивыя извѣстія: въ однихъ говорится, что разводъ и постриженіе послѣдовали согласно съ желаніемъ самой Соломоніи, даже по ея просьбѣ и настоянію; въ другихъ, наоборотъ, постриженіе ея представляется дѣломъ насилия; распустили даже слухи, что скоро послѣ втораго брака великаго князя у Соломоніи родился сынъ Георгій²⁷⁸. Въ Январѣ слѣдующаго 1526 года Василій женился на Еленѣ, дочери умершаго князя Василія Львовича Глинскаго, родной племянницѣ знаменитаго князя Михаила; выборъ замѣчательный, ибо дѣйствительно Елена, воспитанная иначе, чѣмъ тогдашнія Московскія боярышнии, имѣла болѣе средствъ нравиться. Черезъ три года, 25 Августа 1530, Елена родила перваго сына Іоанна, потомъ черезъ годъ и нѣсколько мѣсяцевъ другаго сына, Георгія.

Но едва минуло старшему малюткѣ Іоанну три года, какъ отецъ его, великій князь Василій занемогъ предсмертною болѣзнію. Послѣ выхода Крымцевъ изъ Московскихъ областей, въ Сентябрѣ 1533 года, Василій съ женою и дѣтьми отправился въ Троицкій монастырь къ 25 числу, къ празднику Чудотворца Сергія; отъ Троицы поѣхалъ на Волокъ-Ламскій, чтобъ потѣниться любимую свою забавою, охотою, и на дорогѣ, въ селѣ Озерецкомъ, заболѣлъ: на лѣвомъ стегнѣ, на сгибѣ показалась багровая болячка съ булавочную головку. Въ первыхъ числахъ Октября великій князь пріѣхалъ въ Волоколамскъ уже въ большомъ изнеможеніи; въ тотъ же день онъ еще могъ внукъ, знаменитый князь Андрей явился въ послѣдствіи та-

быть на пиру у одного изъ любимцевъ своихъ, Тверскаго дворецкаго, Ивана Юрьевича Шигоны Поджогина; но на другой день съ большею нуждою дошелъ до бани, и за столомъ сидѣлъ въ постельныхъ хоромахъ также съ нуждою. На слѣдующій день была превосходная для охоты погода: великій князь не утерпѣлъ, послалъ за ловчими и поѣхалъ въ село свое Колпь: дорогою охота была неудачна, и Василій все жаловался на боль. Пріѣхавши въ Колпь, онъ сѣлъ за столъ, но сидѣлъ съ нуждою; не смотря однако на это, послалъ къ брату Андрею Ивановичу звать его на охоту, и когда тотъ пріѣхалъ, отправился въ поле съ собаками; но ѣздилъ не много, не далѣе двухъ верстъ отъ села; возвратившись съ охоты въ Колпь, обѣдалъ виѣстѣ съ братомъ, и тутъ въ послѣдній разъ сидѣлъ за столомъ: съ этихъ поръ онъ принималъ не много пищи уже въ постели. Видя усиленіе болѣзни, онъ послалъ за княземъ Михаиломъ Львовичемъ Глинскимъ и за двумя лѣкарями своими, иностранцами Николаемъ и Теофиломъ. По совѣту съ княземъ Глинскимъ, который, какъ видно, былъ во всемъ опытенъ, лекаря начали прикладывать къ болячкѣ пшеничную муку съ прѣснымъ медомъ и лукъ печеный; отъ этого болячка начала рдѣть и загниваться. Проживъ двѣ недѣли въ Колпи, великій князь захотѣлъ возвратиться въ Волокъ; на лошади ѣхать онъ не могъ, боярскіе дѣти и княжата несли его пѣшкомъ на рукахъ. Въ Волокъ великій князь велѣлъ прикладывать назъ; стало выходить много гною, боль увеличилась, въ груди начала чувствоваться тягость; лекаря дали ему чистительное ³⁶⁷, но это средство не помогло, аппетитъ пропалъ. Тогда великій князь послалъ стряпчаго своего Мансурова и дьяка своего меньшаго Путятина тайно въ Москву за духовною грамотою отца своего и за своею, которую написалъ передъ отъѣздомъ въ Новгородъ и Псковъ: въ Москвѣ не велѣлъ объ этомъ сказывать никому, ни митрополиту, ни боярамъ. Когда грамоты были привезены, Василій велѣлъ прочитать ихъ себѣ тайно отъ братьевъ, бояръ и отъ князя Глинскаго, послѣ чего свою духовную велѣлъ сжечь. Потомъ велѣлъ Путятину

опять принести духовныя грамоты, призвалъ Шигону Поджогина и совѣтовался съ нимъ и съ Путятинымъ, кого изъ бояръ допустить въ думу о духовной, и «кому приказать свой государевъ приказъ;» изъ бояръ на Волокъ были тогда съ великимъ княземъ: князь Дмитрій Ѳеодоровичъ Бѣльскій, князь Иванъ Васильевичъ Шуйскій, князь Михайла Львовичъ Глинскій, да двое дворецкихъ — князь Кубенскій и Шигона. Прихалъ братъ Василіевъ, князь Юрій Ивановичъ; но великій князь скрывалъ отъ него свою болѣзнь и не хотѣлъ, чтобъ онъ долго оставался въ Волокъ, не смотря на все желаніе Юрія остаться; младшій же братъ, князь Андрей Ивановичъ остался при больномъ. Между тѣмъ изъ болячки вышло гною больше таза, вышелъ стержень больше полуторы пяди, но не весь; великій князь обрадовался, думалъ, что получить облегченіе отъ болѣзни; начали прикладывать къ болячкѣ обыкновенную мазь, и опухоль онала. Когда пріѣхалъ изъ Москвы бояринъ Михайла Юрьевичъ Захарыинъ, за которымъ посылали, то великій князь началъ думать съ боярами и съ дьяками, какъ ему ѣхать въ Москву, и приговорилъ ѣхать съ Волока въ любимый его Іосифъ монастырь; поѣхалъ онъ въ каптанѣ, гдѣ была постлана постель; въ каптанѣ сидѣли съ нимъ князь Шкурлатевъ и князь Палецкій, которые переворачивали его со стороны на сторону, потому что самъ онъ двигаться не могъ. Когда пріѣхали въ Іосифовъ монастырь, Шкурлатевъ и Палецкій взяли великаго князя подъ руки и повели въ церковь; здѣсь дьяконъ, начавши читать ектенію за государя, не могъ продолжать отъ слезъ, игумень и вся братія горько плакали и молились, великая княгиня съ дѣтьми, бояре и всѣ люди рыдали. Когда начали обѣдню, великій князь вышелъ и легъ на одрѣ на паперти, гдѣ и слушалъ службу. Переночевавъ въ монастырѣ, Василій поѣхалъ въ Москву, а брата Андрея отпустилъ въ его удѣлъ; рѣшено было, что больной вѣдетъ въ Москву тайно, потому что въ это время здѣсь было много иноземцевъ и пословъ. 21 Ноября великій князь пріѣхалъ въ подмосковное свое село Воробьево и пробылъ здѣсь два дня, страдая

отъ жестокой болѣзни; митрополитъ, владыки, бояре, дѣти боярскіе пріѣзжали навѣщать его. Василій приказалъ наводить мостъ на Москвѣ рѣкѣ подъ Воробьевымъ противъ Новодѣвичьяго монастыря, потому что рѣка еще не крѣпко стала, и на третій день выѣхалъ изъ Воробьева, въ каптанѣ, запряженный двумя санниками (лошадьми, приученными ходить въ саняхъ); но какъ скоро лошади начали входить на мостъ, мостъ обломился, каптану же дѣти боярскіе успѣли удержать отъ паденія, обрѣзавъ гужи у санниковъ. Больной долженъ былъ возвратиться назадъ, посердился на городничихъ, смотрѣвшихъ за строеніемъ моста, но опалы на нихъ не положилъ; потомъ онъ уже выѣхалъ въ Москву на порожь подъ Дорогомиловымъ. Въ тотъ же самый день пріѣхалъ братъ его, князь Андрей Ивановичъ.

Расположившись въ дворцѣ, великій князь призвалъ къ себѣ бояръ—князя Василя Васильевича Шуйскаго, Михайлу Юрьевича Захарьина, Михайлу Семеновича Воронцова, казначея Петра Ивановича Головина, дворецкаго Шигону, и велѣлъ при нихъ писать духовную грамоту дьякамъ своимъ, Меньшому Путятину и Федору Мишурину; потомъ, въ думу о духовной грамотѣ къ прежнимъ боярамъ прибавилъ еще князя Ивана Васильевича Шуйскаго, Михайлу Васильевича Тучкова и князя Михайлу Львовича Глинскаго; послѣдняго, поговоря съ боярами, прибавилъ онъ потому, что онъ былъ родной дядя великой княгинѣ Еленѣ; въ это же время пріѣхалъ въ Москву князь Юрій Ивановичъ. По написаніи духовной Василій началъ думать съ митрополитомъ Даниломъ, владыкою Коломенскимъ, Вассіаномъ, и духовникомъ своимъ протопопомъ Алексѣемъ, о постриженіи, потому что давно была у него эта мысль; еще на Волокѣ онъ говорилъ духовнику и старцу Мисанлу Сукину: «смотрите, не положите меня въ бѣломъ платьѣ; хотя и выздоровлю — нужды нѣтъ, мысль моя и сердечное желаніе обращены къ иночеству;» и платье съ Волока велѣлъ взять съ собою въ дорогу готовое; на пути приказывалъ Шигонѣ и Путятину тоже самое, чтобъ не положили его въ бѣломъ

платѣ. Тогда же великій князь тайно приобщился и масломъ соборовался, а въ субботу передъ Николѣиныхъ дней соборовался уже явно; на другой день въ воскресенье велѣлъ приготовить себѣ служебные Дары; когда дали знать, что ихъ несутъ, всталъ съ постели, опираясь на боярина Михайлу Юрьевича Захарыина, и сѣлъ въ кресла; когда же вошелъ духовникъ съ Дарами, Василій сталъ на ноги, приобщился со слезами, и легъ въ постелю, послѣ чего, призвавъ къ себѣ митрополита, братьевъ Юрія и Андрея, всѣхъ бояръ, началъ говорить: «Приказываю своего сына, великаго князя Ивана Богу, Пречистой Богородицѣ, святымъ чудотворцамъ, и тебѣ отцу своему Данилу митрополиту всея Руси; даю ему свое государство, которымъ меня благословилъ отецъ мой; а вы, братья мои, князь Юрій и князь Андрей, стойте крѣпко въ своемъ словѣ, на чемъ вы мнѣ крестъ цѣловали, о земскомъ строеніи и о ратныхъ дѣлахъ противъ недруговъ моего сына и своихъ стойте сообща, чтобъ православныхъ христіанъ рука была висока надъ бусурманствомъ; а вы, бояре, боярскіе дѣти и княжата, какъ служили намъ, такъ служите и сыну моему, Ивану, на недруговъ всѣ будьте заодно, христіанство отъ недруговъ берегите, служите сыну моему прямо и неподвижно». Отпустивши братьевъ и митрополита, умирающій сталъ говорить боярамъ: «Знаете и сами, что государство наше ведется отъ великаго князя Владиміра Кіевскаго, мы вамъ государи прирожденные, а вы наши извѣчные бояре: такъ постоитъ, братья, крѣпко, чтобъ мой сынъ учинился на государствѣ государемъ, чтобъ была въ землѣ правда, и въ васъ розни никакой бы не было: приказываю вамъ Михайлу Львовича Глинскаго, человекъ онъ къ намъ пріѣзжій; но вы не говорите, что онъ пріѣзжій, держите его за здѣшняго уроженца, потому что онъ мнѣ прямой слуга, будьте всѣ сообща, дѣла земское и сына моего дѣло берегите и дѣлайте заодно; а ты бы, князь Михайло Глинскій, за сына моего Ивана и за жену мою и за сына моего князя Юрья кровь свою пролилъ и тѣло свое на раздробленіе далъ».

Великій князь очень скорбѣлъ и изнемогалъ, но боли не чувствовалъ, рана не увеличивалась, только духъ отъ нея былъ тяжекъ ³⁷⁷. Василій призвалъ князя Михайлу Глинскаго, двоихъ лѣкарей своихъ, Николая и Θεοφιλα, и спрашивалъ у нихъ, чего бы прикладывать къ болячкѣ, или что бы такое пустить въ рану, чтобъ духу не было. Бояринъ Михайла Юрьевичъ Захарыинъ, утѣшая его, началъ говорить: «Государь князь великій! обождавши день, другой, когда тебѣ немного полегчѣетъ, пустить бы водки въ рану». Больной обратился къ лѣкарю Николаю и сказалъ ему. «Братъ Николай! видѣлъ ты мое великое жалованье къ себѣ: можно ли что-нибудь такое сдѣлать, мазь или другое что, чтобъ облегчить мою болѣзнь?» Николай отвѣчалъ: «Видѣлъ я, государь, къ себѣ жалованье твое великое; еслибъ можно тѣло бы свое раздробилъ для тебя, но не вижу никакого средства, кромѣ помощи Божіей». Тогда великій князь сказалъ дѣтямъ боярскимъ и стряпчимъ своимъ: «Братья! Николай узналъ мою болѣзнь:— неизлечимая! надобно, братья, промышлять, чтобъ душа не погибла на вѣки». Стряпчіе и дѣти боярскіе заплакали горько, тихо для него, но вышедши вонъ, громко зарыдали и были какъ мертвые. Больной забылся, во снѣ вдругъ запѣлъ: «Аллилуія, аллилуія, слава тебѣ Боже!» потомъ, проснувшись, началъ говорить: «Какъ Господу угодно, такъ пусть и будетъ; буди ния Господне благословенно отъ нынѣ и до вѣка». 3 Декабря, со вторника на среду, приказалъ духовнику держать наготовѣ запасные Дары. Въ это время пришелъ игумень Троицкій Іоасафъ, и великій князь сказалъ ему: «Помолись, отецъ, о земскомъ строеніи и о сынѣ моемъ Иванѣ, и о моемъ согрѣшеніи: далъ Богъ и великій Чудотворецъ Сергій мнѣ вашими моленіемъ и прошеніемъ сына Ивана; я крестилъ его у Чудотворца, вручилъ его Чудотворцу и на раку Чудотворцеву его положилъ, вамъ сына своего на руки отдалъ; такъ молитѣ Бога, Пречистую его Матерь и великихъ Чудотворцевъ о Иванѣ сынѣ моемъ и о моей женѣ горемычной: а ты, игумень, прочь не ѣзди, изъ города вонъ не выѣз-

жай». Въ среду опять приобщился, съ постели при этомъ уже встать не могъ, но подъ плечи подняли его; послѣ причастья поѣлъ немного. Потомъ призвалъ бояръ: князей Василья и Ивана Шуйскихъ, Воронцова, Михайлу Юрьевича, Тучкова, князя Михайлу Глинскаго, Шигону, Головина, дьяковъ—Путятина и Мишурина, и были они у него отъ третьяго часа до сѣдѣнаго, все наказывалъ имъ о сынѣ, о устройствѣ земскомъ, какъ быть и править государствомъ; когда всѣ другіе бояре ушли, остались трое: Михаилъ Юрьевъ, Глинскій и Шигона, и были у него до самой ночи: имъ приказывалъ о великой княгинѣ Еленѣ, какъ ей безъ него быть, какъ къ ней боярамъ ходить, и о всемъ имъ приказалъ, какъ безъ него царству строятся. Пришли братья, Юрій и Андрей, и начали принуждать больного, чтобъ чего-нибудь поѣлъ: онъ велѣлъ подать миндальной каши и только къ губамъ поднесъ. Братья вышли; но Андрея великій князь велѣлъ воротить, и началъ говорить ему, Юрьеву, Глинскому и Шигонѣ: «Вижу самъ, что скоро долженъ умереть, хочу послать за сыномъ Иваномъ, благословить его крестомъ Петра Чудотворца, да хочу послать за женою, наказать ей, какъ ей быть послѣ меня; но нѣтъ, не хочу посылать за сыномъ, малъ онъ, а я лежу въ такой болѣзни, испугается». Князь Андрей и бояре стали уговаривать его: «Государь князь великій! пошли за сыномъ, благослови его, и за великой княгиней пошли». Больной согласился. Братъ великой княгини, князь Иванъ Глинскій, принесъ ребенка на рукахъ, за нимъ пла мама Аграфена Васильева; великій князь благословилъ сына и наказалъ мамѣ: «Смотри, Аграфена, отъ сына моего Ивана не отступай ни пяди!» Когда ребенка вынесли, ввели великую княгиню: едва могли удерживать ее братъ великокняжескій Андрей Ивановичъ и бояринъ Челяднищъ, билась и плакала горько. Великій князь утѣшалъ ее, говорилъ: «жена! перестань, не плачь, мнѣ легче, не болитъ у меня ничего, но благодарю Бога»; и въ самомъ дѣлѣ онъ уже не чувствовалъ никакой боли. Когда Елена не много утихла, то начала говорить: «Государь князь великій! на кого меня оставляешь,

кому дѣтей приказываешь?» Василій отвѣчалъ: «Благословилъ я сына своего Ивана государствомъ и великимъ княженіемъ, а тебѣ написалъ въ духовной грамотѣ, какъ писалось въ прежнихъ грамотахъ отцевъ нашихъ и прародителей, какъ слѣдуетъ, какъ прежнимъ великимъ княгинямъ шло». Елена просила, чтобъ великій князь благословилъ и младшаго сына Юрія; Василій согласился, благословилъ его крестомъ Пансіевскимъ, о вотчинѣ же сказалъ: «Приказалъ я и въ духовной грамотѣ написалъ, какъ слѣдуетъ». Хотѣлъ онъ поговорить съ женою, какъ ей жить послѣ него, но отъ ея крика не успѣлъ ни одного слова сказать; она не хотѣла выходить изъ комнаты, но отъ крика Василій принужденъ былъ насильно велѣть ее вывести, поцѣловавшись съ нею въ послѣдній разъ. Послѣ этого великій князь послалъ за владыкою Коломенскимъ Вассіаномъ и старцемъ Мисаиломъ; спросилъ о Кирилловскомъ игуменѣ, потому что прежде онъ думалъ постричься въ Кирилловомъ монастырѣ, но ему сказали, что Кирилловскаго игумена нѣтъ въ Москвѣ; тогда послалъ за Троицкимъ игуменѣмъ Іоасафомъ. Въ это время пришелъ къ больному Даниилъ митрополитъ, братья, всѣ бояре и дѣти боярскіе; митрополитъ и владыка Вассіанъ стали говорить, чтобъ великій князь послалъ за образомъ Владимирской Богородицы и св. Николая Гостунскаго; образа принесли; великій князь послалъ Шигону къ духовнику, чтобъ тотъ принесъ изъ церкви Дары служебныя, и велѣлъ его спросить: «бывалъ ли онъ при томъ, когда душа разлучается отъ тѣла?» Протопопъ отвѣчалъ, что мало бывалъ. Тогда великій князь велѣлъ ему войти въ комнату и стать противъ него, а страпчому Ѳеодору Кучецкому велѣлъ стать съ протопопомъ рядомъ, потому что Ѳеодоръ видѣлъ преставленіе отца его, великаго князя Ивана; дяку крестовому Давилу велѣлъ пѣть канонъ мученицъ Екатеринбургъ, да канонъ на исходъ души, и отходную велѣлъ себѣ говорить. Когда дякъ запѣлъ канонъ, больной немного забылся, потомъ проснулся и началъ говорить, какъ будто видя видѣніе: «великая Христова мученица Екатерина, пора царствовать; такъ, госпожа, царствовать»; оч-

нувшись совершенно, взявъ образъ великонученицы Екатерины, приложился къ нему и къ монцамъ той же святой, которыя принесли ему тогда; подозвалъ къ себѣ боярина Михайлу Семеновича Воронцова, поцѣловался съ нимъ и простилъ его. Долго еще онъ лежалъ послѣ того, 'духовникъ подошелъ, хотѣлъ ему дать причастіе, но онъ сказалъ ему: видишь самъ, что лежу боленъ, а въ своемъ разумѣ; но когда станетъ душа отъ тѣла разлучаться, тогда мнѣ дай Дары; смотри же разсудительно, не пропусти времени». Потомъ, подождавши еще немного, подозвалъ еще къ себѣ брата Юрія и сказалъ ему: «Помнишь, братъ, какъ отца нашего великаго князя Ивана нестало на другой день Дмитрова дни, въ понедѣльникъ, немощь его томила день и ночь? и мнѣ, братъ, также смертный часъ и конецъ приближается». Подождавши еще немного, подозвалъ Давида митрополита, владыку Коломенскаго Вассіана, братьевъ, бояръ и сказалъ: «Видите сами, что я немощъ и къ концу приблизился, а желаніе мое давно было постричься; постригите меня». Митрополитъ и бояринъ Михайлъ Юрьевичъ хвалили это желаніе; но другое говорили князь Андрей Ивановичъ, Михайла Семеновичъ Воронцовъ и Шигона: «Князь великій Владиміръ Кіевскій умеръ не въ чернецахъ, а не сподобился ли праведнаго покоя? И иные великіе князья не въ чернецахъ преставились, а не съ праведными ли обрѣли покой?» и былъ между ними споръ большой. Великій князь подозвалъ къ себѣ митрополита и сказалъ ему: «Исповѣдалъ я тебѣ, отецъ, всю свою тайну, что хочу монашества; чего такъ долежать? сподоби меня облещись въ монашескій чинъ, постриги меня». Потомъ еще не много подождавъ, сказалъ: «Такъ ли мнѣ, господинъ митрополитъ, лежать?» Началъ креститься и говорить: «Аллилуія, аллилуія, слава тебѣ Боже!» говорилъ также изъ икосовъ слова, выбирая. Конецъ его приближался, языкъ сталъ отниматься, но умирающій все просилъ постриженія, бралъ простыню и цѣловалъ ее; правая рука уже не могла подниматься, бояринъ Михайлъ Юрьевичъ поднималъ ее ему, и Василій не переста-

валъ творить на лицѣ крестное знаменіе, смотря вверхъ и право, на образъ Богородицы, висѣвшій передъ нимъ на стѣтѣ. Тогда Данилъ митрополитъ послалъ старца Мисаила, велѣлъ принести монашеское платье въ комнату; отрицаніе же великій князь исповѣдалъ митрополиту еще въ то время, когда приобщался въ воскресенье, тогда еще сказалъ: «если не дадутъ меня постричь, то на мертваго положите монашеское платье, потому что это давнее мое желаніе.» Когда старецъ Мисаилъ пришелъ съ платьемъ, то больной уже приближался къ концу; митрополитъ, взявши епитрахиль, подалъ черезъ великаго князя Троицкому игумену Іоасафу. Но князь Андрей Ивановичъ и бояринъ Воронцовъ стали и тутъ противиться постриженію; тогда митрополитъ сказалъ князю: «Не будь на тебѣ нашего благословенія ни въ сей вѣкъ ни въ будущій; хорошъ сосудъ серебряный, а лучше позолоченный.» Великій князь отходилъ; спѣшили совершить постриженіе; близъ умирающаго стоялъ Шигона, который потомъ рассказывалъ, какъ духъ вышелъ изъ него въ видѣ тонкаго облака.

Такъ скончался великій князь Василій, въ монашествѣ Варлаамъ 3 Декабря 1533 года съ середины на четвергъ, въ 12-ю часъ ночи. Поднялся плачь и рыданіе неутѣшное во всѣхъ людяхъ; митрополитъ и бояре унимали людей отъ плача, и голосовъ ихъ было не слышать; великая княгиня еще не знала о кончинѣ мужа, потому-то бояре и унимали людей отъ громкаго плача, чтобъ не было слышно въ хорожахъ у Елены. Митрополитъ, отведши братьевъ великаго князя, Юрія и Андрея, въ переднюю избу, взялъ съ нихъ присягу служить великому князю Ивану Васильевичу всея Руси и его матери великой княгинѣ Еленѣ, жить въ своихъ удѣлахъ, стоять въ правдѣ, на чемъ цѣловали крестъ великому князю Василю, государства подъ великимъ княземъ Иваномъ не хотѣть и людей отъ него не отзывать, противъ недруговъ, Латинства и Бесоменства, стоять прямо, сообща, за одно; взята была также присяга съ бояръ, боярскихъ дѣтей и княжатъ. Исполнивши это дѣло, митрополитъ съ удѣльными князьями и боярами отправился въ

великой княгинѣ утѣшать ее; но Елена, увидавъ ихъ, упала замертво, и часа два лежала безъ чувствъ.

У тѣла Василюва оставались въ это время игумень Троицкій Іоасафъ и старецъ Мисаилъ Сукинъ; монахи Іосифова монастыря одѣвали покойника по иноческому образу, положили подъ него постель черную тафтяную, прислали изъ Чудова монастыря одръ, и положили на него тѣло. Когда великій князь преставился, то дьяки сего крестовые съ протопопомъ начали служить заутреню, часы, каноны, какъ было при живомъ, по совершеніи этихъ службъ пущень былъ народъ прощаться: боярскіе дѣти, княжата, гости и всякіе люди, и былъ плачь большой между всѣми. Утромъ на другой дѣнь, въ четвергъ, митрополитъ вслѣлъ звонить въ большой колоколъ; бояре велѣли выкопать для покойнаго могилу подлѣ отца и привезли гробъ каменный; когда все было готово, монахи Троицкіе и Іосифовскіе вынесли на головахъ тѣло при пѣніи: «Святый Боже!» Когда снесли на площадь, то вопль народный заглушилъ звонъ колоколовъ: великую княгиню Елену вынесли въ саняхъ на себѣ дѣти боярскіе; подлѣ нея шли двое князей Шуйскихъ, Иванъ и Василій, бояринъ Воронцовъ, князь Михаилъ Глинскій и боярыня княгиня Мстиславская.

Старую духовную грамоту великій князь сжегъ, какъ мы видѣли: она была написана еще до развода съ первою женою; новая, предсмертная также не дошла до насъ; дошелъ только договоръ Василюва съ братомъ Юріемъ, написанный совершенно въ старыхъ формахъ, точно также какъ былъ написанъ договоръ между ними еще при жизни отца, Іоанна III-го; Юрій, по прежнему, обязался держать племянника Іоанна старшимъ братомъ и господиномъ³⁷⁸. Изъ приведеннаго разсказа о кончинѣ Василюва ясно можно усмотрѣть однако недовѣрчивость, которую питалъ великій князь къ брату Юрію и которая объясняется просьбою Яганова и взаимно объясняется ес. Гораздо дружественнѣе были отношенія великаго князя къ другому брату Андрею: это могло зависѣть какъ отъ характера Андрея, такъ преимущественно и отъ того, что онъ былъ млад-

шій и при жизни Юрія не могъ и не имѣлъ выгоды предпринимать что-нибудь противъ великаго князя и его сына, следовательно не могъ возбуждать такой подозрительности, какъ старшій Юрій, которому труднѣе было отказаться отъ недавнихъ правъ дядей предъ племянниками; мы знаемъ о неприятныхъ столкновенияхъ великаго князя съ братьями — Юріемъ, Димитріемъ, Семеномъ, но незнаемъ ничего о неприятностяхъ съ Андреемъ.

Правленіе Василія обыкновенно называютъ продолженіемъ правленія Іоаннова: отзывъ справедливый въ томъ смыслѣ, въ какомъ правленіе Іоанна можно назвать продолженіемъ правленія князей предшествовавшихъ. Издавна одно преданіе, одни стремленія и цѣли передавались другъ другу всѣми князьями Московскими и даже вообще всѣми князьями сѣверной Руси; мало того, что эти князья имѣли одинакія цѣли, они употребляли обыкновенно одинакія средства для ихъ достиженія. Отсюда всѣ эти князья поразительно похожи другъ на друга, сливаются въ одинъ образъ, являются для историка какъ одинъ человекъ. Дѣйствительно ли было такъ, дѣйствительно ли всѣ они были такъ похожи другъ на друга? Ничто не мѣшаетъ намъ предполагать основнаго родоваго сходства въ ихъ характерахъ: кромѣ кровной передачи, на образованіе одинакихъ характеровъ имѣла могущественное вліяніе самая одинаковость положенія, одинаковость среды, въ которой они всѣ обращались, подъ впечатлѣніями которой они выросли и окрѣплились; для каждаго изъ нихъ съ самаго нѣжнаго возраста выдвигались на первый планъ одни и тѣже, немногіе, но важные предметы, на которыхъ сосредоточивалось всеобщее вниманіе, о которыхъ все говорило и при обращеніи съ которыми издавна употреблялись одинакіе приемы; въ этихъ приемахъ заключалась единственная наука для молодыхъ, мудрость дѣдовъ и отцевъ, переходившая по завѣщанію. Мы замѣчаемъ, что родовое сходство рѣзко выражается въ членахъ тѣхъ фамилій, которыя сознаютъ важность своего общественнаго положенія, стараются сохранить эту важность, имѣютъ извѣстныя, опредѣленные нравственные

и политическіе взгляды и начала, по которымъ стараются постоянно дѣйствовать. И такъ во всѣхъ князьяхъ Московскихъ могло быть общее родовое сходство въ характерахъ; хотя, съ другой стороны, мы не имѣемъ права отрицать и различія: при одинаковости общихъ взглядовъ и стремленій одинъ князь могъ при этихъ стремленіяхъ обнаружить болѣе смысла и рѣшительности, другой менѣе; но по характеру нашихъ источниковъ историческихъ мы не имѣемъ достаточно средствъ подмѣтить эти различія и опредѣлить характеры главныхъ дѣйствующихъ лицъ, правителей; ибо въ памятникахъ рѣдко историческія лица представляются мыслящими, чувствующими, говорящими передъ нами, однимъ словомъ, живыми людьми; сами эти лица дѣйствуютъ болѣею частію молча, а другіе люди, къ нимъ близкіе, знавшіе ихъ хорошо, ничего намъ объ нихъ не говорятъ.

Признавая все важное значеніе дѣятельности Іоанна III, мы однако не сочли себя въ правѣ рѣзко отдѣлять эту дѣятельность отъ дѣятельности предковъ Іоанновыхъ, уменьшать въ пользу одного князя заслуги цѣлаго ряда предшествовавшихъ князей. Въ XVIII вѣкѣ, при первыхъ попыткахъ обработки отечественной исторіи, легко было увлечься нѣкоторыми громкими явленіями и смѣшать слѣдствіе съ причиною; отсюда понятно, почему въ XVIII вѣкѣ могло образоваться мнѣніе, что Іоаннъ III соединилъ до него раздробленную Россію въ одно цѣлое и свергнулъ Татарское иго; но мы, зная, что соединеніе сѣверовосточной Руси началось съ усиленія Москвы, т. е. съ Іоанна Калиты, или, вѣрнѣе, съ брата его Юрія Даниловича, и почти кончилось при Василии Темномъ, ибо при немъ было послѣднее княжеское междоусобіе; зная, что Іоанну III потому было такъ легко подчинить себѣ Новгородъ, что послѣдній не могъ получить помощи ни отъ одного уже князя сѣверовосточной Руси, зная все это, мы не можемъ уже сказать, что соединеніе раздробленной Россіи есть дѣло Іоанна III; зная, что Димитрій Донской разбилъ Мамаю и принужденъ былъ заплатить тяжелую дань Тохтамышу, зная въ то же время, что Іоаннъ III не разбивалъ Ахмата, по смерти котораго одна-

но Татары съ Волги не приходили къ Москвѣ за данью, мы необходимо должны заключить о внутреннемъ, постепенномъ ослабленіи Татаръ, должны заключить, что Димитрій Донской имѣлъ дѣло хотя съ потрясеннымъ, но еще довольно сильнымъ тѣломъ, а Іоаннъ III имѣлъ дѣло съ одною уже тѣнью. Событіе остается по прежнему на своемъ мѣстѣ, зависимость отъ Татаръ вполне прекратилась дѣйствительно въ княженіе Іоанна III; но мы не можемъ уже смѣшивать слѣдствія съ причиною: мы видимъ, что обширные размѣры, въ которыхъ является дѣятельность Іоанна III, суть слѣдствіе дѣятельности его предшественниковъ, что основанія величія Россіи были положены прежде Іоанна, но что за послѣднимъ остается важная заслуга—умѣнье продолжать дѣло предшественниковъ при новыхъ условіяхъ.

Не возвышая значенія Іоанна III въ ущербъ значенію предшественниковъ его, мы не считаемъ себя такъ въ правѣ возвышать или уменьшать значеніе Василія Іоанновича относительно значенія отца его. Видимъ одно преданіе и одинъ характеръ; всѣ согласны, что Василій не былъ такъ счастливъ, какъ Іоаннъ; это, разумѣется, не можетъ отнять достоинства у сына, ибо чѣмъ больше препятствій, тѣмъ выше заслуга. Какъ господствующія черты характера, замѣчаемъ въ Василіи необыкновенное постоянство, твердость въ достиженіи разъ предположенной цѣли, терпѣніе, съ какимъ онъ истощалъ всѣ средства при достиженіи цѣли, важность которой онъ призналъ. Это видно въ войнахъ Казанскихъ, въ постоянствѣ усилій для овладѣнія Смоленскомъ, въ постоянствѣ исканія союза Крымскаго и Турецкаго; вѣрность разъ принятымъ началамъ видна особенно въ томъ, что какъ ни дорожилъ онъ пріязнью Крымскаго хана, однако ни за что не соглашался обязываться срочно посылкою опредѣленной суммы денегъ въ Крымъ, ибо это нѣмало бы видѣ дани. Что же касается до ближайшаго знакомства съ характеромъ Василія, то для этого мы имѣемъ только одинъ памятникъ; къ сожалѣнію этотъ драгоценный памятникъ, изображающій намъ Василія какъ живаго человека,

есть изображеніе Василія умирающаго, изображеніе его предсмертныхъ дней, которое мы привели во всей подробности. Само собою разувѣтся, что поведеніе человѣка въ послѣдніе дни его жизни, и именно при сознаніи, что это послѣдніе дни, какъ то было съ Василіемъ, не можетъ дать намъ вполне вѣрнаго понятія о прежнемъ поведеніи человѣка; но мы должны воспользоваться тѣмъ, что у насъ есть.

Василій занемогъ ѣдучи съ богомолья изъ Троицкаго монастыря на охоту въ Волокъ Ламскій: это были двѣ постоянныя цѣли поѣздокъ великаго князя. Въ характерѣ Василія замѣчаемъ болѣе живости, болѣе склонности къ движенію, къ перемѣнѣ мѣстъ, чѣмъ у отца его, Іоанна, который, по словамъ знаменитаго его современника, Стефана Молдавскаго, любилъ сидѣть спокойно на одномъ мѣстѣ, а между тѣмъ владѣнія его увеличивались со всѣхъ сторонъ²⁷⁹. Василій кромѣ Троицкаго монастыря, ѣзжалъ на богомолье въ Переяславль, Юрьевъ, Владимиръ, Ростовъ, къ Николѣ на Угрѣшу, въ Тихвинъ, Ярославль, Вологду, Кирилловъ монастырь, къ Николѣ Зараскожу. Другою цѣлью поѣздокъ была охота, къ которой Василій былъ страстенъ: занемогши трудною болѣзнію, онъ однако не утерпѣлъ, когда наступила благопріятная для охоты погода, и выѣхалъ въ поле съ собаками; любимымъ мѣстомъ для охоты былъ у него Волокъ Ламскій, который однако онъ сталъ посѣщать не ранѣе 1515 года, то есть, года два спустя по смерти послѣдняго Волоцкаго князя Федора Борисовича; въ 1519 онъ пробылъ въ Волокѣ отъ 14 Сентября до 26 Октября; ѣздилъ на потѣху также въ Можайскъ; лѣто Василій любилъ проводить за городомъ; любимыми подмосковными мѣстами его были: Островъ, Воробьево и Воронцово; въ 1519 году въ Маѣ онъ выѣхалъ изъ Москвы къ Николѣ на Угрѣшу, оттуда въ Островъ, гдѣ жилъ до Петровокъ, а потомъ все лѣто провелъ въ Воронцовѣ²⁸⁰. Отношенія Василія къ Іосифову монастырю живо выставляются въ разсказѣ, что дьяконъ, начавши молиться за великаго князя, не могъ продолжать отъ слезъ, игуменъ и братія также плакали: князь Курбскій лучше всего объясняетъ

нимъ эту картину, близко соединяя въ своей враждѣ Василіа съ монахами Іосифова монастыря, говоря, что эти монахи были подобны Василію. Видимъ въ Василіа живое сочувствіе къ господствующему интересу времени, интересу религіозному, сочувствіе къ монастырю, который имѣлъ для лучшихъ людей неотразимую привлекательность, какъ лучшее, избранное общество, занимавшееся высшими вопросами жизни: сюда люди болѣе живые, болѣе развитые, болѣе способные обращать вниманіе на любопытные вопросы жизни, шли за разрѣшеніемъ этихъ вопросовъ, за умною бесѣдою вообще; здѣсь они могли всегда узнать что-нибудь для нихъ важное, ибо здѣсь собирались книги, здѣсь сосредоточивалось тогдашнее просвѣщеніе, здѣсь складывалось духовное, умственное оружіе, необходимость котораго въ важныхъ борьбахъ и тогда хорошо понимали.

Три монастыря пользовались особеннымъ расположеніемъ Василіа: Іосифовъ Волоцкій былъ ему близокъ по отношенію къ основателю, находился подъ его особеннымъ покровительствомъ, отличался приверженностію къ его лицу; но самая эта близость отношеній и недавняя знаменитость монастыря не могли внушить великому князю такого высокаго уваженія, какое онъ питалъ къ монастырямъ Кириллову Бѣлозерскому и Сергіеву Троицкому; иноческая жизнь въ первомъ особенно его прельщала, такъ что онъ выражалъ желаніе постричься здѣсь; Троицкій монастырь, по святости и государственному значенію основателя, не переставалъ пользоваться всеобщимъ великимъ уваженіемъ: «вашими молитвами, говорилъ Василій Троицкому игумену, далъ мнѣ Богъ сына, я крестилъ его у Чудотворца, поручилъ его ему, положилъ ребенка на руку преподобнаго, вамъ, отецъ, я своего сына на руки отдаю. Прежде обращаясь къ митрополиту, братьямъ и боярамъ, великій князь сказалъ: приказываю сына Богу, Богородицѣ, святымъ чудотворцамъ и тебѣ, отцу своему Данилу митрополиту всея Руси»; но прибавилъ, что приказываетъ братьямъ, къ которымъ обратился только съ напоминаніемъ о ихъ обязан-

постяхъ къ племяннику, о клятвѣ, или данной. Мысль о малолѣтствѣ сына, о возможности смуть по этому случаю сильно безпокоила умирающаго: «молись, отецъ, о земскомъ строеніи», говорилъ онъ Троицкому игумену.

Жены и сына не было долго у постели больного; причина вскрывается: онъ боялся своимъ изнеможеннымъ видомъ сокрушить жену, испугать сына; пока еще оставалась надежда на выздоровленіе, онъ не хотѣлъ съ ними видѣться, дожидаясь возможности сказать женѣ утѣшительное слово, показаться не въ столь страшномъ видѣ. Будучи здоровъ, онъ желалъ правиться молодой женѣ, и для этого даже обрилъ себѣ бороду²⁸¹. Когда надежда на выздоровленіе исчезла, больной рѣшился благословить старшаго сына крестомъ Петра Чудотворца, соединяя съ этимъ дѣйствіемъ особенную силу, которой не хотѣлъ лишить своего наследника; но и тутъ было раздумалъ, боясь испугать своимъ видомъ малютку; всѣ заботы, всѣ мысли о будущемъ сосредоточивались у больного на одномъ старшемъ сынѣ, великомъ князѣ, наследникѣ престола; но если для отца-Государя мысль о старшемъ сынѣ была преобладающею, то мать не могла забыть и о младшемъ сынѣ, настояла, чтобъ отецъ благословилъ и этого малютку. Высказавшіяся здѣсь семейныя отношенія Василія дополняются нежными дошедшими до насъ письмами его къ Еленѣ. Въ одномъ письмѣ великій князь заботливо спрашиваетъ у жены о ея здоровьѣ: «Отъ великаго князя Василія Ивановича всея Руси женѣ моей Еленѣ. Я здѣсь, далъ Богъ, милостію Божіею и Пречистыя Его Матери и Чудотворца Николы, живъ до Божьей воли, здоровъ совсѣмъ, не болитъ у меня, далъ Богъ, ничто. А тыбъ ко мнѣ и впередъ о своемъ здоровьѣ отписывала, и о своемъ здоровьѣ безъ вѣсти меня не держала, и о своей болѣзни отписывала, какъ тебя тамъ Богъ милуетъ, чтобъ мнѣ про то было вѣдомо. А теперь я послалъ къ Митрополиту да и къ тебѣ Юшка Шенна, а съ нимъ послалъ къ тебѣ образъ — Преображенье Господа нашего Иисуса Христа; да послалъ къ тебѣ въ этой грамотѣ запись свою руку; и тыбъ эту запись прочла, да

держала ее у себя. А я, если дастъ Богъ, самъ, какъ мнѣ Богъ поможетъ, непременно къ Крещенью буду на Москву. Писаль у меня эту грамоту дьякъ мой Труфанецъ, и запечаталъ я ее своимъ перстнемъ.» Собственноручная записка великаго князя, къ сожалѣнію, не дошла до насъ. Второе письмо великаго князя къ Еленѣ есть отвѣтное на увѣдомленіе ея, что у маленькаго Іоанна показался на шеѣ вередъ: «Ты мнѣ прежде объ этомъ зачѣмъ не писала? И тыбъ ко мнѣ теперъ отписала, какъ Ивана сына Богъ милуетъ, и что у него такое на шеѣ явилось, и какимъ образомъ явилось, и какъ давно, и какъ теперъ? Да поговори съ княгинями и съ боярынями, что это такое у Ивана сына явилось, и бываетъ ли это у дѣтей малыхъ? если бываетъ, то отъ чего бываетъ? съ роду ли, или отъ инаго чего? о всемъ бы объ этомъ ты съ боярынями поговорила и ихъ выспросила, да ко мнѣ отписала подлинно, чтобъ мнѣ все знать. Да и впередъ чего ждать, что онѣ придумаютъ — и объ этомъ дай мнѣ знать; и какъ нынѣ тебя Богъ милуетъ и сына Ивана какъ Богъ милуетъ, обо всемъ отпиши.» Елена отвѣчала, что вередъ прорвался; Василій писалъ къ ней опять: «И тыбъ ко мнѣ отписала, теперъ что идетъ у сына Ивана изъ больнаго мѣста, или ничего не идетъ? и каково у него это больное мѣсто, поопало, или еще не опало, и каково теперъ? Да и о томъ ко мнѣ отпиши, какъ тебя Богъ милуетъ, и какъ Богъ милуетъ сына Ивана. Да побаливаетъ у тебя долголовы, и ухо, и сторона: такъ тыбы ко мнѣ отписала, какъ тебя Богъ миловалъ, не баливало ли у тебя полголовы, и ухо, и сторона, и какъ тебя нынѣ Богъ милуетъ? обо всемъ этомъ отпиши ко мнѣ подлинно.» Четвертое письмо отвѣтное на увѣдомленіе Елены о болѣзни втораго сына Юрія: «Тыбъ и впередъ о своемъ здоровьѣ и о здоровьѣ Ивана сына безъ вѣсти меня не держала; и о Юрьѣ сынѣ ко мнѣ подробно отписывай, какъ его станетъ впередъ Богъ миловать.» Въ пятомъ письмѣ пишеть: «Да и о кушаньѣ сына Ивана впередъ ко мнѣ отписывай: чѣдъ Иванъ сынъ покушаетъ, чтобъ мнѣ было вѣдомо»²⁸².

Мы видим, что, по свидѣтельству Герберштейна, Василій кончилъ то, что начато было отцемъ его, вслѣдствіе чего властію своею надъ подданными онъ превосходилъ всѣхъ монарховъ въ цѣломъ свѣтѣ; имѣлъ неограниченную власть надъ жизнію, имуществомъ людей какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ; изъ совѣтниковъ его, бояръ никто не смѣлъ противорѣчить или противиться его приказанію; по извѣстію Герберштейна, Русскіе торжественно провозглашали, что воля государева есть воля Божія, что государь есть исполнитель воли Божіей; о дѣлѣ неизвѣстномъ говорили: «знаеть то Богъ да великій князь.» Когда Герберштейнъ спросилъ сѣдаго старика, бывшаго великокняжескимъ посломъ въ Испанію, зачѣмъ онъ такъ суется во время пріема пословъ, то онъ отвѣчалъ: «Сигизмундъ! Мы служимъ своему государю не по вашему²².» Когда бояринъ Берсень Беклемишевъ позволилъ себѣ противорѣчить Василіеву мнѣнію относительно Смоленска, то великій князь сказалъ ему: «Ступай, смердь, прочь, не надобенъ ты мнѣ.» Встрѣчаемъ извѣстія, что въ важныхъ дѣлахъ великій князь разсуждалъ въ думѣ съ братьями и боярами; но въ то же время встрѣчаемъ извѣстію, что Василій о важныхъ дѣлахъ разсуждалъ запершись самъ третей съ любимцами, приближенными къ себѣ людьми. Къ объясненію этихъ извѣстій служитъ тотъ же драгоценный памятникъ — повѣствованіе о кончинѣ Василія: здѣсь мы видимъ, что самымъ приближеннымъ къ великому князю человекомъ былъ Тверской дворецкій Шигона Поджогинъ, потомъ довѣренностію его пользовались дьяки — Мансуровъ, Путятинъ, Цыплатевъ, Курпцынъ, Раковъ, Мишуринъ; то же расположеніе къ дьякамъ мы увидимъ послѣ и у сына Васильева, Іоанна IV-го; Мансуровъ и Путятинъ посланы были тайно за духовными грамотами; тайно отъ братьевъ и отъ бояръ великій князь велѣлъ сжечь эти прежнія духовныя, о чемъ зналъ только Шигона и Путятинъ; потомъ, начавши думать о новой духовной, Василій, сказано, пустилъ къ себѣ въ думу Шигону и Путятину, слѣдовательно думалъ самъ третей; съ этими двумя приближенными людьми онъ сталъ думать,

кого бы еще пустить въ ту думу о духовныхъ грамотахъ. Имѣемъ право заключать, что такъ бывало и въ другихъ случаяхъ: братья великокняжескіе и бояре, всѣ или нѣкоторые допускались къ разсужденію о дѣлахъ по предварительномъ совѣщаніи великаго князя съ довѣренными людьми. Когда, по приѣздѣ уже въ Москву, Василій рѣшился приступить къ предсмертнымъ распоряженіямъ, то призвалъ бояръ: князя Василья Васильевича Шуйскаго, Михаила Юрьевича, Михаила Семеновича Воронцова, казначея Петра Головина, Шигону, дьяковъ Путятина и Мишурина; потомъ прибавлены были въ думу бояре — князь Иванъ Васильевичъ Шуйскій, Михаилъ Васильевичъ Тучковъ; и наконецъ, послѣ совѣщанія съ этими боярами, былъ присоединенъ князь Михайла Глинскій по родству съ великою княгинею. Такимъ образомъ мы видимъ здѣсь всѣхъ вельможъ двора Васильева, которыхъ великій князь считалъ нужнымъ призвать къ совѣщанію о будущихъ судьбахъ государства; здѣсь, какъ ясно видно, поставлены они по степени ихъ знатности, и первое мѣсто занимаетъ князь Шуйскій. Мы видѣли, что въ княженіе предшественниковъ Васильевыхъ долго первенствовала фамилія князей Гедиминова рода, Патрикѣевыхъ; старшая линія пала при Іоаннѣ III, младшая осталась; первое мѣсто послѣ князя Ивана Юрьевича Патрикѣева, съ званіемъ воеводы Московскаго, занялъ князь Василій Даниловичъ Холмской, зять великаго князя, второе мѣсто князь Данило Васильевичъ Щеня-Патрикѣевъ. Но Холмскаго скоро постигла участь Патрикѣевыхъ: лѣтомъ 1058 года лѣтописецъ упоминаетъ о походѣ князя Василія Даниловича къ Брянску противъ Литовцевъ, а осенью говоритъ о его заточеніи въ тюрьму и о смерти. Причинъ не знаемъ; видимъ только, съ какою опасностію сопряжено было въ это время первое мѣсто, мѣсто воеводы Московскаго. Званіе Холмскаго принялъ слѣдовавшій за нимъ князь Данило Васильевичъ Щеня³⁶⁴, о которомъ упоминается въ послѣдній разъ въ 1515 году. На второмъ послѣ Щени мѣстѣ видимъ князя Дмитрія Владиміровича Ростовскаго, на третьемъ князя Василія Васильевича Шуйскаго, на четвер-

тош сына старика Щени, князя Михайлу Даниловича Щенятева³⁸⁵. Кто носилъ званіе воеводы Московскаго по смерти старика Щени — съ точностію не знаемъ; при концѣ княженія Василіева въ числѣ приближенныхъ къ нему бояръ на первомъ мѣстѣ видимъ князя Василія Васильевича Шуйскаго, который прежде занималъ третье мѣсто; по всѣмъ вѣроятностямъ онъ носилъ званіе воеводы Московскаго. Шуйскіе, потомки князей Суздальскихъ-Нижегородскихъ, такъ долго отстаивавшихъ свою самостоятельность отъ князей Московскихъ, Шуйскіе, одинъ изъ которыхъ, князь Василій Гребенка былъ послѣднимъ воеводою вольнаго Новгорода, послѣ другихъ Рюриковичей вступилъ въ службу Московскихъ князей и были въ тѣни при Іоаниѣ III; только въ княженіе сына его они добиваются первенствующаго положенія. Второе мѣсто послѣ Шуйскаго занимаетъ не князь, но потомокъ одной изъ древнѣйшихъ Московскихъ боярскихъ фамилій, Михаилъ Юрьевичъ Кошкинъ. Мы видѣли, что не смотря на сильный приплывъ княжескихъ фамилій, Рюриковичей и Гедиминовичей къ Московскому двору, Кошкины успѣшнѣе другихъ боярскихъ родовъ сдерживали этотъ напоръ, не позволяли себѣ слишкомъ удалиться отъ первыхъ мѣстъ, и были такимъ образомъ представителями древнихъ Московскихъ боярскихъ фамилій, имѣвшихъ такое важное значеніе въ исторіи собранія Русской земли. Мы видѣли, что Яковъ Захарьевичъ Кошкинъ занималъ третье мѣсто въ думѣ Іоанна III-го, послѣ князя Холмскаго и Щени; теперь племянникъ его, сынъ Юрія Захарьевича, не хотѣвшаго уступать князю Щенѣ-Патрикѣву, Михаилъ Юрьевичъ занимаетъ уже второе мѣсто въ ближней думѣ великаго князя Василія. Что Михаилъ Юрьевичъ былъ изъ числа самыхъ близкихъ и приверженныхъ людей къ Василію, это ясно видно изъ разсказа о кончинѣ великаго князя: послѣдній послалъ за нимъ, когда еще находился въ Волоколамскѣ; Михаилъ Юрьевичъ вѣстѣ съ Шигоною присутствуетъ при благословеніи сыновей, при прощаніи съ женою; Михаилъ Юрьевичъ держитъ сторону митрополита, ободряетъ намѣреніе великаго князя постричься

передъ смертію; Михаилъ Юрьевичъ поднимаетъ ослабѣвшую руку умирающаго для крестнаго знаменія.

Подлѣ Михаила Юрьевича Кошкина, на третьемъ мѣстѣ, видимъ потомка другой древней и знаменитой боярской фамиліи, Михаила Семеновича Воронцова, происходившаго отъ Ѳедора Воронцова-Вельяминова, брата послѣдняго Тысяцкаго; какъ видно, между великимъ княземъ и Воронцовымъ были какія-то непріятности, ибо сказано, что умирающій подозвалъ Воронцова къ себѣ, поцѣловался съ нимъ и простилъ его. Казначей, Петръ Ивановичъ Головинъ удерживалъ мѣсто отца своего, извѣстнаго намъ боярина Іоаннова Ивана Владиміровича Головы-Ховрина; наконецъ видимъ Михаила Васильевича Тучкова, происходившаго изъ рода Морозовыхъ. Это были члены ближней думы, люди болѣе довѣренныя; но были члены другихъ княжескихъ и боярскихъ фамилій, не менѣе знаменитыхъ, но пользовавшіеся меньшимъ довѣріемъ: такъ послѣ совѣщанія съ поименованными приближенными лицами великій князь призвалъ къ себѣ всѣхъ остальныхъ бояръ, князя Дмитрія Бѣльскаго съ братьями; Шуйскихъ, Горбатовыхъ (Суздальскихъ, родственниковъ Шуйскимъ), Поплевицкихъ (Морозовыхъ).

Мы видѣли, что еще Іоаннъ III взялъ съ князя Холмскаго клятвенную грамоту — не отъѣзжать; отъ времени Василя дошло до насъ нѣсколько такихъ грамотъ — знакъ, что при усиленіи новаго порядка вещей, приверженцы старины крѣпко держались за обветшалое право отъѣзда, и, не имѣя возможности отъѣзжать къ Русскимъ князьямъ, считали для себя позволненнымъ отъѣздъ въ Литву. Князь Василій Васильевичъ Шуйскій далъ запись: «отъ своего государя и отъ его дѣтей изъ ихъ земли въ Литву, также къ его братьямъ и никуда не отъѣхать до самой смерти.» Такія же записи взяты были съ князя Дмитрія и Ивана Ѳедоровичей Бѣльскихъ и съ князя Воротынскаго. Число князей Гедиминовичей при Московскомъ дворѣ умножилъ въ княженіе Василя знатный выходецъ, князь Ѳедоръ Михайловичъ Мстиславскій, отъѣхавшій изъ Литвы въ 1526 году; какъ велъ себя Мстиславскій въ новомъ отечествѣ,

видно изъ его клятвенной записи: «я, князь Федоръ Михайловичъ Мстиславскій присылалъ изъ Литвы къ великому князю Василию, государю всея Руси бить челомъ, чтобъ государь пожаловалъ, велѣлъ мнѣ ѣхать къ себѣ служить; и великій государь меня холопа своего пожаловалъ, прислалъ ко мнѣ воеводъ своихъ и велѣлъ мнѣ къ себѣ ѣхать. Какъ я пріѣхалъ, государь меня пожаловалъ, велѣлъ мнѣ себѣ служить и жалованьемъ своимъ пожаловалъ. Послѣ того сказали государю, что я думаю ѣхать къ Сигизмунду королю: государь меня и тутъ пожаловалъ, опалы своей на меня не положилъ, а я государю ввелъ порукою по себѣ Данила митрополита и все духовенство, цѣловалъ крестъ у гроба Чудотворца Петра, и далъ на себя грамоту за митрополичью печатью, что мнѣ къ королю Сигизмунду, къ братьямъ великокняжескимъ, ихъ дѣтямъ и ни къ кому другому не отѣхать, а служить мнѣ государю своему, великому князю Василию и добра ему хотѣть, государь меня пожаловалъ великимъ своимъ жалованьемъ, отдалъ за меня свою племянницу, княжну Настасью. И я, князь Федоръ, преступивши крестное цѣлованіе, позабывши, что ввелъ по себѣ порукою Данила митрополита, позабывши жалованье государя, хотѣлъ ѣхать къ его недругу, Сигизмунду королю: государь, по моей винѣ, опалу свою на меня положилъ. Я за свою вину билъ челомъ государю черезъ Данила митрополита и владыкъ; государь по прошенію и челобитію митрополита, архіепископовъ, епископовъ и всего духовенства, меня своего холопа пожаловалъ, вину мнѣ отдалъ.» Мстиславскій обязывается въ своей цовой грамотѣ: «думы государя и сына его, князя Ивана не проносить никому; судить судъ всякій въ правду, дѣло государей своихъ беречь и дѣлать его прямо безъ всякой хитрости.» Но М. А. Плещеевъ, котораго также великій князь простилъ по ходатайству митрополита, обязуется въ своей записи: «если кто либудь станетъ мнѣ говорить какія рѣчи на лихо моего государя, о его великой впагнѣ Еленѣ и ихъ дѣтяхъ, станетъ говорить о лихомъ зельѣ, чтобъ дать его имъ, или какое либудь другое злое

дѣло захочетъ сдѣлать: то мнѣ къ лиходѣямъ государя своего не приставать, съ ними не говорить и не думать, и не дѣлать мнѣ того самому,» и проч. И Василій по примѣру отца, не довольствовался одною порукою духовенства, но требовалъ денежнаго ручательства: такъ князя Глинскаго выручили трое вельможъ въ 5000 рублѣхъ, и за этихъ поручниковъ поручились еще 47 человекъ; двойная же порука была и за Шуйскихъ³⁸⁶. Такovy были мѣры противъ отъѣздовъ; строгія мѣры предпринимались также противъ людей, которые толковали о другомъ дружинномъ правѣ, правѣ совѣта: мы видѣли, что Берсень Беклемишевъ подвергся опалѣ за то, что смѣлъ противорѣчить великому князю; недовольный бояринъ жаловался на перемѣны, произведенныя Софією и ея сыномъ; жалобы эти имѣли слѣдствіемъ то, что Берсеню отрубили голову; дьякъ Ѳеодоръ Жареный, который осмѣлился также жаловаться, былъ битъ кнутомъ и лишился языка³⁸⁷. Строго наказывалась и отговорка отъ службы: дьякъ Третьякъ Долматовъ, которому вельно было ѣхать посломъ къ императору Максимилиану, объявилъ, что не имѣетъ средствъ къ этой поѣздкѣ; его схватили и заточили на вѣки на Бѣлоозеро, имѣніе обратили въ казну³⁸⁸.

Титулъ Василія былъ слѣдующій: «Великій Государь Василій. Божією милостію Государь всея Руси и Великій Князь Владимирскій, Московскій, Новгородскій, Псковскій, Смоленскій, Тверской, Югорскій, Пермскій, Вятскій, Болгарскій и иныхъ, Государь и Великій Князь Новгорода Низовской земли, и Черниговскій, и Рязанскій, и Волоцкій, и Ржевскій, и Бѣльскій, и Ростовскій, и Ярославскій, и Бѣлозерскій, и Удорскій, и Обдорскій, и Кондинскій, и иныхъ.» Титулъ царя употреблялся въ тѣхъ же случаяхъ, какъ и при Іоаннѣ III. Въ письмахъ къ великому князю отъ людей незначительныхъ со времени Василія попадаются уменьшительныя уничтожительныя имена: такъ великій князь приговорилъ однажды съ боярами отправить въ Крымъ посломъ незначительнаго человека, средняго, и послали Илью Челищева, который въ грамотахъ своихъ къ

великому князю подписывался: «холопъ твой Илейка Челищевъ челомъ бьетъ;» тогда какъ другой посолъ, сынъ боярскій Шадринъ подписывался: «Васюкъ»; въ грамотахъ отъ великаго князя къ нимъ обоимъ писали такъ: «нашему сыну боярскому Василю Иванову сыну Шадрина, да ближнему нашему человѣку Илейкѣ Челищеву»³⁰⁰.

Мы видѣли, что Іоаннъ III въ завѣщаніи своемъ постановилъ, чтобъ монета чеканилась только во владѣніяхъ великаго князя, въ Москвѣ и Твери, а не въ удѣлахъ³⁰⁰.

Источники доходовъ для казны великокняжеской вообще были тѣже самыя какъ и прежде; упоминается пошлина, не встречавшаяся прежде, туковья деньги³⁰¹. Что касается Руси Литовской, то изъ грамоты короля Сигизмунда 1507 года получаемъ понятіе о сборѣ серебрящизны: король пишетъ, что для великой потребности государевой и земской, на Городискомъ сеймѣ положили на всю землю, какъ на духовныхъ, такъ и на свѣтскихъ людей, серебрящизну, отъ каждой сохи воловой по 15 грошей, отъ конской по 7½ грошей, отъ человѣка, который сохъ не нѣтеть, отъ земли по 6 грошей, отъ огорода по три гроша; о государевыхъ доходахъ въ Литовской Руси можно получить также понятіе изъ уставныхъ грамотъ короля Сигизмунда, данныхъ Могилеву и Гродну; во-первыхъ, государскій приходъ: 300 копъ шпрокныхъ грошей, четыре рубля грошей бобровщины, четыре рубля грошей яловщины, три рубля грошей восковыхъ, отъ старца серсбрияпаго 15 копъ грошей широкныхъ, отъ медоваго старца 10 копъ, скотнаго серебра на третій годъ 20 рублей грошей, тиунщины 80 копъ грошей, за корчмы Могилевскія 104 копы; серебрящизна дается на третій годъ, сколько положить государь; державца королевскій беретъ каждый годъ: вѣзднаго 50 копъ грошей, полюдовања (полюдья), если въ волость не поѣдетъ, 50 копъ грошей, тиунщины изъ королевской суммы беретъ половину. Въ Гродненской грамотѣ читася: «когда по дворямъ Гродненскимъ жито будетъ сжато, то староста долженъ тотать челяди нашей цевольной мѣсячину на весь годъ, а по-

томъ съ жита и яроваго всякаго хлѣба беремъ на себя двѣ части, а на старосту идетъ третья часть; двѣ части, которыя беремъ на себя, должны быть поставлены въ нашихъ гумнахъ, и безъ нашего вѣдома не могутъ быть тропуты; озера всѣ въ повѣтѣ Гродненскомъ и ѣзы по рѣкамъ принадлежатъ намъ; тиупъ Гродненскій по всей волости долженъ собирать на насъ ленъ по старинѣ.» О хозяйствѣ въ земляхъ королевскихъ и доходахъ съ нихъ можемъ имѣть понятіе изъ уставной грамоты державцамъ и урядникамъ королевскихъ волостей, приписныхъ къ Виленскому и Троцкому замкамъ, 1529 года; немедленно послѣ жатвы изъ полученнаго жита прежде всего должно заплатить церковныя десятины, тамъ, гдѣ онѣ постановлены; потомъ должно отложить на сторону то жито, которое должно пойти на посѣвъ будущаго года; далѣе должно быть отложено количество хлѣба для раздачи иѣсячины челяди невольной; потомъ, изъ того, что останется — двѣ части на короля, а третью на державца; изъ яроваго хлѣба державцы берутъ себѣ четвертую часть, отложивши три — королю, на посѣвъ и на раздачу; жито, оставшееся на гумнахъ дворовъ королевскихъ, весною должно продаваться; въ небытность короля огородными овощами пользуются державцы, когда же самъ король пріѣдетъ, то овощи идутъ на его кухню; льну должно сѣять такое количество, чтобъ каждая женщина, получая иѣсячину, давала ежегодно поставъ полотна, въ 50 локтей и проч.; челяди невольной противопоставляются подданные, люди тѣлые, которые обязаны лѣтомъ работать съ весны, когда начинаютъ пахать подъ яровое до дня св. Симона Іуды; а отъ этого срока на зялу державцы, оставивши часть работниковъ для дворовыхъ надобностей, остальныхъ сажаютъ на оброкъ, который состоитъ или въ бочкѣ пшеницы, или въ вепрѣ; бояре путные и осочники, которые издавна обязаны ходить на войну и косить сѣно, также рыболовы, бортники, кузнецы и другіе подданные дворовъ королевскихъ, которые тяглою службы не служатъ, обязаны отправлять полевыя работы двѣнадцать дней въ лѣто. Пустыя земли державцы обя-

заны отдавать въ наймы за деньги или за меду; рыба, ловимая въ озерахъ, продается: двѣ трети вырученныхъ за нее денегъ идетъ въ казну королевскую, треть державцу; произведенія лѣсовъ — смола, зола и проч. сполна принадлежить казнѣ королевской; мыты рѣчные, перевозки, капщизны, мельницы, куничное, пошлины съ варки пива и меду идутъ на короля, торговое и поборное, мясное и другія—на державца; державца обязанъ заботиться о стадахъ, и платить, если по его недосмотру случится ущербъ; обязанъ выбирать добрыхъ и вѣрныхъ урядниковъ дворныхъ — заказниковъ, старцевъ, тиуновъ, приставовъ, сорочниковъ, гуменниковъ. — Жители Жмудской земли по уставной грамотѣ 1529 года обязаны были платить ежегодно куницы, за каждую куницу по 12 грошей, а державцамъ и тиунамъ, которые будутъ собирать куничныя деньги, обязаны давать по три пенязя; кромѣ того обязаны платить въ казну ежегодно отъ каждой сохи воловой по полукопью (30 грошей), а отъ конской сохи по 15 грошей; а у кого не будетъ сохъ, ни воловыхъ, ни конскихъ, а только земли, тѣ обязаны давать по 10 грошей съ каждой службы; потомъ должны давать — за бочку овса шесть грошей, за возъ сѣна два гроша; въ королевскій проѣздъ обязаны поставлять для короля живность, овесъ, сѣно, медъ, пиво ^{***}.

Изъ обычаевъ Московскаго двора время великаго князя Василія мы имѣемъ описаніе посольскаго приѣма и торжественнаго обѣда во дворцѣ. Въ день представленія значительныхъ пословъ запирались всѣ лавки и мастерскія, жители толпились на дорогѣ, по которой проѣзжали послы; толпы увеличивались еще дворовыми людьми боярскими и ратными людьми, которыхъ собирали къ этому случаю изъ окрестныхъ волостей: это дѣлалось для того, чтобъ дать посламъ высокое понятіе о многочисленности народонаселенія, о могуществѣ великаго князя. Послы должны были сходить съ лошадей въ нѣкоторомъ разстояніи отъ лѣстницы, ибо сходить съ коня у самой лѣстницы могъ одинъ только великій князь. Начиная съ середины лѣстницы выходили на встрѣчу къ посламъ вельможи, все бо-

лѣе и болѣе значительные, которые подавали руки и цѣловались съ послами. При входѣ пословъ въ палату, гдѣ сидѣлъ великій князь съ знатнѣйшими боярами, послѣдніе вставали (если присутствовали братья великокняжескіе, то они не вставали, но сидѣли съ непокрытыми головами, а бояре въ шапкахъ), и одинъ изъ бояръ докладывалъ великому князю о полахъ, говоря: «Такой-то и такой-то (имена пословъ) челомъ бьетъ». Великій князь сидѣлъ на возвышенномъ мѣстѣ съ открытою головою; на стѣнѣ висѣлъ образъ въ богатой ризѣ, съ правой стороны на скамьѣ лежала шапка, съ лѣвой посохъ, украшенный крестомъ. Толмачъ переводилъ посольскія рѣчи; при имени государей, отъ которыхъ правилось посольство, великій князь вставалъ, и по окончаніи рѣчей спрашивалъ о здоровьѣ ихъ, послѣ чего послы подходили къ рукѣ; великій князь спрашивалъ ихъ — хорошо ли доѣхали? и приказывалъ имъ садиться, для чего приготавлилась скамья противъ великаго князя: послы, поклонившись великому князю и потомъ на всѣ стороны (ибо бояре все это время стояли), сѣлись. Если послы и члены ихъ свиты привозили подарки (поминки), то послѣ описанныхъ обрядовъ, бояринъ, представлявшій пословъ, вставалъ и, обратясь къ великому князю, громкимъ голосомъ, говорилъ, что такой-то посолъ челомъ бьетъ такимъ-то поминкомъ, а между тѣмъ дьякъ записывалъ подарки и имена дарителей. Посидѣвши немного, великій князь обращался къ посламъ съ приглашеніемъ къ обѣду, и этимъ обрядъ представленія оканчивался. При входѣ въ обѣденную палату, послы заставали великаго князя и бояръ уже сѣдащими за столомъ; при входѣ пословъ бояре вставали; послы кланялись на всѣ стороны и занимали назначенное для нихъ мѣсто, на которое самъ великій князь указывалъ имъ рукою. Столы были накрыты кругомъ, въ серединѣ находился поставецъ, наполненный золотыми и серебрянными покатами. На столѣ, за которымъ сидѣлъ великій князь, по обѣ стороны столько было оставляемо пустаго мѣста, сколько могъ занять великій князь распростертыми руками; если братья великокняжескіе

присутствовали за обѣдомъ, то старшій садился по правую, младшій по лѣвую сторону; ниже удѣльныхъ князей сидѣли князья служилые и бояре; но между удѣльными князьями и служилыми оставлялось также пустое мѣсто еще нѣсколько шире, чѣмъ между великими княземъ и его братьями; противъ великаго князя, на особомъ столѣ, садились послы; ниже, опять чрезъ известной величины промежутокъ, помѣщалась ихъ свита; далѣе сидѣли тѣ чинovníки, которые вѣдали за послани на подворье, наконецъ люди незнатные, приглашенные по особенной милости великаго князя. По столамъ были разставлены уксусницы, перечницы, солонни. При началѣ обѣда великшй князь изъ своихъ рукъ посылалъ посламъ хлѣбъ, при чемъ и послы и всѣ присутствующе вставали, кромѣ братьевъ великокняжескихъ; послы кланялись великому князю, и на всѣ стороны. Высшая почестъ состояла въ томъ, если великшй князь кому-нибудь изъ присутствующихъ пошлетъ соли, ибо посылка хлѣба означаетъ только благосклонность, посылка же соли — любовь. Въ знакъ благосклонности, кромѣ хлѣба, великшй князь посылалъ отъ себя и другшя кушанья, при чемъ нужно было каждый разъ вставать и кланяться на всѣ стороны: это брало много времени и утомляло непривыкшихъ къ такому обычаю пословъ. Изъ кушаньевъ упоминаются жаркше лебеди, которыхъ ѣли съ уксусомъ, перцемъ, солью, сметаной, солеными огурцами; изъ напитковъ — мальвазія, греческое вино и разные меды: сосуды, какъ большше, такъ и малые, были изъ чистаго золота. Великшй князь очень ласково разговаривалъ за обѣдомъ съ послани, потчивалъ ихъ, предлагалъ разные вопросы. Иногда для показанія особенной дружбы къ государю, отъ котораго были послы, великшй князь, послѣ стола, пилъ за его здоровье. Обѣдъ продолжался три и четыре часа; послѣ обѣда великшй князь не занимался уже никакими важными дѣлами.

15 Августа, въ день Успенія, Герберштейнъ видѣлъ великаго князя въ соборной церкви: онъ стоялъ у стѣны подлѣ

двери на правой сторонѣ, опираясь на посохъ, въ правой рукѣ держалъ шапку ³³³.

Дошло до насъ описаніе свадьбы великаго князя Васидіа. Въ средней палатѣ наряжены были два мѣста, покрытыя бархатомъ и камками, положены были на нихъ изголовья шитыя; на изголовьяхъ по сороку соболей, а третьимъ сорокомъ опаживали жениха и невѣсту; подлѣ поставленъ былъ столъ, накрытый скатертью, на немъ были калачи и соль. Невѣста шла изъ своихъ хоромъ въ среднюю палату съ женою тысяцкаго ³³⁴, двумя свахами и боярынями, передъ княжною шли бояре, за боярами несли двѣ свѣчи и коровай, на которомъ лежали деньги. Пришедши въ среднюю палату, княжну Елену посадили на мѣсто, а на мѣсто великаго князя посадили ея младшую сестру; провожатые всѣ сѣли также по своимъ мѣстамъ. Тогда послали сказать жениху, что все готово; прежде его явился братъ его, князь Юрій Ивановичъ, чтобъ разсказать боярѣ и дѣтей боярскихъ; распорядившись этимъ, Юрій послалъ сказать жениху: «Время тебѣ государю идти къ своему дѣлу». Великій князь, вошедши въ палату съ тысяцкимъ и со всѣмъ поѣздомъ, поклонился Святимъ, свелъ съ своего мѣста невѣстину сестру, сѣлъ на него, и посидѣвши немного, велѣлъ священнику говорить молитву, при чемъ жена тысяцкаго стала жениху и невѣстѣ чесать голову; въ то же время богоявленскими свѣчами зажгли свѣчи женихову и невѣстину, положили на нихъ обручи и обогнули соболями. Причесавши головы жениху и невѣстѣ, надѣвши невѣстѣ на голову кичу и навѣсивши покровъ, жена тысяцкаго начала осыпать жениха и невѣсту хлѣбемъ, а потомъ соболями опаживать; великаго князя дружка, благословясь, рѣзалъ перепечу и сыры, ставилъ на блюдахъ передъ женихомъ и невѣстою, передъ гостями и посылалъ въ разсылку, а невѣстинъ дружка раздавалъ ширинки. Послѣ этого, посидѣвши немного, женихъ и невѣста отправились въ соборную Успенскую церковь вѣнчаться, свѣчи и караван несли передъ санями. Когда митрополитъ, совершавшій вѣнчаніе, подалъ жениху и невѣстѣ

вино, то великій князь, допивши вино, ударилъ сткляницу о землю, и растопталъ ногою; стекла подобрали и кинули въ рѣку, какъ прежде велось. Послѣ вѣнчанія молодые сѣли у стола, гдѣ принимали поздравленія отъ митрополита, братьевъ, бояръ и дѣтей боярскихъ, а пѣвчіе дьяки на обоихъ клиросахъ пѣли новобрачнымъ многолѣтіе. Возвратившись изъ Успенскаго собора, великій князь ѣздилъ по монастырямъ и церквамъ, послѣ чего сѣлъ за столъ; передъ новобрачными поставили печеную курицу, которую дружка отнесъ къ постелѣ. Во время стола споры о мѣстахъ между присутствовавшими были запрещены. Когда новобрачные пришли въ спальню, жена тысяцкаго, надѣвъ на себя двѣ шубы, одну какъ должно, а другую на выворотъ, осыпала великаго князя и княгиню хмѣлемъ, а свахи и дружки кормили ихъ курицею. Постель была постлана на тридевяти ржаныхъ снопахъ, подлѣ нея въ головахъ въ кадкѣ съ пшеницею стояли свѣчи и корован; въ продолженіе стола и во всю ночь конюшій съ саблею на голоѣ ѣздилъ кругомъ подклѣта; на другой день, послѣ бани, новобрачныхъ кормили у постели кашею.

Съ такими же обрядами была совершена и свадьба младшаго брата великокняжескаго, князя Андрея Ивановича, женившася на дочери князя Андрея Хованскаго; разница была въ томъ, что здѣсь великій князь, какъ старшій братъ, заступалъ мѣсто отца и все дѣлалось съ его благословенія. Князь Андрей былъ челомъ великому князю о позволеніи жениться; Василій, давши позволеніе, за недѣлю до свадьбы пошелъ къ обѣднѣ въ Успенскій соборъ, а оттуда отправился къ митрополиту, и, объявивъ ему о намѣреніи брата, просилъ благословенія. Къ князю Юрію послалъ сказать: «хотимъ Андрея брата женить, и тыбъ, братъ нашъ, поѣхалъ ко мнѣ и къ Андрею брату на свадьбу». Передавая брату молодую жену, великій князь говорилъ ему: «Андрей братъ! Божиимъ велѣніемъ и нашимъ жалованьемъ, велѣлъ Богъ тебѣ жениться, взять княжну Евфросинью; и ты, братецъ Андрей! свою жену, княгиню Евфросинью держи такъ, какъ Богъ устроилъ²⁹⁵».

Мы видѣли, какъ при новомъ порядкѣ вещей, при утверженіи единовластія, затруднительна стала выдача за мужъ дочерей великокняжескихъ; на рукахъ Василя послѣ отцовой смерти осталась незамужняя сестра Евдокія; скоро, въ 1506 году, представился случай выдать ее за мужъ не за боярина: плѣнный Казанскій царевичъ Кудайкулъ, сынъ Ибрагимовъ, братъ Алегамовъ изъявилъ желаніе принять христіанство, былъ окрещенъ торжественно въ Москвѣ рѣкѣ, названъ Петрошъ, а чрезъ мѣсяць-былъ обвинчанъ на Евдокію; мы видѣли, что дочь его отъ этого брака, племянница великаго князя, была выдана за выѣзжаго князя Мстиславскаго. Петръ далъ клятву въ вѣрной службѣ великому князю и дѣтямъ его, и, какъ царедвиць, занималъ постоянно важное мѣсто, напередѣ всѣхъ князей и бояръ ²⁹⁶.

Что касается состава двора великокняжескаго Московскаго при Василя, то мы встрѣчаемъ по прежнему бояръ и боярь-окольнічьиъ, изъ чего ясно, что послѣднее слово было въ началѣ прилагательное къ существительному бояринъ ²⁹⁷; встрѣчаемъ и другую форму; бояринъ и окольнічій такой-то; въ описаніи переговоровъ съ императорскими посланнми находимъ любопытное замѣненіе слова бояре словомъ совѣтники, послѣ которыхъ непосредственно слѣдуетъ окольнічіе: «которые будутъ съ вами рѣчи явныя отъ Максимилиана, и вы тѣ рѣчи говорили на посольствѣ самому государю; а которыя съ вами рѣчи тайныя, и государь нашъ вышлетъ къ вамъ совѣтниковъ своихъ и окольнічьиъ, и вы тайныя рѣчи скажите совѣтникамъ и окольнічимъ гусударскимъ ²⁹⁸». Герберштейнъ такъ говоритъ о значеніи окольнічаго: «Окольнікъ занимаетъ должность претора или судьи, отъ великаго князя назначеннаго, иначе это верховный совѣтникъ (*supremus consiliarius*), который всегда находится подлѣ великаго князя». — Мы не должны признать этого свидѣтельства вполне справедливымъ, ибо, на основаніи Русскихъ извѣстій, не можемъ видѣть въ окольнічемъ верховнаго совѣтника; но мы можемъ догадаться, по-

чему Герберштейнъ приписываетъ ему такое значеніе, если это былъ дѣйствительно человѣкъ, постоянно находившійся при великомъ князѣ, непосредственный исполнитель его приказаній, если великій князь являлся не иначе, какъ въ сопровожденіи окольничаго или окольничихъ, если во время похода, поѣздовъ великаго князя, окольничіе ѣхали впередъ по станамъ, всѣмъ распоряжались. Переводя на нашъ языкъ, мы не можемъ назвать окольничихъ иначе, какъ свитою великаго князя. Предъ смертію своею Василій въ такой формѣ обращается ко двору своему: «Вы, бояре и боярскіе дѣти и княжата! какъ служили намъ, такъ теперь и впередъ служили бы сыну моему». При дворѣ Василя встрѣчаемъ оружничаго, ловчаго, крайчаго, стряпчихъ, рындъ, подрындъ, ясельничаго. Изъ лицъ правительственныхъ встрѣчаемъ городничихъ, которыхъ въ Москвѣ было нѣсколько: на ихъ отвѣтственности, какъ мы видѣли, было построеніе моста черезъ Москву рѣку для проѣзда больного великаго князя. Видимъ, что бояре выѣзжали въ походъ съ своимъ дворомъ, своими дворянами ³⁹⁹. Встрѣчаемъ въ разрядныхъ книгахъ мѣстническіе случаи, къ сожалѣнію, безъ подробностей, безъ означенія причинъ, почему извѣстныя лица не хотѣли быть вмѣстѣ съ другими, наприм. въ 1519 году былъ судъ окольничему Андрею Никитичу Бутурлину съ Андреемъ Микулинымъ, сыномъ Ярова, на Волокъ Ламскомъ; по суду князь великій окольничаго Бутурлина оправилъ, Андрея Ярова обвинилъ и правую грамоту на него пожаловалъ далъ; или: писалъ князь Михайлъ Васильевичъ Горбатый, что быть ему непригоже для князя Федора Оболенскаго-Лопаты, да для боярина Ивана Бутурлина, и князю Михайлу писано, чтобъ былъ на службѣ и служба эта ему безъ мѣсть; такой же отвѣтъ получилъ князь Михайла Курбскій, писавшій противъ тѣхъже самыхъ лицъ, и Андрей Бутурлинъ, писавшій противъ Курбскаго ⁴⁰⁰.

По однимъ иностраннымъ свидѣтельствамъ, число Московскаго войска при Василии простиралось до 400,000 человѣкъ,

преимущественно конницы, по другимъ превышало 120,000. Каждый два или три года служилые люди, дѣти боярскіе подвергались пересмотру по областямъ, дабы правительство могло знать ихъ число и сколько каждый изъ нихъ могъ выставить служителей и лошадей; лошади у нихъ мелкія, мерины: немногіе имѣютъ шпоры, большая часть употребляетъ нагайки. Обыкновенное оружіе состоитъ изъ луковъ, стрѣлъ, сѣкиръ и кистеней; мечи имѣютъ только знатные и богатые; употребляютъ также длинные кинжалы, на подобіе ножей; хотя въ одно и тоже время держать въ рукахъ поводъ, лукъ, мечъ, стрѣлы и нагайку, однако ловко управляютъ со всѣми этими вещами; употребляли также и копья. Знатнѣйшіе имѣютъ кольчуги, латы, нагрудники и шлемы. Пѣхоту и артиллерію никогда не употребляютъ въ битвахъ, потому что всѣ движенія войска совершаются необыкновенно быстро. Великій князь Василій въ первый разъ вывелъ въ поле пѣхоту и артиллерію, когда послѣ нашествія Магмедъ-Гиреева выступилъ въ походъ для воспрепятствованія Татарамъ вторично переправиться за Оку; прежде у него было 1500 человекъ пѣхоты, набранной изъ Литвы и другихъ пришлецевъ. Состоя преимущественно изъ конницы, Московское войско должно было носить характеръ восточныхъ конныхъ ополченій: смѣло нападало, но не долго выдерживало; по словамъ Герберштейна, оно какъ будто говорило врагамъ: «бѣгите, или мы побѣдимъ». Города рѣдко брали приступами или дѣйствіями осадныхъ орудій; обыкновенно принуждали къ сдачѣ долгими осадами. По словамъ Герберштейна, Татаринъ, свергнутый съ коня, лишенный оружія, тяжело раненный, все еще обороняется до послѣдняго издыханія руками, ногами, зубами, чѣмъ только можетъ; Турокъ видя себя въ безнадежномъ положеніи, начинаетъ смиренно умолять врага о помилованіи; Московскій ратникъ не обороняется и не проситъ помилованія. — Для лагерей выбирали обширное мѣсто, гдѣ знатнѣйшіе раскидывали палатки, другіе же строили себѣ шалаши изъ прутьевъ и крыли ихъ войлоками; лагеря не укрѣплялись ни рвами, ни чѣмъ другимъ, развѣ сама мѣстность за-

пищала ихъ лѣсомъ, рѣкою, болотомъ. Герберштейнъ съ удивленіемъ говоритъ о томъ, какъ мало нужно Московскому ратнику въ походѣ. Кто имѣетъ шесть или болѣе лошадей, на одной утѣщаетъ всѣ жизненные припасы, которые состоятъ въ небольшомъ количествѣ толокна, ветчины и соли, у богатыхъ къ этому присоединяется еще перецъ; этою пищею довольствуется и господинъ и слуги, послѣдніе иногда по два или по три дня остаются безъ пищи. Понятно, что это относилось къ тѣмъ случаямъ, когда негдѣ и нечего было взять. — Вступая въ битву, говоритъ Герберштейнъ, Московскіе полки болѣе надѣются на многочисленность, чѣмъ на искусство; особенно стараются окружать непріятеля, заходить ему въ тылъ. Въ полкахъ много было музыкантовъ; когда всѣ они начинали дуть въ трубы по старому отцовскому обычаю, то слышался странный концертъ; употребляли еще другой инструментъ — сурны. На знамени великокняжескомъ изображался Исусъ Навинъ, останавливающий солнце.

Изъ Русскихъ извѣстій о войскѣ замѣчательнъ разсказъ Псковскаго лѣтописца объ участіи его земляковъ во второмъ Смоленскомъ походѣ: пріѣхалъ великій князь подъ Смоленскъ со всѣми своими силами, а съ городовъ были пищальники, и на Псковичей накинута 1000 пищальниковъ; а Псковичамъ этотъ рубежъ (наборъ, отъ рубить — набирать войско) необыченъ и было имъ очень тяжело. Пріѣхали пищальники Псковскіе подъ Смоленскъ, да и земцы (землевладѣльцы) Псковскіе, которые еще не были сведены тогда съ своихъ отчинъ: великій князь воеводами къ Псковскимъ пищальникамъ и земцамъ приставилъ прежнихъ посадниковъ Псковскихъ, выведенныхъ изъ Пскова. Пищальники Псковскіе и другихъ городовъ пошли на приступъ, а посоха понесли приметь. — Изъ этого разсказа видимъ, что городское населеніе продолжало участвовать въ походахъ, поставляя пищальниковъ; сельское населеніе участвовало, поставляя посошныхъ или посоху, и видимъ значеніе этихъ посошныхъ, видимъ, что они употреблялись для работъ: когда пищальники и земцы пошли на при-

ступъ, посошные понесли приметь; наконецъ видимъ, что, спустя довольно долгое время послѣ покоренія Пскова, послѣдовалъ выводъ тамошнихъ земцевъ съ ихъ отчинъ, которыя, безъ сомнѣнія, отданы были въ помѣстья Московскимъ служилымъ людямъ.

Какъ изъ иностранныхъ, такъ и изъ своихъ свидѣтельствъ видимъ, что нарядъ (артиллерія) находился въ вѣдѣніи иностранцевъ: въ Казанскомъ походѣ упоминаются трое иностранныхъ пушкарей: одинъ изъ нихъ, Италианецъ Бартоломей принялъ православіе и пользовался особеннымъ расположеніемъ великаго князя. При нападеніи Магмедъ-Гирея въ Москвѣ упоминается Нѣмецкій пушкарь Никласъ, въ Рязани Иорданъ; неизвѣстно, какого происхожденія былъ пушкарь Стефанъ, дѣйствовавшій при осадѣ Смоленска.

При Василии въ первый разъ встрѣчаемъ извѣстіе о Приказахъ; именно въ грамотѣ Успенскому Владимирскому монастырю 1512 года. По прежнему видимъ раздачу волостей и городовъ въ кормленіе, съ правомъ вѣдать и судить жителей; кормленіе давалось съ правдою и безъ правды ⁴⁰¹. Видимъ жалованье селъ и деревень въ помѣстья съ правомъ суда, кромѣ душегубства и разбоя съ поличнымъ; въ случаѣ суда смѣжнаго, великокняжескіе намѣстники и тіуны судятъ виѣсть съ помѣщикомъ или его приказчикомъ; въ случаѣ иска на самомъ помѣщикѣ или его приказикѣ, судить ихъ самъ великій князь или бояринъ введенный. Видимъ пожалованіе селъ и деревень въ прокъ, въ вотчину, и дѣтямъ, съ правомъ дарить, продать, пережѣнять, въ закупъ и по душѣ отдать. Встрѣчаемъ пожалованіе дикими лѣсами, съ правомъ ставить въ нихъ себѣ дворы и перезывать поселниковъ, которые освобождаются на 15 лѣтъ отъ пошлей. Дошла до насъ грамота брата великокняжескаго, Юрія Ивановича Дмитровскаго, содержащая позволеніе дворецкому его Вельяминоу купить деревни съ правомъ продавать, дарить и мѣнять; необходимость такого позволенія объясняется отношеніями дворецкихъ, ключниковъ къ князьямъ; вспомнимъ прежнія распоряженія о

деревняхъ, купленныхъ ключниками за ключемъ княжескимъ. Въ 1524 году Наумъ Кобель съ товарищами били челомъ, что нашли они въ Двинскомъ уѣздѣ ключи соляные, на лѣсу черномъ, дворовъ и пашней на тѣхъ мѣстахъ не бывало никогда, отъ волости они за двадцать верстъ со всѣхъ сторонъ и никакихъ волостей угодыя не пришли къ тѣмъ мѣстамъ; великій князь далъ имъ право — чистить соляные ключи, лѣсъ рубить, дворы ставить, пашни пахать, пожни чистить и людей къ себѣ звать не тяглыхъ и не письменныхъ (не переписанныхъ), добрыхъ, а не ябедниковъ, не воровъ, не разбойниковъ, которые изъ городовъ и изъ волостей выбиты ⁴⁰². Иностранцы, вступавшіе въ службу великаго князя, получали также помѣстья⁴⁰³.

Относительно состоянія служилого сословія въ западной Руси, любопытна жалованная грамота великаго князя Василія жителя Смоленска, данная въ 1514 году, когда еще все оставалось здѣсь по прежнему, какъ было при Литовскомъ владѣнствѣ; о сохраненіи этой старины, сказано въ грамотѣ, били челомъ — владыка, Смоленской земли урядники, окольнічіе, князья, бояре, мѣщане и черные люди. Здѣсь окольнічій является урядникомъ, правительственнымъ лицомъ, занимающимъ второе мѣсто послѣ намѣстника: «Наши намѣстники и окольнічіе и ихъ люди, куда имъ случится ѣхать на свое дѣло, или куда имъ случится послать: и имъ у мѣщанъ и учерныхъ людей подводъ не брать. Отъ ябедниковъ нашему намѣстнику и нашимъ окольнічимъ боярѣ, мѣщанъ и черныхъ людей беречь. А кто человека держитъ въ деньгахъ, и онъ того своего человека судить самъ, а окольнічіе въ то у него не вступаются.» Мы видѣли, что при дворѣ великаго князя Литовскаго слово бояре потеряло свое важное значеніе и замѣнилось словомъ паны, паны радные; отсюда бояре старыхъ Русскихъ княжествъ, подчинившихся Литовскимъ князьямъ, удержавши это названіе и оставшись въ прежнихъ областяхъ, въ своихъ отчинахъ, нисходили на степень областныхъ служилыхъ людей, тогда какъ слово окольнічій удер-

жалось въ значеніи правительственной должности, уряда; отсюда понятно, почему окольные, какъ урядники, занимаютъ мѣсто выше бояръ⁴⁰⁴. Если таково было положеніе бояръ въ княжествахъ Смоленскомъ, Полоцкомъ, то понятно, до какой степени должны были низойти бояре мелкихъ волостей, дружины мелкихъ князей, которые сами низошли на очень низкую степень, и мы не должны удивляться, если подъ именемъ бояръ, бояръ путныхъ встрѣтимъ службу при королевскихъ замкахъ, въ имѣніяхъ княжескихъ, панскихъ и шляхетскихъ.

Въ Статутѣ своемъ король Сигизмундъ, на основаніи земскихъ привилегій предшественниковъ, Казимира и Александра, далъ обѣщаніе оберегать великое княжество Литовское и пановъ радъ отъ всякаго пониженія; владѣній великаго княжества не только не уменьшать, но и возвратить ему то, что несправедливо отнято; земель и должностей не раздавать чужеземцамъ; по заочному обвиненію должностей не отнимать; старыхъ правъ шляхты и мѣщанъ не нарушать. Княжата, паны, шляхта и бояре могутъ выѣзжать изъ великаго княжества на службу въ другія государства кромѣ непріязненныхъ, съ тѣмъ однако, чтобъ отъ этого отъѣзда не терпѣла служба королевская. По смерти отцовъ, сыновья и дочери имуществъ отцовскихъ и дѣдовскихъ не лишаются. Простыхъ людей надъ шляхтою король обѣщалъ не повышать. За побои, нанесенные шляхтичами шляхтичу, виновный платитъ двѣнадцать рублей грошей; если же виновный будетъ низшаго сословія, то наказывается отсѣченіемъ руки.

О военной службѣ въ Литовской Руси можемъ имѣть понятіе изъ постановленій Виленскаго сейма въ 1507 году: паны, княжата, земане, вдовы и вся шляхта должны въ имѣніяхъ своихъ переписать всѣхъ своихъ людей и списки эти отдать подъ присягою королю, чтобъ онъ зналъ, кто какъ будетъ съ своего имѣнія служить. Кто не выѣдетъ на войну въ положенный срокъ и въ назначенное мѣсто, тотъ обязанъ заплатить за вину королю сто рублей грошей; если же кто, надѣясь на свое богатство, и послѣ сроку не пріѣдетъ и не представитъ

важной причины своему отсутствію, тотъ лишается жизни. Вдова платитъ также сто рублей пени, если опоздаетъ прислать на войну слугъ своихъ; если же и послѣ сроку не придетъ по нерадѣнію, то выгоняется изъ имѣнія своего, которое переходитъ къ ея дѣтямъ или родственникамъ, если дѣтей не будетъ. Кто уйдетъ съ войны безъ вѣдома королевскаго или гетманскаго, тотъ казнится смертію. Принимая во вниманіе прежнее нерадѣніе, вошедшее въ обычай, что къ назначенному сроку половина земли придетъ, а другая не придетъ, и всѣхъ не пришедшихъ казнить смертію было бы очень жестоко, казнить же двухъ, трехъ, а другихъ помиловать было бы крайне несправедливо, — принимая это во вниманіе, сеймъ постановилъ: кто не придетъ въ назначенный срокъ, платитъ сто рублей; кто не придетъ черезъ недѣлю послѣ срока, казнится смертію. Въ 1507 году издана была окружная королевская грамота о власти и правахъ гетмана во время похода: гетманъ имѣлъ право казнить ратниковъ смертію за грабежъ, нанесеніе раны, утайку найденной вещи цѣною выше полукопья, посѣченіе дерева съ пчелами, за побѣгъ. На Виленскомъ сеймѣ 1528 года положено было, что каждый владѣлецъ населеннаго имѣнія обязанъ ставить съ осьми человекъ (съ каждыхъ осьми службъ людей) одного ратника на добромъ конѣ и въ полномъ вооруженіи. Въ слѣдующемъ году на Виленскомъ же сеймѣ изданъ былъ подробнѣйшій уставъ: кто имѣетъ семьсотъ службъ, тотъ обязанъ выставять сто ратниковъ (пахолковъ) добрыхъ, конно и збройно; у кого четыреста службъ тотъ выставяетъ 50 пахолковъ; у кого только восемь службъ, тотъ обязанъ самъ ѣхать на службу; у кого меньше 8 службъ, тотъ обязанъ самъ ѣхать, только не на такомъ конѣ и не въ такомъ вооруженіи, какихъ требуетъ уставъ, а смотря по средствамъ своимъ. Слуги путные, данники, службы подляшскія волочныя, сообща съ людьми тяглыми, обязаны также земскою службою. Освобождаются отъ нея мѣста княжескія, панскія и шляхетскія, бояре ихъ, шляхта и слуги дворные, также огородники ихъ. Убогіе шляхтичи,

не имѣющіе ни одного своего челоуѣка, обязаны ѣхать сами на службу, смотря по средствамъ своимъ ⁴⁰⁵. Статутъ 1529 года говоритъ, чтобъ всѣ подданные собирались подъ хоругвию повѣтовую, въ томъ повѣтѣ, гдѣ имѣютъ жительство; кто же служить какому нибудь пану, тотъ обязанъ этому пану выставить вмѣсто себя кого нибудь другаго, необязаннаго военною службою, а самъ долженъ явиться подъ хоругвь повѣтовую, въ противномъ случаѣ лишается имѣнія своего. Лице духовное, держащее закупное имѣніе, обязано само явиться на службу господарскую и земскую, если же будетъ владѣть имѣніемъ дѣдичнымъ, то обязано выставлять съ него людей на службу. Только доказанное болѣзненное состояніе освобождаетъ отъ службы; но отецъ можетъ вмѣсто себя выставить сына, не моложе осьмнадцати лѣтъ и не отдѣленнаго, если только гетманъ признаетъ молодаго челоуѣка годнымъ на военную службу.

Извѣстія о козакахъ становятся все чаще и чаще въ обихъ половинахъ Руси. Мы видѣли, что однимъ изъ господствующихъ явленій древней Русской жизни была колонизація, постепенное населеніе пустынныхъ пространствъ восточной Европы и потомъ сѣверной Азіи. Какъ обыкновенно бываетъ въ странахъ колонизирующихся, усѣвшаяся часть народонаселенія, предавшаяся постоянному труду земледѣльческому, выдѣляетъ изъ себя людей, которыхъ характеръ и разныя другія обстоятельства, находящіяся въ большей или меньшей связи съ ихъ характеромъ, заставляютъ выходить изъ общества, и стремиться въ новыя, незанятыя страны. Понятно, что эти люди, предпочитающіе новое старому, неизвѣстное извѣстному, составляютъ самую отважную, самую воинственную часть народонаселенія; въ исторіи колонизаціи они имѣютъ важное значеніе, какъ проводники колонизаціи, пролагатели путей къ новымъ селищамъ. Отвага, нужная челоуѣку, рѣшившемуся или принужденному оставить родину, идти въ степь, въ невѣдомую страну, эта отвага поддерживается въ немъ жизнію въ степи, гдѣ онъ предоставляетъ однимъ собственнымъ силамъ,

долженъ постоянно стоять на сторожѣ противъ степныхъ хищниковъ. Отсюда эти люди должны соединяться въ братства, общины, для которыхъ война служить главнымъ занятіемъ. Такъ границы государства населялись козаками. Происхожденіе послѣднихъ всего лучше объясняется намъ тѣми памятниками, въ которыхъ говорится о заселеніи пустынныхъ пространствъ, льготными грамотами, которыя правительство давало населителямъ, напримѣръ, приведенная выше грамота Науму Кобелю съ товарищами: «Имѣеть Наумъ право людей къ себѣ звать на тѣ мѣста, нетяглыхъ и не письменныхъ, добрыхъ и не ябедниковъ, не воровъ и не разбойниковъ, которые изъ городовъ и волостей выбиты». Во-первыхъ мы видимъ, что заселителямъ земель можно было всегда найти такихъ людей, нетяглыхъ и не письменныхъ, людей, не имѣющихъ собственной земли, собственнаго хозяйства и долженствующихъ потому кормиться работою на чужихъ земляхъ, при чужихъ хозяйствахъ, при чужихъ промыслахъ; а такіе-то бездомовные люди именно назывались у насъ козаками. Но понятно, что между этими людьми находилось много и такихъ, которые не хотѣли жить на чужихъ земляхъ, въ зависимости отъ чужихъ людей, и предпочитали вести воинственную, опасную, но болѣе привольную, разгульную жизнь въ степи, на границахъ и далѣе за границами государства; а куда должны были дѣваться люди, выбитые изъ городовъ и волостей, которыхъ жители земель не имѣли права принимать къ себѣ? Существованіе козаковъ, какъ пограничнаго воинственнаго народонаселенія, было естественно и необходимо по географическому положенію древней Руси, по открытости границъ со всѣхъ сторонъ; на всѣхъ границахъ должныствовали быть и дѣйствительно были козаки, но преимущественно были они необходимы и многочисленны на степныхъ границахъ, подвергавшихся постояннымъ и безпощаднымъ нападеніямъ кочевыхъ хищниковъ, гдѣ слѣдовательно никто не смѣлъ селиться, не имѣя характера воина, готоваго всегда отражать нападеніе, сторожить врага. Границы занесли козаками, кото-

рые находились въ большей или меньшей зависимости отъ государства, болѣе или менѣе подчинялись его распоряженіямъ, смотря по тому, жили ли они на самыхъ границахъ, такъ сказать, подъ руками правительства, или углублялись все болѣе и болѣе въ степи, удаляясь такимъ образомъ отъ надзора и вліянія государства.

Понятно, почему въ нашихъ лѣтописяхъ прежде всего являются извѣстія о козакахъ Рязанскихъ: юговосточная, Рязанская украинна болѣе другихъ странъ подвергалась нападеніямъ степныхъ ордъ. Въ княженіе Василія Іоанновича Московское государство употребляло этихъ козаковъ съ пользою въ сношеніяхъ съ застепными народами, Крымцами, Турками. Когда правительство хлопотало объ установленіи безопасныхъ сношеній съ Турціею, то спрашивали у Рязанскихъ козаковъ, въ какомъ мѣстѣ лучше сходитья ратнымъ людямъ для передачи пословъ съ рукъ на руки, и козаки, знавшіе хорошо степь, указали это мѣсто. Въ описаніи посольства Морозова въ Константинополь читаемъ: «посланы съ Иваномъ Морозовымъ козаки Рязанцы десять станицъ, и списокъ ему данъ именной, гдѣ кого изъ нихъ оставить: въ Азовѣ четыре станицы, въ Каѣѣ четыре станицы; въ Царь-городъ съ собою взять двѣ станицы; которыхъ козаковъ оставить въ Азовѣ и Каѣѣ, и ему тѣмъ козакамъ приказать: если Крымскій царь захочетъ идти на великато князя украину, то станица ѣхала бы къ великому князю, а другіе оставались бы и ждали новыхъ вѣстей, и какія еще вѣсти будутъ, ѣхали бы къ великому князю по станицамъ же, чтобъ великій князь безъ вѣстей не былъ. — Любопытно, что противъ нашихъ Русскихъ козаковъ мусульманскій міръ отъ противоположной степной окраины выставялъ также своихъ козаковъ; со временъ Іоанна III-го Азовскіе татарскіе козаки упоминаются какъ злые разбойники; Василій Іоанновичъ требовалъ отъ Султана, чтобъ тотъ запретилъ Азовскимъ и Бѣлгородскимъ козакамъ подавать помощь Литвѣ. Когда Русскій посолъ Коробовъ требовалъ, чтобъ ему дали провожатыхъ изъ Азова, то ему отвѣчали, что въ Азовѣ нѣтъ

Азовскихъ козаковъ и дать ему некого ⁴⁰⁶. Извѣстно, что у Татаръ подъ именемъ козаковъ разумѣлся третій самый низшій отдѣлъ войска, состоявшаго изъ удановъ, князей и козаковъ.

На границахъ Литовскихъ въ княженіе Василія упоминаются козаки Смоленскіе: король Сигизмундъ не разъ жаловался великому князю, что они нападали на Литовскія владѣнія ⁴⁰⁷.

Если въ слѣдствіе означенныхъ причинъ явились козаки на границахъ или крайнахъ Московскаго государства, то не могли не явиться они на степной крайнѣ западной Руси, на крайнѣ Днѣпровской, тѣмъ болѣе, что здѣсь еще во время самостоятельнаго существованія Руси видимъ много разноименныхъ народцевъ, полукочевыхъ, полуосѣдлыхъ, съ воинственнымъ характеромъ, признающихъ власть князей Русскихъ, видя въ Торковъ, Берендѣевъ, Коуевъ, Турпѣевъ, которые носили общее названіе Черныхъ Клобуковъ; лѣтописецъ же говоритъ, что это названіе тождественно съ названіемъ Черкасъ ⁴⁰⁸, которымъ Малороссійскіе козаки постоянно называются въ Московскихъ памятникахъ. Но если упомянутые народы дѣйствительно составили зерно Малороссійскаго козачества, то съ другой стороны, въ Литовской Руси не было также недостатка въ причинахъ, по которымъ къ этому зерну присоединились многочисленныя толпы козаковъ чисто Русскаго происхожденія, ибо Днѣпровская крайна, по географическому положенію своему, должна была издавна быть страной военныхъ поселеній. Отъ описываемаго времени дошли до насъ любопытныя извѣстія о козакахъ Малороссійскихъ; ханъ Саипъ-Гирей такъ жаловался на нихъ королю Сигизмунду: «Приходятъ козаки Черкасскіе и Каневскіе, становятся подъ улусами нашими на Днѣпрѣ и вредъ наносятъ нашимъ людямъ; я много разъ посылаю къ вашей милости, чтобъ вы ихъ остановили, но вы ихъ остановить не хотѣли; я шелъ на Московскаго: тридцать человекъ за болѣзнію вернулись отъ моего войска, козаки поранили ихъ и коней побрали. Хорошо ли это: я иду на твоего непріятеля, а твои козаки изъ моего войска коней уводятъ? Я пріязни братской и присяги сломать не хочу, но

на тѣ замки, Черкасы и Каневъ, хочу послать свою рать. А это знакъ ли доброй приязни братской? Черкасскіе и Каневскіе властели пускаютъ козаковъ вмѣстѣ съ козаками непріятеля твоего и моего (великаго князя Московскаго), вмѣстѣ съ козаками Путивльскими по Дѣпру подѣ наши улусы, и что только въ нашемъ панствѣ узнаютъ, даютъ вѣсть въ Москву; въ Черкасахъ старосты ваши Путивльскихъ людей у себя на вѣстяхъ держатъ: такъ на Москву изъ Черкасъ пришла вѣсть за пятнадцать дней передъ нашимъ приходомъ». Малороссійскіе козаки находились подѣ вѣдомствомъ старосты Черкаскаго и Каневскаго, а эту должность въ описываемое время занималъ извѣстный Евстаѣй Дашковичъ ⁴⁰⁹.

Городъ въ Московскихъ областяхъ не измѣнилъ своего значенія и внѣшняго вида въ княженіе Василя: по прежнему онъ оставался мѣстомъ убѣжища для окружнаго народонаселенія въ случаѣ нашествія непріятельскаго; дворы, которые имѣли въ городахъ окрестные землевладѣльцы и монастыри, назывались дворами осадными: такъ отъ описываемаго времени дошла до насъ великокняжеская грамота къ Тверскому городовому прикащику и ключнику объ отводѣ мѣста Юсифову Волоколамскому монастырю подѣ осадный дворъ ⁴¹⁰. Въ 1508 году великій князь велѣлъ мастеру Алевизу Фрязину вокругъ города Москвы обкладывать ровъ камнемъ и кирпичемъ и пруды копать. Иностранцы такъ описываютъ Москву время Василіевыхъ: «Городъ Москва деревянный и довольно обширный, но издали кажется еще обширнѣе, чѣмъ на самомъ дѣлѣ, потому что большіе сады и дворы при каждомъ домѣ увеличиваютъ пространство города; кромѣ того, на концѣ его находятся жилища кузнецовъ и другихъ мастеровъ, для которыхъ необходимъ огонь, и между этими жилищами находятся цѣлыя луга и поля. Великій князь Василій выстроилъ для своихъ тѣлохранителей за рѣкой новый городъ Нали (Nali, Наливки), что по-русски значитъ infunde (наливай), потому что имъ однимъ позволено пить медъ и пиво, когда хотять; по этому они и удалены за рѣку, чтобъ не заражали другихъ своихъ вримѣромъ».

Около города находятся монастыри, изъ которыхъ каждый надалека нажется городомъ. Обширность города не позволитъ опредѣлить между я устроить достаточныя укрѣпленія. Улицы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ загорожены рогатками, при которыхъ находятся сторожа, имѣющіе обязанность наблюдать, чтобъ никто не ходилъ ночью послѣ урочнаго часа; если кого поймутъ въ запрещенное время, то бьютъ, грабятъ или сажаютъ въ тюрьму, исключая людей извѣстныхъ и почетныхъ, которыхъ провожаютъ до дому. Такіе сторожа помѣщаются тамъ, гдѣ лежитъ свободный входъ въ городъ, ибо остальную часть его обтекаеть Москва-рѣка, въ которую подъ самымъ городомъ впадаетъ Яуза, а чрезъ эту рѣку трудно переправляться, по высотѣ береговъ; на Яузѣ построено много мельницъ. Этими-то рѣками ограждается городъ, который кромѣ немногихъ каменныхъ домовъ, церквей и монастырей, весь деревянный. Число церквей въ немъ показываютъ едва вѣроятное, говорятъ, что ихъ болѣе 41,500. Обширный городъ этотъ очень грязенъ, почему на разныхъ, болѣе другихъ посвящаемыхъ мѣстахъ, находятся мосты. Крѣпость, построенная изъ кирпича, съ одной стороны омывается рѣкою Москвою, а съ другой Неглинною. Последняя, подлѣ верхнихъ частей крѣпости, является въ видѣ пруда; вытекая изъ него, наполняетъ крѣпостные рвы, въ которыхъ находятся мельницы. Крѣпость, кромѣ обширныхъ и великолѣпныхъ палатъ великокняжескихъ, заключаетъ въ себѣ домъ митрополитій, дома братьевъ великаго князя, вельможъ и разныхъ другихъ лицъ, все большіе и деревянные; кромѣ того много въ ней церквей. На Литовской границѣ приобрѣтена была крѣпость первой важности по тому времени, Смоленскъ; на этой сторонѣ ограничились ею, да укрѣплениемъ Пскова; въ 1517 году здѣсь пало стѣны 40 сажень; мастеръ Иванъ Фрязинъ надѣлалъ эти 40 сажень, камень возили священники, Псковичи носили песокъ и сѣли рѣшетомъ; не смотря на то постройка обошлась великому князю въ 700 рублей. Болѣе старались укрѣплять города на южной и восточной крайнѣ отъ Крымцевъ и Казанцевъ: въ 1509 году по-

строили въ Тулѣ городъ деревянный, въ 1520 каменный; въ 1525 построенъ въ Коломнѣ городъ каменный; въ Черниговѣ и Коширѣ построены города деревянные въ 1531 году, а на рѣкѣ Осетрѣ каменный; на востокѣ укрѣпленъ каменнымъ городомъ Нижній еще въ 1508 году, строилъ городъ мастеръ Петръ Фразинъ; мы упоминали уже о построеніи новаго деревяннаго города Васильсурска. Въ 1508 году великій князь прислалъ въ Новгородъ боярина, велѣлъ ему урядить здѣсь торги, ряды, и размѣрить по Московски улицы; въ 1531 году прислалъ туда же дьяковъ, приказалъ имъ на Софійской сторонѣ размѣрить улицы: они начали размѣрять великую улицу отъ Владимирскихъ воротъ прямо, въ конецъ, и всѣ улицы отъ поля прямо въ берегъ, и мѣста по всему пожару; дьяки приказали также поставить рѣшетки по всему городу и учредить пожарныхъ сторожей (огневщиковъ); съ 1-го Октября начали стоять сторожа у рѣшетокъ; эта мѣра оказалась благодѣтельною: прежде было въ городѣ много злыхъ людей, грабежей, воровства, убійства; съ этихъ же поръ начала быть тишина по всему городу; многіе злые люди отъ такой крѣпости городской побѣжали прочь, а другіе исправились и привыкли къ честному труду⁴¹². Значительные пожары были рѣдки въ Москвѣ въ княженіе Василя: въ 1508 году погорѣлъ посадъ и торгъ отъ панскаго двора; въ 1531 году загорѣлся порошокъ на Успенскомъ врагѣ, на дворѣ иностраннаго мастера Алевиза, гдѣ его дѣлали: въ одинъ часъ сгорѣло работниковъ больше 200 человекъ. Въ Новгородѣ Великомъ былъ большой пожаръ въ 1508 году, тогда погибло болѣе 5000 человекъ; въ Новгородѣ Нижнемъ въ 1531; раза два упоминаются пожары во Псковѣ; сгорѣлъ весь Изборскъ.

Въ западной Руси города продолжаютъ получать новые грамоты на Магдебургское право и подтвержденія старыхъ. Жители городовъ Поднѣпровскихъ и Задвинскихъ били челомъ королю Сигизмунду, что терпѣли они большія притѣсненія отъ его писарей, посылаемыхъ для сбора недоимокъ: слуги этихъ писарей безвыздно круглый годъ живутъ въ волостяхъ на

счетъ послѣднихъ, судятъ и рядятъ жителей и берутъ большія пошлыны; да и сами писаря обираютъ ихъ непомерно, отъ чего многіе жители разошлись, а которые остались, тѣ не только всѣхъ даней, но и половины заплатить не могутъ. По этому они просили, чтобъ король позволилъ имъ, какъ бывало прежде при Витовтѣ и Сигизмундѣ, собирать дань самимъ, грошовую, бобры, куницы, и относить въ казну, а медъ прѣсный къ ключнику. Король исполнилъ ихъ просьбу ⁴¹³. И въ западной Руси, желая населить какое нибудь мѣсто, правительство освобождало новоселенцевъ отъ податей на нѣсколько лѣтъ: такъ король Сигизмундъ поручилъ Виленскому воеводѣ Радзивилу населить мѣсто при Клещелязахъ, на землѣ Бѣльскаго повѣта; людей поселилось уже немало; но когда воевода вздумалъ присоединить ихъ къ дворной панинѣ Клещелязской, то многіе изъ нихъ ушли прочь. Видя это, новый воевода Гастольдъ, по приказу королевскому, далъ поселенцамъ Хелмское право: дворъ королевскій Клещелязскій не имѣлъ права судить ихъ и рядить; судилъ и рядилъ ихъ войтъ съ бурмиистрами и радцами; при войтѣ два бурмиистра: одинъ дворный, котораго дворъ выбиралъ изъ тѣхъ же мѣщанъ Клещелязскихъ: его обязанность смотрѣть за доходами, собираемыми для двора; а другой бурмиистръ отъ мѣста, оба выбираются ежегодно. Жители мѣста обязаны давать съ каждой волоки по полукопью грошей, да по бочкѣ овса; кто пиво варить, тотъ платитъ столько же; отъ судныхъ штрафовъ два пенязя идутъ на дворъ королевскій, а третій на войта; кто занимается торговлею, долженъ давать по грошу на годъ; мясники должны давать съ каждаго торгу по плечу мяса бараняго на дворъ королевскій; корчмы винныя должны быть на короля, а кто будетъ виномъ шинковать, тотъ даетъ по десяти грошей. Люди вольные, хотящіе селиться въ мѣстѣ Клещелязскомъ на сыромъ корню, а не на обработанныхъ уже участкахъ (не на проробкахъ), свободны на десять лѣтъ отъ платы полукопья съ волоки и бочки овса; кто же сядетъ на участкахъ обработанныхъ (на волокахъ проробленныхъ), тѣ свободны на два года отъ упомянутыхъ податей.

Быть городовъ съ Магдебургскимъ правомъ по прежнему не былъ миренъ, по прежнему встрѣчаемъ жалобы горожанъ на воеводу, князей, пановъ и бояръ; въ 1527 году король Сигизмундъ долженъ былъ писать Полоцкому воеводѣ Петру Кишкѣ, чтобъ онъ не нарушалъ Магдебургскаго права, даннаго городу; въ грамотѣ говорится, что войтъ, бурмистры, радцы и всѣ мѣщане не разъ жаловались королю на убійства, побори, грабежи, которые они терпѣли отъ урядниковъ и слугъ воеводскихъ; что король не разъ писалъ воеводѣ, съ увѣщаніемъ прекратить эти насилія, но воевода еще больше начиналъ притѣснять горожанъ; жаловались Полочане не на одного воеводу, но на князей, пановъ, бояръ Полоцкихъ, на игуменью и на монаховъ Бернардинскихъ: мѣщанъ, которые купятъ земли у бояръ и у путныхъ людей, воевода велитъ ставить передъ собою и судить ихъ; многихъ ремесленныхъ людей за себя забралъ и приказываетъ имъ на себя работать; принимаетъ за себя мѣщанъ, которые нарочно выходятъ изъ Магдебургскаго права, чтобъ не платить серебщизны, ордынщины и другихъ городовыхъ податей; также многіе мѣщане задаются за владыку, князей и бояръ Полоцкихъ, а тѣ ихъ принимаютъ; установлены новые мыты по рѣкамъ; многіе бояре и слуги воеводскіе женились на мѣщанкахъ, взяли за ними дома и земли городскіе, а городскія повинности нести и Магдебургскому праву послушны быть не хотятъ; которые мѣщане въ селахъ живутъ или въ замкѣ дворы имѣютъ, тѣхъ воевода судить городовымъ правомъ и проч. ⁴¹⁴. Въ Вильнѣ были смуты между самими горожанами и начальствомъ ихъ, бурмистрами и радцами; горожане были недовольны старымъ уставомъ и требовали нѣкоторыхъ новыхъ статей; но король не согласился на это требованіе, подтвердилъ старый уставъ во всей силѣ; за то подтвердилъ, чтобъ Вильняне и подати, серебщизну и ордынщину, платили по старинѣ, безъ новыхъ прибавокъ. Мы видѣли, что при великомъ князѣ Александрѣ Бѣльское войтовство дано было въ потомственное владѣніе Гоппену; но Гоппенъ, какъ видно, продалъ его какому то Русину, а этотъ продалъ его Вилен-

скому воеводѣ Николаю Радзивилу, у сына и наследника Радзивилова, Яна Николаевича купилъ его Бѣльскій мѣщанинъ Иванъ Сегеневичъ въ пожизненное владѣніе за 300 копѣ грошей; но въ 1526 году бурмистры, радцы и всѣ мѣщане Бѣльскіе били челомъ королю Сигизмунду, чтобъ позволилъ это вѣтѣвство выкупить у Радзивила цѣлому городу Бѣльску на общія деньги, и впередъ войта выбирать мѣщанамъ изъ своей среды. Король согласился на просьбу ихъ. Изъ любопытной записки, поданной королю Сигизмунду отъ всей Кіевской земли, мы узнаемъ, что поправка Кіевской крѣпости производилась обыкновенно всѣми поднѣпровскими волостями, а послѣ сожженія Кіева ханомъ Менглигиреемъ при королѣ Казимирѣ, въ поправкѣ участвовали, кромѣ приднѣпровскихъ волостей, волости задвинскія и Торопецкія; болѣе 20000 топоровъ было въ дѣлѣ; панъ, наблюдавшій за городовыми постройками, назывался городничимъ ⁴¹⁵.

Жиды одно время были выгнаны изъ Литвы, но скоро опять возвращены съ правомъ взять во владѣніе свои прежніе дома и земли, которыми, во время ихъ изгнанія, владѣли христіане; сперва заставили было жидовъ выставлять на войну 1000 коней, но потомъ освободили отъ военной службы во всѣхъ видахъ; наконецъ въ 1533 году снова подтверждены были всѣ ихъ прежнія права ⁴¹⁶.

Относительно сельскаго народонаселенія въ Московскомъ государствѣ, отъ временъ Василя дошла до насъ уставная грамота крестьянамъ Артемовскаго стана въ Переяславскомъ уѣздѣ. Здѣсь прежде всего опредѣляется количество поборовъ, которые шли съ крестьянъ волостелю, его тіуну, праветчику и доводчику три раза въ годъ: на Рождество Христово, на Свѣтлое Воскресенье и на Петровъ день; при вступленіи волостеля въ должность (на вѣздѣ) онъ беретъ у крестьянъ то, что каждый добровольно ему принесетъ. Съ починковъ (новоначатыхъ поселеній) записанныхъ, но не папенныхъ, и съ новыхъ починковъ, явившихся послѣ переписи (письма), волостель, его тіунъ, праветчикъ и доводчикъ поборовъ не берутъ до урочныхъ

лѣтъ; когда же насельники отсидают свои урочные года, то платятъ такіе же поборы, какіе идутъ и съ старыхъ деревень. Волостель тіуна, праветчика и доводчика ранѣе году не переиѣняетъ. Безъ старосты и безъ лучшихъ людей волостель и его тіунъ суда не судить. Случится въ волости душегубство, и душегубца не сыщутъ, то крестьяне обязаны заплатить намѣстникамъ за голову четыре рубля виры, и платятъ эту виру цѣлою волостью; если же сыщутъ душегубца, то выдаютъ его намѣстникамъ и ихъ тіунамъ, и тогда ничего не платятъ; при смертномъ случаѣ, въ которомъ никто не виноватъ (наприм. если кто утонетъ и проч.), крестьяне также ничего не платятъ. Волостелинскіе, тіунскіе и боярскіе люди, и никто другой на пиры и на братчины къ крестьянамъ незваные не входятъ, а кто придетъ пить незванный, того вышлютъ безнаказанно; если же не пойдетъ вонъ, станетъ пить силою, и причинится тутъ крестьянамъ какой нибудь вредъ, то незванный гость платитъ вдвое безъ суда и исправы, а отъ великаго князя быть ему въ казни и продажѣ. Попрошатаймъ у нихъ по волости просить не ѣздить. Кто въ одной волости выдастъ дочь замужъ, тотъ даетъ волостелю за новоженный убрусъ 4 деньги; а кто выдастъ дочь за мужъ изъ волости въ волость, тотъ даетъ за водную куницу два алтына. Скоморохамъ у нихъ въ волости не играть. Съ лошадиного пятна волостель беретъ по деньгѣ съ купца и продавца. Князя, бояре, воеводы ратные и всякіе ѣздоки насильно въ волости не ставятся, кормовъ, проводниковъ, подводъ у крестьянъ не берутъ, а если гдѣ останутся, покупаютъ кормъ по вольной цѣнѣ. — Такого же содержанія уставная грамота, данная удѣльнымъ Дмитровскимъ княземъ Юріемъ Іоанновичемъ Каменскаго стана бобровникамъ, которые находились въ вѣдѣніи ловчаго; права послѣдняго опредѣлены одинаково съ правами волостеля въ предыдущей грамотѣ; но кромѣ того опредѣленъ способъ раскладки повинностей: кормы ловчаго, тіуновъ и доводчиковъ, поборъ дворскій, бобровники съ десятскими и добрыми людьми между собою мечутъ со столца по дани и по пашнѣ: которая деревня больше пашнею и угодежь, на ту

больше корму и поборовъ положить; собравъ эти кормы, староста съ десятскими платать ловчему, его тиуну и доводчику поборъ въ городѣ Дмитровѣ по праздникамъ; а тиуну и доводчику по деревнямъ самимъ не ѣздить, кормовъ и побору не брать. Кто позоветъ къ себѣ тиуна или доводчика пить на пиръ или на братчину, то они, пивши, тутъ не ночуютъ, ночуютъ въ другой деревнѣ, и насадокъ (поборъ пивомъ или другаго рода хмельнымъ напиткомъ) съ пировъ и братчинъ не берутъ. Относительно ссоръ и дракъ на пиру опредѣлено сходно съ Двинскою грамотою великаго князя Василя Дмитріевича; «въ пиру или братчинѣ побранятся или побьются, и не выходя съ пиру поширится, то ловчему и его тиуну за то нѣтъ ничего; если же поширится вышедши съ пиру, за приставомъ, то ловчему и его тиуну также нѣтъ ничего, кромѣ хоженаго». Но въ объѣхъ грамотахъ, и въ Двинской, и въ Бобровничей нѣтъ указанія на судебное значеніе братчинъ, которое выражается въ Псковской судной грамотѣ: «Братчина судить какъ судья». — Доводчикъ ѣздитъ по деревнямъ дважды въ годъ — о Рождествѣ Христовомъ и о Петровѣ днѣ, ѣздитъ самъ другъ съ паробкомъ на тройкѣ; гдѣ доводчикъ обѣдаетъ, тутъ ему не ночевать, гдѣ ночуетъ, тутъ ему не обѣдать ⁴¹⁸. — Относительно быта зависимаго народонаселенія въ описываемое время замѣчательна заемная и закладная грамота Власа Фрязинова, данная имъ виѣстѣ съ людьми его, пошпеннованными въ грамотѣ: «А въ деньгахъ есмь съ своими людьми одинъ человекъ, кой насъ въ лицѣхъ на томъ денга» ⁴¹⁹.

Изъ уставныхъ королевскихъ грамотъ видно, что сельское народонаселеніе въ западной Руси раздѣлялось на подданныхъ или тяглыхъ людей, и на челядь невольную; въ одной изъ уставныхъ грамотъ читаемъ: «если мужикъ, вопреки приказу державцы или его урядника, не выйдетъ на работу одинъ день, или будетъ непослушенъ, то взять съ него за это не болѣе барана; если окажетъ большее упорство, то подлежить наказанью плетью или бичомъ» ⁴²⁰.

Изъ физическихъ бѣдствій въ княженіе Василя упоминается три раза о неурожаѣ въ 1512, 1515 и 1525 годахъ; о силь-

ныхъ дождяхъ, въ слѣдствіе которыхъ рѣки разлились и прервали сообщеніе въ 1518 году; дважды о сильныхъ засухахъ — въ 1525 и 1533; моръ свирѣпствовалъ не разъ въ Новгородѣ и Псковѣ: въ первомъ отъ 1507 до 1509 года во второмъ въ 1521 и 1532; но жители срединныхъ областей не испытывали этого бѣдствія и начинали забывать о страшныхъ язвахъ XIV и XV вѣка, такъ что въ иностранныхъ описаніяхъ Московскаго государства Василіева времени читаемъ: «Климатъ въ Московской области такъ здоровъ, что народъ не помнитъ, когда была чума. Бываетъ впрочемъ здѣсь иногда болѣзнь, похожая на чуму, которую называютъ жаромъ (calor); болѣзнь эта поражаетъ внутренность и голову, и занемогшіе въ нѣсколько дней умираютъ.»

По описаніямъ иностранцевъ область Московскаго государства представляла обширную равнину, покрытую лѣсами и пересѣкаемую во всѣхъ направленіяхъ большими рѣками, обильными рыбою. Рѣки эти, разливаясь отъ тающаго весной снѣга и льда, во многихъ мѣстахъ превращаютъ поля въ болота, а дороги покрываютъ стоячею водою и глубокою грязью, непросяхающею до новой зимы, когда лютый морозъ опять постелеть по болотамъ ледяные мосты и сдѣлаетъ дорогу по нимъ безопасною. Главныя произведенія страны: хлѣбъ, лѣсъ, медъ, воскъ и мѣха. Сосны въ лѣсахъ Московскихъ величины невѣроятной; дубъ и кленъ гораздо лучше, чѣмъ въ западной Европѣ. Пчелы кладутъ медъ на деревьяхъ безъ всякаго присмотра. Разсказывали, какъ одинъ крестьянинъ, опустившись въ дупло огромнаго дерева, увязъ въ меду по самое горло; тщетно ожидая помощи, въ продолженіе двухъ дней пытался однимъ медомъ, и наконецъ выведенъ былъ изъ этого отчаяннаго положенія медвѣдемъ, который спустился задними лапами въ тоже дупло: крестьянинъ ухватился за него руками и закричалъ такъ громко, что испуганный звѣрь выскочилъ изъ дупла и вытащилъ его вмѣстѣ съ собою. Пушнаго звѣря въ лѣсахъ Московскихъ множество; соболя мѣха цѣнятся по чернотѣ, длинѣ и густотѣ волоса; цѣна увеличивается еще, смотря потому, въ какое

время пойманъ звѣрь. Около Углича и въ Двинской области соболи попадаютъ очень рѣдко; около Печеры попадаютъ чаще и лучше; въ Москвѣ соболи мѣха продаются по 3 и 4 деньги; лисьи мѣха, особенно черные, стоятъ дорого: десятокъ продается иногда по 15 золотыхъ; бобровые мѣха также очень цѣнны; бѣличьи привозятся изъ разныхъ мѣстъ, больше всего изъ Сибири; лучшіе, впрочемъ, добываются недалеко отъ Казани; потомъ привозятся изъ Перми, Вятки, Устюга и Вологды; привозятся обыкновенно въ связкахъ, изъ которыхъ въ каждой по 10 шкурокъ: изъ нихъ двѣ самыя лучшія, три похуже, четыре еще хуже, и одна послѣдняя самая дурная; добываются также мѣха рысьи, волчьи, песцовые. Въ лѣсахъ водятся также лоси, медвѣди, большіе и черные волки; въ западной части государства водятся туры; въ странѣ Югровъ и Вогуличей на высокихъ горахъ добываютъ превосходныхъ соколовъ и кречетовъ.

Поля покрыты пшеницею, просомъ и другими хлѣбными растеніями, также всякаго рода зеленью; область собственно-Московского княжества не плодоносна; песчаный грунтъ земли убиваетъ жатву при малѣйшемъ излишествѣ сухости или влаги; сюда присоединяются еще холода, которые иногда препятствуютъ зрѣнію посѣяннаго. Что вся страна не такъ давно была покрыта лѣсами, показываютъ пни огромныхъ деревьевъ, до сихъ поръ еще повсюду видныя. Области Владимирская и Нижегородская очень плодоносны; изъ одной мѣры хлѣба выходитъ иногда 20, иногда 30 мѣръ. Рязанская область превосходитъ плодоносіемъ всѣ остальные: лошади не могутъ пробѣжать черезъ ея густыя нивы; великое множество здѣсь меду, рыбы, птицъ и звѣрей; древесные плоды гораздо лучше Московскихъ. — Кромѣ хлѣбопашества, звѣроловства, рыболовства и пчеловодства, иностранные писатели указываютъ на добываніе желѣза около Серпухова, на добываніе соли въ Старой Русѣ, въ Соловкахъ, около Переяслава Залѣскаго, около Нижняго-Новгорода; по ихъ извѣстіямъ, на перелетъ стрѣлы отъ Бѣлозера есть другое озеро, производящее сѣру, кото-

рая выносятся рѣкою, изъ него вытекающею; но туземцы не умѣютъ пользоваться этимъ даромъ природы. Изъ промышленности не первоначальной иностранцы упоминаютъ объ искусномъ выдѣлываніи въ Калугѣ рѣзныхъ деревянныхъ чарокъ и другой деревянной посуды, которая вывозилась на продажу въ Москву, Литву и другія сосѣднія страны.

Русскія извѣстія указываютъ намъ рыболововъ, расположенныхъ цѣлыми слободами въ удобныхъ для ихъ промысла мѣстахъ, на прим. на озерахъ Галицкомъ, Переяславскомъ; Переяславскіе рыбаки находились въ вѣдѣніи волостеля стольничаго пути, котораго права въ уставной грамотѣ были определены точно такъ же, какъ права волостеля Артемоновскаго стана въ приведенной выше уставной грамотѣ. Дошла до насъ также грамота великаго князя Василія сокольникамъ сокольничьяго пути, жившимъ въ Переяславлѣ на посадѣ: они были освобождены изъ-подъ вѣдѣнія намѣстниковъ и тиуновъ, не тянули съ Переяславцами ни въ какіе проторы и разиеты, кромѣ яма, городского дѣла (постройки городскихъ укрѣпленій) и посошной службы; судилъ ихъ самъ князь великій или его сокольничій; давали эти сокольники, двадцать человекъ оброку полтора рубля въ годъ; въ числѣ этихъ двадцати сокольниковъ упоминаются четыре вдовы, два сапожныхъ мастера, одинъ сѣдельникъ, одна хлѣбница. Касательно звѣриной ловли въ пользу князя мы имѣемъ грамоту удѣльнаго князя Семена Ивановича Троицкому монастырю, по которой крестьяне послѣдняго, жившіе въ Бѣжецкомъ Верху, обязаны были посылать на княжескую ловлю, на медвѣдей лосей и оленей по пяти человекъ съ сохи; надобно замѣтить, что это опредѣленіе является здѣсь какъ льгота ²¹.

По иностраннымъ извѣстіямъ жители Московскаго государства производили обширную торговлю сырыми произведеніями своей страны: все количество смолы и воска, потребляемое въ Европѣ, равно какъ дорогіе мѣха, привозились чрезъ Ливонію изъ Московскихъ владѣній; мы должны замѣтить, что не изъ однихъ Московскихъ владѣній, ибо большое количество смолы

и воска шло за границу также изъ западной, Литовской Руси; кромѣ того изъ Московскаго государства отпускались за границу на западъ лѣсъ, лучшій ленъ, конопля, воловьѣ кожи. Въ Литву и Турцію вывозились кожи, мѣха и моржевыя зубы; къ Татарамъ шли сѣдла, узды, сукна, кожи, полотно, ножи, топоры, стрѣлы, зеркала, кошельки. Привозимыя товары, большою частію, были: серебро въ слиткахъ, сукна, шелкъ, шелковыя ткани п парчи, дорогіе камни, жемчугъ, сученое золото, перецъ, шафранъ, вино; купцы Чагатайскіе доставляли шелковыя ткани, Татарскіе лошадей и превосходныя бѣлыя матеріи, не тканыя, а сваленныя изъ шерсти, изъ которыхъ дѣлались япанчи, красивыя и защищавшія отъ дождя. Изъ ярмарокъ славилась въ Холопьемъ городѣ на рѣкѣ Мологѣ; ко времени Василіева же княженія относится начало знаменитой Макарьевской ярмарки: въ 1524 году великій князь, желая панести вредъ враждебной Казани, запретилъ Русскимъ купцамъ ѣздить на ярмарку, бывшую подлѣ Казани, на такъ называемомъ Купеческомъ островѣ, а назначилъ мѣсто для ярмарки въ Нижегородской области; но чрезъ эту мѣру спачала не меньше вреда потерпѣло и Московское государство, почувствовало сильный недостатокъ въ товарахъ, шедшихъ Волгою изъ Каспійскаго моря, изъ Персіи и Арменіи, особенно же чувствителецъ былъ недостатокъ въ соленой рыбѣ, привозимой съ низовьевъ Волги⁴²². Иностранныя писатели указываютъ и торговые пути: такъ они говорятъ о судоходствѣ по Москвѣ рѣкѣ, затрудняемомъ извилинами, особенно между Москвою и Коложню; говорятъ что въ 24 Германскихъ миляхъ отъ Рязани находится мѣсто Донковъ на Дону: здѣсь купцы, отправляющіеся въ Азовъ, Кафу и Констаантинополь, нагружаютъ свои суда, что дѣлается обыкновенно осенью, въ дождливое время года, ибо въ другое время Донъ такъ мелокъ, что не можетъ поднимать судовъ. — Подъ Вязмою течетъ рѣка того же имени, впадающая въ Дитѣпръ: отсюда нагруженныя товары суда спускаются обыкновенно въ Дитѣпръ, и обратно вверхъ по Дитѣпру плдутъ суда до Вязмы. — Дмитровъ ле-

жить на рѣкѣ Яхроми, впадающей въ Сестру, а Сестра впадаетъ въ Дубну, притокъ Волги; въ слѣдствіе такого теченія рѣкѣ здѣсь производится обширная торговля. Любопытны извѣстія иностранцевъ о нѣмой торговлѣ, еще производившейся въ XVI вѣкѣ: такая торговля производилась съ Лапландцами въ сѣверныхъ предѣлахъ Европейской Россіи, и за Ураломъ, въ области Оби ⁴²³. — По договору съ семидесятью ганзейскими городами 1514 года купцамъ ихъ позволено было торговать въ Новгородѣ всякимъ товаромъ безъ вывѣта, солью, серебромъ, оловомъ, мѣдью, свинцомъ, сѣрою, а Новгородскіе купцы получили право торговать въ Нѣмецкой землѣ также всякимъ товаромъ безъ вывѣта, и воскомъ. Купитъ Нѣмецъ у Новгородца воскъ, и воскъ окажется нечистъ, то Новгородецъ обязанъ его обмѣнить. Будетъ Новгородецъ въ Нѣмецкихъ городахъ покупать или продавать что въ ластъ, то вѣсчаго не платитъ, а начнетъ продавать или покупать въ вѣсъ, то брать съ него вѣсчее; также и Нѣмецъ въ Новгородѣ если станетъ продавать соль, сельди и медъ въ ластъ, то не платитъ вѣсчаго, если же въ вѣсъ, то платитъ; дастъ Нѣмецъ за какой нибудь товаръ серебро, и окажется оно не чисто, то ему это серебро обмѣнить. У Герберштейна находимъ извѣстіе о ротахъ, которые простирались отъ десяти до двадцати со ста. Мы не знаемъ, съ какою скоростію тогдашніе пути сообщенія позволяли купцамъ перевозить товары; но Герберштейнъ оставилъ намъ извѣстіе о ямской гоньбѣ: когда я, говоритъ Герберштейнъ, ѣхалъ изъ Новгорода въ Москву, то ямщикъ выставлялъ заблаговременно по 30, 40 и 50 лошадей, тогда какъ мнѣ нужно было не болѣе 12: каждый изъ насъ такимъ образомъ выбиралъ себѣ любую лошадь. Всякому позволено пользоваться почтовыми лошадьми, и если на дорогѣ лошадь утомится или падетъ, то вольно взять другую изъ перваго дома или у перваго встрѣтившагося проѣзжаго, исключая гонца великокняжескаго: ямщикъ обязанъ отыскать лошадь, брошенную на дорогѣ, также доставить взятую лошадь хозяину, и заплатить ему прогоны: за 10 или за 20 верстъ платится обыкновенно

6 денегъ. Слуга Герберштейна проѣхалъ 600 верстъ изъ Новгорода въ Москву въ 72 часа; такая скорость ѣзды, заключаетъ нашъ авторъ, тѣмъ удивительнѣе, что лошади очень мелки и содержатся гораздо хуже, чѣмъ у насъ. Изъ Русскихъ извѣстій о ямахъ дошла до насъ великокняжеская грамота о починкѣ ветхаго строенія на Ергольскомъ яму; «Сказывали Ергольскіе ямщики, что на яму хоромы, избы, сѣнники и конюшни погнили, тынъ обвалился: велѣть ихъ построить крестьянамъ Бѣлозерскими сохами, всѣми безъ исключенія, чей кто нибудь, а съ сохи брать по два человекъ; тѣми же сохами велѣть крестьянамъ отъ Ергольскаго яма до Напорожскаго дороги почистить, мосты по рѣкамъ, болотамъ и грязямъ починять, на мѣсто сгнившихъ мостовъ новые наместить, на рѣкахъ мосты мостить на клѣткахъ, чтобъ ихъ вешняя вода не сносила. Отдѣрить земли къ яму ямщикамъ на пашню, сѣнокосъ и ямскимъ лошадямъ на выпускъ, и этой земли межи назначить, ямы покопать и грани покласть». Названіе ямовъ произошло отъ не этихъ межевыхъ ямъ, которыя употреблялись вездѣ, но или отъ Русскаго слова емлю беру, или, что еще вѣроятнѣе, отъ Татарскаго ямъ, дорога ⁴²⁴.

Въ западной Руси король Сигизмундъ далъ въ 1511 году жителямъ Вильны право, по которому пріѣзжіе въ ихъ городъ купцы могли торговать только съ ними, исключая ярмарки, когда пріѣзжіе купцы могли торговать и съ купцами иностранными ⁴²⁵.

Относительно искусства при Василии замѣчательно извѣстіе летописи о поновленіи старыхъ иконъ Греческаго письма, иконъ Спасителя и Богородицы, которыя были принесены для этого изъ Владиміра въ Москву въ 1518 году, торжественно встрѣчены Митрополитомъ Варлаамомъ и всѣмъ народомъ. Поновляли ихъ въ митрополичьихъ палатахъ, и самъ Митрополитъ, сказано, много разъ своими руками трудился въ этомъ дѣлѣ; по обновленіи, и украшеніи, иконы были отпущены назадъ во Владиміръ также съ большимъ торжествомъ. Въ 1531 году, также для поновленія принесли въ Москву двѣ иконы изо

Ржевы: одна изображала преподобную Параскевию, а другая мученицу Параскевию. Стѣною церковною живописью славился Русскій мастеръ Федоръ Едикѣевъ; упоминается также иконописецъ Алексѣй Псковитинъ Малый. Забѣчательнѣйшій изъ строительныхъ памятниковъ Василіева княженія остался для насъ Ново-Дѣвичій монастырь въ Москвѣ, основанный въ благодарность за взятіе Смоленска. — Мы уже имѣли случай замѣтить, что вызовъ иностранныхъ художниковъ и медиковъ продолжался и при Василии; въ 1534 году, по приказанію великаго князя, слить былъ колоколъ въ 1000 пудъ, для его Николай Нѣмецъ; одиннадцать каменныхъ церквей были построены при Василии въ Москвѣ мастеромъ Алевизомъ Фрязинимъ; Ивановскую колокольню построилъ Бонъ Фрязинъ¹⁴⁴. — Кромѣ упомянутыхъ при описаніи болѣзни Василіевой двоихъ Нѣмецкихъ лекарей, Николая Булева и Теофила, былъ еще третій, родомъ Грекъ, именемъ Марко.

Но въ то время, какъ плоды европейской гражданственности принимались, хотя медленно и слабо въ Московскомъ государствѣ, Русскіе люди, двигаясь по прежнему на сѣверо-востокъ, продолжали полагать среди дѣбриныхъ лѣсовъ, среди дикаго ихъ народонаселенія основу гражданственности — христіанство, и Герберштейнъ, который такъ часто смотритъ съ черной стороны на Московію, не могъ однако не замѣтить, что и въ его время Русскіе иноки отправлялись въ разныя страны на сѣверъ и востокъ, преодолевая на пути великія трудности, терпя голодъ, подвергая опасности жизнь — все это съ одною цѣлю — распространить христіанство. Описывая Пермь, тотъ же Герберштейнъ говоритъ, что здѣсь послѣ Стефановой проповѣди остается въ лѣсахъ еще много язычниковъ; но монахи, туда отправляющіеся, не перестаютъ отрывать ихъ отъ прежнихъ заблужденій. Пустынникъ Федоръ крестилъ Кольскихъ Лопарей; Трифонъ распространилъ христіанство у Лопарей, живущихъ на рѣкѣ Печенгѣ.

Въ исторіи Русской церкви временъ Василіевыхъ сосредоточиваются на себѣ наше вниманіе два знаменитыхъ лица: одинъ

уже известное намъ — Иосифъ Волоколамскій, другое Максимъ Грекъ. Восшествіе на престолъ Василія обезпечивало для Иосифа торжество надъ ересью и общало постоянное покровительство верховной власти. Мы уже видѣли, что Иосифъ былъ еще болѣе мужъ дѣла, чѣмъ слова, былъ достойный преемникъ тѣхъ знаменитыхъ подвижниковъ, которые собственнымъ примѣромъ поддерживали христіанскую дѣятельность въ областяхъ Московскаго гусударства. Нуждался ли крестьянинъ въ сѣменахъ для посѣва, терялъ домашній скотъ, земледѣльческія орудія — приходилъ къ Иосифу, и тотъ снабжалъ его всѣмъ нужнымъ. Во время голода въ Волоколамской области, поселяне стекались въ монастырь къ Иосифу, который кормилъ около семисотъ человѣкъ, кромѣ дѣтей, построилъ подлѣ монастыря страннопримницу съ церковію, велѣлъ здѣсь поконить больныхъ, кормить бѣдныхъ, поставилъ особаго строителя. Когда истощились собственныя средства монастыря, Иосифъ дѣлалъ займы и кормилъ бѣдныхъ; увѣщевалъ и Дмитровскаго князя Юрія Ивановича позаботиться о людяхъ, страдавшихъ отъ голода: «Бога ради и Пречистой Богородицы, пожалуй, государь, попекись о православномъ христіанствѣ, о своемъ отечествѣ, подобно древнимъ православнымъ царямъ и князьямъ, которые заботились о своихъ подданныхъ во время голода; который государь имѣлъ у себя много хлѣба, раздавалъ его нищимъ, или приказывалъ продавать недорого, устанавливалъ цѣну, поговоривши съ боярами, какъ надобно, полагалъ запретъ страшный на ослушниковъ, какъ и теперь сдѣлалъ братъ твой, великій князь Василій Ивановичъ всея Руси. Если я ти распорядишься такъ въ своемъ гусударствѣ, то оживишь нищихъ людей: потому что уже многіе теперь люди мрутъ съ голоду, а кромѣ тебя некому этой бѣдѣ пособить; никто другой не можетъ ничего сдѣлать, если ты не позаботишься и не установишь цѣны своимъ гусударскимъ повелѣніемъ» ⁴²⁷.

Но одною этою дѣятельностію не могъ ограничиться Иосифъ; и въ княженіе Василія онъ долженъ былъ вести сильную борьбу съ своими врагами. Мы видѣли, что при Іоаннѣ III-мъ, во

время борьбы съ ересью Жидовствующихъ, Іосифъ, провозглашая необходимость строгихъ мѣръ противъ еретиковъ, навлекъ на себя ненависть многихъ и сильныхъ людей. Вопросъ объ этихъ мѣрахъ продолжался и при Василии; противники ихъ, въ чель которыхъ находился инокъ Вассіанъ Косой, т. е. князь Василій Патрикѣевъ, начали опять настаивать, что кающихся еретиковъ должно выпустить изъ заточенія; Іосифъ твердо стоялъ при прежнемъ своемъ мнѣніи, и, выставляя примѣры строгости къ виновнымъ изъ ветхаго и новаго завѣта, писалъ великому князю: «молимъ тебя, Государь, чтобъ ты своимъ царскимъ судомъ искоренилъ тотъ злой плевелъ еретическій въ конецъ». Старцы Кириллова и всѣхъ Вологодскихъ монастырей написали колкое опроверженіе этому мнѣнію, и церковные историки догадываются, что опроверженіе написано Вассіаномъ. Великій князь принялъ мнѣніе Іосифа; однако враги послѣдняго не были низложены окончательно; Вассіанъ переѣхалъ въ Москву, приблизился опять ко двору, и дѣйствовалъ иногда съ успѣхомъ противъ Іосифа ⁴²².

Вассіанъ, по свидѣтельству одного изъ современниковъ, враждовалъ много на Іосифа и хотѣлъ раззорить монастырь его. Вассіанъ хотѣлъ этого въ слѣдствіе старинной борьбы, въ слѣдствіе противоположности убѣжденій; по другимъ побужденіямъ хотѣлъ раззорить Іосифовъ монастырь удѣльный князь Ѳедоръ Борисовичъ Волоколамскій. Но пусть самъ Іосифъ расскажетъ намъ о притѣсненіяхъ, которыя монастырь его терпѣлъ отъ удѣльнаго князя: «Князь Ѳедоръ Борисовичъ во все вступается: что Богъ пошлетъ намъ, въ томъ воли не даетъ; иное даромъ просить, другое въ полцѣны брать; если его не послушаемъ, то хочеть кнутомъ бить чернецовъ, а на меня бранится. И мы боялись его, давали ему все, что благочестивые люди дарили монастырю — коней, доспѣхи, платье; но онъ захотѣлъ еще денегъ, и началъ присылать за ними: мы ему послали шестьдесятъ рублей; прислалъ просить еще — послали еще сорокъ рублей, и эти деньги уже десять лѣтъ за нимъ; мы вздумали было послать попросить ихъ назадъ,

а онъ нашего посланца, монаха Герасима Чернаго хотѣлъ кнудомъ высѣчь, да денегъ не отдасть. Все что ни пришлютъ на милостыню или на поминъ по усопшихъ, все хочеть, чтобъ у него было; прислалъ князь Семень Бѣльскій полтора ста копь грошей на поминъ родителей, и князь Федоръ сей часъ же прислалъ къ намъ просить этихъ грошей; купили мы на полтора ста рублей жемчугу на ризы и на епитрахиль — и князь Федоръ прислалъ жемчугу просить. Къ чернецамъ нашимъ подсылалъ говорить: «которые изъ нихъ хотять идти отъ Юсифа въ мою отчину, тѣхъ берусь поконить; а которые не хотять и за одно съ Юсифомъ, отъ тѣхъ оборонюсь; Голову Павла если не изобью кнудомъ, то не буду я сынъ князя Бориса Васильевича». И вотъ нѣкоторые чернецы побѣжали изъ монастыря. Увидавши, что князь Федоръ рѣшился раззорить монастырь, я хотѣлъ было уже бѣжать изъ него, и объявилъ объ этомъ братіи; но братія стала мнѣ говорить: «Богъ възмездеть на твоей душѣ, если церковь Пречистой и монастырь будутъ пусты, потому что монастырь Пречистая устроила, а не князь Федоръ; мы отдали все имѣніе свое Пречистой да тебѣ, въ надеждѣ, что ты будешь насъ поконить до смерти, а по смерти помянуть; сколько было у насъ силы, и мы ее истощили въ монастырскихъ работахъ; а теперь, какъ нѣтъ больше ни имѣнія, ни силъ, ты насъ хочешь покинуть! Тебѣ извѣстно, что намъ у князя Федора жить нельзя, онъ и при тебѣ насъ хочеть грабить и кнудомъ бить; знаешь самъ хорошо, какъ князь Федоръ на Возмищѣ, въ Селижаровѣ и въ Левкіевѣ монастырь не оставилъ ничего денегъ въ казнѣ, и у насъ ничего же не оставитъ; но въ тѣхъ монастыряхъ чернецы, постригаясь, оставляютъ имѣніе при себѣ и тѣмъ живутъ; а мы, постригшись, отдали все Пречистой, да тебѣ.» Я побоялся осужденія отъ Бога и не посмѣлъ покинуть монастырь, предать его на расхищеніе. Мы бѣжали челомъ самымъ сильнымъ у князя людямъ, чтобъ просили его жаловать насъ, а не грабить; но они отвѣчали: воленъ государь въ своихъ монастыряхъ: хочеть жалуетъ, хочеть

грабить. Тогда я билъ челомъ Государю православному Самодержцу великому князю всея Руси, чтобъ пожаловалъ, монастырь Пречистыя избавилъ отъ насильствъ князя Ѳедора; а не пожалуетъ Государь, то всѣмъ пойти розно, и монастырю запустѣть. Государь князь великій не просто дѣло сдѣлалъ, думалъ съ князьями и боярами, и поговора съ преосвященнымъ Симономъ митрополитомъ и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, по благословенію и по совѣту всѣхъ ихъ, монастырь и меня грѣшнаго съ братією взялъ въ великое свое государство, и не велѣлъ князю Ѳедору ни во что вступаться. Послѣ этого жили мы въ покоѣ и въ тишинѣ два года.» — По прошествіи этихъ двухъ лѣтъ гроза подпалась снова, потому что князь Ѳедоръ не хотѣлъ отказаться отъ надежды получить въ свои руки опять Іосифовъ монастырь; съ тремя приближенными къ себѣ людьми, онъ придумалъ, что нѣтъ для этого другаго средства, какъ дѣйствовать чрезъ Архіепископа Новгородскаго, къ епархіи котораго, по старинному политическому раздѣленію, принадлежала Волоколамская область; и вотъ, по внушеніямъ князя Ѳедора, Новгородскій владыка Серапіонъ послалъ на Іосифа отлучительную отъ священства грамоту въ самый великій постъ. Поступокъ этотъ произвелъ сильное волненіе; при дворѣ Волоцкаго князя торжествовали, начали говорить: «достали мы Іосифовъ монастырь: владыка нашъ занялъ не однимъ Іосифомъ, занялъ и Москву». Но въ Москвѣ спѣшили показать, что ее трудно замести удѣломъ: Серапіонъ Новгородскій былъ вызванъ въ Москву, лишенъ епархіи и сосланъ въ Троицкій монастырь за то, что, безъ обсылки съ великимъ княземъ и митрополитомъ, отлучилъ Іосифа, который перешолъ отъ Волоцкаго князя по согласію великаго князя и митрополита ⁴²⁹. Дѣло это произвело сильное впечатлѣніе, стало предметомъ толковъ; у Іосифа было много враговъ, и ему дали знать, что на Москвѣ многіе люди говорятъ: лучше было бы Іосифу оставить монастырь и пойти прочь, чѣмъ бить челомъ великому князю; въ слѣдствіе этого Іосифъ счелъ за нужное написать длинное оправдательное по-

сланіе съ подробнымъ изложеніемъ всего дѣла; ученикъ его, Нилъ Полевъ также писалъ въ защиту учителя ⁴³⁰.

Іосифъ умеръ въ 1515 году; Вассіанъ Косой пережилъ его и продолжалъ борьбу съ его преданіями ⁴³⁰). Къ этой старинной борьбѣ, ведущей начало изъ временъ Іоанна III, присоединяется при Василии дѣло знаменитаго Максима Грека. Въ годъ смерти Іосифа великій князь Василій отправилъ Василья Копыла на Аѳонскую гору съ грамотою къ проту и всѣмъ игуменамъ и монахамъ 18-ти монастырей святогорскихъ, съ просьбою прислать на время въ Москву изъ Ватопедскаго монастыря старца Савву, переводчика книжнаго. Игуменъ этого монастыря отвѣчалъ, что Савва не можетъ отправиться по старости и болѣзни въ ногахъ; но что вмѣсто его Ватопедъ посылаетъ другаго инока, Максима, искуснаго и годнаго къ толкованію и переводу всякихъ книгъ церковныхъ и такъ называемыхъ Еллинскихъ ⁴³¹). Максимъ, Албанскій Грекъ изъ города Арты, прежде постриженія своего въ Ватопедъ, путешествовалъ въ Европѣ, учился въ Парижѣ, Флоренціи, Венеціи. Въ такія-то руки досталось богатое собраніе Греческихъ рукописей, хранившееся въ Московской великокняжеской библіотекѣ и оставшееся безъ употребленія по недостатку свѣдущихъ людей. Къ сожалѣнію Максимъ, зная основательно языки — Греческій и Латинскій, не могъ въ той же степени владѣть Славяно-Русскимъ, которымъ началъ заниматься уже по отправленіи своемъ въ Москву; не смотря на то однако онъ успѣлъ оказать важныя услуги Русскому просвѣщенію въ XVI вѣкѣ. Прежде всего онъ занялся переводомъ толкованія на псалтырь; онъ переводилъ его съ греческаго на латинскій языкъ, а уже съ латинскаго на славянскій переводили двое Русскихъ толмачей. Послѣ этого перевода, Максиму поручено было исправленіе богослужебныхъ книгъ, наполненныхъ грубыми ошибками переписчиковъ; потомъ онъ перевелъ толкованія Златоуста на Евангеліе Св. Матѳея и Іоанна, толкованія на книгу Дѣяній Апостольскихъ, въ послѣдствіи онъ перевелъ псалтырь съ Греческаго на Русскій языкъ. Но эти

не ограничивались труды Максима; мы видели, какъ въ предшествовавшее время умножились сочиненія апокрифическія, жадно принимаемыя людьми, хотящими получить подробнѣйшія извѣстія о предметахъ первой важности, предметахъ религиозныхъ, но не имѣющихъ средствъ отличать истинное отъ ложнаго, вѣрующихъ всею, что написано; отсюда Максимъ долженъ былъ вооружиться противъ апокрифическихъ сочиненій и противъ разныхъ суевѣрій, распространявшихся изъ книгъ и устно при отсутствіи просвѣщенія; такъ онъ писалъ опроверженіе Папіева повѣствованія о Іудѣ предателѣ; Сказаніе къ глаголющимъ, яко во всю свѣтлую недѣлю солнце не заходя стояло; опроверженіе Афродитіановой повѣсти о Рождествѣ Христовомъ; здѣсь, въ началѣ разбора, Максимъ выставляетъ три правила для повѣрки книгъ: 1) написана ли книга писателемъ благовѣрнымъ и извѣстнымъ въ Церкви? 2) согласна ли она съ богодухновеннымъ Писаніемъ? 3) согласна ли во всемъ сама съ собою. — Максимъ написалъ также слово на безумную прелесть и богомерзкую мудрствующихъ, яко погребенія для утопленнаго и убитаго бывають плодотворители и стужи земныхъ прозябеній; наконецъ Максимъ долженъ былъ болѣе всего вооружиться противъ распространившейся въ его время страсти къ астрологій, противъ вѣры въ судьбу или колесо фортуны; Максимъ утверждаетъ, что все устроивается промысломъ Божиимъ, а не звѣздами, не звѣздодвижнымъ колесомъ счастья. О степени просвѣщенія современниковъ Максима лучше всего свидѣтельствуетъ сочиненіе послѣдняго о смыслѣ словъ, обыкновенно поимѣщаемыхъ на иконахъ Богородицы: онъ долженъ былъ толковать, что эти греческія слова значать: Матерь Божія, а не Марѳа, не Мпрѳу «якоже пѣщыи всеу непщуютъ».

Нѣтъ ничего удивительнаго, что ученый Греческій инокъ долженъ былъ сойтись съ инокомъ Русскимъ, который славился также своимъ относительнымъ просвѣщеніемъ, съ знаменитымъ княземъ Патрикѣевымъ, Вассіаномъ Косымъ. Іоаннъ III обвинялъ Патрикѣева въ высокоуміи: дѣйствительно онъ позволялъ

себѣ смѣлые отзывы о явленіяхъ, которыя ему не нравились; обвиняя современное ему общество въ невѣжество, онъ осмѣливался не признавать правильными его приговоры относительно нравственнаго достоинства извѣстныхъ лицъ, не хотѣлъ признавать высокаго нравственнаго и религіознаго значенія въ человѣкѣ, если онъ, по его мнѣнію, былъ необразованъ и низкаго происхожденія ⁴²²). Таковъ былъ опасный союзникъ Максима! Вассіанъ и Максимъ сошлись во мнѣніи о важномъ вопросѣ, раздѣлявшемъ Русское духовенство, въ вопросѣ — прилично ли владѣть монастырямъ селами? Будучи ученикомъ Нила Сорскаго, Вассіанъ настаивалъ на отрицательное рѣшеніе этого вопроса; Максимъ настаивалъ на то же въ сочиненіяхъ своихъ: «Повѣсть страшна и достопамятна», гдѣ приводилъ въ примѣръ убожество иноковъ Картузіанскихъ, и въ «Бесѣдѣ актимона (нестяжательнаго) съ филоктимономъ (любо-стязательнымъ)».

Вассіанъ и Максимъ не могли дать торжества своему мнѣнію: сопротивленіе разводу великаго князя лишило ихъ его благосклонности, послѣ чего они были обвинены въ церковныхъ преступленіяхъ. Въ переводахъ Максимовыхъ нашли неправильныя выраженія и осудили переводчика; сперва заточили его въ Іосифовъ Волоколамскій монастырь, гдѣ онъ терпѣлъ большую нужду, потомъ въ Тверской Отрочъ, гдѣ онъ имѣлъ возможность читать и писать. Однимъ изъ обвиненій на Максима было то, что онъ укорялъ русскіе монастыри за владѣніе селами; другимъ, что укорялъ Московскихъ митрополитовъ, за чѣмъ они поставляются безъ благословенія патріарха Константинопольскаго. Въ судѣ надъ Вассіаномъ первый укоръ составлялъ главное содержаніе обвиненія. Максимъ три раза повергался предъ судившимъ его соборомъ, умоляя о помилованіи ради милости Божіей, ради помощи человѣческихъ, со слезами просилъ простить ему ошибки, вкравшіяся въ его книги. Иначе велъ себя на соборѣ Вассіанъ, который не признавалъ ошибочнымъ ни одного изъ своихъ мнѣній; его также заточили въ Іосифовъ Волоколамскій монастырь ⁴²³.

Такимъ образомъ ивѣніе Іосифа Волоцкаго продолжало торжествовать: монастыри продолжали владѣть землями и отдавать ихъ въ помѣстья и въ оброчное содержаніе разнымъ лицамъ.— Касательно содержанія монастырей любопытна грамота великаго князя Василія женскому Успенскому Владимирскому монастырю: игуменья, старицы, пять священниковъ и два дьякона били челомъ, что у нихъ во владѣннн волость да село, но доходу съ нихъ мало, прожить нечѣмъ: такъ великій князь купилъ бы у нихъ эту волость и село, а деньги велѣлъ отдать въ ростъ (денги велѣти имъ водити въ людехъ въ ростѣхъ). Великій князь купилъ волость и село за 2142 рубля; эти деньги велѣлъ своимъ дьякамъ давать въ ростъ по гривнѣ съ рубля, и ростовыя деньги отдавать въ монастырь: игуменью 10 рублей денегъ, 50 четвертей ржи, 50 четвертей овса, 10 пудовъ соли; каждой старицѣ по полтора рубля денегъ, по 12 четвертей ржи, по 12 четвертей овса, по три пуда соли; священнику по 10 рублей денегъ, по 30 четвертей ржи, по столькуже четвертей овса и по 10 пудовъ соли, дьякону — по 6 рублей, по 20 четвертей ржи, по столькуже овса и по 6 пудовъ соли. Относительно быта монастырей во времена Василія замѣчательна уставная грамота Новгородскаго архіепископа Макарія Духовскому монастырю: владыка предписываетъ держать въ монастырѣ священника и дьякона черныхъ, да десять братьевъ; кромѣ обычныхъ службъ, въ воскресенье, понедѣльникъ, среду, пятницу и въ праздничные дни пѣть молебны о здравіи и спасеніи великаго князя и великой княгини, чтобъ имъ Господь Богъ послалъ дѣтей, также объ устроеніи земскомъ и о всемъ православномъ христіанствѣ, братіи быть всей у молебновъ. По понедѣльникамъ, середамъ и пятницамъ послѣ вечерни пѣть панихиды за усопшихъ. Въ келліи игумень у себя не ѣсть и гостей не кормитъ и не пируетъ съ ними: кормитъ ему и потчевать гостей въ трапезѣ или въ келарской; игумень снабжаетъ братію одеждою, обувью и всякими келейными вещами, по преданіямъ общежительнымъ; держитъ келаря, казначея, да братьевъ трехъ

или четырехъ соборныхъ, и съ ними всякій чинъ исполняетъ, о прочихъ братіяхъ вседумно печется, всякіе доходы и расходы вѣдаетъ, мятежниковъ церковныхъ и безчинниковъ монастырскихъ наказываетъ. Безъ игуменскаго благословенія братъ изъ монастыря не выходитъ; мірскіе люди къ старцамъ въ келліи не ходятъ; игумень держитъ у себя келейника чернеца, или двухъ, но мірянина держать не можетъ; молодымъ людямъ у игумена и старцевъ не жить, слугъ держать за монастыремъ. — Епископы доносили о состояніи монастырей митрополиту и великому князю; до насъ дошло подобное донесеніе Новгородскаго владыки, замѣчательное по обращенію къ великому князю: «благородному и христіюлюбивому и вседержавному царю и государю великому князю, всея Руси самодержцу: занеже, государь, отъ вышней Божіей десницы поставленъ ты самодержцемъ и государемъ всея Русіи; тебя, государя, Богъ вмѣсто себя избралъ на землѣ и на свой престолъ вознесши посадилъ, тебѣ поручилъ милость и животъ всего великаго православія: то намъ слѣдуетъ, по царскому твоему остроумію и богопреданной премудрости, обращаться къ тебѣ, какъ государю и самодержцу царю.» — Архіепископу Макарію большинство Новгородскихъ монастырей было обязано введеніемъ общаго житія: до него, говоритъ лѣтопись, общины были только въ большихъ монастыряхъ, а въ прочихъ каждый монахъ жилъ особо въ своей кельѣ и «былъ одержимъ всякими житейскими печалями;» въ лучшихъ монастыряхъ было чернецовъ по шести или по семи, а въ другихъ по два и по три. Но когда Макарій ввелъ общее житіе, то братія начала умножаться: гдѣ прежде было два или три монаха, тамъ явилось ихъ по 12 и 15; гдѣ прежде было шесть или семь, тамъ стало по 20, 30, 40. Только два значительныхъ монастыря въ Новгородѣ отказались учредить у себя общину, и владыка сказалъ ихъ игуманамъ: «по дѣламъ вашимъ изду примете отъ Бога.» Важно было также распоряженіе Макарія на счетъ женскихъ монастырей: онъ вывелъ изъ нихъ игуменовъ и далъ игуменей, для благочинія. Въ кня-

женіе Василія была перепись духовенства для взиманія митрополчьеѣ дани: митрополитъ Даниилъ приговорилъ съ великимъ княземъ послать во всю митрополию дѣтей боярскихъ митрополчичьихъ и велѣтъ имъ переписать у всѣхъ церквей приходы, сколько у какой церкви въ приходѣ дѣтей боярскихъ, людей ихъ и крестьянскихъ вытей; которыя церкви приходомъ скудны, у такихъ священникамъ полегчить, а которыя окажутся приходомъ обильны, у тѣхъ на священниковъ дани прибавить ⁴⁵⁴.

При Василии видимъ болѣе частыя сношенія съ восточными церквами, чѣмъ при отцѣ его: въ 1515 году великій князь далъ позволеніе 18-ти Аѳонскимъ монастырямъ присылать въ Московское государство за милостынею. Въ 1518 году Константинопольскій патріархъ Θεодиптъ прислалъ въ Москву за милостынею; въ посланіи онъ называетъ великаго князя наивысшимъ и кротчайшимъ царемъ и великимъ крадемъ всей православной земли великой Руси. Потомъ прислалъ за тѣмъ же Александрійскій патріархъ Іоакимъ, изъ посланія котораго видимъ, что въ Москву приходили съ востока за милостынею не только монахи, но и монахини; приходили иноки Синайской горы. Касательно вспомоствованій, доставлявшихся отъ Русскихъ архіереевъ бѣдствовавшимъ собратіямъ ихъ на Востокъ, замѣчательна грамота Тверскаго епископа Нила къ Василю Андреевичу Коробову, отправлявшемуся въ Константинополь. Эта грамота содержитъ перечисленіе вещей, посылаемыхъ Ниломъ Патріарху Визайтійскому Пахомію; изъ нея можемъ получить свѣдѣнія о нѣкоторыхъ отрасляхъ тогдашняго искусства и о средствахъ Русскихъ владыкъ того времени: «отъ Нила, владыки Тверскаго сыну и господину Василю Андреевичу. Дать ся рухлядь государю моему и брату Пахомью патріарху: три деисусы, одинъ большой деисусъ стоячей въ десть большой бумаги, рѣзанъ рыбой зубъ, надъ нимъ 16 празниковъ рѣзаны па Синопое (?), а вверху надъ праздники пророцы рѣзанъ рыбой же зубъ; а другой деисусъ стоячей же и въ поддестъ рѣзанъ рыбой же зубъ, а надъ нимъ

рѣзаны праздниѣ рыбей же зубъ; а третей денсусъ стоячей же въ четверть рѣзанъ рыбей же зубъ, а надъ нимъ рѣзаны праздниѣ рыбей же зубъ. Да икона въ четверть на золотѣ писана мелкииъ писмомъ, шестодневникъ, да денсусъ на золотѣ, да икона бѣла Мамонтова кость въ полдолони, а рѣзано 12 празниковъ; да двои ризы камчаты, у однихъ ожерелье шиты праздниѣ золотомъ да серебромъ, на преди стоитъ Софія въ премудрости, и назадъ въ тылу Преображенъе Спасово, а на правой сторонѣ входъ въ Іерусалимъ, да Рождество Христово, а на лѣвой сторонѣ Воскресеніе Христово, да Богоявленіе; да круживо ширина на три персти шито золотомъ, а сажено жемчугомъ мелкимъ. Да патрахели, камка синя шита золотомъ да серебромъ, да вверху Спасъ, да подъ тѣмъ Пречистая, да Іоаннъ Предтеча, а подъ ними Михаилъ, да Гаврилъ, да 12 Апостоловъ; въ трехъ мѣстахъ шиты по обѣ стороны, да святители также шиты въ трехъ мѣстахъ по обѣ стороны. Да сорокъ соболей, да 5 соболей единцовъ, да 740 гарнотавель, да рыба зуба болшихъ 15, а среднихъ и меншихъ рыба зуба полпятадесять; да чара серебряна, а тянетъ въ ней семь гривенокъ; да кубокъ гладкой на трехъ яблокахъ стати серебрянъ съ покрышкою, а тянетъ въ немъ 600 аспиръ атиавскихъ; да чарка же серебряна внутри позолочена, а писана внутри волова голова; да 5 скатертей нитыхъ, да шестая скатерть Ноугородцкая съ ручкии шита; да часы Нѣмецкіе 24 часы съ колоколомъ и съ гирами; да шуба соболя подъ чернымъ бархатомъ, да 9 шубъ бѣлыи хребтовыхъ, да 8 шубъ бѣлыи черевьи, да 2 шубы бѣлыи облячны, да два сатына — одинъ чернъ, а другой багровъ, да ширинокъ Русскихъ, да утиральниковъ Русскихъ, да 120 гребеней, да 2000 бѣлокъ дѣланныхъ, да 440 хамяковъ, да 43 ножовъ рыба зуба, пять гребеней рыба зуба съ золотомъ рѣзаны, на нихъ звѣри; да 94 ножа простыхъ, да десять юфтей, да десять шапокъ лисьихъ, да три ставы Калужскихъ, да три ставы Тверскихъ, да 20 пугвиць серебряныхъ ⁴⁵².

Въ западной Руси, въ 1511 году король Сигизмундъ, по

просьбѣ митрополита Іосифа и князя Константина Острожскаго, подтвердилъ грамоты предковъ своихъ, Витовта, Казимира и Александра, данныя Русскому духовенству на свободное отправленіе церковнаго суда, на безпрепятственное пользованіе доходами церковными. Избраніемъ епископовъ, переводомъ ихъ изъ одной епархіи въ другую распоряжался король: такъ Владимірскій епископъ Пафнутій билъ челомъ королю, чтобъ онъ назначилъ его епископомъ Луцкимъ; король исполнилъ его просьбу тѣмъ болѣе, что за Пафнутія просили князь Константинъ Острожскій и панъ Юрій Радзивилъ. Король же въ 1511 году рѣшилъ споръ между двумя епископами — Полоцкимъ и Владимірскимъ, кому изъ нихъ занимать высшее мѣсто. — Въ 1522 году били челомъ архимандритъ Кіевопечерскаго монастыря, крылошане, застолпники и вся братія о возстановленіи у нихъ общины, которая пала въ слѣдствіе обнищанія монастыря послѣ Татарскихъ нашествій: король исполнилъ ихъ просьбу. При этомъ они жаловались, что по смерти архимандритовъ воеводы Кіевскіе прибираютъ монастырь къ своимъ рукамъ и держатъ до тѣхъ поръ, пока король не назначитъ новаго архимандрита, берутъ себѣ не только имущество покойнаго, но даже книги и другія церковныя вещи; король опредѣлилъ, что впередъ, по смерти архимандрита, старцы Печерскіе берутъ имущество покойнаго на монастырь; потомъ, вмѣстѣ съ князьями, панами и землянами земли Кіевской, выбираютъ архимандрита и просятъ короля о его утвержденіи, до прихода этого утвержденія управляютъ монастыремъ старцы; за это, при каждомъ избраніи архимандрита, они даютъ королю по пятидесяти золотыхъ. Монахи били также челомъ, что Кіевскіе воеводы часто пріѣзжаютъ въ монастырь, архимандритъ и старцы должны ихъ угощать и дарить, а это имъ очень убыточно: король постановилъ, что воевода можетъ пріѣзжать въ монастырь только разъ или два въ годъ, когда монахи сами его позовутъ, при чемъ они его угощаютъ, но даровъ никакихъ не даютъ. Король освободилъ также монастыри отъ обязанности давать подводы и

корны посланъ и гонцамъ Татарскимъ. Въ случаѣ войны монастырь былъ обязанъ выставять на службу десять человекъ конныхъ и вооруженныхъ. Дошли до насъ также королевскія грамоты о возобновленіи монастырей Межигорскаго и Златоверхаго Михайловскаго, объ установленіи въ нихъ общинъ; король беретъ эти монастыри въ свое вѣдѣніе, даетъ имъ право выбирать себѣ архимандритовъ.—Монастыри продолжаютъ владѣть населенными землями.

Въ 1509 году Кіевскій митрополитъ Іосифъ созвалъ въ Вильнѣ соборъ изъ епископовъ, архимандритовъ и протопоповъ: соборъ прежде всего вооружился противъ тѣхъ, которые еще при жизни епископа уже подкупаются на его епископію и берутъ ее у короля безъ совѣта и воли митрополита, епископовъ, князей и пановъ православныхъ. Положено ставить въ священники только людей достойныхъ, недостойнаго же не ставить, если даже и король будетъ этого требовать: въ последнемъ случаѣ всѣ епископы съ митрополитомъ идутъ къ королю и объявляютъ ему недостойнство его избранника. Положено не принимать священниковъ изъ одной епархіи въ другую безъ отпускной грамоты отъ епископа; не допускать неженатыхъ священниковъ до священнодѣйствія: если хотятъ священствовать, то пусть идутъ въ монахи; въ противномъ случаѣ причисляются къ мірянамъ: такимъ образомъ и въ западной Руси послѣдовали примѣру Руси восточной. Определено, что князья и паны въ своихъ владѣніяхъ не имѣютъ правъ отнимать церкви у священника, безъ объявленія вины его епископу и безъ соборнаго суда надъ нимъ по этому обвиненію; если же князь или бояринъ отниметъ у священника церковь безъ вины и безъ вѣдома святительскаго, то епископъ не ставитъ къ церкви другаго священника до тѣхъ поръ, пока не будетъ оказана справедливость первому. Если князь или бояринъ въ своемъ имѣніи будетъ держать церковь безъ священника въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ, то епископъ самъ посылаетъ къ ней священника. Если князь или бояринъ отниметъ что-нибудь у церкви безъ суда митрополичьяго, то бу-

детъ отлученъ. Если священникъ, по приказанію князя или боярина, станетъ священствовать безъ епископскаго благословенія, то будетъ лишенъ сана. Если король или кто-нибудь изъ вельможъ пришлетъ къ митрополиту или епископу съ требованіемъ нарушенія хотя одной статьи, постановленной на соборѣ, то никто на это да не дерзаетъ, но всѣ должны съѣхаться къ митрополиту, и вмѣстѣ бить челомъ королю и стоять непоколебимо за принятыя правила. — Ясно, что постановленіями этого Виленскаго собора православное духовенство хотѣло противоѣдствовать вредному влиянію иновѣрныхъ властей ⁴²⁶.

Мы видѣли, что въ Судебникѣ отца Василіева было постановлено: безъ дворскаго и безъ старосты и безъ лучшихъ людей намѣстникамъ и волостелямъ суда не судить; мы видѣли также, что это постановленіе было внесено и великимъ княземъ Василіемъ въ его уставныя грамоты; подъ 1508 годомъ лѣтописецъ говоритъ: «Пожаловалъ государь великій князь: слыша, что въ великомъ Новгородѣ намѣстники и тиуны ихъ судятъ по издѣ, велѣлъ своему дворецкому и дворцовымъ дьякамъ выбрать изъ улицы лучшихъ людей 46 человекъ и привести ихъ къ цѣлованію; съ тѣхъ поръ поставили судить съ намѣстниками старосту купецкаго, а съ тиунами опредѣлили судить цѣловальникамъ по четыре на каждый мѣсяць ⁴²⁷.» Отдаленные Лопари жаловались, что вѣдять за ними пристава Новгородскихъ намѣстниковъ, а съ ними вѣдять ябедники Новгородскіе, человекъ по тридцати и больше, отъ поруки берутъ рублей по 10 и больше, сроки явиться къ суду назначаютъ въ дѣловую пору. Въ слѣдствіе этой жалобы великій князь велѣлъ Новгородскимъ своимъ дьякамъ беречь Лопарей отъ намѣстниковъ: Намѣстники и тиуны ихъ не судятъ Лопарей, судятъ и вѣдаютъ ихъ дьяки; подьячіе, посылаемые дьяками къ нимъ за данью, назначаютъ и судный срокъ кому слѣдуетъ, этотъ срокъ — 25 марта; подьячіе медовъ и винъ къ нимъ съ собою не возятъ, сзывовъ не дѣлаютъ, и отъ поруки и за данью лишковъ не берутъ. Касательно Третьякаго суда:

отъ описываемаго времени дошла до насъ замѣчательная записка старца Юва, уполномоченнаго Солотчинскимъ монастыремъ (въ Рязанской области) и Федора Замятнина, ведшаго съ монастыремъ споръ о сѣчѣ и лѣсѣ: мы, говорятъ Ювъ и Замятнинъ въ записи, въ томъ лѣсу межъ собою зарядили Третьихъ, дѣтей боярскихъ — Кондырева и Кашкадѣва: быть имъ у насъ на той спорной сѣчѣ и лѣсу, какъ мы имъ побьемъ челомъ. Какъ станемъ мы на той спорной сѣчѣ и лѣсу съ своими старожильцами, то наши Третьи спросятъ нашихъ старожильцевъ по крестному цѣлованью, и когда старожильцы укажутъ Третьимъ между, то Третьи велютъ старожильцамъ бросить жребій: если вынется жребій монастырскихъ старожильцевъ, то имъ идти съ иконою, и гдѣ они будутъ указывать между, туда Замятнину идти съ своими старожильцами копать ямы и грани класть, и какъ отведутъ, то намъ и межа. Если же вынется жребій Замятнинскихъ старожильцевъ, то они идутъ съ иконою и указываютъ между. Третьихъ намъ обонимъ истцамъ слушать, и если вмѣсто двоихъ явится одинъ третій, то слушать и одного. Въ одномъ изъ актовъ, относящихся къ описываемому времени, находимъ любопытный случай касательно поля или судебного поединка: передъ великокняжескимъ Нижегородскимъ писцомъ (переписчикомъ земель) тагандся о землѣ Иванъ Машковъ со старцемъ Павломъ, уполномоченнымъ отъ Печерскаго монастыря; по обычаю, обѣ стороны выставили свидѣтелей — старожильцевъ: Машковъ выставилъ троихъ дѣтей боярскихъ, и троихъ великокняжескихъ крестьянъ; старецъ Павелъ выставилъ шестерыхъ монастырскихъ крестьянъ; послѣдніе потребовали поля съ свидѣтелями Машкова, но трое дѣтей боярскихъ отвѣчали: «мы съ ними на поле биться не леземъ, а поставятъ противъ насъ дѣтей боярскихъ, то мы противъ дѣтей боярскихъ наполе леземъ; крестьяне же согласились биться. Не смотря на то судья рѣшилъ дѣло въ пользу монастыря, потому что половина свидѣтелей Машкова отказались отъ поля. Отъ времени великаго князя Василія дошли до насъ двѣ любопытныя духовныя: одна Ивана

Алферьева, въ которой завѣщатель отказываетъ имущество свое сыну и внуку поровну, съ условіемъ что ни тотъ ни другой не можетъ, безъ обоюднаго согласія, располагать своимъ участкомъ, ни продать, ни промѣнять, ни въ приданое, ни по душѣ отдать, ни въ аренду, ни въ наймы. Вторая духовная Петра Молечкина, который, не имѣя дѣтей, отказываетъ свое недвижимое монастырямъ и родственникамъ; потомъ говорить; «если послѣ меня родится у моей жены сынъ, то отчина моя вся сыну моему съ тѣмъ, чтобъ онъ роздалъ по моей душѣ 50 рублей по церквамъ; если жъ родится дочь, то ей дать 80 рублей изъ моего имѣнія; благословляю жену мою, за ея приданое, своими вотчинными землями (слѣдуетъ перечисленіе), которыя она вольна промѣнять, продать, по душѣ дать; а не пойдетъ жена моя замужъ, станетъ сидѣть, то жить ей на селѣ Молечкинѣ до смерти, послѣ чего оно отходить къ монастырямъ — Троицкому и Іосифову Волоколамскому». По смерти завѣщателя великій князь велѣлъ сначала вотчину его взять на себя, а долги платить изъ казны; по потомъ велѣлъ отдать вотчину женѣ покойнаго съ обязательствомъ платить долги и съ правомъ продать эту вотчину и по душѣ отдать. Касательно понятій о наслѣдствѣ приведемъ также слова великаго князя Василия Герберштейну: Василій требовалъ отъ Сигизмунда Литовскаго городовъ, которые принадлежали великой княгинѣ Еленѣ; Герберштейнъ возражалъ, что Московскій государь не имѣетъ никакого права на эти города; тогда Василій велѣлъ сказать ему: «Чаемъ, что и брату нашему Максимилиану и инымъ государемъ вѣдомо, что во многихъ государствахъ тотъ обычай не токмо въ великихъ государѣхъ, но и въ меньшихъ государѣхъ и въ молодыхъ людехъ и правилѣхъ святыхъ отецъ писано то идетъ по наслѣдствію, будетъ у котораго отродъ, ино тотъ возметъ вотчину и казну, а не будетъ у котораго отроду, ино взятъ ближнему въ роду»¹⁰⁰. Это совершенно согласно съ положеніемъ Судебника Іоанна III-го: «А которой человекъ умретъ безъ духовной грамоты, а не будетъ сына, ино статокъ весь

и земли дочери, а не будетъ у него дочери, ино взяти ближнему отъ его рода». Но въ завѣщаніи Молечкина мы видѣли, какъ пересиливали еще старинныя повятія, что дочь не наследница, а имѣть право только на приданое для выхода замужъ, и Молечкинъ даетъ единственной дочери только 80 рублей. Это всего лучше объясняетъ намъ статью Русской правды ненаслѣдованіи дочерей послѣ смерти.

Въ 1522 году на Виленскомъ сеймѣ король Сигизмундъ объявилъ, что такъ какъ до сихъ поръ въ Литвѣ нѣтъ никакихъ письменныхъ статутовъ и судъ производится по обычаямъ и по произволу судей, отъ чего происходятъ частыя жалобы, то онъ король вознамѣрился изданіемъ общаго для всѣхъ статута прекратить этотъ безпорядокъ. Статутъ былъ написанъ на Русскомъ языкѣ, утвержденъ въ 1529 году и началъ дѣйствовать съ 1-го Января 1530 года. Онъ состоитъ изъ тринадцати отдѣловъ: въ первомъ отдѣлѣ (о персонѣ господарской) повторяется давнее постановленіе, что никто не наказывается по заочному обвиненію, и несправедливый обвинитель терпитъ тоже самое наказаніе, какое готовилъ обвиненному. Еще въ 1509 году король приговорилъ съ панамъ радами: если отецъ измѣнитъ, то имущество его идетъ на государя; захочетъ ли государь что дать дѣтямъ измѣнника или не захочетъ — это зависитъ отъ его милости. Если будетъ нѣсколько братьевъ не раздѣлившихся и одинъ изъ нихъ измѣнитъ, то теряетъ долю, которая ему приходилась, въ остальномъ же имѣніи волею государя, захочетъ ли оставить его во владѣніи другихъ братьевъ, или нѣтъ; если же братья были раздѣлены, то измѣнникъ теряетъ свою долю, другіе же братья удерживаютъ свои. Въ статутѣ говорится, что имущество измѣнника, родовое, выслуженное и купленное — все идетъ на короля, а не отдается ни дѣтямъ, ни ближнимъ; если отецъ уйдетъ въ землю непріятельскую, оставивъ на родинѣ дѣтей неотдѣленныхъ, то имѣніе идетъ на короля; отдѣленные же дѣти или братья измѣнника удерживаютъ свое имущество, если будетъ доказано, что они не участвовали въ измѣнѣ. Состави-

теди ложныхъ бумагъ и печатей королевскихъ сожигаются огнемъ. За насліе уряднику королевскому, при отправленіи его должности причиненное, смертная казнь. Повторяется прежнее постановленіе, что родственники и слуги преступника не терпятъ никакого наказанія. Всѣ подданные королевскіе, безъ различія состояній и богатства, судятся однимъ судомъ. Король, находясь въ Польшѣ, не раздаетъ Литовскихъ имѣній и не подтверждаетъ прежнихъ пожалованій; раздача эта и подтвержденіе происходятъ тогда только, когда король находится въ Литвѣ вѣстѣ съ панами радами, на общемъ сеймѣ. Въ искахъ по имуществамъ полагается десятилѣтняя давность. — Второй отдѣлъ заключаетъ въ себѣ постановленіе о земской оборонѣ; третій о шляхетскихъ правахъ; четвертый о семейныхъ отношеніяхъ. Касательно имущества жепъ и ихъ состоянія по смерти мужей развиваются древнія положенія, которыя мы видимъ въ обѣихъ половинахъ Руси, или ограничиваются въ слѣдствіе требованій государственнаго интереса. Если мужъ захочетъ жепъ своей записать вѣно, то долженъ оцѣнить все свое имущество, и записать вѣно въ третью часть цѣны, за приданое, принесенное женою (противко внесена); сравнимъ слова нашего Молочкина, который, въ своей духовной, благословляетъ жену вотчинами своими за ея приданое. Когда послѣ этого мужъ умретъ, оставить дѣтей, а жена пойдетъ за другаго мужа, то дѣти могутъ выкупить у нея записанное отцемъ ихъ вѣно, заплативши ей ту сумму денегъ, въ какую оно было оцѣнено; если же дѣти не захотятъ выкупать вѣна, будутъ дожидаться смерти матери своей, то наслѣдуютъ послѣ нея это вѣно, но обязаны, по ея смерти, отдать приданныя ея деньги тому, кому она въ духовной ихъ откажетъ, вѣно же свое она не можетъ никому отказать; если дѣтей не будетъ, то родственники мужа поступаютъ точно также. Мужъ воленъ отказать жепъ всю свою движимость (рухомыя речи), золото, серебро и проч., кромѣ оружія; изъ стадъ, рабовъ и скота можетъ отказать только третью часть, потому что это не считается движимымъ, но состоящимъ при имѣніи. Кто, выдавая

дочь замужъ, хочетъ дать за нею деньги, тотъ прежде всего пусть смотритъ, третья часть зятнина имѣнія стоитъ ли тѣхъ денегъ, которыя онъ даетъ за дочерью; если не стоитъ, то пусть отецъ на эти деньги купитъ имѣніе и дастъ его дочери. Жена, получившая отъ мужа вѣно, по смерти его невеступившая въ другой бракъ, имѣющая взрослыхъ сыновей пользуется только своимъ вѣномъ; а сыновья владѣютъ всѣмъ имуществомъ отцовскимъ, съ котораго отправляютъ земскую службу; но если жена не имѣетъ вѣна, то пользуется равною частію имущества съ сыновьями; если же пойдетъ замужъ, то часть свою должна оставить дѣтямъ и безъ всякаго вознагражденія. Принимая во вниманіе вредъ, причиняемый государству бездѣтными вдовами, которыя владѣютъ всѣмъ имѣніемъ мужей своихъ, тратятъ его въ ущербъ мужнимъ наследникамъ и службы съ этихъ имѣній, при женскомъ управленіи, отправляются не такъ, какъ слѣдуетъ, король постановилъ: бездѣтная вдова получаетъ только вѣно; если же вѣна не имѣетъ, то пользуется третью частью имущества до своей смерти или до замужства, въ каковыхъ случаяхъ и эта третья часть переходитъ къ родственникамъ мужа. Если мужъ, умирая, поручитъ дѣтей своихъ и имущество кому-нибудь изъ своихъ пріятелей, хотя бы чужому чело-вѣку, тогда послѣдній опекаетъ дѣтей и имущество, а жена умершаго пользуется только своимъ вѣномъ. Если же кто умретъ, не поручивши дѣтей своихъ никому, то жена заботится о дѣтяхъ и управляетъ всѣмъ имуществомъ до совершеннолѣтія дѣтей; когда дѣти выростутъ, то мать пользуется равною съ ними частію имущества; если же будетъ имѣть одного сына, то ему уступаетъ двѣ части, а сама остается при третьей. Если жена, будучи опекуншею дѣтей, пойдетъ замужъ, то опека переходитъ къ родственникамъ покойнаго мужа. Дурное управленіе имуществомъ дѣтскимъ, доказанное на судѣ, также лишаетъ ее права оставаться опекуншею; если нѣтъ родственниковъ, то король или паны назначаютъ чужаго добраго чело-вѣка опекуномъ. Если родители, выдавши одну дочь замужъ, умрутъ, оставя другихъ дочерей въ дѣвцахъ, то

послѣднія получаютъ точно такое же приданое, какое получила сестра ихъ; если родители въ духовномъ завѣщаніи опредѣлили количество приданого за дочерями, то завѣщаніе имѣетъ силу, если же завѣщанія нѣтъ, то все имущество оцѣнивается, и цѣна четвертой части его отдается дочерямъ; если даже будетъ одна дочь при многихъ братьяхъ, то она получаетъ цѣну всей четвертой части, и наоборотъ, если будетъ много сестеръ при одномъ братѣ, то всѣ онѣ получаютъ одну четвертую часть, раздѣливши ее по ровну. Подданная великаго княжества Литовскаго, вышедшая замужъ въ чужую землю, въ Польшу или Мазовію, не можетъ наследовать недвижимаго имущества во владѣніяхъ Литовскихъ. Дѣвушка, вышедшая замужъ безъ воли отцовской или материнской, лишается наследства, если бы даже была одна дочь у отца: имѣніе переходитъ къ родственникамъ. Если дѣвица сирота не совершеннолѣтняя выйдетъ замужъ безъ согласія дядей или братьевъ, то лишается имѣнія родительскаго; если бы она была совершеннолѣтняя, а братья или дядя нарочно не позволяли ей выходить замужъ, то она должна обратиться съ жалобой къ другимъ родственникамъ или къ правительству, съ ихъ разрѣшенія выходить замужъ и не теряетъ своей доли имущества; безъ согласія же родственниковъ и правительства, хотя и совершеннолѣтняя выйдетъ замужъ, лишается своего участка. Послѣ брата въ отцовскомъ имуществѣ наследуютъ только братья, въ материнскомъ же и сестра имѣетъ ровную съ ними долю. За непочтительное обращеніе родители имѣютъ право лишать дѣтей наследства, но не иначе, какъ давши знать объ этомъ правительству и представивъ законныя причины; отецъ, лишившій наследства сына и не имѣющій другихъ дѣтей, долженъ двѣ части имущества оставить роднымъ, а третью можетъ распорядиться по произволу. Вдова, вышедшая замужъ съ вѣномъ отъ перваго мужа, отъ втораго уже не можетъ имѣть вѣна, но по смерти его пользуется одинакою съ дѣтьми частію имущества; если же нѣтъ дѣтей, тогда пользуется до смерти своей третью частію имущества. Король даетъ обѣщаніе не выдавать вдовъ и дѣвицъ насильно замужъ. —

Пятый отдѣлъ статута заключаетъ статьи объ опекахъ: отвѣтственность опекуна опредѣляется согласно съ древними положеніями, которыя встрѣчаются въ Русской правдѣ; въ томъ же отдѣлѣ говорится, что всякій можетъ распоряжаться въ завѣщаніи имѣніемъ купленнымъ или движимымъ; не могутъ дѣлать завѣщаній несовершеннолѣтніе, монахи, дѣти отъ отцевъ неотдѣленные, люди въ чужой власти находящіеся, преступники, пошѣщенные. Здѣсь важное различіе между западною и восточною Русью, ибо въ послѣдней, начиная съ договора Олега съ Греками, наследство по завѣщанію предшествуетъ наследству по закону, послѣднее открывается только тогда, когда умершій не оставитъ послѣ себя завѣщанія, и завѣщатель въ своей духовной распоряжается одинаково произвольно имуществомъ наследственнымъ и благопріобрѣтеннымъ. Въ Литовскомъ же законодательствѣ мы видимъ, что можно было завѣщать только благопріобрѣтенныя и движимыя имущества. Думаютъ, что всѣ Славяне, а по примѣру ихъ и Литовцы, всегда отвергали завѣщанія, которыя явились въ слѣдствіе вліянія Римскаго начала, въ слѣдствіе вліянія каноническаго права. Но положимъ, что даже завѣщанія и въ Олеговомъ договорѣ могли явиться въ слѣдствіе вліянія Римскаго начала, ибо говорится о Руси, живущей въ имперіи, служащей у императора: почему же восточные Славяне такъ легко уступили вліянію каноническаго права, а западные поддались ему съ такимъ трудомъ? По нашему мнѣнію ограниченіе завѣщанія у западныхъ Славянъ и въ Литвѣ явилось въ слѣдствіе ранняго преобладанія сословнаго интереса надъ личнымъ произволомъ отца-завѣщателя, чего не было въ Руси Московской. Въ шестомъ отдѣлѣ говорится о судопроизводствѣ: воевода, староста или державецъ королевскій долженъ въ своемъ повѣтѣ выбрать двухъ землянъ, людей добрыхъ и вѣры достойныхъ, и привести ихъ къ присягѣ, и когда ему самому нельзя будетъ судить, то эти присяжные вмѣстѣ съ его намѣстникомъ судятъ по законамъ даннымъ всей землѣ. Въ судѣ никто не смѣетъ отказаться отвѣчать, и требовать переноса дѣла къ королю или къ сейму;

если же послѣ рѣшенія дѣла, которая-нибудь сторона чувствует себя обиженною, то можетъ требовать переноса дѣла на судъ королевскій, или, въ отсутствіе короля, на судъ сеймовый; паны радные для этого суда обязаны съѣзжаться въ Вильну два раза въ годъ. Въ седьмомъ отдѣлѣ говорится о насиліяхъ, причиненныхъ шляхтѣ: за наѣздъ на домъ съ цѣлю убійства виновный казнится смертію, изъ имѣнія его платится головщина ближнимъ убитаго, кромѣ пени, слѣдующей въ казну королевскую; еслибъ даже хозяинъ дома не былъ убитъ, спасся бѣгствомъ, то наѣзжикъ казнится смертію, а за наѣздъ платятся изъ его имѣнія. Если наѣзжикъ или помощникъ его будутъ убиты обороняющимся хозяиномъ, то послѣдній не только не отвѣчаетъ, но еще получаетъ вознагражденіе изъ имѣнія убитаго наѣзжика: такимъ образомъ законодательство XVI вѣка твердо держится постановленія Русской Правды. За насиліе, совершенное надъ женщиною или дѣвцею, преступникъ казнится смертію, но обиженная можетъ спасти ему жизнь, объявивъ желаніе выйти за него замужъ; за убійство отца, матери, брата, сестры смертная казнь, за разбой на дорогѣ также; за убійство шляхтича изъ имѣнія преступника платится роднымъ убитаго сто копъ грошей, да въ казну королевскую сто копъ. Кто укрываетъ преступниковъ и помогаетъ имъ, наказывается точно также, какъ и они сами. Отдѣлы осьмой и девятый говорятъ о рѣшеніи споровъ по землевладѣнію: здѣсь между прочимъ опредѣлено, что свидѣтелями не могутъ быть ни Жиды, ни Татары, а только христіане исповѣданія Латинскаго или Греческаго, но и между христіанами къ свидѣтельству допускаются только тѣ, которые исповѣдаются и приобщаются каждый годъ и пользуются хорошею славою. Въ отдѣлѣ десятомъ говорится объ имуществахъ, которыя въ долгахъ и о залогахъ. Въ отдѣлѣ одиннадцатомъ опредѣляется, что должно платить за убійство простыхъ людей и за раны имъ нанесенныя, здѣсь же постановлено, что Жидъ и Татаринъ не могутъ имѣть рабовъ христіанъ; но Татары держатъ ту челядь, которая дана имъ вмѣстѣ съ дворами отъ предковъ королевскихъ;

вольный человекъ ни за какое преступленіе не можетъ быть обращенъ въ рабство; если во время голода господинъ выгоняетъ отъ себя челядь невольную, не желая ее кормить, и она сама себя прокормитъ, то становится вольною; происхождение невольниковъ четвероякое: 1) стародавнее невольничество и происхождение отъ невольныхъ родителей; 2) плѣнъ; 3) если кто будетъ выданъ другому на смерть и будетъ просить неволи вѣсто смерти; 4) женитьба на невольной женщинѣ и выходъ замужъ за невольника. Въ двѣнадцатомъ и тринадцатомъ отдѣлахъ говорится о воровствѣ: если шляхтичъ въ первый разъ будетъ обвиненъ въ воровствѣ, безъ поличнаго, то обвиненный долженъ очистить себя присягою; если будетъ обвиненъ въ другой разъ также безъ поличнаго, тогда присяга одного его уже недостаточна; съ нимъ вѣстѣ должны присягнуть два шляхтича, пользующіеся доброю славою; при третьемъ обвиненіи должны присягать съ обвиненнымъ шесть шляхтичей; а при четвертомъ обвиненіи обвиненнаго вѣщаютъ. Вора съ поличнымъ пытаются три раза въ одинъ день, и если онъ съ пытки не повинится, то обвинитель долженъ заплатить ему за каждую муку по полтинѣ грошей; если же онъ умретъ на пыткѣ не повинившись, то обвинитель платитъ за него голову, смотря по званію умершаго; если обвиненный, въ силу чародѣйства, не чувствуетъ жукъ на пыткѣ, то обвинитель присягаетъ и получаетъ отъ обвиненнаго вознагражденіе за покраденныя вещи. Гораздо прежде изданія Статута король Сигизмундъ съ панами радами постановилъ о пересудѣ: если кто на комъ чего-нибудь ищетъ и не доищется, тотъ, на комъ искали, не платитъ пересуда; но если кто на комъ ищетъ и доищется, то выигравшій дѣло платитъ пересудъ — отъ рубля десять грошей, отъ десяти рублей рубль грошей, отъ ста рублей десять рублей грошей ⁴⁴⁰.

Касательно народнаго права замѣчательенъ договоръ Новгородскихъ и Псковскихъ намѣстниковъ съ Ливонскими Нѣмцами въ 1509 году: прежде, сказано въ договорѣ, когда вѣхалъ Новгородскій посолъ къ магистру, то магистровъ про-

водникъ въ Нарвѣ бралъ съ него по рублю; точно также и Новгородскій проводникъ бралъ съ магистрова посла въ Ивангородъ по рублю; теперь этого рубля не брать съ обѣихъ сторонъ, давать проводника безденежно; также въ Новгородѣ до сихъ поръ брали съ магистрова посла, и въ Ливонскихъ городахъ съ Новгородскаго посла подворное: впередъ посламъ съ обѣихъ сторонъ давать подворье даромъ. Въ договорѣ 1521 года опредѣлено: если будетъ тяжба у Новгородца съ Нѣмцемъ въ какомъ-нибудь Ливонскомъ городѣ, то тутъ же дѣло рѣшается, если предметъ спора не выше десяти рублей; если же искъ больше чѣмъ въ десяти рубляхъ, то Новгородца съ Нѣмцемъ въ Ливонскихъ городахъ не судить, но отдать отвѣтчика Новгородца на поруки или держать подъ стражею и дать знать объ этомъ намѣстникамъ Новгородскимъ, которые положить срокъ, когда обонимъ тяжущимся стать на сѣздѣ, на рѣкѣ Наровѣ, на общемъ островѣ; къ этому сроку оба правительства высылаютъ судей; также поступать и въ уголовныхъ случаяхъ: Нѣмца въ Новгородѣ, а Новгородца въ Нѣмецкой землѣ не казнить, а ставить на сѣздѣ передъ общими судьями. Если на общемъ судѣ присудятъ крестное цѣлованье, то цѣловать отвѣтчику. Въ договорѣ съ Ганзейскими городами 1514 года опредѣлено: потерпѣть Новгородскіе купцы на морѣ какой-нибудь вредъ отъ лихихъ людей и эти лихіе люди будутъ изъ 70-ти городовъ ганзейскихъ, то 70 городовъ ищутъ лихихъ людей, и нашедши, казнятъ смертію, а товаръ Новгородскій отдаютъ Новгородскимъ купцамъ; если лихіе люди будутъ не изъ семидесяти городовъ, то ищеть правительство Новгородское; потерпѣть вредъ Нѣмецкій купецъ на землѣ и водѣ Новгородской, то намѣстники Новгородскіе ищутъ лихихъ людей, и сыскавши, казнятъ ихъ стертію; а товары отдаютъ Нѣмецкимъ купцамъ. Услыхавши о такихъ случаяхъ, о разбояхъ, купцовъ Новгородскихъ не сажать въ тюрьму въ семидесяти городахъ, а Нѣмецкихъ купцовъ не сажать въ тюрьму въ Новгородскихъ городахъ. Положить Новгородецъ съ Нѣмцемъ товаръ на одно судно, и случится съ этимъ то-

варомъ бѣда на морѣ, то оставшіяся товаромъ дѣлиться Новгородцу съ Нѣмцемъ безъ хитрости, по крестному цѣлованію; прибѣтъ Новгородское судно вѣтромъ къ Нѣмецкому берегу, или Нѣмецкое судно къ Новгородскому берегу, то суда эти, обыскавъ, отдавать на обѣ стороны, а брать съ нихъ перейма отъ десяти рублей по рублю. — Въ переговорахъ съ императорскимиъ посломъ Герберштейномъ, великій князь велѣлъ высказать такое положеніе относительно безопасности пословъ: «Въ обычаѣ межъ великихъ государей, послы ѣздить и дѣла межъ ихъ дѣлаютъ по сговору на обѣ стороны, а силы надъ ними некоторыя не живутъ. Отъ прародителей нашихъ, и при отцѣ нашемъ и при насъ отъ королей Польскихъ послы ѣздили и дѣла великія дѣлывались на обѣ стороны, уговора. Да какъ придетъ на добрый конецъ, и они дѣла сдѣлавъ, безъ зацѣпки прочь пойдутъ; а которыя дѣла не придутъ на доброе согласіе, и они и не сдѣлавъ дѣла, прочь пойдутъ безо всякіяжъ зацѣпки»⁴⁴¹. Но въ отношеніи къ Татарамъ это правило, какъ мы видѣли, не соблюдалось.

Замѣтимъ нѣкоторые случаи Васиіева княженія, которые могутъ дать намъ понятія о нравахъ и обычаяхъ времени. Въ лѣтописяхъ записаны подробно церковныя торжества, въ которыхъ великій князь принималъ самое дѣятельное участіе. Такъ при описаніи отпуска св. иконъ во Владимиръ послѣ ихъ возобновленія говорится, что великій князь праздновалъ тотъ день свѣтло и радостно съ высшимъ духовенствомъ, князьями и боярами, пиръ устроилъ большой, милостыню священникамъ и нищимъ роздалъ на городъ. Въ 1531 году великій князь по обѣщанію построилъ церковь Іоанна Предтечи на старомъ Ваганьковѣ: самъ первый началъ работать, за нимъ плотники; церковь выстроили въ одинъ день и въ тотъ же день освятили; великій князь присутствовалъ съ семействомъ, боярами и множествомъ народа, вѣроятно Васиій исполнилъ этииъ обѣтъ свой, данный предъ рожденіемъ сына Іоанна. Освященіе церкви въ селѣ Коломенскомъ великій князь праздновалъ три дня, дарилъ митрополита и братьевъ своихъ. Въ па-

мятниковъ все чаще и чаще встрѣчаются извѣстія о братчинахъ, или складчинныхъ пирахъ по случаю праздниковъ. Въ своемъ мѣстѣ было замѣчено, что происхожденія этого обычая надобно искать во временахъ дохристіанскихъ. Поособнымъ условіямъ, о которыхъ будетъ рѣчь ниже, братчины или братства въ юго-западной Руси получили послѣ особенное развитіе и значеніе.

Въ 1525 году судилъ судъ великій князь Василій: тягались изъ Юрьева Новой слободки митрополичьи крестьяне, Клишко Насоновъ и товарищи его съ людьми Акинеа Чудинова — Козломъ, Сухимъ, Хромымъ и другими; Клишко жаловался: «Козель съ товарищами загнали у насъ съ поля животину, четыре коровы да двадцать овецъ къ себѣ въ деревню; и я, Клишко съ товарищами пріѣхали къ тому Козлу бить челомъ, чтобъ намъ животину нашу отдали; но Козель съ товарищами начали насъ бить и собаками травить; я, Клишко съ двумя товарищами, поутекали, но третьяго товарища, Добрынку Андреева Козель и его товарищи убили до смерти и невѣдомо гдѣ дѣли, а всего грабежу у Добрынки и съ нашею животиною взяли на четыре рубли и на шестнадцать алтынъ». Отвѣтчики и господинъ ихъ Акинеъ Чудиновъ запирались и хотѣли, съ своей стороны, обвинить истцевъ, но обвиненій своихъ не могли доказать; почему великій князь ихъ обвинилъ и велѣлъ на Козлѣ съ товарищами взыскать 4 рубли 16 алтынъ, да за Добрынкину убитую голову четыре рубли, да за долгъ, который остался на Добрынкѣ, и судебные убытки, и отдать Клишку съ товарищами. — Въ 1513 году великій князь далъ такой приказъ въ Бѣлозерскія волости старостамъ, десятикимъ и всѣмъ крестьянамъ: «били мнѣ челомъ старцы Ниловой пустыни, чтобъ мнѣ велѣть ихъ беречь отъ воровъ и отъ разбойниковъ: и вы бы ихъ берегли отъ лихихъ людей отъ воровъ и отъ разбойниковъ, накрѣпко, чтобъ имъ не было обиды ни отъ какого человѣка. А который старецъ начнетъ жить у нихъ въ ихъ пустынь безчинно, не по ихъ уставу, и я имъ велѣлъ того старца выслать вонъ; а не послушаетъ ихъ старецъ, отъ нихъ вопъ не пойдетъ, по моему приказу,

и велятъ вамъ старцы того чернеца выслать вонъ, и вы бы его выкинули вонъ, чтобъ у нихъ не жилъ». — Изъ житія св. Данила Переяславскаго узнаемъ, что на дорогъ между Москвою и Переяславлемъ происходили сильные разбои, разбойничалъ какой-то Симонъ Вороновъ.

По смерти извѣстнаго Псковскаго дьяка Мисюря Мунехина нашли въ его казнѣ тетради, въ которыхъ было записано, кому что на Москвѣ далъ — боярамъ, дьякамъ, дѣтямъ боярскимъ; все это великій князь велѣлъ выискать на себя: родственники Мисюря были вызваны въ Москву, любимый подъячій его, Артюша Псковитинъ былъ на пыткѣ ⁴⁴².

Со временъ великаго князя Василія начинается рядъ подробнѣйшихъ описаній Московскаго государства, принадлежащихъ иностраннымъ путешественникамъ, преимущественно посламъ; этотъ рядъ открывается знаменитыми комментаріями Герберштейна. По иностраннымъ извѣстіямъ, браки у жителей Московскаго государства устраивались родителями жениха и невѣсты; молодые люди высшихъ сословій обыкновенно до самаго брака не видывали невѣсть своихъ, потому что для женщинъ высшихъ сословій считалось дѣломъ приличія вести затворническую жизнь. Очень рѣдко посѣщали онѣ церкви, еще рѣже показывались гостямъ мужчинамъ, развѣ только старикамъ, которыхъ нельзя было подозрѣвать въ излишней любезности. Впрочемъ въ извѣстные праздничные дни позволялось женщинамъ и дѣвушкамъ собираться на дуга, качаться на качеляхъ, пѣть пѣсни съ прихлопываніемъ въ ладоши. Здѣсь насъ остановитъ извѣстіе, что женщины очень рѣдко ходили въ церковь: если принимать это извѣстіе, то оно объяснится тѣмъ, что почти у cadaго сколько нибудь богатаго человека была своя домовая церковь, вслѣдствіе чего знатныя женщины дѣйствительно могли очень рѣдко ѣздить на богомолье въ соборныя, монастырскія и другія всѣми посѣщаемыя церкви. Герберштейнъ первый пустилъ въ ходъ разсказъ, что Русскія женщины упрекали въ холодности мужей, если тѣ ихъ не били; тоже самое говорить онъ и о слугахъ, которые думали,

что господа сердятся, если не бьютъ ихъ. Герберштейнъ жалуется также на лѣнь и спѣсь значительнѣйшихъ людей, не умѣвшихъ при этомъ въ извѣстныхъ случаяхъ поддерживать собственное достоинство. Будучи умѣренны въ пищу, они не были умѣренны въ питьѣ. Богатые люди вели жизнь сидячую; ходить пѣшкомъ считалось не приличнымъ.

Знатные люди имѣли многочисленную служню изъ рабовъ и свободныхъ. И свободный служитель проводилъ обыкновенно всю жизнь у одного господина, потому что если онъ оставитъ послѣдняго противъ его желанія, то никто другой не возьметъ его; но и господинъ дурно обращающійся съ хорошимъ слугою, пріобрѣтаетъ дурную славу и никто изъ свободныхъ людей не пойдетъ къ нему въ услуженіе. Передъ смертію господа обыкновенно отпускаютъ рабовъ на волю; но тѣ, освободившись, тотчасъ закабаливаются въ холопство другимъ господамъ, взявши съ нихъ деньги. Отецъ можетъ закабалить своего сына; если послѣдній получить свободу, то отецъ можетъ закабалить его въ другой, третій и четвертый разъ, послѣ же четвертаго раза кабалить не можетъ. Казнить смертію какъ свободныхъ такъ и не свободныхъ людей можетъ одинъ великій князь. Случаи смертной казни вообще бывали рѣдки, ибо за воровство рѣдко казнили смертію, даже за убійство рѣдко, если только оно не было совершено для грабежа; употреблялись пытки — битье по пятамъ, обливаніе холодною водою, вколачиваніе деревянныхъ гвоздей подъ пятки. Взятки были въ явномъ употребленіи. Герберштейнъ жалуется на хитрости жителей Московскаго государства въ торговлѣ, на ихъ страсть торговаться, тянуть дѣло, и особенно обвиняетъ въ этомъ жителей собственно Московской области, хваля Псковичей за противоположный обычай. Онъ оставилъ описаніе боевъ, которыми въ его время потѣшались молодые люди въ Москвѣ: на обширной площади сходились они и начинали биться на кулачки, стараясь ударить противника въ самыя чувствительныя мѣста, такъ что часто выносили мертвыхъ изъ толпы. Въ праздничные дни рабочее народонаселеніе,

отслушавъ обѣдню, возвращалось къ своимъ обычнымъ занятіямъ, потому что простому народу запрещено употребленіе пива и меда, исключая самыхъ главныхъ праздниковъ—Свѣтлаго Воскресенья, Рождества Христова, Троицына дня и нѣкоторыхъ другихъ.

Герберштейнъ оставилъ намъ и описаніе Русской одежды XVI вѣка, въ которой намъ легко узнать кафтанъ, подпоясанный подъ животъ кушакомъ; красные короткіе сапоги не доходили до коленъ. Изъ Русскихъ памятниковъ довольно подробное перечисленіе одеждъ и украшеній женскихъ и мужскихъ находимъ въ духовномъ завѣщаніи удѣльнаго князя Дмитрія Ивановича⁴⁴³: накатки женскія саженыя жемчугомъ, запущье подволочное сажено жемчугомъ на бели на камнѣ червчатой, саженье шубы женской, сажено жемчугомъ съ дробницею на бѣли, монисто золотое, цаты съ яхонтами и жемчугомъ, чело кичное съ тѣмъ же украшеніемъ, переперы кичныя серебряныя золоченыя, ожерелье на цкахъ золотыхъ, серьги, жиковины женскія—все это украшено жемчугомъ и каменьями дорогими, монисто съ крестами, иконами и пронизками, запонки съ переперами, чичаки золотые; мужское саженное платье: ментени атласныя съ кружевомъ, а кружево сажено жемчугомъ, однорядки скорлатныя, колпаки столбуны съ жемчугомъ, чоботы, саженыя жемчугомъ. Упоминаются также въ духовной сосуды золоченныя черезъ грань, на крышахъ у которыхъ были разныя изображенія, у одного городокъ, у другаго птица, кубки золоченныя и не золоченныя съ пупышами, травами и достокановымъ дѣломъ, сосуды въ видѣ вола, лодки, пѣтуха, рога, чары, ковши съ литыми звѣрями и узорами, мисы, блюда, блюдо лебяжье, блюдо гусиное, разсолъники, горчишники, тарели, ложки, ставцы, солонки, перечницы, укусуницы, сковороды золоченыя. Изъ завѣщаній можно имѣть понятіе только объ одеждѣ и столовомъ серебрѣ; въ описаніи кончины Василювой упоминается о креслахъ, на которыхъ больной великій князь сидѣлъ подлѣ постели.

Мы видѣли вещи, поименованныя въ завѣщаніи княжескомъ;

теперь взглянемъ на завѣщаніе богатаго купца, на вещи, которыя въ немъ поименованы: «благословляю дочь свою Ульяну иконою Благовѣщенія на золотѣ, да другою иконою складною 12 праздниковъ, серебромъ обложенною; да Ульянѣ же даю торлопъ куній, лѣтникъ камчатный, шубку зеленую, ожерелье бобровое наметное, лѣтникъ новый мухояровый червчатый, лѣтникъ изуфрянный, кортель хребтовый бѣлый. Другую дочь Анну благословляю тремя иконами на золотѣ; даю ей лаханъ мѣдную, рукомойникъ, три котла поваренныхъ, кубъ винный съ трубою. Меньшую дочь Прасковью благословляю пятью образами на золотѣ. Даю всѣмъ тремъ дочерямъ своимъ восемь оловянныхъ и кружекъ и мушоромъ, да оловяничекъ мѣдный, да судки столовые оловянные, да четыре сковородки мѣдныя бѣлыя; тещѣ своей далъ шубу кунью ветхую; дочерямъ: шубу кунью, шубу бѣлую, однорядку лазоревую брюкишную, охабень багровый, два ларца, коробью Новгородскую, 9 блюдъ оловянныхъ, четыре шандана желѣзныхъ стѣнныхъ, да два шандана стоячихъ мѣдныхъ; дочери Прасковѣ котель мѣдный пивной; дочери Аннѣ чарку серебряную и цѣна чаркѣ два рубли⁴⁴⁴. Герберштейнъ оставилъ намъ краткое описаніе домовъ, которые, по его словамъ, имѣли обширныя и высокія стѣны, но низкія двери, такъ что входить нужно было непременно нагнувшись. Въ каждой комнатѣ въ переднемъ углу находились изображенія Святыхъ, или писанныя или литыя.

Въ западной Руси начальство препятствовало церковному суду, укрывая отъ него преступниковъ и тѣмъ вредило нравственности. Назначенный митрополитъ Іосифъ жаловался королю, что многіе изъ Русскихъ людей живутъ незаконно, женятся не вѣнчаясь, дѣтей крестить не хотятъ, на исповѣдь не ходятъ; а когда онъ посылаетъ за ними слугъ своихъ, то войты, бурмистры, радцы, мѣщане не выдаютъ ихъ на судъ: король разослалъ окружную грамоту чтобъ впередъ этого не было. Въ уставныхъ грамотахъ державцамъ и тиунамъ Жмудскихъ волостей король говорить, что подданнымъ его въ этихъ волостяхъ урядники причиняютъ великія неправды и непомѣр-

ныя тяжести, такъ что многіе люди съ земель своихъ прочь разошлись и земель пустыхъ много осталось. Относительно обычаевъ въ западной Руси, дошла до насъ запись (листъ) знаменитаго гетмана Литовскаго, князя Константина Острожскаго, данная предъ вступленіемъ его во второй бракъ съ княжною Александрою Слуцкою. Принужденный отложить свадьбу по причинѣ похода къ Минску, князь Константинъ обязывается вступить въ бракъ немедленно по возвращеніи съ королевской службы, если только тому не воспрепятствуетъ болѣзнь или новое назначеніе отъ короля. Родственники невесты обязаны дать за нею наличными деньгами тысячу золотыхъ, червонныхъ Венгерскихъ, да приданое, приличное ея званію происхожденію, стоящее не менѣ трехъ тысячъ копъ грошей Литовской монеты. Князь Константинъ съ своей стороны, обязывается, взявши деньги, записать женѣ вѣно на своихъ отчинахъ, которыми прежде записанія этого вѣна, не можетъ распорядиться — другому записывать ихъ, продавать, дарить; вѣно должно состоять изъ третьей части всѣхъ вотчинъ княжескихъ. Дѣтей отъ втораго брака князь Константинъ обязывается держать также какъ и сына отъ перваго, Илью: по смерти отца они получаютъ равную долю наслѣдства съ этимъ старшимъ братомъ. При неисполненіи этихъ обязательствъ сторона неисполнившая обязана заплатить 8 тысячъ копъ грошей: 4000 другой сторонѣ, и 4000 королю⁴⁴⁵.

Литература продолжала быть по преимуществу церковною, а мы уже видѣли, какіе вопросы занимали Русскую церковь въ княженіе Василія, видѣли главныхъ дѣателей при рѣшеніи этихъ вопросовъ и труды ихъ. Въ 1598 году преставился знаменитый отшельникъ, Нилъ Сорскій, поднявшій при Іоаннѣ III вопросъ о монастырскихъ имѣніяхъ. Постриженникъ Кириллова Бѣлозерскаго монастыря, Нилъ провелъ нѣсколько лѣтъ на Афонской горѣ и въ монастыряхъ Константинопольскихъ, изучилъ здѣсь творенія св. Отцевъ пустынныхъ, руководствующія къ созерцательной жизни, и, возвратившись въ отечество, старался ввести эту жизнь среди Русскихъ иноковъ;

преданіе Нила ученикамъ дошло до насъ; выишемъ изъ него нѣсколько мѣстъ, изъ которыхъ ясно будетъ видно направленіе учителя:

«Сіе же отъ св. Отецъ опаснѣ предано есть намъ, говорить Нилъ, яко да отъ праведныхъ трудовъ своего руководія и работы, дневную пищу и прочія нужныя потребности себѣ приобрѣтаемъ. Дѣлати же дѣла подобаесть подѣ кровомъ бывающая. Аще ли же не удовлимся въ потребахъ нашихъ отъ дѣланія своего, то взимати мало милостыни отъ христіолюбцевъ, нуждая, а не излишняя. Стяжанія же, яже по насилію отъ чужихъ трудовъ собираема, вносити отнюдь нѣсть намъ на пользу. Како бо можемъ сохранить заповѣди Господня, сіа имѣющее: хотящему съ тобою судитися и одежду твою взяти, отдаждь ему и срачицу, и прочая едико таковая, страстни суще и немощни; но должны есмы, яко ядъ смертоносець, отрѣвати и отгоняти. Въ купли же потребъ нашихъ и преданіи руководій подобаесть не отщетевати (не убытчить) брата, паче же самѣмъ тщету приимати. Излишняя же не подобаесть намъ имѣти. А еже просящимъ даяти, и заемлющихъ не отвращати, сіе на лукавыхъ повелѣно есть, глаголетъ Великій Василій. Не имѣяй бо излише нужныя потребности, не долженъ есть таковой даянія даяти; и аще речеть: не имамъ, нѣсть солгалъ, глаголетъ Великій Варсоноій. Явленъ бо есть инокъ онъ, иже не подлежитъ творити милостыню; той бо откровеннымъ лицемъ можетъ рещи: се мы оставихомъ вся, и въ слѣдъ тебѣ идехомъ. Пишетъ же св. Исаакъ: нестяжаніе вышши есть таковыхъ подаваній. Сосуды златы и серебряны, и самыя священныя, не подобаесть имѣти, такожде и прочая украшенія излишняя, но точію потребная церкви приносить. — Наипаче во время молитвы подобаесть подвизатися поставити умъ глухъ и нѣмъ, якоже рече Нилъ Синайскій, и имѣти сердце безмолствующе отъ всякаго помысла, аще и отнюдь благъ является, глаголетъ Исихій Іерусалимскій. И понеже речено есть, яко благимъ помысломъ послѣдующе, лукавіи входятъ въ насъ: того ради подобаесть понуждатися

молчати мыслію и отъ мнящихся помыслъ десныхъ, и зрѣти присно въ глубину сердечную, и глаголати: Господи Иисусе Христе Сыне Божій помилуй мя. И тако глаголи прилежно, аще стоя, или сѣдя, или лежа, и умъ въ сердце затворяя, и дыханіе держа, елико мощно, да не часто дышеша, якоже глаголетъ Симеонъ Новый Богословъ. А еже рекоша сіи святїи держати дыханіе, еже не часто дышати, и искусь вскорѣ научить, яко зѣло пользуется въ собранію умному. О сущихъ въ предъуспѣяніи и доспѣвшихъ въ просвѣщеніе, рече (св. Григорій Синаитъ): сіи не требуютъ глаголати псалмы, но молчаніе и неоскудную молитву и видѣніе. Святый же Исаакъ о сицевыхъ высочайшая пища, повѣдаетъ тако: егда бываетъ имъ неизреченная оная радость, и молитву отъ устъ отсѣцаетъ, престануть бо тогда, рече, уста и языкъ и сердце, иже помысловъ хранитель, и умъ, чувствомъ кормчїй, и мысль, скоролетающая птица и безстудная; и не кому имать мысль молитву, ни движеніе, ни самовластіе, но постановленіемъ наставляется силою иною, а не наставляетъ, и плѣненіемъ содержитсяъ въ часъ оный, и бываетъ въ непостижныхъ вещехъ, идеже не вѣсть.»

Не разъ упоминали мы о великокняжескомъ дьякѣ Мисюрѣ Мунехинѣ, который долгое время завѣдывалъ дѣлами Пскова. Какъ всѣ лучшіе, грамотные люди того времени, Мунехинъ питалъ сильную склонность къ монастырской жизни; въ 40 верстахъ отъ Пскова, на Нѣмецкомъ рубежѣ отыскалъ онъ убогїй, никѣмъ не знаемый монастырь Печерскїй, сталъ объ немъ заботиться, ѣздить туда по праздникамъ со многими людьми и кормить братїю, распространилъ, обстроилъ монастырь, который съ тѣхъ поръ, по словамъ лѣтописца, сталъ славенъ не только на Руси, но и въ Латынѣ, т. е. въ Нѣмецкой землѣ, до самого моря Варяжскаго. Къ этому—то Мисюрю обращался съ своими любопытными посланїями Филоевъ, инокъ Елизарова монастыря; въ одномъ изъ нихъ Филоевъ касается вопросовъ, которые особенно занимали тогда грамотныхъ людей. Мы видѣли, что и Максимъ Грекъ долженъ былъ вооружиться про-

тивъ вѣры во вліяніе звѣздъ; Филоеей вооружается противъ того же: звѣзды, говоритъ онъ, не имѣютъ вліянія на судьбу міра и людей; если Богъ сотворилъ злые дни и часы, то за что же злые люди будутъ подвержены мученію? не виноваты они, что родились въ злые часы; надобно уповать на вседающаго Бога, а звѣзды не помогутъ ни въ чемъ, ни придадутъ, ни отнимутъ; Филоеей утверждаетъ также, что нѣтъ разности считать годы отъ сотворенія міра или отъ Рождества Христова; вооружается противъ Латиновъ; наконецъ касается значенія Московскаго государства: два Рима пали, третій есть Москва, четвертому не быть. Другое посланіе Филоея къ Мисюрю касается мѣръ, которыя умный дьякъ употреблялъ противъ распространенія моровой язвы, а именно, онъ загораживалъ дороги, печаталъ дома, мертвыя тѣла приказывалъ хоронить въ отдаленіи отъ города.

Владыки по прежнему поучали народъ: лѣтописецъ, описывая пріѣздъ архіепископа Макарія въ Новгородъ, говоритъ: «Просвѣтившись силою Божіею, онъ началъ бесѣдовать къ народу повѣстями многими, и всѣ чудились, какъ отъ Бога дана была ему мудрость въ божественномъ писаніи, такъ что всѣ разумѣли, что онъ говорилъ». Митрополитъ Даниилъ въ посланіи къ одному епископу опредѣляетъ, въ чемъ должно было состоять пастырское поученіе: «но не о себѣ учить или отъ своего разума составлять что, но отъ свидѣтельства божественныхъ писаній». Впрочемъ, по свидѣтельству иностранцевъ, проповѣдь не была въ употребленіи: причиною тому было опасеніе, чтобъ проповѣдникъ не сказалъ чего нибудь еретическаго. Объ этомъ свидѣтельствуеетъ и приведенное наставленіе Митрополита Даниила: опасеніе законное при тогдашнемъ состояніи просвѣщенія, о которомъ всего лучше свидѣтельствуеетъ порча книгъ. — До насъ дошло еще довольно число посланій Митрополита Даниила: значительная часть ихъ содержитъ наставленія о иноческой жизни; другая содержитъ преимущественно увѣщанія къ цѣломудрію; есть посланіе къ нѣкому епископу о лихоимствѣ; къ нѣкому впадушъ въ глубочайшій

ровъ беззаконія; поученіе, въ которомъ Данилъ старается отвратить духовенство отъ свѣтскихъ удовольствій, по крайней мѣрѣ духовенство соборной митрополіи, т. е. Успенскаго собора; есть посланіе, содержащее наставленія, какъ христіане должны отвѣчать Агарянамъ, хулящимъ нашу православную вѣру христіанскую — значить въ то время нужны были подобныя наставленія. Для ознакомленія съ духомъ и языкомъ посланій Даниловыхъ, приведемъ два отрывка: одинъ изъ посланія къ Пафнутію, игумену Никольскаго монастыря на Волосовѣ во Владимірской области; другой изъ посланія къ старцу Сторожевскаго монастыря Діонисію. Въ первомъ посланіи Данилъ говоритъ: «Добраго и истиннаго пастыря дѣло есть еже милосердовати о овцахъ и промышляти и пещися ими и съболѣзновати недужному овчати, якоже благоразсудный отецъ къ дѣтямъ присносущимъ да промышляетъ и посѣщаетъ кождо, и подобное врачеваніе и промышленіе противу силъ приносить, или тѣлсно, или душевно, любовію и отеческимъ благоразуміемъ всѣхъ милуя, всѣхъ изыскуя, о всѣхъ промышляя, терпя всѣхъ, пріемля всѣхъ, утѣшая всѣхъ, не завистно подавая разумъ ученія всѣмъ, недугующихъ укрѣпляя, малодушествующихъ утѣшая, скорбящихъ подобнымъ врачеваніемъ обвеселяя, согрѣшающихъ обращаая, семдесятъ седмицею прощая по заповѣди Господни, прощеніе бо грѣхомъ нашимъ въ прощеніи братіи нашей обрѣтаемъ, якоже писано есть. Сего ради прежде иныхъ добродѣтелей стяжаемъ смиреніе. Аще кто въ васъ паче прочихъ больше есть, да самъ о себѣ не велемудрствуетъ и да не превозносится на меньшая и худѣйшая, или извѣтъ предлагая многолѣтняго иночества своего, или дѣла художественная, или словеса и рѣчи сладкогласныя, или блгородія изящная, или санъ величества, или приношенія богатства и стяжанія многа. Но той паче да почитаемъ бываетъ въ васъ, его же самъ игумень и первѣйшая братія изберуть, прочая же вся въ васъ да бываютъ по доброму и блаженнѣйшему разсуженію, всему бо свѣтъ есть разсуженіе.»

Старецъ Діонисій просилъ у митрополита наставленія, какъ

ему быть при многихъ гоненіяхъ, скорбяхъ, напастяхъ и бѣдахъ, пришедшихъ на него? Данилъ утѣшаетъ его, выставляя пользу страданій для человѣка въ этомъ мірѣ: «Ничтоже убо тако приближаетъ человѣка къ Богу, якоже скорби и напасты: тѣмъ же терниѣмъ благодарственнѣ вси находимаи нами скорбная, ради имени Господня, ради престатія страстей нашихъ... Совершеніи убо скорби съ радостію, сладкѣ приимлютъ; посредніи же, овогда съ радостію, овогдажъ съ печалію терпятъ скорби, благодаряще Бога и себе виновныхъ творяще; послѣдніижъ съ печалію и съ горестію душа тернятъ скорби, благодаряще Бога и себе виновныхъ творяще, но и сіи отъ Бога милость приимлютъ. А еже въ скорбехъ къ Богу не благодарственное имѣти, и вины налагати на челоуки, и съ оими грызтись и которатися, послѣдняго безуміа есть». Свои наставленія Данилъ подкрѣпляетъ словами отцевъ церкви: Златоустаго, св. Марка, Іоанна Лѣствичника, Ефрема, Никиты Стифата, Исихія Іерусалимскаго, Максима, Симеона новаго Богослова, Исаака. Такимъ образомъ мы видимъ источники, которыми могли пользоваться Русскіе церковные писатели первой половины XVI вѣка⁴⁴. Къ сожалѣнію у Данила были и другіе источники, которыми онъ пользовался безъ разбора, что условливалось тогдашнимъ состояніемъ просвѣщенія.

ПРИМЪЧАНІЯ.

4) Въ житіи св. Михаила Клопскаго читаемъ: «Сему же чудному Кузмю (владыкѣ, второму этого имени) возведену бывшу на престолъ, случается тогда нестроеніе въ градѣ: ови отъ грѣшамъ прилежаху по древнему преданію русскимъ царемъ, вельможи же града вси и старейшины хотяху Латыни приложитися и сихъ Краю повиноватися. И тако нестроенію велику стужу, и того ради блаженному Еуосмію несовершенство архіерейства саномъ три лѣта». Въ послѣднемъ извѣстіи о трехъ годахъ есть неточность, и вообще этого извѣстія безусловно принимать нельзя.

2) Акты арх. экзп. I, N 80.

3) П. С. Р. Л. VI, 3.

4) Акты арх. экзп. I, 87.

5) Это можетъ значить: не хотимъ убытчимся на подъямъ вашего воева по нашимъ вѣдомствѣмъ.

6) Быть можетъ въ это время Іоаннъ пожаловалъ сына Марсина, тогдашняго степеннаго посадника, Дмитрія Борецкаго въ бояре Московскіе, чтобъ отвлечь эту могущественную фамилію отъ Литвы. См. Опытъ трудовъ Вольнаго Россійск. Собр. I, 249.

7) Здѣсь слѣдуютъ уже извѣстныя намъ жалобы на поведеніе Новгородцевъ.

8) Быть можетъ намѣкъ на Борецкихъ.

9) О степенномъ не говорить, ибо степенный былъ Борецкій.

10) Акты историч. I, N 280, 281.

11) П. С. Р. Л. VI, 192. Въ нѣкоторыхъ спискахъ вм: «говорити

по лѣтописцемъ» сказано: «воротити лѣтописцемъ». Издатели считают последнее чтеніе ошибочнымъ; но мы въ этомъ сомнѣваемся: воротити лѣтописцемъ, переворачивать листы въ лѣтописяхъ — это выраженіе могло быть очень легко употреблено вмѣсто: читать, пріискивать что-нибудь въ книгѣ.

12) Москов. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, копіи съ актовъ Кёнигсберг. Арх. lief. 18, N 18; письмо Ливонскаго магистра отъ 15 Августа 1471 года.

13) Въ разныхъ лѣтописяхъ этотъ походъ Новгородскій описанъ различно: въ однихъ говорится только объ одной Шелонской битвѣ; въ другихъ о двухъ: близъ Русы или на Коростынѣ и на Шелони; въ нѣкоторыхъ о трехъ: о Коростынской, на рѣкѣ Полѣ и на Шелони. По внимательномъ разсмотрѣніи всѣхъ этихъ извѣстій я пришелъ къ тому заключенію, что должно, основываясь на разсказѣ Ростовскаго и Никоновскаго списка, допустить три битвы. Вотъ этотъ разсказъ: (Никон. VI, 26): И поидоша къ Новугороду къ рѣцѣ Шелонѣ; и аже придоша на мѣсто нарицаемое Коростыня у озера Илмева на брѣгѣ, и внезапно паки безвѣстно приде на нихъ по езеру рать въ судеть отъ Новагорода, и изъ судовъ вышедъ придоша таемъ подѣ ставы ихъ, а имъ въ то время оплошившимся. Сторожи жъ воеводѣ В. Князя видевше ихъ, возвѣстиша и многихъ Новгородцевъ избиша... и оттолѣ паки возвратишася къ Русѣ. Въ той же день въ Русѣ иная рапгѣшая множае первые и сугубеиша, и пришли рекою же въ судеть Полою Именомъ (въ Ростов. правильнѣе: Полою именовъ), воеводи же В. Князя и на тѣхъ пришедъ побѣдиша ихъ... и сами воеводи отъ Русы поидоша къ Демону городку». — Здѣсь мы должны необходимо допустить смѣшеніе собственныхъ именъ рѣкъ: если вторая битва была у Русы, то Новгородская рать не могла прѣхать рѣкою Полою, а Полистью; если же прѣехала Полою, то битва не была у Русы; мы думаемъ, что должно принять Полу и видѣть ошибку относительно Русы, ибо въ противномъ случаѣ, для чего бы воеводамъ отъ Коростыни возвращаться такъ далеко назадъ къ Демону, именно на Полу рѣку?

14) Наконецъ по лѣтописи Псковской: И наѣхаша на Шелони сму Московскую Князя Данильа, ѣдутъ съ ними поровну обонѣ полѣ рѣки, и недошедше Мустца и Солцы, и вергошася Москвичи съ берега въ рѣку Дрянъ и прегнавше Дрянъ рѣку, и ударишася на нитъ и побѣдиша ихъ. — Мустца на лѣвомъ берегу Шелони, противъ впаденія рѣчки Иловеньки.

15) Акты истор. I, N 282.

16) Акты арх. эксп. I, N 90.

17) Тамъ же, N 91.

18) Тамъ же, N 93, 94.

19) Никон. VI, 16 — 33; П. С. Р. Л. IV, 127 — 129; 239 — 242; VI, 1 — 15; 191 — 194.

20) П. С. Р. Л. т. VI, 210: А жити говорили съ товарищи о томъ, что Великаго Князя *мукобране* позываютъ Новугородцевъ, а отъ намѣстниковъ въ городѣ, и ищутъ на Новугородцѣхъ въ городѣ передъ Намѣстникомъ да передъ посадникомъ, а чего на нихъ Новугородци взыщутъ, и они въ городѣ не отвѣчаютъ, а отвѣчиваютъ на Городицѣ: и государь бы Князь велики пожаловалъ велѣть ихъ судити намѣстнику своему съ посадникомъ въ городѣ. — Слово: *мукобране* до сихъ поръ еще удовлетворительно не объяснено. Брать знач. ѣсть въ нѣкоторыхъ областныхъ нарѣчіяхъ.

21) Взяти ми половину всѣхъ волостей владычныхъ и монастырскихъ «занятей испоконъ В. Князей, а захватили сами». Последнія слова прибавл. у Татищ. См. Чтенія Москов. Истор. Общ. 1847, N 4.

22) П. С. Р. Л. III, 243; IV, 255 — 261; IV, 200 — 238; Чтенія Москов. Истор. Общ. 1847, N 4. Арханг. стр. 183.

23) Никон. VI, 9; П. С. Р. Л. VI, 237, 239; Акты Историч. I, N 97 и 98; Архангел. 195 — 198.

24) П. С. Р. Л. IV, 249.

25) Устроены; въ другихъ. сп. устрани. Я принимаю оба чтенія неправильными, и читаю: «постаринѣ».

26) На ссылку вдвое ѣзды имати, и по пригородомъ его намѣстникомъ княжая продажа имати обоя (отъ боя), также и денги намѣстничи.

27) Также бы есте князю Ярославу денгу намѣстнику освободили, и ѣзды вдвое, и продажи по пригородомъ намѣстникомъ имати княжія, и нивніи судове по старинѣ, судити всякая копяная, и изгородное прясло, и коневая валища, а не учините тако и проч.

28) Сестники.

29) П. С. Р. Л. т. IV, со стр. 222; т. V. со стр. 34.

30) С. г. г. и д. I, N 115 и 116.

31) А что купля отця нашего за рѣкою за Окою Тѣшиловъ и Веневъ и Растовець и иная мѣста, и тѣмъ нашимъ (Московскимъ) землямъ съ твоею землею рубежъ отъ Оки съ усть Смѣдвы въ верхъ по Смѣдвѣ до усть Песоченки, а Песоченкою до верховья Песоченскаго, а отъ верховья Песоченки черезъ лѣсъ прямо къ Осетру къ усть Кудеснѣ, а Кудесною въ верхъ до верховья, а отъ верховья Кудесны прямо къ верхъ Табаломъ, а по Табаломъ на низъ въ Донгъ. А что за Дономъ твое В. князя Иваново Романцово съ уѣздомъ, и что къ нему потягло, и намъ

В. К. въ то не вступатися; а тебѣ не вступатися въ нашу отчину въ Елечь и во вся Елецкая мѣста, а Мѣча намъ вѣдати вопче.

32) С. г. г. и д. I, N 127.

33) Тамъ же, N 144.

34) Крымск. дѣла въ Москов. Архив. Мин. Ин. Д. N II, стр. 918.

35) С. г. г. и д. I, N 88.

36) Никон. VI, 69.

37) П. С. Р. Д. V, 43; VI, 236.

38) Акты, относящ. къ Исторіи Запад. Россіи, I, N 79.

39) С. г. г. и д. I, N 119.

40) П. С. Р. Д. VI, 237.

41) Супрасльск. рукоп. стр. 135.

42) Чтенія Москов. Истор. Общ. 1847, N 4.

43) Акты относящ. къ истор. Запад. Рос. I, N 89.

44) Тамъ же, N 218; т. II, N 35.

45) Шпилевскаго—Путешествіе по Польсью. Современ. 1853 г., N 8.

46) Архангел. лѣтоп. стр. 166; лѣтоп. служащ. продолж. Нестору стр. 284.

47) С. г. г. и д. I, N 90.

48) Тамъ же, N 92. Эти волости были: Вышгородъ, Пльсьнь, Смоляны, Сохна, Зарыдалье, Зеремъ, Торусицкіе бортники.

49) П. С. Р. Д. VI, 335. С. г. г. и д. I, N 93, 113, 118, 121, 122; II, N 22; Польскія дѣла въ Москов. Арх. Мин. Ин. Дѣла, N 1, стр. 529.

50) С. г. г. и д. I, N 96.

51) Лѣтоп. служ. продолж. Нестор. стр. 284.

52) С. г. г. и д. I, N 97 и 99.

53) Акты, относящ. къ истор. Запад. Рос. I, N 71.

54) П. С. Р. Д. VI, 222.

55) На это мнѣніе можетъ навести мѣсто лѣтописи (П. С. Р. Д. VI, 222), нѣсколько сбивчивое: «И Князь велики ѣхалъ въ Новгородъ, коли владыку поймалъ, и посла изъ Новгорода грамоту въ Боровескъ къ Намѣстнику къ Василью къ Ѳедоровичю Образцу, и повелъ тайно изымати Князя Ивана Дыка: тамо же Князь велики въ Новгородъ и Василей изъѣха Князя Ивана». — Между выраженіями: «Тамо же Князь велики въ Новгородъ» — и: «И Василей изъѣха Князя Ивана» — мы видимъ пропускъ важнаго извѣстія.

56) Никон. VI, 112; П. С. Р. Д. VI, 20, 224, 231, 232; Архангел. 186, 187.

57) С. г. г. и д. I, N 106 и 110.

58) Тамъ же, N 112.

- 59) Тамъ же, N 123, 125.
- 60) П. С. Р. Л. VI, 238.
- 61) Тамъ же, стр. 38.
- 62) Архангел. стр. 200.
- 63) Чтенія Москов. Истор. Общ. Годъ Ц, N 4.
- 64) Лѣтоп. служ. продол. Нестер. стр. 339.
- 65) С. г. г. и д. I. N 129.
- 66) Тамъ же, N 132.
- 67) П. С. Р. Л. VI, 186, 196; IV, 244; IV, 244; Никон. VI, 9, 35, 37, 44, 48, 49; Rainald—Annal. Eccles. an. 1470, 1471; Кранца — Vandalia, p. 397. Ea quoque spes fovebat pontificem Sixtum, quod inclinaret maritum puella ad suscipiendos ritus ecclesiae Romanae, in quibus ea fuerat educata apud sedem apostolicam. Sed concessit illa, nolens volensque, in ritus Russorum, in quibus et pater ejus victitabat. — Въ Софійскомъ Времен. Софья названа Зинаидою, что не представляеть ничего удивительнаго, ибо мы знаемъ, что и бабка Иоанна III, Софья Витовтовна имѣла другое имя Анастаси; знаемъ, что и послѣ царницъ принимали другое имя при бракѣ.—О первой супругѣ Иоанна, Маріи Тверской, см. извѣстіе въ сочиненіи Іосифа Волоцкаго: Сказаніе о св. отцѣхъ, бывшихъ въ монастырѣхъ, иже въ Рускѣй земли сущихъ (Чтенія Моск. Истор. Общ. 1847 г. N 7): «Видѣхъ же тогда и много свята старца во Саватіевѣ пустыни, именемъ Ееросина.... прише къ нему Самодержецъ земля оная, Кн. Вел. Борисъ Александровичъ дщерь свою младу суцу, иже тогда обручену суцу В. К. Ивану Васильевичу: И начаша молити блаж. Ееросина, яко да помолится о отроковицѣ, баше бо одержима злыною немощію. Онъ же отрицашеса. Они же (присланныѣ) со слезами моляхуса ему и глаголаху сице: Аще сія жива будетъ твоихъ ради святыхъ молитвъ, то два царства смириши». Княжна была исцѣлена.
- 68) Исторія Россія, т. IV, стр. 398.
- 69) Лѣтописецъ Латухинскій у Карамз. прим. 588: Сей бо Вел. Князь Иоаннъ, именуемый Тимоѳеѣй Грозный; то же названіе у Петрея и въ Ядрѣ Росс. Истор. Гербершт. : Pauperibus a potentioribus oppressis injuriaque affectis, aditos ad eum non patebat.
- 70) Въ предобрыхъ Рускихъ князей родѣ всѣялъ дьяволъ злыя нравы, наипаче же женами ихъ злыми и чародѣйцами, яко и во Израильтескихъ царѣхъ, паче же которыхъ поймали отъ иноплемениковъ. Сказ. Кн. Курб. изд. Устрял., стр. 4.
- 71) Курбс. стр. 57. Такъ онъ обвиняеть Иоанна и Софію въ отравленіи старшаго сына Иоанна, въ удавленіи брата Андрея Углицкаго, въ изгнаніи Михаила Верейскаго и Василя Ярославича и проч.

- 72) Тамъ же, стр. 127.
- 73) Акты арх. эксп. I, N 172.
- 74) П. С. Р. Л. VI, 239.
- 75) Тамъ же, стр. 279.
- 76) С. г. г. и д. II, N 25.
- 77) Степен. Кн. II, 160.
- 78) Архангел. стр. 205.
- 79) П. С. Р. Л. VI, 243; Лѣтоп. библиот. архива Мин. Ин. Дѣлъ, N 20; Карамз. VI, примѣч. 454.
- 80) С. г. г. и д. I, N 130.
- 81) Акты, относящ. къ Истор. Запад. Россіи, т. I, N 192.
- 82) Степен. Кн. II, 160.
- 83) П. С. Р. Л. IV, 271, 272.
- 84) Тамъ же, VI, 48. О коронованіи Василія по смерти отца я нашелъ только въ одномъ хронографѣ (библ. архива М. Ин. Д., N 14): «Совѣтомъ Симона митрополита и всего освященнаго собора и бояляръ своихъ входилъ во св. и соборную церковь и со всѣмъ своимъ сигклитомъ. И священному собранію сошедшуся и пѣснословиша, яко же обычай имать св. и собор. церковь еже царя поставляти. Преосвящ. же Симону митрополиту возложышу на В. К. Васил. Ив. животворящій крестъ и порфиру и виссонъ и златую гривну и вѣнецъ Мономаховъ возложи на главу его и всѣми царскими утварьми украси и царемъ его нарече и съ поклоненіемъ возвеличилъ его и рече: «Благовѣрному и христоробивому царю и В. Князю Василью Ив. Московскому и всея Русіи исполаети деспота».
- 85) Акты, относящ. къ Истор. Зап. Рос. I, N 192.
- 86) Тамъ же.
- 87) Моск. арх. Мин. Ин. Дѣлъ, Крымскія дѣла, N 2, стр. 1009.
- 88) П. С. Р. Л. VI, 188: И тѣ шедше повоеваша горы и бораты по обѣ стороны. Въ Архангел. лѣтоп. стр. 160, при описаніи похода Касимова и Стригина говорится: «И пришла сила Князя великаго на берегъ къ Волзѣ на Звеничѣ бору, и Татарове Казанскіе пришли на нихъ въ судѣхъ и на берегъ вылезли изъ судовъ, а сила Кн. великаго наровятца заскочити Татаръ отъ судовъ, и нѣкто Айдаръ, постельникъ В. Князя Григорьевъ сынъ Карпова не отпусти Татаръ нимаго отъ судовъ кликну на нихъ; Татаровя же вметався въ суды, и побѣгоша за Волгу, а другая судовая сила еще не поспѣла.
- 89) Впадаетъ въ Каму ниже Чусовой, теперь просто: Бѣлая.
- 90) П. С. Р. Л. VI, 189: И поидоша изъ Оки подъ Новгородъ подъ Старой, стаха подъ Николою на Бечевѣ, и вышелъ изъ судъ

идоша въ градъ ко старой церкви Преображенія Господня.... и оттолѣ спедѣ также и у св. Николы молебная твориша.

94) И того же дни отплывше отъ Новагорода 60 версть ночевали, а наутрѣ и обѣдали на Рознежи, а ночевали на Чебоксари; а отъ Чебоксари шли день весь да и ночь ту всю шли, и придоша подѣ Казань на ранней зарѣ. — Село Разнежье Нижегородской губерніи Васильскаго уѣзда, на лѣвомъ берегу Волги.

92) П. С. Р. Л. VI, 190; Никон. VI, 11; въ Архангел. 170 иначе: Воеводы судовые рати нелюбье держали промежь себя, другъ подѣ другомъ ити не хочеть; и передумавъ, да поставили себѣ воеводу отъ середнихъ бояръ Ивана Дмитриевича Руна, и придоша подѣ городъ Казань утрѣ на ранней зарѣ безвѣстно, а сторожи Татарскіе не слыхали, и взяти имъ было Казань, Татарове спятъ, а рать судовая о стѣну пришла; и поноровилъ Татаромъ Иванъ Руно, отбилъ рать отъ воротъ городныхъ прочь, а самъ велѣлъ трубити во многіе трубы; и Татарове слыша нарядилися. Обвиненіе явно несправедливое, ибо Русскіе пришли безвѣстно; когда же было Руно сговариваться съ Татарами и брать подкупъ; если же онъ не взялъ подкупа, то зачѣмъ ему было норовить Татарамъ.

93) Архангел. 172.

94) Русск. Времен. II, 141.

95) Никон. VI, 105.

96) Архангел. стр. 184. Молома рѣка была водяна. нельзѣ итти.

97) П. С. Р. Л. VI, 221.

98) Русск. Времен. II; 142.

99) Разрядн. кн. Москов. Архива Мин. Ин. Дѣлъ, N 1, стр. 26: Послалъ Князь Вел. въ Казань къ Магмедену (?) царю воеводѣ своихъ — Князя Василья Ив. Оболенскаго, да Кн. Василья Тулупа Стародубскаго, да Кн. Уимоея Прозоровскаго, по царевѣ Мамедеминновѣ присылкѣ, что хотѣлъ братью свою выдати В. Князю; и князи Казанскіе воли ему не дали, хотѣли Магмедемина самого убити, и Магмедеминъ ушолъ къ В. Князя воеводамъ, князи ему Казанскіе добили челомъ, и Магмедеминъ пошелъ къ нимъ опять въ городъ на царство.

100) Никон. VI, 121; Арх. 193; П. С. Р. Л. VI, 237.

101) Архивъ Мин. Ин. Дѣлъ; Ногайскія дѣла, N 1, стр. 10 и слѣд.

102) П. С. Р. Л. VI, 40, 41.

103) Тамъ же, стр. 47.

104) Арх. 208.

105) Моск. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, Крымскія дѣла N 2, стр. 1007.

106) Арх. стр. 208.

107) Сказаніе о землѣ царст. Казан., рукоп. библ. Моск. Унив. стр. 39.

- 108) Лѣтоп. служ. продѣл. Нест. стр. 260.
- 109) Никон. VI, 44.
- 110) Арх. 209, 210.
- 111) Арх. 167, 168, 189, 205; Синодал. лѣтоп. N 365, у Карамз. VI, прим. 461; разрядная кн. Архива Мин. Ин. Дѣлъ, N 1, стр. 85.
- 112) Никон. VI, 15.
- 113) Архангел. 177.
- 114) А не въ Ростовъ, какъ сказано въ некоторыхъ лѣтописяхъ.
- 115) П. С. Р. Л. VI, 31. Повелѣ осадѣ распустити, понеже не успѣша доспѣха ничесоме запасти.—Я понимаю это мѣсто такъ, какъ объяснилъ въ текстѣ. Въ Архангел. лѣтоп. свое объясненіе: «Велѣдъ осадѣ распустити, доспѣху добывати, чѣмъ съ Татарами битися». Но ясно, что эта прибавка позднѣйшаго переписчика, ибо гдѣбъ могъ добыть доспѣховъ Алексинскій гарнизонъ, окруженный Татарами и Окою?
- 116) Арханг. 180; Никон. VI, 46.
- 117) П. С. Р. Л. IV, 244.
- 118) Сказаніе о землѣ царства Казанск., рукоп. библ. Москов. Унив. стр. 33.
- 119) Чтенія Москов. Истор. Общ. Годъ III, N 4.
- 120) Dlugossi Hist. Polon. p. 588; Герберштейна—Reg. Mosc. Comment. 8; Манкіева, — Ядро Росс. Истор. стр. 196. Герберштейнъ, если почепнулъ это извѣстіе не изъ Длугоша, то могъ слышать его въ отечествѣ послѣдняго; Манкіевъ безспорно взялъ его или у Длугоша, или у Герберштейна.
- 121) Сказаніе о землѣ цар. Казан. стр. 34.
- 122) П. С. Р. Л. VI, 230: узрѣща к. в. и стужина, начаша к. в. обестужився глаголати и извѣты класти, ркуще: егда ты г. в. к. надъ нами княжишь въ кротости и тихости, тогда насъ много въ безгнѣшнѣ продаещ; а нынѣшнѣ разгнѣвивъ царя самъ, выхода ему не платишь, насъ выдаещъ царю и Татаромъ. Нача же владына Василіанъ зѣтъ глаголати в. к., бѣгуномъ его называя, сице глаголаше: «вся кровь на тебе падеть хрестыанская, что ты выдаѣтъ ихъ бѣжишь прочь, а бои не постави съ Татарами и не бився съ ними; а чему боишися смерти? не безсмертенъ еси человекъ, смертенъ: и безъ року смерти нѣту ни человеку, ни птицѣ, ни звѣрю; а дай семо вои въ руку мою, коли азъ старый утулю лице противъ Татаръ», — и много сице глаголаше ему, а гражане роптаху на в. к. Того ради к. в. не обитавъ въ градѣ на своемъ дворѣ, бояся гражанъ мысли злые поиманія, того ради обита въ Красномъ селѣ.
- 123) П. С. Р. Л. стр. 223—232; Архангел. 187. Синодал. лѣтоп. у Карамз. VI, прим. 232, 236: здѣсь упоминаются Русскія волости:

Князь и Нюхово, на кои напалъ Амуртоза, сынъ Ахматовъ. — Касательно причинъ Ахматова ухода приводится еще одна: будто Великій Князь отправилъ служилаго Крымскаго царевича Нордоулата и воеводу князя Василя Ноздроватаго воюю на Орду: тѣ счастливо исполнили порученіе, опустошили Орду, въ которой нашли только жёнцянъ, стариковъ и дѣтей. Ахматъ же, получивъ вѣсть о раззореніи собственныхъ улусовъ, послѣшии обратился въ бѣгство съ береговъ Угры. Но во 1) это извѣстіе находится въ одномъ изъ самыхъ мутныхъ источниковъ, въ высокопарномъ Сказаніи о землѣ царства Казанскаго; во 2) Ахматъ вовсе не спѣшилъ домой: сначала остановился въ Литвѣ для грабежа, потомъ остался зимовать на Донцѣ. — Летописецъ такъ заключаетъ свой рассказъ: «Приде Кн. Вел. на Москву изъ Боровска и похвали Бога и пречистую Богородицу и св. чудотворцовъ, избавльшихъ насъ отъ поганыхъ; и возрадовашася и возвеселишася вси людие, и похвалиша Бога и преч. Богородицу, глаголюще: ни ангелъ, ни человекъ спасе насъ, но самъ Господь спасе насъ. Тоеже зимы приде В. К. Софья изъ бѣговъ, бѣ бо бѣгала отъ Татаръ на Бѣлоозеро, а не гонялъ никтоже; и по которымъ странамъ ходила, тѣмъ пуци Татаръ отъ боярскихъ холоповъ, отъ кровопійцевъ христіанскихъ. Быша бо жены ихъ тамо, возлюбиша бо паче жены, неже православную христіанскую вѣру».

124) Архангел. 188.

125) Москов. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, Крымскія дѣла, N I, годъ 1474.

126) Архив. грам. долженствовавшія войти въ пятый томъ Собр. гос. грам. и догов. N 1.

127) Крымскія дѣла, N 1, годъ 1492.

128) Тамъ же, годъ 1478, стр. 35.

129) Тамъ же, стр. 157.

130) Тамъ же, N 2, стр. 804.

131) Тамъ же, N 1, стр. 564.

132) Тамъ же, стр. 65.

133) Тамъ же, стр. 116.

134) Тамъ же, стр. 221.

135) Тамъ же, стр. 256.

136) Тамъ же, стр. 587; N 2, посольство Князя Кубейскаго.

137) Тамъ же, N 1, стр. 30.

138) Тамъ же, стр. 35. С. г. г. и д. V, N 3.

139) Дѣла Крымскія, N 2, стр. 637.

140) С. г. г. и д. V, N 2, 4.

141) Дѣла Крым. N 1; стр. 139, 163; П. С. Р. Л. VI, 239; С. г. г. и д. V, N 5.

- 142) Дѣла Крым. N 1, стр. 179, 181.
- 140) Тамъ же, N 2, стр. 818—1100; П. С. Р. Л. VI, 47. Cromeri—de гер. Polon. p. 440.
- 144) Дѣла Крымскія, N 1, стр. 115, 176.
- 145) С. г. г. и д. V, N 23.
- 146) Дѣла Крымскія, N 1, стр. 496—536.
- 147) Тамъ же, стр. 524; С. г. г. и д. V, N 33, 34, 36, 37.
- 148) Крымск. дѣла, N 2, стр. 659.
- 149) Тамъ же, стр. 879—894.
- 150) Дѣла Ногайскія, N 1; С. г. г. и д. т. V, N 11, 12, 15, 16, 17.
- 151) Контарини въ Библии иностр. писат. о Россіи, стр. 63.
- 152) П. С. Р. Л. VI, 38.
- 153) Тамъ же, IV, 160; Карамз. VI, примѣч. 370.
- 154) Bielskiego—Kronica Polska, IV, 452, по изд. 1597 года.
- 155) Тамъ же, стр. 452, 468, 474.
- 156) Крымскія дѣла, N 1, стр. 82.
- 157) П. С. Р. Л. VI, 234.
- 158) Крымскія дѣла, N 1, стр. 118 и слѣд.
- 159) Тамъ же, стр. 157, 204.
- 160) Тамъ же, стр. 157.
- 161) Москов. Арх. Мин. Ин. Д. Дѣла Польскія, N 1, стр. 5—173.
- 162) П. С. Р. Л. VI, 233.
- 163) Тамъ же, стр. 198; Никон VI, 55.
- 164) Тешиново или Тешиновичи, Сукромно, Олховецъ, Надславль, Отъздець; брали Смоленскую волость Недоходовъ.
- 165) Тамъ же волость Труфоновъ, волость Князя Бывалицкаго — Негомиръ и Сочовки.
- 166) Король жаловался, что Князь Андрей Васильевич Можайскій посылалъ на отчину Глинскихъ князей—Турье. Жаловались князья Воротынскіе и Мосальскій, что Русскіе люди брали Людимескъ, Бышкевичи, Лычино, Недоходовъ. Отвѣчали, что изъ Любутска выѣхали на Калужскія мѣста: сынъ боярскій Челицевъ погнался за разбойниками, встрѣтился съ Любутскимъ воеводкою и взялъ его въ плѣнъ.
- 167) Бышкевичи, Лычино, Недоходовъ.
- 168) Нашей Исторіи т. IV, стр. 162.
- 169) Дѣла Польскія, N 1; Акты, относящ. къ исторіи Западн. Россіи, т. I, N 71, 88.
- 170) П. С. Р. Л. IV, 234, 235, 239.
- 171) Акты, относ. къ Исторіи Зап. Росс. I, N 74.
- 172) Тамъ же, N 97.
- 173) Крымскія дѣла, N 1, стр. 391, 402.

- 174) Акты, относящ. къ Истор. Запад. Россіи, I, N 105.
- 175) Дѣла Польск., N 1, стр. 173 и слѣд.
- 176) П. С. Р. Л. IV, 161, 162.
- 177) Дѣла Польск., N 1, стр. 202 и слѣд.; Акты, относящ. къ Исторіи Запад. Россіи I, N 109.
- 178) Дѣла Польск. тамъ же; Акты, относящ. къ Исторіи Запад. Россіи, I, N 110.
- 179) А се Смоленскіе пригороды: городъ Мезочскъ, и другой городъ Аддревъ. А волости тыхъ городовъ: Силковичи, Новое село, Немеръзки, Уруга, Брынь, Сухиничи, Орнеры, Барятинъ, Хозци, Олешна, Рука, Лабодинъ, Устье, Жабынъ, Бакино. Другіе Смоленскіе пригороды: городъ Мосалескъ, Серпеескъ, Серенескъ, Бышковичи, Залидовъ, Опаковъ, Городечна, Лучинъ, Перемышль. А то волости Смоленскія: Трубна, Городенка, Порыски, Тарбѣевъ, Олоповъ, Жереминъ, Озерескъ, Дагинескъ, Краишино, Недоходовъ, Лычино, Нерожа, Путынь, Дорожмирягора, Кнутова дуброва, Сковородескъ, Гостижа, Бѣльева, Вежки, Турье, Жудинъ, Мошкова гора, Ощитовъ, Дмитровъ, Пустымоцинь, Лугавъ, Липици, Верхъ, Серена, Семиничи, Вѣжична, Дегна, Колыка, Демена, Мошцынъ, Ужепереть, Замошие. Владыки Смоленскаго волости: Погостище, Любунъ, Ближевичи, Печки. Крошенскихъ князей волости: Тешыновъ, Сукромна, Олховець, Отѣздъ, Залоконье, Волста, Клыпино, Нѣздилово, Чарпа, Головичи. Городъ Мценескъ съ волостями; городъ Любутескъ съ волостями; городъ Вязма съ волостями. Бояре указали здѣсь волости Боровскія: Трубна, Путынь; Медынскія: Городенка, Нерожа, Дорожмирягора, Кнутова дуброва, Сковородескъ, Гостижа, Бѣльева, Вежки; Можайскія: Турье, Тѣшиновъ, Сукрома, Олховець, Отѣздъ.
- 180) Послы отступились отъ Лагичьска и Краишина къ Воротынску; къ Вязмѣ уступили: Великое поле, Волста верхняя, да Слободка, да Мошциновичи, Середее.
- 181) С. г. г. и д. V, N 29.
- 182) Мы придерживаемся буквально подлинника.
- 183) Польск. Дѣла, N 1, стр. 317—442.
- 184) Акты, относящ. къ Истор. Запад. Россіи. I, N 116.
- 185) Крымскія дѣла, N 1, стр. 449, 470, 536.
- 186) Въ этомъ любопытномъ отвѣтѣ Елены мы должны остановиться на двухъ выраженіяхъ: «А о попѣ такъ и есть, что попъ Ѡома не моиской». Слово моиской попадаетъ и въ другихъ посольскихъ книгахъ, наприм. въ наказѣ боярину Семену Борисовичу, отправляющемуся въ Крымъ, читаемъ: «Молвилъ бы еси отъ меня Хозѣ-Асану, что будетъ у него моиские лапы и яхонты дорогіе и жемчогъ доброй,

и онъ бы однолично у меня былъ самъ, а тобы съ собою привезлъ». — Второе выраженіе Елены: «А восе которая у меня посажена, и она была восорка, а вынѣча уже тишаеть». Что такое восорка — мы не знаемъ, развѣ не ошибкою ли восорка вмѣсто росорка (разсорка, ссорщица, смутьянка), что очень легко по сходному начертанію двухъ буквъ: *с* и *р* въ письмѣ XV вѣка.

187) Догель — Cod. dipl. regn. Pol. ms. VI, 271. Акты, относящ. къ Истор. Запад. Россіи, I, примѣч. 115.

188) Имена всѣхъ городовъ слѣдующія: Кіевъ, Каневъ, Нестобратъ, Дашко, Яро, Чанамъ, Болдавъ, Кулжанъ, Биринъ, Чалбашъ, Черкасской городокъ, Путивль, Липятинь.

189) Дѣла Польск. N 1, стр. 442—734; Крымскія, N 2, посольство, Князя Кубенскаго, Апрѣль 1500 года.

190) П. С. Р. Л. VI, 45. Акты, относящ. къ Исторіи Запад. Россіи I, N 179; Разрядн. книга Москов. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, N 1, стр. 82, 105; Герберштейнъ; Стрыйковскій II, 308, по изд. 1846 г.; Архангел. лѣтоп. стр. 207. Въ опредѣленіи года Ведрошской битвы извѣстія Московскихъ лѣтописей и статейныхъ списковъ разнятся съ Литовскими. По Московскимъ лѣтописямъ Ведрошская битва происходила въ 1500 году, а по Стрыйковскому въ 1499 г.; но гораздо замѣчательнѣе разногласіе другихъ источниковъ, долженствующихъ имѣть авторитетъ неоспоримый: въ Литовской Метрицѣ помѣщено посольство въ Москву Смоленскаго намѣстника Станислава Петровича Кишки, относящееся къ Апрѣлю 1500 года, и Кишка говоритъ о Ведрошской битвѣ какъ о событіи уже совершившемся: «Мы по тобѣ братъ нашомъ надѣялися вѣчноѣ дружбы: ты пакъ ся намъ открылъ у великую неприязнь; войну еси и огонь въ нашу землю пустилъ. И мы послали были тамъ, на границы, гетмана нашего князя Константина Ивановича Острозского и пановъ нашихъ, границъ и людей нашихъ отъ твоихъ людей постеречи; и твои люди нашихъ людей поразили, и гетмана нашего и пановъ нашихъ головами къ тобѣ привели». По этому выходитъ, что Стрыйковскій правъ, помѣщая Ведрошскую битву въ 1499 году. Но въ посольскихъ рѣчахъ того же Станислава Кишки, какъ онѣ помѣщены въ 1-мъ N Польскихъ дѣлъ, хранящихся въ Москов. Архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ, этихъ рѣчей посла о пораженіи Гетмана не находится.

191) П. С. Р. Л. VI, 47.

192) Дѣла Крымскія, N 2, стр. 726.

193) Тамъ же, стр. 820, 1019.

194) Акты, относящ. къ Исторіи Запад. Россіи, I, N 183.

195) Тамъ же, N 161.

196) Тамъ же, N 188.

197) Тамъ же, N 179.

198) Памятники дипломат. сношен. древ. Россіи, т. I, стр. 159—173.

199) Акты, относящ. къ Истор. Запад. Россіи, I, N 186, 187.

200) Акты арх. эксп. I, N 138.

201) Такъ представляется здѣсь положеніе Олгерда при Любутскѣ (см. нашей Исторіи т. III, стр. 343). Безспорно, что это licentia diplomatica того времени, ибо трудно согласиться, чтобъ такое важное событіе, какъ плѣнь Олгердовъ, не нашло себѣ мѣста въ лѣтописяхъ.

202) Акты, относящ. къ Истор. Запад. Россіи, I, N 200.

203) Волостей: Карачева, Хотимля, Поповы горы, Мглина, Дрокова, и сель: Уваровичъ, Телешовичъ, Тереничъ, Кошелева лѣса, Морозовичъ, Липиничъ, Скарбовичъ, Залѣсья, Бабичъ, Свѣтиловичъ, Голодна; Лапичъ, Полѣшанъ, и волостей, Словеска, Хороборя, Соловьевичъ, Прикладней, Пацъни, Ѳедоровскіе, Осовина, Покиничъ, Сухаря, Все-славля, Вороничъ, Жерыни; городища Дмитровца, Лычина, Недоходова, Бышковичъ, Завидова, Опакова, Мощина, Дѣмены, Городечны, Ужеперети, Снопота, Ковылы, Шуи, Лазарева Городища, Ближевичъ, Любуни, Даниловичъ, Замошья, Тухачева, Дегны, Ѳомничъ, Погостища; волостей: Погорѣлье, Пѣгомля, Игумновы слободы, Мстиславца, Лучина, Мошковы горы, Жулина, Ощитова, Кременые, Селечны, Водосы, Некрасовы, Редъни, Ведроши, Рѣхты, Озерница, Хомчичъ, Василкова, Холма, Бятина, Хотомичъ, Великаго Поля, Лопатина, Прости; Заопья, Вышкава, Копыльи, Сверковыхъ Лукъ, и Бѣлые съ волостми, и Верховья, и Болшова, и Шоптова, и Моневидовы слободы и иныхъ волостей, Вержавы, Бугорода и съ тѣми деревнями, которые были за служилыми людьми, и за Печерскимъ монастыремъ, и за Духовскимъ, и за Троецкимъ, и что были деревни тоеже волости за Борисомъ за Околничимъ; волостей: Данькова, Любуты, Дубны, Рожны, Туры, Биберева, Старцовы, Нежелскіе, Велижскіе, Плавѣстцкіе, Жижетцкіе, Озерскіе, Казариновскіе, Березая, Невля, Усвая, Ловца, Воснѣболога.

204) Акты, относящ. къ Истор. Запад. Россіи, I, N 192.

205) Крымскія дѣла, I, стр. 1050—1128.

206) Исторія Россіи, т. IV, стр. 120.

207) П. С. Р. Л. IV, 237: Тако пынѣ Князю Местеру какъ за Краснымъ городкомъ земли не отступитесь, тако и во Жалачкѣ Великовицкой не въволите ловити.

208) Акты, относящ. къ Исторіи Запад. Россіи, I, N 69.

209) П. С. Р. Л. IV, 263.

210) Russow, p. 31.

211) Ibid.

212) Акты, относящ. къ Исторіи Запад. Россіи, I, N 112.

213) Никон. VI, 141.

214) Далина — *Gesch. des R. Schw.* II, 632; первый союзный договоръ съ Датскимъ Королемъ Иоанномъ былъ заключенъ въ 1403 году; въ силу его Московскій В. Князь, называемый въ договорѣ Императоромъ вса Руси, и Король Датскій обязались быть за одно противъ Стуровъ, господствовавшихъ въ Швеціи и противъ В. Князя Литовскаго. См. С. г. г. и д. V, N 110.

215) П. С. Р. Л. IV, 275.

216) Russow, p. 33.

217) Акты, относящ. къ Истор. Запад. Россіи, I, N 192. — *Supplementum ad histor. Russiae Monumenta*, N CXXI—CXXXIII.

218) П. С. Р. Л. VI, 39 и слѣд. Архангел. стр. 472. Geijer — *Ge-schichte Schwedens*, I, 234.

219) Памятн. дипломат. снош. древней Россіи, I, стр. 1—139.

220) Этотъ случай въ разныхъ лѣтописяхъ разсказанъ различно: въ Никон. говорится, что Тревизанъ пришелъ изъ Венеціи съ Московскимъ посломъ Антономъ Фрязинымъ, а посланъ къ Великому Князю отъ того дюка бити челомъ, чтобы пожаловалъ Князь великій велѣтъ того Тревизана проводить до царя Ахмута большіе Орды; а послалъ къ нему со многими помини съ челобитьемъ, чтобы пожаловалъ шельмъ на помощь на турскаго салтана къ Царюграду. Тойже Тревизанъ пришедъ на Москву первое приде къ Ивану Фрязину къ денежнику Московскому, и сказа ему вся та, о чемъ пришелъ на Москву, а у В. Князя еще и не былъ. Фрязинъ же нашъ денежникъ не велѣтъ тому Тревизану о томъ бити челомъ В. Князю да поминки великіе подавати, а могу то я сдѣлати опроче В. Князя, и до царя и допро-вожати; а къ В. Князю пришедъ Фрязинъ съ тѣмъ Тревизаномъ на-звалъ его Князкомъ Венецкимъ, а себѣ племянникомъ, а рече пришедъ до него своимъ дѣломъ и да гостьюю, да то у В. Князя утаили. . . . По семъ (по приходѣ Софьи) тотъ Антоній лягатось и протчіи Фрязи и Грецы видешася на Москвѣ съ посломъ Венец-скимъ Иваномъ Тревизаномъ, а вѣдаючи его съ чѣмъ онъ посланъ къ В. Князю, начаше спрашивати его почто много мотчаеть; онъ же инако къ нимъ глаголюще не какъ дѣлалъ съ Фрязинымъ нашимъ; они же сказаше то къ В. Князю. Князь же Великій слышавъ то, часа того обискавъ и вспалася на нихъ, повелѣ поимати Фрязина, да оковавъ послалъ на Коломну, а домъ его повелѣ разграбити, разорити, и жену и дѣти изымати; а тогожь Тревизана поймавъ хотѣлъ казнити, и той же лягатось и протчіе иже съ нимъ послы начаша бити челомъ князю,

чтобъ пожаловалъ смиловался надъ нимъ доколѣ обшлетца съ Венеціанскимъ дюкою; Князь же Великій велѣлъ сковати его, а сидѣлъ у Никиты у Беклемишева. — Но въ П. С. Р. Л. VI, 196: Фрязинъ же (Иванъ) обшлася; вземъ посла его (Дожева) и приде къ В. Князю и рѣчи всѣ палины сказа, а посла того гостемъ назва; тотъ же Фрязинъ толмача добывъ и посла того отпусти, Тривизана зовома, на Рязань, да къ ордѣ втай Великаго Князя. Яко Фрязинъ отъиде въ Римъ, тогда приде вѣсть къ В. Князю, яко посла приведши Венеційскаго Фрязинъ да отпустилъ къ ордѣ; тогда посла повелѣ изымати на Рязани и съ толмачемъ, и повелѣ его всадить въ тюрьму. Егда же приде съ царевною Фрязинъ, посла Князь Великій боярина своего Федора Давыдовича претиву и повелѣ крыжъ у легатоса отнявши да въ сами положить, а Фрязина поимати да и пограбити. Тогда же не бѣ вѣсти князю Венеційскому, дошелъ ли посоль его до орды, не дошелъ ли; тогда посла Фрязинова брата къ нему въ Венецію и повешала ему. Князь же той съ нимъ наказа къ В. Князю, чтобъ Князь Великій нелюбѣ отдалъ, а посла бы его отпустилъ къ ордѣ, а что будетъ на падкруту бы еси ему далъ: а язъ самъ платещинъ. Тогда Князь Велики, по Онтоновымъ рѣчамъ, отпусти его, а съ нимъ толмача и дьяка отпусти и семьдесятъ рублевъ дасть ему; тогда семьсотъ сказа ему, и посла все взятъ». — Трудно согласиться съ рассказомъ Никонов. лѣтописи, чтобы Иванъ Фрязинъ, отплавившись снова въ Римъ, не отправилъ Тривизана, а заставилъ его дожидаться въ Москвѣ.

221) Софья умерла 7 Апрѣля 1503 года.

222) С. г. г. и д. I, N 144. Подробности: старшему Василю даны подмосковныя села: Семчинское съ городскими дворами и съ Самсоновымъ лугомъ, село Воробьево, съ Владиміровскимъ, Семеновскимъ, Воронцовскимъ, Кодашевымъ и деревнями, — сельце Воронцовское на Яузѣ съ дворомъ великокняжескимъ и съ городскими дворами по обѣ стороны Яузы, монастырь Лыщниковъ, Ильинскую слободку, вымѣненную у Андроникова монастыря. . . . Да что были къ Дмитрову приданы волости Московскія. Рогожъ, Воря, Карзенево, Шерна городокъ, Суляшинъ и съ новымъ селомъ—по старинѣ сыну Василью. Да емужъ волости Сурожыкъ, Лучинское, Радонежъ, да треть Мушкову съ мытомъ Лопьскимъ. . . . Городъ Коломну, Каширу съ Зарѣчьемъ, что за рѣкою за Окою, Тѣшиловъ, Рославль, Веневъ, Мстиславъ и мывы мѣста по Рязанскій рубѣжъ, съ Елчемъ, и со всѣми Елецкими мѣстами, Сернуховъ, Хетунъ, Тарусу съ городцомъ, съ Исканью, Мещегою, Колодною, съ княгининскою вотчиною Авдотьевою, Мещерскъ Воротынскъ съ Лагинскомъ и съ Крайшинымъ. А что еси прашинилъ князю Михаилу Мезецкому на его жеребей на Мѣсческѣ въ

Стародубъ Алексинъ; и онъ держитъ по мѣнливой грамотѣ; а судъ и дань сына моего Васильево, Боровскъ съ Суходоломъ, Истью, Истервою, Краснымъ селомъ, Кременцомъ, Песочною большою, съ слободою Сосны на Шанѣ, что садилъ Василій Карамышевъ; Ярославецъ, Медынь, Радомль и съ Вешками по Угру, да на Шанѣ слобода, что Товарковъ садишь по Угружъ, и съ Песочною меньшою и съ слободами, что садили Андрей Картымазовъ, да Митя Загрязской, да Ивашко Гладкой. Можайскъ съ Чагоцью, Турьевымъ, Орѣховною, Могилномъ, Миченками, Шатшею, Сулидовымъ, и Дмитровцомъ по обѣ стороны Угры; Вязму, Козловъ, Дорогобужъ, да волости Дорогобужскія: Погорѣлая, Нѣгомле, Хотомичи, Холмъ, Бятино, Простъ, сельце Заопье, Водоса, Некрасова, Селечна, Кремена, Редынь по рѣцѣ по Уже устье, Косково, Рехты, Хомчичи, Вышково, Василево, Ескино село Клинново; слободка владычня въ Чертковѣ, сельцо Путятино, Игумново, Мстиславецъ, Ощитовъ, Жулинъ, Мошкова гора, Лучинъ городокъ, Великое поле, Лопатино, Копылеа и Ужица, Ведрошъ. и Озерица, Свєрковы Луки. Переяславль съ приданными къ Дмитрову волостями—Серебожь, Рожественое, Бускутово, Владиміръ съ Муромскимъ сельцемъ, Шатуромъ, Колупкою, Вышелѣсомъ, Островомъ. Юрьевъ съ Великою Солью; Суздаль да Солцу малую; Ростовъ; Ярославль и съ Ухрою, селомъ Петровскимъ, слободку Охлябининскую, вотчину князя Щетинина—Кастъ; Ипопажъ, усть Шексны съ деревнями князей Шохонскихъ, да волости Заволжскіе по обѣ стороны Шексны, а волости Шохонскіе Луковесь, Арбужовесь, Маткома, Веретей большая, городокъ Княжичи, Песѣ село, Всесвяцкое, Волское съ Окишовскимъ селомъ и съ Вонгуемъ, Пагробалъ, Рунай и съ Шагатью и съ слободами съ Кештомою, съ Шелшедамомъ, Бѣлое село, Шыгоращъ, съ Петровскими Константиновича селами и деревнями, усть Углы, Веретейка малая. Бѣлоозеро, Заозерье съ Кубеною; Устюгъ, Вычегду, Вымь, Удору, Сысолу; въ Заволоцкой землѣ Ростовщину, Пинѣга, Кѣгрола Чякола, Прьмьскіе, Мезень, Немьюга, Пильи горы, Пипешка, Выя, Тойма, Кирьи горы, Емьская гора на Вазѣ, Антонова перевара, Карбольшій островъ, Шогогора, Керчела, Сурапогавая, Лавела; Югру, Печеру, Пермь Великою; Кострому съ Плесомъ, Нерехтою, Иледамомъ, Галичъ съ Солью, Унжею, Чухломою, Нижній Новгородъ съ Мордвами и Черемисою; Муромъ съ Мордвами и Черемисою, Мещера и съ Кошковымъ, да князи Мордовскіе всѣ. Вятцкую землю всю. А что есмь пожаловалъ князя Ѡ. И. Бѣльскаго, да въ вотчину городъ Лухъ, да волости—Вицюгу, Кинешму, Чихачевъ—Тверь и Городень, Клинъ, кромѣ Буйгорода и Колпи, промѣненныхъ дѣтямъ князя Бориса Васильевича, Новгородъ Великій съ городами;

Ивангородъ, Яма, Копорья, Орѣшокъ, Ладога, Дѣмань, Курь городъ Порховъ, Высокой, Кошкинъ городъ, Руса; Торжокъ, да въ Новгородской же землѣ городъ Холмъ, Велилю, Буецъ, Лопастиси, Луки Великіе съ волостями: Пуповичи, Вязь, Часпла, Коротай, Дубно, Комша, Ржеву пустую; Корельскую землю всю, Корѣльскій городъ и съ Лопью съ Дѣшею и съ дикою. Заволоцкую землю всю, Онѣго, Каргополь, все Поонѣжье, Двину, Вагу, Кокшенгу, Вельскій погостъ, Колмогоры и всю Двинскую и Заволоцкую землю. Псковъ и всю землю Псковскую, Торопецъ, да волости: Данково, Любута, Дубна, Рожна, Тура, Биберево, Старцева, Нежелская, Велижская, Плавлецкая, Жижетцкая, Озерская, Казариновская, Городъ Острее, а волости: Березай, Невье, Усвай, Ловцо, Веснѣболого, Старую Рязань и Перевитескъ.

Сыну Юрію на Москвѣ сельце Суцovo, изъ Московскихъ селъ Лыткино. Сыну Дмитрію на Москвѣ село Напрудское, изъ Московскихъ Озерецкія села. Сыну Семену на Москвѣ село Луцинское, да слободку князя Ромодановскаго; изъ Московскихъ селъ Разсудовскія села за Похрою, Звѣрево да Бараново. Сыну Андрею слободку Колычевскую, да монастырь Рождество Пречистыя на Голутвинѣ; изъ Московскихъ селъ Ясенево, Сарыево, Юдино.

Сыну Юрію Дмитровъ, въ Дмитровскомъ уѣздѣ въ Инобажѣ деревни Тѣшиловскія; изъ Переяславскихъ волостей къ Дмитрову Юлку. — Звенигородъ, волость Шопкову, Кашинъ, Рузу, Брянскъ да волости: Соловьевичи, Прикладни, Пацынъ, Ѳедоровская, Осовикъ, Покиничи, Сухарь, Всеславль, Вороница, Жерынь, Батогова, Хвоцна, Піянова, Волконескъ, Серпейскъ, а волости: Замошье, Тухачевъ, Дегна, Ѳоминичи, Погостице, Ковылна, Ближевичи, Любунъ, Снопоть, Даниловичи, Шуя, Демена, Ужепереть, Чернятицы, Городечна, Мощынъ, да Гнѣздилово.

Сыну Дмитрею Угличе поле, съ Устюжною, Рожаловымъ, Велетовымъ, Кистьюмою; Мологу; Хлепевъ съ Рогачевымъ, Негомиромъ, Зубцовъ, Опоки, половину Ржевы, Мезецкъ, Опаковъ, да волости: Залидовъ, Недоходово, Лычино, Бышковици, по Угру.

Сыну Семену Бѣжецкій Верхъ, Колугу, Козельскъ, и волости Козельскія: Серенскъ, Людискъ, Коробки, Вырки, на Вырѣ волости, Стѣница, Сыгичи, Выино, Липици, Взбыповъ, верхъ Серена, Луганъ, Мѣстилово, Кцынь, Хвостовичи, Порыски, Борятинъ, Орень, Хостыци, Жереминь, Спыхово, Иваповское Бабиное село Незпаново.

Сыну Андрею: Верею, Вышгородъ, Алексипъ, съ Волконою, Кониньмъ, Гордѣевымъ, Пюховою; Любутскъ съ Вѣпринимъ; у Москвы Гжелю да Раменейцо, волости Москвѣскія, что были приданы къ Дмитрову: Селна, Гуслпна, Загерье, Вохна, Жуней; въ Селиѣ деревни

дѣловыя бортныя Василцова ста: Бекренево, Бѣляницно, Харитово-ское, Деденево, Нероново, Враниково, Якимовское, Новое Якимовское, да пустоши: Лопаково, Исачково, Грибачево, — Старицу, Холмъ, Новый Городокъ, волость Олешню, волость Синюю. — Границы удѣловъ обозначены въ особыхъ грамотахъ, см. С. г. г. и д. I, N 135—141.

223) Должно думать, что здѣсь идетъ дѣло объ откупѣ денежномъ же; денежники, какой нибудь Иванъ Фрязинъ, откупали у В. Князя право бить монету.

224) С. г. г. и д. I, N 133.

225) Памятн. дипломат. снош. I, стр. 87.

226) Тамъ же стр. 129.

227) Крымскія дѣла, N 1.

228) Тамъ же, N 2, стр. 1104.

229) См. примѣч. 220.

230) Дѣла Польскія, N 1, второе посольство Еропкина.

231) Также перстнякъ особаго рода: въ грамотахъ Крымскихъ ка-мовъ постоянно находится приписка, что грамота жиковиною запечатана.

232) С. г. г. и д. I, N 122, 131, 132, 112, 121.

233) Тамъ же, N 96, 112, 122, 132.

234) Тамъ же, N 132.

235) П. С. Р. Л. VI, 217.

236) Никон. VI, 130. Записки Географ. Общ. кн. VIII; Временный Московск. Истор. Общ. кн. 11 и 12-я.

237) С. г. г. и д. I, N 121; Акты арх. эксп. I, N 99; Акты, отн. до юрид. быта, стр. 115.

238) Акты арх. эксп. I, N 134. — Барбаро въ Библиот. иностр. писат. о Россіи, стр. 59.

239) Никон. VI, 108.

240) Герберштейнъ, стр. 18.

241) Древняя Россійск. Вивлію. ч. XIII.

242) Дѣла Крымскія, посольство Старкова.

243) Герберштейнъ, стр. 8; Контарини въ Библ. иностр. писат. о Россіи, стр. 106.

244) Акты, относ. къ Истор. Запад. Россіи I, N 100, 101.

245) Тамъ же, N 206. См. Земскую привилегію Александра 1492 года (Dzialynskiego—Zbior praw Litewskich, p. 62); Nuncios sev oratores mittere debemus de consilio dominorum nostrorum.... Census theloniorum, tabernarum et alii ex poenis et undecunque nobis provenientibus, recipiantur et reponantur in thesaurum nostrum. Nulla vero necessitate imminente dicti census, sine voluntate ipsorum dominorum, per nos, de thesauro tolli et recipi non debent.

246) Литовскій воевода Захаръ Ивановичъ Кошкинъ, упоминаемый въ летописи подъ 1445 годомъ, былъ изъ роду Смоленскихъ Кошкиныхъ, а не Московскихъ. О фамилии Смоленскихъ Кошкиныхъ см. Архивъ Мин. Ин. Дѣлъ. Дѣла Польскія, гдѣ въ числѣ боярынъ, представившихся въ Смоленскѣ Великой княжѣ Еленѣ Иоанновнѣ, названа: Ивашкова жена Кошкина Маршалкина, вторая особа по значенію мужей въ Смоленскѣ. См. также акты Западн. Россіи, I, N 192, стр. 320; «Списокъ Смоленскихъ князей и бояръ кривдъ и шкодъ, што имъ починили и забрали помѣстчики и украинники В. К. Московскаго: Рославскаго повѣта, окольного Смоленскаго Ивана Кошкина дворъ, братанца его Ивашка Яковлевича дворъ.

247) Разрядн. кн. Москов. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, N 1, стр. 82, 105: А Юрю велѣлъ сказать (В. Князь), что въ Костромѣ были воеводы— въ большомъ полку князь Александръ Ѳеодоровичъ, а въ передовомъ полку князь Иванъ Стрига, въ сторожевомъ полку Ѳеодоръ Давыдовичъ.— Въ послужномъ спискѣ старинныхъ бояръ, напечатанномъ въ 4-мъ томѣ Трудовъ Вольнаго Россійскаго Собранія, сказано, что въ первый годъ княженія Иоаннова у него были только три боярина оставшіеся послѣ отца: Михайло Борисовичъ Плещеевъ, кн. Ив. Юр. Патрикѣевъ и кн. Ив. Вас. Стрига-Оболенскій. Но на подлинной духовной Василя Темнаго кромѣ князя Патрикѣева, видимъ еще троихъ бояръ, въ числѣ которыхъ нѣтъ ни князя Стриги, ни Плещеева, ни тѣхъ дворецкихъ и окольного, которые встрѣчаются потомъ въ Спискѣ. Чему же теперь больше вѣрить: подлинной духовной или Списку въ родѣ неофициальныхъ Разрядныхъ книгъ и еще испорченному издателями Трудовъ, которые говорятъ, что зтотъ списокъ «при ономъ Собраніи сокращенъ такимъ образомъ, что изъ сего сокращенія, есть ли кто пожелаетъ, самой тогъ полной удобно возстановить и вновь сочинить можетъ?» что это за бевсмыслица?

248) С. г. г. и д. I, N 121.

249) Акты, относ. къ Истор. Запад. Россіи, I, N 192.

250) Тамъ же.

251) С. г. г. и д. I, N 103 и 104.

252) П. С. Р. Л. VI, 188. Икон. VI, 77. Акты Зап. Росс. I, стр.

307. Древ. Росс. Вивл. XV, 12.

253) Акты историч. I, N 110.

254) Икон. VI, 158.

255) Разрядн. книга Бекетова у Карамз. VI, примѣч. 201. П. С. Р. Л. IV, 157; видимъ деревни за псарями, дьяками, подъячими, поселскими. С. г. г. и д. I, N 140.

256) П. С. Р. Л. IV, 241.

- 257) П. С. Л. VI, 188.
- 258) Крымскія дѣла, посольство Шеина.
- 259) II, 310.
- 260) Акты арх. эксп. I, N 89, 98.
- 261) П. С. Р. Л. VI, 237.
- 262) Тамъ же, IV, 224.
- 263) Тамъ же, VI, 192.
- 264) Тамъ же, IV, 276.
- 265) Тамъ же стр. 240.
- 266) Акты, относящ. къ Истор. Зап. Россіи, I, N 164.
- 267) Это выраженіе лучше всего объясняетъ намъ значеніе слободы; см. нашей Исторіи, т. III, стр. 38.
- 268) Акты, относящ. къ Истор. Западн. Россіи, т. I, N 76, 77, 81, 85, 91, 119, 128, 129, 133, 138, 158, 164, 171, 172, 181, 194, 195, 208, 218, 130, т. II, N 30, 54.
- 269) Неволина—Объ управленіи въ Моск. Гос. Жур. Мин. Нар. Пр. 1844 г.
- 270) См. т. IV, стр. 214.
- 271) П. С. Р. Л. VI, 3.
- 272) Тамъ же IV, 239.
- 273) Тамъ же стр. 269; Акты юридич. стр. 3; Акты Запад. Россіи, I, N 74.
- 274) Тамъ же стр. 255.
- 275) Акты арх. эксп. I, 109: Отъ князя Андрея Васильевича, въ Бѣжецкой Верхъ Городецкому Сотнику Панкѣ. Били мнѣ челомъ Троицкіе старцы, а сказываютъ: что де велишь Присѣцкимъ деревнямъ крестьянамъ на Городецкомъ намѣстничей дворъ ставити и тянешь де ихъ во всѣ пошчины.
- 276) Акты, относящ. къ Истор. Запад. Россіи, I, 120.
- 277) Мають то вѣдати Клеплинцы а выбойники.
- 278) Только коли пойдуть суды ванизь съ Кіева, и они мають давати корговщину, съ комяги по три гроши, водою, а не сухимъ путемъ; а коли прійдетъ съ Черкасъ водою рыба, ино тогда маеть, пришодъ, осьмникъ обмытити рыбу на березѣ и свое десятое маеть взяти; а што зъ верху какая рыба прійдетъ, того на березѣ не обмычвати: маеть осьмникъ мыта своего на торгу смотрѣти. А отъ капи съ корчмы давати имъ по полтрети копы грошей, а дисчого грошь; а взяти капъ на Божье пароженье, а опять на Божье же пароженье заплатити капъ, а рокъ мишегъ, ино зъ дѣцкованьемъ взяти. А въ которомъ дому сами войтове живутъ, съ того дому капи не давати; а што коморы торговые у нихъ въ тыхъ же домѣхъ, съ того плату тожъ

не давати. А мясники мають давати, по яловицы, на св. Петра день, на городъ. А съ икры мѣта не давати; а отъ пресного меду съ посудины съ вѣка по полугрошугу, а отъ колоды меду грошъ, а за носатку меду два грошы. А свадебную куницу давати имъ шерстью; а не будетъ куницы шерстью, ино пять грошей за куницу.

279) Акты, относящ. къ Истор. Запад. Россіи, т. I, N 149.

280) Исторія Россіи, т. III, примѣч. 85; т. IV, стр. 184. Акты, относящ. къ Истор. Запад. Россіи, I, N 170.

281) Акты, относящ. къ Истор. Запад. Россіи, I, N 207.

282) Тамъ же N 159.

283) Тамъ же N 175, 185, 165, 204, 182, 199, 190, 196, 90, 197, 210, 147, 153; II, N 13; Вишневскаго — *Pomniki histor. literat. Polsk.* IV, 97.

284) П. С. Р. Л. IV, 160, 161, 163, 221, 222, 229, 233, 240, 242, 247, 267; VI, 244.

285) Никон. подъ означенными годами.

286) П. С. Р. Л. IV, 228, 229, 230, 231, 238, 239, 257, 270, 272.

287) Акты арх. эксп. I, N 83.

288) С. г. г. и д. I, N 127: А бояромъ и детемъ боярскимъ и слугамъ и христьяномъ межъ насъ волнымъ воля.

289) Акты арх.-эксп. I, 95, 102, 111, 120, 132, 379. Акты истор. I, N 115. Отъ временъ Іоанна III дошли до насъ грамоты полныя, наприм. «Семенъ Васильевъ сынъ Сеславинъ купилъ Кондратка Ивашкова сына Ноугородца въ полницу собъ и своимъ дѣтемъ; а далъ на немъ рубль денегъ Ноугородцкой. Отъ Петра Михайловича отъ намѣстника приходилъ приставъ Матейко. Отъ В. Князя Ивана Васильевича всея Русіи тамгу и осмычее взяли таможницы. Полную писалъ Чернецъ Гавриловъ сынъ Паюсова, лѣта девять десять девятого, Гелваря. У полныя печать, писана въ кругу тамга В. Новгорода. Архивъ Историко-Юридич. свѣд. изд. Н. Калачов. книги второй половина первая.

290) Акты, относ. къ Истор. Запад. Россіи, I, N 146, 133, 202, 218, 189.

291) Полеми пути истомны, Дѣла Крымск. 1, стр. 35. — О торговлѣ съ Астраханью см. Іос. Барбаро въ Библиот. иностр. писателей о Россіи, стр. 57.

292) Московскій посолъ Еропкинъ жаловался Казимиру, что купцы Новгородскіе, и между ними Демьянъ Фрязинъ шли пзъ за моря чрезъ Литовскую землю: Фрязинъ шелъ на великокняжеское имя и везъ для В. Князя ковертъ да 8 зеренъ жемчугу, и тянуло въ томъ жемчугѣ 52 почки. На нихъ взяли въ Минскѣ непошлый мытъ, потомъ весь товаръ пограбили, взяли и деньги, придравшись, что вмѣсто ладоиза купцы

продалъ смолу; велѣли купцовъ бить и мучить и деньги на нихъ брать за то, что Фрязигъ не продалъ вѣра жаду мытнику. Московскій купецъ шелъ изъ за моря черезъ Литовскую землю, и у него въ Смоленскѣ силою отняли кушницъ орѣховъ грецкихъ чинешыхъ. Взяли у Московскаго купца въ Смоленскѣ тридцать миткалей безъ трехъ пачугу, а въ миткаль по 30 зеренъ безъ двухъ, да взяли живовику золоту, да коверъ. Торговые люди Коломннчи и Можанчи торговали въ Путивль: у нихъ взяли медь, бобровъ, почеревесей, выдръ, воскъ, горностаевъ, рысей, лисицъ, бѣлокъ, шелкъ, тафту, 15 изуерей тяжелыхъ, краски, атласъ, епанчи бурскія, 40 орловъ перья. Великаго Князя гости шли изъ Крыма: у нихъ пограблено между прочимъ 12 ларивониковъ цвѣтнаго шелку, 70 брусоевъ мыла Халыпскаго, два косяка тафты ездискія, да косякъ тафты бурскія, 130 ларивониковъ цвѣтнаго шелма Кафинскаго, 70 литръ бурскаго, двѣ камки куотери Кафинскія червчатны мелкій узоръ, 24 изуфи ангурскихъ тяжелыхъ, да 4 полсти бурскія епанечныя, а въ полсти по 4 епанчи, да 2 терлика Хандрачныхъ, да огабень обяри, да саблю черкаскую, да 2 тегиляя тафтяныхъ, да 3 сафьяна червчатыхъ, да 3 сагадака, да бумажникъ, да одѣяло, да терликъ безшней, да коверъ, да 4 ширинки кисейны съ золотомъ, да два батмана перцу Кафинскихъ, да косякъ беши халыпскія, десять литръ шелку токатскаго, три калы краски, да два кантара ладону, да рубль денегъ атманскихъ, два косяка фараузу шелковаго, 3 рубли кафинскія денегъ, четверть мскусу, 17 гривенокъ кардашу, 20 ногъ шафрану, 6 пачекъ алмаву, 8 жемчужковъ, 2 яхонта, портица муштандану, пять киндяковъ темносинихъ, да поставъ епанечный, 20 ногъ бумаги мушчатой, 10 рублевъ ордынскихъ денегъ, 30 аршинъ каймы, 50 ногъ мыла, 5 ларивониковъ шелку артахозу, 4 почки мскусу, 3 косяка фараузу—2 бурскаго, третій ездскаго, 20 аршинъ ожерелей кафинскихъ, 4 кантари камня фатиснаго, гривенку ревеню, да другую канфору. — Великаго Князя человекъ Игнатъ Верблюдь ѣхалъ изъ Кіева къ Смоленску и ночевалъ подъ Мстиславлемъ: тутъ его разбили на ночлѣ, взяли у него полтретья камени гвоздики полтораста гривенокъ, да 30 гривенокъ кичилибуги, да полтретьянацать гривенъ миндаальныхъ ядеръ, кушакъ турскій, тафту турскую, гуню волошскую бѣлу; онъ жаловался княгинѣ Ульянѣ Мстиславской, та обѣщалась дать ему управу и поправила; потомъ за 30 верстъ до Смоленска, въ селѣ Ивановскомъ, велѣлъ его поймать панъ Иванъ Ильиничъ и пограбить своему писарю, который и взялъ у него кушницъ орѣховъ грецкихъ чинешыхъ; въ Смоленскѣ пограбили его мытники. — Въ Кіевѣ у Русскихъ купцовъ взяли зеркала, батарыки, наручи, наколѣнки. — Въ этихъ извѣстіяхъ былыя мѣха различаются: бѣлка шувайская и устюжская. — Въ Крымскія

дѣлахъ находимъ извѣстіе (№ 2, стр. 892), что у Русскихъ купцовъ было пограблено между прочимъ полтретьяцать аршинъ шиды червчатая, 37 литръ шелку артагазъ.

293) Москов. Архив. Мин. Ин. Дѣль, Дѣла Польскія, № 4, Дѣла Крымскія № 1 и 2; памятники Дипломат. сношеній, т. I, стр. 95; Никон. VI, 58, 130, 172; П. С. Р. Л. IV, 151, 248, 256; Акты Запад. Россіи, I, № 159, 175; Виленскіе акты, № 13. Контарини въ Емблют. иностр. писат. о Россіи, стр. 21.

284(Никон. 130, 3, 37, 56, 59, 60, 106, 55, 59, 138, 91, 119, 122, 126, 127, 129, 133, 122, 129, 131, 157, 122, 125, 140, 171, 125; Лѣтоп. служ. продол. Нестору, стр. 317. П. С. Р. Л. VI, 194, 198, 199, 205, 206, 221, 235, 239, 191, 237, 233, 234, 237, Памят. дипломат. снош. I, стр. 19, 21, 46, 165. Времен. Москов. Истор. Общ. кн. 8.

295) Никон. VI, 2, 54, 143, 169, 170, 127, 140, 171; П. С. Р. Л. IV, 269; V, 35; VI, 186, 244, 238, 221, 233, 234, 236, 238; Акты арх. эксп. I, № 381, 108, 382, 383, 380, 77, 78, 79, 99, 133, 139, 140, 125; Акты историч. 78, 89, 103, 286, 104, 109, 112, 285, 286, 79, 284; Дополн. къ акт. истор. I, № 211, 212, 214, Карамз. VI, примѣч. 622; Руднева разсужд. о ерес. и раскол., стр. 92; Твор. св. отцевъ въ Русск. перев. Годъ V-й кн. 2. — Чтенія Москов. Истор. Общ. 1847 г., № 3, 7, 8.

296) Исторія Русск. Церкви. III, 14. Акты относящ. къ истор. Запад. Россіи, I, № 118, 166, 141.

297) Никон. VI, 51; П. С. Р. Л. VI, 23, 236, 238, 239, 279; Акты арх. эксп. I, № 92, 115, 123; Акты истор. I, № 105; Акты, относ. къ истор. Запад. Россіи, I, № 169, 126, 131, 176, 181, 189.

298) Москов. Арх. Мин. Ин. Дѣль, Дѣла Польскія, № 4, Крымскія. № 1-и 2; Никон. VI, 26, 30; П. С. Р. Л. IV, 235; VI 187, 192; Акты, относящ. къ истор. Запад. Россіи, I, № 192, 69, 154, 73, 74, 97, 134, 75, 88, 137, 112, 186, 105, 122, 143; Памятники диплом. снош. т. I, стр. 41, 106, 24, 48, 25, 26, 27, 30, 34, 69, 83, 84, 112, 113.

299) Февраля 8 вѣхалъ К. В. на Москву утрѣ предѣ обѣдню; а обѣдалъ и пилъ у матери. — Герберштейнъ: *In prandio plerumque adeo se potu ingurgitabat, ut somno opprimeretur: invitatis interea omnibus timore percussis, silentibusque.* Контарини, стр. 110. Москвитина, какъ мужчины, такъ и женщины, вообще красивы собою, но весьма грубы и невѣжественны. Главнѣйшій недостатокъ ихъ есть пьянство.

300) Герберштейнъ: *Mulieribus potto usque adeo infensus erat (M.*

D.) ut eius conspectu, si quae forte obviam sibi venissent, tantum non exanimarentur.

301) П. С. Р. Д. IV, 250; V 44; VI, 186, 195, 198, 205, 238, 186; Акты истор. I, N 110; акты арх. эксл. I, N 86; Дополн. къ акт. истор. I, N 22; Акты юридич. стр. 439. Опис. Румянц. Музея, стр. 512; Руднева — о ересяхъ и раскол. прим. 93. Акты Запад. Рос. Ц, N 13. Сборн. Синод. библи. N 791, л. 66.

302) Никон. VI, 175; П. С. Р. Д. VI, 51, 245. Въ сказаніи о землѣ Царства Казанскаго (гл. XIV, рукоп. библиот. Москов. Университета) говорится, будто Казанцы раскинули на Арскомъ полѣ шатры по случаю ярмарки, на которую сошлось много народа; всѣ пировали, веселились, какъ вдругъ нагрянула въ распахъ сила Московская, и произвела страшное кровопролитіе; Казань была бы взята, но побѣдителемъ вмѣсто того чтобъ добывать городъ, бросились грабить шатры, пировать въ нихъ, упиваться; этимъ воспользовался Магметъ-Аминь, въ свою очередь напалъ на нихъ въ распахъ и поразилъ. — Это повѣствованіе въ разсказѣ автора сказанія, который говоритъ объ одномъ только этомъ дѣлѣ, ведетъ прямо Русскихъ изъ судовъ на Казань, гдѣ они застаютъ пирующихъ; но, принявъ извѣстія лѣтописей болѣе достовѣрныхъ о двукратномъ приступѣ къ Казани, нѣтъ никакой возможности вставлять разсказъ сказанія, какъ то дѣлаетъ Карамзинъ, ибо нельзя предположить, чтобъ Казанцы не знали, что Рускіе, послѣ первой неудачи, не съѣли еще на суда, не удалились, и открыли ярмарку. Если же принимать извѣстіе о пораженіи въ шатрахъ Казанскихъ и вставлять его въ разсказъ лѣтописей, то должно принять извѣстіе Герберштейна (стр. 68), внесенное нами въ свой разсказъ. Во всякомъ случаѣ извѣстія Герберштейна заслуживаютъ гораздо болѣе довѣрія, чѣмъ извѣстія Сказанія, источника очень мутнаго: въ немъ напримѣръ тутже воевода Киселевъ означенъ въ числѣ убитыхъ, тогда какъ лѣтописи выставляютъ его побѣдителемъ при отступленіи къ Мурому.

303) Стрыйковскій, II, 329, 330.

304) Акты, относящ. къ истор. Зап. Россіи, I, № 225.

305) Дѣла Польск. № 2, стр. 97.

306) Акты, относящ. къ истор. Зап. Россіи, II, № 12.

307) Ельню, Ветлицу, Руду, Щучью.

308) Литовскіе послы пріѣхали 21 Марта; а 25 великій князь уже отправилъ назадъ Казанскаго посла съ отвѣтомъ, что согласенъ на миръ при извѣстныхъ условіяхъ.

309) Акты, относящ. къ истор. Запад. Россіи II, № 15 и 16.

310) Тамъ же № 7.

311) Въ большой части извѣстныхъ намъ Московскихъ лѣтописей, у

Герберштейна и Стрыйковского говорится, что Глинскій первый прислалъ въ Москву съ челобитьемъ; въ такъ называемомъ Русскомъ Временникѣ II, 261) читаемъ: «И слышавъ то князь великій Василій Ив., что Глинскіе отъ короля отступили, а живутъ въ своей отчинѣ, и послакъ къ нимъ своего сына боярскаго Коломнятина Митю Иванова сына Губу съ грамотою, зовучи Глинскихъ къ себѣ въ службу, чтобъ къ нему ѣхали и съ вотчинами, и Глинскіе дожидались отъ короля до срока до сборнаго воскресенія. И отъ короля нимъ на тотъ срокъ присылка никакова небывала. И они отпустили къ великому князю боярскаго Митю Губу, а съ нимъ прислали къ в. к. своего сына боярскаго, Ивана Приѣзжего съ грамотами, чтобъ пожаловалъ ихъ князь В., взялъ ихъ къ себѣ въ службу; а за нихъ бы и за ихъ отчины стоялъ.» Въ посольскихъ рѣчахъ къ в. к. (Акты, относ. къ истор. Зап. Россіи II, № 20) Глинскій говоритъ: «Што ваша милость, государь, на мое чоломбитье ласку и жалованье твое вчинилъ, за мене вступился и проч.» Но здѣсь Глинскій могъ разумѣть челобитье свое, отправленное въ отвѣтъ на предложеніе, привезенное Губою. Можно съ достовѣрностію принять только одно, что сношенія Глинскаго съ великимъ княземъ были продолжительны (см. Русскій Времен.), и, какъ видно изъ упомянутыхъ посольскихъ рѣчей Глинскаго, сначала дѣло шло только о помощи, которую великій князь обѣщалъ Глинскимъ: «Што ваша милость, государь, на мое чоломбитье ласку, и жалованье свое вчинилъ, за мене вступился и за братью и за пріятели моихъ, и всказывалъ ваша милость, государь, и въ листѣхъ своихъ до менѣ писалъ, не хотячи насъ ни въ чомъ отпустить, а намъ помогати на всякихъ непріятели нашихъ и на то помощью своею стояти, хотячи видѣти мое доброе: я государю вашей милости за то низко челомъ бью и, што мнѣ добраго милосердый Богъ дастъ помощью вашей милости государскою, хочу то до живота моего вашей милости заслужовати.

312) Акты, относящ. къ истор. Запад. Россіи, II, № 19.

313) Тамъ же, № 22. Эта грамота важна для насъ преимущественно по означенію мѣсяца и года (Іюнь 1507), когда писана. Основываясь на ней, мы отнесли начало сношеній Глинскаго съ Москвою къ веснѣ 1507 года, и приняли извѣстіе лѣтописца Москов. Дух. Типограф. (напечат. 1784 г. стр. 347), гдѣ говорится, что 29 Апрѣля 1507 года уже отправлены были воеводы воевать въ Литовскую землю.

314) Стрыйковскій, II, 344.

315) Такъ у Стрыйковского; но Глинскій былъ уже женатъ, см. Акты Истор. I, № 120.

316) Мѣстечко Могилевской губерніи Оршинскаго повѣта.

317) Мѣстечко Могилевской губерніи Климовичскаго повѣта.

318) Какъ видно, Острожскій былъ уличень и прежде въ намѣреніи обѣжать, или въ какой нибудь другой винѣ, ибо 18 Октября, 1506 года, онъ далъ запись за поручительствомъ митрополита и другихъ духовныхъ лицъ, въ которой говорить: «Се язь князь Константинъ Нв. Острожскій, что есми билъ челомъ своему государю в. к. В. И. за свою вину» и проч. С. г. г. и д. I, № 146.

319) Литвѣ возвращены были только волости, захваченныя въ правленіе Василія: Руды большія, Вержавы, Ветлицы, Щучьи, Буй городъ. — Акты, относ. къ истор. Зап. Росс. II, № 43.

320) Акты Западн. Россіи II, № 6.

321) П. С. Р. Л. VI, 246. Русскіе гнали Татаръ до рѣчки Рыбницы (Орловскаго уѣзда).

322) Акты Запад. Россіи, II, № 33.

323) Крымскія дѣла, № 3, стр. 1 — 62 и слѣд.

324) Памятн. дипломат. снош. I, стр. 139 — 138; С. г. г. и д. V, № 57.

325) Русск. Временникъ, II, 278. Архив. лѣтоп. у Карамз. VII, прилѣч. 63.

326) П. С. Р. Л. IV, 295: Проси Арцѣпискупъ Ровенскій у в. князя силы на своего князя Местера Ливонскіе земли, и пословъ своихъ послылаше во Псковъ къ Мисюрю дьяку Мунехину, и Мисюрь послылаше къ в. князю. 297: Повелѣ князь великій своему дьяку Мисюрю Мунехину, поставити стрѣлицу каменную. Приѣха архіепископъ Новгородскій во Псковъ, и повелѣ ему кн. вел. во Псковѣ жити 10 дней, а хотѣлъ онъ жити весь мѣсяць, и Мисюрь дьякъ показалъ ему грамоту вел. князя, что ему велѣно жити 10 дней; а владыка Макарей того не вѣдалъ.

327) Акты, относящ. къ истор. Западн. Россіи, II, № 49.

328) Тамъ же № 57.

329) Тамъ же № 60, 62, 66, 74.

330) Мѣстечко Ковенскаго уѣзда.

331) Акты Западн. Россіи, II, № 80.

332) Тамъ же № 81.

333) Памятн. дипломатич. сношеній, I, стр. 151, 1502.

334) С. г. г. и д. V № 66 и 67.

335) Стрыйковскій, II, 373. Supplem. ad. histor. Russ. Monum. № CXLI.

336) Никон. VI 196; Архангел. 213.

337) Копія съ Кѣнигсбер. актовъ, хранящ. въ Москов. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, связка 32, N 10; извѣстіе отъ Сентября 1514 года; здѣсь сказано, будто в. князь, обѣщая Глинскому княжество въ Литвѣ; при-

Бавилъ: «*gelobe dir das mein Haupt nicht zu rauh setzen wollen ich bringe dich an die orthir.* См. также *Suplem. ad. histor. Russ. Monum. N CXLVI.*

338) Стрѣльцовскій. II, 376.

339) Герберштейнъ, стр. 9.

340) Кёнигсберг. акты въ Моск. Архив. Мин. Ин. Дѣль, связка 32, № 12, *Suplem. ad. histor. Russ. Monum. N CXLVIII.* Акты Запад. Росс. II, N 137.

341) Акты Западн. Россіи, II, N, 92.

342) Русск. Врем. II, 302.

343) Архангел. стр. 222.

344) Акты Западной Россіи, II, N 93.

145) Дѣла Крымскія, N IV-й, стр. 20 — 448; N V-й, стр. 420—495; П. С. Р. Л. VI, 259, 260.

346) Кёнигсберг. акты въ Москов. Арх. Мин. Ин. Дѣл. N 1; С. г. г. и д. V, N 73, 74, 75, 76, 78, 82.

348) Никон. VI 210; П. С. Р. Л. IV, 292; VI, 260; Прусск. дѣла, N 1, стр. 122.

349) Памятн. дипломат. сношен. I. стр. 193—480, Моск. Арх. Мин. Ин. Дѣль, подробное описаніе посольскихъ сношеній съ Литвою Московской редакціи, возвращенное изъ Польши; на переплетѣ заглавіе: *Acta Magni Duc. Litv. N 2*, стр. 10 — 25 и слѣд.; Дѣла Прусск. N 1, стр. 88.

250) Первая грамота 1518 года, приведенная нами хранится въ спискѣ въ Москов. Арх. Мин. Ин. Дѣль и напечат. въ V т. С. г. г. и д. (неизданн.); вторая грам. въ 1-мъ N Прусск. Дѣль: «Наияснѣйшему и вельможнѣйшему Каролу, королю Фрянцовскому поздравленіе. Намъ извѣстно вѣдомо, колико твоя есть сила, благость и любовь къ добрымъ, какъ намъ то также въ конечномъ посольствѣ Албертовъ ... его посломъ гораздо величества твоего и твоее персоны хвала изъявлена и проч. согласно съ первою грамотою. У Карамзина второе и третье посольство Шойберга смѣшаны въ одно.

351) Никон. VI, 223; Дѣла Прусск. N 1, стр. 307, 346; П. С. Р. Л. IV, 292, 293.

352) Москов. Архивъ Мин. Ин. Д. *Acta Magni Duc. Litv.*, N 2 стр. 58 и слѣд.

353) П. С. Р. Л. VI, 263; Книги разрядн. и родословн. — Герберштейнъ стр. 68 и слѣд. Здѣсь между прочимъ: *Basilius cum ad tantum hostem propulsandum impari se esse videret, adeo timore percussus, ut rerum suarum desperatione aliquandiu sub acervo foeni, ut*

quidam referunt, latuerit. — Арх. Мин. Ин. Дѣл., Дѣла Турецкія. N 1 стр. 139 и слѣд.

354) Означимъ изъ договора рубежи: «рубежь городу Рославлеву съ Мстиславлемъ промежь Словнева да Шибнева къ Гневкову Доброю рѣчкою на Водоносъ, а отъ Водоноса Доброю рѣчкою вострь черезъ Великій боръ въ рѣку Шумячу къ Стрекулѣ къ рубежу къ Кричовскому. А отъ Кричева городу Рославлю рубежь рѣка Шумяча, а Шумячею въ рѣку Немелицу, а изъ Немелицы старымъ рубежомъ къ Заборю въ Ипутъ рѣку, да на низъ Ипутю къ Хмелю. А рубежь Смоленску и волоостемъ Смоленскимъ, съ Дубровою и съ Романовымъ, и съ Горамн, и съ Мстиславлемъ, отъ Днѣпра ниже города Смоленска рѣкою Мѣреею вверхъ межъ Пречистыя, Взруба и Звѣровичъ въ Иваку рѣку, а изъ Иваки на Еленскій рубежь, да въ городню, а Городнею въ Вехру въ Черной мохъ, а изъ Вехры въ Прудилну, а изъ Прудилны въ Желѣзницу, а Желѣзницею поды Дуденки въ Вехру, а изъ Вехры въ Лютую воду, а изъ Лютой воды въ Выпнино, а изъ Выпина въ Сожь, а Сожою на низъ въ Березыню, а Березынею вверхъ сухомъ промеже сѣль Почина и Гладковичъ по холмомъ, а оттолѣ къ Плуневу (вар. Пулневу, Кулневу). А за рѣкою за Днепромъ рубежь Смоленску внизъ по Днѣпру по рѣкѣ ниже Клементья святаго пять верстѣ.»—Арх. Мин. Ин. Дѣл., Acta magni Duc. Litv. N 2, стр. 205; С. г. г. и д. V, 97; Акты Запад. Росс. II, N 120.

355) Арх. Мин. Ин. Д. Acta magni Duc. Litv. N 2, стр. 281.

356) Акты Запад Россіи, II, N 137.

357) Дѣла Крымскія, N 6, стр. 25 — 32.

358) Никон. VI, 234 и слѣд.; П. С. Р. Л. VI, 265. Мѣстничество воеводъ могло быть причиною потери удобнаго времени; потеря наряда, какъ бы она ни произошла, могла быть достаточною причиною, почему воеводы приняли предложеніе Казанцевъ; слѣд. нѣтъ никакой нужды, вмѣстѣ съ авторомъ высокопарнаго сказанія о землѣ царства Казанскаго, подозревать Бѣльскаго опять въ подкупѣ; вообще мы не считаемъ себя въ правѣ пользоваться этимъ слишкомъ рутнымъ источникомъ.

359) Никон. VI, 237, 252, 254.

360) Дѣла Крымскія, N 6, стр. 159; А Крымскихъ Пословъ Чабыка съ товарищи к. в. въ тѣ поры какъ Исламъ приходилъ на Украйну, велѣлъ потопити. Стр. 256; наказъ послу Злобяну: А взмолвить царь... «Степану говорити: Какъ Исламъ приходилъ на государя нашего Украйну, и тогда государь нашъ самъ вышелъ на свое дѣло, а Чабыка съ товарищи приказалъ своимъ приказнымъ людемъ, чтобы ихъ велѣли беречи, и пришедъ народъ чернь у приказныхъ людей Чабыка съ то-

варищи взяли сильно и побили, а рухлядь ихъ всю рознесли, а Чапана съ товарищи у нихъ ухоронили, а рухлядь его также разняли, и нынѣ Чапана съ товарищи государь нашъ къ тобѣ отпустилъ, а рухлядь гдѣ сыскивати? А государя нашего посла Ивана Кельчева здѣсь ограбили, и то гдѣ сыскати? — Никон. VI, 233.

361) Никон. VI, 257; П. С. Р. Л. VI, 266.

362) Дѣла Крымск. N 6, стр. 169 — 370; N 7. стр. 68, 71.

363) Акты Запад. Россіи, II, N 150, 168.

364) С. г. г. и д. V, N 60, 99: Подъ договоромъ слѣдующая любопытная подпись: Ad hanc cedulam electi regis Suetie Gostafui ego orator Chanutus Erici mandavi capellano meo Johanni Erasmo pro me apponere manum, quia ego scribere nescio.

365) Тж. N 57, 95, 105 и 106.

366) Тж. N 65, 78. 111, 112.

367) Дѣла Прусск. N 1, стр. 164 — 147, 232; Переписка папъ съ Россійск. государ. въ XVI, в., изд. Григоровича.

368) Дѣла Турецкія, весь N 1-й. Чтенія Москов. Историч. Общ. 1847 г., N 7: И вы съ Савою, вмѣсто благихъ, в. князю злая умыслили и совѣщали и посылали грамоты къ Турскимъ пашамъ, и къ самому Турскому царю, подымая его на в. к. Да вы же говорили: ратуетъ к. в. Казань, да нѣколи ему будетъ и соромъ — Турскому ему не молчати. Да вы же вѣдали Искандеря Турскаго посла совѣты и похвалы, что хотѣлъ подымать Турскаго царя на в. к. Да ты, Максимъ, то вѣдалъ а гос. в. к. и бояромъ его не сказалъ. Да ты же говорилъ многимъ людямъ: быти на той земли рустѣи салтану Турскому, занеже салтанъ не любитъ сродниковъ царегородскихъ царей, и князь великій Василей внукъ Фомы Амарейскаго.

369) Герберштейнъ, стр. 48; Лѣтоп., служищ. продолж. Нестору, стр. 224; Акты Историч. I, N 127; Акты Западн. Россіи, II, N 116.

370) Герберштейнъ, стр. 51; С. г. г. и д. II, N 28 и 29; Акты Историч. I, N 124; С. г. г. и д. I, N 151.

371) Акты историч. т. I, N 291; N 136.

372) Тж. N 130. Сказывалъ Иванъ (Сабуровъ): говорила мнѣ в. княгиня: есть де женка Стефанидою зовуть Рязанка, а нынѣ ма Москвѣ, и ты еѣ добуди да комнѣ пришли; и язъ Стефаниды допытался да и къ себѣ есми еѣ во дворъ позвалъ, да послалъ есми еѣ на дворъ къ в. княгинѣ съ своею жонкою съ Настею, и Стефанида и была у в. княгини. А послѣ того пришлоъ язъ къ в. кн., и она мнѣ сказывала: присылалъ ты ко мнѣ Стефаниду, и она у меня смотрѣла, а сказала, что у меня дѣтемъ не быти; а наговаривала мнѣ воду Стефанида и смачиватися велѣла отъ того, чтобъ кн. в. меня любилъ; а коли понесутъ к. в. сорочку и порты и чехолъ, и она мнѣ велѣла изъ ручнойника тою водою смочивъ руку, да охватывати сорочку и порты и

чехоль и иное которое платье бѣлое.... Черница наговаривала не помню масло, не помню медъ прѣсной, а велѣла ей тѣмъ тертиса отъ тогожъ чтобъ ее к. в. любилъ, да и дѣтей дѣля.... Да Иванъ же говорилъ: того мнѣ не испаятовати, сколько къ мнѣ о тѣхъ дѣлахъ жонокъ и мужиковъ прихаживало.

373) П. С. Р. Л. IV, 295.

374) Герберштейнъ: Imperio, quod in suos exercet, omnes facile universi orbis monarchas superat, et id quod pater incoeperat, ipse perfecit.

375) Въ лѣтописяхъ: По совѣту ея тягости ради и болѣзни и бездѣтства. Герберштейнъ, стр. 18, 19: Huic Metropolitanus in monasterio lacrymanti ejulantiq̄ue, capillis primum abscissis, cum cucullam porrexisset, eam sibi injici haec adeo non patiebatur, ut apprehensam in terramque projectam cucullam pedibus calcaverit: qua rei indignitate Ioannes Schygonā, unus ex primariis consiliariis, commotus, eam non solum acriter objurgavit, sed flagello cæcidit, superaddens; Tunc voluntati domini resistere audes? illiusque jussa capessere moraris? Hunc Salomea cum interrogaret, qua se autoritate cæderet? mandato domini, cum respondisset, animo illa tum fracto coram omnibus quod cucullam invita atque coacta induat, protestatur, tantaque injuriae sibi illatae Deum ultorem invocat.... Continuo fama exoritur Salomeam gravidam propeque partum esse. Rumorem confirmabant duae matronae, primorum consiliariorum, Georgii Parvi thesaurarii et Jacobi Mazur cubicularii, uxores: ajebantque sese ex ore ipsius Salomeae audivisse, ut quae gravidam se et prope partum esse fateretur. Qua re audita, graviter commotus Princeps, utramque a se repulit: alteram, Georgii uxorem, etiam verberibus affecit, quod tempestivius de hac re ad se non retulisset. Mox ut rem compertam haberet, Theodericum Rack consiliarium et Potat secretarium quendam, ad monasterium in quo detinebatur, mittit, illisque, ut veritatem rei diligenter inquirerent, mandat. Quidam nobis tum Moscoviae existentibus, sancte affirmabant, Salomeam filium Georgium nomine peperisse: nemini tantum infantem ostendere voluisse. Quin cognoscendae veritatis gratia, quibusdam ad se missis, dicitur respondiisse, indignos illos esse, quorum oculi infantem viderent: dum in majestatem suam veniret, matris injuriam ulturum; quidam vero eam peperisse, constanter negabant. Ambigua itaque de ea re est fama. Тотъ же Герберштейнъ рассказываетъ о проискахъ упомянутого Георгя Малаго (Грека) еще предъ первымъ бракомъ Василя: Георгій отклонялъ Василя отъ мысли жениться на иностранной княжнѣ, и склонялъ жениться на русской, думая, что в. князь женится на его дочери, но шибся въ расчетъ.—Въ противоположность Герберштейнову раз-

сказу о постриженіи приведемъ разсказъ, находящійся въ Лѣтописи, служащей продолженіемъ Нестору, стр. 383: Благовѣрная великая княгиня Соломонида, видя неплодство изъ чрева своего, якоже и дрепная оная Сарра, начать молити Государя великаго князя Вас. Ив. вс. руссїи, да повелитъ ей обещанію во иноческій образъ. Царь же Государь всея Русїи нача глаголати сице: како могу бравъ раззорити, а вторымъ совокупитися? паче же государь благочестивъ, и совершитель заповѣдемъ Господнимъ и законному повелѣнію. Христолюбивая же В. Княгиня съ прилежаніемъ и со слезами начать молити Государя, да повелитъ ей сотворити тако, якоже хочеть: царь же ни слышати сего не восхотѣ, и приходящихъ отъ нея вольможъ отрѣвая съ злобою. Великая же княгиня видя непреклонна государя на моленіе ея, начать молити Данила митрополита, да умолитъ о семъ Государя, дабы сотворилъ волю ея быти. — Великій князь послушалъ митрополита.

376) П. С. Р. Л. VI, 268: Взяжа горошки и семяники, и съ того пронесе ему на низъ; въ другихъ варианъ вм. горошки — горшки тридневные.

377) Токмо духъ отъ нея тяжекъ. Идуци же изъ нея нежди смертныи.

378) С. г. г. и д. I, N 160.

379) Герберштейнъ, стр. 8: *Ut Magnus ille Stephanus Moldaviae palatinus, crebro in conviviis ejus mentionem faciens, dicaret: illum domi sedendo et dormitando imperium suum augere, se vero pugnando quotidie vix defendere posse.*

380) Никон. VI, 189, 204, 216, 219, 232, 233, 254.

381) Герберштейнъ, стр. 96.

382) Письма русскихъ Государей, N 1, 2, 3, 4, 5.

383) Герберштейнъ, стр. 11 и 92.

384) Акты Западн. Россїи, II, N 74, годъ 1511: Билъ намъ челомъ бояринъ нашъ и воевода Московскій, князь Данило Васильевичъ.

385) Таж. N 84.

386) Никон. VI, 232; С. г. г. и д. I, N 149, 152, 153, 154, 159, 162, 155, 156.

387) Лѣтоп. служ. продол. Нестору, стр. 381. Акты арх. эксп. I, N 172.

388) Герберштейнъ стр. 11.

389) Дѣла Крымскія, N 4, стр. 418; N 5, стр. 420, 484.

390) Описаніе монетъ см. у Герберштейна.

391) Акты Историч. N 132: Били челомъ (Троицкій игуменъ съ братьею), а сказываютъ, что язъ ихъ пожаловалъ, промѣнилъ имъ свои Корзеновскіе деревни, и съ тѣхъ деревень Корзеновскихъ имали на

меня туковые деньги... и язъ пожаловагъ, съ тѣхъ съ ихъ деревень туковыхъ денегъ имати впередъ не велѣгъ.

392) Акты Западной Россіи, II, N 17, 86, 87, 149, 159, 160.

393) Герберштейнъ, 34, 92 и слѣд.

394) Древн. Росс. Виліоѳ. XIII, стр. 6. Сахарова сказ. Р. Н. т. II. Тысяцкимъ, сказано, былъ братъ великаго князя Андрей Ивановичъ; но послѣдній женился только въ 1534 году? Развѣ предположить, что для церемоніи дали какой нибудь боярынѣ званіе жены Тысяцкаго.

395) Тж. стр. 19. При описаніи выхода великой княгини Елены съ невѣстою, читаемъ: «И какъ в. княгиня сошла къ в. князю, и передъ нею шли плясицы, а за плясицами шли дѣти боярскіе, а за дѣтьми боярскими шелъ священникъ съ крестомъ...» И на завтрѣе, какъ былъ князь въ мыльнѣ, и князь великій послалъ къ нему свое жалованье, платье; а княгиню ево вскрыти послалъ князь великій боярина своего, князя Дм. Ѳед. Бѣльскова.

396) С. г. г. и д. I, N 145.

397) Никон. VI, 185: Послалъ князь великій въ Литву боярина своего окольничева Григорья Ѳедорова сына Давыдовича. См. также нашей исторіи т. IV, примѣч. 343.

398) Памятн. Дипломат. снош. I, 360.

399) Архангел. 218: И пойма его (Глинскаго) князь Михайло Голица съ своими дворяны.

400) Разрядн. кн. Москов. Архива Мин. Ин. Дѣлъ, N 2, стр. 47, 68.

401) Дополн. къ акт. истор. I, N 215; Акты арх. эксп. I N 155.

402) Акты арх. эксп. I, N 141, 160, 162, 163, 175, 285.

403) Въ житіи св. Данила Переяславскаго читаемъ, что близъ построеннаго Даниломъ монастыря, сельцемъ Воргушею владѣлъ Нѣмчинъ, именемъ Иоаннъ, жена у него была Наталья, свирѣпа вельми. Они нападали на Данила, боясь, чтобъ онъ не овладѣлъ ихъ землями.

404) С. г. г. и д. I, N 148.

405) Акты Западн. Росс. II, N 12, 25, 152, 161.

406) Москов. арх. Мин. Ин. Д. Дѣла Турецкія, N 1, стр. 63, 160, 244.

407) Тамъ-же — Acta Magni Duc. Litv. N 2, стр. 175, 280. — Что козаками въ сѣверовосточной Руси назывались работники, люди, немѣвшіе собственнаго хозяйства, видно изъ уставной грамоты в. к. Василя крестьянамъ Моревской слободы: «Плавити имъ дрова и хормной лѣсъ рѣками, и имъ и казакомъ ихъ мыта и явки не давати.» Дополн. къ акт. истор. т. I, N 26.

408) Воскресен. II, 24; Карамз. II, примѣч. 347: Черные Клубуки, еже зовутся Черкасы.

409) Акты Западн. Рос. II, N 150, 156.

410) Акты арх. эксп. I, N 169.

411) Никон. VI, 172, 187, 227, 231, 245.

412) Лѣтоп. библиот. Москов. Арх. Мин. Ин. Д. N 20.

413) Акты Запад. Рос., II, N 75.

414) Тж. N 123, 147.

415) Собр. древ. грам. городовъ Вильны, Ковна и проч. N 19, 20.—
Zródła do dziejów Polskich, wyd. Malinowsk. i Przewdzieck. II, 119.
Вишневскаго—Pomniki histor. i literat. Polsk.

416) Акты Запад. Рос. II, N 29; 83, 174.

417) Акты арх. эксп. I, N 144: на Рождество Христово дадутъ воло-
стелю кормъ со шти деревень полоть мяса, десятеро хлѣбовъ, мѣхъ
овса, возъ сѣна; а на Петровъ день дадутъ кормъ, боранъ, десятеро
хлѣбовъ: а нелюбъ волостелю кормъ, и они ему дадутъ за полоть мяса
десять денегъ, за боранъ алтынъ, за мѣхъ овса алтынъ, за возъ сѣна
алтынъ, за хлѣбъ по деньгѣ. А тиуну его дадутъ кормъ на всѣ три
праздника въ помы того; а праветчику его дадутъ поборъ съ деревни,
на Рождество Христово 8 денегъ, а на Великъ день 4 деньги, а на
петровъ день четырежь деньги; а доводчику его дадутъ поборъ съ
деревни, на Рождество Христово за ковригу деньга, за часть мяса
деньга, а на Петровъ день за ковригу деньга, за сыръ деньга.

418) Тамъ же № 103, 150; См. также Дополн. къ акт. истор. I,
№ 26. Академич. словарь насадку переводить словомъ ендова; г.
Поповъ (Пиры и Братчины, Архивъ Калач. II.) думаетъ, что насадку
скорѣе можно перевести словомъ ведро, ибо въ Двинской грамотѣ чи-
таемъ: «Тиуну насадку питья, ведро. Но именно на основаніи этого-то
свидѣтельства и нельзя допустить, что насадка значила ведро, ибо въ
такомъ случаѣ оба слова не были бы поставлены рядомъ. Изъ этого
свидѣтельства можно вывести одно, что насадка означала неопредѣленно
поборъ питьемъ, количество же могло опредѣляться въ разныхъ мѣ-
стахъ различно.

419) Акты юридич. стр. 261. — У Герберштейна читаемъ: *Coloni
sex dies in septimana domino suo laborant, septimus vero dies privato
labori conceditur. Habent aliquot privatos et a dominis suis attributos
agros et prata ex quibus vivunt: reliqua omnia sunt dominorum. Sunt
praeterea miserrimae conditionis, quod illorum bona, nobilium ac mili-
tum praedae exposita sunt.* Неизвѣстно, кого разумѣлъ Герберштейнъ
подъ именемъ *coloni* — свободныхъ или несвободныхъ земледѣльцовъ;

во всякомъ случаѣ трудно признать справедливымъ извѣстіе о седьмомъ днѣ.

420) Акты Западн. Россіи, II, № 159.

421) Акты арх. эксп. I, № 142, 143, 147; Акты историч. I, № 117.

422) Герберштейнъ, стр. 73.

423) См. мою статью: Географич. извѣстія о древней Россіи, въ Отечеств. Зап. т. LXXXVI.

424) С. г. г. и д. V, № 65. Акты арх. эксп. I, № 156.

425) Собр. древ. грам. город. Вильны и проч. № 61.

426) Никон. VI, 215 244, 258. П. С. Р. Л. VI, 254, 53. Лѣтоп. библ. архива Мин. Ин. Д., № 20; Времен. Москов. Истор. Общ. N 8, стр. 50.

427) Дополн. къ акт. истор. I, N 216; Твор. св. отцевъ, годъ V, кн. 2.

428) Древ. Росс. Вивлюеика, ч. XVI, стр. 423; Творенія св. отцевъ, годъ IX, кн. 3-я: Да въ тѣхъ времена старцы Звенигородской князь Діонисей, да Нилъ Полевъ, Іосифовы постриженники, жили въ пустыняхъ на Бѣлѣозерѣ, близко Кирилова монастыря. И старецъ князь Діонисей Звенигородскій приде къ пустыннику и узрѣ у него крестъ подъ постелею, и прилучися въ та времена съ нимъ священникъ мірской. И паки, въ иное время, приде ко иному пустыннику, а тотъ священникъ съ нимъ же: аже тотъ пустынникъ держить у себя въ рукахъ книгу, а келья у него топится. И какъ зазрилъ старца Діонисія, и тотъ пустынникъ книгу кинулъ въ печь и книга сгорѣла. И ту великую ересь видѣлъ старецъ Діонисій да и священникъ. И къ Іосифу старецъ Діонисій прислалъ старца Серапіона Крестечника съ грамотою, а въ ней написано, что у пустынникоу видѣлъ ересь. Іосифъ прочеть грамоту, да послалъ ту грамоту къ Ростовскому Архіепископу Васьяну, понежъ въ его архіепископьи. А въ та времена Васьянъ Архіепископъ на Москвѣ былъ. И Васьянъ Архіепископъ ту грамоту подалъ великому князю. И князь великій ту грамоту показалъ старцу князю Васьяну Косому и рекъ ему: добро ли чинять твои пустынники? И Васьянъ рекъ великому князю: та деи, государь, грамота писана лукавствомъ, а вся солгана. Вспроси де, государь, попа. И князь великій велѣлъ поставити попа, да спросилъ попа. И попъ сказалъ такъ, какъ въ грамотѣ писано. И старецъ Васянъ князь попа просилъ на пытку, и попа пытали, и ногу изломали, и попъ умеръ, а не сговорилъ. И князь великій ополѣлся на старца на князя Діонисія, да и на старца Нила, глаголюще: сами де межъ собя бранятца, и меня грѣха доставили. Да велѣлъ князь великій старца Діонисія да съ нимъ Нила старца взяти въ Кириловъ монастырь, и пустыни ихъ велѣлъ сжечи.

429) Древ. Росс. Вивліюв. XVI, 190. П. С. Р. Л. VI, 249. Іосифъ говоритъ: «На меня на купилъ князь Ѳеодоръ съ своимъ Архимандритомъ (Алексѣемъ Пильевымъ) Кривоборскаго, а Кривоборской Архіепископа Серапіона улоускалъ и обманулъ.... Послали дву чернецовъ съ грамотами къ Кривоборскому, будто соли да рыбы купити, а въ грамотахъ писалъ, только Архіепископъ Серапіонъ учинить такъ, о чемъ ему биеть челомъ князь, и онъ будетъ второй Златоустъ, а Кривоборской только на то наведеть Архіепископа, и князь съ нимъ хочеть живота дѣлитись. И Арх. Серапіонъ на то уязвился тщеславіемъ, захотѣлъ себя явити всему міру, что онъ праведнѣ и разумнѣ всѣхъ человекъ, да грамоту прислалъ такому ко мнѣ, что де еси отдалъ монастырь свой въ великое государство, ино де еси отступилъ отъ небснаго а пришелъ къ земному, и ты разсуди себѣ Серапіонову мудрость, учинилъ Волокъ небомъ, а Москву землею, а князя Ѳеодора Волоцкаго небеснымъ, а великаго князя Московскаго земнымъ, а отъ божественнаго писанія, пачежъ отъ священныхъ правилъ не написалъ ни одного слова... И князь великій почель ему говорити (Серапіону): еси нарекъ князя Ѳеодора небеснымъ, а меня земнымъ, ино я земной то и есть, то намъ скажи, почему ты князя Ѳеодора назвалъ небеснымъ. И Архіеп. почаль сваритися со всѣми, и съ государемъ, и съ старѣйшимъ святителемъ, и съ всѣми святители, то де вѣдаю азъ, почему азъ не благословилъ, а вамъ до того которое дѣло, воленъ азъ въ своемъ чернцѣ, а князь Ѳеодоръ воленъ въ своемъ монастырѣ, хочеть грабить, хочеть жалуеть.»

430) Твор. св. Отцовъ, годъ IX. кн. 3; Древ. росс. Вивліюв. XIV, 177. Уже послѣ смерти Іосифа написано Вассіаномъ оправданіе въ обвиненіяхъ, которыя Іосифъ взвелъ на него и на учителя его Нила Сорскаго. Между прочимъ Вассіанъ пишетъ: «Вѣси самъ Іосифе въ св. правилѣхъ, что вдовцамъ чистымъ повелѣвають служити, а ты, презрѣлъ св. правила по страсти, человекѣугодія ради, отговорилъ всѣмъ вдовцамъ не служити. А о селехъ не подобаеть монастыремъ сель держати, у соборныхъ церквей у мірскихъ повелѣвають св. правила земли держати, но не епископу ими владѣти, ни попомъ, но все церковное богатество вѣдати иконому и давать отъ него со епископа докладъ причетникомъ церковнымъ всѣмъ, а инокомъ не подобаеть богатствовати и землю держати, понеже отреклися сего всего... Сіе Іосифе жещи на мя и на моего старца Нила, что мы хулимъ чудотворцевъ и древнихъ и новыхъ, а чудесъ изъ ихъ святыхъ писаній ничего старецъ Нилъ не выкинулъ, наипаче исправилъ, со иныхъ справилъ списковъ... Вассіанъ утверждаетъ, что не подобаеть церквей и иконъ украшать златомъ и серебромъ. Наконецъ Вассіанъ упрекаетъ

Іосифа: «Ниже у насъ еси потребовалъ прощенія, ниже самъ еси насъ простиалъ, отходя на путь вѣчный. — «Рукоп. Синод. библ. N 738.

431) Акты историч. I, N 122; Временн. Москов. Истор. Общ. N 5; Твор. св. Отцовъ, годъ VI, кн. I; Рукописн. сочин. Максим. разныч. библиот.

432) Пренія Данила со старцемъ Васьяномъ 1531 года: Чтенія Москов. Истор. Общ. 1847 г. N 9.

433) Творенія св. отцовъ, годъ IX, кн. 3. Въ посланіи къ митропол. Данилу Максимъ говоритъ: «Аки хулики и св. писаній тлителя осудите мя, нѣкихъ ради малыхъ описей, обрѣтеныхъ въ бывшемъ отъ меня преводѣ, о нихъ же тогда отвѣщали вашему священному собору, яко ниже по ереси, ниже по лудавству нѣкому сичево что дерзнуто бысть мною — Богъ свидѣтель, но по нѣкому всяко случаю, или по забвенію, или по скорби, или нѣчто излишнему винопитію погрузившумя, написашася тогда тако. Не точію же просто отвѣщали тогда, но еще и ницъ падъ трижды прощеніе просихъ.» — Данилъ сказалъ ему на соборѣ. «Достиглоша тебе окаанне грѣхи твои.» — Къ вопросу о поставленіи отъ Цареградскаго патріарха относятся слѣдующія сочиненія Максима: 1) Къ отрицающимся на поставленіи и клевающимся своимъ рукописаніемъ русскому митрополиту и всему священному собору еже не приимати поставленія на митрополию и на владычество отъ Римскаго папы Латынскія вѣры и отъ Цареградскаго патріарха аки во области безбожницъ Турокъ поганяго царя и поставленнаго отъ нихъ не приимати. 2) Сказаніе о томъ, яко не оскверняются святая николиже, аще и много лѣтъ обладаемы суть градове отъ поганыхъ. — Къ вопросу о разводѣ Василія не можетъ относиться «Слово къ хотящимъ оставляти жены своя безъ вины законныя,» ибо прибавлено: «И ити въ иноческое житіе.» Сочинитель говоритъ, что и въ міру человекъ можетъ быть инокомъ, если отрѣшится отъ всякія злобы.

434) Акты истор. I, N 118, 292, 129; Пискарева—грамоты Рязанск. края, N 10, 12; П. С. Р. Л. IV, 281. Дополн. къ акт. истор. I, N 25; Акты. арх. эксп. I, N 155.

435) С. г. г. и д. V, N 68; Акты историч. I, N 121, 123, 133; Никон. VI, 177, 203, 212, 216, 224, 353, Продолж. Древ. Вивліюе. ч. 6.

436) Акты Запада. Россіи, II, N 65, 146, 68, 112, 121, 122, 126, 110; Акты историч. I, N 289.

437) Карамз. VII т. прим. 362; С. г. г. и д. I, N 158.

438) Акты юридич. стр. 447, 448; Пискарева — грамоты Рязанск. края, N 14. Опис. государств. арх. — Иванова, стр. 218.

439) Памяти. дипломат. снош. I, стр. 284.

440) Акты западн. Россіи, II, N 50. Временн. Москов. Истор. Общ.

кв. 18; Даниловича — Взглядъ на Литовское законодательство. въ юридич. записк. изд. Рѣдкинымъ, т. I, стр. 12. Działyńskiego — Zbiór Praw Litewskich, p. 115.

441) С. г. г. и д. V, стр. 46, 92, 57, 75; Памятн. диплом. снош. I, стр. 237.

442) Никон. VI, 226, 244, 246, 249; Акты юридич. стр. 32; Акты арх. эксп. I, N 157; П. С. Р. Л. IV, 297.

443) С. г. г. и д. I, N 147.

444) Акты юридич. стр. 444.

445) Акты западн. Россіи, II, N 51, 149, 160; Zródła do dz. Polsk: Malinow. II, 425.

446) Преп. отца нашего Нила Сорскаго преданіе ученикамъ своимъ, М. 1849; П. С. Р. Л. IV, 293. Сборникъ библ. гр. Уварова, N 403. Дополн. къ акт. истор. I, N 23; П. С. Р. Л. IV, 296; Сочин. Митроп. Даниила въ рукоп. Импер. Публ. Библ; Акты историч. I, N 293; Чтен. Моск. Истор. Общ. 1847, N 7; Опись книгъ Іосифа Волоком. монас. Упрекая духовенство за участіе въ свѣтскихъ удовольствіяхъ, Даниилъ говоритъ: «Глумятся и играютъ въ гусли, въ замры, въ смаки, къ сему же зернію и махмиты и тавлѣсами.»

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. КНЯЖЕНІЕ ІОАННА ІІІ ВАСИЛЬЕВИЧА.

	Стр.
ГЛАВА I-я. Новгородъ Великій.	1
ГЛАВА II-я. Софія Палологъ.	58 63
ГЛАВА III-я. Востокъ.	82 90
ГЛАВА IV-я. Литва	119
ГЛАВА V-я. Внутреннее состояніе Русскаго общества во времена Іоанна ІІІ-го.	191 200

II. КНЯЖЕНІЕ ВАСИЛІЯ ІОАННОВИЧА.

ГЛАВА I-я. Псковъ,	301
ГЛАВА II-я. Смоленскъ.	329
ГЛАВА III-я. Дѣла внутреннія.	344
Примѣчанія.	444

ИСТОРИЯ РОССИИ.

ИСТОРИЯ РОССИИ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

СОЧИНЕНІЕ

СЕРГѢЯ СОЛОВЬЕВА.

ТОМЪ ШЕСТОЙ.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

**У ИЗДАТЕЛЯ И. И. ГЛАЗУНОВА, ВЪ Д. ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ,
ПОДЪ №№ 21 И 22.**

1860.

ИСТОРИЯ РОССИИ

ВЪ ЦАРСТВОВАНИЕ

ІОАННА ІV ВАСИЛЬЕВИЧА

И

ФЕОДОРА ІОАННОВИЧА.

СОЧИНЕНИЕ

СЕРГѢЯ СОЛОВЬЕВА.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

У ИЗДАТЕЛЯ И. И. ГЛАЗУНОВА, ВЪ Д. ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ,
ПОДЪ №№ 21 и 22.

1860.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ
узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 29 Февраля 1860 года.

Цензоръ *В. Бекетовъ.*

ВЪ ТИПОГРАФІИ И. И. ГЛАЗУНОВА И КОМП.

ГЛАВА I.

ПРАВЛЕНІЕ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ ЕЛЕНЫ.

Права Елены на правленіе. Смуты. Заключение удѣльнаго князя Юрія. Торжество Телепнева-Оболенскаго и заключеніе Глинскаго. Бѣгство вельможъ въ Литву. Бѣгство удѣльнаго князя Андрея изъ Старицы, пріѣздъ его въ Москву и заключеніе. Война Литовская, переговоры и перемиріе. Дѣла Крымскія. Происки Бѣльскаго въ Константинополь. Вмѣшательство Гиреевъ въ дѣла Казанскія. Мирный договоръ съ Швеціею и сношенія съ другими государствами. Построеніе городовъ; вызовъ поселенцевъ изъ-за границы. Мѣры противъ поддѣльныхъ и рѣзанныхъ денегъ. Дѣти боярскіе, живущіе въ Думѣ. Ольжская уставная грамота; грамота Владимірскимъ бобровникамъ. Могущество Телепнева-Оболенскаго. Смерть Елены.

Уже въ Русской Правдѣ находимъ, что по смерти отца опека надъ малолѣтними дѣтьми, распоряженіе имуществомъ ихъ принадлежать матери; не говоря о древней Ольгѣ, въ позднѣйшее время мы видѣли важное значеніе матери семейства княжескаго, ея вліяніе на дѣла не только при малолѣтнихъ, но даже и при возрастныхъ сыновьяхъ: слѣдовательно, по смерти Василя опека надъ малолѣтнимъ Іоанномъ и управленіе великимъ княжествомъ естественно принадлежали великой княгинѣ — вдовѣ, Еленѣ. Это дѣлалось по обычаю всѣми признанному, подразумевавшемуся, и потому въ подробномъ описаніи кончины Василя, среди подробныхъ извѣстій о послѣднихъ словахъ его и распоряженіяхъ, не говорится прямо о томъ, чтобы

Истор. Росс. Т. VI. 1

великій князь назначилъ жену свою правительницею; говоритъ только, что троимъ приближеннымъ лицамъ — Михаилу Юрьеву, князю Михаилу Глинскому и Шигонѣ Василій приказалъ о великой княгинѣ Еленѣ, какъ ей безъ него быть, какъ къ ней боярамъ ходить. Последнія слова о боярскомъ хожденіи мы должны принимать, какъ прямо относящіяся къ правительственному значенію Елены, должны видѣть здѣсь хожденіе съ докладами ¹. Въ одной лѣтописи говорится о возведеніи малолѣтняго Іоанна на престолъ такимъ образомъ: начали государя ставить на великое княженіе въ соборной церкви Пречистыя Богородицы, митрополитъ Даниилъ и весь причетъ церковный, князья, бояре и все православное христіанство; благословилъ его митрополитъ крестомъ и сказалъ громкимъ голосомъ: « Богъ благословяетъ тебя, государь, князь великій Иванъ Васильевичъ, Владимірскій, Московскій, Новгородскій, Псковской, Тверской, Югорскій, Пермскій, Болгарскій, Смоленскій и иныхъ земель многихъ, царь и государь всея Руси! добръ здоровъ будь на великомъ княженіи, на столѣ отца своего ». Новому государю пропѣли многолѣтіе, и пошли къ нему князья и бояре, понесли дары многіе; послѣ этого отправили по всѣмъ городамъ дѣтей боярскихъ приводить къ присягѣ жителей городскихъ и сельскихъ.

Умирающій Василій имѣлъ много причинъ беспокоиться о судьбѣ малолѣтняго сына: при малюткѣ оставалось двое дядей, которые хотя отказались отъ правъ своихъ на старшинство, однако могли, при первомъ удобномъ случаѣ, отговорясь невольною присягою, возобновить старыя притязанія; эти притязанія тѣмъ болѣе были опасны, что вельможи, потомки князей, также толковали о старыхъ правахъ своихъ и тяготились новымъ порядкомъ вещей, введеннымъ при Василіи и отцѣ его. « Вы бы, братья мои, князь Юрій и князь Андрей, стояли крѣпко въ своемъ словѣ, на чемъ мы крестъ цѣловали » говорилъ умирающій братьямъ; боярамъ онъ счелъ нужнымъ напомнить о происхожденіи своемъ отъ Владиміра Кіевского, напомнить, что онъ и сынъ его прирожденные государи; Василій зналъ,

что въ случаѣ усобицы и торжества братьевъ должны повториться тѣ же явленія, какія происходили при дѣдѣ его, Василии Темномъ, что тогда малюткамъ-дѣтямъ его нельзя ждать пощады отъ побѣдителя: и вотъ онъ обращается къ человеку, по близкому родству обязанному и по способностямъ могущему блюсти за сохраненіемъ семьи великокняжеской: «А ты бы, князь Михайло Глинскій, за моего сына, великаго князя Ивана, за мою великую княгиню Елену, и за моего сына князя Юрья кровь свою пролилъ и тѣло свое на раздробленіе далъ».

Опасенія умирающаго сбылись: тотчасъ послѣ похоронъ Василия вдовѣ его донесли уже о крамолѣ. Лѣтописцы оставили намъ объ этомъ дѣлѣ разныя свидѣтельства: по однимъ, двое князей Шуйскихъ, Иванъ и Андрей Михайловичи, еще при великомъ князѣ Василии отъѣзжали къ удѣльному князю Юрію; Василій отправилъ къ брату съ требованіемъ ихъ выдачи, и тотъ безпрекословно исполнилъ это требованіе; Василій велѣлъ оковать отъѣзжиковъ и разослать ихъ по разнымъ городамъ; но великая княгиня Елена, ставши правительницею, приказала освободить ихъ по ходатайству митрополита и бояръ. Первымъ дѣломъ Андрея Шуйскаго, по возвращеніи въ Москву, была новая крамола: онъ началъ подговаривать князя Бориса Горбатаго къ отъѣзду, объявилъ, что князь Юрій зоветъ его, Андрея, къ себѣ, и онъ хочетъ къ нему ѣхать: «Поѣдемъ со мною вмѣстѣ» говорилъ онъ Горбатуму: «а здѣсь служить — ничего не выслужишь: князь великій еще молодъ, и слухи носятя о князѣ Юріи; если князь Юрій сядетъ на государствѣ, а мы къ нему раньше другихъ отъѣдемъ, то мы у него этимъ выслужимся». Горбатый не только самъ не согласился отъѣхать, но и Шуйскому отсовѣтовалъ; тогда послѣдній, вида неудачу и опасаясь послѣдствій своей откровенности съ Горбатымъ, рѣшился предупредить его: явился къ великой княгинѣ и объявилъ, что князь Борисъ зоветъ его отъѣхать къ князю Юрію, который также присылалъ и къ нему съ приглашеніемъ; но правда открылась, и князя Шуйскаго посадили опять подъ стражу. При этомъ бояре сказали

правительницѣ, что надобно схватить и князя Юрія; Елена отвѣчала имъ: «Какъ будетъ лучше, такъ и дѣлайте». Бояре сочли за лучшее отдѣлаться заблаговременно отъ удѣльнаго князя, и Юрій, вмѣстѣ съ своими боярами, посаженъ былъ подъ стражу въ той самой палатѣ, гдѣ прежде сидѣлъ племянникъ его, несчастный Димитрій, внукъ Іоанна III.

По второму извѣстію, князь Юрій прислалъ дьяка своего, Третьяка Тишкова, къ князю Андрею Шуйскому звать его къ себѣ на службу. Шуйскій сказалъ дьяку: «Князь вашъ вчера крестъ цѣловалъ великому князю, клялся добра ему хотѣть, а теперь отъ него людей зоветъ!» Третьякъ отвѣчалъ на это: «Князя Юрія бояре приводили заперши къ цѣлованію, а сами ему за великаго князя присяги не дали: такъ что это за цѣлованіе? это невольное цѣлованіе!» Андрей Шуйскій сказалъ объ этомъ князю Горбатову, послѣдній сказалъ боярамъ, а бояре великой княгинѣ. Елена отвѣчала имъ: «Вчера вы крестъ цѣловали сыну моему на томъ, что будете ему служить и во всемъ добра хотѣть: такъ вы по тому и дѣлайте; если является зло, то не давайте ему усилиться». И, по приказанію великой княгини, Юрій былъ захваченъ.

Какое же изъ этикъ двухъ извѣстій мы должны предпочесть? Авторъ перваго старается оправдать князя Юрія и обвинить во всемъ бояръ и князя Андрея Шуйскаго: по его словамъ «дьяволъ вложилъ боярамъ мысль недобрую: только не схватить князя Юрія Ивановича, то великаго князя государству крѣпку быть нельзя, потому что государь молодъ, а Юрій совершенный человекъ, и людей приучить умѣть; какъ люди къ нему пойдутъ, то онъ станетъ подъ великимъ вняземъ подыскивать государства. Дьяволъ вложилъ эту мысль, зная, что если князь Юрій не будетъ схваченъ, то не такъ совершится воля его (дьявола) въ грабленіи, продажахъ, убійствахъ». Послѣднія слова показываютъ намъ, что извѣстіе составлено въ то время, когда уже бояре возбудили противъ себя всеобщее негодованіе грабленіями, продажами и убійствами. Когда бояре, по словамъ того же извѣстія, еще только думали, какъ

сказать великой нятинѣ о необходимости схватить Юрія, дьяволь, видя, что мысль его хочетъ сбыться, вошелъ въ князя Шуйскаго и побудилъ его, злодѣя, замыслить отъѣздъ; у князя Юрія и на мысли этого не было, потому что онъ крестъ цѣловалъ великому князю — какъ было ему измѣнить? Князь Андрей Шуйскій *однимъ* помышлялъ зло. *Многие* рассказывали, что дѣти боярскіе и даже бояре говорили князю Юрію, чтобъ ѣхалъ поскорѣй въ Дмитровъ: « Поѣдешь въ Дмитровъ, то на тебя никто и посмотрѣть не посмѣетъ; а будешь здѣсь жить, то уже ходять слухи, что тебя непременно схватятъ ». Юрій отвѣчалъ имъ: « Пріѣхалъ я къ государю великому князю Василию, а государь, по грѣхамъ, боленъ; я ему цѣловалъ крестъ да и сыну его, великому князю Ивану: такъ какъ же мнѣ крестное цѣлованіе преступить? я готовъ на своей правдѣ и умереть! » — Авторъ извѣстія могъ быть убѣжденъ въ невинности князя Юрія; но, къ сожалѣнію, онъ не приводитъ ясныхъ доказательствъ этой невинности: что князь Юрій крестъ цѣловалъ — это еще не доказательство, ибо и Андрей Шуйскій также крестъ цѣловалъ; рассказы *многихъ* объ отвѣтѣ Юрія своимъ боярамъ и дѣтямъ боярскимъ также не имѣютъ сильной убѣдительности. Второе извѣстіе имѣетъ за себя обстоятельность разсказа: авторъ его знаетъ, кого именно князь Юрій присылалъ къ Андрею Шуйскому — дьяка Третьяка Тишкова; знаетъ, чѣмъ дьякъ оправдывалъ своего князя въ нарушении присяги. Противъ этого извѣстія приводятъ то обстоятельство, что Андрей Шуйскій дѣйствительно былъ признанъ виновнымъ и содержался подъ стражею до самой смерти Елены; но изъ втораго извѣстія нельзя нисколько заключать о невинности Шуйскаго; первое его возраженіе насчетъ недавней присяги Юрія нисколько еще не ведетъ къ заключенію, что онъ послѣ не могъ согласиться съ доводомъ Тишкова, не убѣдился въ выгодѣ отъѣхать къ князю Юрію и не обратился съ тѣмъ же предложеніемъ къ Горбатову; въ этомъ отношеніи второе извѣстіе нисколько не противорѣчитъ первому: имѣя въ виду только разсказать причину заключенія князя Юрія,

оно опускаетъ подробности, относящіяся къ другому лицу. Но въ приведенныхъ извѣстіяхъ есть еще одно обстоятельство : оба полагаютъ взятіе Юрія подъ стражу 11 декабря ; но во второмъ извѣстіи Андрей Шуйскій возражаетъ дяку Тишкову : « Вашъ князь вчера крестъ цѣловалъ » ; Елена говоритъ боярамъ : « *Вчера* вы крестъ цѣловали сыну моему » ; но мы знаемъ, что это крестоцѣлованіе происходило немедленно по смерти Василя, т.-е. не позднѣе утра 4-го числа (Василій умеръ вечеромъ съ 3-го на 4-е число), и слѣдовательно Юрій присылалъ къ Шуйскому, или Шуйскій сталъ подговаривать Горбатаго, и дѣло дошло до Елены 5-го числа : какъ же въ такое короткое время Елена успѣла отдать приказъ освободить князей Шуйскихъ, содержавшихся по разнымъ городамъ, и они успѣли пріѣхать въ Москву, гдѣ, *побывъ мало*, какъ говоритъ первое извѣстіе, Андрей затѣялъ новый отъѣздъ ? Если мы даже предположимъ невѣрность втораго извѣстія относительно 5-го числа, то и тутъ останется сомнительнымъ разсказъ перваго извѣстія, что Андрей Шуйскій находился съ братомъ въ заточеніи и только по смерти Василя получилъ свободу : въ такое короткое время, отъ 4-го числа до 11-го, Елена успѣла простить Шуйскихъ, гонецъ съ извѣстіемъ объ этомъ прощеніи успѣлъ съѣздить въ тотъ городъ, гдѣ былъ заточенъ князь Андрей, тогда какъ мы не имѣемъ никакого права полагать, чтобъ онъ былъ заточенъ въ ближній отъ Москвы городъ, Андрей успѣлъ собраться и возвратиться въ Москву, гдѣ, *побывъ мало*, успѣлъ завести крамолу !

По той же самой причинѣ, т.-е. по краткости времени, протекшаго отъ смерти Василя до заключенія Юрія, нельзя думать, чтобъ доносъ извѣстнаго намъ Яганова относился къ замысламъ князя Юрія въ то время, когда еще послѣдній былъ на свободѣ ; гораздо вѣроятнѣе, что Ягановъ донесъ на Дмитровскихъ дѣтей боярскихъ князя Юрія, объявилъ, что они жалуютъ о своемъ князѣ, порицаютъ Московское правительство и т. п. ; вотъ какъ онъ разсказываетъ о своемъ дѣлѣ въ челобитной : « Приказалъ ко мнѣ князя Юрія Ивановича

сынъ боярскій, Яковъ Мещериновъ, который прежде нѣкоторыми дѣлами отцу твоему, государь, служилъ, чтобъ я ѣхалъ къ нему въ деревню, для нѣ котораго твоего государева дѣла; я сказалъ объ этомъ Ивану Юрьевичу Шигонѣ, и Шигона мнѣ отвѣчалъ: ступай къ Якову, и если у него какое-нибудь дѣло государево поновилось, то ты вмѣстѣ съ Яковымъ пораньше прїѣзжай въ Москву: я объ немъ и объ его службѣ представляю государю. Я прїѣхалъ къ Якову, и что онъ мнѣ сказалъ, я тотчасъ послалъ объ этомъ грамоту съ моимъ человѣкомъ къ князю Михаилу (Глинскому) и къ Шигонѣ, а самъ остался у Якова, чтобъ довѣдаться полныхъ вѣстей о дѣлѣ. Иванъ Шигона моего человѣка къ намъ отпустилъ съ приказомъ ѣхать намъ въ Москву, а ты, государь, прислалъ за нами своихъ дѣтей боярскихъ и велѣлъ насъ къ Москвѣ взять. Здѣсь, передъ твоими боярами, Яковъ то дѣло съ меня снялъ, что онъ мнѣ сказывалъ, а слышалъ, говорить, у княжъ Юрьевыхъ дѣтей боярскихъ; а которыя рѣчи Яковъ мнѣ сказывалъ о Дмитровскихъ дѣлахъ, тѣхъ рѣчей списокъ я подалъ твоимъ боярамъ; Яковъ и тѣ рѣчи съ меня снялъ. А что я слышалъ у тѣхъ же дѣтей боярскихъ на попойкѣ жестокою рѣчь съ Яковымъ вмѣстѣ, и мы ту рѣчь сказали твоимъ боярамъ; того я не знаю, съ пьяна ли они говорили, или вздурясь: мнѣ въ ту пору уши свои не смолою было забить». Доносъ оказался ложнымъ, и Яганова заключили въ оковы: это наказаніе за ложный доносъ показываетъ намъ, что правительство не было расположено вѣрить всякому слуху относительно удѣльныхъ князей, и что если оно рѣшилось заключить Юрія, то имѣло на то основанія.

Изъ челобитной Яганова видно, кто были самые довѣренныя, самые вліятельные люди при дворѣ въ первое время по смерти Василя; то были князь Михаилъ Глинскій и Шигона Поджогинъ: къ нимъ двоимъ обращался Ягановъ съ извѣстіями о государевыхъ дѣлахъ. Такимъ образомъ Глинскій и въ Москвѣ достигъ почти такого же положенія, какое имѣлъ въ Литвѣ при Александрѣ; но скоро явился ему опасный соперникъ —

то былъ князь Иванъ Овчина-Телепневъ-Оболенскій, умѣвшій приобрести особенное расположеніе великой княгини, облизавшейся съ нимъ, вѣроятно, посредствомъ сестры его, Аграфены Челядниной, мамы великаго князя. Оболенскому и Глинскому стало тѣсно другъ съ другомъ, и Елена должна была выбирать между ними; она выбрала Оболенскаго. Глинскій былъ обвиненъ въ томъ, что захотѣлъ держать государство вмѣстѣ съ единомышленникомъ своимъ, Михаиломъ Семеновичемъ Воронцовымъ; это обвиненіе понятно для насъ, ибо прежняя дѣятельность Глинскаго обличала въ немъ человѣка, неумѣвшаго умѣрять свое честолюбіе и выбирать средства для достиженія своихъ цѣлей; мы имѣемъ право смотрѣть на борьбу его съ Оболенскимъ какъ на слѣдствіе честолюбивыхъ стремленій, а не нравственныхъ побужденій только; но для современниковъ нужно было еще другое обвиненіе — и Глинскаго въ Москвѣ обвиняли въ томъ, что онъ отравилъ великаго князя Василія, точно такъ какъ въ Литвѣ обвиняли его въ отравленіи великаго князя Александра: оба обвиненія явно несправедливы; но могъ ли жаловаться на нихъ Глинскій, могъ ли оправдываться въ нихъ убійца пана Заберезинскаго? Что же касается до соумышленника Глинскаго, Воронцова, то это тотъ самый вельможа, съ которымъ великій князь Василій помирился передъ смертію².

Въ Августѣ 1534 года былъ схваченъ Глинскій и посаженъ въ той самой палатѣ, гдѣ прежде сидѣлъ при Василіи; онъ скоро умеръ. Въ томъ же Августѣ, но еще прежде, двое людей изъ самыхъ знатныхъ родовъ: князь Семень Бѣльскій и Иванъ Ляцкій — послѣдній изъ рода Кошкиныхъ — убѣждали въ Литву; за соумышленничество съ ними правительница велѣда схватить брата Семенова, князя Ивана Ѳедоровича Бѣльскаго, и князя Ивана Михайловича Воротынскаго съ дѣтьми; князя Дмитрія Бѣльскаго не тронули, и это обстоятельство отнимаетъ у насъ право предполагать, что Иванъ Бѣльскій и Воротынскій были схвачены безъ основанія. Бѣгство Семена Бѣльскаго и Ляцкаго, заключеніе Ивана Бѣльскаго, Воротын-

скаго, Глинскаго и Воронцова, случившіся въ одно время, въ одномъ мѣсяцѣ ³, могутъ навести на мысль, что все это было слѣдствіемъ общаго негодованія вельможъ на Елену и ея любимца Оболенскаго, негодованія, котораго мы увидимъ сильныя слѣды. Въ первыя минуты по смерти Василія, когда правленіе твердаго государя смѣнилось правленіемъ слабой женщины, каждый при этой смѣнѣ видѣлъ возможность для осуществленія своихъ честолюбивыхъ замысловъ, и потому всѣ охотно согласились на скорыя и рѣшительныя мѣры противъ замысловъ удѣльнаго князя Юрія; но когда, по прошествіи нѣкотораго времени, отношенія опредѣлялись, когда увидали Телепнева-Оболенскаго облеченнымъ полною довѣренностію правительницы, занимающимъ первое мѣсто въ управленіи, когда, слѣдовательно, многіе обманулись въ своихъ честолюбивыхъ надеждахъ, то негодованіе и обнаружилось.

При заключеніи князя Юрія источники выставляютъ на первый планъ бѣдъ, на рѣшеніе которыхъ Елена отдала это дѣло; при заключеніи втораго дяди Юаннова, князя Андрея Ивановича, мы видимъ дѣйствующими оаму Елену и князя Телепнева-Оболенскаго. Князь Андрей не былъ нисколько заподозрѣнъ въ соумышленничествѣ съ братомъ своимъ Юріемъ и спокойно жилъ въ Москвѣ до ссоры нѣ по великомъ князѣ Василіи; но, собравшись послѣ этого ѣхать въ удѣлъ, сталъ припрашивать у Елены городовъ къ своей отчинѣ; въ городахъ ему отказали, а дали, по обыкновенію, на память о покойномъ, шубы, кубки, коней, иноходцевъ въ сѣдлахъ. Андрей уѣхалъ съ неудовольствіемъ въ Старицу; нашлись люди, которые передали объ этомъ неудовольствіи въ Москву; нашлись также люди, которые сказали Андрею, что въ Москвѣ хотятъ его схватить. Елена отправила въ Старицу князя Ивана Васильевича Шуйскаго и дьяка Меньшаго Путятина внушить Андрею, что это слухъ ложный. Андрей не удовольствовался этимъ, но требовалъ отъ Елены письменнаго удостовѣренія, и, получивъ его, пріѣхалъ въ Москву для личныхъ объясненій съ правительницею, при чемъ митрополитъ Даниилъ былъ по-

средникомъ: Андрей началъ съ того, что до него дошелъ слухъ, будто великій князь и она, Елена, хотять положить на него опалу; Елена отвѣчала: «Намъ про тебя также слухъ доходить, что ты на насъ сердишься; и ты бѣ въ своей правдѣ стоялъ крѣпко, а лихихъ людей не слушалъ, да объявилъ бы намъ, что это за люди, чтобъ впередъ между нами ничего дурнаго не было». Князь Андрей не назвалъ никого, сказалъ, что ему такъ самому показалось. Елена повторила ему, что она ничего противъ него не имѣетъ. Какъ видно, въ это время взята была съ Андрея запись, въ которой онъ клялся исполнить договоръ, заключенный имъ прежде съ племянникомъ, обязался не утаивать ничего, что ни услышитъ о великомъ князѣ и его матери отъ брата своего, отъ князей, бояръ, дьяковъ великокняжескихъ, или отъ своихъ бояръ и дьяковъ, ссорщиковъ не слушать и объявлять о ихъ рѣчахъ великому князю и его матери. Эта запись особенно замѣчательна тѣмъ, что въ ней впервые встрѣчаемъ ограниченіе или, лучше сказать, уничтоженіе права удѣльныхъ князей принимать къ себѣ служивыхъ князей, бояръ и слугъ вольныхъ, права, какъ мы видѣли, нарушавшагося при отцѣ и дѣдѣ Іоанна, но не переставшаго вноситься въ договоры великихъ князей съ удѣльными: Андрей обязался не принимать князей, бояръ, дьяковъ, дѣтей боярскихъ и никого другаго, если они отъѣдутъ отъ великаго князя *на его лихо*. Но при всякомъ почти отъѣздѣ предполагалось неудовольствіе отъѣхавшаго, ибо какія выгоды могли заставить отъѣхать отъ великаго князя къ удѣльному? Почему великій князь могъ знать, что бояринъ отъѣхалъ къ дядѣ на его лихо, или нѣтъ? при всякомъ отъѣздѣ онъ могъ подозрѣвать, что на лихо, и требовать выдачи отъѣхавшаго.

По возвращеніи изъ Москвы въ Старицу, Андрей подозрѣнія и страха не отложилъ и продолжалъ сердиться на Елену, зачѣмъ не прибавила городовъ къ его удѣлу. Въ Москву опять начали доносить, что Андрей собирается бѣжать. Елена, по свидѣтельству лѣтописи, не повѣрила этимъ доносамъ и послала звать Андрея на совѣтъ по случаю войны Казанской;

Андрей отвѣчалъ, что не можетъ пріѣхать по причинѣ болѣзни и просилъ прислать лекаря. Правительница послала къ нему известнаго намъ Теофила, который, возвратившись, донесъ ей, что у Андрея болѣзнь легкая, говоритъ, что на стегнѣ болячка, а лежать на постели. Тогда Еленою овладѣло подозрѣніе: почему Андрей не пріѣхалъ на совѣтъ о важномъ дѣлѣ Казанскомъ? Она послала опять къ Андрею освѣдомиться о его здоровьи, а между-тѣмъ велѣла тайно разузнать, нѣтъ ли какого о немъ слуха, и почему онъ въ Москву не поѣхалъ? Посланные донесли, что у Старицкаго князя есть лишніе люди, которыхъ обыкновенно у него не бываетъ, и эти люди говорить ничего не смѣютъ; но, по словамъ другихъ людей, Андрей затѣмъ притворился больнымъ, что не смѣетъ ѣхать въ Москву. Елена послала вторично звать его въ Москву, и вторично та же отговорка болѣзнію; послали въ третій разъ съ требованіемъ непремѣнно пріѣхать въ какомъ бы ни было положеніи. Съ отвѣтомъ Андрей отправилъ въ Москву князя Федора Пронскаго и этотъ отвѣтъ дошелъ до насъ; здѣсь дядя государевъ, удѣльный князь, называетъ себя *холопомъ* великаго князя; несмотря однако на такой униженный тонъ, удѣльный князь не можетъ удержаться, чтобъ не напомнить племяннику старины, онъ велитъ сказать ему: «Ты, государь, приказалъ къ намъ съ великимъ запрещеніемъ, чтобъ намъ непремѣнно у тебя быть, какъ ни есть; намъ, государь, скорбь и кручина большая, что ты не вѣришь нашей болѣзни и за нами посылаешь неотложно; *а прежде, государь, того не бывало, чтобъ насъ къ вамъ, государямъ, на носилкахъ волочили.* И я, отъ болѣзни и отъ бѣды, съ кручины отбылъ ума и мысли. Такъ ты бы, государь, пожаловалъ показалъ милость, согрѣлъ сердце и животь холопу своему своимъ жалованьемъ, чтобы холопу твоему впередъ было можно и надежно твоимъ жалованьемъ быть безскорбно и безъ кручины, какъ тебѣ Богъ положить на сердце».

Но не успѣлъ еще Пронскій доѣхать до Москвы, какъ одинъ изъ дѣтей боярскихъ Андреевыхъ, князь Голубой-Ростовскій,

тайно ночью прислалъ къ князю Телепневу—Оболенскому съ вѣстію, что князь Андрей непременно побѣжитъ изъ своего удела на другой день. Тогда Елена отправима къ Андрею трехъ духовныхъ особъ: Крутицкаго владыку, Симоновскаго архимандрита и Свасеяго протопопа, которые должны были сказать удѣльному князю отъ имени митрополита: «Слухъ до насъ дошелъ, что ты хочешь оставить благословеніе отца своего, гробы родительскіе, святое отечество, жалованье и береженье государя своего, великаго князя Василія и сына его: я благословляю тебя и молю жить вмѣстѣ съ государемъ своимъ и соблюдать присягу безъ всякой хитрости; да вѣхалъ бы ты къ государю и къ государынѣ безъ всякаго сомнѣнія, и мы тебя благословляемъ и беремъ на свои руни.» Въ случаѣ, если Андрей не послушаетъ митрополитскихъ увѣщаній, посланные должны были наложить на него проклятіе. Не полагаясь однако на дѣйствительность церковныхъ увѣщаній и угрозъ, Московское правительство выслало къ Волоку сильныя полки подъ начальствомъ двоихъ князей Оболенскихъ—князя Никиты Хромато и князя Ивана Овчынн—Телепнева. Посланника Андреева, князя Пронскаго, перехватили на дорогѣ; но въ то время, какъ брали Пронскаго, одному изъ его провожатыхъ, сыну боярскому Сатину, удалось убѣжать; онъ прискакалъ въ Старицу и объявилъ своему князю, что Пронскій схваченъ и великокняжескія войска идутъ схватить самого его, Андрея; съ Волока пришли вѣсти, что Московскіе полки уже тутъ. Тогда Андрей не сталъ болѣе медлить и 2 Мая 1537 года выѣхалъ изъ Старицы. Неизвѣстно, имѣлъ ли онъ прежде намѣреніе брестись къ Новгороду и поднять здѣсь недовольныхъ: смотря по характеру всѣхъ дѣйствій Андрея, должно думать, что это намѣреніе завести непосредственную, открытую борьбу съ племянникомъ въ самыхъ областяхъ Московскаго государства было слишкомъ смѣло для него; по всѣмъ вѣроятностямъ, единственнымъ средствомъ спасенія въ крайности представлялось для него бѣгство въ Литву. Но теперь, при извѣстіи, что Московскіе полки уже находятся въ Волокѣ съ цѣ-

лю отрезать ему дорогу къ могошпаду, къ Литовскія границы, Андрею не оставалось ничего болѣе, какъ двинуться прямо на сѣверъ, въ Новгородскія области, при чемъ онъ велѣлъ писать грамоты къ помѣщикамъ, дѣтямъ боярскимъ и въ погосты: «Князь великій молодъ, держать государство бояре, и вамъ у кого служить? я же васъ радъ жаловать». Многіе помѣщики изъ погостовъ дѣйствительно прѣѣхали къ нему служить; не за-то въ собственныхъ полкахъ Андреевыхъ открылась измѣна: съ третьяго стану, на Цнѣ, побѣжало нѣсколько дѣтей боярскихъ; одного изъ нихъ успѣли перехватить и привели къ князю, который отдалъ его подъ присмотръ своему дворянину Кашѣ; Каша велѣлъ связать руки и ноги перебѣжчику, посадить его въ озеро въ одной сорочкѣ, выставя только голову на берегъ, чтобъ не захлебнулся; и такимъ образомъ пыталъ, кто еще хотѣлъ бѣжать съ ними вмѣстѣ? Перебѣжчикъ назвалъ такъ много соумышленниковъ, что князь Андрей велѣлъ потушить дѣло, потому что нельзя же было икъ всѣхъ перевѣщать, какъ говоритъ лѣтописецъ. За-то рѣдкою, по тогдашнимъ отношеніямъ, вѣрностію отлучился воевода Андреевъ, князь Юрій Оболенскій: еще прежде, заподозривъ Старицкаго князя во враждебныхъ замыслахъ и желая ослабить его, Елена потребовала, чтобъ онъ послалъ на Коломну воеводу, князя Юрія Оболенскаго, съ большимъ отрядомъ дѣтей боярскихъ. Узнавши о бѣствѣ своего князя, Оболенскій, по выраженію лѣтописца, началъ Богу молиться, и, утаясь отъ воеводъ великокняжескихъ, выѣхалъ изъ Коломны, переезая черезъ Волгу подъ Дегулиныиъ, потопилъ суда, чтобъ не достались преслѣдователямъ, и соединился съ Андреемъ на рѣкѣ Березнѣ, не доѣжая немного Бдровскаго яма. Въ пяти верстахъ отъ Заячьяго яма, въ Тухолѣ настигъ Андрея другой Оболенскій, князь Иванъ Овчина-Телепневъ, товарищъ котораго, князь Никита, отправился укрѣплять Новгородъ. Здѣсь извѣстія начинаютъ развогласить, потому что одни лѣтописцы держали сторону Московскаго правительства, другіе сторону удѣльнаго князя. По Московскимъ извѣстіямъ, когда оба вой-

ска выстроились для бою, князь Андрей не захотѣлъ сражаться, завелъ переговоры съ княземъ Оболенскимъ, общалъ бросить оружіе, если тотъ дастъ ему клятву, что великій князь и Елена не схватятъ его и большой опалы на него не положить. Оболенскій, не обославшись съ Еленою, далъ Андрею требуемую клятву и вмѣстѣ съ нимъ отправился въ Москву; но Елена сдѣлала ему строгій выговоръ, зачѣмъ безъ ея приказанія далъ клятву князю Андрею, велѣла схватить послѣдняго и заключить въ оковы, чтобъ впередъ такой смуты и волненія не было, ибо многіе люди Московскіе поколебались. По другимъ извѣстіямъ, Оболенскіе получили въ Москвѣ отъ правительницы наказъ звать князя Андрея, чтобъ шелъ въ Москву, а князь великій его пожалуетъ и вотчинъ ему придастъ. При встрѣчѣ съ Московскими войсками князь Андрей хотѣлъ биться, но Оболенскій первый сталъ посылать къ нему съ предложеніями, чтобъ не проливалъ крови, и съ обѣщаніемъ свободнаго возвращенія въ отчину. Андрей пріѣхалъ въ Москву въ четвергъ, а схваченъ былъ въ субботу, слѣдовательно, съ вѣдома или 'безъ вѣдома правительницы Оболенскій далъ клятву, въ Москвѣ не вдругъ рѣшились ее нарушить. Одинакой участи съ Андреемъ подверглась жена его и сынъ Владимиръ. Бояре его—князь Пронскій, двое Оболенскихъ—Иванъ и Юрій Андреевичи Пенинскіе, князь Палецкій, также князья и дѣти боярскіе, которые были въ избѣ у Андрея и его думу знали — были пытаны, казнены торговою казнію и заключены въ оковы; тридцать человекъ помѣщиковъ Новгородскихъ, которые передались на сторону Андрея, были биты въ Москвѣ кнутомъ и потомъ повѣшены по Новгородской дорогѣ, въ извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга, вплоть до Новгорода. Андрей не болѣе полугода прожилъ въ неволѣ⁴.

Должно было ожидать, что смутами и неудовольствіями во время малолѣтства Московскаго великаго князя прежде всего захотятъ воспользоваться въ Литвѣ. Мы видѣли, что здѣсь ошиблись въ расчетахъ на смуты при восшествіи на престолъ Василія и должны были закрѣпить за сыномъ Іоанна III не

только всё приобретённое послѣдняго, но даже уступить Смоленскъ. Срокъ перемирія исходилъ, и престарѣлому Сигизмунду вовсе не хотѣлось начинать войны съ Василиемъ; его пань радные, по обычаю, отправили посланника Клиновскаго къ двоимъ боярамъ Московскимъ — князю Дмитрію Федоровичу Бѣльскому и Михаилу Юрьевичу Захарьичу, съ просьбою уговорить великаго князя, прежде истеченія перемирія, отправить къ королю великихъ пословъ для заключенія вѣчнаго мира или новаго перемирія; если же великій князь не согласится отправить пословъ своихъ къ королю, то пусть пришлетъ къ Литву гонца съ опасною грамотою на пословъ королевскихъ, какъ изстари водилось. Клиновскій не засталъ уже въ живыхъ Василія, и новое правительство распорядилось, чтобъ бояре отправили къ панамъ своего посланника съ опасною грамотою на большихъ пословъ Литовскихъ. Въ то же самое время новый великій князь отправилъ къ Сигизмунду сына боярскаго Заболоцкаго съ извѣщеніемъ о смерти отцовой и о своемъ восшествіи на престолъ. Заболоцкому данъ былъ между прочимъ такой наказъ: «Если спросятъ про великаго князя братьевъ, князя Юрія и князя Андрея Ивановичей—гдѣ теперь князь Юрій и князь Андрей? то отвѣчать: князь Андрей Ивановичъ на Москвѣ у государя; а князь Юрій Ивановичъ государю нашему тотчасъ по смерти отца его началъ дѣлать великія неправды черезъ крестное цѣлованіе, и государь нашъ на него опалу свою положилъ, велѣлъ его заключить». Заболоцкому велѣно было провѣдать: королю въ Вильнѣ долго ли быть, и пословъ своихъ къ великому князю хочетъ онъ отправить, или не хочетъ? Въ Москвѣ имѣли причины безпокоиться насчетъ рѣшенія послѣдняго вопроса, ибо извѣстіе о смерти Василія и восшествіи малолѣтнаго сына его, обѣщавшемъ внутренія безпокойства и слабость правительства, возбудило надежды короля и его рады, и вмѣсто того, чтобъ прислать своихъ великихъ пословъ по опасною грамотѣ, Сигизмундъ прислалъ свою опасною грамоту на пословъ Московскихъ, велѣвъ сказать Заболоцкому: «Хочу быть съ великимъ княземъ въ братствѣ и

пріязни точно такъ же, какъ отецъ нашъ, Казимиръ король, былъ съ дѣдомъ его, великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ. И если онъ на этихъ условіяхъ захочетъ быть съ нами въ братствѣ и пріязни, то пусть шлетъ къ намъ своихъ великихъ пословъ, да чтобъ не медлилъ.» То же самое и паны радные отвѣчали боярамъ Московскимъ.

Великому князю опасная королевская грамота не полюбилась, потому что онъ къ королю объ ней не приказывалъ и пословъ своихъ къ королю отправлять не хотѣлъ. Перемиріе истекло, сношенія прекратились, и лѣтомъ 1534 года гетманъ Юрій Радзивилъ вмѣстѣ съ Татарами опустошилъ окрестности Чернигова, Новгорода—Сѣверскаго, Радогоща, Стародуба, Брянска. Королю доносили, что въ Москвѣ господствуетъ сильное несогласіе между боярами и нѣсколько разъ едва дѣло не доходило между ними до ножей; во Псковѣ нѣтъ войска, одни только купцы, переведенные изъ Москвы, да черные люди Псковичи; но черные люди часто сходятся на вѣче; намѣстники и дѣяки это имъ запрещаютъ, не зная, что они тамъ думаютъ. Всего важнѣе былъ для короля пріѣздъ такихъ знатныхъ бѣглецовъ, какъ князь Семень Бѣльскій и Иванъ Ляцкій; королю писали, что если онъ хорошо приметъ этихъ бѣглецовъ, то многіе Московскіе князья и знатные дѣти боярскіе послѣдуютъ ихъ примѣру; Сигизмундъ послушался и богато наградилъ Бѣльскаго и Ляцкаго. Осенью гетманъ Радзивилъ отрядилъ въ Сѣверскую страну Кіевскаго воеводу Андрея Немировича и конюшаго дворяна, Василья Чижана; они сожгли Радогощъ, но съ урономъ должны были отступить отъ Стародуба и Чернигова; такую жь неудачу потерпѣлъ и князь Александръ Вишневецкій подъ Смоленскомъ.

Встрѣчая сопротивленіе подъ городами, Литовскіе воеводы не встрѣчали Московскихъ полковъ въ полѣ. Въ Москвѣ болѣлись Крымскаго хана боьше, чѣмъ Литвы, и рать стояла подъ Серпуловымъ; кромѣ того, мѣшали сбору и движенію войскъ внутреннія смуты, бѣгство Семена Бѣльскаго и Ляцкаго, озагла Ивана Бѣльскаго, Воротынского, Глинскаго. Только въ Сен-

тябрь, какъ видно, правительственныя отношенія опредѣлились окончательно и явилась возможность дѣйствовать рѣшительнѣе. Не ранѣе конца Октября Московская рать двинулась въ Литву: большой полкъ вели князя Михайла Горбатый—Суздальскій и Никита Оболенскій, передовой полкъ бояринъ конюшій князь Иванъ Овчина—Телепневъ—Оболенскій; изъ Новгорода велъ полки князь Борисъ Горбатый для соединенія съ княземъ Михаиломъ. Въ свою очередь Московскія войска не встрѣтили теперь королевскихъ въ полкъ и безнаказанно опустошили области Литовскія, не дошедши только 50 или 40 верстъ до Вильны; съ другой стороны князь Фѣдоръ Овчина—Телепневъ—Оболенскій ходилъ изъ Стародуба до самаго Новгородка Литовскаго.

На другой годъ, узнавши о сильныхъ приготовленіяхъ короля къ походу, изъ Москвы выступила рать—большой полкъ подъ начальствомъ князя Василія Васильевича Шуйскаго и передовой опять подъ начальствомъ князя Ивана Телепнева—Оболенскаго. Эта рать имѣла цѣлю добыть Мстиславль, а съ другой стороны дворецкій Новгородскій Бутурлинъ съ Псковичами долженъ былъ поставить городъ въ Литовской землѣ, на озерѣ Себежѣ. Но Литовское войско, подъ начальствомъ гетмана Юрія Радзивила, Андрея Немировича, Польскаго гетмана Тарновскаго и Московскаго бѣглеца Семена Бѣльскаго, вторгнулось опять въ Сѣверскую область, взяло Гомель безъ сопротивленія и осадило Стародубъ: здѣсь воевода, князь Фѣдоръ Телепневъ—Оболенскій, оборонялся мужественно, но Литовцы тайно подвели подкопъ, взорвали городъ, и воевода со многими людьми взятъ былъ въ плѣнъ, причѣмъ погибло 13,000 чело-вѣкъ жителей; Почепъ былъ покинутъ и сожженъ самими Русскими. Литовскіе воеводы удовольствовались взятіемъ Гомеля и Стародуба, не пошли дальше; у нихъ было много наемныхъ иностранныхъ ратниковъ, пушкарей, пищальниковъ и подкопщиковъ; у Московскихъ воеводъ не было подобныхъ мастеровъ, и потому они, сожегши посадъ Мстиславскій, не могли взять самого города и удовольствовались опустошеніемъ окрестно-

стей; Бутурлинъ успѣлъ построить и укрѣпить новый городъ Себежъ. Въ началѣ 1536 года Литовскій воевода Андрей Немовичъ явился подъ нимъ; но пушки его дѣйствовали плохо, не причинили никакого вреда городу, били своихъ, а подъ конецъ осажденные сдѣлали вылазку и нанесли сильное пораженіе Литовцамъ, подъ которыми подломился ледъ на озерѣ. Послѣ этого успѣха Московскіе всеводы ходили воевать Литовскую землю подъ Любечъ, сожгли посадъ Витебска, много волостей и селъ повоевали, много людей въ плѣнъ побрали, много богатства у Литовскихъ людей взяли, и пришли домой всѣ цѣлы и здоровы. Кромѣ Себежа, построены были на Литовскомъ рубежѣ Заволочье въ Ржевскомъ и Велижъ въ Торонецкомъ уѣздахъ; Стародубъ и Почепъ, покинутые Литовцами, были возобновлены.

Не такой войны ждали въ Литвѣ, гдѣ надѣялись на внутреннія смуты и совершенное безсиліе правительства въ малолѣтство сына Василиева. Сигизмундъ обманулся въ своихъ расчетахъ точно такъ же, какъ обманулся братъ его Александръ по смерти Іоанна III, и хотѣлъ прекратить бесполезную борьбу. Еще въ Сентябрѣ 1535 года пріѣхалъ въ Москву къ князю Ивану Телепневу-Оболенскому Андрей Горбатый, человекъ брата его, князя Ѳедора, находившагося въ Литовскомъ плѣну; Горбатый объявилъ, что гетманъ Юрій Радзивилъ говоритъ ему о желаніи короля быть въ мирѣ и братствѣ съ великимъ княземъ и поручилъ ему говорить объ этомъ въ Москвѣ всѣмъ боярамъ и дьякамъ; что то же самое говорили ему и другіе паны. Бояре приговорили, что надобно Горбатаго отпустить къ князю Ѳедору, къ которому князь Иванъ пошлетъ свою грамоту. Въ этой грамотѣ Оболенскій писалъ къ брату, что, какъ ему хорошо извѣстно, война начата не съ Московской стороны, что великій князь посылалъ къ королю Тимошею Заболоцкаго для мира и братства, а король съ нимъ нашему государю прислалъ отвѣтъ жестокой и затѣмъ вмѣсто посла отправилъ рать свою на государеву землю. А государь нашъ, какъ есть истинный христіанскій государь, и прежде не хо-

тѣль и теперь не хочеть, чтобъ кровь христіанская лилась, а бусурманская рука высилась; хочеть нашъ государь того, чтобъ христіанство въ тишинѣ и покоѣ было. Такъ если король желяеть того же и пришлетъ къ нашему государю, то пересылками между государей добрыя дѣла становятся.

Прошло четыре мѣсяца. Въ началѣ Февраля 1536 года въ Москву дали знять изъ Смоленска, что къ князю Оболенскому идетъ посолъ отъ гетмана Радзивила, челоувѣкъ его Гайко. Посолъ подалъ опасную грамоту королевскую для проѣзда Московскихъ пословъ въ Литву, а въ грамотѣ къ Оболенскому Радзивилъ писалъ, будто плѣнникъ князь Федоръ Овчина-Оболенскій билъ челомъ, чтобъ наны ходатайствовали у короля о мирѣ, и король, по ихъ ходатайству, посылаетъ теперь опасную грамоту. Эта опасная грамота опять не понравилась въ думѣ великокняжеской; здѣсь разсуждали: «пишутъ на князя Федора, что имъ князь Федоръ бьетъ челомъ; а князь Федоръ у нихъ въ рукахъ, что хотять, то на него пишутъ»; приговорили, чтобъ Оболенскій послалъ къ Радзивилу вмѣстѣ съ его челоувѣкомъ своего челоувѣка съ грамотою, написалъ бы, что князю Федору бить челомъ непригоже; приговорили также послать, по прежнимъ обычаямъ, свою опасную грамоту на королевскихъ пословъ; князю же Оболенскому потому нужно было послать своего челоувѣка, чтобъ дѣло не порвалось.

Въ тотъ самый день, какъ Оболенскій отпустилъ Гайку изъ Москвы, именно 27 Февраля, Литовскія войска потерпѣли поражение подъ Себежомъ. Въ Литвѣ понимали, что это событіе не заставитъ Московское правительство исполнить требованіе короля и отправить своихъ пословъ въ Литву, и потому придумали новое средство согласить требованія обѣихъ сторонъ. Въ Маѣ Радзивилъ прислалъ къ Оболенскому новую грамоту, въ которой писалъ: «Ты пишешь, чтобъ нашъ господарь отправилъ своихъ пословъ къ вашему господарю: но разсудите сами, кому приличнѣе отправить своихъ пословъ—нашему ли господарю, который въ такихъ преклонныхъ лѣтахъ, или вашему, который такъ еще молодъ? прилично вашему господарю

послать къ нашему, какъ къ отцу своему. Но еслибъ нашъ государь и отправилъ своихъ пословъ къ нашему государю, давши имъ полный наказъ и запретивши выступать изъ вѣсто то можетъ легко случиться, что нашъ государь не приметъ этихъ условій и послы возвратятся; ничего не сдѣлавши; то самое можетъ случиться, если и нашъ государь пришлетъ вамъ въ Москву своихъ пословъ. Для избѣжанія этого, вѣстуй съ братьею своею, князьями и боярами, государю ему, чтобъ онъ отправилъ пословъ своихъ великихъ на вѣстуй, давши имъ полномочіе; а король пошлетъ съ своей стороны также великихъ пословъ съ полномочіемъ, такъ, что не заключивши мира или перемирія, они не могли рѣшиться».

Но это средство не помогло, особенно послѣ Себежскаго дѣла: великій князь говорилъ съ матерью своею и съ боярами, чтобъ отправлять къ королю пословъ своихъ ему непригоже; прежде отецъ его никогда не посылавалъ; и на сѣздѣ пословъ своихъ отправить также непригоже: много о томъ бывало рѣчей отъ папы и отъ цезаря, чтобъ посламъ бы послы сѣздѣ, и князь великій Василій всегда отговаривалъ. Съ сѣздомъ рѣшеніемъ Оболенскій опять отправилъ челоуѣка своего Радзивилу; въ грамотѣ своей онъ далъ ему знать, что государи въ сношеніяхъ другъ съ другомъ должны поддерживать достоинство государствъ своихъ, а не считаться дѣтскими: «Вѣдомо вамъ гораздо, что съ Божіею волею отъ прародителей нашихъ государи наши государства свои держать; отецъ государя нашего, великій государь Василій, былъ на государствахъ своего и на своихъ; теперь сынъ его на тѣхъ же государствахъ дѣда и отца своего: государь нашъ теперь въ молодыхъ государствахъ, а милостію Божіею государствами своими въ совершенныхъ дѣтахъ. А что ты писалъ о сѣздѣ посольскомъ на вѣстуй, то это кто-нибудь, не желая между государями нашего согласія, такія новизны выдумываетъ; отъ предковъ нашихъ государей повелось, что отъ королей къ нимъ посолы ходили и дѣла у нихъ дѣлали».

Король сдвигалъ еще шагъ впередъ: въ Юлѣ мѣсяцѣ прислалъ уже прямо отъ себя къ Юанну Кревскаго намѣстника Никодима Техоновскаго съ прежнимъ требованіемъ присылки великихъ пословъ въ Литву и съ опасною грамотою на нихъ. Въ думѣ рѣшили: Никодима отпустить, а къ королю послать сына боярскаго добраго, для того, чтобъ съ королемъ дѣла не порвать; а не послать къ королю челоуѣка, то впередъ задрать о мирѣ будетъ тяжело. И отправили въ Литву сына боярскаго Хлуденева съ опасною грамотою на королевскихъ пословъ. Хлуденевъ возвратился уже въ Ноябрь и объявилъ, что къ Рождеству будутъ въ Москву великіе Литовскіе послы, Полоцкій воевода Янъ Юрьевичъ Глѣбовичъ съ товарищами; Хлуденевъ сказывалъ также, что по дорогѣ честь ему была велика, кормы давали вдоволь и чтили его. Янъ Глѣбовичъ явился къ назначенному сроку и переговоры открылись; они начались споромъ о томъ, кто первый началъ войну—Литовцы или Русскіе? Говорили бояре съ послами о томъ многія рѣчи; бояре говорили: королевскіе люди начали, а послы говорили: великаго князя люди начали, и долго о томъ говорили. Послы говорили, что король посылалъ гетмана на сѣверскіе города, потому что эти города его; король Казимиръ отдалъ ихъ Шемякину и Можайскому, и тѣ измѣнили и передали ихъ Москвѣ. Бояре отвѣчали, что сѣверскіе города были къ Кіеву, а Кіевъ отчина великому князю: и о томъ рѣчей спорныхъ и бранныхъ много говорили. Когда эти споры наскучили, послы сказали, что не для чего говорить о старинѣ, а надобно найти доброе дѣло, какъ бы между государями миръ устроить. Когда бояре согласились говорить о настоящемъ дѣлѣ, то начался споръ, кому первому излагать свои условія; бояре настояли, чтобъ первые говорили послы, и тѣ начали требованіемъ Новгорода и Пскова. Бояре отвѣчали: «И прежде о томъ бывали рѣчи, да плода не было и не будетъ. Зачѣмъ говорить нелѣпости, отъ которыхъ плода никакого нѣтъ? гдѣ Новгородъ, гдѣ Псковъ? и конца тому нѣтъ, откуда идутъ ваши рѣчи». Послѣ многихъ спорныхъ рѣчей, послы сказали: «Много поговоривши, какъ бы

къ концу приговориться», и стали требовать мира, какой былъ между Казимиромъ и Василиемъ Темнымъ. Бояре назвали и это бесплодными рѣчами. Послы стали говорить о мирѣ Іоанна III—го съ Александромъ, Василія съ Сигизмундомъ; бояре, разбранившись съ ними, пошли прочь, и великій князь велѣлъ послаамъ ѣхать на подворье.

Во второе совѣщаніе послы пріѣхали и долго сидѣли молча; наскучивъ ихъ молчаніемъ, бояринъ Михаилъ Юрьевичъ сказалъ: «Паны! хотя бы теперь дни были и большіе, то молчаньемъ ничего не сдѣлать; а теперь дни короткіе, и говорить будете, такъ все мало времени». Послы отвѣчали: «Мы уже говоримъ два дня и все, по приказу господаря своего, спускаемъ, а вы ни одного слова не спустите; скажите намъ, какъ вашъ государь съ нашимъ господаремъ въ вѣчномъ мирѣ быть хочетъ?» Бояре отвѣчали, что вѣчный миръ можетъ быть заключенъ только на тѣхъ условіяхъ, на какихъ было перемиріе между Сигизмундомъ и покойнымъ великимъ княземъ Василиемъ; т.—е. чтобъ Смоленскъ навѣки былъ уступленъ Москвѣ; а которыя дѣла случились уже при Іоаннѣ, о тѣхъ впередъ будетъ разговоръ (говоря). Послы сказали на это: «Положите на своемъ разумѣ: для чего господарю нашему своей отчины отступиться и въ полную писать?» Бояре опять разбранились съ послами, и тѣ уѣхали на подворье. Третье совѣщаніе началось также, какъ окончилось второе, многими спорными рѣчами; наконецъ одинъ изъ пословъ сказалъ: «Много говоримъ рѣчей, а къ концу не приговоримся; поискать бы намъ средняго пути: господарю нашему Смоленска уступить на голыя слова нельзя». Бояре спросили: «Что значить: голыя слова?» Посолъ отвѣчалъ: «Если государь вашъ Смоленска отдать не хочетъ, то пусть дастъ господарю нашему другой какой—нибудь городъ, равный Смоленску величиною и богатствомъ.» Бояре съ этимъ предложеніемъ пошли къ великому князю, и, возвратившись, отвѣчали именемъ Іоанна: «Отецъ нашъ ту свою отчину съ Божьею волею досталъ и благословилъ ея насъ: мы ее держимъ за собою и королю никакъ не уступимъ;

а другой городъ за нее для чего намъ давать? Смоленскъ наша отчина изъ начала, отъ предковъ, и если наши предки случайно ее потеряли, то намъ опять дать ее Богъ, и мы ее не уступимъ». Видя, что нѣтъ возможности заключить вѣчный миръ, послы предложили перемирие. Великій князь говорилъ съ боярами: пригоже ли съ королемъ взять перемирие на время? и приговаривалъ, что пригоже для иныхъ сторонъ недружныхъ: Крымъ невѣдомъ, съ царемъ Саитъ-Гиреемъ крѣпости еще нѣтъ никакой, а Исламъ-Гирей человекъ шаткій, нестойтельный; а Казанскіе люди измѣнили, и съ ними еще дѣла никакого не сдѣлано: для этого пригоже съ королемъ взять перемирие, чтобъ съ тѣми сторонами поуправиться». Въ переговорахъ о перемирії главное затрудненіе состояло въ томъ, что бояре требовали назадъ Гомель и свободы плѣнныхъ, на что послы никакъ не соглашались, желая, чтобъ война кончилась хотя какимъ-нибудь пріобрѣтеніемъ для Литвы; относительно же плѣнныхъ представляли опять на видъ, какъ и во времена Василіевы, что у короля въ рукахъ знатные плѣнники Московскіе и ему невыгодно прощѣнать ихъ на незнатныхъ Литовскихъ; бояре говорили: «Какая прибыль плѣнныхъ не отпустить и своихъ не взять? вѣдь они люди, и если люди, такъ смертны; были, да не будутъ: и въ томъ какая прибыль? А Гомель отчина государя нашего, и королю за собою зачѣмъ чужое держать? У вашего государя въ плѣну добрые люди, а у нашего молодые, да за-то ихъ много: такъ бы на большинство натянуть, меньшихъ людей больше взять. Въ большихъ душа, и въ меньшихъ душа же, оба погибнуть: и въ томъ какая прибыль для обѣихъ сторонъ!» Послы никакъ не соглашались и требовали также, чтобъ великій князь разорилъ городки, поставленные имъ во время войны на своей и на Литовской землѣ. Согласились, что плѣннымъ свободы не будетъ, что Гомель останется за королемъ, а новые городки, Заволочье и Себежъ, за великимъ княземъ; но послѣ этого начались споры относительно границъ волостей; тутъ уладиться не могли, переговоры рушились, послы уже откланялись великому князю,

во передь самымъ отъѣздомъ сказали пристапу: «Захотеть бояре еще дѣлать, и мы съ ними хотимъ дѣлать; а государевымъ здоровьемъ у насъ хоромы теплы и кормовъ много, можно намъ мѣшкать за государевыми дѣлами, только бы далъ Богъ дѣло сдѣлалось». Приставъ сказалъ объ этомъ боярамъ, пословъ опять позвали на совѣщаніе, и наконецъ уладившись, заключили перемиріе на пять лѣтъ, отъ Благовѣщеньева дня 1537 до Благовѣщеньева дня 1542 года.

Въ Думѣ прямо объявили о необходимости заключить перемиріе съ королемъ, чтобъ имѣть возможность поуправиться съ Казанью и Крымомъ. Однимъ изъ первыхъ распоряженій правительства по смерти Василя было отправленіе сына боярскаго Челищева въ Крымъ съ извѣстіемъ о восшествіи на престолъ Іоанна. Челищевъ долженъ былъ бить челомъ Саипъ-Гирею, чтобъ пожаловалъ новаго великаго князя, учинилъ его себѣ въ прокъ братомъ и другомъ, какъ великій князь Василій былъ съ Менгли-Гиреемъ; посолъ долженъ былъ также сказать хану: «Если дашь шертную грамоту, то большой посолъ, князь Стригинъ-Оболенскій, уже ждетъ въ Путивлѣ съ большими поминками, и немедленно пойдетъ къ тебѣ». Но, суля неопредѣленно большіе поминки за шертную грамоту, Челищевъ, попрежнему, не долженъ былъ ничего давать въ пощлину, не долженъ былъ давать клятвы, что великій князь будетъ присылать хану поминки урокомъ.

Въ Генварѣ отправленъ былъ Челищевъ въ Крымъ, а въ Маѣ Татары уже разорали Русскія мѣста по рѣкѣ Пронѣ; но были прогнаны. Скоро однако въ самомъ Крыму встала усобица между ханомъ Саипъ-Гиреемъ и старшимъ по немъ изъ Гиреевъ — Исламомъ; орда раздѣлилась между соперниками, и это раздѣленіе было очень полезно для Москвы, ибо хотя оба хана слѣдовали прежнимъ разбойничьимъ привычкамъ и ни отъ одного изъ нихъ нельзя было надѣяться прочнаго союза, однако силы разбойниковъ были раздѣлены. Исламъ далъ обещаніе королю стоять съ нимъ заодно на вѣсѣхъ непріятелей, слѣдовательно и на Московскаго великаго князя, и въ то

же время прислалъ въ Москву съ предложеніемъ союза; но, разумеется, главная цѣль посланки была требованіе казны: «Которую казну ты къ Саипъ-Гирею послалъ, ту казну пришли мнѣ: меня царемъ учинилъ Турскій султанъ, такъ ему надобно послать много поминковъ». Въ Москвѣ дѣйствительно сочли за лучшее послать казну къ Исламу, потому что неравположеніе Саипа было слишкомъ явно: онъ пограбилъ Челищева и всѣхъ его людей. Князь Стригинъ-Оболенскій получилъ велѣдствіе этого приказъ ѣхать изъ Путивля въ Крымъ къ Исламу съ большими поминками; очень вѣроятно, что Оболенскій не хотѣлъ ѣхать въ Крымъ, зная, что обыкновенно терпѣли тамъ Московскіе послы, и онъ искалъ всякаго рода отговорокъ, но та, которую онъ нашелъ, очень любопытна для насъ; онъ писалъ великому князю: «Исламъ отправилъ къ тебѣ посломъ Темеша: но этого Темеша въ Крыму не знаютъ, и имени ему не вѣдаютъ; въ томъ Богъ воленъ да ты, государь: опалу на меня положить, или казнить меня велишь, а мнѣ противъ этого Исламова посла Темеша нельзя идти». Великій князь положилъ на Оболенскаго опалу, и вмѣсто его велѣлъ идти въ Крымъ князю Мезецкому. Начались пересылки съ обычнымъ характеромъ: Московское правительство требовало отъ Ислама шертной грамоты, дѣятельнаго союза противъ Литвы; Исламъ требовалъ денегъ, жаловался, что великій князь не исполнилъ отцовскаго завѣщанія, по которому будто — бы Василій, въ знакъ дружбы, отказалъ ему, Исламу, половину казны своей. Въ Августѣ 1535 года, когда полки Московскіе шли на защиту Сѣверской стороны отъ Литовцевъ, Крымцы напали на берега Оки, были отражены, но отвлекли Московскія силы отъ Сѣверской стороны и облегчили королевскому войску взятіе Гомеля и Стародуба. Исламовыхъ пословъ задержали за это въ Москвѣ; но ханъ отговорился, что воевалъ Московскія области не онъ, а Саипъ, и пословъ выпустили. Съ Московскими людьми въ Крыму поступали попржнему: посылъ Наумовъ писалъ къ великому князю: «Пріѣхали къ Исламу твои козаки, и вотъ князья и уланы начали съ нихъ платѣ

снимать, проесть оболей; я послалъ сказать объ этомъ Исламу; а князья и уланы пришли на Ислама съ бранью: ты у насъ отнимаешь, не велишь великому князю намъ поминковъ присылать; а Исламъ говорилъ: какое наше братство! нарочно великій князь не шлетъ къ намъ поминковъ, не хотя со мною въ дружбѣ и въ братствѣ быть; а князьмъ сказалъ: дѣлайте какъ вамъ любо! — и они всѣ хотятъ козаковъ твоихъ продать». Въ Москвѣ, наоборотъ, старались избѣгать всякаго повода къ жалобѣ со стороны хана: такъ, когда въ Новгородъ-Сѣверскомъ Крымскаго посла въ ссорѣ покололи рогатиною, то виновники были отосланы головою въ Крымъ къ хану. Крымскаго посла при представленіи два раза дарили платьемъ, самъ великій князь подавалъ ему и товарищамъ его медъ; но требовалось, чтобъ посолъ противъ государева жалованья на колѣни становился и колпакъ снималъ.

Скоро сношенія съ Крымомъ получили для Москвы новое значеніе. Московскій отаѣзникъ, князь Семень Бѣльскій, видя, что дѣла Сигизмундовы съ Москвою идутъ вовсе не такъ хорошо, какъ ему хотѣлось и какъ онъ обещалъ въ Литвѣ, отпросился у короля въ Иерусалимъ, будто — бы для исполненія обѣта; но вмѣсто того сталъ хлопотать въ Константинополь, какъ бы поднять султана и Крымцевъ на Москву въ союзъ съ Литвою: съ помощію Турокъ и Литвы ему хотѣлось возстановить для себя не только независимое княжество Бѣльское, но и Рязанское, потому что онъ считалъ себя по матери, княжнѣ Рязанской (племянницѣ Іоанна III), единственнымъ наследникомъ этого княжества по пресѣченіи мужеской линіи князей Рязанскихъ. По заключеніи уже мира съ Москвою, Сигизмундъ получилъ отъ Бѣльскаго письмо съ увѣдомленіемъ, что султанъ взялся помогать ему, приказалъ Саипъ-Гирею Крымскому и двоимъ пашамъ, Сидистрійскому и Кафинскому, выступить съ нимъ въ походъ; что у нашей этакъ можетъ быть болѣе 40,000 войска, кромѣ Саипъ-Гирея, людей его и козаковъ Бѣгородскихъ; писалъ, чтобъ и Сигизмундъ высылалъ своихъ великихъ гетмановъ со всѣми войсками въ Московскую землю; просилъ

также короля, чтобы далъ ему листъ, за которымъ бы могъ безопасно прѣхать въ Литву для своихъ дѣлъ и безопасно отъѣхать, и чтобы король позволялъ людямъ, живущимъ въ вѣнѣнѣхъ его, Бѣльскаго, въ Литвѣ, ѣхать къ нему въ Черекотъ.

Королю это письмо было вовсе не ко времени, ибо война съ Москвою уже прекратилась; онъ отвѣчалъ Бѣльскому: «Ты отпросился у насъ въ Иерусалимъ для исполненія обѣта, а не сказалъ ни слова, что хочешь ѣхать къ Турецкому султану; когда самъ къ намъ прѣдешь и грамоту султанову къ намъ привезешь, тогда и сдѣлаемъ, какъ будетъ пригоже. Ты просишь у насъ грамоты для свободнаго проѣзда въ Литву; но вѣдь ты нашъ слуга, имѣнiе у тебя въ нашемъ государствѣ есть, такъ нѣтъ тебѣ никакой нужды въ проѣздной грамотѣ: всѣ наши князата и панята свободно къ намъ прѣзжаютъ; слугъ же твоихъ мы немедленно велѣли къ тебѣ отпустить».

Въ Москву о проискахъ Бѣльскаго далъ знать Исламъ-Гирей, выставляя при этомъ свое добротство къ великому князю: онъ писалъ, будто Сампъ-Гирей извѣстилъ султана, что Исламъ болѣе не существуетъ, и вслѣдствiе этой вѣсти начались приготовленiя къ походу съ княземъ Бѣльскимъ, собрано было 100,000 войска; но когда Бѣльскiй прѣхалъ въ Бѣгородъ, узналъ здѣсь, что Исламъ живъ и далъ знать объ этомъ султану, то послѣднiй сказалъ: «Если только Исламъ живъ, то нашему дѣлу статься нельзя». Бѣльскiй присылалъ чловека къ Исламу съ просьбою дать ему дорогу и быть ему товарищемъ; но Исламъ не согласился: «И ты вѣдай» писалъ Исламъ великому князю: «что Оттоманы люди лихiе: султанъ начинаетъ это дѣло вовсе не для князя Бѣльскаго; онъ не думаетъ о томъ, пригоже ли Бѣльскому княженiе или не пригоже, лишь бы только камень о камень ударилъ, лишь бы ему при этомъ что-нибудь къ себѣ приволочь. Султанъ и нашей землѣ покоя не даетъ, съ такимъ устремленiемъ живетъ, не разсуждая, кто ему земли достаетъ, отъ холода или отъ рабы родилъся — ему все равно, лишь бы земли доставалъ».

Московское правительство благодарило Ислама за дружбу и послало ему дары съ просьбою, чтобъ выдалъ или убилъ Бѣльскаго; въ то же время рѣшились и на другое средство, чтобъ только отвлечь Бѣльскаго отъ опасныхъ замысловъ: человекъ Бѣльскаго объявилъ Московскому послу въ Крыму, Наумову, что господинъ его возвратится въ Москву, если великая княгиня его проститъ и дастъ ему опасную грамоту. На основаніи этого объявленія послана была Бѣльскому опасная грамота такого содержанія: «Мы тебя жаловать хотимъ и гнѣвъ свой отложимъ; вины твоей, которую ты сдѣлалъ по молодости, памятовать не хотимъ, а еще и больше прежняго пожалуемъ тебя нашимъ великимъ жалованьемъ. Вѣдаешь и самъ, что и прежде нѣкоторые наши слуги ѣздили отъ насъ къ нашимъ неприятелямъ, опять назадъ пріѣзжали, и этимъ отечества своего не теряли, предки наши ихъ жаловали, и опять ихъ въ *отечество* (въ родовой чести) возстановливали. И ты бъ нынѣ поѣхалъ къ намъ безъ всякаго опасенія».

Но Бѣльскій почему-то не ѣхалъ, и Московское правительство продолжало вести о немъ переговоры и съ Исламомъ и съ Саипъ-Гиреемъ, къ которому отъ времени до времени также отправляло посольства. Со стороны Саипъ-Гирея цѣлю присылокъ въ Москву были, разумѣется, запросы: «Прислалъ бы ты намъ платье, три шубы соболя, три шубы лисьи, три вретета, да и сокольниковъ бы прислалъ: а мы, сколько будетъ пригоже, братству твоему готовы; да прислалъ бы пять лисицъ черныхъ, да пять черныхъ зубовъ рыбьихъ». Сынъ Саиповъ писалъ: «Сколько прошенья нашего ни будетъ, ты бъ намъ ни за что не стоялъ, чтобъ тебѣ съ отцомъ нашимъ въ добромъ братствѣ быть». Гонцу отвѣчали отъ имени великаго князя: «Когда будетъ у насъ отъ брата нашего большій посолъ добрый человекъ, тогда мы съ нимъ вмѣстѣ отпустимъ своего большаго посла, и что у насъ случится, то мы брату своему и пошлемъ; а что ты намъ отъ царя говорилъ о нашемъ холопѣ Бѣльскомъ, называлъ его Саипъ-Гирей нашимъ другомъ: то развѣ царь по незнанію о немъ такъ при-

казалъ, назвалъ его нашимъ другомъ? Бѣльскій холопъ нашъ, а не другъ; и если братъ нашъ захочетъ намъ дружбу свою показать, то онъ бы его къ намъ прислалъ, или велѣлъ бы его тамъ убить; это была бѣ намъ отъ него первая дружба». Гонецъ отвѣчалъ: «Пріѣхалъ Бѣльскій отъ Турецкаго султана къ хану, привезъ грамоту и рать подвигаетъ на Московскую украйну; государю вашему другомъ и братомъ называетъ себя; и которые люди бывали на Москвѣ и его знали, что онъ великаго князя холопъ, тѣ его бранятъ и въ глаза ему плюютъ; а которые люди молодые, этого не знаютъ, тѣ къ нему пристають и идти съ нимъ хотять; вѣдь орда, и въ ней люди разные, одинъ говоритъ одно, а другой другое, а государь нашъ для людей такъ молвилъ, а онъ и самъ знаетъ, что Бѣльскій холопъ». Въ одно время съ гонцомъ Саиновымъ отпускали и гонцовъ Исламовыхъ; послѣдніе сказали боярамъ: «Нѣкоторые бояре говорятъ, чтобъ князь великій былъ въ дружбѣ и братствѣ съ Саипъ-Гиреемъ царемъ, а Ислама оставилъ: вѣдомое дѣло, помирится князь великій съ царемъ, то государю нашему Исламъ-Салтану плохо будетъ, но и великому князю добра никакого не прибудетъ же: такъ великій князь не потакалъ бы этимъ рѣчамъ». Имъ отвѣчали, что великій князь Ислама оставить не хочеть, и у бояръ объ этомъ ни у кого ничего не слыхалъ и слышать не хочеть.

Ислама не хотѣли оставить въ Москвѣ; Исламъ былъ нуженъ, онъ обѣщалъ выдать Бѣльскаго. Но ему не удалось исполнить этого обѣщанія: одинъ изъ Ногайскихъ князей, другъ Саипъ-Гиреевъ, нечаянно напалъ на Ислама и убилъ его, захвативъ въ то же время и Бѣльскаго, котораго Саипъ выкупилъ у него по приказанію султана. Ставши одинъ ханомъ въ Крыму, Саипъ послалъ сказать великому князю Московскому: «Если пришьешь мнѣ, что посылали вы всегда намъ по обычаю, то хорошо, и мы по дружбѣ стоимъ; а не придутъ поминки къ намъ всю зиму, станешь волочить и откладывать до весны, то мы, надѣясь на Бога, сами искать пойдемъ, и если найдемъ, то ты уже потомъ не гнѣвайся. Не жди отъ насъ пос-

ла, за этимъ дѣломъ не откладывай, а станешь медлить, то отъ насъ добра не жди. Теперь не по старому съ голою ратью Татарскою пойдешь: кромѣ собственнаго моего наряду пушечнаго, будетъ со мною счастливаго хана (султана Турецкаго) сто тысячъ конныхъ людей; я не такъ буду, какъ Магметъ-Гирей, съ голою ратью, не думай, побольше его силы идти со мною. Казанская земля мой юрть, и Сафа-Гирей царь брать мнѣ: такъ ты съ этого дня на Казанскую землю войной больше не ходилъ; а пойдешь на нее войною, то меня на Москвѣ смотри».

Опять съ единовластіемъ Саипа началось вмѣшательство Крымскихъ хановъ въ дѣла Казанскія, ибо мысль объ освобожденіи Казани отъ Русскихъ и соединеніи всѣхъ Татарскихъ ордъ въ одну или, по крайней мѣрѣ, подъ однимъ владѣющимъ родомъ была постоянною мыслию Гиреевъ, которую они высказывали, къ осуществленію которой стремились при первомъ удобномъ случаѣ. Мы видѣли, что въ послѣднее время жизни великаго князя Василія Казань спокойно повиновалась Москвѣ въ лицѣ хана своего Еналея. Еналей перенесъ свои подручническія отношенія и къ наслѣднику Василю, попрежнему остался вѣренъ Москвѣ. Но вслѣдствіе перемѣны хановъ, вслѣдствіе разныхъ вліяній, Русскаго, Крымскаго, въ Казани уже давно успѣли образоваться стороны, изъ которыхъ каждая ждала удобнаго случая низложить сторону противную. Въ тяжелой войнѣ Москвы съ Литвою Крымская сторона въ Казани увидала удобный случай свергнуть Московскаго подручника: составился заговоръ осенью 1435 года подъ руководствомъ царевны, сестры Магмедъ-Аминя, и князя Булата. Еналей былъ убитъ и царемъ провозглашенъ Сафа-Гирей Крымскій. Но это было торжество одной стороны, другая оставалась: въ Москву пріѣхали съ Волги козаки, Городецкіе Татары, и сказывали, что къ нимъ на островъ пріѣзжали Казанскіе князья, мурзы и козаки, человекъ 60, объявили объ убійствѣ Еналея, и прибавили: «Насъ въ заговорѣ князей и мурзъ съ 500 человекъ; помня жалованіе великихъ князей Василія и Ивана и свою

присягу, хотимъ государю великому князю служить прямо; а государь бы насъ пожаловалъ, простилъ царя Шигъ-Алея и велѣлъ ему быть въ Москву; и когда Шигъ-Алей будетъ у великаго князя въ Москвѣ, то мы соединимся съ своими совѣтниками, и Крымскому царю въ Казани не быть». Получивъ эти вѣсти, великая княгиня рѣшила съ боярами, что надобно Шигъ-Алея освободить изъ заключенія. Въ Декабрѣ Шигъ-Алея привезли съ Бѣла-озера и представили великому князю; ханъ сталъ на колѣни и говорилъ: «Отецъ твой, великій князь Василій, взялъ меня дѣтинку малаго и жаловалъ, какъ отецъ сына, посадилъ царемъ въ Казани; но, по грѣхамъ моимъ, въ Казани пришла въ князьяхъ и въ людяхъ несогласица, и я опять къ отцу твоему пришелъ на Москву. Отецъ твой меня пожаловалъ въ своей землѣ, далъ мнѣ города; а я, грѣхомъ своимъ, передъ государемъ провинился гордостнымъ своимъ умомъ и лукавымъ помысломъ. Тогда Богъ меня выдалъ, и отецъ твой меня за мое преступленіе наказалъ, опалу свою положилъ, смиряя меня; а теперь ты, государь, помни отца своего ко мнѣ жалованье, надо мною милость показалъ».

Великій князь велѣлъ царю встать, позвалъ его къ себѣ поздороваться (карашеваться) и велѣлъ ему състь съ правой руки на другой лавкѣ, потомъ подарилъ ему шубу и отпустилъ на подворье. Но Шигъ-Алей билъ челомъ, чтобъ позволено ему было представиться и великой княгинѣ. Елена держала совѣтъ съ боярами, прилично ли быть у нея царю; бояре рѣшили, что прилично, потому что великій князь малъ и все правленіе государствомъ лежатъ на ней. 9 Генваря 1536 года былъ пріемъ Шигъ-Алея у Елены. У саней встрѣтили его бояре — князь Василій Васильевичъ Шуйскій и князь Иванъ Федоровичъ Телепневъ-Оболенскій съ двумя дьяками; въ сѣняхъ встрѣтилъ его самъ великій князь съ боярами. Елену окружали боярыни; бояре сидѣли по обѣ стороны, какъ обыкновенно водилось при посольскихъ представленіяхъ. Шигъ-Алей, войдя, ударилъ челомъ въ землю и сказалъ: «Государыня великая княгиня Елена! взялъ меня государь мой, князь

Василій Ивановичъ молодого, пожаловалъ меня, вскормилъ какъ щенка и жалованьемъ своимъ великимъ жаловалъ меня какъ отецъ сына, и на Казани меня царемъ посадилъ. По грѣхамъ моимъ, Казанскіе люди меня съ Казани сослали, и я опять къ государю своему пришелъ: государь меня пожаловалъ, города далъ въ своей землѣ, а я ему измѣнилъ и во всѣхъ своихъ дѣлахъ передъ государемъ виноватъ. Вы, государи мои, меня, холопа своего, пожаловали, проступку мнѣ отдали, меня, холопа своего, пощадили и очи свои государскія дали мнѣ видѣть. А я, холопъ вашъ, какъ вамъ теперь клятву далъ, такъ по этой своей присягѣ до смерти своей хочу крѣпко стоять и умереть за ваше государское жалованье; такъ же хочу умереть, какъ братъ мой умеръ, чтобъ вину свою загладить». Елена приказала ему отвѣчать: «Царь Шигъ-Алей! великій князь Василій Ивановичъ опалу свою на тебя положилъ, а сынъ нашъ и мы пожаловали тебя, милость свою показали и очи свои дали тебѣ видѣть. Такъ ты теперь прежнее свое забывай, и впередъ дѣлай такъ, какъ обѣщался, а мы будемъ великое жалованіе и береженіе къ тебѣ держать». Царь ударилъ челомъ въ землю великому князю и великой княгинѣ, его опять одарили и отпустили на подворье. Жена его, Фатма-Салтанъ, была также челомъ, чтобъ дали ей посмотришь очи государскія; Елена приняла ее; у саней и по лѣстницѣ встрѣчали ханшу боярыни; въ сѣняхъ встрѣтила сама великая княгиня, поздоровалась и ввела въ палату, куда скоро вошелъ и великій князь; при его входѣ царица встала и съ мѣста своего сступила; маленькій Иванъ сказалъ ей «Табугъ Саламъ» и *карашевался*, послѣ чего сѣлъ на своемъ мѣстѣ у матери, а у царицы съ правой руки, бояре съ нимъ по обѣ стороны, а около великой княгини боярыни. Въ тотъ же день царица обѣдала у великой княгини; Иванъ съ боярами обѣдалъ также въ материнской избѣ; послѣ обѣда Елена подавала ханшѣ чашу и дарила ее.

Но въ то время, какъ въ Москвѣ угощали и дарили Шигъ-Алея, чтобъ дать въ немъ опору противной Крымцамъ сторо-

нѣ въ Казани, война уже началась съ Сафа-Гиреемъ. Московскіе воеводы дурно дѣйствовали наступательно; Татары успѣли сжечь села около Нижняго, но отбиты были отъ Балахны, не имѣли удачи и въ нападеніяхъ на другія мѣста. Потомъ Казанцы вторглись въ Костромскія волости; стоявшій здѣсь для защиты князь Засѣкинъ, не собравшись съ людьми, ударилъ на Татаръ, былъ разбитъ и убитъ; но приближеніе большихъ воеводъ Московскихъ заставило Татаръ удалиться. Мы видѣли, что Казанскія дѣла, шедшія довольно плохо, преимущественно заставили Московское правительство спѣшить заключеніемъ перемирія съ Литвою. Успокоивши этимъ перемиріемъ западныя границы, правительство въ началѣ 1537 года двинуло войска къ востоку, во Владиміръ и Мещеру; Сафа-Гирей явился подъ Муромомъ, сжегъ предмѣстія, но города взять не могъ и ушелъ, слышавъ о движеніи воеводъ изъ Владиміра и Мещеры. Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда единовластіе Саипъ-Гирея дало новое препятствіе къ успѣшному наступленію на Казань. Угрозы Крымскаго хана произвели впечатлѣніе въ Москвѣ: послу отвѣчали, что хотя царь въ грамотѣ писалъ многія непригожія рѣчи, однако требованія его будутъ уважены, и если Сафа-Гирей Казанскій пришлетъ къ государю и захочетъ мира, то государь съ нимъ мира хочетъ, какъ пригоже. Саипъ-Гирей повторялъ: «Ты бѣ къ намъ прислалъ большаго своего посла, добраго челоуѣка, князя Василія Шуйскаго или Овчину, и казну бѣ свою большую къ намъ прислалъ, а съ Казанью помирился, и оброковъ своихъ съ Казанскихъ мѣстъ брать не велѣлъ; а пошлешь на Казань рать свою, и ты къ намъ посла не отправляй, недругъ я твой тогда». Въ думѣ разсуждали: «Не послушать цзя, послать рать свою на Казань, и царь пойдетъ на наши украины, то съ двухъ сторонъ христіанству будетъ дурно, отъ Крыма и отъ Казани.» Приговорили — рати на Казань не посылать, Саипъ-Гиреева челоуѣка отпустить въ Казань и съ нимъ вмѣстѣ послать сына боярскаго къ Сафа-Гирею съ грамотою; а въ отвѣтной грамотѣ Саипъ-Гирею великій князь писалъ: «Для

тебя, брата моего, и для твоего прошенья, я удержалъ рать и послалъ своего человѣка къ Сафа-Гирею: захочетъ онъ съ нами мира, то пусть пришлетъ къ намъ добрыхъ людей, а мы хотимъ держать его такъ, какъ дѣдъ и отецъ нашъ держали прежнихъ Казанскихъ царей. А что ты писалъ къ намъ, что Казанская земля юртъ твой, то посмотри въ старые твои лѣтописцы, не того ли земля будетъ, кто ее взять? Ты помнишь, какъ цари, потерявши свои ордынскіе юрты, приходили на Казанскій юртъ и брали его войнами, неправдами; а какъ дѣдъ нашъ милостію Божіею Казань взялъ и царя свелъ — того ты не помнишь! такъ ты бы, братъ нашъ, помня свою старину, и нашей не забывалъ»⁷.

Таковы были важнѣйшія внѣшнія отношенія въ правленіе Елены. Кромѣ-того въ 1537 году заключенъ былъ мирный договоръ съ Швеціею, по которому Густавъ-Ваза обязался не помогать ни Литвѣ, ни Ливонскому ордену въ войнѣ съ Москвою; утверждена была взаимная свободная торговля и выдача бѣглецовъ съ обѣихъ сторонъ. Подтверждены прежніе договоры съ Ливоніею. Продолжались сношенія съ имперіею — неизвѣстно впрочемъ, въ чемъ они состояли. По отношеніямъ къ Польшѣ, поддерживалась пересылками пріязнь Молдавскаго воеводы, Петра Степановича, врага Сигизмундова. Султанъ Турецкій попрежнему присылалъ Грека въ Москву для закупки разныхъ товаровъ⁸.

Внутри первымъ дѣломъ правительства было построеніе городовъ или крѣпостей; опасныя нападенія съ трехъ сторонъ дѣлали это необходимымъ. Уже упомянуто было о построеніи городовъ на Литовскихъ границахъ, даже на Литовской землѣ, о возобновленіи старыхъ, пострадавшихъ во время войны. Въ 1535 году построенъ былъ городъ въ Перми намѣсто сгорѣвшаго стараго; въ томъ же году поставленъ деревянный городъ въ Мещерѣ на рѣкѣ Мокшѣ, на мѣстѣ, называемомъ Мурунза, для того, сказано въ лѣтописи, что въ тѣхъ мѣстахъ нѣтъ городовъ вблизи; въ 1536 году били челомъ великому князю и его матери Костромскаго уѣзда волости: Корега, Ли-

курги, Залъсье, Борокъ Желъзный, чтобъ государь пожаловалъ, велѣлъ поставить городъ для того, что тамъ волостей много, а отъ городовъ далеко: вслѣдствіе этой челобитной поставленъ былъ Буйгородъ; на Балахнѣ у Соли сдѣланъ городъ земляной для того, что посадъ великъ, а людей много; поставленъ городъ на Пронѣ; сдѣланъ городъ Устюгъ деревянный весь новый; городъ Ярославль сгорѣлъ весь: въ томъ мѣсяцѣ велѣно на старомъ мѣстѣ ставить новый городъ; во Владимірѣ большой пожаръ также повредилъ городскую стѣну: ее немедленно починили; также поступлено и въ Твери послѣ большихъ пожаровъ; сдѣланы новыя укрѣпленія въ Новгородѣ Великомъ и Вологдѣ; въ Москвѣ, по мысли великаго князя Василія, обведено каменными стѣнами мѣсто, получившее названіе Китая или средняго города; строитель былъ Петръ Малый Фрязинъ; закладка каменной стѣны происходила 16 мая 1535 года. — Попржнему заботились объ умноженіи народонаселенія выходцами изъ чужихъ странъ: въ 1535 году выѣхали изъ Литвы на государево слово триста семей ⁹.

Уже въ послѣднее время княженія Василюва обнаружилось важное зло — обрѣзъ и подмѣсъ въ деньгахъ: изъ гривенки должно было выдѣлывать 250 денегъ Новгородскихъ или въ Московское число два рубля шесть гривенъ; но искаженіе дошло до того, что у каждой денги отрѣзывали по половинѣ, и въ гривенку шло такихъ искаженныхъ денегъ по 500 и больше: отсюда при каждой торговой сдѣлкѣ крики, брань, клятвы. Въ Сентябрѣ 1533 года, незадолго до смерти великаго князя Василія, казнили въ Москвѣ за порчу денегъ многихъ людей, Москвичей, Смольянъ, Костромичей, Вологжанъ, Ярославцевъ и изъ другихъ городовъ, лили олово въ ротъ, руки сѣкли ¹⁰. Въ Мартѣ 1535 года Елена запретила обращеніе поддѣльныхъ и рѣзанныхъ денегъ, приказала ихъ передѣлывать и вновь чеканить изъ гривенки уже по три рубля или по 300 денегъ Новгородскихъ, а прибавлено было въ гривенку новыхъ денегъ для того, говорить лѣтописецъ, чтобъ людямъ былъ не великъ убытокъ отъ испорченныхъ денегъ. При великомъ кня-

зъ Василя изображался на денгахъ великій князь на конѣ съ мечемъ въ рукѣ, а теперь сталъ изображаться съ копьемъ въ рукѣ, и деньги оттого стали называться копѣйными (копѣйка-ми) ¹¹.

Кромѣ этихъ распоряженій, выставляемыхъ летописями, мы должны остановиться еще на нѣкоторыхъ явленіяхъ, о которыхъ впервые встрѣчаемъ извѣстіе въ правленіе Елены. Такъ, напримѣръ, у насъ утвердилось мнѣніе, что до Іоанна IV присутствовали въ думѣ только бояре и окольничіе, и что только этотъ государь, изъ противоборства влиянію знатныхъ людей, ввелъ въ думу третій, низшій разрядъ членовъ, такъ называемыхъ думныхъ дворянъ; но при описаніи пріема Польскаго посла Никодима Техановскаго, въ правленіе Елены, читаемъ: «Князь великій сидѣлъ въ брусной избѣ, а у него бояре, и окольничіе, и дворецкіе, и *дѣти боярскіе, которые живутъ въ думѣ*, и дѣти боярскіе прибыльные, которые не живутъ въ думѣ» ¹². Если подъ именемъ думы мы будемъ здѣсь разумѣть совѣтъ великокняжескій и слову *жить* придадимъ обыкновенное значеніе существованія или присутствія, то должны будемъ признать, что еще прежде самостоятельнаго правленія Іоанна IV были введены въ думу дѣти боярскіе. Конечно, мы никакъ не рѣшимся утверждать, что это введеніе послѣдовало именно въ правленіе Елены, а не ранѣе. О значеніи окольничихъ, какъ собственно придворныхъ боярѣ, распоряжающихся придворными дѣлами и церемоніями, встрѣчаемъ извѣстіе также при описаніи переговоровъ съ Польскими послами: «Велѣлъ князь великій приставу Федору Невѣжинну *отъ окольничихъ* сказать посламъ, чтобъ они были на дворѣ». Дѣти боярскіе, назначенные приставами къ послу Техановскому, встрѣтивъ его при вѣздѣ въ Москву, сказали ему: «Великаго государя окольничіе велѣли намъ у тебя быть и подворье тебѣ указать». — Когда посолъ былъ поставленъ на подворьѣ, то кормъ велѣно ему давать съ *Яму*, изъ дворца великокняжескаго, а писанъ кормъ у *дьяковъ*, которые ямы вѣдаютъ.

Въ 1536 году дана была уставная грамота старостамъ и всѣмъ людямъ Онежской земли, сходная съ уставною грамотою Бѣлозерскою Іоанна III и уставною Артемоновскимъ крестьянамъ Василя Іоанновича. Въ Бѣлозерской говорится: намѣстнику, тиунамъ и доводчикамъ побора въ стану не брать, брать имъ свой поборъ у сѣдкаго въ городѣ; въ Онежской: поборъ свой самимъ по деревнямъ не брать, брать свой поборъ у старостъ на стану; кормы намѣстничьи и тиунскіе и доводчиковы поборы старосты берутъ по деревнямъ, да платятъ намѣстнику, его тиуну и доводчику на стану. Какъ въ Бѣлозерской, такъ и въ Онежской грамотѣ говорится: «Если будетъ волостнымъ людямъ и становымъ отъ намѣстника, тиуна, доводчика, отъ другихъ намѣстничьихъ людей или постороннихъ какая обида, то они на обидчиковъ сами срокъ наметываютъ, когда имъ стать передъ великимъ княземъ»; этого нѣтъ въ Артемоновской грамотѣ. Согласно съ Бѣлозерскою, въ Онежской грамотѣ говорится: ѣздить доводчику въ волости безъ паробка и безъ простой лошади. Въ Бѣлозерской говорится: тиунамъ и намѣстничьимъ людямъ на пиръ и на братчину незваннымъ не ходить; въ Онежской: тиуну и другимъ намѣстничьимъ людямъ на пиръ и на братчины незваннымъ не ѣздить, кромѣ доводчика. Онежанамъ дано право не пропускать къ морю за солью Бѣлозерцевъ и Вологжанъ, отнимающихъ у нихъ промыселъ: пусть Бѣлозерцы и Вологжане торгуютъ съ ними въ Каргополѣ. Въ 1537 году дана была уставная грамота Владимірскимъ бобровникамъ, въ существенныхъ частяхъ сходная съ извѣстною намъ грамотою удѣльнаго князя Дмитровскаго Юрія; но есть и различіе, напримѣръ въ Юріевой грамотѣ: доводчику у нихъ проѣхать по деревнямъ на весь годъ дважды, самъ другъ съ паробкомъ, а лошадей съ нимъ три; въ Іоанновой: доводчику ѣздить по бобровнымъ деревнямъ одному, на одной лошади, безъ паробка и безъ простыхъ лошадей. Въ грамотѣ Владимірскимъ бобровникамъ говорится: «Вѣдать этимъ бобровникамъ мою великокняжескую службу, бобровую ловлю, ловить имъ бобровъ въ рѣкѣ Клязьмѣ, отъ

рѣчки Оржавки до рѣки Судогды, рѣку Судогду всю и Колакшу всю; что добудутъ бобровъ, возить ихъ имъ шерстью въ мою казну; а не добудутъ бобровъ, и имъ давать оброкомъ ежегодно полтретья рубля денегъ. Когда они пойдутъ на бобровую ловлю, съ бобровою снастью, то мыта съ нихъ не берутъ; также не берутъ съ нихъ мыта и заднихъ колачей, когда они поѣдутъ въ Москву съ бобрами или съ оброкомъ, челоуѣка два или три» ¹³.

Грамоты давались отъ имени великаго князя Иоанна; при описаніи посольскихъ сношеній говорится, что великій князь разсуждалъ съ боярами и рѣшалъ дѣла; но это все выраженія форменныя; подлѣ этихъ выраженій встрѣчаемъ извѣстія, что все правленіе было положено на великой княгинѣ Еленѣ; видимъ также, кто былъ главнымъ ея совѣтникомъ: желая мира, Литовскій гетманъ Радзивилъ отправлялъ пословъ къ боярину конюшему, князю Овчинѣ-Телепневу-Оболенскому; гонецъ Казанскій, желая отпривать Татарина домой, билъ челомъ тому же боярину конюшему, чтобъ печаловался объ этомъ великому князю и его матери ¹⁴. Послѣ опалы Глинскаго, Бѣльскаго и Воронцова, у Оболенскаго не было явныхъ враговъ и соперниковъ; но могли ли равнодушно сносить первенствующее положеніе Оболенскаго люди, считавшіе за собою болѣе правъ на такое положеніе? Пока жива была Елена, перемѣны нельзя было ожидать. 3 Апрѣля 1538 года Елена умерла; Герберштейнъ говоритъ утвердительно, что ее отравили.

ГЛАВА II.

ПРАВЛЕНІИ БОЯРСКОИ.

Характеръ князя Василія Шуйскаго. Гибель Телепнева-Оболенскаго. Ссора Шуйскаго съ Бѣльскимъ и заключеніе послѣдняго; казнь дьяка Мишурина. Правленіе Ивана Шуйскаго. Сверженіе митрополита Данила и возведеніе Іоасафа. Освобожденіе Ивана Бѣльскаго; правленіе его и митрополита Іоасафа. Освобожденіе князя Владиміра Андреевича Старицкаго. Торжество Шуйскихъ. Гибель Бѣльскаго. Сверженіе митрополита Іоасафа и возведеніе Макарія. Правленіе Андрея Шуйскаго. Удаленіе любимца государева, Воронцова. Воспитаніе Іоанна и образованіе его характера. Гибель Андрея Шуйскаго. Опалы. Принятіе царскаго титула и женитьба Іоанна на Анастасіи Романовнѣ. Походы въ Москвѣ. Обвиненія Глинскихъ въ волшебствѣ; возстаніе на нихъ народа. Сильвестръ и Адашевъ. Созваніе выборныхъ и рѣчь царя на лобномъ мѣстѣ. Значеніе правленія боярскаго. Дѣла Литовскія, Крымскія и Кавказскія въ это правленіе. Бѣдствія отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ. Лубныя грамоты. Новое извѣстіе о дѣтяхъ боярскихъ, живущихъ въ думѣ. Бѣгство Петра Фрязина.

Кто же изъ бояръ болѣе другихъ долженъ былъ негодовать на первенствующее положеніе Оболенскаго, кто долженъ былъ имѣть право явиться на первомъ мѣстѣ, на которое только случайность возвелъ Оболенскаго? Мы видѣли, что въ послѣднее время княженія Василія и, слѣдовательно, въ началѣ княженія сына его первое мѣсто между боярами занималъ князь Василій Васильевичъ Шуйскій. Мы видѣли, что этотъ Шуйскій энергическою мѣрою успѣлъ удержать Смоленскъ за Московю

послѣ Оршинской битвы: энергическая мѣра состояла въ превѣшаніи въ виду Литовскаго войска всѣхъ знатныхъ Смольнянъ, державшихъ сторону королевскую. Эта черта уже нѣсколько знакомитъ насъ съ человѣкомъ и заставляетъ ожидать отъ него подобныхъ же мѣръ и при достиженіи собственныхъ личныхъ цѣлей. Въ седьмой день по кончинѣ Елены схвачены были конюшій бояринъ князь Овчина-Телепневъ-Оболенскій и сестра его Аграфена, мамка великаго князя, по совѣту князя Василія Шуйскаго, брата его Ивана и другихъ. Оболенскій умеръ въ заключеніи отъ недостатка въ пищи и тяжести оковъ; сестру его сослали въ Каргополь и постригли. Заключенные въ правленіе Елены, князь Иванъ Бѣльскій и князь Андрей Шуйскій были освобождены.

Освобожденіе Бѣльскаго не могло обѣщать Шуйскимъ долговременнаго первенства. Бѣльскіе, Гедиминовичи, подобно Патрикевымъ, не менѣе послѣднихъ гордились своимъ происхожденіемъ и стремились къ первенству; женитьба князя Федора Бѣльскаго на княжнѣ Рязанской, родной племянницѣ Ювана III, конечно не могла содѣйствовать ослабленію этихъ притязаній. Старшій сынъ князя Федора, Дмитрій, несмотря на видное положеніе свое, оставался въ сторонѣ при всѣхъ движеніяхъ и переворотахъ; но не таковы были братья его — Иванъ и Семень. Мы познакомились съ первымъ во время походовъ Казанскихъ при великомъ князѣ Василии; характеръ Семена обнаружился въ его безпокойныхъ движеніяхъ по смерти Василя: мы видѣли, какъ онъ мечталъ не только о княжествѣ Бѣльскомъ, но даже и о Рязанскомъ; какъ, для возвращенія себѣ этихъ отчинъ, хлопоталъ въ Литвѣ, Константинополѣ, Крымѣ. Князь Иванъ подвергся опалѣ вслѣдствіе бѣгства брата своего, и конечно не потому только, что былъ братомъ измѣнника, ибо князь Дмитрій оставался въ покоѣ. Теперь, освободившись изъ заключенія, Бѣльскій не хочетъ оставаться спокойнымъ зрителемъ распоряженій Шуйскаго, хочетъ самъ также распоряжаться. Такъ какъ главною заботою первенствующаго боярина, Шуйскаго, и добивавшагося первенства Бѣль-

скаго было усиленіе своей стороны, повышеніе своихъ добродетелей, и преимущественно, разумѣтая, родственниковъ, то первое столкновеніе между Шуйскимъ и Бѣльскимъ necessarily должно было произойти отсюда: встала вражда, говоритъ лѣтописецъ, между великаго князя боярами: князь Василій да князь Иванъ Васильевичъ Шуйскіе стали враждовать на князя Ивана Федоровича Бѣльскаго да на Михаила Васильевича Тучкова, за то, что Бѣльскій и Тучковъ совѣтовали великому князю пожаловать боярствомъ князя Юрія Михайловича Голицына (Патрикѣва), а Ивана Ивановича Хабарова околичествомъ, князья же Шуйскіе этого не хотѣли; и многія были между ними вражды за корысти и за родственниковъ: всякій о своихъ дѣлахъ печется, а не о государскихъ, ни о земскихъ. На сторонѣ Бѣльскаго былъ митрополитъ Даниилъ и дьякъ Федоръ Мишуриный. Но сторона Шуйскихъ была сильнѣе: Бѣльскаго снова посадили въ заключеніе, совѣтниковъ его разослали по деревнямъ. Знатные враги Шуйскихъ подверглись только заключенію или ссылкѣ; за-то горькая участь постигла дьяка Мишурина. Мы видѣли этого дьяка въ числѣ самыхъ приближенныхъ людей къ великому князю Василю; ловкость его и важное значеніе доказывается уже тѣмъ, что лѣтопись указываетъ на него, рядомъ съ митрополитомъ Данииломъ, Бѣльскимъ и Тучковымъ, какъ на лице, навлекшее на себя ненависть Шуйскихъ. Шуйскіе захватили Мишурина на своемъ дворѣ, велѣли княжатамъ, боярскимъ дѣтямъ и дворянамъ ободрать его, нагаго велѣли положить на плаху и отрубить голову у тюремъ, безъ государева приказанія.

Василій Шуйскій скоро умеръ; братъ его Иванъ наследовалъ его значеніе и продолжалъ тотъ же образъ дѣйствій; Василій изъ враговъ своего рода оставилъ нетронутымъ митрополита Даниила: Иванъ свергнулъ Даниила, на мѣсто котораго былъ возведенъ игуменъ Троицкаго Сергіева монастыря Іоасафъ Скрыпицынъ ¹⁵ въ Февралѣ 1539 года. Но Іоасафъ не долго оставался на сторонѣ Шуйскаго: въ Іюль 1540 года онъ выхлопоталъ у великаго князя приказаніе освободить Бѣльска-

го, который и явился во дворецъ. Шуйскій и его сторона были застигнуты врасплохъ; въ сердцахъ, князь Иванъ пересталъ ѣздить къ государю и совѣтоваться съ боярами. Правленіе перешло къ Бѣльскому и митрополиту Іоасафу¹⁶. Ходатайству митрополита и бояръ лѣтописи приписываютъ освобожденіе изъ темницы семейства удѣльнаго князя Андрея Ивановича, жены Евфросиніи и сына Владиміра; сперва имъ позволено было только жить въ Москвѣ на дворѣ князя Андрея, а потомъ, въ праздникъ Рождества Христова, 25 Декабря 1541 года, имъ позволили пріѣхать во дворецъ видѣться съ великимъ княземъ, возвратили Владиміру отцовскій удѣлъ, дали бояръ и дѣтей боярскихъ, но не отцовскихъ. Въ то время, какъ освободили князя Владиміра Андреевича и мать его изъ темницы, оказали милость и другому удѣльному князю, Дмитрію, сыну Андрея Ивановича Углицкаго, племяннику Іоанна III, сидѣвшему около 50 лѣтъ въ оковахъ: оковы были сняты, но темница не отворилась для несчастнаго. Неравенство милости объясняется тѣмъ, что у Владиміра Андреевича было много доброхотовъ, тогда какъ участь Дмитрія никого уже не занимала.

И вторая милость князю Владиміру Старицкому была оказана по печалованію митрополита Іоасафа и бояръ, говорятъ лѣтописи: здѣсь подъ боярами надобно разумѣть князя Бѣльскаго и его пріятелей. Но въ то самое время, какъ Бѣльскій и митрополитъ обнаруживали свое вліяніе, возвращая удѣлъ опальному князю, противъ нихъ составлялся страшный заговоръ: бояре, говоритъ лѣтописецъ, вознегодовали на князя Бѣльскаго и на митрополита за то, что великій князь держалъ ихъ у себя въ приближеніи. Эти бояре были: князя Михайла и Иванъ Кубенскіе, князь Дмитрій Палецкій, казначей Иванъ Третьяковъ, съ ними княжата, дворяне и дѣти боярскіе многіе, и Новгородцы Великаго Новгорода всѣ городомъ. Эти люди, или принадлежа къ сторонѣ Шуйскаго и желая возстановить его вліяніе, или считая необходимымъ дѣйствовать во имя этого могущественнаго боярина, начали пересылаться съ нимъ:

Шуйскій находился въ это время во Владимірѣ, оберегая восточныя области отъ набѣга Казанцевъ. Имя Шуйскаго можетъ объяснить намъ, почему въ заговорѣ участвовали Новгородцы всѣмъ городомъ: одинъ изъ Шуйскихъ былъ послѣднимъ воеводою вольнаго Новгорода, и мы увидимъ, что Новгородцы останутся навсегда преданы этой фамилии. Московскіе заговорщики назначили Ивану Шуйскому и его совѣтникамъ срокъ — 3 Января 1542 года, чтобъ быть въ этотъ день въ Москву изъ Владиміра; Шуйскій привелъ къ присягѣ многихъ дѣтей боярскихъ — дѣйствовать съ нимъ заодно, и ночью на 3-е Января пріѣхалъ въ Москву съ своими совѣтниками безъ приказанія великокняжескаго; прежде его пріѣхалъ сынъ его, князь Петръ, да Иванъ Большой Шереметевъ съ 300 человекъ дружины. Въ ту же ночь, со 2-го на 3-е число, Бѣльскій былъ схваченъ на своемъ дворѣ, и утромъ на другой день отосланъ на Бѣлоозеро въ заточеніе; но живой онъ былъ страшенъ и на Бѣлоозерѣ, и потому въ Маѣ мѣсяцѣ трое преданныхъ Шуйскимъ людей отправились на Бѣлоозеро и умертвили Бѣльскаго въ тюрьмѣ. Двоихъ главныхъ совѣтниковъ Бѣльскаго разослали по городамъ: князя Петра Щенятева въ Ярославль, Ивана Хабарова въ Тверь; Щенятева взяли у государя изъ комнаты задними дверями. Митрополитъ Іоасафъ былъ разбуженъ камнями, которые заговорщики бросали къ нему въ келью; онъ кинулся во дворецъ, заговорщики ворвались за нимъ съ шумомъ въ спальню великаго князя, разбудили послѣдняго за три часа до свѣту; не найдя безопасности во дворцѣ подлѣ великаго князя, приведеннаго въ ужасъ, Іоасафъ уѣхалъ на Троицкое подворье; но туда за нимъ прислали дѣтей боярскихъ, Новгородцевъ съ неподобными рѣчами; Новгородцы не удовольствовались одними ругательствами, но чуть-чуть не убили митрополита: только Троицкій игумень Алексѣй именемъ св. Сергія да бояринъ князь Дмитрій Палецкій успѣли удержать ихъ отъ убійства; Іоасафа взяли наконецъ и сослали въ Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь. На его мѣсто возведенъ былъ въ митрополиты Новгородскій архіепископъ Макарій: мы ви-

дѣли, что Новгородцы всѣмъ городомъ участвовали въ низверженіи Бѣльскаго и Іоасафа; видно также, что Макарій и прежде имѣлъ связь съ Шуйскими¹⁷. Иванъ Шуйскій недолго жилъ послѣ этого; власть перешла въ руки троихъ его родственниковъ — князя Ивана и Андрея Михайловичей Шуйскихъ и князя Ѳедора Ивановича Скопина-Шуйскаго; между ними первенствовала князь Андрей, уже извѣстный намъ по своимъ сношеніямъ съ удѣльнымъ княземъ Юріемъ. По сверженіи и смерти Бѣльскаго, у Шуйскихъ не могло быть соперника, сильнаго по собственнымъ средствамъ; но опасность являлась съ другой стороны: великій князь вырасталъ и могли выступить на сцену люди, страшные не собственными силами, но довѣренностію государя, теперь уже не младенца; и вотъ Шуйскіе свѣдали, что расположеніемъ Іоанна успѣлъ овладѣть Ѳедоръ Семеновичъ Воронцовъ, братъ извѣстнаго уже намъ Михаила Семеновича. 9 Сентября 1543 года трое Шуйскихъ и совѣтники ихъ — князь Шкурлятевъ, князь Пронскіе, Кубенскіе, Палецкій и Алексѣй Басмановъ—взволновались въ присутствіи великаго князя и митрополита, въ столовой избѣ у государя, на совѣтъ, схватили Воронцова, били его по щекамъ, оборвали платье и хотѣли убить до смерти; Іоаннъ послалъ митрополита и бояръ Морозовыхъ уговорить ихъ, чтобъ не убивали Воронцова, и они его не убили, но повели съ дворцовыхъ сѣней съ позоромъ, били, толкали и отдали подъ стражу. Государь прислалъ опять митрополита и бояръ къ Шуйскимъ, сказать имъ, что если уже Воронцову и сыну его нельзя оставаться въ Москвѣ, то пусть пошлютъ ихъ на службу въ Коломну. Но Шуйскимъ показалось это очень близко и опасно: они сослали Воронцовыхъ въ Кострому. «И когда—говоритъ лѣтописецъ — митрополитъ ходилъ отъ государя къ Шуйскимъ, Ѳома Головинъ у него на мантию наступалъ и разодралъ ее».

Іоанну исполнилось уже тогда 13 лѣтъ. Ребенокъ родился съ блестящими дарованіями; быть можетъ, онъ родился также съ воспріимчивою, легко увлекающеюся, страстною природою;

но безъ сомнѣнiя эта воспримчивость, страстность, раздражительность, если не были произведены, то, по крайней мѣрѣ, были развиты до высшей степени воспитанiемъ, обстоятельствами дѣтства его. Известно, что ребенокъ даровитый, предоставленный съ ранняго дѣтства самому себѣ и поставленный при этомъ въ затруднительное, неприятное положенiе, развивается быстро, преждевременно во всѣхъ отношенiяхъ. По смерти матери, Юаннъ былъ окруженъ людьми, которые заботились только о собственныхъ выгодахъ, которые употребляли его только орудiемъ для своихъ корыстныхъ цѣлей; среди эгоистическихъ стремленiй людей, окружавшихъ его, Юаннъ былъ совершенно предоставленъ самому себѣ, своему собственному эгоизму. При жизни отца онъ долго бы находился въ удаленiи отъ дѣлъ; подъ бдительнымъ надзоромъ, въ тишинѣ характеръ его спокойно могъ бы сложиться, окрѣпнуть; но Юаннъ трехлѣтъ былъ уже великимъ княземъ, и хотя не могъ править государствомъ на дѣлѣ, однако самыя формы, которыя соблюдать было необходимо, напримѣръ посольскiе приемы и проч., должны были безпрестанно напоминать ему о его положенiи, необходимо стоялъ онъ въ средоточii государственной дѣятельности, въ средоточii важныхъ вопросовъ, хотя и былъ молчаливымъ зрителемъ, молчаливымъ исполнителемъ формъ. Передъ его глазами происходила борьба сторонъ: людей къ нему близкихъ, которыхъ онъ любилъ, у него отнимали; передъ нимъ наглѣмъ, звѣрскимъ образомъ влекли ихъ въ заточенiе, не считая на его просьбы; потомъ слышалъ онъ о ихъ насильственной смерти; въ то же время онъ ясно понималъ свое верховное положенiе, ибо тѣ же самые люди, которые не обращали на него никакого вниманiя, которые при немъ были, обрывали людей къ нему близкихъ, при посольскихъ приемахъ и другихъ церемонiяхъ стояли предъ нимъ какъ покорные слуги; видѣлъ онъ, какъ все преклонялось предъ нимъ, какъ все дѣлалось его именемъ, и слѣдовательно должно было такъ дѣлаться; да и было много него много людей, которые изъ собственныхъ выгодъ, изъ ненависти къ ославившей сто-

ронъ, твердили, что поступки послѣдней беззаконны, оскорбительны для него. Такимъ образомъ ребенокъ видѣлъ передъ собою враговъ, похитителей его правъ, но бороться съ ними на дѣлѣ не могъ: вся борьба должна была сосредоточиться у него въ головѣ и въ сердцѣ — самая тяжелая, самая страшная, разрушительная для челоуѣка борьба, особенно въ томъ возрастѣ! Голова ребенка была постоянно занята мыслию объ этой борьбѣ, о своихъ правахъ, о безправіи враговъ, о томъ, какъ дать силу своимъ правамъ, доказать безправіе противниковъ, обвинить ихъ. Пылливый умъ ребенка требовалъ пищи: онъ съ жадностію прочелъ все, что могъ прочесть, изучилъ священную, церковную, Римскую исторію, Русскія лѣтописи, творенія св. отцевъ; но во всемъ, что ни читалъ, онъ искалъ доказательствъ въ свою пользу; занятой постоянно борьбою, искалъ средствъ выйти побѣдителемъ изъ этой борьбы, искалъ вездѣ, преимущественно въ священномъ писаніи, доказательствъ въ пользу своей власти противъ беззаконныхъ слугъ, отнимавшихъ ее у него. Отсюда будутъ понятны намъ послѣдующія стремленія Іоанна, стремленія такъ рано обнаружившіяся, принятіе царскаго титула, желаніе быть тѣмъ же на Московскомъ престолѣ, чѣмъ Давидъ и Соломонъ были на Іерусалимскомъ, Августъ, Константинъ и Феодосій на Римскомъ; Іоаннъ IV былъ первымъ царемъ не потому только, что первый принялъ царскій титулъ, но потому, что первый созналъ вполне все значеніе царской власти, первый, такъ сказать, составилъ себѣ ея теорію, тогда какъ отецъ и дѣдъ его усиливали свою власть только практически.

Но въ то время, какъ умъ былъ занятъ мыслию о правахъ, дерзко нарушаемыхъ, о средствахъ, какъ бы дать окончательное освященіе этимъ правамъ, дать имъ совершенную недосыгаемость, сердце волновалось страшными чувствами: окруженный людьми, которые, въ своихъ стремленіяхъ, не обращали на него никакого вниманія, оскорбляли его, въ своихъ борьбахъ не щадили другъ друга, позволяли себѣ въ его глазахъ насильственные поступки, Іоаннъ привыкъ не обращать вниманія на интересы дру:

гихъ, привыкъ не уважать человѣческаго достоинства, не уважать жизни человѣка. Пренебрегали развитіемъ хорошихъ склонностей ребенка, подавленіемъ дурныхъ, позволяли ему предаваться чувственнымъ, животненнымъ стремленіямъ, потворствовали ему, хвалили за то, за что надобно было порицать, и въ то же время, когда дѣло доходило до личныхъ интересовъ боярскихъ, молодого князя оскорбляли, наносили ему удары въ самыя нѣжныя, чувствительныя мѣста, оскорбляя память его родителей, позоря, умерщвляя людей, къ когорымъ онъ былъ привязанъ: оскорбляли такимъ образомъ вдвойнѣ Іоанна, оскорбляли какъ государя, потому что не слушали его приказаній, оскорбляли какъ человѣка, потому что не слушали его просьбъ; отъ этого сочетанія потворствъ, ласкательствъ и оскорбленій въ Іоаннѣ развивались два чувства: презрѣніе къ рабамъ ласкателямъ и ненависть къ врагамъ, ненависть къ строптивымъ вельможамъ, незаконно похитившимъ его права, и ненависть личная за личные оскорбленія.

Іоаннъ въ отвѣтномъ письмѣ къ Курбскому такъ говоритъ о впечатлѣніяхъ своего дѣтства: «По смерти матери нашей Елены остались мы съ братомъ Георгіемъ круглыми сиротами; поданные наши хотѣніе свое улучили, нашли царство безъ правителя: объ насъ, государяхъ своихъ, заботиться не стали, начали хлопотать только о приобрѣтеніи богатства и славы, начали враждовать другъ съ другомъ. И сколько зла они надѣлали! сколько бояръ и воеводъ, добротовъ отца нашего умертвили! дворы, села и имѣнія дядей нашихъ взяли себѣ и водворились въ нихъ! казну матери нашей перенесли въ большую казну, причемъ неистово ногами пихали ея вещи и спицами кололи; иное и себѣ побрали: а сдѣлалъ это дѣдъ твой Михайла Тучковъ». Описавши поведеніе князей Шуйскихъ относительно дядка Мишурина, князя Ивана Бѣльскаго, двоихъ митрополитовъ, Іоаннъ продолжаетъ: «Насъ съ братомъ Георгіемъ начали воспитывать какъ иностранцевъ или какъ нищихъ. Какой нужды не натерпѣлись мы въ одеждѣ и въ пищѣ; ни въ чемъ намъ воли не было, ни въ чемъ не поступали съ нами такъ, какъ

сгладуеть поступать съ дѣтьми. Одно припомню : бывало мы играемъ , а князь Иванъ Васильевичъ Шуйскій сидитъ на лавкѣ , локтемъ опершись о постель нашего отца , ногу на нее положивъ . Чтѣ сказать о казнѣ родительской ? Все расхитили лукавымъ умысломъ , будто дѣтямъ боярскимъ на жалованье , а между тѣмъ все себѣ взяли ; и дѣтей боярскихъ жаловали не за дѣло , верстали не по достоинству ; изъ казны отца нашего и дѣда наковали себѣ сосудовъ золотыхъ и серебряныхъ и написали на нихъ имена своихъ родителей , какъ будто бы это было наслѣдственное добро ; а всѣмъ людямъ вѣдомо : при матери нашей у князя Ивана Шуйскаго шуба была мухояровая зеленая на куницахъ , да и тѣ ветки : такъ если бѣ у нихъ было отцовское богатство , то чѣмъ посуду ковать , лучше бѣ шубу перемѣнить . Потомъ на города и села наскочили и безъ милости пограбили жителей , а какія напасти отъ нихъ были содѣямъ , исчислить нельзя ; подчиненныхъ всѣхъ сдѣлали себѣ рабами , а рабовъ своихъ сдѣлали вельможами ; думали , что правять и строить , а вмѣсто того вездѣ были только неправды и нестроенія , маду безмѣрную отовсюду брали , все говорили и дѣлали по мздѣ» .

По словамъ Курбскаго , Иоанна воспитывали великіе и гордые бояре на свою и на дѣтей своихъ бѣду , стараясь другъ передъ другомъ угождать ему во всякомъ наслажденіи и оладо-страстіи . Когда онъ началъ приходить въ возрастъ , былъ лѣтъ двѣнадцати , то сталъ прежде всего проливать кровь беззаконныхъ , бросая ихъ на землю съ высокихъ теремовъ , а пѣстуны позволяли ему это и даже хвалили , уча отрока на свою бѣду . Когда началъ приближаться къ пятнадцатому году , то принялся и за людей : собралъ около себя толпу знатной молодежи , и началъ съ нею скакать верхомъ по улицамъ и площадямъ , бить , грабить встрѣчавшихся мужчинъ и женщинъ , по истинѣ въ самыхъ разбойническихъ дѣлахъ упражнялся , а ласкатели все это хвалили , говоря : « о ! храбръ будетъ этотъ царь и мужественъ ! »

Если признать вѣрность показаній Курбскаго , признать ,

что Іоаннъ дѣйствительно съ 12 лѣтъ началъ обнаруживать дурныя наклонности, отъ которыхъ пѣстуны не удерживали его, то этотъ возрастъ совпадаетъ съ правленіемъ Андрея Шуйскаго и товарищей его. Прежде, когда Іоаннъ былъ еще очень малъ, то Шуйскіе считали ненужнымъ обращать на него большое вниманіе: князь Иванъ, въ его присутствіи, клалъ ногу на постель его отца, Тучковъ пихалъ ногами вещи его матери, позабывши, что ребенокъ такія явленія помнитъ лучше, чѣмъ взрослый; въ это время многое дѣлалось и не такъ, какъ хотѣлъ ребенокъ, и платье ему давали дурное и не давали долго ѣсть. Но когда ребенокъ сталъ выростать, то окружавшіе перемѣнили обращеніе съ нимъ, стали готовить въ немъ себѣ будущаго милостивца, вдругъ перестали видѣть въ немъ ребенка, котораго еще должно было воспитывать, и начали смотрѣть на него, какъ на великаго князя, которому должно было угождать; Воронцовъ счелъ для себя выгоднымъ пріобрѣсть расположеніе тринадцатилѣтняго государя и это расположеніе Шуйскіе и товарищи ихъ сочли для себя опаснымъ; по всѣмъ вѣроятностямъ, и сами Шуйскіе обходились теперь съ Іоанномъ не такъ, какъ прежде ихъ старшіе: съ ихъ вѣдома, пѣстуны Іоанновы позволяли себѣ тѣ поблажки, о которыхъ говоритъ Курбскій. Новое положеніе Іоанна въ тринадцатилѣтнемъ возрастѣ видно уже изъ того, что, при описаніи сверженія князя Бѣльскаго и митрополита Іоасафа, объ Іоаннѣ сказано только, что онъ сильно испугался; при описаніи же происшествія съ Воронцовымъ говорится, что Іоаннъ уже ходатайствовалъ у Шуйскихъ за своего любимца. Поступокъ Шуйскихъ съ Воронцовымъ былъ послѣднимъ боярскимъ самовольствомъ: неизвѣстно какъ, вслѣдствіе особенно чьихъ внушеній и ободреній, вслѣдствіе какихъ приготовленій, тринадцатилѣтній Іоаннъ рѣшился *напасть* на Шуйскаго: иначе нельзя выразить тогдашнихъ отношеній. Молодой великій князь долженъ былъ начать свою дѣятельность нападеніемъ на перваго вельможу въ государствѣ; понятно, что это нападеніе будетъ такое, къ какому пріучили его Шуйскіе: 29 Декабря 1543 года

Истор. Росс. Т. VI. 4

Іоаннъ велѣлъ схватить первосовѣтника боярскаго, князя Андрея Шуйскаго, и отдѣть его псарямъ : псари убили его , волоча къ тюрьмамъ ; совѣтниковъ его , князя Федора Шуйскаго , князя Юрія Темкина , Оому Головина , который позволилъ себѣ извѣстный намъ поступокъ съ митрополитомъ, и другихъ разослали.

Нападеніе было удачное, враги застигнуты врасплохъ , напуганы: съ тѣхъ поръ, говоритъ лѣтопись, начали бояре отъ государя страхъ имѣть и послушаніе. Прошелъ годъ ; Іоанну было уже четырнадцать лѣтъ, и опала постигла князя Ивана Кубенскаго: его сослали въ Переяславль и посадили подъ стражу. Князь Иванъ Кубенскій съ братомъ Михайломъ были главами заговора противъ Бѣльскаго и митрополита Іоасафа въ пользу Шуйскаго; Иванъ же Кубенскій упоминается въ числѣ бояръ, бросившихся на Воронцова съ Шуйскими. 16 Декабря 1544 года былъ схваченъ Кубенскій; въ Маѣ 1545 былъ освобожденъ. 10 Сентября Аванасію Бутурлину отрѣзали языкъ за невѣжливыя слова; но въ слѣдующемъ мѣсяцѣ опять опала на князя Ивана Кубенскаго, князя Петра Шуйскаго, князя Александра Горбатаго, князя Дмитрія Палецкаго и на Федора Воронцова. Намъ неудивительно, что не могли остаться въ покоѣ, или не умѣли сдержать своего неудовольствія Шуйскіе и главные ихъ совѣтники, такъ много потерявшіе при новомъ порядкѣ вещей — князь Петръ Шуйскій, сынъ прежняго правителя, князя Ивана, князь Кубенскій, князь Палецкій, котораго имя стоитъ рядомъ съ именемъ Кубенскаго при описаніи заговора противъ Бѣльскаго и Воронцова; но поражаетъ насъ среди этихъ именъ имя Федора Воронцова, подвергшагося опалѣ вмѣстѣ съ заклятыми врагами своими. Къ счастью на этотъ разъ лѣтописецъ объясняетъ намъ дѣло, и совершенно удовлетворительно. Послѣ казни Андрея Шуйскаго первымъ дѣломъ великаго князя было возвращеніе изъ ссылки Воронцова, который ничего не потерялъ изъ прежняго его расположенія; возвратившись къ двору съ торжествомъ, блистательно отомщенный, Воронцовъ сталъ думать, какъ бы самому занять мѣсто Андрея Шуйскаго, одному управлять всѣмъ, одному раздавать

всѣ милости именовъ еще несовершеннолѣтняго государя: кого государь пожалуетъ безъ Ѳедорова вѣдома, и Ѳедору досадно, говорить лѣтописецъ; самъ ли Іоаннъ замѣтилъ эти досады, или другіе, которымъ было тѣсно съ Воронцовымъ, на примѣръ князя Михаилъ и Юрій Глинскіе, дядья государевы, указали ему въ Воронцовѣ другаго Шуйскаго — только Воронцовъ подвергся опалѣ вмѣстѣ съ прежними своими врагами. Но и на этотъ разъ опала продолжалась не болѣе двухъ мѣсяцевъ: въ Декабрѣ 1545 года, для отца своего, Макарія митрополита, великій князь пожаловалъ бояръ своихъ.

Этихъ колебаній, опалъ, налагаемыхъ на одни и тѣ же лица, прощениій ихъ въ продолженіе 13-го, 15-го и 16-го года Іоанновой жизни нельзя оставить безъ вниманія: странно было бы предположить, что молодой Іоаннъ, только по старой неприязни къ родственникамъ и друзьямъ Шуйскихъ, безо всякаго повода, бросался на нихъ и потомъ прощалъ; трудно предположить, чтобъ могущественная сторона Шуйскихъ такъ была поражена казнію князя Андрея, что отказалась совершенно отъ борьбы: но кто боролся съ нею именовъ Іоанна? — лѣтописи молчатъ. Можно указывать въ началѣ на Воронцова, можно указывать на князей Глинскихъ, которыхъ могущество обнаруживается во всеобщей ненависти вельможъ къ нимъ. Но окончательно Кубенскій и Воронцовъ были погублены не Глинскими: на это есть опредѣленное свидѣтельство источниковъ. Въ Маѣ 1546 великій князь отправился съ войскомъ въ Коломну, по вѣстямъ, что Крымскій ханъ идетъ къ этимъ мѣстамъ. Однажды Іоаннъ, выѣхавши погулять за городъ, былъ остановленъ Новгородскими пищальниками, которые стали о чемъ-то бить ему челомъ; онъ нерасположенъ былъ ихъ слушать и велѣлъ отослать. Лѣтописецъ не говоритъ, какъ посланные великимъ княземъ исполнили его приказаніе; говорить только, что пищальники начали бросать въ нихъ колпаками и грязью; видя это, Іоаннъ отправилъ отрядъ дворянъ своихъ для отсылки пищальниковъ; но послѣдніе стали сопротивляться и дворянамъ; тѣ вздумали употребить силу; тогда пищальники стали на бой, начали биться ослопами, изъ пи-

щалеи стрѣлять, а дворяне дрались изъ луковъ и саблями; съ обѣихъ сторонъ осталось на мѣстѣ человекъ по пяти или по шести; великаго князя не пропустили проѣхать прямо къ его стану, онъ долженъ былъ пробираться окольною дорогою. Легко понять, какое впечатлѣніе должно было произвести это происшествіе на Іоанна, напуганнаго въ дѣтствѣ подобными сценами и сохранившаго на всю жизнь слѣдствія этого испуга. Но онъ привыкъ видѣть враговъ своихъ, дерзкихъ послушниковъ своей власти не въ рядахъ простыхъ ратныхъ людей, и потому сейчасъ же имъ овладѣло подозрѣніе: онъ велѣлъ провѣдать, по чьей наукѣ пищальники осмѣлились такъ поступить, потому что безъ науки этого случится не могло? Разузнать объ этомъ онъ поручилъ не знатному человекъ, но дяку своему, Василію Захарову, который былъ у него въ приближеніи: мы видимъ слѣдовательно, что Іоаннъ, подобно отцу, уже началъ приближать къ себѣ людей новыхъ, безъ родовыхъ преданій и притязаній, дяковъ. Захаровъ донесъ, что пищальниковъ подучили бояре, князь Кубенскій и двое Воронцовыхъ, Федоръ и Василій Михайловичъ. Великій князь повѣрилъ дяку, и въ великой ярости велѣлъ казнить Кубенскаго и двоихъ Воронцовыхъ, какъ вслѣдствіе новаго обвиненія, такъ и по прежнимъ ихъ преступленіямъ, за мздоимство во многихъ государскихъ и земскихъ дѣлахъ; людей близкихъ къ нимъ разослали въ ссылку. Лѣтописцы говорятъ, что дякъ оклеветалъ бояръ¹⁹. Курбскій относитъ къ тѣмъ же временамъ и другія казни²⁰.

Такъ проводилъ Іоаннъ шестнадцатый годъ своего возраста; на семнадцатомъ, 13 Декабря 1546 года, онъ позвалъ къ себѣ митрополита и объявилъ, что хочетъ жениться; на другой день митрополитъ отслужилъ молебень въ Успенскомъ соборѣ, пригласилъ къ себѣ всѣхъ бояръ, даже и опальныхъ, и со всѣми отправился къ великому князю, который сказалъ Мазарію: «Милостію Божіею и Пречистой Его Матери, молитвами и милостію великихъ чудотворцевъ, Петра, Алексія, Іоны, Сергія и всѣхъ Русскихъ чудотворцевъ, положилъ я на нихъ упованіе, а у тебя, отца своего, благословяся, помыслилъ

жениться. Сперва думалъ я жениться въ иностранныхъ государствахъ, у какого-нибудь короля или царя; но потомъ я эту мысль отложилъ, не хочу жениться въ чужихъ государствахъ, потому что я послѣ отца своего и матери остался малъ; если я приведу себѣ жену изъ чужой земли и въ нравахъ мы не сойдемся, то между нами дурное житье будетъ; поэтому я хочу жениться въ своемъ государствѣ, у кого Богъ благословить по твоему благословенію». Митрополитъ и бояре, говоритъ лѣтописецъ, заплакали отъ радости, видя, что государь такъ молодъ, а между-тѣмъ ни съ кѣмъ не совѣтуется. Но молодой Іоаннъ тутъ же удивилъ ихъ еще другою рѣчью: «По твоему, отца своего митрополита, благословенію, и съ вашего боярскаго совѣта, хочу прежде своей женитьбы поискать прародительскихъ чиновъ, какъ наши прародители, цари и великіе князья, и сродникъ нашъ великій князь Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ на царство, на великое княженіе сажались; и я также этотъ чинъ хочу исполнить и на царство, на великое княженіе сѣсть». Бояре обрадовались, что государь въ такомъ еще младенчествѣ, а прародительскихъ чиновъ искалъ. Но конечно всего болѣе удивились они (а нѣкоторые, какъ увидимъ изъ писемъ Курбскаго, не очень обрадовались) тому, что шестнадцатилѣтній великій князь съ этихъ поръ, внутри и внѣ государства, принялъ титулъ, котораго не рѣшались принять ни отецъ, ни дѣдъ его — титулъ царя. 16 Января 1547 года совершено было царское вѣнчаніе, подобное вѣнчанію Димитрія внука при Іоаннѣ III-мъ²¹. Между-тѣмъ еще въ Декабрѣ разосланы были по областямъ, къ князьямъ и дѣтямъ боярскимъ грамоты: «Когда къ вамъ эта наша грамота придетъ, и у которыхъ изъ васъ будутъ дочери дѣвки, то вы бы съ ними сейчасъ же ѣхали въ городъ къ нашимъ намѣстникамъ на смотръ, а дочерей дѣвокъ у себя ни подъ какимъ видомъ не таили бѣ. Кто же изъ васъ дочь дѣвку утаитъ и къ намѣстникамъ нашимъ не повезетъ, тому отъ меня быть въ великой опалѣ и казни. Грамоту пересылайте между собою сами, не задерживая ни часу»²². Выборъ палъ на дѣвушку

изъ одного изъ самыхъ знатныхъ и древнихъ Московскихъ боярскихъ родовъ, который, при наплывѣ родовъ княжескихъ, успѣлъ удержать за собою близкое къ престолу мѣсто: выборъ лалъ на Анастасію, дочь умершаго окольникаго Романа Юрьевича Захарьина-Кошкина, племянницу боярина Михаила Юрьевича, близкаго, какъ мы видѣли, человѣка къ великому князю Василю; быть можетъ и эти отношенія не были безъ вліянія на выборъ; надобно замѣтить, что представитель рода по смерти боярина Михаила, другой дядя Анастасіи, Григорій Юрьевичъ Захаринъ, не принадлежалъ къ сторонѣ Шуйскихъ, не упоминается ни въ какихъ боярскихъ смутахъ дѣтства Юаннова ²³.

3 Февраля была царская свадьба; 12 Апрѣля вспыхнулъ сильный пожаръ въ Москвѣ; 20 числа другой; 3 Юня упалъ большой колоколъ — благовѣстникъ; 21 новый страшный пожаръ, какого еще никогда не бывало въ Москвѣ: загорѣлась церковь Воздвиженія на Арбатѣ, при сильной бурѣ; огонь потекъ какъ молнія, спалилъ на западъ все вплоть до Москвы рѣки у Семчинскаго сельца; потомъ буря обратилась на Кремль, вспыхнулъ верхъ Успенскаго собора, крыши на царскомъ дворѣ, казенный дворъ, Благовѣщенскій соборъ; сгорѣла оружейная палата съ оружіемъ, постельная палата съ казною, дворъ митрополичій, по каменнымъ церквамъ сгорѣли иконостасы и людское добро, которое продолжали и въ это время прятать по церквамъ. Въ Успенскомъ соборѣ уцѣлѣлъ иконостасъ и всѣ сосуды церковные; митрополитъ Макарій едва не задохся отъ дыма въ соборѣ: онъ вышелъ изъ него, неся образъ Богородицы, написанный митрополитомъ Петромъ, за нимъ шелъ протопопъ и несъ церковныя правила. Макарій ушелъ было сначала на городскую стѣну, на тайникъ, проведенный къ Москвѣ рѣкѣ; но здѣсь не могъ долго оставаться отъ дыма; его стали спускать съ тайника на канатъ на взрубъ къ рѣкѣ, канатъ оборвался, и митрополитъ сильно разшибся, едва могъ придти въ себя, и былъ отвезенъ въ Новоспасскій монастырь.

Кремлевскіе монастыри — Чудовъ и Вознесенскій сгорѣли; въ Китаѣ сгорѣли всѣ лавки съ товарами и всѣ дворы, за городомъ большой посадъ по Неглинной, Рождественка до Никольскаго Драчевскаго монастыря; по Мясницкой пожаръ шелъ до церкви св. Флора, по Покровкѣ до церкви св. Василя; народу сгорѣло 1700 человекъ. Великій князь съ женою, братомъ и боярами уѣхалъ въ село Воробьево.

На другой день онъ поѣхалъ съ боярами въ Новоспасскій монастырь навѣстить митрополита. Здѣсь царскій духовникъ, Благовѣщенскій протопопъ Ѳеодоръ Барминъ, бояринъ князь Ѳеодоръ Скопинъ-Шуйскій, Иванъ Петровичъ Челяднинъ начали говорить, что Москва сгорѣла волшебствомъ; чародѣи вынимали сердца человѣческія, мочили ихъ въ водѣ, водою этою кропили по улицамъ — отъ этого Москва и сгорѣла. Царь велѣлъ розыскать дѣло; розыскъ произвели такимъ образомъ: 26 числа, въ Воскресенье, на пятый день послѣ пожара, бояре пріѣхали въ Кремль на площадь къ Успенскому собору, собрали черныхъ людей и начали спрашивать: кто зажигалъ Москву? Въ толпѣ закричали: «Княгиня Анна Глинская съ своими дѣтьми и людьми волхвовала: вынимала сердца человѣческія да клала въ воду, да тою водою, ѣздя по Москвѣ, кропила: оттого Москва и выгорѣла!» Черные люди говорили это потому, что Глинскіе были у государя въ приближеніи и жалованіи, отъ людей ихъ чернымъ людямъ насильство и грабежъ, а Глинскіе людей своихъ не унимали. Конюшій бояринъ, князь Михайла Васильевичъ Глинскій, родной дядя царскій, былъ въ это время съ матерью во Ржевѣ, полученномъ отъ царя въ кормленіе; но братъ его, князь Юрій, былъ въ Москвѣ и стоялъ вмѣстѣ съ боярами на Кремлевской площади. Услыхавши о себѣ и о матери своей такія рѣчи въ народѣ, онъ понялъ, что его можетъ постигнуть, и ушелъ въ Успенскій соборъ; но бояре, злобясь на Глинскихъ, какъ на враженщиковъ, напустили чернь: та бросилась въ Успенскій соборъ, убила Глинскаго, выволокла трупъ его изъ Кремля и положила передъ торгомъ, гдѣ казнятъ преступниковъ. Умерт-

живши Глинскаго, чернь бросилась на людей его, перебила ихъ множество, разграбля дворъ; много погибло тутъ и неизвѣстныхъ дѣтей боярскихъ изъ Сѣверской страны, которыхъ приняли за людей Глинскаго. Но одного Глинскаго было мало: на третій день послѣ убіенія князя Юрія, толпы черни явились въ селѣ Воробьевѣ, у дворца царскаго, съ крикомъ, чтобъ государь выдалъ имъ бабку свою, княгиню Анну Глинскую, и сына ея, князя Михайла, которые будто спрятаны у него въ покояхъ. Иоаннъ въ отвѣтъ велѣлъ схватить крикуновъ и казнить; на остальныхъ напалъ страхъ и они разбѣжались по городамъ.

Виновниками возстанія противъ Глинскихъ, главными наустителями черни лѣтописецъ называетъ Благовѣщенскаго протоппа Федора Бармина, князя Федора Шуйскаго — Скопина, князя Юрія Темкина, Ивана Петровича Челяднина, Григорія Юрьевича Захарьина, Федора Нагаго. Въ малолѣтство Иоанна Шуйскіе и пріатели ихъ сами управлялись съ людьми себѣ враждебными; но когда Иоаннъ выросъ, когда казнь Андрея Шуйскаго, Кубенскаго, Воронцова показала имъ невозможность дальнѣйшаго самоуправства, то они начали дѣйствовать противъ приближенныхъ къ царю людей, Глинскихъ, не непосредственно, но посредствомъ народа. Въ возстаніи противъ Глинскихъ мы видимъ главныхъ совѣтниковъ Андрея Шуйскаго, которые, послѣ казни его, были сосланы, но потомъ возвращены въ Москву: князя Федора Шуйскаго — Скопина, князя Юрія Темкина; но они теперь уже такъ слабы, что не могутъ дѣйствовать одни, и дѣйствуютъ въ союзѣ съ приближенными къ Иоанну людьми, которые враждебно столкнулись съ Глинскими въ борьбѣ за вліяніе на волю молодого царя: Шуйскій и Темкинъ дѣйствуютъ вмѣстѣ съ духовникомъ царскимъ Барминымъ и дядею царицы, Григоріемъ Захарьинимъ.

Виновники событій 26 Іюня умѣли закрыть себя и достигли своей цѣли относительно Глинскихъ: оставшійся въ живыхъ братъ, князь Михайла Васильевичъ, не только потерялъ надежду восторжествовать надъ своими врагами, но даже отчаялся

въ собственной безопасности, и вмѣстѣ съ пріателемъ своимъ, княземъ Турунтаемъ-Пронскимъ, побѣжалъ въ Литву; но бѣглецы были захвачены княземъ Петромъ Шуйскимъ, посадили немного подъ стражею и были прощены, отданы на поруки, потому что вздумали бѣжать по неразумію, испугавшись судьбы князя Юрія Глинскаго. Могущество Глинскихъ рушилось, но его не наслѣдовали знатные враги ихъ: полною довѣренностію Іоанна, могущественнымъ вліяніемъ на внутреннія дѣла начинаютъ пользоваться — простой священникъ Благовѣщенскаго собора, Сильвестръ, и ложничій царскій, Алексѣй Федоровъ Адашевъ, человекъ очень незначительнаго происхожденія.

Сильныя волненія, досады, поблажки чувственнымъ, животненнымъ стремленіямъ и дурные примѣры, которые видѣлъ Іоаннъ въ дѣтствѣ, безспорно имѣли пагубное вліяніе на его характеръ, произвели въ немъ между прочимъ раздражительность. Но эта самая раздражительность, впечатлительность, женственность природы Іоанна дѣлали его способнымъ и къ скорому принятію добраго вліянія, если это вліяніе шло отъ лица, имѣющаго нравственное достоинство, религіозное значеніе и неподозрительнаго для Іоанна. Пожаръ Московскій произвелъ на молодаго царя сильное впечатлѣніе. Вотъ что самъ царь писалъ объ этомъ впечатлѣніи собору, созданному для устройства церковнаго: «Нельзя ни описать, ни языкомъ человѣческимъ пересказать всего того, что я сдѣлалъ дурнаго по грѣхамъ молодости моей. Прежде всего смирилъ меня Богъ, отнял у меня отца, а у васъ пастыря и заступника; бояре и вельможи, показывая видъ, что мнѣ доброхотствуютъ, а на самомъ дѣлѣ доискиваясь самовластія, въ помраченіи ума своего, дерзнули схватить и умертвить братьевъ отца моего. По смерти матери моей бояре самовластно владѣли царствомъ; по моимъ грѣхамъ, сиротству и молодости, много людей погибло въ междоусобной брани, а я возрасталъ въ небреженіи, безъ наставленій, навѣкъ злокозненнымъ обычаемъ боярскимъ, и съ того времени до сихъ поръ сколько согрѣшилъ я передъ Богомъ и сколько казней послалъ на насъ Богъ! Мы неразъ

покушались отомстить врагамъ своимъ, но все безуспѣшно; не понималъ я, что Господь наказываетъ меня великими казнями, и не покааяся, но самъ угнеталъ бѣдныхъ христіанъ всякимъ насильемъ. Господь наказывалъ меня за грѣхи то топотомъ, то моромъ, и все я не кааяся; наконецъ Богъ наслалъ великіе пожары, и вошелъ страхъ въ душу мою и трепеть въ кости мои, смирился духъ мой, умилился я и позналъ свои согрѣшенія: выпросилъ прощеніе у духовенства, далъ прощеніе князьямъ и боярамъ "». Курбскій говоритъ, что во время народнаго возмущенія противъ Глинскихъ, Богъ подалъ руку помощи землѣ христіанской такимъ образомъ: пришелъ къ Іоанну одинъ мужъ, чиномъ пресвитеръ, именемъ Сильвестръ, пришлецъ изъ Новгорода Великаго, сталъ претить ему отъ Бога священными писаніями и строго закланать его страшнымъ Божиимъ именемъ; кромѣ того повѣдалъ ему о чудесахъ, о явленіяхъ, какъ бы отъ Бога происшедшихъ: не знаю, прибавляетъ Курбскій, правду ли онъ говорилъ о чудесахъ, или выдумалъ, чтобъ только напугать Іоанна для дѣтскихъ неистовыхъ его нравовъ, и достигъ своей цѣли: душу его исцѣлилъ и очистилъ, развращенный умъ исправилъ, съ помощію Алексѣя Адашева, митрополита Макарія и всѣхъ преподобныхъ мужей, пресвитерствомъ почтенныхъ.

Изъ словъ Курбскаго мы не имѣемъ никакого права заключать, что Сильвестръ явился только тутъ внезапно предъ Іоанномъ, не будучи вовсе извѣстенъ ему прежде. По всѣмъ вѣроятностямъ, Сильвестръ уже давно переселился изъ Новгорода въ Москву и былъ однимъ изъ священниковъ придворнаго Благовѣщенскаго собора, по этому самому былъ давно на глазахъ Іоанна, обратилъ на себя его вниманіе своими достоинствами; но теперь его внушенія, его вліяніе получили большую силу. Царственная книга говоритъ, что Сильвестръ былъ очень друженъ съ удѣльнымъ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ и его матерью, что, по его старанію, они были выпущены изъ заключенія — свидѣтельство чрезвычайно важное, ибо мы знаемъ, что князь Владиміръ Андреевичъ былъ

заключенъ вмѣстѣ съ отцомъ и освобожденъ изъ заключенія во время правленія князя Бѣльскаго и митрополита Іоасафа; о вторичномъ заключеніи его мы не находимъ нигдѣ извѣстія. Слѣдовательно, не допуская невѣроятнаго предположенія, что всѣ лѣтописцы, говоря объ опалахъ и казняхъ боярскихъ, пропустили извѣстіе о заключеніи двоюроднаго брата царскаго, и принимая, что Царственная книга говоритъ о единственномъ освобожденіи князя Владиміра при Бѣльскомъ, мы должны заключить, что Сильвестръ уже тогда имѣлъ важное значеніе. Для объясненія нравственнаго переворота въ Іоаннѣ, для объясненія при этомъ Сильвестрова значенія, припомнимъ событія, встрѣчаемыя нами въ концѣ шестнадцатаго и на семнадцатомъ году возраста Іоаннова: казнь Кубенскаго и Воронцова, бывшая слѣдствіемъ убѣжденія въ несправимости бояръ; сильная по лѣтамъ степень развитія ума и воли, обнаружившаяся въ Іоаннѣ намѣреніемъ вѣнчаться на царство и принять титулъ царскій; нравственный переворотъ, долженствовавшій произойти вслѣдствіе брака шестнадцатилѣтняго юноши, наконецъ пожары, народное возстаніе противъ лицъ, которымъ молодой царь довѣрялъ болѣе всѣхъ по единству интересовъ, по близкому родству, и которые раздражили народъ безнаказанными насиліями слугъ своихъ — все это заставляло Іоанна порѣшить окончательно съ князьями и боярами, искать опоры въ лицахъ другаго происхожденія и въ лицахъ испытанной нравственности.

Но если на семнадцатомъ году возраста, вслѣдствіе означенныхъ причинъ и вліяній, произошелъ въ Іоаннѣ важный нравственный переворотъ, то не ранѣе двадцатаго года, вслѣдствіе естественнаго развитія, молодой царь нашелъ въ себѣ силы окончательно порѣшить съ прошедшимъ, которое сильно тяготило его. Естественнымъ слѣдствіемъ живости, страстности природы въ Іоаннѣ было неумѣнье сдерживать свои мысли и чувства, необходимость высказываться; ни одинъ государь нашей древней исторіи не отличался такою охотою и такимъ

умвнѣемъ поговорить, поспорить, устно или письменно, на площади народной, на церковномъ соборѣ, съ отѣхавшимъ бояриномъ или съ послами иностранными, отъ чего получилъ прозваніе *въ словесной премудрости ритора* 25. Несчастное положеніе Іоанна съ самаго дѣтства заставляло его постоянно защищать себя въ собственныхъ глазахъ и предъ другими людьми: отсюда его рѣчи и письма обыкновенно или защитительныя въ свою пользу, или обвинительныя противъ враговъ своихъ. Раздражительная, страстная природа и несчастныя обстоятельства увлекли его къ страшнымъ крайностямъ; но при этомъ сознаніе своего паденія никогда не умирало въ немъ: отсюда это постоянное желаніе защитить себя, обвинить другихъ въ собственномъ паденіи.

Теперь онъ хотѣлъ защитить себя предъ народомъ, сложить вину всего прошедшаго зла на людей, которыхъ онъ не переставалъ называть своими врагами, какъ мы видѣли изъ рѣчи его на соборѣ. Прежде онъ хотѣлъ мстить имъ опалами и казнями; теперь, при новомъ настроеніи, онъ хочетъ торжественно объявить ихъ вину. На двадцатомъ году возраста своего, видя государство въ великой тоскѣ и печали отъ насилія сильныхъ и отъ неправдъ, умыслилъ царь привести всѣхъ въ любовь. Посовѣтовавшись съ митрополитомъ, какъ бы уничтожить крамолы, разорить неправды, утолить вражду, приказалъ онъ собрать свое государство изъ городовъ всякаго чина. Когда выборные съѣхались, Іоаннъ въ Воскресный день вышелъ съ крестами на лобное мѣсто, и, послѣ молебна, началъ говорить митрополиту: «Молю тебя, святой владыко! будь мнѣ помощникъ и любви поборникъ; знаю, что ты добрыхъ дѣлъ и любви желатель. Знаешь самъ, что я послѣ отца своего остался четырехъ лѣтъ, послѣ матери осьми; родственники о мнѣ небрегли, а сильные мои бояре и вельможи обо мнѣ нерадѣли и самовластны были, сами себѣ саны и почести похитили моимъ именемъ, и во многихъ корыстяхъ, хищеніяхъ и обидахъ упражнялись, *азъ же яко глухъ и неслышахъ и не имыи въ устахъ своихъ обличенія*, по молодости моей и

беспомощности, а они властвовали. О неправедные лихоимцы и хищники и судьи неправедные! какой теперь дадите намъ отвѣтъ, что многія слезы воздвигли на себя? Я же чистъ отъ крови сей, ожидайте воздаянія своего». Поклонившись на всѣ стороны, Іоаннъ продолжалъ: «Люди Божіи и намъ дарованные Богомъ! молю вашу вѣру къ Богу и къ намъ любовь. Теперь намъ вашихъ обидъ, разореній и налоговъ исправить нельзя, вслѣдствіе продолжительнаго моего несовершеннѣйшаго, пустоты и беспомощности, вслѣдствіе неправдъ бояръ моихъ и властей, безсудства неправеднаго, лихоимства и сребролюбія; молю васъ, оставьте другъ другу вражды и тягости, кромѣ развѣ очень большихъ дѣлъ: въ этихъ дѣлахъ и въ новыхъ, я самъ буду вамъ, сколько возможно, судья и оборона, буду неправды разорять и похищенное возвращать». Въ это время расположеніе царя къ Алексѣю Адашеву достигло высшей степени: въ тотъ самый день, въ который говорена была рѣчь къ народу, Іоаннъ пожаловалъ Адашева въ окольничіе, и при этомъ сказалъ ему: «Алексѣй! взялъ я тебя изъ нищихъ и самыхъ незначительныхъ людей. Слышалъ я о твоихъ добрыхъ дѣлахъ, и теперь разыскалъ тебя выше мѣры твоей, для помощи души моей; хотя твоего желанія и нѣтъ на это, но я тебя пожелалъ, и не одного тебя, но и другихъ такихъ же, кто бѣ печаль мою утолилъ, и на людей, врученныхъ мнѣ Богомъ, призрѣлъ. Поручаю тебѣ принимать челобитныя отъ бѣдныхъ и обиженныхъ и разбирать ихъ внимательно. Не бойся сильныхъ и славныхъ, похитившихъ почести и губящихъ своимъ насиліемъ бѣдныхъ и немощныхъ; не смотри и на ложныя слезы бѣднаго, клеветущаго на богатыхъ, ложными слезами хотящаго быть правымъ: но все разсматривай внимательно и приноси къ намъ истину, боясь суда Божія; избери судей правдивыхъ отъ бояръ и вельможъ». Говорилъ онъ это съ прещеніемъ, прибавляетъ извѣстіе, и съ тѣхъ поръ началъ самъ судить многіе суды и розыскивать праведно²⁶. Такъ кончилось правленіе боярское.

Въ это правленіе рѣшенъ былъ чрезвычайно важный во-

прось для государственной жизни Россіи. Сѣверовосточная Русь объединилась, образовалось государство, благодаря дѣятельности князей Московскихъ; но около этихъ князей, ставшихъ теперь государями всея Руси, собрались, въ видѣ слугъ новаго государства, потомки князей великихъ и удѣльныхъ, лишенныхъ отчинъ своихъ потомками Калиты; они примкнули къ Московской дружинѣ, къ Московскому боярству, члены котораго должны были теперь, по требованіямъ новаго порядка вещей, переѣнить свои отношенія къ главѣ государства. Вокругъ великаго князя Московскаго, представителя новаго порядка, находившаго свой главный интересъ въ его утвержденіи и развитіи, собрались люди, которые жили въ прошедшемъ всѣми лучшими воспоминаніями своими, которые не могли сочувствовать новому, которымъ самое ихъ первенствующее положеніе, самый ихъ титулъ указывали на болѣе блестящее положеніе, болѣе высокое значеніе въ недавней, очень хорошо всѣмъ извѣстной старинѣ. При такомъ сопоставленіи двухъ началъ, изъ которыхъ одно стремилось къ дальнѣйшему, полному развитію, а другое хотѣло удержать его при этомъ стремленіи, удержать во имя старины, во имя старыхъ, исчезнувшихъ отношеній, необходимо было столкновеніе. Это столкновеніе видимъ въ княженіе Іоанна III и сына его, столкновеніе, выражающееся въ судьбѣ Патрикѣевыхъ, Ряполовскихъ, Холмскаго, Берсеня и другихъ; необходимы были стремленія со стороны великихъ князей освободиться отъ людей, живущихъ стариною и во имя этой старины мѣшающихъ новому; необходимы были стремленія выдвигать людей новыхъ, которые бы не оглядывались назадъ, смотрѣли бы только впередъ и поэтому были бы покорными слугами новаго, отъ котораго получили свое значеніе, свое общественное бытіе. Но вотъ великому князю Василію Іоанновичу наследуетъ малолѣтный сынъ его Іоаннъ, который остается все еще малолѣтнымъ и по смерти матери своей, правившей государствомъ; въ челѣ управленія становятся люди, не сочувствовавшіе стремленіемъ государей Московскихъ; какъ же поступать теперь эти люди, у которыхъ развязались руки, которые получили полную воз-

возможность дѣйствовать въ свою пользу, по своимъ понятіямъ? Оправдаютъ ли они свое противоборство новому порядку вещей дѣлами благими, дѣлами пользы государственной? Уразумѣютъ ли, что бессмысленно вызывать навсегда исчезнувшую удѣльную старину, навсегда исчезнушія отношенія, что этимъ вызовомъ можно вызвать только тѣни, лишенные дѣйствительнаго существованія? Сѣумѣютъ ли признать необходимость новаго порядка? но, не отказываясь при этомъ отъ старины, сѣумѣютъ ли заключить сдѣлку между старымъ и новымъ во благо, въ укрѣпленіе государству? сѣумѣютъ ли показать, что отъ старины остались крѣпкія начала, которыя, при искусномъ соединеніи съ новымъ, могутъ упрочить благосостояніе государства? Мы видѣли, какъ Шуйскіе съ товарищами воспользовались благопріятнымъ для себя временемъ. Въ стремленіи къ личнымъ цѣлямъ, они разрознили свои интересы съ интересомъ государственнымъ, не сѣумѣли даже возвыситься до сознанія сословнаго интереса. Своимъ поведеніемъ они окончательно упрочили силу того начала, которому думали противодѣйствовать во имя старыхъ правъ своихъ; и безъ того уже связь, соединявшая ихъ съ землею, была очень слаба: мы видимъ, что дѣйствуютъ на первомъ планѣ, борются, торжествуютъ, гибнутъ князья, потомки Рюрика, князья Суздальскіе, Ростовскіе, Ярославскіе, Смоленскіе; но гдѣ сочувствіе къ нимъ въ этихъ областяхъ? Не говорится, что за Шуйскихъ стояли Суздальцы и Нижегородцы всѣ городомъ, какъ за потомковъ своихъ прежнихъ князей; а сказано, что за Шуйскихъ стояли Новгородцы Великаго Новгорода всѣ городомъ: вотъ одно только чувствительное мѣсто, которое отзывается на новыя движенія во имя старыхъ отношеній! Понятно, что еще меньше могли найти сочувствія князья Бѣльскіе и Глинскіе, Литовскіе выходцы. Сочувствіе могло быть возбуждено къ этимъ людямъ, еслибъ они тѣсно соединили свой интересъ съ интересами земли; но вмѣсто того народъ увидалъ въ нихъ людей, которые остались совершенно преданы старинѣ и въ томъ отношеніи, что считали прирожденнымъ правомъ своимъ кор-

миться на счетъ ввѣреннаго имъ народонаселенія, и кормиться какъ можно сытнѣе. Повятно, что земля всѣми своими сочувствіями обратилась къ началу, которое одно могло защитить ее отъ этихъ людей, положить границу ихъ своекорыстнымъ стремленіямъ — и вотъ молодой царь пользуется ошибками людей, въ которыхъ видитъ враговъ своихъ, и съ лобнаго мѣста, во услышаніе всей земли говорить, что власть князей и бояръ, лихоимцевъ, сребролюбцевъ, судей неправедныхъ кончилась, что онъ самъ будетъ теперь судья и оборона — и разборъ просьбъ поручаетъ человѣку, котораго взялъ изъ среды бѣдныхъ и незначительныхъ людей: на мѣстѣ Шуйскихъ, Бѣльскихъ, Глинскихъ, видимъ Адашева; Исавъ продалъ право первородства младшему брату за лакомое блюдо.

Важно было во время боярскаго правленія то обстоятельство, что трудная война съ Литвою уже прекратилась. Престарѣлый Сигизмундъ самъ не думалъ уже начинать новой войны и хлопоталъ только о томъ, чтобъ быть наготовѣ въ случаѣ, если, по истеченіи перемирія, сама Москва вздумаетъ напасть на Литву. Въ Сентябрь 1538 года Сигизмундъ послалъ сказать Литовской радѣ, что до истеченія перемирія съ Москвою остается только три года, и потому надобно думать, какъ быть въ случаѣ новой войны? « Чтѣ касается до начатія войны съ нашимъ непріателемъ Московскимъ, то это дѣло важное, которое требуетъ достаточнаго размышленія. Не думаю, чтобъ жители великаго княжества Литовскаго могли одни оборонить свою землю безъ помощи наёмнаго войска. Вамъ, радѣ нашей, извѣстно, что первую войну начали мы скоро, безъ приготовленій, и хотя земскіе поборы давались, но такъ какъ заранѣе казна не была снабжена деньгами, то къ чему наконецъ привела эта война? когда денегъ не стало, мы принуждены были мириться; какую же пользу мы отъ этого получили? Если теперь мы не позаботимся, то по истеченіи перемирія непріатель нашъ Московскій, видя наше нерадѣніе, къ войнѣ неготовость, замки пограничныя въ опущеніи, можетъ послать свое войско въ наше государство и причинить ему вредъ.

Такъ, имѣя въ виду войну съ Москвою, объявляемъ вашей милости волю нашу, чтобъ въ остающіеся три года перемирныхъ на каждый годъ былъ установленъ поборъ: на первый годъ серебризна по 15 грошей съ сохи, на второй по 12, на третій по 10; чтобъ эти деньги были собираемы и складываемы въ казну нашу и не могли быть употреблены ни на какое другое дѣло, кромѣ жалованья наемнымъ войскамъ» ²⁷.

Но когда перемиріе вышло, въ Мартѣ 1542 года пріѣхали въ Москву Литовскіе послы, Янъ Глѣбовичъ, воевода Полоцкій и Никодимъ Техановскій. Приставамъ, которые должны были провожать пословъ, данъ былъ наказъ: «Пословъ встрѣтить на рубежѣ, и ночевать съ ними, не доѣзжая до Смоленска версть 10, а въ Смоленскѣ съ послами ни подъ какимъ видомъ не ночевать, и ѣхать съ послами мимо Смоленска бережно, чтобъ съ Смольнянами они не говорили ничего». Смоленскъ попрежнему сдѣлалъ безплодными всѣ толки о вѣчномъ мирѣ; попрежнему ничѣмъ кончились толки и объ освобожденіи плѣнныхъ, котораго добивались Московскіе бояре; послы требовали за плѣнныхъ Чернигова и шести другихъ городовъ, они говорили боярамъ: «Людей государю нашему на голо никакъ не отдать; знаете и сами: государь нашъ король тѣхъ людей у государя вашего взялъ саблею, а государя нашего вотчину измѣнники предали; вы хотите и того и другаго — и Смоленскъ вамъ, и людей вамъ же». Бояре отвѣчали, что великій князь Василій взялъ Смоленскъ съ Божіею волею. Могли согласиться только на продолженіе перемирія еще на семь лѣтъ, причѣмъ возникъ споръ о границахъ; по этому дѣлу отправленъ былъ въ Литву Сукинъ, которому между прочимъ данъ былъ такой наказъ: «Если станутъ говорить про великаго князя, не думаетъ ли государь жениться? то отвѣчать: «Съ Божіею волею онъ уже помышляетъ принять брачный законъ; мы слышали, что государь не въ одно мѣсто послагъ искать себѣ невѣсты. И откуда къ государю нашему будетъ присылка, и будетъ его воля, то онъ хочетъ это свое дѣло дѣлать». Что станутъ въ отвѣтъ на это говорить, то запи-

сывать, и прїѣхавъ, сказать государю великому князю». Но въ Литвѣ не спросили о женитьбѣ малолѣтнаго Юанна ²⁸.

Готовясь на всякій случай къ войнѣ съ Москвою, Сигизмундъ не переставалъ сноситься съ Крымомъ, гдѣ за него, противъ Москвы, дѣйствовалъ Семень Бѣльскій. Осенью 1540 года Бѣльскій писалъ королю, что онъ успѣлъ отвратить походъ Крымцевъ на Литву и взялъ съ хана клятву, что весною пойдетъ на Москву. Король благодарилъ за это своего вѣрнаго и добраго слугу, и послалъ ему сто копь грошей, да королева отъ себя нѣкоторую сумму денегъ. Въ Юль 1541 года Бѣльскій писалъ Сигизмунду: «Весною рано ханъ не могъ идти на Москву, потому что захворалъ; когда, выздоровѣвши, хотѣлъ выѣхать, пришли всѣ князья и уланы и начали говорить, чтобъ царь не ѣздилъ на Москву, потому что тамъ собрано большое войско. Услыхавши это, я взялъ съ собою троихъ вельможъ, которые вашей милости служатъ, и просилъ царя, чтобъ ѣхалъ на непріятеля вашей милости. Я, слуга вашей милости, призывая Бога на помощь, царя и войско взялъ на свою шею, не жалѣя горла своего, чтобъ только оказать услугу вашей королевской милости. А передъ выѣздомъ нашимъ прїѣхали къ намъ послы отъ великаго князя Московскаго, отъ братьевъ моихъ и отъ митрополита и отъ всей рады и листы присяжные привезли съ немалыми подарками, прося насъ, чтобъ мы не поднимали царя на Москву, а князь великій и вся земля отдаются во всемъ въ нашу волю и опеку, пока великій князь не придетъ въ совершенныя лѣта. Но мы, помня слово свое, которое дали вашей милости, не вошли ни въ какія сношенія съ великимъ княземъ Московскимъ». Понятно, какое впечатлѣніе должно было произвести это хвастовство на умнаго Сигизмунда. Бѣльскій узналъ, что при дворѣ королевскомъ смѣются надъ опекуномъ великаго князя Московскаго, и писалъ опять къ Сигизмунду, вычисляя свои услуги, писалъ, что три раза поднималъ Ногаевъ на Москву, поднималъ Крымскаго хана и повоевалъ Московское государство, выплѣнилъ, выпалилъ, вывелъ людей, вынесъ добро, вредъ большой

надѣлалъ, города побралъ, выпалилъ, выграбилъ, нушки по-бралъ, на двухъ мѣстахъ войско Московское поразилъ, великаго князя Московскаго и его бояръ изъ Москвы выгналъ ²⁹.

Мы видѣли, что единовластіе Саипъ-Гирея и угрозы его поставили Московское правительство въ затруднительное положеніе. Чтобъ не вести войны съ двухъ сторонъ, оно соглашалось терпѣть Сафа-Гирея въ Казани, лишь бы онъ сохранялъ прежнія подручническія отношенія къ Москвѣ. Но въ Крыму именно добивались уничтоженія этихъ отношеній, и, получивши отъ Іоанна грамоту съ изложеніемъ правъ Московскихъ государей на Казань, Саипъ задержалъ великокняжескаго гонца, отправленнаго къ Молдавскому господарю, и писалъ къ Юанну: «Государскаго обычая не держалъ твой отецъ; ни одинъ государь того не дѣлывалъ, что онъ: нашихъ людей у себя побилъ. Послѣ, два года тому назадъ, посылаю я въ Казань своихъ людей: твои люди на дорогѣ ихъ перехватили да къ тебѣ привели, и твоя мать велѣла ихъ побить. У меня больше ста тысячъ рати: если возьму въ твоей землѣ по одной головѣ, то сколько твоей землѣ убытка будетъ и сколько моей казнѣ прибытка? Вотъ я иду; ты будь готовъ; я украдкою найду. Твою землю возьму; а ты захочешь мнѣ зло сдѣлать — въ моей землѣ не будешь»: Бояре опредѣлили послать въ Крымъ окольного Злобина съ хорошими поминками, чтобъ склонить хана къ принятію прежнихъ условій относительно Казани, т. е. что великій князь не будетъ трогать Казани, но чтобъ Сафа-Гирей оставался Московскимъ подручникомъ. Узнавши объ этомъ, ханъ прислалъ въ Москву большаго посла, Дивія-Мурзу, и писалъ въ грамотѣ: «Что ты отправилъ къ намъ большаго своего посла Степана Злобина съ добрыми поминками, то помоги тебѣ Богъ, мы этого отъ тебя и ждали». Ханъ требовалъ, чтобъ великій князь напередъ далъ клятву въ соблюденіи союза передъ Дивіемъ-Мурзою, а потомъ прислалъ бы своего большаго посла взять шертъ съ него, хана; миръ Москвы съ Казанью поставленъ былъ необходимымъ условіемъ союзаго договора. Въ другой грамотѣ ханъ писалъ, кому надобно присы-

латъ поминки: «Карачей своихъ я написалъ съ братьею и дѣтьми, а кромѣ этихъ нашихъ улановъ и князей написалъ еще по человѣку отъ каждаго рода, сто двадцать четыре чело-
вѣка, которые при насъ, да Калгиныхъ пятьдесятъ человѣкъ: пятьдесятъ человѣкъ нѣмного. Вели давать имъ поминки, и земля твоя въ покоѣ будетъ, и самому тебѣ не кручинно бу-
детъ».

Злобинъ взялъ у хана шертную грамоту; но когда ее при-
вели въ Москву, то бояре увидали, что она написана не
такъ: именно въ ней было обозначено, какіе поминки великій
князь постоянно долженъ былъ присылать въ Крымъ, на что
Московское правительство, какъ мы видѣли, никогда не хотѣло
согласиться, ибо это было бы все равно, что обязаться данью.
Для окончательнаго рѣшенія дѣла въ Москву былъ присланъ
большой посолъ, Сулешъ—Мурза, сынъ Магмедина, племянникъ
Аппака, родовой доброжелатель Московскій. Сулешъ согласи-
лся, чтобъ грамота была переписана въ томъ видѣ, въ какомъ
хотѣли ея бояре, и отправлена къ хану съ требованіемъ но-
вой шерти. Ханъ въ отвѣтъ прислалъ грамоту съ *непригожи-*
ми словами, писалъ, что великій князь молодъ, въ несовер-
шенномъ разумѣ; вслѣдствіе этого, когда Сулешъ сталъ про-
ситься домой, то бояре велѣли отвѣчать ему: «Положи на сво-
ежъ разумъ, съ чѣмъ тебя государю отпустить: царь такіа
непригожія рѣчи къ государю писалъ въ своей грамотѣ; и го-
сударю что къ царю приказать? бить ли челомъ или бранить-
ся? Государь нашъ хочетъ быть съ нимъ въ дружбѣ и въ
братствѣ, но поневолѣ за такіа слова будетъ воевать». Ханъ
не довольствовался одними непригожими рѣчами: Крымцы опу-
стошили Каширскія и Ростовскія мѣста ³⁰. Когда въ Москвѣ
узнали объ этомъ, то у Сулеша взяли лошадей и приставили
къ нему стражу, а гонца ханскаго Егуна съ товарищами роз-
дали по гостямъ; но когда явки, взятыя у Татаръ, объяви-
ли, что ханъ нарочно послалъ рать, чтобъ великій князь по-
ложилъ опаку на Сулеша, на котораго Саипъ сердился за со-
гласіе переписать шертную грамоту съ выпускомъ статьи о

поминкахъ, то великій князь приговорилъ съ боярами пожаловать Сулеша, тѣмъ болѣе, что онъ былъ сынъ и племянникъ всегдашнихъ Московскихъ доброжелателей.

Между-тѣмъ Казанцы, надвѣясь на защиту Крыма, начали опустошать пограничныя области Московскія. Въ 1539 году они подходили къ Мурому и Костромѣ; въ упорномъ бою, происходившемъ ниже Костромы, убили четверыхъ Московскихъ воеводъ, но сами принуждены были бѣжать и потерпѣли поражение отъ царя Шигъ-Алея и князя Федора Михайловича Мстиславскаго. Въ Декабрѣ 1540 Сафа-Гирей съ Казанцами, Крымцами и Ногаями подступилъ къ Мурому, но, узнавъ о движеніи Владимірскихъ воеводъ и царя Шигъ-Алея изъ Касимова, ушелъ назадъ. Сафа-Гирей былъ обязанъ Казанскимъ престоломъ князю Булату; но существовала сторона, противная Крымской, какъ мы видѣли. Сначала эта сторона была слаба и не могла надѣяться на дѣятельныя движенія со стороны Москвы; но чрезъ нѣсколько лѣтъ обстоятельства перемѣнились: Сафа-Гирей окружилъ себя Крымцами, имъ однимъ довѣрялъ, ихъ обогащалъ. Это оттолкнуло отъ него и тѣхъ вельможъ, которые прежде были на сторонѣ Крымской; Булатъ теперь сталъ въ члѣхъ недовольныхъ, и, отъ имени всей Казанской земли, прислалъ въ Москву съ просьбою, чтобъ великій князь простилъ ихъ и прислалъ подъ Казань воеводъ своихъ: «А мы великому князю послужимъ, царя уьемъ или схватимъ, да выдадимъ воеводамъ; отъ царя теперь Казанскимъ людямъ очень тяжело: у многихъ князей ясаки отнималъ, да Крымцамъ отдалъ; земскихъ людей грабитъ; копитъ казну да въ Крымъ посылаетъ» (1541 г.).

Великій князь отвѣчалъ Булату и всей землѣ, что прощаетъ ихъ и посылаетъ къ нимъ воеводъ. Дѣйствительно, бывшій передъ тѣмъ правитель, бояринъ князь Иванъ Васильевичъ Шуйскій, съ другими воеводами и многими людьми, дворцовыми и городовыми изъ 17 городовъ, отправился во Владиміръ съ порученіемъ наблюдать за ходомъ дѣлъ Казанскихъ, пересылать съ недовольными. Зная, что война съ Казанью, съ Сафа-

Гиреемъ есть вмѣстѣ и война съ Крымомъ, правительство, т.-е. князь Иванъ Бѣльскій и митрополитъ Іоасафъ, отправили войска и въ Коломну для наблюденія за южными границами. Ихъ предусмотрительность оправдалась: прибѣжали въ Москву изъ Крыма двое плѣнныхъ и сказали, что Сафа-Гирей свѣдалъ о движеніи Русскаго войска и далъ знать объ этомъ Саипъ-Гирею. Послѣдній началъ наряжаться на Русь, повелъ съ собою всю орду, оставилъ въ Крыму только стараго да малаго. Съ нимъ вмѣстѣ шелъ князь Семень Бѣльскій, Турецкаго султана люди съ пушками и пищалями, Ногаи, Кафинцы, Астраханцы, Азовцы, Бѣлогородцы (Акерманцы). Пошелъ ханъ на Русь съ великою похвалюбою. По этимъ вѣстямъ отправленъ былъ приказъ Путивльскому намѣстнику, чтобъ выслалъ станицу на поле, поперекъ дороги. Станичникъ ѣздилъ и объявилъ, что наѣхалъ на полъ сакмы (слѣды) великія, шли многіе люди къ Руси, тысячъ со сто и больше. Тогда двинулся изъ Москвы бояринъ князь Дмитрій Ѳедоровичъ Бѣльскій; ему и воеводамъ, стоявшимъ на Коломнѣ, велѣно стать на берегу Оки, тамъ, гдѣ и прежде становились воеводы противъ хановъ. Князь Юрій Михайловичъ Булгаковъ-Голицынъ съ однимъ изъ Татарскихъ царевичей долженъ былъ стать на Похрѣ. Но боялись въ то же время нападенія царя Казанскаго, и потому царю Шигъ-Алею изъ Касимова и Костромскимъ воеводамъ велѣно было стягиваться ко Владиміру на помощь князю Шуйскому. Въ Іюлѣ пріѣхалъ съ поля станичникъ и сказалъ великому князю, что видѣлъ на этой сторонѣ Дона много людей: шли весь день полки и конца имъ не дождался. 28 Іюля Саипъ-Гирей подошелъ къ городу Осетру; воевода Глѣбовъ бился съ непріателемъ въ посадахъ, много Татаръ побилъ и девять человекъ живыхъ прислалъ въ Москву. Тогда князь Булгаковъ съ Похры былъ передвинуть на Оку же, а на его мѣсто отправились другіе воеводы. Между-тѣмъ въ Москвѣ великій князь съ братомъ ходилъ въ Успенскій соборъ, молился у образа Владимірской Богородицы, у гроба Петра Чудотворца, и потомъ спрашивалъ у митрополита Іоасафа и у бояръ,

оставаться ли ему въ Москвѣ, или ѣхать въ другіе города? Одни бояре говорили, что прежде, когда цари подъ городомъ Москвою ставвали, тогда государи наши были не малыя дѣти, истому великую могли поднять и о себѣ промыслить и землѣ пособлять; а когда Едигей приходилъ и подъ Москвою стоялъ, то князь великій Василій Дмитріевичъ въ городѣ оставилъ князя Владиміра Андреевича да двоихъ родныхъ братьевъ своихъ, а самъ увхалъ въ Кострому; Едигей послалъ за нимъ въ погоню, и едва великаго князя Богъ помиловалъ, что въ руки Татарамъ не попалъ. А нынче государь малъ, братъ его еще меньше, скорой ѣзды и истомы никакой не могутъ поднять, а съ малыми дѣтьми какъ скоро ѣздить? Митрополитъ говорилъ: въ которые города государи отступали въ прежніе приходы татарскіе, тѣ города теперъ не мирны съ Казанью; въ Новгородъ и Псковъ государи не отступали никогда по близости рубежей Литовскаго и Нѣмецкаго; а чудотворцевъ и Москву на кого оставить? великіе князья съ Москвы съѣзжали, а въ городѣ, для обороны, братьевъ своихъ оставляли; князь великій Дмитрій съ Москвы съѣхалъ, брата своего и крѣпкихъ воеводъ не оставилъ, и надъ Москвою чтó сталося? Господи защити и помилуй отъ такой бѣды! А съѣзжали великіе князья съ Москвы для того, чтобъ, собравшись съ людьми, Москвѣ пособлять и инымъ городамъ. А теперъ у великаго князя много людей, есть кому его дѣло беречь и Москвѣ пособлять. Поручить лучше великаго князя Богу, Пречистой Его Матери и чудотворцамъ Петру и Алексѣю: они о Русской землѣ и о нашихъ государяхъ попеченіе имѣютъ. Князь великій Василій этимъ чудотворцамъ сына своего и на руки отдалъ». Всѣ бояре сошли на одну рѣчь, что быть великому князю въ городѣ. Тогда призывали прикащиковъ городскихъ, велѣли запасы городскіе запасать, пушки и пицали по мѣстамъ ставить, по воротамъ, по стрѣльницамъ и по стѣнамъ людей росписать, и у посада по улицамъ надолбы дѣлать. Городскіе люди начали усердно работать и обѣщали другъ другу за великаго князя и за свои дома крѣпко стоять и головы свои класть. Пришли

вѣсти, что ханъ уже на берегу Оки и хочетъ переправиться. Великій князь писалъ къ воеводамъ, чтобы между ними розни не было, и когда царь переправится за рѣку, чтобъ за святую церкви и за православное христіанство крѣпко пострадали, съ царемъ дѣло дѣлали, а онъ, великій князь, радъ жаловать не только ихъ, но и дѣтей ихъ; котораго же Богъ возметъ, того велить въ помянникъ записать, а женъ и дѣтей жаловать. Воеводы, прочтя грамоту, стали говорить слезами: «Укрѣпимся, братья, любовію, помянемъ жалованіе великаго князя Василя; государю нашему великому Ивану еще не пришло время самому вооружиться, еще малъ. Послужимъ государю малому, и отъ большаго честь примемъ, а послѣ насъ и дѣти наши; постраждемъ за государя и за вѣру христіанскую; если Богъ желаніе наше исполнить, мы не только здѣсь, но и въ дальнихъ странахъ славу получимъ. Смертные мы люди: кому случится за вѣру и за государя до смерти пострадать, то у Бога незабвенно будетъ, дѣтямъ нашимъ отъ государя воздаяніе будетъ». У которыхъ воеводъ между собою были распри, и тѣ начали со смиреніемъ и со слезами другъ у друга прощенія просить. Когда князь Димитрій Бѣльскій и другіе воеводы стали говорить приказъ великокняжескій своему войску, то ратные люди отвѣтили: «Рады государю служить и за христіанство головы положить, хотимъ съ Татарами смертную чашу пить».

30 Іюля утромъ пришелъ Саипъ-Гирей къ Окѣ на берегъ и сталъ на горѣ; Татары готовились переправляться; передовой Русскій полкъ, подъ начальствомъ князя Ивана Турунтая-Пронскаго, началъ съ ними перестрѣлку. Ханъ велѣлъ палить изъ пушекъ и стрѣлять изъ пищалей, чтобъ отбить Русскихъ отъ берега и дать своимъ возможность переправиться; передовой полкъ Пронскаго дрогнулъ было, но къ нему на помощь подошли князья Микулинскій и Серебряный-Оболенскій, а за ними начали показываться князь Курбскій; Иванъ Михайловичъ Шуйскій и наконецъ князь Димитрій Бѣльскій. Ханъ увидя, призвалъ князя Семена Бѣльскаго, своихъ князей и вѣ

чалъ имъ говорить съ сердцемъ: «Вы мнѣ говорили, что великаго князя люди въ Казань пошли, что мнѣ и встрѣчи не будетъ; а я столько нарядныхъ людей въ одномъ мѣствѣ никогда и не видывалъ». Саипъ удалился въ свой ставъ и былъ въ большомъ раздумьѣ; но когда услышалъ, что къ Русскимъ пришли пушки, то ужъ не сталъ болѣе раздумывать, отступилъ отъ берега и пошелъ по той же дорогѣ, по какой пришелъ; двое воеводъ, князья Микулинскій и Серебряный, отправились въ слѣдъ за нимъ, били отсталыхъ Татаръ, брали въ плѣнъ. Плѣнные рассказывали, будто царь жаловался своимъ князьямъ на безчестіе, какое онъ получилъ, привелъ съ собою много людей, а Русской землѣ ничего ни сдѣлалъ. Князья напомнили ему о Тамерланѣ, что приходилъ на Русь съ большими силами и взялъ только одинъ Елецъ; царь сказалъ на это: «Есть у великаго князя городъ на полѣ, именемъ Пронскъ, близко нашего пути; возьмемъ его и сдѣлаемъ съ нимъ то же, что Тамерланъ сдѣлалъ съ Ельцомъ; пусть не говорятъ, что царь приходилъ на Русь и ничего ей не сдѣлалъ». 3 Августа пришли Татары подъ Пронскъ, гдѣ воеводами были Василій Жулебинъ, изъ рода Свибловыхъ, да Александръ Кобяковъ, изъ Рязанскихъ бояръ. Цѣлый день бились Татары съ осажденными; князья и мурзы, подѣзжая къ городу, говорили Жулебину: «Сдай городъ: царь покажетъ милость; а не взявши города, царю прочь нейти». Жулебинъ отвѣчалъ: «Божіимъ велѣніемъ городъ ставится, а безъ Божія велѣнія кто можетъ его взять? Пусть царь немного подождетъ великаго князя воеводъ, они за нимъ идутъ». Царь велѣлъ всѣмъ своимъ людямъ туры дѣлать и градобитные приступы припасать, хотѣлъ со всѣхъ сторонъ приступать къ городу; а воеводы Пронскіе всѣми людьми и женскимъ поломъ начали городъ крѣпить, велѣли носить на стѣны колья, камни, воду. Въ это время пріѣхали въ Пронскъ семь человекъ дѣтей боярскихъ отъ воеводъ Микулинскаго и Серебрянаго, съ вѣстью «чтобъ сидѣли въ городѣ крѣпко, а мы идемъ къ городу наспѣхъ со многими людьми и хотимъ съ царемъ дѣло дѣлать, сколько намъ Богъ по-

можеть». Жители Пронска сильно обрадовались; а ханъ, узнавъ отъ плѣнника объ этой радости, велѣлъ сжечь туры и пошелъ прочь отъ города. Воеводы, не заставши его у Пронска, пошли за нимъ дальше къ Дону; но, приблизившись къ берегамъ этой рѣки, увидали, что Татары уже перевезлись. Тогда, отпустивъ за царемъ небольшой отрядъ, воеводы возвратились въ Москву, и была здѣсь радость большая; государь бояръ и воеводъ пожаловалъ великимъ жалованьемъ, шубами и губками.

Весною слѣдующаго же 1542 года старшій сынъ Саиповъ, Иминъ-Гирей, напалъ на Сѣверскую область, но былъ разбитъ воеводами; въ Августъ того же года Крымцы явились въ Рязанской области; но, увидавъ предъ собою Русскіе полки подъ начальствомъ князя Петра Пронскаго, дрогнули, пошли назадъ; воеводы изъ разныхъ украинскихъ городовъ провожали ихъ до Мечи, причемъ на Куликовомъ полѣ Русскіе сторожа побии Татарскихъ. Счастливецъ былъ Иминъ-Гирей въ нападеніи своемъ на Бѣлевскія и Одоевскія мѣста въ Декабрѣ 1544 года: тутъ его Татары ушли съ большимъ полономъ, потому что трое воеводъ, князя Щенятевъ, Шкурлятевъ и Воротынский, разсорились за мѣста и не пошли противъ Крымцевъ. Ханъ писалъ великому князю: «Король даетъ мнѣ по 15,000 золотыхъ ежегодно, а ты даешь меньше того; если по нашей мысли дашь, то мы помиримся, а не захочешь дать, захочешь заратиться — и то въ твоихъ же рукахъ; до сихъ поръ былъ ты молодъ, а теперь уже въ разумъ вошелъ, можешь разсудить, что тебѣ прибыльче и что убыточнѣе?» Иоаннъ разсудилъ, что нѣтъ никакой прибыли продолжать сношенія съ разбойниками, и приговорилъ — своего посла въ Крымъ не посылать, а на Крымскихъ пословъ опалу положить, потому что Крымскій царь посланнаго къ нему подъячаго Ляпуна опозорилъ: носъ и уши ему зашивали и, обнажа, по базару водили, на гонцахъ тридцать поминковъ берутъ и теперь Московскихъ людей 55 человекъ себѣ похолопили¹³.

Нечего было надѣяться на какой-нибудь успѣхъ въ пере-

говорахъ съ Кримою и потому, что съ Казанью надобно было покончить во что бы то ни стало. Послѣ неудачнаго похода Саишъ-Гиреева въ Казани хотѣли мира. Здѣсь Булатъ помирился съ Сафа-Гиреемъ, и писалъ къ боярамъ, чтобъ просили великаго князя о мирѣ; царевна Горшадна писала о томъ же самому Юанну. Но эта присылка не имѣла дальнѣйшихъ слѣдствій, и мы не встрѣчаемъ никакихъ извѣстій о Казанскихъ дѣлахъ до весны 1545 года; внутреннее состояніе Московскаго государства, сверженіе Бѣльскаго, правленіе Шуйскихъ, колебанія новаго правительства послѣ казни Андрея Шуйскаго могутъ объяснить намъ это молчаніе. Первымъ важнымъ дѣломъ Юаннова правленія съ того времени, какъ бояре начали страхъ имѣть передъ молодымъ великимъ княземъ, былъ походъ на Казань, объявленный въ Апрѣлѣ 1545 года, неизвѣстно, по какому поводу. Князь Семень Пунковъ, Иванъ Шереметевъ и князь Давыдъ Палецкій отправились къ Казани легкимъ дѣломъ на стругахъ; съ Вятки пошелъ князь Василій Серебряный; изъ Перми воевода Львовъ. Идучи Вяткою и Камою, Серебряный побилъ много непріятелей и сошелся съ Пунковымъ у Казани въ одинъ день и часъ, какъ будто пошли изъ одного двора. Сошедшись, воеводы побили много Казанцевъ и пожгли ханскіе кабаки; посылали дѣтей боярскихъ на Свіагу, и тамъ побили много людей. Послѣ этихъ незначительныхъ подвиговъ они возвратились назадъ и были щедро награждены: кто изъ воеводъ и дѣтей боярскихъ ни билъ о чемъ челомъ, всѣ получили по челобитью — такъ обрадовался молодой великій князь, что дѣло началось удачно, два ополченія возвратились благополучно. Не такова была судьба третьяго: Львовъ съ Пермичами пришелъ поздно, не засталъ подъ Казанью Русскаго войска, былъ окруженъ Казанцами, разбитъ и убитъ. Но походъ, совершенный съ такимъ сомнительнымъ успѣхомъ, имѣлъ однако благоприятныя послѣдствія, усилилъ внутреннее безнарядье въ Казани, борьбу сторонъ: ханъ началъ подозрѣвать князей: «вы» говорилъ онъ: «приводили воеводъ Московскихъ», и сталъ убивать князей. Тогда многіе изъ нихъ побѣжали въ

Москву къ великому князю, а другіе разѣхались по инымъ землямъ, и 29 Іюля двое вельможъ, Кадышъ князь да Чура Нарыковъ, прислали въ Москву съ просьбою, чтобъ великій князь послалъ рать свою къ Казани, а они Сафа-Гирея и его Крымцевъ 30 человекъ выдадутъ. Іоаннъ отвѣчалъ имъ, чтобъ они царя схватили и держали, а онъ къ нимъ рать свою пошлетъ. Въ Декабрѣ великій князь самъ отправился во Владиміръ, вѣроятно для того, чтобъ получать скорѣе вѣсти изъ Казани; дѣйствительно, 17 Генваря 1546 года дали ему знать, что Сафа-Гирей выгнанъ изъ Казани и много Крымцевъ его побито. Казанцы били челомъ государю, чтобъ ихъ пожаловалъ, гнѣвъ свой отложилъ и далъ имъ въ царя Шигъ-Алея. Въ Іюнѣ бояринъ князь Дмитрій Бѣльскій посадилъ Шигъ-Алея въ Казани. Но изгнаніе Сафа-Гирея и посаженіе Шигъ-Алея было дѣломъ только одной стороны, и едва князь Бѣльскій успѣлъ возвратиться изъ Казани, какъ оттуда пришла вѣсть, что Казанцы привели Сафа-Гирея на Каму, великому князю и царю Шигъ-Алею измѣнили, и Шигъ-Алей убѣжалъ изъ Казани; на Волгѣ взялъ онъ лошадей у Городецкихъ Татаръ и поѣхалъ степью, гдѣ встрѣтился съ Русскими людьми, высланными къ нему великимъ княземъ.

Крымская сторона восторжествовала, и первымъ дѣломъ Сафа-Гирея было убіеніе предводителей стороны противной: убиты были князья — Чура, Кадышъ и другіе; братья Чуры и еще человекъ семьдесятъ Московскихъ или Шигъ-Алеевыхъ доброжелателей успѣли спастись бѣгствомъ въ Москву. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ прислала Горная Черемиса бить челомъ великому князю, чтобъ послалъ рать на Казань, а они хотятъ служить государю, пойдутъ вмѣстѣ съ воеводами. Велѣдствіе этого челобитья отправился князь Александръ Борисовичъ Горбатый, и воевалъ до Свияжскаго устья, привелъ въ Москву сто человекъ Черемисы. Въ концѣ 1547 года новый царь Московскій рѣшился самъ выступить въ походъ противъ Казани: въ Декабрѣ онъ выѣхалъ во Владиміръ, приказавши вести туда за собою пушки; онѣ были отправлены уже въ началѣ

Генваря 1548 года съ большимъ трудомъ, потому что зима была теплая, вмѣсто снѣга шелъ все дождь. Когда въ Февралѣ самъ Іоаннъ выступилъ изъ Нижняго и остановился на островѣ Роботкѣ, то наступила сильная оттепель, ледъ на Волгѣ покрылся водою, много пушекъ и пищалей провалилось въ рѣку, много людей потонуло въ продушинахъ, которыхъ не видно было подъ водою. Три дня стоялъ царь на островѣ Роботкѣ, ожидая пути; но пути не было; тогда, отпустивши къ Казани князя Дмитрія Федоровича Бѣльскаго и приказавши ему соединиться съ Шигъ-Алеемъ въ устьѣ Цивильскомъ, Іоаннъ возвратился въ Москву въ большихъ слезахъ, что не сподобилъ его Богъ совершить похода. Эти слезы замѣчательны: онѣ не были слѣдствіемъ только семнадцатилѣтняго возраста; онѣ были слѣдствіемъ природы Іоанна, раздражительной, страстной, впечатлительной. Бѣльскій соединился съ Шигъ-Алеемъ и вмѣстѣ подошли къ Казани; на Арскомъ полѣ встрѣтилъ ихъ Сафа-Гирей, но былъ втоптанъ въ городъ передовымъ полкомъ, находившимся подъ начальствомъ князя Семена Микулинскаго. Семь дней послѣ того стояли воеводы подлѣ Казани, опустошая окрестности, и возвратились, потерявши изъ знатныхъ людей убитымъ Григорія Васильевича Шереметева. Осенью Казанцы напали на Галицкую волость подъ начальствомъ Арака-Богатыря; но Костромской намѣстникъ Яковлевъ поразилъ ихъ на-голову и убилъ Арака. Въ Мартѣ 1549 года пришла вѣсть въ Москву о смерти Сафа-Гирея.

Медленность Московскаго правительства въ войнѣ съ Казанью во время малолѣтства Іоаннова, медленность, происходившая главнымъ образомъ отъ страха передъ ханомъ Крымскимъ, дорого стоила пограничнымъ областямъ, сильно опустошеннымъ Казанцами. Не менѣе, по свидѣтельству современниковъ, были опустошены и внутреннія области государства въ боярское правленіе³². Изъ словъ царя, сказанныхъ на лобномъ мѣстѣ, можемъ заключить вообще о состояніи правосудія въ Московскомъ государствѣ; лѣтописецъ Псковской сообщаетъ намъ подробности воеводскихъ насилій въ его родномъ городѣ. Въ

правление Елены Псковичи были обрадованы выводомъ отъ нихъ дьяка Колтыря Ракова, установившаго многія новыя пошлыны. Но радость ихъ была непродолжительна: въ первое правление Шуйскихъ намѣстниками въ Псковъ были отправлены извѣстный уже намъ князь Андрей Михайловичъ Шуйскій и князь Василій Ивановичъ Репнинъ—Оболенскій: были эти намѣстники, говорить лѣтописецъ, свирѣпы какъ львы, а люди ихъ, какъ звѣри дикіе до христіанъ; и начали клеветы добрыхъ людей клеветать, и разбѣжались добрые люди по инымъ городамъ, а игумены честные изъ монастырей убѣжали въ Новгородъ. Князь Шуйскій былъ злодѣй: дѣла его злы на пригородахъ, на волостяхъ; поднималъ онъ старыя дѣла, правилъ на людяхъ по сту рублей и больше, а во Псковѣ мастеровые люди всѣ дѣлали на него даромъ, большіе же люди давали ему подарки. — Любопытно, что игумены, по словамъ лѣтописца, бѣжали въ Новгородъ: значить тамъ было лучше; вспомнимъ, что Новгородцы всѣмъ городомъ стояли за Шуйскихъ.

Смѣна Шуйскихъ Бѣльскимъ и митрополитомъ Іоасафомъ повлекла за собою перемѣну въ Псковѣ и, вѣроятно, въ другихъ городахъ, терпѣвшихъ при прежнемъ правленіи. Смѣна верховнаго правителя необходимо вела за собою смѣну его родственниковъ и пріятелей въ областяхъ: жалобамъ на нихъ давалась вѣра. Мы видѣли, какъ могущественна была сторона Шуйскихъ, сколько знатныхъ родовъ входило въ нее, какъ живуща была она, даже лишенная главъ своихъ; но мы не можемъ сказать этого о сторонѣ Бѣльскихъ, и потому естественно было князю Ивану и митрополиту Іоасафу стараться пріобрѣсти народное расположеніе перемѣнами къ лучшему, опираться на это расположеніе въ борьбѣ съ могущественными соперниками; притомъ, если мы изъ предъидущихъ поступковъ Бѣльскаго не можемъ вывести выгоднаго заключенія о его благонамѣренности, то не должно забывать, что рядомъ съ нимъ въ члѣхъ управленія стоялъ митрополитъ Іоасафъ, котораго и видимъ печальникомъ за опальныхъ. Какъ бы то ни было, въ правленіе Бѣльскаго и Іоасафа начали давать грамоты всѣмъ городамъ

большимъ, пригородамъ и волостямъ; по этимъ грамотамъ жителей получали право сами обыскивать лихихъ людей, по крестному цѣлованію, и казнить ихъ смертною казнію, неводя къ намѣстникамъ и къ ихъ тиунамъ. Псковичи взяли такую грамоту, и начали Псковскіе цѣловальники и соцкіе судить лихихъ людей на княжомъ дворѣ, въ судницѣ надъ Великою рѣкою, и смертною казнію ихъ казнить. Князь Андрей Шуйскій сведенъ былъ въ Москву, остался одинъ князь Репнинъ—Оболенскій, и была ему, говорить лѣтописецъ, нелюбка большая на Псковичей, что у нихъ какъ зеркало государева грамота. И была христіанамъ радость и льгота большая отъ лихихъ людей, отъ поклепцовъ, отъ намѣстниковъ, отъ ихъ недѣльщиковъ и ѣздоковъ, которые по волостямъ ѣздить, и начали Псковичи за государя Бога молить. Злые люди разбѣжались, стала тишина, но ненадолго: опять намѣстники взяли силу. — Значить, съ паденіемъ Бѣльскаго и митрополита Юсафа приверженцы Шуйскихъ повторили прежнее поведеніе въ областяхъ. Есть извѣстіе, что князь Андрей Шуйскій раззорялъ землевладѣльцевъ, заставляя ихъ силою, за малую цѣну, продавать ему свои отчины; крестьянъ раззорялъ требованіемъ большаго числа подводъ для своихъ людей, ѣздящихъ къ нему изъ его деревень и обратно; каждый его слуга, каждый крестьянинъ, подъ защитою имени своего господина, позволяли себѣ всякаго рода насилія. Насилія намѣстниковъ во Псковѣ питались и усиливались враждою между большими и меньшими людьми. Мы видѣли, какъ сильна была эта вражда и въ Новгородѣ во время его прежняго быта; но во Псковѣ въ описываемое время вражда эта имѣла еще другое основаніе: старые лучшіе люди, Псковичи, были выведены при великомъ князѣ Василии и замѣнены Москвичами; слѣдовательно къ враждѣ сословной присоединялась теперь вражда туземцевъ, меньшихъ гражданъ, къ пришлецамъ незванымъ. Подъ 1544 годомъ лѣтописецъ говоритъ: вражда была большая во Псковѣ большимъ людямъ съ меньшими, поѣздки частыя въ Москву и трата денегъ большая. Въ концѣ 1546 года, въ одну изъ любимыхъ поѣздокъ своихъ по монастырямъ,

Іоаннъ заѣхалъ на короткое время во Псковъ: Печерскому монастырю далъ много деревень, но свою отчину Псковъ не управилъ ни въ чемъ, говоритъ лѣтописецъ, только все гонялъ на ямскихъ, и христіанамъ много убытка причинилъ. Лѣтомъ 1547 года 70 человекъ Псковичей поѣхали въ Москву жаловаться на намѣстника; поступокъ съ ними молодого царя показываетъ привычку Іоанна давать волю своему сердцу: жалобщики нашли Іоанна въ селѣ Островкѣ; неизвестно, чѣмъ они разсердили его, только онъ началъ обливать ихъ горячимъ виномъ, палилъ бороды, зажигалъ волосы свѣчю, и велѣлъ покласть ихъ нагихъ на землю; дѣло могло кончиться для нихъ очень дурно, какъ вдругъ пришла вѣсть, что въ Москвѣ упалъ большой колоколъ; царь поѣхалъ тотчасъ въ Москву, и жалобщики остались цѣлы ³³.

Но если мы, принявъ свидѣтельство Псковскаго лѣтописца, что въ правленіе князя Бѣльскаго Пскову было большое облегченіе отъ насилій намѣстниковъ, распространимъ это извѣстіе и на другія области, если положимъ, что и вездѣ злоупотребленія уменьшились, то мы не должны однако думать, что губныя грамоты, о которыхъ говоритъ Псковской лѣтописецъ и которымъ онъ приписываетъ такую силу, начали даваться только въ правленіе Бѣльскаго: до насъ дошло нѣсколько губныхъ грамотъ отъ времени перваго правленія князей Шуйскихъ: такъ въ Октябрѣ 1539 года даны были губныя грамоты Бѣлозерцамъ и Каргопольцамъ ³⁴: «Князьямъ и дѣтямъ боярскимъ, отчинникамъ и помѣщикамъ, и всѣмъ служилымъ людямъ, и старостамъ, и соцкимъ, и десяцкимъ, и всѣмъ мрестьянамъ, мнимъ великаго князя, митрополичьимъ, владычнимъ, княжимъ, боярскимъ, помѣщиковымъ, монастырскимъ, чернымъ, псарямъ, осочникамъ, перевѣстникамъ, бортникамъ, рыболовамъ, бобровникамъ, оброчникамъ и всѣмъ безъ исключенія. Били вы намъ челомъ, что у васъ въ волостяхъ многія села и деревни разбойники разбиваютъ, имѣніе ваше грабятъ, села и деревни жгутъ, на дорогахъ многихъ людей грабятъ и разбиваютъ, и убиваютъ многихъ людей до смерти. А иныя

многіе люди разбойниковъ у себя держать, а къ инымъ людямъ разбойники съ разбоемъ прїѣзжаютъ и разбойную рухлядь къ нимъ привозятъ. Мы къ вамъ посылали обыщиковъ своихъ; но вы жалуетесь, что отъ нашихъ обыщиковъ и недѣльщиковъ большіе вамъ убытки, и вы съ нашими обыщиками лихихъ людей разбойниковъ не ловите, потѣму что вамъ волокита большая, а сами разбойниковъ обыскивать и ловить, безъ нашего вѣдома, не смѣете. Такъ вы бы, между собою свѣстясь, всѣ вмѣстѣ, поставили себѣ въ головахъ дѣтей боярскихъ, въ волости человѣка три или четыре, которые бы грамотѣ умѣли и которые годятся, да съ ними старость и десяцкихъ и лучшихъ людей крестьянъ человѣкъ пять или шесть, и между собою, въ станахъ и волостяхъ, лихихъ людей разбойниковъ сами обыскивали бы, по нашему крестному цѣлованью, въ правду, безъ хитрости. Гдѣ сыщете разбойниковъ или тѣхъ, кто ихъ у себя держитъ и разбойную рухлядь принимаетъ, то вы такихъ людей пытайте накрѣпко; а, допытавшись и бивши кнутомъ, казните смертію. Я положилъ это на вашихъ душахъ, а вамъ отъ меня опалы въ томъ нѣтъ и отъ нашихъ намѣстниковъ и отъ волостелей продажи вамъ нѣтъ. Если разбойникъ съ пытки объявитъ о своихъ товарищахъ въ другихъ городахъ, то вы объ нихъ пишите грамоты въ тѣ города къ дѣтямъ боярскимъ, которые тамъ поставлены въ головахъ для этихъ дѣлъ, и обсылались бы вы между собою немедленно. Кого поймаете въ разбоѣ, доведете, казните, кто разбойниковъ поймалъ, въ какихъ дѣлахъ они уличены—все это пишите на списокъ подлинно, а которые изъ васъ грамотѣ умѣютъ, тѣ прикладывали бы къ спискамъ руки. По недружбѣ другъ другу не мстите, безъ вины не берите и не казните никого, но обыскивайте накрѣпко. А не станете разбойниковъ обыскивать и брать, или не станете за разбойниками ѣздить, хватать ихъ и казнить, или станете разбойниковъ отпускать и имъ потакать, то я велю на васъ на всѣхъ разыскивать по жалобамъ тѣхъ людей, кого въ вашихъ волостяхъ разбоютъ, безъ суда, вдвое, а самимъ вамъ отъ мѣны быть въ казни и въ продажѣ. А которыхъ разбойниковъ

вѣдомыхъ поймаете и, обыскавъ, казните, тѣхъ имѣніе и по дворя отдавайте людямъ, которыхъ поставите у себя въ головахъ, они же пусть отдають тѣмъ людямъ, которыхъ казенные разбойники разбивали, смотря по ихъ искамъ; сколько у какого разбойника возьмете и раздадите исцамъ, записывайте все на списки; а что послѣ этой раздачи останется, перепишите и положите гдѣ пригоже, и отпишите объ этомъ въ Москву, къ нашимъ боярамъ, которымъ разбойныя дѣла приказаны ».

Въ правленіе Бѣльскаго дана была губная грамота Галичанамъ въ такой формѣ: «Поставьте между собою у десяти дворовъ десяцкаго, у пятидесяти пятидесяцкаго, у ста соцкаго; и въ которые двory какіе люди съ чѣмъ-нибудь пріѣдутъ, покупать ли соль, или проѣзжіе люди, объявляйте этихъ людей десяцкимъ, тѣ пусть объявляютъ ихъ пятидесяцкимъ, а пятидесяцкіе соцкимъ, соцкіе съ пятидесяцкими и десяцкими пусть этихъ людей осматриваютъ и записываютъ. Остановятся на дворахъ люди проѣзжіе незнакомые, и стануть сказываться не по именамъ и непутно, такихъ людей брать и привозить къ городовымъ прикащикамъ, и съ городовыми прикащиками обыскивать въ правду, безъ хитрости, какіе они люди? обещете, что они люди добрые, то перепишите ихъ и отпускайте безъ задержки. Если же окажутся лихіе люди, то пытайте ихъ накрѣпко съ городовыми прикащиками, а у пытки пусть стоитъ дворскій, да цѣловальники, да лучшіе люди; а что будутъ говорить съ пытки, тѣ рѣчи пусть записываетъ дьякъ земскій, а вы прикладываете къ нимъ руки; уличеннаго разбойника, бивъ кнутомъ по всѣмъ торгамъ, казните смертію ». Въ такой же формѣ въ 1541 году даны были губныя грамоты селамъ и деревнямъ Троицкаго Сергіева монастыря, по просьбѣ игумена Алексія: крестьяне должны были поставить себѣ прикащика въ головахъ и выбрать соцкихъ, пятидесяцкихъ, десяцкихъ. Въ 1549 году данъ былъ губной наказъ селамъ Кириллова монастыря: «Я, царь и великій князь, по ихъ челобитію пожаловалъ, велѣлъ у нихъ быть въ разбойныхъ дѣлахъ съ зубныхъ старостахъ, съ выборныхъ головахъ, дѣтямъ боярскимъ

(имена), да съ ними цѣловальникамъ, тѣхъ же сель крестьянамъ (имена)». Здѣсь противъ прежнихъ грамотъ встрѣчаются уже подробности управы: «Поймають тата въ первой татьбѣ, то доправить на немъ исцевы иски, а въ продажѣ онъ намѣстнику, и волостелямъ, и ихъ тїунамъ; какъ скоро намѣстники, волостели и ихъ тїуны продажу свою на татъ возьмутъ, то вы, старосты губные, велите его бить кнудомъ и потомъ выбить изъ земли вонъ. За второе воровство бить кнудомъ, отсѣкать руку и выбивать вонъ изъ земли; за третье воровство вѣшать. Дѣла небольшія выборнымъ головамъ можно рѣшать и не всѣмъ вмѣстѣ; но для большихъ они должны сѣзжаться изъ всѣхъ становъ и волостей въ городъ на Бѣлоозеро, и чего не смогутъ управить, пусть пишутъ къ боярамъ, которымъ приказаны разбойныя дѣла. Въ суды намѣстничьи губные старосты не должны вступаться, а намѣстники въ суды губныхъ старость. Посуловъ и поминковъ старостамъ губнымъ и цѣловальникамъ въ разбойныхъ и воровскихъ дѣлахъ не брать ни подъ какимъ видомъ, и другъ за другомъ смотрѣть, чтобъ не брали»³⁵.

Еще въ правленіе Елены мы встрѣтили упоминовеніе о дѣтяхъ боярскихъ, которые живутъ въ думѣ. Во время боярскаго правленія встрѣчаемъ такое же извѣстіе съ любопытнымъ дополненіемъ; при описаніи приѣма Литовскихъ пословъ, Глѣбовича и Техановскаго, говорится: «Стояли у великаго князя для береженья на правой сторонѣ бояринъ князь М. И. Кубенскій, а на лѣвой окольничій И. С. Воронцовъ. А сидѣли у великаго князя на правой сторонѣ бояринъ князь Дмитрій Федоровичъ Бѣльскій и иные бояре, а на лѣвой сторонѣ бояринъ князь Иванъ Васильевичъ Шуйскій и иные бояре. Да въ избѣ же были князья и дѣти боярскіе, которые въ думѣ живутъ и которые въ думѣ не живутъ. А вотъ князья и дѣти боярскіе, которые въ думѣ не живутъ, а при послахъ въ избѣ были: князь Одоевскій, Трубецкой, Воротынскій, Оболенскіе, Ростовскіе, Ярославскіе, Суздальскіе, Стародубскіе, Москва (Ласкиревъ, Морозовъ, Шеины), *Перелславль* (кн. Куракинъ,

*

Бутурлинъ и др.), *Юрьевъ*, *Волокъ* (кн. Хованскіе), *Можайскъ* (кн. Ногтевъ), *Влама* (Годуновъ), *дворъ Теерской*, (кн. Минулинокіе и др.), *Калуга*, *Дмитровъ* (кн. Охлябининъ), *Старица* (Умный Колычевъ), *Лосице* (Нагой, Дятловъ)»³⁶.

Безнарядье, послѣдовавшее за смертію великой княгини Елены, заставило бѣжать изъ Москвы известнаго архитектора, Итальянца Петра (Петра Фрязина), который выѣхалъ изъ Рима при великомъ князѣ Василии, принялъ православіе, женился въ Москвѣ, получилъ помѣстья. Въ 1539 году, будучи посланъ укрѣплять новый городъ Себежъ, Петръ воспользовался этимъ случаемъ, чтобъ пробраться за границу, въ Ливонію. На вопросъ Дерптскаго епископа, что заставило его бѣжать изъ Москвы, Петръ отвѣчалъ: «Великаго князя и великой княгини не стало, государь нынѣшній малъ остался, а бояре живутъ по своей волѣ, и отъ нихъ великое насиліе, управы въ землѣ никому нѣтъ, между боярами самими вражда, и уѣхалъ я отъ великаго мятежа и безгосударства»³⁷.

ГЛАВА III.

КАЗАНЬ, АСТРАХАНЬ, ЛИВОНІЯ.

Неудачный походъ на Казань 1550 года. Основаніе Свияжска; подчиненіе окрестныхъ племенъ и самой Казани. Ненависть въ Казани къ царю Шигъ-Алею, подручнику Московскому. Просьба Казанцевъ дать имъ въ намѣстники боярина Московскаго вмѣсто Шигъ-Алея. Государь соглашается, но Казанцы не пускаютъ къ себѣ бояръ. Походъ подъ Казань 1552 года. Нашествіе Крымскаго хана. Осада и взятіе Казани. Возвращеніе царя въ Москву. Значеніе Казанскаго взятія. Борьба съ пятью Казанскими народами. Отношенія Москвы къ Ногаямъ. Покореніе Астрахани. Отношенія къ народамъ прикавказскимъ. Борьба съ Крымомъ. Война и миръ съ Швеціею. Война Ливонская. Сношенія съ Швеціею, Даніею и Литвою. Начало сношеній съ Англіею.

Смерть Сафа-Гирея, разстроивая Крымскую сторону, усиливая внутреннія волненія въ Казани, была какъ нельзя болѣе выгодна для предпріятій Московскаго царя. Крымцы и Казанскіе ихъ приверженцы поспѣшили провозгласить ханомъ двухлѣтняго сына Сафа-Гиреева, Утемиша; но этимъ самымъ Казань теперь мѣнялась своимъ положеніемъ съ Москвою: долгое время она могла поддерживать свою независимость, благодаря малолѣтству Іоаннову; теперь, когда Іоаннъ возмужалъ и обнаружилъ намѣреніе рѣшительно дѣйствовать противъ Казани, въ послѣдней явился царь младенецъ. Казанцы понимали невыгоду своего положенія и потому отправили пословъ въ Крымъ просить помощи у вырослаго царя; но Московскіе ко-

заки побии этихъ пословъ и ярлыки ихъ перёслали въ Москву. Въ Юлѣ 1549 года Казанцы прислали къ Іоанну грамоту, писали отъ имени Утемишъ-Гирея о мирѣ; царь отвѣчалъ, чтобъ прислали для переговоровъ добрыхъ людей. Добрые люди не являлись, и 24 Ноября самъ Іоаннъ съ роднымъ братомъ Юріемъ выступилъ въ походъ, оставивъ оберегать Москву двоюроднаго, Владиміра Андреевича; во Владимірѣ сдѣланы были всѣ распоряженія; любопытно, что при этихъ распоряженіяхъ царь счелъ нужнымъ присутствіе митрополита; Макарій, по его вызову, ѣздилъ во Владиміръ, гдѣ увѣщевалъ воеводъ отложить на время похода мѣстныя сче-ты и считаться уже по окончаніи войны. Подъ Казань пришелъ царь уже въ Февраль 1550 года; приступъ къ городу не удался: множество людей было побито съ обѣихъ сторонъ, а потомъ настала оттепель, подули сильные вѣтры, пошелъ дождь, малая рѣчка попортило, а инья и прошли. Простоявши 11 дней подъ Казанью, Іоаннъ принужденъ былъ возвратиться назадъ. Это былъ уже второй походъ, предпринятый имъ лично и кончившійся неудачно. На этотъ разъ впрочемъ Іоаннъ не хотѣлъ возвратиться ни съ чѣмъ въ Москву: по примѣру отца, основавшаго Васильсурскъ, онъ заложилъ на устьѣ Свѣяги Свѣяжскъ: дякъ Иванъ Выродковъ отправился съ дѣтьми боярскими на Волгу, въ Углицкій уѣздъ, въ отчину князей Ушатыхъ, рубить лѣсъ для церквей и стѣнъ городскихъ и везти его на судахъ внизъ по Волгѣ; а для поставленія города отправились весною на судахъ царь Шигъ-Алей съ двумя главными воеводами, княземъ Юріемъ Булгаковымъ (Голицынымъ-Патрикѣевымъ) и Данилою Романовичемъ Юрьевымъ, братомъ царицынымъ; туда же поѣхали съ войскомъ и Казанскіе выходцы, которыхъ было тогда въ Москвѣ 500 человекъ. Князю Петру Серебряному изъ Нижняго велѣно было идти изгономъ на Казанскій посадъ; козаки стали по всѣмъ перевозамъ по Камѣ, Волгѣ и Вяткѣ, чтобъ воинскіе люди изъ Казани и въ Казань не ѣздили. Серебряный въ точности исполнилъ приказъ: явился внезапно передъ Казанскимъ поса-

домъ, побилъ много людей и живыхъ побралъ и полону Русскаго много отполонилъ.

24 Мая пришелъ Шигъ-Алей съ воеводами на Свіягу; тотчасъ начали очищать отъ лѣсу мѣсто, гдѣ быть городу; очистивши гору, пѣли молебень, освятили воду и обошли съ крестами по стѣнному мѣсту; потомъ обложили городъ и заложили церковь во имя Рождества Богородицы и чудотворца Сергія. Лѣса, который привезли сверху по Волгѣ, стало только на половину горы; другую половину сдѣлали тотчасъ же воеводы и дѣти боярскіе своими людьми, и все окончили въ четыре недѣли. Слѣдствія построенія Свіяжска оказались немедленно: Горные Черемисы, увидавъ, что Русскій городъ сталъ въ ихъ землѣ, начали пріѣзжать къ Шигъ-Алею и воеводамъ съ челобитьемъ, чтобъ государь ихъ пожаловалъ, простилъ, велѣлъ имъ быть у Свіяжскаго города, а воевать бы ихъ не велѣлъ, да пожаловалъ бы ихъ государь, облегчилъ въ ясакъ и далъ имъ свою грамоту жалованную, какъ имъ впередъ быть. Государь ихъ пожаловалъ, далъ грамоту съ золотою печатью, и ясакъ имъ отдалъ на три года. Шигъ-Алею и воеводамъ Іоаннъ послалъ золотые въ награду ѿ приказъ — привести всю Горную сторону къ присягѣ и послать войною на Казанскія мѣста, а съ ними отправить дѣтей боярскихъ и Казанскихъ князей смотрѣть — прямо ли стануть служить государю. Воеводы привели къ присягѣ Черемисъ, Чувашей, Мордву и сказали имъ: «Вы государю присягнули: такъ ступайте, покажите свою правду государю, войте его недруга». Тѣ собрались большими толпами, перевезлись на луговую сторону и пришли къ городу на Арское поле. Казанцы и Крымцы вышли къ нимъ навстрѣчу и бились крѣпко; когда же изъ города вывезли пушки и пищали, и начали стрѣлять, то Черемисы и Чуваша дрогнули и побѣжали. Казанцы убили у нихъ человекъ со 100, да съ 50 живыхъ взяли. Воеводы увидали, что Горные люди служатъ прямо, и велѣли ихъ опять перевезти на ихъ сторону. Показавши вѣрную службу, Горные начали ѣздить черезъ все лѣто въ Москву человекъ по

пяти и по шестисотъ. Государь ихъ жаловалъ, князей, мурзъ и сотныхъ козаковъ кормилъ и поилъ у себя за столомъ, дарилъ шубами, доспѣхами, конями, деньгами.

Построеніе Свѣжска и отпаденіе Горной стороны скоро отозвались въ Казани, усиливъ сторону, противную Крымцамъ: начали розниться Казанцы съ Крымцами, говоритъ летописецъ; Арскіе Чуваши пришли даже съ оружіемъ на Крымцевъ, крича: «отъ чего не бить челомъ государю?» пришли и въ царевъ дворъ; но Крымцы — Уланъ Кацакъ съ товарищами побѣдили ихъ; эта удача однако не поправила дѣла Гиреевъ, потому что Казанскіе князья и мурзы одинъ за другимъ перебѣгали къ Русскимъ. Тогда Крымцы, видя, что при первомъ нападеніи Московскихъ воеводъ Казанцы ихъ выдадутъ, собрались, пограбили все, что было можно, и побѣжали изъ Казани въ числѣ 300 человекъ, побросавъ женъ и дѣтей; они бѣжали вверхъ по Камѣ и вошли въ Вятку; но тутъ Вятскій воевода Зюзинъ поразилъ ихъ на-голову и потопилъ; 46 человекъ плѣнныхъ и въ томъ числѣ Уланъ Кацакъ были отосланы въ Москву и тамъ казнены смертію, за ихъ жестокосердіе, говоритъ летописецъ. Бѣгство Крымцевъ отдало Казань въ руки Русской сторонѣ: тотчасъ явились оттуда послы съ челобитьемъ, чтобъ государь пожаловалъ, плѣнить ихъ не велѣлъ, далъ бы имъ на государство царя Шигъ-Алея, а царя Утемишъ — Гирея съ матерью Сюнбекою взялъ бы къ себѣ, Іоаннъ отвѣчалъ, что хочетъ землю Казанскую пожаловать, если они царя, царицу, остальныхъ Крымцевъ и дѣтей ихъ выдадутъ и всѣхъ Русскихъ плѣнниковъ освободятъ. Алексѣй Адашевъ отправился въ Свѣжскъ объявить Шигъ-Алею, что государь жалуетъ ему Казанское царство съ Луговою стороною и Арскою, но Горная сторона отойдетъ къ Свѣжску, потому что государь саблею взялъ ее до челобитья Казанцевъ. Это условіе сильно оскорбило Шигъ-Алея; но бояре прямо объявили ему, что рѣшеніе ни подъ какимъ-видимъ измѣнено не будетъ; то же было объявлено и вельможамъ Казанскимъ, когда они начали было говорить, что землю раздѣлить нельзя.

Въ Августѣ Шигъ-Алея посаженъ былъ въ Казани и, согласно условіямъ, освободилъ Русскихъ плѣнниковъ, которыхъ насчиталось 60,000 человекъ.

Господство, насилія Крымцевъ поддерживали прежде Русскую сторону; тяжелыя условія, наложенныя теперь Русскимъ царемъ, возбуждавши большое неудовольствіе, усилили сторону противную; хану, вельможамъ нестерпимо было отразаніе Горной стороны; простые люди терпѣли большой убытокъ чрезъ освобожденіе Русскихъ плѣнниковъ. Оставленные при новомъ ханѣ бояринъ Хабаровъ и дьякъ Выродковъ уже въ Сентябрѣ уведомили государя, что плѣнные освобождены не все, что Шигъ-Алея знаетъ это, но смотритъ сквозь пальцы, боясь волненія. Въ Москвѣ не могли отказаться отъ предписанныхъ условій, не могли терпѣть, чтобъ Русскіе люди томились въ плѣну въ подчиненномъ государствѣ и чтобъ Русскій городъ Свияжскъ былъ островомъ среди чужой земли; надѣялись кроткими мѣрами, ласкою заставить Шигъ-Алея и Казанцевъ забить свои лишенія. Въ Казань поѣхали бояринъ князь Дмитрій Палецкій и дьякъ Клобуковъ: они повезли платье, сосуды, деньги хану, ханшѣ, князьямъ Казанскимъ и Городецкимъ, повезли царю и землѣ Казанской жаданное слово за службу; но при этомъ они должны были требовать освобожденія всѣхъ плѣнныхъ, въ противномъ случаѣ объявить, что государь, видя христіанство въ неволѣ, терпѣть этого не будетъ. Шигъ-Алею должны были сказать, чтобъ онъ помнилъ жаданье царя и отца его, великаго князя Василя, прамилъ пощертнымъ грамотамъ, Русскихъ плѣнниковъ всѣхъ освободилъ, и укрѣпилъ бы Казань крѣпко государю и себѣ, какъ Касимовъ городокъ, чтобъ при немъ и послѣ него было недвижно, и кровь перестала бы литься на вѣки. Палецкій съ этимъ наказомъ поѣхалъ въ Казань, а изъ Казани въ Москву приѣхали большіе послы съ челобитьемъ отъ Шигъ-Алея, чтобъ государь пожаловалъ, Горную сторону царю уступилъ, если же не хочетъ уступить всей стороны, то пусть дастъ хотя нѣсколько ясаковъ съ нея; да пожаловалъ бы государь, даль-

клятву царю и землѣ Казанской въ соблюденіи мира. Іоаннъ велѣлъ отвѣчать, что съ Горной стороны не уступитъ Казани ни одной деньги, а клятву дастъ тогда, когда въ Казани освободятъ Русскихъ плѣнныхъ всѣхъ до одного человѣка. Тогда же возвратились изъ Казани бояринъ Хабаровъ и дьякъ Выродковъ, и сказали, что Казанцы мало освобождаютъ плѣнныхъ, куютъ ихъ и прячутъ по ямамъ, а Шигъ-Алей не казнить тѣхъ, у кого найдутъ плѣнниковъ, оправдываетъ себя тѣмъ, что боится волненія: доносятъ ему, что князья Казанскіе ссылаются съ Ногаями; онъ объ этомъ развѣдываетъ и дастъ знать государю. Дѣйствительно, въ Ноябрь Шигъ-Алей и князь Палецкій дали знать, что Казанскіе князья ссылаются съ Ногаями, хотѣли убить Шигъ-Алея и князя Палецкаго. Ханъ узналъ о заговорѣ, перехватилъ грамоты и велѣлъ перебить заговорщиковъ у себя на пиру, числомъ 70 человѣкъ, а другіе разбѣжались; онъ просилъ, чтобъ государь не отпускалъ изъ Москвы большихъ Казанскихъ пословъ, потому что они также въ числѣ заговорщиковъ.

Это извѣстіе заставляло царя подумать о новомъ шагѣ впередъ относительно Казани. Отправился туда Алексѣй Адашевъ съ такими словами къ Шигъ-Алею: «Самъ онъ видитъ измѣну Казанцевъ,значала лгутъ государямъ Московскимъ, брата его Еналея убили, его самого нѣсколько разъ изгоняли, и теперь хотѣли убить: *нужно непременно, чтобъ онъ укрѣпилъ городъ Русскими людьми*». Шигъ-Алей отвѣчалъ на это: «Прожить мнѣ въ Казани нельзя: сильно я раздосадовалъ Казанцевъ; общалъ я имъ у царя и великаго князя Горную сторону выпросить. Если меня государь пожалуетъ, Горную сторону дастъ, то мнѣ въ Казани жить можно, и пока я живъ, до тѣхъ поръ Казань государю крѣпка будетъ. Если же у меня Горной стороны не будетъ, то мнѣ бѣжать къ государю». Князь Палецкій и Адашевъ говорили ему на это: «Если тебѣ къ государю бѣжать, такъ укрѣпи городъ Русскими людьми». Алей не соглашался на это: «Я бусурманъ» говорилъ онъ: «не хочу на свою вѣру стать, и государю измѣнить не хочу»

же, захать мнѣ некуда кромѣ государя; дай мнѣ, князь Дмитрій, клятву, что великій князь меня не убьетъ и придастъ къ Касимову чѣмъ пригоже, такъ я здѣсь лихихъ людей еще изведу, пушки, пищали и порохъ перепорчу: государь приходя самъ да промышляй». Палецкій и Алашевъ отправились въ Москву, оставя въ Казани Ивана Черемисина съ отрядомъ стрѣльцовъ беречь Алея отъ Казанцевъ и не держать государя безъ вѣсти. Когда Палецкій пріѣхалъ на Свіягу, то жившіе здѣсь князья, Чапкунъ и Бурнашъ, сказали ему, что въ народѣ ходять слухи: придѣтъ весна и Казанцы измѣнятъ государю, а Шигъ-Алея не любятъ: такъ государь бы своимъ дѣломъ промышлялъ, какъ ему крѣпче, а мы, говорили князья, государю дали правду и по правдѣ къ нему приказываемъ, что Казанцы непременно измѣнятъ, тогда и Горныхъ не удержимъ.

Такъ прошелъ 1551 годъ. Дѣло приближалось къ развязкѣ, Казань не могла оставаться долго въ такомъ положеніи; послѣ кроваваго пира ненависть къ Алею достигла высшей степени; поддерживать долге силою ненавистнаго хана было бы очень неблагоприятно; двинуть большіе полки къ Казани, не дожидаясь перваго движенія со стороны ея жителей, значило ускорить кровавую развязку, подвергнуть явной опасности жизнь Алея и находившихся при немъ Русскихъ стрѣльцовъ и дать Казанцамъ полное право къ возстанію; захватить городъ внезапно безъ вѣдома хана было нельзя, а ханъ не хотѣлъ измѣнить бусурманству. Но Казанцы сами пошли навстрѣчу намѣреніямъ Московскаго царя: ненависть къ Алею и въ то же время невозможность избавиться отъ него, невозможность борьбы съ Москвою, привели ихъ къ мысли предложить Іоанну полное подданство, лишь бы только онъ вывелъ отъ нихъ Алея. Мы видѣли, что въ числѣ главныхъ враговъ послѣдняго были вельможи, отправленные послами въ Москву, и только это посольство избавило ихъ отъ участи, постигшей товарищей ихъ на пиру ханскомъ; но погибли не всѣ: оставались еще лихіе люди, которыхъ Алея также обѣщалъ извести. Понятно, что

эти люди, треща каждую минуту за свою жизнь, должны были желать смѣны Алея какимъ бы то ни было способомъ, и понятно, что они въ этомъ желаніи должны были прежде всего сойтись съ послами, задержанными въ Москвѣ, и дѣйствовать черезъ нихъ. Въ Генварь 1552 года эти послы явились къ Іоанну, и объявили, что имъ есть приказъ отъ Казанской земли бить челомъ государю, чтобъ царя Шигъ-Алея свезть, далъ бы имъ въ намѣстники боярина своего, и держалъ бы ихъ какъ въ Свияжскомъ городѣ; если же государь не пожалуетъ, то Казанцы измѣнять, будутъ добывать себѣ государя изъ другихъ земель. Іоаннъ велѣлъ поговорить съ ними боярину Ивану Васильевичу Шереметеву, за что царя не любятъ въ Казани, какъ его оттуда свести, какъ быть у нихъ намѣстнику, и какъ имъ въ томъ вѣрить? Послы отвѣчали, что Алей побиваетъ ихъ и грабитъ, женъ и дочерей беретъ силою; если государь пожалуетъ землю и хана сведетъ, то теперь здѣсь въ Москвѣ улановъ, князей, мурзъ и козаковъ человекъ съ триста, одинъ изъ нихъ побѣдетъ въ Казань, и Казанцы всѣ государю дадутъ правду, намѣстниковъ его въ городъ пустятъ, и городъ весь государю сдадутъ; кому велитъ жить въ городѣ, кому на посадѣ, тѣмъ тамъ и жить, а другимъ всѣмъ по селамъ; царскіе доходы будутъ собираться на государя, имѣнія побитыхъ бездѣтныхъ князей государь раздастъ кому хочетъ, и всѣ люди въ его волѣ—кого чѣмъ пожалуетъ. Если же казанцы такъ не сдѣлаютъ, то пусть государь велитъ насъ всѣхъ здѣсь побить; если же Алей не захочетъ ѣхать изъ Казани, то государю стоитъ только взять у него стрѣльцовъ, и онъ самъ побѣжить.

Въ Февралѣ отправился опять Алексѣй Адашевъ въ Казань, чтобъ свести Алея, и съ нимъ Татаринъ отъ пословъ съ грамотою къ Казанцамъ, въ которой описывалось, какъ они условились въ Москвѣ съ государемъ. Адашевъ объявилъ Алею, чтобъ пустилъ Московскихъ людей въ городъ, а самъ пусть проситъ у государя чего хочетъ, все получить. Алей отвѣчалъ попрежнему, что бусурманскаго юрта не нарушить,

но съѣдетъ въ Свияжскъ, потому что въ Казани ему жить нельзя, Казанцы уже послали къ Ногаюшъ просить другаго царя. Заколотивъ нѣсколько пушекъ и отправивъ въ Свияжскъ пищаля и порохъ, 9 Марта Шигъ-Алей выѣхалъ изъ Казани на озеро ловить рыбу, взялъ съ собою многихъ князей, мурзъ, горожанъ и всѣхъ пятьсотъ стрѣльцовъ Московскихъ; выѣхавши за городъ, онъ сталъ говорить Казанцамъ: «Хотѣли вы меня убить, и били челомъ на меня царю и великому князю, чтобъ меня свелъ, что я надъ вами лихо дѣлаю, и далъ бы вамъ намѣстника; царь и великій князь велѣлъ мнѣ изъ Казани выѣхать, и я къ нему ѣду, а васъ съ собою къ нему же веду, тамъ управимся». Этыхъ князей и мурзъ, приведенныхъ Алеемъ въ Свияжскъ, было восемьдесятъ четыре человека. Въ тотъ же день бояринъ князь Семень Ивановичъ Микулинскій послалъ въ Казань двухъ козаковъ съ грамотами, что по челобитью Казанскихъ князей государь царь Шигъ-Алей свелъ и далъ имъ въ намѣстники его, князя Семена; чтобъ они ѣхали въ Свияжскъ присягать, и когда присягнутъ, тогда онъ къ нимъ побѣдетъ. Казанцы отвѣчали, что государеву жалованью ради, хотятъ во всемъ исполнить волю государеву, только бы бояринъ прислалъ къ нимъ князей Чапкуна и Бурнаша, на чьи руки имъ даны. Чапкунъ и Бурнашъ отправились на другой день въ Казань вмѣстѣ съ Черемисиновымъ, и тотъ далъ знать Микулинскому, что вся земля Казанская охотно присягаетъ государю, и лучшіе люди ѣдутъ въ Свияжскъ. Лучшіе люди действительно пріѣхали на другой день вмѣстѣ съ Чапкуномъ и Бурнашомъ и присягнули, взявши съ Микулинскаго и товарищей его также клятву, что они будутъ жаловать добрыхъ Казанскихъ людей. Послѣ этого Микулинскій отправилъ въ Казань Черемиснинова съ толмачемъ приводить къ присягѣ остальныхъ людей и смотрѣть, нѣтъ ли какого лиха; для того же отправилъ Чапкуна, еще одного князя Казанскаго и восемь человекъ дѣтей боярекихъ; они должны были зайти въ дворы, которые князь обѣщали очистить, и смотрѣть, чтобъ все было тихо, когда Русскіе полки будутъ вступать въ

городъ. Ночью Черемисиновъ далъ знать Микулинскому, что все спокойно: царскій дворъ опоражнивають и сельскіе люди, давши присягу, разъѣзжаются по селамъ. Черемисиновъ писалъ, чтобъ намѣстникъ уже отправлялъ въ Казань свой легкій обозъ съ съѣтнымъ и прислалъ козаковъ съ сотню, потому что они на царевѣ дворѣ пригодятся на всякое дѣло, и по этой присылкѣ намѣстникъ отпустилъ обозъ съ семидесятью козаками, у которыхъ было 72 пищаля.

Скоро двинулись къ Казани и бояре — князь Семенъ Микулинскій, Иванъ Васильевичъ Шереметевъ, князь Петръ Серебряный; сторожевой полкъ велъ князь Ромодановскій; у него были всѣ тѣ Казанцы, которыхъ вывелъ царь Шигъ-Алей. По дорогѣ встрѣчали ихъ разные князья, били челомъ боярамъ, чтобъ ѣхали въ городъ, а они всѣ холопы государевы, всѣ въ его волѣ; въ Казань и изъ Казани ѣздили къ воеводамъ дѣти боярскіе и сказывали, что всѣ люди государеву жалованью рады и что Иванъ Черемисиновъ продолжаетъ приводить къ присягѣ. Все шло какъ нельзя лучше до тѣхъ поръ, пока не отпросились у воеводъ въ Казань двое князей, Исламъ и Кебьякъ, и мурза Аликей, братъ извѣстнаго Чуры. Приѣхавши въ Казань, они затворили городъ и объявили жителямъ, что Русскіе непременно истребятъ ихъ всѣхъ, что объ этомъ говорятъ Городецкіе Татары, да и самъ Шигъ-Алей говоритъ то же. Когда бояре подѣхали къ Казани, то встрѣтилъ ихъ на Булакѣ Иванъ Черемисиновъ съ княземъ Кулзлеемъ и объявилъ: «До сихъ поръ лиха мы никакого не видали; но теперь, какъ прибѣжали отъ васъ князья и стали говорить лихія слова, то люди замѣшались; съ нами выѣхали къ вамъ изъ города всѣ князья, одинъ Чапкунъ въ городѣ остался». Бояре подѣхали къ царевымъ воротамъ — ворота растворены, а люди бѣгутъ на стѣны. Тутъ приѣхали къ воеводамъ уланъ Кудайкулъ, князь Лиманъ и другіе князья и стали бить челомъ, чтобъ не кручинились, возмутили землю лихіе люди, подождите, пока утихнутъ. Бояре отправили въ городъ улана Кудайкула и князя Бурнаша сказать жителямъ: «Зачѣмъ вы измѣнили? Вчера и

даже сегодня еще присягали, и вдругъ измѣнили! А мы клятву свою держимъ, ничего дурнаго вамъ не дѣлаемъ». Дѣйствительно, Русскіе ратные люди не обидѣли ничѣмъ посадскихъ людей, которые спокойно оставались въ домахъ своихъ со всѣмъ имуществомъ. Посланные возвратились съ отвѣтомъ: «Люди боятся побою, а насъ не слушаютъ». Много было ссылокъ и рѣчей, но все понапрасну, и бояре, видя, что добраго дѣла нѣтъ, велѣли перехватать Кудайкула, Лимана и всѣхъ князей и козаковъ, которыхъ вывелъ Шигъ-Алей, а Казанцы задержали у себя дѣтей боярскихъ, которые напередъ были отправлены съ обозами воеводскими. Простоявши полтора дня подъ Казанью, воеводы пошли назадъ къ Свіяжску; посада Казанскаго не велѣли трогать, чтобъ не нарушить, съ своей стороны, ни въ чемъ крестнаго цѣлованія; а Казанцы, пославъ къ Ногаямъ просить царя, немедленно начали войну, стали приходиться на Горную сторону, отводить ея жителей отъ Москвы; но Горные побили ихъ отрядъ, взяли въ плѣнъ двухъ князей и привели къ воеводамъ: тѣ велѣли казнить плѣнниковъ.

Іоаннъ получилъ вѣсть объ этихъ событіяхъ 24 Марта, и немедленно отправилъ на помощь къ воеводамъ въ Свіяжскъ шурина своего, Данила Романовича Захарыина-Юрьева, а царю Шигъ-Алею велѣлъ ѣхать въ свой городокъ Касимовъ. Въ Апрѣлѣ царь созвалъ совѣтъ насчетъ рѣшительнаго похода на Казань; въ совѣтѣ было предложено много разныхъ мнѣній: говорили, чтобъ государь послалъ воеводу подъ Казань, а самъ остался бы въ Москвѣ, потому что война будетъ не съ одними Казанцами, и съ Ногаями, и съ Крымомъ. Но опытъ показалъ, какъ нерѣшительны бывали воеводскіе походы подъ Казань: Іоаннъ объявилъ, что непременно самъ хочетъ отправиться въ походъ. Рѣшено было отпустить водою рать, нарядъ большой, запасы для царя и для всего войска, а самому государю, какъ приспѣетъ время, идти по земь.

Въ томъ же мѣсяцѣ пришли изъ Свіяжска дурныя вѣсти: князь Микулинскій писалъ, что Горные люди волнуются, мно-

тіе изъ нихъ ссылаются съ Казанцами, да и во всѣхъ мало правды, непослушаніе большое; но что хуже всего, въ Русскомъ войскѣ открылась цынга, много уже померло; много лежить больныхъ, дѣтей боярскихъ, стрѣльцовъ и козаковъ. Царь, по этимъ вѣстямъ, велѣлъ князьямъ Александру Борисовичу Горбатову и Петру Ивановичу Шуйскому немедленно двинуться въ Свіяжскъ. Князья скоро достигли этого города; но вѣсти, присланныя ими оттуда къ Іоанну, были еще менѣе утѣшительны: Горные люди измѣнили всѣ, сложились съ Казанью и приходили къ Свіяжску на воеводскія стада; воеводы посылали на нихъ козаковъ, но Казанцы козаковъ разбили, убили 70 человекъ и пищали взяли, а болѣзнь не ослабѣваетъ, мретъ много людей. Отъ князя Михайлы Глинскаго изъ Камы ѣхали козаки въ судахъ на Свіягу за кормомъ: и тѣхъ козаковъ Казанцы всѣхъ перебили, плѣннымъ пощады не дали; перебили и всѣхъ дѣтей боярскихъ, которые пріѣхали напередъ въ Казань съ воеводскими обозами и были захвачены тамъ жителями; Казанцы уже получили цѣря отъ Ногаевъ — Астраханскаго царевича Едигера Магмета. Но отъ этихъ вѣстей въ Москвѣ не пришли въ уныніе: положено было прежде всего поднять духъ въ Свіяжскомъ войскѣ средствами религіозными, тѣмъ болѣе, что изъ болѣзни физической тамъ присоединилась нравственная, сильный развратъ ³⁶. Изъ Благовѣщенскаго собора перенесены были въ Успенскій мощи святыхъ отцовъ, съ нихъ освящена была вода и отправлена въ Свіяжскъ съ Архангельскимъ протопопомъ Тимошеемъ « мужемъ изряднымъ, наученнымъ богодухновенному писанію »; вмѣстѣ съ водою Тимошей повезъ также поученіе къ войску отъ митрополита Макарія. Въ это время пріѣхала изъ Касимова царь Шигъ-Алей и началъ говорить, чтобы Іоаннъ не выступалъ въ походъ до зимы, потому что лѣтомъ должно ожидать пріхода другихъ недруговъ, и потому что Казанская земля сильно уквѣнена природою, лежитъ въ лѣсахъ, озерахъ, болотахъ, зимою легче ее воевать: Іоаннъ отвѣчалъ ему, что уже воеводы со многими ратными людьми отпущены на судахъ съ большимъ нарядомъ

и со всіми запасами, а что у Казанцевъ дѣса и воды — крѣ-ности великія, то Богъ и непроходимыя мѣста проходимыми дѣлаеть, и острые пути въ гладкіе претворяеть.

Поручивъ царицѣ заниматься дѣлами благотворенія, освобождать изъ-подъ царской опалы, выпускать изъ темницъ, Іоаннъ выступилъ 16 Іюня на свое дѣло въ Коломну; объ-далъ въ селѣ Коломенскомъ, откуда отиравился ночевать въ Островъ; но на дорогѣ встрѣтилъ гонца, станичника изъ Пути-вля, съ вѣстію, что идутъ многіе люди Крымскіе къ Украйнѣ, неизвѣстно, царь ли самъ идетъ или царевичъ, а уже Донецъ Сѣверскій перешли. Царь, ни мало не смутясь, продолжалъ путь въ Коломну и пришелъ туда 19 числа; тутъ пріѣхалъ новый гонецъ съ вѣстію, что идутъ многіе люди Крымскіе, ждуть ихъ къ Рязани и къ Коломнѣ. Государь послалъ полки на берегъ: большому полку велѣлъ стать подъ Колычевымъ, передовому подъ Ростиславлемъ, лѣвой рукъ подъ Голутвинымъ монастыремъ³⁹; при этомъ было объявлено, что если придетъ царь Крымскій, то государь умыслилъ дѣлать съ нимъ прямое дѣло. 21 Іюня пригналъ гонецъ изъ Тулы: пришли Крымцы къ Тулѣ, какъ видно царевичъ, и не со многими людьми. Го-сударь послалъ къ Тулѣ князей Щенятева, Курбскаго, Прон-скаго, Хилкова, Воротынскаго, собрался и самъ выступить на другой день утромъ, какъ получилъ вѣсть, что приходило къ Тулѣ Татаръ не много, тысячъ семь, повоевали окрестности и поворотили назадъ. Іоаннъ, по этимъ вѣстямъ, отпустилъ только воеводъ, а самъ пріостановился; но 23 числа, когда онъ сидѣлъ за столомъ, пригналъ гонецъ изъ Тулы съ вѣстію, что самъ царь пришелъ и приступаетъ къ городу, съ нимъ нарядъ большой и янычары Турецкіе. Іоаннъ велѣлъ поскорѣ служить вечерню, потому что никогда не нарушалъ церковна-го правила, всѣмъ воеводамъ велѣлъ поскорѣ перевозиться черезъ Оку, и самъ спѣшилъ къ Коширь, гдѣ назначено было перевозиться; но тутъ прискакалъ новый гонецъ и объявилъ, что хана уже вѣтъ у Тулы: 22 Іюня пришли Крымцы къ Тулѣ и приступали цѣлый день, били по городу изъ пушекъ огнен-

Истор. Росс. Т. VI.

ными ядрами, и когда во многих мѣстахъ въ городѣ дворы загорѣлись, ханъ велѣлъ янычарамъ идти на приступъ; но воевода князь Григорій Темкинъ, несмотря на то, что съ нимъ было немного людей въ Тулѣ, отбилъ приступъ; на другой день утромъ ханъ велѣлъ уже готовиться къ новому приступу, какъ пришла вѣсть, что Русскій царь идетъ къ городу; Туляне съ городскихъ стѣнъ увидели столпы пыли, закричали: «Боже милостивый! помоги намъ! Царь православный идетъ!» и бросились на Татаръ; вышли изъ города не только ратные люди и всѣ мужчины, но даже женщины и дѣти бросились за ними; Татаръ много было побито въ этой вылазкѣ, и между ними шуринъ ханскій. Ханъ побѣжалъ въ степь, и три часа спустя явились подъ городомъ воеводы, отправленные Иоанномъ: они погнались за Татарами, разбили ихъ на рѣчкѣ Шиворонѣ ⁴⁰, отположили много своихъ плѣнниковъ, взяли телеги и верблюдовъ ханскихъ. Татары, взятые въ плѣнъ, рассказывали: царь потому пошелъ на Русь, что въ Крыму сказали, будто великій князь со всѣми людьми у Казани. У Рязани перехватили мы станичниковъ и тѣ сказали, что великій князь на Коломнѣ, ждетъ царя и хочетъ съ нимъ прямое дѣло дѣлать; царь тогда же хотѣлъ возвратиться въ Крымъ, но князья начали ему говорить: если хочешь покрыть свой стыдъ, то есть у великаго князя городъ Тула на полѣ, а отъ Коломны далеко, за великими крѣпостями — за лѣсами. Царь ихъ совѣта послушалъ и пошелъ къ Тулѣ.

Иоаннъ, получивъ эти вѣсти, возвратился въ Коломну, куда 4-го Іюня пришли къ нему воеводы съ Тульского дѣла; они говорили, что, по словамъ станичниковъ, ханъ идетъ чрезвычайно поспѣшно, верстъ по 60 и по 70 на день, и лошадей бросаетъ много. Избавившись такъ счастливо отъ Крымцевъ, царь началъ думать съ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ, боярами и всѣми воеводами, какъ идти къ Казани, на какія мѣста? Приговорили идти двумя дорогами: самому государю идти на Владиміръ и Муромъ, воеводу отпустить на Рязань и Мещеру, чтобъ они могли заслонить царя отъ внезапнаго на-

паденія Ногаевъ, а сходиться на полъ за Алатыремъ. Но когда надобно было выступать въ походъ, боярскіе дѣти Новгородци начали бить челомъ, что имъ нельзя больше оставаться при войскѣ: съ весны были они на службѣ въ Коломнѣ; иные за Татарами ходили и на бояхъ бывали, а теперь еще идти въ такой долгій путь и тамъ стоять многое время! Государю была не малая скорбь отъ этого челобитья, которое останавливало дѣло въ самомъ началѣ; наконецъ онъ придумалъ средство, оказавшееся очень дѣйствительнымъ: онъ велѣлъ переписать служиыхъ людей и повѣстить: кто хочетъ идти съ государемъ, тѣхъ государь хочетъ жаловать и будетъ подъ Казанью кормить; а кому нельзя идти, тѣ пусть остаются въ Коломнѣ. Услыхавъ эту повѣстку, все отвѣчали въ одинъ голосъ: «Готовы идти съ государемъ: онъ нашъ промышленникъ и здѣсь и тамъ, промыслить нами какъ ему Богъ извѣститъ».

3 Юля Іоаннъ выѣхалъ изъ Коломны съ двоюроднымъ братомъ, княземъ Владиміромъ Андреевичемъ; во Владимірѣ получилъ онъ пріятную вѣсть изъ Свіяжска, что цынга тамъ прекратилась; въ Муромѣ получилъ другую радостную вѣсть, что воеводы князь Микулинскій и бояринъ Данила Романовичъ ходили на Горныхъ людей и разбили ихъ, вслѣдствіе чего Горные люди по Свіягу рѣку внизъ и по Волгѣ снова присягнули государю. 20 Юля царь выступилъ изъ Мурома, шель частымъ лѣсомъ и чистымъ полемъ, и вездѣ войско находило обильную пищу: было много всякаго овощу; лоси, по словамъ лѣтописца, какъ будто бы сами приходили на убой, въ рѣкахъ множество рыбы, въ лѣсу множество птицъ. Черемисы и Мордва, испуганные походомъ многочисленнаго войска, приходили къ царю, отдаваясь въ его волю, и приносили хлѣбъ, медъ, мясо; что дарили, что продавали, кромѣ того мосты на рѣкахъ дѣлали. На рѣкѣ Сурѣ встрѣтили государя посланцы отъ Свіяжскихъ воеводъ и Горныхъ людей и объявили, что ходили бояре князь Петръ Ивановичъ Шуйскій и Данила Романовичъ на остальныхъ Горныхъ людей и теперь уже все Горные люди добились челомъ и приложились къ Свіяжскому городу. Іоаннъ

позвалъ на обѣдъ посланцевъ отъ Горныхъ людей, объявилъ, что прощаетъ ихъ народу прежнюю имѣну, и приказалъ мостить мосты по рѣкамъ и чистить тѣсныя мѣста по дорогѣ. За Сурою соединился государь съ воеводами, шедшими черезъ Рязань и Мещеру, и 13 Августа достигъ Свіяжска, куда воеводы пришли какъ въ свой домъ изъ долгаго и труднаго пути: дичь, рыба и Черемисскій хлѣбъ имъ очень наскучили, а въ Свіяжскѣ почти каждаго изъ нихъ ожидали домашніе запасы, привезенные на судахъ; кромѣ того множество купцовъ наѣхало сюда съ разными товарами, такъ что можно было все достать. Ставши подъ городомъ на лугу въ шатрѣ, царь совѣтовался съ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ, съ царемъ Шигъ-Алеемъ, съ боярами и воеводами, какъ ему государю своимъ дѣломъ промыслять, и приговорилъ идти къ Казани не мѣшка, а къ Казанцамъ послать грамоты, что если захотятъ безъ крови бить челомъ государю, то государь ихъ пожалуетъ. Шигъ-Алей долженъ былъ писать къ родственнику своему, новому Казанскому царю Едигеру, чтобъ выѣхалъ изъ города къ государю, не опасаясь ничего, и государь его пожалуетъ; самъ Іоаннъ послалъ грамоты къ главному Муллѣ и всей землѣ Казанской, чтобъ били челомъ, и онъ ихъ проститъ. 16 Августа войска начали уже перевозиться чрезъ Волгу и становиться на Казанской сторонѣ; 18 самъ царь переправился за Волгу, 20 за Казанку и здѣсь получилъ отвѣтъ отъ Едигера: въ немъ заключалось ругательство на Христіанство, на Іоанна, на Шигъ-Алея, и вызовъ на брань. Іоаннъ велѣлъ вынимать изъ судовъ пушки и все устроить, какъ идти къ городу; тутъ пріѣхалъ къ нему служить Камай-Мурза съ семью козаками, и рассказывалъ, что ихъ повѣло человекъ съ двѣсти служить государю, но Казанцы, узнавъ объ этомъ, почти всѣхъ перехватили; про Казань рассказывалъ, что царь Едигеръ и вельможи бить челомъ государю не хотятъ, и всю землю на лихо наводятъ; запасовъ въ городѣ много; остальное войско, которое не въ городѣ, собрано подъ начальствомъ князя Япанчи въ Арской засѣлкѣ, чтобъ не пропускать Русскихъ людей на Арское поле.

Царь созвалъ совѣтъ, разсказалъ Камаевы рѣчи, и разсуждалъ, какъ идти къ городу? Приговорили: самому государю и князю Владиміру Андреевичу стать на Царевомъ лугу, царю Шигъ-Алею за Булакомъ; на Арскомъ полѣ стать большому полку, передовому и удѣльной дружинѣ князя Владиміра Андреевича; правой рукѣ съ козаками за Казанкою; сторожевому полку на устьѣ Булака, а лѣвой рукѣ выше его. Приказано было, чтобъ во всей рати приготовили на 40 человекъ туры, да чтобъ всякій человекъ приготовилъ по бревну на тынъ; приказано было также настрого, чтобъ безъ царскаго повелѣнія, а въ полкахъ безъ воеводскаго повелѣнія, никто не смѣлъ бросаться къ городу. 23 Августа полки заняли назначенныя имъ мѣста; какъ вышелъ царь на лугъ противъ города, то велѣлъ развернуть свое знамя: на знамени былъ Нерукотворенный образъ, а наверху крестъ, который былъ у великаго князя Дмитрія на Дону; когда отслужили молебень, царь подозвалъ князя Владиміра Андреевича, бояръ, воеводъ, ратныхъ людей своего полка, и говорилъ имъ: «Приспѣло время нашему подвигу: потщитесь единодушно пострадать за благочестіе, за святые церкви, за православную вѣру христіанскую, за единокровную нашу братію, православныхъ христіанъ, терпящихъ долгіи плѣны, страдающихъ отъ этихъ безбожныхъ Казанцевъ; вспомнимъ слово Христова, что нѣтъ ничего больше, какъ полагать души за други свои; припадемъ чистыми сердцами къ Создателю нашему Христу, попросимъ у него избавленія бѣднымъ христіанамъ, да не предастъ насъ въ руки врагамъ нашимъ. Не пощадите головъ своихъ за благочестіе; если умремъ, то не смерть это, а жизнь, если не теперь умремъ, то умремъ же послѣ, а отъ этихъ безбожныхъ какъ впередъ избавимся? Я съ вами самъ пришелъ: лучше мнѣ здѣсь умереть, нежели жить и видѣть за свои грѣхи Христа хулимаго и порученныхъ мнѣ отъ Бога христіанъ мучимыхъ отъ безбожныхъ Казанцевъ! Если милосердый Богъ милость Свою намъ пошлетъ, подастъ помощь, то я радъ васъ жаловать великимъ жалованьемъ; а кому случится до смерти

пострадать, радъ я женъ и дѣтей ихъ вѣчно жаловать». Князь Владиміръ Андреевичъ отвѣчалъ: «Видимъ тебя, государь, тверда въ истинномъ законѣ, за православіе себя не щадящаго и насъ на то утверждающаго, и потому должны мы всѣ единодушно помереть съ безбожными этими Агарянами. Дерзай, царь, на дѣла, за которыми пришелъ! да сбудется на тебѣ Христово слово: всякъ просяй приѣмлетъ и толкущему отверзется». Тогда Іоаннъ, взглянувъ на образъ Іисусовъ, сказалъ громкимъ голосомъ, чтобъ всѣ слышали: «Владыко! ѿ Твоемъ имени движемся!»

150,000 войска со 150 пушками обложило Казань, защищенную только деревянными стѣнами; но за этими стѣнами скрывалось 30,000 отборнаго войска. 23 же числа начались сшибки съ осажденными; при этихъ сшибкахъ, обыкновенно удачныхъ для Русскаго войска, особенно удивлялись небывающему порядку: бились только тѣ, которымъ было приказано; изъ другихъ полковъ никто не смѣлъ двинуться.

Въ самомъ началѣ осады твердость Іоанна выдержала сильное испытаніе: страшная буря сломила шатры, и въ томъ числѣ царскій, на Волгѣ разбило много судовъ, много запасовъ погибло; войско уныло; но не унывалъ царь: онъ послалъ приказъ двинуть новые запасы изъ Свіяжска, изъ Москвы, объявляя твердое намѣреніе зимовать подъ Казанью; вѣдигъ днемъ и ночью кругомъ города, разсматривая мѣста, гдѣ удобнѣе дѣлать укрѣпленія. Осадныя работы шли безостановочно; ставили туры, снабжали ихъ пушками; гдѣ нельзя было ставить туръ, тамъ ставили тынъ, такъ что Казань со всѣхъ сторонъ была окружена Русскими укрѣпленіями: ни въ городъ, ни изъ города не могла пройти вѣсть. Казанцы безпрестанно дѣлали вылазки, бились отчаянно съ защитниками туръ, бились схватываясь за руки, но были постоянно втаптываемы въ городъ. Отъ непрерывной пальбы по городу гибло въ немъ много людей; стрѣльцы и козаки, закопавшись во рвахъ передъ турами, также не давали Казанцамъ входить на стѣны, снимали ихъ оттуда мѣткими выстрѣлами. Но скоро вни-

маніе осаждающихъ было развлечено: изъ лѣсу на Арское поле высыпалъ непріятель многочисленными толпами, напалъ на Русскіе полки, и хотя былъ отраженъ съ урономъ, однако не меньшій уронъ былъ и на сторонѣ осаждающихъ: пѣвники объявили, что это приходилъ князь Япанча изъ застѣки, о которой говорилъ прежде Камай-Мурза. Послѣ этого Япанча не давалъ покоя Русскимъ: явится на самой высокой городской башнѣ большое знамя, и вотъ Япанча, по этому условному знаку, нападаетъ на Русскихъ изъ лѣсу, а Казанцы изо всѣхъ воротъ бросаются на ихъ укрѣпленія. Войско истомилось отъ безпрестанныхъ вылазокъ изъ города, отъ наѣздовъ изъ лѣсу и отъ скудости въ пищу: съѣстные припасы издохли; но и сухаго хлѣба ратнику было некогда повѣсть досыта; кромѣ того почти всѣ ночи онъ долженъ былъ проводить безъ сна, охраняя пушки, жизнь и честь свою. Для истребленія лѣсныхъ наѣздовъ отправились 30 Августа князя — Александръ Борисовичъ Горбатый и Петръ Семеновичъ Серебряный; войско Япанчи, конное и пѣшее, высыпало къ нимъ навстрѣчу изъ лѣсу и потерпѣло рѣшительное пораженіе; побѣдители преслѣдовали его на разстояніи 15 верстъ, потомъ собрались и очистили лѣсъ, въ которомъ скрывались бѣглецы; 340 человекъ пѣвниковъ было приведено къ Іоанну. Онъ послалъ одного изъ нихъ въ Казань съ грамотами, писалъ, чтобъ Казанцы били челомъ, и онъ ихъ пожалуетъ; если же не станутъ бить челомъ, то велитъ умертвить всѣхъ пѣвниковъ; Казанцы не дали отвѣта и пѣвники были умерщвлены передъ городомъ ⁴¹.

На другой день, 31 Августа, царь призвалъ *размысла* (инженера) Нѣмца, искуснаго въ разореніи городовъ, и велѣлъ ему сдѣлать подкопъ подъ Казань. Потомъ призвалъ Камай-Мурзу и Русскихъ пѣвниковъ, выбѣжавшихъ изъ Казани, и спросилъ, откуда Казанцы берутъ воду, потому что рѣку Казанку давно уже у нихъ отняли? Тѣ сказали, что есть тайникъ, ключъ въ берегу рѣки Казанки у Муралеевыхъ воротъ; а ходятъ къ нему подземнымъ путемъ. Царь сперва приказалъ

воеводамъ сторожеваго полка, князю Василю Серебряному и Семену Шереметеву, уничтожить тайникъ; но воеводы отвѣчали, что этого сдѣлать нельзя, а можно подкопаться подъ тайникъ отъ каменной Даировой бани, занятой уже давно Русскими козаками; царь послалъ для этого Алексѣя Адашева и размысла, но послѣднему велѣлъ для подкопыванія тайника отрядить учениковъ, а самому надзирать за большимъ подкопомъ подъ городъ. День и ночь работали надъ подкопомъ подъ тайникъ, наконецъ подкопались подъ мостъ, куда ходятъ за водою; самъ князь Серебряный съ товарищами вошелъ въ подкопъ, и услыжавъ надъ собою голоса людей, вѣдущихъ съ водою, далъ знать государю; царь велѣлъ поставить подъ тайникъ 11 бочекъ пороху, и 4 Сентября тайникъ взлетѣлъ въ воздухъ вмѣстѣ съ Казанцами, шедшими за водою, поднялась на воздухъ часть стѣны, и множество Казанцевъ въ городѣ было побито камнями и бревнами, падавшими съ огромной высоты; Русскіе воспользовались этимъ, ворвались въ городъ и много перебили и поплѣнили Татаръ. Только послѣ этого несчастія осажденными овладѣло уныніе; обнаружилось разногласіе: одни хотѣли бить челомъ государю; но другіе не соглашались, начали искать воды, нашли одинъ смраднѣйшій потокъ и довольствовались имъ до самаго взятія города, хотя отъ гнилой воды заболѣвали, пухли и умирали. 6 Сентября съ большимъ кровопролитіемъ взять былъ острогъ, построенный Казанцами въ 15 верстахъ отъ города, на Арскомъ полѣ, на горѣ между болотами. Взявши острогъ, воеводы пошли къ Арскому городищу, воюя и пожигая села; отъ Арскаго городища возвратились другою дорогою къ Казани, повоевали Арскую сторону всю, многихъ людей побили, женъ и дѣтей въ плѣнъ взяли, а христіанъ многихъ изъ плѣна освободили; воевали они на 150 верстъ поперекъ, а, въ длину до самой Камы; выжгли села, множество скота пригнали къ Казани въ полки.

Между-тѣмъ осадныя работы продолжались: дьякъ Иванъ Выродковъ поставилъ противъ царевыхъ воротъ башню въ шесть саженой вышиною; внесли на нее много наряду, пищаи по-

луторныя и затинныя; стрѣльцы начали стрѣлять съ башни къ городу и побивали много народу. Осажденные укрывались въ ямахъ, копали рвы подъ городскими воротами, подъ стѣнами и рыли норы подъ тарасами: у всякихъ воротъ за рвами были у нихъ большіе тарасы, насыпанные землею; выползая изъ норъ, какъ змѣи, бились они безпрестанно, день и ночь съ осаждающими, особенно жестоко бились они, не давая придвинуть туръ ко рву. Несмотря на то, князь Михайла Воротынский успѣлъ придвинуть туры къ самому рву, противъ Арской башни и царевыхъ воротъ, такъ что между городскими стѣнами и Русскими турами оставался одинъ ровъ, въ три сажени шириною и въ семь глубиною. Придвинувъ туры ко рву, осаждающіе разошлись объѣдать, оставивъ немногихъ людей въдѣл укрѣпленій; увидавши эту оплошность, Казанцы вылезли изъ всѣхъ норъ, изъ-за тарасовъ и внезапно напали на туры; защитники ихъ дрогнули и побѣжали; но воеводы успѣли выстроить полки и ударили на Казанцевъ, которые были обиты во рвы; Русскіе били ихъ и тутъ, но они норами убѣжали въ городъ. Дѣло было кровопролитное, и хотя туры были спасены, но это спасеніе дорого стоило осаждающимъ, потерявшимъ много убитыми и ранеными: самъ князь Воротынский получилъ нѣсколько ранъ и спасся только благодаря крѣпости своего доспѣха. Въ то время, какъ ожесточенный бой кипѣлъ противъ Арской башни, Ногаи и Казанцы сдѣлали вылазку изъ Збойлевыхъ воротъ на туры передоваго полка и ортоула; здѣсь воеводы были готовы, подпустили непріятеля къ турамъ, ударили на него со всѣхъ сторонъ и поразили безо всякаго для себя урона.

Видя, что Русскій огонь не причиняетъ большаго вреда осажденнымъ, скрывающимся за тарасами, царь велѣлъ подкопать эти тарасы, и какъ взорветъ ихъ, придвинуть туры къ самымъ воротамъ, Арскимъ и Царевымъ. 30 Сентября тарасы влетѣли на воздухъ съ людьми; бревны побили множество народа въ городѣ, остальные обезпаятъли отъ ужаса и долго оставались въ бездѣйствіи; стрѣлы перестали летать

изъ Казани. Пользуясь этимъ временемъ, воеводы утвердили туры подлѣ воротъ Царевыхъ, Арскихъ и Аталыковыхъ. Наконецъ Казанцы опомнились, выскочили изъ всѣхъ воротъ и съ ожесточеніемъ напали на Русскихъ. Въ это время Іоаннъ самъ показаяся у города; увидавъ его, Русскіе съ новымъ рвеніемъ ударили на непріятеля, схватились съ нимъ въ воротахъ, на мостахъ, у стѣнъ, бились копьями и саблями, схватываясь за руки; дымъ отъ пушечной и пищальной палыбы покрылъ городъ и сражающихся; наконецъ осаждающіе одолѣли, взобрались на стѣны, заняли Арскую башню, вѣснулись въ самый городъ; князь Михайла Воротынекій послалъ сказать Іоанну, что надобно пользоваться удачею и вести общій приступъ; но остальные поляки не были приготовлены къ этому дню, и, по царскому приказанію, воиновъ вывели насильно изъ города. Стѣны, ворота и мосты были зажжены, въ Арской башнѣ утвердились Русскіе люди; мосты и стѣна горѣли цѣлую ночь, изъ стѣны сыпалась земля; Русскіе воеводы велѣли своимъ ратникамъ на занятыхъ мѣстахъ заставитья крѣпкими щитами, а туры засыпать землею; Татары также работали: ставили срубы противъ пробитыхъ мѣстъ и насыпали землею.

На другой день, 1-го Октября, царь велѣлъ наполнить рвы лѣсомъ и землею, устроить мосты и бить изъ пушекъ безпрестанно; били весь день и сбили до основанія городскую стѣну. Общій приступъ былъ назначенъ на другой день, въ Воскресенье, 2 Октября; во всѣхъ полкахъ велѣно было ратнымъ людямъ исповѣдываться и пріобщаться. Но прежде рѣшительнаго приступа царь хотѣлъ въ послѣдній разъ испытать дѣйствіе мирныхъ переговоровъ; къ городу былъ отправленъ Мурза-Камай съ предложеніемъ, чтобы Казанцы били челомъ государю; если отдадутся въ его волю и выдадутъ измѣнниковъ, то государь проститъ ихъ. Казанцы отвѣчали единогласно: «Не бьемъ челомъ! на стѣнахъ Русь, на башнѣ Русь—ничего: мы другую стѣну поставимъ и все поремъ или отсидимся». Тогда царь велѣлъ готовиться къ приступу; по дорогамъ велѣлъ раз-

ставить также полки, чтобъ не пропускать Казанцевъ, если задумаютъ бѣжать изъ города.

Въ ночь съ перваго числа на второе, съ Субботы на Воскресенье, Іоаннъ, проведши нѣсколько времени наединѣ съ духовникомъ, началъ вооружаться; князь Михайла Воротынской прислалъ сказать ему, что размыслъ подставилъ уже порохъ подъ городскія стѣны, что Казанцы замѣтили его, и потому нельзя мѣшкать. Царь послалъ повѣстить во всѣ полки, чтобъ готовились немедленно къ дѣлу, а самъ пошелъ въ церковь, гдѣ велѣлъ поскорѣе совершать правило; на разсвѣтѣ, отпустивъ свой полкъ къ городу и велѣвъ ему дожидаться себя въ назначенномъ мѣстѣ, пошелъ къ обѣднѣ; здѣсь, когда дьяконъ оканчивалъ Евангеліе словами: «и будетъ едино стадо и едиа пастырь», раздался сильный громъ, земля дрогнула: царь выступилъ изъ церковныхъ дверей и увидалъ, что городская стѣна взорвана, бревна и люди летать на высоту; вскорѣ послѣ этого, когда дьяконъ читалъ на ектеніи молитву о царѣ и вымолвилъ слова: «покорити подѣ козѣ его всякаго врага и супостата», послѣдовалъ второй взрывъ сильнѣе прежняго, множество Казанцевъ виднѣлось на воздухѣ, одни перерванные пополамъ, другіе съ оторванными руками и ногами. Тогда Русское войско, воскликнувъ: «Съ нами Богъ!» пошло на приступъ; Казанцы встрѣтили его крикомъ: Магометъ! всѣ поремъ на юртъ!» Въ воротахъ и на стѣнахъ началась страшная свѣча⁴². Одинъ изъ ближнихъ людей вошелъ въ церковь и сказалъ царю: «Государь! время тебѣ ѣхать; полки ждутъ тебя». Іоаннъ отвѣчалъ: «Если до конца отслушаемъ службу, то и совершенную милость отъ Христа получимъ». Пріѣхалъ второй вѣстникъ и сказалъ: «Непремѣнно нужно ѣхать царю, надобно подкрѣпить войско». Іоаннъ вздохнулъ глубоко, слезы полились изъ глазъ, онъ началъ молиться: «Не остави мене, Господи Боже мой! не отступи отъ мене, вонми въ помощь мою!» Обѣдня уже оканчивалась; Іоаннъ приложился къ образу чудотворца Сергія, выпилъ святой воды, съѣлъ кусокъ просвиры, артоса, принявъ благословленіе духовника, сказалъ духовенству:

«Простите меня и благословите пострадать за православіе, помогайте намъ молитвою!» вышелъ изъ церкви, сѣлъ на коня и поскакалъ къ своему полку.

Когда Іоаннъ подъѣхалъ къ городу, знамена Русскія развѣвались уже на стѣнахъ; присутствіе царя придадо ратникамъ новыя силы; князь Воротынскій прислалъ сказать, что Русскіе люди уже въ городѣ, чтобъ царь помогъ имъ своимъ полкомъ; Іоаннъ велѣлъ своему полку спѣшиться и идти на помощь, потому что на лошадяхъ въ городскія улицы вѣхать было нельзя по причинѣ страшной тѣсноты. Татары оказывали отчаянное сопротивленіе; нѣсколько часовъ Русскіе не могли сдѣлать шага впередъ; наконецъ имъ удалось взобраться на крыши домовъ и оттуда бить непріятеля. Но въ эту рѣшительную минуту многіе ратники, предъстившись добычею, перестали биться и бросились на грабежъ; Казанцы начали одолавать остальныхъ. Воеводы дали знать объ этомъ царю: тотъ послалъ новую помощь, которая и успѣла поправить дѣло. Русскіе пробилась къ мечети, и здѣсь загорѣлась самая жаркая битва, въ которой погибъ главный Мулла. Съ другой стороны царь Едигеръ затворился въ своемъ дворѣ и крѣпко оборонялся; наконецъ, видя невозможность дальнѣйшаго сопротивленія, ринулся въ нижнюю часть города къ воротамъ: спереди не давалъ ему проходу небольшой Русской отрядъ, бывший подъ начальствомъ князя Курбскаго, а сзади напирало главное войско. По трупамъ своихъ, лежавшихъ наровнѣ съ стѣною, Татары взобрались на башню и закричали, что хотятъ вступить въ переговоры; Русскіе перестали биться и Татары начали говорить: «Пока стоялъ юртъ и мѣсто главное, гдѣ престолъ царскій былъ, до тѣхъ поръ мы бились до смерти за царя и за юртъ: теперь отдаемъ вамъ царя живаго и здороваго; ведите его къ своему царю! А мы выйдемъ на широкое поле испить съ вами послѣднюю чашу». Выдавши царя вмѣстѣ съ тремя приближенными къ нему вельможами, Татары бросились прямо со стѣны на берегъ Казанки, хотѣли пробиться прямо къ рѣкѣ, но, встрѣченные залпомъ изъ Русскихъ пушекъ, поворотили назадъ

внизъ, бросили доопѣхи, разулись и перебрали рѣву, въ числѣ 6000; двое князей Курбскихъ, Андрей и Романъ, обскакали непріятеля, врѣзались въ его ряды и были сняты; но троемъ другимъ воеводамъ—князьямъ Микулинскому и Глинскому и Шереметеву, удалось нанести Казанцамъ окончательное поражение: только немногіе успѣли убѣжать въ лѣсъ, и то раненые. Въ Казани не осталось въ живыхъ ни одного изъ ея защитниковъ, потому что Іоаннъ велѣлъ побивать всѣхъ вооруженныхъ, а брать въ плѣнъ только женщинъ и дѣтей.

Узнавши, что Казань въ рукахъ его войска, царь велѣлъ служить молебень подѣ своимъ знаменемъ, собственными руками вмѣстѣ съ духовникомъ водрузилъ крестъ, и велѣлъ поставить церковь во имя Нерукотвореннаго образа на томъ мѣстѣ, гдѣ стояло царское знамя во время взятія города. Послѣ молебна князь Владиміръ Андреевичъ, всѣ бояре и воеводы поздравляли государя; князь Владиміръ говорилъ: «Радуйся, царь православный, Божию благодатию побѣдившій супостатовъ! будь здоровъ на многія лѣта на Богомъ дарованномъ тебѣ царствѣ Казанскомъ! Ты по Богъ нашъ заступникъ отъ безбожныхъ Агарянъ; тобою теперь бѣдныя христіане освобождаются навѣки и нечестивое мѣсто освящается благодатию. И впередъ у Бога милости просимъ, чтобъ умножилъ лѣтъ живота твоего и покормилъ всѣхъ супостатовъ подѣ ноги твои, и далъ бы тебѣ сыновей наследниковъ царству твоему, чтобъ намъ пожить въ тишинѣ и покоѣ». Царь отвѣчалъ: «Богъ это совершилъ твоимъ, князь Владиміръ Андреевичъ, попеченіемъ, всего нашего воинства трудами и всенародною молитвою; буди воля Господня!» Пріѣхалъ и Шигъ-Алей съ поздравленіемъ. Татарскому царю, поздравляющему съ разрушеніемъ Татарскаго царства, Іоаннъ очель приличнымъ отвѣчать оправданіемъ этого разрушенія: «Царь господинъ!» сказалъ онъ: «тебѣ, брату нашему, вѣдомо: много я къ нимъ посылалъ, чтобъ захотѣли покою; тебѣ упорство ихъ вѣдомо, какимъ злымъ ухищреніемъ много лѣтъ лгали; теперь милосердый Богъ праведный судъ свой показалъ, отомстилъ имъ за кровь христіанскую». Іоаннъ велѣлъ очистить

отъ мертвыхъ тѣлъ одну улицу отъ Муралеевыхъ воротъ къ цареву двору, и въѣхалъ въ городъ: впереди ѣхали воеводы и дворяне, сзади князь Владиміръ Андреевичъ и Шигъ-Алей. Царь былъ встрѣченъ Русскими плѣнниками, освобожденными отъ неволи; увидавши государя, они пали на землю со слезами и кричали: «Избавитель нашъ! изъ ада ты насъ вывелъ; для насъ, сиротъ своихъ, головы своей не пощадилъ!» Царь велѣлъ отвести ихъ въ свой станъ и кормить, потомъ распорядиться отсылкою по домамъ. Въѣхавши въ городъ, Іоаннъ велѣлъ воеводамъ гасить пожаръ; всѣ сокровища, взятые въ Казани, и плѣнниковъ, женщинъ и дѣтей, онъ отдалъ войску, а себѣ взялъ только царя Едигера, знамена царскія и пушки городскія. Побывъ нѣсколько времени на царевомъ дворѣ, возвратился назадъ въ станъ, гдѣ прежде всего пошелъ въ церковь св. Сергія принести благодарную молитву чудотворцу; потомъ отправился къ столу, утѣшивъ все войско благодарными словами и обѣщаніемъ жаловать всѣхъ.

Казань была взята; но надобно было распорядиться насчетъ дикаго, воинственного народонаселенія, жившаго въ ея области: Іоаннъ разослалъ по всѣмъ улусамъ чернымъ ясачнымъ людямъ жалованныя грамоты, писалъ, чтобъ шли къ нему безъ страха, онъ ихъ пожалуетъ, а они бы платили ему ясакъ, какъ и прежнимъ Казанскимъ царямъ; Арскіе люди и Луговая Черемиса прислали съ челобитьемъ. 4 Октября, вся Казань была очищена отъ труповъ; царь поѣхалъ въ нее въ другой разъ, выбралъ среди города мѣсто, водрузилъ на немъ своими руками крестъ и заложилъ церковь во имя Благовѣщенія Богородицы; отслужили молебенъ, освятили воду и съ крестами ходили по городскимъ стѣнамъ. На третій день, 6 Октября заложенная церковь Благовѣщенія уже была готова и освящена. Въ тотъ же день царь назначилъ намѣстниковъ въ Казань: большаго боярина, князя Александра Борисовича Горбатаго и боярина князя Василя Семеновича Серебрянаго, оставилъ съ ними дворянъ своихъ большихъ, много дѣтей боярскихъ, стрѣльцовъ и козаковъ. 11-го Октября Іоаннъ выступилъ въ обратный

путь: самъ государь поѣхалъ Волгою въ судахъ, а конная рать пошла берегомъ на Василь-Сурскъ съ княземъ Воротынскимъ. Въ Нижнемъ-Новгородѣ царь встрѣтилъ посланныхъ съ поздравленіемъ отъ царицы, отъ князя Юрія Васильевича и отъ митрополита; тутъ онъ вышелъ изъ судовъ и поѣхалъ сухимъ путемъ на Балахну во Владимірь. Здѣсь ждала его новая радость: прискакала бояринъ Траханиотъ съ вѣстію о рожденіи перваго сына, Димитрія. Изъ Владиміра черезъ Суздаля и Юрьевъ царь поѣхалъ въ Троицкій монастырь, гдѣ прежній митрополитъ Іоасафъ, игуменъ и братія встрѣтили его съ крестами; въ селѣ Тайнинскомъ онъ встрѣченъ былъ братомъ Юріемъ, подъ Москвою кликами безчисленнаго множества народа: «Многая лѣта царю благочестивому, побѣдителю варваровъ, избавителю христіанскому!» У Срѣтенскаго монастыря встрѣченъ былъ митрополитомъ съ крестами; благословившись у митрополита, Іоаннъ говорилъ ему рѣчь, которая оканчивалась такъ: «А тебѣ отцу своему и богомольцу и всему освященному собору, вмѣстѣ съ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ и со всѣмъ войскомъ, за ваши труды и молитвы, потому что вашими молитвами Богъ содѣлалъ такія великія чудеса, много челомъ бьемъ». Тутъ царь, князь Владимірь и все войско поклонились въ землю, послѣ чего Іоаннъ продолжалъ: «И теперь вамъ челомъ бью, чтобъ пожаловали, потщились молитвою къ Богу о нашемъ согрѣшеніи и о строеніи земскомъ, чтобъ вашими святыми молитвами милосердый Богъ намъ милость Свою послалъ, и порученную намъ паству, православныхъ христіанъ, сохранилъ во всякомъ благовѣрїи и чистотѣ; поставилъ бы насъ на путь спасенія, отъ враговъ невидимыхъ соблюлъ, новопросвѣщенный градъ Казанскій, по волю Его стятою намъ данный, сохранилъ во имя святое Свое, и утвердилъ бы въ немъ благовѣріе, истинный законъ христіанскій, и невѣрныхъ бы обратилъ къ нему, чтобъ и они вмѣстѣ съ нами славили великое имя святыхъ Троицы, Отца, Сына и Святаго Духа, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь». Митрополитъ отвѣчалъ также рѣчью, въ которой прославлялъ

миость Божию и подвиги царя, сравнивалъ его съ Константиномъ Великимъ, Владиміромъ Святымъ, Димитріемъ Донскимъ, Александромъ Невскимъ; по окончаніи рѣчи, митрополитъ и все духовенство пали также на землю предъ царемъ, благодаря его за труды. Здѣсь, у Срѣтенскаго монастыря, Іоаннъ перодѣлся: снялъ воинскіе доспѣхи и надѣлъ одежду царскую: на голову надѣлъ шапку Мономахову, на плеча бармы, на грудь крестъ, и пошелъ пѣшкомъ за крестами въ Успенскій соборъ, а оттуда во дворецъ. 8, 9, 10 Ноября были столы у царя для знатнаго духовенства и вельможъ, и три дня раздавались дары митрополиту, владыкамъ и награды воеводамъ и воинамъ, начиная съ князя Владиміра Андреевича до послѣднаго сына боярскаго: кромѣ вотчинъ, помѣстій и кормленій, роздано было деньгами, платьемъ, сосудами, доспѣхами, конями 48,000 рублей⁴³.

Награды соответствовали подвигу, соответствовали понятію, которое современники имѣли о немъ. Въ концѣ XIV вѣка Русскіе одержали впервые побѣду надъ Татарами, пришедшими напомнить имъ времена Батыя; Русскіе рѣшились защищаться отъ Татаръ, отражать ихъ нападенія, но долго еще не рѣшались вести съ ними войны наступательной; Іоанну III-му, вслѣдствіе внутреннихъ смуть въ Казани, удалось утвердить здѣсь свое вліяніе, посадить хана изъ своей руки; но этотъ ханъ, подъ конецъ жизни Іоанновой, свергнулъ съ себя зависимость отъ Москвы; въ княженіе Василя Іоанновича мы видѣли рядъ походовъ на Казань для возстановленія прежнихъ отношеній; въ малолѣтство же Іоанна IV-го Казань не только свергнула съ себя зависимость отъ Москвы, но даже приняла наступательный образъ дѣйствія и сосѣднія области терпѣли сильныя опустошенія. И вотъ, благодаря великодушнымъ усиліямъ молодого государя, Казань взята, присоединена окончательно къ Московскому государству, *завоевано Татарское царство*. Надобно перенестись въ XVI вѣкъ, чтобъ понять всю силу впечатлѣнія, какое производили на современниковъ эти слова: *завоевано Татарское царство!* Только нѣсколько лѣтъ

навадь молодой великій князь рѣшился принять этотъ страшный титулъ царя, означавшій до сихъ поръ преимущественно Татарскихъ хановъ, верховныхъ повелителей, предъ которыми преклонялись наши князья; вспомнимъ, что Іоаннъ III-й, требовавшій равенства съ императоромъ Германскимъ и султаномъ, не думалъ о равенствѣ съ царемъ Крымскимъ и билъ ему челомъ. И вотъ царство Татарское завоевано, и завоевано съ необыкновенными усилиями, которыя соответствовали усилиямъ сѣверо-восточной Руси для отраженія Мамай въ 1380 году; но слѣдствія усилій были совершенно различны: слѣдствіемъ усилій Донскаго было только отраженіе страшнаго царя; слѣдствіемъ усилій Іоанна IV было завоеваніе царства. Въ туманѣ самой отдаленной древности представлялись первые князья Рускіе, эти герои, завоевывавшіе чуждыя страны; давно миновались эти счастливыя времена и замѣнились временами усобицъ и нападений поганыхъ, несшихъ розно Русскую землю. Недавно Русская земля начала опять собираться, но о приобрѣтеніяхъ чуждыхъ земель не думали, ибо на присоединеніе областей Литовскихъ смотрѣли какъ на возвращеніе своего. Завоеваніе Казанскаго царства было, слѣдовательно, первымъ завоеваніемъ, и, что всего важнѣе, завоеваніемъ Татарскаго царства: послѣ многихъ вѣковъ страданія и униженія явился наконецъ царь на Руси, который возвратилъ ей счастливое время первыхъ князей завоевателей: понятно отсюда, почему Іоаннъ IV-й сталъ такъ высоко надъ своими предшественниками, почему для Русскихъ людей XVII вѣка это былъ самый величественный образъ въ Русской исторіи, загораживающій собою всѣ другіе образы, именно такой, какимъ для Русскихъ людей двухъ послѣднихъ вѣковъ былъ образъ Петра Великаго; но имѣемъ право сказать, что, относительно всей массы Русскаго народонаселенія, впечатлѣніе, произведенное подвигами Іоанна IV-го, было сильнѣе впечатлѣнія, произведеннаго на современниковъ подвигами Петра, ибо дѣятельность преобразовательная, касавшаяся преимущественно высшихъ слоевъ общества, подвиги Сѣверной войны, Полтавская побѣда.

Истор. Росс. Т. VI.

да не могли возбуждать въ цѣлой массѣ народонаселенія такого сильнаго сочувствія, какое въ Русскихъ людяхъ XVI вѣка возбуждено было завоеваніемъ Татарскаго царства. Притомъ завоеваніе это не было вовсе слѣдствіемъ личнаго славолубія молодаго государя и не было слѣдствіемъ стремленій великихъ, но не для всѣхъ понятныхъ, каково, на примѣръ, было стремленіе къ завоеванію прибалтійскихъ областей; завоеваніе Казанскаго царства было подвигомъ необходимымъ и священнымъ въ глазахъ каждаго Русскаго человѣка; подвигъ этотъ совершался для защиты христіанства отъ бусурманства, для охраненія Русскихъ областей, опустошаемыхъ варварами; для освобожденія плѣнниковъ христіанскихъ. Наконецъ впечатлѣніе усиливалось еще разказами о необыкновенныхъ, небывалыхъ трудностяхъ подвига, ибо всѣ прежніе походы подъ города, походъ Новгородскій, даже Смоленскій не могли идти въ сравненіе съ этимъ послѣднимъ походомъ Казанскимъ.

Въ исторіи восточной Европы взятіе Казани, водруженіе креста на берегахъ ея рѣкъ имѣетъ важное значеніе. Преобладаніе Азіятскихъ ордъ здѣсь было поколеблено въ XIV вѣкѣ и начало никнуть предъ новымъ европейскимъ, христіанскимъ государствомъ, образовавшимся въ области верхней Волги. Во второй половинѣ XV вѣка Золотая орда рушилась, но расторгнутые члены чудовища не переставали двигаться; явилось три царства Татарскихъ: изъ нихъ Астраханское, образовавшееся на устьяхъ Волги, было самое безопасное для христіанскихъ государствъ восточной Европы; Крымское скоро обнаружило свой разбойничій характеръ въ отношеніи къ Руси и Польшѣ: но широкая степь отдаляла Московское государство отъ Крыма. Ничто не отдаляло его отъ третьяго царства Казанскаго, основаннаго на средней Волгѣ и нижней Камѣ, въ томъ важномъ мѣстѣ, гдѣ новая сѣверо-восточная Русь необходимо должна была сталкиваться съ Азіею въ своемъ естественномъ стремленіи — внизъ по Волгѣ. Издавна Азія, и Азія магометанская, устроила здѣсь притонъ, притонъ не для кочевыхъ ордъ, но для цивилизаціи своей; издавна утвердился здѣсь

торговый и промышленный народ — Болгары; издавна, когда еще Русскій Славянинъ не начиналъ строить на Окѣ церквей христіанскихъ, не занималъ еще этихъ мѣстъ во имя Европейской гражданственности, Болгаринъ слушалъ уже коранъ на берегахъ Волги и Камы. Здѣтъ впервые въ сѣверо-восточной Европѣ христіанство столкнулось съ бусурманствомъ. Это столкновение было необходимо, какъ скоро новая Русь основалась въ области вѣрхней Волги, какъ скоро Славянская колонизація нашла себѣ путь внизъ по этой рѣкѣ; первые князья новой, сѣверо-восточной Руси — Юрій Долгорукій, Андрей Боголюбскій, Всеволодъ III, Юрій II, ведутъ войны съ Болгарами и доводятъ границы своихъ владѣній до устья Оки въ Волгу, гдѣ закрѣпляютъ ихъ Нижнимъ-Новгородомъ. Болгарамъ трудно было бы защитить Азію и магометанство съ этой стороны отъ напора Руси; но вотъ Азія высылаетъ Татаръ, и движеніе Руси на востокъ по теченію Волги остановлено надолго. Съ ослабленіемъ Татарскаго владычества это движеніе снова начинается; но тутъ Азія, Татары собираютъ послѣднія силы и утверждаютъ въ опасномъ мѣстѣ, основывается Казань. До тѣхъ поръ пока существовала Казань, до тѣхъ поръ дальнѣйшее движеніе Русской колонизаціи на востокъ по Волгѣ, наступательное движеніе Европы на Азію было невозможно. Страшное ожесточеніе, съ какимъ Татары, эти жители степей и кибитокъ, способные къ нападенію, но неспособные къ защитѣ, защищали однако Казань, это страшное ожесточеніе заслуживаетъ вниманіе историка: здѣсь средняя Азія, подъ знаменемъ Магомета, билась за свой послѣдній оплотъ противъ Европы, шедшей подъ христіанскимъ знаменемъ государя Московскаго. Пала Казань и вся Волга стала рѣкою Московскаго государства; завоеваніе Астрахани было скорымъ, неминуемымъ слѣдствіемъ завоеванія Казани. Мы видѣли, что до сихъ поръ колонизація Русская брала сѣверо-восточное направленіе: юго-восточная часть великой равнины не была ей доступна по причинѣ господства здѣсь кочевыхъ ордъ; но съ паденіемъ Казани, т.-е. со взятіемъ всей Волги во владѣніе

Московскимъ государствомъ, Русскія поселенія получили возможность распространяться и на юго-востокъ, въ богатые страны, орошаемыя западными притоками Волги и восточными Дона.

Около Казани сосредоточивались и укрѣпляли ее разные дикіе народы, жившіе въ привольныхъ для первобытнаго чело-вѣка мѣстахъ по обѣимъ сторонамъ Волги, западной и восточной, горной и луговой: Черемисы, Мордва, Чуваши, Вотяки, Башкиры. Мы видѣли, какъ народонаселеніе горной стороны, Горные люди, послѣ разныхъ колебаній, должны были подчиниться Москвѣ вслѣдствіе основанія Свіязска; мы видѣли также, что первымъ дѣломъ Іоанна по взятіи Казани была посланка къ этимъ народцамъ съ приглашеніемъ вступить въ подданство Московское, войти къ Москвѣ въ тѣ же отношенія, въ какихъ находились они къ Казани. Они согласились, и дѣло казалось конченнымъ. Курбскій пишетъ, что въ думѣ, созданной для разсужденія объ устройствѣ новозавоеванной земли, нѣкоторые бояре совѣтовали царю остаться въ Казани до весны со всѣмъ войскомъ для окончательнаго искорененія бусурманскаго воинства, потому что кромѣ Татаръ въ землѣ Казанской обитали еще пять различныхъ народовъ; но царь не принялъ этого совѣта, а принялъ совѣтъ шурьевъ своихъ и нѣкоторыхъ другихъ вельможъ, также священниковъ, и рѣшился возвратиться въ Москву. Мы не знаемъ, что именно представляли ему тѣ и другіе совѣтники въ пользу своихъ мнѣній: вѣроятно люди, совѣтовавшіе возвратиться, представляли, что странно держать цѣлое войско подъ Казанью изъ одного только опасенія возстаній Луговыхъ или Горныхъ людей, что войска, оставленнаго съ Казанскими намѣстниками, достаточно для защиты города, и что въ случаѣ опасности можно двинуть другіе полки; что неблагоразумно обнаруживать враждебныя намѣренія и такимъ образомъ вооружить противъ себя людей, присылающихъ съ челобитьемъ, готовыхъ платить ясакъ; но главное—мы не должны забывать состава и характера тогдашняго Русскаго войска, не должны забывать, что служилые

люди еще въ Коломнѣ отказывались отъ дальнѣйшаго похода, объявляя себя утомленными. Курбскій же пишетъ, что оставшіеся князья Казанскіе, какіе — неизвѣстно, соединившись съ Черемисами и другими народцами, подняли войну противъ Русскихъ. Лѣтописецъ складываетъ вину на бояръ, которымъ царь поручилъ промыслять Казанскимъ дѣломъ: по его словамъ, они заботились только о кормленіяхъ, а Казанское строеніе поотложили ⁴⁴. Какъ бы то ни было, не прошло еще двухъ мѣсяцевъ по возвращеніи царя въ Москву, какъ 20 Декабря воеводы Васильсурскіе прислали вѣсть, что Луговые и Горные люди побили на Волгѣ гонцовъ, купцовъ и боярскихъ людей, возвращавшихся съ запасами изъ-подъ Казани. Царь послалъ приказаніе Свіязскому намѣстнику, князю Петру Шуйскому, разыскать между Горными людьми, кто изъ нихъ разбойничалъ? Шуйскій отправилъ для розыску воеводу Бориса Самтыкова; тотъ перехваталъ разбойниковъ, числомъ 74 человекъ; однихъ повѣсили на мѣстѣ, другихъ у Свіязска, имѣніе ихъ отдали истцамъ. Казанскій намѣстникъ, князь Горбатый, доносилъ, что онъ также перевѣшалъ 38 человекъ Казанцевъ и Вотяковъ, замышлявшихъ было дурное дѣло, что ясакъ собирается успѣшно. Въ концѣ 1552 и въ два первые мѣсяца 1553 года на счетъ Казани слѣдовательно могли быть спокойны въ Москвѣ; но 10 Марта пришла дурная вѣсть: князь Горбатый писалъ, что Луговые люди измѣнили, ясаковъ не дали, сборщиковъ ясака убили, прошли на Арское поле, стали всѣ заодно и утвердились на высокои горѣ у засѣки; воеводы послали на нихъ козаковъ и стрѣльцовъ; тѣ разошлись по разнымъ дорогамъ и побиты были на-голову; стрѣльцы потеряли 350, а козаки 450 человекъ, послѣ чего мятежники поставили себѣ городъ на рѣкѣ Мешѣ, въ 70 верстахъ отъ Казани, землю стѣну насыпали и положили тутъ отсиживаться отъ Русскихъ. Черезъ двѣ недѣли пришла другая вѣсть изъ Свіязска, еще хуже: мятежники, Черемисы и Вотяки, пришли войною на торную сторону: князь Шуйскій отпустилъ противъ нихъ извѣстнаго уже намъ Бориса Самтыкова съ дѣтьми боярскими и

Горными людьми; но Салтыковъ потерпѣлъ пораженіе, былъ взятъ въ плѣнъ; кромѣ него Русскіе потеряли 250 человекъ убитыми и 200 плѣнными. По этимъ вѣстямъ, изъ Москвы отправился съ дѣтьми боярскими въ Вятку Данила Ѳеодоровичъ Адашевъ, родной братъ Алексѣя; ему велѣно было искать измѣнниковъ по рѣкамъ Камѣ и Вяткѣ; сверху по Волгѣ шли на помощь Адашеву козаки. Адашевъ все гдѣ ходилъ по тремъ рѣкамъ — Камѣ, Вяткѣ и Волгѣ, на перевозахъ, во многихъ мѣстахъ билъ Казанцевъ и Ногаевъ, и переслалъ въ Казань 240 человекъ плѣнныхъ. Въ Сентябрѣ отправились изъ Москвы воеводы: князь Семенъ Микулинскій, Петръ Морозовъ, Иванъ Шереметевъ и князь Андрей Курбскій; зимою 1554 года начали они военныя дѣйствія, сожгли городъ на Мещѣ, который построили мятежники, били ихъ при всякой встрѣчѣ, воевали четыре недѣли, страшно опустошили всю страну, вверхъ по Камѣ ходили на 250 верстѣ, взяли въ плѣнъ 6000 мужчинъ, 15,000 женщинъ и дѣтей, слѣдствіемъ чего было то, что Арскіе и Побережные (при-Камскіе?) люди дали клятву быть неотступными отъ Казани и давать дань государю. Но гдѣ-то возволновались Луговые люди; воеводы попробовали послать противъ нихъ двухъ Казанскихъ князей съ Арскими, Побережными и Горными людьми, чтобъ испытать вѣрность послѣднихъ; опытъ не удался; Казанцы не пошли на измѣнниковъ, соединились съ ними, побили тѣхъ Арскихъ и Горныхъ людей, которые оставались вѣрны, на Камѣ побили рыбаковъ, и начали приходять къ самой Казани на сънокосъ. Противъ нихъ отправился князь Иванъ Ѳеодоровичъ Мстиславскій: въ двѣ недѣли были опустошены 22 волости, мятежники, напавшіе на сторожевой полкъ, были разбиты на-голову. Толпы Луговыхъ явились на Арской сторонѣ; но Арскіе люди подѣлали остроги и отбили отъ нихъ съ помощію Московскихъ стрѣльцовъ, которые стрѣльбою изъ пищалей наносили много вреда нападавшимъ; также остались вѣрны и Горные люди: они внезапно напали на Луговую сторону и повоевали ее; двое князей Казанскихъ, отправленные воеводами вмѣстѣ съ стрѣль-

цами и новокрещенными народами, порззили войско мятежниковъ и привели въ Казань плѣнными многихъ князей и мурзъ, которые были всѣ казнены. Арскіе люди и Побережные продолжали отличатся вѣрностію: побили въ одну эту осень 1560 мятежниковъ всякихъ званій. Государь послалъ воеводамъ и вѣрнымъ Татарамъ жалованье — золотые. Но если Арскіе и Побережные люди всѣ были вѣрны и заплатили ясакъ исправно, то Луговые сотники — Мамичь-Бердей съ товарищами не пошли въ Казань и попрежнему разбойничали по Волгѣ, разбивая суда. Противъ нихъ отправились князь Иванъ Мстиславскій и бояринъ Данила Романовичъ. Въ чемъ состояли ихъ дѣйствія, мы не знаемъ; только весною 1556 года князь Петръ Ивановичъ Шуйскій далъ знать изъ Казани, что Арскіе люди и Побережные опять измѣнили, стоявшихъ у нихъ стрѣльцовъ побили и ссылаются съ главнымъ мятежникомъ — Мамичь-Бердеемъ, который взялъ уже себѣ царевича отъ Ногаевъ. Къ счастію Горные люди оставались попрежнему вѣрными и оказали важную услугу Москвѣ, освободивъ ее отъ Мамичь-Бердея: съ 2000 человекъ подступилъ онъ къ ихъ острогу, опустошивъ окрестныя мѣста: Горные люди завели съ нимъ переговоры, обѣщались дѣйствовать заодно противъ царскаго войска, и, въ знакъ союза, назвали его къ себѣ на пиръ; Мамичь-Бердей пришелъ къ нимъ съ двумястами своихъ: но эта стража была перебита на пиру, Мамичь-Бердей схваченъ живой и отвезенъ въ Москву. Государь пожаловалъ за это Горныхъ людей великимъ своимъ жалованьемъ и сбавилъ имъ ясака. Мамичь-Бердей объявилъ въ Москвѣ, что онъ уже убилъ призваннаго имъ царя изъ Ногаевъ, потому что отъ него не было никакой пользы; Черемисы взоткнули голову убитаго на высокій колъ и приговаривали: «Мы было взяли тебя на царство для того, чтобъ ты съ своимъ дворомъ оборонялъ насъ; а вмѣсто того ты и твои люди помощи намъ не дали никакой, а только воловъ и коровъ нашихъ поѣли; такъ пусть голова твоя царствуетъ теперь на высокомъ колѣ».

Мятежники, лишившись Ногайской помощи, потерявъ Ма-

мичь-Бердея, должны были выдержать нападенія боярина Петра Морозова: послѣдній весною 1556 года съ дѣтьми боярекими, козаками, стрѣльцами, новокрещенными инородцами выступилъ къ Чалымскому городку и сжегъ его, пововавши и побивши многихъ людей, которые встрѣтили его на рѣкѣ Мешѣ и потерпѣли совершенное пораженіе; послѣ этого Морозовъ воевалъ десять дней, опустошилъ всѣ Арскія мѣста, побилъ многихъ людей, плѣнныхъ вывелъ безчисленное множество. Это было въ Маѣ; въ Юнѣ Морозовъ вмѣстѣ съ воеводою Федоромъ Салтыковымъ выступилъ въ новый походъ, за 50 верстъ только не дошелъ до Вятки: ратники его брали въ плѣнъ однихъ женщинъ и дѣтей, мужчинъ всѣхъ побивали. Кромѣ того князь Петръ Шуйскій изъ Казани отпуская еще другіе отряды, велѣдствіе чего Арская и Побережная сторона опустошены были въ-конецъ; спасшіеся отъ меча и плѣна пришли въ Казань и добили челомъ. Весною слѣдующаго года князь Петръ Шуйскій велѣлъ Арскимъ и Побережнымъ людямъ поставить на Камѣ городъ Лаишевъ, который долженъ былъ служить обороною противъ Ногаевъ; въ городѣ посажены были новокрещены и стрѣльцы, у которыхъ головами были дѣти боярскіе; новокрещенамъ воевода велѣлъ тутъ пашню пахать; также у Казани, по пустымъ селамъ велѣлъ всѣмъ пахать пашни, и Русскимъ людямъ, и новокрещенамъ. Но въ то же самое время Луговые люди продолжали волноваться: подъ начальствомъ богатыря Ахметека они напали на Горную сторону, но были поражены княземъ Ковровымъ, и Ахметекъ попался въ плѣнъ; другія толпы Луговыхъ, приходившія на Арскія мѣста, были также побиты; а между тѣмъ изъ Казани, Свияжска и Чебоксаръ ежедневно выходили Русскіе отряды опустошать Луговую сторону. Наконецъ въ Маѣ государь получилъ извѣстіе, что Луговые прислали бить челомъ о своихъ винахъ: Іоаннъ послалъ въ Казань и на Свиягу стряпчаго Ярцова приводить Луговыхъ къ присягѣ. Ярцевъ возвратился съ извѣстіемъ, что вся Казанская земля успокоилась ⁴⁵.

Такимъ образомъ послѣ взятія Казани нужно было еще пять

звѣтъ опустошительной войны, чтобъ усмирить воѣ народы, отъ нея прежде завистливѣе. Въ борьбѣ этихъ народовъ противъ Москвы, такъ же какъ и въ послѣдней борьбѣ самой Казани, принимаютъ дѣятельное участіе Ногаи, съ которыми до тѣхъ поръ не было у Москвы явно враждебныхъ отношеній. Послы и купцы Ногайскіе часто прѣзжали въ Москву; привозя съ собою на продажу большіе табуны лошадей; станы этихъ кочевниковъ раскидывались подъ Симоновимъ на берегу и въ другихъ подгородныхъ мѣстахъ. Купцы Ногайскіе при удобномъ случаѣ не могли удержаться отъ хищныхъ привычекъ, надъ людьми торговыхъ становились разбойниками: такъ Московское правительство жаловалось князьямъ Ногайскимъ, что гости ихъ, идя по Русскимъ украинамъ, много вреда на дѣлали, деревни грабили, жгли, людей головами брали и въ нѣтъ вѣли. Неудобно было поддерживать дружескія отношенія съ Ногайскими князьями, посылать имъ подарки, чтобъ они не мѣшались въ дѣла Казанскія, не соединялись съ Крымомъ. Намъ не нужно слѣдить въ подробности за сношеніями Московскаго правительства съ Ногайскими князьями, по однообразію этихъ сношеній: потомки Едигея обыкновенно такъ писали къ *большому князю Московскому*: «Ты бы прислалъ намъ тѣ деньги, которыя обѣщалъ; доведешь намъ свою правду — и мы Казани не пособляемъ, а отъ Крыма бережемъ, потому что Крымскій ханъ намъ недругъ. Деньги пришли, а не прислешь — то правда на твоей шеѣ. Большаго моего посла ты сухо отпустилъ, а меньшому послу мало поминковъ далъ: и если бы ты намъ другъ былъ, то ты такъ ли бы дѣлалъ? Ты всякій годъ намъ лжешь. Если назовешь насъ себѣ друзьями, то пришли тѣ куны, которыя посулилъ. А Казанскій царь ежедневно присылаетъ насъ звать, чтобъ мы съ нимъ Москву воювали». Иоаннъ призывалъ отвѣчать на это: «Въ грамотѣ къ намъ писалъ ты многія непригодія слова, и за такими словами непригоже въ дружбѣ быть. Если же впередъ станешь къ намъ дружбу свою дѣлать, то пришлешь къ намъ большаго посла, а мы съ нимъ пошлемъ къ тебѣ своего боярина, а

что у нас случится, то мы къ тебѣ пошлемъ». Хотя за непригожія слова и не слѣдовало быть въ дружбѣ, однако вражда была опасна, и обѣщались подарки, если придетъ большой посоль. За подарки Ногаи готовы были писать Іоанну: «Я твой козакъ и твоихъ воротъ человекъ; братству моему знамя то: захотятъ младшіе мои братья или дѣти въ вашу сторону войною идти, то я, если смогу ихъ унять, уйму; если же не смогу ихъ унять, то къ тебѣ вѣсть пошлю». Но мы видѣли, какое важное значеніе имѣла Казань для всей средней Азии и для всего магометанскаго міра, который теперь, благодаря Турецкому оружію, былъ не менѣе могущественъ, какъ и во времена первыхъ калифовъ. Еще при отцѣ Іоанновомъ Крымскій ханъ обратилъ вниманіе султана на униженіе, какому подвергается магометанскій міръ, оставляя Казань въ зависимости отъ христіанскихъ государей Москвы; еще при отцѣ Іоанновомъ посоль Турецкій объявлялъ въ Москвѣ, что Казань есть юртъ султановъ; въ малолѣтство Іоанново Крымскій ханъ необходимымъ условіемъ міра поставлялъ то, чтобъ Москва отказалась отъ притязаній своихъ на Казань. Когда Іоаннъ, возмужавъ, показалъ ясно, что нисколько не думаетъ отказаться отъ этихъ притязаній, въ Бакчисараѣ и Стамбулѣ не могли оставаться равнодушными: Крымскому хану, по причинѣ отдаленія и неудобства сообщеній, нельзя было непосредственно помогать Казани, защищать ее отъ Русскихъ; онъ могъ только нападѣніемъ на Московскія украины отвлекать царя отъ Казани, что онъ и попытался сдѣлать; поэтому султанъ писалъ къ Ногайскимъ князьямъ, чтобъ они, заключивъ союзъ съ Крымскимъ ханомъ, защищали Казань. По донесеніямъ нашихъ пословъ, султанъ такъ писалъ къ Ногайскимъ князьямъ: «Въ нашихъ бусурманскихъ книгахъ пишется, что Русскаго царя Ивана лѣта пришли, рука его надъ бусурманами высока. Уже и мѣгъ отъ него обиды великія; поле все и рѣки у меня поотнималъ. Донъ у меня отнялъ, въ Азовѣ поотнималъ всю волю; козаки его съ Азова оброкъ берутъ, воды изъ Дону пить не ддаютъ. А Крымскому царю также обиду ддаютъ великую: Перекопъ

воевали. Русскіе же козаки Астрахань взяли, оба берега Волги отняли и ваши улусы воюють: какъ вы за это стоять не умѣете? Казань теперъ какъ воюють! а въ Казани вѣдь наша же-вѣра бусурманская. И мы всё бусурманы сговорились: станемъ отъ Русскаго царя борониться заодно»⁴⁶. Ногаи исполнили султанову волю, посадили въ Казани царемъ Астраханскаго царевича Едигера, защищали ее сколько могли, боролись съ Русскими и послѣ ея паденія. Но главною причиною слабости ихъ при этой борьбѣ, главною причиною успѣха Русскихъ въ Казани съ самаго начала, потомъ въ Астрахани, и между самими Ногаями, была постоянная усобица владѣтелей; усилится одинъ изъ нихъ и обнаружитъ враждебное расположеніе къ Москвѣ — Москва могла быть увѣрена, что найдетъ себѣ союзниковъ и даже подданныхъ въ другихъ князьяхъ, враждебныхъ ему родичахъ. Въ то время, какъ одинъ Астраханскій царевичъ Едигеръ бился съ Русскими на смерть въ Казани, родственникъ его, также Астраханскій царевичъ Шигъ-Алей, находился въ Русскомъ станѣ, другой царевичъ, Кайбула, владѣль Юрьевымъ, изгнанный изъ Астрахани царь Дербышъ-Алей жилъ въ Звенигородѣ. Незадолго передъ тѣмъ преемникъ Дербыша, Астраханскій царь Ямгурчей, присылалъ въ Москву бить челомъ государю, чтобъ пожаловалъ, велѣлъ ему себѣ служить и съ юртомъ; когда же, вслѣдствіе похода Иоаннова на Казань, началось между магометанами движеніе для ея защиты, то Ямгурчею трудно было держаться въ Астрахани въ качествѣ союзника Московскаго, и онъ обнаружилъ свою вражду къ Иоанну тѣмъ, что ограбилъ его посла. Одинъ Ногайскій князь, Юсуфъ, тестъ Сафа-Гирея, не ладилъ съ Москвою и благопріятно слушалъ предложенія султана, ограбилъ въ 1551 году Московскаго посла, много дѣлалъ ему докучъ и безчестья, много словъ говорилъ жестокихъ и хвастливыхъ; но другой князь, Измаиль, постоянно держался Москвы и говорилъ Юсуфу: «Твои люди ходятъ торговать въ Бухару, а мои ходятъ къ Москвѣ; и только мнѣ завоеваться съ Москвою, то и самому мнѣ ходить нагому, да и мертвымъ не на

что будетъ савановъ шить». Этотъ Измаилъ еще до взятія Казани предлагалъ царю овладѣть Астраханью, выгнать оттуда Ямгурчей и на его мѣсто посадить Дербыша; послѣ взятія Казани предложеніе возобновилось. Въ Октябрѣ 1553 года пришли къ Іоанну послы отъ Ногаевъ, отъ мурзы Измаила и другихъ мурзъ съ челобитьемъ, чтобъ царь и великій князь пожаловалъ ихъ, оборонилъ отъ Астраханскаго царя Ямгурчей, послалъ бы рать свою на него и посадилъ бы въ Астрахани на его мѣсто царя Дербыша, а Измаилъ и другіе мурзы будутъ исполнять государеву волю. Царь велѣлъ Адашеву спросить хорошенько Ногайскихъ пословъ, чего они хотятъ? и уговориться, какъ дѣйствовать вмѣстѣ съ ними противъ Астрахани? Уговорились, что царь пошлетъ къ Астрахани воеводъ Волгою на судахъ съ пушками, а Измаилъ будетъ помогать имъ сухимъ путемъ, или дѣтей и племянниковъ своихъ приплетъ къ Астрахани; если воеводы Астраханскій юртъ возьмутъ, то посадятъ здѣсь царемъ Дербыша; Измаилъ же послѣ этого долженъ идти войною на брата своего, князя Юсуфа, который царю и великому князю не приметъ, пословъ его безчестить.

Предложеніе Измаила было какъ нельзя выгоднѣе для Москвы, которая получала возможность утвердить свою власть надъ Астраханью, всегда столь важною для Русской торговли, и вромѣ того могла обезсилить враждебныхъ Ногайскихъ князей, столь опасныхъ теперь для нея по союзу съ Казанскими мятежниками. Но любопытно, какъ въ лѣтописи выставлены причины, которыя заставили Іоанна вооружиться противъ Астрахани: онъ вооружился во-первыхъ за свою обиду, потому что Ямгурчей царь присылалъ сначала пословъ бить челомъ, а потомъ имѣнилъ, и царскаго посла ограбилъ. При этомъ вспомнилъ царь о своемъ древнемъ отечествѣ: когда святой Владиміръ дѣлилъ волости дѣтямъ своимъ, то эту Астрахань, называвшуюся тогда Тмутараканемъ, отдалъ сыну своему Мстиславу, здѣсь былъ построенъ храмъ Пречистыя, здѣсь владѣли многіе государи христіанскіе, потомки св. Владиміра, сродники царя Ива-

на Васильевича; а потомъ, вождствие междоусобицъ брашеи Русскихъ государей, перешла Астрахань въ руки царей нечестивыхъ ордынскихъ. И умыслилъ царь и великій князь послать рать свою на Астрахань.

Весною 1554 года, какъ прошелъ ледъ, 30,000 Русскаго войска, подъ начальствомъ князя Юрья Ивановича Пронскаго-Шемякина, поплыли Волгою подъ Астрахань; туда же отправились Вятскіе служилые люди подъ начальствомъ князя Александра Вяземскаго. 29 Августа, когда царь, по обычаю, праздновалъ въ селѣ Коломенскомъ свои именины съ духовенствомъ и боярами, прискакалъ гонецъ отъ князя Пронскаго съ вѣстію о взятіи Астрахани. 29 Іюня, писалъ Пронскій, пришли они на Переволоку, что между Волгою и Дономъ, и отпустили напередъ князя Александра Вяземскаго и Данилу Чулкова съ дѣтьми боярскими и козаками Астраханскихъ людей поискать и языковъ добыть. Князь Александръ встрѣтился съ Астраханцами выше Чернаго острова, напалъ на нихъ и разбилъ наголову: ни одинъ человекъ не спасся. Плѣнные сказали воеводамъ, что ихъ послалъ Ямгурчей царь провѣдывать про войско Московское, а самъ Ямгурчей стоитъ ниже Астрахани въ пяти верстахъ, въ городѣ людей мало, всѣ люди сидятъ по островамъ. Пронскій, оставя большія суда, пошелъ на спѣхъ къ Астрахани: князя Вяземскаго отпустилъ на Ямгурчеевъ станъ, а самъ пошелъ къ городу, куда прибылъ 2 Іюля: высадившись въ двухъ мѣстахъ, Русскіе двинулись на крѣпость и заняли ее безъ малѣйшаго сопротивленія, потому что защитники ея побѣжали при первомъ видѣ врага. То же самое случилось и съ княземъ Вяземскимъ, который, приблизившись къ царскому стану, не нашелъ тамъ никого: Ямгурчей ускакалъ къ Азову, отпустивши женъ и дѣтей на судахъ къ морю; царицы съ царевичами и царевнами были перехвачены, но царя тщетно искали по всѣмъ угламъ и дорогамъ. 7 Іюля настигнуты были толпы Астраханцевъ, спасавшихся бѣгствомъ: часть ихъ была побита, другіе взяты въ плѣнъ, при чемъ освобождено было много Русскихъ невольниковъ. Тогда остальные Астраханцы

прислали съ челобитьемъ къ воеводамъ, чтобы государь ихъ пожаловалъ, побивать и разводить не велѣлъ, а велѣлъ бы служить себѣ и царю Дербышъ-Алею. Воеводы согласились на ихъ челобитье съ условіемъ, чтобы они выдали всѣхъ Русскихъ невольниковъ, въ какой бы ордѣ они ни были куплены; новый царь Дербышъ-Алей также ихъ пожаловалъ, лучшимъ людямъ велѣлъ жить у себя въ городѣ, а черныхъ отпустилъ по улусамъ: во всѣхъ улусахъ нашлось князей и мурзъ 500 человекъ, да черныхъ людей 7000; послѣ еще перехватили по дорогамъ бѣглецовъ и привели въ Астрахань 3000 человекъ. Давши царю Дербышъ-Алею городъ и наловивши ему подданныхъ, Пронскій обязалъ его клятвою давать Московскому государю каждый годъ по 40,000 алтынъ да по 3000 рыбъ; рыболовамъ Русскимъ царскимъ ловить рыбу въ Волгѣ отъ Казани до Астрахани и до самаго моря безданно и безъявочно, Астраханскимъ же рыболовамъ ловить съ ними вмѣстѣ безобидно. Если умретъ царь Дербышъ-Алей, то Астраханцы не должны тогда искать себѣ другаго царя, а должны бить челомъ государю и его дѣтямъ, кого имъ государь на Астрахань пожалуетъ, тотъ и будетъ имъ любъ. По утверженіи этихъ условій шертоною грамотою, воеводы отправились въ Москву, отпустивши всѣхъ Астраханскихъ плѣнниковъ, взяли съ собою только царицъ съ дѣтьми да Русскихъ невольниковъ.

Въ Февралѣ 1555 года пришла вѣсть, что союзникъ Московскій, князь Измаилъ, убилъ брата своего Юсуфа и многихъ мурзъ, а дѣтей Юсуфовыхъ и племянниковъ всѣхъ выгналъ. Измаилъ писалъ Іоанну, что теперь вся Ногайская орда смотреть на него и на союзныхъ ему мурзъ, а что они неотступны будутъ отъ царя и великаго князя до смерти; просилъ, чтобы государь далъ имъ вольный торгъ въ Москвѣ, Казани и Астрахани. Служилый Татаринъ, отправленный изъ Москвы посломъ къ Юсуфу, задержанный послѣднимъ и освобожденный теперь Измаиломъ, рассказывалъ въ Москвѣ, что братья — Измаилъ и Юсуфъ рязались въ продолженіе нѣсколькихъ дней, пока Измаилъ не одолгъ окончательно Юсуфа; Ногайцевъ съ обѣихъ сторонъ

нало множество: какъ орда Ногайская стала, такого падежа надъ ними не бывало. Такъ дорѣзывали кочевники другъ друга въ степяхъ приволжскихъ, приготовляя окончательное торжество Московскому государству! Измаиль просилъ государя послать стрѣльцовъ и козаковъ на Волгу по перевозамъ для обереганія на случай прихода Юсуфовыхъ дѣтей; просьба была немедленно исполнена: стрѣлецкій голова Кафтыревъ и козацій атаманъ Павловъ отправились на Волгу. Побѣдитель Измаиль долженъ былъ хлопотать о Русской помощи, ибо при степной войнѣ онъ не могъ быть покоенъ ни одного дня, пока былъ живъ хотя одинъ изъ сыновей убитаго Юсуфа. Положеніе Дербыша было также незавидное: въ постоянномъ ожиданіи нападеній отъ Ямгурчей, во враждѣ съ Крымскимъ ханомъ, что еще важнѣе, во враждѣ съ главою исламизма, султаномъ Турецкимъ, съ тяжелымъ значеніемъ данника Московскаго, посаженнаго на царство вопреки желанію Астраханцевъ. Вотъ почему онъ бросился на сторону Крыма и сыновей Юсуфовыхъ, какъ только тѣ дали обѣщаніе избавить его отъ Ямгурчей. Въ Апрѣлѣ 1555 года онъ далъ знать въ Москву, что приходилъ къ Астрахани царь Ямгурчей съ сыновьями Юсуфа, Крымцами и янычарами и приступалъ къ городу; но что онъ, Дербышъ, съ Астраханцами и Русскіе козаки, оставленные Пронскимъ, отразили непріятелей. Здѣсь ханъ утаилъ самое важное. Въ Маѣ оставленный въ Астрахани начальникъ Русскаго отряда Тургенева далъ знать также о приходѣ Ямгурчей и сыновей Юсуфовыхъ, но при этомъ извѣщалъ, что Дербышъ вошелъ въ переговоры съ послѣдними, которые побили Ямгуррея съ братьею, а Дербышъ за это перевезъ ихъ на другую сторону Волги, и такимъ образомъ далъ имъ возможность дѣйствовать противъ Измаила, что только и было имъ нужно: они напали врасплохъ на дядю и выгнали его. Самъ Тургенева встрѣтился съ Кафтыревымъ на Волгѣ, и сказалъ, что Дербышъ отпустилъ его изъ Астрахани, но пословъ своихъ къ государю не отправилъ и ссылается съ Крымскимъ ханомъ; Кафтыревъ воротилъ Тургенева и съ нимъ вмѣстѣ поплылъ въ Астрахань со всеми

отрѣльцами и козаками. Прїѣхавши въ Астрахань, Кафтыревъ напелъ городъ пустымъ: всѣ Астраханцы разбѣжались, испуганные слухомъ, что Московскій царь послалъ на нихъ своею рать и велѣлъ всѣхъ ихъ побить, а между тѣмъ изъ Крыша пришли уже къ нимъ три царевича съ пушками и пищалями. Кафтыревъ повѣстилъ Дербышу и всѣмъ Астраханцамъ, что царь и великій князь вовсе не хочетъ воевать ихъ, а напротивъ отправляетъ къ нимъ посла своего Мансурова съ милостями; отсылаетъ назадъ къ нимъ нѣкоторыхъ плѣнныхъ царицъ, о которыхъ просилъ Дербышъ; отпускаетъ ихъ пословъ, новыхъ Дербышевыхъ и старыхъ Ямгурчевыхъ, и даритъ имъ годовую дань. По этой повѣсткѣ Дербышъ и Астраханцы возвратились въ городъ. Тогда же была получена вѣсть, что Измаилъ, собравшись съ людьми, опять выгналъ племянниковъ и владѣть всѣми Ногаями. Осенью самъ Измаилъ приелалъ пословъ съ жалобою на Дербыша, что тотъ царю и великому князю не прямить, имъ, Ногаямъ, надѣлалъ много дурнаго: чтобъ государь ихъ отъ Дербыша оборонилъ, взялъ бы и Астрахань въ свое полное владѣніе, какъ и Казань; такимъ образомъ и здѣсь сами ордынцы потребовали отъ Москвы уничтоженія другаго Татарскаго царства. За себя Измаилъ и всѣ мурзы прислали шертную грамоту, въ которой клялись—куда ихъ царь и великій князь пошлетъ — всюду ходить, и на всѣхъ недруговъ быть заодно. Измаилъ вздумалъ было писать себя отцемъ царю Московскому и требовать, чтобъ ему платили ежегодно съ Казани двадцать сотъ рублей. Іоаннъ отвѣчалъ ему: «Мы для тебя велѣли свое Астраханское дѣло дѣлать накрѣпко. И если Астраханское дѣло сдѣлается, и понадобится тебѣ самому, или женамъ и дѣтямъ твоимъ жить въ Астрахани, то мы велѣли держать васъ здѣсь съ немногими людьми, какъ можно васъ прокормить, и беречь васъ велѣли отъ вашихъ недруговъ. А если Астраханское дѣло не сдѣлается, то вамъ и въ Казань прїѣздъ и отѣздъ вольный съ немногими людьми, съ пятидесятью или шестидесятью, какъ бы можно было ихъ въ Казани прокормить. А что писалъ ты къ намъ въ своихъ грамотахъ

многія слова невѣжливныя, и мы на тебя погибвались, потому что тебѣ наше государство и прежнія дѣла вѣдомы, какъ прежніе князья Ногайскіе и мурзы къ отцу нашему и къ намъ писали. И ты бѣ впередъ бездѣльныхъ словъ не писалъ. А мы нынѣ гнѣвъ свой отложили для того, что на тебя отъ твоихъ недруговъ многія кручины пришли, и мы хотимъ за прежнюю твою дружбу тебѣ помогать». Исамаилъ послѣ этого уже не писался отцемъ Іоанну, а писалъ: «Всего христіанства государю, бѣлому царю много много поклонъ»; просьбы были прежнія: «Пришли мнѣ трехъ птицъ, кречета, сокола и ястреба, да олова много, да шафрану много, да красокъ много, да бумаги много, да 500,000 гвоздей». Въ Мартѣ 1556 года Исамаилъ опять далъ знать въ Москву, что Дербышъ измѣнилъ окончательно, соединился съ Крымскимъ ханомъ и Юсуфовыми дѣтьми, и Московскаго посла Мансурова выбилъ изъ Астрахани; что онъ, Исамаилъ, пошелъ уже подъ Астрахань, чтобъ и государь посылалъ туда же рать свою. Въ то же самое время пришла изъ Казани вѣсть о возстаніи Мамичъ-Бердея и о приходѣ къ нему царевича отъ Ногаевъ: это заставляетъ думать, что движеніе Казанское было въ связи съ Астраханскимъ, а толчекъ оба движенія, разумѣется, получали изъ Крыма. Черезъ нѣсколько дней пришла вѣсть и отъ самого Мансурова: посолъ извѣщалъ, что Дербышъ измѣнилъ, побилъ князей, которые служили прямо царю и великому князю, къ нему Мансурову приступалъ три дня со всѣми людьми, но онъ отбился отъ Астраханцевъ въ маломъ городѣ у Волги, пошелъ на судахъ вверхъ по рѣкѣ и теперь у козаковъ на перевозѣ; изъ 500 человекъ народу у него осталось только 308: иные побиты, иные потонули, другіе съ голоду на дорогѣ замерли. Государь немедленно въ томъ же мѣсяцѣ отправилъ къ Исамаилу 50 козаковъ съ пищалами, и писалъ къ нему, что отпускаетъ рать свою Волгою на Астрахань, а полемъ послаетъ для него, Исамаила, и для Астраханскаго дѣла 500 козаковъ съ атаманомъ Ляпуномъ Филимоновымъ.

Волгою отправились подъ Астрахань стрѣльцы съ своими
Истор. Росс. Т. VI.

головами, Черемисиновымъ и Тетеринымъ, а также съ атаманомъ Молчаневымъ, и Вятчане съ племными головами Писемскимъ. Атаманъ Ляпуновъ Филимоновъ предупредилъ ихъ, напасть на Дербыша, побилъ у него много людей, много взялъ въ плѣнъ и сталъ дожидаться Черемисина съ товарищами. Язвы сказывали, что Крымскій ханъ прислалъ въ Астрахань 700 Татаръ и 300 Янычаръ съ пушками и пищалами. Въ Сентябрѣ, когда царь, по обыкновенію, былъ у Троицы для празднованія дня св. Сергія (25 числа), пришло донесеніе отъ Черемисина: прѣехалъ онъ въ Астрахань, а городъ пугетъ: царь и люди выбѣжали, разогнанные атаманомъ Ляпуномъ; головы съѣли въ Астрахани, городъ укрѣпили и пошли къ морю; наплы суда въ Астраханскія, поѣхали ихъ и пожгли, а людей не нашли, люди скрылись далеко на берегу. Пошли въ другой разъ Писемскій и Тетеринъ, нашли царя отъ берега верстъ съ 20, напали на него ночью и побили многихъ людей; на утро собрался царь Дербышъ съ мурзами Ногайскими и Крымскими и со всеми Астраханцами; Русскіе пошли назадъ, Дербышъ преслѣдовалъ ихъ и бился, идучи весь день до Волги. Послѣ этого Дербышъ началъ пересылаться съ Черемисиннымъ, билъ челомъ, что измѣнилъ государю неволю, чтобъ государь ему милость показалъ; вмѣстѣ со всеми Астраханцами покаялся, что побѣгутъ въ городъ и будутъ служить государю. Головы, въ ожиданіи прихода Астраханцевъ, укрѣпились въ городѣ, чтобы можно было сидѣть безстрашно, но Волга козачковъ и стрѣльцовъ разставили, отняли всю волю у Ногаевъ, у Астраханцевъ отняли все рыбныя ловли и перевозки. Дербышъ не приходилъ въ городъ по обещанію, клятвы своей измѣнилъ, отводитъ его отъ государя Крымскій воевода, присланный отъ Девлетъ-Гирея, да Юсуфовы дѣти. Но послѣдніе некогда оставались на Крымской сторонѣ: началась опять рѣзня между Ногаями, три дѣла бились другъ съ другомъ два рода—Юсуфовы дѣти съ Шигъ-Мамаевыми дѣтими; и слѣдствіемъ было то, что Юсуфовы дѣти помирились съ дядею Измаиломъ, убійцею отца ихъ, и просили бить челомъ къ Русскимъ головамъ, что хотятъ служить

государю, какъ служить ему дядя изъ Измаиль, будутъ кочевать у Астрахани, а дурнаго ничего давать не будутъ; головы приняли ихъ челобитье, дали имъ суда, на чемъ ѣхать къ Измаилу и на чемъ кормиться на Волгѣ. Въздвѣію такого переворота въ степной политикѣ, судьба Астрахани рѣшилась такъ, что Московскому стрѣльцу, сидѣвшему въ Астраханскомъ кремлѣ, вѣнужно было заряжать своей пищамя: Юсуфовы дѣти бросились на отарато собѣнника своего Дербыша и протѣгали его, отняли Крымскія пушки и прислали ихъ къ Черемисинову въ Астрахань; Дербышъ побѣжалъ къ Азову и не возвращался болѣе; черные люди Астраханцы начали послѣ этого приходять къ головамъ, присягать и бить челома, чтобы государь пожаловалъ, велѣлъ жить по старому у Астрахани и дань давать, назнать бы ихъ не велѣлъ: они люди черные, велѣлъ ихъ царь и князя неволєю; много Астраханцевъ развѣли также Ногаи въ то время, какъ тѣ обѣгали отъ Русскаго войска.

Такъ устья Волги окончательно закрепились за Москвою. Изъ Астраханскаго кремля Московскій стрѣлцкій голова легко наблюдать за Ногаими, которые просили только позволенія кочевать безопасно подъ Астраханью, ловить рыбу на Волгѣ и торговать безпрепятственно. Государь велѣлъ казачьему атаману Язуну Филиппову утвердиться на Волгѣ у перевозовъ, а сотнику Кобелеву на рѣкѣ Иртызѣ для обаресанія Ногаевъ отъ Русскихъ и Крымскихъ козаковъ, также для перевозовъ востровъ. Усобицы, не перестававшія между кочевниками, ругались и за будущую безопасность этихъ застенковъ Русскихъ владѣній: скитовья Юсуфа немного нажили въ ширѣ съ дядею Измаилемъ; осенью 1557 года они согнали его съ каменія; но это событіе не повело ни къ какой переменѣ въ отношеніяхъ Ногаевъ къ Русскому правительству: старшій изъ Юсуфовыхъ дѣтей, ставши княземъ, поклялся въ вѣрности государю и объявлялъ: укрѣнится онъ на княженіи — будетъ служить царю и великому князю; стоять ли его — все же бѣгъ государевъ холопъ, и другой надежды у него нѣтъ ни на кого;

а за то бы государь на него не сердился, что онъ разбранился съ Измаиломъ: у нихъ прошла кровь, Измаилъ отца у нихъ убилъ.

Причина, почему Ногаи такъ боялись Москвы, известна; въ ставѣ у сыновей Юсуфовыхъ говорили: «Если государь царь дастъ Измаилу пищальниковъ, то Ногаи всё пропали; государь взялъ всю Волгу до самаго моря, скоро возьметъ и Сарайчикъ, возьметъ весь Яикъ, Шамаху, Дербентъ, и намъ всёмъ быть отъ него взятымъ. Наши книги говорятъ, что всё бусурманскіе государи Русскому государю поработаютъ». Русскіе посланцы доносили: «Ногаи изводатся; людей у нихъ мало добрыхъ, и тѣ голодны необычно и пѣши; не вѣрятъ другъ другу и родные братья; земля ихъ пропала, другъ друга грабятъ». Измаилъ, который прежде хотѣлъ писаться отцемъ Иоанну, теперъ долженъ былъ согласиться писать Иоанна государемъ; вмѣстѣ съ Московскимъ посломъ убѣждали его къ этому собственные его люди, бывавшіе въ Москвѣ послами и знавшіе могущество царя; они говорили Измаилу: «Не стыдись, князь Измаилъ! пиши благо царя государемъ: Нѣмцы посилятъ тебѣ, да и у нихъ государь всё города побралъ». Измаилъ опять осилилъ племянниковъ; но старшій изъ нихъ, Юнусъ, отѣхалъ на службу въ Москву; Русскій посолъ доносилъ: «Ногаи всё пропали, немного ихъ съ Измаиломъ осталось, да и тѣ въ розни; Измаилъ сильно боится Юнуса, потому что всё улусные люди Юнуса очень любятъ и желаютъ видѣть его на юртѣ; а кромѣ Юнуса юрта держать некому. Измаилъ не юртный человекъ, да и старъ уже; улусы у него мнутеля; грозятъ ему, хотятъ въ Крымъ бѣжать». Въ 1562 году Измаилъ писалъ царю: «Прежде братство и дружба твоя къ намъ была; прежде ты намъ говорилъ, что если возьмешь Казань, то камъ ее отдашь: ты Казань взялъ, а намъ ее не отдалъ. Потомъ Астрахань взялъ; хотѣлъ и ее также намъ отдать, и не отдалъ. Волга пала въ море 66-ю устьями, и этими рѣками всёми ты владѣешь: бью челомъ, дай мнѣ одну изъ нихъ, Бузанъ! Станутъ говорить: у друга своего, благо-царя, одной

рши не могъ выпросить! И твоему, и моему ищени добрая ли то слава? Твоимъ жалованьемъ держу у себя слугъ своихъ. Голодны мы и въ нуждѣ большой; неоткуда намъ деньгу взять: пожаловалъ бы ты, приславъ 400 рублей». Царь отвѣчалъ: «Того слова не бывало, что будто мы хотѣли тебѣ Астрахань отдать. А о Бузанѣ мы сыскивали и нашли, что истары по Бузанѣ былъ рубежъ Астраханскій: и ты бѣ велѣлъ людямъ своимъ кочевать по своей сторонѣ Бузана, а за Бузанѣ не переходить». Измаилъ просилъ, чтобъ царь вывелъ изъ Астрахани враждебныхъ ему князей; Иоаннъ отвѣчалъ: «Этихъ князей скоро намъ вывести нельзя потому: какъ вѣли мы Астрахань, то Астраханскимъ князьямъ свое жалованное слово молвили, чтобъ они отъ насъ разводу и убійства не боялись. Такъ чтобъ въ другихъ земляхъ не стали говорить: вѣра вѣрѣ недругъ, и для того христіанскій государь мусульманъ изводитъ. А у насъ въ книгахъ христіанскихъ писано, не велѣно силою приводить къ нашей вѣрѣ. Богъ судить въ будущемъ вѣкѣ, кто вѣруетъ право или неправо, а людямъ того судить не дано».

Утвержденіе въ устьяхъ Волги открыло Московскому государству цѣлый міръ мелкихъ владѣній въ Прикавказь: князья ихъ ссорились другъ съ другомъ, терпѣли отъ Крымцевъ, и потому, какъ скоро увидали у себя въ сосѣдствѣ могущественное государство, бросились къ нему съ просьбами о союзѣ, свободной торговлѣ въ Астрахани, нѣкоторые съ предложеніемъ подданства, и такимъ образомъ незамѣтно, волею-неволею затигивали Московское государство все далѣе и далѣе на востокъ, къ Кавказу и за него. Тотчасъ послѣ паденія Казани, въ Ноябрь 1552 года, пріѣхали въ Москву двое Черкасскихъ князей съ просьбою, чтобъ государь вступился за нихъ и взялъ ихъ себѣ въ холопи. Въ Августѣ 1555 года пріѣхали въ Москву князья Черкасскіе Жаженскіе ⁴⁷, Сибокъ съ братомъ Ацимгукомъ да Тутарыкъ, въ сопровожденіи 150 человекъ. Били они челомъ отъ всей земли Черкасской, чтобъ государь далъ имъ помощь на Турецкаго и Крымскаго царей, а они холопи дара

и вѣдками князя съ женами и дѣтьми во вѣки. Государь же жаловалъ ихъ своимъ великимъ жалованьемъ, насчетъ же Турецкаго царя велѣлъ имъ отиолвить, что Турскій султанъ въ миру съ царемъ и великимъ княземъ, а отъ Крымскаго государя хочетъ ихъ беречь какъ только можно. Князь Сибогъ просилъ, чтобъ государь велѣлъ окрестить сына его, а Тутаринъ просилъ, чтобъ окрестили его самого. Летомъ 1557 года привезли въ Москву другіе Черкасскіе князья. Тогда же двое князей Черкасскихъ Кабардинскихъ, Темрюкъ и Таурюкъ, прислали бить челомъ, чтобъ государь велѣлъ имъ себя служить и велѣлъ бы Астраханскимъ воеводамъ дать имъ помощь на шахмала Тарковскаго; посоль говорилъ: только государь ихъ помянетъ, какъ помяновалъ Жажецкихъ князей, и поможетъ на недруговъ, то князь Грузинскій и вся земля Грузинская будутъ также бить челомъ государю въ службу, потому что Грузинскій князь въ союзъ съ Кабардинскими князьями. Съ другой стороны изъ владѣній шахмала и князя Тюменскаго (съ береговъ Терека) пришли послы съ челобитьемъ, чтобъ государь велѣлъ имъ быть въ своемъ имени, приказалъ бы Астраханскимъ воеводамъ беречь ихъ со всѣхъ сторонъ, а торговымъ людямъ далъ бы дорогу чистую: чюдъ государь великъ себя приплатъ, то будутъ присылать каждый годъ. Черкасскіе князья просили пощечи на шахмала, шахмалъ просилъ пощечи на Черкасскихъ князей; Тюменскій мураа просилъ пощечи на дядю своего, Тюменскаго князя: посадилъ бы государь его на Тюмень, а онъ холопъ государевъ; подданные шахмала просили, чтобъ государь далъ имъ другаго владѣтеля, а они всею землею холопи государевы; ханы Хивинскій и Бухарскій прислали съ великимъ челобитьемъ, чтобъ государь далъ дорогу купцамъ ихъ въ Астрахань.

Легко понять, какъ смотрѣли на все это въ Крыму. Попытка отвлечь Іоанна отъ Казани нападеніемъ на Московскія укрѣпленія не удалась; дѣтельно помогать Казани и Астрахани, сильными полками вести оборонительную войну безъ надежды на арабскъ не вѣрилось разбойникамъ: они увидѣли только разду-

днѣ возогонія на Волгѣ и на уѣздахъ ить поддерживать, вслѣдствіе чего Казань и Астрахань стали Московскими городами. По возвращеніи Іоанна изъ-подъ Казани, Девлетъ-Гирей зовель опять присылкѣ съ Москвою, осенью 1553 года приелалъ даже жертвную грамоту, написанную точно такъ, какъ требовакъ царь, только безъ царскаго титула; прописано было даже, что если Московскій посолъ потерпитъ безчестіе въ Крыму, то государь Московскій имѣеть право подвергнуть такому же безчестію Крымскаго посла у себя. Попржнему ханъ жаловался, что Іоаннъ присылаетъ ему мало поминковъ, а если прилетѣтъ больше, то онъ и помирится крѣпче. Іоаннъ велѣлъ отвѣчать, что дружбы подарками не покупаетъ; и чтобъ миръ съ ханомъ былъ крѣпче, велѣлъ строить городъ Дѣдиловъ въ степи противъ Тулы. Лѣтомъ 1555 года, поднявши Дербышъ-Алея въ Астрахани противъ Русскихъ, Девлетъ-Гирей ведумалъ опять помыгаться напасть врасплохъ на Московскія укранны: По обычаю—съ одну сторону лукъ калянуть, а съ другую стрѣлять ⁴⁸ — ханъ распустилъ слухъ, что идетъ на Черкасовъ. Обязавшимся защищать этихъ новыхъ подданныхъ, Іоаннъ пермій: пѣтъ Московскихъ государей рѣшилъ предпринять наступательное движеніе на Крымъ, и отправилъ боярина Ивана Васильевича Шереметева съ 13,000 войска къ Перекопи въ Манаевы зуга, промыслить тамъ надъ стадами Крымскими и отвлечь хама отъ Черкасовъ. Шереметевъ двинулся, но на дорогѣ получилъ вѣсть, что ханъ, вмѣсто Черкасъ, идетъ съ 60,000 войска къ Рязанскимъ или Тульскимъ украинамъ. Шереметевъ далъ знать объ этомъ въ Москву, и царь, отправивъ тотчасъ же воеводѣ, князя Ивана Федоровича Мстиславскаго съ товарищамъ, въ походъ, самъ выступилъ за ними на третій день съ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ въ Коломну. Завѣс дами ему знать, что ханъ идетъ къ Тулѣ; Іоаннъ двинулся туда же; ханъ, узнавши, что самъ царь идетъ къ нему на встрѣчу, поворотилъ назадъ. Между-тѣмъ Шереметевъ шелъ за ханомъ съ намѣреніемъ хватать малочисленные Татарскіе отряды, когда они расѣятся для грабежа по украинѣ, и пре-

жде всего отправилъ треть своего войска на Крымскій обозъ, который съ половиною лошадей Татары обыкновенно оставляли назади, въ разстояннн пяти или шести дней пути отъ главнаго войска, чтобъ лошади и верблюды могли удобннне прокормиться. Русскіе взяли обозъ, при которомъ нашли 60,000 лошадей, 200 аргамаковъ, 80 верблюдовъ, и прислали Шереметеву 20 языковъ, которые сказали ему, что ханъ идетъ къ Тулѣ; Шереметевъ продолжалъ идти за нимъ слѣдомъ; но въ это время ханъ уже узналъ о царскомъ походѣ и возвратился назади. Во 150 верстахъ отъ Тулы, на Судбищахъ, встрѣтился онъ съ отрядомъ Шереметева, который, несмотря на малочисленность своего войска, ослабленнаго уходомъ трети ратныхъ людей на Крымскій обозъ и еще не возвратившихся, вступилъ въ битву, бился съ полудня до ночи, потопталъ передовой полкъ, правую и лѣвую руку, взялъ знамя князей Ширинскихъ. Но Татары не ушли; надобно было приготовляться къ новой битвѣ на другой день, и Шереметевъ послалъ гонцовъ къ тому отряду, который ходилъ на обозъ, чтобъ спѣшилъ къ нему на помощь; но изъ этого отряда прискакали къ утру только немногіе; остальные съ добычею отправились въ ближайшіе Русскіе города, кто въ Рязань, кто въ Мценскъ. Между-тѣмъ ханъ ночью пыталъ двоихъ Русскихъ плѣнниковъ: хотѣлось ему дознаться о числѣ войска, такъ храбро бившагося съ нимъ днемъ; одинъ изъ плѣнниковъ не вытерпѣлъ мукъ и рассказалъ, что у Шереметева людей мало, и тѣхъ цѣлая треть отпущена на Татарскій обозъ. Ободренный этимъ извѣстіемъ, ханъ на разсвѣтъ возобновилъ битву; бился до полудня; сначала и тутъ Русскіе успѣли разогнать Крымцевъ, и около хана оставались только Янычары; но воевода Шереметевъ былъ тяжело раненъ и сбитъ раненымъ конемъ; Русскіе замѣшались безъ воеводы и потерпѣли сильное пораженіе; только двумъ воеводамъ, Басманову и Сидорову, удалось собрать около себя тысячь съ пять или съ шесть ратныхъ людей и засѣсть въ лѣсномъ оврагѣ: три раза приступалъ къ нимъ ханъ со веѣмъ войскомъ и вслкій разъ безъ успѣха; наступилъ вечеръ; ханъ,

Боясь приближенія Русскаго войска, оставилъ Босманова и Сидорова въ покоѣ и поспѣшилъ переправиться за Сосну; Русскіе потеряли въ Судбищенской битвѣ 320 дѣтай боярскихъ и 34 стрѣльца. Царь переправился уже черезъ Оку и приближался къ Тулѣ, когда ему дали знать, что Шереметевъ пораженъ и ханъ идетъ къ Тулѣ; мнѣнія раздѣлились между воеводами: одни говорили, что надобно идти назадъ за Оку и оттуда къ Москвѣ; другіе говорили, что не должно обращать тыла передъ врагомъ и помрачать прежнюю славу: хотя ханъ и одержалъ побѣду надъ Шереметевымъ, однако войско его утомилось, потеряло много убитыми и ранеными, потому что битва была упорная, двухдневная. Царь принялъ послѣднее мнѣніе и продолжалъ походъ къ Тулѣ; но, пришедши туда, узналъ, что ханъ отъплыть въ Крымъ, дѣлаетъ по 70 верстъ въ день и догнать его нельзя, потому что между нимъ и царемъ уже четыре дня пути. Простоявши въ Тулѣ два дни, дождавшись сбора всѣхъ своихъ ратныхъ людей, Юанъ возвратился въ Москву.

Въ Мартѣ слѣдующаго 1556 года ему дали знать, что ханъ опять собирается со всѣми людьми, хочетъ быть рано весною на Московскую Украину. Царь послалъ дѣлака Ржевскаго съ казаками изъ Путивля на Дѣпирь, велѣлъ ему идти Дѣвпромъ подъ Крымскіе улусы, добывать языковъ, проваживать пре царя. Ржевскій пришелъ на рѣку Пселъ, построилъ здѣсь суда, выплылъ въ Дѣпирь и пошелъ по наказу; въ то же время внизъ по Дону отправился другой отрядъ для наблюденій. Въ Маѣ выѣхалъ плѣнникъ изъ Крыма и привезъ вѣсть, что ханъ вышелъ и велѣлъ брать запасовъ на все лѣто. Тогда царь приговорилъ съ братьями и боярами идти въ Серпуховъ, здѣсь собраться съ людьми и идти на Тулу, изъ Тулы выйти на поле, дожидаться хана и дѣлать съ нимъ прямое дѣло, какъ Богъ поможетъ. Въ Серпуховъ пришелъ къ царю гонецъ отъ Чулкова, начальника того отряда, который плылъ Дономъ для вѣстей: Чулковъ писалъ, что встрѣтилъ близъ Азова 200 человекъ Крымцевъ, собралъ ихъ на-голову и узналъ отъ пачинныхъ, что

жалъ въ самомъ дѣлѣ собрался на Московскія укрепы, онъ получилъ вѣсть, что царь готовъ его встрѣтить, и пошелъ было на Черкасскъ, нагъ приехали къ нему на Мисуръ вѣсть изъ Крыма, что много Русскихъ людей показалось на Днѣпрѣ у Исламъ-Кермена, и ханъ повѣщилъ возвратиться. Эти Русскіе люди были братики Ржевскаго, къ которому пристали на Днѣпрѣ 300 козаковъ Малороссійскихъ изъ Канева. Получивъ эти подвѣрженія, Ржевскій пошелъ подъ Исламъ-Керменъ; люди выбѣжали отсюда, слышавъ о приходѣ необычайныхъ гостей, и Русскимъ удалось только отогнать лошадей и свозъ; съ Исламъ-Кермена Ржевскій поплылъ дальше къ Очакову, здѣсь взялъ острогъ, побилъ Турокъ и Татаръ, и поплылъ назадъ; Турки преслѣдовали его; онъ засѣлъ въ засаду въ тростникахъ у Днѣпра, небылъ у неприятеля. изъ пицалей много людей, а самъ отошелъ благополучно. У Исламъ-Кермена встрѣтилъ старшаго Крымскаго царевича (нагу) со вѣемъ Крымомъ, съ князьями и мурзанами, сталъ противъ него на островѣ, перестрѣливался изъ пицалей шесть дней, ночью отогналъ у Татаръ конскія стада, перевезъ къ себѣ на островъ, потомъ перебралися на западную, Литовскую сторону Днѣпра и разошелся съ Крымцами благополучно. Ржевскій прислалъ сказать государю, что ханъ уже больше не пойдетъ изъ Московскихъ укрепынъ, и потому, что боятся царскаго войска, и потому, что въ Крыму моровое повѣтріе.

Походъ Ржевскаго произвелъ сильное движеніе въ Литовской укрѣпѣ, между козаками Малороссійскими; послышанное дѣло Московскіе люди явились на Днѣпрѣ и ходили внизъ, искали Татаръ и Турокъ въ ихъ собственныхъ владѣніяхъ! Мы видимъ, что 300 Малороссійскихъ козаковъ не утерпѣли, чтобы не проводить Московскаго дѣда въ его прогулкѣ на бусурмановъ. Когда прогулка удалась, не утерпѣлъ начальникъ всей укрѣпы, створста Каневскій, князь Дмитрій Вишневецкій, истый казакъ по природѣ, достойный преемникъ Евстаѣя Дашиковскаго. Въ Сентябрь 1556 года въ Москву явился одинъ изъ атамановъ, продолжавшихъ Ржевскаго подъ Очаковъ, и привезъ ца-

въ чашбаны съ Вишневецкаго, чтобъ государя желновали,
 воевалъ добъ служить, а что онъ, князь Дмитрій Швацоничъ,
 съ королемъ изъ Литвы отвѣчалъ и на Днѣпръ, на Хортицкомъ
 островѣ, городе поставилъ противъ Консаяхъ Водъ, у Крым-
 скихъ воеводъ. Царь послалъ къ нему двоихъ дѣтей бояр-
 скихъ съ опасною грамотою и съ жалованьемъ. Вишневецкій
 отвѣчалъ съ ними, что онъ, холопъ государевъ, далъ клятву
 пріѣхать въ Москву, но прежде общалъ идти воевать Крым-
 ские улусы и Исламъ-Кермень, чтобъ показать свою службу
 царю и великому князю. Объ этой службѣ узналъ царь въ
 Декабрѣ прямо изъ Крыма: пріѣхалъ гонецъ отъ Девлетъ-Гу-
 рия съ вѣстїемъ, что ханъ отпускаетъ на окупъ всѣхъ пѣн-
 щиковъ, взятыхъ ицѣ на бою съ Шереметевымъ; въ грамотѣ
 ханъ писалъ, что онъ уже всю безълицу оставляетъ и хочетъ
 крѣпкаго мира, для утвержденія котораго надобно съ обѣихъ
 сторонъ отправить добрыхъ пословъ. Посолъ Московскій За-
 грянскій, жившій, по обычаю, все это время въ Крыму, пи-
 салъ, что ханъ провелъ все лѣто въ тревогѣ, ожидая царскаго
 прихода въ Крымъ, просылалъ къ султану, чтобъ тотъ снялъ
 его съ бѣды; что перваго Октября Вишневецкій взялъ Исламъ-
 Кермень, людей побилъ, пушки вывезъ на Днѣпръ въ
 свой Хортицкій городъ; съ другой стороны Пятигорскіе Чер-
 кесы, двое князей, бывшихъ въ Москвѣ, взяли два города —
 Темрюкъ и Тамань; что ханъ хочетъ мириться и отправляетъ
 большіе послы. Царь отвѣчалъ, что если ханъ хочетъ быть
 съ нимъ въ крѣпкой дружбѣ, то пусть поклянется въ ней пе-
 редъ Загрянскимъ и пришлетъ въ Москву добрыхъ пословъ.
 Но хану прежде всего хотѣлось выгнать Вишневецкаго съ Хор-
 тизкаго острова: весной 1557 года онъ приходилъ туда со
 всеми своими людьми, приступалъ къ городку 24 дня, но при-
 нужденъ былъ отступить съ большимъ стыдомъ и урономъ.
 Вишневецкій, вѣщая объ этомъ царя, писалъ, что пока онъ
 будетъ на Хортицѣ, Крымцамъ ходить войною нигуда нельзя.
 Но если таково было значеніе Хортицы, то Вишневецкій дол-
 женъ былъ понимать, что Крымцы и Турки не оставятъ его

здѣсь въ покое: осенью того же года пришла отъ него въ Москву иная вѣсть: онъ писалъ, что, услыжавъ о приближеніи войска Крымскаго, Турецкаго и Волошскаго къ его городу, онъ покинулъ его по недостатку съѣстныхъ припасовъ, отъ чего козаки его разошлись; что теперь онъ въ прежнее своихъ городахъ, Черкасахъ и Каневѣ, и ждетъ царскихъ приказаній. Іоаннъ велѣлъ ему сдать Черкасы и Каневъ королю, потому что онъ съ нимъ въ перемиръ, а самому ѣхать въ Москву; здѣсь Вишневецкій получилъ въ отчину Бѣлевъ со всѣми волостями и селами, да въ другихъ областяхъ нѣсколько селъ.

Ханъ ободрился уходомъ Вишневецкаго съ Хортицкаго острова и писалъ къ царю, что если онъ будетъ присылать ему поминки большіе и ту дань, какую Литовскій король даетъ, то правда въ правду и дружба будетъ; если же царь этого не захочетъ, то пусть разбѣжится послани. Іоаннъ отвѣчалъ, что ханскія требованія къ дружбѣ не ведутъ, и въ началѣ 1558 года отправилъ князя Вишневецкаго на Днѣпръ съ пяти тысячнымъ отрядомъ, приказавши Черкасамъ помогать ему съ другой стороны. Ханъ боялся Іоанна, хотѣлъ помириться съ нимъ, но ему хотѣлось выторговать что-нибудь; зная, что даромъ ничего теперь не получить изъ Москвы, онъ рѣшился опустошать Литву, чтобъ и покормить свою орду и вѣсть получить награду изъ Москвы. Посолъ Загряжскій возвратился въ Москву съ извѣстіемъ, что Девлетъ-Гирей присагнулъ царю въ дружбѣ и братствѣ и сына своего отпустилъ на Литву; но, давая шерть, ханъ выговаривалъ, чтобъ царь прислалъ ему казну, какая посылалась къ Магметъ-Гирею: тогда и дружба въ дружбу, а не пришлетъ, то и шерть не въ шерть; и потомъ, когда ханъ повоюетъ короля, то царю присылать въ Крымъ такую же дань, какую король даетъ. Но и это предложеніе въ Москвѣ не было принято: царь приговорилъ, что ханъ поминки беретъ и клятву даетъ, но всегда измѣняетъ, и потому новаго посла въ Крымъ не отправилъ, а послалъ гонца съ грамотою, въ которой писалъ, что захочетъ ханъ добра,

то беззачину и большіе запросы оставилъ бы. Въ Мѣсъ узна-
 шю извѣстіе отъ Вишневецкаго, что онъ ходилъ къ Перекопу;
 но не встрѣтилъ ни одного Татарина на Днѣпрѣ; улусовъ
 также не засталъ, потому что король далъ знать хану о при-
 ближеніи Русскихъ, и ханъ забилъ всѣ улусы за Перекопъ;
 а самъ съѣлъ въ осадѣ. Вишневецкій хотѣлъ провести лѣто въ
 Исламъ—Кермени, но государь велѣлъ ему быть въ Москву, а
 на Днѣпрѣ оставить небольшіе отряды дѣтей боярскихъ, стрѣль-
 цовъ и козаковъ. Крымцы пытались малыми толпами, человекъ
 въ 300, во 400, пробираться на Волгу, нападать на рыболо-
 вовъ; но не имѣли нигдѣ успѣха: одни были побиты Горными,
 другіе Русскими людьми. Лѣто и осень прошли; ханъ не явился:
 онъ ждалъ удобнаго времени; зимою въ концѣ 1558 года какиѣ-
 то Татары дали ему знать изъ Москвы, что здѣсь нѣтъ никого,
 что царь со всѣми своими силами отправился въ Ливонію къ
 Ригѣ. Девлетъ—Гирей такъ хотѣлось отомстить Іоанну за Ржев-
 скаго, Вишневецкаго и особенно за то, что давно уже не полу-
 чалъ поминковъ изъ Москвы, что онъ рѣшился даже на зимній
 походъ, лишь бы воспользоваться случаемъ и напасть врасплохъ
 на беззащитныя украины. Собравши тысячу до ста войска,
 ханъ отпустилъ его тремя отрядами на Рязань, Тулу и Коширу;
 но на рѣкѣ Мечѣ царевичъ Магметъ—Гирей, предводительство-
 вавшій главнымъ отрядомъ, узналъ, что Іоаннъ въ Москвѣ;
 спросилъ, гдѣ князь Вишневецкій и бояринъ Иванъ Шере-
 метевъ, два человека, болѣе другихъ знакомые и страшные
 Крымцамъ, и узнавъ, что первый въ Бѣлѣвѣ, а другой въ
 Рязани, поворотилъ назадъ, и, благодаря зимѣ, переморилъ
 лошадей и людей. Это нашествіе зимою показывало однако;
 что ханъ готовъ на самыя рѣшительныя мѣры, чтобъ только
 повредить Москвѣ, и потому государь принималъ съ своей сто-
 роны мѣры на 1559—й годъ. Въ началѣ года отправлены были
 князь Вишневецкій съ 5000 на Донъ и околицій Данила
 Адашевъ съ 8000 въ городокъ на Пселѣ, чтобъ оттуда вымѣять
 на Днѣпрѣ и промышлять надъ Крымомъ. Весною Вишневецкій
 князь Азова разбилъ 250 Крымцевъ, пробравшихся въ Казань.

окры области; Адашевъ съвзая больше: вытязши на лодкахъ въ устье Днѣпра, взявъ два Турецкія корабля, высадился въ Крымъ, опустошилъ улусы, освободилъ Русскіе плѣнниковъ, Московскихъ и Литовскихъ. На Татаръ, застигнутыхъ врасплохъ, напалъ ужасъ, такъ что они не скоро могли собраться и собраться вокругъ хана, который потому и не успѣлъ напасть на Адашева въ Крымъ, преслѣдовалъ его вѣрять по Днѣпру до Монастырни, мыса близъ Немасыгацкаго порога; но и здѣсь не рѣшился на него напасть и ушелъ назадъ. Въ Москвѣ все это ждали хана, дѣлали притѣвленія къ его приему: царь распорядилъ полки, намѣреваясь самъ выступить въ поле при первой вѣсти; но ханъ не приходилъ, приходили только раза два небольшіе отряды Крымцевъ воевать украинъ. Крымцамъ доставалось больше: съ одной стороны кезаки Малороссійскіе (Черкасы) и Донскіе громили ихъ улусы, съ другой ходили на вѣкъ Ногаи и Астраханцы; въ самомъ Крымѣ свирѣпствовалъ голодъ. Ханъ прислалъ съ мирными предложеніями, съ жалобами на нападенія со всѣхъ сторонъ; царь отвѣчалъ ему, чтобъ онъ оставилъ бездѣлны; когда будутъ добрыя дѣла между ними, тогда никто не будетъ нападать на Крымъ; царь отдавалъ на его разсужденіе, что лучше—вранда или миръ съ Москвою? и грозилъ, что Русскіе люди узнали дорогу въ Крымъ, и по земь, и моремъ ⁴⁹.

Извѣданная при наступательномъ движеніи на Крымъ олабость его жителей, храбрыхъ только при грабежѣ беззащитныхъ османъ, и между-тѣмъ постоянно опасныхъ государству своимъ внезапными нападеніями, заставляющими постоянно держать на-готовѣ полки, что при тогдашнемъ состояніи военнаго устройства Московскаго было крайне затруднительно, не будучи приближенныхъ къ Иоанну людей совѣтовать ему покончить и съ Крымомъ точно такъ же, какъ онъ покончилъ съ Казанью и Астраханью. Иоаннъ не принималъ ихъ совѣтовъ, и конечно исторія должна въ этомъ случаѣ вполне оправдать его. Походы подъ Казань были легки, потому что населенныя области ея соприкасались съ населенными областями Московскаго

государства; даже большія прутьяныя или ржанко-шосенныя прѣспранья представляли въ горахъ и рѣкахъ самую обширную пищу для многочисленнаго войска; кромѣ того рѣки—Москва, Ока и Волга представляли другой удобнѣйшій путь; Волга же привязывала и Астрахань къ Московскому государству послѣ покоренія Казани. Но Крымъ отъ Московскихъ укрainъ отдаленъ былъ обширною степью, начинавшеюся подъ Тулою и Протвиномъ. Легко было ничтожнымъ отрядомъ Ржевскаго, Витненскаго, Адашева староваряжскихъ или новокозацкихъ обычаемъ спуститься на легкихъ лодкахъ внизъ по Днѣпру; но не могло идти такимъ путемъ громадное ополченіе, нужное для завоеванія Крыма: бѣдственные походы Голицына въ концѣ XVII вѣка, когда уже Малороссія была объединена съ Москвою, и не менѣе бѣдственные, относительно потери людей, хотя и блестящіе походы фельдмаршала Миниха въ XVIII вѣкѣ, доказываютъ очевиднымъ образомъ невозможность большихъ походовъ въ Крымъ для Москвы XVI вѣка и вполнѣ оправдываютъ Иванна. Но еслибы даже завоеваніе Крыма и было возможно въ половинѣ XVI вѣка, то возможно ли было его сохраненіе? Сколько нужно было усилій, чтобъ подчинить окончательно племена, обитавшія подлѣ Казани, какую истребительную войну нужно было вести для этого? Новыя возстанія, побѣдъ того уже какъ все казалось успокоеннымъ, привели въ отчаяніе нѣкоторыхъ вельможъ, такъ что они совѣтовали бросить навсегда эту несчастную страну: мы поймемъ это отчаяніе, когда вспомнимъ, что постоянного войска не было, или если было, то въ зародышѣ. Казанскіе народцы были предоставлены самимъ себѣ въ возстаніяхъ противъ Москвы: Ногаи не могли доставить имъ сильной помощи, Крымцы еще менѣе. Но Крымскаго хана; въ походахъ его на Московскія укрainы, провожали Янычары Турецкіе; Турецкое войско должно было защищать его въ Крыму какъ магаметанскаго владыку и какъ подручника султана; следовательно, дѣятельная наступательная война съ Крымомъ влекла необходимо къ войнѣ съ Турціею, которая была тогда на самой высокой степени могущества, предъ которою трепе-

така Европа: могло ли Московское государство, при тогдашних средствах своих, бороться съ нею, вырвать изъ рукъ ея Крымъ и защитить потомъ отъ нея это застѣнное завоеваніе? Іоаннъ видѣлъ невозможность этого: такъ Адашевъ, взявши въ плѣнъ нѣсколько Турокъ во время своего нападенія на Крымъ, отослалъ ихъ къ Очаковскимъ пашамъ, велѣвъ сказать имъ, что царь воюетъ съ врагомъ своимъ, Девлетъ-Гиреемъ, а не съ султаномъ, съ которымъ хочетъ быть въ вѣчной дружбѣ.

Московское государство могло съ успѣхомъ вступить въ окончательную борьбу съ магометанскимъ Востокомъ, съ Турціею не прежде, какъ по прошествіи двухсотъ лѣтъ, когда уже оно явилось Россійскою имперіею и обладало всѣми средствами Европейскаго государства. Теперь, слѣдовательно, въ XVI вѣкѣ вниманіе правительства его должно было обращаться главнымъ образомъ на приобрѣтеніе этихъ средствъ, должно было для этого обращаться къ западу, гдѣ могло найти ихъ: и вотъ Іоаннъ, какъ скоро успокоилъ свои восточныя границы взятіемъ Казани, обращаетъ вниманіе на западъ. Здѣсь сначала занимала его война съ Швеціею, начавшаяся въ 1554 году вслѣдствіе пограничныхъ ссоръ; ссоры эти могли бы уладиться и мирными средствами; но Шведскаго короля раздражалъ обычай Московскаго двора, который не хотѣлъ непосредственно сноситься съ нимъ, а предоставлялъ эти сношенія Новгородскимъ намѣстникамъ, что король считалъ для себя униженіемъ. Шведы безуспѣшно осаждали Орѣшекъ, Русскіе Выборгъ; но окрестности послѣдняго были страшно опустошены: Русскіе продавали дѣвняго мужчину за гривну, дѣвку за пять алтынъ; Густавъ Ваза началъ войну, обнадеженный въ помощи Польской и Ливонской; но помощь эта не приходила, и престарѣлый король принужденъ былъ искать мира въ Москвѣ и заключить его какъ угодно было царю. Королевская грамота къ Іоанну начиналась такъ: «Мы, Густавъ, Божіею милостію Свейскій, Готскій и Вендскій король, *челомъ быю* твоему велеможнѣйшеству князю государю Ивану Васильевичу о твоей милости. Великій князь и царь всея Русскія земли!» Іоаннъ отвѣчалъ: «Мы для

королевскаго чюдобитья разлитіе крови христіанской велимъ унать. Если король свои гордостныя мысли оставитъ и за свое крестопреступленіе и за всѣ свои неправды станетъ намъ оитъ челомъ покорно своими большими послами, то мы челобитье его примемъ и велимъ намѣстникамъ своимъ Новгородскимъ подкрѣпить съ нимъ перемирье по старымъ грамотамъ, также и рубежи велимъ очистить по старымъ перемирнымъ грамотамъ; мы не захотимъ нигдѣ взять его земли черезъ старые рубежи, потому что, по своей государской справедливости, мы довольны своими землями, которыя намъ Богъ далъ изстарины. Если же у короля и теперь та же гордость на мысли, что ему съ нашими намѣстниками Новгородскими не ссылаться, то онъ бы къ намъ и пословъ не отправлялъ, потому что старые обычаи порушиться не могутъ. Если самъ король не знаетъ, то купцовъ своихъ пусть спроситъ: Новгородскіе пригородки— Псковъ, Устюгъ, чай знаютъ, сколькимъ каждый изъ нихъ больше Стекольны (Стокгольма)?» Большіе послы прѣхали и опять начали просить о непосредственныхъ сношеніяхъ между государями; говорили: «Намѣстники Новгородскіе люди великіе, но холопъ государю не братъ». Имъ отвѣчали: «Намѣстники Новгородскіе люди великіе — князь Федоръ Даировичъ внукъ Казанскаго царя Ибрагима; князь Михайло Кисло и князь Борисъ Горбатый — Суздальскіе князья отъ корня государей Русскихъ; князь Булгаковъ—Литовскому королю братъ въ четвертомъ колѣнѣ; теперь князь Михайла Васильевичъ Глинскій— дѣда его, князя Михаила Львовича, въ Нѣмецкихъ земляхъ знали многіе; Плещеевъ, извѣстный государскій бояринъ родовъ за тридцать и больше. А про вашего государя въ разсудъ вамъ скажемъ, а не въ укоръ, какого онъ рода, и какъ животиною торговалъ и въ Шведскую землю пришелъ: это дѣлалось недавно, всѣмъ вѣдомо.» Послы отвѣчали боярамъ: «Пожалуйста не кручиньтесь: мы эти слова припоминали на разговоръ, а не въ споръ; отъ государя нашего намъ приказано дѣлать по желанію вашего государя.» Опредѣлено было, что Шведы своихъ плѣнныхъ выкупать, а Русскихъ возвратять безденежн;

король будетъ сноситься съ Новгородскими намѣстниками; границы останутся по старинѣ. Послы били челомъ, чтобъ государь не велѣлъ вставлять въ грамоту, что миръ нарушенъ былъ королевымъ клятвопреступленіемъ; Іоаннъ согласился. Послы благодарили за такое великое государское жалованье и сказали: «У насъ такого государскаго жалованья и на мысли не было». Однако въ грамотѣ остались подобныя выраженія: «И за нарушеніе перемирья благовѣрный царь и великій князь положилъ было гнѣвъ на Густава короля и на всю землю Шведскую». Въ утвержденной грамотѣ постановлено было о взаимной свободной торговлѣ между обоими государствами и о свободномъ проѣздѣ черезъ нихъ въ другія земли: «Шведскимъ купцамъ въ отчину великаго государя, въ великій Новгородъ, въ Москву, въ Казань и Астрахань ѣздить вольно, имъ и посламъ Шведскимъ ѣздить во всякія государства, въ Индію и Китай.» Это условіе царь велѣлъ внести потому, что «гости и купцы отчинъ великаго государя изъ многихъ городовъ говорятъ, чтобъ имъ въ торговыхъ дѣлахъ была воля, которые захотятъ торговать въ Шведской землѣ, и тѣ бѣ торговали въ Шведской землѣ, а которые захотятъ идти изъ Шведской земли въ Любекъ и въ Антропъ (Любекъ и Антверпенъ), въ Испанскую землю, Англію, Францію — тѣмъ была бы воля и береженье, и корабли были бы имъ готовы»⁵⁰.

Такъ высказывалось стремленіе начать дѣятельныя торговыя связи съ западною Европою; но эти связи должны были зависѣть отъ произвола сосѣднихъ приморскихъ государствъ, обыкновенно враждебныхъ; своихъ гаваней на Балтійскомъ морѣ не было. Эта замкнутость была тѣмъ болѣе нестерпима, что чувствовалась сильная потребность въ усвоеніи плодовъ Европейской гражданственности, а людей, могущихъ принести въ Москву эти плоды, ученыхъ и художниковъ, не пропускали враждебные сосѣди, справедливо опасавшіеся, что страшное матеріальными силами государство Московское будетъ непобѣдимо, если пріобрѣтетъ еще науку, могущество духовное. Болѣе другихъ могущества Москвы должно было бояться самое

слабе: нѣтъ сосѣднихъ государствъ — Ливонское: действительно, при сильной потребности имѣть непосредственное сообщеніе съ западною Европою, имѣть гавани на Балтійскомъ морѣ, взоры Московскаго царя необходимо обращались на Ливонію, добычу легкую по ея внутреннему безсилію, увеличенному еще перемѣною исповѣданія католическаго на протестантское, и вмѣстѣ добычу, на которую имѣлись старыя права. Мы видѣли, что еще въ правленіе отца Іоаннова Польское правительство стращало Ливонцевъ этими правами. Понятно, что Ливонцы болѣе другихъ хлопотали о томъ, чтобъ званія не проникали въ Москву; но этими поступками они, разумется, усиливали только въ Московскомъ правительствѣ желаніе пріобрѣсти Балтійскіе берега и ускоряли, слѣдовательно, паденіе своего государства. Въ 1539 году, когда бѣжавшій изъ Москвы Петръ Фрязинъ былъ представленъ Дерптскому епископу, тотъ спросилъ его: знаетъ ли онъ въ Москвѣ Нѣмца Александра? Петръ отвѣчалъ: «Знаю, я жилъ съ нимъ на одной улицѣ; этотъ Александръ оказывалъ въ Москвѣ боярамъ, что у него есть товарищъ въ Дерптѣ, который умѣетъ пушки лить и стрѣлять изъ нихъ, и думаетъ ѣхать въ Москву, служить великому князю». Услыхавъ это, епископъ допытался объ этомъ Нѣмцѣ и сослалъ его невѣдомо куда⁵¹. Въ 1547 году семнадцатилѣтній Іоаннъ отправилъ въ Германію Саксонца Шлитте съ порученіемъ набрать тамъ какъ можно болѣе ученыхъ и ремесленниковъ. Шлитте выпросилъ на это позволеніе у императора Карла V-го, набралъ 123 человека и привезъ уже ихъ въ Любекъ, какъ Ливонское правительство представило императору опасность, какая можетъ произойти отъ этого для Ливоніи и другихъ сосѣднихъ странъ, и достигло того, что Карлъ далъ магистру полномочіе не пропускать въ Москву ни одного ученаго и художника. Волѣдствіе этого Шлитте былъ задержанъ въ Любекѣ и посаженъ въ тюрьму, а набранные имъ люди разсѣялись; одинъ изъ нихъ, мастеръ Гансъ, попытался было пробраться въ Москву, былъ схваченъ, посаженъ въ тюрьму, освобожденъ и отправился опять въ Москву, но былъ

опять схваченъ въ двухъ милехъ отъ Русской границы и оу-
ченъ смертію ⁵².

Мы видѣли, что въ первой дошедшей до насъ договорной грамотѣ Русскихъ съ епископомъ Дерптскимъ, уже говорится о дани, которую послѣдній долженъ былъ платить великому князю, и говорится какъ о старинѣ. Въ Плеттсберговомъ договорѣ, заключенномъ въ 1503 году, условіе о дани съ Дерпта было подтверждено, но не было исполняемо 50 лѣтъ: Василію Іоанновичу, занятому дѣлами Литовскими, особенно Казанскими и Крымскими, находившемуся въ союзѣ съ великимъ магистромъ, нельзя было думать о разрывѣ съ Ливонією изъ за Дерптской дани, нельзя было думать объ этомъ и въ малѣтство Іоанново; но обстоятельства были не тѣ, когда въ 1564 году явились въ Москву Ливонскіе послы съ просьбою о продолженіи перемирія ⁵³. Высланный къ нимъ окольныйчій Алексей Адашевъ объявлялъ, что Нѣмцы уже давно не платятъ дани съ Юрьевской волости, купцовъ обижаютъ, церкви и концы Русскіе за себя завели: за это неисправление государь положилъ свой гнѣвъ на магистра, епископа и на всю землю Ливонскую, и намѣстникамъ своимъ перемирія не велѣлъ давать. Послы отвѣчали, что не знаютъ, о какой дани говоритъ окольныйчій: въ старыхъ грамотахъ своихъ они выгдѣ не находили, чтобъ платилась съ ихъ земель дань великому князю. Адашевъ сказалъ имъ на это: «Удивительно, какъ это вы хотите знать, что ваши предки пришли въ Ливонію изъ моря, вторгнулись въ отчину великихъ князей Русскихъ, и что много крови проливалось; не желая видѣть разлитія крови христіанской, предки государевы позволили Нѣмцамъ жить въ занятой ими странѣ, но съ условіемъ, чтобъ они платили дань великимъ князьямъ; но они обѣщаніе свое нарушили, дани не платили: такъ теперь должны заплатить всѣ недоимки. Послы согласились написать перемирную грамоту, по которой Дерптскій епископъ обязывался платить съ своей области дань въ Москву по гривнѣ Нѣмецкой съ каждаго человека, исключая людей церковныхъ, и въ три года заплатить недоимки за ⁵⁴

лѣтъ; цѣркви Русскія и концы очистить и Русскіея людѣя во всемъ учинитъ управу безвележитно; Русскіея гостямъ и купцамъ съ Ливонскими и иностранными купцами дозволитъ свободную торговлю всякимъ товаромъ, кромя панцирей, прѣвудскать въ Москву всѣхъ иностранцевъ, которые придуть изъ за моря служить царю, не помогать Польскому королю и великому князю Литовскому противъ Москвы. Но послы выговорили, что такъ какъ они согласились на дань безъ вѣдома магистра и епископа, то послѣдніе имѣютъ право и не согласиться на эти условія. Касательно церкви Русскіея самъ Ливонскій летописецъ свидѣтельствуетъ, что онѣ были разграблены въ Дерптѣ, Ревелѣ, Ригѣ и во многихъ другихъ мѣстахъ протестантскими ошатианами; летописецъ Ливонскій приводитъ по этому случаю и письмо Московскаго государя къ правительству Ордена: « Необузданные Ливонцы, противящися Богу и законному правительству! вы переживили вѣру, свергнули нго императора и папы Римскаго: если они могутъ своситъ отъ васъ презрѣніе и спокойно видѣть храмы свои разграбленными, то я не могу и не хочу сносить обиду, нанесенную мнѣ и моему Богу. Богъ посылаетъ во мнѣ вамъ истителя, долженствующаго привѣсти васъ въ послушаніе ». Лѣтописецъ прибавляетъ, что царь вмѣстѣ съ этимъ письмомъ послалъ правителямъ Ливоніи бичъ, какъ символъ исправленія. Извѣстіе любопытное, показывающее намъ взглядъ тѣхъ Ливонцевъ, которые жалѣли о ниспроверженіи прежняго порядка вещей и въ войнѣ Московскои, въ паденіи Ливоніи видѣли слѣдствіе новаго порядка ⁵⁴.

Для окончательнаго скрѣпленія договора отпавился въ Дерптъ царскій посолъ Келарь Терпигоревъ, который потребовалъ отъ епископа, чтобъ тотъ безъ отлагательства исполнилъ обычную форму: при скрѣпленіи договоровъ, отрѣзалъ у грамоты посольскія печати и вмѣсто нихъ привѣсилъ печати свою и магистрову. Епископъ собралъ совѣтъ — что отвѣчать послу? Дѣло было трудное, а Терпигоревъ не хотѣлъ дожидаться. Старый совѣтникъ, Яковъ Краббе, говорилъ: « Если мы скрѣ-

инимъ грамоту, то вѣдь это будетъ значить, что мы съ жѣнами & дѣтьми вступимъ въ подданство къ великому князю. Мы должны или платить дань, или видѣть опустошеніе земли нашей; что великій князь собралъ противъ насъ воѣ свои силы, это я знаю навѣрное». Всѣ сидѣли въ глубокомъ уныніи. Тутъ всталъ епископскій канцлеръ Голтшюръ и сказалъ: «Дѣло трудное, и мы должны хлопотать о томъ, какъ бы, по крайней мѣрѣ, протянуть время. Позовемъ царскаго посла и скажемъ ему, что мы, съ своей стороны, согласны скрѣпить договоръ и скрѣпляемъ, но онъ не будетъ имѣть силы безъ согласія Римскаго императора, верховнаго господина страны». Мѣніе Голтшюра было принято, и гонецъ поскакалъ къ императору съ просьбою, чтобъ тотъ отправилъ посольство въ Москву ходатайствовать у царя о сложеніи дани. Терпигоревъ былъ позванъ въ совѣтъ: въ присутствіи двухъ натариусовъ договоръ былъ скрѣпленъ новыми печатами, старыя посольскія отрѣзали, послѣ чего натариусы начали писать протестъ отъ имени императора. Терпигоревъ спросилъ у Краббе: «Что это они такое еще пишутъ?» Когда Краббе объяснилъ, въ чемъ дѣло, то посолъ рѣзко отвѣчалъ: «Какое дѣло моему государю до цезаря? дайте мнѣ только грамоту; а не принесете государю дани, такъ онъ ее возьметъ». Пришедши домой, онъ угостилъ провожавшихъ его гофъ-юнкеровъ водкой, вынулъ изъ пазухи договоръ, приказалъ слугѣ завернуть его въ шелковый платокъ, и сказалъ: «Смотри, береги мнѣ и откармливай этого теленка, чтобъ онъ выросъ и разжирѣлъ»⁵⁶.

Епископъ обязался въ три года выплатить всѣ недоимки; три года прошло, и въ Февралѣ 1557 явились въ Москву Ливонскіе послы безъ денегъ, съ просьбою, чтобъ дань была сложена. Адашевъ отвѣчалъ имъ, что такъ какъ магистръ, архіепископъ Рижскій и епископъ Дерптскій нарушили договоръ, то государь будетъ самъ искать на магистръ и на всей Ливонской землѣ. Іоаннъ не допустилъ къ себѣ пословъ, и они безъ дѣла уѣхали въ Мартѣ мѣсяцѣ, а въ Апрѣлѣ царь отправилъ князя Шестунова стровть городъ и гавань (корабель-

ще пристанище) при устьѣ рѣки Наровы, ниже Иваньгорода; велѣлъ также положить заповѣдь въ Новгородѣ, Псковѣ и Иваньгородѣ, чтобъ никто къ Нѣмцамъ съ товарами не ѣздилъ; если же прїѣдутъ Нѣмцы въ царскую отчину, то съ ними торговать безо всякой зацѣпки. Въ Ноябрьѣ выступило въ походѣ къ Ливонскимъ границамъ сорокатысячное войско подъ начальствомъ царя Шигъ-Алея и воеводъ — князя Михайла Васильевича Глинскаго, царицына брата Данила Романовича и другихъ; подлѣ Русскихъ полковъ шли Татары, Черемисы, Мордва, Черкесы Пятигорскіе. Нѣмцы прислали за опасною грамотою, и въ Декабрѣ явились ихъ послы, били челомъ, чтобъ государь оставилъ поголовную дань по гривнѣ съ человека, а взялъ бы одновременно за прошлыя недоимки и за настоящія военныя издержки 45,000 ефимковъ (18,000 рублей по Московскому счету), да ежегодно Юрьевъ будетъ платить по 1000 золотыхъ Венгерскихъ. Когда переговоры кончились, царь потребовалъ денегъ; но у пословъ денегъ не было; тогда раздраженный Іоаннъ, вида только желаніе Нѣмцевъ обмануть его и протянуть время, велѣлъ посламъ ѣхать назадъ, а войску своему двинуться въ Ливонію. Нѣмецкіе лѣтописцы говорятъ, что послы отправились въ Москву безъ денегъ, понадѣявшись на обѣщанія Московскихъ купцовъ, торговавшихъ съ Ливонією, что если миръ будетъ заключенъ, то они дадутъ посламъ денегъ взаймы подъ вексель; но царь подъ смертною казнію запретилъ купцамъ давать посламъ денегъ взаймы. Послы просили, чтобъ оставили ихъ самихъ въ Москвѣ заложниками, пока придутъ деньги изъ Ливоніи; но царь и на это не согласился. Одинъ изъ Нѣмецкихъ же лѣтописцевъ рассказываетъ, что передъ отъѣздомъ позвали пословъ къ царскому столу и подали имъ пустыя блюда.

Въ Генварѣ 1558 года вступило Русское войско изъ Пскова въ Ливонію и страшно опустошило ее на пространствѣ 200 верстъ, вездѣ побивая Нѣмецкіе отряды, выходившіе къ нему на встрѣчу. Погостивши мѣсяць, съ огромною добычею возвратились ратные люди назадъ: Курбскій, находившійся въ

числѣ воеводъ, говорить: «Земля была богатая, а жители въ ней гордые; отступили они отъ вѣры христіанской, отъ обычаевъ и дѣлъ добрыхъ праротческихъ, ринулись всѣ на широкій и пространный путь, на пьянство, невоздержаніе, на долгое спанье, лѣнь, на неправды и кровопролитіе междуусобное». По словамъ Ливонскихъ лѣтописцевъ, развратъ въ ихъ странѣ въ это время дошелъ до такой степени, что его не стыдились, но гордились имъ, причемъ правители подавали примѣръ подчиненнымъ.

Оставивши Ливонію, царь Шигъ-Алей, царевичи, бояре и воеводы послали къ магистру грамоту, въ которой писали: «За ваше неисправленіе и клятвopреступленіе государь послалъ на васъ войну, кровь пролилась отъ васъ; если же хотите предъ государемъ исправиться и кровь унять, то присылайте къ государю съ челобитьемъ, а мы всѣ станемъ за васъ просить». Магистръ прислалъ за опасною грамотою для пословъ и получилъ ее; царь велѣлъ прекратить войну. Но жители Нарвы не хотѣли прекратить ее и продолжали стрѣлять на соседній, только рѣкою Нарвою отдѣляемый отъ нихъ Иванъгородъ. Воеводы Новгородскіе дали знать объ этомъ царю и послали сказать жителямъ Нарвы, что они нарушаютъ перемиріе; тѣ отвѣчали: «Князецъ стрѣляетъ, намъ его не унять». Получивши отъ царя приказъ начать непріятельскія дѣйствія, воеводы съ Иванъгорода открыли сильную пальбу: Нарва не могла ее выдерживать болѣе недѣли, и 9 Апрѣля, въ Великую субботу, выѣхали Нарвскіе начальники и били челомъ воеводамъ, чтобъ государь показалъ милость, взялъ ихъ въ свое имя, отъ магистра и всей земли Ливонской они отстали и за князца не стоятъ: воровалъ онъ на свою голову. Они дали воеводамъ заложниковъ, двоихъ лучшихъ людей, а въ Москву послали депутатовъ. Когда послѣдніе явились во дворецъ, то Алексѣй Адашевъ спросилъ ихъ: о чемъ они пріѣхали бить челомъ? какое государево жалованье хотятъ на себѣ видѣть? Депутаты отвѣчали, что они пріѣхали просить позволенія не отставать отъ магистра, а впрочемъ чѣмъ ихъ госу-

дарь пожалуетъ. Алашевъ сказалъ имъ на это: «Вы черезъ опасную грамоту стрѣляли на государевъ городъ и по людямъ; потомъ, вида бѣду, били челомъ, что отъ магистра отстали и хотите быть во всей государевой волѣ; воля государева такова: выдайте князца, который у васъ начальствуетъ крѣпостью, а крѣпость сдайте нашимъ воеводамъ; тогда государь васъ пожалуетъ, изъ домовъ не разведетъ, старины вашей и торгу не порушитъ, а будутъ владѣть и Вышгородомъ (кремлемъ) и Нарвою царскіе воеводы, какъ владѣли магистръ и князецъ: иначе тому дѣлу не бывать». Депутаты согласились и присягнули за всю землю Нарвскую. Но когда Иванъгородскіе воеводы послали сказать объ этомъ въ Нарву, тамошніе жители отвѣчали, что они не затѣмъ посылали депутатовъ въ Москву, чтобъ отстать отъ магистра: дѣло объяснилось тѣмъ, что они получили помощь отъ послѣдняго. Но эта помощь не спасла Нарвы: 11 Мая, воспользовавшись сильнымъ пожаромъ, вспыхнувшимъ въ городѣ, Русскіе, несмотря на жестокое сопротивленіе жителей, овладѣли нижнимъ городомъ и приступили къ кремлю (Вышгороду), къ которому приступали до вечера, стрѣлая изъ пушекъ Иванъгородскихъ и взятыхъ въ нижнемъ городѣ, или собственной Нарвѣ. Наконецъ изъ Вышгорода прислали бить челомъ, чтобъ воеводы пожаловали, привали крѣпость со всемъ нарядомъ, но чтобъ князецъ съ новоприбывшими ратными людьми могъ свободно изъ нея выйти. Воеводы согласились: ратные люди и лучшіе граждане вышли, только безъ имущества, а черные присягнули быть въ подданствѣ у царя и дѣтей его во вѣки. Иоаннъ очень обрадовался приобрѣтенію этого важнаго мѣста; послалъ тотчасъ изъ Новгорода архимандрита и протопопа, велѣлъ ставить церкви въ Нарвѣ, очищать ее отъ вѣры Латинской и Лютторской; пожаловалъ воеводѣ и дѣтей боярскихъ; далъ жалованную грамоту и жителямъ Нарвы, даже велѣлъ отыскать всѣхъ прежде взятыхъ плѣнниковъ, родомъ изъ Нарвы, и возвратитъ въ отечество.

Еще прежде взятія Нарвы пріѣхали въ Москву большіе пос-

ды Ливонскіе, во главѣ которыхъ былъ родной братъ магистра, Теодоръ Фюрстенбергъ. Они привезли 60,000 талеровъ за недоимки и военныя издержки; касательно же дани съ Дерптской области просили, чтобъ царь не требовалъ теперь ее, потому что эта область опустошена въ концѣ и въ нѣсколько лѣтъ не поправится, и потому что царское войско взяло на войнѣ гораздо больше условленной суммы. Сначала Юаннъ не хотѣлъ слышать объ этихъ условіяхъ; но потомъ купцы Московскіе, желавшіе мира съ Ливонією, не пожалѣли богатыхъ подарковъ для бояръ, и переговоры начали было подвигаться впередъ, какъ пришло извѣстіе о взятіи Нарвы. Адашевъ объявилъ посламъ, что Нѣмцы, взявши опасную грамоту, не смотря на то, двѣ недѣли стрѣляли по Иваньгороду и били людей; государь велѣлъ промышлять надъ Нарвою, и военныя взяли ее; теперь государь велѣлъ промышлять надъ другими городами, а вѣрить Нѣмцамъ нельзя: клятвъ своихъ не исполняютъ. Если же они хотятъ мира, то магистръ, архіепископъ Рижскій и епископъ Дерптскій должны сдѣлать то же, что сдѣлали цари Казанскій, Астраханскій и Шигъ-Алей, должны сами явиться предъ государемъ съ данью со всей земли Ливонской, ударить ему челомъ и впредь во всемъ исполнять его волю, а города завоеванныя останутся за Москвою⁴⁴. Послы уѣхали, и война продолжалась. Нѣкоторые города сдавались безъ сопротивленія; воеводы строили въ нихъ православныя церкви, приводили жителей — Латышей и Нѣмцевъ къ присягѣ Московскому царю. Съ большимъ трудомъ взятъ былъ Нейгаузъ; магистръ Фюрстенбергъ не помогъ ему; онъ не смѣлъ вступить въ битву съ Русскими войсками, имѣя съ большимъ только 8,000 ратныхъ людей. По взятіи Нейгауза, онъ едва ушелъ отъ Русскихъ къ Валку: здѣсь, по старости, онъ сложилъ съ себя достоинство магистра и на его мѣсто былъ выбранъ Феллинскій командоръ Готгардъ Кетлеръ. Не и молодой магистръ такъ же мало былъ способенъ помочь Ордону, какъ и старый: нравственныя силы народонаселенія были истощены. Тщетно раздавался благородный голосъ Дерпт-

саго бургомистра Тиле, который говоритъ, что нечего ждать помощи извнѣ, что надобно пожертвовать все́мъ богатствомъ для спасенія родной страны, встать все́мъ какъ одинъ человекъ и соединенными силами дать отпоръ врагу, а не дожидаться каждому мѣсту своей очереди. Никто не слушалъ его, никто не хотѣлъ жертвовать своимъ добромъ добру общему, а тѣ, которые прежде кричали, что скорѣе пожертвуютъ 100 рейхсталеровъ на войну съ Москвою, чѣмъ одинъ талеръ для дани цррю, на покупку мира, тѣ теперь, когда бѣда пришла, не хотѣли жертвовать ничѣмъ ни для мира, ни для войны.

Въ Юль Русское войско, подъ начальствомъ князя Петра Ивановича Шуйскаго, обложило Дерптъ, гдѣ затворился епископъ Германъ Вейландъ съ гражданами и двумя тысячами ⁵⁷ вѣнскихъ заморскихъ Нѣмцевъ; большая часть дворянъ, узнавъ о приближеніи непріятеля, ночью покинула городъ ⁵⁸. Осажденные сначала защищались мужественно, отстрѣливались, дѣлали частыя вылазки, какъ слѣдуетъ рыцарскимъ мужамъ, по выраженію Курбскаго; но осаждающіе придвигались все ближе и ближе, отъ стрѣльбы ихъ рушились стѣны, гибло много людей, остальные были измучены трудами при защитѣ города; послали къ магистру съ просьбою о помощи: посланный возвратился съ отвѣтомъ, что магистръ порицаетъ поступокъ дворянства, хвалитъ мужество епископа и гражданъ, предлагаетъ, чтобъ они защитили городъ, но самъ не въ состояніи противиться такому сильному непріятелю и употребляетъ все старанія, чтобъ увеличить свое войско; а Московскій воевода объявилъ милость царскую, если осажденные сдадутся; въ противномъ случаѣ грозилъ, что не оставитъ въ живыхъ и малаго ребенка. Осажденные выпросили два дня сроку для размышленія, потомъ выпросили еще одинъ день, на четвертый объявили, что сдадутся на слѣдующихъ условіяхъ: 1) Епископъ получаетъ для жительства своего монастырь Фалькенгау, въ двухъ миляхъ отъ Дерпта, со все́ми принадлежащими ему землями, людьми и пошлинами; подъ его вѣдомствомъ остаются Латвинокое духовенство и церкви съ ихъ имуществомъ.

2) Дворяне, желающіе остаться подъ властію государя, удерживаютъ свои земли и людей, находятся подъ ведомствомъ епископа, и не могутъ быть выведены въ Россію. 3) Граждане Дерптскіе остаются при своей религіи Аугсбургскаго исповѣданія безо всякихъ перемѣнъ и не будутъ принуждаемы отступить отъ нея; церкви ихъ со всеми принадлежностями остаются какъ были, равно какъ и школы ихъ. 4) Городовое управленіе остается по старинѣ. 5) Браки съ заморскими Нѣмцами дозволяются. 6) Всѣ горожане и обитатели Дерпта, при его сдачѣ, могутъ выхвать въ теченіе 8 дней изъ города со всѣмъ своимъ имѣніемъ, и чего не смогутъ взять съ собою, то могутъ оставить у своихъ пріятелей или въ своихъ домахъ и взять послѣ при удобномъ случаѣ. 7) Если потомъ они сами или дѣти ихъ захотятъ опять переселиться въ Дерптъ и жить подъ властію государя, то могутъ это сдѣлать. 8) Ратные люди могутъ выйти изъ города съ имѣніемъ и оружіемъ. 9) Иностранные купцы, Нѣмецкіе и Русскіе не могутъ торговать въ Дерптѣ непосредственно другъ съ другомъ, а только съ Дерптскими горожанами. 10) Русскіе ратные люди не будутъ становиться въ домахъ обывательскихъ. 11) Государь не будетъ выводить горожанъ или обывателей изъ Дерпта въ Россію или другія мѣста. 12) Всѣ преступленія, даже противъ государя, судятся городовымъ судомъ. 13) Право гражданства дается по старинѣ городовымъ управленіемъ; новый гражданинъ долженъ присягать государю и городовому управленію. 14) Городовое управленіе желаетъ, чтобъ на его судные приговоры могла быть аппеляція къ Рижскому городовому управленію.

18 Іюля уполномоченные отъ епископа, дворянства, капитула, отъ городского совѣта и общины отправились съ этими условіями къ князю Петру Ивановичу Шуйскому, который долженъ былъ скрѣпить ихъ. Шуйскій скрѣпилъ ихъ въ надеждѣ, что они будутъ утверждены и государемъ. Уполномоченные просили воеводу, чтобъ Русское войско не вторгалось въ дома гражданъ, не пугало ихъ женъ и дѣтей. Это было

объяснено, и объясненіе строго исполнено. Епископъ, ратные люди и тѣ горожане, которые хотѣли выѣхать съ семействами изъ города, выѣхали подъ прикрытіемъ Русскихъ отрядовъ, чтобъ съ ними не случилось ни малѣйшей неприятности. По вступленіи своемъ въ городъ, Шуйскій повѣстилъ, чтобъ ратные люди не смѣли обижать жителей подъ страхомъ жестокаго наказанія, а жители чтобъ не смѣли продавать ратнымъ людямъ крѣпкихъ напитковъ. По свидѣтельству современника и очевидца, Нѣмца, порядокъ былъ сохраненъ, нарушители его действительно подвергались строгимъ наказаніямъ; боярскіе дѣти ежедневно объѣзжали городъ, забирали всѣхъ пьяныхъ и дурно-ведшихъ себя людей; жители не терпѣли никакого насилія и утѣшали себя этимъ въ несчастіи; Шуйскій объявилъ, что его домъ и уши будутъ открыты для каждаго, кто придетъ съ жалобою на Русскихъ ратныхъ людей. Совѣтъ и община послали ему въ подарокъ вина, пива и разныхъ състныхъ припасовъ; а Шуйскій чрезъ нѣсколько дней угостилъ членовъ совѣта и лучшихъ людей хорошимъ обѣдомъ въ замкѣ. 6 Сентября царь далъ жителямъ Дерпта жалованную грамоту, въ которой нѣкоторыя изъ условій были дополнены, нѣкоторыя измѣнены: на примѣръ, въ городскомъ судѣ долженъ былъ засѣдать и Русскій чиновникъ (Drost) для охраненія Русскихъ людей; аппеляціи къ Рижскому городскому суду не были позволены; вмѣсто нихъ постановлена была аппеляція къ Дерптскому воеводѣ; дѣла же, которыхъ и воевода рѣшить не могъ, отсылались къ царю; на монетѣ долженъ быть съ одной стороны гербъ царскій, на другой городской; на городской печати долженъ быть царскій гербъ. Въ случаѣ нужды, ратные люди могутъ стоять въ домахъ черныхъ людей. Дерптскіе жители могутъ торговать безошдинно въ Новгородѣ, Псковѣ, Иваньгородѣ и Нарвѣ, но если поѣдутъ съ торгомъ въ Казань, Астрахань или другія области Московскія, то должны платить пошлины наравнѣ съ Русскими купцами; свободно могутъ они отъѣзжать за море и торговать всякими товарами; если не захотятъ жить въ Дерптѣ, могутъ свободно выѣхать

за границу со всѣмъ имуществомъ, заплативъ съ него десятую деньгу въ царскую казну. Если кто изъ Дерптскихъ жителей дойдетъ по своей винѣ смертной казни, то имущество его идетъ въ казну, которая платитъ его долги. Если преступникъ уйдетъ за море, то имущество его отбирается въ казну, которая изъ него платитъ его заимодавцамъ; если же онъ убѣжитъ со всѣмъ своимъ движимымъ имѣніемъ, то недвижимое все идетъ въ казну, которая ничего не платитъ заимодавцамъ: зачѣмъ они не обращаютъ вниманія на такихъ людей? Дерптскіе жители могутъ свободно покупать дома и сады и жить въ нихъ въ Новгородѣ, Псковѣ, Ивановгородѣ, Нарвѣ и во всѣхъ другихъ Русскихъ областяхъ; равно какъ Новгородцы, Псковичи, Ивановгородцы, Нарвцы и всякіе Русскіе люди могутъ покупать дома и сады въ Дерптѣ во всѣхъ мѣстахъ ⁵⁹.

Такія льготы, данныя покорившемуся городу, показывали ясно намѣреніе царя завоевать Ливонію и удержать навсегда за собою это завоеваніе; дѣтямъ боярскимъ розданы были земли въ покоренныхъ областяхъ; князь Шуйскій послалъ въ Ревель съ требованіемъ, чтобъ онъ послѣдовалъ примѣру Дерпта, что въ такомъ случаѣ государь дастъ ему большія привилегіи, чѣмъ тѣ, которыми онъ пользовался прежде; въ противномъ же случаѣ да страшится царскаго гнѣва. Ревель не покорился; но покорилось нѣсколько другихъ городовъ, число которыхъ съ прежде завоеванными дошло къ осени уже до 20. Совершивши такой блистательный походъ, воеводы, по тогдашнему обычаю, отправились въ Москву въ Сентябрь, оставивъ гарнизоны въ завоеванныхъ городахъ. Этимъ удаленіемъ воспользовался магистръ Кетлеръ: собравши болѣе 10,000 войска, онъ осадилъ Рингенъ и взялъ его приступомъ, потерявши, какъ шель слухъ, 2000 человекъ ⁶⁰. Воеводы, оставшіеся въ Ливоніи, не могли собрать болѣе 2000 человекъ, не могли потому выдержать натиска Нѣмцевъ при встрѣчѣ съ магистромъ, обратились въ бѣгство; могли только бить отдѣльные отряды Нѣмцевъ, посылаемыхъ за сборомъ кормовъ; Нѣмцы пробрались и въ собственно Русскія владѣнія, сожгли посадъ у

Псковскаго пригорода Краснаго, были и подъ Себежемъ, сожгли монастырь св. Николая: Взятіемъ Рингена впрочемъ магистръ долженъ былъ удовольствоваться: съ такимъ небольшимъ войскомъ, какое было у него, онъ не могъ предпринять осады болѣе значительныхъ городовъ и ушелъ назадъ въ концѣ Октября. Во время осады Рингена всѣ мужчины были выведены изъ Дерпта во Псковъ и оставались тамъ до тѣхъ поръ, пока магистръ ушелъ назадъ въ Ригу; тогда ихъ возвратили къ семействамъ, которымъ въ ихъ отсутствіе не было сдѣлано ни малѣйшаго вреда, по свидѣтельству Нѣмецкаго лѣтописца; эта мѣра объясняется извѣстіемъ Русскихъ лѣтописей, что Дерптскіе Нѣмцы ссылались съ магистромъ, звали его къ своему городу, гдѣ, по ихъ словамъ, у Русскихъ было мало войска ⁶¹. Кетлеръ накликалъ месть своимъ походомъ: въ Генварѣ 1559 года вступило въ Ливонію большое Московское войско (130,000 по Нѣмецкимъ извѣстіямъ), разбило Нѣмцевъ при Тирзенѣ и безъ сопротивленія уже цѣлый мѣсяцъ пустошило всю землю съ одной стороны до моря, съ другой до границъ Прусскихъ и Литовскихъ, не щадя младенцевъ во чревѣ матерей ⁶².

Ливонское правительсто обратилось къ сыну Густава Вазы Шведскаго, герцогу Іоанну, правителю Финляндіи, съ просьбою ссудить 200,000 рейхсталеровъ и войско, предлагая въ залогъ нѣсколько земель въ Ливоніи. Молодой принцъ, желая распространенія своихъ владѣній на счетъ этой страны, былъ не прочь вступить въ переговоры; но старикъ отецъ посовѣтовалъ ему не вступаться никакимъ образомъ въ дѣло, ибо тогда нужно будетъ поссориться не съ одною Москвою, но также съ императоромъ, королями Польскимъ и Датскимъ, которые всѣ объявляютъ свои притязанія на Ливонію. Когда Ревельскія суда напали въ Шведскихъ водахъ, при Біоркѣ и Ниландѣ, на лодки Русскихъ купцовъ и овладѣли ими, перебивъ людей, то Ревельцевъ захватили за это въ Выборгѣ, и король отправилъ въ Финскій заливъ вооруженныя суда для безопасности Русскихъ купцовъ, о чемъ далъ знать въ Москву. Іоаннъ такъ отвѣчалъ ему на это: «Ты писалъ къ намъ о не-

прайдахъ Колыванскихъ людей (Ревельцевъ) и о своей отпискѣ, которую послалъ въ Колывань: мы твою грамоту выслушали и твое оправданье уразумѣли. Ты дѣлаешь гораздо, что свое дѣло исправляешь; намъ твое дѣло полюбилось, и мы за твою старость хвалимъ; и впередъ ты бы къ намъ свою службу исполнялъ и нашимъ грубителямъ недружбу дѣлалъ». Орденъ отправилъ пословъ, и прямо въ Стокгольмъ къ Густаву, съ просьбою о помощи; послы представляли старому королю, что они ждутъ также сильной помощи отъ императора, Нѣмецкихъ князей и короля Польскаго; что слѣдовательно ему, вмѣстѣ съ такими союзниками, нечего бояться Москвы. Густавъ отвѣчалъ имъ, что на помощь Нѣмцевъ и Поляковъ полагаться нечего: императору и Нѣмецкимъ князьямъ впору отбиваться отъ Турокъ; а Польскій король обѣщалъ и ему помощь въ войнѣ Московскій и обманулъ; точно такъ же поступилъ съ нимъ и Орденъ: но онъ не хочетъ помнить зла и будетъ просить царя за Ливонію. Эта просьба впрочемъ была не очень усильна; Густавъ писалъ Иоанну: «Мы просимъ васъ за Ливонцевъ собственно не для нихъ (потому что они и съ нами не очень хорошо поступили), но чтобъ угодить императору, который намъ приказывалъ и просилъ объ этомъ. Да будетъ вамъ извѣстно, что мы немедленно хотимъ отправить посланника къ Ливонцамъ, велитъ спросить у нихъ, хотятъ ли они пасть вамъ въ ноги и все исполнить какъ слѣдуетъ? мы дадимъ вамъ знать, какой отвѣтъ получимъ отъ нихъ». Шведскій посолъ говорилъ въ Москвѣ: «Его величество, государь мой, стоитъ теперь съ такимъ оружіемъ, со многими кораблями, и не хочетъ пропускать ни Датскихъ, ни Нѣмецкихъ людей, которые захотятъ идти на помощь Ливонцамъ». Иоаннъ отвѣчалъ Густаву: «Мы прежде думали, что ты отъ себя хлопочешь за Ливонцевъ, что такъ тебѣ надобно; а теперь ты пишешь, что дѣлаешь это для императора: такъ если Ливонское дѣло тебѣ не очень надобно, то ты бы къ Ливонцамъ и не посылалъ, чтобъ они били мнѣ челомъ»⁶³.

Ревельцы, не ожидая ни откуда безкорыстной помощи, обра-

тились къ Датскому королю Христіану III прямо съ просьбою
 принять ихъ въ свое подданство, такъ какъ нѣкогда Эстонія и
 Ревель были подъ властію Даніи. Но и Христіанъ III, подобно
 Густаву-Вазѣ, былъ старикъ, приближавшійся къ гробу; онъ
 объявилъ посламъ Ревельскимъ, что не можетъ принять въ
 подданство ихъ страны, потому что не имѣеть силъ защищать
 ее въ такомъ отдаленіи и отъ такого сильнаго врага; онъ вѣдѣя
 только ходатайствовать за нихъ въ Москвѣ; назначилъ пословъ,
 но умеръ, не отправивъ ихъ, и послы эти явились въ Мо-
 сквѣ уже отъ имени наслѣдника Христіанова, Фридриха II-го.
 Король въ очень вѣжливыхъ выраженіяхъ просилъ, чтобъ царь
 запретилъ войскамъ своимъ входить въ Эстонию, какъ принадле-
 жащую Даніи; Іоаннъ отвѣчалъ: «Мы короля отъ своей любви
 не отставимъ; какъ ему пригоже быть съ нами въ союзномъ
 пріятельствѣ, такъ мы его съ собою въ пріятельствѣ и союз-
 ной любви учинить хотимъ. Тому уже 600 лѣтъ, какъ великій
 государь Русскій Георгій Владиміровичъ, называемый Яро-
 славомъ, взялъ землю Ливонскую всю и въ свое имя поставилъ
 городъ Юрьевъ, въ Ригѣ и Колывани церкви Русскія и дворы
 поставилъ и на всѣхъ Ливонскихъ людей дани наложилъ. Послѣ,
 вслѣдствіе нѣкоторыхъ невзгодъ, тайно отъ нашихъ пра-
 родителей, взяли было они изъ королевства Датскаго двухъ
 королевичей: но наши прародители за то на Ливонскихъ людей
 гнѣвъ положили, многихъ мечу и огню предали, а тѣхъ коро-
 левичей Датскихъ изъ своей Ливонской земли вонъ выслали.
 Такъ Фридрихъ король въ нашъ городъ Колывань не вступался
 бы». На просьбу не притѣснять Ливонцевъ царь велѣлъ отвѣ-
 чать посламъ: «Всѣ Ливонцы отъ прародителей нашихъ извѣч-
 ные наши данники; какъ мы остались послѣ отца своего трехъ
 лѣтъ, то наши непріатели пограничные, видя то, наступили
 на наши земли, а люди Ливонской земли, смотря на наши
 невзгоды, перестали платить дань, и въ Ригѣ церковь нашу
 во имя Николы Чудотворца, гридни и палаты отдали Литовскимъ
 попамъ и купцамъ; въ Колывани Русскія гридни и палаты
 Колыванскіе люди за себя взяли, въ Юрьевѣ церковь Николы

Истор. Росс. Т. VI. 11

Чудотворца разорили, конюшню на томъ мѣстѣ поставили, а улицы Русскими, палатами и погребами Юрьевцы сами завладѣли»⁶⁴. Однако желая, какъ видно, имѣть всё войска свои на южныхъ границахъ для дѣйствій противъ Крымцевъ, царь далъ Датскимъ посламъ опасную грамоту на имя Ливонскихъ правителей; въ грамотѣ говорилось, что, для короля Фридриха, царь жауеть перемиріе Ордену отъ Мая до Ноября 1559 года; чтобъ въ это время или самъ магистръ ударилъ ему челомъ въ Москвѣ, или прислалъ бы самыхъ знатныхъ людей для заключенія вѣчнаго мира. Но Кетлеръ понималъ, что челобитьемъ нельзя получить выгоднаго мира; видя, что нѣтъ помощи ни отъ Швеціи, ни отъ Даніи, онъ обратился къ третьему сосѣднему государю, который имѣлъ больше побужденій вступить за Ливонію, чтобъ не дать Москвѣ усилиться на ея счетъ: Кетлеръ обратился къ королю Польскому.

Въ 1545 году старикъ Сигизмундъ сдалъ управленіе Литвою сыну своему Сигизмунду-Августу, о чемъ послѣдній и далъ знать Іоанну Московскому⁶⁵. Въ 1548 году умеръ Сигизмундъ старый; срокъ перемирія исходилъ, но изъ Литвы не было никакой вѣсти; это впрочемъ происходило не отъ того, что новый король замышлялъ войну — войны меньше всего можно было бояться со стороны Сигизмунда-Августа, Литовскаго Сарданапала; 1548 годъ онъ провелъ въ борьбѣ за жену свою, Варвару, урожденную Радзивиль, на которой онъ женился тайно отъ отца, матери и вельможъ Польскихъ; теперь послѣдніе требовали развода; но когда дѣло шло о любимой женщинѣ, то Сигизмундъ-Августъ обнаруживалъ большую твердость: онъ отстоялъ Варвару. Въ то время, какъ на престолъ Польши и Литвы вошелъ государь съ такимъ характеромъ, молодой государь Московскій, принявши царскій титулъ, надѣвши вѣнецъ Мономаховъ, думалъ о томъ, какъ бы возвратить себѣ отчину Мономахову, древнюю Русь, Кіевъ. Но прежде всего и Московскому потомку надлежало совершить тѣ же подвиги, которыми прославился Кіевскій предокъ, т.-е. надлежало защитить Русь отъ *поганыхъ*. Замышляя окончательное нѣмо-

женіе Казани, зная, что борьба съ Казанью есть вмѣстѣ и борьба съ Крымомъ, Іоаннъ не могъ желать возобновленія войны съ Литвою, и бояре написали къ епископу и воеводѣ Виленскимъ, чтобъ они съ другими панами радою наводили короля на миръ. Вслѣдствіе этой *замирки*, какъ тогда выражались, въ Генварѣ 1549 года пріѣхали въ Москву Литовскіе великіе послы: Станиславъ Кишка, воевода Витепскій и Янъ Камаевскій, маршалокъ. О вѣчномъ мирѣ думать было нечего: Литва не хотѣла мириться безъ Смоленска; послы твердили: «Безъ отдачи Смоленска не мириться»; бояре отвѣчали имъ: «Ни одной драницы изъ Смоленска государь нашъ не уступить». Но если Сигизмундъ-Августъ не хотѣлъ вѣчнаго мира безъ Смоленска, то Іоаннъ не хотѣлъ его и съ Смоленскомъ; онъ говорилъ боярамъ: «За королемъ наша вотчина извѣчная, Кіевъ, Волынская земля, Полоцкъ, Витепскъ и многіе другіе города Русскіе; а Гомель отецъ его взялъ у насъ во время нашего малолѣтства: такъ пригоже ли съ королемъ теперь вѣчный миръ заключить? Если теперь заключить миръ вѣчный, то впередъ уже черезъ крестное цѣлованіе своихъ вотчинъ искать нельзя, потому что крестнаго цѣлованія никакъ нигдѣ нарушить не хочу». И приговорилъ государь съ боярами вѣчнаго мира съ королемъ не заключать для того, чтобъ можно было доставать своихъ старинныхъ вотчинъ, а взять съ королемъ перемирие на время, чтобъ дать людямъ поотдохнуть и съ иными недругами управиться. Такъ если послы начнутъ пытаться у бояръ, какъ государь хочетъ вѣчнаго мира, то требовать уступки Гомеля, Полоцка и Витепска: Полоцка и Витепска требовать для того, чтобъ вѣчный миръ не состоялся; потому что если они отступятся отъ Гомеля, Смоленска, Себежа и Заволочья, то отъ вѣчнаго мира уже тогда говорить будетъ непригоже. Заключили перемиріе на пять лѣтъ; но при написаніи грамоты встрѣтилось новое затрудненіе: Іоаннъ хотѣлъ написаться съ новымъ своимъ титуломъ, титуломъ царскимъ; послы никакъ не согласились, говоря, что прежде этого не бывало; бояре отвѣчали: прежде не бывало

потому, что Иоаннъ на царство еще не вѣнчался, а теперь вѣнчался по примѣру Владиміра Мономаха. Но это не убѣдило пословъ; они потребовали отпуска. Иоаннъ долго разсуждалъ съ боярами, можно ли уступить посламъ и написать грамоту безъ царскаго титула? Бояре говорили, что теперь, имѣя въ виду двухъ недруговъ, Казанскаго и Крымскаго, можно написать грамоту и безъ царскаго титула. Царь приговорилъ: «написать полный титулъ въ своей грамотѣ, потому что его грамота будетъ у короля за его печатью; а въ другой грамотѣ, которая будетъ писаться отъ имени короля и останется у государя въ Москвѣ, написать титулъ по старинѣ безъ царскаго имени. Надобно такъ сдѣлать потому, что теперь Крымскій царь въ большой недружбѣ и Казанскій также: если съ королемъ разорвать изъ-за одного слова въ титулѣ, то противъ троихъ недруговъ вдругъ стоять будетъ истомно, и если кровь христіанская прольется за одно имя, а не за землю, то не было бы грѣха передъ Богомъ. А начнетъ Богъ миловать, съ Крымскимъ дѣломъ подѣляется, и съ Казанью государь перевѣдается, то впередъ за царскій титулъ крѣпко стоять и безъ него съ королемъ дѣла никакова не дѣлать». Относительно пословъ опредѣлено было—если не согласятся на титулъ, отпустить ихъ, и на отпускѣ приказать съ ними поклонъ къ королю, а руки имъ не давать, потому что въ отвѣтъ на нихъ слово положено гнѣвное. Если послѣ отпуска они не начнутъ сами опять говорить о дѣлѣ и станутъ просить позволенія уѣхать назадъ въ Литву, то велѣтъ приставу *задрать* ихъ, чтобъ повидались опять съ боярами; и какъ пріѣдутъ на дворъ видѣться съ боярами, говорить имъ опять накрѣпко о титулѣ, и если никакъ не согласятся, то сдѣлать, какъ было положено, т.-е. написать царскій титулъ только въ одной своей грамотѣ. Послѣ отпуска Кишка и Камаевскій сами потребовали новыхъ переговоровъ, но и тутъ не соглашались на титулъ, а просили, чтобъ имъ дали на письмѣ о царскомъ поставленіи, какимъ образомъ государь на царство вѣнчался, и откуда предки его царское имя взяли? Царь приговорилъ съ боярами, что такой

записки имъ не давать, потому что они составятъ на нее свои оубыты, и тогда въ рѣчахъ будетъ говорить о томъ тяжело. Послы распространились уже сѣли въ сани; но тутъ ихъ воротили и позволили имъ написать грамоту отъ королевскаго имени безъ царскаго титула.

Для взятія присяги съ короля въ ненарушеніи перемирія отправился въ Литву бояринъ окольникій Михайла Яковлевичъ Морозовъ; онъ долженъ былъ также требовать царскаго титула для Іоанна, получившаго этотъ титулъ отъ предковъ своихъ, именно отъ великаго князя Кіевскаго Владиміра Мономаха. Король велѣлъ отвѣчать Морозову, что прежде ни самъ Іоаннъ, ни отецъ, ни дѣдъ его этого титула не употребляли; что же касается до великаго князя Кіевскаго Мономаха, то, во-первыхъ, это дѣла давнія; во-вторыхъ, столъ Кіевскій есть и будетъ въ рукахъ его, короля; слѣдовательно если уже кто имѣетъ право называться царемъ Кіевскимъ, то конечно онъ, король, а не великій князь Московскій; но такъ какъ этотъ титулъ не можетъ принести королю никакой славы и выгоды, то онъ его и не употребляетъ, тѣмъ болѣе, что всѣ государи христіанскіе называютъ царемъ только императора Римско-Германскаго; если же король и великій князь Московскій называютъ царями хана Крымскаго и другихъ Татарскихъ и поганскихъ господарей, то это ведется изъ старины, давно уже на Славянскомъ языкѣ начали ихъ такъ называть, а сами они на своемъ языкѣ такъ себя не величаютъ. — Мы видѣли, какъ Іоаннъ объявилъ, что крестнаго цѣлованія никакъ нигдѣ нарушить не захочетъ. Въ этомъ отношеніи лежало у него на совѣсти, что въ перемирныхъ грамотахъ вставлялось условіе: бѣглецовъ выдавать на обѣ стороны, и условіе это вмѣстѣ съ другими скрѣплялось крестнымъ цѣлованіемъ, а между тѣмъ на дѣлѣ никогда не исполнялось: «И ты, братъ нашъ, поразсуди—велѣлъ сказать царь Сигизмунду—Августу—чтобъ это неисполненіе на нашихъ душахъ не лежало: или вычеркнемъ условіе изъ грамоты, или уже будемъ исполнять его, станемъ выдавать всѣхъ бѣглецовъ.» Король не согласился уничтожить

условіе; касательно же исполненія его отвѣчалъ неопредѣленно, что онъ ничего не дѣлаетъ вопреки перемирной грамотѣ. Король защищался стариною, обычаемъ, противъ новыхъ требованій Іоанновыхъ; Морозовъ долженъ былъ также напомнить ему грозную старину: «Если прольется кровь, то она взыщется на тѣхъ, которые покою христіанства не хотѣли, а тому образцы были: Александръ король дѣда государя нашего не хотѣлъ писать государемъ всея Руси, а Богъ на чемъ поставилъ? Александръ король къ этому еще много и своего придалъ. А нынѣ тотъ же Богъ». Король не исполнилъ и третьяго требованія Іоаннова: освободить двухъ плѣнныхъ вельможъ Московскихъ — князей Михайла Голицу и Федора Оболенскаго-Овчину за 2000 рублей; вмѣсто денегъ онъ просилъ за нихъ городовъ и волостей: Чернигова, Мглина, Дрокова, Поповы горы, Себежа и Заволочья, на что, разумѣется, Іоаннъ не могъ согласиться.

Во время перемирія происходили ссылки между двумя дворами о разныхъ дѣлахъ. Въ 1550 году прїѣзжалъ въ Москву посолъ Станиславъ Едровскій, черезъ котораго король велѣлъ сказать Іоанну: «Докучаютъ намъ подданные наши, жида, купцы государства нашего, что прежде означала при предкахъ твоихъ вольно было всѣмъ купцамъ нашимъ, христіанамъ и жидамъ, въ Москву и по всей землѣ твоей съ товарами ходить и торговать; а теперь ты жидамъ не позволяешь съ товарами въ государство свое вѣзжать». Іоаннъ отвѣчалъ: «Мы къ тебѣ не разъ писали о лихихъ дѣлахъ отъ жидовъ, какъ они нашихъ людей отъ христіанства отводили, отравныя зелья къ намъ привозили и пакости многія нашимъ людямъ дѣлали: такъ тебѣ бы, брату нашему, негодилось и писать объ нихъ много, слыша ихъ такія злыя дѣла». Еще при жизни Сигизмунда стараго жида Брестскіе были выгнаны изъ Москвы и товары ихъ сожжены за то, что они привозили продавать мумію. Важнѣе для обоихъ государствъ было требованіе Іоанна отъ короля: «Я послалъ грамоты всѣмъ своимъ порубежнымъ намѣстникамъ, чтобъ на нашихъ земляхъ позволяли твоимъ

сторожамъ стеречь прихода Татарскаго, и велѣлъ своимъ намѣстникамъ беречь твоихъ сторожей, чтобъ имъ отъ нашихъ людей обидъ никакикъ не было. И ты бы также въ Каневѣ и въ Черкасахъ своимъ намѣстникамъ приказалъ накрѣпко, чтобъ они на своихъ земляхъ нашимъ сторожамъ мѣста дали, и какія вѣсти у твоихъ намѣстниковъ про Татаръ будутъ, и они бы нашихъ намѣстниковъ безъ вѣсти не держали». Король подавалъ было большую учтивость: безъ окупа освободилъ изъ плѣна стараго воеводу, князя Михайлу Булгакова-Голицу, и прислалъ его въ Москву. Царь принялъ старика очень ласково, къ рукѣ звалъ, о адоровѣ спросилъ, велѣлъ ему сѣсть, пожаловалъ шубою и звалъ обѣдать; Голица билъ челомъ, что онъ истомился, и царь велѣлъ ему ѣхать на подворье, а отъ стола своего послалъ къ нему съ кушаньемъ. Но и этотъ поступокъ не повелъ къ большей пріязни между двумя государами, потому что непризнание царскаго титула со стороны короля постоянно раздражало Іоанна; въ наказѣ послу Астаѣеву, отправлявшемуся въ Литву, читаемъ: «Станутъ говорить: прежде государи Московскіе писались всегда великими князьями, а теперь государь по какой причинѣ ишется царемъ? — отвѣчать: государь нашъ учинился на царствѣ по прежнему обычаю, какъ прародитель его великій князь Владиміръ Мономахъ вѣнчанъ на царство Русское, когда ходилъ ратью на царя Греческаго Константина Мономаха, и царь Константъ Мономахъ тогда добилъ ему челомъ и прислалъ ему дары: вѣнецъ царскій и діадиму съ митрополитомъ Ефесскимъ, Киръ Месситомъ, и на царство его митрополитъ Неофитъ вѣнчалъ, и съ этого времени назывался царь и великій князь Владиміръ Мономахъ. А государя нашего вѣнчалъ на царство Русское тѣмъ же вѣнцомъ отецъ его Макарій митрополитъ, потому что теперь землю всею Русскою владѣетъ государь нашъ одинъ». Эти объясненія не помогали: король не называлъ Іоанна царемъ въ своихъ грамотахъ; за это Іоаннъ въ отвѣтныхъ грамотахъ не писалъ Сигизмунда-Августа королемъ; гонцы не брали такихъ грамотъ и уѣзжали съ пустыми руками.

Тамъ было до Казанскаго похода; послѣ ваятія Казани, въ Ноябрь 1552 года, пріѣхалъ въ Москву Янъ Гайко, присланный отъ Виленскаго епископа и двоихъ Радзивиловъ (Николая Чернаго и Николая Рыжаго), самыхъ могущественныхъ вельможъ въ Литвѣ, къ митрополиту Макарію и боярамъ — князю Ивану Михайловичу Шуйскому и Данилу Романовичу Юрьеву. Гайко былъ принятъ Макаріемъ и двумя этими боярами въ митрополичьемъ домѣ, при чемъ присутствовали трое владыкъ, архимандриты и игумены. Митрополитъ спрашивалъ о здоровьѣ посланныхъ сидя, а бояре вставши; митрополитъ звалъ Гайка къ рукѣ и посолъ цѣловалъ его руку; но когда бояре позвали его къ рукѣ и спросили о здоровьѣ, то онъ, отступя, ударилъ имъ челомъ; послѣ приѣма посолъ обѣдалъ у митрополита. Въ грамотѣ, присланной съ Гайкомъ, епископъ и Радзивилы писали, чтобъ митрополитъ и бояре наводили государя на вѣчный миръ, и чтобъ для его заключенія Московскіе послы пріѣхали въ Литву. Митрополитъ, по царскому приказанію, отвѣчалъ Гайку, что онъ привезъ грамоту о государскихъ дѣлахъ, а не о церковныхъ, государскія же земскія дѣла до митрополита не касаются, о нихъ отвѣтъ дадутъ епископу и панамъ государскіе бояре; онъ же митрополитъ, если Богъ дастъ, по времени, господину и сыну своему царю и великому князю Ивану станеть напоминать и на то его наводить, чтобъ разлитія крови христіанской не было. Бояре отвѣчали панамъ, что вся вражда между государями пошла и ссылки прекратились отъ того, что король не даетъ Іоанну царскаго титула, а царь за это не называетъ Сигизмунда—Августа королемъ: «Мы думаемъ—писали бояре—что въ великомъ княжествѣ Литовскомъ старые паны радные еще есть и того не забыли, что никогда наши государи напередъ пословъ своихъ не посылали; великій князь Василій, несмотря на просьбы императора и папы, даже и на границу пословъ своихъ не отправилъ для переговоровъ съ Литовскими послами; отецъ короля Сигизмунда не добился этого и въ малолѣтство Іоанна; а теперь государь уже не малолѣтний и враговъ своихъ побѣдилъ, Казань взялъ. Мы

не только государю, но даже своимъ дядьямъ и братьямъ грамоты вашей показать не смѣли».

Въ 1553 году прѣехали послы отъ короля — Довойня и Воловичъ. Царь не позвалъ ихъ къ рукъ, не пригласилъ къ обѣду, и вѣрющую грамоту велѣлъ отдать имъ назадъ, потому что царскаго имени въ ней не было. Послы говорили, что прежде толковъ о титулѣ нужно заключить вѣчный миръ, для котораго Іоаннъ долженъ уступить королю всё завоеванныя прежде у Литвы земли; послѣ этого уже можно начать дѣло о титулѣ, на который король не прежде можетъ согласиться, какъ получивъ согласіе императора и папы. Бояре отвѣчали, что императоръ и папа давно называютъ Московскихъ государей царями, и что прежде рѣшенія о титулѣ никакого дѣла дѣлать не стануть. Послы уѣхали. Тогда царь созвалъ бояръ и говорилъ имъ: « Намъ слѣдовало бы за свое имя стоять крѣпко; но теперъ Казанскіе люди еще не поукрѣпились совершенно, и мнѣ кажется, что для Казанскаго дѣла надобно заключить съ королемъ перемиріе на годъ или на два, чтобъ въ это время можно было Казань укрѣпить, а послѣ этого будемъ стоять за свое имя крѣпко ». Бояре отвѣчали, что надобно заключить перемиріе именно для Казанскаго дѣла: пословъ воротили съ дороги и заключили перемиріе на два года. Мы видѣли, что до сихъ поръ для оправданія принятаго имъ царскаго титула Іоаннъ указывалъ только на Владиміра Мономаха; теперъ нашлись другія оправданія, и Московскимъ посламъ; отправленнымъ въ Литву для подтвержденія двухлѣтняго перемирія, данъ былъ такой наказъ: « Когда спросятъ — почему великій князь называется царемъ? » отвѣчать: « Прародитель его, великій князь Владиміръ Святославичъ, какъ крестился самъ и землю Русскую крестилъ, такъ царь Греческій и патриархъ вѣнчали его на царство Русское, и онъ писался царемъ, а какъ преставился, то и образъ его на иконахъ пишутъ царемъ; потомъ говорить о Мономахъ; наконецъ сказать, что царство Казанское взято и потому Іоаннъ сдѣлался царемъ ».

Скоро взято было и другое царство — Астраханское. Иоаннъ послалъ объявить объ этомъ королю. Посланному между прочимъ данъ былъ наказъ: «Спросить: Черкесы почему государя вашего холопы? отвѣчать: «Черкесы государей нашихъ старинные холопы, потому что бѣжали изъ Рязани». Поздравить Иоанна со взятіемъ Астрахани король послалъ дворянина своего, пана Тишкевича. Тишкевичъ былъ Русскій, православнаго исповѣданія, и потому просилъ, чтобъ ему было позволено принять благословеніе у митрополита. Царь назначилъ день, когда быть Тишкевичу у Макарія, и послалъ сказать послѣднему, чтобъ велѣлъ убрать у себя палату столовую, гдѣ будетъ принимать посла, и чтобъ на дворѣ у него было все прибрано, а во время приѣма были бы у него владыки и архимандриты всѣ, которые въ Москвѣ, и было бы у него все порядочно (чиновно). Митрополитъ принялъ Тишкевича по-царски, какъ царь принималъ обыкновенно пословъ, спросилъ у него, какого онъ закона? и когда Тишкевичъ отвѣчалъ, что Греческаго, далъ ему наставленіе о вѣрѣ и благословилъ. Тишкевичъ говорилъ наединѣ митрополиту, что по рубежамъ Литовскимъ живутъ все христіане Греческаго закона, которые скорбятъ, что между государями вражда, и по всему видно, что скоро наступитъ кровопролитіе; Тишкевичъ просилъ, чтобъ митрополитъ уговорилъ Иоанна отправить къ королю пословъ для заключенія вѣчнаго мира, но прибавилъ, что онъ говорить это отъ себя, потому что, какъ слышалъ онъ отъ Литовскихъ пановъ, Польскіе паны всею радю безпрестанно толкуютъ королю, чтобъ онъ началъ войну съ Московскимъ государемъ, о христіанствѣ же Польскіе паны не заботятся; они опредѣлили, чтобъ королю пословъ своихъ въ Москву не отправлять. А Литовскіе паны всѣ скорбятъ, что между государями гнѣвъ воздвигается, и о христіанствѣ жалѣютъ. — Митрополитъ отвѣчалъ, что такъ какъ Тишкевичъ говорилъ это отъ себя, и приказа и письма съ нимъ ни отъ кого нѣтъ, то быть челомъ государю нельзя; вражда же между государями идетъ за одно государское имя.

Перемиріе походило. Виленскій епископъ Павелъ и Виленскій воевода Радзивиль прислали Виленскаго купца Дементія съ грамотою къ митрополиту и князю Ивану Михайловичу Шуйскому, просили, чтобъ они постарались о продленіи перемирія. Дементій, подобно Тишкевичу, объявилъ, что эта посылка тайная, потому что Польская рада хочетъ войны. Митрополитъ отвѣчалъ, что хотя это и не его дѣло, однако, видя радѣнье епископа и Радзивила, какъ пастырь добрый, беретоя склонить боярѣ и царя къ миру. Иоаннъ, занятый войною Шведскою, далъ опасную грамоту на пословъ Литовскихъ, причемъ отправлены были также списки съ грамотою императора Максимилиана и султана Солимана, гдѣ Московскій государь называется царемъ. Въ 1556 году пріѣхалъ посоль, князь Збаражскій, и заключилъ перемиріе на шесть лѣтъ; о титулѣ не сговорились. Бояринъ Воронцовъ и казначей Сукинъ, отправленные въ Литву для подтвержденія перемирія, должны были повторить королю о правѣ Іоанна на царскій титулъ съ новыми прибавленіями, а именно выставлено уже происхожденіе Рюрика отъ императора Августа; въ заключеніи сказано: «А теперь не только на Русскомъ государствѣ Богъ насъ учинилъ съ этимъ титуломъ, но и Казанскаго и Астраханскаго государствъ титулы царскіе Богъ на насъ положилъ».

Мы видѣли, что Іоаннъ не хотѣлъ заключать вѣчнаго мира съ Литвою, желая непременно возвратить отъ нея свою отчину — Кіевъ и другіе Русскіе города; несогласіе короля признать царскій титулъ Московскаго государя должно было ускорить разрывъ: несмотря на то, перемиріе продолжалось — сперва для Казанскаго дѣла, потомъ для Шведской войны; наконецъ Іоаннъ обратилъ все свое вниманіе на Ливонію; побережье Балтійское явилось въ его глазахъ важнѣе приднѣпровья; война съ Литвою отлагалась такимъ образомъ опять на неопредѣленное время; между-тѣмъ должно было дѣйствовать и противъ Крымскаго хана, отвлекать его отъ нападеній на Московскія украины, а съ успѣхомъ дѣйствовать противъ

Крыма можно было только въ союзѣ съ Литвою, владѣвшей низовьями Днѣпра. Въ Февралѣ 1558 года пришла въ Москву вѣсть, что Крымскій царевичъ повоювалъ въ Литовской землѣ и на Подольѣ многія мѣста и досаду Литовской землѣ учинилъ многую. Царь созвалъ бояръ и говорилъ имъ: «Съ Крымскимъ мы оставили дѣло о дружбѣ; онъ былъ въ дружбѣ съ королемъ, а теперь и королю сдѣлалъ досаду большую: такъ теперь, пока они не помирились, *задрать* короля о дружбѣ, чтобъ отвести его отъ Крымскаго». Приговорили послать къ королю съ грамотою Романа Алферьева, предложить Литвѣ союзъ противъ Крыма. Алферьевъ, возвратившись изъ Литвы, сказывалъ, что присылка царская королю и всей радѣ была за большую честь, всѣ люди его прѣвду были ради и честь ему была большая; только паны опасаются одного, что Турецкій султанъ за Крымскаго хана вступится, а царь въ своемъ словѣ не устоитъ, и когда Литва будетъ воевать съ Турками, возьметъ у нея города. Королевскій посолъ Василій Тишкевичъ спросилъ Алексѣя Адашева, высланнаго къ нему для переговоровъ, на какихъ условіяхъ хочетъ Іоаннъ заключить вѣчный миръ? Въ отвѣтъ Адашева высказалось ясно, какъ Іоаннъ, занявшись съ обычною своею страстію дѣлами Ливонскими, перемѣнилъ мысли относительно Литвы. «Прежнія дѣла должно всѣ отложить» сказалъ Адашевъ: «и дѣлать между государями доброе дѣло на избаву христіанамъ; если же станемъ говорить по прежнему обычаю, станемъ просить у васъ Кракова, Кіева, Волынской земли, Подолья, Полоцка, Витебска и всѣ города Русскіе станемъ звать готовою вотчиною своего государя, а вы станете просить Смоленска, Сѣверской страны, Новгорода Великаго — то такими нелѣпыми рѣчами дѣло сдѣлается ли?» Адашевъ требовалъ, чтобъ вѣчный миръ заключенъ былъ по перемирной грамотѣ; но Тишкевичъ отвѣчалъ, что такъ мириться нельзя, что Москва должна возвратитъ Литвѣ всѣ завоеванія отца и дѣда Іоаннова: «Пишетъ Златоустъ въ Златоструѣ» говорилъ Тишкевичъ: «что у одного человека на дворѣ была змѣя, съѣла у него дѣтей и жену,

да еще захотѣла съ нимъ вмѣстѣ жить; миръ, какого вы хотите, похожъ на это: съѣвши жену и дѣтей, змѣя съѣстъ и самого человѣка. Нынѣшній государь вашъ конечно не таковъ, и видимъ, что онъ всякія дѣла по Богу дѣлаетъ, христіанство исправляетъ и утверждаетъ, по всей его державѣ христіанство и церкви христіанскія цвѣтутъ какъ встарину въ Іерусалимѣ при Равноапостольномъ царѣ Константинѣ. Но нашему государю, не взявши своихъ отчинъ, мириться нельзя: какой это миръ — взявши да не отдать!» Адашевъ отвѣчалъ: «Паны! положите на своемъ разумѣ: какъ говорить то, чего и во снѣ не пригрезится? какъ тому взойти, что гнило посяно? — только понапрасну истому принимать». Тишкевичъ объявилъ послѣднее слово: безъ возвращенія Смоленска миру вѣчному не быть; причемъ очень откровенно высказалъ опасенія Литовскихъ пановъ: «Въ условія вѣчнаго мира будетъ внесено, что стоять на Крымскаго заодно: но Крымскій присяжникъ Турецкаго, Турецкій за Крымскаго наступитъ на нашего государя, вашъ государь нашему тогда не поможетъ, и нашъ до конца свою отчину погубитъ». Адашевъ этотъ страхъ отговаривалъ, утверждалъ, что царь будетъ за одно съ королемъ на всѣхъ враговъ; но Тишкевичъ не оставлялъ своихъ сомнѣній и говорилъ: «Если бы образецъ не было, а то образцы живые: отецъ и дѣдъ вашего государя чѣмъ сдѣлали съ Литвою? избавившись отъ Крымскаго, вамъ не на кого больше броситься, какъ на насъ. Миру вѣчному теперь быть нельзя, а доброе перемирье чѣмъ не миръ»? Тишкевичъ просилъ, чтобъ перемиріе, заключенное на шесть лѣтъ княземъ Збаржскимъ, продлить еще на нѣсколько лѣтъ; но царь не согласился. Въ заключеніе переговоровъ посолъ просилъ Іоанна отъ имени королевскаго помириться съ Ливонцами; Іоаннъ отвѣчалъ: «Ливонцы, извѣчные наши данщики, церкви Божія раззорили, образамъ Божиимъ поругались и намъ въ нашихъ даянхъ не исправились: за такія свои дѣла отъ насъ наказанье и приняли; стужбуютъ къ Богу исправиться и своимъ чело- битьемъ нашъ гнѣвъ утолить, тогда мы ихъ пожалуемъ».

Литовское правительство откровенно призналось, что не хочет союза съ Москвою противъ Татаръ, потому что Москва опаснѣе для нея чѣмъ Крымъ. Чего прежде не бывало, Московскіе ратные люди плавали по Днѣпру, иногда, воюя съ Крымцами, переходили на западную его сторону, сторожа Московскіе стояли по Днѣпру. Въ Москвѣ старались предупредить жалобы на это: послу Пивову, отправленному къ королю съ исчисленіемъ обидъ, нанесенныхъ Литовцами купцамъ Московскимъ и порубежникамъ, былъ данъ такой наказъ: «Станутъ говорить: та ли государя вашего правда, что въ отчину нашего государя, въ Днѣпръ, вступается, и людей своихъ на Днѣпрѣ ставитъ, вотчины Черкасскія люди его пустошатъ и рыболововъ грабятъ? — отвѣчать: государь нашъ въ королевскія земли и воды не вступается ничѣмъ, рыболововъ наши люди не грабятъ и вотчинъ Черкасскихъ не пустошатъ; а стоятъ наши люди на Днѣпрѣ, берегутъ христіанство отъ Татаръ, и отъ этого стоянья ихъ на Днѣпрѣ не однимъ нашимъ людямъ оборона, но и королевской землѣ всей защита: бывалъ ли хотя одинъ Татаринъ за Днѣпръ съ тѣхъ поръ, какъ наши люди начали стоять на Днѣпрѣ? за такую христіанскую оборону надобно было вамъ нашихъ людей чтить, а вмѣсто того королевскіе козаки безпрестанно крадутъ у нихъ лошадей. Мы дѣлъ государскихъ не знаемъ, какъ между государями о Днѣпрѣ написано. А если о Днѣпрѣ между государями и письма нѣтъ, не положено, въ чьей онъ сторонѣ: такъ онъ Божій! кто захочетъ, тотъ на немъ и стоитъ. До сихъ поръ мы не слышали, что противъ Крыма Днѣпръ королевскій; намъ кажется, что Днѣпръ нашъ, потому что течетъ изъ земли нашего государя». Но въ Литвѣ дѣло шло не о Днѣпрѣ.

Дѣла Ливонскія заставляли Юанна желать вѣчнаго мира и союза съ Литвою; но эти дѣла не только не могли повести къ вѣчному миру, а ускорили еще разрывъ: 16 Сентября 1559 года между Ливонскимъ правительствомъ и Сигизмундомъ—Августомъ заключенъ былъ въ Вильнѣ договоръ, по которому король обязался защищать Орденскія владѣнія отъ Москвы: за

это архіепископъ и магистръ отдали ему 9 волостей подъ залогъ, съ условіемъ, что если они захотятъ ихъ послѣ выкупить, то должны заплатить 700,000 Польскихъ гульденовъ. Сигизмундъ-Августъ обязался прежде всего отправить посла въ Москву съ требованіемъ, чтобъ царь не вступался въ Ливонію, потому что она отдалась подъ покровительство королевское. Съ этимъ требованіемъ пріѣхалъ въ Москву, въ Генварѣ 1560 года, Мартинъ Володковъ. Отдавши королевскую грамоту, онъ просилъ повидаться съ Адашевымъ и говорилъ ему: «Поляки всею землею хотятъ того, чтобъ государь нашъ съ вашимъ государемъ началъ войну; но воевода Виленскій, Николай Радзивиль, и писарь Литовскій Воловичъ стоятъ накрѣпко, чтобъ король съ государемъ вашимъ былъ въ любви. Поляки съ Радзивиломъ сильно бранятся, говорятъ, что воевода за подарки помогаетъ Русскому государю, говорятъ: намъ Ливонской земли нельзя выдать, и не станеть король за Ливонскую землю, то мы не станемъ его за короля держать, и приговорили накрѣпко, что королю къ вашему государю посланника не отправлять. Такъ вы бы государя своего на то наводили, чтобъ онъ отправилъ къ нашему государю своего посланника, чтобъ о Ливонской землѣ сговориться: тутъ ужъ непременно Радзивиль вступится въ дѣло и приведетъ его къ миру». Адашевъ отвѣчалъ, что государю къ королю отправлять посла негодится, потому что король вступился въ Ливонскую *данную* землю, и когда посолъ усумнился, точно ли Ливонія должна платить дань государю Московскому, то ему показали послѣднюю договорную грамоту съ обязательствомъ Дерптскаго епископа платить по гривнѣ съ человѣка. На требованіе королевское не вступаться въ Ливонію Юаннъ отвѣчалъ: «Тебѣ очень хорошо извѣстно, что Ливонская земля отъ предковъ нашихъ по сіе время не принадлежала никакому другому государству кромѣ нашего, платила намъ дань; а отъ Римскаго государства избирала себѣ духовныхъ мужей и магистровъ для своего закона по утвержденнымъ грамотамъ нашихъ прародителей. Ты пишешь, что когда ты вздумалъ идти войною на Ливонскую землю, то

я за нее не вступался и тѣмъ показалъ, что это не моя земля: знай, что, по Всемогущаго Бога волѣ, начиная отъ великаго государя Русскаго Рюрика до сихъ поръ, держимъ Русское государство, и какъ въ зеркалѣ смотря на поведеніе прародителей своихъ, о бездѣлѣ писать и говорить не хотимъ. Шелъ ты и стоялъ въ своихъ земляхъ, а на наши данныя земли не наступалъ и вреда имъ никакого не сдѣлалъ: такъ зачѣмъ было намъ къ тебѣ писать о твоихъ земляхъ? какъ хотѣлъ, такъ на нихъ и стоялъ; если какую имъ истому сдѣлалъ, то самъ знаешь. А если магистръ и вся Ливонская земля, вопреки крестному цѣлованію и утвержденнымъ грамотамъ, къ тебѣ прѣѣзжали и церкви наши Русскія разорили, то за эти ихъ неправды огонь, мечъ и расхищеніе на нихъ не перестанутъ, пока не обратятся и не исправятся». Король отвѣчалъ: «Ты называешь Ливонію своею; но какъ же при дѣдѣ твоемъ была лютая война у Москвы съ Ливонцами и прекращена перемиріемъ? какой государь съ своими подданными перемиріе заключаетъ?» Но все это остроуміе, желаніе доказать другъ другу свои права на Ливонію ни къ чему не могли повести: дѣло могло рѣшиться только оружіемъ ⁶⁶.

Въ то время, какъ Московское государство, чувствуя необходимость сообщенія съ западною Европою, съ такими усиліями старалось овладѣть берегами Балтійскаго моря, морскія государства западной Европы чувствовали столь же сильное стремленіе въ противоположную сторону — къ богатому Востоку, и слѣдствіемъ этого стремленія было заведеніе торговыхъ сношеній Россіи съ Англіею на пустынныхъ берегахъ Бѣлаго моря, которые долго должны были замѣнять для Московскаго государства завѣтные берега Балтійскіе. Въ половинѣ XVI вѣка Англійскіе купцы замѣтили, что запросъ на ихъ товары въ дальнихъ и ближнихъ странахъ уменьшается, цѣны ихъ понизились, несмотря на то, что Англійскіе купцы сами отвозили ихъ въ иностранныя гавани; между-тѣмъ какъ требованія на иностранные товары увеличились, цѣны ихъ возвысились чрезмѣрно. Это обстоятельство заставило сильно задуматься лучшихъ гражд-

данъ Лондонскихъ; они стали искать средствъ, какъ помочь горю, и остановились на томъ же самомъ, которое обогатило Португальцевъ и Испанцевъ — именно на открытіи новыхъ странъ, новыхъ торговыхъ путей. Послѣ долгихъ совѣщаній съ знаменитымъ мореплавателемъ, Себастьяномъ Каботомъ, они рѣшились отправить три корабля для открытія сѣверныхъ частей свѣта и новыхъ рынковъ для сбыта Англійскихъ товаровъ. Составилась компанія, каждый членъ которой долженъ былъ внести 25 фунтовъ стерлинговъ; этимъ средствомъ собрали 6000 фунтовъ, купили три корабля и отправили ихъ въ Сѣверныя моря подъ начальствомъ Гюга Уилльоуби и Ричарда Ченслера. Экспедиція отправилась 20 Мая 1553 года; буря разнесла флотъ, и Ченслеръ на своемъ кораблѣ Edward Bonaventure одинъ достигъ Вардегуза, въ Норвегіи, мѣста, гдѣ онъ условился соединиться съ Уилльоуби. Но, потерявши семь дней въ напрасномъ ожиданіи, онъ рѣшился ѣхать далѣе, и благодаря постоянному дню, царствовавшему въ это время въ полярныхъ странахъ, скоро (24 Августа) достигъ большого залива, въ которомъ замѣтилъ нѣсколько рыбацкихъ лодокъ; рыбаки, испуганные появленіемъ большого, никогда невиданнаго ими прежде судна, хотѣли было убѣжать, но были схвачены и приведены предъ Ченслера, который ободрилъ ихъ ласковымъ пріемомъ; послѣ этого окрестные жители начали пріѣзжать съ предложеніемъ съѣстныхъ припасовъ. Англичане узнали отъ нихъ, что страна называется Россією или Московією и управляется царемъ Иваномъ Васильевичемъ, подъ властію котораго находятся обширныя земли; Русскіе, въ свою очередь, спросили у Англичанъ, откуда они? тѣ отвѣчали, что они посланы королемъ Эдуардомъ VI, должны доставить отъ него нѣкоторыя вещи царю, ищутъ они только дружбы государя Русскаго и позволенія торговать съ его народомъ, отъ чего будетъ большая выгода и для Русскихъ и для Англичанъ. Между-тѣмъ мѣстное начальство, выборные головы Холмогорскіе, отписали къ царю о прибытіи иностранцевъ, спрашивая, что съ ними дѣлать? Царь отвѣчалъ, чтобъ пригласили Англичанъ пріѣхать къ нему

въ Москву; если же они не согласятся на такое долгое и трудное путешествіе, то могутъ торговать съ Русскими. Но Ченслеръ не испугался долгаго и труднаго пути, и отправился въ Москву еще до прихода отвѣтной грамоты царской; тщетно выборные головы откладывали день за день его поѣздку подъ разными предлогами, все дожидаясь вѣстей изъ Москвы: Ченслеръ объявилъ имъ рѣшительно, что если они не отпустятъ его въ Москву, то онъ отплыветъ тотчасъ же назадъ въ свою землю.

Проживъ 13 дней въ Москвѣ, Ченслеръ позванъ былъ къ государю, котораго увидалъ сидящимъ на тронѣ, съ золотой короною на головѣ, въ золотомъ платьѣ, съ богатымъ скипетромъ въ рукѣ; въ наружности Іоанна Ченслеръ нашелъ величіе, сообразное съ его высокимъ положеніемъ. Приѣмъ и угощеніе Ченслера послѣдовало по обычному церемоніалу приѣма и угощенія пословъ. Получивъ отъ Іоанна грамоту, содержавшую благопріятный отвѣтъ на грамоту Эдуарда, въ которой король просилъ у всѣхъ государей покровительства капитану Уильяму Уиллиамсу, Ченслеръ отправился въ Англію, гдѣ уже не нашелъ въ живыхъ Эдуарда: намѣсто его царствовала Марія. Отъ имени новой королевы и мужа ея Филиппа Испанскаго, Ченслеръ явился снова посломъ въ Москвѣ въ 1555 году; съ нимъ пріѣхали и двое агентовъ компаніи, составившейся для торговли съ Россією. Ченслеръ и товарищи его были приняты милостиво царемъ, послѣ чего приступили къ переговорамъ съ дьякомъ Висковатовымъ и лучшими купцами Московскими на-счетъ будущей дѣятельности компаніи. Переговоры кончились тѣмъ, что Англичане получили слѣдующую льготную грамоту: 1) Члены, агенты и служители компаніи имѣютъ свободный путь всюду, вездѣ имѣютъ право останавливаться и торговать со всѣми безпрепятственно и безошливно, также отъѣзжать во всякія другія страны; 2) ни люди, ни товары не могутъ быть нигдѣ задержаны ни за какой долгъ или поруку, если сами Англичане не суть главные должники или поручники, ни за какое преступленіе, если не сами Англичане его совершили; въ случаѣ

преступленія Англичанина, дѣло выслушивается и рѣшаетъ самъ царь; 3) Англичане имѣютъ полную свободу нанимать себѣ разнаго рода работниковъ, брать съ нихъ клятву въ точномъ исполненіи обязанностей, при нарушеніи клятвы наказывать и отсылать ихъ, нанимать другихъ на ихъ мѣсто; 4) главный факторъ, назначенный компаніею въ Россію, управляетъ всѣми Англичанами, находящимися здѣсь, чинить между ними судъ и расправу; 5) если кто — нибудь изъ Англичанъ ослушается фактора, то Русскіе, какъ правительственные лица, такъ и простые люди обязаны помогать ему приводить ослушника въ повиновеніе; 6) обѣщается строгое и скорое правосудіе Англійскимъ купцамъ при ихъ жалобахъ на Русскихъ людей; 7) если кто-нибудь изъ Англичанъ будетъ раненъ или убитъ въ Россіи, то обѣщается строгій и немедленный сыскъ, и преступникъ получить должное и скорое наказаніе въ примѣръ другимъ. Если случится, что служители купцовъ Англійскихъ будутъ подвергнуты за какое-нибудь преступленіе смертной казни или другому наказанію, то имущество и товары хозяевъ ихъ не могутъ быть отобраны въ казну; 8) если Англичанинъ будетъ арестованъ за долгъ, то приставъ не можетъ вести его въ тюрьму, прежде нежели узнаетъ — главный факторъ или депутаты будутъ ли поруками за арестованнаго? если будутъ, то арестованный освобождается.

Ченслеръ отправился въ Англію съ Русскимъ посломъ, купцомъ Осипомъ Непѣю; страшная буря застала ихъ у Шотландскихъ береговъ, Ченслеръ утонулъ, но Непѣя спасся и достигъ Лондона, гдѣ былъ принятъ съ большимъ почетомъ королемъ, королевою и Русскою компаніею. Филиппъ и Марія, въ благодарность за льготы, данныя Англичанамъ въ Московскомъ государствѣ, дали и Русскимъ купцамъ право свободно и безошлянно торговать во всѣхъ мѣстахъ своихъ владѣній, гуртомъ и въ разницу, обѣщались, что возьмутъ ихъ и имущество ихъ подъ свое особенное покровительство, что имъ отведены будутъ въ Лондонѣ приличные дома для складки товаровъ, также и въ другихъ городахъ Англійскихъ, гдѣ окажется

для нихъ удобнѣе; если корабли ихъ будутъ разбиты бурей, то товары спасаются въ пользу владѣльцевъ безъ расхищенія; Русскіе купцы будутъ судиться верховнымъ канцлеромъ. Наконецъ король и королева изъявили согласіе на свободный выѣздъ изъ Англіи въ Россію художниковъ и ремесленниковъ, вслѣдствіе чего Непѣя уже вывезъ многихъ мастеровъ, медиковъ, рудознатцевъ и другихъ ⁶⁷.

ГЛАВА IV.

ОПРИЧНИНА.

Причины неудовольствія между царемъ и Сильвестромъ. Болѣзнь Іоанна и поведеніе нѣкоторыхъ вельможъ во время ея. Поѣздка въ Кирилловъ монастырь. Максимъ Грекъ. Вассіанъ Топорковъ. Бѣгство князя Семена Ростовскаго. Разборъ свидѣтельствъ объ удаленіи Сильвестра и Адашева. Касимъ. Нравственная порча Іоанна. Ссылка князей Курлятева и Воротынскаго. Поручныя записи. Бѣгство Курбскаго въ Литву и переписка его съ Іоанномъ. Впечатлѣніе, произведенное отъѣздомъ Курбскаго на царя. Отъѣздъ Іоанна изъ Москвы. Учрежденіе опричнины. Митрополитъ Филиппъ. Гибель князя Владиміра Андреевича. Казни Новгородскія. Сыскное измѣнное дѣло. Духовное завѣщаніе Іоанна 1572 года. Великій князь Симеонъ.

Прежде чѣмъ приступимъ къ описанію развязки борьбы, начавшейся въ Ливоніи, мы должны обратить вниманіе на внутреннія перемѣны, происшедшія при дворѣ Московскомъ, въ отношеніяхъ царя къ близкимъ къ нему людямъ.

Мы видѣли, какое сильное впечатлѣніе на воспримчивую, страстную природу Іоанна произвело страшное бѣдствіе, постигшее Москву въ 1547 году; сильная набожность, которая замѣтна въ Іоаннѣ во все продолженіе его жизни, содѣйствовала тому, что онъ такъ легко принялъ религіозныя внушенія отъ лица духовнаго, священника Сильвестра; съ другой стороны ненависть къ вельможамъ, которою онъ напитался во время малолѣтства, облегчала доступъ къ нему чловѣку, не

принадлежавшему по происхожденію своему и сану къ вельможамъ : самъ Іоаннъ говоритъ, что это именно побужденіе заставило его приблизить къ себѣ Сильвестра, то же побужденіе заставило его облечь полною довѣренностію и Адашева, человѣка относительно низкаго происхожденія. Привыкнувъ совѣтоваться и слушаться Сильвестра въ дѣлахъ религіозныхъ и нравственныхъ, питая къ нему довѣренность неограниченную, царь не могъ не совѣтоваться съ нимъ и въ дѣлахъ политическихъ: но здѣсь-то, уже мимо всякихъ другихъ отношеній, необходимо было непріязненное столкновение между ними. Привыкнувъ требовать исполненія своихъ религіозныхъ и нравственныхъ совѣтовъ отъ Іоанна, какъ отъ частнаго человѣка, Сильвестръ требовалъ исполненія и своихъ политическихъ совѣтовъ, тогда какъ царь не хотѣлъ своихъ государственныхъ мыслей приносить въ жертву тому уваженію, которое питалъ къ нравственнымъ достоинствамъ Сильвестра: отсюда тягость, которую началъ чувствовать Іоаннъ отъ притязаній послѣдняго; на примѣръ, Іоаннъ принялъ твердое намѣреніе покорить Ливонію; это было намѣреніе, которое сдѣлалось послѣ того постояннымъ, господствующимъ стремленіемъ Іоанновыхъ преемниковъ, намѣреніе, за которое Петръ Великій такъ благоговѣлъ предъ Іоанномъ. Но противъ этого намѣренія возстали бояре и особенно Сильвестръ; вмѣсто покоренія Ливоніи они совѣтовали царю покорить Крымъ: но мы говорили уже о неудобноисполнимости этого намѣренія. Іоаннъ отвергнулъ его и продолжалъ войну Ливонскую. Какъ же поступилъ Сильвестръ въ этомъ случаѣ? Онъ сталъ внушать Іоанну, что всѣ непріятности, которыя послѣ того его постигали, болѣзни его самого, жены, дѣтей суть Божія наказанія за то, что онъ не слушался его совѣтовъ, продолжалъ воевать съ Ливонцами. Безспорно, что Сильвестръ былъ вообще человѣкъ благонамѣренный, мужъ строгаго благочестія, что особенно и давало ему власть надъ набожнымъ Іоанномъ; безъ сомнѣнія, и противъ войны Ливонской онъ выставалъ благовидныя причины: вмѣсто того, чтобъ воевать съ христіанами, слабыми, без-

вредными, лучше воевать съ невѣрными, безпрестанно опустошающими границы государства и т. п.; но въ то же время, какъ изъ знаменитаго Домостроя его, такъ и изъ другихъ извѣстій мы видимъ, что это былъ человекъ, иногда предававшійся мелочамъ; такъ, взявшись управлять совѣстію, нравственнымъ поведеніемъ молодого царя, онъ входилъ въ этомъ отношеніи въ ненужныя подробности, что должно было также раздражать Іоанна. Природа послѣдняго, безспорно, требовала сильнаго сдерживанія; но при этомъ сдерживаніи нужна была большая осторожность, нужна была мѣра.

Несмотря однако на непріятныя столкновенія по причинѣ разности взглядовъ на дѣла политическія, Іоаннъ безъ сомнѣнія не поколебался бы въ своей довѣренности и привязанности къ Сильвестру и Адашеву, еслибъ продолжалъ вѣрить въ полную привязанность ихъ къ своей особѣ и къ своему семейству. Но несчастный случай заставилъ Іоанна потерять эту вѣру. Въ 1553 году, вскорѣ послѣ возвращенія изъ Казанскаго похода, онъ опасно занемогъ: ему предложили (вѣроятно братья царицы) написать духовную и взять клятву въ вѣрности сыну своему, младенцу-Димитрію, съ двоюроднаго брата, князя Владиміра Андреевича Старицкаго и бояръ. Удѣльный князь не замедлил выставить права свои на престолъ по смерти Іоанна, мимо племянника Димитрія, вопреки новому обычаю престолонаследія, за который такъ стояли всѣ Московскіе князья. Когда некоторые вѣрные Іоанну и его семейству люди вооружились за это противъ Владиміра, Сильвестръ принялъ сторону послѣдняго, а отецъ другаго любимца Іоаннова, окольникій Ѳедоръ Адашевъ, прямо объявилъ себя противъ Димитрія въ пользу Владиміра. Для объясненія этого явленія припомнимъ, что Сильвестръ и Адашевъ, пользуясь неограниченною довѣренностію царя въ выборѣ людей, необходимо, еслибы даже и не хотѣли того, должны были составить при дворѣ и во всѣхъ частяхъ управленія многочисленную и сильную партію людей, которые, будучи обязаны имъ своимъ возвышеніемъ, своими должностями, раздѣляли съ ними ихъ стремленія: такъ извѣстно, что Іоаннъ,

избирая какого-нибудь сановника духовнаго, посылалъ Сильвестра поговорить съ нимъ, извѣдать его умъ и нравы; въ дѣлахъ военныхъ и гражданскихъ такое же вліяніе на выборъ людей имѣлъ Алексѣй Адашевъ⁶⁸. Многіе изъ вельможъ, князей, видя невозможность дѣйствовать самостоятельно при рѣшительномъ отвращеніи къ нимъ Іоанна, примкнули къ числу совѣтниковъ Сильвестра и Адашева; быть можетъ послѣдніе сами пошли къ нимъ на встрѣчу, чтобъ имѣть для себя опору въ этихъ, все же стоявшихъ на первомъ планѣ людяхъ; очень вѣроятно, что Сильвестръ и Адашевъ дѣйствовали тутъ по прежнимъ отношеніямъ, прежнимъ связямъ: лѣтописецъ прямо говоритъ о давней и тѣсной дружбѣ Сильвестра съ удѣльнымъ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ; Іоаннъ, въ перепискѣ своей съ Курбскимъ, главнымъ единомышленникомъ Сильвестра, называетъ князя Дмитрія Курлятева или Шкурлятева, котораго мы видѣли прежде въ числѣ соумышленниковъ Шуйскаго: съ него лѣтописецъ начинаетъ исчисленіе вельможъ, возставшихъ противъ Воронцова; любопытно также, что скоро послѣ Московскихъ пожаровъ, когда вліяніе Сильвестра особенно усилилось, Іоаннъ женилъ роднаго брата своего, князя Юрія, на дочери князя Дмитрія Палецакаго, также одного изъ главныхъ совѣтниковъ Шуйскаго и подвергавшагося за это прежде опалѣ. Вліяніе Сильвестра и совѣтниковъ его могло встрѣтить препятствіе только въ одномъ близкомъ къ царю семействѣ Захарьиныхъ—Юрьевыхъ: отсюда ненависть совѣтниковъ Сильвестровыхъ къ царицѣ Анастасіи и ея братьямъ, ненависть, могшая вызвать и со стороны послѣднихъ подобное же чувство. Совѣтники Сильвестра сравнивали Анастасію съ Евдокією, женою Византійскаго императора Аркадія, гонительницею Златоуста, разумѣя подъ Златоустомъ Сильвестра; Курбскій называетъ Захарьиныхъ—Юрьевыхъ клеветниками и нечестивыми губителями всего Русскаго царства. И вотъ, въ случаѣ смерти царя и во время малолѣтства сына его, правительницею будетъ Анастасія, которая, разумѣется, дастъ большое вліяніе своимъ братьямъ: совѣтники Сильвестра объявляютъ рѣшительно, что

они не хотятъ повиноваться Романовымъ, и потому признаютъ наследникомъ престола князя Владиміра Андреевича.

Оставшіяся вѣрнымъ Іоанну князь Владиміръ Воротынскій и дьякъ Иванъ Михайловичъ Висковатый начали говорить удѣльному князю, чтобъ не упрямился, государя бы послушалъ и крестъ цѣловалъ племяннику: князь Владиміръ Андреевичъ сильно разсердился и сказалъ Воротынскому: «ты бѣ со мною не бранился и не указывалъ и противъ меня не говорилъ». Воротынскій отвѣчалъ ему: «Я далъ душу государю своему царю и великому князю Ивану Васильевичу и сыну его царевичу князю Димитрію, что мнѣ служить имъ во всемъ въ правду; съ тобою они жь государи мои велѣли мнѣ говорить; служу имъ, государямъ своимъ, а тебѣ служить не хочу; за нихъ съ тобою говорю; а гдѣ доведется, по ихъ приказанію, и драться съ тобою готовъ». И была между боярами брань большая, крикъ, шумъ. Большой царь началъ имъ говорить: «Если вы сыну моему Димитрію креста не цѣлуете, то значить у васъ другой государь есть: а вѣдь вы цѣловали мнѣ крестъ не одинъ разъ, что мимо насъ другихъ государей вамъ не искать. Я васъ привожу къ крестному цѣлованію, велю вамъ служить сыну моему Димитрію, а не Захарьинимъ; я съ вами говорить не могу много; вы души свои забыли, намъ и дѣтямъ нашимъ служить не хотите, въ чемъ намъ крестъ цѣловали, того не помните; а кто не хочетъ служить государю младенцу, тотъ и большому не захочетъ служить; и если мы вамъ ненадобны, то это на вашихъ душахъ». На это отозвался князь Иванъ Михайловичъ Шуйскій; онъ придумалъ отговорку: «Намъ нельзя цѣловать крестъ не передъ государемъ; передъ кѣмъ намъ цѣловать, когда государя тутъ нѣтъ?» Прямо высказался окольный Федоръ Адашевъ, отецъ царскаго любимца: что было у него на душѣ больше, чѣмъ у другихъ, то и вылилось: «Тебѣ государю и сыну твоему царевичу князю Димитрію крестъ цѣлуемъ, а Захарьинимъ, Данилѣ съ братьею, намъ не служить; сынъ твой еще въ пеленкахъ, а владѣть нами будутъ Захарьины, Данила съ братьею;

а мы ужь отъ бояръ въ твое малолѣтство бѣды видали многія». И былъ мятежь большой, шумъ и рѣчи многія во всѣхъ боярахъ: не хотятъ младенцу служить. Но къ вечеру поцѣловали крестъ Дмитрію слѣдующіе бояре: князь Иванъ Ѳедоровичъ Мстиславскій, князь Владиміръ Ивановичъ Воротынскій, Иванъ Васильевичъ Шереметевъ, Михайла Яковлевичъ Морозовъ, князь Дмитрій Палецкій, дьякъ Иванъ Михайловичъ Висковатый; тутъ же поцѣловали крестъ и Захарьины — Данило Романовичъ и Василій Михайловичъ. Но трое князей — Петръ Щенятевъ — Патрикѣевъ, Семень Ростовскій и Иванъ Турунтай-Пронскій (сперва совѣтникъ Шуйскихъ, возстававшій съ ними вмѣстѣ на Воронцова, потомъ отъѣзжикъ вмѣстѣ съ Глинскимъ) — трое этихъ князей продолжали говорить: «Вѣдь нами владѣтъ Захарьинымъ: и чѣмъ нами владѣтъ Захарьинымъ и служить намъ государю молодому, такъ мы лучше станемъ служить старому князю Владиміру Андреевичу». Окольникій Салтыковъ донесъ что князь Дмитрій Нѣмого, ѣдучи съ нимъ по площади, говорилъ: «Богъ знаетъ, что дѣлается! насъ бояре приводятъ къ присягѣ, а сами креста не цѣловали; а какъ служить малому мимо стараго? а вѣдь нами владѣтъ Захарьинымъ». Царь велѣлъ написать цѣловальную записку, на которой приводить къ присягѣ князя Владиміра Андреевича; эта записка замѣчательна тѣмъ, что въ ней право отъѣзда совершенно уничтожено: «князей служебныхъ съ вотчинами и бояръ вашихъ мнѣ не принимать, также и всякихъ вашихъ служебныхъ людей, безъ вашего приказанія, не принимать никого». Когда князь Владиміръ пришелъ къ Іоанну, то ему подали записку, и царь сказалъ ему, чтобъ онъ далъ на ней присягу; Владиміръ прямо отрекся цѣловать крестъ; тогда Іоаннъ сказалъ ему: «Знаешь самъ, что станется на твоей душѣ, если не хочешь креста цѣловать; мнѣ до того дѣла нѣтъ». Потомъ, обратившись къ боярамъ, поцѣловавшимъ крестъ, Іоаннъ сказалъ: «Бояре! я боленъ, мнѣ ужь не до того; а вы на чемъ мнѣ и сыну моему Дмитрію крестъ цѣловали, по тому и дѣлайте». Бояре, поцѣловавшіе крестъ, на-

чали уговаривать къ тому же и другихъ; но тѣ отвѣчали имъ жестокою бранью: «Вы хотите владѣть, а мы вамъ должны будемъ служить: не хотимъ вашего владѣнья!» кричали они. А между-тѣмъ князь Владиміръ Андреевичъ и его мать собирали своихъ дѣтей боярскихъ и раздавали имъ жалованье. Присягнувшіе бояре стали говорить Владиміру, что онъ и его мать поступаютъ неприлично: государь боленъ, а они людямъ своимъ деньги раздаютъ; Владиміръ сильно разсердился за это на бояръ, а тѣ стали его беречься, не стали часто пускать къ больному государю. Тутъ услышали и Сильвестра, молчавшаго до тѣхъ поръ; онъ сталъ говорить присягнувшимъ боярамъ: «Зачѣмъ вы не пускаете князя Владиміра къ государю? онъ государю добра хочетъ!» Бояре отвѣчали: «Мы дали присягу государю и сыну его, по этой присягѣ и дѣлаемъ такъ, какъ бы ихъ государству было крѣпче». Съ этихъ поръ пошла вражда у присягнувшихъ бояръ съ Сильвестромъ и его совѣтниками.

На другой день Іоаннъ призвалъ всѣхъ бояръ и началъ имъ говорить, чтобъ они присягали сыну его, царевичу Димитрію, и присягали бы въ передней избѣ, потому что онъ очень боленъ и приводитъ ихъ къ присягѣ при себѣ ему очень тяжело; вмѣсто себя онъ велѣлъ присутствовать при крестномъ цѣлованіи боярамъ — крязьямъ Мстиславскому и Воротынскому съ товарищами; присягнувшимъ боярамъ Іоаннъ сказалъ: «Вы дали мнѣ и сыну моему душу на томъ, что будете намъ служить; а другіе бояре сына моего на государствѣ не хотятъ видѣть: такъ если станется надо мною воля Божія, умру я, то вы пожалуйста не забудьте, на чемъ мнѣ и сыну моему крестъ цѣловали: не дайте боярамъ сына моего извести, но бѣгите съ нимъ въ чужую землю, куда Богъ вамъ укажетъ; а вы, Захарыны! чего испугались? или думаете, что бояре васъ пощадятъ? вы отъ нихъ будете первые мертвецы: такъ вы бы за сына моего и за мать его умерли, а жены моей на поруганіе боярамъ не дали». Изъ послѣднихъ словъ видно, что Захарыны испугались сильнаго сопротивленія враждебной

стороны, и царь долженъ былъ напомнить имъ, что ихъ судьба тѣсно связана съ судьбою царицы и царевича, что если они поддадутся требованіямъ противной стороны и признаютъ царемъ Владиміра вмѣсто Дмитрія, то и въ такомъ случаѣ пощажены не будутъ. Слова Іоанна о будущей судьбѣ своего семейства, когда Владиміръ сдѣлается царемъ, испугали бояръ, увидавшихъ, какія мысли на душѣ у больнаго и къ чему могутъ повести такія мысли, если больной выздоровѣетъ. Испугавшись этихъ жесткихъ словъ, по выраженію лѣтописи, бояре пошли въ переднюю избу цѣловать крестъ. Подошелъ князь Иванъ Турунтай Пронскій, и увидавши, что у креста стоитъ князь Воротынскій, не удержался и поспѣшилъ выместить на немъ то непріятное чувство, съ какимъ давалъ присягу: «Твой отецъ» сказалъ онъ Воротынскому: «да и ты самъ послѣ великаго князя Василя первый измѣнникъ, а теперь къ кресту приводишь!» Воротынскій нашелся, что отвѣтить: «Я измѣнникъ, а тебя привожу къ крестному цѣлованію, чтобы ты служилъ государю нашему и сыну его, царевичу Дмитрію; ты прямой человекъ, а государю и сыну его креста не цѣлуешь и служить имъ не хочешь». Турунтай смутился, не нашелъ, что сказать на это, и молча присягнулъ. Послѣ всѣхъ присягнули князь Курлятевъ и казначей Фуниковъ, подъ предлогомъ болѣзни; но шли слухи, что они пересылались съ княземъ Владиміромъ и его матерью, хотѣли возвести его на престолъ. Но какъ нѣкоторые изъ присягнувшихъ хотѣли выполнять свою присягу, показалъ князь Дмитрій Палецкій: присягнувши Дмитрію прежде другихъ, вмѣстѣ съ князьями Мстиславскимъ и Воротынскимъ, Палецкій, несмотря на то, послалъ сказать князю Владиміру Андреевичу и матери его, что если они дадутъ зятю его, царскому брату князю Юрію (не могшему по состоянію умственныхъ способностей чѣмъ-либо управлять), и женѣ его удѣлъ, назначенный въ завѣщаніи великаго князя Василя, то онъ, Палецкій, не будетъ противиться возведенію князя Владиміра на престолъ и готовъ ему служить. По извѣстію одной лѣтописи, бояре насильно

заставили присягнуть князя Владиміра Андреевича, объявивши ему, что иначе не выпустят изъ дворца; къ матери его послали трижды съ требованіемъ, чтобъ и она привѣсила свою печать къ крестоприводной записи: «и много она бранныхъ рѣчей говорила. И съ тѣхъ поръ пошла вражда, между боярами смута, а царству во всемъ скудость», говоритъ летопись ⁶⁹.

Іоаннъ выздоровѣлъ. — Мы видѣли, какія чувства къ боярамъ вынесъ онъ изъ своего малолѣтства; эти чувства высказываются ясно вездѣ, при каждомъ удобномъ случаѣ: въ рѣчи къ собору архіерейскому, въ рѣчи къ народу съ лобнаго мѣста; самъ Іоаннъ признается, что нерасположеніе къ боярамъ заставило его приблизить къ себѣ Адашева; Курбскій говоритъ, что на третій день послѣ взятія Казани, разсердившись на одного изъ воеводъ, Іоаннъ сказалъ: «Теперь оборонилъ меня Господь Богъ отъ васъ». Понятно, какъ должно было усилиться это враждебное чувство послѣ болѣзни. Но всего болѣе должны были поразить Іоанна бездѣйствіе, молчаливая присяга Алексѣя Адашева, явное сопротивленіе отца его Федора, явное заступничество Сильвестра за князя Владиміра, слова, что послѣдній добра хочетъ государю, подозрительное отсутствіе князя Курлятева, самаго приближеннаго къ Сильвестру и Адашеву челоѣка. Питая враждебное чувство къ вельможамъ, не довѣря имъ, Іоаннъ приблизилъ къ себѣ двоихъ людей, обязанныхъ ему всѣмъ, на благодарность которыхъ слѣдовательно онъ могъ положиться и, что всего важнѣе, эти люди овладѣли его довѣренностію не вслѣдствіе ласкательствъ, угожденій: онъ не любилъ этихъ людей только какъ пріятныхъ слугъ, онъ уважалъ ихъ какъ людей высоко-нравственныхъ, смотрѣлъ на нихъ не какъ на слугъ, но какъ на друзей, одного считалъ отцомъ. И эти-то люди, изъ вражды къ женѣ его и къ ея братьямъ, не желая видѣть ихъ господства, соединяются съ его врагами, не хотятъ видѣть на престолѣ сына его, обращаются къ удѣльному князю, двоюродному брату. Но Іоаннъ очень хорошо зналъ, какая участь ожидаетъ его

сѣмейство при воцареніи Владиміра, который долженъ будетъ смотрѣть на маленькаго Дмитрія, сына старшаго брата и царя, какъ на самаго опаснаго для себя соперника, а известно было, какъ Московскіе князья, предки Іоанновы, отдѣльвались отъ своихъ опасныхъ соперниковъ, отъ князей родичей: у Владиміра предъ глазами была участь его отца и роднаго дяди, понятно слѣдовательно, почему Іоаннъ умолялъ вѣрныхъ бояръ бѣжать съ его женою и ребенкомъ въ чужія земли, умолялъ Захарьиныхъ положить головы свои прежде, чѣмъ дать жену его на поруганіе боярамъ. Понятно, какъ Іоаннъ долженъ былъ смотрѣть на людей, ведшихъ сѣмейство его прямо къ гибели, а въ числѣ этихъ людей онъ видѣлъ Сильвестра и Адашева! Лѣтописецъ справедливо говоритъ, что съ тѣхъ поръ пошла вражда; но лѣтописецъ не говоритъ намъ о непосредственномъ выраженіи этой вражды, о скорой мести: тяжелыя чувства затаились пока на днѣ души; выздоровленіе, неожиданное, чудесное избавленіе отъ страшнѣйшей опасности располагало къ чувству иному, радость, благодарность къ Богу противодѣйствовали чувству мести къ людямъ. Съ другой стороны, надобно было начать дѣло тяжелое, порвать всѣ установившіяся уже отношенія, тронуть одного значило тронуть всѣхъ, тронуть одного изъ пріятелей Сильвестра и Адашева значило тронуть ихъ самихъ, а это, по прежнимъ отношеніямъ, было очень трудно; къ этому вовсе не были приготовлены, трудно было начать борьбу противъ вождей многочисленной стороны, обступавшей престолъ, не имѣя людей, которыхъ можно было бы противопоставить ей, на которыхъ можно было бы опереться; наконецъ, при явномъ, рѣшительномъ дѣйствіи, что можно было выставить противъ Сильвестра и Адашева? они не подавали голоса противъ Дмитрія въ пользу Владиміра Андреевича.

Іоаннъ далъ обѣтъ во время болѣзни — по выздоровленіи ѣхать на богомолье въ Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь, и дѣйствительно въ началѣ весны отправился въ путь вмѣстѣ съ женою и сыномъ; но малютка на дорогѣ умеръ. Одинъ изъ са-

мыхъ значительныхъ членовъ Сильвестровой стороны, Курбскій, оставилъ намъ любопытныя извѣстія объ этой Кирилловской поѣздкѣ: здѣсь являются на сцену лица Василюва княженія, является Максимъ Грекъ съ одной стороны и монахъ Іосифова Волоцкаго монастыря—съ другой, воскресаютъ прежнія отношенія, прежняя борьба, ведшая начало отъ временъ Іоанна III и Софіи Палеологъ. По свидѣтельству хранителей преданія Патрикѣевыхъ и Ряполовскихъ, молодой внукъ Софіи, для начатія послѣдней кровавой борьбы съ ними, нуждался въ совѣтѣ ученика Іосифова, тогда какъ другъ Вассіана Косаго и жертва сына Софіина, Максимъ Грекъ, старался оказать единомышленникамъ Вассіана послѣднюю услугу, отвращая Іоанна отъ поѣздки въ Кирилловъ монастырь, отъ свиданія съ ученикомъ Іосифа Волоцкаго. Мы нисколько не ручаемся за достовѣрность извѣстій князя Курбскаго; но эти извѣстія драгоцѣнны для насъ какъ выраженіе сознанія современниковъ о живой связи между событіями и лицами.

Мы видѣли, что Максимъ Грекъ изъ Іосифова Волоцкаго монастыря былъ переведенъ въ Тверской Отрочъ, гдѣ съ нимъ обходились лучше, но все ему, какъ еретикъ, не позволяли приобщаться св. Таинъ; князь Петръ Ивановичъ Шуйскій посѣтилъ Максима въ его нуждѣ, бесѣдовалъ съ нимъ; это заставило изгнанника обратиться къ нему съ письменною просьбою: «Я уже не прошу—писалъ Максимъ—чтобъ меня отпустили въ честную и всеѣмъ православнымъ многожелаемую Святую Гору: знаю самъ, что такое прошеніе вамъ нелюбезно; одного прошу, чтобъ сподобили меня приобщенія св. Таинъ». Потомъ въ этомъ же посланіи Максимъ проситъ, чтобъ ему прислали книгъ Греческихъ, прибавляя, чтобъ исполнили его просьбу для упокоенія души великаго князя Василя. Просьба эта осталась безъ исполненія. Максимъ обратился съ нею къ митрополиту Макарію; но прося о св. Причастіи, Максимъ проситъ и о возвращеніи на Аeonъ. Макарій разрѣшилъ ему ходить къ церковь и приобщаться св. Таинъ, для чего Максимъ написалъ два отвѣщательныхъ слова, гдѣ очищалъ себя отъ

обвиненій въ ереси; въ заключеніи перваго слова онъ говоритъ: «Если я правъ, то покажите мнѣ милость, избавьте отъ страданій, которыя терплю я столько лѣтъ, да сподобюсь молиться о благовѣрномъ самодержцѣ великомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ и о всѣхъ васъ; если же не правъ, то отпустите меня на Святую Гору». Но на Святую Гору его не отпустили, несмотря на просьбы объ этомъ двухъ патріарховъ — Константинопольскаго и Александрійскаго. Максимъ сильно тосковалъ по духовной своей родинѣ, по Аѳонѣ: почти вездѣ въ сочиненіяхъ его, относящихся къ этому времени, слышны жалобы на задержку, просьбы о возвращеніи. Въ поученіи къ молодому царю онъ писалъ: «Царь есть образъ живой и видимый Царя небеснаго; но Царь небесный весь естествомъ благъ, весь правда, весь милость, щедръ ко всѣмъ. Цари Греческіе унижены были за ихъ преступленія, за то, что похищали имѣнія подручниковъ своихъ... Благовѣрнѣйшій царь! Молю преславную державу благовѣрія твоего, прости меня, что откровенно говорю полезное къ утверженію богохранимой державы твоей и всѣхъ твоихъ свѣтлѣйшихъ вельможъ. Долженъ я это дѣлать, съ одной стороны, боясь участи лѣниваго раба, скрывшаго талантъ господина своего, съ другой, за многія милости и честь, которыми, впродолженіи 9 лѣтъ, удостоивалъ меня государь мой, приснопамятный отецъ твой, князь великій и самодержецъ всея Руси, Василій Ивановичъ; онъ удостоилъ бы меня и бблшей чести, еслибы, по грѣхамъ моимъ, не поклепали ему меня нѣкоторые небратолюбцы... Принявъ слово мое съ обычною тихостію твоею, даруй мнѣ, рабу твоему и нищему богомольцу, возвращеніе на Святую Гору!» Въ другомъ мѣстѣ онъ обращается къ Иоанну съ такими словами: «Истинный царь и самодержецъ тотъ, кто правдою и благозаконіемъ старается устроить житейскія дѣла подручниковъ своихъ, старается побѣдить безсловесныя страсти и похоти души своей, т.—е. ярость, гнѣвъ напрасный... Разумъ не велитъ очи блудно наслаждаться чужими красотами, приклонять слухъ къ пѣснямъ непристойнымъ и къ клеветамъ, по зависти творимымъ...»

Максимъ уже не говоритъ противъ обычая владѣть духовному селами; но вооружается на духовныхъ, которые употребляютъ свое имѣніе не на прощормленіе бѣдныхъ, а на свое довольство и обогащеніе племянниковъ и сродниковъ; Максимъ увѣщаваетъ царя прекратить это; въ томъ же поученіи говоритъ: «Да не прельщаемъ себя, думая одною долгою молитвою получить свыше помощь». Окавчиваетъ намекомъ на свою судьбу: «Царь долженъ быть страннолюбивъ, заботиться, чтобъ иностранцамъ, приходящимъ къ нему, было хорошо». Беспорядки, бывшіе во время молотства Іоаннова, побудили Максима написать слово о Василии: «Шествуя по пути жестокому и многихъ бѣдъ исполненному, нашелъ я жену, сидящую при пути, съ преклоненною къ колѣнамъ головою, горько стѣнящую и плачущую». Эта жена была *Василія* (власть, царство): «Владѣющіе мною» говорила *Василія* Максиму: «должны быть крѣвостію и утвержденіемъ для сущихъ подъ рукою ихъ людей, а не пагубою и омятеніемъ безпрестаннымъ». И въ этомъ сочиненіи видимъ намекъ на судьбу автора: Максимъ хвалитъ *Межиседека* за страннолюбіе.

Такова была дѣятельность Максима при Іоаннѣ: гоненія не заставили его перемѣнить характеръ этой дѣятельности, скрытъ талантъ господина своего, по его собственнымъ словамъ: по-прежнему онъ обличалъ и поучалъ. По просьбамъ Троицкаго игумена Артемія, Максимъ былъ переведенъ изъ Твери въ Троицкій монастырь: здѣсь нашелъ его Іоаннъ, отправляясь на Бѣлоозеро. Максимъ сталъ уговаривать его не ѣздить въ такой далекой путь, особенно съ женою и новорожденнымъ ребенкомъ: «Если ты и далъ обѣщаніе ѣхать въ Кирилловъ монастырь, чтобъ подвигнуть св. Кирилла на молитву къ Богу, то обѣты такіе съ разумомъ несогласны, и вотъ почему: во время Казанской осады пало много храбрыхъ воиновъ христіанскихъ; вдовы ихъ, сироты, матери обезчадѣвшія въ слезахъ и екорби пребываютъ; такъ гораздо тебѣ лучше пожаловать ихъ и устроить, утѣшить ихъ въ бѣдѣ, собравши въ свой царствующій городъ, чѣмъ исполнять неразумное обѣщаніе. Богъ

вездѣсущъ, все исполняетъ и всюду зрѣтъ недремлющимъ окомъ; также и святые не на извѣстныхъ мѣстахъ молитвамъ нашимъ внимаютъ, но по доброй нашей волѣ и по власти надъ собою. Если послушаешься меня, то будешь здоровъ и многолѣтенъ съ женою и ребенкомъ». Но Іоаннъ никакъ не хотѣлъ оставить своего намѣренія. Тогда Максимъ черезъ четырехъ приближенныхъ къ Іоанну людей, духовника Андрея, князя Ивана Мстиславскаго, Алексѣя Адашева и князя Курбскаго, автора разсказа, велѣлъ сказать ему: «Если не послушаешься меня, по Богъ тебѣ совѣтующаго, забудешь кровь мучениковъ, избитыхъ погаными за христіанство, презришь слезы сиротъ и вдовицъ и поѣдешь съ упрямствомъ, то знай, что сынъ твой умретъ на дорогѣ».

Что касается словъ Максима Іоанну о путешествіи, то надобно замѣтить, что они вполнѣ согласны со взглядомъ Максима, выраженнымъ въ его сочиненіяхъ. Какъ бы то ни было, Іоаннъ не послушался: изъ Троицкаго монастыря поѣхалъ въ Дмитровъ, а оттуда въ Пѣсношскій монастырь, гдѣ нашелъ другаго заточенника. Вассіанъ Топорковъ, монахъ Іосифова Волоколамскаго монастыря, вслѣдствіе особеннаго расположенія великаго князя Василія къ этому монастырю и лично къ Вассіану, былъ въ 1525 году возведенъ на Коломенскую епископію, оставался вѣрнѣ преданію своего монастыря, дѣйствовалъ заодно съ митрополитомъ Даниломъ, возбудилъ противъ себя ненависть людей, думавшихъ одинаково съ Патрикѣевыми и Курбскими, и въ 1542 году, тотчасъ послѣ вторичнаго торжества Шуйскихъ, долженъ былъ оставить епископію и удалиться въ Пѣсношскій монастырь. Іоаннъ, помня, что Топорковъ былъ любимъ отцомъ его, зашелъ къ нему въ келью и спросилъ: «Какъ долженъ я царствовать, чтобъ вельможъ своихъ держать въ послушаніи?» Вассіанъ прошепталъ ему на ухо такой отвѣтъ: «Если хочешь быть самодержцемъ, не держи при себѣ ни одного совѣтника, который былъ бы умнѣе тебя, потому что ты лучше всѣхъ; если такъ будешь поступать, то будешь твердъ на царствѣ и все будешь имѣть въ

рукахъ своихъ. Если же будешь имѣть при себѣ людей умнѣе себя, то по необходимости будешь послушенъ имъ». Царь поцѣловалъ его руку и сказалъ: «Еслибы и отецъ мой былъ живъ, то и онъ такого полезнаго совѣта не подагъ бы мнѣ!» Такъ, по мнѣнію Курбскаго съ товарищами, долженъ былъ говорить монахъ Іосифова монастыря, любимецъ великаго князя Василя, единомышленникъ митрополита Данила; и догадка ихъ могла быть справедлива; говоримъ—догадка, ибо шепчуть на ухо не для того, чтобъ другіе слышали.

Курбскій говоритъ, что отъ сатанинскаго силлогизма Топоркова произошла вся бѣда, то-есть перемѣна въ поведеніи Іоанна; но мы видимъ, что лѣтописецъ болѣе безпристрастный указываетъ начало бѣды въ событіяхъ, происходившихъ во время болѣзни Іоанновой, тогда какъ Курбскій заблагоразсудилъ умолчать объ этихъ событіяхъ. Оба показанія впрочемъ могутъ быть легко соединены: Іоаннъ, подъ впечатлѣніемъ событій, происходившихъ во время болѣзни его, могъ именно желать свиданія съ Вассіаномъ, приверженцемъ отца его и противникомъ вельможъ, и теперь съ особеннымъ удовольствіемъ могъ слушать его бесѣды, которыя, конечно, не могли клоняться въ пользу совѣтниковъ Сильвестровыхъ. Но какъ бы то ни было, и Курбскій не указываетъ на немедленныя слѣдствія совѣта Вассіанова, самъ говоритъ, что Іоаннъ и послѣ свиданія съ Вассіаномъ не мало лѣтъ царствовалъ хорошо, хотя съ другой стороны уже въ 1554 году мы видимъ довольно значительное движеніе недовольныхъ: въ числѣ князей, нехотѣвшихъ присягать Димитрію, былъ князь Семень Ростовскій; въ Іюль 1554 года побѣжалъ въ Литву князь Никита Ростовскій, былъ схваченъ въ Торонцѣ и въ допросѣ показалъ, что отпустилъ его въ Литву бояринъ князь Семень Ростовскій объявить королю, что онъ самъ ѣдетъ къ нему съ братьями и племянниками. Князь Семень былъ схваченъ и показалъ, что хотѣлъ бѣжать отъ убожества и малоумства, скуденъ онъ разумомъ и добрыми дѣлами, попустому изъѣдаетъ царское жалованье и отцовское наслѣдство. Люди его, призванные къ допросу, показали, что

онъ сносился съ Литовскимъ посломъ Довойною, когда тотъ былъ въ Москвѣ, самъ дважды видѣлся съ нимъ, рассказывалъ ему, что говорилось въ душѣ на-счетъ мира съ Литвою, по-носилъ государя, уговорился съ Довойною и послалъ человека своего къ королю за опасною грамотою. Князь Семень подтвердилъ всѣ эти показанія, утверждая, что все это дѣлалъ отъ малоумства, и что съ нимъ хотѣли бѣжать родственники его, князья Лобановы и Примковы. Царь съ боярами осудили его за дѣла и слова на смертную казнь и послали на позоръ вмѣстѣ съ товарищами; но митрополитъ съ владыками и архимандритами отпросили его отъ смертной казни, и онъ сосланъ былъ на Белоозеро въ тюрьму, а людей его распустили. Самъ князь Семень извинялся малоумствомъ, лѣтописцы также не говорятъ о побужденіяхъ его къ отъѣзду; но само правительство объясняетъ эти причины въ наказѣ послу, отправленному въ Литву: «Если стануть его спрашивать о дѣлѣ князя Семена Ростовскаго, то говорить: «пожаловалъ его государь боярствомъ мнѣ отечества, а самъ онъ недороденъ, въ разумѣ простъ и на службу негодится; однако захотѣлъ, чтобъ государь пожаловалъ его наравнѣ съ дородными; государь его такъ не пожаловалъ, а онъ, разсердившись по малоумству, началъ со всякими иноземцами говорить непригожія рѣчи про государя и про землю, чтобъ государю досадить; государь вины его смыкалъ, что онъ государя со многими землями ссорилъ, и за то велѣлъ его казнить.—А стануть говорить: съ княземъ Семеновъ хотѣли отъѣхать многіе бояре и дворяне?—отвѣчать: къ такому дураку добрый кто прмстанеть? съ нимъ хотѣли отъѣхать только родственники его, такіе же дураки»⁷⁹.

Іоаннъ жалуется въ письмѣ къ Курбскому, что послѣ этого Сильвестръ съ своими совѣтниками держалъ князя Семена въ великомъ береженѣ, помогалъ ему всякими благами, и не только ему, но и всему роду его. Въ 1560 году видится удаленіе Сильвестра и Адашева отъ двора. И удаленіе Сильвестра не много болѣе уяснено въ памятникахъ, какъ и появленіе его при Іоаннѣ; о послѣднемъ свидѣтельствуеъ Курбскій и сви-

гелствуетъ, какъ мы видѣли, очень неудовлетворительно; о причинахъ удавленія говоритъ онъ же и потомъ самъ Іоаннъ въ отвѣтномъ письмѣ къ нему. Мы должны рассмотретьъ подробно оба эти свидѣтельства.

Когда царь, говоритъ Курбскій, оборонился храбрыми воеводами своими отъ враговъ окрестныхъ, то платить оборонителямъ зломъ за добро. Какъ же онъ это начинаетъ? Вотъ какъ: прежде всего отгоняетъ отъ себя двухъ преждепоименованныхъ мужей, Сильвестра пресвитера и Адашева, ни въ чемъ предъ нимъ виноватыхъ, отворивши оба уха презлымъ ласкателямъ своимъ, шурылямъ и другимъ съ ними, которые заочно клеветали ему на этихъ святыхъ мужей. Зачѣмъ же они это дѣлали? Затѣмъ, да не будетъ обличена алость ихъ и да не возбранно будетъ имъ всѣми нами владѣть, судъ неправедный судить, носулы брать и другія злости плодить, пожитки свои умножать. Что же они клеветаютъ и шепчутъ на-ухо? Тогда умерла у царя жена: вотъ они и сказали, что извели ее тѣ мужи, Сильвестръ и Адашевъ. Царь повѣрилъ. Услыхавъ объ этомъ, Сильвестръ и Адашевъ начали умолять, то черезъ письма, то черезъ митрополита, чтобъ дана была имъ очная ставка съ клеветниками: «Не отрицаемся — писали они — и смерти, если будемъ обличены; но да будетъ судъ явственный передъ тобою и передъ всею думою твою». Что же умышляютъ клеветники? Писемъ не допускаютъ до царя, митрополиту запрещаютъ и грозятъ, царю говорятъ: «Если допустяшь ихъ къ себѣ на очи, то очаруютъ они тебя и дѣтей твоихъ; притомъ все войско и народъ любить ихъ больше, чѣмъ тебя самого, побьютъ тебя и насъ камнями. Но если даже этого и не будетъ, то свяжутъ тебя опять и покорятъ себѣ въ неволю. Такъ они тебя до сихъ поръ держали въ оковахъ, по ихъ приказу ты пилъ и ѣлъ и съ женою жилъ, не давали они тебѣ ни въ чемъ воли, ни въ большомъ, ни въ маломъ, не давали тебѣ ни людей своихъ миловать, ни царствомъ своимъ владѣть. Еслибъ не они были при тебѣ, и тебя не держали какъ уздою, то ты бы уже мало не всею вселенною об-

ладалъ. Теперь, когда ты отогналъ ихъ отъ себя, то пришелъ въ свой разумъ, отворилъ себѣ очи, смотришь свободно на все свое царство и самъ единъ управляешь имъ». Царь хвалить совѣтъ, начинаетъ любить совѣтниковъ, связываетъ себя и ихъ клятвами, вооружаясь какъ на враговъ, на мужей неповинныхъ и на всѣхъ добрыхъ, добрахотящихъ ему и души за него полагающихъ. И что жъ прежде всего дѣлаетъ? Собираетъ соборъ изъ бояръ и духовенства, присоединяетъ пре-лукавыхъ нѣкоторыхъ монаховъ, Мисаила Сукина, издавна знаменитаго злобою, Вассіана ⁷¹ неистоваго и другихъ, исполненныхъ лицемерія и безстыдства, сажаетъ ихъ близь себя, съ благодарностію слушаетъ ихъ, клеветующихъ на святыхъ. Что же дѣлаютъ на этомъ соборѣ? Читаютъ вины вышесказанныхъ мужей заочно. Митрополитъ говорить: «Надобно привести обвиненныхъ сюда, чтобъ выслушать, что они будутъ отвѣчать на обвиненія». Всѣ добрые были согласны съ нимъ; но ласкатели вмѣстѣ съ царемъ завопили: «Нельзя этого сдѣлать, потому что они вѣдомые злодѣи и волшебники великіе, очаруютъ царя и насъ погубятъ, если придутъ». Итакъ осудили ихъ заочно. Сильвестра заточили на островъ, что на Ледовитомъ морѣ, въ монастырь Соловецкій, лежащій на краю Корельскаго языка, въ Лопи дикой. Адашевъ отгоняется отъ очей царскихъ безъ суда въ нововзятый городъ въ Ливоніи, назначается туда воеводою; но ненадолго: когда враги его услышали, что и тамъ Богъ помогаетъ ему, потому что многіе города Ливонскіе хотѣли поддаться ему по причинѣ его доброты, то прилагаютъ клеветы къ клеветамъ, и царь приказываетъ перевести его въ Дерптъ и держать подъ стражею; черезъ два мѣсяца онъ занемогъ здѣсь горячкою и умеръ; тогда клеветники возопили царю: «измѣнникъ твой отравился». А Сильвестръ пресвитеръ еще прежде, чѣмъ изгнанъ былъ, увидавши, что царь не по Богъ всякія вещи начинаетъ, претилъ ему и наставлялъ много, но онъ отнюдь не внималъ, и къ ласкателямъ умъ и уши приклонилъ; тогда пресвитеръ, видя, что царь уже отвратилъ отъ него свое лицо, отошелъ

въ монастырь, во ста миляхъ отъ Москвы лежащій, и тамъ, постригшись въ монахи, провождалъ чистое житіе. Но клеветники, услыхавъ, что монахи тамошніе держатъ его въ чести, изъ зависти и изъ боязни, чтобъ царь, услыхавъ объ этомъ, не возвратилъ его къ себѣ, схвативши его оттуда, завели на Соловки, хвалясь, что соборомъ осудили его.

Итакъ, по разсказу Курбскаго оперва выходитъ, что дѣло началось отгнаніемъ Сильвестра и Адашева, что это отгнаніе послѣдовало по смерти царицы Анастасіи, вслѣдствіе клеветы въ отравѣ; а тотомъ вдругъ узнаемъ, что Сильвестръ еще прежде самъ удалился и постригся въ Кирилловъ Бѣлозерскомъ монастырь ⁷², что враги его потомъ, изъ зависти и страха, оставили клевету, осудили заочно и отправили въ Соловки; слѣдовательно дѣло началось не клеветою въ отравѣ, а прежде; Сильвестръ ушелъ, увидавъ, что царь отворотилъ отъ него лице свое; что же заставило Іоанна отворотить лице отъ Сильвестра — объ этомъ Курбскій не говоритъ, и, переищавши порядокъ событій какъ бы намѣренно, поставивши позади то, что должно быть напередѣ, чтобъ замаять дѣло, обмануть читателя, удовлетворить его одною причиною, тогда какъ надобно было выставить двѣ, лишилъ себя довѣренности, показалъ, что или не умѣлъ, или не хотѣлъ объяснить причины нерасположенія царя къ Сильвестру, которое заставило послѣдняго удалиться. Объ Адашевѣ Курбскій говоритъ, что онъ отгоняется отъ очей царскихъ безъ суда, назначается въ Феллинъ воеводою уже послѣ смерти царицы Анастасіи; но извѣстно, что Адашевъ еще въ Маѣ 1560 года отправленъ былъ въ походъ на Ливонію въ третьихъ воеводахъ въ большомъ полку ⁷³.

Посмотримъ, разсказъ царя Іоанна не будетъ ли удовлетворительнѣе, причемъ прежде всего замѣтимъ, что царь, оправдывая свои жестокости, никогда не отрицаетъ ихъ; слѣдовательно мы имѣемъ право полагаться на его слова. Вотъ что говоритъ онъ въ письмѣ къ Курбскому, перечисляя вины Сильвестра и Адашева: «Видя измѣны отъ вельможъ, мы взяли вышего начальника, Алексиа Адашева, отъ гноища и сравняли

его съ вельможами, ожидая отъ него прямой службы. Какими почестями и богатствами осыпали мы его самого и родъ его! Потомъ для духовнаго совѣта и спасенія души взялъ я поше Сильвестра, думая, что онъ, предстоя у престола владычняго, побережетъ души своей: онъ началъ хорошо, и я ему, для духовнаго совѣта, повиновался; но потомъ онъ восхитился властію и началъ совокупляться въ дружбу (составлять себѣ партію) подобно мірскимъ. Подружился онъ съ Адашевнымъ и начали совѣтоваться тайкомъ отъ насъ, считая насъ ошавуными, мало по малу начали они всѣхъ васъ бояръ въ свою волю приводить, снимая съ насъ власть, честию равняя васъ съ нами, а молодыхъ дѣтей боярскихъ приравнивая къ вамъ; начали причитатъ васъ къ вотчинамъ, городамъ и селамъ, которые по уложенію дѣда нашего отобраны у васъ: они это уложеніе разрушили, чѣмъ многихъ людей къ себѣ привязали. Единомышленника своего, князя Дмитрія Курлятева, ввели къ намъ въ синилитію, и начали злой совѣтъ свой утверждать: ни одной волости не оставили, гдѣ бы своихъ угодниковъ не посадили; втроемъ съ Курлятевымъ начали рѣшать и мѣстническія дѣла; не докладывали намъ ни о какихъ дѣлахъ, какъ будто бы насъ и не было; наши мнѣнія и разумныя сви отвергади, а ихъ и дурныя совѣты были хороши. Такъ было во внѣшнихъ дѣлахъ; во внутреннихъ же мнѣ не было ни въ чемъ воли: сколько спать, какъ одѣваться—все было ими опредѣлено, а я былъ какъ младенецъ. Но развѣ это противно разуму, что въ лѣтахъ совершенныхъ не захотѣлъ я быть младенцемъ? Потомъ пошло въ обычай: я не смѣй слова сказать ни одному изъ самыхъ послѣднихъ его совѣтниковъ; а совѣтники его могли говорить мнѣ что имъ было угодно, обращались со мною не какъ со владыкою или даже съ братомъ, но какъ съ низшимъ; кто насъ послушается, одѣлаетъ по-нашему, тому гоненіе и мука; кто раздражитъ насъ, тому богатство, слава и честь, попробую прекословить—и вотъ мнѣ кричатъ, что и душа—то моя погибнетъ, и царство—то раззорится. И такое утѣшеніе увеличивалось не день ото дня, но часъ отъ часу. Когда мы съ христіан-

евою хоругвию двинулись на безбожный языкъ Казанскій, получили надъ нимъ побѣду и возвращались домой, то какое добродѣтельство оказали намъ люди, которыхъ ты называешь мучениками? какъ плѣнника, посадивши въ судно, везли съ малымъ числомъ людей сквозь безбожную и невѣрную землю! Когда, по возвращеніи въ Москву, я занемогъ, то добродѣтели эти воспятались какъ пьяные съ Сильвестромъ и Адашевымъ, думая, что насъ уже нѣтъ, забывъ благодаренія наши и свои души, потому что отцу нашему цѣловали крестъ и намъ, что кромѣ нашихъ дѣтей другаго государя себѣ не искать; хотѣли воцарить далекаго отъ насъ въ волѣнѣ князя Владиміра, а младенца нашего погубить, воцаривъ князя Владиміра. Если при жизни нашей мы отъ своихъ подвластныхъ наслаждались такого добродѣтельства, то что будетъ послѣ насъ? Когда мы выздоровѣли, Сильвестръ и Адашевъ не перемѣнили своего поведенія: на доброжелателей нашихъ подъ равными видами умышляли гоненія, князю Владиміру во всемъ пятакали, на царицу нашу Анастасію сильную ненависть воздвигли, уподобляя ее вѣстмъ-мечесивымъ царицамъ, а про дѣтей нашихъ ташело имъ было и вспоминать. Когда князь Семень Ростовскій намѣнилъ я мы называли его съ милостию, то Сильвестръ съ вами, злыми совѣтниками своими, началъ его держать въ великомъ бѣреженіи и помогать ему всякимъ добромъ, и не только ему, но и всему роду его. Такимъ образомъ намѣнникамъ нашимъ было корошо, а мы терпѣли притѣсненіе, въ одномъ изъ этихъ притѣсненій и ты участвовалъ: извѣстно, что вы хотѣли судить насъ съ Курлятевымъ за Сицаго. Началась война съ Ливонцами: Сильвестръ, съ вами, своими совѣтниками, жестоко на насъ за нее возставалъ: заболѣю ли я, или царица, или дѣти—все это, по вашимъ словамъ, было наказаніе Божіе за наше недослушаніе къ вамъ. Какъ вспомню этотъ тяжкій обратный путь изъ Можайска съ больною царицею Анастасіею? Единаго ради малаго слова неотребна. Молитвы, путешествія по святымъ мѣстамъ, приношеніе и обѣты ко святымъ о душевномъ спасеніи и тѣлесномъ здравіи—всего этого мы были лишены лука-

вымъ умышленіемъ; о человѣческихъ же средствахъ, о лекарствахъ во время болѣзни и помину никогда не было. Пребывая въ такихъ жестокихъ скорбяхъ, не будучи въ состояніи сносить такой тягости, превышающей силы человѣческія, и сыскавъ измѣны собаки Алексѣя Адашева и всѣхъ его совѣтниковъ, мы наказали ихъ милостиво: смертною казнію не казнили никого, но по разнымъ мѣстамъ разослали. Попъ Сильвестръ, видя своихъ совѣтниковъ въ опалѣ, ушелъ по своей волѣ, и мы его отпустили, не потому, чтобы устыдились его, но потому, что не хотѣли судить его здѣсь: хочу судиться съ нимъ въ будущемъ вѣкѣ, предъ Агнцемъ Божиимъ; а сынъ его и до сихъ поръ въ благоденствіи пребываетъ, только лица нашего не видитъ. А мірскихъ людей мы наказали по ихъ измѣнѣ: сначала смертною казнію не казнили никого; но всѣмъ приказано было отстать отъ Сильвестра и Адашева, не имѣть съ ними сообщенія, въ чемъ и взята была со всѣхъ присяга; но совѣтники ихъ, которыхъ ты называешь мучениками, приказъ нашъ и крестное цѣлованіе вмѣнили ни во что, не только не отстали отъ измѣнниковъ, но и больше начали имъ помогать и всячески промышлять, чтобы ихъ на первый чинъ возвратитъ и составить на насъ лютейшее умышленіе, и такъ какъ злоба обнаружилась неутолимая, то виновные по своей винѣ судъ и приняли».

Въ этомъ разсказѣ насъ не останавливаетъ никакая запутанность или противорѣчіе: причина и постепенность дѣйствія ясны. Іоаннъ самъ объявляетъ, что нерасположеніе къ вельможамъ заставило его приблизить къ себѣ Адашева, чловѣка относительно низкаго происхожденія; для совѣта духовнаго, для нравственного руководства приближенъ былъ священникъ Сильвестръ, болѣе всѣхъ другихъ къ тому способный; относительно внутренней, нравственной жизни подчиненіе Сильвестру было полное; но Сильвестръ, соединясь съ Адашевымъ, составилъ себѣ многочисленную и сильную партію, захотѣли полного подчиненія во всемъ: несогласіе Іоанна съ Сильвестромъ и его совѣтниками выставлялось какъ непослушаніе ве-

дѣланіямъ Божиимъ, за которымъ непосредственно слѣдуютъ наказанія; во время болѣзни царя Сильвестръ, отецъ Адашева и пріатели ихъ дѣйствовали такъ, что заставили Іоанна разувѣряться въ ихъ расположеніи къ нему и его семейству, возбуждали или усилили нерасположеніе къ себѣ царицы и ея братьевъ, и сами не окрыляли своего нерасположенія къ нимъ. Последнее столкновеніе, на которомъ остановился Іоаннъ при перечисленіи своихъ оскорбленій, помѣстилъ онъ во время обратнаго пути изъ Можайска съ больною Анастасією: «Како же убо воспомяну, аже во царствующій градъ съ нашею царицею Анастасією съ немощною отъ Можайска немилостивное путное прехожденіе? Единого ради малаго слова непотребна». Извѣстіе это, лишенное подробностей, для насъ темно, какъ извѣстіе о дѣлѣ съ Курлятевымъ и Сицкимъ и многіе другіе намеки, дѣлаемые Іоанномъ въ перепискѣ его съ Курбскимъ; но послѣднее выраженіе ясно указываетъ на столкновеніе Сильвестра и Адашева или совѣтниковъ ихъ съ Анастасією: «За одно малое слово съ ея стороны явилась она имъ негодна; за одно малое слово ея они разсердились». Это столкновеніе, какъ видно, было послѣднимъ, рѣшительнымъ въ борьбѣ; время путешествія Іоаннова съ больною женою намъ извѣстно: это было въ Ноябрь 1559 года ⁷⁴; весною видимъ уже Адашева въ почетной ссылкѣ при войскѣ, отправлявшемся въ Ливонію; въ это же время долженъ былъ удалиться и Сильвестръ. Любопытно и тутъ видѣть остатокъ того нравственнаго вліянія, которымъ пользовался Сильвестръ надъ Іоанномъ: послѣдній выставляетъ болѣе виновнымъ Адашева: «сыскавъ измѣны собаки Алексѣя Адашева со всѣми его совѣтниками». Сильвестръ удаляется добровольно; Іоаннъ повторяетъ, что онъ не сдѣлалъ ему никакого зла, что не хочетъ судить его, а будетъ судиться съ нимъ предъ судомъ Христовымъ; невоздержный на бранныя выраженія, Іоаннъ въ перепискѣ съ Курбскимъ позволяетъ себѣ только одно бранное выраженіе на счетъ Сильвестра: помня столкновенія свои съ послѣднимъ въ совѣтѣ о дѣлахъ политическихъ, позволяетъ себѣ называть Сильвестра невѣждою. Очень

важно извѣстіе, находимое у Іоанна, извѣстіе о постепенности въ оная: сперва удаленіе некоторыхъ, взятіе съ оставшихся клятвы не сообщаться съ удаленными; но клятва не соблюдается, совѣтники Сильвестра и Адашева стараются возвратити имъ прежнее значеніе — и слѣдуютъ казни. Дѣйствительно, трудно предположить, чтобъ многочисленная и сильная сторона Сильвестра и Адашева осталась спокойною зрительницею своего паденія, не старалась возвратити себѣ прежняго положенія, чего могла достигнуть только чрезъ возвращеніе Сильвестру и Адашеву ихъ прежняго значенія. Это извѣстіе тѣмъ върооятнѣе, что объясненія перевода Адашева изъ Феллина въ Дерптъ и Сильвестра изъ Кириллова въ Соловецкій монастырь, объясненія, которыя сообщаетъ намъ Курбскій, очень невѣроятны: Адашеву хотѣли сдаться Ливонскіе города, Сильвестра Кирилловскіе монахи держали въ большомъ почетѣ, и это возбудило зависть, опасенія во врагахъ ихъ! Наконецъ очень важно, что Іоаннъ, при изчисленіи вины Сильвестра и Адашева, ни слова не упоминаетъ объ обвиненіи въ отравѣ Анастасіи, и тѣмъ опять подрываетъ достовѣрность извѣстія Курбскаго, будто обвиненіе въ отравѣ царицы, которое придумали враги Сильвестра и Адашева, и которому повѣрилъ Іоаннъ, было началомъ оцѣны. Еслибъ Іоаннъ дѣйствительно повѣрилъ отравѣ, еслибъ это было главный пунктъ обвиненія, то что могло помѣшать ему выставити его въ посланіи къ Курбскому? Только во второмъ посланіи, желая отвѣтити на упрекъ въ потерѣ нравственной чистоты, Іоаннъ обращается къ Курбскому съ вопросомъ: «А зачѣмъ вы разлучили меня съ женою? Еслибъ вы не отвѣяли у меня мою юницу, то Кроновыхъ жертвъ и не было бы. Только бы на меня съ попомъ не стали, то ничего бы и не было: все учинилось отъ вашего самовольства». Такимъ образомъ то, что у Курбскаго является на первомъ планѣ, о томъ самъ Іоаннъ вовсе сначала не упоминаетъ, а потомъ упоминаетъ мимоходомъ, въ очень неопредѣленныхъ выраженіяхъ, чтобъ только чѣмъ-нибудь оправдаться въ упрекъ за нравственныя безпорядки: это различіе легко объясняется тѣмъ,

что Иоаннъ не считалъ для себя нужнымъ скрывать главныя причины событій — борьбу съ Сильвестромъ, Адашевымъ и совѣтниками ихъ за власть, что повело къ удаленію этихъ лицъ и потомъ движеніе стороны Сильвестра и Адашева для возвращенія своимъ вождямъ прежняго значенія, что повело къ дальнѣйшимъ опаламъ и казнямъ, тогда какъ Курбскому хотѣлось скрыть объ причины; для этого онъ переиhrывалъ событія: что нужно было поставить впереди, поставилъ свади, и выставилъ причину не настоящую.

Иоаннъ не отрицаетъ казней, послѣдовавшихъ за открытіемъ движенія совѣтниковъ Сильвестра и Адашева въ пользу послѣднихъ. Слѣдовательно имѣемъ право принять показаніе Курбскаго о казни одной вдовы, Маріи Магдалины, съ пятью сыновьями: вдова эта была родомъ Польшка и приняла въ Москвѣ православіе; по словамъ Курбскаго, ее обвинили въ связи съ Адашевымъ и въ чародѣйствѣ; Курбскій превозноситъ ея христіанскую жизнь; тогда же казнены были родственники Адашева: братъ Данила съ двѣнадцатилѣтнимъ сыномъ и тестемъ, Туровымъ, трое братьевъ Сатиныхъ, которыхъ сестра была за Алексѣемъ Адашевымъ, наконецъ родственники Адашевыхъ, Иванъ Шишкинъ съ женою и дѣтьми. Мы не можемъ только ручаться за извѣстія Курбскаго во всей ихъ полнотѣ: напримеръ не знаемъ, действительно ли Данила Адашевъ былъ казненъ вмѣстѣ съ двѣнадцатилѣтнимъ сыномъ. На основаніи признаній самого Иоанна имѣемъ право принять извѣстіе Курбскаго и другихъ современниковъ о порчѣ нравственности Иоанновой, происшедшей въ это время: мы видимъ, какъ начало порчи положено было въ молодыхъ лѣтахъ его; бракъ, впечатлѣніе, произведенное пожарами, вліяніе Сильвестра и Адашева повели къ усложненію страстей, къ очищенію души; но скоро Иоаннъ опять сталъ возобновлять подозрѣніемъ и гнѣвомъ вслѣдствіе поведенія Сильвестра и совѣтниковъ его во время болѣзни своей, вслѣдствіе образованія при дворѣ двухъ сторонъ, вслѣдствіе вражды Сильвестра и стороны его къ Анастасіи; наконецъ Сильвестръ и Адашевъ удалились, но

совѣтники ихъ оставались и дѣйствовали для возвращенія себя прежняго значенія; надобно было дѣйствовать противъ нихъ, употреблять наказанія, опять возвращалась страшная эпоха Шуйскихъ, Кубенскихъ и Воронцовыхъ; около Іоанна образовалась пустота: люди, къ которымъ онъ привыкъ, которыхъ любилъ и, что всего важнѣе, которыхъ уважалъ, исчезли или, что еще хуже, стали поодаль, во враждебномъ положеніи, съ укоромъ на устахъ и во взорахъ; къ новымъ людямъ, занявшимъ ихъ мѣсто, не чувствовалось уваженія; въ это время новый ударъ—Іоаннъ овдовѣлъ, остался совершенно одинокъ, остался одинъ на одинъ съ своими страстями, требовавшими немедленнаго удовлетворенія; а природа Іоанна мѣшала ему останавливаться при удовлетвореніи страстей; при впечатлительности, страстности, увлекательности природы Іоанновой, переходы отъ зла къ добру и отъ добра ко злу были очень скоры. Какъ слѣдствія порчи нравственной выставляютъ двѣ казни: казнь князя Михайлы Репнина и князя Дмитрія Овчинина. Іоаннъ, по словамъ Курбскаго, призвалъ Репнина на пиръ, желая привязать его къ себѣ; когда все общество, развеселившись, надѣло маски и начало плясать, Репнинъ сталъ со слезами говорить Іоанну, что христіанскому царю неприлично это дѣлать; Іоаннъ въ отвѣтъ надѣлъ на него маску, говоря: «веселись и играй съ нами!» Репнинъ сорвалъ маску, растопталъ ее и сказалъ: «Чтобъ я, бояринъ, сталъ такъ безумствовать и безчинствовать!» Іоаннъ разсердился и прогналъ его, а чрезъ нѣсколько дней велѣлъ убить его въ церкви подлѣ алтаря, во время чтенія евангельскаго; въ ту же ночь велѣлъ убить князя Юрія Кашина, когда тотъ шелъ въ церковь къ заутрени: убили его на самой церковной паперти. Причины этого послѣдняго убійства Курбскій не объявляетъ. Мы сочли себя въ правѣ упомянуть здѣсь объ этихъ казняхъ потому, что Курбскій въ первомъ посланіи своемъ къ царю уже говоритъ: «Зачѣмъ ты святую кровь воеводъ своихъ въ церквахъ Божіихъ пролилъ, зачѣмъ мученическую ихъ кровью пороги церковные обагрилъ?» Іоаннъ, въ отвѣтъ, не отрицалъ

казней, говорить однако: «Крови въ церквахъ никакой мы не проливали и пороговъ церковныхъ кровью не обагрели». Молодой князь Дмитрій Оболенскій—Овчининъ, племянникъ любимца великой княгини Елены, казненъ былъ, по одному извѣстiю ⁷⁵, за то, что поссорился съ молодымъ Федоромъ Басмановымъ, любимцемъ Иоанна, и сказалъ ему: «Я и предки мои служили всегда съ пользою государю, а ты служишь гнусно-содомiею». Но молчанiе Курбскаго о причинѣ казни Овчинина заподозриваетъ приведенное извѣстiе; Курбскiй также противорѣчить его автору относительно того, какъ убитъ былъ Овчининъ.

Самымъ близкимъ человѣкомъ къ Сильвестру и Адашеву изъ бояръ былъ князь Дмитрій Курлятевъ; его съ женою и дочерьми сослали въ монастырь ⁷⁶; Курбскiй говоритъ, что ихъ всѣхъ постригли насильно, дочерей — младенцевъ, а черезъ нѣсколько лѣтъ удавили. Князь Михайла Воротынскiй съ семействомъ сосланъ былъ на Белоозеро; до насъ дошли извѣстiя, какъ содержались эти опасные вельможи; въ концѣ 1564 года приставы, отправленные при Воротынскихъ, писали, что въ прошломъ году недослано было ссыльнымъ двухъ осетровъ свѣжихъ, двухъ севрюгъ свѣжихъ, полпуда ягода винныхъ, полпуда изюму, трехъ ведеръ сливъ: велѣно было дослать; князь Михайлъ билъ челомъ, что ему не прислали государева жалованья: ведра романен, ведра рейнскаго вина, ведра бастру, 200 лимоновъ, десяти гривенокъ перцу, гривенки шафрану, двухъ гривенокъ гвоздики, пуда воску, двухъ трубъ левашныхъ, пяти лососей свѣжихъ; деньгами шло князю, княгинѣ и княжнѣ 50 рублей въ годъ, людямъ ихъ, которыхъ было 12 человѣкъ, 48 рублей 27 алтынъ ⁷⁷. Мы не знаемъ, въ чемъ обвинялись эти лица, подвергшіеся смертной казни или заключенiю; но знаемъ, въ чемъ обвинялись нѣкоторые вельможи, подвергшіеся было опалѣ, но прощенные. Въ 1561 году взято письменное обѣщанiе не отъѣзжать съ князя Василя Михайловича Глинскаго, который *проступилъ*. Въ 1562 году 29 человѣкъ поручились по князю Ивану Дмитрiевичу Бѣльскому, что ему не отъѣхать ни въ какия государства, ни въ

удѣлы, и за этихъ поручиковъ поручилось еще 120 человекъ; но въ томъ же году тотъ же Иванъ Дмитріевичъ Бѣльскій уже снова былъ челомъ за свою вину, что «преступилъ престное цѣлованіе, и, забывъ жалованье государя своего, наизбилъ съ королемъ Сигизмундомъ Августомъ ссылася, грамоту отъ него себѣ опасную взялъ и хотѣлъ бѣжать отъ государя своего». Несмотря на это, государь «холода своего пожаловалъ, вины ему отдалъ». Въ записи Бѣльскій обѣщается: «Служить мнѣ государю своему, и потомъ сыну его большому, который на государствѣ будетъ. А которыхъ дѣти государя моего на удѣлахъ будутъ, мнѣ къ нимъ не отъѣхать; также мнѣ къ удѣльнымъ князьямъ ни къ кому не отъѣхать». Въ слѣдующемъ 1563 году Бѣльскій съ шестью другими боярами выручалъ другаго отъѣзжика, князя Александра Ивановича Воротынскаго; за поручиковъ поручилось, по обыкновенію, еще 56 человекъ. Въ слѣдующемъ 1564 году вырученъ былъ Иванъ Васильевичъ Шереметевъ также двойнымъ ручательствомъ⁷⁸. Курбскій пишетъ, что Іоаннъ мучилъ Шереметева, допытываясь, гдѣ его богатство? Шереметевъ отвѣчалъ, что «оно руками нищихъ перенесено въ небесное сокровище, во Христу». Іоаннъ умилился, велѣлъ снять съ него тяжелыя оковы и перевести въ тюрьму болѣе свѣтлую; но въ тотъ же день велѣлъ удавить брата его Никиту. Но извѣстіе, особенно о смерти Никиты Шереметева, сомнительно; что же касается до Ивана Шереметева, то извѣстно, что, давши записку, онъ долго оставался на прежнемъ мѣстѣ, и потомъ постригся въ Кирилловско-Бѣлозерскомъ монастырѣ; мы видѣли его совѣтникомъ Шуйскихъ, двательнымъ участникомъ въ сверженіи князя Ивана Бѣльскаго.

Вѣроятно, находившимся въ Москвѣ, трудно было отъѣхать; легче было одѣлать это воеводамъ, находившимся на границахъ, въ Ливоніи: этимъ удобствомъ воспользовался одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ воеводъ, князь Андрей Михайловичъ Курбскій, и отъѣхалъ въ Литву, къ королю Сигизмунду-Августу, который принялъ его съ честью. Курбскій былъ въ числѣ

самыхъ близкихъ совѣтниковъ Сильвестра и Адашева, но, какъ видно изъ его собственныхъ показаній, до конца 1559 года пользовался особеннымъ расположеніемъ Іоанна; отправляя его въ это время вторично въ Ливонію, царь говорилъ ему: «Я принужденъ или самъ идти противъ Ливонцевъ, или тебя, любимаго моего, послать: иди и послужи мнѣ вѣрно». Но эти отношенія Курбскаго къ царю должны были скоро перемѣниться вслѣдствіе удаленія Сильвестра и Адашева, потомъ опалъ и казни родственниковъ и друзей ихъ. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, неудачная битва Курбскаго съ Литовцами подъ Невлемъ заставила его опасаться гнѣва Іоаннова и отъѣхать. Курбскій, въ письмѣ къ Іоанну, такъ говоритъ о причинахъ отъѣзда: «Какого зла и гоненія отъ тебя не претерпѣлъ я! какихъ бѣдъ и напастей на меня не воздвигъ ты? какихъ презлыхъ лжесплетеній не ввелъ ты на меня! приключившихся мнѣ отъ тебя различныхъ бѣдъ нельзя рассказать по порядку, за множествомъ ихъ. Не упросилъ я тебя умиленными словами, не умолилъ я тебя многослезнымъ рыданіемъ, не исходатайствовалъ отъ тебя никакой милости архіерейскими чинами». Іоаннъ отвѣчаетъ ему: «Зачѣмъ ты за тѣло продалъ душу? Побоялся смерти по ложному слову своихъ друзей? отъ этихъ бѣсовскихъ слуховъ наполнился ты на меня яростію! Ты за *одно слово мое ильмое* душу свою погубилъ». Но въ другомъ мѣстѣ Іоаннъ пишетъ: «Зла и гоненій безъ причины отъ меня ты не принялъ, бѣдъ и напастей на тебя я не воздвигалъ; а какое наказаніе малое и бывало на тебѣ, такъ это за твое преступленіе: потому что ты согласился съ нашими измѣнниками; а ложныхъ обвиненій, измѣнъ, въ которыхъ ты не виновать, я на тебя не ввоздилъ; а которые ты проступки дѣлалъ, мы по тѣмъ твоимъ винамъ и наказаніе чинили. Если ты нашихъ опалъ, за множествомъ ихъ, не можешь перечестъ, то какъ вся вселенная можетъ исписать ваши измѣны» и проч. Изъ этого уже видно, что дѣло пошло не изъ-за одного слова гнѣвнаго, что Курбскій дѣйствительно подвергся опалъ, претерпѣлъ наказаніе за свою связь съ Сильвестромъ.

и Адашевыиъ: « потому что ты согласился съ нашими нагѣнниками »; въ чемъ могло состоять наказаніе воеводѣ не отозванному, продолжавшему начальствовать войсками? быть можетъ, въ отобраниі части имущества. Наконецъ *изъясное* слово за Невльскую битву могло быть рѣшительнымъ побужденіемъ для Курбскаго къ бѣгству, ибо изъ словъ Іоанновыхъ видно, что пріатели Курбскаго дали знать ему объ этомъ гнѣвѣ и дали знать въ томъ смыслѣ, что ему грозитъ смерть. Изъ подробностей о бѣгствѣ Курбскаго мы знаемъ, что онъ получилъ два письма: одно отъ короля Сигизмунда Августа, другое отъ сенаторовъ — Николая Радзивила, гетмана Литовскаго, и Евстаѳія Воловича, подканцлера Литовскаго. Въ этихъ письмахъ король, гетманъ и подканцлеръ приглашали Курбскаго оставить Московское государство и пріѣхать въ Литву. Потомъ Курбскій получилъ еще отъ короля и Радзивила грамоты: король обѣщалъ ему свои милости, Радзивиль увѣрялъ, что ему дано будетъ приличное содержаніе. Курбскій отправился въ Литву, когда получилъ отъ короля опасную грамоту и когда сенаторы присягнули, что король исполнитъ данныя ему обещанія. Известный Литовскій ученый Волянъ, восхваляя своего благодѣтеля гетмана Радзивила, между другими важными заслугами его приводитъ и то, что по его стараніямъ Курбскій изъ врага Литвы сталъ ея знатнымъ обывателемъ ⁷⁹.

Курбскій принадлежалъ къ числу образованнѣйшихъ, начитаннѣйшихъ людей своего времени, не уступая въ этомъ отношеніи Іоанну: быть можетъ, одинакая начитанность, одинакая страсть къ книгамъ и служила прежде самую сильную связь между ними. Курбскій не хотѣлъ отъѣхать молча, молча разстаться съ Іоанномъ: онъ вызвалъ его на словесный поединокъ; Іоаннъ, по природѣ своей, не могъ удержаться и отвѣчалъ. Началась драгоцѣнная для исторіи переписка, ибо въ ней высказались не одни только личные, современныя отношенія противниковъ: въ ней высказались родовыя преданія, въ ней вскрылась историческая связь явленій. Кромѣ писемъ къ Іоанну, Курбскій въ Литвѣ написалъ еще сочиненіе о современныхъ

событіяхъ съ цѣлю оправдать, возвеличить свою сторону и обвинить во всемъ Іоанна; сочиненіе это имѣетъ для насъ такое же значеніе, какъ и переписка съ царемъ.

Мы видѣли ⁶⁰, что главное неудовольствіе князей и потомковъ прежней дружины на новой порядокъ вещей состояло въ томъ, что Московскіе государи перестали соблюдать древній обычай ничего не дѣлать безъ совѣта съ дружиною. За это негодовали особенно на великаго князя Василія Іоанновича; совѣтникъ послѣдняго, епископъ Вассіанъ Топорковъ, совѣтуетъ то же самое и сыну Василюву, Іоанну. Разоказавъ о передачѣ этого правила, этого преданія отцовскаго и дѣдовскаго чрезъ Вассіана Іоанну, Курбскій восклицаетъ: «О гласъ воистинну дьявольскій, всякія злости, презорства и забвенія исполненный! Ты забылъ, епископъ! что написано во второй книгѣ Царствъ: когда Давидъ совѣтовался съ своими вельможами, желая исчислить народъ израильскій, и всѣ вельможи совѣтовали не считать, а царь не послушалъ совѣтниковъ своихъ — ты забылъ, какую бѣду навелъ Богъ за непослушаніе синклитскому совѣту? Чуть весь Израиль не погибъ! Ты забылъ, что принесли безумному Ровоаму гордость и совѣтъ юныхъ и презрѣніе совѣта старшихъ?» Приведши многія другія мѣста св. Писанія въ подтвержденіе своей мысли, Курбскій выражаетъ ее такъ: «Если царь и почтенъ царствомъ, но такъ какъ онъ не можетъ получить отъ Бога всѣхъ дарованій, то долженъ искать добраго и полезнаго совѣта не только у совѣтниковъ своихъ, но и у простыхъ людей; потому что даръ духа дается не по богатству внѣшнему и по силѣ царства, но по правості душевной; не зритъ Богъ на могущество и гордость, но на правость сердечную, и даетъ дары, околько кто вмѣтитъ добрымъ произволеніемъ». Потомъ Курбскій хвалитъ Іоанна III, который совершилъ великіе подвиги только потому, что слушалъ совѣтниковъ своихъ; въ другомъ мѣстѣ Курбскій называетъ Іоанна III злымъ тираномъ, истребителемъ родственниковъ и дружины; но ни Курбскій, ни Іоаннъ IV не обращали вниманія на такія противорѣчія, очень естественныя у лю-

дей, пишущихъ подѣ влияніемъ страсти и стремящихся, во что бы то ни стало, защитить свою основную мысль. Курбскій не забывалъ, что онъ потомокъ князей Ярославскихъ и Смоленскихъ: говоря о вельможахъ, падшихъ жертвами Іоанна IV, отца его и дѣда, Курбскій не преминетъ прибавить ихъ родословную, не преминетъ сказать, что то были благородные князата, потомки такихъ-то и такихъ-то князей; въ одномъ изъ писемъ къ царю Курбскій говоритъ: « Не знаю, чего еще у насъ хочешь? не только единоплеменныхъ князей, потомковъ Владиміра Великаго, ты различными смертями поморилъ и отнялъ имущества движимыя и недвижимыя, чего еще дѣдъ и отецъ твои не успѣли разграбить, но могу сказать, что и послѣднихъ срачицъ твоему прегордому и царскому величеству мы не возбранили.» Изъ этихъ словъ видно, что въ умѣ Курбскаго дѣятельность Іоанна IV представлялась окончаніемъ дѣятельности отца и дѣда, окончаніемъ борьбы государей Московскихъ съ князьями единоплеменными; изъ этихъ же словъ видно, что потомкамъ князей не нравился новый титулъ царя, принятый Іоанномъ, потому что этотъ титулъ выдѣлялъ Московскаго государя изъ среды остальныхъ князей единоплеменныхъ; Курбскій сопоставляетъ слова такъ: « твоему прегордому и царскому величеству». Но всего лучше выражаются чувства, которыя потомки князей питали къ государямъ Московскимъ, въ слѣдующихъ словахъ Курбскаго; оправдываясь въ обвиненіи, что участвовалъ въ отравленіи царицы Анастасіи и въ умыслѣ возвести на престолъ удѣльнаго князя Владиміра Андреевича, Курбскій пишетъ: « Хотя я много грѣшенъ и недостойнъ, однако рожденъ отъ благородныхъ родителей, отъ племени великаго князя Смоленскаго Федора Ростиславича; а князья этого племени не привыкли свою плоть ѣсть и кровь братіи своихъ пить, какъ у *нѣкоторыхъ* издавна ведется обычай: первый дерзнулъ Юрій Московскій въ ордѣ на святаго великаго князя Михаила Тверскаго, а за нимъ и прочіе; еще у *всѣхъ* на свѣжей памяти, что сдѣлано съ Углицкими и съ Ярославичами и другими единокровными, какъ они всеорд-

но были истреблены — слышать тяжко, ужасно! отъ груди материнской оторвавши, въ мрачныхъ темницахъ затворили и поморили; а внуку тому блаженному и *присновльчанному* (Димитрію) что сдѣлано? А твоя царица мнѣ убогому ближняя родственница. Вспоминаешь о Владимірѣ братъ, будто мы его хотѣли на царство: я объ этомъ и не думалъ, потому что онъ былъ недостойнъ; но я еще тогда угадалъ грядущее твое мнѣніе на меня, когда ты насильно взялъ сестру мою за этого своего брата, въ этотъ вашъ издавна кровопійственный родъ».

Мы видѣли, что Московскіе великіе князья, начиная съ Іоанна III, признавая даже право отъѣзда за боярами и слугами вольными, старались однако удержать ихъ отъ пользованія этимъ правомъ посредствомъ клятвенныхъ записей и поручительствъ. Какъ смотрѣли сами князья и потомки старыхъ дружинниковъ на эти «проклятыя» грамоты, которыми они принуждались отречься отъ своего драгоценнаго права, видно изъ слѣдующихъ словъ Курбскаго: «Ты называешь насъ *измѣнниками*, потому что мы принуждены были отъ себя по неволѣ крестъ цѣловать, *какъ тамъ есть у васъ обычай*, а если кто не присягнетъ, тотъ умираетъ горькою смертію: на это тебѣ мой отвѣтъ: всѣ мудрецы согласны въ томъ, что если кто присягаетъ по неволѣ, то не на томъ грѣхъ, кто крестъ цѣлуетъ, но преимущественно на томъ, кто принуждаетъ, еслибъ даже и гоненія не было; если же кто во время прелютаго гоненія не бѣгаетъ, тотъ самъ себѣ убійца, противящійся слову Господню: «еще гонять васъ во градѣ, бѣгайте въ другой»; образъ тому Господь Богъ нашъ показалъ вѣрнымъ своимъ, бѣгая не только отъ смерти, но и отъ зависти богоборныхъ жидовъ». Мы видѣли, что Іоаннъ, съ малолѣтства озлобленный на вельможъ, довѣрялъ болѣе дьякамъ, какъ людямъ новымъ, безъ старинныхъ преданій и притязаній; при немъ дьяки завѣдывали не только письменными и правительственными дѣлами, но являются даже воеводами, какъ на примѣръ Выродковъ и Ржевскій; конечно, это не могло нравиться Курбскому, и онъ

вотъ что говоритъ о дьякахъ: «князь великій очень вѣрять писарямъ, которыхъ выбираетъ не изъ шляхетскаго рода, не изъ благородныхъ, а преимущественно изъ поповичей, или изъ простаго всенародства, а дѣлаетъ это изъ ненависти къ вельможамъ своимъ». Но касательно отъѣзда и дьяковъ, кромѣ Курбскаго, мы имѣемъ еще свидѣтельство двоихъ другихъ отъѣзжиковъ: это письмо стрѣлецкаго головы Тимоѣя Тетерина и Марка Сарыгозина къ Дерптскому намѣстнику Морозову. Тетеринъ, подпадшій опалѣ, постриженный въ монахи, убѣжалъ изъ монастыря въ Литву; на укорительное письмо воеводы Морозова къ князю Полубенскому Тетеринъ и Сарыгозинъ отвѣчали слѣдующее: «Называешь ты насъ измѣнниками несправедливо; мы бы и сами, подобаясь собакъ, умѣли напротивъ лаять, да не хотимъ такъ безумствовать. Были бы мы измѣнниками, еслибы, не претерпѣвши малыхъ скорби, побѣжали отъ государева жалованья: а то и такъ виноваты, что долго не исполняли Христова слова и апостольскаго, и не бѣжали отъ гонителя, а побѣжали уже отъ многихъ нестерпимыхъ мукъ и отъ поруганія ангельскаго образа. Ты, господинъ, бойся Бога больше чѣмъ гонителя, и не зови православныхъ христіанъ, безъ правды мучимыхъ и прогнанныхъ, измѣнниками. Твое честное Юрьевское намѣстничество не лучше моего Тимохина чернечества: былъ ты пять лѣтъ намѣстникомъ въ Смоленскѣ, а теперь тебя государь пожаловалъ намѣстничествомъ Юрьевскимъ съ пригородами, жену у тебя взялъ въ закладъ, а доходу тебѣ не сказалъ ни пула; велѣлъ тебѣ двѣ тысячи проѣсть занявши, а Полукашину заплатить нечѣмъ; невѣжливо молвить: чай не очень тебѣ и вѣрять! Есть у великаго князя (и Тетеринъ не хочетъ называть Юанна царемъ) новые довѣренныя люди, дьяки, которые его половиною кормятъ, а большую себѣ берутъ, которыхъ отцы вашимъ отцамъ въ холопы не годились, а теперь не только землею владѣютъ, но и головами вашими торгуютъ. Богъ за грѣхи у васъ умъ отнялъ, что вы надъ женами и дѣтками своими и надъ вотчинами головы кладете да и ихъ губите. Смѣемъ, государь, спросить: какова

тѣмъ женамъ и дѣтямъ, у которыхъ мужей и отцовъ различными смертями побилъ безъ правды?»⁸¹

Теперь обратимся къ отвѣтамъ Іоанна IV-го. Прежде всего онъ говорить о своемъ правѣ на самодержавный престолъ, правѣ древнемъ, немѣтнимомъ, неутраченномъ: «Самодержавства нашего начало отъ св. Владиміра: мы родились на царствѣ, а не чужое похитили». Это право свое онъ противопоставляетъ устарѣлому, утраченному праву Курбекаго на княжество Ярославское⁸². Такъ какъ основное положеніе Курбекаго состоитъ въ томъ, что царь долженъ совѣтоваться съ боярами, что при Іоаннѣ и прежде тогда только было все хорошо, когда слушался этихъ совѣтовъ, и все пошло дурно, когда Іоаннъ удалилъ совѣтниковъ и сталъ управлять самъ — то, наоборотъ, основное положеніе Іоанна: царь не долженъ находиться ни подъ чьимъ вліяніемъ: «Эта ли совѣсть прокаженная — свое царство въ своей рукѣ держать, а подданнымъ своимъ владѣть не давать? Это ли противно разуму — не хотѣть быть обладаему подвластными? Это ли православіе пресвѣтлое — быть обладаему рабами? Русскіе самодержцы изначала сами владѣютъ всею царствомъ, а не бояре и вельможи? Какъ защитникъ новаго порядка вещей, какъ потомокъ государей Московскихъ, Іоаннъ, въ отвѣтъ потомку Ярославскихъ князей, высказываетъ цѣль своего правленія и превосходство новаго порядка вещей. Приводя слова апостола Павла, царь сравниваетъ старую и новую Русь съ ветхимъ и новымъ завѣтомъ: «Какъ тогда, вмѣсто креста, было потребно обрѣзаніе: такъ и вамъ вмѣсто царскаго владѣнія потребно самовольство. Тщюся съ усердіемъ людей на истину и на свѣтъ наставить, да познаютъ единого истиннаго Бога, въ Троицѣ славимаго, и отъ Бога даннаго имъ государя, а отъ междоусобныхъ браней и строптиваго житія да престанутъ, которыми царство растлѣвается. Ибо если царю не повинуются подвластные, то никогда междоусобныя брани не прекратятся. Неужели это сладко и свѣтъ — отъ добра удалиться и зло творить междоусобными бранями и самовольствомъ?» Такимъ образомъ Іоаннъ дошелъ до самаго высшаго

понятія о царской власти: «Истина и свѣтъ для народа въ познаніи Бога и отъ Бога даннаго ему государя». Этому понятію онъ даетъ историческую опору: междоусобія, терзавшія землю, прекратились съ утверженіемъ единовластія и самодержавія; сѣдствія неповиновенія—усобицы. При такомъ высокомъ понятіи о значеніи царя, Іоаннъ чувствовалъ, что отвѣтъ его на письмо Курбскаго, измѣнившаго подданнаго, есть недостойная царя слабость; но онъ былъ человекъ чувства, и потому не выдержалъ, отвѣчалъ; раскаяніе въ этой слабости видно изъ нѣкоторыхъ словъ: «До сихъ поръ Русскіе владѣтели не давали отчета никому, вольны были подвластныхъ своихъ жаловать и казнить, не судилиса съ ними ни передъ кѣмъ; и хотя неприлично говорить о винахъ ихъ, но выше было сказано». На обвиненія въ жестокости царь отвѣчаетъ: «Жаловать своихъ холопей мы вольны, и казнить ихъ также вольны». На обвиненіе въ облыганіи своихъ подданныхъ измѣною отвѣчаетъ: «Если ужъ я облыгаю, то отъ кого же другаго ждать правды? Для чего я стану облыгать? изъ желанія ли власти подданныхъ своихъ или рублища ихъ худаго, или мнѣ припала охота ѣсть ихъ?»

Курбскій принадлежалъ къ сторонѣ Сильвестра, укорялъ Іоанна особенно за удаленіе послѣдняго. Іоаннъ отвѣчаетъ на этотъ укоръ: «Ты считаешь свѣтлостію благочестивою, когда царство обладаетя попомъ невѣждою? Но всякое царство, обладаемое попомъ, раззоряется. Тебѣ чего хотѣлось? Того же, что случилось въ Греціи? Эту гибель и намъ совѣтуешь?» Курбскій, защищая свое мнѣніе о необходимости совѣта, выбиралъ примѣры изъ св. Писанія; Іоаннъ не менѣе Курбскаго изучилъ этотъ источникъ примѣровъ, и отвѣчаетъ своему сопернику: «Вспомни, что Богъ, изводя Израиля изъ работы, поставилъ не священника владѣть людьми и не многихъ правителей, но одного Моисея, какъ царя, поставилъ надъ ними; и священствовать ему не повелѣлъ, Аарону брату его повелѣлъ священствовать, а въ людское устроеніе не мѣшаться; когда же Ааронъ сталъ завѣдывать людскимъ устроеніемъ, то

отъ Бога людей отвелъ: смотри, какъ священникамъ не подобаетъ брать на себя царскія дѣла! Такъ же Даваанъ и Авиронъ захотѣли похитить себѣ власть; но и сами погибли и какую Израилю погубель навели, что вамъ боярамъ прилично! Послѣ былъ судьей Израилю Исусъ Навивъ, а священникомъ Елеазаръ; съ тѣхъ поръ до Иліи жреца обладали судьи и спасали Израиля; когда же Ілія жрецъ принялъ на себя священство и царство, то хотя самъ былъ праведенъ и добръ, но за дурное поведеніе сыновей самъ съ ними злою смертію погибъ и весь Израиль побѣжденъ былъ до дней царя Давида». Имѣя такое высокое понятіе о своемъ значеніи, Іоаннъ сильно оскорбленъ былъ грубымъ тономъ князя Курбскаго, помнившего свое происхожденіе отъ одного родоначальника съ царемъ и противопоставившаго доблестный родъ Смоленскихъ Ростиславичей «издавна кровопійственному роду» князей Московскихъ: въ гнѣвныхъ выраженіяхъ Іоаннъ напоминаетъ Курбскому о должномъ уваженіи къ особѣ царя примѣромъ изъ Византійской исторіи: «Ты, собака, и того не разсудишь, какъ три патріарха собрались со множествомъ святителей къ нечестивому царю Теофилу и многосложный свитокъ написали, но все такихъ хулений, какъ ты, не написали, хотя и нечестивъ былъ царь Теофилъ». Если въ письмахъ Курбскаго высказался потомокъ лишенныхъ владѣнія князей, то Іоаннъ, въ своихъ письмахъ, не разъ обнаруживаетъ, какое сильное впечатлѣніе произвело на него поведеніе вельможъ во время его болѣзни. Оправдываясь въ казни вельможъ, царь говоритъ, что они превзошли всѣхъ измѣнниковъ древней исторіи, говоритъ, что императоръ Константинъ казнилъ роднаго сына, Феодоръ Ростиславичъ, предокъ Курбскихъ, пролилъ въ Смоленскѣ множество крови въ самую Пасху, Давидъ казнилъ своихъ измѣнниковъ, и слѣдовательно Московскіе бояре должны быть также казнимы, потому что они «Богомъ имъ даннаго и родившагося у нихъ на царствѣ, преступивши крестную клятву, отвергли, и сколько могли зла сдѣлать, сдѣлали, всячески, словомъ и дѣломъ и тайными умышленіями, и почему же они менѣе тѣхъ заслуживаютъ казни?»

жили злыхъ казней?» Въ другомъ мѣстѣ царь говоритъ: «Какъ во Израилѣ нѣкоторые, согласившись съ Авимелехомъ, отъ наложницы Гедеоновой рожденнымъ, перебили въ одинъ день семьдесятъ законныхъ сыновей Гедеоновыхъ и воцарили Авимелеха, такъ и вы собацкимъ измѣннымъ обычаемъ хотѣли въ царствѣ царей достойныхъ истребить и воцарить дальняго родственника, хотя и не отъ наложницы рожденнаго. Такъ-то вы доброхотны, такъ-то вы душу за меня полагаете, что, подобно Ироду, груднаго младенца хотѣли погубить, смертію свѣта сего лишить, и воцарить вмѣсто его чужаго? Такъ-то вы за меня душу полагаете и доброхотствуете?» Если Курбскій, бояринъ и потомокъ Ярославскихъ князей, ведетъ новый порядокъ вещей, начало зла, по его взгляду, отъ Іоанна III-го, если онъ называетъ кровопійственнымъ весь родъ Московскихъ князей, то Іоаннъ IV знаетъ также старину, знаетъ когда и какъ началась борьба, которую ему суждено было довести до такой ужасной крайности; если Курбскій называетъ Іоанна «лютостію, рожденною въ законопреступленіи и сладострастіи,» то Іоаннъ, съ своей стороны, считаетъ себя въ правѣ называть Курбскаго рожденіемъ исчадія ехиднаго, измѣнникомъ прирожденнымъ. «Вы привыкли» говоритъ царь: «отъ прародителей своихъ измѣну чинить: какъ дѣдъ твой, князь Михайла Карамышъ, съ княземъ Андреемъ Углицкимъ на дѣда нашего, великаго государя Ивана, умышлялъ измѣнные обычаи, такъ и отецъ твой, князь Михайла, съ великимъ княземъ Димитріемъ внукомъ на отца нашего Василія многія пагубныя смерти умышляли; такъ же и матери твоей дѣдъ Василій и Иванъ Тучко многія пакостныя и укоризненныя слова дѣду нашему, великому государю Ивану, износили; такъ же и дѣдъ твой Михайла Тучковъ, при кончинѣ матери нашей, великой царицы Елены, дяку нашему Цыплетеву многія надмѣнныя слова изрекъ; и такъ какъ ты рожденіе исчадія ехиднаго, то поэтому такъ и ядъ отрыгнешь». Мы видѣли, что Курбскій и подобные ему отъѣзжики считали присягу недействительною, какъ вынужденную; Іоаннъ, съ своей стороны, утверждаетъ, что отъѣзжики варушеніемъ присяги губятъ не

только свои, но и прародителей своих души: «Какъ ты не постыдишься раба своего Васьки Шибанова (который подалъ Юанну письмо отъ своего господина)? онъ благочестіе свое собиравъ: предъ царемъ и предъ всемъ народомъ, при смертныхъ вратахъ стоя, ради крестнаго цѣлованія тебя не отвергся, но хвалилъ тебя и былъ готовъ за тебя умереть. А ты такому благочестію не поревновалъ: отъ одного слова моего гнѣвнаго не только свою собственную душу, но и всѣхъ прародителей души погубилъ; потому что дѣду нашему Богъ поручилъ ихъ въ работу, и они, давъ свои души, до смерти своей служили, и вамъ, своимъ дѣтямъ, приказали служить дѣда нашего дѣтямъ и внучатамъ».

Отъѣздъ Курбскаго и переписка съ нимъ дорого стоили Юанну. Приверженцы падшей стороны Сильвестра и Адашева не захотѣли безпрекословно сносить гоненія, водвигнутаго на нихъ царемъ: одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ между ними, одинъ изъ самыхъ близкихъ прежде людей къ Юанну, отъѣхавъ къ враждебному государю, мало этого: явился предводителемъ его полковъ въ войнѣ съ Москвою, но, что всего хуже, осмѣлился прислать царю грамоту, наполненную укоризнами и воплями о мщениі; потомокъ князя Федора Ростиславича Смоленскаго—Ярославскаго, срывая свое сердце въ грамотѣ къ Юанну, укоряя его въ убіеніи, заточеніи и разогнаніи *сильными во Израили*, позабылъ, чему онъ подвергаетъ людей равныхъ ему по происхожденію и прежнему положенію, которыхъ онъ явился представителемъ, тѣхъ сильныхъ во Израили, князей и воеводъ, которые не были казнены, заточены и прогнаны и продолжали наполнять дворъ царя Московскаго! Курбскій, въ главахъ Юанна, не былъ простымъ отъѣзжикомъ, оставившимъ отечество изъ страха только личной опалы: Курбскій былъ представителемъ цѣлой стороны; онъ упрекалъ Юанна не за одного себя, но за многихъ, грозилъ ему небесною местию за многихъ. Юаннъ зналъ, какъ велика была сторона Сильвестра и Адашева, какъ многочисленъ былъ сонмъ людей, издавна считавшихъ своимъ правомъ совѣтовать и, при первомъ на-

удовольствіи, отъѣзжать. Онъ затронулъ теперь эту враждебную сторону, этотъ сонмъ, и вотъ онъ высказалъ свои стремленія въ лицѣ одного изъ главныхъ представителей своихъ. Къ чему послужать теперь клятвенныя записи, поручительства? Если еще можно удержать вельможъ отъ отъѣзда въ Москвѣ, во внутреннихъ областяхъ государства, то какъ удержать ихъ на границѣ? кого послать съ войскомъ? Но и внутри, если они уже такъ ожесточены и такъ ихъ много, то гдѣ безопасность? Понятно, къ какимъ чувствамъ такія мысли должны были повести челоуѣка страстнаго, воспріимчиваго, напуганнаго. Мысль: «враговъ много, я не въ безопасности, нужно принять мѣры для спасенія себя и своего семейства, въ случаѣ неудачи нужно приготовить убѣжище на чужбинѣ»—эта мысль стала теперь господствующею въ головѣ Іоанна.

Онъ сталъ готовиться къ борьбѣ; прежде всего нужно было испытать силы противниковъ, узнать, найдутъ ли они защиту въ народѣ, или предастъ ихъ народъ? 3-го Декабря 1564 года, въ воскресенье, царь со всѣмъ семействомъ своимъ выѣхалъ изъ Москвы въ село Коломенское, гдѣ праздновалъ праздникъ Николая Чудотворца. Выѣздъ этотъ былъ непохожъ на прежніе, когда выѣзжалъ онъ на богомолье или на какія-нибудь потѣхи свои: теперь онъ взялъ съ собою иконы и кресты, золотомъ и камнями дорогими украшенные, сосуды золотые и серебряные, платье, деньги, и всю свою казну; которымъ боярамъ, дворянамъ ближнимъ и приказнымъ людямъ велѣлъ съ собою ѣхать, тѣмъ велѣлъ взять съ собою женъ и дѣтей; а дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ, которыхъ государь прибралъ выборомъ изъ всѣхъ городовъ, тѣмъ велѣлъ ѣхать съ людьми, конями и со всѣмъ служебнымъ порядкомъ. Непогода и дурныя дороги задержали его въ Коломенскомъ двѣ недѣли. Какъ рѣки стали, онъ поѣхалъ въ село Тайнинское, изъ Тайнинскаго къ Троицѣ, отъ Троицы въ Александровскую слободу. Въ Москвѣ митрополитъ Аѳанасій, Новгородскій архіепископъ Пименъ, Ростовскій Никандръ, бояре, окольничіе и всѣ приказные люди были въ недоумѣніи и уныніи отъ такого государскаго вели-

каго, необычнаго подъема. Ровно черезъ мѣсяцъ, 3 Генваря 1565 года, ихъ недоумѣніе разрѣшилось: царь прислалъ изъ слободы къ митрополиту списокъ, въ которомъ исписаны были измѣны боярскія, воеводскія и всякихъ приказныхъ людей, какія измѣны и убытки государству они дѣлали до его совершеннѣтїа. Царь гнѣвъ свой положилъ на богомольцовъ своихъ, архіепископовъ, епископовъ и все духовенство, на бояръ своихъ, на дворецкаго и на конюшаго, на окольничихъ, казначеевъ, дьяковъ, дѣтей боярскихъ и на всѣхъ приказныхъ людей за то, что послѣ отца его бояре и всѣ приказные люди его государства людямъ много убытковъ дѣлали и казны его государскія расхитили, а прибитковъ казнѣ его государской никакой не прибавляли. Бояре и воеводы земли его государскія себѣ разобрали, друзьямъ своимъ и родственникамъ роздали; держа за собою помѣстья и вотчины великія, получая жалованья государскія, кормленія, собравши себѣ великія богатства, о государѣ, государствѣ и о всемъ православномъ христіанствѣ не желая радѣть и отъ недруговъ оборонять, вмѣсто того христіанъ притѣсняли и сами отъ службы начали удаляться. А захочеть государь бояръ своихъ, или приказныхъ или служивыхъ людей понаказать—духовенство, сложась съ боярами, дворянами и со всѣми приказными людьми, государю по нимъ же покрываетъ. И царь, отъ великой жалости сердца, не могши ихъ многихъ измѣнныхъ дѣлъ терпѣть, оставилъ свое государство и поѣхалъ гдѣ-нибудь поселиться, гдѣ его Богъ наставитъ. Къ гостямъ же и къ купцамъ и ко всему православному христіанству города Москвы царь прислалъ грамоту и велѣлъ ее передъ ними прочесть: въ ней царь писалъ, чтобъ они себѣ никакого сомнѣнія не держали, гнѣва на нихъ и опалы никакой нѣтъ. Когда эти грамоты были прочтены, между боярами и народомъ раздались рыданія и вопли: «Увы, горе! согрѣшили мы передъ Богомъ, прогнѣвали государя своего многими передъ нимъ согрѣшеніями и милость его великую превратили на гнѣвъ и на ярость! теперь къ кому прибѣгнемъ, кто насъ помилуетъ и кто избавитъ отъ нашествія иноплемennыхъ?»

какъ могутъ быть овцы безъ пастыря? увидавши овецъ безъ пастыря, волки расхитятъ ихъ!» Всѣ начали упрашивать митрополита, чтобъ онъ съ остальнымъ духовенствомъ умиловивилъ государя, умолилъ его не оставлять государства, владѣть бы имъ и правилъ какъ ему угодно; а государскихъ лиходѣевъ, виноватыхъ въ измѣнѣ, вѣдаетъ Богъ да государь, въ животѣ, и въ казни его государская воля, «а мы всѣ своими головами идемъ за тобою, овитителемъ, битъ челомъ государю и плакаться». Гости и всѣ горожане говорили то же: «чтобъ государь государства не оставлялъ и ихъ на расхищеніе волкамъ не отдавалъ, особенно избавлялъ бы ихъ отъ рукъ сильныхъ людей; а за государскихъ лиходѣевъ и измѣнниковъ они не стоятъ и сами ихъ истребятъ».

Духовенство и бояре явились въ Александровскую слободу и объявили Іоанну общее рѣшеніе, общую мольбу: пусть правитъ какъ ему угодно, только бы принялъ снова въ руни правленіе. Іоаннъ челобитье ихъ принялъ съ тѣмъ, что ему на всѣхъ измѣнниковъ и ослушниковъ опалы класть, а иныхъ казнить, имѣніе ихъ брать въ казну, и учредить себѣ на своемъ государствѣ опричнину: дворъ и весь свой обиходъ сдѣлать особымъ, бояръ, окольныхчихъ, дворецкихъ, казначеевъ, дьяковъ, всякихъ приказныхъ людей, дворянъ, дѣтей боярскихъ, стольниковъ, стряпчихъ и жильцовъ назначить особыхъ; во дворцахъ—Сытномъ, Кормовомъ и Хлѣбномъ назначить особыхъ ключниковъ, подлючниковъ, сытниковъ, поваровъ, хлѣбниковъ, всякихъ мастеровъ, копяховъ, пеарей и всякихъ дворовыхъ людей на всякій обиходъ; наконецъ стрельцовъ назначить себѣ особыхъ же. Назначены были города и волости, съ которыхъ доходы шли на государскій обиходъ, изъ этихъ же доходовъ шло жалованье боярамъ, дворянамъ и всякимъ дворовымъ людямъ, которые будутъ въ опричинѣ; а если этихъ доходовъ не достанетъ, то брать другіе города и волости; въ опричнину собрать князей, дворянъ и дѣтей боярскихъ, дворовыхъ и городовыхъ 1000 человекъ; помѣстья имъ будутъ розданы въ тѣхъ городахъ, которые взяты въ опричнину, а вотчинниковъ

и помѣщиковъ, которымъ не быть въ опричнинѣ, изъ этихъ городовъ вывести и дать имъ земли въ другихъ городахъ. Также въ самой Москвѣ взяты были въ опричнину нѣкоторыя улицы и слободы и въ нихъ велѣно было жить только тѣмъ боярамъ, дворянамъ и приказнымъ людямъ, которые были отобраны въ опричнину, а прежніе обыватели переведены на другія улицы. Государство Московское, воинство, судъ, управу и всякія земскія дѣла приказалъ государь вѣдать боярамъ своимъ, которымъ велѣлъ быть въ земскихъ, князю Ивану Дмитріевичу Бѣльскому, князю Ивану Федоровичу Мстиславскому и остальнымъ; конюшему, дворецкому, казначеямъ, дьякамъ и всѣмъ приказнымъ людямъ велѣлъ быть по своимъ приказамъ и чинить управу по старинѣ, а съ большими дѣлами приходить къ боярамъ; если же будутъ ратныя вѣсти или земскія великія дѣла, то боярамъ съ ними приходить къ государю. За подвѣсъ свой приговорилъ государь взять изъ земскаго приказа 100,000 рублей; а которые бояре, воеводы и приказные люди заслужили за великія измѣны смертную казнь, а иные опалу, у тѣхъ имѣнье отобрать въ казну; духовенству же, боярамъ и приказнымъ людямъ все это положить на государственной волѣ.

Вслѣдствіе этой воли, какъ совѣтники Курбскаго, умышлявшіе съ нимъ на государя, жену и дѣтей его всякія ликія дѣла, были казнены: князь Александръ Борисовичъ Горбатый-Шуйскій съ молодымъ сыномъ Петромъ, родственники ихъ, двое Ховринныхъ, князь Иванъ Сухой-Кашинъ, князь Дмитрій Шевыревъ и князь Петръ Горевскій: послѣдній былъ пойманъ на отъѣздѣ; о другихъ, кромѣ неопредѣленнаго обвиненія въ соумышленничествѣ съ Курбскимъ, ничего не знаемъ; не знаемъ обвинѣ князей Ивана Куракина и Дмитрія Нымаго: о послѣднемъ знаемъ только, что во время болѣзни Іоанна онъ былъ обвиненъ въ расположеніи посадить на престолѣ князя Владиміра Андреевича; у другихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ отобрали имѣніе; многихъ сослали въ Казань; бояринъ Иванъ Петровичъ Яковлевъ билъ челомъ за проступку и прощенъ за поручительство; князь Василій Семеновичъ Серебряный вырученъ съ сыномъ

изъ подъ опалы, Левъ Матвѣевичъ Салтыковъ вырученъ съ съ двумя сыновьями. Въ слѣдующемъ году билъ челомъ за проступку и за двойнымъ ручательствомъ возвращенъ изъ ссылки съ Бѣлазера князь Михайла Ивановичъ Воротынскій; въ томъ же году выручены были князья Иванъ Петровичъ Охлябининъ и бояринъ Очинъ-Плещеевъ: первый общался никуда не отъѣхать и въ чернецы не постригаться. Чего стоили самому Іоанну отъѣздъ Курбскаго и переписка съ нимъ, собственный отъѣздъ въ слободу, тревожное ожиданіе послѣдствій, какія будетъ имѣть посылка грамотъ въ Москву — чего стоило ему все это, видно изъ того, что когда онъ возвратился въ Москву, то нельзя было узнать его: волосы съ головы и съ бороды исчезли ⁸³.

Страшному состоянію души Іоанновой соотвѣтствовало и средство имъ придуманное, или имъ принятое, ибо, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, планъ опричнины принадлежалъ Василю Юрьеву и Алексѣю Басманову съ нѣкоторыми другими ⁸⁴. Напуганный отъѣздомъ Курбскаго и протестомъ, который тотъ подалъ отъ имени всѣхъ своихъ собратій, Іоаннъ заподозрилъ всѣхъ бояръ своихъ и схватился за средство, которое освобождало его отъ нихъ, освобождало отъ необходимости постоянного, ежедневнаго сообщенія съ ними. Положить на нихъ на всѣхъ опалу безъ улики, безъ обвиненія, заточить, сослать всѣхъ, лишить должностей, сановъ, лишить голоса въ думѣ, и на ихъ мѣсто набрать людей новыхъ, незначительныхъ, *молодыхъ*, какъ тогда называли—это было невозможно: прежняго любимца своего, Алексѣя Адашева, Іоаннъ не могъ провести дальше околничаго, не могъ далеко вести онъ и новыхъ своихъ любимцевъ. Если нельзя было прогнать отъ себя все старинное вельможество, то оставалось одно средство — самому уйти отъ него; Іоаннъ такъ и сдѣлалъ. Дума; бояре распорядились всѣмъ, только при вѣстьяхъ ратныхъ и въ дѣлахъ чрезвычайной важности докладывали государю. Старые вельможи остались при своихъ старыхъ придворныхъ должностяхъ; но Іоаннъ не хотѣлъ видѣть ихъ подлѣ себя, и потому потребовалъ для себя

особаго двора, особыхъ бояръ, окольныхихъ и т. д.; но онъ не могъ бы совершенно освободиться отъ стараго вельможества; еслибъ отстался жить въ старомъ дворцѣ, и вотъ Іоаннъ требуетъ новаго дворца; онъ не могъ не встрѣчаться со старыми вельможами при торжественныхъ выходахъ и т. п., еслибъ оставался въ Москвѣ, и вотъ Іоаннъ покидаетъ Москву, удаляется на житье въ Александровскую слободу. Но легко понять всѣ гибельныя слѣдствія такого удаленія главы государства отъ государства или земли, какъ тогда называли: напрасно Іоаннъ увѣрялъ гостей и простыхъ горожанъ Московскихъ, что онъ противъ нихъ ничего не имѣетъ, чтобъ они оставались спокойны; эти гости и простые люди очень хорошо понимали однако, что правителями надъ ними, къ которымъ они должны обращаться во всѣхъ дѣлахъ, остаются прежніе вельможи, и въ то же время слышали, что царь торжественно называетъ этихъ вельможъ своими недоброхотами, измѣнниками, удаляется отъ нихъ, окружаетъ себя толпою новыхъ людей, видѣли, что верховная власть отказывается отъ собственныхъ своихъ орудій, черезъ которыя должна дѣйствовать, объявляетъ ихъ негодными для себя, и въ то же время признаетъ годными для государства, ибо оставляетъ ихъ при прежнемъ дѣйствіи, и такимъ образомъ расторгаетъ связь между государемъ и государствомъ, объявляя себя противъ правителей земли, необходимо объявляетъ себя и противъ самой земли. Несмотря на обнадеживаніе въ милости, эта вражда къ самой землѣ необходимо должна была обнаружиться, если не прямо черезъ особу царя, то черезъ его новую дружину, черезъ этихъ опричниковъ. Какъ произведеніе вражды, опричнина, разумѣется, не могла имѣть благаго, умиряющаго вліянія. Опричнина была учреждена потому, что царь заподозрилъ вельможъ въ неприязни къ себѣ и хотѣлъ имѣть при себѣ людей исполнѣ преданныхъ ему; чтобы быть угоднымъ царю, опричникъ долженъ былъ враждовать къ старымъ вельможамъ, и для поддержанія своего значенія, своихъ выгодъ долженъ былъ поддерживать, поджигать эту вражду къ старымъ вельможамъ въ самомъ царѣ. Но этого мало:

можно ли было поручиться, что въ такомъ количестве людей если не всѣ, то, не крайней мѣрѣ, очень многіе не захотятъ воспользоваться выгодами своего положенія, именно безнаказанности; кто изъ земскихъ правителей, заповѣрныхъ, опасныхъ, могъ въ судѣ рѣшить дѣло не въ пользу опричника? кто изъ заповѣрныхъ, опасныхъ могъ рѣшиться принести жалобу на человека приближеннаго, довѣреннаго, который имѣлъ всегда возможность удѣрить подозрительнаго, гнѣваваго царя, что жалоба ложная, что она продана. вѣлѣдствіе ненависти къ опричникамъ, изъ желанія вооружить противъ нихъ государя, которому они преданы, котораго защищаютъ отъ враговъ; если не всѣ опричники были одинаково приближены, пользовались одинакою довѣренностію, то всѣ они, отъ большаго до малаго, считали своею первою обязанностію другъ за друга заступаться. Цѣлая многочисленная толпа, цѣлая дружина временниковъ! носѣ этого неудивительно встрѣтить намъ отъ современниковъ сильныя жалобы на опричнину. Опричнина, съ своей стороны, не оспаривала, какъ видно, безгласною: говорили противъ бояръ, что они крестъ цѣлуютъ, да измѣняютъ; держа герцога и вѣности, отъ слезъ и отъ крови богатѣютъ, гнѣшатся; что въ Московскомъ государствѣ нѣтъ правды; что люди приближаются къ царю вельможествомъ, а не по воинскимъ заслугамъ и не по какой другой мудрости, и такіе люди суть чародѣи и еретики, которыхъ надобно предавать жестокии казнямъ; что государь долженъ собирать со всего царства дѣходы въ одну свою казну, и изъ казны воинемъ скарпе поселить, къ себѣ изъ принудить близко и во всемъ вѣрны ⁸³.

Неудовольствіемъ, возбужденнымъ опричницею, хотѣли воспользоваться враги Москвы, и неудавшіеся попытки ихъ повели къ новымъ казнямъ, содѣйствоваши еще болѣе утвержденію опричнины. Какой-то Козловъ, родомъ изъ Московскихъ областей, поселился въ Литвѣ, женился здѣсь, отправленъ былъ гонимомъ отъ Сигизмунда Августа, къ Юанну и. даяъ знать королю, что успѣлъ склонить всѣхъ вельможъ Московскихъ къ измѣнѣ; отправленный вторично въ Москву, Козловъ вручилъ

отъ имени короля и гетмана Хоткѣвича грамоты князьямъ Бѣльскому, Мстиславскому, Воротынскому и конюшему боярину Ивану Петровичу Челяднину, съ приглашеніемъ перейти на сторону короля. Грамоты были перехвачены; Иоаннъ велѣлъ написать, или, вѣрнѣе, самъ написалъ отъ имени означенныхъ бояръ бранчивые отвѣты королю и гетману, которые и были отправлены съ Козловымъ⁸⁶. Бѣльскій, Мстиславскій, Воротынскій успѣли выпутаться изъ бѣды; но успѣлъ старинъ Челяднинъ, и былъ казненъ вмѣстѣ съ женою и соумышленниками: княземъ Иваномъ Куракинымъ-Булгаковымъ, Дмитриемъ Рязоловскимъ, троими князьями Ростовскими, Петромъ Щенятевымъ, Турунтаемъ-Пронскимъ, кашачемъ Тютиннымъ. Мы видѣли, что этотъ Челяднинъ участвовалъ въ возмущеніи народа противъ Ганюкихъ послѣ пожара; князья Ростовскіе возбуждали противъ себя гнѣвъ Иоанна съ тѣхъ поръ, какъ хотѣли взять редомъ отъѣхать въ Литву послѣ болѣзни царя; во время этой болѣзни князь Петръ Щенятевъ и Турунтай-Пронскій выказали себя явными приверженцами князя Владиміра Андреевича (1568 г.).

Мы видѣли, какъ духовенство Русское могущественно содѣйствовало утвержденію единовластія; но когда Московскіе единовластители вступили въ послѣднюю борьбу съ остатками старины, съ притязаніями князей и дружины, то духовенство приняло на себя священную обязанность—среди этой борьбы сдерживать насиліе, не допускать торжествующее начало употребить во зло свою побѣду; усердно помогая Московскому государю сломить притязанія князей и членовъ дружины, духовенство въ то же время брало этихъ князей и членовъ дружины подъ свой покровъ, блюло надъ ихъ жизнію, какъ членовъ церкви: такъ утвердился обычай, что митрополитъ и вообще духовенство печаловались за опальныхъ и брали ихъ на поруку. Митрополитъ Макарій, получившій митрополию вслѣдствіе торжества Шуйскихъ, являлся, по просьбѣ молодого Юліана, ходатаемъ предъ Шуйскими за Воронцова, причемъ подвергался оскорбленіямъ; онъ пережилъ Шуйскихъ, пережилъ

волненія, послѣдовавшія за ихъ паденіемъ, умѣлъ не ставиться съ Сильвестромъ и, если вѣрить Курбскому, защищалъ послѣдняго при его паденіи, видѣлъ возобновеніе каменей, и умеръ въ 1563 году; онъ хотѣлъ нѣсколько разъ оставить митрополію, но былъ удерживаемъ царемъ и владыками. Преемникомъ Макарія былъ монахъ Чудова монастыря Аѳанасій, бывшій прежде духовникомъ государевымъ. Выговаривая себѣ неограниченное право казнить своихъ лиходѣевъ, учреждая опричнину, Іоаннъ жаловался на духовенство, что оно покрывало виновныхъ, и требовалъ у него отреченія отъ обычай печаловаться. Аѳанасій былъ свидѣтелемъ учрежденія опричнины, получилъ позволеніе отпечаловать боярина Яковлева, князя Воротынскаго, и въ 1566 году оставилъ митрополію по болѣзни. Въ преемники Аѳанасію былъ назначенъ Германъ, архіепископъ Казанскій; но бесѣды его, по словамъ Курбскаго, не понравились любимцамъ Іоанновымъ; Германа отстранили, и вызвали Соловецкаго игумена Филиппа, сына боярина Колычова; Филиппъ объявилъ, что онъ согласится быть митрополитомъ только подъ условіемъ уничтоженія опричнины; Іоаннъ разсердился; наконецъ Филиппъ уступилъ убѣжденіямъ, что его обязанность нейти прямо противъ царской воли, но утѣлять гнѣвъ государя при каждомъ удобномъ случаѣ. Филиппъ далъ запись: «въ опричнину ему и въ царскій домовый обиходъ не вступаться, а послѣ поставленья, за опричнину и за царскій домовый обиходъ митрополіи не оставлять»⁸⁷. Но, отказавшись отъ вмѣшательства въ опричнину, Филиппъ не отказался отъ права печаловаться. Начались казни вслѣдствіе дѣла Козлова; опричнина буйствовала; вельможи, народъ умоляли митрополита вступить въ дѣло; онъ зналъ, что народъ привыкъ видѣть въ митрополитѣ печальника—и не хотѣлъ молчать. Тщетно Іоаннъ избѣгалъ свиданій съ митрополитомъ, боясь печалованій: встрѣчи были необходимы въ церквахъ, и здѣсь-то происходили страшныя сцены заклинаній: «Только молчи, одно тебѣ говорю: молчи, отецъ святой!» говорилъ Іоаннъ, сдерживая духъ гнѣва, который владѣлъ имъ: «молчи и благо-

словаи насъ!»—Филиппъ: «Наше молчаніе грѣхъ на душу твою налагаетъ и смерть наноситъ». — Іоаннъ: «Ближніе мои встали на меня, ищутъ мнѣ зла; какое дѣло тебѣ до нашихъ царскихъ совѣтовъ?»—Филиппъ: «Я пастырь стада Христова!»— Іоаннъ: «Филиппъ! не прекословь державѣ нашей, чтобъ не постигъ тебя гнѣвъ мой; или лучше оставь митрополию!»—Филиппъ: «Я не просилъ, не искалъ чрезъ другихъ, не подкупомъ дѣйствовалъ для полученія сана: зачѣмъ ты лишилъ меня пустыни?»—Царь выходилъ изъ церкви въ большомъ раздумьѣ; это раздумье было страшно опричникамъ; они рѣшили погубить Филиппа и нашли сообщниковъ между духовными, во владыкахъ Новгородскомъ, Суздальскомъ, Рязанскомъ, Благовѣщенскомъ протопопѣ, духовникѣ царскомъ: послѣдній явно и тайно носилъ рѣчи неподобныя Іоанну на Филиппа; отправившись въ Соловецкій монастырь, привезли оттуда преемника Филиппова, игумена Паисія, доносы котораго легли въ основаніе обвиненій на судѣ соборномъ; защитниковъ Филиппу не было, все молчало. 8 Ноября 1568 года опричники съ безчестіемъ вывели Филиппа изъ Успенскаго собора, народъ бѣжалъ за нимъ со слезами. Мѣстомъ изгнанія для Филиппа назначенъ былъ Тверской Отрочъ монастырь. Въ 1569 году, проѣзжая Тверь на походѣ на Новгородъ, Іоаннъ заслалъ къ Филиппу одного изъ самыхъ приближенныхъ опричниковъ, Малюту Скуратова, взять благословеніе; но Филиппъ не далъ его, говоря, что благословляютъ только добрыхъ и на доброе; опричникъ задушилъ его. Такъ палъ непобѣжденнымъ великій пастырь Русской церкви, мученикъ за священный обычай печалованія ⁸⁸. На мѣсто Филиппа возведенъ былъ Троицкій архимандритъ Кирилъ.

Въ 1569 году дошелъ чередъ и до того, за приверженность къ которому уже многіе погибли, дошелъ чередъ до двоюроднаго брата царскаго, князя Владиміра Андреевича. Мы упоминали о клятвенной записи, насильно взятой съ Владиміра въ 1553 году; въ слѣдующемъ 1554 году, послѣ рожденія другаго царевича, Ивана, государь взялъ съ двоюроднаго брата другую

запись держать этого Ивана ни сто царя въ случаѣ смерти послѣдняго. До какой степени уже Іоаннъ не доверялъ брату послѣ своей болѣзни, доказываетъ слѣдующее обещаніе Владиміра: «Жить мнѣ въ Москвѣ на своемъ дворѣ; а держать мнѣ у себя на дворѣ своихъ людей великихъ.... (число людей стерло), а больше того мнѣ людей у себя на дворѣ не держать, а всехъ своихъ служилыхъ людей держать въ своей отчинѣ». Іоаннъ опредѣлилъ поведеніе Владиміра и въ томъ случаѣ, если начнутся междоусобія между молодымъ царемъ и роднымъ его братомъ; Владиміръ объявляется: «Если который братъ родной станетъ недругомъ сыну твоему царевичу Ивану и отступитъ отъ него, то мнѣ съ этимъ его братомъ въ дружбѣ не быть и не ссылаться съ нимъ; а пошлетъ меня сынъ твой, царевичъ Иванъ, на этого своего брата, то мнѣ на него идти и дѣлать надъ нимъ всякое дѣло безъ хитрости, по приказу сына твоего царевича Ивана. Князей служебныхъ съ вотчинами, бояръ, дьяковъ, дѣтей боярскихъ и всякихъ людей сына твоего мнѣ никакъ къ себѣ не принимать. Которые бояре, дьяки ваши и всякіе люди нагрубилъ мнѣ чѣмъ-нибудь при тебѣ царь Иванъ: и мнѣ за тѣ ихъ грубости не мстить имъ никому. Безъ бояръ сына твоего, которые написаны въ твоей духовной грамотѣ, мнѣ никакого дѣла не дѣлать, и не сказавши сыну твоему и его матери, мнѣ никакого дѣла не рѣшать. Если мать моя княгиня Евфросинья¹ станетъ подучать меня противъ сына твоего, царевича Ивана, или противъ его матери: то мнѣ матери своей не слушать, а пересказать ея рѣчи сыну твоему царевичу Ивану и его матери въ правду, безъ хитрости. Если узная, что мать моя, не говоря мнѣ, сама станетъ умышлять какое-нибудь зло надъ сыномъ твоимъ царевичемъ Иваномъ, надъ его матерью, надъ его боярами и дьяками, которые въ твоей духовной грамотѣ написаны: то мнѣ объявить объ этомъ сыну твоему и его матери въ правду, безъ хитрости, не утаить мнѣ этого никакъ, по крестному дѣлованію. А возьметъ Богъ и сына твоего царевича Ивана, и другихъ дѣтей твоихъ не останется: то мнѣ твой приказъ весь исполнить твоей царлицѣ,

всеной княгиня Анастаси, по твоей духовной грамоте мно-
 жему крестьяному человеку. Въ следующемъ мѣсяцѣ того же
 года вѣнча была со Владимиромъ третья жена съ некоторыми
 противъ прежней дополненіями; удѣльный князь обязался не
 держать у себя на Московскомъ дворѣ болѣе 100 человекъ. Въ
 1569 году, говоритъ летопись, государь положилъ гнѣвъ свой
 на княгиню Евросиню и на сына ея: прислать къ царю въ
 слободу служившей у князя Владимира Андреевича дьякъ Сав-
 луха Ивановъ бумагу, въ которой писалъ многія государскія
 дѣла, что княгиня Евросинья и сынъ ея многія неправды къ
 царю чинять и для того держать его, Савлука, въ оковахъ въ
 тюрьмѣ; царь велѣлъ Савлука къ себѣ прислать, по его сло-
 вкамъ многіе сыскы были, неисправленія ихъ сысканы, и предъ
 инокѣ-ополитомъ и владыками царь княгиню Евросиню и сыну
 ея неправды ихъ извѣстия. Послѣ этого Евросинья постри-
 глась; у Владимира были переимены всѣ бояре и слуги: мы
 видѣли, что и отецъ Иоанна употребилъ то же средство въ от-
 ношеніи къ одному изъ братьевъ своихъ. Въ 1566 году царь
 переименъ брату удѣлъ: вмѣсто Старицы и Вереи далъ ему
 Дмитровъ и Звенигородъ ⁹⁹. По одному иностранному извѣстію,
 въ 1568 году князь Владимиръ Андреевичъ замышлялъ под-
 датся Сигизмунду Августу; въ Рейварѣ 1569 онъ погибъ ⁹⁹.

Страшный огонь жегъ внутренность Иоанна, и для этого
 огня не было недостатка въ пицѣ: летожь 1569 года явился
 къ царю какой-то Петръ, родомъ Волинецъ, и донесъ, что
 Новгородцы хотять предаться Польскому королю, что у нихъ
 уже написана и грамота объ этомъ и положена въ Софійскомъ
 соборѣ за образомъ Богоматери. Иоаннъ отправилъ въ Новго-
 родъ вмѣстѣ съ Волинцемъ довѣреннаго человека, который
 действительно отыскалъ грамоту за образомъ и привезъ къ
 государю: подписи — архіепископа Пимѣна и другихъ лучшихъ
 гражданъ оказались вѣрными; говорятъ, что этотъ Петръ,
 Бродяга, наказанный Новгородцами, изъ желанія отмстить имъ,
 самъ сочинилъ грамоту и необыкновенно искусно подписался
 подъ руку архіепископа и другихъ гражданъ. Иоаннъ рѣшился

разгромить Новгородъ. Въ Декабрѣ 1569 года онъ двинулся туда изъ Александровской слободы и началъ разгромъ съ границъ Тверскихъ владѣній, съ Клина: по всей дорогѣ, съ Клина до Новгорода, производились опустошенія, особенно много пострадала Тверь. 2 Января 1570 года явился въ Новгородъ передовой отрядъ царской дружины, которому велѣно было устроить крѣпкія заставы вокругъ всего города, чтобъ ни одинъ человѣкъ не убѣжалъ; бояре и дѣти боярскіе изъ того же передоваго полка бросились на подгородные монастыри, запечатали монастырскія казны, игуменовъ и монаховъ, числомъ болѣе 500, взяли въ Новгородъ и поставили на правѣжъ до государева прѣзда; другіе дѣти боярскіе собрали ото всѣхъ Новгородскихъ церквей священниковъ и дьяконовъ и отдали ихъ на соблюденіе приставамъ, по десяти человѣкъ каждому приставу; ихъ держали въ желѣзныхъ оковахъ и каждый день съ утра до вечера били на правѣжъ, правили по 20 рублей; подцерковныя и домовныя палаты у всѣхъ приходскихъ церквей и кладовыя именитыхъ людей были перепечатаны; гостей, приказныхъ и торговыхъ людей перехватывали и отдали приставамъ, дома, имущества ихъ были опечатаны, женъ и дѣтей держали подъ стражею. 6 числа прѣехалъ самъ царь съ сыномъ Иваномъ, со всѣмъ дворомъ и съ 1500 стрѣльцовъ, сталъ на торговой сторонѣ, на Городищѣ. На другой день вышло первое повелѣніе: игуменовъ и монаховъ, которые стояли на правѣжѣ, бить палками до смерти и трупы развозить по монастырямъ для погребенія. На третій день, въ воскресенье, Іоаннъ отправился въ кремль къ св. Софіи къ обѣднѣ; на Волховскомъ мосту встрѣтилъ его, по обычаю, владыка Пименъ и хотѣлъ осѣнить крестомъ; но царь ко кресту не пошелъ и сказалъ архіепископу: «Ты, злочестивый, держишь въ рукѣ не крестъ животворящій, а оружіе, и этимъ оружіемъ хочешь уязвить наше сердце: съ своими единомышленниками, здѣшними горожанами, хочешь нашу отчину, этотъ великій богоспасаемый Новгородъ предать иноплеменникамъ, Литовскому королю Сигизмунду Августу; съ этихъ поръ ты не пастырь и не учи-

ца, но вождь, хищникъ, губитель, вѣнѣнникъ, нашей царской (армянцѣ и вѣнцу досадитель». Проговоривши это, царь велѣлъ Пшину идти съ вѣстами въ Софійскій соборъ и слушать обѣдню, у которой былъ самъ со всеми своими, послѣ обѣдни пошелъ къ архіепископу въ столовую палату обѣдать, сѣлъ за столъ, началъ ѣсть, и вдругъ далъ знакъ своимъ князьямъ и боярамъ, по обычаю, страшнымъ крикомъ: по этому знаку начали грабить казну архіепископа и весь его дворъ, бояръ и слугъ его перехватили, самого владыку, ограбивъ, отдали подъ стражу, давали ему на кормъ ежедневно по двѣ мѣшки. Дворецкій Левъ Салтыковъ и духовникъ протопопъ Евстафій съ боярами пошли въ Софійскій соборъ, забрали тамъ ризницу и всѣ церковныя вещи, то же было сдѣлано по всемъ церквамъ и монастырямъ. Между-тѣмъ Іоаннъ съ сыномъ отправился изъ архіепископскаго дома къ себѣ на Городище, къ началу судъ: къ нему приводили Новгородцевъ, содержавшихся подъ стражею, и пытали, жгли ихъ какою-то «составною мудростію огненною», которую лѣтописецъ называетъ *каджаромъ*; обвиненныхъ привязывали къ санямъ, волокли къ Волховскому мосту и оттуда бросали въ рѣку; женъ и дѣтей ихъ бросали туда же съ высокаго мѣста, связавши имъ руки и ноги, младенцевъ привязавши къ матерямъ; чтобъ никто не могъ спастись, дѣти боярскіе и стрѣльцы ѣздили на маленькихъ лодкахъ по Волхову, съ рогатинами, копьями, баграми, топорами, и кто всплыветъ наверхъ, того прихватывали баграми, каюды рогатинами и копьями и погружали въ глубину: такъ шло каждый день въ продолженіи пяти недѣль. По окончаніи суда и расправы, Іоаннъ началъ ѣздить около Новгорода по монастырямъ, и тамъ приказывалъ грабить кельи, служебныя дома, жечь въ житницахъ и на скирдахъ хлѣбъ, бить вѣсть; пріѣхавши изъ монастырей, велѣлъ по всему Новгороду, по торговымъ рядамъ и улицамъ товары грабить, анбары, разсыкать и до основанія разсыпать; потомъ началъ ѣздить по посадамъ, велѣлъ грабить всѣ дома, всѣхъ жетелей безъ исключенія, мужчинъ и женщинъ, дворы и хоромы ло-

мать, окна и ворота выбьять; въ то же время вооруженными толпы отправлены были во всѣ четыре стороны, въ пятины, по стапамъ и волостямъ, версты за 200 и за 250, съ приказаніемъ вездѣ пустошить и грабить. Весь этотъ разгромъ продолжался шесть недѣль. Наконецъ 13 Февраля утрожь государь велѣлъ выбрать изъ каждой улицы по лучшему человеку и поставить передъ собою. Они стали передъ нимъ съ трепетомъ, изможденные, унылые, какъ мертвецы: но царь взглянулъ на нихъ милостивымъ и кроткимъ окомъ и сказалъ: «Жители Великаго Новгорода, оставшіеся въ живыхъ! молитѣ Господа Бога, Пречистую Его Матерь и всѣхъ святыхъ о нашемъ благочестивомъ царскомъ державствѣ, о дѣтяхъ моихъ благовѣрныхъ царевичахъ Иванѣ и Федорѣ, о всемъ нашемъ христіанскому войству, чтобы Господь Богъ даровалъ намъ побѣду и одолѣніе на всѣхъ видимыхъ и невидимыхъ враговъ, а судить Богъ общему измѣннику моему и вашему, владыкѣ Пимену, его злымъ совѣтникамъ и единомышленникамъ: вся эта кровь взыщется на нихъ измѣнникахъ; вы объ этомъ теперь не скорбите, живите въ Новгородѣ благодарно, я вамъ вмѣсто себя оставляю правителемъ боярина своего и воеводу, князя Петра Даниловича Пронскаго». Въ тотъ же день Юаннъ выѣхалъ изъ Новгорода по дорогѣ въ Псковъ; владыку Пимена, священниковъ и дьяконовъ, которые не откупились отъ правяжа, и опальныхъ Новгородцевъ, которыхъ дѣло еще не было рѣшено, отослали съ приставами въ Александровскую слободу. Какое впечатлѣніе произвелъ на Новгородцевъ погромъ, всего лучше видно изъ слѣдующаго извѣстія: 25 Мая 1574 года въ церкви св. Параскевы на торговой сторонѣ у обѣдни было много народа; когда послѣ службы стали звонить въ колоколъ, вдругъ на всѣхъ напалъ таинственный ужасъ, всѣ побѣжали въ разныя стороны, мужчины, женщины, дѣти, толкали другъ друга, не зная, куда бѣгутъ, купцы пометали лавки, отдавали товары собственными руками первому попавшемуся. Точно такое же извѣстіе о пополохѣ встрѣчаемъ въ лѣтописяхъ подъ 1239 годомъ, послѣ Батыева погрома.

Изъ Новгородскаго князя направилъ путь къ Пскову; Псковичи боялись власти Новгородцевъ; по распоряженію воеводу князя Токманова, они встрѣтили Іоанна каждый передъ своимъ домомъ съ женою и дѣтьми, держа въ рукахъ хлѣбъ и соль; увидѣвъ царя, все падали на колѣна. Іоаннъ недолго прожилъ во Псковѣ, велѣлъ грабить имѣніе у гражданъ, кромѣ церковнаго прихода, взыскать также казну монастырскую и церковную, иконы, престы, пелены, сосуды, книги, колокола. Но дѣло не кончилось Новгородомъ и Псковомъ: по возвращеніи царя въ Москву началось слѣдствіе о сношеніяхъ Новгородскаго архіепископа Пимена и Новгородскихъ приказныхъ людей съ боярами — Алексѣемъ Басмановымъ и сыномъ его Федоромъ, съ канцеляремъ Фуниковымъ, печатникомъ Висковатовымъ, Семеномъ Яновлевымъ, съ дьякомъ Васильемъ Степановымъ, съ Андреемъ Васильевымъ, съ княземъ Афанасіемъ Вяземскимъ; сношенія происходили о томъ, чтобъ сдать Новгородъ и Псковъ Литовскому королю, царя Іоанна известить, на государство посадить князя Владиміра Андреевича. Это *сыскное мамляное дѣло* до насъ не дошло, а потому историкъ не имѣетъ права произнести свое сужденіе о событіи. Извѣстные слѣдствія: казнены были князь Петръ Оболенскій-Серебряный, Висковатый, Фуниковъ, Очиаъ-Плещеевъ, Иванъ Воронцовъ, сынъ извѣстнаго намъ Федора и многіе другіе, 180 человекъ прощено; всего удивительнѣе встрѣтить между осужденными имена главныхъ любимцевъ Іоанновыхъ — Басмановыхъ и Вяземскаго; Вяземскій умеръ отъ пытокъ, Алексѣй Басмановъ, какъ говорятъ, былъ убитъ сыномъ Федоромъ, по приказанію Іоанна. Владыка Пименъ Новгородскій сосланъ былъ въ Веневъ²¹.

Извѣстно намъ и состояніе души Іоанна, образъ его мыслей послѣ разсказанныхъ событій: къ 1572 году относится единственное дошедшее до насъ духовное завѣщаніе его. Въ этой духовной царь высказываетъ убѣжденіе, что онъ и семейство его непречны на Московскомъ престолѣ, что онъ изгнанникъ, ведущій борьбу съ своими врагами, что этой борьбѣ не ви-

дать бивкаго конца, и потому Іоаннъ даетъ наставленіе сыновьямъ, какъ имъ жить до окончанія борьбы. Завѣщаніе начинается исповѣдью Іоанна, въ которой замѣчательны слѣдующія слова: «Тѣло изнемогло, болѣзнуеть духъ, струны душевные и тѣлесныя умножились, и нѣтъ врача, который бы меня исцѣлилъ; ждалъ я, кто бы со мною поскорбѣлъ — и нѣтъ никого, утѣшающихъ я не сыскалъ, воздали мнѣ зломъ за добро, ненавистію за любовь.» Наставленіе дѣтямъ начинается словами Христа: «Се заповѣдаю вамъ, да любите другъ друга... Сами живите въ любви, и военному дѣлу сколько возможно навывайте. Какъ людей держать и жаловать и *оми мизъ беречься*, и во всемъ умѣть ихъ къ себѣ присвоивать, вы бы и этому навывали же; людей, которые вамъ прямо служатъ, жалуйте и любите, отъ всѣхъ берегите, чтобъ имъ притѣсненія ни отъ кого не было, тогда они прамѣе служатъ; а которыя лихи, и вы бъ на тѣхъ опалы клали не скоро, по разсужденію, не яростію. Всякому дѣлу навывайте, божественному, священному, иноческому, ратному, судейскому, Московскому пребыванію и житейскому всякому обиходу, какъ которые чины ведутся здѣсь и въ иныхъ государствахъ, и вѣдшнее государство съ иными государствами что имѣеть, то бы вы сами знали. Также и во всякихъ обиходахъ, какъ кто живетъ, и какъ кому пригоже быть, и въ какой мѣрѣ кто держится — всему этому выучитесь: такъ вамъ люди и не будутъ указывать, вы станете людямъ указывать; а если сами чего не знаете, то вы не сами станете своими государствами владѣть, а люди. А что, по множеству беззаконій моихъ, распростерся Божій гнѣвъ, изгнанъ я отъ бояръ, ради ихъ самовольства, отъ своего достоянія, и скитаюсь по странамъ, и вамъ моими грѣхами многія бѣды нанесены: то Бога ради не изнемогайте въ скорбяхъ... Пока васъ Богъ не помилуетъ, не освободитъ отъ бѣды, до тѣхъ поръ вы ни въ чемъ не раздѣляйтесь: и люди бы у васъ за одно служили, и земля была бы за одно и казна у обоихъ одна: такъ вамъ будетъ прибыльнѣе. А ты, Иванъ сынъ, береги сына Федора, и своего брата, какъ себя,

чтобы ему ни въ какомъ обиходѣ нужды не было, всемъ былъ бы доволенъ, чтобъ ему на тебя не въ досаду, что не дашь ему ни удѣла, ни казны. А ты, Федоръ сынъ, у Ивана сына, а своего брата старшаго, *пока устроишься*, удѣла и казны не проси, живи въ своемъ обиходѣ, смѣкаясь, какъ бы Ивану сыну тебя безъ убытка можно было прокормить, оба живите за одно и во всемъ устройайте, какъ бы прибыточнѣе. Ты бы сынъ Иванъ, моего сына Федора, а своего брата младшаго, держалъ и берегъ и любилъ и жаловалъ и добра ему хотѣлъ во всемъ какъ самому себѣ, и на его лихо ни съ кѣмъ бы не ссылаяся, вездѣ былъ бы съ нимъ одинъ человекъ; и въ худѣ и въ добрѣ; а если въ чемъ передъ тобою и провинится, то ты бы его понаказалъ и пожаловалъ, а до конца бѣ его не разорялъ; а ссоркамъ бы отнюдь не вѣрилъ, потому что Каннъ Авеля убилъ, а самъ не наследовалъ же. А дастъ Богъ, будешь ты на государствѣ, и братъ твой Федоръ на удѣлѣ: то ты удѣла его подъ нимъ не подыскивай, на его лихо ни съ кѣмъ не ссылайся; а гдѣ по рубежамъ сошлась твоя земля съ его землею, ты его береги и накрѣпко смотри правды, а напрасно его не задирай и людскимъ вракамъ не потакай: потому что если кто и множество земли и богатства приобрѣтетъ, но трилукотнато гроба не можетъ избѣжать, и тогда все останется. А ты, сынъ мой Федоръ, держи сына моего Ивана въ мое мѣсто отца своего, и слушай его во всемъ какъ меня, и покоренъ будь ему во всемъ и добра желай ему какъ мнѣ, родителю своему, ни въ чемъ ему не прекословь, во всемъ живи изъ его слова, какъ теперь живешь изъ моего. Если, дастъ Богъ, будетъ онъ на государствѣ, а ты на удѣлѣ: то ты государства его подъ нимъ не подыскивай, на его лихо не ссылайся ни съ кѣмъ, вездѣ будь съ нимъ одинъ человекъ, и въ лихѣ и въ добрѣ; *а пока, по грѣхамъ, Иванъ сынъ государства не достигнетъ, а ты удѣла своего*: то ты съ сыномъ Иваномъ вмѣстѣ будь за одинъ, съ его измѣнниками и лиходѣями никакъ не ссылайся; если станутъ прельщать тебя славой, богатствомъ, честію, станутъ давать тебѣ города

или: право какое: будутъ тебѣ уступать мимо сына Ивана, и станутъ на государство звать: то ты отнюдь ихъ не слушаи; и изъ Ииановой воли не выходи, какъ Иванъ сынъ тебѣ велитъ, такъ и будь, и ничѣмъ не прельщайся; а гдѣ Иванъ сынъ пошлетъ тебѣ на свою службу, или людей твоихъ велитъ тебѣ на свою службу послать: то ты на его службу ходи и людей своихъ посылай, какъ сынъ мой Иванъ велитъ; а гдѣ порубежная Иианова земля сошлась съ твоею землею, и ты береги накрѣпко, смотри правды, а напрасно не задарайся и лодоклять вракамъ не потакай: потому что еси и во множество богатства и земля приобретаешь, но треуготного гроба не можешь избѣжать... И ты съ, сынъ Федоръ, сыну моему Ивану, а своему брату старшему, во всемъ покорень будь и добра ему: хотѣлъ, какъ мнѣ и себѣ, и во всемъ въ волю его будь до крови и до смерти; ни въ чемъ ему не прекословь; если даже Иванъ сынъ на тебя и разгнѣвается, ни обидитъ какъ-нибудь: то и тутъ старшему брату не противься; сами не поднимай и сами собою не обороняйся; бѣди ему челомъ, чтобъ тебѣ пожаловать, гнѣвъ сложить: изволь и жаловать тебѣ во всемъ по моему приказу; а въ чемъ будеть твоя вина, и ты ему добей челомъ, какъ ему любе; не слушаетъ твоего челобитья — хорошо; а не послушаетъ — и ты самъ собою не обороняйся же.»

Въ этомъ наказѣ наше вниманіе останавливается, во-первыхъ на желаніи царя, чтобъ дѣти его не раздѣлились до тѣхъ поръ; пока старшій изъ нихъ, Иванъ, не сложитъ всѣхъ земель и не утвердится на престолѣ: ибо въ противномъ случаѣ удѣльный князь будетъ самымъ вѣрнымъ орудіемъ въ рукахъ недовольныхъ. Во-вторыхъ, въ своемъ завѣщаніи Іоаннъ довольствуется уже, подобно предшественникамъ, однимъ опредѣленнымъ приказомъ младшему сыну держать старшинство отца; онъ опредѣляетъ, въ чемъ должно состоять это сыновнее повиновеніе: младшій долженъ быть въ волѣ старшаго до крови и до смерти, ни въ чемъ не прекословить, а въ случаѣ обиды отъ старшаго не смѣть поднимать противъ него

оружіе, не смѣть обороняться: этимъ приказомъ Іоаннъ уничтожаетъ законность междоусобій въ царскомъ семействѣ, ставитъ младшаго брата въ совершенно подданическія отношенія къ старшему; теперь уже младшіе братья не могутъ сказать старшему, подобно древнимъ Ольговичамъ: «Ты намъ братъ старшій; но если не дашь, то мы сами будемъ искать». Этимъ приказомъ Іоаннъ дорушничаетъ родовыя отношенія между князьями.

Что Іоаннъ не былъ увѣренъ въ счастливомъ для своего семейства окончаніи борьбы, свидѣтельствуютъ слѣдующія слова завѣщанія: «Насъ, родителей свричь и прародителей, не только что въ государствующемъ градѣ Москвѣ или гдѣ будете въ другомъ мѣстѣ, *но если даже въ зонени и въ изманикн будете*, въ божественныхъ литургіяхъ, панихидахъ и литіяхъ, въ милостыняхъ къ нищимъ и прещитаніяхъ, сколько возможно, не забывайте».

Іоаннъ благословляетъ старшаго сына «царствомъ Русокиимъ (достоинствомъ), шапкою Мономаховою и всѣмъ чиномъ царскимъ, что присладе прародителю нашему царю и великому князю Владиміру Мономаху царь Константинъ Мономахъ изъ Царяграда; да сына же своего, Ивана благословляю всѣми шапками царскими и чиномъ царскимъ, что я примыслилъ, посохами и сватергю, а по Нѣмецки центуръ. Сына же своего Ивана благословляю своимъ царствомъ Русокиимъ (областью), чѣмъ меня благословишь отецъ мой, князь, великій, Василій и что мнѣ Богъ далъ». Здѣсь встрѣчаемъ важную отмычку порядка распоряженій прежнихъ государей: удѣльный Федоръ не получаетъ никакой части въ городѣ Москвѣ. Ему въ удѣлъ дано 14 городовъ, изъ которыхъ главный Суздаль, но показывается, что удѣльный князь не долженъ думать ни о какой самостоятельности: «удѣлъ сына моего Федора, ему же (царю Іоанну) къ великому государству». Наконецъ, относительно притчины Іоаннъ говоритъ такъ сыновьямъ въ завѣщаніи: «Что я учредилъ опричнину, то на волѣ дѣтей моихъ, Ивана и Федора: какъ имъ прильнѣе, такъ пусть и дѣлають, а образецъ имъ готовъ»⁹³.

Дѣтямъ своимъ Іоаннъ давалъ на волю продолжать опричнину или уничтожить; но въ его собственное царствованіе трудно было ожидать ея превращенія, ибо зло вызывало другое зло: въ 1571 году князь Иванъ Мстиславскій далъ слѣдующую записъ: «Я, князь Иванъ Мстиславскій, Богу, святымъ Божиимъ церквамъ и всему православному христіанству вѣры своей не соблюлъ, государю своему, его дѣтямъ и его землямъ, всему православному христіанству и всей Русской землѣ измѣнилъ, навелъ съ моими товарищами безбожнаго Крымскаго Девлетъ-Гирея царя». По ходатайству митрополита Кирилла и 24 другихъ духовныхъ особъ, царь простилъ Мстиславскаго, взявши съ него означенную грамоту, за поручительствомъ троихъ бояръ, которые обязались, въ случаѣ отъѣзда Мстиславскаго, внести въ казну 20,000 рублей; за поручниковъ поручилось еще 285 человекъ. Черезъ 10 лѣтъ послѣ этого Мстиславскій опять билъ челомъ съ двумя сыновьями, что они предъ государемъ во многихъ винахъ виноваты⁹³. Подобныя грамоты могли привести къ вопросу: можно ли попрежнему довѣрять правленіе земщиною Мстиславу съ товарищами, и если самъ царь не хочетъ попрежнему сближаться съ земщиною, то не должно ли поставить въ челъ ея человекъ, который бы по титулу своему и происхожденію могъ стать выше князей и бояръ, и между тѣмъ не имѣлъ бы съ ними ничего общаго, могъ бы быть вѣрнѣе ихъ? И вотъ въ одной лѣтописи подъ 1574 годомъ находимъ слѣдующее извѣстіе: «казнилъ царь на Москвѣ у Пречистой на площади въ кремлѣ многихъ бояръ, архимандрита Чудовскаго, протопопа и всякихъ чиновъ людей много, а головы метали подъ дворъ Мстиславскаго. Въ то же время произволилъ царь Иванъ Васильевичъ и посадилъ царемъ на Москвѣ Симеона Бекбулатовича (крещенаго Татарина, Касимовскаго хана) и царскимъ вѣнцомъ его вѣнчалъ, а самъ назвался Иваномъ Московскимъ, и вышелъ изъ города, жилъ на Петровкѣ; весь свой чинъ царскій отдалъ Симеону, а самъ ѣздилъ просто, какъ бояринъ, въ оглобляхъ, и какъ пріѣдетъ къ царю Симеону, ссаживается

отъ царева мѣста далеко, вмѣстѣ съ боярами». Дѣйствительно, до насъ дошли грамоты, въ которыхъ отъ имени *великаго князя Симеона всея Руси* дѣлаются разнаго рода земскія распоряженія, какъ отъ имени царя, царь же Іоаннъ называется *исударемъ княземъ Московскимъ*. Симеонъ впрочемъ не болѣе двухъ лѣтъ процарствовалъ въ Москвѣ; по словамъ лѣтописи, онъ былъ сосланъ отсюда Іоанномъ, который далъ ему Тверь и Торжокъ⁹⁴. Раздѣленіе на опричнину и земщину оставалось; но имя опричнины возбуждало такую ненависть, что царь счелъ за нужное вывести его изъ употребленія: вмѣсто названій опричнина и земщина видимъ названіе: дворъ и земщина; вмѣсто: города и воеводы опричные и земскіе — видимъ: города и воеводы дворовые и земскіе⁹⁵. Между-тѣмъ казни продолжались по разнымъ поводамъ: по поводу нашествія Крымскаго хана, когда Мстиславскій признался, что онъ съ товарищами привелъ его; по поводу болѣзни и смерти невѣсты царской; погибли старые бояре — знаменитый воевода, князь Михайла Воротынскій, котораго мы видѣли уже прежде въ заточеніи въ Кирилловѣ Бѣлозерскомъ монастырѣ, князь Никита Одоевскій, Михайла Яковлевичъ Морозовъ, князь Петръ Куракинъ и другіе менѣе значительные лица. Курбскій говорить, что Воротынскій былъ подвергнутъ пыткамъ по доносу раба, обвинявшаго его въ чародѣйствѣ и въ злыхъ умыслахъ противъ Іоанна; измученнаго пытками старика повезли въ заточеніе опять на Бѣлоозеро, но на дорогѣ онъ умеръ.

Современныя Русскія свидѣтельства говорятъ, что Іоаннъ до конца жизни оставался съ одинакимъ настроеніемъ духа, одинаково скоръ на гнѣвъ и на опалы; однако въ послѣднія восемь лѣтъ его жизни мы не встрѣчаемъ извѣстій о казняхъ.

ГЛАВА V.

ПОЛОЦКЪ.

Успѣхи Русскихъ въ Ливоніи; ея распаденіе. Мысль Іоанна жениться на сестрѣ короля Польскаго. Взятіе Полоцка. Переговоры о мирѣ съ Литвою. Соборъ въ Москвѣ по поводу этихъ переговоровъ. Возобновленіе военныхъ дѣйствій. Прекращеніе ихъ по причинѣ болѣзни короля. Мысль объ избраніи Іоанна ему въ преемники. Царь дѣлаетъ Датскаго принца Магнуса вассальнымъ королемъ Ливоніи. Сношенія съ Швеціею. Неудачныя дѣйствія Магнуса противъ Ревеля. Важность прибалтійскихъ береговъ для Россіи по отзывамъ враговъ ея. Дѣла Крымскія. Неудачный походъ Турецкаго войска къ Астрахани. Нашествіе Крымскаго хана и сожженіе Москвы. Вторичное нашествіе хана и отраженіе его княземъ Воротынскимъ.

Мы видѣли, что магистръ Кетлеръ, отчаявшись собственными средствами спасти Ливонію, заключилъ тѣсный союзъ съ Сигизмундомъ Августомъ. Обнадеженный этимъ союзомъ и получивши помощь людьми и деньгами изъ Германіи, отъ герцога Прусскаго, отъ жителей Риги и Ревеля, Кетлеръ началъ наступательное движеніе, разбилъ подъ Дерптомъ Московскаго воеводу Захара Плещеева и осадилъ Дерптъ; осажденные сдѣлали не очень удачную вылазку, но успѣхи Нѣмцевъ этимъ и ограничились: приближалась зима, союзный отрядъ, приведенный герцогомъ Христофомъ Мекленбургскимъ, ушелъ; Кетлеръ съ своими Ливонцами хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, овладѣть Лаисомъ, но два раза приступъ его былъ отбитъ гарнизономъ, находившимся подъ начальствомъ стрѣлцаго головы

Кашкарова: такимъ образомъ, по словамъ Нѣмецкаго лѣтописца, Кетлеръ, вслѣдствіе храбраго сопротивленія непріятеля, ничего не сдѣлавъ, со стыдомъ и урономъ долженъ былъ уйти въ Оберпаленъ, куда достигъ съ большими трудностями, везя тяжелый нарядъ по дурнымъ дорогамъ; здѣсь ратные люди, въ досадѣ на неудачу, и не получая жалованья, стали бунтовать и съ трудомъ были усмирены и разведены по зимнимъ квартирамъ, а тяжелый нарядъ отправленъ въ Феллинъ. Но безснѣжная зима не остановила Русскихъ: князя Мстиславскій, Петръ Шуйскій, Серебряный повоевали землю до Рижскаго залива, не встрѣчая нигдѣ сопротивленія, и взяли Мариенбургъ; весною отправился отрядъ Русскихъ въ Эстонию, разбилъ Нѣмцевъ подъ Верпелемъ; съ другой стороны опустошали Ливонію Псковскіе сторонники или вольница, плѣнниковъ и скота изъ земли гоняли много, а нѣкоторыхъ Нѣмцы побивали. Весною же пришелъ князь Курбскій въ Ливонію, поразилъ стараго магистра Фюрстенберга подъ Вейссенштейномъ и Феллинномъ; взятіе послѣдней крѣпости было цѣлю похода Большой шестидесятитысячной Московской рати подъ начальствомъ князя Мстиславскаго и Петра Шуйскаго; 12,000 войска подъ начальствомъ князя Барбашина отправились въ обходъ къ морю по слухамъ, что Фюрстенбергъ хочетъ отправить богатую казну въ Габзаль; лучший изъ воеводъ Ливонскихъ, ландмаршалъ Филиппъ Белль, съ 500-ми ратныхъ рѣшился напасть въ расплохъ на Барбашина, въ надеждѣ, что нечаянность уравниетъ силы, но обманулся: весь отрядъ его былъ истребленъ, самъ Белль, послѣдній защитникъ и послѣдняя надежда Лифляндскаго народа, по выраженію Курбскаго, съ одиннадцатью командорами и сто двадцатью рыцарями, попался въ плѣнъ. Курбскій съ большимъ уваженіемъ говоритъ о храбрости, остротѣ разума, доброй памяти и краснорѣчій Белля; Русскіе воеводы обходились съ нимъ по товарищески, сажали вмѣстѣ съ собою за столъ и услаждались его рѣчами, разумомъ растворенными; изъ рѣчей этихъ Курбскій сохранилъ одну, въ которой Белль рассказывалъ исторію ордена и объяснялъ причины его паде-

вія: «Когда мы» говорилъ Бель: «пребывали въ католической вѣрѣ, жили умѣренно и цѣломудренно, тогда Господь вездѣ насъ покрывалъ отъ враговъ нашихъ и помогалъ намъ во всемъ. А теперъ, когда мы отступили отъ вѣры церковной, дерзнули ниспровергнуть законы и уставы святыя, приняли вѣру новоизобрѣтенную, вдалились въ невоздержаніе, уклонились къ широкому и пространному пути, вводящему въ погибель: теперъ явственно обличаетъ насъ Господь за грѣхи наши и казнить насъ за беззаконія наши, предалъ насъ въ руки вамъ, врагамъ нашимъ; не трудившись, большихъ издержекъ не дѣлая, вы овладѣли градами высокими, мѣстами твердыми, палатами и дворами пресвѣтлыми, отъ праотцевъ нашихъ сооруженными, не насадивши, наслаждаетесь садами и виноградниками нашими. Но что мнѣ говорить о васъ? Вы мечемъ взяли! А другіе безъ меча вошли даромъ въ наши богатства и стяжанія, нисколько не трудившись, обѣщая намъ помощь и оборону. Хороша ихъ помощь: стоимъ передъ врагами связанные! Но не думайте, что вы силою своею покорили насъ: Богъ за преступленіе наше предалъ насъ въ руки врагамъ!» Тутъ Бель горько заплакалъ и привелъ въ слезы всѣхъ Русскихъ воеводъ; потомъ, утерши слезы, Бель прибавилъ съ радостнымъ лицомъ: «Впрочемъ благодарю Бога и радуюсь, что плѣнень и страдаю за любимое отечество; если за него и умереть случится, то любезна будетъ мнѣ смерть». Отсылая Белья въ Москву, воеводы просили царя, чтобъ не лишалъ его жизни; но на суровые вопросы Іоанна плѣнникъ отвѣчалъ сурово, и между прочимъ сказалъ: «Ты неправдою и кровопійствомъ овладѣваешь нашимъ отечествомъ, не такъ, какъ прилично царю христіанскому». Іоаннъ разсердился и велѣлъ отрубить ему голову.

Воеводы осадили Феллинъ; Нѣмцы оборонялись храбро даже когда и внѣшнія стѣны были уже разбиты; но когда Русскіе стали стрѣлять огненными ядрами и зажгли городъ, то осажденные вступили въ переговоры, хотя у нихъ оставалась еще главная, необыкновенно твердая, почти неприступная крѣпость

съ тремя другими побочными укрѣпленіями, 18 большихъ стѣнобитныхъ орудій и 450 среднихъ и малыхъ, всякаго рода запасовъ множество: по Нѣмецкимъ извѣстіямъ дѣло объясняется тѣмъ, что гарнизонъ, не получая уже нѣсколько мѣсяцевъ жалованья, не хотѣлъ болѣе служить. Тщетно старый Фюрстенбергъ предлагалъ ему все свое имущество: гарнизонъ сдалъ городъ Русскимъ, выговоривъ себѣ свободный выходъ изъ него; но Фюрстенбергъ долженъ былъ отправиться въ Москву, причѣмъ воеводы обѣщали ему царскую милость; обѣщаніе было исполнено: старику дали въ кормленіе мѣстечко Любимъ въ Костромской области, гдѣ онъ и умеръ спокойно. Нѣмецкіе лѣтописцы говорятъ, что когда Фюрстенберга и другихъ Ливонскихъ пѣвниковъ въ торжествѣ водили по Московскимъ улицамъ на-показъ народу, то одинъ изъ пѣвниковъ Татарскихъ хановъ сказалъ: «По дѣломъ вамъ, Нѣмцы! Вы дали великому князю въ руки розги, которыми онъ сначала насъ высѣкъ, а теперь сѣчетъ и васъ самихъ». Татаринъ разумѣлъ подъ розгами оружіе, которое Русскіе заимствовали у Нѣмцевъ.

Нѣсколько другихъ городовъ послѣдовали примѣру Феллина; Русское войско безпрепятственно опустошало страну, разбивая вездѣ малочисленные Нѣмецкіе отряды, осмѣливавшіеся выходить къ нему на встрѣчу; но князь Мстиславскій не могъ взять Вейссенштейна: этою неудачною попыткою кончился походъ 1560 года.

Несмотря на успѣхи Русскихъ войскъ, завоеваніе орденскихъ владѣній было еще далеко до окончанія; но удары, нанесенные Іоанномъ ордену, ускорили его распаденіе. Эзельскій епископъ Мѣннигаузенъ вошелъ съ Датскимъ королемъ Фридрихомъ III въ тайныя сношенія, продалъ ему свои владѣнія, Эзель и Пильтенъ, за 20000 рейхсталеровъ и увѣхалъ съ этими деньгами въ Германію, несмотря на то, что, по обязательствамъ своимъ, не могъ располагать означенными землями безъ вѣдома и согласія орденскихъ властей. Датскій король, обязанный, по отцовскому завѣщанію, уступить брату

своему Магнусу несколько земель въ Голштиніи, вмѣсто ихъ отдалъ ему новую свою покупку, и Магнусъ весною 1550 года явился въ Аренбургъ, гдѣ вступило къ нему въ службу много дворянъ, въ надеждѣ, что Данія не оставитъ его безъ помощи. Появленіе этого новаго лица въ Остзейскомъ краю было причиною новыхъ смуть: когда земскіе чины собрались въ Пернау и пріѣхалъ Магнусъ въ качествѣ Эзельскаго администратора, то, вмѣсто какихъ-нибудь полезныхъ для земли рѣшеній, сеймъ былъ свидѣтелемъ сильной ссоры между Магнусомъ и магистромъ Кетлеромъ за земли, которыми Магнусъ хотѣлъ также завладѣть; едва дѣло не дошло до войны между ними, а между-тѣмъ Русскіе взяли Феллинь. По удаленіи ихъ изъ-подъ Вейссенштейна междоусобная война дѣйствительно началась, только не между Магнусомъ и Кетлеромъ: встали крестьяне, объявили, что такъ какъ дворяне въ мирное время отягощаютъ ихъ страшными поборами, а въ военное не защищаютъ отъ непріятеля, то они не хотятъ имъ повиноваться; стали жечь замки, бить дворянъ; но при осадѣ замка Лоде потерпѣли поражение и усмирились. Ревельцы, видя, что Московскіе ратные люди подъ самыми стѣнами ихъ уведать не только скотъ, но и людей, такъ что никому нельзя выйти изъ города — отправили пословъ къ Шведскому королю Ерику, сыну и наслѣднику Густава-Вазы, попросить у него денегъ взаймы и узнать, чего они могутъ ожидать отъ него въ случаѣ, если Московскія войска осадятъ ихъ городъ? Ерикъ отвѣчалъ, что денегъ онъ попустому не дастъ; но если Ревельцы захотятъ отдаться подъ его покровительство, то онъ, не изъ властолюбія, а изъ христіанской любви и для избѣжанія Московскаго невыносимаго сосѣдства, готовъ принять ихъ, утвердить за ними всѣ ихъ прежнія права и защищать ихъ всѣми средствами. Ревельцы стали думать: отъ императора и Римской имперіи нечего надѣяться помощи, отъ магистра также; Польша далеко, изъ нея также въ надлежащее время помощь не придетъ, притомъ же у нихъ съ Поляками разные обычаи, языкъ, вѣра; по дальности разстоянія вѣтъ у нихъ, какъ у

Рижанъ, торговли съ Поляками и Литвою, покориться отъ нихъ нечѣмъ; слѣдовательно отъ соединенія съ Польшею нѣтъ никакой выгоды, скорѣе конечное разореніе; Данія уже прежде отвергла ихъ предложеніе, и притомъ соединеніе съ Швеціею выгоднѣе по единству религіи и по близости: по открытому морю легко получить помощь, легко торговать. Подумавши такимъ образомъ, Ревельцы въ Іюнѣ 1564 года присягнули въ вѣрности Шведскому королю, съ сохраненіемъ всѣхъ своихъ правъ.

Уже изъ побужденій, заставившихъ Ревельцевъ присоеди- ниться къ Швеціи, легко было понять, что Ливонія захочетъ примкнуть къ Польшѣ: «Мы» говорили Ревельцы: «не кормимся отъ Польши и Литвы, какъ Рижане»; слѣдовательно Рижане привязывались торговыми интересами, Двиною къ Литвѣ; дворянство Ливонское не менѣе Рижскихъ купцовъ желало соединенія съ Польшею, ибо ни въ одной другой странѣ не видало болѣе лестнаго положенія своихъ собратій, и вотъ Кетлеръ завелъ сношенія съ Виленскимъ воеводою Николаемъ Радзивиломъ на-счетъ присоединенія Ливоніи къ Польшѣ; въ Ноябрь 1564 года дѣло было кончено: Ливонія, съ сохраненіемъ всѣхъ своихъ правъ, отошла къ Польшѣ, а магистръ Кетлеръ получилъ Курляндію и Семигаллію съ титуломъ герцога и съ подручными обязательствами къ Польшѣ. До насъ дошло любопытное изложеніе причинъ, по которымъ въ Польшѣ считали необходимымъ присоединеніе Ливоніи: «ни въ одной части государства нѣтъ такого количества городовъ, крѣпостей и замковъ, какъ въ Пруссіи; но Ливонія богатствомъ крѣпкихъ мѣстъ превосходитъ Пруссію, или, по крайней уже мѣрѣ, равняется ей. Государство же Польское особенно нуждается въ укрѣпленныхъ мѣстахъ, потому что съ сѣвера и востока окружено дикими и варварскими народами. Ливонія знаменита своимъ приморскимъ положеніемъ, обиліемъ гаваней; если эта страна будетъ принадлежать королю, то ему будетъ принадлежать и владычество надъ моремъ. О пользѣ и мѣстѣ гавани въ государствѣ засвидѣтельствуютъ всѣ знатныя

фамилии въ Польшѣ: необыкновенно увеличилось благосостояніе частныхъ людей съ тѣхъ поръ, какъ королевство получило во владѣніе Прусскія гавани, и теперь народъ нашъ не многимъ Европейскимъ народамъ уступить въ роскоши относительно одежды и украшеній, въ обилии золота и серебра; обогатится и казна королевская взиманіемъ податей торговыхъ. Кромѣ этого, какъ увеличатся могущество, силы королевства чрезъ присоединеніе такой обширной страны! Какъ легко будетъ тогда управляться съ Москвою, какъ легко будетъ сдерживать непріятеля, если у короля будетъ столько крѣпостей! Но главная причина, заставляющая насъ принять Ливонію, состоитъ въ томъ, что если мы ее отвергнемъ, то эта славная своими гаванями, городами, крѣпостями, судоходными рѣками, плодородіемъ страна перейдетъ къ опасному сосѣду. Или надобно вести войну противъ Москвы съ постоянствомъ, всѣми силами, или заключить честный и выгодный миръ; но условія мира не могутъ назваться ни честными, ни выгодными, если мы уступимъ ей Ливонію. Но если мы должны непременно выгнать Москвитянъ изъ Ливоніи, то съ какой стати намъ не брать Ливоніи себѣ, съ какой стати отвергать награду за побѣду? Въмѣстѣ съ Москвитянами должны быть изгнаны и Шведы, которыхъ могущество также опасно для насъ; но прежде надобно покончить съ Москвою»⁹⁶.

Это изложеніе причинъ, почему Польша должна была овладѣть Ливонією, показывало, почему и Москва стремилась къ тому же; но у Польши были Прусскія гавани на Балтійскомъ морѣ, тогда какъ у Москвы не было никакихъ: вотъ почему Іоаннъ даже не хотѣлъ подѣлиться Ливонією съ Сигизмундомъ Августомъ, удержавши только свои завоеванія въ этой странѣ, ибо завоеванія его, за исключеніемъ Нарвы, ограничивались внутренними областями, не имѣвшими для него важнаго значенія. Если въ Польшѣ хотѣли прежде покончить съ Москвою, а потомъ уже обратить свои силы противъ Швеціи, то и въ Москвѣ не хотѣли также имѣть дѣла съ двумя врагами вмѣстѣ, и въ начавшихся переговорахъ съ Швецією царь не упо-

миналъ о Ревелѣ. Переговоры эти были не очень дружественны по другой причинѣ: молодой король Ерикъ никакъ не могъ равнодушно подчиняться унижительному обычаю, по которому онъ былъ обязанъ сноситься не прямо съ царемъ, а съ намѣстниками Новгородскими. Въ 1560 году Ерикъ прислалъ пословъ съ требованіемъ, чтобъ перемирныя грамоты, написанныя при отцѣ его и скрѣпленныя только печатами Новгородскихъ намѣстниковъ, были скрѣплены печатью царскою, чтобы впередъ ссылаться ему прямо съ царемъ, и чтобъ въ прежнихъ грамотахъ уничтожить условіе, по которому Шведскій король обязывался не помогать королю Польскому и магистру Ливонскому противъ Москвы. Чтобъ испугать Іоанна, сдѣлать его сговорчивѣе, Шведскіе послы объявили, что императоръ, короли Польскій и Датскій уговариваютъ Ерика къ союзу противъ царя за Ливонію. Но имъ отвѣчали: «Того себѣ въ мысляхъ не держите, что государю нашему прародительскіе старинные обычаи порушить, грамоты перемирныя переименовать; Густавъ король такимъ же гордостнымъ обычаемъ, какъ и государь вашъ теперь съ молодости помыслилъ, захотѣлъ было того же, чтобъ ему ссылаться съ государемъ нашимъ, и за эту гордость свою сколько невинной крови людей своихъ пролилъ и сколько землѣ своей запустѣнья причинилъ? Да то былъ человекъ разумный: грѣхомъ проступилъ, и за свою проступку великими своими и разумными людьми могъ и челомъ добить; а вашего разума разсудить не можемъ: съ чего это вы такую высоту начали? Знаете и сами: за неправду Ливонскихъ людей быстро лихое дѣло началось, а теперь укротить его кто можетъ? А въ Казанской и Астраханской землѣ? И не такія мѣста, великія государства гордостью было поднялись и въ старинахъ своихъ быть не захотѣли, тѣмъ государя нашего гнѣвъ на себя подвигли: и за ихъ неправды что съ ними случилось — сами знаете. А вашего государя, Ерика короля видимъ: не прибыло у него ни откуда ничего, на старой своей землѣ. Намъ кажется, что или король у васъ очень молодъ, или старые люди всѣ извелись, и совѣтуется онъ съ молоды-

ни: по такому совѣту такия и слова». Когда послы сказали; что царю не можетъ быть тяжело самому ссыматься съ королемъ, то бояре отвѣчали: «Тяжелѣ всего на свѣтѣ прародительскую старину порушить». Старина не была нарушена; для подтвержденія перемирія отправлены были въ Швецію послы отъ имени Новгородскихъ намѣстниковъ; по наговору толмача Шведскаго посольства, который жаловался королю, что имъ въ Новгородѣ и Москвѣ было большое безчестье, и Московскихъ пословъ приняли очень дурно въ Шведскихъ владѣнiяхъ, причемъ Ерикъ былъ радъ сорвать свое сердце; послы писали въ Москву: «Отъ короля намъ было великое безчестье и убытокъ: въ Выборгѣ насъ рѣчами безчестили и бранили, корму не дали и своихъ запасовъ изъ судовъ взять не дали жъ, весь день сидѣли мы въ заперти, не ѣвши». По приѣздѣ въ Швецію, отвели имъ комнаты безъ печей и лавокъ, къ королю заставили идти пѣшкомъ; позвавши на обѣдъ, король велѣлъ поставить передъ ними мясныя кушанья въ Петровъ постъ, зная, что они у приставовъ брали пищу постную; противъ поклона отъ намѣстниковъ Новгородскихъ король съ жѣста не двинулся и шляпы не приподнялъ; три раза пословъ звали къ королю и три раза ворочали съ дороги ⁹⁷.

Но эти неприятности не имѣли послѣдствiй, ибо все вниманiе царя было обращено теперь на Литву. И здѣсь Іоаннъ хотѣлъ было сначала рѣшить дѣло мирнымъ образомъ, посредствомъ женитьбы своей на одной изъ сестеръ королевскихъ; кромѣ возможности дѣйствовать чрезъ это родство на мирное соглашенiе относительно Ливонiи, у Іоанна могла быть тутъ другая цѣль: бездѣтнымъ Сигизмундомъ Августомъ прекращался домъ Ягеллоновъ въ Литвѣ, и сестра послѣдняго изъ Ягеллоновъ переносила въ Москву права свои на это государство; о Польшѣ же, какъ увидимъ, Іоаннъ мало думалъ. Онъ спросилъ у митрополита, можно ли ему жениться на королевской сестрѣ при известной степени свойства между ними вслѣдствiе брака тетки его Елены съ невѣстнымъ дядею Александромъ? Митрополитъ отвѣчалъ, что можно, и въ Мос-

уже рѣшили; какъ встрѣчать королевну; гдѣ ей жить до перехода въ православіе; опредѣлили, что боярамъ наговорѣнъ пенями о крещеніи не поминать, а начать сами паны говорить, чтобъ королевнѣ оставаться въ Римскомъ законѣ, то иговаривать, приводя прежніе примѣры, примѣръ Софы Витовны и сестры Олгердовой, которыя были крещены въ Греческій законъ; если же паны не согласятся, то и дѣла не дѣлать. Федору Сукину, отправленному въ Литву съ предложениемъ, данъ былъ такой наказъ: «Вдучи дорогою до Вильни, разузнавать накрѣпко про сестеръ королевскихъ, сколько имъ лѣтъ, нановы ростомъ, какъ тѣлны, какова которая обычаемъ, и которая лучше? Которая изъ нихъ будетъ лучше, о той ему и говорить королю. Если большая королевна будетъ лѣтъ же хороша какъ и меньшая, но будетъ ей больше 25 лѣтъ, то о ней не говорить, а говорить о меньшей; разузнавать накрѣпко, чтобъ была не больна и не очень суха; будетъ ли больна или очень суха или съ какимъ — нибудь другимъ бурнымъ обычаемъ, то объ ней не говорить; говорить о той, которая будетъ здорова и не суха и безъ порока. Хотя бы старшей было и больше 25 лѣтъ, но если она будетъ лучше меньшой, то говорить о ней. Если нельзя будетъ довѣдаться, которая лучше, то говорить о королевнахъ безымянно; и если согласятся выдать ихъ за царя и великаго князя, то Сукину непременно ихъ видѣть, лица ихъ написать и привести къ государю. Если же не захотятъ показать ему королевень, то просить парсонъ (портретовъ) ихъ написанныхъ. — Сукинъ догадался, что младшая королевна, Екатерина, лучше, и потому предлагалъ королю предложеніе выдать ее за царя. Паны, отъ имени Сигизмундова, отвѣчали, что отецъ королевъ, умирая, приказалъ семейство свое императору, и потому король хотеть то дѣло дѣлать такъ, какъ отецъ его дѣлывалъ, обослаться съ императоромъ и съ иными королями, своими пріятелями и съ родственниками — зятемъ, герцогомъ Брауншвейгскимъ, и съ княземъ Венгерскимъ. Притомъ теперь король итъ Польской рады; король долженъ обослаться

съ нею, потому что королевны родились въ Польшѣ и приданое ихъ тамъ. Посолъ отвѣчалъ: « Мы видимъ изъ вашихъ словъ нежеланіе вашего государя приступить къ дѣлу, если онъ такое великое дѣло откладываетъ въ даль ». Такъ кончились первые переговоры. Когда послы были призваны въ другой разъ, то Сигизмундъ объявилъ имъ, что согласенъ выдать сестру Екатерину за царя; послы просили позволенія ударить ей челомъ, но паны отвѣчали: « И между молодыми (т. е. невзрѣлыми) людьми не ведется, чтобъ, не рѣшивши дѣла, сестеръ своихъ или дочерей давать смотрѣть ». Послы говорили: « Не выдавши намъ государыни королевны Катерины и челомъ ей не ударивши, что, пріѣхавъ, государю своему сказать? Кажется намъ, что у государя вашего нѣтъ желанія выдать сестру за нашего государя! » Имъ отвѣчали, что нельзя видѣть королевну явно, потому что у ней всѣ придворные Поляки: они расскажутъ своимъ, что Московскіе послы королевну видѣли, и у Польской рады съ королемъ будетъ за это брань большая; а если послы хотятъ ее видѣть, то пусть смотрять тайно, какъ пойдетъ въ костелъ. Послы сперва не соглашались, но потомъ согласились.

Дѣло однако кончилось ничѣмъ: король хотѣлъ согласиться на бракъ своей сестры съ Іоанномъ только въ томъ случаѣ, еслибъ бракъ этотъ доставилъ ему выгодный миръ; посолъ его Шимковичъ явился въ Москву съ требованіемъ, чтобъ прежде дѣла о сватовствѣ заключенъ былъ миръ, для переговоровъ о которомъ вельможи съ обѣихъ сторонъ должны съѣхаться на границы, и до этого съѣзда Ливоніи не воевать. Сигизмундъ хотѣлъ пользоваться своимъ положеніемъ, какъ прежде пользовался подобнымъ же положеніемъ Іоаннъ III-й Московскій, когда Александръ Литовскій искалъ руки его дочери Елены; Іоаннъ III-й также прежде дѣла о сватовствѣ требовалъ заключенія мира; но если искательство родственнаго союза явилось теперь со стороны Московскаго государя, то Іоаннъ IV-й однако все не находилъ въ положеніи Александра, которому во что бы то ни стало нужно было заключить миръ и смирить его же-

вѣнтьбою на Еленѣ: царь не согласился на порубежные переговоры; мы видѣли, что въ Москвѣ считали тяжелѣ всего на свѣтѣ нарушать прародительскіе обычаи, а эти обычаи требовали, чтобъ мирные переговоры велись въ Москвѣ⁹⁸. Военныя дѣйствія начались наступательнымъ движеніемъ Литовскаго гетмана Радзивила на Русскихъ въ Ливоніи: послѣ пятинедѣльной осады онъ взялъ Тарвасть въ Сентябрѣ 1561 года; Русскіе воеводы разбили Литовцевъ подъ Пернау и разорили Тарвасть, оставленный Литовцами. 1562 годъ прошелъ въ опустошительныхъ набѣгахъ съ обѣихъ сторонъ; а между-тѣмъ не прерывались и сношенія между обоими дворами: Сигизмундъ не имѣлъ ни средствъ, ни желанія вести дѣятельную войну, ему хотѣлось дѣлать время переговорами: Посолъ Корсакъ пріѣзжалъ отъ него въ Москву, въ началѣ 1562 года, съ жалобами, что Іоаннъ обижаетъ короля и мира не хочетъ, хлопоталъ, чтобъ военныя дѣйствія были прекращены съ обѣихъ сторонъ впредь до ссылки; Іоаннъ отвѣчалъ Сигизмунду: «Во всемъ твоемъ писаньѣ не нашли мы ни одного такого дѣла, которое было бы прямо написано: писалъ ты все дѣла ложныя, складывая на насъ неправду... Прежде этого ты послалъ къ намъ Яна Шимковича, а къ Перекопскому писалъ, что Шимковичъ посланъ не дѣлать дѣло, а разодрать его; и прежде посылаешь ты къ Перекопскому свою грамоту, укоряешь въ ней насъ многими неподобными словами. И если уже такъ, то намъ отъ тебя больше чего ждешь? всю неправду въ тебѣ мы достаточно высмотрѣли». Упреки Іоанна были справедливы: Сигизмундъ не переставалъ поднимать хана на Москву, писалъ ему, что Іоаннъ, несмотря на перемиріе съ Литвою, воюетъ Ливонію, находящуюся подъ защитою королевскою; что онъ, Сигизмундъ, не хочетъ нарушить клятвы и начать войну съ Москвою до истеченія перемирныхъ лѣтъ, но что хану теперь самое удобное время напасть на Москву, потому что почти всѣ полки ея находятся въ Ливоніи. Паны Литовскіе, по старому обычаю, писали къ митрополиту и боярамъ, чтобъ они склоняли государя къ миру и къ уступкѣ Ливоніи, которая искони принадлежала королямъ

Цоьскимъ и великимъ князьямъ Литовскимъ. Митрополитъ отвѣчалъ по царскому наказу: «И прежде бискупъ и воевода Вилленскій посланниковъ и гонцевъ своихъ къ намъ присылали не одинъ разъ, и мы имъ отвѣчали, что мы люди церковные, и намъ до тѣхъ дѣлъ дѣла нѣтъ; также и теперъ намъ до тѣхъ дѣлъ дѣла нѣтъ, то вѣдаютъ боговѣчнанаго самодержца царя государя бояре и съ панами ссылаются. А мы, какъ пастыри христіанскіе, боговѣчнанному самодержцу напоминаемъ, чтобъ онъ съ пограничными своими сосѣдами имѣлъ миръ и тишину. Мы били челомъ государю, и онъ нашего челобитья не презарилъ, послалъ на Литовскихъ пословъ опасную грамоту». Бояре отвѣчали: «Только вспомнить старину, какимъ образомъ гетманы Литовскіе Рогволодовичей Давила да Мовкода на Литовское княжество взяли, и какимъ образомъ великому государю Мстиславу Владиміровичу Мономаху къ Кіеву дань давали, то не только что Русская земля вся, но и Литовская земля вся вотчина государя нашего: потому что, начиная отъ великаго государя Владиміра, просвѣтившаго Русскую землю св. крещеніемъ, до нынѣшняго великаго государя нашего, наши государи самодержцы никѣмъ не посажены на своихъ государствахъ; а ваши государи посаженные государи: такъ который крѣпче—вотчинный ли государь или посаженный?—сами разсудите. Но такими рѣчами, сколько ихъ ни говорить на обѣ стороны, доброе дѣло не станется, а скорѣе къ разлитію крови христіанской придетъ; мы напомнили вамъ о Литвѣ только для того, что вы въ овоей грамотѣ писали непригоже, задираясь за искони вѣчную вотчину государя нашего... Какъ Ливонская земля повиновалась прежде вашему государю, о томъ не только намъ, но и многимъ землямъ извѣстно; чте намъ о томъ и говорить, какъ Ягайло на дядю своего Кестутя нанималъ Ливонскихъ Нѣмцевъ—вамъ это хорошо извѣстно, посмотрите въ вашихъ хроникахъ—найдете; и какъ Витовтъ, бѣгая отъ Ягайла, Ливонскихъ Нѣмцевъ нанималъ—и то вамъ извѣстно же; и какъ Ягайло и Витовтъ ходили въ Нѣмецкую землю къ Марыну городку (Маріенбургу), и сколько у нихъ Нѣмцы по-

били людей, и какъ Ливонскіе Нѣмцы съ Ягайломъ и Витасомъ помирились на своей волѣ».

Добраго дѣла нельзя было достигнуть ни какими, и никакими другими рѣчами, а только дѣломъ, и вотъ въ началѣ 1563 года самъ Іоаннъ съ большимъ войскомъ и нарядомъ двинулся къ Литовскимъ границамъ; цѣлю похода былъ Полоцкъ, городъ важный самъ по себѣ и особенно по отношенію къ Ливоніи, по торговой связи его черезъ Двину съ Ригю. 31 Января городъ былъ осажденъ, 7 Февраля взятъ былъ острогъ, а 15 Февраля, послѣ того какъ 300 сажень стѣны было выжжено, городъ сдался; воевода Полоцкій Довойна, одинъ изъ самыхъ приближенныхъ людей къ королю, и епископъ отосланы были въ Москву, имѣніе ихъ, казна королевская, имѣніе пановъ и купцовъ богатыхъ, много золота и серебра отобрано было на царя; Жиды потоплены въ Двинѣ; но наемные воины королевскіе одарены шубами и отпущены числомъ больше 500 человекъ, дана имъ воля, вступить ли въ царскую службу, ѣхать ли къ королю или въ другія земли, потому что они пришельцы изъ чужихъ земель. Увѣдомляя митрополита о взятіи Полоцка, Іоаннъ велѣлъ ему сказать: «исполнилось пророчество Русскаго угодника, чудотворца Петра митрополита о городѣ Москвѣ, что въздутъ руки его на плечи враговъ его: Богъ несказанную свою милость изліялъ на насъ недостойныхъ, вотчину нашу, городъ Полоцкъ намъ въ руки далъ». Царь возвратился въ Москву такъ же торжественно, какъ изъ подъ Казани: въ Иосифовомъ монастырѣ встрѣтилъ его старшій сынъ, царевичъ Иванъ; на последнемъ ночлегѣ къ Москвѣ, въ селѣ Крылацкомъ, встрѣтили его младшій сынъ, царевичъ Федоръ, братъ Юрій, Ростовскій архіепископъ Никанаръ съ другими епископами, архимандритами, игуменами. Митрополитъ со всѣмъ духовенствомъ Московскимъ встрѣтилъ у церкви Бориса и Глѣба на Арбатѣ: Іоаннъ билъ имъ челомъ, что милостію Пречистой Богородицы, молитвами великихъ чудотворцевъ и ихъ молитвами Господь Богъ милосердіе свое свыше послалъ, вотчину его, городъ Полоцкъ, въ руки далъ. Духовенство государю много-

лѣтствовало на его вотчинѣ, благодареніе великое и похвалы воздавало, что своимъ великимъ подвигомъ церкви святыхъ отъ иконоборцевъ люторей очистилъ и остальныхъ христіанъ въ православіе собралъ. Въ Полоцкѣ оставлены были трое воеводъ, князя: Петръ Ивановичъ Шуйскій, Василій и Петръ Семеновичи Серебряные—Оболенскіе, съ такимъ наказомъ: «укрѣплять городъ наспѣхъ, не мѣшая, чтобъ было безстрашно; гдѣ будетъ нужно, рвы старые вычистить и новые покопать, чтобъ были рвы глубокіе и крутые; и въ острогъ, которое мѣсто выгорѣло, велѣтъ задѣлать накрѣпко, стѣны въ три или четыре. Литовскихъ людей въ городъ (т. е. въ крѣпость), пріѣзжихъ и тутошнихъ дѣтей боярскихъ, землянъ и черныхъ людей, ни подъ какимъ видомъ не пускать; а въ какой-нибудь день торжественный, въ великій праздникъ, попросятся въ Софійскій соборъ Литовскіе люди, бурмистры и земскіе люди, то пустить ихъ въ городъ понемногу, учинивши въ это время береженье большое, прибавя во всѣ мѣста головъ; и ни подъ какимъ бы видомъ, безъ боярскаго вѣдома и безъ приставовъ, ни одинъ человекъ, ни шляхтичъ, ни посадскій, въ городъ не входилъ, въ городѣ должны жить одни попы у церквей съ своими семьями, а лишніе люди у поповъ не жили бы. Въ городѣ сдѣлать свѣтлицу, и ночевать въ ней каждую ночь воеводамъ съ своими полками, поочередно; съ фонаремъ ходить по городу безпрестанно. Управу давать Литовскимъ людямъ, распрося про здѣшніе всякіе обиходы, какъ у нихъ обычаи ведутся, по ихъ обычаямъ и судить; судебню сдѣлать за городомъ въ острогѣ, выбрать головъ добрыхъ изъ дворянъ, кому можно вѣрить, и приказать имъ судить въ судебнѣ всякія дѣла безволокитно и къ присягѣ ихъ привести, чтобъ судили прямо, а посуловъ и поминковъ не брали, а записывать у нихъ земскимъ дьякамъ, выбравъ изъ земскихъ людей, на судѣ быть съ ними бурмистрамъ. Кто изъ дѣтей боярскихъ, шляхты и посадскихъ людей останется жить на посадѣ, у тѣхъ бы не было никакого ратнаго оружія. Если въ комъ нибудь изъ нихъ воеводы примѣтятъ шатость, такихъ людей, не вдругъ, затѣявши какое-нибудь

дѣло, ссылатъ во Псковъ, въ Новгородъ, въ Луки Великія, а оттуда въ Москву».

Король, узнавшій о взятіи Полоцка, послалъ къ хану Крымскому съ выговорами, зачѣмъ тотъ увѣрилъ его, что пойдетъ зимою на Москву и не пошелъ, а между тѣмъ Іоаннъ, безопасный съ этой стороны, пришелъ со всею своею землею въ Литву и взялъ Полоцкъ; королевская же рада прислала къ боярамъ просить, чтобъ Московскія войска удержались отъ дальнѣйшихъ непріятельскихъ дѣйствій, что послы Литовскіе будутъ къ Успеневу дню въ Москвѣ. Іоаннъ велѣлъ унять войну; пересылки продолжались. Въ это время князь Дмитрій Вишневецкій оставилъ Московскую службу по неизвѣстнымъ причинамъ и перешелъ опять въ Литву, но съ тѣмъ, чтобъ и здѣсь недолго оставаться. Гонцу Клобукову, отправленному въ Литву, данъ былъ наказъ: «если спросятъ о Вишневецкомъ, то отвѣчать: «притекъ онъ къ государю нашему какъ собака и потекъ отъ государя какъ собака же, а государю нашему и землѣ убытка никакого не учинилъ». Но на дѣлѣ въ Москвѣ не были равнодушны къ бѣгству удалаго козака, который оказалъ такъ много услугъ царю противъ Крыма и могъ оказывать теперь услуги королю противъ царя; Клобукову наказано было развѣдывать: «Какъ пріѣхалъ князь Дмитрій Вишневецкій на королевское имя, то король ему жалованье далъ ли, и живетъ при королѣ ли, и въ какой верстѣ держитъ его у себя король? Да провѣдывать про Черкасскихъ—Алексѣя и Гаврилу—каковъ ихъ пріѣздъ былъ къ королю, и чѣмъ ихъ король пожаловалъ? Если Алешка Черкасскій пришлетъ къ гонцу и объявить, что хочетъ опять ѣхать къ государю, то отвѣчать ему, что челобитье его будетъ донесено до государя».

Король попрежнему старался только протянуть время, чтобъ имѣть возможность собраться съ силами и поднять хана: теперь, по взятіи Полоцка, онъ менѣе чѣмъ когда-либо могъ надѣяться на заключеніе выгоднаго мира или даже перемирія. Онъ прислалъ гонца съ предложеніемъ продлить перемиріе вмѣсто Успенева дня до Благовѣщенья; но царь не согласился,

и продлил срокъ только до 6 Декабря того же 1563 года. Увѣдомивъ объ этомъ хана, король велѣлъ сказать ему, что переговоры съ Москвою будутъ ведены только для освобожденія плѣнныхъ, взятыхъ въ Полоцкѣ, а миръ заключенъ не будетъ, чтобъ онъ, ханъ, поэтому шелъ непременно зимою на Москву, которой всѣ силы тогда будутъ устремлены на Литву, что если и заключено будетъ перемиріе, то недалѣе, какъ только до Іюля мѣсяца; посолъ королевскій долженъ былъ спросить у хана, надобно ли королю послать къ султану, чтобъ поднять и его на Іоанна? Эти сношенія остались тайною для Москвы; но обнаружались другія, и когда пріѣхали въ Москву послы Литовскіе — крайчій Ходкѣвичъ и маршалокъ Воловичъ, то бояре встрѣтили ихъ упреками, что Троцкій воевода присылалъ въ Тарвасть къ боярскому сыну князю Кропоткину съ грамотою, въ которой звалъ его отъѣхать къ королю, выставя на-видъ жестокости Іоанновы; перехвачены были грамоты Сигизмунда Августа къ королю Шведскому, въ которыхъ онъ старался уговорить послѣдняго къ войнѣ съ Москвою; Іоаннъ велѣлъ сказать посламъ: «Это ли брата нашего правда, что ссылается съ Шведскимъ на насъ; а что онъ не бережетъ своей чести, пишется Шведскому братомъ равнымъ, то это его дѣло, хотя бы и водовозу своему назвался братомъ—въ томъ его воля. А то брата нашего правда ли? къ намъ пишетъ, что Лифляндская земля его вотчина, а къ Шведскому пишетъ, что онъ вступился за убогихъ людей, за повоєванную и опустошенную землю; значить это уже не его земля! Насъ называетъ беззаконникомъ, а какія въ его землѣ безбожныя беззаконія совершаются, о томъ не думаетъ (Іоаннъ разумѣлъ здѣсь распространеніе протестантизма въ Сигизмундовыхъ владѣніяхъ). Братъ нашъ къ Шведскому пригоже ли такое укорительное слово писать, что Москвичи христіанскіе враги, что съ ними нельзя постоянного мира, дружбы и союза имѣть? Потомъ епископы и паны оказали неподобную гордость: прежде они назывались братьями и грамотами ссылались съ нашими боярами, а теперь затѣяли ссылаться съ митрополитомъ, тогда какъ ми-

трополитъ у насъ въ такой же чести, какъ наши братья: такъ пригоже ли подданнымъ нашимъ митрополиту братьями писаться?» Послы сказали на это, что митрополитъ долженъ сноситься съ епископомъ Виленскимъ, а не съ панами, и братство у него съ епископомъ; бояре отвѣчали, что епископъ митрополиту неровня: надъ епископомъ есть еще архіепископъ, а потомъ уже митрополитъ. Бояре упрекали пословъ и въ нарушении послѣдняго перемирія: ротмистръ князь Михайла Вишневецкій съ Бѣлгородскими Татарами приходилъ на Московскія украины; приходилъ къ Новгороду Сѣверскому съ козаками Черкасскими и Литовскими и Бѣлгородскими Татарами.

Когда начались переговоры о мирѣ, то бояре потребовали Волыни, Подоліи и Галича; послы отвѣчали, что это земли Польскія, а не Литовскія, и они, какъ Литовскіе послы, о чужихъ земляхъ говорить не могутъ, говорить о нихъ должны Польскіе послы. Потомъ начались уступки: Іоаннъ сначала уступилъ Подольскую землю, потомъ Волынскую, потомъ Кіевъ съ Днѣпровскими городами. Дѣло остановилось на Полоцкомъ повѣтѣ и на орденскихъ владѣніяхъ, потому что послы, уступая Полоцкъ, какъ занятый Русскими войсками, не уступали его повѣта и орденскихъ владѣній. Іоаннъ изъ послѣднихъ уступалъ еще Курляндію, назначилъ Двину границею между своими и королевскими владѣніями, и на этомъ условіи хотѣлъ заключить перемиріе лѣтъ на 40 или на 45; но послы не согласились. Тогда Іоаннъ, повинувшись требованіямъ своей природы, нарушилъ обычай, велѣлъ позвать пословъ къ себѣ и сталъ самъ съ ними говорить: «Я, государь христіанскій, презрѣлъ свою царскую честь, съ вами, брата своего слугами, изустно говорю; что надобно было боярамъ нашимъ съ вами говорить, то я самъ съ вами говорю: если у васъ есть отъ брата нашего приказъ о любви и добромъ согласіи, какъ между нами доброе дѣло постановить, то вы намъ скажите». Ходкѣвичъ отвѣчалъ: «Милостивый государь великій князь! позволь передъ собою говорить нашему писарю (Гарабурдъ), потому что я росъ при государѣ своемъ королѣмъ отъ молодыхъ

дней, и языкъ мой Русскій помѣшался въ пословицахъ съ Польскимъ языкомъ, такъ что рѣчей моихъ и не узнать, что стану говорить». Іоаннъ отвѣчалъ: «Юрій! говори передъ нами безо всякаго сомнѣнія; если что и по-польски скажешь, мы поймемъ. Вы говорите, что мы припоминали и тѣ города, которые въ Польшѣ; но мы припомнили не новое дѣло: Кіевъ былъ прародителя нашего, великаго князя Владиміра, а тѣ всѣ города были къ Кіеву; отъ великаго князя Владиміра прародители наши великіе государи великіе князья Русскіе тѣми городами и землями владѣли, а зашли эти земли и города за предковъ государя вашего невзгодами прародителей нашихъ, какъ приходилъ Батый на Русскую землю, и мы припоминаемъ брату нашему не о чужомъ, припоминаемъ о своей искони вѣчной вотчинѣ. Мы у брата своего чести никакой не убавляемъ; а братъ нашъ описываетъ наше царское имя не сполна, отнимаетъ что намъ Богъ далъ, избрѣли мы свое, а не чужое; наше имя пишутъ полнымъ именованіемъ всѣ государи, которые и повыше будутъ вашего государя; и если онъ имя наше сполна описывать не хочетъ — то его воля, самъ онъ про то знаетъ. А прародители наши ведутъ свое происхожденіе отъ Августа кесаря, такъ и мы отъ своихъ прародителей на своихъ государствахъ государи, и что намъ Богъ далъ, то кто у насъ возьметъ? Мы свое имя въ грамотахъ описываемъ, какъ намъ Богъ далъ; а если братъ нашъ не пишетъ насъ въ своихъ грамотахъ полнымъ именованіемъ—то намъ его описываніе не нужно». Бояре, въ разговорѣ съ послами, вывели такъ генеалогію государей Московскихъ: Августъ кесарь, обладающій всею вселенною, поставилъ брата своего Пруса на берегахъ Вислы рѣки по рѣку, называемую Нѣманъ, и до сего года по имени его зовется Прусская земля, а отъ Пруса четырнадцатое колѣно до великаго государя Рюрика.

Но хотя Іоаннъ и объявилъ, что не нуждается въ царскомъ титулѣ отъ короля, хотя такимъ образомъ одно изъ препятствій къ миру было отстранено, однако теперъ было другое препятствіе, важнѣйшее—Ливонія: Ходкѣвичъ не могъ согласиться

на царскія условія, и уѣхалъ ни съ чѣмъ. Военныя дѣйствія открылись неудачею Москвитянъ: въ несчастныхъ для Московскаго войска мѣстахъ, недалеко отъ Орши, на рѣкѣ Улѣ, гетманъ Радзивиль разбилъ князя Петра Ивановича Шуйскаго; послѣдній лишился жизни вмѣстѣ съ двумя князьями Палецкими; двое воеводъ—Захаръ Плещеевъ и князь Иванъ Охлябининъ были взяты въ плѣнъ; изъ дѣтей боярскихъ было убито не много, всѣ разбѣжались, потому что дѣло было къ ночи. Но и эту вторю Оршинскою битвою Литовское войско такъ же мало воспользовалось, какъ и первою; отъѣздъ Курбскаго не увлекъ другихъ воеводъ: начальствовавшій въ Полоцкѣ князь Петръ Щенятевъ не принялъ предложеній Радзивила, и не сдалъ вѣрннаго ему города; Русскіе взяли Озерище, отразили Литовцевъ отъ Чернигова; дѣйствія Курбскаго въ Великолудской области состояли только въ опустошеніяхъ открытыхъ мѣстъ; въ Ливоніи дѣла шли съ переменнымъ счастіемъ.

Начались опять переговоры; опять пріѣхалъ гонецъ отъ епископа и пановъ къ митрополиту и боярамъ для задирки; но, согласно съ прежнимъ объявленіемъ, что митрополиту непригоже сноситься съ епископомъ, гонца къ митрополиту не пустили, представлялся онъ только боярамъ, которые отвѣчали, что государь мира хочетъ и непріятельскія дѣйствія прекращаетъ. Опасную грамоту на Литовскихъ пословъ царь отправилъ съ гонцомъ Желнинскимъ, которому данъ былъ такой наказъ: «если спросятъ про князя Андрея Курбскаго, для чего онъ отъ государя побѣжалъ, то отвѣчать: государь было его пожаловалъ великимъ жалованьемъ, а онъ сталъ государю дѣлать измѣнныя дѣла; государь хотѣлъ было его понаказать, а онъ государю измѣнилъ; но это не диво: ѣзжали изъ государства и не въ Курбскаго версту, да и тѣ измѣнники государству Московскому не сдѣлали ничего; Божіимъ милосердіемъ и государя нашего здоровьемъ Московское государство не безъ людей; Курбскій государю нашему измѣнилъ, собакою потекъ, собака и пропадетъ. А если спросятъ о Дерптскихъ Нѣмцахъ, для чего ихъ царь изъ Дерпта велѣлъ перевести въ Москов-

скіе города?—отвѣчать: перевести Нѣмцевъ государь велѣлъ для того, что они ссылались съ магистромъ Ливонскимъ, велѣли ему придти подъ ихъ городъ со многими людьми и хотѣли государю измѣнить. Если спросятъ: зимою государь вашъ куда ѣздилъ изъ Москвы и опалу на многихъ людей для чего клалъ?—отвѣчать: государь зимою былъ въ слободѣ и положилъ опалу на бояръ и дворянъ, которые ему измѣнныя великія дѣла дѣлали, и за великія измѣны велѣлъ ихъ казнить». Желнинскому при встрѣчѣ съ Курбскимъ и другими измѣнниками запрещено было съ ними говорить. Когда пріѣхалъ Литовскій гонецъ Юряга въ Москву, то приставу данъ былъ также наказъ, какъ съ нимъ говорить: «если спросить: что это теперь у государя вашего слыветъ опричина? — отвѣчать: у государя никакой опричины нѣтъ, живетъ государь на своемъ царскомъ дворѣ, и которые дворяне служатъ ему правдою, тѣ при государѣ и живутъ близко, а которые дѣлали неправды, тѣ живутъ отъ государя падальше; а что мужичье, не зная, зоветъ опричиной, то мужичьимъ рѣчамъ вѣрять нечего; воленъ государь, гдѣ хочетъ дворы и хоромы ставить, тамъ и ставить; отъ кого государю отдѣляться?»

Юряга пріѣзжалъ съ извѣстіемъ о большихъ послахъ, Ходкѣвичъ и Тишкевичъ; когда они пріѣхали въ Москву, приставамъ данъ былъ наказъ: «Если спросятъ послы о князѣ Михайлѣ Воротынскомъ, про его опалу, то отвѣчать: Богъ одинъ безъ грѣха, а государю холопъ безъ вины не живетъ: князь Михайла государю погрубилъ, и государь на него опалу было положилъ; а теперь государь его пожаловалъ по старому, вотчину его старую, городъ Одоевъ и Новосиль, совсѣмъ ему отдалъ, и больше стараго». Послы о вѣчномъ мирѣ не сговорились; начали толковать о перемиріи, уступали Полоцкъ и въ Ливоніи всѣ земли, занятыя Московскимъ войскомъ. Царь не согласился, требовалъ Риги и другихъ городовъ, уступая королю Курляндію и нѣсколько городовъ по сю сторону Двины. Послы не согласились и объявили, что всего легче миръ можетъ быть заключенъ при личномъ свиданіи государя съ коро-

лемъ на границахъ. Иоаннъ охотно согласился на это предложеніе, но требовалъ, чтобъ послы тутъ же положили, какъ быть съѣзду и всѣмъ церемоніямъ; послы отказались рѣшить такое важное дѣло и требовали сроку для пріѣзда новыхъ пословъ. Но государь приговорилъ съ боярами, что о съѣздѣ съ послами не говорить, потому что этими переговорами дѣло только затянется, а угадать нельзя, захочетъ ли король самъ быть на съѣздѣ, или не захочетъ? онъ только время будетъ проволочивать. Лучше отправить къ королю своихъ пословъ для переговоровъ о Ливонской землѣ и Полоцкомъ повѣтъ; они провѣдаютъ на королѣ, какъ онъ хочетъ съ государемъ о Ливонской землѣ порѣшить? Да провѣдать бы посламъ въ Литвѣ про всѣ Литовскія вѣсти, какъ король съ императоромъ и съ Поляками въ согласи ли? какое его впередъ умышленіе? а въ то время, какъ государскіе послы будутъ у короля, государь велитъ готовиться къ своему большому походу на Ливонскую землю, велитъ всякаго запаса и наряду прибавить.

Согласіе короля на уступку всѣхъ городовъ и земель, занятыхъ Московскими войсками, заставило Иоанна задуматься; ему естественно представлялся вопросъ: слѣдуетъ ли продолжать тяжелую войну, успѣхи которой были очень сомнительны? Оршинское пораженіе, отъѣздъ Курбскаго подавали мало надежды; перемиріе съ удержаніемъ всѣхъ завоеваній, и какихъ завоеваній? — Юрьева, Полоцка, такое перемиріе было славно; притомъ король слабъ здоровьемъ, бездѣтенъ: вся Литва безъ войны можетъ соединиться съ Москвою! Но, съ другой стороны, отказаться отъ морскихъ береговъ, отказаться слѣдовательно отъ главной цѣли войны, позволить Литовскому королю удержать за собою Ригу и другіе важныя города Ливонскіе, взятые даромъ, благодаря Русскому же оружію — было тяжело, досадно для Иоанна. Онъ не могъ или не хотѣлъ рѣшить этого вопроса одинъ; но ему было недостаточно мнѣнія опальныхъ бояръ, мнѣнія людей, которыхъ онъ подозрѣвалъ въ неискренности, въ злоумышленіяхъ; ему хотѣлось знать, что думаютъ другія сословія о войнѣ; но узнать объ этомъ, по его

мѣнью, было нельзя ни чрезъ опричниковъ, стоявшихъ враждебно къ остальному народонаселенію, ни чрезъ бояръ земскихъ, отъ которыхъ онъ не ожидалъ правды; притомъ не безъ удовольствія могъ Іоаннъ воспользоваться случаемъ, чтобъ подлѣ нелюбимыхъ бояръ поставить еще другихъ совѣтниковъ; обращаться ко всей землѣ въ видѣ выборныхъ не было новостію для Іоанна: мы видѣли, какъ онъ въ молодости своей созывалъ выборныхъ къ лобному мѣсту, чтобъ торжественно очистить себя отъ обвиненія въ прежнихъ бѣдствіяхъ народныхъ и сложить вину ихъ на бояръ. Лѣтомъ 1566 года царь велѣлъ собрать духовенство, бояръ, окольныхъ, казначеевъ, государевыхъ дьяковъ, дворянъ первой статьи, дворянъ и дѣтей боярскихъ второй статьи, помѣщиковъ съ западныхъ, Литовскихъ границъ, Торопецкихъ и Луцкихъ, какъ людей, которымъ болѣе другихъ знакомы мѣстные отношенія, дьяковъ и приказныхъ людей, гостей, лучшихъ купцовъ Московскихъ и Смоленянъ, предложилъ имъ условія, на которыхъ хочетъ помириться съ королемъ, и спрашивалъ ихъ совѣта. Духовенство—девять архіереевъ, четырнадцать архимандритовъ и игуменовъ, девять старцевъ—совѣтъ учинили такой: велико смиреніе государское! во всемъ онъ уступаетъ, уступаетъ королю пять городовъ въ Полоцкомъ повѣтѣ, по Задвинью уступаетъ верстъ на 60 и на 70 на сторону, городъ Озерище, волость Усвятскую, въ Ливонской землѣ, въ Курской землѣ (Курляндіи) за Двиною 16 городовъ, да по сю сторону Двины 15 городовъ Ливонскихъ съ ихъ уѣздами и угодьями, плѣнныхъ Полочанъ отпускаетъ безъ окупы и безъ размѣны, а своихъ плѣнныхъ выкупаетъ: государская передъ королемъ правда великая! Больше ничего уступить нельзя, пригоже стоять за тѣ города Ливонскіе, которые король взялъ въ обереганье—Ригу, Венденъ, Вольмаръ, Ронненбургъ, Кокенгаузенъ и другіе города, которые къ государскимъ порубежнымъ городамъ, Псковскимъ и Юрьевскимъ подошли; если же не стоять государю за эти города, то они укрѣпятся за королемъ, и впередъ изъ нихъ будетъ разореніе церквамъ, которыя за государемъ въ Ливонскихъ городахъ; да

не только Юрьеву, другимъ городамъ Ливонскимъ и Пскову будетъ большая тѣснота: Великому Новгороду и другихъ городовъ торговымъ людямъ торговля затворится. А въ Ливонскіе города король вступился и держитъ ихъ за собою не по правдѣ: потому что когда государь нашъ на Ливонскую землю наступилъ за ея неисправленіе, магистра, епископа и многихъ людей цѣломъ свель, города Ливонскіе побралъ и православіемъ просвѣтилъ, церкви въ нихъ поставилъ: тогда остальные Нѣмцы, видя свое изнеможеніе, заложились за короля съ своими городами. А когда государь нашъ на Ливонскую землю не наступалъ, то король могъ ли хотя одинъ городъ Ливонскій взять? А Ливонская земля отъ прародителей, отъ великаго государя Ярослава Владиміровича, принадлежитъ нашему государю. А и то королевѣ правда ли? будучи съ государемъ нашимъ въ перемирьи, королевскіе люди пришли да взяли нашъ городъ Тарвастъ и людей свели. И нашъ совѣтъ, что государю нашему отъ тѣхъ городовъ Ливонскихъ, которые король взялъ въ обереганье, отступить непригоже, а пригоже за нихъ стоять. А какъ государю за нихъ стоять, въ томъ его государская воля, какъ его Богъ вразумить; а намъ должно за него государя Бога молить; а совѣтовать о томъ намъ непригоже. А что королевѣ послы дадутъ къ Полоцку земли по сю сторону вверхъ по Двинѣ на 15 верстъ, а внизъ на 5 верстъ, а за Двину земли не дадутъ, рубежомъ Двину становають: то можно ли, чтобъ городу быть безъ уѣзда? и села и деревни безъ полей и безъ угодій не живутъ, а городу какъ быть безъ уѣзда?

Бояре, окольные и приказные люди говорили: «Вѣдаеть Богъ да государь, какъ ему государю Богъ извѣститъ; а намъ кажется, что нельзя Нѣмецкихъ городовъ королю уступить (и Полоцкъ учинить въ осадѣ. Если у Полоцка зарѣчье уступить, то и посады зарѣчные Полоцкіе будутъ въ королевѣ сторонѣ; по сю сторону Двины въ Полоцкомъ повѣтъ все худыя мѣста, а лучшія мѣста всѣ за Двиною. И если въ перемирныя лѣта Литовскіе люди за Двиною поставяють городъ, то, какъ перемирье выйдесть, Полоцку не простоять; а если въ Ливонскихъ

городахъ у короля прибудеть рати, тогда и Пскову будетъ нужда, не только Юрьеву съ товарищами. Такъ чѣмъ давать королю свою рать пополнять, лучше государю теперь съ нимъ на такомъ его высококомъ безмѣрьѣ не мириться. Государь нашъ много сходилъ ко всякому добру христіанскому, и на себя поступалъ; а Литовскіе послы ни на какое доброе дѣло не сошли: какъ замѣрили великимъ безмѣріемъ, такъ больше того и не говорятъ; потому лучше теперь, прося у Бога милости, государю промышлять съ королемъ по своей правдѣ; король надъ государемъ верха не взялъ: еще къ государю Божія милость больше прежняго. О сѣздѣ у бояръ, окольныхихъ и приказныхъ людей такая мысль: Литовскимъ посламъ о сѣздѣ отказать; боярамъ съ панами на рубежѣ быть непригоже и прежде этого не бывало; если же король захочетъ съ государемъ нашимъ сѣхаться и договоръ учинить, то въ этомъ государи вольны для покоя христіанскаго. Извѣстно, послы Литовскіе все говорятъ о сѣздѣ для того, чтобъ немного поманить, а между тѣмъ съ людьми пособратъ, съ Поляками утвердиться, Ливонскую землю укрѣпить, рати въ ней прибавить; а по всѣмъ вѣстямъ королю недосугъ, съ цесаремъ у него брань, и если Польша будетъ въ войнѣ съ цесаремъ, то Литовской землѣ помощи отъ Поляковъ нечего надѣяться. По всѣмъ этимъ государскимъ дѣламъ мириться съ королемъ непригоже; а намъ всѣмъ за государя головы свои класть, видя королеву высоту, и надежду на Бога держать: Богъ гордымъ противится; во всемъ вѣдаетъ Богъ да государь; а намъ какъ показалось, такъ мы и изъявляемъ государю свою мысль». — Печатникъ Висковатый сказалъ свою мысль отдѣльно, что можно заключить перемиріе съ королемъ и не требуя уступки Ливонскихъ городовъ, но только чтобъ король вывелъ изъ нихъ свои войска и не мѣшалъ государю ихъ добывать, обязался бы также не помогать имъ даже и послѣ истеченія перемирныхъ лѣтъ. Дворяне и дѣти боярскіе говорили согласно съ духовенствомъ и боярами; Торопецкіе помѣщики сказали: «Мы, холопы государевы, за одну десятину земли Полоцкаго и Озерицкаго

повѣтовъ головы положимъ, чѣмъ намъ въ Полоцкѣ помереть запертымъ; мы, холопи государскіе, теперь на коняхъ сидимъ, и за государя съ коня померемъ. Государя нашего передъ королемъ правда; какъ государь нашъ Ливонской земли не воевалъ, тогда король не умѣлъ вступаться, а теперь вступается. По нашему: за Ливонскіе города государю стоять крѣпко, а мы, холопи его, на государево дѣло готовы». Остальные отвѣчали въ томъ же смыслѣ.

Отобравши такія мнѣнія, Іоаннъ отправилъ въ Литву боярина Умнаго-Колычева съ наказомъ — не заключать перемирія не только безъ Ливоніи, но даже если король откажется давать ему титулъ царя и Ливонскаго и не согласится выдать Курбскаго; въ наказѣ было также написано: «Если Литовскіе паны станутъ говорить, чтобъ царь далъ имъ на государство царевича Ивана, то отвѣчать: съ нами о томъ наказу никакого нѣтъ, и намъ о такомъ великомъ дѣлѣ безъ наказа какъ говорить? Если это дѣло надобно государю вашему или вамъ панамъ, то отправляйте къ государю нашему пословъ: воленъ Богъ да государь нашъ, какъ захочетъ дѣлать. — Если кто станетъ спрашивать; для чего государь вашъ велѣлъ поставить себѣ дворъ за городомъ? — отвѣчать: для своего государскаго прокладу; а если кто станетъ говорить, что государь ставитъ дворы для раздѣла, или для того, что положилъ опалу на бояръ, то отвѣчать: государю нашему для этого дворовъ ставить нечего: воленъ государь въ своихъ людяхъ — добрыхъ жалуетъ, а лихихъ казнить; а дѣлиться государю съ кѣмъ? — Кто ставитъ говорить, что государь немилостивъ, казнить людей, и станутъ говорить про князя Василія Рыбина и про Ивана Карамышева, то отвѣчать: государь милостивъ, а лихихъ вездѣ казнятъ; и про этихъ государь сыскалъ, что они мыслили надъ нимъ и надъ его землею лихо. — Если паны-рада спросятъ: Вы говорили нашему государю на посольствѣ, чтобъ онъ отдалъ вашему государю князя Андрея Курбскаго и другихъ дѣтей боярскихъ, которые къ нашему государю пріѣхали: но прежде ни при которыхъ государяхъ не бывало, чтобъ такихъ

людей назадъ отдавать? — отвѣчать: государь нашъ приказалъ объ этихъ измѣнникахъ для того, что они между государями ссоры дѣлають, и на ббльшее кровопролитіе христіанское поднимають. — А если спросяť: какія отъ князя Андрея государю вашему измѣны? — отвѣчать: надѣ государемъ, царицею Анастасіею и ихъ дѣтьми умышляяť всякое лихое дѣло; началъ называться отчичемъ Ярославскимъ, хотѣлъ на Ярославлѣ государить ».

Колычовъ увѣдомилъ Іоанна, что предложенія его отвергнуты, что посольству Московскому оказано въ Литвѣ большое безчестье, кормовъ не давали, что король отправилъ въ Москву гонца Быковского съ разметомъ, т.-е. съ объявленіемъ войны. Быковский встрѣтилъ Іоанна на дорогѣ въ Новгородъ; царь принялъ его въ шатрѣ, вооруженный, всѣ окружавшіе были также въ доспѣхахъ; послѣ жалобъ на дурное обращеніе съ Колычевымъ, Іоаннъ сказалъ гонцу: « Ты не дивись, что мы сидимъ въ воинской приправѣ; пришелъ ты къ намъ отъ брата нашего, Сигизмунда Августа, съ стрѣлами, и мы потому такъ и сидимъ ». Быковский отвѣчалъ жалобою, что послы, Колычовъ съ товарищами, ничего добраго не сдѣлали; когда у нихъ рѣшено было съ панами не начинать войны до 1-го Октября 1567 года и начали писать грамоту, то послы не захотѣли взять этой грамоты, потому что въ ней Ходкѣвичъ былъ названъ администраторомъ Ливонскимъ. Свидѣтельствуясь Богомъ, что не отъ него начинается война, король объявлялъ ее чрезъ Быковского, съ общаніемъ однако принять Московскаго посла. Царь и сынъ его, царевичъ Іоаннъ, выслушавши королевскую грамоту, приговорили съ боярами задержать Быковского, за то, что въ грамотѣ, имъ привезенной, писаны супротивныя слова; имѣніе Быковского и товары пришедшихъ съ нимъ купцовъ были описаны въ казну. Іоаннъ отправился въ Новгородъ, оттуда выступилъ было въ походъ, но на совѣтъ съ воеводами рѣшилъ ограничиться оборонительною войною. Въ началѣ 1568 года гетманъ Хоткѣвичъ осадилъ Московскую крѣпость Улу, но принужденъ былъ снять осаду, по

причинамъ, о которыхъ онъ такъ доносилъ королю: « Прибывши подъ непріятельскую крѣпость Улу, я стоялъ подъ нею недѣли три, промышляя надъ нею всякими средствами. Видя, что наши простые ратные люди и десятники ихъ трусятъ, боятся смерти, я велѣлъ имъ идти на приступъ ночью, чтобъ они не могли видѣть, какъ товарищей ихъ будутъ убивать, и не боялись бы: но и это не помогло. Другіе ротмистры шли хотя и нескоро, однако кое-какъ волоклись; но простые ратные люди ихъ всё попрятались по лѣсу, по рвамъ и по берегу рѣчному; несмотря на призывъ, увѣщанія, побои (дошло до того, что я собственныя руки окровавилъ), никакъ не хотѣли идти къ крѣпости, и чѣмъ больше ихъ гнали, тѣмъ больше крылись и убѣгали: вслѣдствіе чего ночь и утро прошли безо всякой пользы. Также и нанятые мною козаки только что дошли до рва — и бросились бѣжать. Тогда я отрядилъ Нѣмцевъ, пушкарей и слугъ моихъ (между ними былъ и Орелъ Москвичъ, который перебѣжалъ ко мнѣ изъ крѣпости): они сдѣлали къ стѣнѣ приметь и запалили крѣпость; но наши ратные люди нисколько имъ не помогли и даже стрѣльбою не мѣшали осажденнымъ гасить огонь. Видя это, я самъ сошелъ съ коня и отправился къ тому мѣсту, откуда приказалъ ратнымъ людямъ двинуться къ примету: хотѣлъ я имъ придать духу, хотѣлъ или отслужить службу вашей королевской милости, или голову свою отдать; но, къ несчастію моему, ни того, ни другаго не случилось. Послѣ долгихъ напоминаній, просьбъ, угрозъ, побоевъ, когда ничто не помогло, велѣлъ я, Татарскимъ обычаемъ, кидать приметь, дерево за деревомъ. Дѣло пошло было удачно, но храбрость Москвичей и робость нашихъ всему помѣшали: нѣсколько Москвичей выскочили изъ крѣпости, и, къ стыду нашему, зажгли приметь, а наши не только не защитили его, но и разу выстрѣлить не смѣли, а потомъ побѣжали отъ шанцевъ. Когда я пріѣхалъ къ пушкамъ, то не только въ переднихъ шанцахъ, но и во вторыхъ и въ третьихъ не нашелъ пѣхоты, кромѣ нѣсколькихъ ротмистровъ, такъ что принужденъ былъ спѣшить четыре конныхъ роты и

заставить стеречь пушки, ибо на пѣхоту не было никакой надежды».

Возвратившись въ Александровскую слободу, Іоаннъ оттуда писалъ къ боярамъ въ Москву, велѣлъ имъ поговорить о Ливонскомъ дѣлѣ и отписать къ нему въ слободу — мириться ли съ королемъ или не мириться? и въ то же время велѣлъ обходиться лучше съ Быковскимъ. Бояре отвѣчали, что надобно Быковского отпустить къ королю, и съ нимъ въ грамотѣ отписать королевскія неправды, что король государевыхъ пословъ, Колычева съ товарищами, задерживалъ не по прежнимъ обычаямъ, безчестилъ ихъ, и иныя неправды короля припомануть, а послѣ въ той же грамотѣ королю написать поглаже, для того, чтобъ сношеній съ нимъ не порвать, и если король захочетъ прислать гонца или посланника, то дать ему чистую дорогу; а ружьядъ Быковскому и купцамъ отдать или заплатить деньгами, чего стоитъ. Царь на это отвѣчалъ вторымъ запросомъ: мириться или не мириться, и если мириться, то на чемъ? Бояре отвѣчали, что когда король возобновитъ сношенія, тогда и разсуждать, смотря по его присылкѣ; Ливонской земли не уступать по прежнему приговору. Іоаннъ велѣлъ боярамъ сдѣлать такъ, какъ они думаютъ; но Быковскому и купцамъ всего имѣнія ихъ не отдали, и когда гонецъ на отпуску жаловался на это, то Іоаннъ отвѣчалъ ему: « Чѣмъ мы тебя пожаловали, что велѣли тебѣ дать изъ своей казны, съ тѣмъ и поѣзжай: прищелъ ты къ намъ съ разметомъ, такъ довольно съ тебя и того, что мы крови твоей пролить не велѣли; а если будетъ между нами и братомъ нашимъ Сигизмундомъ королемъ ссылка о добромъ дѣлѣ, то твое и впередъ не уйдетъ ». Въ грамотѣ къ королю Іоаннъ писалъ, что онъ за грубую его грамоту хотѣлъ было идти на него войною, но моровое повѣтріе помѣшало; задержка Быковского объяснялась такъ: « изстари велось — которые прійдутъ съ разметомъ, тѣмъ живота не даывали ».

Въ Литвѣ очень обрадовались возвращенію Быковского, возобновленію сношеній, потому что состояніе королевскаго здо-

ровья заставляло думать о важныхъ перемѣнахъ; въ Москву пріѣхалъ гонецъ съ просьбою объ опасной грамотѣ на большихъ пословъ, и въ поклонѣ отъ короля назвалъ Іоанна царемъ; Іоаннъ велѣлъ печатнику спросить у гонца въ разговорѣ, что значить эта новость? гонецъ отвѣчалъ, что велѣли ему это сдѣлать паны радные, чтобъ почестъ оказать государю. Слѣдствіемъ такой почести было то, что гонцу отдали задержанное имѣніе Быковского; опасная грамота также была дана. Но уже по отъѣздѣ гонца пришла вѣсть, что Литовскіе воеводы, князя Полубенскіе, изъ Вольмара овладѣли нечаянно Изборскомъ: царь послалъ своимъ воеводамъ приказъ отнять Изборскъ у Литвы, и приказъ былъ исполненъ. Съ жалобой на Полубенскихъ и съ требованіемъ отпуски плѣннаго воеводы Изборскаго отправленъ былъ въ Литву сынъ боярскій Мясоѣдовъ, которому поручено было развѣдать: «Которымъ обычаемъ слово въ Литвѣ и Польшѣ носится, что хотятъ взять на великое княжество Литовское и на Польшу царевича Ивана, и почему это слово въ люди пущено? обманомъ или въ правду того хотятъ, и всѣ ли люди того хотятъ, и почему то слово дѣломъ не объявится, а въ людяхъ носится?» — Мясоѣдову данъ былъ также наказъ: «станеть съ нимъ говорить князь Андрей Курбскій, или иной который государевъ измѣнникъ, то отвѣчать: съ измѣнникомъ чтò говорить? Вы своею измѣною сколько не лукавствуете бѣсовскимъ обычаемъ, а Богъ государю свыше подаетъ на враговъ побѣду, и вашу измѣну разрушаетъ; больше того не говорить ничего и пойти прочь; а съ простымъ измѣнникомъ и того не говорить: выбравивъ его, плюнуть въ глаза, да и пойти прочь».

Въ 1570 году пріѣхали большіе послы Литовскіе Янъ Крошчевскій и Николай Тавлошъ. При переговорахъ начались опять споры о Полоцкихъ границахъ, насчетъ которыхъ никакъ не могли согласиться. Тогда послы, чтобъ облегчить дѣло, попросили позволенія переговорить съ самимъ царемъ, и объявили, что ему особенно выгодно заключить миръ; когда Іоаннъ спросилъ — почему? то послы отвѣчали: «Рада

государя нашего короны Польской и великаго княжества Литовскаго совѣтовались вмѣстѣ о томъ, что у государя нашего дѣтей нѣтъ, и если Господь Богъ государя нашего съ этого свѣта возьметъ, то обѣ рады не думаютъ, что имъ государя себѣ взять отъ бусурманскихъ или отъ иныхъ земель, а желаютъ избрать себѣ государя отъ Славянскаго рода, по волѣ, а не въ неволю, и склоняются къ тебѣ, великому государю, и къ твоему потомству». Царь отвѣчалъ: «И прежде эти слухи у насъ были; у насъ Божиимъ милосердіемъ и прародителей нашихъ молитвами наше государство и безъ того полно, и намъ вашего для чего хотѣтъ? Но если вы насъ хотите, то вамъ пригоже насъ не раздражать, а дѣлать такъ, какъ мы велѣли боярамъ своимъ съ вами говорить, чтобъ христіанство было въ покоѣ». Іоаннъ въ длинной рѣчи (занимающей 44 страницы въ посольской книгѣ) рассказывалъ посламъ попорядку исторію отношеній Москвы къ Литвѣ въ его царствованіе, и заключилъ, что война не отъ него, а отъ короля. Когда Іоаннъ кончилъ, то послы сказали, что они нѣкоторыхъ рѣчей вполнѣ не поняли, потому что иныхъ Русскихъ словъ не знаютъ, и потому государь велѣлъ бы имъ дать рѣчь свою на письмѣ; Іоаннъ отвѣчалъ, что писарь ихъ все слышзлъ и понялъ и можетъ имъ рассказать; писарь испугался и сказалъ: «Милостивый государь! такихъ великихъ дѣлъ запомнить невозможно: твой государскій отъ Бога дарованный разумъ выше человѣческаго разума».

Заключено было перемиріе на три года съ оставленіемъ всего какъ было, съ тѣмъ, чтобъ въ эти три года переговаривать о мирѣ. Для подтвержденія перемирія отправлены были въ Литву князья Канбаровъ и Мещерскій, которымъ данъ былъ такой наказъ: «если стануть говорить: государь вашъ въ Новгородѣ, Псковѣ и Москвѣ многихъ людей казнилъ? — отвѣчать: развѣ вамъ это извѣстно? Если скажутъ, что извѣстно, то говорить: если вамъ это извѣстно, то намъ нечего вамъ и рассказывать: о которомъ лихомъ дѣлѣ вы съ государскими измѣнниками лазучествомъ ссылались, Богъ ту измѣну госу-

дарь нашему объявилъ, потому издѣ измѣнниками такъ и ота-
 лось; нелѣпо было это и затѣвать: когда князь Семень Лугве-
 ній и князь Михайла Олельковичъ въ Новгородѣ были, и тогда
 Литва Новгорода не умѣла удержать; а чего удержать не умѣ-
 емъ, зачѣмъ на то и посягать? Если спросать: зачѣмъ го-
 сударь вашъ казнилъ казначея Фуникова, печатника Вискова-
 таго, дьяковъ, дѣтей боярскихъ и подъячихъ многихъ? — от-
 вѣчать: о чемъ государскій измѣнникъ Курбскій и вы, паны
 радные, съ этими государскими измѣнниками ссылались, о
 томъ Богъ нашему государю объявилъ; потому они и казнены,
 а кровь ихъ взыщается на тѣхъ, которые такія дѣла лукавст-
 вомъ дѣлали, а Новгороду и Пскову за Литвою быть непри-
 гоже». Данъ былъ наказъ, какъ поступать посламъ въ случаѣ
 смерти Сигизмунда и избранія новаго короля: «Если король
 умретъ и на его мѣсто посадятъ государя изъ инаго государ-
 ства, то съ нимъ перемирія не подтверждать, а требовать,
 чтобъ онъ отправилъ пословъ въ Москву. А если на королев-
 ствѣ сядетъ кто-нибудь изъ пановъ радныхъ, то посламъ на
 дворъ не ѣздить; а если силою заставятъ ѣхать и велятъ быть
 на посольствѣ, то посламъ, вошедши въ избу, сѣсть, а по-
 клона и посольства не править, сказать: «это нашъ братъ;
 къ такому мы не присланы; государю нашему съ холопомъ, съ
 нашимъ братомъ, не приходится черезъ насъ, великихъ по-
 словъ, ссылаться». Послы присылали въ Москву пріятныя до-
 несенія: «Изъ Вильны всѣ дѣла король вывезъ, не прочитъ
 впередъ себѣ Вильны, говорить: куда пошелъ Полоцкъ, туда
 и Вильнѣ ѣхать за нимъ; Вильна мѣстомъ и приступомъ По-
 лоцка не крѣпче, а Московскіе люди къ чему приступятся,
 отъ того не отступятся. Обѣ рады хотять на королевство царя
 или царевича; у Турецкаго братъ не хотять, потому что му-
 зультанинъ и будетъ отъ Турокъ утѣсненіе; у цесаря взять —
 обороны не будетъ, и за свое плохо стоять; а царь государь
 воинственный и сильный, можетъ отъ Турецкаго султана и
 отъ всѣхъ земель оборонять и прибавленіе государствамъ сво-
 имъ сдѣлать. Хотѣли уже послать битъ челомъ царю о царь-
 Истор. Росс. Т. VI. 18

вѣтъ, да отговорилъ одинъ Евстафій Воловичъ, по королевскому тайному совѣту, потому что король придумалъ вмѣсто себя посадить племянника своего, Венгерскаго королевича, но королевичъ умеръ. Въ Варшавѣ говорятъ, что кромѣ Московскаго государя другаго государя не искать; говорятъ, что паны уже и платье заказываютъ по Московскому обычаю, и многіе уже носятъ; а въ королевнину казну собираютъ бархаты и камки на платье по Московскому же обычаю; королевнѣ очень хочется быть за государемъ царемъ».

Но Иоанна мало прельщало это избраніе въ короли его самого или сына его: и человѣку менѣе его разумному оно не могло казаться очень вѣроятнымъ; попрежнему его занимала одна задушевная мысль — приобрести Ливонію. Онъ соглашался наконецъ отдать и Полоцкъ Литвѣ за Ливонію: но могъ ли король согласиться и на это? Если бы даже Сигизмундъ — Августъ и сеймъ согласились предать ввѣрившіеся имъ города, то послѣдніе могли найти другихъ защитниковъ, какъ напри- мѣръ Ревель былъ уже во власти Шведовъ, да и безъ защитниковъ приморскіе города могли долго держаться противъ войска Московскаго. Однимъ словомъ, для достиженія непосредственнаго владычества надъ Ливонією требовалось еще много крови, много времени; и вотъ Иоаннъ напалъ на мысль о владычествѣ посредственномъ, на мысль дать Ливонію Нѣмецкаго правителя, который бы вошелъ въ подручническія отношенія къ государю Московскому, какъ герцогъ Курляндскій къ Польскому королю. Въ 1564 году Иоаннъ предложилъ плевнику своему, старому магистру Фюрстенбергу, возвратиться въ Ливонію и господствовать надъ нею, если согласится, отъ имени всѣхъ чиновъ и городовъ Ливонскихъ, присягнуть ему и потомкамъ его въ вѣрности, какъ своимъ наследственнымъ верховнымъ государямъ; но Фюрстенбергъ отказался отъ предложенія, не соглашаясь измѣнить клятвѣ, данной имъ Римской имперіи. Такъ рассказываютъ Ливонскіе летописцы; но другія вѣсти были получены при дворѣ Польскомъ въ концѣ 1564 года: сюда писали изъ Москвы, что посолъ отъ великаго ма-

магистра Нѣмецкаго ордена, возстановленнаго по имени въ Германіи, исходатайствовать у царя свободу Фюрстенбергу на слѣдующихъ пяти условіяхъ: 1) по возвращеніи въ Ливонію Фюрстенбергъ обязанъ возстановить всѣ Греческія церкви; 2) всѣ главные крѣпости Ливоніи остаются въ рукахъ Московскихъ; 3) въ совѣтъ магистра будутъ всегда засѣдать шесть Московскихъ чиновниковъ, безъ которыхъ онъ не можетъ рѣшать ничего; 4) если магистръ будетъ имѣть нужду въ войскѣ, то долженъ обращаться съ просьбою о немъ только въ Москву, а не къ другимъ государствамъ, развѣ получить на то согласіе царское; 5) по смерти Фюрстенберга царь назначаетъ ему преемника. Вѣсть объ этой сдѣлкѣ съ Фюрстенбергомъ сильно обезпокоила короля Сигизмунда-Августа; но въ Генварь 1565 года пришло другое извѣстіе, что Фюрстенбергъ, собираясь отправиться въ Ливонію, умеръ. Въ это время особенною благосклонностію царя пользовались двое пѣнныхъ Ливонскихъ дворянъ — Іоанъ Таубе и Елертъ Крузе: они не переставали утверждать Іоанна въ мысли дать Ливонію особаго владѣтеля съ вассальными обязанностями къ Московскому государю и, по смерти Фюрстенберга, указывали ему на двухъ людей, способныхъ замѣнить его, именно на преемника Фюрстенбергова, Кетлера, теперь герцога Курляндскаго, и на Датскаго принца Магнуса, владѣтеля Эвельскаго. Чтобъ вести дѣла успѣшнѣе на мѣстѣ, Таубе и Крузе отправились въ Дерптъ, и оттуда написали сперва къ Кетлеру: тотъ отказался; тогда они обратились къ Магнусу, который принялъ предложеніе, и въ 1570 году пріѣхалъ въ Москву, гдѣ Іоаннъ объявилъ его королемъ Ливонскимъ и женихомъ племянницы своей Евфоніи, дочери Владиміра Андреевича; жителямъ Дерпта позволено было возвратиться въ отечество; Магнусъ далъ присягу въ вѣрности на слѣдующихъ условіяхъ: 1) если царь самъ выступитъ въ походъ и позоветъ съ собою короля Магнуса, то послѣдній обязанъ привести съ собою 1500 конницы и столько же пѣхоты; если же царь самъ не выступитъ въ походъ, то и Магнусъ не обязанъ выступать; войско Магнусово получаетъ

содержаніе изъ казны царской; если Магнусъ поведетъ свое войско отдѣльно отъ царя, то считается выше всѣхъ воеводъ Московскихъ; если же Магнусъ не захочетъ самъ участвовать въ походѣ, то обязанъ внести въ казну царскую за каждаго всадника по три талера, а за каждаго пѣхотинца по полтора. Если самъ царь лично не ведетъ своихъ войскъ, то Магнусъ не обязанъ присылать ни людей, ни денегъ до тѣхъ поръ, пока вся Ливонія совершенно будетъ успокоена; 2) если Магнусъ будетъ вести войну въ Ливоніи, и царь пришлетъ туда же Московскихъ воеводъ, то король имѣетъ верховное начальство надъ войскомъ, совѣтуясь съ воеводами; 3) Магнусу, его наследникамъ и всѣмъ жителямъ Ливоніи даруются всѣ прежнія права, вольности, суды, обычаи; 4) сохраняютъ они свою религію Аугсбургскаго исповѣданія; 5) города Ливонскіе торгуютъ въ Московскихъ областяхъ безошлинно и безъ всякихъ зацѣпокъ. Наоборотъ, король Магнусъ даетъ путь чистый въ Московскія области всѣмъ заморскимъ купцамъ со всякимъ товаромъ, также всякимъ художникамъ, ремесленникамъ и военнымъ людямъ; 6) если Рига, Ревель и другіе города Ливонскіе не признаютъ Магнуса своимъ королемъ, то царь обязывается помогать ему противъ всѣхъ городовъ и противъ всякаго непріятеля; 7) по смерти Магнуса и потомковъ его, преемникъ избирается по общему согласію всѣхъ Ливонцевъ.

Перемиріе, заключенное между Іоанномъ и Сигизмундомъ-Августомъ, не позволяло новому Ливонскому королю дѣйствовать противъ городовъ, занятыхъ Польскими гарнизонами; по второй по значительности, по богатству городъ въ Магнусовомъ королевствѣ, Ревель былъ занятъ Шведами. Мы видѣли, что желая обратить всѣ свои силы противъ непріятеля опаснѣйшаго, противъ Литвы, Іоаннъ желалъ сохранить миръ съ Швеціею, несмотря на захваченіе Ревеля; въ 1563 году Іоаннъ заключилъ съ королемъ Ерикомъ новое перемиріе на семь лѣтъ; Ерикъ опять настаивалъ на томъ, чтобъ ему сноситься прямо съ царемъ, и опять получилъ рѣшительный отказъ; царь ве-

лѣль отписать къ Ерику о безлѣпостномъ и неудобственномъ его писаніи, писалъ къ нему въ своей грамотѣ многія странныя и подсмѣятельныя слова на укоризну его безумія, да и то написалъ: когда его царское величество будетъ съ своимъ дворомъ витать на Шведскихъ островахъ, тогда королевское повелѣніе крѣпко будетъ; написалъ, что требованіе королевское—сноситься прямо съ царемъ—такъ отстоятъ отъ мѣры, какъ небо отъ земли. Но скоро между обоими государями завязались очень дружественныя, непосредственныя сношенія. Мы должны нѣсколько остановиться на характерѣ Ерика, потому что онъ въ нѣкоторыхъ чертахъ можетъ служить намъ объясненіемъ характера Іоаннова. Густавъ-Ваза оставилъ четверыхъ сыновей: старшій Ерикъ получилъ королевское достоинство, трое остальныхъ герцогства: Іоаннъ Финляндское, Магнусъ Остерготландское, Карлъ Зедерманландское. Въ какихъ понятіяхъ о своемъ положеніи утверждался Ерикъ, всего лучше видно изъ разговора его съ любимцемъ своимъ, Персономъ: «Покойный батюшка» сказалъ однажды король: «поставилъ меня въ тяжелое положеніе, раздавши герцогства братьямъ».—«Покойный король» возразилъ Персонъ «извинялся тѣмъ, что было бы гораздо хуже, еслибъ ваши братья были менѣе могущественны, чѣмъ вельможи; усобицу между королемъ и могущественными братьями предпочелъ онъ изгнанію королевскаго дома изъ государства и возвращенію чуждаго владычества; онъ хорошо зналъ, что въ случаѣ усобицы между братьями Швеція всё останется за его родомъ, но будетъ отнята у него, если власть вельможъ усилится, чему стоящій надъ ними могущественный герцогъ легко можетъ воспрепятствовать». Отсюда Ерикомъ, какъ Іоанномъ, овладѣла бояробоязнь, побѣдить которую они оба были не въ состояніи; но понятно, что подозрѣніе, боязнь относительно вельможъ нисколько не исключали въ Ерикѣ подозрѣнія, боязни относительно братьевъ, и скоро поведеніе Іоанна, герцога Финляндскаго, дало поводъ къ усиленію этихъ чувствъ: занятіе Ревеля влекло Швецію и къ войнѣ съ Польшою, ибо Сигизмундъ-Августъ, подобно Іоанну Московскому, объявлялъ

притязанія на всѣ орденскія владѣнія; война началась действительно: Шведскій генералъ Горнъ взялъ у Поляковъ Пернау и Виттенштейнъ. Въ это время Иоаннъ Финляндскій объявилъ себя на сторонѣ Польши, сталъ совѣтовать брату заключить союзъ съ нею противъ Москвы и уступить Сигизмунду-Августу всѣ занятые Шведами мѣста въ Ливоніи; мало того: Иоаннъ женился на сестрѣ Сигизмунда-Августа, Екатеринѣ, за которую, какъ мы видѣли, безуспѣшно сватался царь; далъ шурину значительную сумму денегъ и въ залогъ взялъ нѣсколько мѣстъ въ Ливоніи; условія брачнаго договора оставались тайною для Ерика, но рассказывали, что Иоаннъ въ немъ обѣщался вести себя какъ свободный и самостоятельный государь. Ерикъ приказалъ Финляндскому дворянству двинуться въ Ливонію противъ Поляковъ, а Иоанну явиться въ Стокгольмъ предъ судъ за союзъ съ врагами государства. Иоаннъ отвѣчалъ тѣмъ, что заключилъ въ темницу посланцевъ королевскихъ, призвалъ Финновъ къ оружію, потребовалъ отъ нихъ присяги себѣ, какъ отдѣльному владѣльцу, и обратился съ просьбою о помощи въ Польшу и Пруссію. Шведскіе государственные чины приговорили его къ смерти; осажденный королевскимъ войскомъ въ Або и не получая ни откуда помощи, онъ послѣ двухъ мѣсяцевъ принужденъ былъ сдаться, отвезенъ въ Швецію и заключенъ въ Гринсгольмскомъ замкѣ вмѣстѣ съ женою, которая отказалась разлучиться съ нимъ. Ерикъ не казнилъ брата, вопреки совѣту Персона, и все остальное время колебался между страхомъ и раскаяніемъ; удалился отъ вельможъ, окружилъ себя любимцами низкаго происхожденія, которые, для собственныхъ выгодъ, все болѣе и болѣе укрѣпляли въ немъ подозрительность, сдѣлали его мрачнымъ, суровымъ и наконецъ довели до припадковъ сумасшествія и бѣшенства. Слѣдствіемъ этого было то, что въ 1562 году въ Швеціи состоялся только одинъ смертный приговоръ, а въ 1563 пятьдесятъ, изъ нихъ тридцать два по дѣлу герцога Иоанна; всего до октября 1567 года осуждено было на смерть 232 человека; слова, знаки причислялись къ государственнымъ преступленіямъ. Въ то же

времени, даже въ припадкахъ сумасшествія, Ерикъ обнаруживалъ сильную умственную дѣятельность: никто не писалъ такъ много и такъ скоро, какъ онъ. Находясь въ войнѣ съ Польщею и Данією, Ерикъ естественно долженъ былъ желать сближенія съ царемъ Московскимъ; сближеніе это произошло вслѣдствіе того, что Ерикъ обязался выдать Іоанну невѣстку свою Екатерину, жену заключеннаго герцога Финляндскаго, за что царь уступалъ ему Эстонию, обѣщался помогать въ войнѣ съ Сигизмундомъ, доставить миръ съ Данією и Ганзейскими городами. Послѣ Іоаннъ оправдывалъ свое желаніе имѣть въ рукахъ Екатерину тѣмъ, что будто бы Ерикъ самъ предложилъ ее выдать, объявивши о смерти мужа ея, что онъ, Іоаннъ, вовсе не хотѣлъ жениться на ней или держать ее наложницею, но хотѣлъ имѣть ее въ своихъ рукахъ въ досаду брату ея, Польскому королю, врагу своему, хотѣлъ чрезъ это вынудить у него выгодный для себя миръ; Московскіе послы явились въ Швецію, чтобъ, по обычаю, взять съ короля присягу въ исполненіи договора; но Ерикъ не могъ исполнить его: онъ освободилъ брата Іоанна изъ заключенія; въ припадкѣ сумасшествія ему казалось, что онъ самъ уже въ заключеніи, а братъ царствуетъ; Московскіе послы ждали цѣлый годъ: приходили къ нимъ вельможи съ объясненіемъ, что нельзя исполнить желаніе царя и выдать ему Екатерину, что это богопротивное дѣло и безславное для самого царя; послы отвѣчали: «Государь нашъ беретъ у вашего государя сестру Польскаго короля Екатерину для своей царской чести, желая повышенья надъ своимъ недругомъ и надъ недругомъ вашего государя, Польскимъ королемъ». Когда хотѣли перевезти пословъ изъ Стокгольма въ село подъ предлогомъ лучшаго помѣщенія, то они объявили, что по своей волѣ не переѣдутъ, а пусть король дѣлаетъ, что хочетъ, ихъ вины передъ нимъ нѣтъ, пословъ въ село отсылаютъ за вину. Наконецъ ихъ допустили къ королю, который сказалъ имъ: «Мы не дали вамъ до сихъ поръ отвѣта потому, что здѣсь начались дурныя дѣла отъ дьявола и отъ злыхъ людей; и кромѣ того Датская

война намъ иѣшала». Потомъ Ерикъ, убѣждаясь въ необходимости схватить вторично брата, приказывалъ сказать посламъ, что выдастъ имъ Екатерину. Однажды пришелъ къ посламъ «дѣтинка молодъ, королевскій жилецъ»: извѣстно, что Ерикъ, боясь вѣльможь, бралъ изъ школъ молодыхъ людей и давалъ имъ разныя порученія; молодой дѣтинка объявилъ, что прислалъ его король, и велѣлъ говорить, чтобъ послы короля съ собою на Русь взяли; боится онъ бояръ своихъ и воли ему ни въ чемъ нѣтъ. 29 Сентября 1568 года вспыхнуло возстаніе противъ Ерика, который призвалъ Московскихъ пословъ и объявилъ имъ объ этомъ; послы спросили: какъ давно дѣло началось? Ерикъ отвѣчалъ: «Съ тѣхъ поръ, какъ отъ васъ изъ Руси послы мои пришли. Я былъ тогда въ Уисалѣ; у нихъ начала быть тайная измѣна, и я былъ у нихъ запертъ; если бы не пришли въ мою землю Датскіе люди, то мнѣ бы еще на своей волѣ не быть; но какъ Датскіе люди пришли, то меня выпустили для того, что некому землю оборонять, и съ тѣхъ поръ стало мнѣ лучше. Если братъ Яганъ (Іоаннъ) меня убьетъ или въ плѣнъ возьметъ, то царь бы Ягана королемъ не держалъ». Объ Екатеринѣ Ерикъ сказалъ: «Я велѣлъ то дѣло посулить въ случаѣ, если Ягана въ живыхъ не будетъ; я съ братьями, и съ Польскимъ королемъ, и съ другими пограничными государями со всѣми въ недружбѣ за это дѣло. А другимъ чѣмъ всѣмъ я радъ государю вашему дружить и служить: надежда у меня вся на Бога да на вашего государя; а тому какъ статья, что у живаго мужа жену взять?» Возстаніе кончилось низложеніемъ Ерика съ престола и возведеніемъ брата его Іоанна; при этомъ возстаніи солдаты ворвались къ Московскимъ посламъ и ограбили ихъ. Новый король прислалъ въ Москву просить опасной грамоты для своихъ пословъ; опасную грамоту дали, но когда Шведскіе послы пріѣхали, то ихъ ограбили и объявили имъ: «Яганъ король присылалъ къ царю и великому князю бить челомъ, чтобъ велѣлъ государь дать опасную грамоту на его пословъ и велѣлъ своимъ Новгородскимъ намѣстникамъ съ нимъ миръ и сосѣдство учинить

по прежнимъ обычаямъ. По этой грамотѣ царь и великій князь къ Ягану королю писалъ и опасную грамоту ему послалъ. Но Яганъ король, не разсмотря той отписки и опасной государевой грамоты, прислалъ пословъ своихъ съ бездѣлемъ, не по опасной грамотѣ. Яганъ пишетъ, чтобъ заключить съ нимъ миръ, на тѣхъ же условіяхъ, какъ царское величество пожаловалъ было брата его, Ерика короля, принялъ въ окончаніе для сестры Польскаго короля Екатерины. Если Яганъ король и теперь Польскаго короля сестру, Екатерину королевну, къ царскому величеству пришлетъ, то государь и съ нимъ заключить миръ по тому приговору, какъ дѣлалось съ Ерикомъ королемъ: съ вами о королевнѣ Екатеринѣ приказъ есть ли?» Послы отвѣчали: «Мы о Ягановой присылкѣ не знаемъ, что онъ къ царю писалъ; а пріѣхали мы отъ своего государя не браниться, пріѣхали мы съ тѣмъ, чтобъ государю нашему съ царемъ миръ и сосѣдство сдѣлать, и что съ нами государь вашъ наказалъ, то мы и говоримъ». Посламъ объявили, что ихъ сошлютъ въ Муромъ; они стали бить челомъ боярамъ, чтобъ царь съ нихъ опалу снялъ и велѣлъ Новгородскому наместнику заключить миръ съ ихъ королемъ по старинѣ, но съ тѣмъ, чтобъ въ королеву сторону написаны были тѣ города Ливонскіе, которые царь уступилъ Ерику. Но тутъ явился въ Москву герцогъ Магнусъ, который, по увѣренію Шведскихъ пословъ, много надѣлалъ имъ вреда, сильно раздраживъ противъ нихъ царя. Бояре приговорили, что Шведскихъ пословъ надобно задержать; а государю дѣлать бы теперь Ливонское дѣло и выслушать челобитые Датскаго королевича Магнуса, какимъ образомъ тому дѣлу быть пригоже; и какъ тѣ дѣла повершатся, тогда бѣ государю Шведскимъ дѣломъ промышлять. Царь, выслушавъ приговоръ, приказалъ Шведскихъ пословъ отпустить въ Муромъ, и 21 Августа 1570 года Магнусъ подошелъ къ Ревелю съ 25000 Русскаго войска и съ большимъ отрядомъ изъ Нѣмцевъ, потому что къ нему пристало много дворянъ и городскихъ жителей. Увѣщательная грамота, посланная къ Ревельцамъ, не подѣйствовала, и Магнусъ повелъ осаду; при-

удать жителей къ сдачѣ годоломъ небыло никакой возможности, потому что Шведскіе корабли снабдили ихъ всѣмъ нужнымъ; обстрѣливаніе города также не причинило ему большаго вреда; Магнусъ отправилъ въ Ревель своего придворнаго проповѣдника увѣщевать осажденныхъ къ сдачѣ; но и это не помогло. Тогда Магнусъ, видя неудачу, сорвалъ сердце на Таубе и Крузе, сложилъ на нихъ всю вину, что они своими обѣщаніями привели его подъ Ревель, и, простоявши 30 недѣль подъ этимъ городомъ, 16 марта 1571 года зажегъ лагерь и отступилъ. Русскія войска отправились по дорогѣ къ Нарвѣ; Нѣмцы хотѣли было взять Виттенштейнъ, но и это не удалось, послѣ чего Магнусъ удалился въ Оберпаленъ. Таубе и Крузе, боясь отвѣтственности за неудачу передъ царемъ, которому они также обѣщали легкій успѣхъ относительно Ревеля, уѣхали въ Дерптъ и оттуда завели сношеніе съ королемъ Польскимъ, обѣщая овладѣть Дерптомъ въ его пользу, если онъ приметъ ихъ милостиво и дастъ тѣ же выгоды, какими пользовались они въ Москвѣ. Сигизмундъ-Августъ принялъ предложеніе, и они подговорили Розена, начальника Нѣмецкой дружины, находившейся въ Русской службѣ въ Дерптѣ, напасть въ-расилохъ на Русскихъ въ Воскресный день, въ послѣобѣденное время, когда тѣ, по обыкновенію своему, будутъ спать. Сначала заговорщики имѣли было успѣхъ, перебили стражу, отворили тюрьмы, выпустили заключенныхъ, которые взяли оружіе убитыхъ и стали помогать заговорщикамъ; но когда послѣдніе обратились къ жителямъ, призывая ихъ къ оружію, то тѣ въ ужасѣ заперлись въ домахъ; Русскіе дѣти боярскіе и стрѣльцы, составлявшіе гарнизонъ, заперлись также въ домахъ и вооружились; къ нимъ на помощь подоспѣли изъ посада расположенные тамъ стрѣльцы, также Русскіе купцы съ оружіемъ всякаго рода, и заставили отрядъ Розена очистить городъ, причемъ раздраженные побѣдители не пощадили жителей, подозрѣвая ихъ въ соумышленничествѣ съ заговорщиками. Таубе и Крузе еще прежде вывезли свои семейства и пожитки изъ Дерпта, и теперь, видя неудачу заговора, отправились къ Польскому королю,

который принадлежал имъ очень благосклонно. Магнусъ, узнавши о Дерптскихъ событіяхъ, испугался царскаго гнѣва: отправивъ къ Іоанну грамоту съ увѣреніями, что ничего не зналъ о заговорѣ, онъ счелъ за нужное выѣхать изъ Оберпадена, и отцѣпился въ прежнее свое владѣніе, на островъ Эзель. Но Іоаннъ спѣшилъ успокоить Магнуса, и когда невѣста его, Евфимія, умерла, предложилъ ему руку младшей сестры ея Маріи; Магнусъ согласился и прежнія отношенія возстановились.

Уиорство Іоанна относительно приобрѣтенія прибалтійскихъ областей всего лучше понимали и оправдывали враги его. Такъ Сигизмундъ-Августъ, старавшійся прекратить торговлю съ Нарвою, писалъ по этому поводу къ Елисаветѣ, королевы Англійской: «Московский государь ежедневно увеличиваетъ свое могущество приобрѣтеніемъ предметовъ, которые привозятся въ Нарву: ибо сюда привозятся не только товары, но и оружіе, до сихъ поръ ему неизвѣстное, привозятся не только произведенія художествъ, но пріѣзжаютъ и сами художники, посредствомъ которыхъ онъ приобрѣтаетъ средства побѣждать всѣхъ. Вашему величеству не безизвѣстны силы этого врага и власть, какою онъ пользуется надъ своими подданными. До сихъ поръ мы могли побѣждать его только потому, что онъ былъ чуждъ образованности, не зналъ искусствъ. Но если Нарвская навигація будетъ продолжаться, то чтó будетъ ему неизвѣстно?» Англійское правительство не обращало вниманія на эти опасенія сосѣдей Іоанновыхъ и продолжало сношенія съ Москвою, стараясь доставить здѣсь своимъ подданнымъ какъ можно болѣе торговыхъ выгодъ; но царь, при дружелюбныхъ сношеніяхъ своихъ съ Елисаветою, имѣлъ въ виду еще и другое, кромѣ торговли. Если пріятель его, Ерикъ Шведскій, просилъ Московскихъ пословъ, чтобъ взяли его въ Русь, то Іоаннъ просилъ Елисавету дать ему убѣжище въ Англіи, если будетъ изгнанъ изъ отечества; Елисавета отвѣчала, что если когда-либо ея дорогой братъ, великій императоръ и великій князь, будетъ принужденъ оставить свою страну, вслѣдствіе

ли заговора, или нападеній вѣшняго врага, то она приметъ его, жену его и дѣтей съ почестями, подобающими такому великому государю, что онъ будетъ проводить жизнь въ полной свободѣ и спокойствіи со всѣми тѣми, кого привезетъ съ собою, и будетъ пользоваться полною свободою относительно вѣры; будетъ отведено ему удобное мѣсто, гдѣ онъ и можетъ жить на своемъ содержаніи сколько времени ему будетъ угодно ⁹⁹.

Обративши все вниманіе свое на Ливонію, Іоаннъ хотѣлъ быть спокоенъ со стороны Крыма. Онъ думалъ, что послѣ дѣяствій Вишневецкаго, Ржевскаго, Адашева и послѣ взятія Полоцка, ханъ могъ убѣдиться въ бесполезности вражды съ могущественною Москвою и союза съ слабою Литвою. Чтобъ попытаться, нельзя ли склонить Девлетъ-Гирея къ миру, отправился въ Крымъ большой посолъ Аѳанасій Нагой. Завоеватель Казани и Астрахани въ грамотѣ своей къ Крымскому хану не хотѣлъ употреблять прежнихъ почтительныхъ выраженій, писать челобитье; Іоаннъ писалъ: «Божіею милостію великаго государя царя и великаго князя Ивана Васильевича всея Руси, Московскаго, Новгородскаго, Казанскаго, Астраханскаго, Нѣмецкаго и иныхъ — Великія Орды великому царю, брату моему Девлетъ-Гирею царю съ поклономъ слово». И въ Крыму перемѣнили прежнее поведеніе относительно Московскихъ пословъ: Нагой писалъ, что когда онъ шелъ къ хану и отъ хана, то зацѣпки ему не было никакой: встрѣчники и придверники о пошлинахъ не поминали. Посолъ такъ говорилъ хану именемъ своего государя: «Изначала дѣдъ нашъ великій государь Иванъ съ твоимъ дѣдомъ Мѣнглигиреемъ царемъ дружбу и любовь держали великую, и кому изъ нихъ надъ недругомъ Богъ помощь подастъ, другъ ко другу сеунчей (вѣстниковъ побѣды) посылавали, сами тому радовались, людей между собою жаловали и богатели, недруги ихъ подъ ихъ ногами были, а друзья ихъ, то слыша, радовались. Этою зимою ходили мы недруга своего короля воевать, съѣвши сами наконь и со всѣми ратями своими многихъ замель, въ королеву землю пришли и, слава

Богу, городъ Полоцкъ взяли. Мы было хотѣли и къ Вильнѣ идти: но рада королева большая къ нашимъ боярамъ прислала бить челомъ, чтобъ бояре упросили насъ изъ земли воротиться, а государь ихъ король сейчасъ же пришлетъ къ намъ пословъ своихъ бить челомъ о своемъ неисправленіи. Бояре наши били челомъ брату нашему, князю Владиміру Андреевичу, и, вмѣстѣ съ нимъ падши къ нашимъ ногамъ, говорили: «Великій государь! вѣра у васъ съ королемъ одна, больше кровь зачѣмъ проливать! недруга своего землю ты воевалъ, рати твои богатствомъ и плѣномъ наполнились, городъ у него лучший ты взялъ, недругъ твой прислалъ къ тебѣ бить челомъ и въ твоей волѣ хочеть быть!» — И мы, не хотя братняго и боярскаго челобитья оскорбить, на свое государство пришли». Въ наказѣ Нагому было написано: «Если стануть спрашивать о Казани, то отвѣчать: «О Казани чтó и говорить! Казань во всей государственной волѣ, церкви въ городѣ и по уѣздамъ многія поставлены, въ городѣ и на посадѣ все Русскіе люди живутъ, и многія земли роздалъ государь княжатамъ и дѣтямъ боярскимъ въ помѣстья; этою зимою было на государственной службѣ въ Литовской землѣ однихъ Казанскихъ людей съ 50,000, кроме Русскихъ людей; Астраханскихъ людей было тысячи съ двѣ; а въ дальніе походы государь Астраханскихъ людей не беретъ, потому что имъ ходить далеко, а велѣлъ имъ государь ходить на тамошнія службы — въ Шавкалы, въ Юргенчъ, въ Дербентъ и въ иныя мѣста, куда государскіе воеводы пошлютъ. — Если вспомнать при какомъ-нибудь случаѣ о великомъ князѣ Иванѣ Даниловичѣ Калитѣ и о царѣ Узбекѣ, и если самъ царь начнетъ говорить, то послу отвѣчать, что онъ еще молодъ, тѣхъ дѣлъ не слыхалъ, то вѣдаетъ Богъ да вы, государи; а если стануть объ этомъ говорить безъ царя князя, то отвѣчать, что такіе разговоры къ доброму дѣлу нейдутъ, то дѣло было незгодою государя нашего прародителей, а теперъ Божіею волею Узбековъ юртъ у кого въ рукахъ? — сами знаете; извѣстно, отъ кого на томъ юртѣ посланники и воеводы сидятъ, и по Узбекову юрту кому къ кому слѣдуетъ»

поминки посылать — знаете; Узбекъ и князь великій Иванъ уже минулися, а что теперь, то всеми видимо, и что видимо, то минувшаго крѣпче; во всехъ государствахъ Богъ сегодня тѣ повиситъ, а завтра иное».

На рѣчи Нагова ханъ отвѣчалъ: «Король мнѣ даетъ казну ежегодно, а государь вашъ со мною бранится и казны и поминковъ, какъ было при прежнихъ царяхъ, не посылаетъ; если государь вашъ хочетъ со мною дружбы, то давай мнѣ казну, какъ давалъ Саипъ-Гирею царю, да и ту мнѣ казну давай же, что мнѣ король даетъ, да и сверхъ королевой казны поминки дай: а если не дастъ мнѣ казны и поминковъ, то мнѣ съ государемъ вашимъ для чего мириться и королеву казну изъ чего потерять?» Нагой отвѣчалъ: «Государю моему казны къ тебѣ не присылывать, и въ пошлину государь нашъ никому не даетъ ничего, государь нашъ дружбы не покупаетъ: ставется между вами доброе дѣло, такъ государь нашъ тебѣ за поминки не постоитъ». Ханъ жаловался, что Иоаннъ велѣлъ схватить въ Путивлѣ посла его и держать въ Москвѣ подъ стражею; Нагой отвѣчалъ, что это сдѣлалось по распоряженію измѣнниковъ, которые были въ приближеніи у государя; но что теперь эти люди въ опалѣ. Одинъ изъ князей говорилъ Нагому: «Татаринъ любить того, кто ему больше дастъ, тотъ ему и другъ». Мирныя предложенія со стороны Иоанна дали хану случай торговаться съ королемъ: когда послѣдній прислалъ ему казну, 36 телѣгъ со всякою рухлядью, то ханъ велѣлъ сказать ему, чтобъ прислалъ вдвое, иначе онъ помирится съ Московскимъ и будетъ съ нимъ вѣбѣтъ Литву воевать. Взявши казну отъ короля, ханъ дождался богатыхъ поминковъ изъ Москвы, чтобъ помириться и съ нею, и потомъ смотрѣть, кто будетъ щедрѣе; новый посолъ царскій, Ржевскій, привезъ хану такіе поминки; которые ему очень полюбились: онъ оказалъ обоимъ посламъ, Ржевскому и Нагому, большія почести, даже обдарилъ ихъ, чего прежде не бывало, и далъ шертную грамоту царю.

Крымскіе ханы, по разбойничьему характеру своей орды,

не могли постоянно и долго имѣть въ виду высшихъ интересовъ: напуганный Ржевскимъ, Вишневецкимъ, Адашевымъ, прельщенный богатыми подарками, Девлетъ-Гирей позабылъ на время о Казани и Астрахани; но мысль объ нихъ, мысль о томъ, что христіанскія церкви поставлены въ древнѣмъ убожищѣ музульманства, безпокоили другаго владѣльца, который считалъ себя главою музульманскаго міра, султана Турецкаго. Отдаленность и другія заботы помѣшали Солиману II-му непосредственно заступиться за Казань и Астрахань; онъ поручилъ это дѣло Крымцамъ и Ногаямъ; но мы видѣли, какъ они исполнили его порученіе. Теперь, управившись съ дѣлами и слыша жалобы магометанъ, Солиманъ рѣшился заняться съверомъ и отправить войско для завоеванія Астрахани. Но этого намѣренія прежде всего испугался Крымскій ханъ: зависимость отъ Турокъ сильно тяготила его; боясь болѣе всего увеличенія Турецкаго могущества на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря, на Дону и на Волгѣ, онъ всѣми силами началъ отворачивать султана отъ похода на Астрахань; притомъ онъ зналъ, что вся тяжесть этого похода должна пасть на него: Крымцы любили только предпринимать опустошительныя набѣги съ вѣрною надеждою на добычу, а теперь заставляютъ ихъ предпринять трудный походъ, успѣхъ котораго былъ очень сомнителенъ, заставляютъ осаждать городъ, биться съ Русскими, которые не легко поддаются; и въ случаѣ даже успѣха грабить своихъ Татаръ имъ не дадутъ, а Московскіе плѣнники достанутся Туркамъ. Нагой далъ знать Юанну, что въ Сентябрѣ 1563 года Турскій *хункеръ* (султанъ) прислалъ къ Девлетъ-Гирею чауша, съ приказаніемъ къ веснѣ запасъ готовить и лошадей кормить, а на весну идти на Астрахань; съ ханомъ Турскій посылаетъ своихъ царевичей, съ ними многихъ людей и янычаръ; велѣлъ Турскій хану приготовить тысячу телѣгъ подъ нарядъ; пойдутъ Турки съ большимъ нарядомъ на судахъ Донѣмъ до рѣчки Иловли, на устьѣ Иловли класть имъ нарядъ и телѣги въ малыя суда, и плыть Иловлею вверхъ до рѣчки Черепѣхи, до которой отъ Иловли будетъ у нихъ переволоки (въ

вышней Качалинской станицѣ) верстѣ съ семь, а рѣчкою Черепахою идти имъ внизъ до Волги; за Волгу возиться имъ противъ Черепашскаго устья на Ногайскую сторону, и идти къ Астрахани сухимъ путемъ. Присылали къ Турскому бить челомъ Черкесы, также Астраханскіе, Ногайскіе и Казанскіе люди, чтобъ Турскій послалъ людей на Астрахань, а они съ ними все готовы вмѣстѣ промышлять; Астраханскіе Татары ждуть только приходу Турскихъ людей, хотятъ городъ взять. Большая досада Турскому на государя за то, что когда бусурманы съ Прикавказья и изъ другихъ государствъ поѣдутъ на Астрахань къ Магометову гробу, то Московскіе воеводы въ Астрахани ихъ не пропускаютъ. Девлетъ-Гирей отпустилъ чауша съ тѣмъ, что государь Московскій съ нимъ мирится, и послалъ своего человека къ Турскому отговорить, чтобъ къ Астрахани людей не посылалъ: «И возьмешь теперь Астрахань у великаго князя, все же ее тебѣ не удержать: опять ее великій князь возьметъ; только людей потеряешь, а корысти не получишь». Нагой заключаетъ свое донесеніе слѣдующимъ извѣстіемъ: «Обѣдалъ у Ржевскаго ага янычарскій, который у хана живетъ съ янычарами; мы и стали его для вѣстей поить, и какъ онъ опьянѣлъ, то началъ намъ сказывать, что Турскій на весну къ Астрахани непременно посылаетъ многихъ людей и хану велитъ идти; что у Турскаго нарядъ, и для подкоповъ буравы, заступы, топоры, лопаты и корыта — къ веснѣ все готово: но ханъ къ Астрахани идти не хочетъ и Турскому отговариваетъ». Съ такими же вѣстями присылалъ самъ ханъ въ Москву; по словамъ его гонца, султанъ приказалъ на переволокъ городъ поставить, а другой городъ противъ переволоки на Волгѣ, и между этими двумя городами переволоку прокопать и воду пропустить, чтобъ можно было этимъ мѣстомъ нарядъ везти, а пришедши къ Астрахани, поставить тамъ третій городъ и Астрахань покорить султану. Но вмѣстѣ съ этимъ ханъ извѣщалъ, что султанъ послушался его и отложилъ походъ.

Довольный поведеніемъ хана и шертною грамотою, Иоаннъ

отправилъ къ нему третьяго посла, Писемскаго, съ поминками, причемъ писалъ ему: « Въ которомъ платѣ мы тебѣ, брату своему, клятву дали, и мы то платѣ съ своихъ плечъ тебѣ, брату своему, послали: и ты бѣ, братъ нашъ, то платѣ и носилъ на здоровье; а изъ которой чары мы пили, и мы ту чару съ черпалкою послали къ тебѣ же, и ты бѣ изъ нея пилъ на здоровье ». Но долго жить въ согласіи съ ханомъ было нельзя: Нагой обѣщалъ Девлетъ-Гирею, что царь будетъ присылать ему такіе же поминки, какіе присылались Саипъ-Гирею; ханъ согласился, но Татары его не соглашались, требовали такихъ поминковъ, какіе отецъ Іоанновъ присылалъ Магметъ-Гирею; наконецъ всѣ согласились на Саипъ-Гиреевыхъ поминкахъ, и Нагой собирался уже выѣхать изъ Крыма, какъ пріѣхалъ гонецъ Литовскій съ извѣстіемъ, что король посылаетъ двойную казну и берется присылать Саипъ-Гиреевскіе поминки, которые обѣщаетъ царь, если только ханъ разорветъ съ Москвою. Это дало хану поводъ торговаться съ Московскимъ посломъ: онъ послалъ спросить Нагаго: ручается ли онъ, что царь пришлетъ ему Магметъ-Гиреевскіе поминки? Нагой отвѣчалъ, что не ручается, и тогда ханъ рѣшилъ, что королева дружба выгоднѣе, и выступилъ къ Московскимъ украинамъ, ибо король писалъ ему, что всѣ царскія войска на Ливонской границѣ. Дѣйствительно, вслѣдствіе шертной грамоты Девлетъ-Гиреевой, Украина была обнажена отъ войскъ, въ Рязани не было ни одного ратника; несмотря на то, Рязанцы, подъ предводительствомъ любимца Іоаннова, Алексѣя Басманова, и сына его Федора, отбили всѣ приступы Татаръ, и ханъ, услышавъ о приближеніи Московскихъ воеводъ, не сталъ ихъ дожидаться и ушелъ назадъ, потерпѣвъ значительный уронъ въ людяхъ, потому что отдѣльные отряды его, разсѣявшіеся для грабежа, были побиты.

Опять слѣдовательно Іоанну нужно было не спускать глазъ съ южной Украины, или тягаться съ королемъ на Крымскомъ аукціонѣ, наддавать поминки разбойникамъ. Ханъ не отступался отъ своихъ требованій: чтобъ заставить царя согласиться

на Магметъ-Гиреевскіе поминки, онъ сталъ требовать Казани и Астрахани, требовать, чтобъ Іоаннъ посадилъ въ Казани сына его Адыл-Гирея. Нагой отвѣчалъ на это требованіе: «Какъ тому статься? Въ Казани, въ городѣ и на посадѣ, и по селамъ государь нашъ поставилъ церкви, навелъ Русскихъ людей, села и волости раздавалъ дѣтямъ боярскимъ въ помѣстья; а большихъ и среднихъ Казанскихъ людей, Татаръ всѣхъ вывелъ, подавалъ имъ въ помѣстья села и волости въ Московскихъ городахъ, а инымъ въ Новгородскихъ и Псковскихъ; да въ Казанской же землѣ государь поставилъ семь городовъ: на Свіягъ, на Чебоксаръ, на Суръ, на Алатырь, на Курмышъ, въ Арскѣ и городъ Лаишевъ». Въ Москвѣ гонцамъ ханскимъ, присланнымъ съ требованіемъ Казани и Астрахани, данъ былъ отвѣтъ, что это требованіе къ доброму дѣлу нейдетъ. Гонцамъ за столомъ даны были, по обычаю, шубы, но легче тѣхъ, которыя давались прежде; одинъ изъ гонцовъ сталъ жадоваться на это; въ отвѣтъ самъ царь сказалъ ему: «За то ли васъ намъ жадовать, что царь вашъ нарушилъ клятву, Рязань повоевалъ, а теперь Казани да Астрахани просить? Города и земли за чашею да за хлѣбомъ не берутся». Быть можетъ, самъ ханъ и позабылъ бы о Казани и Астрахани, еслибъ ему не напоминали о нихъ; Нагой писалъ въ Москву: «Пришли въ Крымъ отъ Ногаевъ послы за миромъ, чтобъ съ ними ханъ помирился, и если онъ захочетъ воевать Казань и Астрахань, то они съ нимъ готовы идти. Вмѣстѣ съ Ногайскими послами пришелъ въ Крымъ Казанецъ, Коштивлей уланъ, и говорить, что былъ съ Ногаями въ Москвѣ, гдѣ видѣлся съ двумя луговыми Черемисинами, Лаишемъ и Лаимбердеемъ: они приказали съ нимъ къ хану, чтобъ шелъ къ Казани или послалъ царевичей, а они всѣ ждутъ его приходу, какъ придетъ, всѣ ему передадутся и станутъ промыслять заодно надъ Казанью. Съ другой стороны, Черкесы прислали говорить хану, что царь Иванъ ставитъ на Терекѣ городъ, и если онъ городъ поставитъ, то не только имъ пропасть, но и Тюмень и Шевкалъ будутъ за Москвою». Ханъ отвѣчалъ Черкесамъ, что

у него нѣтъ силы помѣшать царю ставить городъ; у него была сила только нападать въ-расплохъ на Московскія укрѣпленія, и осенью 1565 года онъ подступилъ съ пушками къ Болхову; но тамъ были воеводы съ людьми ратными, они сдѣлали удачную вылазку, не дали Татарамъ даже сжечь посада, а между-тѣмъ двое воеводъ, князя Бѣльскій и Мстиславскій, уже приближались съ большимъ войскомъ; ханъ, по обыкновенію, бѣжалъ назадъ.

И послѣ этого нападенія ханъ прислалъ въ Москву гонцовъ съ требованіями Казани и Астрахани для вѣчнаго мира, богатыхъ даровъ для перемирія; царь отвѣчалъ имъ: «Мы, государи великіе, бездѣльныхъ рѣчей говорить и слушать не хотимъ». Царь не позволялъ также хану возобновлять прежнее поведеніе относительно пословъ Московскихъ; такъ въ наказѣ послу Алябьеву читаемъ: «Если станетъ ханъ говорить: посылаю я къ брату своему, великому князю, гонца Мустафу съ добрымъ дѣломъ, а князь великій велѣлъ его ограбить Андрею Щепотьеву за то, что у Андрея Сулешъ взялъ имѣніе въ зачетъ нашихъ поминковъ: такъ я велю этотъ грабежъ Мустафѣ взять на тебѣ—отвѣчать: которые поминки государь нашъ послалъ къ тебѣ съ Андреемъ Щепотьевымъ, эти поминки Андрей до тебя и доведетъ; а Сулешъ у Андрея взялъ рухлядь силою. Андрей билъ тебѣ челомъ на Сулеша, а ты управы не далъ; Андрей билъ челомъ нашему государю, и государь велѣлъ ему за тотъ грабежъ взять на твоёмъ гонцѣ; если же на мнѣ велишь взять что силою, то государь мой велитъ мнѣ взять вдвое на твоёмъ послѣ, и впередъ къ тебѣ за то посла не пришлеть никакова». Нагой уже давно жилъ въ Крыму и не хотѣлъ выѣхать оттуда безъ окончательнаго договора о мирѣ и безъ посла ханскаго. Однажды ханъ попросилъ у него шубы бѣличей для одного князя, Нагой не далъ; тогда мурзы сказали ему: «Ты шубы не далъ, такъ царь нашъ наложилъ на тебя опалу, высылаетъ тебя вонъ; а что нашъ посолъ задержанъ въ Москвѣ, то Крымъ пусть не будетъ, много у нашего царя такихъ холопей, какіе на Москвѣ померли». Нагой отвѣчалъ:

«Если царь вашъ отправитъ пословъ и насъ отпустить, то мы ѣхать ради, а станеть высылать безъ пословъ и безъ дѣла, то мы не поѣдемъ; лучше намъ въ Крыму помереть, чѣмъ ѣхать безъ посла». Пребываніе Нагова въ Крыму было необходимо для вѣстей, которыя становились все важнѣе и важнѣе вслѣдствіе неудовольствій, обнаруживавшихся въ Казани и Астрахани, и замысловъ въ Константинополѣ. Такъ Нагой доносилъ царю, что писали къ хану изъ Казани двое знатныхъ людей и вся Луговая Черемиса, просили прислать къ нимъ сына съ воинскими людьми; и какъ къ нимъ царевичъ придетъ, то они отъ Московскаго государя отступятъ и стануть промыслять надъ Казанскимъ острогомъ; а по всѣмъ селамъ Московскіе служилые люди будутъ ихъ; и въ сборѣ у нихъ Луговой Черемисы 60,000. Ногайскіе князья также приказывали хану: «Пока мы были наги и безконны, до тѣхъ поръ мы дружили царю и великому князю; а теперь мы конны и одѣты: такъ если ты царевича въ Казань съ войскомъ отпустишь, то дай намъ знать, мы сыну твоему готовы на помощь». Ханъ не былъ въ состояніи отнять Казань у царя; но и помириться ему съ Москвою было трудно: разбойники понимали, какая опасность грозитъ имъ отъ ея усиленія: «Была, пишетъ Нагой, дума у царевичей: думали царевичи, карачеи, уланы, князья, мурзы и вся земля, и придумали мириться съ королемъ; поѣхали къ царю и говорили ему, чтобъ помириться съ королемъ, а съ тобою государемъ не мириться: помириться тебѣ съ Московскимъ, говорили они хану, это значить короля выдать: Московскій короля извоюеть, Кіевъ возьметъ, станеть по Днѣпру города ставить, и намъ отъ него не пробывать. Взялъ онъ два юрта бурсурманскихъ, взялъ Нѣмцевъ; теперь онъ тебѣ поминки даетъ, чтобъ короля извоюеть, а когда короля извоюеть, то нашему юрту отъ него не пробывать; онъ и Казанцамъ шубы давалъ; но вы этимъ шубамъ не радуйтесь: послѣ того онъ Казань взялъ». Ханъ согласился съ ихъ мнѣніемъ и велѣлъ сказать Нагому, что не хочетъ быть въ мирѣ съ его государемъ. Нагой добился однако свиданія съ ханомъ, который сказалъ ему:

«Ко мнѣ пришла вѣсть, что государь вашъ хочетъ на Терекъ городъ ставить; если государь вашъ хочетъ быть со мною въ дружбѣ и братствѣ, то онъ бы города на Терекъ не ставилъ и далъ бы мнѣ поминки Магметъ-Гиреевскіе: тогда я съ нимъ помирюсь. Если же онъ будетъ на Терекъ городъ ставить, то хотя давай мнѣ гору золотую — мнѣ съ нимъ не мириться, потому что побралъ онъ юрты бусурманскіе, Казань да Астрахань, а теперъ на Терекъ городъ ставить и несется къ намъ въ сосѣди». Въ томъ же смыслѣ ханъ послалъ грамоту самому Юанну; царь приговорилъ съ боярами: отвѣчать — что Казани и Астрахани не отдастъ; на Терекъ городъ построенъ для безопасности князя Темгрюка, тестя государева; а хочетъ ханъ, пусть пришлетъ царевича: государь выдастъ за него дочь Шигъ-Алееву и дастъ ему Касимовъ; Магметъ-Гиреевскихъ поминковъ не пошлетъ. Царь приговорилъ послать поминковъ на триста рублей, чтобъ съ ханомъ дѣла не порвать.

На предложеніе посадить сына въ Касимовъ ханъ велѣлъ отвѣчать Нагому: «Просилъ я у вашего государя Казани и Астрахани; государь вашъ мнѣ этого не даетъ, а что мнѣ даетъ и на Касимовъ царевича просить, того мнѣ не надобно: сыну моему и у меня есть что ѣсть; а не дастъ мнѣ государь вашъ Астрахани, такъ Турскій возьметъ же ее». Султанъ Селимъ, наследникъ Солимана, дѣйствительно задумалъ опять о завоеваніи Астрахани; Нагой доносилъ: «Прислалъ Турскій весной (1567 года) къ хану съ грамотою: были у Турскаго изъ Хивы послы, да изъ Бухаръ, которые шли къ Меккѣ на Астрахань, и били челомъ Турскому, что государь Московскій побралъ юрты бусурманскіе, взялъ Казань да Астрахань, разорилъ бусурманство, а учинилъ христіанство, ихъ воюетъ и другіе многіе бусурманскіе юрты; а въ Астрахань изъ многихъ земель кораблямъ съ торгомъ приходъ великій, доходитъ ему въ Астрахани тамги на день по тысячѣ золотыхъ. И Турскій писалъ къ хану, чтобъ шелъ съ сыновьями этою весной къ Астрахани, а онъ, султанъ, отъ себя отпускаетъ туда же Крымъ-Гирея царевича, да Касима князя и людей съ нарядомъ

чтобы Астрахань взяли и посадили тамъ царемъ Крымъ-Гирекъ царевича». Самъ ханъ сказалъ Нагому: «Я бы съ государемъ вашимъ побранившись и помирился; да теперь на государя вашего поднимается человекъ тяжелый, Турскій царь, и меня на Астрахань посылаетъ; да и всѣ бусурманскія государства на государя вашего поднимаются за то, что государь вашъ побралъ бусурманскіе юрты». Нагой отвѣчалъ: «Астрахань государю нашему далъ Богъ, и стоитъ за нее Богъ же да государь нашъ; вѣдаешь и самъ, что государь нашъ сидитъ на своемъ конѣ, и недругамъ свою недружбу мститъ». Ханъ сказалъ на это: «Оно такъ, государю вашему эти юрты Богъ поручилъ; но вѣдь и мы надѣемся на Бога же». Нагой отвѣчалъ: «Вѣкъ свой между собою государи ссылаются поминками, а царствами государи не ссужаются: этому статья нельзя».

Ханъ, попрежнему, бояся Турецкаго сосѣдства болѣе чѣмъ Московскаго; онъ отписалъ султану, что этимъ лѣтомъ къ Астрахани идти нельзя, потому что безводныхъ мѣстъ много, а зимою къ Астрахани идти—Турки стужи не поднимутъ, къ тому же въ Крыму голодъ большой, запасами подняться нельзя; идти надобно ему съ сыновьями къ Астрахани на весну раньше и промыслять надъ городомъ; если Астрахань не возьмутъ, то городъ поставить на Крымской сторонѣ, на старомъ городищѣ, и изъ него промыслять надъ Астраханью. Потомъ ханъ старался вовсе отклонить султана отъ похода на Астрахань: «У меня, писалъ онъ, вѣрная вѣсть, что Московскій государь послалъ въ Астрахань 60,000 войска; если Астрахани не возьмемъ, то безчестіе будетъ тебѣ, а не мнѣ; а захочешь съ Московскимъ воевать, то вели своимъ людямъ идти вмѣстѣ со мною на Московскія украины: если которыхъ городовъ и не возьмемъ, то, по крайней мѣрѣ, землю повожемъ и досаду учинимъ». Ханъ прислалъ гонца въ Москву извѣстить о походѣ Турецкаго войска подъ Астрахань, и требовать, чтобъ царь отдалъ ему Астрахань лучше добромъ: «Мы» велѣлъ сказать ханъ: «не захотѣли Турецкимъ людямъ на нашъ юртъ дорогу проложить и потому послали къ тебѣ объявить о томъ». Иоаннъ

отвѣчалъ: «Когда то ведется, чтобъ, взявши города, опять отдавать ихъ?»

Весною 1569 года пришло въ Кафу 17,000 Турецкаго войска, съ которыми Кафинскій паша Касимъ долженъ былъ идти къ Переволокъ, каналомъ соединить Донъ съ Волгой, и потомъ взять Астрахань, или, по крайней мѣрѣ, основать вблизи ея крѣпость; ханъ съ 50,000 своихъ Татаръ также выступилъ въ походъ; суда съ пушками, подъ прикрытiемъ 500 ратниковъ, плыли отъ Азова Дономъ. На одномъ изъ судовъ, въ числѣ другихъ плѣнныхъ, служившихъ гребцами, находилея Семень Мальцевъ, отправленный изъ Москвы посломъ къ Ногаямъ и захваченный Азовскими козаками. «Какихъ бѣдъ и скорбей не потерпѣлъ я отъ Кафы до Переволоки!» пишетъ Мальцевъ: «жизнь свою на каторгѣ мучилъ, а государское имя возносилъ выше великаго царя Константина. Шли каторги (суда) до Переволоки пять недѣль, шли Турки съ великимъ страхомъ и животъ свой отчаяли; которые были янычары изъ христіанъ, Греки и Волохи, дивились, что государевыхъ людей и козаковъ на Дону не было; еслибы такими рѣками Турки ходили по Фряжской и Венгерской землѣ, то всѣ были бы побиты; хотя бы козаковъ было 2,000 и они бы насъ руками побрали: такія на Дону крѣпости (природныя укрѣпленія, удобныя для засадъ) и мели». Достигши переволоки въ половинѣ Августа, Турки начали рыть каналъ; но продолжать работу не было никакой возможности; Касимъ велѣлъ тащить суда по землѣ; ханъ совѣтовалъ уже возвратиться; Татары, по его наказу, разглашали между Турками, что и въ случаѣ успѣха предпріятія имъ придется плохо: ибо въ сѣверныхъ странахъ зима продолжается девять мѣсяцевъ, а лѣтомъ ночи длятся не болѣе трехъ часовъ, слѣдовательно Турки должны будутъ или не спать всю ночь, или пренебрегать своими религіозными обязанностями, по которымъ они должны молиться два часа спустя по захожденіи солнца и потомъ опять на разсвѣтѣ. Ропотъ между Турками усилился, но въ это время явились послы отъ Астраханцевъ и убѣдили пашу въ бесполезности брать съ собою суда, объ-

щаясь доставить ихъ сколько было нужно, лишь бы только Турки шли поскорѣе къ Астрахани и отняли ее у Русскихъ. Но сдѣлать это было не очень легко: приблизясь къ Астрахани въ половинѣ Сентября, Касимъ не рѣшился приступить къ ней, и, остановившись ниже города на старомъ городищѣ, рѣшился строить тутъ крѣпость и зимовать, а хана отпустить назадъ въ Крымъ. Но когда въ войскѣ узнали объ этомъ намѣреніи паши, то вспыхнуло возмущеніе: пришли Турки на пашу (рассказываетъ Мальцевъ) съ великою бранью, кричали: намъ зимовать здѣсь нельзя, помереть намъ съ голоду, государь нашъ всякій запасъ далъ намъ на три года, а ты намъ изъ Азова велѣлъ взять только на сорокъ дней корму, Астраханскимъ же людямъ насъ прокормить нельзя; янычары всѣ отказали: всѣ съ царемъ Крымскимъ прочь идемъ; ты государя взманилъ, и онъ по твоей манѣ не послушался Девлетъ-Гирея царя, а царь что ни писалъ къ государю, и намъ что ни говорилъ, и тебѣ передъ нами на Переволокъ что ни говорилъ—все вышло правда. Но Мальцевъ не довольствовался только тѣмъ, что подмѣчалъ происходившее въ станѣ Турецкомъ: «Взяли Турки въ плѣнъ подъ Астраханью Никольскаго келаря Арсенія да игумена челоуѣка и посадили этого челоуѣка со мною на одной цѣпи, и вотъ я его сталъ научать, велѣлъ говорить: слышалъ онъ отъ игумена, что князь, Петръ Серебряный, а съ нимъ 30,000 судовою рати, будетъ сейчасъ подъ Астрахань, а полемъ государь подъ Астрахань отпустилъ князя Ивана Дмитріевича Бѣльскаго, а съ нимъ 100,000 войска, да и Ногаи съ нимъ будутъ, а Кизилбашскій (Персидскій) шахъ присылалъ къ нашему царю бить челомъ: Турскіе люди мимо Астрахани дороги ко мнѣ ищутъ, а ты бы великій царь сильною своею рукою помогъ мнѣ на Турскаго; и государь нашъ шаха пожаловалъ, послалъ къ нему посла своего, Алексѣя Хозникова, а съ нимъ 100 пушекъ да 500 пищалей». На другую ночь дѣйствительно Туркамъ дали знать о приходѣ Московскихъ воеводъ, князя Петра Серебрянаго и Замятни Сабурова, съ большимъ войскомъ; извѣщали, что Русскіе перехватили уже Ногаевъ, передавшихся на Турецкую

сторону, и что, по выраженію Мальцева, все около Астрахани трепещеть царя государя, единого подь солнцемъ страшила бусурмановъ и Латиновъ. Вслѣдствіе этихъ вѣстей Касимъ 26 Сентября зажегъ свои деревянныя укрѣпленія и побѣжалъ вмѣстѣ съ ханомъ отъ Астрахани; въ 60 верстахъ встрѣтился ему гонецъ отъ султана: Селимъ писалъ, чтобъ Касимъ оставался зимовать подь Астраханью, что весною получить онъ сильное подкрѣпленіе, и для отвлеченія Московскихъ силъ пойдетъ на Русь Крымскій ханъ и Турецкій паша, зять султановъ. Но Касимъ продолжалъ бѣгство; мѣсяць шли Турки до Азова; ханъ велъ ихъ мимо Черкесовъ, Кабардинскою дорогою, по безводнымъ мѣстамъ: Турки, терпя нужду, называли Селима несчастнымъ, потому что послѣ вступленія на престолъ впервые отпустилъ рать свою въ походъ и такъ неудачно: мы и съ большихъ боевъ, говорили они, въ такой истомѣ не прихаживали, а еслибы еще на насъ непріятеля пришли, то ни одинъ бы изъ насъ не возвратился.

Ханъ достигъ своей цѣли: Турки потеряли охоту возстановивать музульманскія царства на Волгѣ; но онъ находился въ затруднительномъ положеніи относительно Москвы: прежде онъ все стращаль царя султаномъ; но предпріятіе султаново не удалось. Призвавши князя Сулеша, Московскаго доброжелателя, ханъ говорилъ ему: «Съ чѣмъ мнѣ послать теперь въ Москву? не знаю, чего просить? Астраханскимъ походомъ я Турокъ истомилъ, пришедши подь Астрахань, я за рѣку не переправлялся и къ городу не приступалъ; я такъ дѣлалъ и для Московскаго царя и для себя тутъ же: мнѣ не хотѣлось, чтобъ Астрахань была за Турскимъ, хотѣлъ я себѣ помочь, чтобъ Турскаго люди на Крымъ не ходили». Ханъ прислалъ наконецъ гонца въ Москву съ грамотою, въ которой просилъ Казани и Астрахани, требовалъ размѣна пословъ—Нагаго на Ямболдуя, давно уже задержаннаго въ Москвѣ, тысячи рублей денегъ, шубъ, кречетовъ. Иоаннъ ждалъ втораго нашествія Турокъ, видѣлъ, что ханъ можетъ быть ему полезенъ въ этомъ случаѣ, и потому отвѣчалъ очень ласково: отказавши на—счетъ Казани

и Астрахани, писалъ: «Мы бы тебѣ, брату своему, за Магметъ-Гиреевскіе поминки не постояли, но въ Москвѣ былъ пожаръ большой, и книги, въ которыхъ тѣ поминки значились, потерялись; а который ты намъ счетъ прислалъ Магметъ-Гиреевскимъ поминкамъ, то здѣсь старые люди говорятъ, что столько никогда не посмывалось, и ты бы, братъ нашъ, этотъ счетъ пересмотрѣлъ, и далъ намъ знать, какъ тебѣ съ нами впередъ въ дружбѣ и братствѣ быть».

Но главная опасность грозила изъ Константинополя: если тяжело было при войнѣ Ливонской и при отсутствіи постоянного войска держать рать на берегахъ Оки противъ хана, то еще тяжелѣе было держать другіе многочисленныя полки въ отдаленной Астрахани; Іоаннъ зналъ, что султанъ на весну замышлялъ новый походъ къ этому городу, а ханъ въ то же время долженъ былъ идти къ Москвѣ, причемъ малѣйшій успѣхъ Турокъ въ низовьяхъ Волги служилъ знакомъ къ возстанію недовольныхъ Казанскихъ. Имѣя глаза постоянно обращенными къ берегамъ Балтійскаго моря, готовясь къ важнымъ событіямъ въ Литвѣ и Польшѣ, считая себя не безопаснымъ внутри государства, Іоаннъ долженъ былъ употребить всѣ средства, рѣшиться на важныя пожертвованія, чтобъ только склонить къ миру хана и султана. Соглашаясь давать Магметъ-Гиреевскіе поминки первому, царь въ 1570 году отправилъ посла Новосильцева въ Константинополь подъ предлогомъ поздравленія Селима съ восшествіемъ на престолъ: посолъ долженъ былъ напомнить султану о прежнихъ пріятельскихъ отношеніяхъ предшественниковъ его къ предшественникамъ Іоанновымъ, и главное внушить, что магометанство не терпитъ никакого притѣсненія въ новыхъ владѣніяхъ Московскихъ, завоеванныхъ у Татаръ; рассказавши о Казанскихъ дѣлахъ при Іоаннѣ III, Васиіи, Іоаннѣ IV, Новосильцевъ говорилъ султану: «Государь нашъ за такія ихъ неправды ходилъ на нихъ ратью, и за ихъ неправды Богъ надъ ними такъ и учинилъ. А которые Казанскіе люди государю нашему правдою служатъ, тѣ и теперь въ государскомъ жалованьи по своимъ мѣстамъ живутъ, а отъ вѣры государь

ихъ не отводить, мольбищъ ихъ не рушить: Вотъ теперь государь нашъ посадилъ въ Касимовъ городкѣ царевича Саинъ-Булата, мизгити (мечети) и кишени (кладбища) велѣлъ устроить какъ ведется въ бусурманскомъ законѣ, и ни въ чемъ у него воли государь нашъ не отнялъ: а еслибъ государь нашъ бусурманскій законъ разорялъ, то не велѣлъ бы Саинъ-Булата среди своей земли въ бусурманскомъ законѣ устроить». Султанъ въ грамотѣ, присланной съ Новосильцевымъ, требовалъ, чтобъ царь велѣлъ Астраханскую дорогу отпереть, Русскій городъ, поставленный въ Кабардинской землѣ, покинуть, и отовсюду людей проѣзжихъ пропускать. Въ Мартъ 1571 года отправленъ былъ въ Константинополь новый посолъ, Кузминскій; царь, въ грамотѣ съ нимъ отправленной, писалъ къ султану: «Желая быть съ тобою впередъ въ братствѣ и любви, мы показали братской любви знамя: городъ съ Терека рѣки, изъ Кабардинской земли велѣли снести и людей своихъ оттуда свести въ Астрахань; а что ты писалъ къ намъ о дорогѣ, то она была заперта для того, что многіе люди ходили воровскимъ обычаемъ, измѣны многія и убытки нашему городу Астрахани дѣлали; но теперь для тебя, брата нашего, дорогу мы отпереть велѣли всякимъ проѣзжимъ людямъ». Кузминскому было наказано: «Если стануть говорить, что въ Астрахани кишени разорили и мертвецовъ грабили, то отвѣчать: это дѣлали безъ государскаго вѣдома воры, боярскіе холопы и козаки». Кузминскій долженъ былъ говорить отъ царскаго имени любимцу султанову, Магметъ-пашѣ: «Захочешъ нашего жалованья и любви, то послужи намъ, введи насъ съ своимъ государемъ въ любовь, чтобъ братъ нашъ, Селимъ султанъ, былъ съ нами въ братствѣ и любви, и заодно былъ бы на цесаря Римскаго, и на Польскаго короля, и на Чешскаго, и на Французскаго, и на иныхъ королей и на всѣхъ государей Италійскихъ» (западно-европейскихъ). Но благоприятнаго отвѣта не было: султанъ требовалъ Казани, Астрахани и даже подручничества, а между-тѣмъ вѣсти о непріязненныхъ намѣреніяхъ султана и хана продолжали приходитъ въ Москву; все лѣто 1570 года прошло въ

тревогахъ, въ ожиданіяхъ Татарскаго нашествія, войско стояло на Окѣ, самъ Іоаннъ два раза выѣзжалъ къ нему по вѣстямъ о приближеніи хана; но вѣсти оказались ложными, являлись малочисленныя толпы Татаръ, которыя легко были прогоняемы, и въ концѣ Сентября бояре приговорили, что станичники, показывая большое непріятельское войско, солгали, что государю самому стоять въ Серпуховѣ не для чего, а постоятъ по берегу воеводы съ недѣлю послѣ 1-го Октября, и потомъ разѣдутся по домамъ. Весною 1571 года тревога возобновилась; воеводы — князя Иванъ Дмитріевичъ Бѣльскій, Иванъ Ѳедоровичъ Мстиславскій, Михайло Ивановичъ Воротынскій, Иванъ Андреевичъ Шуйскій, Иванъ Петровичъ Шуйскій съ 50,000 войска отправились къ Окѣ; царь выступилъ съ опричниною въ Серпуховъ. На этотъ разъ тревога не была мнимая: ханъ, собравши 120,000 войска, пошелъ къ Московскимъ украинамъ; въ степи прибѣжали къ нему дѣти боярскіе — двое изъ Бѣлева, двое изъ Калуги, одинъ изъ Каширы, одинъ изъ Серпухова, и сказали, что «во всѣхъ городахъ Московскихъ два года сряду былъ большой голодъ и моръ, много людей померло, а много другихъ государь въ опалѣ побилъ, остальные воинскіе люди и Татары все въ Нѣмецкой землѣ; государя ждутъ въ Серпуховѣ съ опричниною, но людей съ нимъ мало; ты ступай прямо къ Москвѣ, мы проведемъ тебя чрезъ Оку, и если тебѣ до самой Москвы встрѣтится какое-нибудь войско, то вели насъ казнить». Потомъ прибѣжали къ хану двое новокрещенныхъ Татаръ и сказали ему то же самое. Ханъ пошелъ по указанію измѣнниковъ, и неизвѣстно гдѣ переправился черезъ Оку; станичники, которые прошлаго года въ своихъ извѣстіяхъ даже преувеличивали опасность, теперь, должно быть, молчали; Іоаннъ, отрѣзанный отъ главнаго войска, успѣшилъ отступить изъ Серпухова въ Бронницы, оттуда въ Александровскую слободу, и изъ слободы въ Ростовъ, какъ то дѣлывали въ подобныхъ случаяхъ и предшественники его, Дмитрій Донской, Василій Дмитріевичъ; онъ говорилъ объ измѣнѣ, говорилъ, что бояре послали къ хану дѣтей боярскихъ провести его безпрепятственно

черезъ Оку; князь Мстиславскій признался послѣ въ приведенной выше грамотѣ, что онъ навелъ хана—вотъ все, что мы имѣемъ для объясненія этого дѣла! Какъ бы то ни было, воеводы, узнавши, что ханъ за Окою, предупредили его, пришли къ Москвѣ 23 Мая и расположились въ ея предмѣстіяхъ, чтобъ защищать городъ. Татары явились на другой день, 24 Мая, въ день Вознесенья, и успѣли зажечь предмѣстія: въ ясный день, при сильномъ вѣтрѣ, въ три часа пожаръ истребилъ сухую громаду деревянныхъ строеній; одинъ только кремль уцѣлѣлъ; по иностраннымъ извѣстіямъ войска и народу погибло до 800,000; допустивъ преувеличеніе при невозможности вѣрнаго счета, вспомнимъ однако, что при вѣсти о Татарахъ въ Москву сбѣжалось много народу изъ окрестностей, что во время пожара бѣжать было некуда: въ полѣ Татары, въ кремль не пускали; всего болѣе, говорятъ, погибло тѣхъ, которые хотѣли пройти въ самые дальные отъ непріятеля ворота: здѣсь, собравшись въ огромную толпу и перебивая другъ у друга дорогу, они такъ стѣснились въ воротахъ и прилежавшихъ къ нимъ улицахъ, что въ три ряда шли по головамъ другъ у друга и верхніе давили нижнихъ. По Русскимъ извѣстіямъ, людей погорѣло безчисленное множество; митрополитъ съ духовенствомъ просидѣли въ соборной церкви Успенія; первый бояринъ, князь Иванъ Дмитріевичъ Бѣльскій, задохнулся на своемъ дворѣ въ каменномъ погребѣ, другихъ князей, княгинь, боярынь и всякихъ людей кто перечесть? Москва рѣка мертвыхъ не пронесла: нарочно поставлены были люди спускать трупы внизъ по рѣкѣ; хоронили только тѣхъ, у которыхъ были пріатели.

Пожаръ помѣшалъ Татарамъ грабить въ предмѣстіяхъ; осаждать кремля ханъ не рѣшился и ушелъ съ множествомъ плѣнныхъ, по нѣкоторымъ извѣстіямъ до 150,000, услыжавъ о приближеніи большаго Русскаго войска. Когда Іоаннъ возвращался въ Москву, то въ селѣ Братовщинѣ, на Троицкой дорогѣ, представили ему гонцовъ Девлетъ-Гиреевыхъ, которые подали царю такую грамоту отъ хана: «Жгу и пустошу все изъ за Казани и Астрахани, а всего свѣта богатство примѣняю къ

праху, надвѣясь на величество божіе. Я пришелъ на тебя, городъ твой сжегъ, хотѣлъ вѣнца твоего и головы; но ты не пришелъ и противъ насъ не сталъ, а еще хвалишься, что де я Московскій государь! Были бы въ тебѣ стыдъ и дородство, такъ ты бѣ пришелъ противъ насъ и стоялъ. Захочешь съ нами душевною мыслию въ дружбѣ быть, такъ отдай нашъ юртъ— Астрахань и Казань; а захочешь казною и деньгами всесвѣтное богатство намъ давать — ненадобно; желаніе наше — Казань и Астрахань, а государства твоего дороги я видѣлъ и опозналъ». Мы видѣли, какъ тяжела, опасна, несвоевременна была для Іоанна борьба съ Турціею и Крымомъ за Астрахань, какъ онъ и прежде готовъ былъ на важныя уступки, чтобъ только избавиться отъ этой борьбы. Теперь гибельное нашествіе Девлетъ-Гирея и особенно обстоятельства этого нашествія должны были еще болѣе встревожить царя; успѣхъ надмѣвалъ хана; нужно было ждать скоро новаго нападенія, и Девлетъ-Гирей дѣйствительно готовился къ нему. Надобно было какъ можно долѣе не допускать его до этого, задержать переговорами, новыми уступками: Іоаннъ возобновилъ прежнія учтивости, въ отвѣтной грамотѣ написалъ челобитье хану: «Ты въ грамотѣ пишешь о войнѣ — отвѣчалъ царь — и если я объ этомъ же стану писать, то къ доброму дѣлу не придемъ. Если ты сержишься за отказъ въ Казани и Астрахани, то мы Астрахань хотимъ тебѣ уступить, только теперь скоро этому дѣлу статься нельзя: для него должны быть у насъ твои послы, а гонцами такого великаго дѣла сдѣлать невозможно; до тѣхъ бы поръ ты пожаловалъ, далъ сроки, и земли нашей не воевалъ». Нагому писалъ Іоаннъ, чтобъ и онъ говорилъ то же самое хану и вельможамъ его: «а разговаривалъ бы ты съ князьями и мурзами въ разговорѣ безъ противорѣчія (не встрѣчно), гладко да челобитьемъ; провѣдывалъ бы ты о томъ накрѣпко: если мы уступимъ хану Астрахань, то какъ онъ на ней посадитъ царя? Нельзя ли такъ сдѣлать: чтобъ ханъ посадилъ въ Астрахани сына своего, а при немъ былъ бы нашъ бояринъ, какъ въ Касимовѣ, а нашимъ людямъ, которые въ Астрахани, насиль-

ства. никакого не было бы, и дорога въ наше государство изъ
всѣхъ земель не затворилась бы, и нельзя ли намъ изъ своей
руки посадить въ Астрахани ханскаго сына? Большая уступка
противъ принятаго обычая находимъ и въ наказѣ гонцу, от-
правленному съ этими грамотами въ Крымъ: «Если гонца безъ
юшчины къ хану не пустять, и государеву дѣлу изъ за этихъ
юшчинъ стануть дѣлать поруху, то гонцу дать немного, что
у него случится, и за этимъ отъ хана не ходить назадъ, а
говорить обо всемъ смирно, съ челобитьемъ, не въ раздоръ,
чтобъ отъ какихъ-нибудь рѣчей гнѣва не было».

На предложеніе Астрахани ханъ отвѣчалъ: «Что намъ
Астрахань даешь, а Казани не даешь, и намъ то непригоже
дается: одной и той же рѣки верховье у тебя будетъ, а
у меня какъ быть!» Въ другой грамотѣ ханъ писалъ:
«Теперь у меня дочери двѣ, три на выданъ, да у меня же
иновьямъ моимъ царевичамъ двоимъ, троемъ обрѣзанье, ихъ
радость будетъ, для этого намъ рухлядь и товаръ надобенъ:
чтобъ купить эту рухлядь мы у тебя просимъ двѣ тысячи руб-
лей: учини дружбу, не *отпльтиваясь*, дай». Мы видѣли, какъ
ханъ въ первой грамотѣ своей; написанной послѣ сожженія
доски, притворился безкорыстнымъ, объявилъ, что не хо-
четъ богатства всего свѣта, хочетъ только юртовъ бусурман-
скихъ, воюеть за вѣру: недолго однако онъ могъ выдержи-
вать, и запросилъ опять денегъ; но Іоаннъ помнилъ хорошо
первую грамоту и не упустилъ удобнаго случая поймать хана
на словахъ, что очень любилъ; онъ отвѣчалъ гонцу ханскому:
«Братъ нашъ Девлетъ-Гирей царь на то не надѣялся бы, что
землю нашу воевалъ; сабля съчесть временемъ, а если ста-
нетъ часто съчь, то притупѣеть, а иногда и острее у нея из-
омается; просить онъ у насъ Казани и Астрахани: но безъ
говора и безъ пословъ какъ такому великому дѣлу статься?
Что писалъ онъ къ намъ о великихъ запросахъ, то намъ
да чего ему запросы давать? землю нашу онъ вывоевалъ, и
земля наша отъ его войны стала пуста, и взять ни съ кого
ничего нельзя». Въ грамотѣ же къ хану Іоаннъ писалъ: «Ты

въ своей грамотѣ писалъ къ намъ, что въ твоихъ глазахъ казны и богатства праху уподобились: и намъ вопреки твоей грамотѣ какъ можно посылать такіе великіе запросы? что у насъ случилось, двѣсти рублей, то мы и послали къ тебѣ». Іоаннъ рассчитывалъ на характеръ Татаръ, которые при видѣ большихъ денегъ забываютъ обо всякихъ высшихъ интересахъ, и потому послалъ наказъ Нагому—хлопотать у хана и царевичей, чтобъ дѣло о Казани и Астрахани оставили, и въ такомъ случаѣ обшчатъ не только Магметъ-Гиреевскіе поминки, но и такіе, какіе посылаетъ король Польскій, даже обшчатъ и Магметъ-Гиреевскіе и королевскіе поминки вмѣстѣ.

Но ханъ понялъ намѣреніе Іоанна длить время, мало надѣялся на переговоры, и лѣтомъ 1572 года со 120,000 войска двинулся опять къ Окѣ. Іоаннъ былъ въ Новгородѣ; но на Окѣ, у Серпухова, стояло Русское войско подъ начальствомъ князя Михаила Ивановича Воротынскаго; ханъ, оставя тутъ двухтысячный отрядъ *травиться* съ Русскими и занимать ихъ, съ главнымъ войскомъ ночью перешелъ Оку; Воротынскій погнался за нимъ, и настигъ въ 50 верстахъ отъ Москвы, на берегу Лопасни, въ Молодахъ: здѣсь въ послѣднихъ числахъ Іюля и въ первыхъ Августа происходило нѣсколько сильныхъ схватокъ, которыя всѣ окончились неудачно для хана, и онъ принужденъ былъ бѣжать назадъ, потерявши много войска. Послѣ этого ханъ переѣхалъ тонъ, и прислалъ сказать Іоанну: «Мнѣ вѣдомо, что у царя и великаго князя земля велика и людей много: въ длину земли его ходъ девять мѣсяцевъ, поперекъ шесть мѣсяцевъ, а мнѣ не даетъ Казани и Астрахани! Если онъ мнѣ эти города отдастъ, то у него и кромѣ нихъ еще много городовъ останется. Не дастъ Казани и Астрахани, то хотя бы далъ одну Астрахань, потому что мнѣ срамъ отъ Турскаго: съ царемъ и великимъ княземъ воюеть, а ни Казани, ни Астрахани не возьметъ и ничего съ нимъ не сдѣлаетъ! Только царь дастъ мнѣ Астрахань, и я до смерти на его земли ходить не стану; а голоденъ я не буду: съ лѣвой стороны у меня Литовскій, а съ правой Черкесы, стану ихъ

воевать и отъ нихъ еще сытѣй буду: ходу мнѣ въ тѣ земли только два мѣсяца назадъ и впередъ». Но Іоаннъ также переиначилъ тонъ; онъ отвѣчалъ хану, что не надѣется на его обещаніе довольствоваться только Литовскою да Черкесскою землею: «Теперь — писалъ онъ — противъ насъ одна сабля — Крымъ; а тогда Казань будетъ вторая сабля, Астрахань третья, Ногаи четвертая». Гонцу, отправленному въ Крымъ, опять на строго было запрещено давать поминки, хотя въ грамотахъ продолжалось писаться челобитье. Іоаннъ не переставалъ колоть хана за первую его величавую грамоту о Казани и Астрахани: «Поминки я тебѣ послалъ легкіе—писалъ царь—добрыхъ поминковъ не послалъ: ты писалъ, что тебѣ ненадобны деньги, что богатство для тебя съ прахомъ равно»¹⁰⁰.

ГЛАВА VI.

СТЕФАНЪ БАТОРІЙ.

Состояніе Польши и Литвы при послѣднемъ Ягеллонѣ. Смерть Сигизмунда-Августа и вопросъ объ избраніи новаго короля. Переговоры съ Іоанномъ по этому случаю. Избраніе Генриха Анжуйскаго. Его бѣгство изъ Польши. Новые выборы. Избраніе Стефана Баторія. Сношенія Іоанна съ Швеціею и война въ Эстоніи и Ливоніи. Наступательное движеніе Баторія. Причины его успѣховъ. Взятіе Полоцка, Сокола и другихъ крѣпостей Баторіемъ; нападеніе Шведовъ съ другой стороны. Второй походъ Баторія. Переговоры. Третій походъ Баторія и осада Пскова. Іезуитъ Поссевинъ. Запольское перемиріе. Разговоръ царя съ Поссевиномъ о вѣрѣ. Перемиріе съ Швеціею. Сношенія съ Англіею о союзѣ. Сношенія съ императоромъ и Даніею. Волненія Черемисскія.

Въ то время, какъ отношенія Іоанна къ Крымскому хану поправились, благодаря стойкости воеводъ Московскихъ на берегахъ Лопасни, на западѣ, въ Литвѣ и Польшѣ происходили событія, которыя должны были имѣть великое вліяніе и на судьбы Московскаго государства и на судьбы всей восточной Европы: въ Іюль 1572 года умеръ Сигизмундъ-Августъ, послѣдній изъ Ягеллоновъ. Слѣдя изначала за отношеніями Польши и Литвы къ Руси, мы видѣли происхожденіе и развитіе Польской аристократіи, видѣли возникновеніе шляхетской демократіи, видѣли и слѣдствія этихъ явленій для внутренняго состоянія и для вѣвншихъ отношеній Польши и Литвы при Казимирѣ Ягеллоновичѣ и дѣтяхъ его ¹⁰¹. Царствованіе Сигизмунда I-го озна-

меновалось борьбою между вельможами и шляхтою, и эту борьбу раздувала королева Бона, единокоренная Елизаветы Медичи и слѣдовавшая въ своемъ поведеніи одинакимъ съ нею правиламъ. Вельможи, чтобъ выдѣлиться изъ шляхты, стремившейся къ уравнию себя съ ними, стали употреблять разные средства: въ Польшѣ не былъ извѣстенъ княжескій титулъ, ибо потомство Пяста прекратилось все; князья были только въ Литвѣ, вслѣдствіе сильнаго развѣтвленія рода Рюрикова и Гедиминова; въ 1518 году могущественная вельможеская, но не княжеская Литовская фамилія Радзивиловъ получила княжескій титулъ отъ Нѣмецкаго императора; по примѣру Радзивиловъ многіе вельможи начали приобрѣтати титулъ графовъ Нѣмецкой имперіи; другіе установили майоратъ въ своихъ фамиліяхъ. Неудовольствіе шляхты высказалось, когда Сигизмундъ, по дѣламъ Валахскимъ, объявилъ всеобщее ополченіе служилаго сословія (посполитое рушеніе); шляхта, въ числѣ 150,000, собралась подъ стѣнами Львова и, послѣ сильныхъ волненій, составила грамоту (рокошь), въ которой прописала всѣ свои обиды и просьбы. Старый король не могъ ее успокоить и принужденъ былъ распустить. Это событіе получило насмѣшливое прозваніе *пльтушиной войны*. Если вельможи хотѣли выдѣлиться изъ шляхты, то шляхта, съ своей стороны, объявляла, что имѣетъ право жизни и смерти надъ подвластнымъ ей сельскимъ народонаселеніемъ; старосты и палатины позволяли себѣ всякаго рода насилія относительно городскихъ жителей; представители послѣднихъ были выгоняемы съ сейма шляхтою, которая, съ другой стороны, возставала противъ духовенства.

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда вступилъ на престолъ Сигизмундъ-Августъ. Мать, королева Бона, воспитала его согласно съ своими правилами и цѣлями: она ослабила его душевныя силы, держа его постоянно среди женщинъ, не допуская ни до какихъ серьезныхъ занятій. Такое воспитаніе отразилось на поведеніи короля во время его правленія, и онъ былъ прозванъ *король-завтра*, по привычкѣ откладывать и медлить: мы видѣли, какъ эта привычка была выгодна для Ю-

*

зина IV-го. Сигизмунд-Августъ три раза былъ женатъ: первая и третья жена, обѣ изъ Австрійскаго дома, не могли привязать его къ себѣ; вторая, любимая жена, Варвара, вдова Гастольда, урожденная Радзивиль, которую онъ такъ мужественно отстаивалъ противъ сената и сейма, требовавшихъ развода, скоро умерла послѣ своей свадьбы и коронаціи; послѣднее время жизни Сигизмунд-Августъ провелъ окруженный наложницами, которыя его грабили, волхвуньями, которыя онъ призывалъ для восстановления силъ, потерянныхъ отъ невожденности; когда у него спрашивали, отчего онъ не займется нужными дѣлами, то онъ отвѣчалъ: «Для этихъ соеволовъ (такъ онъ называлъ женщинъ) ни за что взяться не могу». Когда король умеръ, то въ казвѣ его не нашлось денегъ, чтобъ заплатить за похороны, не нашлось ни одной золотой цѣпи, ни одного вольца, которыя должно было надѣть на покойника. Но не отъ характера Сигизмунда-Августа только зависѣло внутреннее расстройство его владѣній, медленность въ отправленіяхъ государственной жизни: жажда покоя, извѣстность, роскошь овладѣли высшимъ сословіемъ; и эта жажда покоя, отвращеніе отъ войны оправдывались политическимъ расчетомъ — не давать посредствомъ войны усиливаться турецкому значенію, причемъ забыто было положеніе Польши, государства континентальнаго, окруженнаго со всѣхъ сторонъ могущественными соседями. Кардиналъ Коммендоне, посолъ папскій, желая побудить поляковъ къ войнѣ съ Турками, такъ говорилъ въ сенатѣ: «Не похожи вы стали на предковъ вашихъ: они не на пирахъ зачинали распространять государство, а сидя на коняхъ, трудными подвигами земскими; они спорили не о томъ, кто больше опуститъ поклоновъ, но о томъ, кто кого превзойдетъ въ искусствѣ военномъ»¹⁰². Тотъ же упрекъ нравственныхъ иницъ отъ Польскихъ вельможахъ, ту же страсть къ матеріальнымъ наслажденіямъ замѣтилъ и Московскій выходецъ, князь Курбскій: «Видиши король, пишетъ онъ, думаетъ не о томъ, какъ бы воевать съ нечестивыми, а только о пляскахъ да о шашкерадкахъ; также и вельможи знаютъ толь-

имъ пить да ѣсть сладко; пьяные они очень храбры: берутъ и Москву и Константинополь, и если бы даже, на себѣ забывая Турокъ, то в отгуда готовы его снять. А когда лягутъ на постели между толстыми перищами; то едва къ полудню прооятся, встануть чуть живы, съ головою болью. Вельможи и князата такъ робки и истомлены своими женами, что, послышавъ варварское находженіе, забываютъ въ претвердые герода и, вооружившись, надѣвъ доспѣхи, садуть за столъ за кубки и болтають съ своими пьяными бабами; изъ воротъ же городскихъ ни на шагъ. А если выступять въ походъ, то идутъ издалека за врагомъ, и походяши дня два или три, возвращаются домой, и что бѣдные жители успѣли спасти отъ Татаръ въ лѣсахъ, какое-нибудь имѣніе или скотъ — все побѣдятъ и послѣднее разграбятъ. Но грабежемъ не ограничивались; Курбскій не говоритъ намъ того, что говорятъ современные Польскіе писатели: когда, по ихъ свидѣтельству, шляхтичъ убьетъ хлопа, то говоритъ, что убилъ собаку, ибо шляхта считаетъ кметовъ и всѣхъ сельчакъ за собакъ ¹⁰³.

Послѣднему изъ Ягеллоновъ удалось довершить дѣло, бывшее историческою задачею его династїи: склонить Литву къ вѣчному соединенію съ Польшею. При Сигизмундѣ I-мъ стремленіе Литвы къ особности продолжало рѣзко высказываться; въ 1526 году послы отъ вельможъ Литовскихъ такъ говорили королю: «Посолъ папскій, отправлявшійся въ Москву, говорилъ здѣсь, что ѣдетъ для склоненія государя Московскаго къ принятію католической вѣры, а въ случаѣ, если великій князь согласится на это, то папа дастъ ему королевскій титулъ: но если отецъ святой захочетъ дать королевское достоинство неприятелю вашему, то лучше бы онъ далъ его сыну вашей милости, пану нашему, великому князю Литовскому; за важныя услуги ваши и предковъ вашихъ, оказанныя вѣрѣ. Императоръ и папа послали было королевскую корону дядѣ вашему Витовту; но онъ умеръ, не дождавшись короны, которую задержали Поляки и до сихъ поръ отдать не хотятъ, не желая, чтобъ отчинное панство вашей милости получило такую честь. Удивитель-

но намъ, что братья наши, Поляки, не хотятъ намъ, братьямъ своимъ, дать того, чего теперь не запрещаютъ взять Москвѣ. Они хотятъ, чтобы панство вашей милости, великое княжество Литовское, было всегда въ униженіи, чтобъ было присоединено къ коронѣ Польской, о чемъ они уже давно хлопочуть. Покорно просимъ вашу милость не допускать до того, чтобы прирожденные слуги ваши стали подданными короны Польской. Объ этомъ ваша милость должны стараться для потомковъ своихъ: выгоднѣе будетъ потомкамъ вашимъ, если отчинное панство ваше будетъ отдѣльно отъ короны Польской; такъ и теперь паны Литовскіе охотно сына вашего выбрали на государство и присягнули ему, чего паны Поляки и до сихъ поръ сдѣлать не хотятъ; а еслибы великое княжество Литовское было присоединено къ коронѣ Польской, то сынъ вашъ еще не былъ бы великимъ княземъ. Покорно просимъ приказать сенаторамъ Польскимъ прислать сюда королевскую корону, назначенную для Витовта, чтобы сынъ вашъ могъ быть коронованъ королемъ еще при жизни вашей: потому что когда великое княжество Литовское будетъ королевствомъ, то уже не можетъ быть присоединено къ коронѣ Польской, ибо корона въ корону внесена быть не можетъ. Если же Поляки не согласятся прислать сюда короны, то ваша милость постаралась бы выпросить другую у папы и цесаря, и чего будетъ это стоить, мы охотно поднимаемъ и ничего не пожалѣемъ » ¹⁰⁴.

Бездѣтность Сигизмунда—Августа заставляла ускорить рѣшеніемъ вопроса о вѣчномъ соединеніи Литвы съ Польшею, ибо до сихъ поръ связью между ними служила только Ягеллонова династія. Для приведенія къ концу дѣла надобно было преодолѣть большія затрудненія: въ Литвѣ господствовала аристократія, боявшаяся тѣснаго соединенія съ государствомъ, гдѣ брала перевѣсъ шляхетская демократія; сюда присоединялось давнее соперничество двухъ народовъ: для заключенія договора о вѣчномъ соединеніи Литовцы не хотѣли вхзть въ Польшу, а Поляки въ Литву. Наконецъ умеръ Николай Черный Радзивиль, самый могущественный изъ вельможъ Литовскихъ и са-

мый сильный противникъ соединенія, и въ 1569 году созванъ былъ сеймъ въ Люблинѣ, гдѣ большинство Литовцевъ, подписавъ актъ соединенія; но многіе съ негодованіемъ оставили сеймъ, тѣмъ болѣе, что соединеніе послѣдовало явно въ ущербъ Литвы, которая должна была уступить Польшѣ Подляхію, Волинь и княжество Кіевское; Ливонія объявлена общею принадлежностію обоихъ государствъ; положено, что король избирается на общемъ сеймѣ; въ сенатѣ засѣдаютъ члены изъ обоихъ народовъ; на сеймахъ также происходятъ совѣщанія сообща.

Но въ то время, какъ, повидимому, дѣло соединенія Литвы съ Польшею было окончено, когда коренныя Русскія области были непосредственно соединены съ королевствомъ Польскимъ, въ областяхъ Польши и Литвы все болѣе и болѣе усиливалось движеніе, которое должно было повести къ отторженію Русскихъ областей отъ Польши: распространялся протестантизмъ; это распространеніе вызвало католическое противодействіе; на помощь католицизму явились іезуиты, раздули фанатизмъ въ католикахъ; борьбою съ протестантизмомъ не ограничились, начата была борьба съ православіемъ, которая окончилась отторженіемъ Малороссіи, присоединеніемъ ея къ Россіи великой или Московскому государству. Такъ отозвалось въ восточной Европѣ общее европейское движеніе, которымъ начинается новая исторія, движеніе религіозное.

Протестантизмъ началъ распространяться въ Польшѣ и Литвѣ еще при Сигизмундѣ I-мъ. Сосѣднія страны, которыя имѣли наиболѣе торговыхъ и политическихъ сношеній съ Польшею и Литвою, Пруссія и Ливонія, приняли торжественно протестантизмъ; отсюда онъ скоро распространился въ среднемъ, городскомъ сословіи Польши и Литвы; но и высшее ихъ сословіе не могло долго оставаться нетронутымъ: богатые вельможи Польскіе, Литовскіе и Русскіе путешествовали по всей Европѣ, женились на иностранкахъ протестантскаго исповѣданія, посылали сыновей своихъ въ Нѣмецкія школы, гдѣ они напитывались новымъ ученіемъ, привозили съ собою книги, его содержащія. Сигизмундъ I-й враждебно встрѣтилъ протестан-

святства: онъ подтвердилъ прямо епископовъ изгонять изъ епархій, отпадныхъ отъ католицизма, увещавать еретиковъ и наказывать ихъ; издалъ постановленіе, по которому вслѣдъ заарестованной ереси, герцогъ дворянство, запретилъ высылать учителей изъ Германіи и молодыхъ людей посещать университеты и школы Нѣмціи. Иначе пошли дѣла при Сигизмундѣ-Августѣ, который былъ совершенно равнодушенъ къ вѣрѣ, или, по крайней мѣрѣ, къ различнымъ ея исповѣданіямъ; снискался то къ тому, то къ другому изъ нихъ, смотря по политическимъ и разнымъ другимъ отношеніямъ. Мы видѣли, что любимую жену его была вторая, Варвара, вдова Гастольтъ; урожденная Радзивиль. Представителемъ могущественной фамилии Радзивилловъ въ Литвѣ былъ двоюродный братъ королевы Варвары, Николай Черный Радзивиль, князь Олицкій и Новъжскій, воевода Виленскій, великій маршалъ и канцлеръ Литовскій, и этотъ-то первый вельможа, имѣвшій, по родству съ королевою и личнымъ достоинствомъ, могущественное вліяніе на Сигизмунда-Августа, былъ ревностный протестантъ, употреблявшій всѣ свои могущественныя средства для распространенія новаго ученія въ Литвѣ. Онъ ввелъ его въ свои обширныя вотчины и помѣстья, вызвалъ изъ Польши самыхъ знаменитыхъ протестантскихъ проповѣдниковъ, принималъ подъ свое покровительство всѣхъ отступившихъ отъ католицизма; простой народъ привлекалъ угощеніями и подарками, шляхту королевскими милостями, и такимъ образомъ почти все высшее общество приняло протестантизмъ; не съ меньшимъ успѣхомъ распространялся онъ и въ городахъ; только большинство сельскаго населенія оставалось при прежнемъ исповѣданіи, особенно въ Русскихъ православныхъ областяхъ. Радзивилу нужно было сдѣлать рѣшительный шагъ, показать торжественно, что и король на сторонѣ протестантизма; для этого онъ уговорилъ Сигизмунда-Августа въ Вильнѣ побѣхать на богослуженіе въ протестантскую церковь, построенную противъ католической церкви св. Юзнна. Но къ чему одинъ съ такою волею человекъ могъ склонить Сигизмунда-Августа, отъ

Того другою рѣшительная челоѣкъ могъ отеранить его, узнаннѣ, что король побѣдетъ въ протестантскую церковь, доминантнѣ Киприанъ; епископъ Антоненскій; суверенъ Вилонскій; вышлѣ къ нему на встрѣчу, схватилъ за узду лошады, и сказалъ: «Прехидъ вашего величества вѣдана на шолитѣу не этотъ дороговъ, а тойъ». Сигизмундъ-Августъ растерялся и принужденъ былъ последовать за Киприаномъ въ католическую церковь.

Первымъ тяжелымъ ударомъ, который потерѣлъ протестантизмъ въ Литвѣ, была смерть Николая Чернаго Радзивила, послѣдовавшая въ 1565 году; въ главѣ рода Радзивилловъ и въ главѣ протестантизма сталъ двоюродный братъ покойнаго, Николай Рижскій Радзивилъ, но этотъ уже не былъ такого значенія. Вторымъ оудствіемъ для протестантизма было внутреннее разединеніе вслѣдствіе усиленія Арианъ или Социанъ. Между тѣмъ папа Пій V, слыша объ усиленіи протестантизма въ Польшѣ и Литвѣ, отеранилъ ко двору Сигизмунда-Августа посла своего Коммендоне. Посланный нашелъ дѣла католицизма въ Польшѣ и Литвѣ въ жалкомъ состояніи: во время борьбы съ такимъ опаснымъ врагомъ, какъ протестантизмъ, между епископами католическими господствовала вражда, зависть; двое главныхъ епископовъ, Яковъ Уханскій, архіепископъ Гнѣзненскій, Филиппъ Паднѣвскій, епископъ Краковскій, находились въ открытой враждѣ другъ съ другомъ; притомъ Уханскій оказывалъ явную склонность къ протестантизму, въ надеждѣ, что при торжествѣ послѣдняго, при разрывѣ съ Римомъ, но при сохраненіи іерархіи, онъ, какъ архіепископъ, будетъ независимымъ главою Польскаго духовенства. Коммендоне, вывѣдавши состояніе дѣлъ, характеры и отношенія короля и главныхъ дѣйствующихъ лицъ, началъ, въ тихихъ бесѣдахъ, внушать Сигизмунду-Августу, какъ онъ жалветъ объ его судьбѣ и судьбѣ цѣлаго государства, потому что когда разновѣрцы возьмутъ верхъ, то въ буйствѣ своемъ не почтутъ ничего, ниспровергнуть все учрежденія, божескія и челоѣвческія, все права и обычаи, потрѣуютъ наконецъ и об-

мый тронъ; приводилъ ему примѣръ современной Франціи и Германіи, обурываемыхъ религіозными войнами вслѣдствіе того, что государи въ самомъ началѣ не подавили еретическихъ ученій. Король, который всего болѣе боялся междуусобныхъ войнъ, принялъ къ сердцу внушенія Коммендоне и охладѣлъ къ протестантизму; этому охлажденію способствовало и поведение протестантовъ, которые, желая пріобрѣсти расположеніе шляхты, противились королевскимъ требованіямъ на-счетъ большихъ поборовъ, необходимыхъ для успѣшнаго веденія войны съ Москвою. Съ другой стороны на помощь католицизму явилась дружина, съ которою вѣрна была побѣда надъ раздѣленнымъ и потому ослабѣвшимъ протестантизмомъ: эта дружина была іезуиты. Валеріанъ Проташевичъ, епископъ Виленскій, думая о средствахъ, какъ помочь своему дѣлу въ борьбѣ съ ересью, обратился за совѣтомъ къ кардиналу Гозиушу, епископу Варминоскому въ Пруссіи, знаменитому предсѣдателю Тридентинскаго собора, считавшемуся однимъ изъ главныхъ столповъ католицизма не въ одной Польшѣ, но и во всей Европѣ. Гозиушъ, совѣтуя всѣмъ Польскимъ епископамъ вводить въ свои епархіи іезуитовъ, присовѣтовалъ то же самое и Проташевичу. Тотъ исполнилъ совѣтъ, и въ Вильнѣ былъ основанъ іезуитскій коллегіумъ подъ управленіемъ Станислава Варшевицкаго. Сначала іезуитскія школы мало наполнялись: православные и протестанты не пускали въ нихъ дѣтей своихъ; Виленскій капитулъ запрещалъ и католикамъ отдавать дѣтей къ іезуитамъ, боясь, чтобъ его кафедральное училище не упало; но Варшевицкій не унывалъ, искалъ всюду средства доставить своему коллегіуму уваженіе и силу, дѣйствовалъ неутомимо, училъ въ школахъ, говорилъ проповѣди, проникалъ въ дома значительныхъ разновѣрцевъ для обращенія ихъ къ католицизму, и старанія его начали приносить пользу.

Въ такомъ состояніи находилась Польша и Литва, когда умеръ Сигизмундъ-Августъ и надобно было думать объ избраніи ему преемника; легко понять, какое важное вліяніе при этомъ избраніи должно было имѣть религіозное движеніе. Про-

протестанты, смельные въ сенатѣ и между шляхтою, хотѣли вы-
брать короля протестанта, или, по крайней мѣрѣ, такого, кото-
рый далъ бы имъ полную свободу въ отправленіи ихъ бого-
служенія. Коммендоне видѣлъ эту опасность для католицизма,
и тѣмъ болѣе былъ встревоженъ, что между католиками замѣ-
чалъ совершенное равнодушіе; многіе изъ нихъ смотрѣли на
протестантовъ не какъ на еретиковъ, противниковъ истиннаго
ученія церкви, но какъ на людей, желающихъ только огра-
нить чрезмѣрное могущество духовенства. Для достиженія сво-
ей цѣли, т.-е. для того, чтобъ новый король былъ католикъ и
выбранъ католиками, Коммендоне нашелъ единственное средство
въ личныхъ и родовыхъ отношеніяхъ между вельможами, при-
чемъ онъ старался утушить вражду между католиками и под-
жигать ее между протестантами. Въ числѣ Польскаго вельмо-
жества стояли тогда Петръ Зборовскій, воевода Сандомирскій,
и Янъ Фирлей, маршалокъ великій коронный и воевода Кра-
ковскій, оба протестанты. Краковское воеводство, полученное
недавно Фирлеемъ, было причиною злой вражды между этими
обоими вельможами, ибо и Зборовскій также его добивался, но
король Сигизмундъ-Августъ, по просьбамъ любовницы, пред-
почелъ Фирлея. Этою враждою между Зборовскимъ и Фирле-
емъ воспользовался Коммендоне: онъ сталъ внушать Зборов-
скому, что въ домѣ Фирлея сходятся паны и идетъ тамъ дѣло
о томъ, чтобъ Фирлея выбрать въ короли. Зборовскій повѣрилъ,
ненависть превозмогла надъ привязанностію къ вѣрѣ, и онъ
далъ слово, что хотя онъ и самъ протестантъ, однако не пов-
олитъ, чтобъ престолъ достался протестанту. Между вель-
можами католиками первое мѣсто занималъ Албертъ Ласкій,
знаменитый своимъ воинственнымъ духомъ и потому любимый
молодежью: его-то особенно постарался Коммендоне привлечь
на свою сторону, и составилъ изъ него, изъ Андрея Зборов-
скаго и Николая Паца, епископа Кіевскаго, триумvirатъ, въ
которомъ католическая сторона нашла для себя сильную опору
и руководство.

Уладивши такимъ образомъ дѣло въ Польшѣ, Коммендоне

обратился къ Литвѣ: здѣсь самыя сильныя семьи были — Радзивиловъ и Ходкевичей, изъ соперничества находившіеся въ враждѣ другъ съ другомъ. Мы видѣли, что могущество Радзивиловъ и вмѣстѣ далѣе протестантизма въ Литвѣ поминкая вслѣдствіе смерти Николая Чернаго Радзивила, ибо братья его, Николай Рыжій Радзивиль, не наследовала его значенія; у Чернаго осталось нѣскольکو сыновей; старшаго изъ нихъ, Николая Кристофа, который извѣстенъ подъ прозвищемъ Сиротка, отецъ отправилъ въ Германію, для того, чтобъ молодой человекъ окрестилъ тамъ въ протестантскомъ ученіи; но когда, по смерти отца, Николай Кристофъ отправился въ Италію, въ Римъ, то прежнее Германское вліяніе не могло устоять передъ Италіанскимъ, и Радзивиль возвратился въ Литву католикомъ; младшіе братья послѣдовали примѣру старшаго; но Николай Рыжій и его потомство остались вѣрны протестантизму: такимъ образомъ родъ Радзивиловъ раздѣлился на двѣ линіи — католическую и протестантскую. Янъ Ходкевичъ, бывшій прежде протестантомъ, также вслѣдствіе іезуитскаго противодѣйствія и стараній Коммендоне, обратился въ католицизмъ. Коммендонъ теперь нужно было только пожирить Сиротку Радзивила съ Ходкевичемъ, что было сдѣлать легко, ибо личной вражды между ними, какъ у Фирлея съ Зборовскимъ, не было. Приготовивши сильныя средства для избранія короля-католика въ Польшу и Литву, Коммендоне началъ внушать, что всего лучше выбрать одного изъ сыновей императора Максимилиана; въ Литвѣ и Радзивиль и Ходкевичъ были согласны на это: Радзивиль по давней связи своего рода съ Австрійскимъ домомъ, Ходкевичъ изъ боязни, чтобъ выборъ не палъ на царя Московскаго, къ которому онъ питалъ сильное нерасположеніе, предводительствуя постоянно Литовскими войсками, дѣйствовавшими противъ Москвы. Но Радзивиль и Ходкевичъ одни не могли номѣнять избранію царя или царевича Московскаго: еще въ 1564 году Коммендоне доносилъ въ Римъ, что всѣ жители Кіева благопріятствуютъ Московскому государю по причинѣ вѣры; по смерти Сигизмунда-Августа онъ доносилъ также о

движеніи православнаго народонаселенія въ Литвѣ въ пользу царя Московскаго; до насъ дошла любопытная статья, составленная аббатомъ Джюваннини, въ которой перечисляются все побужденія къ избранію Московскаго царя и все препятствія къ этому: препятствуютъ избранію царя во первыхъ то, что онъ постоянно враждовалъ съ королемъ Польскою и оскорблялъ ее тѣмъ, что завоевалъ два княжества въ Литвѣ; вторымъ препятствіемъ служить Греческая вѣра имъ исповѣдуемая; третьимъ суровость нрава, жестокое обращеніе съ боярами; будутъ препятствовать ему также императоръ Германскій и султанъ Турецкій: каждый изъ нихъ боится имѣть его въ сосѣдствѣ, особенно Турекъ, который не захочетъ жить въ сосѣдствѣ государя могущественнаго и единственнаго, и, что всего опаснѣе, государя Греческой вѣры, способнаго следовательно возбуждать Греческое народонаселеніе къ восстанію противъ Турокъ; наконецъ препятствуетъ выбору царя у Польковъ мысль, что средоточіе и величество цѣлаго государства перенесутся въ Москву. Напротивъ, къ выбору царя побуждаютъ: его могущество, возможность доставить безопасность и покойствіе Литвѣ; плодство явына и обычая; одинъ враги — Татары и Германская имперія; примѣръ Ягайла, великаго князя Литовскаго, который, будучи избранъ въ король, имѣлъ права Польши и княжства сталъ другомъ и христианиномъ. Примѣръ того же Ягайла заставляетъ надѣяться, что царь болѣе будетъ жить въ Польшѣ, чѣмъ въ Москвѣ, ибо отважные жители Польша стремятся къ южнымъ странамъ; притомъ же стремленіе расширить или охранить свои предѣлы на югозападѣ, въ сторону Турціи или Германской имперіи, заставитъ царя жить болѣе въ Польшѣ; можно обладать его дѣятею не нарушая законовъ и правъ Польской шляхты, какъ было сдѣлано съ Ягайломъ. Что же касается до Греческой вѣры, то протестанты не обращаютъ на это никакого вниманія; притомъ же государь Московскій желаетъ истребить соединиться съ Латинскою церковью. Наконецъ у него много денегъ, посредствомъ которыхъ онъ можетъ приобрести себѣ много доброжелателей.

Такъ думали сначала въ Польшѣ, но потомъ согласіе было на выборъ царевича Теодора, чѣмъ самого царя; этимъ выборомъ удовлетворялось православное народонаселеніе; онъ не былъ противенъ протестантамъ; Литва пріобрѣтала безопасность со стороны Москвы, а между-тѣмъ избавлялась отъ непосредственныхъ отношеній къ Іоанну, котораго характеръ былъ извѣстенъ въ Польшѣ, еще извѣстіе въ Литвѣ. Давши знать царю чрезъ гонца Воропаю о смерти Сигизмунда-Августа, Польская и Литовская рада тутъ же объявили ему о желаніи своемъ видѣть царевича Теодора королемъ Польскимъ и великимъ княземъ Литовскимъ. Іоаннъ, по обычаю, самъ отвѣчалъ Воропаю длинною рѣчью: «Пришелъ ты ко мнѣ отъ пановъ своихъ Польскихъ и Литовскихъ, и принеси мнѣ отъ нихъ грамоту съ извѣщеніемъ, что братъ мой Сигизмундъ-Августъ умеръ, о чемъ я и прежде слышалъ, да не вѣрилъ, потому что насъ, государей христіанскихъ, часто морять, а мы все, до воли Божіей, живемъ. Но теперь уже я вѣрю и жалю о смерти брата моего; особенно же жалю о томъ, что отошелъ онъ къ Господу Богу, не оставивши по себѣ ни брата, ни сына, который бы позаботился объ его душѣ и о тѣлѣ, по королевскому достоинству. Ваши паны Польскіе и Литовскіе теперь безъ главы; потому что, хотя въ коронѣ Польской и великомъ княжествѣ Литовскомъ и много головъ, однако одной доброй головы нѣтъ, которая бы всѣми управляла, къ которой бы всѣ вы могли прибѣгать, какъ потоки или воды къ морю стекаютъ. Не малое время были мы съ братомъ своимъ Сигизмундомъ-Августомъ въ ссорѣ; но потомъ дѣло начало было клониться и къ доброй пріязни между нами. Прежде чѣмъ пріязнь эта окончательно утвердилась, Господь Богъ взялъ его къ себѣ; за нашимъ несогласіемъ бусурманская рука вынется, а христіанскія низится и кровь разливается. Если ваши паны, будучи теперь безъ государя, захотятъ меня взять въ государя, то увидятъ какого получатъ во мнѣ защитника и добраго государя, сила поганская тогда выскочитъ не будетъ; да не только поганство, Римъ и ни одно королевство противъ насъ не

устойтъ, когда земли ваши будутъ одно съ нашими. Въ вашей землѣ многіе говорятъ, что я золь: правда, я золь и гѣвляивъ, не хвалясь; однако пусть спросятъ меня, на кого я золь? Я отвѣчу, что кто противъ меня золь, на того и я золь; а кто добръ, тому не пожалѣю отдать и эту цѣпь съ себя и это платье». Тогда Малюта Скуратовъ прервалъ его: «Царь и государь преславный!» сказалъ онъ: «казна твоя не убога, въ ней найдешь, кого чѣмъ подарить». — Іоаннъ продолжалъ: «Паны Польскіе и Литовскіе знаютъ о богатствѣ дѣда и отца моего: но я вдвое богаче ихъ казною и землями. Неудивительно, что ваши паны людей своихъ любятъ, потому что и тѣ пановъ своихъ любятъ; а мои люди подвели меня къ Крымскихъ Татарамъ, которыхъ было 40,000, а со мною только 6000: равно ли это? Притомъ же я ничего не зналъ: хотя передо мною и шли шестеро воеводъ съ большими силами, но они не дали мнѣ знать о Татарахъ; хотя бы моимъ воеводамъ и трудно было одолѣть такого многочисленнаго непріятеля, однако пусть бы, потерявши нѣсколько тысячъ своихъ людей, принесли ко мнѣ хотя бичъ или плеть Татарскую: я и то съ благодарностію бы принялъ. Я не силы Татарской боялся, но видѣлъ измѣну своихъ людей, и потому своротилъ немного на сторону отъ Татаръ. Въ это время Татары вторглись въ Москву, которую можно было бы оборонить и съ тысячею человекъ: но когда большіе люди оборонять не хотѣли, то меньшимъ какъ было это сдѣлать? Москву уже сожгли, а я ничего объ этомъ не зналъ. Такъ разумѣй, какова была измѣна моихъ людей противъ меня! Если кто и былъ послѣ этого казненъ, то казненъ за свою вину. Спрашиваю тебя: у васъ измѣнника казнятъ или милуютъ? Думаю, что казнятъ. Вотъ у васъ въ Вильнѣ Викторинъ, который ко мнѣ писалъ, но я ему не отвѣчалъ. Ввели на меня, будто я этого Викторина подучалъ извести брата моего: но Богъ свидѣтель, что я объ этомъ не думалъ и Викторину не приказывалъ, а если онъ ко мнѣ и писалъ объ этомъ, то письмо его до меня не дошло; Викторина схватили и казнили; видящъ, что и въ вашихъ земляхъ измѣнниковъ не милуютъ.

Такъ сказки правятъ Польскимъ и Литовскимъ, чтобъ, разо-
 вѣдывающись между собою обо всемъ и уговорившись, от-
 правили скорее ко мнѣ послать. А если Богу будетъ угодно,
 чтобъ я былъ ихъ государемъ, то напередъ обещаю Богу и
 вамъ, что сохраняю всѣ ихъ права и вольности и, смотря во
 надобности, дамъ большія. Я о своей добротѣ или злости го-
 ворить не хочу; еслибы даны Польскіе и Литовскіе ко мнѣ
 или къ дѣтямъ моимъ своихъ сыновей на службу присылали,
 то узнали бы, какъ я зоръ и какъ я добръ. Пусть не дивятся
 тому, что намятки мои говорятъ обо мнѣ: у нихъ уже такой
 обычай говорить о государяхъ своихъ лурно; какъ бы я ихъ
 не учелъ и не обхитилъ, они все не перестанутъ говорить
 обо мнѣ лурно. Есть люди, которые пріѣхали изъ моей земли
 къ вамъ: надобно бояться, чтобъ не ушли они въ другую
 землю, въ одну или въ Турцію, если поуютъ, что даны
 Польскіе и Литовскіе хотятъ взять меня въ государя. Пусть
 паны ваши стараются задержать ихъ; а я, клянусь Богомъ,
 не буду имъ молить. Курбскій къ вамъ пріѣхалъ: онъ отцалъ
 у него (указывая на старшаго сына) мать, а у меня жену; а
 я, свидѣтельствуюсь Богомъ, не думаю его казнить, хотѣлъ
 только пообавить у него чиновъ, уряды отобрать, и потомъ
 помечать; а нынѣ испугавшись, отъѣхалъ въ Литву. Пусть
 паны ваши потребуютъ у него уряды и смотрятъ, чтобъ онъ
 куда-нибудь не ушелъ. Что касается до Ливоніи, то, когда буду
 вашимъ государемъ, Ливонія, Москва, Новгородъ и Псковъ
 одно будутъ. А если меня въ государя взять не захотятъ, то
 пусть пріѣзжаютъ ко мнѣ великіе послы для добраго послав-
 нения. Я за Пелюцкѣ не стою и ео вѣсти его пригородами;
 уступлю и свое Московское, пусть только наступятъ мнѣ Ливонію
 по Днѣву; ни заключимъ мы вѣчный миръ съ Литвою; я и на
 слѣдней смерти наложу клятву, чтобъ на вели войны съ Литвою,
 бекаредъ ницъ не прекратится. А если паны хотятъ взять
 себя въ государя кого-нибудь изъ сыновей моихъ, то ихъ у
 меня брать не дамъ, какъ два глаза у головы; отдать котораго
 лихоту: изъ нихъ равно, что изъ человеческого сердца вырвать.

Есть въ вашей землѣ Польскіе и Литовскіе люди вѣры Мартына Лютера, которые образа истребляютъ: имъ не хочется имѣть меня государемъ. Но я объ нихъ ничего не буду говорить, потому что священное писаніе дано не на брань и не на гнѣвъ, а на тихость и покорность. Не забудь сказать панамъ своимъ Польскимъ и Литовскимъ, чтобъ отправляли сюда пословъ своихъ немедленно, людей добрыхъ, чтобъ изъ добраго постановленія не вышло дурнаго».

Изъ этихъ словъ Іоанна прежде всего оказывается, что онъ въ это время хотѣлъ быть избраннымъ въ короли: отсюда стараніе отклонить отъ себя упрекъ въ бѣгствѣ предъ ханомъ, оправдать жестокость свою относительно бояръ. Въ Польшѣ и Литвѣ, при жизни еще Сигизмунда-Августа и тотчасъ по смерти его, многіе могли также желать избранія Іоанна въ короли, рассуждали при этомъ о полезныхъ и вредныхъ слѣдствіяхъ такого избранія, взвѣшивали ихъ; находя важныя препятствія въ характерѣ Іоанна, въ трудности соединить интересы двухъ самостоятельныхъ государствъ, при управленіи однимъ государемъ, обращались къ одному изъ сыновей Іоанновыхъ; но при этомъ упускали изъ вниманія главное: невозможность согласить выгоды обоихъ государствъ при самомъ соединеніи; рассуждая о выборѣ Іоанна или сына его, смотрѣли на Москву и Литву какъ на государства, неимѣвшія до сихъ поръ никакихъ столкновеній между собою, или думали, что Іоаннъ, прельщенный честію видѣть себя или одного изъ сыновей своихъ на Польскомъ престолѣ, согласится на всѣ уступки въ пользу Литвы; естественно было и самому Іоанну въ началѣ смотрѣть на дѣло такимъ же образомъ: главное препятствіе къ избранію онъ находилъ въ своемъ характерѣ, въ поведеніи относительно бояръ, которое должно было прежде всего беспокоить вельможъ Польскихъ и Литовскихъ, привыкшихъ къ совершенно иному порядку вещей; онъ думалъ, что обѣщаніемъ сохранить ненарушимо и даже распространить права и вольности пановъ и шляхты и извиненіемъ своей гнѣвливости боярскою измѣною, онъ отстранитъ самыя важныя препятствія къ избранію, и упускалъ

изъ виду главное: соглашеніе выгодъ Москвы и Литвы; или думалъ, что Польша и Литва, предъценныя выгодами имѣть королемъ такого могущественнаго государя, какъ онъ, согласятся на его требованія, тѣмъ болѣе, что онъ старался, по возможности, умѣрять эти требованія. Но скоро обнаружилось, что было главное въ дѣлѣ, что преимущественно препятствовало избранію? То же, что давно уже было непреодолимымъ препятствіемъ къ заключенію вѣчнаго мира между Москвою и Литвою: спорныя земли, число которыхъ увеличилось теперь Ливонією. Іоаннъ хотѣлъ самъ быть королемъ: здѣсь прельщала его мысль о возможности вѣчнаго тѣснаго соединенія трехъ державъ; но рада Польская и Литовская преимущественно указывали ему на сына его; избраніе же послѣдняго не могло ничѣмъ прельстить Іоанна, ибо кто могъ поручиться, что по смерти его война между родными братьями, не вспыхнула бы гораздо сильнѣе, чѣмъ между государями, совершенно чуждыми другъ другу? Отъ пріѣзда Воропая до пріѣзда новаго посла Литовскаго, Гарабурды, прошло мѣсяцевъ шесть: Іоаннъ имѣлъ время подумать о дѣлѣ, которое и представилось ему уже въ иномъ видѣ. Избраніе сына представлялось ему столь же невыгоднымъ какъ и прежде; собственное избраніе представило ему новыя трудности: онъ долженъ былъ управлять двумя самостоятельными государствами, переѣзжать, изъ одного въ другое; и у себя, въ Московскомъ государствѣ, боялся онъ измѣны боярской, окружилъ себя опричниною, а теперь долженъ будетъ ѣхать въ Подышу, отдать себя въ руки свеводнымъ панамъ и шляхтѣ, подъ конецъ жизни подчиниться тому, что противорѣчило стремленіямъ всей его жизни! Отсюда естественно должно было у него родиться желаніе быть избранымъ только въ великіе князья Литовскіе отдѣльно отъ Польши. Здѣсь уничтожалось главное препятствіе относительно сопоставленія двухъ государствъ, изъ которыхъ ни одно не хотѣло уступить первенства другому, ибо Литва, привыкнувъ занимать второстепенное положеніе при Польшѣ, легко могла занять такое же при соединеніи съ царствомъ Московскимъ; притомъ

въ Литвѣ преимуществовалъ элементъ Русскій; большую часть великаго княжества составляли земли, которыя Іоаннъ считалъ своими отчинами; по многочисленности православнаго народонаселенія дать здѣсь господство православію было легко; вслѣдствіе близости и второстепеннаго положенія Литвы управлять ею и ладить съ панами было легче.

Но если дѣло избранія самому Іоанну представлялось уже иначе, то въ Польшѣ и Литвѣ желаніе видѣть его королемъ не могло усиливаться: другіе государи, желавшіе избранія, отправили въ Польшу пословъ, которые и поддерживали ихъ дѣло; мы видѣли, какъ дѣйствовалъ Коммендоне для того, чтобъ былъ избранъ король—католикъ; но Іоаннъ ждалъ къ себѣ пословъ Польскихъ и Литовскихъ, и никакъ не хотѣлъ унижаться до искательства и просьбъ. Православное народонаселеніе Литвы желало видѣть королемъ Іоанна, но оно не могло имѣть перевѣса на сеймѣ; притомъ же въ это время релігіозный интересъ православнаго народонаселенія не былъ затронутъ, и потому не стоялъ на первомъ планѣ; другіе интересы преобладали.

Іоаннъ, какъ мы видѣли, наказывалъ Воропаю, чтобъ рада Польская и Литовская немедленно прислали къ нему уполномоченныхъ для окончательныхъ переговоровъ; Литовская рада тотчасъ же дала знать Польской объ этомъ требованіи царя съ просьбою удовлетворить ему какъ можно скорѣе, потому что замедленіе можетъ грозить большою опасностію для Литвы. Но прошелъ 1572-й годъ, и Польскіе уполномоченные не являлись; въ началѣ 1573-го Литовская рада принуждена была отправить къ Іоанну отъ себя посла, Михаила Гарабурду. Последний оправдывалъ медленность пановъ моровымъ повѣтріемъ, распространившимся въ Польшѣ и Литвѣ, которое помѣшало имъ съѣзжаться; объявилъ, что Литовскіе паны сами хотятъ и Польскихъ пановъ будутъ приводить на то, чтобъ избранъ былъ или самъ царь, или сынъ его Теодоръ, и потому проситъ Іоанна дать рѣшительный отвѣтъ, самъ ли онъ хочетъ быть избранъ въ короли, или дать сына; въ обоихъ случаяхъ необ-

ходимо обязательство въ ненарушеніи правъ и вольностей шляхетскихъ; при опредѣленіи границъ между государствами Іоаннъ долженъ уступить Литвѣ четыре города—Смоленскъ, Полоцкъ, Усвятъ и Озерище; если же царевичъ Феодоръ будетъ избранъ въ короли, то отецъ долженъ дать ему еще нѣсколько городовъ и волостей. — Іоанну не понравились рѣчи Гарабурды; онъ отвѣчалъ ему: «Ты говорилъ, что паны радные такъ долго не присылали къ намъ по причинѣ мороваго повѣтрія: это воля Божія; а надобно было бы панамъ подумать, чтобъ дѣло поскорѣе уладить, потому что безъ государя землѣ быть невыгодно. Паны радные Литовскіе не хотятъ выбирать себѣ государя безъ короны Польской — на то ихъ воля. Ты говорилъ о подтвержденіи правъ и вольностей: дѣло извѣстное, что въ какихъ земляхъ какіе обычаи есть, отмѣнять ихъ негодится. Ты говорилъ, чтобъ мы возвратили Литвѣ Смоленскъ и Полоцкъ, Усвятъ и Озерище. Это пустое: для чего намъ уменьшать свое государство? Хорошо государства увеличивать, а не уменьшать. Для чего я вамъ дамъ сына своего, князя Феодора, къ убытку для своего государства? Хотятъ, чтобъ я далъ сыну еще другіе города и волости: но и безъ нашихъ городовъ и волостей въ коронѣ Польской и великомъ княжествѣ Литовскомъ много есть городовъ и волостей, доходами съ которыхъ мы и сынъ нашъ можемъ содержать свой дворъ. И то по нашему не годится, что по смерти государя государство не принадлежитъ потомкамъ его, что корона Польская и великое княжество Литовское не будутъ въ соединеніи съ государствомъ Московскимъ; такъ нельзя, такъ мы сына своего Феодора не дадимъ. Знаемъ, что цесарь и король Французскій прислали къ вамъ: но намъ это не примѣръ, потому что кромѣ насъ да Турецкаго султана ни въ одномъ государствѣ нѣтъ государя, котораго бы родъ царствовалъ непрерывно черезъ двѣсти лѣтъ; потому они и выпрашиваютъ себѣ почести; а мы отъ государства господа, начавши отъ Августа кесаря изъ начала вѣковъ, и всѣмъ людямъ это извѣстно. Корона Польская и великое княжество Литовское государства не голыя,

пробыть на нихъ можно, а нашъ сынъ не дѣвка, чтобъ за нимъ еще приданое давать. Если паны радные Польскіе и Литовскіе хотятъ нашей пріязни, то прежде всего пусть пишутъ титулъ нашъ сполна, потому что мы наше царское имя получили отъ предковъ своихъ, а не у чужихъ взяли. Вторыхъ, если Богъ возьметъ сына нашего Федора съ этого свѣта и останутся у него дѣти, то чтобы корона Польская и великое княжество Литовское мимо дѣтей сына нашего другого государя не искали; а не будетъ у нашего сына дѣтей, то Польша и Литва отъ нашего рода не отрывались бы; и если кто изъ нашего рода умретъ, тѣло его привозить для погребенія сюда. А наши дѣти и потомки, кто будетъ на коронѣ Польской и въ великомъ княжествѣ Литовскомъ, правъ и вольностей ихъ ни въ чемъ нарушать не будутъ; и пусть Польша и Литва соединятся съ нашимъ государствомъ, и въ титулъ нашемъ писалось бы напередъ королевство Московское, потомъ корона Польская и великое княжество Литовское; стоять и обороняться отъ всѣхъ непріятелей имъ заодно, а Кіевъ для нашего царскаго именованія уступить нашему государству. Что прежде наша отчина была по рѣку Березыню, того мы, для покою христіанскаго, отступаемся; но Полоцкъ со всѣми пригородами и вся земля Ливонская въ нашу сторону, къ государству Московскому, и безъ этихъ условій сына нашего Федора отпустить къ вамъ на государство нельзя; къ тому же онъ несовершеннолѣтній, противъ непріятелей стоять не можетъ. Что же касается до вѣчнаго мира, то мы хотимъ его на такихъ условіяхъ: Полоцкъ со всѣми пригородами и Курляндія къ Литвѣ, а Ливонія къ Москвѣ; Двина будетъ границею, а Полоцку и его пригородамъ съ нашими землями граница будетъ по старымъ межамъ; и быть бы всѣмъ тремъ государствамъ на всѣхъ непріятелей заодно, а въ королѣи выбрать цесарскаго сына, который долженъ быть съ нами въ братствѣ и подтвердить вѣчный миръ; мы готовы жить съ цесарскимъ сыномъ точно такъ же, какъ бы жили съ своимъ сыномъ Федоромъ, еслибъ дали его вамъ въ государя. Знаю,

что нѣкоторые изъ Поляковъ и изъ вашихъ хотять выбрать меня самого въ королѣ, а не сына моего: и гораздо лучше, еслибъ я самъ былъ вашимъ государемъ». Гарабурда отвѣчалъ на это, что паны и шляхта рады выбрать его въ государи, но чтобы онъ объявилъ, какъ этому статься? онъ долженъ будетъ безпрестанно переѣзжать изъ одного государства въ другое, и все по отдаленности не будетъ въ состояніи надлежащимъ образомъ оборонять свои государства; большое будетъ затрудненіе и относительно суда королевскаго; наконецъ безъ принятія Римской вѣры онъ не можетъ быть коронованъ». Царь велѣлъ ему пріѣзжать за отвѣтомъ на другой день, и когда посолъ явился, сталъ опять ему говорить: «Мы на Московскомъ королевствѣ, въ Польшѣ и Литвѣ государемъ быть хотимъ, и управлять всѣми этими государствами можемъ, и, пріѣзжая, по нѣскольку времени оставаться въ каждомъ. Причины, тобою приведенныя, дѣлу не мѣшаютъ; въ титулѣ нашемъ стоять прежде королевству Московскому, потомъ Польшѣ и Литвѣ; а для имени написать къ Московскому государству Кіевъ одинъ, безъ пригородовъ; Полоцкъ съ пригородами и Курляндію къ Литвѣ, а Ливонію къ нашему государству Московскому; полный титулъ будетъ такой: «Божією милостію господарь, царь и великій князь Иванъ Васильевичъ всея Руси, Кіевскій, Владимірскій, Московскій, король Польскій и великій князь Литовскій и великій князь Русскій, великаго Новгорода, царь Казанскій, царь Астраханскій», а потомъ расписать области Русскія, Польскія и Литовскія по старшинству. Вѣрѣ нашей быть въ почетъ; церкви въ нашихъ замкахъ, волостяхъ и дворахъ, каменные и деревянные, вольно намъ ставить; митрополитовъ и владыкъ почитать намъ по нашему обычаю; нравъ и вольностей панскихъ и шляхетскихъ не нарушать, а увеличивать. Вольно намъ будетъ въ старости отойти въ монастырь, и тогда паны и вся земля выбираютъ себѣ въ государи изъ нашихъ сыновей, который имъ будетъ любъ; а самъ я негоднаго имъ назначать не буду. А еслибы великое княжество Литовское захотѣло нашего государствования одно,

безъ короны Польской, то намъ еще пріятнѣе. Мы на великомъ княжествѣ Литовскомъ быть хотимъ; хотимъ держать государство Московское и великое княжество Литовское заодно, какъ были прежде Польша и Литва; титулъ нашъ будетъ какъ прежде было сказано; а которыя земли Литовскія забраны къ коронѣ Польской, тѣ будемъ отыскивать и присоединимъ ихъ къ Литвѣ, кромѣ одного Кіева, который долженъ отойти къ Москвѣ. Еще надобно уговориться о дворовыхъ людяхъ, безъ которыхъ я не могу ѣхать въ Польшу и Литву: этихъ людей немного (опричина). И то еще тебѣ объявляю, что буду ѣздить въ Польшу и Литву не одинъ, а съ дѣтьми, потому что они по лѣтамъ своимъ еще не могутъ безъ насъ оставаться; доходятъ до насъ слухи изъ вашихъ сторонъ, что Поляки и Литовцы хотятъ взять у насъ сына обманомъ, чтобъ отдать его Турецкому. Не знаю, правда ли это, или забые люди выдумали: только я долженъ тебѣ объ этомъ объявить, потому что теперъ хочу все высказать. Особенно объявляю тебѣ то, что я ужь старѣю, и въ такія три обширныя государства ѣздить мнѣ для управленія трудно: такъ лучше было бы, еслибы Польша и Литва взяли въ государя цесарскаго сына, а съ нами заключили вѣчный миръ, на условіяхъ, какія я уже сказалъ: и намъ это было бы покойнѣе, да и землямъ также. Но если Польша и Литва не хотятъ цесарскаго сына, а хотятъ насъ, то мы согласны быть ихъ государемъ; только паны должны дать присягу и грамоту, что имъ надъ нами и надъ нашими дѣтьми ничего дурнаго не дѣлать и ни одного государя противъ насъ не подводить, ни въ какое государство насъ не выдать, и никакой хитрости не замышлять, чтобъ намъ и дѣтямъ нашимъ можно было безопасно пріѣзжать для разныхъ дѣлъ въ Польшу и Литву, какъ въ свою землю. А если и одно великое княжество Литовское, безъ Польши, захочетъ нашего государствованія, то это намъ еще пріятнѣе. Скажи панамъ раднымъ, чтобъ не выбирали въ короли Француза, потому что онъ будетъ больше желать добра Турецкому, чѣмъ христіанству; а если возьмете Француза, то вы, Литва, знайте,

что мнѣ надѣ вами промышлять. Еще объявляю тебѣ: изъ вашихъ земель многіе писали ко мнѣ, чтобъ я шелъ съ войскомъ къ Полоцку, и тогда вы будете намъ бить челомъ, чтобъ, не пустоша земли, былъ я вашимъ государемъ. Другіе писали такія вещи, которыя къ дѣлу нейдутъ, иные просили у насъ денегъ и соболей, за что общали хлопотать, чтобъ сынъ нашъ былъ избранъ въ короли; скажи это панамъ раднымъ». — Когда Гарабурда уже совсѣмъ былъ готовъ отправиться въ обратный путь, пришли къ нему: окольнічій Умный-Колычовъ, думный дворянинъ Плещеевъ, дьяки — Андрей и Василій Щелкаловы, и сказали отъ имени Іоанна: «Если великое княжество Литовское хочетъ видѣть его своимъ государемъ, то онъ на это согласенъ; и будьте покойны, Польши не бойтесь: государь помирить съ нею Литву». Потомъ изъ Новгорода присланы были пункты (главизны), о которыхъ статьяхъ писарю Гарабурдѣ не изъявлено: 1) Короноваться и ставиться на корону Польскую и в. к. Литовское государю нашему по христіанскому обычаю, отъ архіепископовъ и епископовъ, и Римскаго закона бискупамъ по Римскому закону въ то время не дѣйствовать, а быть бискупамъ въ своемъ чину съ панами радными. 2) Божьимъ судомъ царское величество и его сынъ царевичъ Иванъ Ивановичъ не имѣютъ у себя супругъ, а царевичъ князь Федоръ Ивановичъ приближается къ тому возрасту, когда жениться надобно: такъ паны радные волю бы дали царскому величеству въ Русскомъ царствѣ, въ коронѣ Польской и в. к. Литовскомъ выбирать и высматривать изъ поданныхъ, кого пригоже по ихъ государскому чину. А у государей жениться царскому величеству неидеть, къ пожитью не схоже, потому что такъ высмотрѣть напередъ нельзя. А если выйдетъ такой случай, что можно будетъ жениться и на государственной дочери, то царское величество будетъ говорить о томъ съ панами радными. А у государей нашихъ издавна ведется, что выбираютъ и высматриваютъ себѣ въ супруги изъ поданныхъ своихъ. 3) Когда государь пріѣдетъ съ своими дѣтьми а корону Польскую, и учини тся мятежь между государемъ и

землю, и помириться нельзя будетъ, то паны должны отпустить царя и дѣтей его безо всякой зацѣпки.

Рѣчи Юанна Гарабурдѣ, высказавшееся въѣднихъ колебаніе, желаніе и нежеланіе быть выбраннымъ, условія выбора, предложенныя царемъ, явное нежеланіе дать сына въ короли — все это не могло усилить Московскую сторону на сеймѣ; послы Московскіе не являлись съ льстивыми словами, обѣщаніями и подарками для пановъ — и Ходкѣвичу легко было заглушить голосъ приверженцевъ царя. Сторона, хотѣвшая императора Максимилиана или сына его Эрнеста, также не могла осилить: причиною неуспѣха была, вопервыхъ, медленность Максимилиана; и онъ думалъ сначала, что не онъ Поляковъ, но Поляки будутъ просить его принять ихъ корону; потомъ, когда были имъ посланы великіе послы, Розенбергъ и Перштейнъ, то они уже не могли поправить дѣла, и кромѣ того — не хотѣли: оба посла были Чехи, свита ихъ состояла также изъ Чеховъ; подружившись съ Поляками на частыхъ пирушкахъ, Чехи стали вспоминать, что и они прежде пользовались такими же вольностями, какія теперь въ Польшѣ, но домъ Австрійскій отнял ихъ у нихъ, и утѣсняетъ ихъ поборами, хочетъ истребить ихъ языкъ, и, какъ братья, предостерегали Поляковъ, чтобы они береглись Австрійскаго ига. Послы отъ князей имперскихъ, явно хлопоча за Эрнеста, сына Максимилианова, тайно совѣтовали Полякамъ совершенно иное; къ этому присоединилось еще извѣчное нерасположеніе Поляковъ къ Австрійскому дому. При такихъ обстоятельствахъ нетрудно было Французскому послу Монлюку составить многочисленную и сильную сторону для Ганриха Анжуйскаго, брата Французскаго короля Карла IX и сына Екатерины Медичи, причемъ Монлюкъ не щадилъ лести и обѣщаній. Въ публичной рѣчи своей Монлюкъ не щадилъ лести Полякамъ, называлъ государство ихъ оградой христіанства, хвалилъ ихъ обычаи, утверждалъ, что Французы и Поляки похожи другъ на друга болѣе всѣхъ другихъ народовъ; не былъ скупъ и на обѣщанія: по его словамъ, Бѣнрихъ заведетъ флотъ, посредствомъ котораго всего скорѣе

восприятствуешь Нарвской торговль; приведетъ въ цвѣтущее состояніе Краковскую академію, снабдивши ее учеными людьми; отправить на свой счетъ въ Парижъ сто Польскихъ шляхтичей для занятія науками; набереть для Польской службы отрядъ Гасконскихъ стрѣлковъ. — Начались совѣщанія; послышались голоса въ пользу избранія одного изъ своихъ; но противъ этого избранія вооружился славный своими талантами, краснорѣчїемъ, ученостію Янъ Замойскій, староста Бѣльзскій, приверженецъ шляхетскаго равенства, приверженецъ Французскаго принца. При подачѣ голосовъ большинство оказалось за Генрихомъ; Монлюкъ поспѣшилъ присягнуть за него въ сохраненіи условій, знаменитыхъ Pacta Conventa; волновались протестанты подъ предводительствомъ Фирлея: имъ, разумѣется, не хотѣлось имѣть королемъ брата Карла IX и ждать повторенія Вареломеевской ночи въ Краковѣ или Варшавѣ; но Монлюкъ успокоилъ и протестантовъ, давши за Генриха присягу въ оокраненіи всѣхъ ихъ правъ и вольностей. Въ Августѣ 1574 года двадцать Польскихъ пословъ, въ сопровожденіи 150 чело-вѣкъ шляхты, прїѣхали въ Парижъ за Генрихомъ. Начали говорить объ условіяхъ: Поляки потребовали, чтобъ не только Генрихъ подтвердилъ права протестантовъ Польскихъ, но чтобъ и Французскіе гугеноты получили свободу вѣроисповѣданія, ибо таково было обѣщаніе Монлюка; спросили послѣдняго, какъ онъ могъ, мимо наказа, давать подобныя обѣщанія? Монлюкъ отвѣчалъ, что дѣйствительно не имѣлъ объ этомъ наказа, но принужденъ былъ обѣщать, чтобъ заградить уста непріятелямъ Франціи, чтобъ успокоить протестантовъ, взволнованныхъ вѣстями о Вареломеевской рѣзнѣ; другіе послы, желая помѣшать избранію Генриха, разглашали, что онъ принимаетъ участіе въ убійствахъ; онъ, Монлюкъ, отвергалъ это, увѣряя, что рѣзня произошла случайно: «Но если она произошла безъ вѣдома королевскаго» возражали Польскіе протестанты: «то король обязанъ наказать ея виновниковъ и дать Французскимъ протестантамъ обезпеченіе ихъ правъ». — «Я не знаю, что отвѣчать имъ» говорилъ Монлюкъ: «и, боясь, чтобъ это об-

стоятельство не помѣшало избранію, далъ требуемую присягу: но такъ какъ это не касалось Польши, то король не обязанъ исполнять обѣщаніе.» Польскіе послы однако не переставали требовать исполненія обѣщанія; тогда Лавро, папскій нунцій, взялся уладить дѣло: въ худомъ платьѣ ночью пробирался онъ къ Польскимъ посламъ изъ католиковъ, къ епископу Познанскому и Алберту Ласкому, которые сначала не очень склонялись на его требованія; наконецъ угрозами католикамъ, обѣщаніями протестантамъ ему удалось достигнуть того, что послы перестали настаивать на исполненіе Монлюкова обѣщанія. Это извѣстіе всего лучше показываетъ намъ, какъ сильна была въ это время протестантская сторона въ Польшѣ и Литвѣ, и какъ у самихъ католиковъ не было еще религіозной нетерпимости.

Въ началѣ 1574 года Генрихъ пріѣхалъ въ Польшу; протестанты требовали, чтобъ онъ повторилъ присягу въ сохраненіи ихъ правъ; король уклонялся; они криками своими прервали коронаціонный обрядъ, волновали сеймъ. Партіи боролись; Генрихъ, оказывая явное пристрастіе къ Зборовскимъ, поджигалъ еще болѣе эту борьбу; отсюда крики противъ короля, пасквили, ссоры съ Французами; рѣдкій день проходилъ безъ убійства, совершеннаго тою или другою стороною; наконецъ явно была высказана угроза, что Генрихъ будетъ свергнутъ съ престола, если не станетъ лучше исполнять своихъ обязанностей. Генрихъ не привыкъ къ этимъ обязанностямъ во Франціи и жаловался, что Поляки изъ королей хотятъ низвести его до званія парламентскаго судьи; кромѣ лѣни, страсти къ пустымъ забавамъ, Генриху было трудно заниматься дѣлами еще и потому, что онъ не зналъ ни по польски, ни по латыни; кромѣ своего языка зналъ только немного по италіански, и потому сидѣлъ какъ нѣмой въ сенатѣ и думалъ только о томъ, какъ бы скорѣе вырваться изъ него; цѣлыя ночи проводилъ безъ сна въ пирушкахъ и въ карточной игрѣ, проводилъ все время съ своими Французами, убѣгая отъ Поляковъ; щедрости и расточительности своей не зналъ мѣры; во дворцѣ былъ такой

безпорядокъ, такая бѣдность, что иногда нечего было приготовить къ обѣду, нечѣмъ накрыть стола. Въ такомъ положеніи находился Генрихъ, когда получилъ вѣсть о смерти брата, Карла IX-го, причемъ мать, Екатерина Медичи, требовала, чтобъ онъ какъ можно скорѣе возвращался во Францію. Не успѣвши затаять этого извѣстія, король объявилъ объ немъ сенаторамъ; тѣ отвѣчали, что надобно созвать сеймъ, который одинъ можетъ позволить ему выѣхать изъ государства; но Генрихъ зналъ, какъ медленно собирается сеймъ, не надѣялся даже получить его согласія на отъѣздъ, слышалъ о враждебныхъ ему движеніяхъ во Франціи, и тайно ночью убѣжалъ за границу.

По отъѣздѣ Генриха въ Польшу не знали что дѣлать: объявлять ли безкорольеве, или нѣтъ? рѣшили безкорольевя не объявлять, но дать знать Генриху, что если черезъ девять мѣсяцевъ онъ не возвратится въ Польшу, то сеймъ приступитъ къ избранію новаго короля. Въ Москву успѣшили отправить отъ имени Генриха пословъ съ извѣстіемъ о восшествіи его на престолъ и вмѣстѣ съ извѣстіемъ объ отъѣздѣ во Францію, причемъ будто бы онъ поручилъ панамъ раднымъ сноситься съ иностранными государями. Иоаннъ отвѣчалъ, что уже отправилъ въ Польшу гонца своего Ельчанинова съ требованіемъ опасной грамоты для пословъ, которые должны ѣхать къ Генриху поздравлять его съ восшествіемъ на престолъ; что Ельчаниновъ будетъ дожидаться возвращенія короля, а у пановъ радныхъ не будетъ: государь ссылается только съ государемъ, а паны съ боярами; если же прежде была ссылка между нимъ, Иоанномъ и панами, то потому что у нихъ не было короля, и они присылали бить челомъ, прося его или сына его на господарство, но теперь есть у нихъ король, мимо котораго съ панами ссылаются непригоже. — Ельчанинову долго было дожидаться Генриха; онъ дождался сейма, во время котораго пришелъ къ нему тайно ночью Литовскій панъ, староста Жмудскій, и говорилъ: «Чтобы государь прислалъ къ намъ въ Литву посланника своего добраго, а писалъ бы къ намъ грамоты

порознь съ жаловальнымъ словомъ: къ воеводѣ Виленскому
 грамоту, другую ко мнѣ, третью къ пану Троцкому, четвертую
 къ маршалку, Сироткѣ Радзивиллову, пятую ко всему рыцарству?
 прислалъ бы посланника тотчасъ не мѣшкая; а королю Генриху
 у насъ не бывать. Я своей вины предъ государемъ не вѣдаю ни
 въ чемъ, а государь ко мнѣ не отпишетъ ни о какихъ дѣлахъ
 и себѣ служить не велить; намъ безмѣрно досадно, что мимо
 насъ хотятъ Поляки государя на государство просить, а наша
 цѣра лучше съ Московскою сошлась, и мы всѣ, Литва, госу-
 даря желаемъ къ себѣ на государство. Если мы умолимъ Бога,
 а государя упросимъ, что будетъ у насъ въ Литвѣ на госу-
 дарствѣ, то Поляки всѣ придутъ къ государю головами своими
 бить челомъ; а государю извѣстно, что когда у насъ прежде
 былъ король Витовтъ, то онъ всегда жилъ въ Вильнѣ; и теперь
 намъ хочется того же, чтобъ у насъ король былъ въ Вильнѣ,
 а въ Краковъ бы ѣздилъ на время; но государь какъ будто
 черезъ пень колоду валить». Далѣе староста говорилъ, что
 Литва, согласно царскому желанію, хочетъ избрать император-
 ского сына, но Поляки хотятъ выбрать пріятеля султана;
 говорилъ, что имъ трудно принять условіе относительно на-
 мѣдственности короны въ потомствѣ царя; но если они ми-
 лость и ласку государскую познаютъ, то отъ потомства его
 никогда не отступятъ, хотя бы и другой народъ не согласился;
 потому еще жестоко людямъ кажется то, что государь говорить
 о Кіевѣ и Волынской землѣ и что вѣнчать его на царство
 будетъ митрополитъ Московскій. Изъ Поляковъ Яковъ Уханскій,
 епископъ Гнѣзненскій, прислалъ Ельчанинову образцы грамотъ,
 какія царь долженъ прислать къ духовенству, панамъ, ко всему
 рыцарству и къ каждому пану въ особенности; въ общихъ
 грамотахъ Іоаннъ долженъ былъ просить объ избраніи, обо-
 значить въ грамотѣ, что онъ не еретикъ, а христіанинъ,
 прещень во имя св. Троицы, что Поляки и Русскіе, будучи
 одного племени, Славянскаго или Сарматскаго, должны, какъ
 братья, имѣть одного государя. Замѣчательны образцы грамотъ
 къ нѣкоторымъ вельможамъ; на примѣръ къ одному царь дол-

жонъ былъ написать: «Ты меня знаешь, и я тебя знаю, что у тебя большая сума (калита); я не калиты твоей хочу, хочу тебя имѣть своимъ пріятелемъ, потому что ты умный человекъ на всякія дѣла, умѣешь совѣтовать такъ, что не только калита, но и сундуки будутъ».

Іоаннъ находился въ затруднительномъ положеніи: съ одной стороны тяжело ему было унизиться до искательства, невѣрнѣе былъ успѣхъ и затруднительно положеніе въ случаѣ успѣха; съ другой неприятно было и видѣть себя обойденнымъ, особенно когда выборъ падетъ на человека нежеланнаго, съ которымъ надобно будетъ опять начинать войну за Ливонію. Выслушавши донесеніе Ельчанинова, царь приговорилъ послать гонца Бастанова къ панамъ съ требованіемъ опасной грамоты для большихъ пословъ. Бастановъ доносилъ, что по всѣмъ слухамъ Литовская рада хочетъ выбирать Московскаго государя; папскій нунцій доносилъ въ Римъ, что вельможи ни подъ какимъ видомъ не хотятъ Московскаго царя, но народъ показываетъ къ нему расположеніе; въ другомъ письмѣ доносилъ, что Московскаго государя желаетъ все мелкое дворянство, какъ Польское, такъ и Литовское, въ надеждѣ чрезъ его избраніе высвободиться изъ подъ власти вельможъ. Узнавши отъ Бастанова о возможности успѣха, Іоаннъ велѣлъ немедленно отпустить въ Польшу посланника Новосильцова съ грамотами къ Уханскому, Краковскому архіепископу и свѣтскимъ панамъ; въ грамотѣ къ Уханскому царь увѣрялъ, что вѣры и почестей духовенства не порушитъ, самому Уханскому обѣщалъ большія награды, если его стараніемъ будетъ избранъ въ короли: «Мы тебя за твою службу почестями и казною наградимъ; дай намъ знать, какого отъ насъ жалованья хочешь, и мы станемъ къ тебѣ свое великое жалованье держать». Но однихъ обѣщаній частнымъ лицамъ было мало; Іоаннъ ни слова не говорилъ, отказывается ли онъ отъ прежнихъ своихъ условій, а на сеймѣ не хотѣли слышать ни о какихъ другихъ условіяхъ, кромѣ тѣхъ, на которыхъ былъ избранъ прежде Генрихъ; кромѣ того Новосильцевъ былъ посланникомъ легкимъ, и потому не могъ

такъ дѣйствовать, какъ дѣйствовали уполномоченные другихъ совскателей. Эти обстоятельства опять привели то, что сторона Московская, особенно между Поляками, упала, и выдвинулись впередъ двѣ стороны: сторона вельможъ, которые хотѣли избрать императора Максимилиана, и сторона шляхты, хотѣвшей избрать Пяста, т.-е. кого-нибудь изъ природныхъ Поляковъ или, по крайней мѣрѣ, не Австрійца, не кандидата стороны вельможеской.

Въ Ноябрь 1575 года начался избирательный сеймъ, приступили прежде всего къ выслушанію пословъ иностранныхъ. Послы императорскіе, отъ имени своего государя, предлагали въ король сына его, эрцгерцога Эрнеста, превозносили достоинства этого князя, говорили, что вслѣдствіе частаго обращенія съ Чехами, оцъ легко понимаетъ ихъ языкъ, легко поэтому можетъ научиться и по польски, а прежде чѣмъ научится, будетъ употреблять языкъ Латинскій, которымъ владѣть совершенно свободно и который у Поляковъ во всеобщемъ употребленіи; выставляли на-видъ выгоды Эрнестова избранія, вслѣдствіе котораго Польша вступитъ въ союзъ съ Австрійскимъ домомъ, владѣтелями Германскими, Итальянскими, королемъ Испанскимъ и наконецъ съ царемъ Московскимъ. Послѣ императорскихъ говорили послы брата Максимилианова, эрцгерцога Фердинанда, также превозносили достоинства своего государя, его военное искусство, знаніе Чешскаго языка, обѣщали, что Фердинандъ будетъ вносить въ Польшу большую часть доходовъ своихъ, именно 150,000 талеровъ ежегодно, и еще 50,000 талеровъ на поправку и постройку пограничныхъ крѣпостей, приведетъ и сильные полки Нѣмецкой пѣхоты для отраженія непріятели. — Царь Шведскій началъ свою рѣчь увѣщаніями сейму употребить все усилія для войны съ Москвою, обѣщавъ, что Шведскій король, съ своей стороны, употребитъ для этой цѣли третью часть податей; для превращенія же споровъ за Ливонію между Польшею и Швеціею, предлагалъ, чтобъ Поляки уступили Швеціи свою часть Ливоніи, а король Шведскій отказался за это отъ всехъ своихъ претензій: отъ денегъ, которыя

Польское правительство взяло у него въ займы и уже четырнадцать лѣтъ не платить, отъ приданого своей жены, не отданного еще ей, отъ денегъ и земель, слѣдующихъ ей по наслѣдству; или пусть Польша отдастъ свою часть Ливоніи навѣки въ ленное владѣніе Шведскому королевичу Сигизмунду, которому отецъ отдастъ и свою часть этой страны. Потомъ посолье приступилъ къ главному вопросу: предлагалъ избрать или короля своего Іоанна, или, что для послѣдняго будетъ одинаково пріятно, избрать въ королевы сестру покойнаго Сигизмунда-Августа, Анну; приводилъ въ примѣръ Англичанъ, которые, поручивъ правленіе королевѣ Елисаветѣ, достигли наивысшей степени благоденствія; говорилъ, что только однимъ этимъ способомъ уладятся дѣла Польскія и Шведскія, Ливонскія и Московскія; будетъ крѣпкій союзъ между двумя сосѣдними государствами, будетъ у нихъ миръ съ Турками, Татарами и Германією, Москвитяне будутъ изгнаны изъ Ливоніи, Нарвская торговля, столь вредная для Польши и столь выгодная для Москвы, прекратится; королева Анна, зная языкъ и обычаи народныя, могла бы выслушивать каждаго и всякому оказывать справедливость, не была бы изъ числа тѣхъ, которые сидятъ на тронѣ глухими и нѣмыми и презираютъ обычаи Польскіе (намѣкъ на Генриха); всѣ права и привилегіи были бы подтверждены. А если бы тутъ же сеймъ назначалъ наслѣдникомъ королевны Анны единственнаго сына Шведскаго короля и, по матери, единственную отрасль Ягеллонова рода, Сигизмунда, знающаго въ совершенствѣ языки Польскій и Шведскій и достаточно Латинскій, Италіанскій и Нѣмецкій, тогда король и королева Шведскіе ничего не пожалѣли бы для сына своего, который явился бы въ Польшу съ значительною суммою денегъ для шляхты. — Еще прежде, въ 1574 году, послѣ бѣгства Генриха, султанъ присылалъ грамоту съ требованіемъ, чтобъ Поляки не выбирали Австрійца, который необходимо вовлечетъ ихъ въ войну съ Портою; пусть выберутъ кого-нибудь изъ своихъ, напримѣръ, Яна Костку, воеводу Сендомирскаго; а если хотятъ изъ чужихъ, то короля Шведскаго или Стефана Баторія, князя

Седмиградскаго. Посолъ отъ Баторія явился на сеймъ и, послѣ
обычнаго исчисленія доблестей своего князя, приступилъ къ
объщаніямъ: сохранять ненарушимо права пановъ и шляхты,
сообразоваться во всемъ съ ихъ волею; заплатить всѣ долги
королевскіе; обратно завоевать все, отнятое Москвою, для
чего привести свое войско; сохранять миръ съ Турками и
Татарами; лично предводительствовать войсками; прислать
800,000 злотыхъ на военныя издержки, выкупить плѣнную
шляхту изъ земель Русскихъ, захваченную въ последнее Та-
тарское нашествіе. Наконецъ выступилъ посолъ отъ Альфонса
II-го, герцога Феррарскаго, который между прочимъ обещалъ
снабдить Краковскую академію людьми учеными, привести въ
Польшу художниковъ и содержать ихъ на своемъ жалованьи,
воспитывать въ Италіи на свой счетъ пятьдесятъ молодыхъ
шляхтичей Польскихъ. — Московскихъ пословъ не было: никто
не восхвалялъ достоинствъ Іоанна, никто не говорилъ о его
объщаніяхъ.

Раздвоеніе, соперничество, господствовавшія между вель-
можами и шляхтою въ Польшѣ, выразились на сеймѣ: 12
Декабря Австрійская партія, состоявшая преимущественно
изъ вельможъ, провозгласила королемъ императора Максимили-
ана, а 14-го шляхта провозгласила королеву Анну съ тѣмъ,
чтобъ она вышла замужъ за Стефана Баторія. Австрійская
сторона имѣла большія надежды восторжествовать надъ сторо-
ною противною, потому что Литва и Пруссія преимущественно
держались Максимилиана; но въ началѣ самъ императоръ по-
вредилъ своему успѣху медленностію: когда явились къ нему
послы Польскіе отъ стороны, его избравшей, съ извѣстіемъ
объ избраніи, то онъ сталъ толковать съ ними о перемѣнѣ усло-
вій, на которыхъ былъ избранъ, условій Генриховыхъ, тре-
бовалъ, чтобъ въ эти условія по крайней мѣрѣ внесены были
два слова: по возможности (pro posse); говорилъ, что нѣ-
которыя статьи касаются не одного его, но всей имперіи, и
что такъ какъ вслѣдствіе двойнаго избранія онъ не можетъ безъ
помощи оружія сдѣлаться королемъ Польскимъ, то не можетъ

ни на что рѣшиться одинъ; предлагалъ, чтобъ, для примиренія обѣихъ сторонъ, королевою оставалась Анна, но мужемъ ея и королемъ былъ назначенъ сынъ его эрцгерцога Ернестъ вмѣсто Баторія. По всему было видно, что старикъ Максимилианъ, и въ молодости не отличавшійся большою энергіею, охладѣлъ къ желанію получить Польскій престолъ, когда видѣлъ, что надобно добывать его оружіемъ. Также медленно велъ онъ и переговоры съ Москвою, которой интересы были теперь тѣсно связаны съ интересами Австрійскаго дома. Мы видѣли, что союзы, заключенные между Москвою и Австріею противъ Польши при Іоаннѣ III-мъ и сынъ его Василии, кончились ничѣмъ; при Іоаннѣ IV сношенія возобновились по поводу дѣлъ Ливонскихъ: въ 1559 году императоръ Фердинандъ I-й писалъ Іоанну, чтобъ онъ не воевалъ Ливонію, принадлежащей къ священной Римской имперіи, и возвратилъ завоеванные уже мѣста; Іоаннъ отвѣчалъ, что если цесарь захочетъ быть съ нимъ въ любви и братствѣ, то пусть пришлетъ великихъ пословъ, съ которыми обо всѣхъ дѣлахъ договоръ учинится. Великіе послы не пріѣзжали, и, несмотря на то, мы видѣли, что Іоаннъ требовалъ отъ Поляковъ и Литвы избранія Австрійскаго эрцгерцога въ короли: это требованіе царя объясняется требованіемъ султана не выбирать императора или его сына; враждебныя отношенія Австріи къ Турціи обезпечивали Московское государство въ томъ, что между Польшею и Турціею не будетъ заключено союза, и что Польскій король изъ Австрійскаго дома, опасаясь постоянно Турціи, будетъ искать Московскаго союза, для котораго не пожалѣтъ Ливонію. Въ Іюль 1573 года пріѣхалъ въ Москву императорскій гонецъ Павелъ Магнусъ съ грамотою, въ которой Максимилианъ II-й предлагалъ Іоанну соединенными силами противиться возведенію на Польскій престолъ Генриха Французскаго; гонецъ рассказывалъ о Варолюмеевской ночи, которая очень опечалила его государя: «Король Французскій воевалъ съ королемъ Наварскимъ, и умыслилъ злодѣйскимъ обычаемъ, чтобъ съ нимъ помириться; помирившись, сговорилъ сестру свою за Наварскаго короля, и

тотъ пріѣхалъ на свадьбу, и съ нимъ много большихъ людей пріѣхало; тутъ король Французскій зятя своего, Наварскаго короля, схватилъ и посадилъ въ тюрьму, и теперь сидитъ въ тюрьмѣ; а людей его всѣхъ до одного съ женами и дѣтьми въ ту же ночь побилъ, и сказалъ, что побилъ ихъ за вѣру, что они не его вѣры; побилъ и своихъ людей, которые одной вѣры съ королемъ Наварскимъ: всего въ то время побилъ до 100,000. Всѣмъ христіанскимъ государямъ пригоже о томъ жалѣть и кручиниться, а съ тѣмъ злодѣемъ Французскимъ не знаться. А вотъ теперь Французскій король брата своего отпускаетъ на Польское королевство, по ссылкѣ съ Турецкимъ султаномъ: и отъ того цесарю кручина. Цесарю хотѣлось, чтобъ на коронѣ Польской былъ или сынъ его, или государь Московскій, и у нихъ была бы по старинѣ любовь и братство; а приговорилъ цесарь, чтобъ государство подѣлить: Польскую корону къ цесарю, а Литовское великое княжество къ Московскому государству, и стоять бы имъ заодно противъ Турецкаго и противъ всѣхъ Татарскихъ государей. А если королевичъ Французскій будетъ на коронѣ Польской, то съ Турецкимъ у нихъ будетъ союзъ, а христіанству будетъ большая невзгода и пагуба».

Юаннъ отправилъ въ Вѣну гонца Скобельцына — выразить императору всю готовность свою стараться о томъ, чтобъ Польша и Литва не отошли отъ ихъ государствъ; о Вареоломевской ночи писалъ: «Ты, братъ нашъ дражайшій, скорбишь о кровопролитіи, что у Французскаго короля въ его королевствѣ нѣсколько тысячъ перебито вмѣстѣ и съ грудными младенцами: христіанскимъ государямъ пригоже скорбѣть, что такое безчеловѣчіе Французскій король надъ столькимъ народомъ учинилъ и столько крови безъ ума пролилъ». Скобельцынъ возвратился безо всякаго отвѣта, съ жалобами на дурное обхожденіе съ нимъ гонца императорскаго Павла Магнуса; скоро пріѣхалъ и послѣдній съ жалобами на Скобельцына, обвинялъ его въ томъ, что онъ не хотѣлъ взять цесаревой грамоты, о самомъ цесарѣ говорилъ невѣжливо: «на языкѣ—то у него сладко, а у сердца горько», велъ себя неприлично. Царь

велѣлъ позвать Скобельцына къ отвѣту, и тотъ во всемъ оправдывался: на примѣръ, грамоты императорской онъ не захотѣлъ взять потому, что въ ней Іоаннъ не былъ названъ царемъ. Іоаннъ отписалъ императору, что, вслѣдствіе его жалобъ, онъ положилъ опалу на Скобельцына, но при этомъ далъ понять, что вина послѣдняго и правота Павла Магнуса вовсе въ его глазахъ не доказаны: «мы велѣли ближнимъ своимъ людямъ Скобельцына разспросить передъ твоимъ гонцомъ Павломъ, и Скобельцынъ сказывалъ, что Павелъ взялъ у него въ долгъ 400 ефимковъ, а отдалъ только 138, и много безчестья ему дѣлалъ, а потому я взводилъ на него такія дѣла. Нашимъ гонцамъ на обѣ стороны пригоже такихъ дѣлъ впередъ не дѣлать и до насъ кручинъ не доносить, чтобъ отъ ихъ бездѣльныхъ вракъ между нами братской любви порухи не было». Потомъ пріѣзжали въ Москву другіе гонцы съ извиненіями, что Максимилианъ, за большими недосугами, не могъ условиться съ царемъ на-счетъ дѣлъ Польскихъ; эти извиненія очень сердили Іоанна; сердило его и то, что вмѣсто пословъ являлись отъ императора купцы, хотѣвшіе выгодно поторговать въ Москвѣ. Наконецъ въ Декабрѣ 1575 года явились великіе послы: Іоганъ Кобенцель и Данилъ Принцъ. Приставъ, провожавшій ихъ, доносилъ государю о рѣчахъ толмачей посольскихъ, вѣзатыхъ въ Польшу: «Литовскихъ людямъ не хотѣлось пословъ чрезъ свою землю пропускать; но, боясь цесаря, пропустили, а слово объ нихъ въ Литвѣ такое: идутъ послы отъ цесаря къ Московскому государю на совѣтъ, чтобъ имъ заодно промыслить и Литовскую землю между собою раздѣлить». Іоаннъ хотѣлъ дать понять посламъ, какъ поздно они пріѣхали, какъ неприлично было императору въ продолженіе столь долгаго времени, при столь важныхъ взаимныхъ интересахъ, присылать однихъ гонцовъ да купцовъ: онъ велѣлъ остановить пословъ въ Дорогобужѣ, куда явились бояринъ Никита Романовичъ Юрьевъ, князь Сицкій и дьякъ Андрей Щейкаловъ съ такимъ наказомъ отъ царя: «Пріѣхавши въ Дорогобужъ, устройте съвѣщій дворъ, и, сославшишь съ цесаревыми

послами, съѣзжаться съ ними на этомъ дворѣ, и спросить ихъ отъ имени государя, за какимъ дѣломъ присланы они отъ цесаря? Если послы откажутся объявить, зачѣмъ они присланы, то понуждать ихъ къ тому, нѣсколько разъ съ ними съѣзжаться и говорить имъ: «Не дивитесь, что государь велѣлъ васъ на дорогѣ спрашивать, не давая вамъ своихъ очей видѣть; всякое дѣло живетъ по случаю: прежде не бывало, чтобъ послы на дорогѣ спрашивали о дѣлѣ; но не бывало прежде и того, чтобъ такіе ближніе люди ѣздили такъ далеко говорить съ послами о дѣлѣ; случилось такъ потому, что отъ государя вашего, цесаря Максимилиана, пріѣзжали къ государю нашему торговые люди, а сказывались посланниками и гонцами; государь нашъ велитъ имъ почестъ оказывать, какъ пригоже посланникамъ и гонцамъ, а посмотреть — такъ это гости, торговые люди! Вотъ почему теперь государь и послалъ насъ, ближнихъ своихъ людей, спросить васъ, какіе вы люди у цесаря и по прежнему ли обычаю пріѣхали?» — Послы отвѣчали, что такія рѣчи имъ очень прискорбны и что они не могутъ передать цесаревыхъ рѣчей никому другому, кромѣ самого великаго государя; если торговые люди назывались посланниками и гонцами, то цесарь велитъ ихъ за это казнить, а они, послы, ближніе люди у цесаря и пріѣхали за тѣмъ, чтобъ подтвердить прежній союзъ, уговориться и о Литовскомъ дѣлѣ и о всякомъ христіанскомъ прибыткѣ. — Максимилианъ прежде писалъ, что ему нельзя вступить въ переговоры съ Московскимъ государемъ за великими недосугами: Иоаннъ, узнавши объ отвѣтѣ Кобенцеля и Принца, послалъ имъ такую грамоту: «Вы бы о томъ не доскорбѣли, что мы вамъ теперь очей своихъ вскорѣ видѣть не велѣли, потому что у насъ много дѣла, были мы въ отъѣздѣ; а какъ пріѣдемъ въ Можайскъ, то сейчасъ же велѣмъ вамъ быть у насъ».

Содержаніемъ посольскихъ рѣчей были два требованія, чтобъ Иоаннъ содѣйствовалъ избранію эрцгерцога Эрнеста въ короли Польскіе и великіе князья Литовскіе, и чтобъ оставилъ въ покоѣ Дивонію. «Избраніе Эрнеста въ короли» говорили послы: «будетъ

очень выгодно твоему величеству: ты, Эрнестъ, цесарь, король Испанскій, папа Римскій и другіе христіанскіе государи вмѣстѣ на сухомъ пути и на морѣ нападете на главнаго недруга вашего, султана Турецкаго, и въ короткое время выгоните невѣрныхъ въ Азію: тогда, по волѣ цесаря, папы, короля Испанскаго, эрцгерцога Эрнеста, князей имперскихъ и всѣхъ орденовъ, все цесарство Греческое восточное будетъ уступлено твоему величеству и ваша пресвѣтлость будете провозглашены Восточнымъ цесаремъ». Іоаннъ велѣлъ сказать посламъ, что, на основаніи прежнихъ предложеній со стороны императора, на престолъ Польскій долженъ быть возведенъ эрцгерцогъ Эрнестъ, но Литва должна отойти къ Московскому государству. Послы отвѣчали, что этому статься нельзя, ибо у короны Польской съ великимъ княжествомъ Литовскимъ крѣпкое утверждение, чтобъ другъ отъ друга не отстать и быть подъ однимъ государемъ; что же касается до Кіева, то эрцгерцогъ Эрнестъ, какъ будетъ избранъ въ короли, для братской любви, уступить его вмѣстѣ съ другими немногими мѣстами царю, ибо и цесарю извѣстно, что Кіевъ искони царская отчина; о Ливоніи же цесарь велѣлъ намъ только помянуть, а много о ней не велѣлъ говорить; просимъ только, чтобъ государь вашъ не велѣлъ воевать Ливоніи до пріѣзда другихъ большихъ пословъ императорскихъ, князей удѣльныхъ и великихъ людей. Іоаннъ велѣлъ отвѣчать посламъ, и въ отвѣтъ этомъ высказалось сомнѣніе относительно цесаревыхъ обѣщаній: «Если между государями такое дѣло начинается о союзѣ, вѣчномъ братствѣ и дружбѣ, то надобно, чтобъ это было крѣпко и неподвижно. У нашего государя въ обычаѣ: кому слово молвить о братствѣ и о любви, и то живетъ крѣпко и неподвижно, инако слово его не живетъ; не такъ бы случилось, какъ съ Владиславомъ, королемъ Венгерскимъ: заключилъ онъ союзъ съ цесаремъ и со многими Нѣмецкими государями, захотѣли стоять противъ Турецкаго султана; а какъ на него пришелъ Турецкій, то цесарь и Нѣмецкіе государи ему не пособили, выдали его, и Турки рать его побили и самого убили. Пусть бы всѣ союз-

ные Максимилиану государи, папа Римскій, короли Испанскій, Датскій, герцоги, графы и всякіе начальники прислали къ нашему государю пословъ вмѣстѣ съ цесаревыми и утвердили бы докончанье — стоять всѣмъ на всѣхъ недруговъ заодно. Послы отвѣчали, что цесарь скорѣе кровь на себѣ увидить или государства своего лишится, чѣмъ слову своему измѣнить. Послѣ этихъ переговоровъ Іоаннъ отпустилъ пословъ съ такими рѣчами къ императору: «Хотимъ, чтобъ брата нашего дражайшаго сынъ, Эрнестъ князь Австрійскій, былъ на коронѣ Польской, а Литовское великое княжество съ Кіевомъ было бы къ нашему государству Московскому; Ливонская же земля изначала была наша вотчина и нашимъ прародителямъ Ливонскіе Нѣмцы дань давали; да забывъ правду, отъ насъ отступили, и потому надъ ними такъ и стало: Ливонской землѣ и Курской (Курляндіи) всей быть къ нашему государству; да и потому Ливонской землѣ надобно быть за нами, что мы уже посадили въ ней королемъ годдовника (подручника, вассала) своего, Магнуса: такъ братъ бы нашъ дражайшій, Максимилианъ цесарь, въ Ливонскую землю не вступался и этимъ бы намъ любовь свою показалъ; а мы Ливонской земли достаемъ и впередъ хотимъ искать. Къ панамъ Польскимъ пошлемъ, чтобъ они выбрали въ короли Эрнеста князя, а къ Литовскимъ, чтобъ оставались за нами; если Литва не согласится отстать отъ Польши, то пусть и она выбираетъ Эрнеста; если же и Польша и Литва не согласятся имѣть государемъ ни насъ, ни Эрнеста, то намъ съ цесаремъ Максимилианомъ надъ ними промышлять сообща и въ неволю приводить». — То же самое долженъ былъ говорить Максимилиану и отправленный къ нему царскій посолъ, князь Сугорскій, о Ливоніи же долженъ былъ прибавить: «Государю ни за что такъ не стоять, какъ за свою вотчину, Лифляндскую землю».

Но Кобенцель и Принцъ вели переговоры съ Московскими боярами, когда владѣнія Ягеллоновъ подѣлились уже, только не между Іоанномъ и Эрнестомъ, а между Максимилианомъ и Баторіемъ. Съ вѣстію объ избраніи Максимилиана и Баторіа

пріѣхалъ къ царю изъ Литвы Московскій гонецъ Бастановъ; но онъ доносилъ, что въ Литвѣ многіе не надѣются, чтобъ кто-нибудь изъ избранныхъ утвердился на престолѣ, а думаютъ, что царь еще можетъ взять верхъ надъ обѣими; такъ приѣхавъ къ Бастанову каштелянъ Минскій Янъ Глѣбовичъ и говорилъ: «Чтобъ государю послать раньше, не мѣшая, къ панамъ раднымъ и къ рыцарству? А тѣмъ у насъ не бываетъ ни одному на королевствѣ, вся земля хочетъ государя царя». То же самое говорилъ ему и молодой Радзивиль, сынъ воеводы Виленскаго. Литовская рада отправила посольство къ Юанну съ объявленіемъ, что избранъ Максимиліанъ по приказу царскому; возвратился и Новосилцевъ; онъ тоже доносилъ, что царь могъ бы имѣть успѣхъ, еслибъ дѣйствовалъ скорѣе и рѣшительнѣе: когда онъ отдалъ царскую грамоту съ жалованнымъ словомъ Яну Ходкѣвичу, то послѣдній сказалъ ему: «Только бы государь такія грамоты прежде къ намъ прислалъ, то давно былъ бы избранъ. Государь домогался отъ насъ опасныхъ грамотъ на своихъ пословъ; но я приказывалъ съ Ельчаниновымъ, чтобъ государь отправлялъ пословъ скорѣе и безъ опасныхъ грамотъ: опасныя грамоты потому не посланы, что къ нимъ всѣ паны радные прикладываютъ свои печати, но изъ пановъ одни служатъ вашему государю, а другіе его не хотятъ, и потому опасными грамотами волочатъ, печатей своихъ не прикладываютъ; услыжавши о гонцѣ Бастановѣ, я думалъ, что онъ ѣдетъ къ намъ съ грамотами, съ жалованнымъ словомъ и указомъ, но онъ пріѣхалъ ни съ чѣмъ; мы уже поневолю выбрали Максимиліана; Максимиліанъ цесарь старъ и боленъ, и мы тебя затѣмъ держимъ, что ждемъ отъ цесаря присылки, думаемъ, что онъ откажется отъ престола. Ляхи обираютъ на государство Обатуру (Баторія) и къ намъ уже въ другой разъ присылаютъ, чтобъ и мы его выбрали; но намъ ни подъ какимъ видомъ Обатуру на государство не брать, Обатура Турецкій посаженникъ, и какъ намъ отдать христіанское государство бусурманамъ въ руки? Ты ѣдешь къ Полякамъ, такъ самъ увидишь Польскую правду: они ни за что не

пошли съ тобою опасной грамоты на государевыхъ посланцевъ, а я царю государю радѣ служить всею своею душою, только бы государь у насъ вольностей нашихъ не отнял, потому что мы люди вольные». То же говорилъ и Николай Радзивилъ на тайномъ свиданіи съ Новосильцевымъ, а шляхтичъ Голубъ говорилъ: «Паны за посулы выбираютъ цесаря и Обатуру; не рыцарство всею землею ихъ не хочетъ, а хочетъ царя; паны радные увязли въ посулахъ, и сами не знаютъ какъ быть».

Паны дѣйствительно находились въ затруднительномъ положеніи, выбравши двухъ королей: ихъ вывели изъ этого затрудненія медленность Максимилиана и быстрое движеніе Баторія, который, подтвердивши всѣ предложенныя ему условія, 18 Апрѣля 1576 года уже имѣлъ торжественный въездъ въ Краковъ, а 1-го Мая короновался. Максимилианъ въ Апрѣлѣ 1576 года писалъ къ царю: «Думаемъ, ты давно уже знаешь, что мы въ прошломъ Декабрѣ съ великою славой и честью выбраны на королевство Польское и великое княжество Литовское; думаемъ, что вашему пресвѣтлѣйшему то будетъ не въ кручину». Иоаннъ отвѣчалъ: «Мы твоему избранію порадовались; но послѣ узнали, что паны мимо тебя выбрали на королевство Стефана Баторія, воеводу Седмиградскаго, который уже пріѣхалъ въ Краковъ, короновался и женился на королевнѣ Аннѣ, и всѣ паны, кромѣ троихъ, поѣхали къ нему. Мы такому непостоянному разуму у пановъ удивляемся; чему вѣрить, если слову и душѣ не вѣрить? Такъ ты бы, братъ нашъ дражайшій, промышлялъ о томъ дѣлѣ поскорѣе, пока Стефанъ Баторій на твоихъ государствахъ крѣпко не утвердился; и къ намъ стниши съ скорымъ гончикомъ, съ легкимъ, какъ намъ своимъ и твоимъ дѣломъ надъ-Польшею и Литвою промышлять, чтобъ тѣ государства мимо насъ не прошли и Баторій на нихъ не утвердился. А тебѣ самому хорошо извѣстно: если Баторій на нихъ утвердится изъ рукъ мусульманскихъ, то намъ, всѣмъ христіанскимъ государямъ, будетъ къ великому убытку». Но Максимилианъ, вмѣсто того, чтобъ промышлять вмѣстѣ съ царемъ надъ Польшею, сердилъ только его просьбами не трогать

убогой Ливоніи, тогда какъ Іоаннъ, наоборотъ, видя, что въ Польшѣ сдѣлалось не такъ, какъ онъ желалъ, рѣшился, во что бы то ни стало, покончить съ Ливоніею.

Мы видѣли, что здѣсь, кромѣ Поляковъ, Іоаннъ долженъ былъ воевать и со Шведами, занявшими Ревель. Послѣ неудачной осады этого города, Іоаннъ въ концѣ 1574 года самъ пріѣхалъ въ Новгородъ, приказавши полкамъ собираться въ Орѣшкѣ и въ Дерптѣ для войны со Шведами въ Эстоніи и Финляндіи. Но прежде ему хотѣлось попробовать, не согласятся ли Шведы, испуганные его приготовленіями, уступить безъ войны Эстонію. Для этого онъ призвалъ Шведскихъ пословъ и предложилъ имъ не начинать войны до весны будущаго года, если король Іоаннъ прішлетъ другихъ пословъ въ Новгородъ, съ ними 10,000 ефимковъ за обиду прежнихъ Московскихъ пословъ, ограбленныхъ во время возстанія на Эрика, 200 конныхъ воиновъ, снаряженныхъ по Нѣмецкому обычаю, прішлетъ также рудознатцевъ, обяжется свободно пропускать въ Россію мѣдь, олово, свинецъ, нефть, сѣру, также лекарей, художниковъ и ратныхъ людей. Послы подписали эту грамоту, говорили, что король во всемъ исправится и добьетъ челомя; необходимымъ условіемъ мира Іоаннъ поставилъ отреченіе короля отъ Эстоніи; кромѣ того требовалъ, чтобъ король заключилъ съ нимъ союзъ противъ Литвы и Даніи и, въ случаѣ войны, давалъ ему 1000 конныхъ и 500 пѣшихъ ратниковъ; наконецъ требовалъ, чтобъ король включилъ въ царскій титулъ названіе Шведскаго и прислалъ свой гербъ для помѣщенія его въ гербъ Московскій; царь оправдывалъ себя предъ послами относительно требованія королевы Екатерины отъ Эрика: «Мы просили у Эрика сестры Польскаго короля, Екатерины, для того, чтобъ намъ было къ повышенью надъ недругомъ нашимъ, Польскимъ королемъ: черезъ нее хотѣли мы съ нимъ доброе дѣло постановить; а про Іоанна намъ сказали, что онъ умеръ и дѣтей у него не осталось». Всѣ эти требованія относительно титула и герба были не иное что, какъ запросы, считавшіеся необходимыми въ то время; отъ нихъ запрашивающій

легко отказывался, смотря по большей или меньшей твердости, оказываемой противною стороною; тонъ этихъ запросовъ, разумѣется, соответствовалъ значенію тѣхъ государствъ, къ которымъ обращались съ запросами: мы видѣли, какія формы допускались въ сношеніяхъ съ Швеціею и Даніею: *челобитья*, *пожалованіе* и т. п. Но эти формы давно уже оскорбляли королей Шведскихъ; понятно, какъ долженъ былъ оскорбиться король Іоаннъ запросами царя, особенно при сильной личной ненависти его за дѣло о Екатеринѣ. Онъ не отправилъ новыхъ пословъ для заключенія мира; мало этого: Орѣшковскій намѣстникъ, князь Путятинъ, доносилъ государю, что Выборгскій королевскій намѣстникъ писалъ ему непригоже, будто бы самъ царь просилъ мира у Шведскихъ пословъ. Іоаннъ отвѣчалъ на это королю такую грамотою: «Скипетродержателя Россійскаго царства грозное повелѣніе съ великосильною заповѣдію: послы твои уродственнымъ обычаемъ нашей степени величество раздражили; хотѣлъ я за твое недоумѣтельство гнѣвъ свой на твою землю прострѣть: но гнѣвъ отложилъ на время, и мы послали къ тебѣ повелѣніе, какъ тебѣ нашей степени величество умолить. Мы думали, что ты и Шведская земля въ своихъ глупостяхъ сознались уже; а ты точно обезумѣлъ, до сихъ поръ отъ тебя никакого отвѣта нѣтъ, да еще Выборгскій твой прикащикъ пишетъ, будто нашей степени величество сами просили мира у вашихъ пословъ! Увидишь нашего порога степени величества прошенье этою зимою; не такое оно будетъ какъ той зимы! Или думаешь, что попрежнему воровать Шведской землѣ, какъ отецъ твой черезъ перемирье Орѣшекъ воевалъ? Что тогда dospѣлось Шведской землѣ? А какъ братъ твой обманомъ хотѣлъ отдать намъ жену твою, а его самого съ королевства сослали! осенью сказали, что ты умеръ, а весною сказали, что тебя сбили съ государства. Сказываютъ, что сидишь ты въ Стекольні (Стокгольмъ) въ осадѣ, а братъ твой Эрикъ къ тебѣ приступаетъ. И то уже ваше воровство все наружъ: опрометывааетесь точно гадъ разными видами. Земли своей и людей тебѣ не жаль; надѣешься на деньги, что

богаты. Мы много писать не хотимъ, положили упованіе на Бога. А что Крымскому безъ насъ отъ нашихъ воеводъ приключилось, о томъ спроси, узнаешь. Мы теперь поѣхали въ свое царство на Москву, и опять будемъ въ своей отчинѣ, въ великомъ Новгородѣ, въ Декабрѣ мѣсяцѣ, и ты тогда посмотришь, какъ мы и люди наши станемъ у тебя мира просить».

Король отвѣчалъ на это браннымъ же письмомъ, писалъ не по приговору. Тогда Іоаннъ въ концѣ 1572 года вступилъ въ Эстонию съ 80,000 войска; Виттенштейнъ былъ взятъ приступомъ, при которомъ палъ любимецъ царскій, Мадюта Скуратовъ Бѣльскій; лѣтныя Шведы и Нѣмцы, по извѣстіямъ Дивенскихъ лѣтописцевъ, были сожжены. Овладевши Виттенштейномъ, Іоаннъ возвратился въ Новгородъ, а къ Шведскому королю отправилъ новое письмо: «Что въ твой грамотѣ написана брань (лая), на то отвѣтъ послѣ; а теперь своимъ государскимъ высокодостоинѣйшія чести величества обычаемъ подлинный отвѣтъ со смиреніемъ даемъ: вопервыхъ ты пишешь свое имя впереди нашего — это непригоже, потому что намъ цесарь Римскій братъ и другіе великіе государи; а тебѣ имъ братомъ назваться невозможно, потому что Шведская земля тѣхъ государствъ честию ниже. Ты говоришь, что Шведская земля вотчина отца твоего: такъ дай намъ знать, чей сынъ отецъ твой Густавъ, и какъ дѣда твоего звали и на королевствѣ былъ ли, и съ которыми государями ему братство и дружба была, укажи намъ это именно и грамоты пришли. То правда истинная, что ты мужичьяго рода. Мы просили жены твоей Екатерины за тѣмъ, что хотѣли отдать ее брату ея, Польскому королю, а у него взять Лифляндскую землю безъ крови; намъ сказали, что ты умеръ, а дѣтей послѣ тебя не осталось: еслибъ мы этой вашей лжи не повѣрили, то жены твоей и не просили; мы тебя объ этомъ подлинно извѣстали; а много говорить объ этомъ не нужно: жена твоя у тебя, никто ея не хватаетъ; и такъ ты для одного слова жены своей крови много пролилъ напрасно; и впередъ объ этой безлѣпницѣ говорить много не нужно, а станешь говорить, то мы тебя не

будемъ слушать. А что ты писалъ намъ о братѣ евоемъ, Эрикѣ, что мы для него съ тобою водемъ — такъ это смѣшно: братъ твой Эрикъ намъ ненуженъ; вѣдь мы къ тебѣ о немъ ни съ кѣмъ не приказывали и за него не говорили: ты бездѣлье говоришь и пишешь, никто тебя не трогаетъ съ женою и съ братомъ, вѣдайся себѣ съ ними какъ хочешь. Слѣси съ нашей стороны никакой нѣтъ, писали мы по своему самодержавству, какъ пригоже». Привелъ изъ договорныхъ грамотъ съ Густавомъ Вазою мѣсто: «Архіепископу Упсальскому на томъ руку дать за все королевство Шведское», Иоаннъ продолжаетъ: «Еслибъ у васъ совершенное королевство было, то отцу твоему архіепископъ и совѣтники и вся земля въ товарищахъ не были бы; землю къ великимъ государямъ не приписываютъ; послы не отъ одного отца твоего, но отъ всего королевства Шведскаго, а отецъ твой въ головахъ, точно староста въ волости. О печати мы къ тебѣ для того писали, что тебѣ хочется мимо намѣстниковъ съ нами самими сослаться: но даромъ тебѣ этого не видать; а если хочешь изъ за этого кровь проливать — про то ты знаешь. Твоего титула и печати мы такъ запросто не хотимъ: если хочешь съ нами сослаться мимо намѣстниковъ, то ты намъ покорись и поддайся и почти насъ, чѣмъ пригоже: тогда мы тебя пожалуемъ, отъ намѣстниковъ отведемъ, а даромъ тебѣ съ нами сослаться не пригоже и по государству, и по отечеству; безъ твоего жъ покоренія титула твоего и печати не хотимъ. Въ прежнихъ хроникахъ и летописцахъ писано, что съ великимъ государемъ самодержцемъ Георгіемъ Ярославомъ на многихъ битвахъ бывали Варяги; а Варяги Нѣмцы, и если его слушали, то его подданные были. А что просишь нашего титула и печати, хочешь нашего покоренія — такъ это безуміе: хотя бы ты назвался и всей вселенной государемъ, но кто же тебя послушаетъ!»

Русскіе воеводы продолжали военныя дѣйствія въ Эстоніи: взяли Нейгофъ и Каркюсъ; но въ чистомъ полѣ, какъ почти всегда, по недостатку военного искусства, они не могли съ

успѣхомъ бороться противъ Шведовъ, хотя и малочисленныхъ: близъ Лоды они потерпѣли пораженіе отъ Шведскаго генерала Клауса Акесона Тотта. Вѣсть объ этомъ пораженіи и о возстаніи Черемисъ въ Казанской области заставила Юанна снова предложить миръ королю Шведскому. Съ этимъ предложеніемъ отправленъ былъ гонецъ Чихачевъ. Король, думая, что привезенная имъ царская грамота написана въ прежнемъ тонѣ, не хотѣлъ брать ее отъ гонца, велѣлъ прежде взять ее вельможамъ и прочесть. Но въ наказѣ посламъ прежде всего говорилось, чтобъ не отдавать грамоту никому кромѣ самого государя, вслѣдствіе чего произошли сильные споры между Чихачевымъ и Шведами: «Пріѣхалъ ты въ нашего государя землю, такъ и долженъ исполнять нашу волю, что намъ надобно», говорили Шведы. — «Пріѣхалъ я въ вашего государя землю, а волю мнѣ исполнять царскаго величества, своего государя, а не вашего», отвѣчалъ Чихачевъ. Шведы грозили, что не дадутъ ему съѣстныхъ припасовъ; гонецъ отвѣчалъ: «Пусть умру съ голоду: однимъ мною у государя не будетъ ни людно, ни безлюдно». Шведы говорили ему: «Ты это сдѣлалъ негораздо, что ѣхалъ безъ королевской опасной грамоты; самъ знаешь, что государь твой нашему государю большій недругъ, такой, какого еще не бываетъ: государя нашего короля хотѣлъ извести, государыню нашу королеву хотѣлъ къ себѣ взять, землю повоевалъ, два города взялъ, пословъ нашихъ безчестилъ, да писалъ къ нашему государю грамоту неподобную, такую, что нельзя слышать и простому человѣку: и надъ тобою государь нашъ сдѣлаетъ то же, если не отдашь намъ грамоты своего государя». Чихачевъ не далъ. Тогда одинъ изъ Шведовъ ударилъ гонца въ грудь, примахивалъ къ шеѣ обухомъ и тепоромъ, кричалъ: «отсѣку голову!» бранилъ непристойными словами. Чихачевъ сказалъ ему: «Еслибъ я, царскаго величества холопъ, сидѣлъ теперь на своемъ конѣ, то ты бы меня, мужикъ, такъ не безчестилъ, умѣлъ бы я тебѣ отвѣтъ дать; а я сюда не драться пріѣхалъ». Стали гонца и людей его обыскивать, раздѣвали, разували, все искали цар-

ской грамоты, но не нашли; перешарили все вещи, разломали сундуки с образами, образа раскидали по лавкам и, уходя, пригрозили гонцу: «Уже быть тебе на огнь, если грамоты не отдашь». Но угроза не подействовала, и король принял Чихачева, самъ взялъ отъ него грамоту; послѣ приема вольможы прѣхали потчивать гонца и говорили: «Теперь грамоту государь твой написал не постарому, можно между государями дѣлу статься, а король думалъ, что письмо будетъ постарому». Чихачевъ былъ задержанъ; король писалъ Иоанну, что онъ задержалъ гонца и не отпустить его до тѣхъ поръ, пока царь не отпустить двоихъ Шведскихъ толмачей, задержанныхъ имъ отъ прежняго посольства; писалъ, что не пришлетъ великихъ пословъ, опасаясь, чтобы и съ ними не поступлено было такъ же, какъ съ прежними, а что послы отъ обоихъ государей должны съѣхаться на границѣ для мирнаго постановленія. Иоаннъ отвѣчалъ, чтобы король присылалъ великихъ пословъ, потому что на рубежѣ посламъ ни о чемъ нельзя уговориться: «а нашего гонца тебѣ держать было незачѣмъ: толмачей мы оставили въ своемъ государствѣ поучить учениковъ, и одинъ умеръ, а другой учить двоихъ учениковъ Шведскому языку и жить безъ всякой нужды; прежде ваши толмачи Русской грамотѣ въ нашемъ государствѣ учивались, и только что толмачъ твой отдѣляется, мы его къ тебѣ и отпустимъ». Король отвѣчалъ прежнее: «не хотимъ къ тебѣ великихъ пословъ посылать, потому что ты, мимо опасной грамоты, дурно обошелся съ нашими послами; ты разрушилъ миръ, ты и долженъ отправить къ намъ пословъ, а не хочешь, вышли ихъ на границу. Ты пишешь, что толмачи учатъ твоихъ Русскихъ ребятъ: но мы отправили ихъ съ нашими послами для нашего дѣла по нашему наказу, а не у поданныхъ твоихъ дѣтей учить; если хочешь Русскихъ дѣтей учить Шведскому языку, то, какъ будетъ миръ, договорись объ этомъ съ нашими намѣстниками Выборгскими, а противъ всякой правды не задерживай нашихъ слугъ». Толмачъ отосланъ былъ на размятъ, и князь Сицкій отправился на рубежъ, на рѣву Сестру.

туда съ Шведской стороны прѣхалъ адмиралъ Флемингъ. Начали споръ, гдѣ послать вести переговоры; Флемингъ требовалъ, чтобъ вести ихъ на мосту, въ шатрахъ; Сипкій отвѣчалъ, что такихъ великихъ дѣлъ на мосту не дѣлають, и настоялъ, что Шведъ перешелъ на Русскій берегъ рѣки. Мира заключить не могли: царь требовалъ Эстоніи и присылки 200 человекъ Шведовъ нарядныхъ для войны съ Крымомъ, и за это уступалъ королю право сноситься прямо съ нимъ; но король требовалъ послѣдняго безо всякихъ уступокъ съ своей стороны: заключили только перемиріе на два года (отъ 20 Іюля 1575 до 20 Іюля 1577 года) между Финляндією и Новгородскою областю, дѣло же объ Эстоніи должно было рѣшиться оружіемъ, если король не поспѣшитъ отправить своихъ великихъ пословъ въ Москву для заключенія мира; въ договорной грамотѣ употреблены были прежнія выраженія: король былъ челемъ царю.

Это странное перемиріе объясняется желаніемъ Іоанна сосредоточить все свои силы въ Ливоніи, не развлекаясь войною въ другихъ мѣстахъ. Онъ не оставлялъ прежняго плана — сдѣлать изъ Ливоніи вассальное королевство, выдалъ племянницу свою, Марію Владиміровну, за Магнуса, но далъ послѣднему только городокъ Каркусъ и не далъ вовсе назначенныхъ въ приданое за Марією денегъ, потому что измѣна четверыхъ иностранцевъ, находившихся въ Русской службѣ и пользовавшихся особеннымъ расположеніемъ Іоанна, Таубе, Крузе, Фарешебаха и Вахтмейстера, сдѣлали царя подозрительнымъ: онъ боялся, чтобъ Магнусъ на Русскія деньги не нанялъ войска, съ которымъ сталъ бы дѣйствовать противъ Русскихъ. Немедленно по заключеніи мира со Шведами Московскія войска двинулись подъ Цернау и овладѣли имъ, потерявши на приступѣхъ 7,000 человекъ, по извѣстіямъ Ливонскихъ лѣтописцевъ; воевода Никита Романовичъ Юрьевъ обошелся очень милостиво съ жителемъ Цернау, позволилъ имъ со всемъ добромъ выйти изъ города, и чего не могли тутъ захватить съ собою, то взять послѣ. Гелметъ, Ермисъ, Рузъ, Пурдель сдались Русскимъ

тотчасъ по завоеваніи Пернау. Въ началѣ 1576 года 6,000 Русскихъ вторгнулись снова въ Эстонію; Леаль, Лоде, Фикель, Габсаль сдались имъ безъ выстрѣла; жители Габсаля вечеромъ послѣ сдачи затѣяли пиры, танцы; Русскіе удивлялись этому и говорили: «Что за странный народъ Нѣмцы! если бы мы, Русскіе, сдали безъ нужды такой городъ, то не посмѣли бы поднимать глазъ на честнаго человѣка, а царь нашъ не зналъ бы, какую казню насъ казнить». Эзелъ былъ опустошенъ; Падисъ сданъ послѣ однодневной осады; Шведы тщетно покупались взять его снова.

Въ Генварѣ 1577 года 50,000 Русскаго войска явилось подъ Ревелемъ и расположилось здѣсь пятью лагерями; у осаждающихъ было три орудія, стрѣлявшія ядрами отъ 52 до 55 фунтовъ; 6 орудій стрѣляли ядрами отъ 20 до 30 фунтовъ; четыре стѣнобитныхъ орудія бросали каменные массы въ 225 фунтовъ; изъ 15 орудій стрѣляли ядрами отъ 6 до 12 фунтовъ; при каждомъ орудіи находилось по 700 ядеръ; но если по тогдашнему времени этотъ нарядъ и считался значительнымъ, то въ Ревелѣ было его въ пять разъ больше, притомъ осажденные приняли всѣ мѣры противъ пожаровъ, которые должны были произойти отъ стрѣльбы осаждающихъ; удалены были всѣ удобовозгорающіеся предметы; кромѣ того, что каждый житель долженъ былъ сторожить свой домъ днемъ и ночью, отряды безпрестанно разъѣзжали по ночамъ, смотрѣли, не упало ли гдѣ раскаленное ядро; составленъ былъ отрядъ изъ 400 крестьянъ подъ предводительствомъ Иво Шенкенберга, прозваннаго Аннибаломъ, сына Ревельскаго монетчика; эти храбрецы вмѣстѣ съ Шведскими и Нѣмецкими ландскнехтами дѣлали днемъ и ночью безпрестанныя вылазки. Послѣ полуторомѣсячнаго безуспѣшнаго обстрѣливанія Русскіе сняли осаду и удалились. По уходѣ Московскихъ войскъ, въ Ревелѣ объявляеца была свобода всѣмъ ратнымъ людямъ идти опустошать Русскія владѣнія въ Ливоніи; и вотъ поднялись всѣ уличныя бродяги, даже кавъки на добычу; ограбленные крестьяне присоединились къ толпамъ грабителей, чтобъ грабить свою же братью.

Дѣломъ самъ царь выступилъ въ походъ изъ Новгорода, но вмѣсто того, чтобъ идти къ Ревелю, какъ думали, направилъ путь въ Польскую Ливонію; правитель Ливоніи, Ходѣвичъ, не рѣшился съ своимъ малочисленнымъ войскомъ противиться Іоанну, и удалился. Городъ за городомъ сдавались царю и его воеводамъ съ одной стороны, королю Магнусу съ другой. Но скоро между ними возникло неудовольствіе: Магнусъ сталъ требовать, что уже время ему, названному королю Ливонскому, войти во владѣніе всеми мѣстами, которыя заняты были Русскими; но до Іоанна доходили уже вѣсти о сношеніяхъ Магнуса съ Польскимъ королемъ и герцогомъ Курляндскимъ, и потому на требованіе Магнуса онъ отвѣчалъ: «Хочешь брать у насъ города — бери: мы здѣсь отъ тебя близко; ты объ этихъ городахъ не заботься: ихъ и безъ тебя берегутъ. Приставовъ въ твои городки, сколько Богъ помощи подалъ, пошлемъ, а деньги у насъ — сухари, какіе случилась. Если не захочешь насъ слушать, то мы готовы; а тебѣ отъ насъ нику отчину отводить не слѣдовало. Если тебѣ нечѣмъ на Кесю жить, то ступай въ свою землю за море, а еще лучше сослать тебя въ Казань; если поѣдешь за море, то мы свою вотчину, Ливонскую землю, и безъ тебя очистимъ». Вѣсть своимъ воеводамъ занять города, которыми овладѣлъ Магнусъ, и приблизившись къ Вендену, гдѣ находился самъ Ливонскій король, Іоаннъ приказалъ ему явиться къ себѣ; Магнусъ отправилъ къ нему сперва двоихъ пословъ; но Іоаннъ велѣлъ ихъ высечь и отослать назадъ въ Венденъ. Жители этого города умоляли Магнуса, чтобъ не раздражалъ царя дальнейшимъ бесполезнымъ сопротивленіемъ, вѣдали бы къ нему сдаться и умоляли за себя и за нихъ. Магнусъ поѣхалъ въ царскій станъ, впустивши прежде Русскихъ ратныхъ людей въ городъ; но замокъ не былъ сданъ. Увидавши Іоанна, Магнусъ бросилъ передъ нимъ на колѣни и просилъ о помилованіи. «Если бы ты не былъ королевскимъ сыномъ» отвѣчалъ ему Іоаннъ: «то я бы научилъ тебя, какъ мнѣ противиться и забирать мои города». Магнуса отдали подъ стражу. Въ это время Нанцы,

уцѣлились въ Венденскомъ замкѣ, начали стрѣлать; одно шире нуть чуть не задѣло самого царя; тогда Іоаннъ поклялся, что не оставитъ въ живыхъ ни одного Нѣмца въ Венденѣ. Уже три дня продолжалась осада замка; осажденные видѣли, что долѣе защищаться нельзя, и рѣшились взорвать себя на воздухъ, чтобъ не ждать мучительной смерти и не видать, какъ Татары будутъ безчестить ихъ женъ и дочерей. Духовенство одобрило это рѣшеніе, и 300 человекъ, большею частію благороднаго происхожденія, заперлись въ комнаты, подъ которую жидкатили четыре бочки пороха; приобщившись св. Тѣниъ, зажгли порохъ и взлетѣли на воздухъ. Жители города исподлази то, чтобъ чего осажденные въ крѣпости избавились добровольною смертію.

Овладевши еще нѣсколькими мѣстами, Іоаннъ окончилъ походъ; въ Дерптѣ онъ проставъ Магнуса, опять давъ ему вѣнованіе городовъ въ Ливоніи и право называться королемъ ея; Магнусъ отправился въ Каркусъ къ женѣ; Іоаннъ черезъ Шеновъ въ Александровскую слободу. Но съ отбытіемъ царя дѣла пошли иначе въ Ливоніи. Шведы напали на Нарву, Полки явились въ южной Ливоніи и брали здѣсь городъ за городомъ; взяли даже Венденъ, несмотря на отважное сопротивленіе Русскихъ; Магнусъ передался Царямъ. Осенью 1578 года Русскіе воеводы осадили Венденъ, но послѣ трехъ неудачныхъ приступовъ сняли осаду, заслышавъ о приближеніи непріятельскаго войска. Подяки ждали помощи вмѣстѣ со Шведами; Батарея конница не выдержала и обратилась въ бѣгство, Русскіе отступили въ новую лагерь и отстрѣливались тамъ до самой ночи; четверо воеводъ — князь Иванъ Боядинъ, Федоръ Шереметевъ, князь Андрей Палицкий и дьякъ Андрей Щеняковъ, воспользовавшись ночью темнотой, убѣжали съ конницей изъ стана; но воеводы, которыхъ избранъ былъ парадъ, не захотѣли вспомнить его и были захвачены на другое утро непріятелемъ; пушчари не отдались въ плѣнъ; видя, что непріятель уже въ станѣ, они повѣсались на своихъ оружіяхъ. При этомъ пораженіи погибле четверо воеводъ, четверо было

взято въ плѣнъ; всего, по счету Ливонскихъ лѣтописцевъ, Русскихъ погибло 6,022 человека изъ 18,000 ¹⁰⁵. Слѣдующій 1579 годъ долженствовалъ быть рѣшительнымъ для Ливоніи: Іоаннъ готовился къ новому походу; въ Псковъ уже привезли тяжелый нарядъ, назначенный для осады Ревеля; но этотъ нарядъ получилъ другое назначеніе: врагъ явился на Русской почвѣ.

Мы видѣли, какъ Стефанъ Баторій быстрымъ движеніемъ предупредилъ медленнаго Максимилиана и короновался въ Краковъ; Литва, Пруссія, державшіяся Максимилиана, не видя со стороны его ни малѣйшаго движенія, должны были признать королемъ Стефана; упорно стоялъ за Максимилиана только одинъ Данцигъ по особеннымъ причинамъ: въ концѣ царствованія Сигизмунда-Августа жители Данцига были оскорблены распоряженіями Польскаго правительства, нарушавшими ихъ права и выгоды; лица, наиболѣе участвовавшія въ этихъ распоряженіяхъ, были самыми сильными приверженцами короля Стефана; отсюда расположеніе жителей Данцига къ послѣднему, отъ котораго они не надѣялись ничего для себя хорошаго; они объявили, что до тѣхъ поръ не признають Стефана королемъ, пока не будутъ подтверждены ихъ права и пока не будетъ сдѣлано какого-нибудь соглашенія съ императоромъ. Извѣстіе о смерти послѣдняго привело ихъ въ большое затрудненіе; но, надѣясь на проволочку сеймовъ, они рѣшились продолжать борьбу уже теперь во имя однихъ своихъ правъ, стали нападать на смежныя съ ихъ городомъ шляхетскія земли, раззорять католическія церкви. Дѣло могло быть рѣшено только оружіемъ, и Баторій осадилъ Данцигъ. Волненія противной стороны, непріятности на сеймѣ, наконецъ осада Данцига заставляли Баторія до времени не разрывать съ Москвою. Въ Іюль 1576 года онъ отправилъ къ Іоанну пословъ — Груденскаго и Буховецкаго съ предложеніемъ не нарушать перемирія и прислать опасную грамоту на великихъ пословъ; о томъ же просили и паны радные къ боярамъ. Бояре отвѣчали на намъ: «Мы удивились, что государь вашъ не называетъ нашего господа»

ря царемъ и великимъ княземъ Смоленскимъ и Полоцкимъ и отчину нашего господаря, землю Лифляндскую, написалъ въ своемъ титулѣ. Господарь вашъ пришелъ на королевство Польское съ небольшого мѣста, съ воеводства Седмиградскаго, которое подчинено было Венгерскому государству; а нашего господаря всѣ его братья, великіе господари, главные на своихъ королевствахъ, называютъ царемъ: такъ вамъ бы, паны, пригоже было совѣтовать Стефану королю, чтобъ впередъ такихъ дѣлъ не начиналъ, которыя къ разлитію христіанской крови приводятъ». Пословъ не позвали обѣдать за то, что они не объявили о родствѣ Баторія; но опасную грамоту на великихъ пословъ дали.

Узнавши о походѣ Іоанна въ Ливонію въ 1577 году, о взятіи тѣхъ городовъ у Поляковъ, Баторій писалъ Іоанну съ упрекомъ, что, пославши опасную грамоту и не объявивши войны, забираетъ у него города. Іоаннъ отвѣчалъ: «Мы съ Божіею волею отчину слою Лифляндскую землю очистили, и ты бы свою досаду отложилъ. Тебѣ было въ Лифляндскую землю вступаться непригоже, потому что тебя взяли съ Седмиградскаго княжества на корону Польскую и на великое княжество Литовское, а не на Лифляндскую землю; о Лифляндской землѣ съ Польшею и Литвою что велось, то дѣлалось до тебя: и тебѣ было тѣхъ дѣлъ, которыя дѣлались до тебя, передъ себя брать непригоже. Отъ нашего похода въ Лифляндскую землю наша опасная грамота не порушилась; неприязни мы тебѣ никакой не оказали, искали мы своего, а не твоего, Литовскаго великаго княжества и Литовскихъ людей ничѣмъ не зацѣпили. Такъ ты бы кручину и досаду отложилъ и пословъ своихъ отправлялъ къ намъ не мѣшкая». Эти послы, воевода Мазовецкій, Станиславъ Крыійскій, и воевода Минскій, Николай Сапѣга, приѣхали въ Москву въ Генварѣ 1578 года. Начали говорить о вѣчномъ мирѣ; но съ обѣихъ сторонъ предложили такія условія, которыя давно уже дѣлали вѣчный миръ невозможнымъ: кромѣ Ливоній, Курляндіи и Полоцка, царь требовалъ Кіева, Канева, Витебска, и въ оправданіе своихъ требованій вывелъ

родословную Литовскихъ князей отъ Полоцкихъ Рогволодови-
чей: «эти князья (Гедиминовичи), говорилъ онъ, были слав-
ные великіе государи наши братья, во всей вселенной въдо-
шны и по родству (по колѣнству) намъ братья; поэтому ко-
рона Польская и великое княжество Литовское наши вотчины,
ибо изъ этого княжескаго рода не осталось никого, а сестра
королевская государству не отчичь. Князья и короли Польскіе
были въ равенствѣ, въ дружбѣ и любви съ князьями Галицки-
ми и другими въ той украинѣ, о Седмиградскомъ же государ-
ствѣ мы нигдѣ не слыкали; и государю вашему Стефану въ
равномъ братствѣ съ нами быть непригоже; а захочетъ съ на-
ми братства и любви, такъ онъ бы намъ почетъ оказалъ».
Послы оскорбились и указывали на царя Давида, избраннаго
изъ низкаго званія. Іоаннъ велѣлъ отвѣчать имъ на это: «Да-
вида царя Богъ избралъ, а не люди; слышите Соломона, Ду-
хомъ Святымъ глаголющаго: «Горе дому, имъ же жена обла-
даетъ, и горе граду, имъ же мнози обладаютъ». Въ томъ ва-
ша воля: мятежемъ человѣческимъ хотя бы кого и хуже ро-
домъ выбрали — то вамъ государь; а намъ съ кѣмъ пригоже
быть въ братствѣ, тотъ намъ и братъ, а съ кѣмъ непригоже,
тотъ намъ и не братъ. Здѣсь слухи были, что вы хотѣли по-
садить на королевство и Яна Костку; и воевода Виленскій,
Николай Ридзивиль, хотѣлъ также на государство; такъ неуже-
ли по вашему избранью и этихъ намъ надобно считать брать-
ями? Вы говорите, что мы вашего государя укоряемъ: но мы
его не укоряемъ, пишемъ про него правду; можно было бы
намъ про него и хуже писать, да не хотимъ для христіанства.
Государь вашъ самъ себя укоряетъ, да и вы его укоряете, во
всѣхъ грамотахъ пишете, что Богъ его безмѣрнымъ своимъ
милосердіемъ помиловалъ, вы его на государство взяли, хва-
литесь, что по великому Божию милосердію полюбили его:
изъ этого ясно, что онъ такого великаго государства былъ не-
достоинъ, но Богъ его помиловалъ, да вы его полюбили не по
достоинству».

Согласились продолжать перемиріе еще на три года, отъ 25

Марта 1578; въ грамотѣ, написанной отъ имени царя, внесено было условіе: «Тебѣ, *сослѣдѣ* (а не брату) нашему, Стефану королю въ нашей отчинѣ, Лифляндской и Курляндской землѣ, въ наши города, мызы, пристанища морскія, острова и во всякія угодыя не вступаться, не воевать, городовъ не засѣдять, новыхъ городовъ не ставить, изъ Лифляндіи и Курляндіи людей и городовъ къ себѣ не принимать до перемирнаго срока». Но въ Польской грамотѣ, написанной послами отъ имени Стефана, этого условія не было. Московскіе послы, Карповъ и Головинъ, поѣхали къ Стефану, чтобъ присутствовать при его присягѣ въ сохраненіи перемирія; но Баторій уже не хотѣлъ мириться: въ концѣ 1577 года жители Данцига присягнули ему на довольно выгодныхъ для себя условіяхъ: король оказалъ имъ снисхожденіе, ибо все вниманіе его было обращено на востокъ. Въ Февралѣ 1578 года созванъ былъ сеймъ въ Варшавѣ, гдѣ разсуждали, съ которымъ изъ двухъ непріятелей должно начать сперва войну — съ ханомъ Крымскимъ или царемъ Московскимъ? Татары, во время похода подъ Данцигъ, нападали на Польскія границы: слѣдовало бы имъ отомстить; но какой добычи можно надѣяться отъ народа бѣднаго, кочеваго? притомъ надобно бояться, чтобъ война Татарская не возбудила Турковъ противъ Польши, ибо ханъ подручникъ Турецкій. Силы Московскія огромны: но чѣмъ могущественнѣе непріятель, тѣмъ славнѣе побѣда надъ нимъ, а наградою будетъ Ливонія — край богатый и, по приморскому положенію своему, могущій принести большія выгоды. Положено было вести войну наступательную; вычислено, сколько нужно войска для нея, сколько денегъ для войска; назначены поборы. Для всѣхъ этихъ приготовленій нужно было время, а потому Баторій въ Мартѣ 1578 года писалъ царю, чтобъ тотъ не предпринималъ военныхъ дѣйствій въ Ливоніи до возвращенія пословъ своихъ изъ Литвы, съ которыми паны будутъ вести переговоры объ этой странѣ. Царь почти цѣлый годъ держалъ гонца Баторіева и медлилъ отвѣтомъ, дожидаясь слѣдствій похода воеводъ своихъ въ Ливонію; Баторій поступалъ такимъ же образомъ съ посла-

ми Московскими: ихъ задерживали на дорогѣ, спорили о титулѣ государей, наконецъ представили королю въ Краковѣ; принимая ихъ, Баторій не хотѣлъ, вставши, спросить о здоровьѣ царя, какъ водилось прежде; послы, видя нарушение стараго обычая, не хотѣли править посольства; тогда Воловичъ, подканцлеръ Литовскій, сказалъ имъ: «Пришли вы не съ обычаемъ, къ обычаю; вашего приказа здѣсь не будутъ слушать; какъ здѣсь вамъ скажутъ, такъ и дѣлайте; если за вами есть дѣло, то ступайте къ рукѣ королевской и правьте посольство, а государь нашъ Стефанъ король не встанетъ, потому что вашъ государь противъ его поклона не всталъ». Послы отвѣчали, что король царю неровня, да и потому еще царь не всталъ, что тогда неизвѣстно было, чего хочетъ король, мира или войны, а теперь заключено перемиріе. Имъ отвѣчали, что они могутъ ѣхать назадъ; послы уѣхали назадъ ни съ чѣмъ и были еще задержаны въ Литвѣ.

Іоаннъ, обезпокоенный дурнымъ оборотомъ своихъ дѣлъ въ Ливоніи и задержкою пословъ въ Литвѣ, писалъ къ Стефану: «Ты, сосѣдъ нашъ, мимо прежняго обычая пословъ нашихъ задержалъ; дѣло, которое, по договору пословъ твоихъ, крестнымъ цѣлованіемъ утверждено, до сихъ поръ еще не довершено, чего никогда прежде ни при какихъ государяхъ не бывало, да и ни въ какихъ земляхъ христіанскихъ не ведется; а посламъ нашимъ съ твоими панамъ о Лифляндской землѣ говорить нечего, потому что съ ними объ этомъ наказу нѣтъ; то дѣло особенное, а ты для него шли къ намъ своихъ великихъ пословъ немедленно». Между-тѣмъ еще въ Декабрѣ 1578 года царь приговорилъ съ боярами, какъ ему, прося у Бога милости, идти на свое государево и земское дѣло на Нѣмецкую и Литовскую земли; распорядивъ полки, онъ въ Іюль 1579 года выѣхалъ въ Новгородъ, куда явились къ нему послы Карповъ и Головинъ съ извѣстіемъ, что Баторій идетъ къ Московскимъ границамъ; вмѣстѣ съ этимъ они доносили, что изъ Литовской шляхты идутъ съ Баторіемъ немногіе охочіе люди, которые захотѣли идти на своихъ грошахъ, а которые

не захотѣли, тѣ нейдутъ; изъ Польскихъ пановъ и шляхты никто нейдетъ, кромѣ наемныхъ людей. Говоритъ король панамъ и шляхтѣ, чтобъ шли съ нимъ всею землею къ Смоленску или Полоцку; но паны радные королю отговариваютъ, чтобъ онъ отъ Литовскихъ границъ войны не начиналъ. Король говорилъ имъ: если вы сами со мною идти не хотите, то дайте людей, я и безъ васъ пойду; но паны ему отговариваютъ, чтобъ къ Полоцку и къ Смоленску никакъ не ходилъ, а стоялъ бы за Ливонію. Король говорилъ панамъ, чтобъ шли съ нимъ всею землею въ Ливонію достигать тѣхъ городовъ, которые Москва захватила; но паны ему отговариваютъ, чтобъ онъ самъ и въ Ливонію не ходилъ, а послалъ бы наемныхъ людей защищать тѣ города, которые за нимъ, а надъ другими промыслять; паны большіе людей королю посулили, а шляхта людей дать не хочетъ, говоритъ: вѣдь съ насъ деньги на наемныхъ людей уже взяты! Паны, желая потѣшить короля, начали уговаривать шляхту, чтобъ шла съ нимъ въ Ливонію; но немного нашлось охотниковъ, и до сихъ поръ у короля еще не уложено, куда ему идти. А во всей землѣ, въ Польшѣ и Литвѣ, у шляхты и у черныхъ людей, у всѣхъ одно слово, что у нихъ Стефану королю на королевствѣ не быть, а пока у нихъ Стефанъ король на королевствѣ будетъ, до тѣхъ поръ ни въ чемъ добру не бывать, а сколько имъ себя государей не выбирать, кромѣ сыновей Московскаго государя или Датскаго короля никого имъ не выбрать; а больше говорятъ во всей землѣ всякіе люди, чтобъ у нихъ быть на государствѣ Московскаго государя сыну.

Донесенія пословъ были справедливы: Баторій находился не въ завидномъ положеніи предъ началомъ Московской войны. Отвращеніе къ войнѣ, какъ мы видѣли, уже давно овладѣло Поляками и Литовцами; частныя выгоды преобладали надъ общимъ дѣломъ: Литовцы боялись подвергнуть опасности свои предѣлы и требовали, чтобъ король перенесъ войну въ Ливонію. Но величіе Баторія оказалось именно въ томъ, что онъ успѣлъ преодолѣть всѣ эти препятствія. Какъ полководецъ, Ба-

торій въ восточной Европѣ произвелъ тотъ переворотъ въ способъ веденія войны, какой уже давно произведенъ былъ на Западѣ. Какъ въ Московскомъ государствѣ, такъ въ Польшѣ и Литвѣ почти не было постоянного войска; служилое или дворянское сословіе собиралось подъ знамена по призыву государей, и составляло конницу; о пѣхотѣ же Польской можемъ имѣть ясное понятіе изъ приведеннаго выше донесенія гетмана Ходкѣвича объ осадѣ Улы. Такимъ образомъ войско въ восточной Европѣ сохраняло еще прежній, средневѣковой, или, лучше сказать, азіатскій характеръ: въ немъ преобладала конница; тогда какъ на Западѣ этотъ характеръ уже измѣнился: здѣсь конница видимо уступала первое мѣсто пѣхотѣ, здѣсь государи уже давно убѣдились въ необходимости имѣть подъ руками постоянное войско, состоявшее первоначально изъ наемныхъ ратниковъ. Мы видѣли характеръ нашихъ войнъ не только до Іоанна III-го, но при немъ, при сынѣ и внука его, войнъ съ Литвою: ратныя толпы входили въ непріятельскую землю, страшно опустошали ее, рѣдко брали города, и возвращались назадъ, хвалясь тѣмъ, что пришли по здорову съ большою добычею; Литовцы платили тѣмъ же; но движенія съ ихъ стороны были слабѣе, вслѣдствіе указанныхъ уже прежде причинъ, и потому Москва выходила постоянно съ выгодами изъ войнъ съ Литвою. Несмотря однако на это, даже и въ войскахъ Литовскихъ, или, лучше сказать, между вождями Литовскими, не говоря уже о Шведахъ, легко было замѣтить болѣшую степень военного искусства, чѣмъ въ войскахъ или воеводахъ Московскихъ: это было видно изъ того, что во всѣхъ почти значительныхъ столкновенияхъ съ западными непріятелями въ чистомъ полѣ Московскія войска терпѣли поражение: такъ было въ битвахъ при Оршѣ, при Улѣ, въ битвѣ при Лодѣ, при Венденѣ. Непріятели Московскаго государства понимали это очень хорошо и потому старались всѣми силами не допускать въ него искусства, при которомъ оно было бы непобѣдимо, не пропускать въ него искусныхъ ратныхъ людей, мастеровъ, не пропускать снарядовъ военныхъ. И въ Москвѣ

понимая это также очень хорошо; отсюда осторожность Московских воеводъ, нежеланіе вступать въ битвы съ войсками, на сторонѣ которыхъ видѣлось большее искусство; мы должны отдать честь Московскимъ воеводамъ за то, что они не полагались на многочисленность своихъ войскъ, признавая превосходство качества надъ количествомъ, превосходство искусства надъ матеріальной силой. Понималъ это очень хорошо, если не лучше всѣхъ, самъ царь Іоаннъ: отсюда господствующее, неодолимое въ немъ желаніе овладѣть Ливонією, овладѣть путями, ведущими къ образованнымъ народамъ; отсюда желаніе имѣть въ своей службѣ искусныхъ въ ратномъ дѣлѣ иностранцевъ, каковъ былъ Фаренсбахъ и другіе; отсюда домогательство, чтобъ Шведскій король прислалъ ему отрядъ ратныхъ людей, обученныхъ, вооруженныхъ по европейски; отсюда осторожность, уклончивость, робость, происходившія въ немъ отъ отсутствія надежды на успѣхъ, безъ особенныхъ счастливыхъ обстоятельствъ, въ соединеніи съ родовыми, отъ предковъ заимствованными осторожностію и уклончивостію. И вотъ въ это время, когда Московское правительство такъ хорошо сознавало у себя недостатокъ военного искусства и потому такъ мало надѣялось на успѣхъ въ рѣшительной войнѣ съ искуснымъ, дѣятельнымъ полководцемъ, на престолѣ Польши и Литвы явился государь энергическій, славлюбивый, полководецъ искусный, понявшій, какими средствами онъ можетъ побѣдить соперника, располагавшаго большими, но только одними матеріальными средствами. Средства Баторія были: искусная, закалившаяся въ бояхъ наемная пѣхота, Венгерская и Нѣмецкая, исправная артиллерія, быстрое наступательное движеніе, которое давало ему огромное преимущество надъ врагомъ, принужденнымъ растянуть свои полки по границамъ, надъ врагомъ, незнающимъ, откуда ждать нападенія. Вотъ главные причины успѣха Баторіева, причины недѣятельности Московскихъ воеводъ, робости Іоанна; мы не можемъ согласиться съ Курбскимъ и писателями, слѣпо ему слѣдовавшими, что причина неуспѣха заключалась исключительно въ поведеніи Іоанна,

истребившаго храбрыхъ, искусныхъ воеводъ своихъ; ибо странно было бы говорить объ искусствѣ воеводъ Московскихъ, назначавшихся не по военнымъ способностямъ, а по мѣсту, которое они занимали въ думѣ, когда каждый бояринъ, какъ бояринъ, былъ въ то же время и воеводою, хотя бы не имѣлъ ни малѣйшихъ военныхъ способностей; да и гдѣ было узнать эти способности? въ битвахъ съ Казанцами и Крымцами? Князь Петръ Шуйскій считался знаменитымъ воеводою: но что онъ сдѣлалъ въ битвѣ при Улѣ (второй Оршинской)? Отецъ Іоанновъ не истреблялъ воеводъ своихъ: но какъ вели они себя при наступательномъ движеніи Сигизмунда I-го, которое окончилось первою Оршинскою битвою? Видимъ то же отступленіе, ту же страшную неудачу, какъ и въ войнѣ съ Баторіемъ; разница только въ томъ, что Сигизмундъ съ княземъ Острожскимъ не имѣли средствъ воспользоваться своимъ успѣхомъ, какія приготовилъ себѣ Баторій съ Замойскимъ. Наконецъ, мы привыкли думать, что Іоаннъ располагалъ громадными войсками, которыя однако, вслѣдствіе робости его, оставались въ бездѣйствіи; но о числѣ войскъ Московскихъ, во время войны съ Баторіемъ, мы не имѣемъ достовѣрныхъ показаній, на свидѣтельство же Псковскаго лѣтописца, въ этомъ отношеніи, мнѣе всего можно полагаться.

Приготовившись къ войнѣ, Баторій въ Іюнѣ 1579 года отправилъ въ Москву гонца съ ея объявленіемъ: причиною разрыва выставлялъ онъ вступленіе Іоанна въ Ливонію, несмотря на перемиріе съ Литвою. Въ Іюлѣ, собравши войско подъ Свиремъ, король держалъ совѣтъ, въ какую сторону лучше предпринять походъ? Литовскіе паны попрежнему совѣтовали идти черезъ Ливонію ко Пскову, потому что взятіе этого богатаго города можетъ вознаградить войско за труды, а взять его не трудно, потому что по отдаленности отъ театра войны имъ мало занимались въ послѣднее время, прежнія же стѣны должны быть уже ветхи. Но король былъ противнаго мнѣнія: такъ какъ, говорилъ онъ, война предпринимается для освобожденія Ливоніи, то странно было бы перенести войну въ край

и безъ того уже опустошенный; притомъ Ливонія устлана городами и замками, осада которыхъ повела бы къ большому замедленію; наконецъ, переведши все войска въ Ливонію, надобно было бы оставить Литву безъ прикрытія. Можно не чрезъ Ливонію, а чрезъ непріятельскую землю пуститься ко Пскову: но тогда въ тылу останется много непріятельскихъ крѣпостей и, углубившись такъ далеко въ непріятельскую землю, трудно было бы возвратиться, трудно было бы получить подкрѣпленія. Лучше всего взять прежде Полоцкъ: чрезъ это обезпечится и Ливонія и Литва, отъ которой войско не удавится, потому что Полоцкъ, лежащій надъ Двиною, служить одинаково ключемъ къ этимъ обѣимъ странамъ; кромѣ того, взятіемъ Полоцка обезпечится судоходство по Двинѣ, важное для Литвы и Ливоніи, особенно для города Риги. Іоаннъ не зналъ объ этомъ мнѣніи Баторія; думалъ, что война, предпринятая за Ливонію, будетъ вѣдена въ Ливоніи; зналъ, что таково мнѣніе большинства въ Польшѣ и Литвѣ, и потому отправилъ большое войско за Двину въ Курляндію; войско это ограничилось, по обычаю, опустошеніемъ страны, и должно было скоро вернуться назадъ, ибо непріятель явился тамъ, гдѣ его не ждали: въ началѣ Августа Баторій осадилъ Полоцкъ. Осажденные воеводы, князь Василій Телятевскій, Петръ Волинскій, князь Дмитрій Щербатый и дьякъ Ржевскій; держались въ дубовой крѣпости болѣе трехъ недѣль съ необыкновеннымъ мужествомъ; жители, старики и женщины бросались всюду, гдѣ вспыхивалъ пожаръ, и тушили его, на веревкахъ спускались со стѣнъ, брали воду и подавали въ крѣпость для гашенія огня; множество при этомъ падало ихъ отъ непріятельскихъ выстрѣловъ; но на мѣсто убитыхъ сейчасъ же являлись новые работники. Нелегко было и осаждающимъ: съ большимъ трудомъ могли они добывать съѣстные припасы въ странѣ малолюдной, лѣсистой и притомъ еще опустошенной недавнею войною; царь, узнавши объ осадѣ Полоцка, двинулъ туда передовые отряды подъ начальствомъ околицкихъ Бориса Шеина и Федора Шереметева; но эти воеводы, увидѣвъ, что все

дороги къ Полоцку были загорожены войсками Бетерія, асшая крѣпость Соколъ и отсюда пренятствовали подвою съѣстныхъ припасовъ къ осаждающимъ, избѣгая столкновѣнія въ чистомъ полѣ съ высланными противъ нихъ полками подъ начальствомъ Христофа Радзивила и Яна Глѣбовича. Кромѣ того, погода стояла дождливая, дороги испортились, обозныя лошади падали, ретники не могли найти сухаго мѣста подъ шатрами; особенно страдали Нѣмцы, привыкшіе вести войну въ странахъ богатыхъ, густо населенныхъ; въ противоположность имъ Венгры отличались терпѣливостію и неутомимостію.

Въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ король созвалъ военный совѣтъ: большая часть воеводъ была того мнѣнія, что надобно идти на приступъ; но король не согласился: «Если приступъ не удастся» говорилъ онъ: «то что тогда останется дѣлать? отступить со стыдомъ!» Общаніемъ большихъ наградъ онъ уговорилъ Венгровъ подобраться къ стѣнамъ крѣпости и замечъ ихъ со всѣхъ сторонъ. Выбравши ясный день, 29 Августа, Венгры бросились къ стѣнамъ и зажгли ихъ; пламя быстро распространилось и осажденные не могли потушить пожара продолженіе долгаго дня; а между тѣмъ король, съ болѣею частію войска, стоялъ на дорогѣ къ Соколу, боясь, чтобъ тамешніе воеводы, увидя зарево, не явились на помощь къ Полоцку. Помощь однако не приходила, и осажденные начали думать о сдачѣ; десатеро Русскихъ спустились со стѣнъ къ осаждающимъ для переговоровъ, но Венгры умертвили ихъ: они не хотѣли допускать до переговоровъ, хотѣли взять городъ приступомъ, ибо въ такомъ случаѣ они получили бы право разграбить его; особенно прельщала ихъ церковь св. Софіи, о богатствахъ которой слышали. Съ этою дѣлю Венгры, безъ приказа королевскаго, кинулись въ городъ окрѣпленныя стѣны, за ними Польская пѣхота; но осажденные уже успѣли выкопать ровъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ прогорѣла стѣна, встрѣтили нападающихъ валомъ изъ пушекъ и прогнали ихъ. На другой день пожаръ и напоръ осаждающихъ возобновились: тогда отряды съ воеводою Волыскимъ выслали переговорщи-

доть, и городъ былъ сданъ съ условіемъ свободнаго выхода всѣмъ ратнымъ людямъ: нѣкоторые изъ нихъ вступили въ службу королевскую; большая часть предпочла возвратиться въ отечество; но владыка Киприанъ и другіе воеводы, кромѣ Волынскаго, никакъ не хотѣли соглашаться на сдачу; они уже давно замыслили взорвать крѣпость, но не были допускаемы до этого ратными людьми, и когда послѣдніе уже сдали городъ, владыка и воеводы заперлись въ церкви св. Софїи и объявили, что только смѣло можно будетъ ихъ взять оттуда, что и было исполнено со стороны непріятеля. Добыча, найденная въ Полоцкѣ, обманула ожиданіе осаждающихъ; самую драгоценную ея часть составляла бібліотека, содержащая въ себѣ много лѣтописей и твореній св. отцевъ Греческихъ въ Славянскомъ переводѣ: все это погибло. Тѣ изъ Русскихъ, которые рѣшились переселиться въ Литву, были не очень щедро награждены Баторіемъ: до насъ дошла грамота его къ дворному канцлеру Литовскому такого содержанія: «Многіе стрельцы и другіе люди Московскіе, послѣ взятія Полоцка и прочихъ крѣпостей Русскихъ, поддались намъ, и мы ихъ надѣлили пустыми участками земли въ староствѣ Гредненскомъ: но нѣтъ почти обработывать этихъ участковъ. Такъ приказываю тебѣ брать у подданныхъ купчихъ въ Литвѣ клѣчь самыхъ негодныхъ и мелкихъ, штукъ отъ полтора ста, и подѣлить ихъ между этими Москвитинами».

25 Сентября былъ заженъ и взятъ Соколъ съ страшною рѣзней: старый полковникъ Вейгеръ, служившій у Баторія, говорилъ, что бывалъ онъ на многихъ битвахъ, но нигдѣ не видалъ такого множества труповъ, лежащихъ на одномъ мѣстѣ. Взято было и нѣсколько другихъ близлежащихъ крѣпостей; съ другой стороны князь Константинъ Острожскій опустошилъ область Северскую до Стародуба и Почепя, а староста Оршанскій Кирилъ—Смоленскую; Шведы опустошили Карелию и землю Илмерскую, осадили Нарву, но были отъ нея протѣнены.

Находъ 1670 года былъ потерянъ Баторіемъ; онъ возвратился къ Вильнѣ. Еще въ половинѣ Сентября онъ отправилъ къ царю

грамоту, въ которой писалъ, что по вѣществу на престолъ главнымъ стараніемъ его было сохранить миръ со всѣми сосѣдами и вездѣ онъ успѣлъ въ этомъ; одинъ только царь прислалъ ему гордую грамоту, въ которой требовалъ Ливоніи и Курляндіи; такъ какъ намъ не годилось, заключаетъ король, исполнить это требованіе, то мы сѣли на коня и пошли подѣ отчий нашъ городъ Полоцкъ, который Господь Богъ намъ и возвратилъ: следовательно кровь христіанская проливается отъ тебя. — Юаннъ отвѣчалъ: «Другіе господа, твои сосѣди, согласились съ тобою жить въ мирѣ, потому что имъ такъ годилось; а намъ, какъ было пригоже, такъ мы съ тобою и сдѣлали; тебѣ это не пріюбилось; а гордымъ обычаемъ грамоты мы къ тебѣ не писывали и не дѣлывали ничего. О Ливондокой же землѣ и о томъ, что ты взялъ Полоцкъ, теперь говорить нечего; а захочешь узнать нашъ отвѣтъ, то для христіанскаго покоя присылай къ намъ пословъ великихъ, которые бы доброе дѣло между нами по пригожу постановить могли. Мы съ тобою хотимъ доброй пріязни и братства и по всѣмъ овымъ границамъ запретили вести войну; распорядись и ты также по всѣмъ своимъ границамъ, пока послы великіе между нами братство и добрую пріязнь постановятъ; бояре наши били намъ челомъ, чтобъ мы кровопролитія въ христіанствѣ не желали и велѣли имъ обогласть съ твоими панами: мы на просьбу ихъ согласились». Царь, по требованію Баторія, отпустилъ гонца его, Лопатинскаго, который былъ задержанъ за то, что привезъ объявленіе войны; при отпускѣ царь велѣлъ сказать ему: «Пришелъ ты къ намъ отъ своего государя съ грамотою, въ которой Стефанъ король многія укоризненные слова намъ писалъ, и нашу перемирную грамоту съ тобою къ намъ прислалъ: людей, которые съ такими грамотами приважать; вездѣ казнятъ; но мы, какъ государь христіанскій, твоей зубогой крови не хотимъ и по христіанскому обычаю тебя отпускаемъ». Съ Лопатинскимъ отправленъ былъ особый гонецъ, который долженъ былъ требовать освобожденія плѣнницъ на разщипъ или на выкупъ. Это было въ Генварѣ 1580

года; въ Мартѣ Стефанъ отвѣчалъ: «Мы къ тебѣ пословъ своихъ посылали, но ты отправилъ ихъ съ необычнымъ и къ доброй пріязни непригодимъ постановленіемъ, а твои послы, бывшіе у насъ, ничего добраго не постановили: такъ послѣ этого теперь намъ посылать къ тебѣ пословъ своихъ непригоже; присылай ты своихъ къ намъ и присылай немедленно. А что пишешь объ освобожденіи плѣнныхъ, то самъ разсуди, приличное ли теперь къ тому время? А нужды имъ у насъ никакой нѣтъ». Паны прислали боярамъ опасную грамоту на Московскихъ пословъ. Царь приговорилъ послать отъ бояръ къ панамъ съ отвѣтомъ, что они прислали опасную грамоту не по пригожу, высоко, мимо прежняго обычая; пусть лучше наводятъ государя своего на то, чтобъ отправлялъ своихъ пословъ въ Москву немедленно. Іоаннъ отправилъ отвѣтъ свой Баторію съ дворяниномъ Нащокинымъ: «Мы пословъ твоихъ — писалъ царь — приняли и отпустили по прежнимъ обычаямъ, по неволѣ они ничего не дѣлали, безчестья и нужды имъ никакой не было. А наши послы у тебя ничего не постановили потому, что ты не хотѣлъ подтвердить постановленнаго твоими послами у насъ, вставилъ новое дѣло, нашихъ пословъ обезчестилъ, принялъ ихъ не по прежнимъ обычаямъ и безъ дѣла къ намъ отослалъ; а потомъ прислалъ къ намъ гонца Лопатинскаго съ грамотою, и какія рѣчи написалъ ты въ этой грамотѣ — самъ знаешь. Если намъ теперь всѣ эти дѣла между собою поминать, то никогда христіанство покоя не получить: такъ лучше намъ позабыть тѣ слова, которыя прошли между нами въ кручинѣ и въ гнѣвѣ: ты бы, какъ государь христіанскій, дѣло гнѣвное оставилъ, а пожелалъ бы съ нами братской пріязни и любви; а мы, съ своей стороны, всѣ дѣла гнѣвныя оставили, и ты бы, по обычаю, отправилъ къ намъ своихъ пословъ». Въ случаѣ нужды Нащокинъ долженъ былъ согласиться на отправленіе царскихъ пословъ въ Литву; касательно поведенія своего Московскіе гонцы получали въ это время такой наказъ: «Будетъ въ чемъ нужда, то они должны приставамъ говорить объ этомъ слегка, а не браниться и не грозить; если позволять

покупать съѣстные припасы, то покупать, а не позволять — терять; если король о царскомъ здоровьи не спроситъ и противъ царскаго поклона не встанетъ, то пропустить это безъ вниманія, ничего не говорить; если станутъ безчестить, тѣснить, досаждаютъ, бранить, то жаловаться на это приставу слегка, а прытко объ этомъ не говорить, терпѣть.

Баторій отвѣчалъ, что онъ уже садится на коня и выступнаетъ съ войсками своими туда, куда Господь Богъ укажетъ дорогу; впрочемъ будетъ ждать Московскихъ пословъ пять недѣль, считая отъ 14-го Юня. Иоаннъ отвѣчалъ на это, что онъ уже назначилъ пословъ — стольника, князя Ивана Сицкаго-Ярославскаго и думнаго дворянина Романа Пивова; но что въ такой короткій срокъ, какъ назначилъ король, имъ не поспѣть и на границы, не только въ Вильну. Баторій отвѣчалъ, что всѣ эти отсрочки ведутъ только къ упущенію удобнаго времени для войны; что онъ выступаетъ въ походъ, но что это выступленіе несколько не препятствуетъ Московскимъ посланцѣмъ прѣхать къ нему для переговоровъ туда, гдѣ онъ будетъ находиться съ войскомъ. Ясно было, что Баторій пересылался съ царемъ только для того, чтобъ выиграть время, чтобъ собраться съ силами, достаточными для успѣшнаго похода. Для этого ему нуженъ былъ почти цѣлый годъ: вмѣсто благодарности многіе встрѣтили его съ упреками; упреки эти были опровергнуты на сеймѣ, благодаря искусству и краснорѣчію знаменитаго канцлера Замойскаго; но нельзя было скоро дѣйствовать при недостаткѣ денегъ, при медленности, съ какою собирались войска. Деньги король кое — какъ собралъ, пожертвовалъ свои, занялъ у частныхъ людей, причемъ также много помогъ ему Замойскій; братъ Баторія, князь Седжиградскій, прислалъ опять значительный отрядъ Венгровъ; но все еще было мало пѣхоты: шляхта никакъ не хотѣла служить въ ней; надобно было набирать ее изъ городскихъ жителей, но послѣдніе не были такъ привычны къ военной службѣ, были изнѣжены спокойнымъ пребываніемъ въ городахъ; придумали средство ссоставить пѣхоту изъ людей

крѣпкихъ, способныхъ къ перенесенію трудовъ и лишеній: положили въ королевскихъ имѣніяхъ изъ 20 крестьянъ выбирать одного, котораго, по выслугѣ срочнаго времени, освобождаютъ навсегда самого и все потомство отъ вѣхъ крестьянскихъ повинностей. Въ Москвѣ также не теряли времени, собирали деньги и войско: но здѣсь не было искусныхъ въ военномъ дѣлѣ иностранныхъ дружинъ, здѣсь не было полководцевъ, которые бы могли равняться съ Баторіемъ. Не зная ничего о намѣреніяхъ послѣдняго, Іоаннъ долженъ былъ опять растѣнуть свои войска, послать полки и къ Новгороду, и ко Пскову, къ Кокенгаузену и къ Смоленску; сильныя полки должны были оставаться также на южныхъ границахъ, гдѣ могъ явиться ханъ; на сѣверозападѣ надобно было отбиваться отъ Шведовъ. При отправленіи къ Литовскимъ границамъ крещеннаго Татарскаго царевича, великаго князя Симеона Бекбулатовича, и боярина князя Ивана Ѳедоровича Мстиславскаго, въ разрядѣ читаешь: «То дѣло государь положилъ на Богъ, на великомъ князѣ Симеонѣ и на бояринѣ князѣ И. Ѳ. Мстиславскомъ съ товарищами: какъ ихъ Богъ вразумитъ, и какъ будетъ пригоже государева и земскаго дѣла беречь и дѣлать». По монастырямъ отправлены были грамоты: «Здѣсь на насъ идетъ недругъ нашъ, Литовскій король, со многими силами; мы къ нему посылали о мирѣ съ покореніемъ, но онъ съ нами мириться не хочетъ, и на нашу землю идетъ ратью. И вы оъ пожаловали, молили Господа Бога и Пречистую Богородицу и всѣхъ святыхъ, чтобъ Господь Богъ отвратилъ праведный свой гнѣвъ, движущійся на ны, и православнаго христіанства державу сохранилъ мирну и цѣлу, недвижиму и непоколебиму, а православному бы христіанству побѣды далъ на всѣхъ видимыхъ и невидимыхъ враговъ».

Баторій рѣшилъ двинуться къ Великимъ Лукамъ; но чтобъ скрыть это отъ непріятеля, приказалъ войску обратиться подъ Часниками; мѣсто это расположено надъ рѣкою Улою такимъ образомъ, что находится въ равномъ разстояніи и отъ Великихъ Лукъ и отъ Смоленска, вслѣдствіе чего до послѣдней минуты

оставалось неизвѣстнымъ, къ которому изъ этихъ городовъ король направить путь. Онъ выступилъ къ Великимъ Лукамъ съ 50,000 войска, въ числѣ котораго находилось 21,000 пѣхоты. Деревянная крѣпость Велижь была зажжена калеными ядрами и сдалась; Усвятъ послѣдовалъ ея примѣру. Баторій стоялъ уже у Великихъ Лукъ, какъ явились къ нему въ станъ послы Московскіе — князь Сицкій и Пивовъ; отъ самой границы ихъ уже встрѣчали непріятностями, дерзостями: посланный къ нимъ на встрѣчу на рубежъ отъ Оршанскаго воеводы Филона Кмиты называлъ послѣдняго воеводою Смоленскимъ; послы сказали на это: «Филонъ затѣваетъ нелѣпость, называя себя воеводою Смоленскимъ; онъ еще не тотъ Филонъ, который былъ у Александра Македонскаго; Смоленскъ вотчина государя нашего; у государя нашего Филоновъ много по острожнымъ воротамъ». Когда послы поѣхали къ королю въ станъ, то гайдуки начали стрѣлять изъ ручницъ возлѣ лошадей посольскихъ и пыжи падали на пословъ. Король, принимая ихъ, противъ государева имени и поклона не всталъ, шапки не снялъ, о здоровьѣ государевомъ не спросилъ. Послы требовали, чтобъ Баторій снялъ осаду Лукъ, и тогда они станутъ править ему посольство, ибо имъ наказано править посольство въ землѣ королевской, а не подъ государевыми городами. На это имъ паны отвѣчали: «Ступайте на подворье!» а Виленскій воевода говорилъ имъ въ слѣдъ: «Ступайте на подворье! пришли съ бездѣльемъ, съ бездѣльемъ и пойдете». Послы просили, чтобъ король отошелъ, по крайней мѣрѣ, отъ Лукъ на то время, когда они станутъ править посольство: не согласились; просили, чтобъ не велѣлъ въ это время промыслять надъ городомъ: не согласились и на это; послы начали править посольство, уступали королю Полоцкъ, Курляндію, 24 города въ Ливоніи; но король требовалъ всей Ливоніи, Великихъ Лукъ, Смоленска, Пскова, Новгорода. Послы просили позволенія отправить гонца въ Москву за новымъ наказомъ; гонецъ былъ отправленъ; но Баторій не дожидаясь его возвращенія: послѣ долгихъ стараній Замоискому удалось наконецъ зажечь крѣпость; осажденные начали переговоры о

сдачь; но Венгры, боясь лишиться добычи, самовольно ворвались въ городъ и начали рѣзать всѣхъ, кто ни попадался; Поляки послѣдовали ихъ примѣру; Замойскому удалось спасти только двоихъ воеводъ. Князь Збарзскій съ Польскою, Венгерскою и Нѣмецкою конницею разбилъ князя Хилкова подъ Тропцомъ; Невль, какъ скоро былъ зажженъ, сдался; Озерище сдалось еще прежде пожара; крѣпкое Заволочье отбило первый приступъ, но потомъ также принуждено было поддаться Замойскому. Не такъ счастливъ былъ Оршанскій воевода Филонъ Кмита: съ 9000 Литвы онъ подошелъ къ Смоленску съ тѣмъ, чтобъ сжечь посады; но въ деревнѣ Настасьинѣ пришли на него царскіе воеводы, Иванъ Михайловичъ Бутурлинъ съ товарищами, и сбили съ становъ; Кмита вечеромъ сталъ въ крѣпкомъ мѣстѣ въ обозѣ, а ночью ушелъ изъ него; Бутурлинъ на другой день погнался за непріателемъ, настигъ его въ 40 верстахъ отъ Смоленска, на Спасскихъ лугахъ, и разбилъ, взявъ знамена, шатры, 10 пушекъ, 50 затинныхъ пищалей и 370 плѣнныхъ. Баторій взятіемъ Лукъ кончилъ свой походъ 1580 года; но военныя дѣйствія на этотъ разъ продолжались и зимою: въ Февралѣ 1581 года Литовцы пришли ночью къ Холму, взяли его и оставили за собою, выжгли Старую Русу, въ Ливоніи взяли замокъ Шмильтенъ, и, вмѣстѣ съ Магнусомъ, опустошили Дерптскую область до Нейгаузена, до границъ Русскихъ. Съ другой стороны Шведскій полководецъ Понтусъ Делагарди вошелъ въ Карелію, въ Ноябрь 1580 взялъ Кекогальмъ, причемъ, по извѣстіямъ Ливонскихъ лѣтописцевъ, было истреблено 2000 Русскихъ. Въ Эстоніи Шведы осадили Падисъ (въ 6 миляхъ отъ Ревеля): осажденные, подъ начальствомъ воеводы Чихачева, терпѣли страшный голодъ, 13 недѣль не отвѣдывали хлѣба, переѣли всѣхъ лошадей, собакъ, кошекъ, сѣно, солому, кожи, нѣкоторые тайно отвѣдали, какъ пишутъ, и человѣческаго мяса; наконецъ въ Декабрѣ непріатель взялъ городъ вторымъ приступомъ. Въ началѣ 1581 года Делагарди оставилъ Карелію и неожиданно явился въ Ливоніи полъ Везенбергомъ, который, послѣ сильнаго обстрѣливанія

сдался въ Мартѣ подѣ условіемъ свободнаго выхода осажденнымъ. Въ томъ же мѣсяцѣ Московскіе воеводы, по старому обычаю, ходили изъ Можайска опустошать Литовскія земли, были у Дубровны, Орши, Могилева, подѣ Шкловымъ, имѣли удачную битву съ Литовскими войсками и возвратились благополучно въ Смоленскъ.

А между тѣмъ Баторій хлопоталъ о третьемъ походѣ, занялъ деньги у герцога Прусскаго, курфирстовъ Саксонскаго и Бранденбургскаго. На сеймѣ, собранномъ въ Февраль 1581 года, объявилъ, что мало радоваться успѣхомъ военнымъ, надобно пользоваться ими; если не желаютъ или не надѣются покоренія цѣлаго Московскаго государства, то, по крайней мѣрѣ, не должны полагать оружія до тѣхъ поръ, пока не закрѣпятъ за собою всей Ливоніи. Потомъ объяснялъ, какъ вредно каждый годъ отрываться отъ войска и спѣшить на сеймъ для вытребованія денежныхъ поборовъ; что отъ этого собственное войско ослабѣваетъ, а непріятелю дается время возстановлять свои силы, что запоздалое собираніе денегъ заставляетъ терять самое удобное для военныхъ дѣйствій время; что единственное средство для избѣжанія этихъ невыгодъ — двухлѣтній поборъ. Сеймъ сначала противился королевскому предложенію, потомъ согласился. Но при концѣ сейма земскіе послы просили короля, чтобъ слѣдующимъ, третьимъ, походомъ постарался окончить войну, ибо шляхта и особенно ея крестьяне совершенно изнурены поборами и далѣе выносить ихъ не въ состояніи. Король отвѣчалъ чрезъ Замойскаго, что онъ не длить нарочно войны, предпринятой для общаго спокойствія и выгоды: непріятель теперь въ такомъ положеніи, что легко довести его до послѣдней крайности, продля хотя немного войну; что, исполняя желаніе земли, онъ не будетъ препятствовать заключенію мира, какъ скоро принудитъ непріятеля уступить ему всю Ливонію.

Переговоры о мирѣ продолжались во все это время; Сицкій и Пивовъ ѣхали за Баторіемъ отъ Великихъ Лукъ до Варшавы; приставы, державши долго пословъ, повели ихъ за королемъ

къ Полоцку; на дорогѣ Литовскіе люди пословъ безчестили, прудольскихъ людей били, грабили, корму людскаго и конскаго посламъ не давали, отчего много лошадей у нихъ попадало. Въ недостаткѣ корма впрочемъ пославъ предъ послами объяснились и извинились, и Баторій старался вознаградить пословъ за прежнія нужды, дая ихъ винами иностранными и медомъ старымъ. Но потомъ опять послы начали терпѣть нужду, и приставъ на ихъ жалобы отвѣчалъ: «Вамъ все кормъ давай! въ добромъ дѣлу не бывать; тѣ гроши, что было вамъ на кормъ давать, надобны еще на другія дѣла». Въ Варшавѣ паны радные Польскіе говорили посламъ великія задорныя рѣчи и непригожія слова; да и въ радѣ сидя, говорили высокія и задорныя слова, а гладко и скромно никто ничего не говорил; послы противъ ихъ разговоровъ молчали, а отговаривали имъ безъ брани, слегка, по государеву наказу. Послы предлагали заключить перемиріе на томъ условіи, что каждому владѣть, чѣмъ владѣть; но паны съ этимъ предложеніемъ и къ королю не пошли. Царь прислалъ къ королю гонца съ требованіемъ опасной грамоты на новыхъ пословъ: «Этимъ посламъ—писалъ Юаннъ — мы велѣвъ договориться подробно на—счетъ Лифляндской земли, какъ дѣлу пригоже статься; тогда, по договору, и людей изъ Лифляндской земли велимъ вывести; а до тѣхъ поръ ты бы, братъ нашъ, людей не собиралъ и убытка казнѣ своей не дѣлалъ». Гонцу было наказано: «Если король о царскомъ здоровьѣ не спроситъ и противъ царскаго поклона не встанетъ, то объ этомъ ничего не говорить». Послами были отправлены думные дворяне Пушкинъ и Писемскій; имъ данъ былъ такой наказъ: «Послы не должны отдавать вѣрующей грамоты никому, кромѣ короля, должны требовать, чтобъ ихъ непременно представили Баторію; а если стануть ихъ укорять, или безчестить, или бранить, или бить, то на укоризну, безчестье и брань отвѣчать, смотря по дѣлу, что будетъ пригоже и какъ ихъ Богъ вразумитъ, слегка, а не браниться, противъ побоевъ терпѣть, и стоять накрѣпко, чтобъ ихъ отпустили къ королю, а пока у короля не будутъ, до тѣхъ поръ грамоты вѣрующей

никому не давать и посольства ни передъ кѣмъ не править. Если король не встанетъ и велитъ о государевомъ здоровьѣ спрашивать панамъ, то и за этимъ не останавливаться, о государевомъ здоровьѣ говорить, грамоту вѣрющую подавать, посольство править; если будутъ ихъ на посольствѣ бранить или бить — говорить одно, чтобъ дали посольство исправить, и ни за чѣмъ не останавливаться, самимъ не задирать и невѣжливыхъ словъ королю не говорить. Если паны станутъ говорить, чтобъ государя царемъ не писать, и за этимъ дѣло остановится, то посламъ отвѣчать: Государю нашему царское имя Богъ далъ, и кто у него отниметъ его? Государи наши не со вчерашняго дня государи, извѣчные государи; а если государь вашъ не велѣлъ нашего государя царемъ писать, то государь нашъ для покоя христіанскаго не велѣлъ себя царемъ писать; все-равно, какъ его не напиши, во всѣхъ земляхъ вѣдаютъ, какой онъ государь. Если же станутъ спрашивать: кто же это со вчерашняго дня государь? — отвѣчать: мы говоримъ про то, что нашъ государь не со вчерашняго дня государь, а кто со вчерашняго дня государь, тотъ самъ себя знаетъ. Если не захотятъ писать государя братомъ королю, то отвѣчать: государи наши извѣчные государи; государю нашему братья Турецкій цезарь и другіе великіе государи, и то нашему государю не важно, что съ вашимъ государемъ пишется братомъ, и если государь вашъ этого не хочетъ, то мы просто напишемъ безъ братства, что взяли перемирье государь съ государемъ. А если станутъ говорить, чтобъ въ перемирной грамотѣ написать такъ отъ имени короля: учинили мы тебя (царя) въ братствѣ, и въ дружбѣ, и въ любви — то и за этимъ дѣло не останавливать; если король не согласится писать царя Смоленскимъ, то согласиться и на это». Любопытно, что, оглашаясь на все, приказывая посламъ терпѣть все, Юаннъ не можетъ отказать себѣ въ удовольствіи уколоть Баторія, что онъ со вчерашняго дня государь.

Послы пріѣхали съ предложеніемъ королю всей Ливоніи, за исключеніемъ только четырехъ городовъ; но король не только

попрежнему требовалъ всей Ливоніи, но прибавилъ еще новыя требованія: потребовалъ уступки Себежа и уплаты 400,000 золотыхъ Венгерскихъ за военныя издержки. Это вывело изъ терпѣнія Іоанна. Послы отказались продолжать переговоры, просили дозволенія послать къ своему государю за новымъ указомъ. Есть также извѣстіе, что послы дали знать ему о затруднительномъ положеніи Баторія, который потерялъ брата, князя Седмиградскаго, и могъ быть вовлеченъ по этому случаю въ большія хлопоты. Когда явился гонецъ Баторіевъ съ требованіемъ новаго наказа посламъ, то царь противъ королевскаго имени не всталъ, о здоровьѣ королевскомъ не спросилъ, потому что и король этого не дѣлалъ; гонцу не было поставлено скамьи, поминковъ у него не взяли, обѣдать не позвали, потому что Стефанъ король на кровопролитіе христіанское стоитъ безпрестанно. Іоаннъ отправилъ съ гонцемъ къ Стефану грамоту, начинавшуюся такими словами: «Мы, смиренный Іоаннъ, царь и великій князь всея Руси, по Божіему изволенію, а не по многоятежному человеческому хотѣнію.» Изложивши условія мира, предложенныя посламъ, царь пишетъ: «Мы такого превозношенія не слышали нигдѣ, и дивимся, что ты мириться хочешь, а паны твои такое безмѣрье говорятъ. Они говорили нашимъ посламъ, что тѣ пріѣхали торговать Лифляндскою землею: наши послы торгуютъ Лифляндскою землею, и это нехорошо; а это хорошо, что паны твои нами и нашими государствами играютъ, и въ гордости своей хотятъ того, чему нельзя стать: это не торговля, разговоръ! Когда на вашемъ государствѣ были прежніе государи христіанскіе, благочестивые, которые о кровопролитіи христіанскомъ жалѣли, тогда паны-рада съ нашими послами разговорныя рѣчи говаривали и многіе приговоры дѣлавали, чтобъ на обѣ стороны любо было. Съѣзжаются, бывало, много разъ, и побранятся, и опять помирятся, дѣлаютъ долго, не въ одинъ часъ. А теперь видимъ и слышимъ, что въ твоей землѣ христіанство умалается, потому твои паны-рада, не жалѣя христіанской крови, дѣлаютъ скоро». Укоривъ Баторія въ нарушеніи перемирія, заключеннаго его послами въ

Москвѣ, Іоаннъ продолжаетъ: «Нивогда этого прежде не бывало; и если ты прежнихъ государей Польскихъ пишешь предками своими, то зачѣмъ по ихъ уложенью не ходишь? Ты пришелъ со многими землями и съ нашими измѣнниками, Курбскимъ, Заболоцкимъ, Тетеринымъ и другими; наши воеводы и люди противъ тебя худо бились, городъ Полоцкъ измѣною тебѣ отдали; а ты, идучи къ Полоцку, грамоту писалъ ко всѣмъ нашимъ людямъ, чтобъ они намъ измѣняли, а тебѣ съ городами поддавались, насъ за нашихъ измѣнниковъ карать хвалился; надеешься не на воинство, на измѣну! Мы, не желая, чрезъ крестное цѣлованіе, начинать съ тобою войну, сами противъ тебя не пошли и людей большихъ не послали, а послали въ Соколъ немногихъ людей провѣдать про тебя. Но твой воевода Виленскій, пришедши подъ Соколъ со многими людьми, городъ сжегъ новымъ умышленьемъ, людей побилъ и мертвыми поругался беззаконно, чего и у невѣрныхъ не слыхано. Называешься государемъ христіанскимъ, а дѣла при тебѣ дѣлаются не по христіанскому обычаю. Христіанское ли то дѣло, что твои паны крови христіанской не жалѣютъ, а издержекъ жалѣютъ: если тебѣ убытокъ, такъ ты бы Заволочья не бралъ, кто тебѣ объ этомъ челомъ билъ? Что это за миръ: казну у насъ взявши, обогатившись, насъ изубычивши, на нашу же казну людей нанявши, землю нашу Лиоляндскую взявши, наполнивши ее своими людьми, да немного погодя, собравшись еще сильнѣе прежняго, насъ же воевать и остальное отнять! Ясно, что хочешь безпрестанно воевать, а не мира ищешь. Мы бы тебѣ и всю Лиоляндію уступили, да вѣдь тебя этимъ не утѣшишь; и послѣ ты все—равно будешь кровь проливать. Вотъ и теперь, у прежнихъ пословъ просилъ одного, а у нынѣшнихъ просишь уже другаго, Себежа; дай тебѣ это, ты станешь просить еще, и ни въ чемъ мѣры себѣ не поставишь. Мы ищемъ того, какъ бы кровь христіанскую увать, а ты ищешь того, какъ бы воевать; такъ зачѣмъ же намъ съ тобою мириться? и безъ миру то же самое будетъ». Посламъ отправленъ былъ наказъ уступить королю завоеванные имъ

Русскіе города, но за то требовать въ Ливоніи Нарвы, Юрьева и 36 другихъ замковъ, и на такихъ только условіяхъ заключить перемиріе на шесть или на семь лѣтъ. Паны возражали, что эти условія новыя; послы отвѣчали, что такъ какъ король перемѣнилъ прежнія условія, то и царь сдѣлалъ то же, что другого имъ наказа нѣтъ — и уѣхали на свое подворье. Переговоры кончились; Баторій выступилъ въ походъ, а къ Іоанну послалъ грамоту, наполненную ругательствами, называлъ его Фараономъ Московскимъ, волкомъ, вторгнувшимся къ овцамъ, человѣкомъ, исполненнымъ яда, ничтожнымъ, грубымъ: «Для чего ты къ намъ не пріѣхалъ съ своими войсками — пишеть между прочимъ Баторій—для чего своихъ подданныхъ не оборонялъ? и бѣдная курица передъ ястребомъ и орломъ птенцовъ своихъ крыльями покрываетъ, а ты, орелъ двухглавый (ибо такова твоя печать), прячешься!» Наконецъ Баторій вызываетъ Іоанна на поединокъ. Гонца, привезшаго эту грамоту, государь обѣдать не звалъ и корму вмѣсто стола дать ему не велѣлъ.

Передъ выступленіемъ въ походъ Баторій созвалъ военный совѣтъ и спрашивалъ, куда направить путь? Почти всѣ были того мнѣнія, что надобно идти ко Пскову, ибо овладѣніе этимъ городомъ предастъ въ руки королю всю Ливонію, за которую и ведется собственно война. Король и съ нимъ нѣкоторые воеводы были не прочь идти прямо къ Новгороду, ибо оттуда приходили вѣсти, что служилые люди готовы отложиться отъ Іоанна; но, съ другой стороны, было опасно, идя къ Новгороду, оставить за собой такой крѣпкій городъ, какъ Псковъ, гдѣ сосредоточены были почти всѣ силы непріятеля. Это соображеніе заставило Баторія согласиться съ большинствомъ и выступить ко Пскову. Каменные стѣны крѣпости Острова не устояли противъ стрѣльбы, и крѣпость сдалась. 26 Августа Польскія войска подошли ко Пскову, гдѣ начальствовали двое бояръ князей Шуйскихъ, Василій Ѳедоровичъ Скопинъ и Иванъ Петровичъ, сынъ извѣстнаго воеводы Петра и внукъ Ивана, знаменитаго правителя въ малолѣтство Іоанново; Псковъ славился какъ первая крѣпость въ Московскомъ государствѣ: впро-

долженіи цѣлыхъ столѣтій главною заботою Псковичей было укрѣпленіе своего города, подверженнаго безпрестаннымъ нападєніямъ Нѣмцевъ; теперь обветшавшія укрѣпленія были возобновлены и городъ снабженъ многочисленнымъ нарядомъ (артиллерією); войска, по иностраннымъ непріятельскимъ показаніямъ, было во Псковѣ до 7000 конницы и до 50,000 пѣхоты, включая сюда тѣхъ обывателей, которые несли воинскую службу; число осаждающихъ простиралось до 100,000. Король, обозрѣвши городъ и узнавши отъ плѣнныхъ о его средствахъ, увидалъ свою ошибку, увидалъ, что свѣдѣнія, полученные имъ прежде о состояніи Пскова, были невѣрны. Онъ увидѣлъ прежде всего, что у него мало пѣхоты, что для приступа надобно было имѣть ея втрое болѣе, чѣмъ сколько было въ самомъ дѣлѣ; и пороховыхъ запасовъ для осады такого города было недостаточно. 4-го Сентября осаждающіе начали свои работы, *копали борозды* (вели траншеи); 7 Сентября открыли пальбу, 8 пробили стѣну и пошли на приступъ, который сначала былъ удаченъ: непріятель ворвался въ проломы, занялъ двѣ башни — Покровскую и Свиную и распустилъ на нихъ свои знамена; осажденные потеряли духъ и начали уже отступать; но воевода князь Иванъ Петровичъ Шуйскій, второй по мѣсту и первый по мужеству, угрозами, просьбами и слезами успѣлъ удержать ихъ съ одной стороны, а съ другой сдѣлалъ то же Печерскій игуменъ Тихонъ, вышедшій къ нимъ на встрѣчу съ иконами и мощами. Сопротивленіе возобновилось съ новою силою; осажденные взорвали Свиную башню, занятую Поляками, и согнали Венгровъ съ Покровской. Приступъ былъ отбитъ: осажденные потеряли 863 человекъ убитыми, 1626 человекъ ранеными; осаждающіе же болѣе 5000 человекъ убитыми, и въ томъ числѣ Гавріила Бекеша, искуснаго предводителя Венгерскаго. Послѣ этого осаждающіе долго не могли ничего предпринять, ибо не было пороху; послали за нимъ къ герцогу Курляндскому, въ Ригу; порохъ привезли, но и тутъ попытки овладѣть городомъ остались тщетными, неудалась даже попытка овладѣть Печерскимъ монастыремъ; а между

тѣмъ начались морозы, войско терпѣло большую нужду и волновалось, требовало прекращенія войны; но снять осаду Пскова и возвратиться на зиму домой значило погубить дѣло, и Баторій во что бы то ни стало рѣшился оставить войско зимовать подъ Псковомъ. Дѣло было чрезвычайно трудное, но у короля былъ Замойскій! Главною заботою послѣдняго было введеніе дисциплины въ войскѣ, причѣмъ самое сильное препятствіе встрѣчалъ онъ въ молодыхъ панахъ и шляхтѣ, привыкшихъ къ своеволю; но Замойскій не смотрѣлъ ни на что: чѣмъ знатнѣе былъ преступникъ, тѣмъ, по его мнѣнію, строже долженствовало быть наказаніе: такъ онъ держалъ въ оковахъ дворянина королевскаго, поступившаго вопреки воинскому уставу, и не выпускалъ его, несмотря на просьбы цѣлаго войска; предъ цѣлымъ войскомъ выставялъ на позоръ своевольныхъ шляхтичей, въ нужныхъ случаяхъ наказывалъ тѣлесно, вѣшалъ преступниковъ, строго наказывалъ также женщинъ, осмѣливавшихся пробираться въ обозъ. Легко понять, какую ненависть возбудилъ противъ себя Замойскій такимъ поведеніемъ; кричали: «онъ съ молодыхъ лѣтъ зналъ только, что за книгами сидѣлъ, въ Италіанскихъ школахъ учился, военнаго дѣла не смыслить, совѣтуетъ королю упорно держаться подъ Псковомъ, и этимъ совѣтомъ все войско сгубить!» Безсмысленная шляхта укоряла Замойскаго за ученость; а самъ Замойскій признавался, что наука сдѣлала его тѣмъ, чѣмъ онъ былъ, повторяя съ гордостію: *Patavium vigum me fecit* (Падуа, т.—е. Падуанскій университетъ, сдѣлалъ меня человекомъ). Кричали, что Замойскій покинетъ войско подъ Псковомъ на жертву голоду и холоду, а самъ уѣдетъ съ королемъ на сеймъ подъ предлогомъ исполненія канцлерскихъ обязанностей; король уѣхалъ, но Замойскій остался при войскѣ. Кромѣ Пскова военныя дѣйствія происходили на верхней Волгѣ, въ Ливоніи, въ Новгородской области. Къ Волгѣ пробрались Христофъ Радзивилъ, Филонъ Кмита и Гарабурда, но далеко не пошли, боясь сильныхъ полковъ царскихъ; важнѣе были наступательныя движенія Шведовъ: они взяли Лоде, Фиккель, Леаль, Габзель, Нар-

ву, гдѣ пало 7000 Русскихъ, Виттенштейнъ; наконецъ Делагарди перенесъ войну и на Русскую почву, взялъ Иваньгородъ, Яму, Копорье. Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда царь рѣшился начать снова мирные переговоры съ Баторіемъ, причѣмъ посредникомъ явился панскій посолъ, іезуитъ Антоній Поссевинъ.

Въ 1550 году Шлиттъ, котораго Іоаннъ отправилъ въ Германію для вызова ученыхъ и художниковъ, самовольно возбудилъ въ императорѣ и папѣ надежду на присоединеніе Московскаго государства къ Римской церкви, и папа Юлій III назначилъ было уже посольство къ царю съ предложеніемъ королевскаго титула, за что царь долженъ былъ поклясться въ обвинованіи апостольскому престолу. Въ 1561 году папа Пій IV предлагалъ Іоанну отправить пословъ своихъ на Тридентскій соборъ. На всѣ эти предложенія не обращалось вниманія въ Москвѣ; но когда Баторій сталъ грозить опасною войною, то Іоаннъ оправилъ къ панѣ Григорію XIII посла съ грамотою, въ которой жаловался на Баторія, *посаженика* султанава, и объявлялъ желаніе быть съ папою и императоромъ въ любви и согласіи на всѣхъ недруговъ. Григорій воспользовался случаемъ и отправилъ въ Москву іезуита Антонія Поссевина, въ наказъ которому говорилось: «Пріобрѣтя расположеніе и довѣренность государя Московскаго, приступайте къ дѣлу, внушайте какъ можно искусне мысль о необходимости принять католическую религію, признать главою церкви первосвященника Римскаго, признаваемого таковымъ отъ всѣхъ государей христіанскихъ; наводите царя на мысль, какъ неприлично такому великому государю признавать митрополита Константинопольскаго, который не есть законный пастырь, но симоніантъ и рабъ Турокъ; что гораздо лучше и славнѣе для него будетъ, если онъ, вмѣстѣ съ другими государями христіанскими, признаетъ главою церкви первосвященника Римскаго; съ этою цѣлію возьмите съ собою изложеніе въры, составленное на Тридентскомъ соборѣ, въ Греческомъ переводѣ. Такъ какъ, быть можетъ, монахи или священники Московскіе, частію по гру-

бости своей и отвращенію къ Латинской церкви, частію изъ опасенія потерять свое значеніе, будутъ противиться нашему благочестивому настрѣнію, и употребятъ всѣ усилія, чтобъ не допустить государя оставить Греческую вѣру, то старайтесь всѣми силами приобрѣсть ихъ расположеніе; болѣе всего старайтесь приобрѣсти свѣдѣнія обо всемъ касающемся вѣры этого народа. Внушайте государю, какія великія слѣдствія будетъ имѣть союзъ христіанскихъ государствъ противъ Турокъ, внушайте, что на его долю достанется ббольшая часть славы и выгодъ, что ему, какъ сосѣднему и могущественнѣйшему владѣтелю, должны будутъ достаться многія страны Турецкія; вы должны узнать подробно о количествѣ и качествѣ военныхъ силъ Московскихъ, сколько пѣхоты, конницы, съ какой стороны государь Московскій думаетъ лучше напасть на Турокъ, нѣтъ ли какого сосѣдняго народа, съ которымъ бы можно было вступить въ союзъ. Но послѣ всѣхъ этихъ разговоровъ, воспламенивши желанія государя къ славнымъ подвигамъ, вы обратитесь опять къ главному — къ духовному союзу. Если встрѣтите затрудненія, не теряйте духа, дѣлайте чтб можете, употребите всѣ средства, чтобъ получить отъ вашего посольства хотя какой-нибудь плодъ; вы должны испросить позволеніе на постройку одной или нѣсколькихъ католическихъ церквей въ Москвѣ для тѣхъ католиковъ, которые будутъ приѣзжать по торговымъ дѣламъ; объясните, что иначе никогда не установятся торговля сношенія съ католическими народами». — Другаго рода наказъ данъ былъ царемъ приставу, который отправлялся встрѣтить и провожать Поссевина: «Если посольство станетъ заирать и говорить о вѣрѣ, Греческой или Римской, то приставу отвѣчать: грамотъ не учивался, да не говорить ничего про вѣру».

18 Августа пріѣхалъ Поссевинъ къ Іоанну въ Старицу. Между прочими дарами папа прислалъ царю съ Антономъ книгу о Флорентійскомъ соборѣ и писалъ: «Носылаю твоему величеству книгу о Флорентійскомъ соборѣ печатную; прошу, чтобъ ты ее самъ читалъ и своимъ домгомамъ приказалъ читать».

великую отъ того Божію милость и мудрость, и разумъ получишь; а я отъ тебя только одного хочу, чтобъ святая и апостольская церковь съ тобою въ одной вѣрѣ была; а все прочее твоему величеству отъ насъ и отъ всѣхъ христіанскихъ государей будетъ готово.» Поссевинъ, заѣзжавшій къ Баторію, объявилъ, что послѣдній не хочетъ мириться безо всей Ливоніи, пересказывалъ собственныя слова Баторія: «Если государь Московскій» говорилъ король: «не хочетъ уступить мнѣ малыхъ городковъ Ливонскихъ, то я пойду къ которому-нибудь большому его городу, ко Пскову или къ Новгороду, и только возьму одинъ который-нибудь большой городъ, то всѣ Нѣмецкіе города будутъ мои».—«И я», говорилъ Поссевинъ: «какія рѣчи у короля слышалъ, тѣ государю и объявляю, а что государь мнѣ объявитъ, то я Стефану королю объявлю, а хочу свою душу и голову отдать за государскую милость». — Исполняя наказъ, Антоній просилъ, чтобъ позволено было построить въ Москвѣ католическую церковь для купцовъ Венеціанскихъ; говорилъ о необходимости союза всѣхъ христіанскихъ государей противъ Турокъ, но давалъ знать, что союзъ этотъ не можетъ быть крѣпокъ, если всѣ государи не будутъ принадлежать къ одному исповѣданію; уговаривая Іоанна къ соединенію съ Римомъ, Поссевинъ говорилъ: «Къ царствамъ и богатствамъ, которыхъ у тебя много, къ славѣ той, которую ты приобрѣлъ расширеніемъ земли своей, прибавь славу единенія съ вѣрою апостольскою, и тогда великое множество небеснаго благословенія получишь». Царь отвѣчалъ: «Мы никогда не желали и не хотимъ, чтобъ кровопролитіе въ христіанствѣ было; и Божіимъ милосердіемъ отъ младенчества нашего чрезъ много лѣтъ кровопролитіе въ христіанствѣ не велось. Но ненавидящій добра врагъ съ своими сосудами ввелъ въ Литовской землѣ новую вѣру, что называется Лютеръ Мартынъ; въ вашихъ странахъ эта вѣра сильно распространилась; и какъ это ученіе утвердилось, такъ въ христіанствѣ и кровопролитіе началось, а какъ и которымъ обычаемъ началось, и почему между нами и Стефаномъ королемъ недружба стала, мы тебѣ объ

этомъ послѣ скажемъ; а теперь извѣщаемъ тебѣ, какъ намъ быть въ дружбѣ и въ любви съ папою и цесаремъ Рудольфомъ. Что наивышній пана Григорій хочетъ между всѣми нами государями христанскими мирное постановленіе утвердить, то намъ пріятельно и любительно. Его пресвѣтлѣйшеству опасную грамоту даемъ, что посламъ его къ намъ пріѣхать и отъѣхать добровольно; а дѣти наши въ нашей волѣ: Иванъ сынъ еще государскимъ именемъ не почтенъ, а Федоръ еще не въ томъ возрастѣ, чтобъ могъ съ нами государствомъ править, и потому ихъ въ опасную грамоту писать не нужно, тѣмъ болѣе, что наше слово ни отъ кого превратно не будетъ, у насъ не такъ, какъ въ другихъ государствахъ, дѣти, братья и вельможи превращаютъ слово государево. Венеціанамъ въ наше государство пріѣзжать вольно съ попами и со всякими товарами, а церквамъ Римскимъ въ нашемъ государствѣ быть непригоже, потому что до насъ этого обычая здѣсь не бывало, и мы хотимъ по старинѣ держать». Затѣмъ Іоаннъ приступилъ къ главному дѣлу: отпуская Поссевина быть посредникомъ между нимъ и Баторіемъ, Іоаннъ объявилъ ему условія, на которыхъ можетъ помириться съ королемъ: царь уступалъ послѣднему 66 городовъ въ Ливоніи, кромѣ того Русскіе города: Великія Луки, Заволочье, Невель, Велижъ, Холмъ, а за собою оставялъ 35 городовъ Ливонскихъ. Объясняя свои права на Ливонію, Іоаннъ говорилъ: «Паны радные говорятъ, что еслибъ Ливонія была изстари нашею, то предки наши съ нею перемирія не заключали бы: эта земля была особная, а у насъ была вотчиною съ *прикладъ*, жили въ ней все Нѣмецкіе люди, а писали перемирныя грамоты съ нашими вотчинами, Новгородъ и Псковомъ, по нашему жалованью, какъ мы имъ велижъ, точно такъ, какъ мужики волостные между собою записи пишутъ, какъ имъ торговать, а не такъ, какъ государи между собою перемирныя грамоты пишутъ; Лифляндія была нашею *прикладною* вотчиною точно такъ, какъ у Стефана короля Пруссіи, пишется онъ Прусскимъ, а въ Пруссіи свой князь. Ты говоришь, чтобъ намъ обратить всѣ свои силы на Турецкаго;

но какъ намъ это сдѣлать, пока между нами и Стефаномъ королемъ не будетъ мира? Мы велѣли послать своимъ поступаться; но онъ ни въ чемъ мѣры не знаетъ. Онъ проситъ у насъ денегъ за убытки: онъ же насъ воюетъ, намъ же ему убытки платить: такъ не ведется и въ бусурманскихъ государствахъ; а кто его заставляетъ убытчиться? Удивляемся, какъ это Стефанъ король дѣлаетъ, чего ни въ какихъ государствахъ не ведется; уцѣлится за которое дѣло, да и хочетъ на своемъ поставить. Стефанъ король тебѣ говорилъ, что не хочетъ съ нами мириться до тѣхъ поръ, пока не отдамъ ему обѣщанной земли: но этому какъ стать? Хотя бы мы ему и уступили Ливонію, но впередъ миру не будетъ же! Онъ и такъ на насъ всю Италію (т.-е. Западную Европу) поднялъ. Недавно къ намъ привели пѣвника, Французскаго человѣка: ясно, что онъ на насъ всю Италію поднялъ. Тутъ которому миру быть, что на одну сторону высоко, а на другую низко? добро то миръ, чтобъ на обѣ стороны ровно было. Да и потому намъ нельзя уступить королю всей Лифляндской земли: если намъ ее всю уступить, то намъ не будетъ ссылки ни съ папою, ни съ царемъ, ни съ какими другими государями Италійскими и съ Поморскими мѣстами, развѣ только, когда король Польскій захочетъ пропустить нашихъ пословъ. Король называетъ меня Фараономъ и проситъ у меня 400,000 червонцевъ; но Фараонъ Египетскій никому дани не давалъ».

Касательно соединенія съ Римскою церковію, Іоаннъ отвѣчалъ Поссевину: «Мы тебя теперь отпускаемъ къ Стефану королю за важными дѣлами наскоро; а какъ будешь у насъ отъ короля Стефана, тогда мы тебѣ дадимъ знать о вѣрѣ». Но для Поссевина самымъ важнымъ дѣломъ было дѣло о соединеніи церквей, а потому, получивъ такой неудовлетворительный для себя отвѣтъ, мало надѣясь отъ будущаго свиданія и переговоровъ съ царемъ уже по рѣшительному отказу на-счетъ построения католической церкви, Поссевинъ не могъ быть безпристрастнымъ посредникомъ при мирныхъ переговорахъ; онъ видѣлъ явную выгоду для Римской церкви въ томъ, чтобъ вся

Ливонія была за королемъ Польскимъ, ибо, при помощи послѣдняго, легко было возстановить здѣсь падшій католицизмъ; въ одной изъ записокъ Поссевина, хранящейся въ Ватиканскомъ архивѣ, говорится: «Есть надежда, что при помощи Божіей, оказанной католичѣйшему королю, вся Ливонія скоро отойдетъ къ Польшѣ, и тогда не должно упускать случая къ возстановленію здѣсь католической религіи, при королѣ, который среди заботъ военныхъ не оставляетъ святыхъ мыслей о поддержаніи и распространеніи истинной вѣры. Кроме того, на Руси, въ Подоль, Волыни, Литвѣ и Самогитіи жители упорно держатся Греческаго исповѣданія, хотя имѣютъ господъ католиковъ. Сенатъ, и особенно король, подозрѣвающій ихъ вѣрность, желаетъ обратить ихъ въ католицизмъ: ибо найдено, что жители этихъ областей, по приверженности къ своимъ единовѣрцамъ, Москвичамъ, публично молятся о дарованіи имъ победы надъ Поляками». Вотъ почему главнымъ стараніемъ Поссевина, по пріѣздѣ къ королю, было убѣдить Іоанна, что Стефанъ, несмотря на неудачу подъ Псковомъ, рѣшился во что бы то ни стало овладѣть этимъ городомъ, если царь не поспѣшитъ заключить мира съ уступкою всей Ливоніи. Тогда Іоаннъ съ сыномъ и боярами приговорилъ: «Теперь по конечной неволѣ, смотря по нынѣшнему времени, что Литовскій король со многими землями и Шведскій король стоятъ заодно, съ Литовскимъ бы королемъ помириться на томъ: Ливонскіе бы города, которые за государемъ, королю уступить, а Луки Великія и другіе города, что король взялъ, пусть онъ уступить государю; а помирившись съ королемъ Стефаномъ, стать на Шведскаго, для чего тѣхъ городовъ, которые Шведскій взялъ, а также и Ревель, не писать въ перемирныя грамоты съ королемъ Стефаномъ». Уполномоченными для веденія переговоровъ назначены были князь Елецкій и печатникъ Алферьевъ; имъ данъ былъ наказъ держаться за Ливонію до послѣдней крайности; чтобъ склонить Поссевина на свою сторону, они должны были сказать ему: «Если государь нашъ уступить всю Ливонію и не будетъ у него пристаней морскихъ, то ему нельзя

будеть ссылаться съ папою, цесаремъ и другими поморскими государями, нельзя будетъ ему войти съ ними въ союзъ, противъ бусурманскихъ государей: какой же это миръ?» Послы должны были заключить перемиріе на 12 лѣтъ; если же Литовскіе послы никакъ не согласятся на перемиріе, то заключить вѣчный миръ.

Въ Декабрѣ 1581 года, въ деревнѣ Киверова Гора, въ 15 верстахъ отъ Запольскаго Яма, начались мирныя переговоры; со стороны короля уполномоченными были — Янушъ Збаражскій, князь Албрехтъ Радзивиль и секретарь великаго княжества Литовскаго, Гарабурда. Когда Московскіе послы начали требовать части Ливоніи, то паны отвѣчали имъ: «Что вы ни говорите, а государю нашему безъ Лиѳляндской земли не мѣрится; вы, какъ видно, присланы говорить, а не дѣлать; мы не хотимъ торговать Лиѳляндскою землею; намъ государь велѣлъ все окончить въ три дня, и потому вы съ нами говорите раньше, а намъ безо всей Лиѳляндской земли не мириться, ни одной пяди не уступимъ». Они, пишутъ послы, хотѣли разѣхаться и прервать переговоры; но Антоній ихъ уговаривалъ и ворочалъ не одинъ разъ. Заключили перемиріе на 10 лѣтъ, отъ 6 Января 1582 года, на условіяхъ, на которыя, какъ мы видѣли, рѣшился царь въ совѣтѣ съ сыномъ и боярами. Сдѣлавши главное дѣло, стали спорить о титулахъ и выраженіяхъ въ договорной грамотѣ. Московскіе послы хотѣли писать своего государя царемъ: Поссевинъ возражалъ, что король не можетъ дать ему этого титула безъ повелѣнія папы: «Уговорить пановъ и Антонія никакъ было нельзя» пишутъ послы: «Антоній стоитъ съ панами заодно». Вслѣдствіе чего, положили написать Іоанна царемъ, государемъ Лиѳляндскимъ и Смоленскимъ только въ Московской грамотѣ. Въ договорѣ упоминалось о Поссевинѣ, какъ послѣ папы Григорія XIII; Поссевинъ, услыжавъ это выраженіе: папы Григорія XIII, закричалъ съ сердцемъ: «Государь вашъ пишетъ папу какъ простаго попа, а цесарь и всѣ государи христіанскіе пишутъ папу намѣстникомъ Христовымъ и учителемъ всего христіанства».

Когда Московскіе послы хотѣли написать, что царь *уступаетъ* королю Курляндію и Ливонію, то Поссевинъ опять сталъ кричать: «Вы пришли воровать, а не посольствовать!» У Алферьева вырвалъ изъ рукъ грамоту, кинулъ ее въ двери, князя Елецкаго взялъ за воротникъ за шубу, перевернулъ, пуговицы оборвалъ, и кричалъ: «Подите отъ меня изъ избы вонъ, я съ вами не стану ничего говорить!» Послѣ этой сцены посламъ дали знать, чтобъ они собирались домой, что переговоры кончились; тогда они, по конечной неволѣ, согласились написать, что царь *уступаетъ* тѣ города въ Ливоніи, которые еще за нимъ, а не тѣ, которые уже завоеваны Поляками.

Узнавши о заключеніи перемирія, царь велѣлъ отпустить королевскаго гонца, который привезъ упомянутую бранчивую грамоту; сначала было этому гонцу дали отвѣтную грамоту также бранчивую; но теперь ее у него взяли и дали другую, въ которой царь писалъ: «Прислалъ ты къ намъ грамоту, и въ ней писалъ многія укорительныя и жестокія слова; слова бранныя между нами были прежде, а теперь между нами мирное постановленіе, и намъ государямъ великимъ о такихъ дѣлахъ бранныхъ, которыя гнѣвъ воздвигаютъ, писать неприлично». Въ Іюнь 1582 года пріѣхали въ Москву Литовскіе послы, князь Збаражскій съ товарищами, для подтвержденія перемірнаго договора, и вытребовали новое обязательство, чтобъ царь не воевалъ Эстоніи впродолженіи десяти лѣтъ. Приставивъ посольскимъ давался такой наказъ: «Если послы станутъ жалиться, что король у государя много городовъ взялъ и козевскіе люди землю государеву во многихъ мѣстахъ воевали, отвѣчь королю и его людямъ отъ государя встрѣчи не будь; то отвѣчать: вы на ту уступчивость не смотрите, сколько городовъ государь нашъ уступилъ Стефану королю въ своѣ вѣтчинѣ, въ Лифляндской землѣ; а вамъ этимъ хвастаться нечего, то дѣло Божіе, на одной мѣрѣ не стоитъ, а безмѣрна; и гордаго Богъ смиряетъ, на смиреннаго же призираетъ. Намъ объ этомъ теперь говорить ненадобно, то все въ Божьей рукѣ; намъ теперь о томъ говорить пригоже, чтобъ меж-

ду государями были братство и любовь и христіанству покой, а такое безмѣріе пригоже оставлять». Между-тѣмъ непріязненныя дѣйствія по границамъ продолжались: Витепскій воевода Паць поставилъ городъ въ Велижской волости на устьѣ рѣки Межи, на важномъ мѣстѣ, гдѣ искони шелъ водный путь изъ Смоленска и Бѣлой къ Лукамъ и Торопцу. Царь послалъ жаловаться на это королю, впрочемъ наказалъ послать: если король захочетъ разорвать миръ изъ за Велижской волости, то стоять за нее накрѣпко; но въ конечной неволѣ уступить всю Велижскую волость въ королевскую сторону. Король велѣлъ сломать городокъ, поставленный Пацомъ, и вообще принималъ Московскихъ пословъ очень ласково. Причиною тому были непріятности, встрѣченныя на сеймѣ, враждебныя столкновения съ Швеціею за Эстонію, наконецъ угрозы Крымскаго хана и султана, озлобленныхъ нападеніями Малороссійскихъ козаковъ. Антоній Поссевинъ, пріѣхавши въ Москву по заключеніи мира, говорилъ Іоанну: «Король Стефанъ велѣлъ тебѣ сказать, что онъ жаелетъ Московской землѣ прибытка, а не завладѣть ею хочеть: онъ хочеть, чтобъ всякимъ Московскимъ торговымъ людямъ былъ вольный проѣздъ чрезъ его земли, а Литовскимъ людямъ точно такъ же во всѣ Московскія земли, чтобъ оба государства всякими прибытками наполнились. Король Стефанъ хочеть идти на Перекопскаго, чтобъ тотъ впередъ христіанской крови не разливалъ говорить: Перекопскій съ обоихъ насъ, государей, беретъ деньги, а наши земли воуетъ безпрестанно. Стефанъ король пойдетъ на него съ одной стороны, а съ другой пошелъ бы на него государь Московскій или рать свою послалъ. Когда король пойдетъ самъ на Перекопскаго, то государь прислалъ бы къ нему въ обозъ челоуѣка добраго посмотрѣть, какъ онъ пойдетъ противъ Перекопскаго мстить за кровь христіанскую. А что мы теперь съ обѣихъ сторонъ даемъ Перекопскому деньги, то лучше эти деньги отдать своимъ людямъ и защититъ христіанство отъ бусурманъ. Королевскимъ бы людямъ ходить противъ Перекопскаго чрезъ государеву землю какъ по своей землѣ, а государевымъ людямъ ходить чрезъ

королевскую землю, по водѣ и по суху, какъ по своей землѣ, чтобъ между государями было все заодно. Король говорилъ также Антонію, что онъ, Стефанъ, на государствѣ пришлецъ, ни Полякъ, ни Литвинъ, родомъ Венгерецъ, пришелъ онъ на то, чтобъ правду и любовь сыскать, а христіанство освободить отъ бусурманъ, чтобъ при его государствованіи не было отъ Перекопскаго разлитія крови христіанской». Іоаннъ отвѣчалъ: «Намъ теперь нельзя послать рать свою на Перекопскаго, потому что наши люди истомились отъ войны съ королемъ Стефаномъ, да и потому, что послы наши писали изъ Крыма о мирѣ, который они заключили съ ханомъ. Мы не знаемъ еще, на какихъ условіяхъ заключенъ этотъ миръ, и если король хочетъ стоять съ нами заодно на бусурманъ, то онъ бы приказалъ объ этомъ съ своими послами».

Послѣ этого Поссевинъ сталъ просить позволенія говорить съ царемъ наединѣ о вѣрѣ; Іоаннъ отвѣчалъ: «Мы съ тобою говорить готовы, только не наединѣ: намъ безъ ближнихъ людей въ это время какъ быть? Да и то поразсуди: ты, по наказу наивышняго папы и своею службою, между нами и Стефаномъ королемъ мирное постановленіе заключилъ, и теперь между нами, да въ Богъ, христіанство въ покоѣ; а если мы станемъ говорить о вѣрѣ, то каждый по своей вѣрѣ ревнитель, каждый свою вѣру будетъ хвалить, пойдетъ споръ, и мы боимся, чтобъ отъ того вражда не воздвиглась.» Антоній настаивалъ, говорилъ, что брани быть не можетъ при разговорѣ о вѣрѣ: «Ты государь великій, а мнѣ, наименьшему вашему подданому, какъ бранныя слова говорить? Папа Григорій XIII, сопрестольникъ Петра и Павла, хочетъ съ тобою, великимъ государемъ, быть въ соединеніи вѣры, а вѣра Римская съ Греческою одна. Папа хочетъ, чтобъ во всемъ мірѣ была одна церковь: мы бы ходили въ Греческую, а Славяне Греческой вѣры приходили бы въ наши церкви. Если Греческія книги не сполна въ твоемъ государствѣ переведены, то у насъ есть подлинныя Греческія книги, Іоанна Златоустаго собственноручныя и другихъ великихъ святителей. Ты будешь съ па

пою, цесаремъ и со всеми государями въ любви, и будешь не только на прародительской вотчинѣ на Кіевѣ, но и въ Царьградѣ государемъ будешь; папа, цесарь и все государи о томъ будутъ стараться». Іоаннъ говорилъ: «Намъ съ вами не сойдется о вѣрѣ: наша вѣра христіанская съ издавнихъ лѣтъ была сама по себѣ, а Римская церковь сама по себѣ; мы въ христіанской вѣрѣ родились и Божіею благодатию дошли до совершеннаго возраста, намъ уже пятьдесятъ лѣтъ съ годомъ, намъ уже не для чего переимѣняться и на большое государство хотѣть; мы хотимъ въ будущемъ принять малое, а въ здѣшнемъ мірѣ и цѣлой вселенной не хотимъ, потому что это къ грѣху посползованіе; намъ мимо своей вѣры истинной, христіанской, другой вѣры хотѣть нечего. Ты говоришь, что ваша вѣра Римская съ Греческою одна: но мы держимъ вѣру истинную христіанскую, а не Греческую; Греческая слыветъ потому, что еще Пророкъ Давидъ пророчествовалъ: отъ Египція предварить рука ея къ Богу, а Египція все равно, что Византія, Византія же просіяла въ христіанствѣ, потому и Греческая слыветъ вѣра; а мы вѣру истинную христіанскую исповѣдуемъ, и съ нашею вѣрою христіанскою Римская вѣра во многомъ не сойдется; но мы объ этомъ говорить не хотимъ, чтобъ не было сопротивныхъ словъ. Да намъ на такое великое дѣло и дерзнуть нельзя безъ благословія отца нашего и богомольца митрополита и всего освященнаго собора. Ты, Антоній, хочешь говорить: но ты за тѣмъ отъ папы присланъ, и самъ ты попъ, такъ ты и смѣло говоришь».

Поссевинъ продолжалъ настаивать и увѣрять, что брани никакой не будетъ. Іоаннъ началъ опять говорить: «Мы о большихъ дѣлахъ говорить съ тобою не хотимъ, чтобъ тебѣ не было досадно; а вотъ малое дѣло, у тебя борода подсѣченная, а бороды подсѣкать и подбривать не велѣно не только попу, но и мірскимъ людямъ; ты въ Римской вѣрѣ попъ, а бороду сѣчешь: и ты намъ скажи, отъ кого ты это взялъ, изъ котораго ученья?» Поссевинъ отвѣчалъ, что онъ бороды ни сѣчетъ, ни брѣетъ. Іоаннъ продолжалъ: «Сказывалъ намъ нашъ царь-

богъ, который былъ посланъ въ Римъ, что папу Григорію отдасть на престолъ, а на саногъ у папы крестъ, и вотъ первое, въ чемъ нашей вѣрѣ христіанской съ Римскою будетъ различіе: въ нашей вѣрѣ крестъ Христовъ на враговъ победа, значаго, у насъ не водится крестъ ниже пояса носить». Поссевинъ отвѣчалъ: «Папу достойно величать: онъ глава христіанъ, учитель всѣхъ государей, сопредстольникъ апостола Петра, Христова сопредстольника. Вотъ и ты, государь великій, и прародитель твой былъ на Кіевѣ великій князь Владиміръ: онъ всѣхъ государей, какъ намъ не величать и не славить и отъ него не принадлеать». Тутъ Поссевинъ поклонился царю въ ноги низко. Но это не произвело благоприятнаго впечатлѣнія; Іоаннъ отвѣчалъ: «Говоришь про Григоріа папу слова хвастливымъ, что онъ сопредстольникъ Христу и Петру апостола, говоришь это мудрствуя о себѣ, а не по заповѣдямъ Господнимъ: вы же не нарицайтесь учителя и проч. Намъ пригоже почитать по царскому величеству, а святителямъ всѣмъ, апостольскимъ ученикамъ, должно смиренье показывать, а не возноситься явнѣе царей гордостію. Папа не Христосъ; престолъ, на которомъ его носятъ, не облако; тѣ, которые его носятъ, не ангелы; папѣ Григорію не слѣдуетъ Христу уподобляться и сопредстольникомъ ему быть, да и Петра апостола равнять Христу не слѣдуетъ же. Который папа по Христову ученію, по преданію апостоловъ и прежнихъ папъ — отъ Симвестра до Адріана — ходитъ, тотъ папа сопредстольникъ этимъ великимъ папамъ и апостоламъ; а который папа не по Христову ученію и не по апостольскому преданію станетъ жить, тотъ папа волкъ, а не пастырь». Поссевинъ сказалъ на это: «Если уже папа волкъ, то мнѣ нечего больше говорить», и замолчалъ.

Видя неудачу въ главномъ намѣреніи, іезуитъ хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, достигнуть двухъ цѣлей, могшикъ, по его мнѣнію, содѣйствовать мало по малу сближенію Русскихъ съ западною церковію: онъ настаивалъ, чтобъ католикамъ позволено было имѣть свою церковь въ Москвѣ, и чтобъ царь отпустилъ нѣсколько молодыхъ Русскихъ людей въ Римъ для изученія

Латвійскаго языка. Но и этого достигнуть не могъ; царь отвѣчалъ: «Теперь въ скорости такихъ людей собрать нельзя, которые бы къ этому дѣлу были годны; а какъ, дастъ Богъ, наши приказные люди такихъ людей наберутъ, то мы ихъ къ папѣ пришлемъ. А что ты говорилъ о Венеціанахъ, то имъ вольно пріѣзжать въ наше государство и попамъ ихъ съ ними, только бы они ученія своего между Русскими людьми не плодили и костеловъ не ставили: пусть каждый остается въ своей вѣрѣ; въ нашемъ государствѣ много разныхъ вѣрѣ; мы ни у кого воли не отымаемъ, живутъ всѣ по своей волѣ какъ кто захочетъ, а церковей иновѣрныхъ до сихъ поръ еще въ нашемъ государствѣ не ставливали». Посевинъ выѣхалъ изъ Москвы вмѣстѣ съ царскимъ гонцомъ; въ грамотѣ, отправленной къ папѣ, Іоаннъ писалъ: «Мы грамоту твою радостно приняли и любительно выслушали; посла твоего Антонія съ великою любовію приняли; мы хотимъ быть въ братствѣ съ тобою, цесаремъ и съ другими христіанскими государями, чтобъ христіанство было освобождено изъ рукъ мусульманскимъ и пребывало въ покоѣ. Когда ты обошлешься съ цесаремъ и со всѣми христіанскими государями и когда ваши послы у насъ будутъ, то мы велимъ своимъ боярамъ договоръ учинить какъ пригоже. Прислалъ ты къ намъ съ Антоніемъ книгу о Флорентійскомъ соборѣ, и мы ту книгу у посла твоего велѣли взять; а что ты писалъ къ намъ и посоль твой устно говорилъ намъ о вѣрѣ, то мы объ этомъ съ Антоніемъ говорили». Гонцу было наказано: «Если папа или его совѣтники стануть говорить: Государь вашъ папу назвалъ волкомъ и хищникомъ, то отвѣчать, что имъ слышать этого не случилось».

Мы видѣли, что Іоаннъ рѣшилъ на боярскомъ совѣтѣ помириться съ Баторіемъ для того, чтобъ свободнѣе можно было наступить на Шведа, отнять у него завоеванные имъ города и Ревель, слѣдовательно въ Эстоніи вознаградить себя за потерю Ливоніи. Русскія войска имѣли успѣхъ въ одномъ дѣлѣ съ Шведами, двукратный приступъ послѣднихъ къ Орѣшку былъ отбитъ; но когда въ началѣ 1583 года Делгарди при-

готовился опять вступить въ Русскія владѣнія, Новгородскіе воеводы предложили ему миръ; уполномоченные для переговоровъ съѣхались на рѣку Плюсу въ Маѣ мѣсяцѣ и заключили перемиріе только на два мѣсяца, потомъ съѣхались снова въ Августъ и заключили его на три года съ условіемъ, чтобъ у обоихъ государствъ осталось то, чѣмъ владѣли до сихъ поръ; вслѣдствіе этого за Шведами остались Русскіе города — Ямъ, Иванъ-городъ, Копорье. Это поспѣшное заключеніе перемирія со Шведами объясняютъ непрочностію перемирія съ Польшою и особенно опаснымъ возстаніемъ Луговой Черемисы въ Казанской области. Но, принимая въ соображеніе и эти причины, можно однако съ достовѣрностію положить, что главною причиною была потеря въ Иоаннѣ надежды получить какой-либо успѣхъ въ войнѣ съ Европейскими народами до тѣхъ поръ, пока Русскіе не сравняются съ ними въ искусствѣ ратномъ; защита Орѣшка не могла внушить царю надежды, что легко будетъ взять у Шведовъ Нарву и Ревель; притомъ онъ обязался уже передъ Баторіемъ не воевать Эстоніи.

Что Иоаннъ не оставлялъ мысли о возвращеніи прибалтійскихъ береговъ, но былъ убѣжденъ, что достигнуть этого можно было только въ союзѣ съ какимъ-нибудь Европейскимъ государствомъ, которое бы снабдило Россію плодами западнаго искусства — это всего яснѣе видно изъ переговоровъ Иоанна съ Елисаветою, королевою Англійскою. Переговоры эти имѣли двоякую цѣль — одну политическую, исканіе наступательнаго союза съ Англіею противъ Польши; другая цѣль была личная: Иоаннъ былъ въ это время женатъ (въ пятый или седьмой разъ!) на Маріи Нагой, и, несмотря на то, покорствуя требованіямъ своей испорченной природы, сватался на одной изъ родственницъ Елисаветы, оправдывая себя, вѣроятно, и тутъ необходимостію скрѣпить политической союзъ родственнымъ. Желая доставить своимъ купцамъ какъ можно болѣе выгодъ въ Московскомъ государствѣ, Елисавета оказывала Иоанну большія учтивости: приславши къ нему медика, Роберта Якоби, аптекарей и цирюльниковъ, Елисавета въ письмѣ своемъ старалась пока-

этой, самое важное пожертвование сделала она этимъ для царя, прислала, что Якоби нуменъ былъ ей самой, аптекарей же и царьдлинниковъ посекли неволею, сама себя ими оскудила. У этого Якоби Иоаннъ спросилъ, есть ли въ Англіи ему невѣсты, вдовы или дѣвѣцы? Якоби отвѣчалъ, что есть, именно Марія Гастингсъ, дочь графа Гонтингдонъ, племянница королевѣ по матери. Любопытно, что разспросить доктора о дѣлѣ, какъ тогда выражались, Иоаннъ поручилъ Богдану Бѣлвскому и Адашасію Назому, брату своей жены. Въ Августѣ 1682 года отправился въ Англію дворянинъ Федоръ Писемскій съ наказомъ договориться о союзѣ Россіи съ Англіею противъ Польши и начать дѣло о сватовствѣ; онъ долженъ былъ сказать Елизаветѣ отъ имени Иоанна: «Ты бы сестра наша любительная Елизавета королевна ту свою племянницу нашему послу Федору показать велѣла и нарисовъ бѣ ея (портретъ) къ намъ прислала на доскѣ и на бумагѣ для того: будетъ она пригодится къ нашему государскому чину, то мы съ тобою королевною то дѣло станемъ дѣлать какъ будетъ пригоже». Писемскій долженъ былъ взять портретъ и мѣру роста, рассмотреть хорошенько, породна ли невѣста, была или смугла, узнать, какихъ она лѣтъ, какъ приходится королевѣ въ родствѣ, кто ея отецъ, есть ли у нея братья и сестры? Если скажутъ, что Иоаннъ женатъ, то отвѣчать: «Государь нашъ по многимъ государствамъ посылалъ, чтобъ по себѣ прискаты невѣсту, да не случилось, и государь взялъ за себя въ своемъ государствѣ боярскую дочь, не по себѣ; и если королевнина племянница дородна и такого великаго дѣла достойна, то государь нашъ, свою отставя, сговорить за королевнину племянницу». Писемскій долженъ былъ объявить, что Марія должна принять Греческую вѣру, равно какъ тѣ бояре и боярыни, которые придутъ съ нею и захотятъ у государя жить на дворѣ; а которые не захотятъ креститься, тѣмъ на дворѣ жить нельзя; имъ волюно жить у государя въ его жалованьи; только некрещеннымъ жить у государя и у государыни на дворѣ ни въ какихъ чинахъ непригоже. Посолъ долженъ былъ объявить также, что

наследникомъ государства будетъ царевичъ Федоръ; а дѣти, которые родятся отъ Маріи, дамы будутъ удѣлы; а иначе дѣлу статья немая.

4 Ноября Писемскій представился королеви въ Виндзоръ; когда онъ отговорилъ свои рѣчи, то Елисавета съ веселомъ улыбкою отвѣчала: «Я брата своего и вашего государя братскою любовью и приязни рада и желаю, чтобъ великъ Богъ мнѣ брата своего, вашего государя, въ очи видѣть». Посоль сказалъ: «У вашего государя со многими царями и королями ссыма, а ни съ однимъ такой любви нѣтъ, какъ съ тобою, ты у него сестра любительная и любить онъ тебя не словомъ, а всею душою, въ правду». Елисавета: «Я брату своему на его любви челою бью, рада быть съ нимъ въ братской любви и докончаніи и на всѣхъ недруговъ стоять заодно. Земля ваша Русская и государство Московское по старому ли, и нѣтъ ли въ вашемъ государствѣ между людьми какого возненія (шатости)?» Посоль: «Земля наша и государство Московское, дакъ Богъ, по старому, а люди у государя нашего въ его твердой рукѣ; въ которыхъ людяхъ была шатость, и тѣ, вины свои узнавъ, бѣди государю челою, просили милости; государь ихъ свою милость показалъ, и теперь все люди государю служатъ прямо, а государь ихъ жалуетъ». Потомъ королева спросила у посла: какъ ему показалась Англійская земля? Писемскій отвѣчалъ: «Земля Англійская очень людна и угожа и всею изобильна».

Послѣ перваго приѣма прошло много времени; посоль началъ скучать. Когда вельможи отъ имени королевы предложили ему ѣхать охотиться на западныя острова, бить оленей, то онъ отвѣчалъ: «На королевниѣ жалованье много челою бью, а гулять ѣздить теперь негодится, потому: приязни мы отъ своего государя къ королевни по ихъ великимъ дѣламъ; мы у королевны на посольствѣ были, а государеву дѣлу до сихъ поръ и почину нѣтъ; да нынче же у насъ постъ, мяса мы не ѣдимъ; и намъ олеина къ чему пригодится?» Англичане отвѣчали: «Мы мясо ѣдимъ; а если не пойдете съ нами на охоту, то королевни будетъ на васъ досадно». Посоль поѣхалъ на острова.

Въ половинѣ Декабря, въ селѣ Гриничѣ, Писемскій имѣлъ первое совѣщаніе съ Англійскими министрами, объявилъ, что король Польскій, союзникъ папы и цесаря, враждуетъ съ царемъ, что Іоаннъ хочетъ заключить съ Елисаветою тѣсный союзъ, дабы имѣть однихъ друзей и враговъ, помогать другъ другу людьми, а гдѣ нельзя людьми, то казною, чтобъ королева велѣла пропускать къ государю снарядъ огнестрѣльный, доспѣхи, сѣру, нефть, мѣдь, олово, свинецъ, велѣла пропускать мастеровъ всякихъ, ратныхъ и руководѣльныхъ людей, а государь за это всякіе товары велитъ пропускать въ Англію безъ вывѣта. Англійскіе министры соглашались на союзъ, однако съ условіемъ, что прежде объявленія войны врагу царскому, королева будетъ стараться помирить его съ Іоанномъ; за это посредничество они требовали исключительной торговли. Писемскій отвѣчалъ: «Пусть совѣтники королевнины сами разсудятъ: можно ли Англійской землѣ пробить съ однимъ Русскимъ торгомъ, а съ другими землями не торговать и къ себѣ другихъ купцовъ не пускать ни съ какими товарами? но если Англійской землѣ съ однимъ Русскимъ торгомъ быть нельзя, то и Русскимъ людямъ объ одномъ Англійскомъ торгу пробить нельзя же». Положили для окончательныхъ переговоровъ отправить съ Писемскимъ въ Москву посла отъ королевы. За обѣдомъ послѣ переговоровъ министры сказали Писемскому: «Папа хвалится, что помирилъ царя съ Баторіемъ?» Послъ отвѣчалъ: «Воля папѣ, чтбъ хочетъ, то говорить заочно; а еслибы онъ государя нашего съ королемъ помирилъ, то государь бы нашъ Литовскаго короля себѣ недругомъ не называлъ».

Послѣ переговоровъ съ министрами, Писемскій повелѣлъ дѣло съ королевою о сватовствѣ. Елисавета отвѣчала ему: «Люба брата своего, вашего государя, я рада быть съ нимъ въ свойствѣ; но я слышала, что государь вашъ любить красивыхъ дѣвицъ, а моя племянница некрасива и государь вашъ наврядъ ее полюбитъ. Я государю вашему челомъ бью, что, любя меня, хочеть быть со мною въ свойствѣ; но мнѣ стыдно спи-

сать портретъ съ племянницы и послать его къ царю, потому что она некрасива, да и больна, лежала въ оспѣ, лице у нея теперь красное, ямоватое; какъ она теперь есть, нельзя съ нея списывать портрета, хотя давай мнѣ богатства всего свѣта». Писемскій согласился ждать нѣсколько мѣсяцевъ, пока Марія совершенно оправится. Между-тѣмъ въ Англіи узнали, что у царя отъ Маріи Нагой родился сынъ (Димитрій): Писемскій послалъ сказать министрамъ, чтобъ королева такимъ ссорнымъ рѣчамъ не вѣрила; лихіе люди ссорять, не хотятъ видѣть добраго дѣла между нею и государемъ. Наконецъ въ Маѣ мѣсяцѣ 1583 гѣда Писемскому показали невѣсту въ саду, для того, чтобъ посолъ могъ ее хорошенько разглядѣть на открытомъ мѣстѣ. Марія Гастингсъ, доносилъ Писемскій царю, ростомъ высока, тонка, лицомъ бѣла; глаза у нея сѣрые, волосы русые, носъ прямой, пальцы на рукахъ тонкіе и долгіе. Увидавши Писемскаго посла смотра, Елисавета опять сказала ему: «Думаю, что государь вашъ племянницы моей не полюбитъ: да и тебѣ, я думаю, она не понравилась?» Посолъ отвѣчалъ: «Мнѣ показалось, что племянница твоя красива; а вѣдь дѣло это становится судомъ Божиимъ».

Окончивъ дѣла, Писемскій отправился въ Россію съ грамотами отъ Елисаветы къ царю; королева изъявляла желаніе лично повидаться съ Іоанномъ, писала: «Наша воля и хотѣнье, чтобъ всѣ наши царства и области всегда были для тебя отворены; ты пріѣдешь къ своему истинному пріятелю и любимой сестрѣ». Вмѣстѣ съ Писемскимъ отправился въ Москву Англійскій посолъ Боусъ. Послѣдній принялъ на себя очень трудное и не-пріятное порученіе: онъ долженъ былъ помогать, чтобъ Англійскіе купцы получили право исключительной и безпош-линой торговли въ Россіи, и въ то же время долженъ былъ отклонить союзъ Елисаветы съ Іоанномъ противъ враговъ его, ибо союзъ этотъ не приносилъ никакой пользы, не имѣлъ смысла для Англіи, и потомъ отклонить бракъ царя на Марію Гастингсъ, потому что, несмотря на все желаніе пожилой дѣвушки пристроиться, невѣста была напугана извѣстіями о

характеръ ченика. Отсюда понятна недовольность Боуса и раздражительность, происходящая отъ затруднительности его положения.

Въ переговорахъ съ боярами Боусъ объявилъ, что королева еще не прежде можетъ начать войну съ врагомъ царскимъ, какъ испытавшійе помирить его съ царемъ. Бояре отвѣчали на это: «Этѣ условіе какъ написать въ договоръ? если обсылаешься съ недругомъ, то недругъ въ это время изготовится и какъ его изловчатъ, если онъ готовъ будетъ?» Боусъ возражалъ: «У насъ такъ не ведется, что не обославшись съ недругомъ, да идти на него ратью». Потомъ Боусъ началъ требовать исключительной торговли для Англичинъ; бояре отвѣчали: «Чтѣ это за любовь къ государю нашему отъ королевы Елисаветы, что всѣхъ государей хочетъ отогнать отъ нашей земли и ни одного гостя не хочетъ пропустить къ государю нашему въ его землю? отъ этого будетъ прибыль только одной королевы, а государю нашему убытокъ будетъ». Боусъ говорилъ: «Дорогу къ Бѣлому морю нашли гости нашей государыни, такъ они одни пусть и ходятъ этою дорогою». Бояре донесли о переговорахъ Иоанну, и тотъ велѣлъ писать въ грамоту: Елисавета должна послать къ Баторію съ требованіемъ, чтобъ онъ помирился съ царемъ, возвратилъ ему Полоцкъ и Ливонію; а не отдастъ, то пусть Елисавета рать свою на него пошлетъ. Боусъ, услышавши объ этомъ условіи, сказалъ: «Это дѣло новое, мнѣ съ ними къ королевѣ вхатъ нельзя, меня королева дуракомъ назоветъ». Царь соглашался, чтобъ одни Англичане вѣдали въ пристани Корельскую, Воргузскую, Мезенскую, Пелитскую и Шумскую; но Пудожерская останется для Испанскаго гостя, Ивана Бѣлоборода, а Колская для Французскихъ гостей. Посолъ говорилъ, что по прежней льготной грамотѣ одни Англичане входили во всѣ сѣверныя гавани; ему отвѣчали, что прежде у Московскаго государства было морское пристанище — Нарва; но Шведы стали этому пристанищу помѣшку дѣлать, и вмѣстѣ съ Шведскими плѣнными при этомъ поймали и Англійскіе наемные люди, за что первая и вторая

льготныя грамоты Англичанамъ уничтожены, а дана третья полегче; бояре говорили: «Вотъ теперь къ государю нашему прислалъ Французскій король къ морскому пристанищу къ Колъ, просить любви и братства; мы слышали, что Елисавета королева съ Французскимъ королемъ въ дружбѣ и съ Нидерландами тоже: такъ какъ намъ ихъ не пускать — самъ разсудитъ?» Боусъ на все отвѣчалъ одно: «Мнѣ ничего другаго говорить нельзя, чего мнѣ отъ королевны не наказано; пусть государь посылаетъ къ королевнѣ своихъ пословъ». Бояре продолжали: «Къ Пудожерскому устью пожаловалъ государь, велѣлъ приходить Испанской земли гостю изъ Антропа города (Антверпена) Ивану Бѣлороду: Иванъ Бѣлородъ и ходитъ и къ его царскому величеству всякіе узорочные многіе товары привозитъ». Боусъ говорилъ, что Англійскіе купцы государю служатъ больше другихъ; бояре отвѣчали на это, что Англійскіе гости начали воровать, съ недругами государевыми — Шведскимъ и Датскимъ ссылались грамотами, также посылаютъ въ свою землю грамоты укорительныя про Московскихъ людей и про государство, будто Московскіе люди ничего хорошаго не знаютъ и потому чтобъ присылали изъ Англіи товаръ худой и гнилой: Московскіе люди толку не знаютъ! сукна Англичане вывозятъ рядовыя, которыя старыхъ гораздо хуже. Боусъ отвѣчалъ: «Я въ сукнахъ толку не знаю; прежній гость Томасъ былъ точно воръ; а что вы говорили, что вмѣстѣ съ Шведами пойманы были и Англичане, то Англійскимъ воинскимъ людямъ вездѣ вольно наниматься». Приступили къ другимъ условіямъ: потерявши прибалтійскія области, царь хотѣлъ, чтобъ иностранные послы ѣздили къ нему чрезъ Англію, Сѣверный океанъ и Бѣлое море; Елисавета соглашалась, но требовала, чтобъ не проѣзжали въ Россію черезъ Англію папскіе послы, послы государей католическихъ и тѣхъ, которые съ нею не въ *докончани*; Іоаннъ уступалъ относительно папскихъ пословъ, но не хотѣлъ уступить относительно всѣхъ другихъ; бояре говорили: «Вѣра дружбѣ не помѣха: вотъ ваша государыня и не одной вѣры съ нашимъ государемъ, а государь нашъ хо-

четь быть съ нею въ любви и братствѣ мимо всѣхъ государей».

Наконецъ дѣло дошло до сватовства; на вопросъ Иоанна, согласна ли Елисавета выдать за него племянницу, Боусъ отвѣчалъ: «Племянница королевина княжна Марья, но грѣхамъ, больна; болѣзнь въ ней великая, да думаю, что и отъ своей вѣры она не откажется: вѣра вѣдь одна христіанская». Иоаннъ сказалъ на это: «Вижу, что ты прѣхалъ не дѣло дѣлать, а отказывать; мы больше съ тобою объ этомъ дѣлѣ и говорить не станемъ; дѣло это началось отъ задора доктора Роберта». Посолъ испугался неудовольствія Иоаннова, которое могло помѣшать главному для Англичанъ дѣлу, и потому началъ говорить: «Эта племянница королевнѣ всѣхъ племянницъ дальше въ родствѣ, да и некрасива, а есть у королевны дѣвицы съ десять ближе ея въ родствѣ». Царь спросилъ: «Кто же это такія?» Боусъ отвѣчалъ: «Мнѣ объ этомъ наказа нѣтъ, а безъ наказа я не могу объявить ихъ имена». — «Что же тебѣ наказано?» говорилъ царь: «включить договоръ какъ хочетъ Елисавета королевна намъ нельзя». Посла отпустили; онъ велѣлъ сказать чрезъ Якоби, что хочетъ говорить съ царемъ наединѣ; Иоаннъ велѣлъ позвать его къ себѣ и спросилъ, что онъ хочетъ сказать? Посолъ отвѣчалъ: «За мною приказа никакого нѣтъ, о чемъ ты, государь, спросишь, то королевна велѣла мнѣ слушать, да тѣ рѣчи ей сказать». Царь сказалъ ему на это: «Ты наши государскіе обычаи мало знаешь: такъ говорить можетъ посолъ только съ боярами, бодрѣ съ послами и спорять, кому напередъ говорить, а ты вѣдь не съ боярами говоришь; намъ съ тобою не спорить, кому напередъ говорить? вотъ еслибы ваша государыня къ намъ прѣехала, то она бы могла такъ говорить. Ты много говоришь, а къ дѣлу ничего не приговоришь. Говоришь одну, что тебѣ не наказано; а намъ вчера объявилъ докторъ Робертъ, что ты хотѣлъ съ нами говорить наединѣ: такъ говори, что ты хотѣлъ сказать!» Боусъ: «Я доктору этого не говорилъ; а у которыхъ государей я бывалъ въ послахъ прежде, у Французскаго и у другихъ

государей, и я съ ними говорилъ о всякихъ дѣлахъ наединѣ».

Іоаннъ: «Что съ тобою сестра наша наказала про сватовство, го ты и говори; а намъ не образецъ Французское государство; у насъ не водится, чтобъ намъ самимъ съ послами говорить».

Боусъ: «Я слышалъ, что государыня наша Елисавета королевна мимо всѣхъ государей хочетъ любовь держать къ тебѣ; а я тебѣ хочу служить и службу свою являть».

Іоаннъ: «Ты скажи именно, кто племянницы у королевны, дѣвицы, и я отправлю своего посла ихъ посмотришь и портреты снять».

Боусъ: «Я тебѣ въ этомъ службу свою покажу, и портреты самъ посмотрю, чтобъ прямо ихъ написали».

Не добившись ничего самъ отъ посла, Іоаннъ велѣлъ боярамъ продолжать съ нимъ переговоры; когда бояре спросивъ его опять, кто именно дѣвицы, родственницы Елисаветы? то посолъ, которому сильно наскучилъ этотъ вопросъ, отвѣчалъ: «Я про дѣвицъ передъ государемъ не говорилъ ничего»; когда же бояре уличили его въ заперательствѣ, то онъ сказалъ: «Я говорилъ о дѣвицахъ, только со мною объ этомъ приказу нѣтъ; государю я служить радъ, только еще коей службѣ время не пришло». И бояре должны были прервать разговоры о сватовствѣ; стали говорить о другомъ, чтобъ Елисавета велѣла пропустить чрезъ Англійскую землю царскаго гонца, отправляющагося къ Французскому королю Ренриху. Боусъ отвѣчалъ на это: «Половина Французской земли твоего короля отложила и била челомъ нашей государынѣ, которая и дала ей помощь; я гонца государева повезу, и думаю, что государыня наша его пропуститъ». Послѣ этого царь повзвалъ опять Боуса и спросилъ рѣшительно, какой же данъ ему наказъ? Боусъ отвѣчалъ, что ничего не наказано. Тогда Іоаннъ сказалъ ему: «Неученый ты человекъ! какъ къ намъ пришелъ, то посольскаго дѣла ничего не дѣлалъ. Намъ главные недруги Литовскій да Шведскій; а ты намъ рѣшительно не отвѣчаешь, станетъ ли королевна съ нами вмѣстѣ на этихъ недруговъ? говоришь одно, что она прежде хочетъ съ нами обсыматься, объявлять имъ объ этомъ; но вѣдь это значить

имъ на насъ вѣсть подавать! и по этому по первому намъ съ королевною быть въ дружбѣ нельзя. Говорилъ ты о морскихъ пристанищахъ, чтобъ къ нимъ прїѣзжали одни Англійскіе гости: но такую великую тягость какъ намъ на свою землю наложить? давать дань не было бы такъ убыточно. Вотъ и по другому намъ съ королевною быть въ дружбѣ нельзя, а вѣдь намъ у нея мира не выкупать стать. Говорилъ ты о сватовствѣ: одну дѣвицу исхулилъ, о другой ничего не сказалъ: но безымянно кто сватается?» вмѣсто отвѣта посолъ началъ жаловаться на дьяка Щелкалова, что кормъ ему даетъ дурной: вмѣсто куръ и барановъ даетъ ветчину, а онъ къ такой пищѣ не привыкъ. Царь велѣлъ изслѣдовать дѣло: дьяка Щелкалова удалили отъ сношеній съ посломъ; кормовщиковъ посадили въ тюрьму. Царь послалъ также боярина Богдана Бѣльскаго объясниться съ Боусомъ, почему онъ назвалъ его неученымъ, смягчить впечатлѣніе, которое должно было произвести на посла это слово; Боусъ, въ свою очередь, оправдывался, что ничѣмъ не заслужилъ гнѣва царскаго: говорилъ онъ только то, что ему приказано; о дѣвицѣ сказалъ онъ такъ, какъ она на самомъ дѣлѣ; о другихъ дѣвицахъ сказалъ, какъ ему приказала королевна говорить; въ условіяхъ договора воленъ Богъ да государь; если государь хочетъ съ королевною любви и кровной связи, то пусть отправляетъ еще пословъ въ Англію. Послѣ этого разговора царь опять позвалъ къ себѣ Боуса и объявилъ, что не можетъ согласиться на прошеніе королевны объ исключительной торговлѣ; что онъ дастъ Англичанамъ извѣстныя пристанища, но на Печору и на Обь пускать ихъ не можетъ: это страны дальнія, пристанищъ морскихъ тамъ нѣтъ; водятся тамъ соболы да кречеты, и только такіе дорогіе товары пойдутъ въ Англійскую землю, то нашему государству какъ безъ того быть? Боусъ отвѣчалъ: «Въ томъ воленъ Богъ да ты, государь, а королевнѣ будетъ это нелюбо; что же говоришь про соболей, то соболы въ наше государство нейдутъ, да и не носятъ ихъ никто». Іоаннъ продолжалъ: «Моя просьба о томъ, чтобъ королевна стояла заодно съ мною на Литовскаго, Шведскаго и

Датскаго; Литовскій и Шведскій мои главные недруги, а съ Датскимъ можно и помираться, тотъ мнѣ не самый недругъ». Боусъ отвѣчалъ: «Если дашь Англійскимъ гостямъ прежнюю грамоту, то королева будетъ съ тобою заодно на Литовскаго и Шведскаго, отправь къ ней за этимъ пословъ, которые вмѣстѣ и дѣвицъ посмотри». Иоаннъ велѣлъ спросить у посла: «Если государь всѣ морскія пристанища уступить Англичанамъ, то онъ напишетъ ли въ договорной грамотѣ, что королева будетъ съ государемъ на Литовскаго и Шведскаго заодно? Боусъ отказался за неимѣніемъ наказа, причемъ сказалъ: «Государь хочетъ, чтобъ королева была съ нимъ заодно на Литовскаго, чтобъ Ливонію взять; но королева набожна: она не взяла ни Нидерландовъ, ни Франціи, которыя ей отдавались; Ливонія изстари ли вотчина государева?» Иоаннъ оскорбился этимъ сомнѣніемъ въ справедливости его требованій, и отвѣчалъ, что онъ сестру свою, Елисавету королеву, не въ судьи просить между собою и Литовскимъ королемъ; хочетъ онъ того, чтобъ она была съ нимъ заодно противъ тѣхъ, которые его вотчину, Ливонскую землю, завоевали ¹⁰⁶.

На этомъ прекратились переговоры съ Англійскимъ посломъ; изъ нихъ мы видимъ, что Иоаннъ готовъ былъ уступить Англичанамъ право исключительной торговли, что, по его собственнымъ словамъ, было тяжело дано, лишь бы только приобрести дѣятельный союзъ Европейскаго государства противъ главныхъ своихъ недруговъ, отнявшихъ у него Ливонію. Понятно, что онъ искалъ союза и съ Австрійскомъ домомъ противъ Баторіи; но и въ этомъ исканіи онъ не имѣлъ никакого успѣха. Сынъ и наследникъ Максимилиана II-го, Рудольфъ II-й, прислалъ извѣстить царя о смерти отцовской ¹⁰⁷, изъявляя надежду, что Иоаннъ не убавитъ къ нему и двору Австрійскому того вѣрнаго, добраго, прямаго, родственнаго расположенія, какое оказывалъ къ Максимилиану; но тутъ же обращался съ просьбою, чтобъ царь не велѣлъ бѣдныхъ Ливонцевъ войною обижать. Царь отправилъ къ Рудольфу посланника Квашнина съ объявленіемъ, что хочетъ быть съ нимъ въ такомъ же братствѣ и любви,

какъ и съ отцемъ его, и стоять на всѣхъ недруговъ заодно. Рудольфъ отвѣчалъ: «Надѣмся, что мы съ вами будемъ въ любви; а до прѣзда нашихъ пословъ, вы бы на убогую Литовскую землю меча и огня не посылали». Когда война съ Баторіемъ приняла невыгодный оборотъ, царь, весной 1580 года, отправилъ къ Рудольфу съ гонцемъ грамоту, въ которой писалъ: «Послы твои, брата нашего дражайшаго и любезнѣйшаго, къ намъ до сихъ поръ, неизвѣстно почему, не бывали. Ты бы къ намъ отписалъ, для чего послы твои позамѣшались, и пословъ своихъ къ намъ отправилъ бы не мѣшкая, и договоръ бы съ нами утвердить велѣлъ, чтобъ стоять намъ на всякаго недруга заодно». Гонцу былъ данъ наказъ: Если спросятъ, какъ теперь царь съ Литовскимъ королемъ? отвѣчать: какъ я поѣхалъ отъ своего государя, гонецъ Литовскій былъ у него и отпущенъ въ Литву, а государя нашего гонецъ къ королю Стефану поѣхалъ; дѣла большихъ я не знаю, я паробокъ у государя своего молодой, большія дѣла между государей какъ мнѣ знать можно? — А если спросятъ про Полоцкъ, какимъ образомъ король Литовскій у государя вашего Полоцкъ взялъ? — то отвѣчать: были у государя послы Литовскіе и перемирье заключили на три года; и государь нашъ, на то оплошась, большихъ прибылыхъ людей въ Полоцкъ не держалъ: если крестное цѣлованье не крѣпость, то чему вѣрить? Король къ Полоцку пришелъ нечаянно, черезъ крестное цѣлованіе, да и взялъ; но кто черезъ правду и крестное цѣлованіе что сдѣлаетъ, когда крѣпко бываетъ?» Въ Августѣ того же года, когда Баторій подошелъ къ Лукамъ, царь послалъ новаго гонца къ императору и въ грамотѣ писалъ: «Послы твои, брата нашего дражайшаго и любезнѣйшаго, къ намъ до сихъ поръ, неизвѣстно по какому случаю, не бывали. А Стефанъ Баторій, воевода Седмиградскій, теперь на коронѣ Польской и на великомъ княжествѣ Литовскомъ укрѣпился по присылкѣ султана Турецкаго и, сложась съ нимъ и съ другими мусульманскими государями вмѣстѣ, кровь христіанскую разливаетъ и впередъ разливать хочетъ. А стоять всѣ мусульманскіе государи и посаженники Ту-

решиаго султана Стефанъ Баторіѣ на наше государство и на насъ за то, что мы съ твоимъ отцомъ и съ тобою пересылались, желали весть христіанскиѣмъ государямъ прибытка, хотѣли, чтобъ кромѣ насъ никто въ Польшѣ и Литвѣ государемъ не былъ. И ты бы, братъ нашъ, намъ противъ нихъ способствовалъ и братскую любовь съ нами утвердилъ; а къ Стефану королю отписалъ бы о такомъ его безмѣрствѣ и о разлитіи крови христіанской и о слядкѣ съ Султаномъ Турецкимъ, чтобъ Стефанъ король такихъ дѣлъ впередъ не дѣлалъ. — Писали къ намъ изъ Любека бурмистры и ратманы, что ты не велѣлъ въ наше государство возить на корабляхъ товары разные, мѣдъ, свинецъ и олово: не желая ли насъ съ тобою посеорить, распускаютъ такіе слухи? ибо я никакъ не думаю, чтобъ ты такой приказъ далъ». Рудольфъ отвѣчалъ съ первымъ гонцомъ: «До сихъ поръ мы все прилежно помышляли, какъ бы отправить къ вамъ пословъ для убогихъ Лифляндцевъ; но люди, которые были для этого посольства назначены, одни померли, а другіе больны. А Ливонская земля принадлежитъ священной Римской имперіи; въ нынѣшнемъ вѣдѣмъ письмо о ней ни слова не сказано». Императорскіе придворные утѣшали Московскаго гонца тѣмъ, что Баторію скоро нечего будетъ платить своимъ наемнымъ войскамъ ¹⁰⁸. Съ другимъ гонцомъ Рудольфъ отвѣчалъ: «Послы не отправлены потому, что еще не было содѣланія съ имперскими чинами на-счетъ Ливоніи, которая принадлежитъ имперіи; царь покажетъ свою дружбу къ имперскимъ чинамъ, если не будетъ вступаться въ остальные Ливонскіе города; возить въ Московское государство мѣдъ, свинецъ и олово онъ, Рудольфъ, не запрещалъ; а запрещенъ вывозъ изъ имперіи оружія и всего относящагося къ ратному дѣлу еще при императорѣ Карлѣ V-мъ, и потомъ это запрещеніе подтверждено при императорѣ Максимиліанѣ II-мъ: и ваша бы любовь себя то поразумѣли, меня въ этомъ любительно очистили и на меня не сердились». По окончаніи войны съ Баторіемъ царь вывѣсть съ Поссевиномъ отправилъ одного посланника,

Якова Мовянинова, и къ папѣ, и къ императору; въ грамотѣ къ послѣднему изъявлялъ готовность приступить къ союзу христіанскихъ государей противъ мусульманскихъ, для чего императоръ и всѣ союзники должны отправить пословъ въ Москву; и такъ какъ дѣло идетъ о союзѣ всѣхъ христіанскихъ государей, то императоръ долженъ отмѣнить запрещеніе вывозить оружіе въ Московское государство.

Мы видѣли, что Іоаннъ, въ разговорѣ съ Англійскимъ посломъ, называлъ и Датскаго короля Фридриха своимъ недругомъ. Въ 1578 году послѣдній прислалъ въ Москву Якова Ульфельда рѣшить дѣло объ Эстоніи, на часть которой Данія предъявляла свои права ¹⁰⁹. Но царь не хотѣлъ признать этихъ правъ, и Ульфельдъ принужденъ былъ заключить пятнадцатилѣтнее перемиріе на слѣдующихъ условіяхъ: король призналъ права Іоанна на всю Ливонію и Курляндію, за что царь уступалъ ему островъ Эзель; король обязался не помогать Польшѣ и Швеціи въ войнѣ ихъ съ Московскимъ государствомъ; обязался не задерживать Нѣмецкихъ художниковъ, которые поѣдутъ въ Москву чрезъ его владѣнія. Фридрихъ не былъ доволенъ этимъ договоромъ, осердился на Ульфельда, и началъ обнаруживать вражду свою къ Москвѣ тѣмъ, что требовалъ пошлинъ съ Англійскихъ купцовъ на пути ихъ къ Бѣлому морю, объявлялъ свои притязанія на нѣкоторыя пограничныя съ Норвегіею мѣста.

Мы видѣли также, какъ Московскія силы въ войнѣ съ Баторіемъ развлекались постояннымъ опасеніемъ Крымскихъ нашествій. Тщетно посолъ Московскій оказывалъ учтивости хану, билъ ему челомъ, обѣщавъ ежегодные подарки: ханъ безъ Астрахани не хотѣлъ давать шерти ¹¹⁰; и если не было слышно о Крымцахъ во все продолженіе войны съ Баторіемъ, то этимъ Москва обязана была войнѣ Турокъ съ Персами, въ которой и ханъ долженъ былъ участвовать. Истомленный этою войною ханъ могъ вредить Москвѣ только поджигая волненія между Черемисами. «Тридцать одинъ годъ прошелъ отъ покоренія

Казани — говоритъ летописецъ — и оканнные бусурманы не захотѣли жить подъ государевою рукою, воздвигли рать, плѣнили много городовъ. Царь, видя ихъ суровость, послалъ въ Казань бояръ и воеводъ съ приказомъ плѣнить ихъ. Но поганые, какъ звѣри дикіе, сопротивлялись рати Московской, побивали Московскихъ людей то на станахъ, то на походахъ, бояре и воеводы не могли ихъ усмирить ¹¹¹».

ГЛАВА VII.

СТРОГАНОВЫ И ЕРМАКЪ.

Первыя сношенія съ Сибирью. Непрочность ея зависимости отъ Москвы. Первыя извѣстія о Строгановыхъ. Григорій Строгановъ получаетъ земли по Камѣ и строитъ городки. Строгановы получаютъ право заводить селенія и за Уральскими горами. Усиленіе козачества на Дону. Враждебныя столкновенія его съ государствомъ. Козацкій атаманъ Ермакъ у Строгановыхъ и отправляется ими за Уральскія горы. Гнѣвъ царскій на Строгановыхъ за это. Успѣшныя дѣйствія Ермака въ Сибири. Онъ извѣщаетъ объ нихъ Іоанна. Отправленіе царскихъ воеводъ для принятія Сибирскихъ городовъ у козаковъ. Преждевременная дряхлость Іоанна; причины ея. Браки царскіе. Убіеніе сына. Болѣзнь и смерть Іоанна. Объясненіе его характера и дѣятельности.

Въ то время, какъ на средней Волгѣ и нижней Камѣ дикіе народцы дѣлали послѣднія, отчаянныя усилія, чтобъ высвободиться изъ подъ Русскаго подданства; въ то время, какъ на западѣ Польша и Швеція, благодаря личнымъ достоинствамъ Баторія, успѣли соединенными силами оттолкнуть Московское государство отъ моря, успѣли отнять у него возможность ближайшаго, непосредственнаго сообщенія съ западною Европою, возможность пользоваться плодами ея образованности, необходимыми для скорѣйшаго и окончательнаго торжества надъ Азією — въ то время движеніе Русскаго народонаселенія на сѣверовостокъ не только не прекращалось, но усиливалось все

болѣе и болѣе, и Русскій человекъ перешелъ наконецъ черезъ Уральскія горы.

Мы видѣли, какъ послѣ завоеванія Казани князья Ногайскіе сами предложили Московскому царю овладѣть Астраханью, какъ потомъ мелкіе владѣльцы прикавказскіе стали обращаться въ Москву съ просьбою о помощи другъ противъ друга, просились въ подданство, чтобъ имѣть сильнаго покровителя и надежную помощь. Точно такъ же поступилъ и владѣлецъ Сибири, Татарскаго юрта, лежавшаго въ срединѣ нынѣшней Тобольской губерніи, юрта, очень незначительнаго самого по себѣ, но значительнаго въ той пустынной странѣ, гдѣ на громаднѣхъ пространствахъ рѣдко разбросаны были малочисленные рѣды равноплеменныхъ и разнообычныхъ жителей. Въ Генварѣ 1555 года пришли, говорить летопись, послы къ царю отъ Сибирскаго князя Едигера и отъ всей земли Сибирской, поздравили государя съ царствомъ Казанскимъ и Астраханскимъ, и были челомъ, чтобъ государь князя ихъ и всю землю Сибирскую взялъ въ свое имя и отъ всѣхъ непріятелей заступилъ, дань свою на нихъ положилъ и человека своего прислалъ, кому дань собирать. Государь пожаловалъ, взялъ князя Сибирскаго и всю землю въ свою волю и подъ свою руку и дань на нихъ положить велѣлъ; послы обязались за князя и за всю землю, что будутъ давать съ каждаго чернаго человека по соболю и по бѣлкѣ Сибирской, а черныхъ людей у себя сказали 30,700 человекъ. Царь отправилъ въ Сибирь посла и *дорогу* (сборщика дани), Дмитрія Курова, который возвратился въ Москву въ концѣ 1556 года вмѣстѣ въ Сибирскимъ посломъ Бояндою. Дани Едигерь прислалъ только 700 соболей, объ остальной же посолъ объявилъ, что воевалъ ихъ Шибанскій царевичъ и взялъ въ плѣнъ много людей, отчего и мѣховъ собрать не съ кого. Но Куровъ говорилъ, что дань было можно собрать сполна, да не захотѣли, вслѣдствіе чего царь положилъ опалу на Боянду, велѣлъ взять у него все имѣніе, самого посадить подъ стражу, а въ Сибирь отправилъ служивыхъ Татаръ съ грамотою, чтобъ во всемъ исправилась. Въ Сентябрѣ 1557 года посланные Та-

тары возвратились съ новыми послами Сибирскими, которые привезли 1,000 соболей, да *дорожкой* пошлины 106 соболей за бѣлку; привезли и грамоту шертную съ княжею печатью, въ которой Едигеръ обязывался быть у царя въ холодствѣ и платить каждый годъ всю дань безпереводно¹¹². Но такая зависимость Сибирскаго юрта отъ Москвы была непрочно: Едигеръ поддался съ цѣлю имѣть помощь отъ Русскаго царя противъ своихъ недруговъ, или, по крайней мѣрѣ, сдерживать ихъ страхомъ предъ могущественнымъ покровителемъ своимъ; но помощь трудно было получить ему по самому отдаленію его владѣній отъ областей Московскихъ, и та же отдаленность отнимала страхъ у враговъ его, которые надѣялись безнаказанно овладѣть Сибирскимъ юртомъ, и потомъ, въ случаѣ нужды, умилостивить Московскаго царя обязательствомъ платить ему такую же дань, къкую платилъ прежній князь. Въ Сибири понимали хорошо свое положеніе, характеръ отношеній своихъ къ Москвѣ; такъ Сибирскій князь говорилъ одному изъ Русскихъ людей: «Теперь собираю дань, къ господарю вашему пословъ отправляю; теперь у меня война съ Козацкимъ царемъ (Киргизъ-Кайсацкимъ); одолѣетъ меня царь Козацкій, сядетъ на Сибири: но и онъ господарю дань станетъ же давать»¹¹³. Дѣйствительно, мы видимъ въ Сибири перемѣны: князья изгоняютъ, губятъ другъ друга¹¹⁴; Москва, не принимая никакого участія въ этихъ перемѣнахъ, требуетъ одного — дани; князья то соглашались платить ее, то отказывались, надѣясь на безнаказанность вслѣдствіе той же отдаленности; такъ послѣдній князь или царь, утвердившійся въ Сибири, Кучюмъ, обязался было платить дань Іоанну, а потомъ убилъ Московскаго посла. Прочное подданство Зауралья Москвѣ могло утвердиться только вслѣдствіе извѣстнаго движенія Русскаго народонаселенія на сѣверовостокъ, когда Русскіе промышленные люди приблизили свои селища къ Каменному Поясу и потомъ задумали перейти и чере зъ него.

Въ исторіи этого движенія на сѣверовостокъ, въ исторіи колонизаціи сѣверовосточной Европы съ важнымъ значеніемъ

является родъ Строгановыхъ. Мы видѣли, какъ ошибочно было такъ долго господствовавшее у насъ мнѣніе, что вся обширная область, извѣстная подъ именемъ Двинской земли, принадлежала Новгороду Великому; мы видѣли, что здѣсь съ Новгородскими владѣніями были перемѣшаны владѣнія Ростовскихъ, а потомъ Московскихъ князей ¹¹⁵. Отъ второй половины XV-го вѣка, когда Іоаннъ III получилъ возможность раздѣлиться съ Новгородцами въ Двинской землѣ, отобрать отъ нихъ земли, принадлежавшія прежде ему и Ростовскимъ князьямъ, дошла до насъ выпись изъ судейскихъ списковъ о Двинскихъ земляхъ, гдѣ обозначены отобранныя у Новгородцевъ земли, какъ принадлежавшія Ростовскимъ князьямъ, такъ и великому князю Московскому. При исчисленіи этихъ земель говорится, что ихъ искали такіе-то люди на такихъ-то Новгородцахъ, несправедливо эти земли захватившихъ; при исчисленіи земель, долженствующихъ принадлежать Московскому великому князю, говорится, что искалъ ихъ на Новгородцахъ Лука Строгановъ; также при исчисленіи нѣкоторыхъ земель, принадлежавшихъ князю Константину Владиміровичу Ростовскому, истцемъ обозначенъ тотъ же Лука Строгановъ. Искалъ ли Строгановъ этихъ земель потому, что онѣ находились у него въ оброчномъ содержаніи, или потому, что былъ уполномоченъ искать ихъ отъ князей Московскаго и Ростовскаго, какъ извѣстный, богатый, искусный въ дѣлахъ и знающій старину уроженецъ тѣхъ странъ — изъ приведеннаго акта рѣшить нельзя: мы видимъ, что земли Ростовскихъ князей, кромѣ Строганова, отыскиваются разными лицами, между прочимъ Ѳедоромъ Василисовымъ, старостой Вельскимъ и Пѣженскимъ; искалъ этотъ Ѳедоръ на троихъ Новгородцахъ, которые отвѣчали вмѣсто владыки Іоны; следовательно и Строгановъ съ товарищами могъ искать вмѣсто князей Московскаго и Ростовскихъ ¹¹⁶. На богатство Строгановыхъ при Василии Темномъ есть любопытное указаніе въ грамотѣ царя Василія Іоанновича Шуйскаго, который, уговаривая въ 1610 году Строгановыхъ ссудить его значительною суммою денегъ, пишетъ къ нимъ: «Припомните, когда вы въ прежнія

время выкупили изъ плѣна великаго князя Василя Васильевича, какой великой чести сподобились?»¹¹⁷ Мы видѣли, какъ охотно князья уступали обширные земельные участки людямъ, бравшимся населить ихъ, какія льготы давали этимъ населителямъ: освобожденіе на вѣсколько лѣтъ отъ всѣхъ податей, издержекъ на проѣзжихъ чиновниковъ, право суда надъ поселенными людьми кромѣ душегубства и суда смѣснаго¹¹⁸ и т. п. Строгановы, по своимъ обширнымъ средствамъ, являются главными населителями пустынныхъ земель на сѣверо-востокѣ: при великомъ князѣ Василии Іоанновичѣ внуки упомянутаго Луки Строганова получили право населить пустынный участокъ въ Устюжскомъ уѣздѣ, въ Вондокурской волости¹¹⁹. Въ царствованіе Іоанна IV-го Строгановы обратили свою промышленную дѣятельность далѣе на востокъ, въ область Камы: въ 1558 году Григорій Аникіевъ Строгановъ билъ царю челомъ и сказывалъ: въ осьмидесяти-осьми верстахъ ниже Великой Перми, по рѣкѣ Камѣ, по обѣ ея стороны, до рѣки Чусовой, лежатъ мѣста пустыя, лѣса черныя, рѣчки и озера дикія, острова и наволоки пустыя, и всего пустаго мѣста здѣсь сто сорокъ шесть верстъ; до сихъ поръ на этомъ мѣстѣ пашни не пахиваны, дворы не ставили и въ царскую казну повинна никакая не бывала, и теперь эти земли не отданы никому, въ писцовыхъ книгахъ, въ купчихъ и правяжныхъ не написаны ни у кого. Григорій Строгановъ билъ челомъ, что хочетъ на этомъ мѣстѣ городокъ поставить, городъ пушками и пиццальями снабдить, пушкарей, пиццальниковъ и воротниковъ прибрать, для береженья отъ Ногайскихъ людей и отъ иныхъ ордъ, по рѣчкамъ до самыхъ вершинъ и по озерамъ лѣсъ рубить, расчистя мѣсто, пашню пахать, дворы ставить, людей называть неписменныхъ и нетяглыхъ, рассолу искать, а гдѣ найдется рассолъ, варницы ставить и соль варить. — Царскіе казначеи разспрашивали про это мѣсто Пермича Кодаула, который пріѣзжалъ изъ Перми съ данью, и Кодауль сказалъ, что эти мѣста искони вѣчно лежатъ впускъ, и доходу съ нихъ нѣтъ никакого, и у Пермичей тамъ нѣтъ угодій никакихъ.

Тогда царь Григорій Строганова пожаловалъ, отдавъ ему эти земли съ тѣмъ, чтобъ онъ изъ другихъ городовъ людей тяглыхъ и писменныхъ къ себѣ не называлъ и не принималъ; также чтобъ не принималъ воровъ, людей боярскихъ, бѣглыхъ съ крѣпостемъ, татей и разбойниковъ; если придутъ къ нему изъ другихъ городовъ люди тяглые съ женами и дѣтьми, а наместники, волостели или выборные головы стануть требовать ихъ назадъ, то Григорій обязанъ высылать ихъ на прежнія мѣста жительства. Купцы, которые придутъ въ городокъ, построенный Строгановымъ, торгуютъ въ немъ беспошлинно; варницы ставить, соль варить, по рѣкамъ и озерамъ рыбу ловить Строгановъ безбродно; а гдѣ найдетъ руду серебряную, или мѣдную, или оловянную, то даетъ знать объ этомъ царскимъ казначеямъ, а самому ему тѣхъ рудъ не разрабатывать безъ царскаго вѣдома. Льготы Строганову дано на двадцать лѣтъ: казіе неписменные и нетяглые люди придутъ къ нему жить въ городъ и на посадъ и около города на пашни, на деревни и на починки, съ тѣхъ, впродолженіе двадцати лѣтъ, не надобно никакой дани, ни ямскихъ и селитряныхъ денегъ, ни поешной службы, ни городского дѣла, ни другой какой-либо подати, ни оброка съ соли и рыбныхъ ловель въ тѣхъ мѣстахъ. Которые люди поѣдутъ мимо того городка, изъ Московскаго ли государства, или изъ иныхъ земель, съ товарами или безъ товару, съ тѣхъ пошлины не брать никакой, торгуютъ ли они тутъ или не торгуютъ; но если самъ Строгановъ повезетъ или пошлетъ соль или рыбу по другимъ городамъ, то ему съ соли и съ рыбы всякую пошлину давать, какъ съ другихъ торговыхъ людей пошлины берутся. Поселившихся у Строганова людей Пермскіе наместники и тиуны ихъ не судятъ ни въ чемъ, праветчики и доводчики въ его городекъ и деревни не вызываютъ ни зачѣмъ, на поруки его людей не даютъ и не присылаютъ къ нимъ ни зачѣмъ: вѣдаетъ и судитъ своихъ слобожанъ самъ Григорій Строгановъ во всемъ. Если же людямъ изъ другихъ городовъ будетъ дѣло до Строганова, то они въ Москвѣ берутъ управныя грамоты, и по этимъ грамотамъ

истцы и отвѣтчики безъ приставовъ становятся въ Москвѣ передъ царскими казначеями на Благовѣщенъевъ день. Когда урочные двадцать лѣтъ отойдутъ, Григорій Строгановъ обязанъ будетъ возить всѣ подати въ царскую казну въ Москву на Благовѣщенъевъ день. Если царскіе послы поѣдутъ изъ Москвы въ Сибирь и обратно, или изъ Казани въ Пермь и обратно, мимо новаго городка, то Строганову и его слобожанамъ подвоя, проводниковъ и корму посланникамъ въ продолженіе двадцати льготныхъ лѣтъ не давать; хлѣбъ, соль и всякій запасъ торговые люди въ городѣ держать, и посламъ, гонцамъ, проѣзжимъ и дорожнымъ людямъ продаютъ по цѣнѣ, какъ между собою покупаютъ и продаютъ; также проѣзжіе люди нанимаютъ полюбовно подводы, суда, гребцовъ и кормщицковъ. До урочныхъ двадцати лѣтъ Строгановъ съ Пермичами никакого тягла не тянетъ и счету съ ними не держитъ ни въ чемъ. Если же окажется, что Григорій Строгановъ билъ царю челомъ ложно, или станетъ онъ не по этой грамотѣ ходить, или станетъ противозаконно поступать (воровать), то эта грамота не въ грамоту.

Такимъ образомъ грамота, которою давалось право на заселеніе пустынныхъ прикамскихъ пространствъ, будучи сходна вообще съ грамотами, которыя давались населителямъ пустынныхъ пространствъ во всѣхъ частяхъ государства, должна была и различаться отъ нихъ: прикамская сторона была украина, на которую нападали дикіе зауральскіе и приуральскіе народы; правительство не могло защищать отъ нихъ насельника, онъ долженъ былъ защищаться самъ, своими средствами, долженъ былъ строить городки или острожки, снабжать ихъ нарядомъ (артиллерією), содержать ратныхъ людей. Понятно, что къ этому могли быть способны только насельники, обладавшіе обширными средствами: отсюда уясняется важное значеніе Строгановыхъ, которые одни, по своимъ средствамъ, могли заселить прикамскую страну, приблизить Русскія селища къ Уралу и чрезъ это дать возможность распространить ихъ и за Уралъ. Понятно также, что Строгановы могли совершить этотъ

подвигъ на пользу Россіи и гражданственности не вслѣдствіе только своихъ обширныхъ матеріальныхъ средствъ: нужна была необыкновенная смѣлость, энергія, ловкость, чтобъ завести поселенія въ пустынной странѣ, подверженной нападеніямъ дикарей, пахать пашни и рассользъ искать съ ружьемъ въ рукъ, слѣлать вызовъ дикарю, раздражить его, положивши предъ его глазами основы гражданственности мирными промыслами.

Для наряда, для пушекъ и пицалей въ своемъ новомъ городкѣ Строгановъ нуждался въ селитрѣ: царь, по его челобитной, позволилъ ему на Вычегодскомъ посадѣ и въ Усольскомъ увздѣ сварить селитры, но не больше тридцати пудовъ; причемъ писалъ старостамъ тѣхъ мѣстъ: «Берегите накрѣпко, чтобъ при этой селитряной варкѣ отъ Григорія Строганова крестьянамъ обидѣ не было ни подѣ какимъ видомъ, чтобъ на дворахъ изъ подѣ избѣ и хоромъ онѣ у васъ сору и земли не копалъ и хоромъ не портилъ; да берегите накрѣпко, чтобъ онѣ селитры не продавалъ никому»¹³⁰. Строгановъ построилъ городокъ, назвалъ его Канкоромъ; но черезъ пять лѣтъ одного городка оказалось мало: въ 1564 году Строгановъ билъ челомъ, чтобъ царь позволилъ ему поставить другой городокъ, въ двадцати верстахъ отъ Канкора: нашли тутъ рассользъ, варницы ставять и соль варить хотять, но безъ городка люди жить не смѣють, и слухъ дошелъ отъ плѣнниковъ и отъ Вогуличей, что хвалятся Сибирскій саатанъ и Шибаны идти на Пермь войною, а прежде они Соликамскъ дважды брали. Царь исполнилъ и эту просьбу, и явился новый городокъ — Кергеданъ съ стѣнами въ тридцать сажень, а съ приступной стороны, для низкаго мѣста, закладенъ онѣ былъ, вмѣсто глины, камнемъ. Въ 1566 году братъ Григорія, Яковъ, отъ имени отца своего, Анкиія Федорова, билъ челомъ, чтобъ государь пожаловалъ ваялъ ихъ городки Канкоръ и Кергеданъ и всѣ ихъ промыслы къ опричнину: и эта просьба была исполнена. Въ 1568 году тотъ же Яковъ билъ челомъ, чтобъ додано было ему земли еще на двадцать верстъ къ прежнему пожалованію, притѣмъ также

обязывался построить крепости на свой счет съ городскими нарядами скорострѣльнымъ: земля была ему дана съ такими же условіями, какъ и прежняя; но поселенцы освобождались отъ податей только на 10 лѣтъ.

До 1572 года въ прикамскихъ областяхъ все было тихо; но въ этомъ году Пермскій воевода донесъ царю, что сорокъ челоувѣкъ возмущившихся Черемисъ, вмѣстѣ съ Остяками, Башкирами и Буинцами, приходили войною на Каму, побили здѣсь Пермичей, торговыхъ людей и ватажниковъ 87 челоувѣкъ. Иоаннъ, по этимъ вѣстямъ, послалъ Строгановымъ грамоту, въ которой писалъ: «Вы бы жили съ великимъ береженьемъ, выбрали у себя голову добраго, да съ нимъ охочихъ козаковъ, сколько приберется, съ всякимъ оружіемъ, ружьями и саадаками; велѣли бы прибрать также Остяковъ и Вогуличей, которые намъ пріять, а женамъ и дѣтямъ ихъ велѣли бы жить въ острогѣ. Этихъ головъ съ охочими людьми, стрѣльцами, козаками, Остяками и Вогуличами посылайте войною ходить и воевать нашихъ измѣнниковъ, Черемису, Остяковъ, Вотяковъ, Ногаевъ, которые намъ измѣнили. А которые будутъ Черемисы или Остяки добрые, захотятъ къ своимъ товарищамъ приказывать, чтобъ они отъ воровъ отстали и намъ пріямили, такихъ вы не убивайте и берегите ихъ, и мы ихъ пожалуемъ; а которые прежде воровали, а теперь захотятъ намъ пріять и правду свою покажутъ, такимъ велите говорить наше жалованное слово, что мы ихъ не накажемъ и во всемъ облегчимъ, пусть только собираются и вмѣстѣ съ охочими людьми ходить воевать нашихъ измѣнниковъ, и которыхъ повоюютъ, тѣхъ имѣніе, женъ и дѣтей пусть берутъ себѣ, и вы бы у нихъ этого имѣнія и плѣнниковъ отнимать никому не велѣли». Строгановы исполнили приказъ: выбранный ими голова съ охочими людьми ходилъ на государевыхъ измѣнниковъ, однихъ побилъ, другихъ привелъ къ шерти, что будутъ впередъ пріять государю.

Утвердившись по сю сторону Урала, Строгановы естественно должны были обратить вниманіе и на земли зауральскія, обѣщавшія имъ еще болѣе выгодъ, чѣмъ страны прикам-

скія. Случай въ испрошеніи себѣ права на отысканіе *мѣстъ земли* за Ураломъ скоро представился Строгановымъ: новый Сибирскій салтанъ Кучюмъ дѣйствовалъ враждебно противъ Московскаго государства: билъ, бралъ въ плѣнь Остяковъ, платившихъ дань въ Москву; въ Іюль 1573 года Сибирскій царевичъ Маметкулъ приходилъ съ войскомъ на рѣку Чусовую провѣдывать дороги, какъ бы ему пройти къ Строгановскимъ городкамъ и въ Пермь Великую, причемъ побилъ много Остяковъ, Московскихъ данщиковъ, женъ и дѣтей ихъ въ плѣнь повелъ, государева посланника, шедшаго въ Киргисъ-Кайсацкую орду, убилъ. Не доходя пяти верстъ до Строгановскихъ городковъ, Маметкулъ возвратился назадъ, испуганный разсказами плѣнниковъ, что въ городкахъ этихъ собранось много ратныхъ людей. Строгановы, увѣдомивши царя о нападеніяхъ Сибирскаго салтана и царевича, били челомъ, что они своихъ наемныхъ козаковъ за Сибирскою ратью, безъ царскаго вѣдома, послать не смѣютъ, между-тѣмъ какъ зауральскіе Остяки просятъ, чтобъ государь оборонялъ ихъ отъ Сибирскаго салтана, а они будутъ платить дань въ Москву; для этого бы государь пожаловалъ ихъ, Якова и Григорья Строгановыхъ, позволилъ между Тахчеями, на рѣкѣ Тоболѣ и по рѣкамъ, которыя въ Тоболѣ впадаютъ, до вершинъ ихъ, на усторожливомъ мѣстѣ крѣпости дѣлать, сторожей нанимать и огненный нарядъ держать на свой счетъ, желѣзо выработывать, пашни пахать и угольями владѣть. Предложеніе перенести Русскія владѣнія за Уралъ, пріобрѣсти тамъ новыхъ данщиковъ и оборонять ихъ безъ всякихъ издержекъ и хлопотъ со стороны правительства не могло не понравиться Іоанну; онъ далъ Строгановымъ право укрѣпляться и за Ураломъ, на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ они завели селенія по Камѣ и Чусовой, съ обязанностію надзирать и за другими промышленниками, которые вздумаютъ поселиться по Тоболу и другимъ рѣкамъ Сибирскимъ: «Гдѣ Строгановы найдутъ руду желѣзную, говоритъ царская грамота, то ее разрабатываютъ; мѣдную, руду, оловянную, свинцовую, сѣрную также разрабо-

тываютъ на испытаніе. А кто другой захочетъ то же дѣло дѣлать, позволять ему, да и пооброчить его промыслъ, чтобъ нашей казнѣ была прибыль; если кто-нибудь за этотъ промыселъ возьмется, отписать къ намъ, какъ дѣло станетъ дѣлаться, во что какой руды въ дѣлѣ пудъ будетъ становиться, и сколько на кого положить оброку — все это намъ отписать, и мы объ этомъ указъ свой учинимъ. Льготы на землю Тачеевъ и на Тоболъ рѣку съ другими рѣками и озерами до вершинъ, на пашни, дали мы на 20 лѣтъ: въ эти годы пришлые люди не платятъ никакой дани. Которые Остяки, Вогуличи и Югричи отъ Сибирскаго салтана отстанутъ, а начнутъ намъ дань давать, тѣхъ людей съ данью посылать къ нашей казнѣ самихъ. Остяковъ, Вогуличей и Югричей съ женами ихъ и дѣтьми отъ прихода ратныхъ людей, Сибирцевъ, беречь Якову и Григорью у своихъ крѣпостей; а на Сибирскаго салтана Якову и Григорью собирать охочихъ людей, Остяковъ, Вогуличей, Югричей, Самоѣдовъ и посылать ихъ воевать вмѣстѣ съ наемными козаками и съ нарядомъ, брать Сибирцевъ въ плѣнъ и въ дань за насъ приводить. Станутъ къ Якову и Григорью въ тѣ новыя мѣста приходять торговые люди Бухарцы и Киргизцы и изъ другихъ земель съ лошадьми и со всякими товарами, въ Москву которые не ходятъ, то торговать имъ у нихъ всякими товарами вольно, безошлинно. Также пожаловали мы Якова и Григорья: на Иртышѣ, и на Оби, и на другихъ рѣкахъ, гдѣ пригодится, для обереганья и охочимъ людямъ для отдыха, строить крѣпости, держать сторожей съ огненнымъ нарядомъ, ловить рыбу и звѣря безоброчно до исхода урочныхъ двадцати лѣтъ¹²¹. Такимъ образомъ Строгановы получили право завести промыслы и за Ураломъ вмѣстѣ съ необходимымъ правомъ или обязанностію не только построить острожки для обереганія этихъ промысловъ, не только вести оборонительную войну, но также и наступательную — посылать войско на Сибирскаго салтана, брать Сибирцевъ въ плѣнъ и въ дань приводить за царя; эта наступательная война была необходима; за Ураломъ, прежде чѣмъ взять землю въ свое

владѣніе, завести на ней промыслы, надобно было ее очистить отъ Сибирскаго салтана, который считалъ ее своею собственностію. Строгановы обязывались вести эту войну на свой счетъ, должны были имѣть свое войско: изъ кого же могли они составить его? На охочихъ инородцевъ — Остяковъ, Вогуличей, Югричей, Самоѣдовъ была плохая надежда; мирные промышленники нуждались въ передовыхъ людяхъ колонизаціи, которые вовсе не имѣютъ мирнаго промышленнаго характера, нуждались въ отыскивателяхъ путей, новыхъ землищъ, нуждались въ козакахъ.

Мы видѣли уже¹²², какъ вслѣдствіе географическаго положенія древней Россіи, открытости границъ со всѣхъ сторонъ, соприкосновенности ихъ съ степями и пустынными пространствами, какъ вслѣдствіе одного изъ господствующихъ явленій древней Русской жизни — колонизаціи, общество должно было постоянно выдѣлять изъ себя толпы людей, искавшихъ приволья въ степи, составлявшихъ передовыя дружины колонизаціи, по имени завистѣвшихъ отъ государства, на дѣлѣ мало обращававшихъ вниманія на его интересы и по первоначальному характеру своему, и по одичалости въ степяхъ, и по безнаказанности, которая условливалась отдаленностію отъ государства и слабостію послѣдняго. Мы видѣли, что уже при Василии Іоанновичѣ Рязанскіе козаки хорошо знали мѣста по Дону; при сынѣ Василія они здѣсь утверждаютъ, принимаютъ отъ мѣста названіе Донскихъ и становятся страшны Ногаймъ, Крымцамъ, Азовцамъ. На жалобы одного Ногайскаго мурзы, что Русскіе козаки грабятъ его людей, Московское правитель-ство отвѣчало: «Вамъ гораздо вѣдомо: лихихъ людей гдѣ нѣтъ? на поле ходятъ козаки многіе, Казанцы, Азовцы, Крымцы и иные базовни козаки; и изъ нашихъ украинъ съ ними же смѣшавшись ходятъ: и тѣ люди какъ вамъ тати, такъ и намъ тати и разбойники; на лихо никто ихъ не учитъ; а учинивъ какое-нибудь лихо, они разъѣзжаются по своимъ землямъ». Не изъ однихъ, впрочемъ, жителей Рязанской области составлялись толпы Донскихъ козаковъ: на Донъ шли и Севруки,

жители Сѣверской украины, подобно Рязанцамъ, издавна славившіеся своею отвагою. Ногайскій князь Юсуфъ писалъ въ Москву въ 1549 году: «Наши люди ходили въ Москву съ торгомъ, и какъ шли назадъ, ваши козаки и Севруки, которые на Дону стоятъ, ихъ побили». Видимъ, что козаки городовые, находившіеся подъ ближайшимъ надзоромъ государства, сдѣлавши что-нибудь противное его интересамъ, уходили на Донъ; такъ Путивльскіе козаки, замѣшанные въ дѣлѣ о грабежѣ Крымскаго гонца, Левонъ Бутъ съ товарищами, сказывали: было ихъ на полѣ шесть человекъ, и весновали на Донцѣ, потомъ пошли было въ Путивль, но на Муравскомъ шляху встрѣтились съ ними Черкасскіе (Малороссійскіе) козаки, 90 человекъ, взяли ихъ съ собою, и Крымскаго гонца пограбили; послѣ грабежа Левонъ Бутъ самъ четверть пришелъ въ Путивль, а двое товарищей его отстали, пошли на Донъ. Русскій гонецъ доносилъ: «Шли мы Волгою изъ Казани въ Астрахань, и какъ поровнялись съ Иргызскимъ устьемъ, пришелъ на насъ въ стругахъ князь Василій Мещерскій, да козакъ Личюга Хромой Путивлецъ, и взяли у насъ судно цэря Ямгурчя; я у нихъ просилъ его назадъ, но они его мнѣ не отдали и меня позорили». На жалобы Юсуфа Ногайскаго царь отвѣчалъ опять: «Эти разбойники живутъ на Дону безъ нашего вѣдома, отъ насъ бѣгаютъ. Мы и прежде посылали не одинъ разъ, чтобъ ихъ переловить, но люди наши добыть ихъ не могутъ. Мы и теперь посылаемъ добывать этихъ разбойниковъ, и которыхъ добудемъ, тѣхъ казимъ. А вы бы отъ себя велѣли ихъ добывать, и, переловивши, къ намъ присылали. А гости ваши дорогою берегались бы сами, потому что самъ знаешь хорошо: на полѣ всегда всякихъ людей много изъ разныхъ государствъ. И этихъ людей кому можно знать? Кто ограбитъ, тотъ имени своего не скажетъ. А намъ гостей нашихъ на полѣ беречь нельзя, бережемъ и жалуемъ ихъ въ своихъ государствахъ». Но Юсуфъ не переставалъ жаловаться: «Холопы твои» писалъ онъ царю: «какой-то Сары-Азманъ слыветъ, съ товарищами, на Дону въ трехъ и четырехъ мѣстахъ города подѣ-

зайти, да нашихъ пословъ и людей стерегутъ и разбиваютъ. Какая же это твоя дружба! Захочешь съ нами дружбы и братства, то ты этихъ своихъ холопей оттуда сведи». Мы видѣли, какъ султанъ жаловался на Донскихъ козаковъ, приписывалъ имъ такіе подвиги, о которыхъ, изъ другихъ источниковъ, мы не знаемъ, наприимѣръ, что они Перекопъ воевали, Астрахань взяли. Вражда была постоянная между Азовскими Турецкими козаками и Донскими Русскими: Московскій посолъ Нагой писалъ къ государю, что ему нельзя послать вѣсти въ Москву, «потому что Азовскіе козаки съ твоими государевыми козаками не въ миру»¹²³. Козаки были нужны Московскому правительству въ этихъ пустынныхъ странахъ не для одного противодѣйствія хищнымъ Азіатцамъ: отпуская въ Константинополь посла Новосильцева черезъ Рыльскъ и Азовъ, государь велѣлъ послать проводить его до Донскихъ зимовищъ Донскаго атамана, Мишку Черкашенина (прозваніе это показываетъ, что Мишка былъ Малороссійскій козакъ); а съ нимъ его прибору атамановъ и козаковъ 50 человекъ. Новосильцевъ долженъ былъ Донскимъ атаманамъ и козакамъ говорить государевымъ словомъ, чтобъ они государю послужили, его, посла, въ государевыхъ дѣлахъ слушали. На Донецъ Сѣверскій атаманамъ и козакамъ, всѣмъ безъ отмыны, послана была царская грамота, чтобъ они Новосильцева слушались во всѣхъ государевыхъ дѣлахъ, ходили бы куда станеть посылать: «тѣмъ бы вы намъ послужили» писалъ царь: «а мы васъ за вашу службу жаловать хотимъ»¹²⁴. Какъ важна была помощь козаковъ въ степи Русскимъ посламъ, и къ какой жизни должны были привыкнуть здѣсь козаки, всего лучше видно изъ донесеній пословъ о ихъ многотрудномъ пути. Новосильцевъ, наприимѣръ, писалъ изъ Рыльска отъ 10 Марта: «Снѣга на полѣ очень велики, и ~~осервиле~~ ихъ съ великаго мясѣда, отъ чего съ лошадьми идти впередъ нельзя, ~~серель~~¹²⁵ не поднимаетъ: мы думаемъ взять саласки, а сами пойдѣмъ на рѣкахъ къ Сѣверскому Дону. Мишкина прибора козакъ помѣстный Сила Нозруновъ на твою государеву службу не пошелъ, воротился изъ Рыльска къ себѣ

въ вотчину Рыльскую». Потомъ Новосильцевъ писалъ : «Нѣмъ мы до Донца на рѣхъ пѣшкомъ, а твою государеву казну и свой запасишка везли на саласкахъ сами. Какъ пришли мы на Донецъ перваго Апрѣля, я велѣлъ дѣлать суда, на которыхъ намъ идти водянымъ путемъ къ Азову, и за этими судами жили мы на Донцѣ недѣлю; а у Мишки Черкашенина, у атамановъ и козаковъ не у всѣхъ были суда готовыя старыя на Донцѣ, и они дѣлали себѣ каюки». О возвратномъ пути своемъ изъ Азова Новосильцевъ доносилъ : «Какъ мы пошли изъ Азова, пришла ко мнѣ вѣсть, что за нами пошли изъ Азова полемъ козачьи атаманъ, Сенка Ложникъ съ товарищами, 80 человекъ, да съ нимъ же прибираются Казыевы Татары, да два атамана Крымскихъ, а съ ними человекъ съ 300, и хотять насъ на Дону или на Украинѣ громить съ обѣихъ сторонъ; а со мною Донскихъ атамановъ и козаковъ идетъ для береженья не много : иные атаманъ и козаки со мною не пошли и твоей грамоты не послушали». Любопытно, что Азовскій козачьй атаманъ называется Сенка Ложникъ, а Русскій Донской атаманъ называется Сары-Азманъ. Какъ упомянутый Мишка Черкашенинъ отомстилъ за своего сына, взятаго въ плѣнъ Крымцами и казненнаго, видно изъ слѣдующаго донесенія изъ Крыма въ Москву : «Прислалъ Турскій царь чауша къ Крымскому царю, и писалъ къ нему : зачѣмъ ты казнилъ сына Мишки Черкашенина? Теперь у меня Донскіе козаки за сына Мишкина Азовъ взяли, лучшихъ людей изъ Азова побрали 20 человекъ да шурина моего Усеина кромѣ черныхъ людей ¹²⁶.

Донскіе козаки, надѣясь на безнаказанность вдали отъ государства, не ограничивались тѣмъ, что не исполняли царскихъ и посольскихъ приказаній или исполняли ихъ вполнину: они нападали не на однихъ Ногаевъ, Азовцевъ и Крымцевъ, но, развѣзая по Волгѣ, грабили суда царскія, били людей, разбивали Персидскихъ и Бухарскихъ пословъ, Русскихъ торговыхъ людей. Царь принужденъ былъ выслать противъ нихъ воеводъ съ большимъ числомъ ратныхъ людей; козаковъ каз:

шли и ловили, другіе разбѣжались, какъ волки, по выраженію лѣтописца ¹²⁷, и одна толпа ихъ отправилась вверхъ по Волгѣ, гдѣ получила приглашеніе отъ Строгановыхъ вступить къ нимъ въ службу и согласилась съ радостію. Это предложеніе пришло не ранѣ весны 1579 года, хотя собственно можно было ожидать, что Строгановы станутъ прибирать охочихъ козаковъ гораздо ранѣ, именно съ 1574 года, когда они получили царскую грамоту, дававшую имъ право распространять свои промыслы и по ту сторону Уральскихъ горъ. Но эта медленность объясняется легко событіями въ родѣ Строгановыхъ: Яковъ и Григорій Аникиевы умерли; остался третій братъ, Семень, съ двумя племянниками, Максимомъ, сыномъ Якова, и Никитою, сыномъ Григорія, причемъ, какъ видно, Никита не жилъ въ большомъ согласіи съ дядею Семеномъ и двоюроднымъ братомъ Максимомъ. Козаки явились къ Строгановымъ въ числѣ 540 человекъ подъ главнымъ начальствомъ атамана Ермака Тимоѣева; другіе атаманы были: Иванъ Кольцо (который, по словамъ царской грамоты къ Ногаймъ, былъ присужденъ къ смертной казни ¹²⁸), Яковъ Михайловъ, Никита Панъ, Матвѣй Мещерякъ. Они пришли въ Чусовскіе городки въ концѣ Іюня 1579 года, и оставались здѣсь до Сентября 1581 года. Въ это время, по словамъ лѣтописца ¹²⁹, они помогали Строгановымъ защищать ихъ городки отъ нападенія дикарей: въ Іюль 1581 года 680 Вогуличей, подъ начальствомъ мурзы Бегбелія Агтакова, напали нечаянно на Строгановскія владѣнія и начали жечь деревни, забирая въ плѣнъ людей; но ратные люди изъ городковъ съ успѣхомъ напали на нихъ и взяли въ плѣнъ самого мурзу Бегбелія. Изъ словъ же царской грамоты 1582 года ¹³⁰ оказывается, что Строгановы не довольствовались только обороною своихъ городковъ, но посылали отряды воевать Вогуличей, Вотяковъ и Целымцевъ. Послѣ пораженія Бегбелія Строгановы рѣшились отпустить козаковъ, Ермака съ товарищами, за Уральскія горы для достиженія той цѣли, съ какою отцы ихъ испросили царскую грамоту въ 1574 году. По словамъ лѣтописи, 1-го Сентября 1581 года, Стро-

гановы, Семенъ, Максимъ и Никита, отпустили на Сибирскаго салтана козаковъ, Ермака Тимофеева съ товарищами, придавши къ нимъ ратныхъ людей изъ городковъ своихъ — Литовцевъ, Нѣмцевъ (пльнныхъ), Татаръ и Русскихъ, всего 300 человекъ, а въ цѣломъ отрядѣ съ козаками было 840 человекъ; Строгановы дали имъ жалованье, снабдили съѣстными запасами, одеждою, оружіемъ, пушечками и пищалыми, дали проводниковъ, знающихъ Сибирскій путь, и толмачей, знающихъ бурсурманскій языкъ.

Но въ тотъ самый день, перваго Сентября, когда Ермакъ съ своею дружиною пошелъ на очищеніе Сибирской земли, толпы дикарей, собранныхъ Пелымскимъ княземъ, напали на Пермскія мѣста, на Чердынь и на Строгановскія владѣнія. Семенъ и Максимъ отправили въ Москву грамоту съ жалобою, что Вогуличи пожгли ихъ слободки и деревни, усольскія варницы и мельницы, хлѣбъ всякій и сѣно, крестьянъ съ женами и дѣтьми въ пльнъ взяли, и просили, чтобъ царь велѣлъ имъ дать на помощь ратныхъ людей съ ружьемъ. Иоаннъ велѣлъ Пермскому намѣстнику, князю Елецкому, распорядиться, чтобъ земскіе старосты и цѣловальники собрали съ Пермскихъ волостей и Соли Камской ратныхъ людей со всякимъ оружіемъ, человекъ 200; въ головахъ были бы у нихъ земскіе же люди; пусть ратныхъ людей Пермичи и Усолицы собираютъ сами между собою, чтобъ имъ отъ намѣстника убытковъ не было; собранное такимъ образомъ ополченіе должно было помогать Семенову и Максиму острогу; если же Вогуличи придутъ на Пермскія и Усольскія мѣста, то Строгановскіе люди должны помогать этимъ мѣстамъ. Царь писалъ и Никитѣ Строганову, чтобъ онъ помогалъ своимъ родственникамъ ⁴³¹.

Но въ слѣдующемъ году Чердынскій воевода Пелепелицынъ, вѣроятно не поладившій съ Строгановыми, донесъ царю, что въ то самое время, какъ Пелымскій князь напалъ на Пермь, Строгановы, вмѣсто того, чтобъ защищать эту область, отправили своихъ козаковъ воевать Сибирскаго салтана. Вслѣдствіе этого донесенія царь велѣлъ отправить къ Строгановымъ

такую грамоту: «Писалъ къ намъ изъ Перми Василій Пелепелицынъ, что вы изъ своихъ остроговъ послали Волжскихъ атамановъ и козаковъ, Ермака съ товарищами, воевать Вотяковъ и Вогуличей, Пелымскія и Сибирскія мѣста, 1-го Сентября: и въ тотъ же самый день Пелымскій князь, собравшись съ Сибирскими людьми и Вогуличами, приходилъ войною на наши Пермскія мѣста, къ городу Чердыни, къ острогу приступалъ, нашихъ людей побилъ и много убытковъ нашимъ людямъ нѣдѣлалъ. Это случилось по вашей измѣнѣ: вы Вогуличей, Вотяковъ и Пелымцевъ отъ нашего жалованья отвели, ихъ задирали, войною на нихъ приходили, этимъ задоромъ ссорили насъ съ Сибирскимъ салтаномъ; потомъ, призвавши къ себѣ Волжскихъ атамановъ, воровъ, наняли ихъ въ свои остроги безъ нашего ѹказа: а эти атаманы и козаки и прежде ссорили насъ съ Ногайскою ордою, пословъ Ногайскихъ на Волгѣ, на перевозахъ побивали, ордобазарцевъ грабили и побивали, и нашимъ людямъ много грабежей и убытковъ чинили. Имъ было вины свои покрыть тѣмъ, что нашу Пермскую землю оберегать; а они, вмѣстѣ съ вами, сдѣлали точно такъ же, какъ на Волгѣ: въ тотъ самый день, въ который приходили къ Чердыни Вогуличи, 1-го Сентября, отъ тебя изъ остроговъ Ермакъ съ товарищами пошли воевать Вогуличей, а Перми ничѣмъ не пособили. Все это сдѣлалось вашимъ воровствомъ и измѣною: еслибы вы намъ служили, то вы бы козаковъ въ это время на войну не посылали, а послали бы ихъ и своихъ людей изъ остроговъ Пермскую землю оберегать. Мы послали въ Пермь Воина Оничкова, велѣли ему этихъ козаковъ, Ермака съ товарищами, взять и отвести въ Пермь и въ Камское Усолъе, тутъ велѣли имъ стоять, раздѣлясь, и зимою на нартахъ ходить на Пелымскаго князя вмѣстѣ съ Пермичами и Вятчанами; а вы, обославшись съ Пелепелицынымъ и Оничковымъ, посылали бы отъ себя воевать Вогуличей и Остяковъ. Непремѣнно, по этой нашей грамотѣ, отошлите въ Чердынь всѣхъ козаковъ, какъ только они къ вамъ съ войны возвратятся, у себя ихъ не держите; а если для непріятельскаго прихода вамъ въ острогъ пробыть

нельзя, то оставьте у себя немного людей, человекъ до ста, съ какимъ нибудь атаманомъ, остальныхъ же всѣхъ вышлите въ Чердынь непременно тотчасъ. А не вышлете изъ острововъ своихъ въ Пермь Волжскихъ козаковъ, атамана Ермака Тимофеева съ товарищами, станете держать ихъ у себя, и Пермскихъ мѣстъ не будете оберегать, и если такую вашу измѣною что впередъ случится надъ Пермскими мѣстами отъ Вогуличей, Пелымцевъ и отъ Сибирскаго салтана, то мы за то на васъ опалу свою положимъ большую, атамановъ же и козаковъ, которые слушали васъ и вамъ служили, а нашу землю выдали, велимъ перевѣшать» ¹³².

Ясно, что выраженія грамоты: «Вы Вогуличей, Вотяковъ и Пелымцевъ отъ нашего жалованья отвели, ихъ задирали, войною на нихъ приходили» никакъ не могутъ относиться къ знаменитому походу Ермака на Сибирь 1-го Сентября 1581 года; не могутъ относиться уже грамматически, по многократнымъ формамъ; не могутъ относиться и потому, что извѣстiе о призывѣ Ермака помѣщено послѣ, безъ связи съ прежними нападенiями Строгановыхъ на Вогуличей, Вотяковъ и Пелымцевъ; наконецъ Ермакъ своимъ послѣднимъ походомъ не могъ возбудить Пелымскаго князя, который не зналъ объ этомъ походѣ, а когда узналъ, то ушелъ назадъ; слѣдовательно прежде послышки Ермака 1-го Сентября 1581 года Строгановы уже пользовались царскою грамотою и предпринимали наступательныя движенiя на Сибирскихъ народцевъ. Царь обнаруживаетъ неудовольствiе, зачѣмъ Строгановы призвали къ себѣ Волжскимъ козаковъ безъ его указу; но это неудовольствiе выражено не сильно; да и гнѣвъ царскiй на козаковъ за ихъ прежнiя дѣла на Волгѣ выраженъ также не сильно; непосредственно слѣдуютъ слова, въ которыхъ выражается, что казаки совершенно покрыли бы свою вину, еслибъ защищали Пермскую землю отъ Сибирскихъ дикарей, и сейчасъ слѣдуютъ распоряженiя объ употребленiи козаковъ для этой защиты, причемъ и Строгановымъ позволяется удержать часть ихъ въ своихъ острожкахъ. Царь выражаетъ гнѣвъ свой не за то, слѣдовательно, что Строгановы

призвали Волжскихъ охочихъ козаковъ, и не за то, что послали ихъ за Уральскія горы, на что имѣли полное право по прежней грамотѣ; онъ сердится за то, что они предпочли, по его мнѣнію, свои выгоды выгодамъ царскимъ: нападеніями раздражили дикарей, и въ то время, какъ эти дикари напали на Пермскую землю и на владѣнія Строгановыхъ, у послѣднихъ не оказалось средствъ для защиты своихъ земель и для помощи царскимъ воеводамъ, потому что войско, необходимое для защиты, они отослали для завоеваній въ Сибири; царь грозить Строгановымъ большою опалою только въ томъ случаѣ, когда они будутъ продолжать подобное поведеніе, продолжать заботиться только о своихъ выгодахъ, грозить перевѣшать козаковъ только въ томъ случаѣ, когда они будутъ предпочитать службу частнымъ людямъ службѣ царской, слушать Строгановыхъ и служить имъ, а царскую землю выдавать.

Отправленный царемъ Оничковъ не могъ исполнить его приказаній: Ермакъ съ товарищами не возвратился къ Строгановымъ изъ своего похода. Четыре дня шелъ онъ вверхъ по Чусовой до устья рѣки Серебряной; по Серебряной плыли два дня до Сибирской дороги; здѣсь высадились и поставили земляной городокъ, назвавши его Ермаковымъ Кокуемъ — городомъ; съ этого мѣста шли волокомъ до рѣки Жаровли, Жаровлю выплыли въ Туру, гдѣ и начиналась Сибирская страна. Плыва внизъ по Турѣ, козаки повоевали много Татарскихъ городковъ и улусовъ; на рѣкѣ Тавдѣ схватили нѣсколько Татаръ, и въ томъ числѣ одного изъ жившихъ при Кучюмѣ, именемъ Таузакъ, который рассказалъ козакамъ подробно о своемъ салтанѣ и его приближенныхъ. Ермакъ отпустилъ этого плѣнника къ Кучюму, чтобъ онъ рассказами своими о козакахъ настрашалъ хана. Таузакъ, по словамъ лѣтописца, такъ говорилъ Кучюму: «Русскіе войны сильны: когда стрѣляютъ изъ луковъ своихъ, то огонь пышетъ, дымъ выходитъ и громъ раздается, стрѣлъ не видать, а уязвляютъ ранами и до смерти побиваютъ; уцѣлиться отъ нихъ никакими ратными збрюями нельзя: все на-вылетъ пробиваетъ». Эти рассказы нагнали

печаль на хана и раздумье; онъ собралъ войско, выслалъ съ нимъ родственника своего Маметкула встрѣтить Русскихъ, а самъ укрѣпился подлѣ рѣки Иртыша, подлѣ горою Чувашью. Маметкулъ встрѣтилъ Ермака на берегу Тобола, при урочищѣ Бабасанъ, и былъ разбитъ: ружье восторжествовало надъ лукомъ. Недалеко отъ Иртыша одинъ изъ вельможъ или карачей защищалъ свой улусъ: козакѣ разгромили его, взяли медъ и богатство царское; непріатели настigli ихъ на Иртышѣ, завязалась новая битва, и опять Кучюмово войско было разбито; козакѣ заплатились за свою побѣду нѣсколькими убитыми и всѣ были переранены. Къ ночи козакѣ взяли городъ Атикъ—Мурзы и засѣли въ немъ; на другой день должна была рѣшиться ихъ участь, надобно было вытѣснить Кучюма изъ его засѣки. Козакѣ собрали кругъ и стали разсуждать: идти ли назадъ или впередъ? Осмелили тѣ, которые хотѣли впередъ во что бы то ни стало: «Братцы!» говорили они: «куда намъ бѣжать? время уже осеннее, въ рѣкахъ ледъ смерзается: не побѣжимъ, худой славы не примемъ, укоризны на себя не положимъ, но будемъ надѣяться на Бога: Онъ и безпомощнымъ поможетъ. Вспомнимъ, братцы, обѣщаніе, которое мы дали честнымъ людямъ (Строгановымъ)! Назадъ со стыдомъ возвратиться намъ нельзя. Если Богъ намъ поможетъ, то и по смерти память наша не оскудѣетъ въ тѣхъ странахъ, и слава наша вѣчна будетъ». На разсвѣтъ, 23 Октября, козакѣ-вышли изъ городка и начавши приступать къ засѣкѣ; осажденные, пустивши тучи стрѣлъ на нападавшихъ, проломилѣ сами засѣку свою въ трехъ мѣстахъ и сдѣлали вылазку. Послѣ упорнаго рукопашнаго боя козакѣ побѣдили; царевичъ Маметкулъ былъ раненъ; Остяцкіе князья, видя неудачу, бросили Кучюма и разошлись по своимъ мѣстамъ. Тогда и старый ханъ оставилъ засѣку, прибѣжалъ въ свой городъ, Сибирь, забралъ здѣсь сколько могъ пожитковъ и бѣжалъ дальше. Козакѣ вошли въ пустую Сибирь. 26 Октября. На четвертый день пришелъ къ Ермаку одинъ Остяцкій князь съ дружиною, привезъ много даровъ и запасовъ; потомъ стали приходять Татары съ женами и дѣтьми и селиться въ прежнихъ своихъ юртахъ.

Козаки владѣли въ столичный городъ Кучюновомъ; но Маметкуль былъ не далеко. Однажды, въ Декабрѣ мѣсяцѣ, нѣсколько изъ нихъ отправились на Абалацкое озеро ловить рыбу. Маметкуль подкрался и перебилъ ихъ всѣхъ. Ермакъ, услышавши объ этомъ, пошелъ мстить за товарищей, настѣгъ поганыхъ при Абалакѣ, бился съ ними до ночи; ночью они разбѣжались, и Ермакъ возвратился въ Сибирь. Весною, по водополю, пришелъ въ городъ Татаринъ и сказалъ, что Маметкуль стоитъ на рѣкѣ Вагаѣ: Ермакъ отрядилъ часть козаковъ, которые ночью напали на станъ царевича, много поганыхъ побили, самого Маметкула взяли въ плѣнъ и привели къ Ермаку въ Сибирь. Плѣнъ храбраго Маметкула былъ страшнымъ ударомъ для Кучюма, стоявшаго тогда на рѣкѣ Ишимѣ. Но одна дурная вѣсть шла за другою: скоро дали знать старому хану, что идетъ на него князь Сейдекъ, сынъ убитаго имъ прежде князя Бекбулата; затѣмъ покинулъ его карача съ своими людьми. Горько плакалъ старикъ Кучюмъ: «Кого Богъ не милуетъ» говорилъ онъ: «тому и честь на безчестье приходитъ, того и любимые друзья оставляютъ».

Лѣто 1582 года Ермакъ употребилъ на покореніе городковъ и улусовъ Татарскихъ по рѣкамъ Иртышу и Оби; взялъ Остацкій городъ Назымъ, плѣнилъ его князя, но въ этомъ походѣ потерялъ атамана Никиту Пана съ его дружиною. Возвратившись въ Сибирь, Ермакъ далъ знать Строгановымъ о своихъ успѣхахъ, что онъ Кучюма салтана одолѣлъ, столичный городъ его взялъ и царевича Маметкула плѣнилъ. Строгановы дали знать объ этомъ царю, который за ихъ службу и раденье пожаловалъ Семена городями Солью Большою на Волгѣ и Солью Малою, а Максиму и Никитѣ далъ право въ городкахъ и острожкахъ ихъ производить безпошлинную торговлю камъ имъ самимъ, такъ и всякимъ пріѣзжимъ людямъ. Козаки отъ себя прямо послали нѣсколько товарищей своихъ въ Москву извѣстить царя объ усмиреніи Сибирской земли. Иоаннъ пожаловалъ этихъ козаковъ великимъ своимъ жалованьемъ, деньгами, сукнами, камками; оставшимся въ Сибирѣ государь по-

связь свое полное большое жалованье; а для принятія у нихъ Сибирскихъ городовъ отправилъ воеводъ, князя Семена Болховскаго и Ивана Глухова. Касательно отправленія этихъ воеводъ въ Сибирь до насъ дошла царская грамота къ Строгановымъ отъ 7-го Генваря 1584 года: «По нашему указу велѣно было князю Семену Болховскому взять у васъ, съ вашихъ острожковъ, на нашу службу, въ Сибирскій зимній походъ, пятьдесятъ человекъ на коняхъ. Но теперь дошелъ до насъ слухъ, что въ Сибирь зимнимъ путемъ на коняхъ пройти нельзя: и мы князю Семену теперь изъ Перми зимнимъ путемъ въ Сибирь ходить не велѣли до весны, до полои воды, и ратныхъ людей брать у васъ также не велѣли. Весною же велѣли взять у васъ подъ нашу рать и подъ запасъ пятнадцать струговъ, со всѣмъ струговымъ запасомъ, чтобъ струги подняли по двадцати человекъ съ запасомъ; а людей ратныхъ, подводъ и проводниковъ брать у васъ не велѣли и обиды вашимъ людямъ и крестьянамъ никакой дѣлать не велѣли. Такъ вы бы тотчасъ велѣли изготовить къ веснѣ струга, чтобъ за ними воеводамъ въ вашихъ острожкахъ и часу не мѣшкать. А не дадите судовъ тотчасъ, и нашему дѣлу учинится поруха, то вамъ отъ насъ быть въ великой опалѣ»⁴³⁶. Это распоряженіе Іоанна относительно Сибири было послѣднее: онъ не дождался вѣстей ни о судьбѣ Болховскаго, ни о судьбѣ Ермака.

Еще будучи только 43 лѣтъ, въ 1573 году, Іоаннъ говорилъ Литовскому послу Гарабурдъ, что онъ уже старъ. Дѣйствительно, такая страшная жизнь, какую велъ Іоаннъ, такая страшная болѣзнь, которою страдалъ онъ, должны были состарить его преждевременно. Несчастная война съ Баторіемъ, потеря Ливоніи, униженіе, претерпѣнное Іоанномъ, должны были также разрушительно подѣйствовать на его здоровье. Наконецъ сюда присоединялось невоздержаніе всякаго рода, противъ чего не могло устоять и самое крѣпкое тѣлосложеніе. Мы видѣли, что по смерти Анастасіи Іоаннъ сватался на сестрѣ Польскаго короля, но сватовство это не имѣло успѣха; Іоаннъ

обратился въ сторону противоположную, на Востокъ, и въ 1561 году женился на дочери Черкесскаго князя Темрюна, которой при крещеніи въ Москвѣ дали имя Маріи. Выгоды жениться не на Русской, особенно при тогдашнихъ обстоятельствахъ, и красота Черкешенки могли прельстить Іоанна; но легко понять, что онъ могъ выиграть въ нравственномъ отношеніи отъ союза съ дикаркою. Марія умерла въ 1569 году. Въ 1571 году Іоаннъ рѣшился вступить въ третій бракъ, и выбралъ въ невесты Марѳу Собакину, дочь купца Новгородскаго¹⁵⁴; но молодая царица не жила и мѣсяца. Іоаннъ не любилъ сдерживаться никакими препятствіями и въ началѣ 1572 года, вопреки уставу церковному, женился въ четвертый разъ, на Аннѣ Колтовской: онъ призвалъ архіереевъ, архимандритовъ, игуменовъ на свой царскій духовный совѣтъ, и молилъ о прощеніи и разрѣшеніи четвертаго брака, потому что дерзнулъ на него по слѣдующимъ причинамъ: женился онъ первымъ бракомъ на Анастасіи, дочери Романа Юрьевича, и жилъ съ нею тринадцать лѣтъ съ половиною; но вражіймъ навѣтомъ и злыхъ людей чародѣйствомъ и отравами царицу Анастасію извели. Совокупился вторымъ бракомъ, взялъ за себя изъ Черкасъ Пятигорскихъ дѣвицу, и жилъ съ нею восемь лѣтъ; но и та вражіемъ коварствомъ отравлена была. Подождавъ немало времени, захотѣлъ вступить въ третій бракъ, съ одной стороны для нужды тѣлесной, съ другой для дѣтей, совершеннаго возраста не достигшихъ; поэтому идти въ монахи не могъ, а безъ супружества въ мірѣ жить соблазнительно; избралъ себѣ невесту, Марѳу, дочь Василія Сабакина; но врагъ воздвигъ ближнихъ многихъ людей враждовать на царицу Марѳу, и они отравили ее еще когда она была въ дѣвицахъ; царь положилъ упованіе на всецелое существо Божіе, и взялъ за себя царицу Марѳу, въ надеждѣ, что она исцѣлѣетъ; но была она за нимъ только двѣ недѣли и преставилась еще до разрѣшенія дѣвства. Царь много скорбѣлъ и хотѣлъ облечься въ иноческій образъ; но, видя христіанство разплѣняемо и погубяемо, дѣтей несовершеннолѣтнихъ, дерзнулъ вступить въ четвертый

бракъ. — Царскіе богомольцы, архіепископы и епископы, видя такое царско смиреніе и моленіе, много слезъ испустили и на милосердіе преклонились. Собрались въ соборной церкви Успенія, они положили: простить и разрѣшить царя, ради теплаго умиленія и покаянія, и положить ему заповѣдь не входить въ церковь до пасхи; на пасху въ церковь войти, меньшую дору и пасху вкушать, потомъ стоять годъ съ припадающими; по прошествіи года ходить къ меньшей и къ большой дорѣ; потомъ годъ стоять съ вѣрными, и какъ годъ пройдетъ, на пасху причаститься св. Таинъ; съ слѣдующаго же 1573 года разрѣшили царю по праздникамъ владычнымъ и богородичнымъ вкушать богородичный хлѣбъ, святую воду и чудотворцевы меду; милостыню государь будетъ подавать сколько захочетъ. Если государь пойдетъ противъ своихъ невѣрныхъ недруговъ, за святія Божія церкви и за православную вѣру, то ему епитимію разрѣшить: архіереи и весь освященный соборъ возьмутъ ее тогда на себя. Прочіе же, отъ царскаго синклита до простыхъ людей, да не дерзнуть на четвертый бракъ; если же кто по гордости и неразумію вступить въ него, тотъ будетъ проклятъ ¹³⁵. — Но Іоаннъ жилъ въ четвертомъ бракѣ на болѣе трехъ лѣтъ: Колтовская заключилась въ монастырѣ. Не имѣемъ права двухъ наложницъ царя, Анну Васильчикову и Василису Мещеряву, называть царицами, ибо онъ не вѣнчался съ ними, и въ современныхъ памятникахъ онъ царицами не называется ¹³⁶; въ пятый и послѣдній разъ Іоаннъ вѣнчался въ 1580 году съ Марією Федоровною Нагою, отъ которой имѣлъ сына Дмитрія; но мы знаемъ, что онъ считалъ дѣломъ легкимъ расторгнуть этотъ бракъ и сватался на Англичанку. Во время пребыванія Песовина въ Москвѣ Іоаннъ исповѣдался, но не приобщался вследствие того, что былъ женатъ на пятой женѣ.

Привычка давать волю гнѣву и рукамъ не осталась безъ страшнаго наказанія: въ Ноябрь 1381 года, разсердившись на что-то на старшаго сына своего Іоанна, царь ударилъ его — и ударъ былъ смертельный. Мы сказали: за что-то, ибо

описательно причины гнѣва свидѣтельства разнорѣчать; у Исковскаго летописца читаемъ: «*Говорятъ, что сына своего, царевича Ивана, за то покололъ жезломъ, что тотъ сталъ говорить ему объ обязанности выручить Псковъ (отъ Баторія)*»; то же самое повторяютъ нѣкоторые иностранные писатели; но Поссевинъ, бывшій въ Москвѣ спустя только три мѣсяца послѣ событія, рассказываетъ, что убійство произошло вслѣдствіе семейной ссоры: царевичъ вступился за беременную жену свою, которую отецъ его прибилъ ¹²⁷. По свидѣтельству того же Поссевина, убійца былъ въ отчаяніи; вснаживалъ по ночамъ и вопилъ; собралъ бояръ, объявилъ, что онъ убилъ сына, не хочетъ болѣе царствовать, и такъ какъ оставшійся царевичъ Федоръ неспособенъ править государствомъ, то пусть подумаютъ, кто изъ бояръ достоинъ занять престолъ царскій? Бояре, опасаясь, чтобъ это предложеніе не было хитростію, объявили, что они не хотятъ видѣть на престолѣ никого кромѣ сына царскаго, и упрасивали самого Іоанна не покидать правленія.

Не съ большимиъ два года прожилъ Іоаннъ по смерти сына: въ началѣ 1584 года обнаружилась въ немъ страшная болѣзнь, слѣдствіе страшной жизни: гнѣеніе внутри, опухоль снаружи. Въ Мартѣ разосланы были по монастырямъ грамоты: «*Въ великую и пречистую обитель, святымъ и преподобнымъ инокамъ, священникамъ, дьяконамъ, старцамъ соборнымъ, служебникамъ, клирикамъ, лежнямъ, и по кельямъ всему братству: преподобію ногъ вашихъ касаясь, князь великій Иванъ Васильевичъ челомъ бьетъ, молясь и припадая преподобію вашему, чтобъ вы пожаловали, о моемъ окаянетвѣ соборно и по кельямъ молили Бога и Пречистую Богородицу, чтобъ Господь Богъ и Пречистая Богородица, вашихъ ради святыхъ молитвъ, моему окаянетву стпущеніе грѣховъ даровали, отъ настоящія смертельна болѣзни свободили и здравіе дали; и въ чемъ мы передъ вами виноваты, въ томъ бы вы насъ пожаловали простили, а вы въ чемъ передъ нами виноваты, и васъ во всемъ Богъ проститъ*» ¹²⁸. Говорятъ, что больной распорядился судъ-

*

бою царства, ласково обращался къ боярамъ, убѣждалъ сына Феодора царствовать благочестиво, съ любовью и милостію, избѣгать войны съ христіанскими государствами; завѣщалъ уменьшеніе налоговъ, освобожденіе заключенныхъ и плѣнныхъ; въ припадкахъ все звалъ убитаго сына Ивана. Говорятъ также, что испорченная природа до конца не переставала выставлять своихъ требованій. . . Смертный ударъ застигъ Іоанна 18 Марта, когда, почувствовавъ облегченіе, онъ собирався играть въ шашки. Надъ полумертвымъ совершили обрядъ постриженія, назвали его Іоною ¹³⁹.

Долго Іоаннъ Грозный былъ загадочнымъ лицомъ въ нашей исторіи, долго его характеръ, его дѣла были предметомъ спора. Причина недоумѣній и споровъ заключалась въ незрѣлости науки, въ непривычкѣ обращать вниманіе на связь, преемство явленій. Іоаннъ IV-й не былъ понятъ, потому что былъ отдѣленъ отъ отца, дѣда и прадедовъ своихъ. Одно уже названіе: *Грозный*, которое мы привыкли соединять съ именемъ Іоанна IV, указываетъ достаточно на связь этого историческаго лица съ предшественниками его, ибо и дѣда его, Іоанна III, называли также Грознымъ. Мы жаловались на сухость, безжизненность нашихъ источниковъ въ сѣверной Руси до половины XVI вѣка ¹⁴⁰; жаловались, что историческія лица дѣйствуютъ молча, не высказываютъ намъ своихъ побужденій, своихъ сочувствій и непріязней. Но во второй половинѣ XVI вѣка борьба стараго съ новымъ, раздражительность при этой борьбѣ доходятъ до такой степени, что участвующіе въ ней не могутъ болѣе оставаться молчаливыми, высказываются; явно усилившаяся въ Москвѣ съ половины XV-го вѣка начитанность, грамотность помогаютъ этому высказыванію, этому веденію борьбы словомъ, и являются двое борцовъ—внукъ Іоанна III-го и Софіи Палеологъ, Іоаннъ IV, и потомокъ удѣльныхъ Ярославскихъ князей, Московскій бояринъ, князь Андрей Курбскій. Курбскій указываетъ намъ начало непріязни въ самомъ собраніи земли, въ подчиненіи всѣхъ княжествъ сѣверной Руси княжеству Московскому; какъ бояринъ и князь, Курбскій указываетъ переѣзду въ отношеніи-

якъ Московскихъ великихъ князей къ дружинѣ ихъ, начало борьбы при Іоаннѣ III, указываетъ на Софію Палаологъ, какъ на главную виновницу перемѣны, еще сильнѣе вооружается онъ противъ сына Іоанна III-го и Софіи, Василя, и въ Іоаннѣ IV видитъ достойнаго наследника отцовскаго и дѣдовскаго, достойнаго продолжателя ихъ стремленій. Слова Курбскаго вполне объясняютъ намъ эти стремленія Іоанна IV, стремленія, обнаружившіяся очень рано, высказывавшіяся постоянно и сознательно. Намъ понятно становится это поспѣшное принятіе царскаго титула, желаніе сохранить его, желаніе связать себя и съ Августомъ Кесаремъ и съ царемъ Владиміромъ Мономахомъ, желаніе выдѣлить себя, возвыситься на высоту недостижимую; понятно становится намъ презрѣніе къ королю Шведскому, къ которому приписывается земля, къ Стефану Баторію, многоматейнымъ сеймомъ избранному, объявленіе, что нѣтъ имъ равенства съ царемъ Московскимъ.

Мы видѣли, вслѣдствіе чего Іоаннъ дошелъ до раннаго сознанія борьбы, которую онъ долженъ былъ вести, до сознанія началъ, которыя онъ долженъ былъ защищать отъ началъ противоположныхъ. Последнимъ, во время его малолѣтства, дана была возможность вполне обнаружиться, и это обнаруженіе вызвало противодѣйствіе, усиленное еще новыми, извѣстными надъ обстоятельствами, характеромъ главнаго дѣателя, образовавшимся также подъ влияніемъ борьбы. Въ борьбѣ этой обнаружилась значеніе и средства той и другой стороны; она бросила яркій свѣтъ и на прежнія отношенія, на древнюю исторію Руси. Чтобъ уяснить себѣ характеръ отношеній между нашими древними князьями, намъ стоило только спросить у лѣтописцевъ, какъ эти князья звали другъ друга и какъ звали ихъ подданные? Встрѣчаемъ ли мы въ древнихъ лѣтописяхъ названія: князь Кіевскій, Черниговскій, Переяславскій, Туровскій, Полоцкій? Нѣтъ, мы этихъ названій не встрѣчаемъ; встрѣчаемъ одни собственныя имена княжескія, которыя приводятъ обыкновенно въ такое затрудненіе людей, начинающихъ заниматься древнею Русскою исторіею. Чего нѣтъ

въ древнихъ памятникахъ, того не должны мы искать въ древнемъ обществѣ: князья не титулуются по имени своихъ владѣній, слѣдовательно владѣнія эти не имѣли для нихъ первенствующаго значенія, и дѣйствительно видимъ, что они ихъ мѣняли; видимъ, что они называютъ другъ друга братьями, считаются, ведутъ споры о старшинствѣ по родовой лѣтвицѣ: заключаемъ, что господствующія отношенія между ними были родовыя, а не по владѣнιάмъ. Обратимся съ тѣмъ же вопросомъ и къ дружинѣ княжеской, къ боярамъ, спросимъ: какъ ихъ зовутъ? При именахъ вельможъ Западной Европы мы привыкли встрѣчать частицы *фонъ*, *де* съ собственными именами земельныхъ участковъ, замковъ. Еслибъ исчезли всѣ извѣстія о происхожденіи западно-европейскаго высшаго сословія, то изъ однихъ фамильныхъ именъ мы заключили бы, что имѣемъ дѣло съ землевладѣльцами, что владѣніе землею положено въ основу сословнаго значенія. Но обратимся къ нашимъ боярамъ, къ ихъ именамъ; что встрѣтимъ? «Данило Романовичъ Юрьевича Захарына, Иванъ Петровичъ Федоровича». Какъ у древнихъ князей, такъ и у бояръ нѣтъ слѣда отношенія къ земельной собственности, и одно явленіе объясняетъ другое: если князья не имѣли постоянныхъ волостей, мѣняли ихъ по родовымъ счетамъ, то и дружина ихъ мѣняла также волости вмѣстѣ съ ними, не могла усѣсться на однихъ мѣстахъ, глубоко пустить корней въ землю, пріобрѣсти чрезъ землевладѣніе самостоятельное земское значеніе, зависѣла, получала средства существованія и значеніе отъ князя, или отъ цѣлаго рода княжескаго, ибо дружинники переходили отъ одного князя къ другому. Какой былъ главный интересъ Русскаго боярина—это выражается въ его имени: къ имени, полученному при рожденіи или при крещеніи, онъ прибавляетъ имя отца, дѣда и прадѣда, носить съ собою свое родословіе, и крѣпко стоитъ за то, чтобъ роду не было поруки, униженія: отсюда понятно становится намъ явленіе мѣстничества; интересъ родовой господствуетъ: когда князей было много, когда можно было переходить отъ одного изъ нихъ къ друго-

шу, выгодное положеніе дружинника обезпечивалось вполнѣ этою возможностью, когда же эта возможность, съ установленіемъ единовластія, исчезла, дружинникъ долженъ былъ принять то положеніе, какое угодно было назначить для него единовластителю; сословныя отличія и преимущества не работали, не опредѣлились закономъ: вы видѣли, что когда на поле или судебный поединокъ являлись въ одной стороны дѣти боярскіе, а съ другой крестьяне, и дѣти боярскіе, по сословнымъ требованіямъ, отказывались биться съ крестьянами, то судья обвинялъ ихъ, ибо законъ молчалъ о сословныхъ различіяхъ. Въ отношеніяхъ княжескихъ въ сѣверной Россіи произошла перемѣна; здѣсь родовая связь рушилась, волости обособились, и когда подчинились всѣ Москвѣ, то князья ихъ явились сюда съ волостными наименованіями. Но князья, отстранивъ отъ первыхъ мѣсть, захавъ, по тогдашнему выраженію, старинные роды боярскіе, не долго удерживаютъ за собою первенствующее положеніе, кромѣ титула скоро ничѣмъ болѣе не отличаются отъ остальныхъ членовъ служилого сословія, и многіе изъ нихъ даже забываютъ свои наименованія по волостямъ и сохраняютъ только имена, отъ личныхъ прозвищъ происходящія. Все это объясняетъ намъ, почему въ малолѣтство Іоанна IV-го мы видимъ только борьбу извѣстныхъ отдѣльныхъ родовъ за первенство, почему служилое сословіе такъ долго и упорно держалось за обычай мѣстничества: въ глубинѣ жизни народной коренилось начало родовое; изгонится оно изъ одной сферы—съ большою силою и упругостію обнаружится въ другой.

Древнее начало было сильно, вело упорную борьбу; но уже государству пошелъ седьмой вѣкъ, оно объединилось, старое съ новымъ начало сводить послѣдніе счета: немудрено, что появилось много важныхъ вопросовъ, важныхъ требованій. Вторая половина XVI вѣка, царствованіе Іоанна IV-го, характеризуется преимущественно этимъ поднятіемъ важныхъ вопросовъ въ государственной жизни, наибольшую выставкою этихъ вопросовъ, если начали подниматься они и прежде, ибо

въ исторіи ничто не дѣлается вдругъ. Такъ опричнина, съ одной стороны, была слѣдствіемъ враждебнаго отношенія царя къ своимъ старымъ боярамъ; но, съ другой стороны, въ этомъ учрежденіи высказался вопросъ объ отношеніяхъ старыхъ служилыхъ родовъ, ревниво берегущихъ свою родовую честь и вмѣстѣ свою исключительность посредствомъ мѣстничества, къ многочисленному служилому сословію, день ото дня увеличивавшемуся вслѣдствіе государственныхъ требованій и вслѣдствіе свободного доступа въ него отовсюду; подлѣ личныхъ стремленій Іоанна видимъ стремленія цѣлаго разряда людей, которымъ было выгодно враждебное отношеніе царя къ старшей дружинѣ. Мы видѣли, что самъ Іоаннъ, въ завѣщаніи сыновьямъ, смотрѣлъ на опричнину, какъ на вопросъ, какъ на первый опытъ. Послѣ мы увидимъ, какъ будетъ рѣшаться этотъ важный вопросъ объ отношеніяхъ младшей дружины къ старшей. Государство складывалось, новое сводило счеты съ старымъ: понятно, что долженъ былъ явиться и громко высказаться вопросъ о необходимыхъ перемѣнахъ въ управленіи, о недостаточности прежнихъ средствъ, о злоупотребленіяхъ, отъ нихъ происходящихъ, являются попытки къ рѣшенію вопроса — губныя грамоты, новое положеніе дьяковъ относительно воеводъ и т. д. Понятно, что въ то же время долженъ былъ возникнуть вопросъ первой важности, вопросъ о необходимости пріобрѣтенія средствъ государственнаго благосостоянія, которыми обладали другіе Европейскіе народы: и вотъ видимъ первую попытку относительно Ливоніи. Вѣкъ задавалъ важные вопросы, а во главѣ государства стоялъ человекъ, по характеру своему способный приступать немедленно къ ихъ рѣшенію.

Къ сказанному прежде объ этомъ характерѣ, о его образованіи и постепенномъ развитіи намъ не нужно было бы прибавлять ничего болѣе, еслибъ въ нашей исторической литературѣ не высказывались объ немъ мнѣнія совершенно противоположныя. Въ то время какъ одни, преклоняясь предъ его величіемъ, старались оправдать Іоанна въ тѣхъ поступкахъ, которые назывались и должны называться своими, очень неслестными

именами, другіе хотѣли отвѣтъ у него великое участіе въ событіяхъ, которыя даютъ его царствованію безпрекословно важное значеніе. Эти два противоположныя мнѣнія простекли изъ обычнаго стремленія дать единство характерамъ историческихъ лицъ; умъ человѣческой не любитъ живаго многообразія, ибо трудно ему при этомъ многообразіи уловить и указать единство, да и сердце человѣческое не любитъ находить недостатковъ въ предметъ любимомъ и достоинствъ въ предметъ, возбудившемъ отвращеніе. Прославилось извѣстное историческое лице добромъ, и вотъ повѣствователи о дѣлахъ его не хотятъ допустить ни одного поступка, который бы нарушалъ это господствующее представленіе объ историческомъ лицѣ; если источники указываютъ на подобный поступокъ, то повѣствователи стараются, во что бы то ни стало, оправдать своего героя; и наоборотъ, въ лицѣ, оставившемъ по себѣ дурную славу, не хотятъ признать никакого достоинства.

Такъ случилось и съ Іоанномъ IV; явилось мнѣніе, по которому у Іоанна должна быть отнята вся слава важныхъ дѣлъ, совершенныхъ въ его царствованіе, ибо при ихъ совершеніи царь былъ только слѣпымъ, безсознательнымъ орудіемъ въ рукахъ мудрыхъ совѣтниковъ своихъ — Сильвестра и Адашева. Мнѣніе это основывается на тѣхъ мѣстахъ въ перепискѣ съ Курбскимъ, гдѣ Іоаннъ, повидимому, самъ признается, что при Сильвестрѣ онъ не имѣлъ никакой власти. Но, читая эту знаменитую переписку, мы не должны забывать, что оба, какъ Іоаннъ, такъ и Курбскій, пишутъ подъ вліяніемъ страсти, и потому оба преувеличиваютъ, впадаютъ въ противорѣчія. Если основная мысль Курбскаго состоитъ въ томъ, что царь долженъ слушаться совѣтниковъ, то основная мысль Іоанна состоитъ въ томъ, что подданные должны повиноваться царю, а не стремиться къ подчиненію царской воли волѣ собственной; такое стремленіе, въ глазахъ Іоанна, есть величайшее изъ преступленій, и всею тяжестью его онъ хочетъ обременить Сильвестра и его приверженцевъ: вотъ почему онъ приписываетъ имъ самое преступное злоупотребленіе его довѣренности, са-

иволюство, самоуправство, говорить, что вмѣсто него они
 владѣли царствомъ, тогда какъ онъ самъ облекъ ихъ неогра-
 ниченною своею довѣренностію; вотъ эти знаменитыя мѣста:
 «Вы ль растѣвны, или я? что я хотѣлъ вами владѣть, а вы
 не хотѣли подѣ моею властію быть, и я за то на васъ гнѣ-
 вался? Больше вы растѣвны, что не только не хотѣли быть
 мнѣ повинны и послушны, но и мною владѣли, и всю власть
 съ меня сняли: я былъ государь только на словахъ, а на дѣлѣ
 ничего не владѣлъ». Въ другомъ мѣстѣ Іоаннъ, щеголявшій
 остроуміемъ, ловкостію въ словопреніи, низлагаетъ Курбскаго
 слѣдующею уверткою, не думая, что послѣ можно будетъ
 употребить его адвокатскую тонкость противъ него же самого:
 «Ты говоришь, что для военныхъ отлучекъ мало видалъ мать
 свою, мало жилъ съ женою, отечество покидалъ, всегда въ
 дальнихъ городахъ противъ враговъ ополчался, претерпѣвалъ
 естественныя болѣзни и ранами покрывался отъ варварскихъ
 рукъ, и сокрушенно уже ранами все тѣло имѣешь: но все
 это случилось съ тобою тогда, когда вы съ попомъ и Алек-
 сѣемъ владѣли. Если это вамъ было не угодно, то зачѣмъ же
 такъ дѣлали? Если же дѣлали, то зачѣмъ, своею властію сдѣ-
 лавши, на насъ вину вскладываете!» Приводятъ еще третье
 мѣсто въ доказательство, что походъ на Казань предпринять
 не Іоанномъ, что приверженцы Сильвестра везли туда насильно
 царя: «Когда мы съ крестonosною хоругвію всего правосла-
 наго христіанскаго воинства двинулись на безбожный языкъ
 Казанскій, и получивъ, неизрѣченнымъ Божиимъ милосердіемъ;
 побѣду, возвращались домой: то какое доброхотство къ себѣ
 попытали мы отъ людей, которыхъ ты называешь мучениками?
 Какъ плѣнника посадивши въ судно, везли съ ничтожнымъ
 отрядомъ чрезъ безбожную и невѣрную землю». Но здѣсь
 нѣтъ ни малѣйшаго указанія на невольный походъ, ибо
 Іоаннъ прямо говорить: «когда мы двинулись»; потомъ Іоаннъ
 говорить ясно, что не заботились о его безопасности, везли
 какъ плѣнника уже на возвратномъ пути, по взятіи Ка-
 зани. Курбскій обвиняетъ Іоанна въ недостаткѣ храбрости во

время Казанскаго похода, въ желаніи поскорѣе возвратиться въ Москву; Іоаннъ возвращаетъ ему всѣ эти обвиненія и такъ описываетъ свое поведеніе и поведеніе бояръ въ Казанскихъ войнахъ: «Когда мы посылали на Казанскую землю воеводу своего, князя Сем. Нв. Макулинскаго съ товарищами, то что вы говорите? Вы говорили, что мы послали ихъ въ опалѣ своей, желая ихъ казнить, а не для своего дѣла! Неужели это храбрость службу ставить въ опалу? такъ ли покоряются прегордыя царства! Сколько потомъ ни было походовъ въ Казанскую землю, когда вы ходили безъ понужденія, охотно? Когда Богъ покорилъ христіанству этотъ варварскій народъ, и тогда вы не хотѣли воевать, и тогда съ нами не было больше пятнадцати тысячъ, по вашему нехотѣнію. Во время осады всегда вы подавали дурные совѣты: когда запасы перетонули, то вы, простоявши три дня, хотѣли домой возвратиться! Никогда не хотѣли вы подождать благоприятнаго времени; вамъ и головъ своихъ не было жаль, и о побѣдѣ мало заботились: побѣдить или потерпѣть пораженіе, только бы поскорѣе домой возвратиться. Для этого скорого возвращенія войну вы оставили, и отъ этого послѣ много было пролитія христіанской крови. На приступѣ, еслибъ я васъ не удержалъ, то вы хотѣли погубить православное воинство, начавши дѣло не во время». Какъ согласить эти слова: «я посылаю, еслибъ я васъ не удержалъ» съ словами: «вы государились, а я ничѣмъ не владелъ»? Эти несогласія показываютъ намъ ясно, съ какого рода памятникомъ мы имѣемъ дѣло, и какъ мы имъ должны пользоваться.

Важное значеніе Сильвестра и Адашева, пріостекавшее изъ полной довѣренности къ нимъ Іоанна въ известное время, безспорно, явственно изъ всѣхъ источниковъ; но вмѣстѣ явно также, что Іоаннъ никогда не былъ слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ этихъ близкихъ къ нему людей. Война Ливонская была предпринята вопреки ихъ совѣтамъ, они совѣтовали покорить Крымъ. Послѣ взятія Казани, говоритъ Курбскій, всѣ мудрые и разумные (т.-е. сторона Сильвестра) совѣтовали царю остать-

ся еще нѣсколько времени въ Казани, дабы совершенно окончить покореніе страны; но царь «совѣта мудрыхъ воеводъ своихъ не послушалъ, послушалъ совѣта шурей своихъ». Слѣдовательно Іоаннъ имѣлъ полную свободу поступать по совѣту тѣхъ или другихъ, не находясь подъ исключительнымъ вліяніемъ какой-нибудь одной стороны. Когда въ 1555 году царь выступилъ противъ Крымскаго хана и пришла къ нему вѣсть, что одинъ Русскій отрядъ уже разбитъ Татарами, то многіе совѣтовали ему возвратиться; но храбрые настаивали на томъ, чтобъ встрѣтить Татаръ, и царь склонился на совѣтъ послѣднихъ, т. е. на совѣтъ приверженцевъ Сильвестра, потому что когда Курбскій хвалить, то хвалить своихъ. Такимъ образомъ мы видимъ, что Іоаннъ въ одномъ случаѣ дѣйствуетъ по совѣту однихъ, въ другомъ другихъ, въ нѣкоторыхъ же случаяхъ слѣдуетъ независимо своей мысли, выдерживая за нее борьбу съ совѣтниками. О могущественномъ вліяніи Сильвестра говорятъ единогласно всѣ источники; но мы имѣемъ возможность не преувеличивать этого вліянія, установить для него настоящую мѣру, ибо до насъ дошелъ любопытный памятникъ, въ которомъ очень ясно можно видѣть отношенія Сильвестра и къ митрополиту и къ царю. Это посланіе Сильвестра къ митрополиту Макарію по поводу дѣла о ереси Башкина: «Государю преосвященному Макарію, митрополиту всея Русіи, и всему освященному собору, Благовѣщенскій попъ Селиверстишко челомъ бьетъ. Писалъ тебѣ государю Иванъ Висковатый: Башкинъ съ Артемьемъ и Семеномъ въ совѣтѣ, а попъ Семень Башкину отецъ духовный и дѣла ихъ хвалить; да писалъ, что я, Сильвестръ изъ Благовѣщенья образа старинные выносилъ, а новые своего мудрованія поставилъ: государь святой митрополить! Священникъ Семень про Матюшу мнѣ сказывалъ въ Петровъ постъ на заутрени: пришелъ на меня сынъ духовный необыченъ, и многіе вопросы мнѣ предлагаетъ недоумѣнные. И какъ государь изъ Кириллова пріѣхалъ, то я съ Семеномъ царю государю все сказали про Башкина, Андрей протопопъ и Алексѣй Адашевъ то слышали жь. Да Семень же

сказывалъ, что Матюша спрашиваетъ толкованья многихъ вещей въ Апостолѣ, и самъ толкуеть, только не по существу; развратно: и мы то государю сказали жь. И государь велѣлъ Семену говорить Матюшѣ, чтобъ онъ всѣ свои рѣчи въ Апостолѣ измѣтилъ; но тогда царь и государь скоро въ Коломну поѣхалъ и то дѣло позабеглось. А про Артемья, бывшаго Троицкаго игумена, сказываетъ Иванъ, что мнѣ съ нимъ совѣтъ былъ: но до Троицкаго игуменства я его вовсе не зналъ; а какъ избирали къ Троицѣ игумена, то Артемья привезли изъ пустыни; государь велѣлъ ему побыть въ Чудовѣ, а мнѣ велѣлъ къ нему приходить и къ себѣ велѣлъ его призывать и смотрѣть въ немъ всякаго нрава и духовной пользы. Въ то же время ученикъ его Порфирій приходилъ къ Благовѣщенскому священнику Семену и велъ съ нимъ многія бесѣды пользы ради; Семень мнѣ пересказывалъ все, что съ нимъ говорилъ Порфирій; я усумнился, позвалъ Порфирія къ себѣ, дважды; трижды бесѣдовалъ съ нимъ довольно о пользѣ духовной, и все пересказалъ царю государю. Тогда царь государь, Богомъ дарованнымъ своимъ разумомъ и богоразсуднымъ смысломъ; ошибочное Порфиріево ученіе и въ учителъ его Артеміи началъ примѣчать. Здѣсь, съ одной стороны, видна высокая степень довѣрія, которою пользовался Сильвестръ: его посылалъ царь къ Артемію испытать, годится ли послѣдній занять мѣсто Троицкаго игумена; но, съ другой стороны, ясно видно, что Сильвестръ долженъ былъ обо всемъ докладывать Іоанну; и тотъ самъ распоряжался, какъ вести дѣло, самъ вникалъ въ него и своимъ разумомъ и смысломъ подмѣчалъ то, чего не могъ замѣтить Сильвестръ; когда Іоаннъ уѣзжалъ изъ Москвы—дѣла останавливались. Какъ же послѣ этого можно буквально принимать слова Іоанна и думать, что Сильвестръ владелъ государствомъ, оставляя ему одно имя царя? Всего страннѣе предполагать, чтобъ человека съ такимъ характеромъ, какой былъ у Іоанна, можно было держать въ удаленіи отъ дѣлъ! Наконецъ, мы считаемъ за нужное сказать нѣсколько словъ о поведеніи Іоанна относительно Крымскаго хана послѣ сожженія

Масквы Деметъ-Гиреевъ, потомъ относительно короля Шведскаго и особенно относительно Баторіа : неприятно поражаетъ насъ этотъ скорый переходъ отъ гордости къ униженію ; мы готовы, и, по своимъ помятімъ, имѣемъ право видѣть здѣсь робость. Но мы не должны забывать разности понатій, въ какихъ воспитываемся мы и въ какихъ воспитывались предки наши XVI вѣка ; мы не должны забывать, какъ воспитаніе въ извѣстныхъ правилахъ, образованность укрѣпляютъ насъ теперь, не позволяютъ намъ обваруживать этихъ рѣзкихъ переходовъ, хотя бы они и происходили внутри насъ. Но люди вѣкомъ предшествовавшихъ не знали этихъ искусственныхъ укрѣпленій и сдерживаній, и потому не стыдились рѣзкихъ переходовъ отъ одного чувства къ другому противоположному ; эту рѣзкость переходовъ мы легко можемъ подмѣтить и теперь въ людяхъ, которые по степени образованія своего болѣе приближаются къ предкамъ. Притомъ, относительно Іоанна IV-го, мы не должны забывать, что это былъ внукъ Іоанна III-го, потомокъ Всеволода III-го ; если нѣкоторые историки заблагоразсудили представить его въ началѣ героемъ, покорителемъ царствъ, а потомъ человѣкомъ постыдно робкимъ, то онъ нисколько въ этомъ не виноватъ. Онъ предпринялъ походъ подъ Казань по убѣжденію въ его необходимости, подкрѣплялся въ своемъ намѣреніи релігіознымъ одушевленіемъ, признаніемъ, что походъ предпринять для избавленія христіанъ отъ невѣрныхъ ; онъ вовсе не велъ себя Ахиллесомъ : сцена въ церкви на разсѣтѣ ; когда уже войска пошли на приступъ, сцена такъ просто и подробно разсказанная лѣтописцемъ, даетъ самое вѣрное понятіе объ Іоаннѣ, который является здѣсь вовсе не героемъ. Іоаннъ самъ предпринималъ походъ подъ Казань, потомъ подъ Царедцъ, въ Ливонію, по убѣжденію въ необходимости этихъ походовъ, въ возможности счастливаго ихъ окончанія, и тотъ же самый Іоаннъ спѣшилъ какъ можно скорѣе прекратить войну съ Баторіемъ, ибо видѣлъ недостаточность своихъ средствъ для ея успешнаго веденія : точно такъ, какъ дѣла его, Іоаннъ III, самъ ходилъ съ войскомъ подъ Новгородъ, подъ

Творъ, рассчитывая на успѣхъ предпріятія, и обнаружилъ сильное нежеланіе сразиться съ Ахматомъ, потому что успѣхъ былъ вовсе нехвренъ. Таковы были все эти Московскіе или вообще стверные князья-хозяева, собиратели земли.

Но если, съ одной стороны, странно желаніе нѣкоторыхъ отнять у Іоанна значеніе важнаго самостоятельнаго дѣятеля въ нашей исторіи; если, съ другой стороны, странно выставить Іоанна героемъ въ началѣ его поприща, и человѣкомъ постыдно робкимъ въ концѣ: то болѣе чѣмъ странно желаніе нѣкоторыхъ оправдать Іоанна; болѣе чѣмъ странно смѣшеніе историческаго объясненія явленій съ нравственнымъ ихъ оправданіемъ. Характеръ, способъ дѣйствій Іоанновыхъ исторически объясняются борьбою стараго съ новымъ, событіями, происходившими въ малолѣтство царя, во время его болѣзни и послѣ; но могутъ ли они быть нравственно оправданы этою борьбою, этими событіями? Можно ли оправдать человѣка нравственною слабостію, неумѣньемъ устоять противъ искушеній, неумѣньемъ совладѣть съ порочными наклонностями своей природы? Безспорно, что въ Іоаннѣ гнѣздилась страшная болѣзнь: но зачѣмъ же было позволять ей развиваться? Мы обнаруживаемъ глубокое сочувствіе, уваженіе къ падшимъ въ борьбѣ, но когда мы знаемъ, что они пали, истощивъ все зависящія отъ нихъ средства къ защитѣ: въ Іоаннѣ же этой борьбы съ самимъ собою, съ своими страстями мы вовсе не видимъ. Мы видимъ въ немъ сознаніе своего паденія: «я знаю, что я золъ», говорилъ онъ: но это сознаніе есть обвиненіе, а не оправданіе ему; мы не можемъ не уступить ему большихъ дарованій: и большой, возможной въ то время начитанности: но эти дарованія, эта начитанность не оправданіе, а обвиненіе ему. Безместности хотѣть оправдать суровостію нравовъ времени: дѣйствительно, нравственное состояніе общества во времена Іоанна IV представляется намъ вовсе не въ привлекательномъ видѣ; мы видимъ, что борьба между старымъ и новымъ шла уже давно, и давно уже она приняла такой характеръ, который не могъ содѣйствовать умягченію нравовъ, не могъ приучить

ать осторожному обхожденію съ жизнью и честію человека; дѣйствительно, жесткость нравовъ выражается и въ письменныхъ памятникахъ того времени : требуя установленія наряда, прекращенія злоупотребленій, указывали на жестокія средства, какъ на единственно способныя прекратить зло ; такъ напримѣръ въ очень распространенномъ въ древности сказаніи Ивана Пересвѣтова «о царѣ Турскомъ Магметѣ, како хотѣлъ сожесть книги Греческія» строгій судъ и жестокая казни султана представляются какъ достойныя подраженія : «Магметъ салтанъ учалъ говорити : аще не такою грозою великій народъ угрожити, ино и правду въ землю не ввести». Но возможность найти оправданіе въ современномъ обществѣ не есть оправданіе для историческаго лица ; да и не смѣемъ мы сложить вину дѣлъ Грознаго на Русское общество XVI вѣка потому : оно было основано на другомъ началѣ, чѣмъ то общество, которымъ управлялъ Магметъ салтанъ ; оно было способно выставить человека, который указалъ Іоанну требованія этого основнаго начала ; Русское общество, выставивъ св. Филиппа, провозгласивъ устами этого пастыря требованія своего основнаго начала, высказавъ свое неодобреніе образу дѣйствій Грознаго, показавъ, что имѣло законъ и пророка, очистилось, оправдалось предъ исторією, вслѣдствіе чего Іоаннъ, не послушавшійся увѣщаній Филипповыхъ, оправданъ быть не можетъ. Іоаннъ сознавалъ ясно высоту своего положенія, свои права, которыя берегъ такъ ревниво ; но онъ не созналъ одного изъ самыхъ высокихъ правъ своихъ, права быть верховнымъ наставникомъ, воспитателемъ своего народа : какъ въ воспитаніи частномъ и общественномъ, такъ и въ воспитаніи всенародномъ могущественное вліяніе имѣетъ примѣръ наставника, человека вверху стоящаго, могущественное вліяніе имѣетъ духъ словъ и дѣлъ его. Нравы народа были суровы, привыкли къ мѣрамъ жестокимъ и кровавымъ ; надобно было отучать отъ этого ; но чтó сдѣлалъ Іоаннъ ? Человекъ плоти и крови, онъ не созналъ нравственныхъ, духовныхъ средствъ для установле-

нія правды и наряда; или, что еще хуже, сознавши, забыть о нихъ; вмѣсто цѣлѣнія, онъ усилилъ болѣзнь, приучилъ еще болѣе къ пыткамъ, кострамъ и плахамъ; онъ сѣялъ страшными сѣменами и страшна была жатва: собственноручное убійство старшаго сына, убіеніе младшаго въ Угличѣ, самозванство, ужасы смутнаго времени! Не произнесетъ историкъ слово оправданія такому человѣку; онъ можетъ произнести только слово сожалѣнія, если, вглядываясь внимательно въ страшный образъ, подъ мрачными чертами мучителя подмѣчаетъ скорбныя черты жертвы; ибо и здѣсь, какъ вездѣ, историкъ обязанъ указать на связь явленій: своекорыстіемъ, презрѣніемъ общаго блага, презрѣніемъ жизни и чести ближняго сѣяли Шуйскіе съ товарищами: выросъ Грозный.

Подобно дѣду своему, Іоанну III-му, Іоаннъ IV былъ очень высокаго роста, хорошо сложенъ, съ высокими плечами, широкою грудью; по иностраннымъ свидѣтельствамъ, онъ былъ полонъ, а по Русскимъ—сухощавъ¹⁴¹; глаза у него были маленькіе и живые, носъ выгнутый, усы длинные. Привычки, пріобрѣтенныя имъ во вторую половину жизни, дали лицу его мрачное, недовольное выраженіе, хотя смѣхъ безпрестанно выходилъ изъ устъ его. Онъ имѣлъ обширную память, обнаруживалъ большую дѣятельность; самъ разсматривалъ всѣ просьбы; всякому можно было обращаться прямо къ нему съ жалобами на областныхъ правителей. Подобно отцу, любилъ монастырскую жизнь; но, по живости природы своей, не довольствовался однимъ посѣщеніемъ монастырей, созерцаніемъ тамошняго быта: въ Александровской слободѣ завелъ монастырскіе обычаи, самъ былъ игуменомъ, опричники братію. По Русскимъ и иностраннымъ свидѣтельствамъ, въ первую половину жизни Іоаннъ мало занимался охотою, посвящая все свое время дѣламъ правленія¹⁴²; когда Баторій, по окончаніи войны, прислалъ просить у царя красныхъ кречетомъ, то Іоаннъ велѣлъ ему отвѣчать, что послалъ за ними на Двину и Поморье нарочно; были у него кречеты добрые, да поизвелись, давно уже онъ мало охотится, потому что пришли на него кру-

Истор. Росс. Т. VI. 29

чины большія. Баторій, въ благодарность за кречетовъ, спрашивалъ, какія вещи особенно любить царь, чтобъ прислать ихъ ему: Іоаннъ отвѣчалъ, что онъ охотникъ до аргамаковъ, до жеребцовъ добрыхъ, до шапокъ хорошихъ желѣзныхъ съ наводомъ, пицалей ручныхъ, чтобъ были добры, цѣльны и легки ¹⁴³.

ПРИМЪЧАНІЯ.

1) Только въ позднѣйшихъ украшенныхъ дополненіяхъ къ извѣстію о кончинѣ Василія говорится: «всажъ драменія всего Рускаго царства завѣщаетъ державствовати и по Бозѣ устроить и разсудати, до возмужанія сына своего, матере его, а своей вел. княгинѣ Еленѣ». Царств. книга, 23. А въ Псковской лѣтописи сказано: «И приказа великое княженіе сыну своему большому князю Ивану, и нарече его самъ при своемъ животѣ великимъ княземъ; и приказа его беречи до 15 лѣтъ своимъ боярамъ многымъ» (П. С. Р. Л. IV, 299; здѣсь же и о поставленіи на государство).

2) Царств. кн. 35—37 и слѣд.; Никои. VII, 1—3; Львов. лѣтоп. IV, 6—11; Герберштейнъ, 80. Первое извѣстіе о заключеніи князя Юрія съ наибольшими подробностями помѣщено въ не-изданной лѣтописи изъ Синодальной библіотеки (№ 486), находящейся въ настоящее время въ Археогр. Коммиссіи, гдѣ я ею и пользовался. За усердную помощь при пользованіи ею и другими лѣтописями и хронографами, находящимися въ Археогр. Коммиссіи, считаю пріятнымъ долгомъ изъявить благодарность М. А. Коркунову.

3) Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ: И князя Михаила Глинскаго съ князьямъ велѣтъ поймавъ посадити. — См. лѣтопись о владѣніи царя и великаго князя Ивана Васильевича, рукоп. библіот. архива мин. вн. дѣлъ.

4) Царств. книга 63—73; Синодальн. лѣтописи № 486, № 788, стр. 529, № 645, стр. 415 (всеми тремя и пользовался въ Археогр. Коммисс.) С. г. г. и д. II, № 30, 32.

5) Акты Западн. Россіи, II, № 175.

6) Царств. кн. стр. 38 и слѣд.; Львов. IV, 23 и слѣд.; П. С. Р. Л. IV, 301; Синодал. рукоп. лѣтоп., № 486; Акты Западной Россіи, II, № 175.

7) Дѣла Крымскія, № 8; Акты Западн. Россіи II, № 189. Царств. кн. 51 и слѣд.; Львов. IV, 52 и слѣд.

8) Договоры Шведскій и Ливонскій въ архивѣ мин. ин. дѣл; Синод. лѣтоп. № 486, Дѣла Ногайскія, № 2.

9) Синодал. лѣтоп., № 486; Архив. лѣтоп. № 20 — цитов. у Карамз. VIII, прим. 66.

10) Синод. лѣтоп. № 788, стр. 523.

11) Синод. лѣтоп. № 486; Архив. лѣтоп. № 20, что у Карамз. Архив. Ростов. лѣтоп. VIII, прим. 67.

12) Акты Западн. Россіи, II, стр. 252, 280.

13) Акты арх. эксп. I, № 181, 183.

14) Синод. лѣтоп. № 486.

15) Акты арх. эксп. I, № 184, 185.

16) Царств. кн. стр. 100:его (Бѣльскаго) государь у себя въ приближеніи держалъ, и въ первосовѣтникахъ, да митрополита Іоасафа.

17) Дополн. къ акт. истор. I, № 27.

18) Курбск. стр. 182 и слѣд.

19) Царств. кн. 124; Львов. IV, 181; Никонов. VIII, 49.

20) Стр. 7 и слѣд. И тогда же убиень Ѳеодоръ, глаголемый Невѣжа, зацный и богатый землянинъ. А мало предъ тѣмъ, аки за два лѣта, удуленъ отъ него князя Богдана сынъ Трубецкаго, въ пятнадцати лѣтѣхъ младенецъ, Михаилъ именемъ; и потомъ, памятамися, тогожъ лѣта убиени отъ него благородные князата: князь Іоаннъ Дорогобужскій, и Ѳеодоръ, единочадный сынъ князя Іоанна, глаголемаго Овчины, съ роду князатъ Торусскихъ и Оболенскихъ, яко агнцы неповинные заколены, еще въ самомъ наусіи.

21) По нѣкоторымъ извѣстіямъ впрочемъ подобное только въ первой половинѣ. Въ С. г. г. и д. II, № 33 не упоминается ни о какихъ дѣйствіяхъ на литургіи; въ Царственной книгѣ приня-сано скорописью внизу: «А на литургіи по херувимской пѣсни помазаніе масломъ; послѣ Достойно есть, помазаніе миромъ; да тутъ же писать причащеніе». Въ Чинѣ вѣнчанія, напечат. въ Дополн. къ акт. истор. I, № 39, говорится о возложеніи золотой цѣпи послѣ херувимской; послѣ причастнаго стиха: о миропомазаніи и причащеніи св. Таянъ.

22) С. г. г. и д. II, № 34, 35.

23) Въ житіи св. Геннадія Костромскаго (Января 24) читаемъ: «Нѣкогда же случися святому прійти въ Москву, и пріять былъ честно отъ боярыни Іуліаніи Ѳеодоровны, жены Романа Юрьевича, благословенія ради чадъ ея, Данила и Никиты, и дщери ея, Анастасіи Романовны». Сказано, что Геннадій предсказывалъ Анастасіи царственное супружество. Такимъ образомъ мы узнаемъ нѣя прабабки царя Михаила.

24) Стоглавъ.

25) О древностяхъ Россійскаго государства, сборникъ рукописн. статей Синодал. библиот.

26) С. г. г. и д. II, № 37.

27) Акты Западн. Россіи, II, № 191.

28) Дѣла Польскія, № 3, стр. 1—206. Относительно спора за границы, читаемъ слѣдующее: У Себежа вступаютъ Литовскіе люди въ земли и въ воды, переходили за рубежъ за рѣку, за Нечерцицу, и рыбу въ озерѣ въ Нечерцы ловятъ; а межа Себежской землѣ съ Литовскою землею по Литовскія волости: Неподовичи, Посынчи, Обичаны, Непоротовляне. Да въ Себежскую же волостку въ Мочажу, а рубежъ той волосткѣ съ Литовскою землею: отъ Нѣмецкаго рубежа отъ рѣки отъ Швеи до озера до Выдрина, а отъ Выдрина озера до Ярцева озера, да по мосточки на Мохъ, а отъ Ярцова озера въ рѣчку въ Ормицу въ Красныя Луки; а отъ Красныхъ Лукъ по конецъ Зеленскія горы, да въ озеро Нечерцо, а изъ озера внизъ рѣкою Нечерницею до Лавъ, что на Листинской дорогѣ Лавы, а отъ Лавъ до пяти мостовъ къ великой дорогѣ боромъ, что отъ Полоцка идетъ ко Пскову къ рѣчкѣ къ Шелбеницѣ. Великою дорогою до Копыта, а отъ Копыта до Острова на озеро по заозерью. Да по старой рубежъ Полябецкой къ Лукому, да къ Брынищамъ къ красному пню, къ рѣчкѣ Переходницѣ внизъ рѣкою въ богатый Ручай, да ручьемъ въ Великую рѣку. — Послы отвѣчали: «Тотъ рубежъ говорите поперегъ волостей Полоцкихъ, и многія села королевскія и церковныя св. Спаса и дѣтей боярскихъ королевыхъ Корсаковичевъ путныя земли, и иныхъ дѣтей боярскихъ путныя земли называеете Себежскою землею». Послы означили свой рубежъ Себежскимъ землямъ: «На первой рубежъ Дѣдинцомъ съ Лидевцы, почонши отъ границы Нѣмецкіе отъ трехъ Волотовокъ, которые суть ме

жи границъ у Высоо озеро, а смыца озера у Ситно озеро да въ Высу рѣку, а Исою рѣкою вверхъ то починаетца рубежъ тою висою рекою Дѣдинцомъ въ Себезаны; а изъ Сысы рѣки въ везовень ручей и Везовнемъ вверхъ, отъ Везовна въ Суходло, отгортъ починаетца рубежъ Мочажаномъ съ Себезаны; а изъ Суходола въ Черницо озеро, зъ Черненца озера въ Деменцо озеро, изъ Деменца у Попелинцо озерко, а изъ Попелинца у Высорно озерко, а изосырны озерка мхомъ да въ Корасево озерко, а изъ Корасева въ Бѣленицу рѣку, а Бѣляница рубежъ Сталевлянномъ съ Себезаны, зъ Бѣляницы рѣки да въ Бѣлое озерко, зъ Бѣлого въ Глыбочицу, зъ Глыбочицъ въ Глубокое озеро, зъ Глубокова да въ Межтокъ, а Межтокъ рубежъ Себезаномъ совдошковой землею, зъ Межтока у Колесо озеро, съ Колеса въ Горницу рѣку, а то рубежъ Овдошковой земли съ Себезаны, зъ Горницы да въ Себежо озеро, Себежъ озеро рубежъ Мхинцомъ съ Себезаны, а съ Себежа въ Черную рѣку, а Черная рѣка Мхиланцомъ съ Себезаны рубежъ, отъ Черной рѣки у Житицу рѣку, а зъ Житицы великою дорогою Витовтовою, то рубежъ Испоротовичемъ съ Себезаны, да въ верховье у Переходинское, да въ Переходницу рѣку, зъ Переходницы въ Мохъ, мхомъ въ Богатый ручей, съ Богатого ручья въ Великую рѣку внизъ по земцовъ перевозъ, то починаетца рубежъ Непоротовичамъ съ Опочаны, изъ земцова перевоза у Липу да въ слизки мостокъ, да въ Тетерью гору, да въ Онаньну гору, да въ высокій лугъ въ Дроздину рѣку, зъ Дроздины въ озеро Дрозцо, зъ Дрозца у восининцо озеро да въ Волховинцо озерко у Загоску, изъ Загоски въ бабку въ камень, отъ Бабки у Колпинцо озеро, съ Колпинца да въ Соколенскій мохъ, съ того моху у Вололю рѣку, да въ Елцо ручей, да въ Литовку рѣчку, да въ Чепелицу, да въ Чепило озеро, да въ Кракало въ селищцо.

29) Акты Западн. Россіи, II, № 206, 207, 211, 213.

30) Т.-е. Растовецкія. О Растовцѣ въ нашей Исторіи т. IV, стр. 135, примѣч. 163.

31) Крымскія дѣла № 8, съ стр. 530; № 9-й весь.

32) Курбскій, стр. 8. Горше всѣхъ отъ царя Казанскаго, сильнаго и можнаго мучителя христіанскаго, иже подъ властію своею имѣлъ шесть языковъ различныхъ, ими же безчисленное и не-всповѣдимое плѣненіе и кровопролитіе учиналъ, такъ, иже уже все было пусто за осьмнадцать миль до Московскаго мѣста. А

внутри челоѡкоугодникомъ, со царемъ младымъ, пустошающимъ и воюющимъ нещадно отечество. — П. С. Р. Л. IV, 302.

33) П. С. Р. Л. IV, стр. 299—307. Щербатова Истор. Россійская, V, 184.

34) Акты арх. эксп. I, № 187; Дополн. къ акт. историч. I, № 31.

35) Акты арх. эксп. I, № 192, 194, 224.

36) Дѣла Польскія, № 3, стр. 7.

37) Акты историч. I, № 140.

38) Бритву накладующе на браны своя, женамъ угоде творяще... блудъ сдѣвающе съ младыми юношами... растлѣвающе Богомъ свобожоныхъ плѣнниковъ, благообразныхъ женъ и добрыхъ дѣвицъ. Царств. кн. стр. 213, 214; Акты истор. I, 159.

39) Колычево—село Московскои губерніи, Серпуховскаго уѣзда; Голутвинъ монастырь въ 5 верстахъ отъ Коломны.

40) Тульской губерніи, Богородицкаго уѣзда, впадаетъ въ Упу.

41) Курбскій рассказываетъ иначе: Егда же приведоша живыхъ вязней оныхъ ко царю нашему, тогда повелѣлъ, предъ шанцы выведши, привязати ихъ къ колю, да во градѣ сущихъ своихъ молятъ и напоминаютъ: да поддадутъ Казанское мѣсто цареви христіанскому; также и наши ѣдяще, напоминали ихъ, обѣщающе имъ животь и свободу, яко тѣмъ вязнемъ, такъ и сущимъ во градѣ, отъ царя нашего; они же, сихъ словесъ выслухавъ тихо, абіе начаша стрѣляти съ стѣнъ града, не такъ по нашихъ, яко по своихъ, глаголюще: «Лучше, рече, увидимъ васъ мертвыхъ отъ рукъ нашихъ бусурманскихъ, нежели бы посѣкли васъ гауры необрѣзанные!»

42) По словамъ Курбскаго, первый вошелъ на стѣну братъ его.

43) Царств. книга; Синодал. лѣтоп. № 486; Сказаніе кн. Курбскаго; о числѣ Русскаго войска бывшаго подъ Казанью такъ назыв. Морозовскій лѣтоп. Толстовскои библиотеки.

44) Царств. кн. 537; И по малѣ времени Государю со царицею и съ новорожденнымъ своимъ младенцемъ Дмитріемъ пошедши въ обитель Живоначальныя Троицы, да просвѣтятъ новорожденнаго св. крещеніемъ. И вскорѣ Государь къ Москвѣ возвратися. А бояромъ приказалъ Государь безъ себя о Казанскомъ дѣлѣ промышляти, да и о кормленіяхъ сидѣти: они же отъ великаго такого подвига и труда утомишася, и малаго подвига и труда нестерпѣ-

ша докончати, и возжелѣша богатства, и начаша о кормленіяхъ сѣдѣти; а Казанское строеніе поотложиша.

45) Никонов. VII, 198—286. Курбскій, стр. 53.

46) Дѣла Ногайскія, № 2, 3, 4, 5 и 6.

47) Ардыбашевъ спрашиваетъ: не Чеченскіе ли?

48) Курбскій, стр. 49.

49) Никонов. VII, 202—309; Львов. V, 289—313; Курбскій, стр. 50 и слѣд.; Древн. Росс. Вивліюв. XIII, 286.

50) Никонов. VII, 247 и слѣд; Geiser — *Geschichte Schwedens*, II, 131; Дѣла Шведскія, № 1, стр. 18—128. О пограничныхъ ссорахъ здѣсь въ царскихъ рѣчахъ сказано слѣдующее: «А рубежъ называютъ (Шведы) въ нашихъ погостѣхъ рѣчку Руеть Саю рѣкою, что течетъ изъ колодезя изъ нашего изъ Куивагского погоста, а пала въ рѣку Сестрь въ нашемъ же Корбосельскомъ погостѣ. И чрезъ Саю рѣку и чрезъ Сестрею рѣку и чрезъ иные старинные рубежи, которые писаны къ князь Юрьевъ грамотѣ и въ князь Магнушевѣ грамотѣ, черезъ всѣ тѣ старинные рубежи вступались».

51) Акты истор. I, № 140.

52) *Monumenta Livoniæ antiquæ* V, 114, I, 202; *Scriptores rerum Livonicarum* I, 213; Faber — *Preussisches Archiv*, 6; *Historica Russiæ monumenta*, I, CXXX. Изъ бумагъ Шлитта видно, что онъ хлопоталъ больше о себѣ, чѣмъ о царѣ, и дѣйствовалъ больше по своимъ предположеніямъ, чѣмъ по царскимъ; такъ наприм. онъ набралъ четырехъ богослововъ.

53) По Никонов. лѣтоп. VII, 216. Нѣмцы просили и заключили перемиріе на 15 лѣтъ; по Ливонскимъ источникамъ на 50; *Monum. Liv. antiquæ* II, 43.

54) *Scriptores rer. Livonic.* II, 467.

55) Такъ рассказываетъ Nyenstaedt — *Monum. Liv. ant.* II, 46; Russov (*Script. rer. Livon.* I. 49) и по нему Hiärn (*Monum. Liv. antiquæ* 1, 208) рассказываютъ, что Дерптскій бургомистръ Ненск совѣтовалъ дѣлать прямо, не соглашаться на дань для проволокъ времени: *Allein dieser getreue Rath funde keine stat, sondern Holtzschur fuhr ihm über die Nase, sagend: der Bürger-Meister möchte sich wohl besser auf Flachs und Bockshäute, denn auf solche hohe Dinge verstehen. Der Moscowiter were ein Tyran, und könnte in der ersten Hitze dem Lande leichtlich einen unwiederbringlichen*

Schaden zufügen. Ob sie schon ihm den Brief versiegelten, dächten sie ihm doch davon so viel zu halten, als ein schwarzes Härlein. Der Moscowiter were ein Baur und verstunde es nicht, si wolten ihm wol in dem Keyserlichen Cammer-Gericht wieder abgewinnen etc. Da nun der Brief dem Abgesandten geliefert wurde, reichete er selbigen dem Secretario; als er aber darnach grief, nahm ihn der Gesandte wieder zu sich, und steckte selben mit diesen Worten in seinen Busen: Du weist nicht damit umzugehen, denn es ist ein kleines Kindelein, welches man wol warten, mit weissem Brod und süsser Milch versorgen sol; wenn es nu älter wird, so wird es wol sprechen, und unserm Grossfürsten grossen Nutzen schaffen.

56) Никон. VII, 310; Карамз. VIII, примѣч. 514 и 515; Monum. Liv. ant. I, 213; II, 49, 50. Мы не имѣемъ права отвергать показанія Ливонскихъ лѣтописцевъ, что послы отправились съ 60,000 талеровъ въ Москву, ибо современникъ Huenstaedt говоритъ: Die Stadt Dörpt legte 10,000 Thaler as, welche ich selber habe zehlen helffen. Ez wurden also auff der Schreiberei 60,000 Thaler eingepackt, wobei ich selber geholffen. Эти извѣстия можно легко согласить съ извѣстиемъ, содержащимся въ донесеніи по слову, ибо въ послѣднемъ говорится только о Дерптской дани.

57) Такъ у Курбскаго; у Ниевштедта упоминается только о 200 солдатахъ.

58) У Ниевштедта Adel вообще; я написалъ: большая часть, ибо для кого бы епископъ послѣ выговорилъ условіе: die von Adel, welche unter dem Grossfürsten begehreten zu bleiben, bey ihren Landen und Leuten und alle dem ihrigen bleiben möchten in Liefmlandt.

59) Monum. Liv. antiquæ, II, 53; Supplement. ad histor. Russiæ monum. № LXXXV.

60) Число защитниковъ Рингена показывается различно: по Псков. лѣтоп. 140 человекъ; по Курбскому взято было въ городѣ Ливонцами 300 человекъ, которые почти всѣ были поморены въ темницахъ голодомъ и холодомъ; по Ливонскимъ свидѣтельствамъ при осадѣ погибло 400 человекъ Русскихъ. Гарнизономъ начальствовалъ стрѣлецкій голова Русинъ Игнатъевъ.

61) Львов. V, 264 и слѣд. П. С. Р. Л. IV, 310; Monum. Liv. antiquæ II, 61.

62) П. С. Р. Л. IV, 311; Monum. Liv. ant. I, 220.

63) Monum. Liv. ant. I, 219 и слѣд.; Дѣла Шведскія, № 1, стр. 149, 189.

64) Monum Liv. ant. I, 218; С. г. г. и д. V, № 115, 116; Дѣла Датскія, № 1, стр. 46 и слѣд.

65) Книга Посольская Метр. в. к. Литовскаго, I, стр. 1. Впредь эта книга будетъ цитоваться подъ именемъ Литовской метрики.

66) Дѣла Польскія, № 4 и 5 всѣ; Литов. метрика, I, № 6, 33, 34, 35, 37, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 77—80, 89, 90, 95—98, 103—106, 104—129; Monum. Liv. ant. I, 222; Histor. Russiæ monum, I, № CXXXVIII.

67) Nacluyt's collection of the early voyages, travels and discoveries, I, стр. 263, 318. — С. г. г. и д. V, № 113; Никон. VII, 291; Древ. Росс. Вивлюе. ч. 18.

68) Акты арх. эксп. т. I, № 238; Русск. Истор. Сборн. II, стр. 65, 66.

69) Лѣтопись неизданная Александро-Невской библиотеки; я пользовался ею въ Археогр. Коммиссиі; всѣ прочія подробности разсказаны по Царств. книгѣ, съ 338 стр. См. также С. г. г. и д. I, № 167.

70) Никон. VII, 211; Дѣла Польскія. № 4, стр. 428.

71) И Васыяна Бѣснаго, по истинѣ реченнаго, неистоваго. — Издатель напечаталъ Бѣснаго съ большою буквою, какъ прозваніе; Карамзинъ читалъ: Вассіана Бѣскаго; Арцыбашевъ читалъ бѣснаго какъ эпитетъ, приданный Курбскимъ, и разумѣлъ подъ Вассіаномъ Топоркова. Мы соглашаемся съ Арцыбашевымъ и читаемъ такъ: «И Васыяна бѣснаго поистиннѣ, реченнаго (т.-е. прежде реченнаго), неистоваго».

72) Отшель бысть въ монастырь, сто миль отъ Москвы лежатъ; но точно такимъ же образомъ Курбскій опредѣляетъ Кирилловъ монастырь, говоря о побѣдкѣ царя туда послѣ болѣзни.

73) Разрядн. кн. и Синодал. лѣтоп. съ картинами, которую Карамзинъ называетъ продолженіемъ Царствен. книги, л. 483.

74) Продолж. Царств. кн. л. 454.

75) Гваньини — Moscoviæ descriptio, cap. V.

76) Акты арх. эксп. I, № 289.

77) Акты историч. I, № 174.

78) С. г. г. и д. I, № 172, 175, 176, 177, 178, 179, 180, 181.

79) Бѣльскій; П. С. Р. Л. IV; Жизнь кн. Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни, II, 193; Pisma historyczne Michala Balinskiego, III, 22.

80) См. нашей Исторіи т. V, стр. 72 и слѣд.; стр. 412—418.

81) Сказан. кн. Курбск. стр. 373.

82) Что Курбокій имѣлъ дѣйствительно притязанія, по крайней мѣрѣ, на титулъ князя Ярославскаго, доказываетъ его переписка со многими лицами въ Ляत्वѣ, гдѣ онъ величаетъ себя княземъ Андреемъ Ярославскимъ.

83) Александро-Невск. лѣтоп. л. 1022; Донесеніе Котлеру, Таубе и Крузе (Эверса Beiträge zur Kenntniss Russlands, стр. 187); Дѣла Польскія, № 7, стр. 915, 917; С. г. г. и д. I, № 182, 185, 186, 189, 190, 191, 194, 195.

84) Сокращенный Времянникъ до 1691 года, рукон. имп. публ. библ.: Попущеніемъ Божиимъ за грѣхи наши возъярися царь Иванъ Васильевичъ на все православіе по злыхъ людей совѣту Василя Юрьева да Алексѣя Басманова и иныхъ такихъ же, учиниша опричнину, раздѣленіе земли и градовъ, а самъ царь живяше на Петровкѣ и ходяше и ѣздяше въ черномъ платьѣ и всѣ съ нимъ, и бысть туга и ненависть на царя въ миру, и кровопролитіе и казни учинилися многія.

85) См. предъидущее примѣчаніе; см. также Таубе и Крузе въ Ewers — Beiträge zur Kenntniss Russlands; поведеніе опричниковъ, здѣсь описанное, такъ естественно, что намъ не нужно, вѣдѣть съ нѣкоторыми хронографами, предполагать, что самъ Іоаннъ велѣлъ опричникамъ притѣснять земскихъ, наприм.: За умноженіе грѣхомъ всего православнаго христіанства царь Иванъ Васильевичъ сопротивникъ обрѣтесе и наполнися гнѣва и ярости; нача подовластныхъ своихъ сущихъ рабъ злѣ и немилостивно гонити и кровь ихъ проліяти и царство свое порученное ему отъ Бога раздѣли на двѣ части; часть едину себѣ отдѣли, другую же часть царю Симеону Казанскому поручи, самъ же отоиде отъ единыхъ малыхъ градовъ Старицу зовому и тамо жительствуя. Прозва свою часть опришники, а другую часть царя Симеона именована зѣмщина, и заповѣда своей части оную часть насилovati и смерти предавати и дома ихъ грабити, и воеводъ, данныхъ ему отъ Бога, безъ вины убивати повелѣ, не усрамися же и святительскаго чина, оныхъ убивая, оныхъ заточенію предавая, и грады краснѣйшія Новгородъ и Псковъ разрушати, и въ нихъ православныхъ христіанъ злѣ и немилостивно убивати, даже и до ссущихъ младенцевъ повелѣ. И тако многа лѣта водни живота своего провож-

дая уже и наконецъ старости пришедь, права же своего никакже не переменяи. — Въ оправданіе же поступковъ Іоанновыхъ противъ бояръ написана извѣстная Епистоля Ивашки Пересвѣтова; она напечатана въ сокращеніи у Карамз. IX, прим. 849.

86) Дѣла Польскія, № 8 весь занятъ этими отвѣтами. Бѣльскій.

87) С. г. г. и д. I, № 193.

88) Лѣтописецъ библи. Москов. арх. мин. ин. д. изъ библиотеки Волинскаго, стр. 82; Житіе св. Филиппа.

89) С. г. г. и д. I, № 168, 169, 187, 188; Александро-Невск. лѣтоп. 948.

90) См. Кельха. Въ Русскихъ лѣтописяхъ нѣтъ подробностей о смерти князя Владиміра; иностранныя свидѣтельства противорѣчатъ другъ другу: по однимъ его отравили, по другимъ зарѣзали, по третьимъ отрубили голову; по однимъ его отравили вмѣстѣ съ женою и сыновьями, по другимъ жену и сыновей разстрѣляли. По однимъ родословнымъ книгамъ у князя Владиміра значится одинъ сынъ Висилій — бездѣтень, по другимъ трое: Василій, Иванъ да Юрій. Если согласимся съ иностранными показаніями и съ Курбскимъ, что двое были убиты вмѣстѣ съ отцомъ, то третій оставался въ живыхъ, ибо объ немъ говоритъ царь Іоаннъ въ своей духовной 1572 года: «А что былъ далъ есми князю Володимеру Андреевичу, въ мѣну противъ его вотчины городовъ и волостей и селъ, города и волости и села, и князь Володимеръ передо мною преступилъ, и тѣ города и волости и села сыну моему Ивану, и князь Володимерова сына князя Василья и дочери, посмотри по настоящему времени, какъ будетъ пригоже». Дополн. къ акт. истор. I, № 222. Этотъ Василій въ 1573 году, во время свадьбы сестры своей, уже былъ женатъ (Древ. Росс. Вивліое. XIII, 97). Но почему младшіе были умерщвлены, а старшій пощажень?

91) Ядро Россійск. Исторіи; Таубе и Крузе; П. С. Р. Л. III, 254—262; IV, 343: Псковской лѣтописецъ говоритъ: И егда же прииде князь великій на поле близъ града и ста въ обители св. Николы на Люботовѣ, въ нощи къ недѣли и начаша утреннюю звонити по всему граду, и тогда слышавъ князь великій велій звонъ, умилися душою и прииде въ чувство, и повелѣ всѣмъ во емъ мечи притупити о камень и инединому бы дерзнути еже во градъ убійство сотворити; и наставшу дни, тридневному воскресевію, прииде во градъ и удивися велию душою гражданомъ и

любве, еже къ нему показаша. И приде благословитися къ блаженному Николѣ, иже Христа ради похабъ ся творя, блаженный же поучивъ его много ужасными словесы, еже престати отъ велія кровопролитія и не дерзнути еже грабити св. Божія церкви; царь же прежде сія глаголы ни во что же вмѣнивъ, повелѣ у св. Троицы колоколъ сняти, того же часа паде конь его лучший по пророчеству святаго, и повѣдаша сія царю, онъ же ужасенъ вскорѣ бѣжа изъ града.» Въ рукопис. сокращ. Времянника до 1691 года Никола говоритъ такъ Іоанну: « Не замай, минухне, насъ и поиди отъ насъ, не начемъ тебѣ будетъ бѣжати » — и въ тотъ часъ паде царевъ аргамакъ лутчей, и тако отъ Пскова отъиде самъ царь скоро. — Разныхъ рѣчей Николы, помѣщенныхъ у иностранцевъ, не выписываемъ. — О дѣлѣ надъ соумышленниками Пимена см. въ Москов. арх. мнѣ. ин. д. Переписную книгу посольскаго приказа 1626 г., № 2, л. 423.

92) Дополн. къ акт. историч. I, № 222.

93) С. г. г. и д. I, № 196, 198, 199, 201.

94) Сокращен. Времянникъ до 1691 года, рукоп. импер. публ. библиот.; Акты арх. эксп. I, № 290, 292, 294. Самая любопытная грамота Іоанна къ Симеону относится къ 30 Октября 1575 года: « Великому князю Симіону Бекбулатовичу всеа Русіи сю челобитную подалъ князь Иванъ Васильевичъ Московской и дѣти его князь Иванъ и князь Ѳедоръ Ивановичи Московскіе, а въ челобитной пишутъ: Государю великому князю Симіону Бекбулатовичю всеа Русіи Иванецъ Васильевъ ссвоими дѣтишками сыванпомъ да с Ѳедордомъ челомъ быють: чтобъ еси государь милость показалъ, ослободилъ людишокъ перебрать бояръ и дворянъ и дѣтей боярскихъ и дворовыхъ людишокъ, иныхъ бы еси ослободилъ отослать, а иныхъ бы еси пожаловалъ ослободилъ принять, а с твоими государевыми приказными людьми ослободилъ о людишкахъ памятьми ссылатися, а ослободилъ бы еси пожаловалъ изо всякихъ людей выбирать и принимать, и которые намъ не надобны, и намъ бы тѣхъ пожаловалъ еси государь ослободилъ прочь отсылати. И какъ государь переберемъ людишка, и мы къ тебѣ ко государю имена ихъ списки принесемъ, и отъ того времени безъ твоего государева вѣдома ни одного человека не вроземъ, а которыхъ людишокъ приемъ, и ты бѣ государь милость показалъ вотчиншинокъ у нихъ отнимать не велѣлъ какъ прѣжь сего ведошь

у удѣльныхъ князей, а испомѣстниковъ ихъ имъ хлѣбнишко и ден-
 жинна и всякое ихъ рухлядишко пожаловалъ велѣлъ отдать и лю-
 дишкокъ ихъ не ограбя велѣлъ выпустити, и которые похотятъ къ
 намъ, и ты бѣ государь милость показалъ ослободилъ ихъ быти у
 насъ безоцально и отъ насъ ихъ имати не велѣлъ, а которые отъ
 насъ пойдутъ и учнутъ тебѣ государю бити челомъ, и ты бѣ го-
 сударь пожаловалъ, милость показалъ по ихъ челобитью къ себѣ
 къ государю тѣхъ нашихъ людишокъ, которые учнутъ отъ насъ
 отходить, пожаловалъ не принималъ. Да покажи государь милость,
 укажи свой государской указъ какъ намъ своихъ мѣликихъ люди-
 шокъ держати, по нашихъ ли дьячишковъ запаскамъ и по жало-
 ваньишку нашему, или велишь на нихъ полные имати, какъ госу-
 дарь указъ свой учинишь, и о всемъ тебѣ государю челомъ
 бьемъ: Государь смилуйся пожалуй.» — Столбцы приказа тайныхъ
 дѣлъ, № 32, въ государ. архивѣ.

95) Акты арх. эксп. I, примѣч. 63; что дворовые и опричники
 одно и то же, видно изъ слѣдующаго мѣста рукописн. лѣтописи
 изъ библиот. Волынскаго (библ. Моск. гл. арх. мин. ин. д.),
 стр. 82. «которые князи и бояре и вельможи ему годны, назы-
 ваше ихъ опришниками, сирѣчь дворовыми».

96) Лѣтоп. Львов. V, 299 и слѣд. до конца; Продолж. Царств.
 кн. л. 472; разряды; Курбскій; П. С. Р. Л. IV, 311 и слѣд.; Мо-
 num. Livon. antiq., I, 223 и слѣд.; Historica Russiæ Monum. I,
 № CXXXIX, CXLIII.

97) Дѣла Шведскія, № 1, съ 224 стр. до конца.

98) Въ переговорахъ съ Шимкевичемъ Іоаннъ между прочимъ
 велѣлъ сказать послу: «А записанъ Смоленскъ въ нашу сторону
 и въ докончальныхъ грамотахъ в. к. Семена Ивановича съ Ол-
 гердемъ». См. дѣла Польск. № 6, стр. 62.

99) Дѣла Польскія, № 6, 7, 9 — все; Акты истор. I, № 168,
 169; акты Западн. Росс. III, № 36, 41; Nowakowskiego-Zródła
 dodziejów Polski, I, p. 193. Метрика Литов. I, № 130, 152, 163;
 С. г. г. в д. I, № 192; Histor. Russ. Monumenta, I, № CXLV,
 CLI; Monum. Liv. antiquæ I, 267 и слѣд., II, 68 и слѣд.; Алек-
 сандро-Нев. лѣтоп. 951; — Geiser-Geschichte Schwedens, II, 154
 и слѣд. Monumenta Liv. antiquæ, I, 270; Дѣла Шведскія, № 2;
 Beiträge zur Kenntniss Russlands von Ewers und Engelhardt, p.

145, 168. Hacluyt's Collection, I, 378; грамота Елисаветы въ Москов. арх. мин. ин. д.

100) Александро-Нев. лѣтоп. 1002—1010, 1036 и слѣд.; Дѣла Крымскія № 10—14; Hammer's—Geschichte des Osmanischen Reiches, II, 378. Дѣла Турецкія, № 2; Hacluyt's Collection, I, 533—562; тутъ же: A letter of Richard Uscombe to M. Henrie Lane, 5 August 1571. Никонов. VII, 313; Ист. Росс. Щербат. V. 278 и слѣд.; Древ. Росс. Вивліюе. XIII, 400; Донесеніе Таубе и Крузе; повѣсть о бою воеводъ Московскихъ съ невѣрнымъ ханомъ въ книгѣ о Древност. Росс. Государства, т. I, Рукоп. синод. библ.; П. С. Р. Л. III, 173; Histor. Russiæ monum. I, № CLIV.

101) См. нашей исторіи т. I, стр. 202; т. II, стр. 34; т. III, стр. 37; т. V, стр. 205—207.

102) Zbior pamiątników o dawnej Polsce, Niemcewicza, I, p. 95, 83.

103) Modrzewii — de republica emendanda, I, 15.

104) Акты Западной Россіи, II, № 144.

105) Zbior pamiątników, I, 141 и слѣд.; Histor. Russ. Monum. I, № CXLV, CLXV, CLXIV, CLXIII; Акты Западн. Россіи, III, № 55 и 56; Histor. monum. № CLXI, CLXX; Abbertrandego—Pанowanie Henryka Walezyusza i Stefana Batorego; Histor. Russiæ Monum. I, № CLXXVII, CLXXVIII; Дѣла Польскія, № 10; Histor. Russ. Monum. I, № CLXXX, CLXXXI, CLXXXII, CXXXVII; Продолженіе Царствен. книги, Февраль 1560; Дѣла Датскія, № 2, со стр. 30; Памятники дипломат. сношеній, т. I, стр. 490 и слѣд.—Дѣла Шведскія, № 2 и 3. — Monum. Livon. antiquæ; I, 286 и слѣд.; II, 79. — Карамз. IX, прим. 420. Разрядныя книги (Симбирск. сборн. и архив. рукопис.); С. г. г. и д. II, № 48. Heidensteinii — de bello Moscovitico: Карамзинъ, сличая рассказъ Гейденштейна о Венденскомъ дѣлѣ съ извѣстіями нашихъ Разрядныхъ книгъ, говоритъ: «Ночь прекратила битву: Сапѣга и Бое хотѣли возобновить ее, ждали утра; но первый вождь Московскій, Голицынь, окольничій Ѳедоръ Шереметевъ, князь Андрей Палицкій, вмѣстѣ съ дьякомъ Щелкаловымъ, въ безуміи страха уже скакали на борзыхъ коняхъ къ Дерпту. Еще нѣкоторые говорили о долгѣ и чести; ихъ не слушали — но они говорили, что думали, и явля примѣръ, достойный лучшихъ временъ Рима: воеводы, бояринъ князь В. А. Сицкій, окольничій В. Ѳ. Воронцовъ, Д. Б. Салтыковъ, кн. М. В. Тюфякинъ не тронулись съ мѣста, хотѣли смер-

ти и нашли ее, когда неприятель, въ слѣдующее утро, всѣми силами на нихъ ударилъ; окольн. Татова, князей Хворостинина, Семена Тюфякина, дѣяка Клобукова взялъ въ плѣнъ». Но изъ обоихъ источниковъ нѣтъ никакого права заключить, что всѣ эти лица были убиты и взяты въ плѣнъ на другой день. Разрядныя книги говорятъ только о поражении и потеряхъ; Гейденштейнъ же говоритъ только о двухъ начальникахъ артиллеріи, которые остались въ лагерѣ и были взяты въ плѣнъ.

106) Дѣла Польскія, № 10, 11, 12, 13, 14; Метрика Литовская, II; Акты Западн. Росс. III, № 124. Древн. Росс. Вивліюе. XIV, 349, 380 и слѣд.; Акты арх. эксп. I, № 306; Albertrandégo-papowanie Henr. Walez. i Step. Batorego; Симбирск. Сборникъ, стр. 77, 74; Supplementum. ad hist. Russ. Monum. № 11, [Monumenta Liv. ant. I. 327; Niemcewicza—Zbiór pamiętnikow o dawnej Polsce, II. 165; Histor. Russiæ Monum. I, № CXXX—CXXXIII, CXL, CXLI, CCXII. Дѣла Папскія, № I; Monumenta Livoniæ antiquæ, I, 340; Дѣла Англійскія въ Москов. арх. мин ин. дѣлъ, № 1. Тамъ же, архивъ Царства Польск., св. I.

107) Памятн. дипломат. сношеній древн. Россіи, I, 714 и слѣд.

108) Вѣдаемъ, что у него денегъ нѣтъ въ землѣ, а займучи деньги, немного съ Московскимъ государемъ воеваться. Угорскими вшами не заплатити ему найму.

109) Jac. Ulfeldii Hædoporicon Ruthenicum; Столбцы въ Моск. арх. мин. ин. дѣлъ, № 88.

110) Дѣла Крымскія, № 15.

111) Никон. VIII, 4.

112) Т. ж. VII, 228, 274, 291.

113) Акты историч. I, № 179.

114) Александро-Невск. лѣтоп. год. 1563; Акты историч. I, № 179; Собр. г. г. и д. II, № 40, 42, 45; Лѣтоп. Сибирск. изд. Г. Спасскаго, стр. 28; Дѣла Ногайскія, № 6, стр. 174, 208.

115) См. Исторію Россіи, т. IV, стр. 159.

116) Акты арх. эксп. I, № 94.

117) Нѣкоторые, на основаніи этого свидѣтельства, хотятъ утвердить, что одни Строгановы выкупили Василя Темнаго, и для этого предполагаютъ, что окупъ былъ незначительный. Но если мы даже, отвергнувъ показанія Новгородскаго лѣтописца о 200,000, примемъ показаніе Псковскаго о 29,500 рубляхъ, то и это бу-

дѣтъ сумма очень значительная по тогдашнему времени: богатые Новгородцы, откупаясь отъ великихъ князей Московскихъ, не платили имъ болѣе 15,500 рублей; въ обвиненіяхъ Василю Темному отъ Шемяки читаемъ: «золото и серебро и всякое имѣніе отдаешь Татарамъ; христіанъ томишь безъ милости»: здѣсь ясное указаніе на сборъ денегъ для окупа. Говорятъ также, что Василий Темный, въ благодарность за эту услугу, отдалъ Строганову въ оброчное содержаніе тѣ земли, которыя Лука Строгановъ отыскивалъ на Новгородцахъ, и въ этомъ состояла великая честь, которой сподобились Строгановы; но нельзя видѣть большаго вознагражденія въ отдачѣ на оброкъ земель, которыя еще нужно было оттянуть у Новгородцевъ; притомъ грамота Шуйскаго говоритъ о великой чести, и мы должны разумѣть только великую честь, а не матеріальныя выгоды.

118) См. Исторію Россіи, IV, 237.

119) Акты арх. эксп. I, № 163.

120) Т. ж. № 254.

121) Дополн. къ акт. истор. I, № 117, 118, 119, 120; Лѣтопись Сибирск., изд. Спасскимъ, стр. 9; Мюллера — Сибирская Исторія, стр. 87.

122) См. Исторію Россіи т. V, стр. 434 и слѣд.

123) Дѣла Ногайскія, № 2 и 3; Дѣла Крымскія, № 11 и 12 10,

124) Дѣла Турецкія, № 2, стр. 2, 34.

125) Т. ж. стр. 36. Здѣсь ясно значеніе словъ: *серень* и *осеренить*: говорится объ оттепели, которая сдѣлала снѣгъ рыхлымъ, такъ что лошади въ немъ проваливались.

126) Т. ж. стр. 49; Дѣла Крымскія, № 14, стр. 269.

127) Хронографъ Хрущовскій, въ библиот. Моск. арх. мин. ин. д. № 5.

128) Дѣла Ногайскія, № 10, стр. 258.

129) Лѣтоп. Сибирская, изд. Спасскимъ, стр. 15.

130) Дополн. къ акт. историч. I, № 128.

131) Т. ж. № 126.

132) Т. ж. № 128.

133) Мюллера — Сибирская Исторія, стр. 171.

134) Beiträge sur Kenntniss Russlands, 231; П. С. Р. Л. III, 167.

135) Акты арх. эксп. I, № 284.

Истор. Росс. Т. VI.

136) Обикодъ Іосифова Волоцкаго монастыря: По Аннѣ Васильчиковой дачи государскіе 100 рублей.

137) Ant. Possev. De moscovia, commen. I; Interfectum igitur fuisse Ioannem filium a Magno Moscoviæ duce in arce ea, quæ sloboda Alexandri dicitur, certiore inditio proditum est. Ejus mortis fuisse causam, qui veritatem scrutati sunt (nam et tum erat apud eum alter ex interpretibus meis, quem ad ipsum allegaveram) hanc veriore[m] retulere. Honestæ quæque, nec pauperes mulieres tribus vestibus indui solent, præ ratione temporum, aut gravibus aut levibus, si una tantum induantur, haud bene audiunt. Tertia igitur Ioannis filii uxor simplici veste induta, quoniam uterum gerebat, neque a se quemquam aditurum putabat, forte super scamno decumbens, invisitur a Magno Duce Moscoviæ, cui statim assurgens, nihil tamen animum illius emollivit, sed accepta alapa, deinde baculo, quem ille gestabat, ita percussa est, ut in sequenti nocte pueri abortum faceret. Accurrit interim ad patrem Ioannes filius, eumque dum reprimat, ne uxorem verberet, in se iram et verbera patris convertit. Itaque eidem baculo in capite prope tempora gravissime vulneratus est. Et filius antea adversus patrem incensus, multa illi exprobraverat in hæc verba: tu mihi primam uxorem nullam ob causam in monasterium intrusisti; de secunda id ipsum fecisti; ecce jam tertiam percutis, ut filius, quem in utero gerit, pereat.

138) Дополн. къ акт. истор. I, № 129.

139) Hakluyt's Collection etc.; Oderbornii Vitæ Ioannis Basilid. I. III Post longum luctum resumtis parumper viribus, Arinam, honestæ pulchritudinis foeminam, et filii uxorem sui, officii causa in aulam venientem ad stupri consuetudinem percellere voluit, nec aliter illa, quam dum clamat, servata est.... Morbus adeo vehementer demum incubuit; ut putrescentibus intestinis et visceribus, ipsa etiam naturalia teterrimo factore infecta ab animalibus, quæ tabidis in corporibus nasci solent, laniarentur.

140) См. нашей Исторіи. т. V, стр. 406, 407.

141) Одерборнъ: toto habitu succoso et pingui; Кубасовъ: сухо тѣло имѣя. См. также Подробную лѣтоп. изд. Львов. III, 85.

142) Hakluyt-Collection, I, 357; Никонов. лѣтоп. VII, 259.

143) Дѣла Польск. № 14, стр. 637.

ДОПОЛНЕНИЕ.

ЗАМѢТКА ОТНОСИТЕЛЬНО ЗАВОЕВАНІЯ СИБИРИ.

Мы не можемъ оставить нашего разсказа о покореніи Сибири Ермакомъ безъ нѣкоторыхъ объясненій, потому что въ источникахъ этого разсказа находятся разнорѣчія, составляющія предметъ спора. Карамзинъ достовѣрнѣйшею изъ лѣтописей, повѣствующихъ о покореніи Сибири, признаетъ ту лѣтопись, которую мы знаемъ въ печати по изданію г. Спасскаго (1821 года), и полагаетъ составленіе ея около 1600 года: «Авторъ (говоритъ Карамзинъ), имѣлъ въ рукахъ своихъ грамоты Іоанновы, данныя Строгановымъ, и пишетъ основательно, просто: буду называть сію дѣйствительно историческую повѣсть *Строгановскою лѣтописью*». Въ 1849 году г. Небольсинъ, въ сочиненіи своемъ: «*Покореніе Сибири*», вооружился противъ показаній Строгановской лѣтописи (будемъ называть ее такъ по примѣру Карамзина) и старался дать преимущество другой лѣтописи, Есипова, названной такъ по имени своего составителя; г. Небольсинъ говоритъ: «Лѣтопись Есипова, несмотря на реторику и «разѣрство—кратчайшая. Она излагаетъ происшествія просто, внятно, безъ претензій на ученость, безъ особенныхъ увлеченій въ чью-либо личную пользу; она заключаетъ въ себѣ обстоятельства, которыя служили поводомъ къ ея осуществленію, поименовываетъ автора, указываетъ время составленія и не скрываетъ, что лѣтописецъ распространилъ тотъ подлинникъ, которымъ онъ самъ руководствовался. Изъ этого слѣдуетъ заключить, что Есиповъ, худо ли, хорошо ли—но дѣйствовалъ не безъ критики, и описываемыя имъ происшествія, соображалъ съ хронологическимъ ихъ порядкомъ и съ мѣстными обстоятельствами. Здѣсь про Строгановыхъ, Пермскихъ купцовъ, ничего особеннаго не говорится, и на первомъ планѣ стоитъ одинъ только «онъ и вѣдущій риторъ Ермакъ» съ своими людьми. Есиповъ выкинулъ

даже из первообраза своей летописи ссылку на другую летопись: «ини же повѣдаютъ летописцы, яко призваша ихъ (Ермака съ товарищи) съ Волги Строгановы и даша имъ имѣнiя» и проч. Есиповъ понималъ, что здѣсь каждое слово вещь невозможная, и потому просто пишетъ, что Ермакъ съ товарищами самъ пришелъ съ Волги въ Сибирь. Другая летопись неизвѣстнаго автора. Она повторяетъ многое, что есть у Есипова, но еще болѣе, чѣмъ Есиповская летопись, округляетъ періоды, увеличиваетъ ихъ объемъ вставочными предложениями и всюду блеститъ цвѣтами краснорѣчiя, употребляя обороты и выраженiя, которые обличаютъ составленiе ея въ позднѣйшее время, чѣмъ летопись Есипова, не говоря уже про промахи противъ грамматики славяно-церковнаго языка, подъ который составитель летописи очень старался поддѣлаться. Всѣ эти обстоятельства заставляютъ не давать ей той вѣры, которую внушаетъ къ себѣ летопись Есипова, а кой-какія особенности усугубляютъ это недоверiе и возлагаютъ обязанность подвергнуть ее строгой критикѣ. Занявшись съ самаго начала ознакомленiемъ читателя съ важностью значенiя именитыхъ Пермскихъ солеваровъ въ государственномъ быту, задолго до появленiя Ермака на сценѣ, летопись неизвѣстнаго автора выпускаетъ изъ царскихъ грамотъ всѣ тѣ выраженiя, которыя могутъ навести на слѣдъ къ правдѣ, и всѣми силами старается выставить Ермаковыхъ козаковъ существами, непохожими на обыкновенныхъ людей этого разряда: его козаки не воры (въ тогдашнемъ значенiи этого слова), а сладенкіе витязи, всегда готовые плакать отъ умиленiя; они не обыкновенные смертные, которыхъ неприятель можетъ при случаѣ разбить въ битвѣ и одолѣть солюю, а почти всюду побѣдоносные герои; авторъ такъ и хлопочетъ, чтобы отстранить какую-нибудь не деликатность со стороны покорителей, и каждому поступку ихъ придаетъ видъ самаго строгаго приличiя, хотя бы для этого нужно было переначить событія. Подобнаго рода пристрастія повели за собой и другаго рода ошибки: авторъ выводитъ событія, неподтверждаемыя никакими официальными актами, и прибавляетъ, гдѣ только возможно, то, что можетъ дать важный блескъ имени Строгановыхъ. Карамзинъ, въ 670 примѣчанiи къ IX тому своей исторiи, и Есиповскую и Строгановскую летописи обѣ называетъ древнѣйшими и достоверными; въ 664 примѣчанiи къ тому же тому онъ безусловно объясняетъ, что

слѣдуетъ Строгановской лѣтописи, а почему онъ именно ей слѣдуетъ — этого онъ не заблагоразсудилъ открыть намъ, а въ 644 примѣчаніи къ IX же тому Строгановскую лѣтопись онъ называетъ достовѣрнѣйшею всѣхъ иныхъ и сочиненною, вѣроятно, около 1600 года. Эти слова не заслуживаютъ никакого вѣроятія уже потому, что Строгановская лѣтопись въ самомъ началѣ говоритъ о Сибирской архіепископіи, тогда какъ первая архіепископія учреждена тамъ не ранѣе 1621 года, и въ самомъ концѣ говоритъ о строеніи городовъ и церквей, объ очищеніи «всѣя Сибирскія земли», о проповѣди евангельской во всѣхъ концахъ Сибири и о распространеніи христіанства между инородцами, что и заставляетъ насъ относить эту лѣтопись, по крайней мѣрѣ, ко второй половинѣ XVII столѣтія; можетъ быть даже, она и еще позже составлена».

Всякій, сравнивавшій лѣтописи — Есипова и Строгановскую, согласится съ нами, что отзывъ о способѣ изложенія событій въ обѣихъ, отзывъ, который мы находимъ въ изслѣдованіи г. Небольсина, могъ произойти не иначе, какъ вслѣдствіе какого-нибудь случайнаго смѣшенія авторомъ обѣихъ лѣтописей, принятія одной вмѣсто другой: иначе невозможно объяснить, какъ, на примѣръ, авторъ позволялъ себѣ сказать, что лѣтопись Есипова излагаетъ происшествія просто, внятно, безъ претензій на ученость! Стоить только заглянуть въ главу III, VI, VIII, чтобы придти къ высказанному нами предположенію о смѣшеніи авторомъ обѣихъ лѣтописей: неужели это не претензія на ученость, говоря о Сибири, толковать объ Италіи, говоря о Кучомѣ, наполнять цѣлую главу толками о Моисеѣ? И можно ли найти что-нибудь подобное въ Строгановской лѣтописи?—Передъ нами двѣ лѣтописи: составитель одной обнаруживаетъ явное пристрастіе къ своему герою, Ермаку, для чего умалчиваетъ о призваніи его Строгановыми; составитель другой рассказываетъ событія на основаніи источниковъ несомнѣнныхъ, именно царскихъ грамотъ, и приводитъ вполне эти грамоты: котораго изъ двоихъ мы должны предпочесть? Неужели мы должны обличать послѣдняго въ пристрастіи къ Строгановымъ за то только, что онъ упоминаетъ объ участіи ихъ въ дѣлѣ Ермака, основываясь на царскихъ грамотахъ, прямо говорящихъ объ этомъ участіи? Слѣдовательно Строгановская лѣтопись должна быть предпочтена всѣмъ другимъ извѣстнымъ лѣтописямъ Сибирскимъ по своимъ источникамъ, по согласію извѣстій своихъ съ источниками, неоспо-

римо достовѣрными. Но еслибы даже и не знали значенія источниковъ Строгановской лѣтописи, то и тогда мы должны были бы предпочесть ее Есиповской, ибо Строгановскія объясняетъ наше явленіе вполне удовлетворительнымъ образомъ, указывая на постепенный ходъ, связь событій: колонизуется страна, сосѣдняя съ Сибирью; колонизаторамъ, по обыкновенію, даются большія права; по особеннымъ условіямъ новонаселенной страны, богатые колонизаторы должны взять на себя обязанность защищать собственными средствами свои поселенія, строить острожки, содержать ратныхъ людей; само правительство, въ грамотахъ своихъ, указываетъ имъ, откуда они могутъ набрать ратныхъ людей — изъ охочихъ козаковъ; эти козаки особенно становятся имъ нужны, когда они намѣреваются перенести свои промыслы и за Уральскія горы, во владѣнія Сибирскаго салтана, для чего у нихъ есть царская грамота, и вотъ они призываютъ толпу охочихъ козаковъ съ Волги и отправляютъ ихъ въ Сибирь. Что можетъ быть для историка удовлетворительнѣе этого повѣствованія? а насъ хотятъ увѣрить, что гораздо удовлетворительнѣе, сообразнѣе съ дѣломъ отвергнуть свидѣтельство царскихъ грамотъ объ участіи Строгановыхъ въ покореніи Сибири и признать, что толпа козаковъ, сама по себѣ, бросилась съ Волги за Уральскія горы и покорила Сибирь! — Но, основываясь на источникахъ достовѣрныхъ, на царскихъ грамотахъ, составитель Строгановской лѣтописи, быть можетъ, дѣйствительно увлекся, обнаружилъ явное пристрастіе къ Строгановымъ и тѣмъ далъ право изслѣдователю заподозрить повѣствованіе? Дѣйствительно, г. Небольсинъ упрекаетъ составителя Строгановской лѣтописи, что онъ выпускаетъ изъ царскихъ грамотъ всё тѣ выраженія, которыя могутъ навести на слѣдъ къ правдѣ; г. Небольсинъ не заблагоразсудилъ подтвердить справедливость своего упрека, не привелъ ни одного такою выпуска; причина ясна: ихъ нѣтъ! Г. Небольсинъ упрекаетъ также нашего лѣтописца въ искаженіи характера Ермаковыхъ козаковъ, которые, будто бы, представлены сладенькими витязями, всегда готовыми плакать отъ умленія: но во всей лѣтописи встрѣчаемъ только разъ извѣстіе, что Ермакъ предъ рѣшительнымъ дѣломъ, когда многіе козаки были испуганы, со слезами увѣщевалъ ихъ молиться Богу; но еслибы даже лѣтописецъ и нѣсколько разъ заставлялъ козаковъ своихъ плакать, то развѣ г. Небольсинъ не знаетъ, что

наши кривіе предѣлы планами гораздо чаще, чѣмъ мы, слабые ихъ потомки? Поэтому и Мономахъ былъ сладенькій витязь, ибо часто плакалъ? Но, главное, зачѣмъ приписывать лѣтописцу то, чего у него нѣтъ? Зачѣмъ упрекать лѣтописца за то, будто у него козаки вылаются почти всюду побѣдоносными героями, когда этотъ лѣтописецъ говоритъ намъ, что козаки испугались, когда увидали, что засѣка Кучумова защищается множествомъ народа, говоритъ, въ какихъ случаяхъ козацкіе отряды были истребляемы; а что козаки дѣйствительно должны были болѣе побѣждать, чѣмъ терпѣть пораженіе, свидѣтельствуеетъ само дѣло — покореніе Сибири; и развѣ въ другихъ лѣтописяхъ г. Небольсинъ нашелъ больше извѣстій о пораженіяхъ козаковъ? развѣ въ его собственномъ разсказѣ больше этихъ извѣстій? Наконецъ г. Небольсинъ упрекаетъ составителя Строгановской лѣтописи въ томъ, будто онъ такъ и хлопочетъ, чтобъ отстранить какую-нибудь неделикатность со стороны козаковъ: но развѣ въ другихъ лѣтописяхъ мы находимъ извѣстія о томъ, что г. Небольсинъ называетъ неделикатностями? Только тогда можно было бы упрекнуть лѣтописца въ пристрастіи, еслибъ онъ скрывалъ то, что находится въ другихъ источникахъ; но въ Строгановскомъ лѣтописцѣ, какъ нарочно, нѣтъ ничего въ похвалу, нравственности Ермака и его товарищей, нѣтъ извѣстія, что козаки наложили на себя обѣтъ цѣломудрія. Г. Небольсинъ *предполагаетъ* совершенно иное поведение козаковъ, выводитъ на сцену добрыхъ Татарокъ; но это предположеніе г. Небольсина, составленное наперекоръ извѣстіямъ вѣкторыхъ лѣтописей, но не Строгановской: за что же г. Небольсинъ именно вооружается противъ послѣдней? Г. Небольсинъ вооружается противъ Карамзина, зачѣмъ тотъ относитъ составленіе Строгановской лѣтописи къ началу XVII вѣка; по мнѣнію самого г. Небольсина, ея составленіе должно относить, по крайней мѣрѣ, ко второй половинѣ XVII вѣка, ибо въ началѣ ея упоминается о Сибирской архіепископіи, а въ концѣ говорится о проповѣди евангельской во всѣхъ концахъ Сибири. Но объ архіепископіи говорится не въ началѣ лѣтописи, а въ заглавіи ея, которое, ясно, написано не составителемъ ея, а позднѣйшимъ переписчикомъ; въ самой же лѣтописи, въ концѣ, гдѣ слѣдуетъ ожидать извѣстій объ архіепископіи, ихъ нѣтъ; въ концѣ читаемъ: «Изложена же бысть сія повѣсть о поставленіи городовъ и остроговъ въ Сибирь»

сихъ земляхъ и о отпущеніи въ Сибирь атамановъ и козаковъ. Ермака Тимофеева съ товарищи, и о положеіи ихъ козацьемъ въ Сибирскихъ странахъ, и о побѣдѣ царя Кучума, и о взятіи сына его царевича Маметкула, и о владѣніи Сибирской земли государевыхъ людей Русскихъ, сія одовеса о семъ переходятъ въ конецъ сей повѣсти, всякъ бо чтый да разумѣетъ и дѣла толикія вещи не забываетъ: на воспоминаніе сіе писаніе написахъ, да незабвенной будетъ толикіе вещи трудъ».—Вотъ настоящее заглавіе памятника, написанное самимъ составителемъ и измѣненное позднѣйшимъ переписчикомъ. Что же касается до извѣстія о распространеніи евангельскаго ученія во всѣхъ концахъ Сибирской земли, то это очень можно было сказать въ началѣ XVII вѣка: подъ Сибирскою землею разумѣлось не то, что мы теперь называемъ Сибирью, пространство отъ Уральскихъ горъ до Восточнаго океана, но Сибирь въ тѣсномъ смыслѣ, царство Кучумово.

Составитель Строгановской лѣтописи основываетъ свои извѣстія на царскихъ грамотахъ, данныхъ Строгановымъ, и потому г. Небольсинъ, для проведенія своей мысли, что Строгановы не участвовали въ дѣлѣ Ермака, долженъ былъ обратиться къ разсмотрѣнію этихъ грамотъ. Онъ упрекаетъ ученыхъ, писавшихъ прежде него о Сибири и о Строгановыхъ, въ томъ, что они не такъ, какъ должно, понимали эти грамоты, и, прежде всего, высказываетъ любопытное мнѣніе, что земли, данныя Строгановымъ, были даны имъ не въ вотчину, а въ посессию, аренду, кортому! Но спрашиваемъ: въ какой грамотѣ г. Небольсинъ нашелъ опредѣленія срока пользованія данными землями, что было бы необходимо, еслибъ онѣ даны были въ посессию, аренду, кортому? Ошибка г. Небольсина тѣмъ важнѣе, что ведетъ къ неправильному пониманію древнихъ отношеній: пустыя пространства, которыя давались для обработки и населенія, не имѣли никакой цѣнности въ глазахъ правительства; не могли они даваться на время тому, кто своимъ трудомъ, издержками дѣлалъ ихъ цѣнными, способными приносить правительству доходъ по истеченіи льготныхъ лѣтъ. Когда Московскіе послы, говоря объ избраніи царя Ѳеодора Ивановича въ Польскіе короли, упомянули, между прочими выгодами, которыя получитъ Польша отъ этого избранія, и то, что царь будетъ раздавать бѣдной шляхтѣ земли по Дону и Донцу, то паны отвѣчали: «въ такихъ пустыхъ земляхъ что имъ прибытку будетъ?»

У насъ за Кіевомъ такихъ и своихъ земель много; какъ вамъ не соромъ такихъ земель и въ артикулахъ писать? Будеть ли государь давать нашимъ людямъ земли въ Московскомъ государствѣ, въ Смоленскихъ и Сѣверскихъ городахъ?» (Моск. арх. мин. ин. д. Дѣла Польскія, № 18) Такой же точно соромъ было бы написать въ жалованныхъ грамотахъ на пустыя земли, что онѣ даются на время. «Почему они (Строгановы) сдѣлались вотчинниками Чусовскихъ земель впоследствии времени — это другой вопросъ» — говорить г. Небольсинъ. Нѣтъ, не другой вопросъ, а тотъ же самый, и такъ легко нельзя отдѣлываться отъ важныхъ, непреодолимыхъ возраженій: если Строгановы не получили при Іоаннѣ IV-мъ земель въ вѣчное владѣніе, если молчаніе грамотъ о срокѣ владѣнія не указываетъ на эту вѣчность, то спрашивается, когда они получили право на вѣчное владѣніе?

Въ 1574 году Строгановы выпросили себѣ жалованную грамоту селиться и заводить промыслы на Сибирскихъ рѣкахъ, и потомъ видимъ, что Строгановы, призвавши казаковъ, посылають ихъ за Уральскія горы для очищенія тѣхъ мѣстъ, на которыя взята грамота: дѣло ясно для каждаго. Но г. Небольсину надобно было доказать, что Строгановы не имѣли участіе въ походѣ Ермака; съ этою цѣлю онъ дѣлаеть такое заключеніе: прошло много лѣтъ отъ взятія Строгановыми грамоты на Сибирь до похода Ермака — следовательно они не имѣли видовъ на Сибирь, да и не могли имѣть по недостаточности средствъ; но спрашивается, зачѣмъ же они взяли грамоту на Сибирь, когда не имѣли видовъ на эту страну и не могли имѣть ихъ по недостаточности средствъ? Разумѣется, что на этотъ вопросъ г. Небольсинъ не даетъ отвѣта. Потомъ г. Небольсинъ пытается отвергнуть возможность призыва козаковъ Строгановыми, и говорить: «могли ли честные, набожные люди Строгановы, усердные слуги царя — къ обреченнымъ судьей-государемъ смерти ворами посылать ласковую грамоту? Могла ли умнымъ промышленникамъ Строгановымъ прийти въ голову мысль — приглашать къ себѣ цѣлую ватагу, цѣлую армию грабителей, которые ихъ же самихъ, въ дальней глуши, легко могли ограбить? Да и къ какой стати Строгановымъ, стажавшимъ себѣ общее уваженіе, было нужно рѣшаться дѣйствовать вопреки воли благодѣтельствовавшаго имъ государя?» — Все это написано по взглядамъ XIX вѣка, безъ обращенія малѣйшаго вниманія на

понятія XVI вѣка: что Строгановы могли призвать Волжскихъ козаковъ, это всего лучше объясняется гнѣвною царскою грамотою къ нимъ, присланною вѣдѣствіе донесенія Целепелицына: здѣсь хотя козакамъ и дѣлается упрекъ за ихъ прежнее поведеніе на Волгѣ, однако они принимаются въ царскую службу, велѣно имъ идти на защиту Пермскаго края, часть ихъ позволено Стрoгановымъ удержать у себя въ службѣ; казнь грозитъ царь козанамъ только въ томъ случаѣ, когда они будутъ продолжать служить однимъ Стрoгановымъ, не обращая вниманія на царскіе интересы; надобно вспомнить, съ какою легкостію давалось въ то время и послѣ прощеніе козакамъ, которые «отставали отъ воровства», а Ермакъ съ товарищами, соглашаясь не промышлять болѣе на Волгѣ, а служить у Стрoгановыхъ, тѣмъ самымъ отставали отъ воровства. Наконецъ должно замѣтить, что изъ всѣхъ атамановъ, товарищей Ермака, одинъ только Кольцо былъ обреченъ на смерть за прежніе разбои.

«Говорятъ, опираясь на Стрoгановскую лѣтопись (продолжаетъ г. Небольсинъ), что Стрoгановы послали къ Ермаку и ко всѣмъ козакамъ призывную, ласковую грамоту, подписанную 6-мъ числомъ Апрѣля 1579 года, и что Ермакъ съ 500 козаками явился къ Стрoгановымъ 21 Юня того же 1579 года, два года укрывался у нихъ и готовился къ войнѣ съ Кучюмомъ, и 1-го Сентября 1581 года пошелъ завоевывать Сибирь. Разсмотримъ же, есть ли хоть какая-нибудь логика въ этомъ извѣстіи? есть ли тутъ хотя гнѣвъ правды? Посыльный съ Стрoгановской грамотою могъ ѣхать изъ Пермской земли на Волгу не ранѣе вскрытія водъ; ему надобно было прибыть на Волгу, разузнавать тамъ втихомолку, подъ рукою, о мѣстѣ пребыванія Ермака, достигъ до этой цѣли; потомъ, тайкомъ отъ мѣстныхъ властей, умѣть найти его, согласить его и другихъ атамановъ и всю шайку этихъ грабителей послѣдовать приглашенію Стрoгановыхъ и дать имъ срокъ собраться всѣмъ на сборномъ мѣстѣ. Ермакъ долженъ былъ раздумать о предложеніи, которое будто бы дѣлали ему Стрoгановы, сговорить свою артель и артели другихъ атамановъ; убѣдиться чѣмъ-нибудь видимымъ въ выгоду этого зва, и, рѣшившись на походъ, запастись провіантомъ хоть на дорогу, сложить его на суда, совершить свое путешествіе по двумъ большимъ рѣкамъ противъ теченія воды и проплыть, такимъ образомъ, не одну тысячу верстъ, безпрестанно

укрываясь отъ преслѣдованій въ мѣстахъ богѣе населенныхъ. Въ 78 сутокъ, если даже предположить, что вскрытіе рѣкъ послѣдовало действительно 6-го Апрѣля, все это начать, устроить и кончить — не было «физической возможности!» — Не было физической возможности сдѣлать это по трудностямъ, придуманнымъ г. Небольсинимъ, но которыхъ въ самомъ дѣлѣ не было. Строгановскому посланному не нужно было, прибывъ на Волгу, разувѣивать тамъ вѣхомолку, подъ рукой, о мѣстѣ пребыванія Ермака: Строгановы могли узнать прежде отъ своихъ прикащиковъ и револьныхъ о мѣстѣ зимовки козаковъ; посланному не нужно было тайкомъ отъ мѣстныхъ властей находить Ермака; ясно, что г. Небольсинъ, пиша о событіи XVI вѣка, представлялъ себѣ приволжскую и прикамскую сторону въ томъ состояніи, въ какомъ она находится теперь, въ половинѣ XIX вѣка; отсюда являютя у него на сцену мѣстныя власти, отъ которыхъ надобно было скрываться; изъ описанія Волжскаго пути во второй половинѣ XVI вѣка мы знаемъ, что отъ самаго Казанскаго устья начиналась уже пустыня. Что Ермакъ долженъ былъ долго думать о предложеніи Строгановыхъ — это предположеніе г. Небольсина, неизвѣстно, на чемъ основанное; лѣтопись говоритъ, что козакамъ нечего было долго думать, что они обрадовались предложенію, и пошли вскорѣ, и у насъ нѣтъ никакихъ основаній усомниться въ справедливости этого извѣстія. Не знаемъ, сколько времени думаетъ г. Небольсинъ назначить козакамъ для нагруженія на суда провіанта, который, по собственнымъ словамъ его (стр. 72), состоялъ изъ небольшого количества толокна, крупы и соли? Г. Небольсинъ предполагаетъ путешествіе Ермака по двумъ большимъ рѣкамъ: это очень неопредѣленно, ибо неизвѣстно мѣсто, гдѣ зимовалъ Ермакъ, гдѣ нашелъ его посланный отъ Строгановыхъ?

«Ермакъ (говоритъ далѣе г. Небольсинъ) съ своею шайкою и другіе атаманы не могли жить два года у Строгановыхъ: два года кормить пятьсотъ человекъ не земледѣльцевъ, а людей и бесполезныхъ и вредныхъ, при тогдашнемъ населеніи Строгановскихъ арендъ — было и невозможно и несообразно съ здравымъ разсудкомъ: два года держать такую ватагу людей, не заявивъ, по крайней мѣрѣ, Пермскимъ властямъ, или скрывать ее такимъ образомъ, чтобы правительство само не провѣдало объ этомъ, тоже было невозможно.» — Это разсужденіе отъывается опять понятіями

ХІХ вѣка и обличаетъ очень легкое вниманіе къ источникамъ; съ какой стати Строгановы стали бы заявлять Пермскимъ властямъ своихъ казаковъ, когда они находились въ полной независимости отъ этихъ властей, когда имъ позволено было прибирать разныхъ людей, охочихъ казаковъ и употреблять ихъ какъ для войны оборонителей, такъ и наступательной? Г. Небольсинъ считаетъ невозможнымъ для первыхъ богачей въ государствѣ кормить два года 500 человекъ: неужели онъ не знаетъ, сколько дворни держали въ это время въ Москвѣ бояре и окольные, у которыхъ было гораздо менѣ средствъ, чѣмъ у Строгановыхъ? Но всего страннѣе, что люди, необходимые Строгановымъ и для войны оборонительной и для наступательной, называются бесполезными и вредными!

«Козаки (говоритъ г. Небольсинъ) и съ ними Кольцо, не могли прійти на Чусовую къ Строгановымъ въ 1579 году, потому что има неравнучнаго и довѣреннаго товарища Ермака — Ивана Кольца, встрѣчается въ оѣціальныхъ документахъ 1581 года, при описаніи Волжскихъ набѣговъ 1580 года.»—Уповиновеніе объ Иванѣ Кольцѣ въ 1581 году показываетъ только, что онъ не былъ пойманъ, а не былъ пойманъ извѣстно почему—онъ укрылся у Строгановыхъ.

«Съ самаго начала 1581 года Вогуло-Остяцкія племена тѣснили владѣнія Строгановыхъ и угрожали Перми. Еслибъ Ермакъ весну и лѣто этого года дѣйствительно былъ уже на Чусовой и былъ наемникомъ и нахлѣбникомъ Строгановыхъ, то прямымъ слѣдствіемъ этого пребыванія было бы то, что его или Строгановы, или земская власть заставили бы защищать Русскіе предѣлы: Строгановымъ въ 1581 году нельзя было посылать Ермака Богъ знаетъ куда въ такое время, когда бѣда висѣла надъ головой и когда всякая помощь на мѣстѣ была спасеніемъ цѣлаго края отъ будущихъ разореній. Строгановы, должно быть, даже вовсе не знали о походѣ къ нимъ Ермака: иначе — надо допустить, что (въ началѣ 1581 года) прося у царя ратныхъ людей въ защиту своихъ слободокъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ жалуясь ему на Никиту Строганова, что онъ не даетъ имъ помощи, они дерзнули скрыть отъ государя, что у нихъ есть много людей Ермаковой шайки, и такимъ образомъ, посредствомъ лжи, довели царя и къ понужденію и Никиты и Пермскихъ властей грамотою отъ 6 Ноября 1581 года.»—Непонятно, какимъ образомъ г. Небольсинъ позволяетъ себѣ употреблять

эти бы относительно дѣятельности Ермака у Строгановыхъ, когда лѣтопись прямо говоритъ, что эта дѣятельность именно состояла въ битвахъ съ безбожными Агарянами, съ мурзою Бегбеліемъ. Строгановымъ можно было послать Ермака въ Сибирь именно въ Сентябрь 1581 года, ибо передъ этимъ временемъ нападеніе Бегбелія было ими отражено, самъ мурза взятъ въ плѣнъ; они не могли ожидать еще новаго нападенія и рѣшились воспользоваться остающимся до зимы временемъ для Сибирскаго похода. Не понимаемъ также, какъ могъ г. Небольсинъ написать, будто Строгановы просили у царя помощи въ началѣ 1581 года, когда въ грамотѣ своей Строгановы именно упоминаютъ о нападеніи Пелымскаго князя 1-го Сентября этого года: «Въ нынѣшнемъ де въ 90 году, о Семенѣ дни». Въ это время имъ нечего уже было говорить объ Ермакѣ, ибо они его отправили въ Сибирь.

Здѣсь мы должны остановиться, ибо дальнѣйшія предположенія и объясненія г. Небольсина, касающіяся самого похода Ермака въ Сибирь, нейдутъ къ нашему дѣлу: наша цѣль была опровергнуть возраженія, направленные противъ источника, которымъ мы пользовались при нашемъ разказѣ.

О Г Л А В Л Е Н І Е .

Стр.

ГЛАВА I. Права Елены на правленіе. Смуты. Заключеніе удѣльнаго князя Юрія. Торжество Телепнева-Оболенскаго и заклоченіе Глинскаго. Бѣгство вельможь въ Литву. Бѣгство удѣльнаго князя Андрея изъ Старицы, прїѣздъ его въ Москву и заклоченіе. Война Литовская, переговоры и перемиріе. Дѣла Крымскія. Провски Бѣльскаго въ Константинополь. Вышательство Гиреевъ въ дѣла Казанскія. Мирный договоръ съ Швеціею и сношенія съ другими государствами. Построеніе городовъ; вызовъ поселенцевъ изъ-за границы. Мѣры противъ поддѣльныхъ и рѣзанныхъ денегъ. Дѣти боярскіе, живущіе въ Думѣ. Овѣжская уставная грамота; грамота Владимірскимъ Бобровникамъ. Могущество Телепнева-Оболенскаго. Смерть Елены.....

1

ГЛАВА II. Характеръ князя Василія Шуйскаго. Гибель Телепнева-Оболенскаго. Ссора Шуйскаго съ Бѣльскимъ и заклоченіе послѣдняго; казнь дьяка Мишурина. Правленіе Ивана Шуйскаго. Сверженіе митрополита Даніила и возведеніе Іоасафа. Освобожденіе Ивана Бѣльскаго; правленіе его и митрополита Іоасафа. Освобожденіе князя Владиміра Андреевича Старицкаго. Торжество Шуйскихъ. Гибель Бѣльскаго. Сверженіе митрополита Іоасафа и возведеніе Макарія. Правленіе Андрея Шуйскаго. Удаленіе любимца государева, Воронцова. Воспитаніе Іоанна и образованіе его характера. Гибель Андрея Шуйскаго. Опады. Принятіе царскаго титула и женитьба Іоанна на Анастасіи Романовнѣ. Пожары въ Москвѣ. Обвиненія Глинскихъ въ волшебствѣ; возстаніе на нихъ народа. Сильвестръ и Адашевъ. Созваніе выборныхъ и рѣчь царя на лобномъ мѣстѣ. Значеніе правленія боярскаго. Дѣла Литовскія, Крымскія и Казанскія въ это правленіе. Бѣдствія отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ. Губныя грамоты. Новое извѣстіе о дѣтияхъ боярскихъ, живущихъ въ Думѣ. Бѣгство Петра Фрязина.....

32

ГЛАВА III. Неудачный походъ на Казань 1550 года. Основаніе Свіязьска; подчиненіе окрестныхъ племенъ и самой Казани. Ненависть въ Каза-

ни къ царю Шигъ-Алею, подручнику Московскому. Просьба Казанцевъ дать имъ въ намѣстники боярина Московскаго вмѣстѣ Шигъ-Алея. Государь соглашается, но Казанцы не пускаютъ къ себѣ бояръ. Походъ подъ Казань 1552 года. Нашествіе Крымскаго хана. Осада и взятіе Казани. Возвращеніе царя въ Москву. Значеніе Казанскаго взятія. Борьба съ пятью Казанскими народами. Отношенія Москвы къ Ногаймъ. Покореніе Астрахани. Отношенія къ народамъ прикавказскимъ. Борьба съ Крымомъ. Война и миръ съ Швеціею. Война Ливонская. Сношенія съ Швеціею, Даніею и Литвою. Начало сношеній съ Англіею.....

85

ГЛАВА IV. Причины неудовольствія между царемъ и Сильвестромъ. Болѣзнъ Іоанна и поведеніе нѣкоторыхъ вельможъ во время ея. Поездка въ Кирилловъ монастырь. Максимъ Грекъ. Вассіанъ Топорковъ. Бѣгство князя Семена Ростовскаго. Разборъ свидѣтельствъ объ удаленіи Сильвестра и Адашева. Казни. Нравственная порча Іоанна. Ссылка князей Курлятева и Воротынскаго. Поручныя записи. Бѣгство Курбскаго въ Литву и переписка его съ Іоанномъ. Впечатлѣніе, произведенное отъѣздомъ Курбскаго на царя. Отъѣздъ Іоанна изъ Москвы. Учрежденіе опричнины. Митрополитъ Филиппъ. Гибель князя Владимира Андреевича. Казни Новгородскія. Сыскное измѣнное дѣло. Духовное завѣщаніе Іоанна 1572 года. Великій князь Симеонъ.....

181

ГЛАВА V. Успѣхи Русскихъ въ Ливоніи; ея распаденіе. Мысль Іоанна жениться на сестрѣ короля Польскаго. Взятіе Полоцка. Переговоры о мирѣ съ Литвою. Соборъ въ Москвѣ по поводу этихъ переговоровъ. Возобновленіе военныхъ дѣйствій. Прекращеніе ихъ по причинѣ болѣзни короля. Мысль объ избраніи Іоанна ему въ преемники. Царь дѣлаетъ Датскаго принца Магнуса вассальнымъ королемъ Ливоніи. Сношенія съ Швеціею. Неудачныя дѣйствія Магнуса противъ Ревеля. Важность прибалтійскихъ береговъ для Россіи по отзывамъ враговъ ея. Дѣла Крымскія. Неудачный походъ Турецкаго войска къ Астрахани. Нашествіе Крымскаго хана и сожженіе Москвы. Вторичное нашествіе хана и отраженіе его княземъ Воротынскимъ.....

242

ГЛАВА VI. Состояніе Польши и Литвы при послѣднемъ Ягеллонѣ. Смерть Сигизмунда-Августа и вопросъ объ избраніи новаго короля. Переговоры съ Іоанномъ по этому случаю. Избраніе Генриха Анжуйскаго. Его бѣгство изъ Польши. Новые выборы. Избраніе Стефана Баторія. Сношенія Іоанна съ Швеціею и война въ Эстоніи и Ливоніи. Наступательное движеніе Баторія. Причины его успѣховъ. Взятіе Полоцка, Сокола и другихъ крѣпостей Баторіемъ; нападеніе Шведовъ съ другой стороны. Второй походъ Баторія. Переговоры. Третій походъ Баторія и осада Пскова. Іезуитъ Поссевинъ. Запольское перемиріе. Разговоръ царя съ Поссевиномъ о вѣрѣ. Перемиріе съ Швеціею. Сношенія съ Англіею о союзѣ. Сношенія съ императоромъ и Даніею. Волненія Черемисскія.....

306

ГЛАВА VII. Первые сношенія съ Сибирью. Непрочность ея зависимости отъ Москвы. Первые извѣстія о Строгановыхъ. Григорій Строгановъ получаетъ земли по Камѣ и строитъ городки. Строгановы получаютъ право заводить селенія и за Уральскими горами. Усиленіе козачества на Дону. Враждебныя столкновенія его съ государствомъ. Козацкій атаманъ Ермакъ у Строгановыхъ и отправляется ими за Уральскія горы. Гнѣвъ царскій на Строгановыхъ за это. Усиѣшныя дѣйствія Ермака въ Сибири. Онъ извѣщаетъ объ нихъ Іоанна. Отправленіе царскихъ воеводъ для принятія Сибирскихъ городовъ у козаковъ. Преждевременная дряхлость Іоанна; причины ея. Браки царскіе. Убиство сына. Болѣзнь и смерть Іоанна. Объясненіе его характера и дѣятельности.....

416

Примѣчанія..... I
 Дополненіе..... XVII

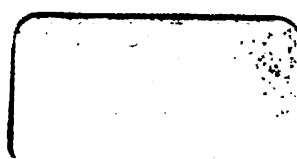
R 1579
 10

27/11/1961

Цена въ С.-Петербургѣ и Москвѣ 2 руб. сер.

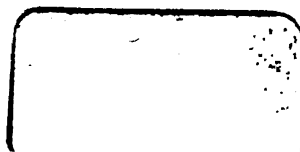

3 2044 019 235 159

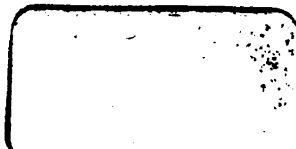
3 2044 019 235 159

Цѣна въ С.-Петербургѣ и Москвѣ 2 руб. сер.

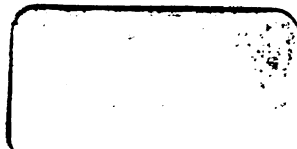

3 2044 019 235 159

3 2044 019 235 159

3 2044 019 235 159

